

РЕДАКЦІЯ „РУССКОЙ МЫСЛИ“

предпринимаетъ новое изданіе, которое будетъ выходить подъ названіемъ

„БИБЛОТЕКА РУССКОЙ МЫСЛИ“.

Въ составъ этого изданія войдутъ беллетристическія произведенія, какъ оригинальныя, такъ и переводныя, и популярныя сочиненія по всёму отраслямъ науки. Въ теченіе года выйдутъ отъ 15 до 20 книжекъ. Первая книжка

ЧЕРЕЗЪ СТЕШИ ПОВѢСТЬ ГЕНРИКА СЕНКЕВИЧА.

Переводъ В. М. Лаврова.

Вышла и продается въ книжномъ магазинѣ В. М. Лаврова.

Уголь Б. Никитской и Леонтьевского пер., д. 2—24.

Цена 40 коп.

Въ слѣдующія книжки войдутъ произведенія М. Н. Альбова, К. С. Баранцевскаго, В. А. Гольцева, М. Конопницкаго, М. С. Корелина, В. Косякевича, Вас. Ив. Немировича-Данченка, Э. Ожешковой, М. Н. Ремезова, К. М. Станюковскаго, А. П. Чехова и другихъ.

РУССКАЯ МЫСЛЬ.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

„ВЪ ВОЛОСТНЫХЪ ЦЕСАРЯХЪ“

Н. М. Астырева.

Второе, дополненное изданіе редакціи журнала „РУССКОЙ МЫСЛИ“, съ портретомъ автора.

Цѣна 1 р. 50 коп.

Пересылка по разстоянію. Подписчики «РУССКОЙ МЫСЛИ» пользуются 10% уступки.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ журнала «РУССКАЯ МЫСЛЬ» В. М. Лаврова.

(Москва, Большая Никитская, домъ № 2—24).

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

В. М. Лаврова

(уголъ Б. Никитской и Леонт. пер., д. № 2—24)

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА ВЪ РАЗСРОЧКУ

НА СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

Чарльза Дарвина и Добролюбова

Изданіе О. Н. Поповой.

Также на ВСЕОБЩУЮ ИСТОРИЮ ЛИТЕРАТУРЫ I. Шерра.

Изданіе Байкова и К°.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

ОТЕРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ

Н А

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ

„СЪВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ“.

1-го ноября вышла XI-я книжка.

I. ПРОЗРѢЛА. Повѣсть. II. *Боборыкина*.—II. ПРАЗДНИКЪ НАУКИ. М. *Венкова*.—III. ЗА ГРАНИЦЕЙ. Воспоминанія и рассказы. А. *Верещанина*.—IV. ПЕРЕПИСКА МОПАССАНА СЪ БАШКИРЦЕВОЙ. Переводъ съ неизданныхъ автографовъ. — V. ВЪ ДЕНЬ ИТОГОВЪ. Очеркъ С. *Семнова*.—VI. ЗАПИСКИ А. О. СМИРНОВОЙ. Николай I и „Мертвыя души“.—Богъизн и смерть Крылова.—Самаринъ о Бѣлинскомъ, Станкевичѣ, Герцевѣ и славянофилахъ.—VII. ИДИ ЗА МНОЙ. Стихотв. З. *Гиттисъ*. — VIII. ОБЪ ИЗМѢРЕНИИ УМСТВЕННЫХЪ СПОСОБНОСТЕЙ. Проф. В. *Чижка*.—IX. ИСПОВѢДЬ. *Амни Безантъ*. — X. СОНЪ ХУДОЖНИКА ПАЦИЛЬОНА. Разск. *Кота-Мурашки*.—XI. НОЯБРЬ. Стихотв. Д. *Мерсжковскаго*.—XII. ИСТОРИЯ, А НЕ ЛЕГЕНДА. Влад. *Каренина*.—XIII. ТЯЖЕЛЫЕ СНЫ. Ром. Ф. *Соломуба*.—XIV. САНЬ-САТИРО. Изъ легенды *Анатолія Франса*. Перев. Д. *Мерсжковскаго*.—XV. СТИХОТВОРЕНИЕ. К. *Фобанова*. — XVI. СОВРЕМЕННАЯ „МОЛОДАЯ ГЕРМАНИЯ“. А. *Браунера*. XVII. „*QUO VADIS*“. Романъ *Генрика Сенкевича*.—XVIII. ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ. Аполлонъ Григорьевъ. Теорія и законы органической критики. А. *Волинскаго*.—XIX. НА ЗАПАДЪ. ***.—XX. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. Ф. *Витберга*. — I. ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ. РАБОЧИЕ НА СИБИРСКОЙ ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГѢ. Н. *Арефьева*. — II. ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ. Полтавская побѣда и побѣда Харькова надъ Платавой.—Кавказскіе историческіе „юбилей“.—„Русскій вопросъ“ въ Крыму.—Вышше женскіе курсы въ Казани.—Воскресныя школы въ Поволжьи.—Упрощенное земское управление. — Вопросъ о прислугѣ. — Благодѣтели-землевлдѣльцы. Л. *Прозорова*.—III. ПИСЬМО ИЗЪ АМЕРИКИ. Положеніе женщинъ въ Соединенныхъ Штатахъ.—VI. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Назначеніе новаго министра внутреннихъ дѣлъ.—Вопросъ о судебной власти земскихъ начальниковъ. — Почта и телеграфъ. — Новыя желѣзныя дороги.—Вопросъ объ умноженіи народныхъ школъ.—Народныя библиотеки. — Удешевленіе пересылки книгъ. — V. КРИТИКА. *Русскіе символисты*. Лѣто 1895 г.—*Валерій Брюсовъ*. — *Chefs d'oeuvre*. — *Графъ Алексисъ Жасминовъ*. Голубые звуки и бѣлыя поэмы. А. *Волинскаго*. — О работахъ, вредныхъ для здоровья, и о томъ, какъ уберечь себя отъ нихъ.—IV. БИБЛИОГРАФІЯ: I. Литература.—II. Психологія и естествознаніе.—III. Книги для юношества, для дѣтей и народа.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Годъ: 1/2 года: 1/4 года:	Годъ: 1/2 года: 1/4 года:
Безъ дост. въ Спб. 12 р.—к. 6 р.—к. 3 р.—к.	Съ перес. . . 13 р. 50к. 7 р.—к. 3 р. 50к.
Съ доставкою . 12 „ 50 „ 6 „ 50 „ 3 „ 50 „	За границей. 15 „ — „ 8 „ — „ 4 „ — „

Въ главной конторѣ допускается РАЗСРОЧКА безъ повышенія годовой платы.

Для учащихся и учащихся льготныя условія.

Новые годовые подписчики „Съвернаго Вѣстника“ на 1896 годъ получаютъ вмѣстѣ съ № 1 журнала на 1896 г. первый томъ ром. Генрика Сенкевича „*Quo vadis?*“ (все напечатанное въ журналѣ въ №№ 5—12 за 1895 годъ) въ видѣ бесплатнаго приложенія.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ главной конторѣ: Спб., Троицкая, 9 въ московскомъ отдѣленіи: при книжномъ магазинѣ К. Тихомирова, Кузнецкій мос. р.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ

НА

№ 1 ГОДЪ ИЗДАНИЯ. „Миръ Божій“, № 1 ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ЮНОШЕСТВА И САМООБРАЗОВАНИЯ.

Выходитъ ежемѣсячно книгами отъ 22—25 печ. листовъ.

Въ 1896 году журналъ будетъ издаваться по той же программѣ и при томъ же составѣ редакціи и сотрудниковъ, причѣмъ для напечатанія предполагается, между прочимъ, слѣдующее: По беллетристикѣ: „По новому пути“ — романъ Д. Н. Мамина-Сибиряка; „Матросикъ“ — рассказъ К. Станюковича; „Мишуритъ“ — рассказъ И. Потапенка; „Въ водоворотѣ“ — изъ исторіи великой французской революціи, Ю. Безродной; „У чугуной доски“ — рассказъ Н. Гарина, „Изъ сибирской жизни“ — рассказъ В. Строржевскаго; „Богомолье“ — изъ народной жизни, И. Савихина; „Подъ игомъ“ — романъ И. Вазова, переводъ съ болгарскаго; романъ Юнаса Ли, переводъ съ норвежскаго; романъ съ англійскаго, переводъ А. Анненской; „За Атлантическимъ океаномъ“ — путевныя впечатлѣнія изъ побѣдки по Америкѣ, Кнжвинцаго, переводъ съ польскаго. Научныя сочиненія и статьи: „Шекспиръ и Бѣлинскій“ — проф. Н. Стороженко; „А. Ө. Писемскій“ — Ив. Иванова; „Люди и факты новой европейской культуры“ — Ив. Иванова; „Герой современной легенды“ — Ив. Иванова; „В. Г. Короленко (основныя идеи его произведеній)“ — критическій этюдъ М. Плотникова; „Рѣскины и его ученіе“ — Д. Корончевскаго; „Очерки по исторіи русской культуры“ — часть II-я, Н. Милюкова; „Свободна ли человѣческая личность“ — прив.-доц. Г. Челпанова; „Цѣнность жизни“ — прив.-доц. Г. Челпанова; „Экономическіе этюды“ — прив.-доц. М. Туганъ-Барановскаго; „Мои воспоминанія“ (1851—1862 гг.) — И. Красноперова; „Изъ записокъ изслѣдователя“ — Ф. Щербини; „Гарантія правосудія“ — очерки Гр. Джаншѣва; „Сила тяжести и давленіе, какъ условіе существованія животныхъ“ — проф. А. Никольскаго; „Вольфгангъ Гёте“ — Даудена, переводъ съ англійскаго А. Анненской; „Развитіе профессій“ — очерки Спенсера, переводъ Т. Криль; „Исторія цивилизаціи“ — Дюкюдре, часть II-я, средніе и новыя вѣка, съ рисунками въ текстѣ, переводъ подъ редакціей и съ примѣчаніями Д. Корончевскаго; „Основныя идеи зоологіи въ ихъ историческомъ развитіи отъ древнихъ временъ до Дарвина“ — Эдмонда Паризъ, съ многочисленными рисунками и портретами въ текстѣ, переводъ проф. А. Никольскаго и К. Пятницкаго; „Наши тайные друзья и враги“ — популярныя лекціи по бактеріологіи, Фарадея Франкленда, и проч.

Постоянныя отдѣлы: Разныя разности: 1) На родинѣ, 2) За границей, 3) Критическія замѣтки, 4) Библиографія, 5) Новости иностр. литературы.

ПОДПИСКА И ЦѢНА:

Съ доставкой и пересылкой 7 р., безъ доставки 6 р., за границу—10 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ С.-Петербургѣ: въ главной конторѣ редакціи — Лигова, 25, кв. 5, и во всѣхъ навѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. РАЗСРОЧКА НА СЛѢДУЮЩИХЪ УСЛОВІЯХЪ: при подпискѣ 4 руб., остальные 3 руб. къ первому юля и черезъ казначеевъ.

Издательница А. Давыдова.

Редакторъ В. Острогорскій.

Сибирскій торговый домъ

Большая зол. медаль.

1892 г.

МЪХОВЫХЪ ТОВАРОВЪ

А. М. МИХАЙЛОВА.

Москва, Кузнецкій мостъ, собств. домъ.

Обширный выборъ

ВСЕВОЗМОЖНЫХЪ

сибирскихъ и американскихъ мѣховыхъ товаровъ во всѣхъ издѣлiяхъ. Депо морскихъ бобровъ и воротниковъ. Специальное отдѣленiе готовыхъ вещей. Вещи, купленные въ моемъ торговомъ домѣ, если почему бы то ни было не соотвѣтствуютъ желанiямъ купившаго и выписывающаго, принимаю обратно: при личной покупке въ трехдневный, а отъ выписывающаго—въ мѣсячный срокъ, и по желанiю покупателя исполняю другiя или возвращаю деньги обратно.

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО.

Михайловъ.

ПО СОГЛАШЕНIЮ РЕДАКЦIИ

„Энциклопедическаго словаря“ Брокгауза и Ефрона

И РЕДАКЦIИ ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“,

въ книжномъ магазинѣ журнала «Русская Мысль» В. М. Лаврова принимается подписка на означенный словарь въ разсрочку, причемъ вносится 10 руб. задатка и затѣмъ уплачивается по 3 рубля въ мѣсяцъ. По полученiи задатка выдаются вышедшiе полутомы.

Словарь издается подъ редакцiей К. К. Арсеньева и проф. Э. О. Петрушевскаго, при участiи редакторовъ отдѣловъ: проф. А. Н. Бекетова, С. А. Венгерова, проф. А. И. Воейкова, проф. Н. И. Карѣева, проф. Д. И. Менделѣева, проф. В. Т. Собичевскаго, В. С. Соловьева и проф. П. Э. Соловьева.

По соглашенію редакціи
НАСТОЛЬНАГО ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ
и редакціи журнала **„РУССКАЯ МЫСЛЬ“**,

въ книжномъ магазинѣ журнала «РУССКАЯ МЫСЛЬ» В. М. Лаврова
принимается подписка на

„Настольный Энциклопедическій Словарь“

изд. Т-ва Гранатъ и К°.

Настольный Энциклопедическій Словарь сост. всего 8 томовъ, 105—116 выпусковъ
(10,500 столбцовъ убористой печати).

Въ настоящее время вышло 7 томовъ (до слова Славянскъ). Все изданіе будетъ за-
кончено въ теченіе 1895 г. Съ 1-го марта 1895 г. цѣна всему изданію повышена:
экземпляръ на обыкновенной бумагѣ стоитъ безъ перепл. 87 руб., въ вянущихъ ко-
ленкоровыхъ перепл. 40 руб. Цѣна экземпляру на лучшей бумагѣ остается безъ из-
мѣненія: 44 руб. 80 коп. безъ перепл. и 48 руб. въ переплеть. За пересылку при-
плачивается 10 коп. на каждый рубль стоимости.

Допускается разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ:

служащіе въ казенныхъ, общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ вносятъ одновре-
менно ПЯТЬ рублей и, представивъ удостовѣреніе о нахожденіи на службѣ, немед-
ленно получаютъ шесть томовъ, а остальную сумму уплачиваютъ ежемѣсячными взно-
сами по ДВА рубля.

Въ виду того, что „Снимковъ съ картинъ классическихъ художниковъ“ (4 серіи
по 9 снимковъ) остается лишь сравнительно небольшое количество, таковые будутъ
выдаваться только лицамъ, подписавшимся на изданіе до 1 февраля 1895 г.

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ

новое изданіе редакціи журнала **Русская Мысль:**

„ХЛѢБЪ“

Романъ Д. Н. Мамина-Сибиряка.

Цѣна 2 рубля;

подписчики Русской Мысли пользуются уступкой 10%.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ журнала **Русская Мысль**
В. М. Лаврова (Москва, уголъ Большой Никитской ул. и Леонть-
евского пер., д. № 2—24).

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

✓
КНИГА XI

МОСКВА.

—
1895.

~~Slav 30.11~~

P Slav 605.10

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
6 FEB 1925

Москва, типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.	
I. УБИЙСТВО. (Разсказъ).—А. П. Чехова	1
II. ЭПИПСИХИДИОНЪ. Поэма Перса Вяши Шелли. Переводъ съ съ англійскаго Н. Д. Бальмонта	28
III. ЮБИЛЕЙ. (Не совсѣмъ обыкновенная исторія). <i>Продолже- ніе.</i> —М. Н. Альбова	56
IV. МАРЧЕЛЛА. Романъ мистрисъ Уордъ. Переводъ съ англій- скаго А. С. М. <i>Продолженіе.</i>	91
V. ПОДЪ ЗЕМЛЕЙ. (Очеркъ).—А. Серафимовича	131
VI. ВАМО ГРЯДЕШИ? (QUO VADIS). Романъ изъ времянь Нерона. Генрика Сенкевича. Переводъ съ польскаго В. М. Л. <i>Про- долженіе</i>	156
VII. МЕЛОЧИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Переводъ съ фран- цузскаго М. Н. Р.	200
VIII. КУСТАРНО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ БАНКЪ ПЕРМСКАГО ГУБЕРН- СКАГО ЗЕМСТВА.—Ив. Х. Озерова	1
IX. ИЗЪ ИТГОВЪ ЗЕМСКАГО ШКОЛЬНАГО ДѢЛА. <i>Окончаніе.</i> — Вл. Кр.	20
X. ВОЙНА У РАЗНЫХЪ НАРОДОВЪ. (<i>Ch. Letourneau: «La guerre dans les diverses races humaines»</i>).—И. Н. К.	41
XI. Т. Г. ГѢЕСЛИ.—М. А. Мензбира	57
XII. ИЗЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ НАБЛЮДЕНІЙ.—О. Т. В.	76
XIII. ФРАНЦІЯ ПЕРЕДЪ РЕВОЛЮЦІЕЙ. (<i>М. Ковалевскій: «Проис- хожденіе современной демократіи». Т. I. Москва, 1895 г.</i>).— П. Г. Виноградова	83
XIV. ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАЯ ОЛИГАРХІЯ ПОСЛѢ ПЕТРА ВЕЛИ- КАГО.—Н. А. Филиппова	94

XV. ТУРЕЦКІЯ ЗВѢРСТВА ВЪ АРМЕНИИ. (<i>Fr. D. Greene: «Thep Armenian crisis and the rule of the Turk». 1895</i>).—Z.	109
XVI. ОЧЕРКИ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ. —И. М. Иванонова	123
XVII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: 20 и 21 октября.—Развитіе биржевой спекуляціи; ея размѣры и причины.—Попытки борьбы съ нею со стороны министерства финансовъ.—Проектъ биржевой реформы.—Могутъ ли вліять на ослабленіе спекуляціи измѣненіе состава биржевого общества, усиленіе власти биржевого комитета, упраздненіе присяжныхъ маклеровъ и новыя правила о выпускѣ акціи.—Правила для взысканія продовольственныхъ долговъ.—† Е. А. Покровский	146
XVIII. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. —В. А. Г.	164
XIX. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО: Малый театръ: <i>Дворянское шъздо</i> , драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ (по Тургеневу) Петра Вейнберга.— <i>Два лагеря</i> , комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ Н. И. Тимковскаго.— <i>Родина</i> , драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ Германа Зудермана.— <i>Старый закалъ</i> , драма въ 5-ти дѣйствіяхъ князя А. И. Сумбатова. Ан.—Квартетныя собранія.—Первое симфоническое собраніе. А. Б.	173
XX. БАРТИНКИ СОВРЕМЕННЫХЪ ПРАВОВЪ. —К. М. Станюковича.	189
XXI. ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ. —Умѣреннаго консерватора.	209
XXII. БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.—Философія, психологія и педагогика.—Исторія, мемуары и біографія.—Путешествія.—Политическая экономія.—Юридическія книги.—Естествознаніе.—Сельское хозяйство.—Техническія книги.—Медицина.—Учебники и книги для дѣтей.—Изданія для народа.—Справочныя книги. II. Периодическія изданія: «Русское Обозрѣніе», <i>октябрь</i> . — «Русскій Вѣстникъ», <i>октябрь</i> . — «Вѣстникъ Европы», <i>октябрь</i> . — «Русское Богатство», <i>сентябрь</i> . — «Міръ Божій», <i>сентябрь и октябрь</i> . III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 октября по 1 ноябрь 1895 г.	545
XXIII. ОБЪЯВЛЕНІЯ	605

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ
МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,
ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,
ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ
и проч., и проч., и проч.

Объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрноподаннымъ, что въ 3-й день сего ноября Любезнѣйшая Супруга Наша Государыня Императрица Александра Теодоровна благополучно разрѣшилась отъ бремени рожденіемъ Намъ Дочери, нареченной Ольгой. Таковое Императорскаго Дома Нашего приращеніе пріемля новымъ ознаменованіемъ благодати Божіей, на Насъ и Имперію Нашу изливаемой, возвѣщаемъ о семъ радостномъ событіи вѣрнымъ Нашимъ поданнымъ и вмѣстѣ съ ними возносимъ ко Всевышнему горячія молитвы о благополучномъ возрастаніи и преуспѣяніи Новорожденной. Повелѣваемъ писать и именовать во всѣхъ дѣлахъ, гдѣ приличествуется, Любезнѣйшую Нашу Дочь Великую Княжну Ольгу Николаевну Ея Императорскимъ Высочествомъ.

Данъ въ Царскомъ Селѣ, въ 3-й день ноября, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ девяносто пятое, царствованія же Нашего во второе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

НИКОЛАЙ.

Счастлиное событіе въ Императорской Семѣ немедленно отозвалось въ русскомъ обществѣ рядомъ добрыхъ дѣлъ. Московская городская дума постановила открыть пять начальныхъ женскихъ училищъ и ходатайствовать о присвоеніи имъ наименованія училищъ, учрежденныхъ въ ознаменованіе событія рожденія Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Ольги Николаевны. Петербургская городская дума постановила открыть въ ознаменованіе рожденія Великой Княжны первый домъ трудолюбія. Добрая вѣсть обходитъ всю Русскую землю, вызывая стремленіе увѣковѣчить день 3 ноября 1895 года.

УБІЙСТВО.

(Разсказъ).

I.

На станціи *Прогонной* служили всенощную. Передъ большимъ образомъ, написаннымъ ярко, на золотомъ фонѣ, стояла толпа станціонныхъ служащихъ, ихъ женъ и дѣтей, а также дровосѣковъ и пильщиковъ, работавшихъ вблизи по линіи. Всѣ стояли въ безмолвіи, очарованные блескомъ огней и воемъ метели, которая ни съ того, ни съ сего разыгралась на дворѣ, несмотря на канунъ Благовѣщенія. Служилъ старикъ священникъ изъ Веденяпина; пѣли псаломщикъ и Матвѣй Тереховъ.

Лицо Матвѣя сіяло радостью, онъ пѣлъ и при этомъ вытягивалъ шею, какъ будто хотѣлъ взлетѣть. Пѣлъ онъ теноромъ и канонъ читалъ тоже теноромъ, сладостно, убѣдительно. Когда пѣли «Архангельскій гласъ», онъ помахивалъ рукой, какъ регентъ, и, стараясь подладиться подъ глухой стариновскій басъ дьячка, выводилъ своимъ теноромъ что-то необыкновенно сложное, и по лицу его было видно, что испытывалъ онъ большое удовольствіе.

Но вотъ всенощная окончилась, всѣ тихо разошлись, и стало опять темно и пусто, и наступила та самая тишина, какая бываетъ только на станціяхъ, одиноко стоящихъ въ полѣ или въ лѣсу, когда вѣтеръ подвываетъ и ничего не слышно больше, и когда чувствуется вся эта пустота кругомъ, вся тоска медленно текущей жизни.

Матвѣй жилъ недалеко отъ станціи, въ трактирѣ своего двоюроднаго брата. Но ему не хотѣлось домой. Онъ сидѣлъ у буфетчика прилавкомъ и разсказывалъ въ полголоса:

— У насъ на изразцовомъ заводѣ былъ свой хоръ. И долженъ вамъ замѣтить, хотя мы и простые мастера были, но пѣли мы

по-настоящему, великолѣпно. Насъ часто приглашали въ городъ и, когда тамъ викарный владыка Іоаннъ изволилъ служить въ Троицкой церкви, то архіерейскіе пѣвчіе пѣли на правомъ клиросѣ, а мы на лѣвомъ. Только въ городѣ жаловались, что мы долго поемъ: заводскіе, говорили, тянутъ. Оно правда, мы Андреево стояніе и Похвалу начинали въ седьмомъ, а кончали послѣ одиннадцати, такъ что, бывало, придешь домой на заводъ, а уже первый часъ. Хорошо было!—вдохнулъ Матвѣй.—Очень даже хорошо, Сергѣй Никанорычъ! А здѣсь, въ родительскомъ домѣ, никакой радости. Самая ближняя церковь въ пяти верстахъ, при моемъ слабомъ здоровьи и не дойдешь туда, пѣвчихъ нѣтъ. А въ семействѣ нашемъ никакого спокойствія, день-деньской шумъ, брань, нечистота, всѣ изъ одной чашки ѣдимъ, какъ мужики, а щи съ тараканами... Не даетъ Богъ здоровья, а то бы я давно ушелъ, Сергѣй Никанорычъ.

Матвѣй Тереховъ былъ еще не старъ, лѣтъ 45, но выраженіе у него было болѣзненное, лицо въ морщинахъ и жидкая, прозрачная бородка совсѣмъ уже посѣдѣла, и это старило его на много лѣтъ. Говорилъ онъ слабымъ голосомъ, осторожно и, кашляя, брался за грудь и въ это время взглядъ его становился безпокойнымъ и тревожнымъ, какъ у очень мнительныхъ людей. Онъ никогда не говорилъ опредѣленно, что у него болитъ, но любилъ длинно разсказывать, какъ однажды на заводѣ онъ поднялъ тяжелый ящикъ и надорвался и какъ отъ этого образовалась грызь, заставившая его бросить службу на изразцовомъ заводѣ и вернуться на родину. А что значить грызь, объяснить онъ не могъ.

— Признаться, не люблю я брата, — продолжалъ онъ, наливая себѣ чаю.—Онъ мнѣ старшій, грѣхъ осуждать, и боюсь Господа Бога, но не могу утерпѣть. Человѣкъ онъ надменный, суровый, ругательный, для своихъ родственниковъ и работниковъ мучитель, и на духу не бываетъ. Въ прошлое воскресенье я прошу его ласково: «Братецъ, поѣдьте въ Пахомово къ обѣднѣ!» А онъ: «Не поѣду, — тамъ, говоритъ, попъ картежникъ!» И сюда не пошелъ сего дня, потому, говоритъ, веденяпинскій священникъ гуритъ и водку пьетъ. Не любить духовенства! Самъ себѣ и обѣдницу служить, и часы, и вечерню, а сестрица ему вмѣсто дьячка. Онъ: Господу помолимся! А она тонкимъ голосочкомъ, какъ индюшка: Господи помилуй!... Грѣхъ, да и только. Каждый день ему говорю: «Образумьтесь, братецъ! Покайтесь, братецъ!» — а онъ безъ вниманія.

Сергѣй Никанорычъ, буфетчикъ, налилъ пять стакановъ чаю и попесъ ихъ на подносѣ въ дамскую. Едва онъ вошелъ туда, какъ послышался крикъ:

— Какъ ты подаешь, поросячья морда? Ты не умѣешь подавать! Это былъ голосъ начальника станціи. Послышалось робкое бормотанье, потомъ опять крикъ, сердитый и рѣзкій:

— Пошелъ вонъ!

Буфетчикъ вернулся сильно сконфуженный.

— Было время, когда угождалъ и графамъ, и князьямъ,—говорилъ онъ тихо,—а теперь, видите, не умѣю чай подать... Обругалъ при священникѣ и дамахъ!

Сергѣй Никанорычъ когда-то имѣлъ большія деньги и держалъ буфетъ на первоклассной станціи, въ губернскомъ городѣ, гдѣ перекрещивались двѣ дороги. Тогда онъ носилъ фракъ и золотые часы. Но дѣла у него шли плохо, онъ потратилъ всѣ свои деньги на роскошную сервировку, обкрадывала его прислуга и, запутавшись мало-по-малу, онъ перешелъ на другую станцію, менѣе бойкую; здѣсь отъ него ушла жена и увезла съ собой все серебро, и онъ перешелъ на третью станцію, похуже, гдѣ уже не полагалось горячихъ кушаній. Потомъ на четвертую. Часто мѣняя мѣста и спускаясь все ниже и ниже, онъ, наконецъ, попалъ на *Прогонную* и здѣсь торговалъ только чаемъ, дешевою водкой и на закуску ставилъ крутыя яйца и твердую колбасу, отъ которой пахло смолой и которую самъ же онъ въ насмѣшку называлъ музыкантской. У него была лысина во все темя, голубые глаза на выкатѣ и густые, пушистые бакены, которые онъ часто расчесывалъ гребенкой, глядясь въ маленькое зеркальце. Воспоминанія о прошломъ томили его постоянно, онъ никакъ не могъ привыкнуть къ музыкантской колбасѣ, къ грубости начальника станціи и къ мужикамъ, которые торговались, а по его мнѣнію торговаться въ буфетѣ было такъ же неприлично, какъ въ аптекѣ. Ему было стыдно своей бѣдности и своего униженія и этотъ стыдъ былъ теперь главнымъ содержаніемъ его жизни.

— А весна въ этомъ году поздняя,—сказалъ Матвѣй, прислушиваясь.— Оно и лучше, я не люблю весны. Весной грязно очень, Сергѣй Никанорычъ. Въ книжкахъ пишутъ: весна, птицы поютъ, солнце заходитъ, а что тутъ пріятнаго? Птица и есть птица и большаго ничего. Я люблю хорошее общество, чтобъ людей послушать, религій поговорить или хоромъ слѣть что-нибудь пріятное, а тамъ соловьи да цвѣточки—Богъ съ ними!

Онъ опять началъ объ изразцовомъ заводѣ, о хорѣ, но оскорбленный Сергѣй Никанорычъ никакъ не могъ успокоиться и все полагалъ плечами и бормоталъ что-то. Матвѣй простился и пошелъ ой.

Мороза не было и уже таяло на крышахъ, но шелъ крупный снѣгъ; онъ быстро кружился въ воздухѣ и бѣлыя облака его гонялись другъ за другомъ по полотну дороги. А дубовый лѣсъ, по обѣ стороны линіи, едва освѣщенный луной, которая пряталась гдѣ-то высоко за облаками, издавалъ суровый, протяжный шумъ. Когда сильная буря качаетъ деревья, то какъ они страшны! Матвѣй шелъ по шоссе вдоль линіи, пряча лицо и руки, и вѣтеръ толкалъ его въ спину. Вдругъ показалась небольшая лошаденка, облѣпленная снѣгомъ, сани скребли по голымъ камнямъ шоссе, и мужикъ съ окутанною головой, тоже весь бѣлый, хлесталъ кнутомъ. Матвѣй оглянулся, но уже не было ни саней, ни мужика, какъ будто все это ему только примерещилось, и онъ ускорилъ шаги, вдругъ испугавшись, самъ не зная чего.

Вотъ переѣздъ и темный домикъ, гдѣ живетъ сторожъ. Шлагбаумъ поднять и около намело цѣлыя горы и, какъ вѣдьмы на шабашѣ, кружатся облака снѣга. Тутъ линію пересѣкаетъ старая, когда-то большая дорога, которую до сихъ поръ еще зовутъ трактомъ. Направо, не далеко отъ переѣзда, у самой дороги, стоитъ трактиръ Терехова, бывшій постоялый дворъ. Тутъ по ночамъ всегда брезжилъ огонекъ.

Когда Матвѣй пришелъ домой, во всѣхъ комнатахъ и даже въ сѣняхъ сильно пахло ладномъ. Братъ его Яковъ Иванычъ еще продолжалъ служить всенощную. Въ молельной, гдѣ это происходило, въ переднемъ углу стоялъ кіотъ со старинными дѣдовскими образами въ позолоченныхъ ризахъ, и обѣ стѣны направо и налево были уставлены образами, стараго и новаго письма, въ кіотахъ и просто такъ. На столѣ, покрытомъ до земли скатертью, стоялъ образъ Благовѣщенія и тутъ же кипарисовый крестъ и кадильница; горѣли восковыя свѣчи. Возлѣ стола былъ аналой. Проходя мимо молельной, Матвѣй остановился и заглянулъ въ дверь. Яковъ Иванычъ въ это время читалъ у аналая; съ нимъ молилась сестра его Аглая, высокая, худощавая старуха въ синемъ платьѣ и бѣломъ платочкѣ. Была тутъ и дочь Якова Иваныча, Дашутка, дѣвушка лѣтъ 18, некрасивая, вся въ веснушкахъ, по обыкновенію, босая и въ томъ же платьѣ, въ бакомъ подъ вечеръ поила скотину.

— Слава тебѣ, показавшему намъ свѣтъ! — провозгласилъ Яковъ Иванычъ на-распѣвъ и низко поклонился.

Аглая подперла рукой подбородокъ и заплѣла тонкимъ, визгливымъ, тягучимъ голосомъ. А вверху надъ потолкомъ тоже раздавались какіе-то неясные голоса, которые будто угрожали или предвѣщали дурное. Во второмъ этажѣ послѣ пожара, бывшаго

Когда-то очень давно, никто не жилъ, огнѣ были забиты тесомъ и на полу между балогъ валялись пустыя бутылки. Теперь тамъ сту- чаль и гудѣлъ вѣтеръ и казалось, что кто-то бѣгалъ, спотыкаясь о балки.

Половина нижняго этажа была занята подъ трактиръ, въ другой помѣщалась семья Терехова, такъ что когда въ трактирѣ шумѣли пьяные проѣзжіе, то было слышно въ комнатахъ все до одного слова. Матвѣй жилъ рядомъ съ кухней, въ комнатѣ съ большою печью, гдѣ прежде, когда тутъ былъ постоянный дворъ, каждый день пекли хлѣбъ. Въ этой же комнатѣ за печкой помѣщалась и Дашутка, у которой не было своей комнаты. Всегда тутъ по ночамъ кричалъ сверчокъ и суетились мыши.

Матвѣй зажегъ свѣчу и сталъ читать книгу, взятую имъ у станціоннаго жандарма. Пока онъ сидѣлъ надъ ней, моленіе кончилось и всѣ легли спать. Дашутка тоже легла. Она захрапѣла тотчасъ же, но скоро проснулась и сказала, зѣвая:

— Ты, дядя Матвѣй, зря бы свѣчку не жегъ.

— Это моя свѣчка, — отвѣтилъ Матвѣй. — Я ее за свои деньги купилъ.

Дашутка поворочалась немного и опять заснула. Матвѣй сидѣлъ еще долго, — ему не хотѣлось спать, — и, кончивъ послѣднюю страницу, досталъ изъ сундука карандашъ и написалъ на книгѣ: «Сію книгу читалъ я, Матвѣй Тереховъ, и нахожу ее изъ всѣхъ читанныхъ мною книгъ самою лудшею, въ чемъ и приношу мою признательность унтеръ-офицеру жандармскаго управленія желѣзныхъ дорогъ Кузьмѣ Николаевичу Жукову, какъ владѣльцу оной безцѣнной книги». Дѣлать подобныя надписи на чужихъ книгахъ онъ считалъ долгомъ вѣжливости.

II.

Въ самый день Благовѣщенія, послѣ того, какъ проводили почтовый поѣздъ, Матвѣй сидѣлъ въ буфетѣ, пилъ чай съ лимономъ и говорилъ.

Слушали его буфетчикъ и жандармъ Жуковъ.

— Я, надо вамъ замѣтить, — рассказывалъ Матвѣй, — еще въ лѣтствѣ былъ приверженъ къ религіи. Мнѣ только двѣнадцать чковъ было, а я уже въ церкви апостола читалъ, и родители весьма утѣшались, и каждое лѣто мы съ покойной маменькой шли на богомолье. Бывало, другіе ребята пѣсни поютъ или ра- довать, а я въ это время съ маменькой. Старшіе меня одоб-

ряли, да и мнѣ самому было это пріятно, что я такого хорошаго поведенія. И какъ маменька благословила меня на заводъ, то я между дѣломъ пѣлъ тамъ теноромъ въ нашемъ хорѣ, и не было лучшаго удовольствія. Само собой, водки я не пилъ, табаку не курилъ, соблюдалъ чистоту тѣлесную, а такое направленіе жизни, извѣстно, не нравится врагу рода человѣческаго, и захотѣлъ онъ, обаянный, погубить меня и сталъ омрачать мой разумъ, все равно, какъ теперь у братца. Самое первое, далъ я обѣтъ не кушать по понедѣльникамъ скоромнаго и не кушать мяса во всѣ дни, и вообще съ теченіемъ времени нашла на меня фантазія. Въ первую недѣлю великаго поста до субботы святые отцы положили сухояденіе, но трудящимъ и слабымъ не грѣхъ даже чайку попить, у меня же до самаго воскресенья ни крошки во рту не было, и потомъ во весь постъ я не разрѣшалъ себѣ масла ни отнюдь, а въ среды и пятницы такъ и вовсе ничего не кушалъ. То же и въ малые посты. Бывало, въ Петровки наши заводскіе хлебають щи изъ судака, а я въ стороночкѣ отъ нихъ сухарики сосу. У людей сила разная, конечно, но я объ себѣ скажу: въ постные дни мнѣ не трудно было и такъ даже, что чѣмъ больше усердія, тѣмъ легче. Хочется кушать только въ первые дни поста, а потомъ привыкаешь, становится все легче и, гляди, въ концѣ недѣли совсѣмъ ничего и въ ногахъ этакое онѣмѣніе, будто ты не на землѣ, а на облакѣ. И, кромѣ того, налагалъ я на себя всякія послушанія: вставалъ по ночамъ и поклоны билъ, камни тяжелые таскалъ съ мѣста на мѣсто, на снѣгъ выходилъ босикомъ, ну, и вериги тоже. Только вотъ по прошествіи времени исповѣдаюсь я однажды у священника и вдругъ такое мечтаніе: вѣдь, священникъ этотъ, думаю, женатый, скоромникъ и табачникъ; какъ же онъ можетъ меня исповѣдать и какую онъ имѣетъ власть отпускать мнѣ грѣхи, ежели онъ грѣшнѣе, чѣмъ я? Я даже постнаго масла остерегаюсь, а онъ небось осетрину ѣлъ. Пошелъ я къ другому священнику, а этотъ, какъ на грѣхъ, толстомясый, въ шелковой рясѣ, шуршитъ будто дама, и отъ него тоже табакомъ пахнетъ. Пошелъ я говѣть въ монастырь, и тамъ мое сердце не спокойно, все кажется, будто монахи не по уставу живутъ. И послѣ этого никакъ я не могу найти службу по себѣ: въ одномъ мѣстѣ служить очень скоро, въ другомъ, гляди, задостыникъ не тотъ пропѣли, въ третьемъ дьячокъ гутнивый... Бывало, Господи прости меня грѣшнаго, стою это въ церкви, а отъ гнѣва сердце трясется. Какая ужъ тутъ молитва? И представляется мнѣ, будто народъ въ церкви не такъ крестится, не такъ слушаетъ; на бога ни погляжу, всѣ пьяницы, скоромники, табачники, блудники,

картежники, одинъ только я живу по заповѣдямъ. Лукавый бѣсъ не дремалъ, дальше-больше, пересталъ я пѣть въ хорѣ и ужь во все не хожу въ церковь; такъ ужь я объ себѣ понимаю, будто я человекъ праведный, а церковь по своему несовершенству для меня не подходитъ, то-есть, подобно падшему ангелу, возмечталъ я въ гордынѣ своей до невѣроятія. Послѣ этого сталъ я хлопотать, какъ бы свою церковь устроить. Нанялъ я у глухой мѣщанки комнатушечку далеко за городомъ, около кладбища, и устроилъ моленную, вотъ какъ у братца, но только у меня еще ставники были и настоящее кадило. Въ этой своей моленной я держался устава святой Аѳонской горы, то-есть каждый день обязательно утренняя у меня начиналась въ полночь, а подъ особо чтимые двенадцатые праздники всенощная у меня служилась часовъ десять, а когда и двѣнадцать. Монахи, все-таки, по уставу, во время каѳизмъ и паремій сидятъ, а я желалъ быть угоднѣе монаховъ и все, бывало, на ногахъ. Читалъ я и пѣлъ протяжно, со слезами и со вздыханіемъ, воздѣвая руки, и прямо съ молитвы, не спавши, на работу, да и работаю все съ молитвой. Ну, пошло по городу: Матвѣй святой, Матвѣй больныхъ и безумныхъ исцѣляетъ. Никого я, конечно, не исцѣлялъ, но извѣстно, какъ только заведется какой расколъ и лжеученіе, то отъ женскаго пола отбоя нѣтъ. Все равно, какъ мухи на медъ. Повадились ко мнѣ разныя бабки и старыя дѣвки, въ ноги мнѣ кланяются, руки цѣлуютъ и кричатъ, что я святой и прочее, а одна даже на моей головѣ сіяніе видѣла. Стало тѣсно въ моленной, взялъ я комнату побольше, и пошло у насъ настоящее столпотвореніе, бѣсъ забралъ меня окончательно и заслонилъ свѣтъ отъ очей моихъ своими погаными копытами. Мы всѣ вродѣ какъ бы взбѣсались. Я читалъ, а бабки и старыя дѣвки пѣли, и этакъ, долго не ѣвши и не пивши, простоявши на ногахъ сутки или дольше, вдругъ начинается съ ними трясеніе, будто ихъ лихородка бьетъ, потомъ этого то одна крикнетъ, то другая—и этакъ страшно! Я тоже трясусь весь, какъ жидъ на сковородѣ, самъ не знаю, по какой такой причинѣ, и начинаютъ наши ноги прыгать. Чудно, право: не хочешь, а прыгаешь и руками болтаешь; и потомъ этого крикъ, визгъ, всѣ пляшемъ и другъ за дружкой бѣгаемъ, бѣгаемъ упаду. И, такимъ образомъ, въ дикомъ безпамятствѣ впалъ я блудъ.

Жандармъ засмѣялся, но, замѣтивъ, что никто больше не смѣетъ, сталъ серьезень и сказалъ:

— Это мологанство. Я читалъ, на Кавказѣ всѣ такъ.

— Но не убило меня громомъ,—продолжалъ Матвѣй, пере-

крестясь на образъ и пошевеливъ губами.—Должно, молилась за меня на томъ свѣтѣ покойница маменька. Когда уже меня всѣ въ городѣ святымъ почитали и даже дамы и хорошіе господа стали пріѣзжать ко мнѣ потихоньку за утѣшеніемъ, какъ-то пошелъ я къ нашему хозяину Осипу Варламычу прощаться,—тогда прощенный день былъ,—а онъ такъ заперъ на крючочекъ дверь и остались мы вдвоемъ, съ глазу-на-глазъ. И сталъ онъ меня отчитывать. А долженъ я вамъ замѣтить, Осипъ Варламычъ безъ образованія, но дальняго ума человѣкъ, и всѣ его почитали и боялись, потому былъ строгой, богоугодной жизни и труженикъ. Городскимъ головой былъ и старостой лѣтъ, можетъ, двадцать, и много добра сдѣлалъ; Ново-Московскую улицу всю покрылъ гравиліемъ, выграсилъ соборъ и колонны расписалъ подъ малафтить. Ну, заперъ дверь и—«давно, говорить, я до тебя добираюсь, такой-сякой... Ты, говорить, думаешь, что ты святой? Нѣтъ, ты не святой, а богоотступникъ, еретикъ и злодѣй!...» И пошелъ, и пошелъ... Не могу я вамъ выразить, какъ это онъ говорилъ, складненько да умненько, словно по писанному, и такъ трогательно. Говорилъ часа два. Пронялъ онъ меня своими словами, открылись мои глаза. Слушалъ я, слушалъ и—какъ зарыдаю! «Будь, говорить, обыкновеннымъ человѣкомъ, ѣшь, пей, одѣвайся и молись, какъ всѣ, а что сверхъ обыкновенія, то отъ бѣса. Вериги, говорить, твои отъ бѣса, посты твои отъ бѣса, моленная твоя отъ бѣса; все, говорить, это гордость». На другой день, въ чистый понедѣльникъ, привелъ меня Богъ заболѣть. Я надорвался, отвезли меня въ больницу; мучился я до чрезвычайности и горько плакалъ и трепеталъ. Думалъ, что изъ больницы мнѣ прямая дорога—въ адъ, и чуть не померъ. Промучился я на одрѣ болѣзни съ полгода, а какъ выписался, то первымъ дѣломъ отговѣлся по-настоящему и сталъ опять человѣкомъ. Отпустилъ меня Осипъ Варламычъ домой и наставлялъ: «Помни же, Матвѣй, что сверхъ обыкновенія, то отъ бѣса». И я теперь ѣмъ и пью, какъ всѣ, и молюсь, какъ всѣ... Если теперь, случается, отъ батюшки пахнетъ табакомъ или винцомъ, то я не дерзаю осуждать, потому, вѣдь, и батюшка обыкновенный человѣкъ, но какъ только говорятъ, что вотъ въ городѣ или въ деревнѣ завелся, молъ, святой, по недѣлямъ не ѣстъ и свои уставы заводитъ, то ужъ понимаю, чьи тутъ дѣла. Такъ вотъ, судари мои, какая была исторія въ моей жизни. Теперь и я, какъ Осипъ Варламычъ, все наставляю братца и сестрицу и укоряю ихъ, но выходитъ гласъ во плющаго въ пустынь. Не далъ мнѣ Богъ дара.

Разсказъ Матвѣя, повидимому, не произвелъ никакого впечат-

тлѣнія. Сергѣй Никанорычъ ничего не сказалъ и сталъ убирать съ прилавка закуску, а жандармъ заговорилъ о томъ, какъ богатъ братъ Матвѣя, Яковъ Иванычъ.

— У него тысячь тридцать, по крайней мѣрѣ, — сказалъ онъ.

Жандармъ Жуковъ, рыжий, полнолицый (когда онъ ходилъ, у него дрожали щеки), здоровый, сытый, обыкновенно, когда не было старшихъ, сидѣлъ развалился и положивъ ногу на ногу; разговаривая, онъ покачивался и небрежно посвистывалъ, и въ это время на лицѣ его было самодовольное, сытое выраженіе, какъ будто онъ только что пообѣдалъ. Деньги у него водились и онъ всегда говорилъ о нихъ съ видомъ большого знатока. Онъ занимался коммиссіонерствомъ и когда нужно было кому-нибудь продать имѣніе, лошадь или подержанный экипажъ, то обращались къ нему.

— Да, тридцать тысячь будетъ, пожалуй, — согласился Сергѣй Никанорычъ. — У вашего дѣдушки было огромное состояніе, — сказалъ онъ, обращаясь къ Матвѣю. — Огромное! Все потомъ осталось вашему отцу и вашему дядѣ. Вашъ отецъ померъ въ молодыхъ лѣтахъ и послѣ него все забралъ дядя, а потомъ, значить, Яковъ Иванычъ. Пока вы съ маменькой на богомолье ходили и на заводѣ теноромъ пѣли, тутъ безъ васъ не зѣвали.

— На вашу долю приходится тысячь пятнадцать, — сказалъ жандармъ, покачиваясь. — Трактиръ у васъ общій, значить, и капиталъ общій. Да. На вашемъ мѣстѣ я давно бы подалъ въ судъ. Я бы въ судъ подалъ само собой, а пока дѣло, одинъ на одинъ всю бы рожу ему до крови...

Якова Иваныча не любили, потому что когда кто-нибудь вѣруеть не такъ, какъ всѣ, то это неприятно волнуетъ даже людей равнодушныхъ къ вѣрѣ. Жандармъ же не любилъ его еще и за то, что онъ тоже продавалъ лошадей и подержанные экипажи.

— Вамъ не охота судиться съ братомъ, потому что у васъ своихъ денегъ много, — сказалъ буфетчикъ Матвѣю, глядя на него съ завистью. — Хорошо тому, у кого есть средства, а вотъ я, должно быть, такъ и умру въ этомъ положеніи...

Матвѣй сталъ увѣрять, что у него вовсе нѣтъ денегъ, но Сергѣй Никанорычъ уже не слушалъ; воспоминанія о прошломъ, объ орбленіяхъ, которыя онъ терпѣлъ каждый день, нахлынули на о; лысая голова его вспотѣла, онъ покраснѣлъ и замигалъ глазами.

— Жизнь проклятая! — сказалъ онъ съ досадой и ударилъ колѣнъ о полъ.

III.

Разсказывали, что постоялый дворъ былъ построенъ еще при Александрѣ I, какою - то вдовой, которая поселилась здѣсь со своимъ сыномъ; называлась она Авдотей Тереховой. У тѣхъ, кто, бывало, проѣзжалъ мимо на почтовыхъ, особенно въ лунныя ночи, темный дворъ съ навѣсомъ и постоянно запертыя ворота своимъ видомъ вызывали чувство скуки и безотчетной тревоги, какъ будто въ этомъ дворѣ жили колдуны или разбойники; и всякій разъ, уже проѣхавъ мимо, ямщикъ оглядывался и подгонялъ лошадей. Останавливались здѣсь не охотно, такъ какъ хозяева всегда были неласковы и брали съ проѣзжихъ очень дорого. Во дворѣ было грязно даже лѣтомъ; здѣсь въ грязи лежали громадныя жирныя свиньи и бродили безъ привязи лошади, которыми барышничали Тереховы, и случалось часто, что лошади, соскучившись, выбѣгали со двора и, задрвавъ хвосты, бѣшено носились по дорогѣ, пугая странницъ. Въ то время здѣсь было большое движеніе; проходили длинныя обозы съ товарами, и бывали тутъ разные случаи, вродѣ того, напри- мѣръ, какъ лѣтъ 30 назадъ обозчики, разсердившись, затѣяли драку и убили проѣзжаго кунца, и въ полуверстѣ отъ двора до сихъ поръ еще стоитъ погнувшійся крестъ; проѣзжали почтовые тройки со звонками и тяжелые барскіе дормезы, съ ревомъ и въ облакахъ пыли проходили гурты рогатаго скота.

Когда провели желѣзную дорогу, то въ первое время на этомъ мѣстѣ былъ только полустанокъ, который назывался просто разѣздомъ, потомъ же лѣтъ черезъ десять построили теперешнюю *Прогонную*. Движеніе по старой почтовой дорогѣ почти прекратилось и по ней уже ѣздили только мѣстные помѣщики и мужики, да весной и осенью проходили толпами рабочіе. Постоялый дворъ превратился въ трактиръ; верхній этажъ обгорѣлъ, крыша стала желтой отъ ржавчины, навѣсъ мало-по-малу обвалился, но на дворѣ въ грязи все еще валялись громадныя, жирныя свиньи, розовыя, отвратительныя. Попрежнему, иногда со двора выбѣгали лошади и бѣшено носились по дорогѣ. Въ трактирѣ торговали чаемъ, сѣномъ, овсомъ, мукой, а также водкой и пивомъ, распивочно и на выносъ; спиртные напитки продавали съ опаской, такъ какъ патента никогда не брали.

Тереховы вообще всегда отличались религіозностью, такъ что имъ даже дали прозвище—Богомоловы. Но, быть можетъ, оттого, что они жили особнякомъ, какъ медвѣди, избѣгали людей и до всего тоходили своимъ умомъ, они были склонны къ мечтаніямъ и къ ко-

лебаніямъ въ вѣрѣ, и почти каждое поколѣніе вѣровало какъ-нибудь особенно. Бабка Авдотья, которая построила постоянный дворъ, была старой вѣры, ея же сынъ и оба внука (отцы Матвѣя и Якова) ходили въ православную церковь, принимали у себя духовенство и новымъ образомъ молились съ такимъ же благоговѣніемъ, какъ старымъ; сынъ въ старости не ѣлъ мяса и наложилъ на себя подвигъ молчанія, считая грѣхомъ всякій разговоръ, а у внуковъ была та особенность, что они понимали писаніе не просто, а все искали въ немъ скрытаго смысла, увѣряя, что въ каждомъ святомъ словѣ должна содержаться какая-нибудь тайна. Правнукъ Авдотьи, Матвѣй, съ самаго дѣтства боролся съ мечтаніями и едва не погибъ, другой правнукъ, Яковъ Ивановичъ, былъ православнымъ, но послѣ смерти жены вдругъ пересталъ ходить въ церковь и молился дома. На него глядя, совратилась и сестра Аглая: сама не ходила въ церковь и Дашутку не пускала. Про Аглаю еще рассказывали, будто въ молодыхъ лѣтахъ она хаживала въ Веденяпино къ хлыстамъ и что втайнѣ она еще продолжаетъ быть хлыстовкой, а потому-де ходить въ бѣломъ платочкѣ.

Яковъ Ивановичъ былъ старше Матвѣя на десять лѣтъ. Это былъ очень красивый старикъ, высокаго роста, съ широкою, сѣдою бородой, почти до пояса, и съ густыми бровями, придававшими лицу суровое, даже злое выраженіе. Носилъ онъ длинную поддевку изъ хорошаго сукна или черный романовскій полушубокъ и вообще старался одѣваться чисто и прилично; калоши носилъ даже въ сухую погоду. Въ церковь онъ не ходилъ потому, что, по его мнѣнію, въ церкви не точно исполняли уставъ, и потому, что священники пили вино въ непоказанное время и курили табакъ. Дома у себя онъ каждый день читалъ и пѣлъ вмѣстѣ съ Аглаей. Въ Веденяпинѣ въ заутрени вовсе не читали канона и вечерни не служили даже въ большіе праздники, онъ же у себя дома прочитывалъ все, что полагалось на каждый день, не пропуская ни одной строки и не торопясь, а въ свободное время читалъ вслухъ житія. И въ обыденной жизни онъ строго держался устава; такъ, если въ великомъ посту въ какой-нибудь день разрѣшалось, по уставу, вино ади труда бдѣннаго, то онъ непременно пилъ вино, даже если хотѣлось.

Онъ читалъ, пѣлъ, кадилъ и постился не для того, чтобы почитать отъ Бога какія-либо блага, а для порядка. Человѣкъ не мотъ жить безъ вѣры и вѣра должна выражаться правильно, изъ (а въ годъ, изо дня въ день въ извѣстномъ порядкѣ, чтобы каждый утро и каждый вечеръ человѣкъ обращался къ Богу именно съ

тѣми словами и мыслями, какія приличны данному дню и часу. Нужно жить, а значить и молиться такъ, какъ угодно Богу, и поэтому каждый день слѣдуетъ читать и пѣть только то, что угодно Богу, то-есть что полагается по уставу; такъ, первую главу отъ Іоанна нужно читать только въ день Пасхи, а отъ Пасхи до Вознесенія нельзя пѣть «Достойно есть» и проч. Сознаніе этого порядка и его важности доставляло Якову Иванычу во время молитвы большое удовольствіе. Когда ему по необходимости приходилось нарушать этотъ порядокъ, напримѣръ, уѣзжать въ городъ за товаромъ или въ банкъ, то его мучила совѣсть и онъ чувствовалъ себя несчастнымъ.

Братъ Матвѣй, пріѣхавшій неожиданно изъ завода и поселившійся въ трактирѣ, какъ дома, съ первыхъ же дней сталъ нарушать порядокъ. Онъ не хотѣлъ молиться вмѣстѣ, ѣлъ и пилъ чай не въ-время, поздно вставалъ, въ среды и пятницы пилъ молоко, будто бы по слабости здоровья; почти каждый день во время молитвы онъ входилъ въ моленную и кричалъ: «Образумьтесь, братецъ! Покайтесь, братецъ!» Отъ этихъ словъ Якова Иваныча бросало въ жаръ, а Аглая, не выдержавъ, начинала браниться. Или ночью, подкравшись, Матвѣй входилъ въ моленную и говорилъ тихо: «Братецъ, ваша молитва не угодна Богу. Потому что сказано: прежде смиришь съ братомъ твоимъ, и тогда пришедъ принеси даръ Лой. Бы же деньги въ ростъ даешь, водочкой торгуете. Покайтесь!» Или же онъ училъ, что надо жить обыкновенно, какъ всѣ.

Все это казалось Якову пустягами. Въ словахъ Матвѣя онъ видѣлъ лишь обычную отговорку пустыхъ и нерадивыхъ людей, которые говорятъ о любви къ ближнему, о примиреніи съ братомъ и проч. для того только, чтобы не молиться, не постить и не читать святыхъ книгъ, и которые презрительно отзываются о наживѣ и процентахъ только потому, что не любятъ работать. Вѣдь, быть бѣднымъ, ничего не копить и ничего не беречь гораздо легче, чѣмъ быть богатымъ. Если послушаться и начать брать съ проѣзжихъ дешево и вести дѣло въ убытокъ, то ужъ это будетъ не торговля, а беспорядокъ и глупость. А ученія Матвѣя о томъ, что надо жить обыкновенно, какъ всѣ, онъ не понималъ вовсе.

А все же онъ былъ взволнованъ, раздраженъ и уже не могъ молиться, какъ прежде. Едва онъ входилъ въ моленную и раскрывалъ служебную книгу, какъ уже начиналъ бояться, что вотъ-вотъ войдетъ братъ и помѣшаетъ ему; и въ самомъ дѣлѣ, Матвѣй появлялся скоро и кричалъ дрожащимъ голосомъ: «Образумьтесь, братецъ! Покайтесь, братецъ!» Сестра бранилась, и Яковъ тоже вы-

ходилъ изъ себя, несправедливъ брата и кричалъ: «Попелъ вонъ изъ моего дома!» А тотъ ему: «Этотъ домъ нашъ общій».

Начиналъ Яковъ снова читать и пѣть, но уже не могъ успокоиться и, самъ того не замѣчая, вдругъ задумывался надъ книгой; хотя слова брата считалъ онъ пустяками, но почему-то и ему въ послѣднее время тоже стало приходить на память, что богатому трудно войти въ царство небесное, что въ третьемъ году онъ купилъ очень выгодно краденую лошадь, что еще при покойницѣ жень однажды какой-то пьяница умеръ у него въ трактирѣ отъ водки.

По ночамъ онъ теперь спалъ не хорошо, чутко, и ему слышно было, какъ Матвѣй тоже не спалъ и все вздыхалъ, скучая по своему изразцовомъ заводу. И Якову ночью, пока онъ ворочался съ боку на бокъ, вспоминались и краденая лошадь, и пьяница, и евангельскія слова о верблюдѣ.

Похоже было на то, какъ будто у него опять начинались мечтанія. А какъ нарочно, каждый день, несмотря на то, что уже былъ конецъ марта, шелъ снѣгъ и лѣсъ шумѣлъ по-зимнему и не вѣрилось, что весна настанетъ когда-нибудь. Погода располагала и къ скукѣ, и къ ссорамъ, и къ ненависти, а ночью, когда вѣтеръ гудѣлъ надъ потолкомъ, казалось, что кто-то жилъ тамъ наверху, въ пустомъ этажѣ, мечтанія мало-по-малу наваливали на умъ, голова горѣла и не хотѣлось спать.

IV.

Утромъ въ страстной понедѣльникъ Матвѣй слышалъ изъ своей комнаты, какъ Дашутка сказала Аглаѣ:

— Дядя Матвѣй говорилъ надъсь, поститься, говорилъ, не надо.

Матвѣй припомнилъ весь разговоръ, какой у него былъ набабунѣ съ Дашуткой, и ему вдругъ стало обидно.

— Дѣвушка, не грѣши! — сказалъ онъ стонущимъ голосомъ, какъ больной. — Безъ постовъ нельзя, самъ Господь нашъ постился сорокъ дней. А только я тебѣ объяснялъ, что худому человѣку и постъ не въ пользу.

— А ты только послушай заводскихъ, они научатъ добру, — оговорила насмѣшливо Аглая, моя полъ (въ будни она обыкновенно мыла полы и при этомъ сердилась на всѣхъ). — На заводѣ, вѣстно, какой постъ. Ты вотъ спроси его, дядю-то своего, спроси о душеньку, какъ онъ съ ней, съ гадюкой, въ постные дни молотилъ трескалъ. Другихъ-то онъ учитъ, а самъ забылъ про гадюку. Спроси: кому онъ деньги оставилъ, кому?

Матвѣй тщательно, какъ неопрытную рану, скрывалъ ото всѣхъ, что въ тотъ самый періодъ своей жизни, когда во время моленій съ нимъ вмѣстѣ прыгали и бѣгали старухи и дѣвки, онъ вступилъ въ связь съ одною мѣщанкой и имѣлъ отъ нея ребенка. Уѣзжая домой, онъ отдалъ этой женщинѣ все, что скопилъ на заводѣ, а для себя на проѣздъ взялъ у хозяина, и теперь у него было всего нѣсколько рублей, которые онъ тратилъ на чай и свѣчи. «Душенька» потомъ извѣщала его, что ребенокъ умеръ, и спрашивала въ письмѣ, какъ поступить съ деньгами. Это письмо принесъ со станціи работникъ, Аглая перехватила и прочла, и потомъ каждый день попрекала Матвѣя «душенькой».

— Шутка, девятьсотъ рублей!—продолжала Аглая.—Отдалъ девятьсотъ рублей чужой гадюкѣ, заводской кобылѣ, чтобъ ты лопнулъ!—Она уже разошлась и кричала визгливо:—Молчишь? Я-бъ тебя разорвала, лядащій! Девятьсотъ рублей, какъ копѣечка! Ты бы подъ Дашутку подписалъ,—своя, не чужая,—а то послалъ бы въ Бѣлевъ Марьинымъ сиротамъ несчастнымъ. И не подавилась твоя гадюка, будь она трижды анаеема проклята, дьяволица, чтобъ ей свѣтлаго дня не дождаться!

Аглая презирала Матвѣя за его легкомысліе въ дѣлахъ вѣры и за развратную жизнь, своего же родного брата Якова любила и боялась. Когда она бранила и унижала Матвѣя, то у нея было такое чувство, какъ будто она этимъ самымъ защищала Якова и его вѣру. Она могла кричать долго, до хрипоты, до изнеможенія, и противорѣчить ей или перекричать ее было невозможно, и она продолжала кричать даже, когда всѣ уходили со двора и оставляли ее одну.

Яковъ Иванычъ овликнулъ ее; было уже время начинать часы. Она умылась, надѣла бѣлую косыночку и пошла въ моленную къ своему любимому брату уже тихая, скромная. Когда она говорила съ Матвѣемъ или въ трактирѣ подавала мужикамъ чай, то это была тощая, остроглазая, злая старуха, въ моленной же лицо у нея было чистое, умиленное, сама она какъ-то вся молодѣла, манерно присѣдала и даже складывала сердечкомъ губы.

Яковъ Иванычъ началъ читать часы тихо и заунывно, какъ онъ читалъ всегда въ великій постъ. Почитавъ немного, онъ остановился, чтобы прислушаться къ покою, какой былъ во всемъ домѣ, и потомъ продолжалъ опять читать, испытывая удовольствіе; онъ молитвенно складывалъ руки, закатывалъ глаза, погачивалъ головой, вздыхалъ и, казалось, даже тѣломъ ощущалъ порядокъ и важность того, что онъ дѣлалъ. Но вдругъ послышались голоса. Къ Матвѣю пришли въ гости жандармъ и Сергѣй Никанорычъ. Яковъ

Иванычъ стѣснялся читать вслухъ и пѣть, когда въ домѣ были посторонніе, и теперь, услышавъ голоса, сталъ читать шепотомъ и медленно. Въ моленной было слышно, какъ буфетчикъ говорилъ:

— Татаринъ въ Щеповѣ сдаетъ свое дѣло за полторы тысячи. Можно дать ему теперь пятьсотъ, а на остальные вексель. Такъ вотъ, Матвѣй Васильичъ, будьте столь благонадежны, одолжите мнѣ эти пятьсотъ рублей. Я вамъ два процента въ мѣсяць.

— Какія у меня деньги!—изумлялся Матвѣй.—Какія у меня деньги!

— Два процента въ мѣсяць, это для васъ какъ съ неба, — объяснялъ жандармъ.—А лежавши у васъ, ваши деньги только мольбѣ и больше никакого результата.

Потомъ гости ушли и наступило молчаніе. Но едва Яковъ Иванычъ началъ опять читать вслухъ и пѣть, какъ изъ-за двери слышался голосъ:

— Братецъ, позвольте мнѣ лошади въ Веденяпино съѣздить!

Это былъ Матвѣй. И у Якова на душѣ стало опять покойно.

— На чемъ же вы поѣдете? — спросилъ онъ, подумавъ.— На гнѣдомъ работникъ свинью повезъ, а на жеребчикѣ я самъ поѣду въ Шутейкино, вотъ какъ кончу.

— Братецъ, почему это вы можете распоряжаться лошадьми, а я нѣтъ?—спросилъ съ раздраженіемъ Матвѣй.

— Потому что я не гулять, а по дѣлу.

— Имущество у насъ общее, значить, и лошади общія, и вы это должны понимать, братецъ.

Наступило молчаніе. Яковъ не молился и ждалъ, когда отойдетъ отъ двери Матвѣй.

— Что же оно такое?—забормоталъ Матвѣй въ сильномъ смущеніи.—Что же оно такое? Братецъ,—сказалъ онъ умоляющимъ голосомъ,—я человекъ больной, не хочу я имѣнія, Богъ съ нимъ, владѣйте, но дайте хоть малую часть на пропитаніе въ моей болѣзни. Дайте, и я уйду.

Яковъ молчалъ. Ему очень хотѣлось, чтобы Матвѣй ушелъ, но дать денегъ онъ не могъ, такъ какъ всѣ деньги были при дѣлѣ, и всемъ роду Тереховыхъ не было еще примѣра, чтобы братья дѣлись; дѣлиться—разориться.

Яковъ молчалъ и все ждалъ, когда уйдетъ Матвѣй, и все смотрѣлъ на сестру, боясь, какъ бы она не вмѣшалась и не началась опять брань, какая была утромъ. Дождавшись, наконецъ, что твѣй ушелъ, онъ продолжалъ читать, но уже удовольствія не было, отъ земныхъ поклоновъ тяжела голова и темно въ гла-

захъ, и было скучно слышать свой тихій, заунывный голосъ. Что онъ читалъ, что Аглая пѣла и что лампадки горѣли — всего этого ему было уже мало и хотѣлось еще чего-то, но чего именно, понять онъ не могъ. Когда такой упадокъ духа бывалъ у него по ночамъ, то онъ объяснялъ его тѣмъ, что не было сна, днемъ же не зналъ, чѣмъ объяснить; это его пугало и начинало казаться ему, что на головѣ и на плечахъ у него сидятъ бѣсы.

Кончивъ кое-какъ часы, недовольный и сердитый, онъ поѣхалъ въ Шутейкино. Еще осенью землекопы рыли около *Прогонной* межевую канаву и прохарчили въ трактиръ 18 рублей, и теперь нужно было заставить въ Шутейкинѣ ихъ подрядчика и получить съ него эти деньги. Отъ тепла и метелей дорога испортилась, стала темною и ухабистою и мѣстами уже проваливалась; снѣгъ по бокамъ осѣлъ ниже дороги, такъ что приходилось ѣхать, какъ по узкой насыпи, и сворачивать при встрѣчахъ было очень трудно. Небо хмурилось еще съ утра и дулъ сырой вѣтеръ...

На встрѣчу ѣхалъ длинный обозъ: бабы везли кирпичъ. Яковъ долженъ былъ свернуть съ дороги; лошадь его вошла въ снѣгъ по брюхо, сани-одиночки накренились вправо и самъ онъ, чтобы не свалиться, согнулся влѣво и сидѣлъ такъ все время, пока мимо него медленно подвигался обозъ; онъ слышалъ сквозъ вѣтеръ, какъ скрипѣли сани и дышали тощія лошади и какъ бабы говорили про него: «Богомолвъ ѣдетъ», — а одна, поглядѣвъ съ жалостью на его лошадь, сказала быстро:

— Похоже, снѣгъ до Егорія пролежить. Замучились!

Яковъ сидѣлъ неудобно, согнувшись, и щурилъ глаза отъ вѣтра, а передъ нимъ все мелькали то лошади, то красный кирпичъ. И, быть можетъ, оттого, что ему было неудобно и болѣлъ бокъ, вдругъ ему стало досадно, и дѣло, по которому онъ теперь ѣхалъ, показалось ему неважнымъ и онъ сообразилъ, что можно было бы въ Шутейкино послать завтра работника. Опять почему-то, какъ въ прошлую бессонную ночь, онъ вспомнилъ слова про верблюда и затѣмъ полѣзли въ голову разныя воспоминанія то о мужикѣ, который продавалъ краденую лошадь, то о пьяницѣ, то о бабахъ, которыя приносили ему въ закладъ самовары. Конечно, каждый купецъ старается взять больше, этого требуютъ правила торговли, но Яковъ почувствовалъ утомленіе оттого, что онъ торговецъ, ему захотѣлось уйти куда-нибудь подальше отъ этого порядка и стало скучно отъ мысли, что сегодня ему еще надо читать вечерню. Вѣтеръ билъ ему прямо въ лицо и шуршалъ въ воротникъ и казалъ, что это онъ нашептывалъ ему всѣ эти мысли, принося ихъ

съ широкаго бѣлаго поля... Глядя на это поле, знакомое ему съ дѣтства, Яковъ вспоминалъ, что точно такая же тревога и тѣ же мысли были у него въ молодые годы, когда на него находили мечтанія и колебалась вѣра.

Ему было жутко оставаться одному въ полѣ; онъ повернулъ назадъ и тихо поѣхалъ за обозомъ, а бабы смѣялись и говорили:

— Богомолось вернулся.

Дома, по случаю поста, ничего не варили и не ставили самовара, и день поэтому казался очень длиннымъ. Яковъ Иванычъ давно уже убралъ лошадь, отпустилъ муки на станцію и раза два принимался читать псалтырь, а до вечера все еще было далеко. Аглая вымыла уже всѣ полы и, отъ нечего дѣлать, убирала у себя въ сундукѣ, крышка котораго изнутри была вся оклеена ярлыками съ бутылочкѣ. Матвѣй, голодный и грустный, сидѣлъ и читалъ, или же подходилъ къ голландской печкѣ и подолгу осматривалъ изразцы, которые напоминали ему заводъ. Дашутка спала, потомъ, проснувшись, пошла поить скотину. У нея, когда она доставала воду изъ колодца, оборвалась веревка и ведро упало въ воду. Работникъ сталъ искать багоръ, чтобы вытащить ведро, а Дашутка ходила за нимъ по грязному снѣгу, босая, съ красными, какъ у гусыни, ногами и повторяла: «Тамъ глыбля!» Она хотѣла сказать, что въ колодецъ глубже, чѣмъ можетъ достать багоръ, но работникъ не понималъ ея и, очевидно, она надоѣла ему, такъ какъ онъ вдругъ обернулся и выбранилъ ее нехорошими словами. Яковъ Иванычъ, вышедшій въ это время на дворъ, слышалъ, какъ Дашутка отвѣтила работнику скороговоркой длиною, отборною бранью, которой она могла научиться только въ трактирѣ у пьяныхъ мужиковъ.

— Что ты, срамница?—крикнулъ онъ ей и даже испугался.— Какія это ты слова?

А она глядѣла на отца съ недоумѣніемъ, тупо, не понимая, почему нельзя произносить такихъ словъ. Онъ хотѣлъ прочесть ей наставленіе, но она показалась ему дикою, темною и въ первый разъ за все время, пока она была у него, онъ вспомнилъ, что у нея нѣтъ никакой вѣры. И вся эта жизнь въ лѣсу, въ снѣгу, съ яными мужиками, съ бранью представилась ему такою же дикою темной, какъ эта дѣвушка, и, вмѣсто того, чтобы читать ей наставленіе, онъ только махнулъ рукой. Въ это время опять пришли Матвѣю жандармъ и Сергѣй Никанорычъ. Яковъ Иванычъ вспомнилъ, что у этихъ людей тоже нѣтъ никакой вѣры и что это ихъ сколько не беспокоитъ, и жизнь стала казаться ему странною, чуждою и безпросвѣтною, какъ у собаки; онъ безъ шапки про-

шелся по двору, потомъ вышелъ на дорогу и ходилъ, сжавъ кулаки,—въ это время пошелъ снѣгъ хлопьями,—борода у него развѣвалась по вѣтру, онъ все встряхивалъ головой, такъ какъ что-то давило ему голову и плечи, будто сидѣли на нихъ бѣсы, и ему казалось, что это ходить не онъ, а какой-то звѣрь, громадный, страшный звѣрь, и что если онъ закричитъ, то голосъ его пронесется ревомъ по всему полю и лѣсу и испугаетъ всѣхъ...

V.

Когда онъ вернулся въ домъ, жандарма уже не было, а буфетчикъ сидѣлъ въ комнатѣ Матвѣя и считалъ что-то на счетахъ. Онъ и раньше часто, почти каждый день, бывалъ въ трактирѣ; прежде ходилъ къ Якову Иванычу, а въ послѣднее время къ Матвѣю. Онъ все считалъ на счетахъ и при этомъ лицо его напиргалось и потѣло, или просилъ денегъ, или, разглаживая бакены, рассказывалъ о томъ, какъ когда-то на первоклассной станціи онъ приготовлялъ для офицеровъ крющонъ и на парадныхъ обѣдахъ самъ разливалъ стерляжьё уху. На этомъ свѣтѣ его ничто не интересовало, кромѣ буфетовъ, и умѣлъ онъ говорить только о кушаньяхъ, сервировкахъ, винахъ. Однажды, подавая чай молодой женщинѣ, которая кормила грудью ребенка, и желая сказать ей что-нибудь пріятное, онъ выразился такъ:

— Грудь матери, это—буфеть для младенца.

Считая на счетахъ въ комнатѣ Матвѣя, онъ просилъ денегъ, говорилъ, что на *Прогонной* ему уже нельзя жить, и нѣсколько разъ повторилъ такимъ тономъ, какъ будто собирался заплакать:

— Буда же я пойду? Буда я теперь пойду, скажите на милость?

Потомъ Матвѣй пришелъ въ кухню и сталъ чистить вареный картофель, который онъ припряталъ, вѣроятно, со вчерашняго дня. Было тихо и Якову Иванычу показалось, что буфетчикъ ушелъ. Давно уже была пора начинать вечерню; онъ позвалъ Аглаю и, думая, что въ домѣ нѣтъ никого, запѣлъ безъ стѣсненія, громко. Онъ пѣлъ и читалъ, но мысленно произносилъ другія слова: «Господи, прости! Господи, спаси!»—и одинъ за другимъ, не переставая, клалъ земные поклоны, точно желая утомить себя, и все встряхивалъ головой, такъ что Аглая смотрѣла на него съ удивленіемъ. Онъ боялся, что войдетъ Матвѣй, и былъ увѣренъ, что онъ войдетъ, и чувствовалъ противъ него злобу, которой не могъ одолѣть ни молитвой, ни частыми поклонами. Онъ во всемъ обвинялъ теперь только одного Матвѣя; но ему казалось, что братъ

смутить его не словами, а тѣмъ, что, мѣшая ему молиться, нарушалъ благоговѣніе и, такимъ образомъ, дѣлалъ его молитву негодною Богу.

Матвѣй тихо-тихо отворилъ дверь и вошелъ въ моленную.

— Грѣхъ, какой грѣхъ! — сказалъ онъ укоризненно и вздохнулъ. — Покайтесь! Опомнитесь, братецъ!

Яковъ Иванычъ, сжавъ кулаки, не глядя на него, чтобы не ударить, быстро вышелъ изъ моленной. Такъ же, какъ давеча на дорогѣ, чувствуя себя громаднымъ, страшнымъ звѣремъ, онъ прошелъ черезъ сѣни въ сѣрую, грязную, пропитанную туманомъ и дымомъ половину, гдѣ обыкновенно мужики пили чай, и тутъ долго ходилъ изъ угла въ уголъ, тяжело ступая, такъ что звенѣла посуда на полкахъ и шатались столы. Ему уже было ясно, что самъ онъ недоволенъ своею вѣрой и уже не можетъ молиться попрежнему. Надо было каяться, надо было опомниться, образумиться, жить и молиться какъ-то иначе; а, можетъ быть, все это только смущаетъ бѣсъ и ничего этого не нужно... Какъ быть? Что дѣлать? Кто можетъ научить? Какая беспомощность! Онъ остановился и, взявшись за голову, сталъ думать, но то, что близко находился Матвѣй, мѣшало ему покойно соображать. И онъ быстро пошелъ въ комнаты, чтобы выгнать брата изъ дому.

Матвѣй сидѣлъ въ кухнѣ передъ чашкой съ картофелемъ и ѣлъ. Тутъ же около печи сидѣли другъ противъ друга Аглая и Дашутка и мотали нитки. Между печью и столомъ, за которымъ сидѣлъ Матвѣй, была протянута гладильная доска; на ней стоялъ холодный утюгъ.

— Сестрица, — попросилъ Матвѣй, — позвольте мнѣ маслица!

— Кто же въ такой день масло ѣсть? — спросила Аглая.

— Я, сестрица, не монахъ, а мірянинъ. А по слабости здорovia мнѣ не то что масло, даже молоко можно.

— Да, у васъ на заводѣ все можно.

Аглая достала съ полки бутылку съ постнымъ масломъ и поставила ее передъ Матвѣемъ, сердито стукнувъ, съ злорадною улыбкой, очевидно, довольная, что онъ такой грѣшникъ.

— А я тебѣ говорю, ты не можешь ѣсть масла! — крикнулъ Матвѣй.

Аглая и Дашутка вздрогнули, а Матвѣй, точно не слышалъ, наль съ себѣ масла въ чашку и продолжалъ ѣсть.

— А я тебѣ говорю, ты не можешь ѣсть масла! — крикнулъ Матвѣй еще громче, покраснѣлъ весь и вдругъ схватилъ чашку, чьяль ее выше головы и изо всей силы ударилъ о-земь, такъ что

полетѣли черепки. — Не смѣй говорить! — крикнулъ онъ неистовымъ голосомъ, хотя Матвѣй не сказалъ ни слова. — Не смѣй! — повторилъ онъ и ударилъ кулакомъ по столу.

Матвѣй поблѣднѣлъ и всталъ.

— Братецъ! — сказалъ онъ, продолжая жевать. — Братецъ, опомнитесь!

— Вонъ изъ моего дома сію же минуту! — крикнулъ Яковъ; ему были противны и его морщинистое лицо, и голосъ, и крошки на усахъ, и то, что онъ жуетъ. — Вонъ, тебѣ говорятъ!

— Братецъ, уймитесь! Васъ обуяла гордость бѣсовская!

— Молчи! (Яковъ застучалъ ногами). Уходи, дьяволь!

— Вы, ежели желаете знать, — продолжалъ Матвѣй громко, тоже начиная сердиться, — вы богоотступникъ и еретикъ! Бѣсы окаянные заслонили отъ васъ истинный свѣтъ, ваша молитва не угодна Богу! Покайтесь, пока не поздно! Смерть грѣшника люта! Покайтесь, братецъ!

Яковъ взялъ его за плечи и потащилъ изъ-за стола, а онъ еще больше поблѣднѣлъ и, испугавшись, смутившись, забормоталъ: «Что-жь оно такое? Что-жь оно такое?» — и, упираясь, дѣлая усилія, чтобы высвободиться изъ рукъ Якова, нечаянно ухватился за его рубаху около шеи и порвалъ воротникъ, а Аглаѣ показалось, что это онъ хочетъ бить Якова, она вскрикнула, схватила бутылку съ постнымъ масломъ и изо всей силы ударила ею ненавистнаго брата прямо по темени. Матвѣй пошатнулся и лицо его въ одно мгновеніе стало спокойнымъ, равнодушнымъ; Яковъ, тяжело дыша, возбужденный и испытывая удовольствіе оттого, что бутылка, ударившись о голову, крякнула, какъ живая, не давалъ ему упасть и нѣсколько разъ (это онъ помнилъ очень хорошо) указалъ Аглаѣ пальцемъ на утюгъ, и только когда полилась по его рукамъ кровь и послышался громкій плачь Дашутки, и когда съ шумомъ упала гладильная доска и на нее грузно повалился Матвѣй, Яковъ пересталъ чувствовать злобу и понялъ, что произошло.

— Пусть издыхаетъ, заводскій жеребецъ! — съ отвращеніемъ проговорила Аглая, не выпуская изъ рукъ утюга; бѣлый, забрызганный кровью платочекъ сползъ у нея на плечи и сѣдые волосы распустились. — Туда ему и дорога!

Все было страшно. Дашутка сидѣла на полу около печки съ нитками въ рукахъ, всхлипывала и все кланялась, произнося съ каждымъ поклономъ: «гамъ! гамъ!» Но ничто не было такъ страшно для Якова, какъ вареный картофель въ крови, на который онъ боялся наступить, и было еще нѣчто страшное, что угнетало

его, какъ тяжкій сонъ, и казалось самымъ опаснымъ и чего онъ никакъ не могъ понять въ первую минуту. Это былъ Сергѣй Никанорычъ, который стоялъ на порогѣ со счетами въ рукахъ, очень блѣдный, и съ ужасомъ смотрѣлъ на то, что происходило въ кухнѣ. Только когда онъ повернулся и быстро пошелъ въ сѣни, а оттуда наружу, Яковъ понялъ, кто это, и пошелъ за нимъ.

Вытирая на ходу руки о снѣгъ, онъ соображалъ. Промельгнула мысль о томъ, что работникъ отпросился почевать къ себѣ въ деревню и ушелъ уже давно; вчера рѣзали свинью, и громадныя кровавыя пятна были на снѣгу, на саяхъ и даже одна сторона колодезнаго сруба была обрызгана кровью, такъ что если бы теперь вся семья Якова была въ крови, то это не могло бы показаться подозрительнымъ. Скрывать убійство было бы мучительно, но то, что явится со станціи жандармъ, который будетъ посвистывать и насмѣшливо улыбаться, придуть мужики и крѣпко свяжутъ руки Якову и Аглаѣ и съ торжествомъ поведутъ ихъ въ волость, а оттуда въ городъ, и дорогой всё будутъ указывать на нихъ и весело говорить: «Богомолowychъ ведутъ!» — это представлялось Якову мучительнѣе всего и хотѣлось протянуть какъ-нибудь время, чтобы пережить этотъ срамъ не теперь, а когда-нибудь послѣ.

— Я вамъ могу одолжить тысячу рублей... — сказалъ онъ. — Если вы кому скажете, то отъ этого никакой пользы... а человѣка все равно не воскресишь, — и, едва поспѣвая за буфетчикомъ, который не оглядывался и старался идти все скорѣе, онъ продолжалъ: — И полторы тысячи могу дать...

Онъ остановился, потому что запыхался, а Сергѣй Никанорычъ пошелъ дальше все такъ же быстро, вѣроятно, боясь, чтобы его также не убили. Только миновавъ переѣздъ и пройдя половину шоссе, которое вело отъ переѣзда до станціи, онъ мелькомъ оглянулся и пошелъ тише. На станціи и по линіи уже горѣли огни, красные и зеленые; вѣтеръ утихъ, но снѣгъ все еще сыпался хлопьями, и дорога опять поблѣла.

VI.

Въ десятомъ часу, когда было уже совсѣмъ темно, слышались шаги; кто-то быстро вошелъ во дворъ и, походивъ около допостучался въ окно: тукъ-тукъ-тукъ... Яковъ, сидѣвшій въ яхъ и ждавшій каждую минуту, что со станціи придутъ жандармъ и рабочіе, похолодѣлъ.

— Кто тамъ? — крикнулъ онъ громко, не своимъ голосомъ.

— Я... Не беспокойтесь, Яковъ Иванычъ.

Это былъ Сергѣй Никанорычъ.

— Вы давеча общались, — проговорилъ онъ тихо, не рѣшаясь войти въ сѣни, и слышно было, какъ у него дрожало дыханіе и стучали зубы, — вы общались одолжить... Такъ вотъ, я, того... Вы принесите, а я подожду тамъ... за дворомъ.

Проговорилъ это и ушелъ. Значить, объ убійствѣ еще не знали на станціи.

Деньги Якова Иваныча частью лежали въ городскомъ банкѣ, частью были розданы подъ вторыя закладныя, а дома у себя онъ держалъ немного, только то, что нужно было для оборота. Войдя въ кухню, онъ нащупалъ жестянку со спичками и, пока синимъ огнемъ горѣла сѣра, успѣлъ разглядѣть, что Матвѣй лежалъ по-прежнему на полу около стола, но уже былъ накрытъ бѣлою простыней, и были видны только его сапоги. Кричалъ сверчокъ. Аглая и Дашутки не было въ комнатахъ: обѣ онѣ сидѣли въ чайной за прилавкомъ и молча мотали нитки. Яковъ Иванычъ съ лампочкой прошелъ къ себѣ въ комнату и вытащилъ изъ-подъ кровати сундучокъ, въ которомъ держалъ расхожія деньги. Въ этотъ разъ набралось всего четыреста двадцать однѣми мелкими бумажками и серебра на тридцать пять рублей; отъ бумажекъ шелъ нехорошій, тяжелый духъ. Забравъ деньги въ шапку, Яковъ Иванычъ вышелъ на дворъ, потомъ за ворота... Онъ шелъ и глядѣлъ по сторонамъ, но буфетчика не было.

— Гопъ! — крикнулъ Яковъ.

У самага переѣзда отъ шлагбаума отдѣлилась темная фигура и нерѣшительно пошла къ нему.

— Что вы все ходите и ходите? — проговорилъ Яковъ съ досадою, узнавъ буфетчика. — Вотъ вамъ: тутъ немного не хватило до пятисотъ... Дома нѣтъ больше.

— Хорошо... Очень вамъ благодаренъ, — бормоталъ Сергѣй Никанорычъ, хватая деньги съ жадностью и запихивая ихъ въ карманы; онъ весь дрожалъ и это было замѣтно, несмотря на потемки. — А вы, Яковъ Иванычъ, будьте покойны... Къ чему мнѣ болтать? Мое дѣло такое, я былъ да ушелъ... Какъ говорится, знать ничего не знаю, вѣдать не вѣдаю... — и тутъ же добавилъ со вздохомъ: — Жизнь проклятая!

Минуту стояли молча, не глядя другъ на друга.

— Такъ это у васъ, изъ пустяковъ, Богъ его знаетъ какъ... — сказалъ буфетчикъ, дрожа. — Сижу я, считаю себѣ и вдругъ шумъ... Гляжу въ дверь, а вы изъ-за постнаго масла... Гдѣ онъ теперъ?

— Лежитъ тамъ въ кухнѣ.

— Вы бы его свезли куда... Что ждать? Вы, Яковъ Иванычъ, свезите его въ Лимаровскій лѣсъ... Оставьте тамъ на дорогѣ, а потомъ скажете, что онъ ушелъ въ Веденяпино... Подумають на прохожихъ... Право...

Яковъ проводилъ его до станціи молча, потомъ вернулся домой и запрегъ лошадь, чтобы везти Матвѣя въ Лимарово. Онъ зналъ, что этимъ никого не обманешь, но двигаться, дѣлать что-нибудь, хлопотать было не такъ мучительно, какъ сидѣть и ждать. Онъ бликнулъ Дашутку и вмѣстѣ съ ней повезъ Матвѣя. А Аглая осталась убирать въ кухнѣ.

Когда Яковъ и Дашутка возвращались назадъ, ихъ задержалъ у переѣзда опущенный шлагбаумъ. Шель длинный товарный поѣздъ, который тащили два локомотива, тяжело дыша и выбрасывая изъ поддувалъ снопы багроваго огня. На переѣздѣ въ виду станціи передній локомотивъ издалъ пронзительный свистъ.

— Свистить...—проговорила Дашутка.

Поѣздъ, наконецъ, прошелъ и сторожъ не спѣша поднялъ шлагбаумъ.

— Это ты, Яковъ Иванычъ?—спросилъ онъ.—Не узналъ, богатымъ быть.

А потомъ, когда пріѣхали домой, надо было спать. Аглая и Дашутка легли рядомъ, постлавши себѣ въ чайной на полу, а Яковъ расположился на прилавкѣ. Передъ тѣмъ, какъ ложиться, Богу не молились и лампадь не зажигали. Всѣ трое не спали до самаго утра, но не промолвили ни одного слова, и казалось имъ всю ночь, что наверху въ пустомъ этажѣ кто-то ходитъ.

Черезъ два дня пріѣхали изъ города становой приставъ и слѣдователь и сдѣлали обыскъ сначала въ комнатѣ Матвѣя, потомъ во всемъ трактирѣ. Допрашивали перваго Якова, и онъ показалъ, что Матвѣй въ понедѣльникъ подъ вечеръ ушелъ въ Веденяпино говѣть и что, должно быть, дорогой его убили пильщики, работающіе теперь по линіи. А когда слѣдователь спросилъ его, почему же такъ случилось, что Матвѣя нашли на дорогѣ, а шапка его оказалась дома, — развѣ онъ пошелъ въ Веденяпино безъ шапки? И почему около него на дорогѣ на снѣгу не нашли ни одной капли крови. то время, какъ голова у него была проломлена, и лицо, и грудь ни черны отъ крови, Яковъ смутился, растерялся и отвѣтилъ:

— Не могу знать.

И произошло именно то, чего такъ боялся Яковъ: приходилъ адармъ, урядникъ бурилъ въ моленную и Аглая набросилась на

него съ бранью и нагубила становому приставу, и когда потомъ Якова и Аглаю вели со двора, у воротъ стояли мужики и говорили: «Богомолова ведутъ!» — и Аглая кричала громкимъ, визгливымъ голосомъ почти всю дорогу, то бранясь, то причитывая, какъ по покойникѣ. И въ деревняхъ, черезъ которыя они проходили, народъ тоже говорилъ: «Богомолова ведутъ!» — и казалось, что всѣ были рады.

Жандармъ на допросѣ высказалъ предположеніе, что Яковъ убилъ Матвѣя, чтобы не дѣлиться съ нимъ, и удостовѣрилъ, что у Матвѣя были свои деньги, и если ихъ не оказалось при обыскѣ, то, очевидно, ими воспользовались Яковъ и Аглая. Дашутка показала, что дядя Матвѣй и тетка Аглая каждый день бранились и чуть не дрались изъ-за денегъ, а дядя былъ богатый, такъ какъ онъ даже какой-то своей душенькѣ подарилъ девятьсотъ рублей.

Дашутка осталась въ трактирѣ одна; никто ужъ не приходилъ пить чай и водку, и она то убирала въ комнатахъ, то пила медъ и ѣла баранки; но черезъ нѣсколько дней допрашивали сторожа на переѣздѣ, и онъ сказалъ, что въ понедѣльникъ поздно вечеромъ видѣлъ, какъ Яковъ ѣхалъ съ Дашуткой изъ Лимарова. Дашутку тоже арестовали, повели въ городъ и посадили въ острогъ. Вскоро-сти, со словъ Аглаи, стало извѣстно, что во время убійства присутствовалъ Сергѣй Никанорычъ; у него сдѣлали обыскъ и нашли деньги въ необычномъ мѣстѣ, въ валенкѣ подъ печкой, и деньги все были мелкія, однѣхъ рублевыхъ бумажекъ было триста. Онъ божился, что эти деньги онъ наторговалъ и что въ трактирѣ онъ не былъ уже болѣе года, а свидѣтели показали, что онъ былъ бѣденъ и въ послѣднее время сильно нуждался въ деньгахъ, и ходилъ въ трактиръ каждый день, чтобы взять у Матвѣя въ займы, и жандармъ рассказалъ, какъ въ день убійства самъ онъ два раза ходилъ съ буфетчикомъ въ трактиръ, чтобы помочь ему сдѣлать заемъ. Вспомнили кстати, что въ понедѣльникъ вечеромъ Сергѣй Никанорычъ не выходилъ къ товаро-пассажирскому поѣзду, а уходилъ куда-то. И его тоже арестовали и отправили въ городъ.

Черезъ восемь мѣсяцевъ былъ судъ. Яковъ Иванычъ сильно постарѣлъ, похудѣлъ и говорилъ уже тихо, какъ больной. Онъ чувствовалъ себя слабымъ, жалкимъ, ниже всѣхъ ростомъ, и было похоже на то, какъ будто отъ мученій совѣсти и мечтаній, которыя не покидали его и въ тюрьмѣ, душа его такъ же постарѣла и ото-щала, какъ тѣло. Когда зашла рѣчь о томъ, что онъ не ходилъ въ церковь, предсѣдатель спросилъ его:

— Вы раскольникъ?

— Не могу знать, — отвѣтилъ онъ.

Онъ не имѣлъ уже никакой вѣры, ничего не зналъ и не понималъ, а прежняя вѣра была ему теперь противна и казалась неразумной, темной. Аглая не смирилась нисколько и продолжала бранить покойнаго Матвѣя, обвиняя его во всѣхъ несчастіяхъ. У Сергѣя Никанорыча на мѣстѣ бакеновъ выросла борода; на судѣ онъ потѣлъ, краснѣлъ и видимо стыдился сѣраго халата и того, что его посадили на одну скамью съ простыми мужиками. Онъ неловко оправдывался и, желая доbazать, что въ трактирѣ онъ не былъ цѣлый годъ, вступалъ въ споръ съ каждымъ свидѣтелемъ, и публика смѣялась надъ нимъ. Дашутка, пока была въ тюрьмѣ, пополнила; на судѣ она не понимала вопросовъ, которые задавали ей, и сказала только, что когда дядю Матвѣя убивали, то она очень испугалась, а потомъ ничего.

Всѣ четверо были признаны виновными въ убійствѣ съ корыстною цѣлью. Яковъ Иванычъ былъ приговоренъ къ каторжнымъ работамъ на двадцать лѣтъ, Аглая — на тринадцать съ половиной, Сергѣй Никанорычъ — на десять, Дашутка — на шесть.

VI.

На Дуэскомъ рейдѣ на Сахалинѣ поздно вечеромъ остановился иностранный пароходъ и потребовалъ угля. Просили командира подождать до утра, но онъ не пожелалъ ждать и одного часа, говоря, что если за ночь погода испортится, то онъ рискуетъ уйти безъ угля. Въ Татарскомъ проливѣ погода можетъ рѣзко измѣниться въ какіе-нибудь полчаса, и тогда сахалинскіе берега становятся опасны. А уже свѣжѣло и разводило порядочную волну.

Изъ Воеводской тюрьмы, самой неприглядной и суровой изъ всѣхъ сахалинскихъ тюремъ, ногнали въ рудникъ партію арестантовъ. Предстояло нагружать углемъ баржи, затѣмъ тащить ихъ на буксирѣ парового катера къ борту парохода, который стоялъ болѣе чѣмъ въ полуверстѣ отъ берега, и тамъ должна была начаться перегрузка — мучительная работа, когда баржу бьетъ о пароходъ и люди едва держатся на ногахъ отъ морской болѣзни. Каторжные, только что поднятые съ постелей, сонные, шли по берегу, спотыкаясь въ потемкахъ и звеня кандалами. Налѣво былъ едва виднѣнъ соскій крутой берегъ, чрезвычайно мрачный, а направо была сплошная, безпросвѣтная тьма, въ которой стонало море, издавая тяжѣлый, однообразный звукъ: «а... а... а... а...», и только тогда надзиратель закуривалъ трубку и при этомъ мелькомъ освѣ-

щался конвойный съ ружьемъ и два-три ближайшихъ арестанта съ грубыми лицами, или когда онъ подходилъ съ фонаремъ близко къ водѣ, то можно было разглядѣть бѣлые гребни переднихъ волнъ.

Въ этой партіи находился Яковъ Иванычъ, прозванный на каторгѣ Вѣникомъ за свою длинную бороду. По имени и отчеству его давно уже никто не величалъ, а звали просто Яшкой. Былъ онъ здѣсь на плохомъ счету, такъ какъ мѣсяца черезъ три по прибытіи на каторгу, чувствуя сильную, непобѣдимую тоску по родинѣ, онъ поддался искушенію и бѣжалъ, а его скоро поймали, присудили къ безсрочной каторгѣ и дали ему сорокъ плетей; потомъ его еще два раза наказывали розгами за растрату казеннаго платья, хотя это платье въ оба раза было у него украдено. Онъ не переставалъ чувствовать тоску по родинѣ. Началась она у него съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ его везли въ Одессу и арестантскій поѣздъ остановился ночью на *Прогонной*, и Яковъ, припавъ къ окну, старался увидѣть родной дворъ и ничего не увидѣлъ впотьмахъ.

Не съ кѣмъ было поговорить о родной сторонѣ. Сестру Аглаю отправили на каторгу черезъ Сибирь, и не было извѣстно, гдѣ она теперь. Дашутка была на Сахалинѣ, но ее отдали какому-то поселенцу въ сожительницы, въ дальнее селеніе; слуховъ о ней не было никакихъ и разъ только одинъ поселенецъ, попавшій въ Воеводскую тюрьму, рассказывалъ Якову, будто Дашутка имѣла уже троихъ дѣтей. Сергѣй Ниганорычъ служилъ лакеемъ у чиновника тутъ же не далеко, въ Дуэ, но нельзя было рассчитывать повидаться съ нимъ когда-нибудь, такъ какъ онъ стыдился знакомства съ каторжными изъ простого званія.

Партія пришла въ рудникъ и расположилась на пристани. Говорили, что нарузки не будетъ, такъ какъ погода все портится и пароходъ будто бы собирается уходить. Видно было три огня. Одинъ изъ нихъ двигался: это—паровой катеръ ходилъ къ пароходу и теперь, кажется, уже возвращался, чтобы сообщить, будетъ работа или нѣтъ. Дрожая отъ осенняго холода и морской сырости, кутаясь въ свой короткій, рванный полушубокъ, Яковъ Иванычъ пристально, не мигая, смотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ была родина. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ пожилъ въ одной тюрьмѣ вмѣстѣ съ людьми, пригнанными сюда съ разныхъ концовъ,—съ русскими, хохлами, татарами, грузинами, китайцами, чухной, цыганами, евреями, и съ тѣхъ поръ, какъ прислушался къ ихъ разговорамъ, наглядѣлся на ихъ страданія, онъ опять сталъ возноситься къ Богу, и ему казалось, что онъ, наконецъ, узналъ настоящую вѣру, ту самую, которой такъ жаждалъ и такъ долго искалъ и не находилъ весь его

родъ, начиная съ бабки Авдотьи. Все уже онъ зналъ и понималъ, гдѣ Богъ и какъ должно ему служить, но было непонятно только одно, почему жребій людей такъ различенъ, почему эта простая вѣра, которую другіе получаютъ отъ Бога даромъ вмѣстѣ съ жизнью, досталась ему такъ дорого, что отъ всѣхъ этихъ ужасовъ и страданій, которые, очевидно, будутъ безъ перерыва продолжаться до самой его смерти, у него трясутся, какъ у пьяницы, руки и ноги? Онъ вглядывался напряженно въ потемки и ему казалось, что сквозь тысячи верстъ этой тьмы онъ видитъ родину, видитъ родную губернію, свой уѣздъ, *Прогонную*, видитъ темноту, дикость, безсердечіе и тупое, суровое, скотское равнодушіе людей, которыхъ онъ тамъ покинулъ; зрѣніе его туманилось отъ слезъ, но онъ все смотрѣлъ вдаль, гдѣ еле-еле свѣтились блѣдные огни парохода, и сердце щемило отъ тоски по родинѣ и хотѣлось жить, вернуться домой, рассказать тамъ про свою новую вѣру и спасти отъ гибели хотя бы одного человѣка и прожить безъ страданій хотя бы одинъ день.

Катеръ пришелъ, и надзиратель объявилъ громко, что нагрузки не будетъ.

— Назадъ! — скомандовалъ онъ. — Смирно!

Было слышно, какъ на пароходѣ убрали якорную цѣпь. Дулъ уже сильный, пронзительный вѣтеръ и гдѣ-то вверху на крутомъ берегу скрипѣли деревья. Вѣроятно, начинался штормъ.

Антонъ Чеховъ.

Эпичесидіонъ.

Поэма Перси Биши Шелли.

Стихи, посвященные благородной и несчастной леди Эмили В., нынѣ заточенно въ монастырь св. Анны, въ Пизѣ.

L'anima amante si slancia fuori del creato, e si crea nel infinito un Mondo tutto per essa, diverso assai da questo oscuro e raugovo baratro.

Любящая душа устремляется за прехѣлы созданнаго и создаетъ себѣ въ безконечности міръ, всецѣло ей одной принадлежащій и совершенно отличный отъ этой темной бездны, полной ужасовъ.

Ея собственныя слова.

1821 г.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Поэма Шелли *Эпичесидіонъ* является гевіальнымъ гимномъ любви. Въ то время, какъ десятки и сотни поэтовъ, воспѣвая любовь, создаютъ эротическія стихотворенія, гдѣ человѣкъ остается человѣкомъ, гдѣ чувство любви отличается вполнѣ земнымъ характеромъ, Шелли наравнѣ съ средневѣковыми итальянцами понимаетъ любовь, какъ синонимъ благородства, связываетъ это чувство съ гуманитарною утонченностью. Въ любви онъ стремится къ сліянію съ міровою красотой, съ тою незримою, но универсальною силой (*some unseen Power*), которая освящаетъ все, къ чему ни прикоснется.

Поэма *Эпичесидіонъ* была написана за полтора года до смерти Шелли, и внѣшній толчекъ къ ней данъ былъ знакомствомъ съ молодою дѣвушкой, итальянкой, графиней Эмилией Вивіани. Живя осенью 1820 года въ Пизѣ, Шелли познакомился съ однимъ чрезвычайно типичнымъ аббатомъ-вольтеріанцемъ, профессоромъ Паккіани. Этотъ «*il diavolo Raschiani*», какъ его называли въ Пизѣ, былъ духовникомъ благородной фамиліи Вивіани и однажды разказалъ Шелли слѣдующее. Графъ Вивіани женился вторично и, не желая держать въ домѣ двухъ своихъ дочерей, которыя были немного моложе мачихи, заточилъ ихъ, каждую порознь, въ монастырь, подѣ

предлогомъ завершенія ихъ воспитанія. Старшая дѣвушка, Тереза Эмилиа, уже въ теченіе двухъ лѣтъ томилась въ монастырѣ св. Анны. «Бѣдняжка, — говорилъ Паккіани, — она тоскуетъ, какъ птичка въ клеткѣ. Будучи создана для любви, она находится въ тюрьмѣ». Шелли, энтузіастъ свободы и женственности, понятно, былъ крайне заинтересованъ несчастною дѣвушкой и, благодаря посредничеству Паккіани, познакомился съ ней. Вотъ какъ описываетъ ее одинъ изъ друзей Шелли, Медвингъ: «Она была дѣйствительно изящна и интересна. Ея пышные черные волосы были убраны самымъ неприхотливымъ образомъ, точно волосы какой-нибудь греческой музы, оставляя открытымъ высокій лобъ, прекрасный и чистый, какъ мраморъ... Въ чертахъ ея лица была рѣдкостная безукоризненность, профиль отличался почти античною красотой. Ея глаза напоминали глаза Беатриче Ченчи, если не цвѣтомъ, то сонною, лѣнивою страстностью. Дѣйствительно, ихъ цвѣтъ былъ совершенно неопредѣленнымъ, онъ мѣнялся согласно съ переменной настроенія, темнѣлъ и свѣтлѣлъ, смотря по тому, чѣмъ оживлялась ея душа. Щеки ея также были мраморно-блѣдными, благодаря заключенію и недостатку воздуха или, быть можетъ, благодаря мысли» (*The Life of P. B. Shelley*, by E. Dowden, Vol. II, 371). Шелли полюбилъ Эмилию въ тотъ самый моментъ, когда увидалъ, — полюбилъ не какъ существо, которымъ желаешь обладать, а такъ, какъ всё мы любили, — въ лучшіе моменты нашей жизни, — сияе небо, шорохъ листьевъ, симфонію Бетховена или картину Мурильо. Одновременно съ поэтѣмъ два дорогія ему женскія существа, Мэри Годвинъ и Клэра Клэрмонтъ, прониклись такою же горячею любовью къ очаровательной Эмилиі. «Я думаю, что у нея большой талантъ, если не гений, — говорила Мэри, — еслибъ у нея не было внутренняго источника, какъ могла бы она пріобрѣсти это мастерство языка или эти идеи, такъ возвышающія ее надъ уровнемъ другихъ итальянцевъ?» Эмилиа писала краснорѣчивыя письма, стихи, хорошо знала великихъ поэтовъ Италіи и, не будучи знакома съ Платономъ, писала о платонической любви прекрасныя страницы, свидѣтельствующія о необыкновенной деликатности чувства и благородствѣ мысли. Шелли и Мэри посылаютъ узницѣ книги, *Corinne*, *La Nouvelle Héloïse*, обмѣниваются письмами, цвѣтами. Мистрисъ Шелли получаетъ названіе «милой дорогой сестры» и «обожаемой Мэри» въ пламенныхъ письмахъ Эмилиі, написанныхъ на самомъ изысканномъ итальянскомъ языкѣ. Поэтъ получаетъ названіе «чуткаго» (*sensibile Percy*), дѣлается ея «дорогимъ братомъ» (*caro fratello*) и «обожаемымъ супругомъ» (*adorato sposo*), причемъ послѣдній терминъ нужно, конечно, понимать въ уточненномъ трансцендентальномъ смыслѣ. Одно небольшое слово можетъ отчасти охарактеризовать тѣ отношенія, которыя связывали поэта съ великимъ англійскимъ поэтѣмъ, хотя, при переводѣ этихъ строкъ на другой языкъ, они, конечно, въ значительной степени утрачиваютъ невосполнимое вѣяніе грустной, трогательной женственности: «Дорогой другъ мой, дѣйствительно несчастна! Вотъ судьба! Я глубоко страдаю и являюсь причиной тысячи огорченій для другихъ. О, Боже! Не лучше ли было бы

инѣ умереть? Я перестала бы страдать или, по крайней мѣрѣ, перестала бы доставлять страданіе другимъ. Теперь я предметъ ненависти для другихъ и для самой себя. Я доставляю огорченіе самымъ дорогимъ и самымъ благороднымъ людямъ. О, несравненный другъ мой, *angelica creatura*, думали ли вы когда-нибудь, что я должна буду причинить вамъ столько терзаній? Вотъ видите, съ кѣмъ вамъ пришлось столкнуться! Простите меня, другъ мой, простите меня». Вскорѣ послѣ знакомства съ Шелли Эмилія Вивіани получила возможность оставить монастырь, но дальнѣйшая ея судьба еще болѣе несчастна. Она вышла замужъ за одного молодого итальянца, прожила съ нимъ нѣсколько лѣтъ въ непрерывныхъ раздорахъ, разошлась съ нимъ окончательно, поселилась одна въ полуразрушенномъ пустынномъ домѣ, гдѣ вѣтеръ, вѣющій съ Аппенинскихъ горъ, могъ свободно гулять по комнатамъ, и здѣсь умерла отъ скоротечной чахотки. На своемъ смертномъ ложѣ она вспоминала объ умершемъ поэтѣ и плакала о немъ горькими слезами.

«*Эпитихидіонъ* — мистерія, — говорилъ Шелли въ одномъ изъ своихъ писемъ. — Что касается плоти и крови, вы знаете, что я не имѣю съ ними ничего общаго; вы могли бы съ такимъ же успѣхомъ обратиться въ какую-нибудь винную лавочку, чтобы получить баранью ногу, какъ ожидать отъ меня чего-нибудь человѣческаго и земного... Нѣкоторые изъ насъ, въ своемъ прежнемъ существованіи, любили Антигону, и потому не могутъ больше находить полнаго удовлетворенія ни въ одной смертной связи... Я думаю написать свой *Пиръ*, чтобы объяснить все это». Дѣйствительно, *Эпитихидіонъ* нуждается въ нѣкоторыхъ разъясненіяхъ, какъ всѣ крупныя поэтическія созданія. «Эта поэма, — говоритъ Тодхентеръ (*Study of Shelley*, by J. Todhunter, 235), — является романомъ внѣ времени и пространства — пѣснью стихійнаго духа, заключеннаго, какъ въ тюрьмѣ, въ этой «хрупкой вселенной» и извѣстнаго среди людей подъ именемъ Шелли, — духа, котораго всякая смертная любовь должна была оставить неудовлетвореннымъ». Поэтому онъ всею душой тяготѣетъ къ иной любви, къ эфирному сверхчувственному слянію съ тѣми избранными натурами, на комъ лежитъ отпечатокъ божественнаго свѣта, оставленный мимолетнымъ соприкосновеніемъ съ интеллектуальною силой, одухотворяющей весь міръ, съ безсмертнымъ Геніемъ Красоты (*Spirit of Beauty*). «Каждый отдѣльный образъ красоты долженъ быть разсматриваемъ просто какъ образъ, помогающій духу стать въ болѣе тѣсное соприкосновеніе съ вѣчнымъ Духомъ Красоты. Иначе то, что должно было бы являться только преддверіемъ, дѣлается гробницей. Каждая индивидуальная форма есть ничто иное, какъ одна изъ ступеней божественной лѣстницы Платона» (*Todhunter*, 239). Въ этомъ смыслѣ ни одна изъ женщинъ не можетъ представлять изъ себя въ любви того полнаго совершенства, котораго Шелли напрасно жаждалъ всю жизнь. Эмилія также не была желаннымъ совершенствомъ, потому что она была земною женщиной, но въ ней, быть можетъ, сильнѣе, чѣмъ въ комъ-нибудь другомъ, отражалось *чеземное*; отсюда — исключительный па-

оосъ любви къ ней, бывшей заблужденіемъ,— заблужденіемъ блестящимъ, создавшимъ одну изъ лучшихъ жемчужинъ поэзіи.

Эпическидионъ полонъ личныхъ намековъ, но изъ субъективныхъ своихъ отношеній авторъ взялъ лишь то, что въ нихъ было *художественно-типическаго*. «Одна, вся полная отравы», чей взглядъ жжетъ и манитъ «изъ-подъ куста лазурной беладоны», является символомъ чувственной любви, не согрѣтой благороднымъ жаромъ души (Pandemian Venus платоновскаго *Пира*). Холодная Діана, чья любовь свѣтитъ, но не грѣетъ, подобно лунѣ, до извѣстной степени опредѣляетъ Мэри; ея любовь—ласковая, но нерѣдко слишкомъ холодная—должна была слишкомъ болѣзненно дѣйствовать на утонченную впечатлительность Шелли. То, что говорится о лунномъ затмѣніи и бурѣ, должно, по мнѣнію вѣкоторыхъ біографовъ, обозначать два трагическія событія въ жизни Шелли, о которыхъ нужно или говорить очень подробно, или не говорить совсѣмъ. «Чудно-дикая Комета» обозначаетъ страсть,—губительную, если она не связана съ любовью,—творчески-прекрасную, если она сочетается съ экстазомъ души.

Во второй половинѣ *Эпическидиона* Шелли придаетъ своей любви страстный характеръ жажды обладанія и, такимъ образомъ, отнимаетъ у своей поэмы платоническій элементъ, окрашивающій первую ея половину.

Будучи продиктована исключительнымъ настроеніемъ исключительной артистической природы, поэма *Эпическидионъ* затрогиваетъ одновременно умъ, сердце и фантазію. Кто любитъ поэзію, въ томъ она оставитъ впечатлѣніе неизгладимое.

Н. Б.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Авторъ нижеслѣдующихъ стиховъ умеръ во Флоренціи, въ то время, какъ онъ приготовлялся къ путешествію въ одну изъ самыхъ дикихъ мѣстностей; онъ приобрѣлъ ее въ собственность, возстановилъ руины стариннаго зданія и надѣялся осуществить здѣсь схему жизни, быть можетъ, согласную съ тѣмъ лучшимъ и болѣе счастливымъ міромъ, гдѣ онъ теперь, но врядъ ли осуществимую въ этомъ. Его жизнь была необычна, не столько въ силу романическихъ превратностей, ее отличавшихъ, сколько въ силу идеальной окраски, которую ей придали его характеръ и чувства. Настоящая поэма, также какъ *Vita Nuova* Данте, въ достаточной степени понятна для извѣстнаго класса читателей и безъ ознакомленія съ ея фактическою основой; для другого извѣстнаго класса читателей она вѣчно непонятна, благодаря отсутствію общаго органа для познания идей, которыхъ здѣсь идетъ рѣчь. Но, во всякомъ случаѣ, «да будетъ стыдно, кто, воспѣвая что-нибудь подъ покровомъ образа или риторическихъ отношеній и будучи спрошенъ, что это значитъ, не съумѣлъ бы совлечь своихъ словъ это одѣяніе настолько, чтобы обнаружился ихъ истинный смыслъ» (*Gran vergogna sarebbe a colui, che rimasse cosa sotto veste di fi-*

gura, o di colore rettorico: e domandato non sapesse denudare le sue parole da cotal veste, in guisa che avessero verace intendimento. Dante).

Настоящая поэма, согласно замыслу автора, должна была, повидимому, являться только посвященіемъ къ другой, болѣе обширной. Стихотворный отрывокъ, помѣщенный на слѣдующей страницѣ, представляетъ изъ себя почти дословный *) переводъ знаменитой канцоны Данте:

Voi, ch'intendendo, il terzo ciel movete, etc.

Притязательное примѣненіе заключительныхъ строкъ къ собственному произведенію, которое дѣлаетъ мой несчастный другъ, можетъ вызвать улыбку: пусть это будетъ улыбка не презрѣнія, а состраданія.

Шелли.

Мой гимнъ, я полонъ опасенья,
 Что мало кто тебя какъ слѣдуетъ пойметъ, —
 Въ тебѣ такъ много думъ и тайнаго значенья,
 Ты — въ темномъ ульѣ скрытый медъ.
 Но если ты придешь случайно
 Къ тому, кто холодно посмотритъ на тебя,
 Утѣшься, будь собой, мистическая тайна,
 Живи всецѣло для себя.
 Чтò значить для тебя чужихъ непониманье?
 Заставь ихъ увидать, что въ ихъ душѣ темно,
 И вынуди у нихъ признанье,
 Что ты и красота — одно!

Э П И П С И Х И Д І О Н Ъ.

О, нѣжный Духъ! Сестра той сироты,
 Чье царство только въ имени условномъ!
 Въ душѣ влюбленной, въ храмѣ безгрѣховномъ,
 Сплетаю я поблѣкшіе цвѣты.
 Прими гирлянды розъ обѣтованныхъ,
 Воспоминаній блѣдныхъ и туманныхъ.

*) При переводѣ съ итальянскаго на англійскій, а съ англійскаго на русскій, эта „дословность“, конечно, многое утратила; но я умышленно переводилъ этотъ отрывокъ съ англійскаго, потому что въ данномъ случаѣ важна не близость къ тексту Данте, а дослѣдно-близкая передача того, что хочетъ сказать Шелли. К. Б.

О, птичка! Бѣдный плѣнный Соловей,
 Ты плачешь въ кѣлѣткѣ! Вздохъ тоски твоей
 Такъ сладокъ, такъ плѣнителенъ для слуха,
 Что могъ бы и тюремщиковъ смягчить,
 Когда-бъ ихъ сердце не было такъ глухо.
 Пусть этихъ словъ измѣнчивая нить
 Для глазъ твоихъ сплетается букетомъ,
 Они, мерцаая, свѣтятъ Соловью;
 Хотя они горятъ померкшимъ свѣтомъ,
 Въ нихъ нѣтъ шиповъ, чтобъ ранить грудь твою.

Ты, сердце, окрыленное стремленьемъ!
 Надъ жизнью повседневной и тупой
 Парило ты заоблачнымъ видѣньемъ.
 Теперь же, оскорбленное судьбой,
 Ты тратишь бесполезныя усилья,
 Ты бьешься въ мертвомъ царствѣ душевой тьмы,
 О жесткую рѣшетку ранишь крылья,
 Пятнаешь нѣжной кровью сводъ тюрьмы!
 Я плачу, я къ тебѣ свой взоръ склоняю,
 Хочу помочь, и какъ помочь—не знаю.

О, Духъ, небеснымъ призракамъ родной,
 Сверхчувственная нѣжность Серафима!
 Ты скрыла въ формѣ женщины земной
 Все, что въ тебѣ для глазъ невыносимо
 По яркости, любви и чистотѣ
 И пламенно-безсмертной красотѣ!
 Ты—Славы блескъ во мракѣ безконечномъ!
 Святая Благодать въ Проклятїи вѣчномъ!
 Луна превыше тучъ! Къ Добру ступень!
 Звѣзда надъ Бурей! Въ царствѣ Смерти—День!
 Ты—Лучъ, что гаснетъ, еле обнаружась!
 Ты—чудный Сонъ, ты—Красота, ты—Ужась!
 Гармонїя Природы! Жизнь Мечты!
 Ты—Зеркало, въ которомъ всѣ черты,
 Всѣ формы блещутъ свѣтомъ отраженнымъ,
 Все дышетъ и живетъ преображеннымъ!
 А! Даже эти тусклыя слова,
 Которыми тебя я затемняю,
 Съ тобой соприкасаяся едва,

Блестять нежданно, — что со мной, не знаю,
 Въ себѣ самомъ я чувствую зарю,
 Какъ молнія, свергаю и горю.
 Молю, взгляни безсмертными глазами
 На этотъ гимнъ любви, на вздохъ больной,
 Росой священной, чистыми слезами
 Омой его отъ всей тщеты земной,
 Рыдай надъ нимъ рыданіемъ кипучимъ,
 Пока не станетъ скорбь восторгомъ жгучимъ,
 Тогда взгляни съ улыбкой на него, —
 И онъ навѣкъ останется пѣвучимъ,
 Вкусивши отъ безсмертья твоего!

Не смѣлъ я ждать подобнаго блаженства,
 Не думалъ, что увижу наяву
 Тотъ сонъ, которымъ съ юности живу,
 Такое воплощенье совершенства.
 И я не въ царствѣ смерти? Я не сплю?
 Эмилія! Люблю тебя! Люблю!
 Я знаю, что мишурными словами
 Никто не освятитъ моей любви,
 Но ты сама ее благослови.
 О, если бы мы были близнецами!
 О, если-бъ ты была сестрою той,
 Кто также свѣтитъ нѣжной красотой,
 Бому я отдалъ сердце! Еслибъ сила
 Моей любви могла васъ вмѣстѣ слить,
 Какъ два луча одинаго свѣтила!
 Но я не знаю, какъ мнѣ говорить,
 Какъ выразить всю преданность, всю нѣжность
 Любви къ тебѣ кипучую безбрежность.
 Я твой во всемъ, что чувствую, любя.
 О, что я! Нѣтъ, не твой: я — часть *тебя*.

Лампада ночи! Духъ мой неумѣлый,
 Стремясь къ тебѣ, какъ жадный мотылекъ,
 Въ любви своей безумной крылья сжегъ;
 А то запѣлъ бы я, какъ лебедь бѣлый,
 Когда онъ видитъ смерть. О, такъ любя,
 Я жить въ вѣкахъ заставилъ бы тебя!
 Скажи, не рождена ли ты для счастья

Любить и быть любимой навсегда?
 Въдь, ты во тьмѣ вражды огонь участья?
 Въдь, ты одна недвижимая звѣзда
 Среди небесъ, исполненныхъ движенья?
 Ты нѣжный вздохъ средь криковъ раздраженья?
 Блаженства гармоническій языкъ?
 Особый міръ, гдѣ все необычайно?
 Никѣмъ еще непознанная тайна?
 Запечатлѣнный сладостный родникъ?
 Прибѣжище, Восторгъ, Уединенье?
 Святая Лютя, чей пѣвучій звукъ
 Отъ черныхъ думъ, отъ самыхъ горькихъ мукъ
 Даетъ бальзамъ цѣлебнаго забвенья?
 Я цѣлый міръ фантазій прохожу,
 Но всюду, вмѣсто свѣтлаго сравненья,
 Лишь собственную слабость нахожу.

На жизненномъ пути средь жесткихъ терній
 Она ко мнѣ, Чужому, подошла,
 И нѣжно къ сладкой смерти увлекла,
 Смѣнился яркимъ свѣтомъ часъ вечерній,
 Печаль смѣнилась мирной тишиной,
 Зима, уснувъ, проснулась Весной!
 Когда газель, прислушавшись пугливо,
 Застынетъ вся какъ будто въ чарахъ сна,
 Она не такъ воздушна и красива,
 Она не такъ плѣнительно-нѣжна.
 Когда луна въ безвѣтренномъ пространствѣ
 Сквозь облако проходитъ неспѣша,
 Она не такъ свѣтла въ своемъ убранствѣ,
 Какъ въ этомъ тѣлѣ свѣтлая душа.
 Ея уста съ улыбкою румяной
 Какимъ-то страстнымъ ропотомъ полны,
 Какъ чашечки цвѣтовъ росой медвяной,
 Въ сіяньи опьяняющей весны.
 И эти звуки будятъ вздохъ отвѣтный
 И кажутся туманной сказкой мнѣ,
 Какъ дальній трепетъ музыки планетной,
 Услышанной въ безумно-сладкомъ снѣ.
 Въ глазахъ безсмертныхъ пляшутъ духи свѣта,
 Безмолвная сверкаетъ глубина,

И тщетно разумъ ищетъ въ нихъ отвѣта,
 И тонетъ чувство, тщетно ищетъ дна.
 И таетъ воздухъ, дышетъ напряженно
 Единымъ вездѣсущимъ Божествомъ,
 И шепчетъ, проникаясь влюбленно
 Ея движеньемъ, свѣтомъ и тепломъ.
 И какъ по высямъ горъ воздушно-снѣжнымъ
 Скользить румянцемъ юная заря,
 Такъ въ этомъ тѣлѣ женственномъ и нѣжномъ
 Браснѣетъ кровь, о жизни говоря.
 Воздушныя трепещутъ очертанья,
 Стремясь уйти на лоно Красоты,
 Что льетъ во все, вездѣ, свое сіянье,
 Чуть видное отъ высшей чистоты.
 Одежды теплымъ дышутъ ароматомъ.
 Живетъ волна распущенныхъ кудрей:
 Озарены немеркнущимъ загатомъ,
 Онѣ горятъ въ объятіяхъ лучей.
 И если прядь одна освободится,
 Струей отдѣльной въ воздухъ блеснетъ,
 Влюбленный вѣтеръ вкругъ нея томится,
 Бѣ любимицѣ блестящей нѣжно льнетъ.
 Смотри! Она стоитъ, и въ формѣ смертной
 Ты видишь свѣтъ, и жизнь, и божество,
 Ты видишь образъ пламенно-безсмертный,
 Блаженства сверхземного торжество.
 То высшій Свѣточъ, кормчій третьей сферы,
 Предѣлъ всего, чѣмъ живо наше «я»,
 То сонъ, что выше разума и мѣры,
 Владыка волнъ тяжелыхъ бытія!

О, горе мнѣ! На что дерзнулъ я? Горе!
 Куда я поднялся? Куда идти?
 О, какъ мнѣ быть теперь въ такомъ просторѣ?
 И какъ опять на землю путь найти?
 Любовь равняетъ всѣхъ. Любя упорно,
 Я въ сладость этой истины проникъ:
 Я знаю, что червякъ подъ глыбой дерна,
 Любя, въ своей любви, какъ Богъ, великъ.

Сестра! Супруга! Ангель! Свѣтъ надъ бездной!
 Звѣзда лады, чей путь во тьмѣ беззвѣдной

Былъ такъ угрюмъ! Хочу тобой дышать!
 Ты слишкомъ поздно стала мной любима,
 Я слишкомъ скоро началъ обожать —
 Тебя, мой кормчій, призракъ серафима!
 Тебя я долженъ былъ бы повстрѣчать
 Впервые тамъ, въ заоблачномъ пространствѣ,
 Въ поляхъ безсмертья, въ свѣтлой полумглѣ,
 Божественность въ божественномъ убранствѣ.
 Тебя я долженъ былъ бы на землѣ
 Сопровождать отъ самаго рожденья,
 Какъ тѣнь, дрожать, склоняясь и любя,
 Горѣть тобой, и жить, какъ отраженье;
 Не какъ теперь... О, я люблю тебя!
 Я чувствую въ своей душѣ влюбленной
 Родникъ запечатлѣнныхъ чистыхъ водъ,
 Онѣ трепещутъ жизнью полусонной
 И для тебя проснутся въ свой чередъ.
 Не созданы ли мы съ тобою оба,
 Чтобъ слиться здѣсь въ единое звено,
 Рука съ рукой идти до двери гроба?
 И развѣ намъ, скажи, не суждено
 Предстать четой двухъ звуковъ гармоничныхъ,
 Живущихъ внѣ вражды, хотя различныхъ,
 Исполниться дыханьемъ красоты,
 Въ слияніи восторженномъ и гордомъ,
 Звучать такимъ магическимъ аккордомъ,
 Чтобъ, слыша насъ, всѣ духи, какъ листы
 Подъ вѣтромъ непрерывнымъ, трепетали,
 Подъ блескомъ звуковъ бились и блистали?

Твой мудрый умъ живетъ въ моихъ словахъ,
 Въ моей душѣ ты будишь дерзновенье,
 Велишь зажечь маякъ на тѣхъ скалахъ,
 Что вѣчно были мѣстомъ преткновенья
 Для лучшихъ, благороднѣйшихъ умовъ.
 Я не былъ никогда въ числѣ рабовъ,
 Я не былъ членомъ секты многолюдной,
 Гдѣ каждый долженъ выбрать для себя
 Подругу или друга доли скудной
 И жить вдвоемъ, любя и не любя,
 Изъ долгой жизни сдѣлать умиранье,

Другихъ же, — пусть на нихъ добра печать, —
 Изгнать изъ узкой сферы обожанья
 И цѣлый миръ забвенію предать;
 И такъ идти избитыми путями,
 И каждый день предъ тусклымъ очагомъ
 Томиться съ другомъ, скованнымъ цѣпями,
 Иль, можетъ быть, съ ревнивѣйшимъ врагомъ.

Любовь — не прахъ, не золото, не глина,
 Дѣлать ее не значить — отнимать.
 Она, какъ умъ: кто хочетъ понимать,
 Предъ тѣмъ весь миръ — знакомая картина,
 И та картина свѣтитъ все яснѣй
 Отъ созерцанья истинъ разнородныхъ.
 Любовь свѣтлѣе всѣхъ земныхъ огней,
 Она какъ блескъ мечтаній благородныхъ,
 Она какъ свѣтъ фантазій живой,
 Межъ тысячью зеркалъ она блуждаетъ,
 Въ землѣ глубокой, въ тверди голубой,
 Сквозь бездну призмъ измѣнчиво блистаетъ,
 Безбрежный миръ исполненъ ей вездѣ,
 О ней во тьмѣ звѣзда поетъ звѣздѣ,
 Она сверкаетъ въ радостяхъ улыбки,
 И некому поставить ей предѣлъ,
 И остріемъ ея блестящихъ стрѣлъ
 Вездѣ убить зловредный червь ошибки.
 Какъ узки тѣ сердца и тѣ умы,
 Что, выбравъ искру свѣта въ царствѣ тьмы,
 Въ ней видятъ все! Какъ узки тѣ стремленья,
 Что, позабывъ огромный миръ тѣней
 И выбравъ между формъ одно видѣнье,
 Въ немъ строить гробъ для вѣчности своей!

Богда мы дѣлимъ съ кѣмъ-нибудь страданье, —
 Настолько можемъ мы уменьшить зло,
 Чтобъ горе навсегда совсѣмъ прошло;
 Богда же дѣлимъ свѣтлыя мечтанья,
 Мышленіе, восторги и любовь, —
 То, что мы дѣлимъ, мы сливаемъ вновь,
 И цѣлое, въ сравненьи съ каждой частью,
 Ничтожнѣе и меньше, — и опять,

Любви кипучей творческою властью,
 Мы можем эти блага раздѣлять,
 И тѣмъ полнѣй служить людскому счастью,
 Полнѣе зло и горе устранять.
 То—истина, великая, святая,
 Въ ней кроется родникъ живой воды,
 Въ ней бьется лучъ негаснущей звѣзды,
 Дрожить надежда вѣчно-молодая.
 И каждый, кто вкушалъ отъ чистыхъ водъ,
 Склонившись, поднимался освѣженный,
 Яснѣе видѣлъ синій небосводъ,
 И эту землю, садъ опустошенный.
 Здѣсь мудрые, чей умъ горитъ свѣтло,
 Чьи радостны священныя печали,
 Смотри на этихъ чистыхъ водъ стекло,
 Грядущимъ поколѣньямъ завѣщали
 Воздѣлывать забытыя поля,
 Служить зачатьямъ нѣжно-ароматнымъ,
 Чтобъ въ лучшій часъ пустынная земля
 Забрехала Эдемомъ благодатнымъ.

Есть Существо, есть женственная Тѣнь,
 Желанная въ видѣнiяхъ печальныхъ.
 На утрѣ лѣтъ моихъ первоначальныхъ
 Она ко мнѣ являлась каждый день,
 И каждый мигъ, среди лѣсныхъ прогалинь,
 Среди замороженныхъ дикихъ горъ,
 Среди воздушныхъ замковъ и развалинь,
 Она плѣняла дѣтскiй жадный взоръ.
 Мѣняясь въ очертаньяхъ несказанныхъ,
 Скользя своей стопой по ткани сновъ,
 Она пришла съ далекихъ береговъ,
 Изъ областей загадочно-туманныхъ,
 Красавицей нездѣшнихъ острововъ.
 И въ лѣтнiй день, ликующiй и жаркiй,
 Когда небесный сводъ огнемъ блисталъ,
 Она прошла такой чудесно-яркой,
 Что я, увы, ее не увидалъ.
 Въ глубокой тишинѣ уединенья,
 Среди благоуханiя цвѣтовъ,
 Подъ шумъ ручьевъ, подѣ звонкое ихъ пѣнье,

Сквозь гуль неумолкающихъ лѣсовъ,
 Она со мною тихо говорила,
 И все дышало только ей одной, —
 Рѣка съ своей серебряной волной,
 И сонмы тучъ, и дальнія свѣтила,
 Влюбленный воздухъ, нѣжный вѣтерокъ,
 И дождевой сверкающій потокъ,
 И пѣнье лѣтнихъ птицъ, и все, что дышитъ,
 Что чувствуетъ, звучитъ, живетъ и слышитъ.
 Въ словахъ высокихъ вымысловъ и сновъ,
 И въ пѣсняхъ, и въ пророчествахъ глубокихъ,
 Въ наслѣдіи умчавшихся вѣговъ,
 Отшедшихъ дней, и близкихъ, и далекихъ,
 Въ любви къ другимъ, въ желаньи свѣтлымъ быть,
 Въ сказаньяхъ благороднаго ученья,
 Что намъ велитъ навѣкъ себя забыть
 И познавать блаженный смыслъ мученья, —
 Во всемъ она сквозила и жила,
 Въ чемъ правда и гармонія была.

И я покинулъ сонныя пещеры
 Фантазій смутныхъ, юношескихъ грѣзъ, —
 Порывъ стремленья въ высь меня унёсъ,
 Бѣ звѣздѣ полярной, въ облачныя сферы;
 Какъ мотылекъ, предъ пышной смертью дня,
 Презрѣвъ цвѣты, бѣжавъ отъ аромата,
 Безумно мчится вверхъ къ лучамъ заката,
 Себя своей поспѣшностью гоня,
 И видитъ смерть, и смерть ему отрадна, —
 Такъ я бѣжалъ стремительно и жадно,
 Въ сандаляхъ изъ яркаго огня.
 Но Та, предъ кѣмъ я все забылъ на свѣтѣ,
 Не вяла ни рыданьямъ, ни мольбамъ;
 На огнекрылой искристой планетѣ,
 Какъ Богъ, она прошла по небесамъ,
 Быстрѣй и все быстрѣй впередъ стремилась
 И тщетно къ ней рвалась душа моя:
 Она прошла, свергнула и сокрылась
 За тѣневой пустыней бытія.
 Угрою предо мной разверзлась бездна,
 И сброситься хотѣлъ я съ дикихъ скалъ,

Но чей-то голосъ властно мнѣ сказала:
 «Слѣпецъ! Твое стремленье бесполезно.
 Буда скользишь безумною стопой?
 Ты ищешь тѣни,—эта тѣнь съ тобой».
 Я вскрикнулъ: «гдѣ»?—и, точно геній смѣха,
 Стозвучнымъ «гдѣ» отвѣтило мнѣ Эхо.
 Я вопрошалъ листы въ ночной тиши,
 Я вопрошалъ безмолвіе лазури,
 Я спрашивалъ у молніи, у бури,
 Буда ушла душа моей души.
 Завѣтныя шепталъ я заклинанья,
 Волшебныя твердилъ я имена,
 Но скрылась Тѣнь, ушло очарованье;
 И мракъ густѣлъ, и ночь была темна;
 И все же тлѣло, теплилось мерцанье,
 Я видѣлъ сновидѣнье наяву,
 Еще я полонъ былъ воспоминанья,
 Ушедшему молился Божеству;
 И, движимый дыханіемъ надежды,
 Средь Хаоса пошелъ я наугадъ,
 Въ предчувствіи лучей дрожали вѣжды,
 Искалъ весны тревожно-смутный взглядъ,
 Но всюду предо мной была завѣса
 Замерзшаго безлиственного лѣса.
 Бесплодная дышала темнота.
 И я спѣшилъ, я падалъ, поднимался,
 Бѣ ошибки отъ ошибки тщетно рвался:
 Вселенная кругомъ была пуста.
 И новыя видѣнья возникали,
 И къ новымъ заблужденьямъ увлекали,
 Считался я среди жителей лѣсныхъ,
 Моя душа искать не уставала:
 Быть можетъ, Тѣнь сокрылась между нихъ,
 Не здѣсь ли гдѣ-нибудь она скрывала
 Свой обликъ неземной въ чертахъ земныхъ?

Тогда Одна, вся полная отравы,
 Склонилась у завѣтнаго ключа,
 И ключъ сверкала, заманчиво журча,
 Дышали сладкимъ сномъ ночныя травы,
 Манилъ и жегъ закрытый дымкой взглядъ,

Изъ-подъ куста лазурной белладоны,
 И въ воздухъ незримый таялъ ядъ,
 И точно отзвукъ струнъ дрожали стоны;
 Какъ искры синеватаго огня,
 Желанія окутали меня,
 Дурманомъ сладострастнымъ охватили,
 Горѣла грудь, горѣло пламя щекъ,
 И въ сердцѣ каждый юный лепестокъ
 Воспринялъ гнетъ цвѣточной сладкой пыли.
 И живой вздохъ срывался съ женскихъ устъ,
 И жадно росъ дышавшій страстью кустъ, —
 Потомъ листы уградкой поблѣднѣли,
 Надъ юной, чуть расцвѣтшею весной
 Они склонились грязной сѣдиной,
 Свернулись, разошлись, окоченѣли
 И стиснули меня средь черной тьмы
 Въ объятыхъ преждевременной зимы.

Скользя по смертнымъ формамъ бѣглымъ взглядомъ
 Вездѣ искалъ я отблеска мечты:
 Въ однѣхъ дышала радость красоты,
 Но съ красотой превратность дремлетъ рядомъ,
 И быстро вянутъ нѣжные цвѣты;
 Другія были мудры, — мудрость жива;
 И лишь Одна всегда была правдива, —
 Увы, со всѣми, только не со мной.
 И вотъ, уставъ бѣжать въ глуши лѣсной,
 Дрожа, изнемогая, задыхаясь,
 Какъ раненый, затравленный олень,
 Я всталъ, росой кровавой обливаясь,
 И хмурился холодный, тусклый день,
 Невольнымъ состраданьемъ проникаясь.
 И думалъ я, что жизни въ жизни нѣтъ,
 Что все кругомъ — сплошное заблужденье,
 Какъ вдругъ зарей нежданной вспыхнулъ свѣтъ,
 Заискрилось опять освобожденье.
 Стояла на моемъ пути Одна,
 Чья свѣтлая улыбка походила
 На тѣнь того сверхчувственного сна,
 Какъ вѣчно-перемѣнная луна
 На вѣчно-неизмѣнное свѣтило

Побѣднаго зиждательнаго дня,
 Холодная, безстрастная Богиня,
 Ковчегъ пловучій блѣднаго огня,
 Чьей лаской смягчена небесь пустыня,
 Кто свѣтитъ, но не грѣеть никогда,
 Чей ликъ, смотря загадочно и странно,
 Блѣднѣя и мѣняясь безпрестанно,
 Одинъ и тотъ же всюду и всегда.
 Какъ юный Духъ, сошедшій съ этой сферы,
 Она меня мерцаньемъ обняла,
 Къ магическому склепу привела,
 Проникла въ глубь таинственной пещеры;
 Какъ легкій дымъ, влекомый вѣтеркомъ,
 Я шелъ за ней, и въ сердцѣ было ясно
 Она была мистически-прекрасна,
 И блѣдный свѣтъ, струясь, дрожалъ кругомъ.
 Я легъ, я спалъ, она сидѣла рядомъ,
 Она за мной слѣдила долгимъ взглядомъ,
 И страненъ былъ мой чудный смутный сонъ:
 Средь сумерекъ, мерцанья и тумана,
 Ко мнѣ склонялась блѣдная Діана,
 А я душою былъ Эндиміонъ.
 Когда она съ улыбкою склонялась,
 Улыбкой я блисталъ въ глубокомъ снѣ,—
 И все темнѣло горестно во мнѣ,
 Когда она мгновенно затемнилась.
 Такъ море чутко спитъ во мглѣ ночной,
 Смѣется или хмурится съ луной.
 И я застылъ въ постели непорочной:
 Увы, я не былъ мертвъ, я не былъ живъ:
 На нѣжный мелодическій призывъ,—
 Забывши о своей борьбѣ урочной,—
 Сошлись Жизнь и Смерть, какъ двѣ сестры,
 Какъ два ребенка въ радостяхъ игры,
 Два дѣтища одной нѣмой печали;
 Въ пещерѣ иглистой, всюду видя ночь,
 Они безъ крылъ носились и кричали:
 «Здѣсь спитъ чужой, не нашъ! Умчимся прочь!»
 Я горько плакалъ, и хотя бы это
 Все было сномъ, я плачу безъ конца.

Что было дальше? Блескъ ея лица
 Блѣднѣлъ и гасъ, все меньше было свѣта,
 Безжизненные дрогнули уста,
 Какъ будто вдругъ, проклятиемъ затиѣнья,
 Луны померкшей стерлась красота;
 Душой владѣло темное волненье,
 Лазурь моихъ небесъ была пуста;
 И встала Буря въ этой тѣмѣ беззвѣздной,
 И чей-то Духъ парилъ надъ дикой бездной;
 И чьи-то дуновенья проползли,
 Морозомъ жесткимъ сжали ширь пучины,
 И къ берегу отъ берега легли
 Недвижныя, безжизненные льдины...
 И вновь пучина дрогнула до дна,
 Подъ силой новой Бури льды распались,
 И снова серебрилася Луна,
 Ея лучи, какъ прежде, улыбались.
 Но не хочу, чтобъ кто-нибудь проникъ
 Въ сокрытый смыслъ моихъ рѣчей туманныхъ,
 Иначе въ нихъ откроется родникъ
 Безсмѣнныхъ слезъ, рыданій несказанныхъ.

И, наконецъ, за горемъ и стыдомъ,
 Среди шиповъ, снѣговъ и запустѣнья,
 Какъ вздохъ Весны, желанное Видѣнье
 Повѣяло съвозъ темный лѣсъ кругомъ.
 Оно пришло, и сонныя растенья,
 Услышавъ звукъ медлительныхъ шаговъ,
 Украсились мерцаньемъ лепестковъ;
 Подъ нѣжными воздушными стопами
 Цвѣты, сплетаясь, выткали коверъ;
 Чтобъ радовать такой любовный взоръ,
 Деревья сочетались вѣтвями,
 И всѣ листы сплелись въ одинъ узоръ,
 Заботливо склоняясь легкой сѣнью
 Надъ формой, возродившей миръ чудесъ,
 Надъ женственной зиждательною тѣнью;
 И вѣтеръ смолкъ, и слушалъ старый лѣсъ
 Пѣвучій вздохъ мелодіи лучистой,
 Сіяньемъ разливавшейся вокругъ,
 И въ звукахъ лѣса былъ единый звукъ,

И слезы счастья въ зелени росистой,
 Внимая, какъ листы кругомъ поютъ,
 Лучамъ давали искристый пріютъ;
 Повѣяло душистымъ ароматомъ
 Отъ свѣжихъ пышно-вьющихся волосъ,—
 И таялъ между снѣжныхъ горъ Морозъ,
 Съ Тепломъ обнявшись, точно съ кроткимъ братомъ.
 Она пришла въ мой склепъ, какъ символъ Дня,
 Какъ воплощенье Солнца золотого,
 Своимъ тепломъ наполнила меня;
 Какъ дымъ встаетъ отъ дѣйствія огня,
 Мой Духъ воскресъ, любовь дышала снова,
 Я всталъ, я жилъ, я чувствовалъ зарю,
 Я зналъ, какимъ я пламенемъ горю,
 Я ждалъ давно желаннаго привѣта,—
 И вотъ святая тѣнь ко мнѣ пришла,
 Я видѣлъ блескъ сверхчувственного свѣта,
 Передо мной Эмилія была.

О, сестры-близнецы, союзъ любовный,
 Двѣ Сферы свѣта! Въ морѣ бытія
 Вы правите землей непрекословной,
 Вы правите моимъ влюбленнымъ «я».
 Даете жизнь листамъ, плодамъ душистымъ,
 Лелѣете нѣжныя сѣмена,
 Могуществомъ магически-лучистымъ
 Весь темный міръ пронзаете до дна.
 И влагу претворяете въ туманы,
 Даруете законы облакамъ,
 И волнъ морскихъ сѣдые караваны
 Къ назначеннымъ влечете берегамъ.
 Изъ радуги сплетаете постели,
 Смягчая дымныхъ тучекъ полумракъ,
 Для шумныхъ бурь въ ихъ прежней колыбели
 Возводите роскошный саркофагъ.
 И какъ весь міръ земной равно украшенъ
 Луной и солнцемъ, братскою четой,
 Когда они горятъ съ небесныхъ башенъ
 Различной, но единой красотой,
 Такъ вы, мои лучистыя царицы,
 Пусть правите по очереди мной,

Во всѣ мгновенья ночи — до депницы,
 Во всѣ мгновенья дня — до мглы ночной.
 И ты, Любовь, не презри блескъ заемный,
 Когда начнешь царить надъ пышнымъ днемъ,
 И ты, Луна, блистая ночью темной,
 Не спорь съ далекимъ пламеннымъ огнемъ.
 Свѣтите мнѣ отъ ласковаго Мая
 До Осени печальной и сухой,
 И пусть, въ могилѣ зимней засыпая,
 Я встану снова съ лучшею мечтой.
 И ты, о, чудно-дивная Бомета,
 Мой хрупкій духъ привлекая къ себѣ,
 Ты, вся — вражда, ты, вся — восторгъ привѣта,
 Брушенье потерпѣвшая въ борьбѣ,
 Зажгись опять, приди въ предѣлы наши.
 Свѣти любви предутренней звѣздой,
 Въ лазурномъ царствѣ пей изъ полной чаши,
 Вкушай напитокъ солнца золотой.
 Когда твоей послѣднею улыбкой
 Царица Ночи будетъ смущена,
 Покровомъ легкихъ тучъ въ лазури зыбкой
 Свой нѣжный серпъ окутаетъ она,
 Въ вуали изъ сквозного перламутра
 Передъ тобой пойдетъ по небесамъ;
 Передъ тобой и Сумерки, и Утро
 Струить не перестанутъ оміамъ.
 Ты будешь духомъ Смерти и Рожденья,
 Тебя Надежда выберетъ царемъ,
 Передъ тобой померкнетъ Опасенье,
 Весь міръ твоимъ предстанетъ алтаремъ.

Владычица моя, не будь сурова
 Въ цвѣтамъ поблекшимъ помысловъ моихъ,
 Взгляни съ улыбкой солнечной на нихъ, —
 Цвѣткомъ инымъ они возникнутъ снова,
 Багъ пышный цвѣтъ Эдема.

День пришелъ,
 И ты со мной бѣжишь отъ черныхъ золь,
 Въ странѣ иной, лучистой и свободной.
 Для тусклыхъ чувствъ, чѣмъ связанъ я съ землей,

Останься навсегда моей сестрой,
 Весталкой цѣломудренно-холодной;
 Но для души, горящей сввозъ меня, —
 Глубокой, напряженной и нетлѣнной, —
 Для свѣточа небеснаго огня
 Подругой будь, невѣстой нареченной.
 Твой часъ насталь: твоей судьбы Звѣзда
 Зайдетъ надъ опустѣвшюю тюрьмою;
 Хоть стража здѣсь не дремлетъ никогда,
 Хоть дверь крѣпка, и плотною стѣною
 Тюремный дворъ, какъ панцыремъ, одѣтъ, —
 Для истинной любви преграды нѣтъ.
 Какъ молнія, она прорвется всюду,
 Прорѣжетъ мглу, скрывающую твердь,
 Она во всемъ, она сильна, какъ смерть,
 Чей бѣгъ — стремленье мысли, чье движенье
 Вездѣ влачить губительную тѣнь,
 Средь городовъ и мирныхъ деревень,
 Среди морей, среди полей сраженья;
 Любовь сильнѣй, чѣмъ смерть: она всему
 Даетъ блаженство новаго рожденья,
 Разрушивъ слепецъ, оттуда гонить тьму,
 И приобщаетъ къ свѣту своему
 Всѣхъ мертвыхъ, кто раздавленъ былъ скорбями,
 Кто въ хаосѣ стоналъ, гремя цѣпями.

Эмилія, сестра моей души,
 Насъ ждетъ корабль, онъ дышетъ парусами,
 И шепчетъ шорохъ волнъ: «Спѣши! Спѣши!»
 Подвижными живыми полосами
 Блуждаетъ пѣна, ждетъ морской просторъ,
 И легкій вѣтеръ вѣетъ съ дальнихъ горъ.
 Есть путь въ просторѣ водъ среди тумана,
 Никто не бороздилъ его до насъ,
 Не слышно тамъ о козняхъ Океана,
 Тамъ дремлютъ острова, — и каждый часъ,
 И каждый мигъ чуть слышно плещутъ волны,
 Волна бѣжитъ любовно за волной,
 Отъ кротости онѣ почти безмолвны;
 Скажи, ты хочешь плыть туда со мной?
 Довѣримся испытаннымъ матросамъ,

Пусть искрится и пѣнится потокъ, —
 Корабль нашъ будетъ мчаться альбатросомъ,
 Туда, гдѣ спитъ пурпуровый Востокъ, —
 И между крыль его сидѣть мы будемъ,
 И День пройдетъ, и Ночь придетъ за Днемъ,
 Мы будемъ плыть, мы все кругомъ забудемъ,
 И Бурю мы въ союзницы возьмемъ.
 Подъ небомъ іоническимъ, въ просторѣ
 Прозрачныхъ водъ, есть островъ голубой,
 Жемчужина, взлелѣянная въ морѣ,
 Готовая принять меня съ тобой.
 Съ землей въ союзѣ тамъ живетъ безъ крова
 Пастушескій безхитростный народъ,
 Хранящій здѣсь отъ вѣка золотого
 Негаснущихъ восторговъ сочный плодъ.
 Излюбленный пріютъ песковъ огнистыхъ,
 Ласкаемыхъ эгейскою волной,
 Съдыхъ пещеръ, загадочныхъ и мгlistыхъ,
 Исполненныхъ священной тишиной.
 Мелодіи порою возникаютъ
 То здѣсь, то тамъ, то тише, то звучнѣй,
 И чѣмъ-то смутнымъ въ воздухъ мельбаютъ,
 Бакой-то смѣной красою и тѣней.
 Встаютъ и таютъ свѣтлые туманы,
 Вдоль берега живетъ семья вѣтровъ;
 Въ лѣсахъ изъ-за вѣтвей глядятъ сѣльваны
 И прячутся опять среди стволовъ.
 А сколько тамъ озеръ, лѣсныхъ затоновъ,
 Ручьевъ, чей звонкій роготъ нѣжить слухъ,
 Тропинокъ мшистыхъ вдоль зеленыхъ склоновъ,
 Гдѣ только разъ въ году идетъ пастухъ.
 Въ глуши какъ будто что-то вродѣ сада,
 Сплетаешь цѣпкій плющъ листы свои;
 И въ ладъ съ могучимъ стономъ водопада
 Полдневные грохочутъ соловьи.
 Вездѣ растутъ душистые лимоны,
 Ихъ сладкимъ цвѣтомъ воздухъ отягченъ,
 Бѣ жонкилямъ наклонились анемоны,
 И нѣжной мукой сонный духъ смущенъ.
 Какъ отзвуки давно-забытой сказки,
 Сливаются все вмѣстѣ въ унисонъ

Движенья, ароматы, звуки, краски,
 Въ душѣ души встаетъ старинный сонъ,
 Что снился ей когда-то до рожденья.
 То островъ между Небомъ и Землей,
 Средь Воздуха и Моря,—отраженье
 Нездѣшнихъ сновъ. Прозрачной полумтлой
 Взлелѣянъ, убаюканъ, спить онъ, чудный,
 Какъ Люциферъ небесно-изумрудный,
 Предвѣстникъ утра, ласковый Эдемъ.
 Его покой не возмущенъ никѣмъ,
 Ничѣмъ и никогда. Угрюмый Холодъ,
 Война, Чума, Землетрясенье, Голодъ
 Не зажигали здѣсь костровъ своихъ;
 Какъ коршуны слѣпыя, въ часъ фатальный,
 Несутъ они толпою погребальной
 Свой бичъ въ предѣлѣ иной, для странъ другихъ;
 Крылатыхъ бурь безжизненные хоры
 Другимъ врагъ въ суровый день зимы
 Поютъ свои громовые псалмы;
 Когда-жъ случайно видятъ эти горы,
 Весь этотъ миръ лѣсовъ, полей, луговъ,
 Они смущенно смотрятъ съ облаковъ
 И плачутъ,—и алмазною росю
 Сверкаютъ золотистыя поля,
 Луга смѣются, дышетъ вся земля
 Безсмертной, обновленной красотою.
 И съ моря поднимаются, съ небесъ
 Медлительно спускаются туманы,
 То волны зыбко-вьющихся завѣсь,
 Измѣнчиво-живые караваны;
 За ними чьи-то очи и уста
 Смѣются, незнакомыя съ печалью,
 За каждой тучкой скрыта красота,
 И каждый разъ, когда за синей далью
 То Солнце вспыхнетъ, то Луна блеснетъ,
 То вѣтеръ упоительный дохнетъ,
 Вуаль спадаетъ въ небѣ за вуалью,
 И все лазурнѣй блещутъ небеса,
 И все яснѣй становятся лѣса,
 Отчетливѣй цвѣты и травы луга,
 И, наконецъ, какъ юная супруга,

Смущенная своею наготой
 И полная восторженности жгучей, —
 Весь островъ блещетъ цѣльной красотой.
 Но здѣсь еще свѣтильникъ есть могучій, —
 Хотя и сокровенный, онъ царить, —
 Онъ въ самомъ сердцѣ острова горить, —
 Безсмертная Душа, лучистый атомъ,
 Отъ Вѣчности отпавшій, онъ во всемъ,
 Въ листахъ, въ цвѣтахъ съ ихъ юнымъ ароматомъ,
 Въ сѣдыхъ утесахъ, въ небѣ голубомъ, —
 Во всемъ его улыбка ощутима,
 Хотя для смертныхъ глазъ она незрима.
 Но главнымъ украшеньемъ той страны
 Является таинственное зданье,
 Что спитъ среди священной тишины,
 Высоко поднимая очертанья.
 Кто выстроилъ его, когда, зачѣмъ, —
 Никто изъ мѣстныхъ жителей не знаетъ,
 А голосъ дней давно минувшихъ нѣмъ.
 Предъ этимъ зданьемъ гордый духъ склоняетъ
 Свою главу; но то не крѣпость, нѣтъ, —
 Какой-нибудь Владыка Океана, —
 Въ той свѣтлой мглѣ еще невинныхъ лѣтъ,
 Когда земля не вѣдала обмана,
 Здѣсь выстроилъ на зависть островамъ
 Приютъ своей сестрѣ, своей супругѣ,
 Восторговъ чистыхъ радостной подругѣ,
 И передалъ позднѣйшимъ временамъ
 Святилище непопраннаго чувства;
 И мы едва въ томъ зданьи узнаемъ
 Людскую мысль, созданіе искусства:
 Есть что-то Титаническое въ немъ;
 Взлелѣяно родимую Землю,
 Оно какъ будто выросло изъ горъ,
 И такъ стоитъ и дремлетъ съ давнихъ поръ,
 Исполнившись безмолвіемъ и мглою, —
 Созданіе изъ камня и мечты.
 Всѣ надписи фантазиі забытой
 Поблекли, стерлись. Въмѣсто нихъ листы
 Развѣсились гирляндой перевитой, —
 То плющъ и виноградные кусты.

Межь ними чужедныя растенья
 Мерцають изумрудною росой,
 Слезу роняють съ листьевъ за слезой,
 Чтобъ дать заснувшимъ сводамъ освѣщенье;
 Когда-жь они завянуть, въ часъ ночной
 Роняеть небо искривляя пятна
 Въ отверстя этой ткани кружевной,
 Въ нихъ смотрять звѣзды съ блѣдною Луной,
 Потомъ Заря, чья свѣжесть ароматна,
 Разсыплетъ брызги новаго огня,
 И свѣтятъ здѣсь живыя краски Дня,
 Мозаикой свозною покрывая
 Паросскіе полы. И такъ всегда,
 Зажжется-ль вновь вечерняя звѣзда,
 Заря ли снова глянетъ золотая,
 Всегда благословенный мирный часъ
 Гармоніей плѣнительной украшенъ.
 И чудится въ безмолвіи террасъ,
 И кажется съ высокихъ стройныхъ башенъ,
 Что все кругомъ чуть дышетъ въ полуснѣ,
 Отдавшись благодатной тишинѣ,
 Что Море спитъ съ Землей въ объятъи нѣжномъ,
 И снятся имъ луга, цвѣты, лѣса,
 Сѣдыя скалы, тучи, небеса,
 Они смѣются этимъ снамъ безбрежнымъ,
 И мы, когда улыбки ихъ прочтемъ,
 Тѣ сны своей реальностью зовемъ.

Тотъ островъ мой. Тѣ смутныя чертоги
 Тебя своей царицей назовуть;
 Есть между ними избранный пріютъ,
 Гдѣ утромъ солнце дремлетъ на порогѣ
 И вѣтры, улыбаяся, плывутъ,
 Какъ волны надъ лазурными волнами.
 Туда послалъ я много чудныхъ книгъ,
 Тамъ лютя будетъ звучно плакать съ нами,
 Я ввелъ туда зиждательный родникъ,
 Чьи воды лучшимъ въ мірѣ сладко пѣли
 И вызвать заклинаньями умѣли
 Минувшее изъ тьмы его гробницъ,
 Грядущее изъ хрупкой колыбели,

Гдѣ еле брезжутъ тѣни дѣтскихъ лицъ,
 А радостямъ и мыслямъ настоящимъ
 Рыдали гимномъ звонко-золотымъ,
 Такимъ могучимъ, звучнымъ и блестящимъ,
 Что Вѣчность наклонилась жадно къ нимъ.
 И будемъ мы, страница за страницей,
 Читать святую книгу бытія;
 Жить вмѣстѣ, всюду только ты и я,
 Не нуженъ намъ наемникъ блѣднолицый,
 Что Роскошью зовется у людей:
 Напрасной ухищренностью своей
 Онъ только портитъ свѣтлое блаженство—
 Быть съ Матерью-Природой заодно,
 Сливаться съ ней въ могучее звено,
 Вкушать невинность, кротость, совершенство.
 Намъ дикій голубь станеть ворковать
 О томъ, какъ любить онъ свою подругу,
 Какъ сладко знать любовь и тосковать,—
 И мы съ улыбкой склонимся другъ къ другу.
 Когда погаснетъ вечеръ золотой,
 Вкругъ башенъ, молча, совы будутъ виться,
 Звѣзда зажжется въ небѣ за звѣздой,
 И дѣтски будутъ всѣ онѣ дивиться
 На этотъ миръ, любовь и тишину;
 Волна пробудитъ сонную волну,
 И безъ конца мгновенья будутъ длиться;
 Надъ гладью водъ луна свой дискъ зажметъ,
 Покинувъ тьму заморскаго чертога;
 Лѣсная лань погрѣться къ намъ придетъ
 И будетъ спать у нашего порога;
 И ночь задержитъ медленный полетъ.
 Вотъ нашъ очагъ. Здѣсь будемъ жить съ тобою.
 Когда же годы къ вѣчности уйдутъ,
 И всѣ мечты, гонимыя судьбою,
 Поблекшими листьями опадутъ,
 Пусть будемъ мы зарею незакатной,
 Душой страны, лучисто-ароматной,
 Сознательной, единой навсегда.
 Но эти дни отъ насъ еще далеко.
 Пока намъ свѣтитъ юности звѣзда,
 Мы будемъ жить и чувствовать глубоко,

Бродить вдвоемъ по зелени луговъ,
 Подъ небомъ перламутрово-лазурнымъ,
 Любить, мечтать, внимать вѣтрамъ безбурнымъ.
 Слѣдить полетъ воздушныхъ облаковъ,
 А то смотрѣть на море съ береговъ—
 И видѣть, какъ встаютъ и таютъ струи,
 Бѣгутъ ласкать прибрежные пески,
 Какъ быстрые морскіе поцѣлуи
 Запѣнились отъ страсти и тоски.
 И все, въ чемъ есть блаженство и безпечность,
 Зажжетъ для насъ привѣтные огни,
 И мы благословимъ и мигъ, и вѣчность,
 Всегда—вдвоемъ, всегда, вездѣ—одни,
 Другъ въ другъ, словно тучки, нѣжно тая,
 Другъ другомъ такъ любовно обладая,
 Что жизнь съ любовью будетъ свѣтъ одинъ.
 Потомъ, уставъ бродить среди долинъ,
 Уйдемъ къ какой-нибудь пещерѣ мрачной,
 Гдѣ лунный свѣтъ, забывъ, что ночь прошла,
 Какъ будто спать,—и насъ покроетъ мгла,
 И къ намъ смотрѣть не станетъ день прозрачный.
 И нашъ восторгъ на время отдохнетъ,
 И свѣжій сонъ, роса любви усталой,
 Брѣпительной прохладою дохнетъ,
 И вновь проснется страсть—зарю алой.
 Мы будемъ говорить; потомъ когда
 Теченье мысли будетъ слишкомъ нѣжно,—
 Уста вздохнуть и смолкнуть безмятежно,
 И нашей страсти юная звѣзда
 Зажжется въ долгихъ взглядахъ: сердце станетъ
 Шептать слова, которыхъ не забыть,—
 Другое сердце, дрогнувъ, нѣжно взглянетъ
 И скажетъ: «я хочу тебя любить!»—
 И тишина звучать не перестанетъ.
 Прижмется къ груди грудь; въ блаженный мигъ
 Смѣшаются дыханія стыдливо,
 Уста къ устамъ прильнуть краснорѣчиво,
 И въ каждомъ тотъ завѣтнѣйшій родникъ,
 Что въ самой сокровенной кельѣ бьется,
 Для радости ликующей проснется,—
 И эти волны высшей красоты

Сольются въ яркомъ свѣтѣ чистоты,
 Объятыя одной безгрѣшной страстью,
 Зайскрятся, какъ горные ключи,
 Когда они бѣгутъ на встрѣчу счастью,
 Привѣтствуя весенніе лучи.
 И будемъ мы однимъ созданиемъ свѣта,
 Одной душой влюбленной въ двухъ тѣлахъ,
 Одною страстью въ двухъ родныхъ сердцахъ.
 Зачѣмъ же въ двухъ? Ты будешь какъ комета,
 Я буду какъ летучій метеоръ,
 И мы сплетемъ лучи въ одинъ узоръ,
 Смѣшаемся, другъ другомъ озаримся,
 Въ слиянїи огнемъ преобразимся,
 Себя самихъ сіяніемъ затмимъ,
 Другъ въ другѣ поселимъ восторги рая,
 Всегда горя и вѣчно не стораая,
 Давая жизнь свѣтильникамъ своимъ
 Взаимной страстью, яркимъ совершенствомъ,
 Той сущностью, что свѣтитъ только намъ,
 И дышетъ нескончаемымъ блаженствомъ,
 И рвется къ безграничнымъ небесамъ:
 Огонь одной надежды въ двухъ желаньяхъ,
 Одно желанье въ царствѣ двухъ умовъ,
 Одинъ восторгъ весенній двухъ громовъ,
 Одинъ Эдемъ въ двоякихъ очертаньяхъ,
 Однихъ небесъ немеркнущая твердь,
 Одна любовь, одна нѣмая смерть,
 Одно уничтоженье въ мукѣ жгучей,
 Одинъ восторгъ безсмертья.

Горе мнѣ!

Своей душой, крылатой и кипучей,
 Хочу взлетѣть къ надзвѣздной вышинѣ,
 Гдѣ вѣчно, ночь за ночью, дни за днями,
 Любовь горитъ, какъ свѣточъ Божества,
 Но мой полетъ свинцовыми цѣпями
 Влекутъ къ землѣ безсильныя слова.
 Стремясь душой къ заоблачному раю,
 Я падаю, дрожу, изнемогаю!

О, слабые стихи, идите къ ней,
 Бѣ въладычицѣ моихъ печальныхъ дней,

И, павъ къ стопамъ блистательной царицы,
Промолвите: «Твой рабъ смиренный ждетъ,—
Вели,—и онъ, какъ тѣнь, къ тебѣ придетъ!»
И въ сумрачномъ забвеніи гробницы
Найдите вашихъ братьевъ и сестеръ
И, слившись съ ними въ дружный, звучный хоръ,
Запойте громко: «Свѣтъ любви чудесенъ,
Прекрасна даже скорбь любовныхъ мукъ;
Но міръ земной—для высшей нѣги—тѣсенъ;
Лишь кто свершилъ земныхъ стремленій кругъ,
Въ иныхъ мірахъ извѣдаетъ отраду,
Любви блаженной высшую награду».
И станете вы жить, когда меня
Не будетъ здѣсь. И, спѣвши гимнь согласный
Подъ свѣточемъ плѣнительнаго дня,
Найдите вы въ толпѣ людей безстрастной
Марину, Ванну, Прима и другихъ,
Скажите имъ, чтобъ ласковѣй любили,
Чтобъ въ пылкости любви друзьями были.
Потомъ, бѣжавъ отъ всѣхъ для васъ чужихъ,
Отдайтесь чистой нѣгѣ думъ влюбленныхъ
И весело ко мнѣ вернитесь вновь,—
Я буду ждать въ предѣлахъ отдаленныхъ,
Гдѣ царствуетъ безсмертная Любовь.

Н. Бальмонтъ.

ЮБИЛЕЙ *).

(Не совсемъ обыкновенная исторія).

V.

Два отдѣльные кабинета большого петербургскаго ресторана, одинъ противъ другого, раздѣленные между собой корридормъ, освѣщены à gіогно. Въ одномъ, небольшомъ, бродятъ, сидятъ, стоятъ кучками и въ одиночку мужчины во фрагахъ и нарядно одѣтыя дамы. Въ другомъ, довольно обширномъ и совершенно пустомъ, виднѣется длинный столъ, въ формѣ глаголя, покрытый бѣлоснѣжною скатертью, на которой эффектно блестятъ, при свѣтѣ разставленныхъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ бронзовыхъ большихъ канделябръ, приборы, въ компаніи съ группами стакановъ, бокаловъ и рюмокъ. Тутъ суетятся лакеи, разставляя въ углу, на отдѣльномъ столѣ, рядомъ съ піанино, закуску. За ними наблюдаетъ, дѣлая по временамъ замѣчанія, наряженный въ просторный, далеко уже не первой свѣжести фракъ, Поплясухинъ.

— Винегретцу, винегретцу бы слѣдовало...

— Подадимъ-съ.

— А будетъ форшмакъ?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Ну, и чортъ съ нимъ!... А вотъ рѣдечка?... Есть! Отлично!... Ну, вотъ, теперь все отлично! — потирая со вздохомъ удовлетворенія руки, говоритъ Поплясухинъ Думкеллеру, который подходитъ къ нему съ папирсой во рту и принимается разсматривать критическимъ окомъ закуску. — Видѣли, какое меню?

— Видѣлъ... Обѣдъ ничего, вино только дрянъ... дешевое крымское... да и мало ужъ слишкомъ! — возражаетъ Думкеллеръ,

*) *Русская Мысль*, кн. X.

озирая обѣденный столъ, у котораго мелькають лакеи, разставляя полубутылки съ краснымъ и бѣлымъ виномъ.

— Угорѣли вы, батенька!... Закуска и водка, обѣдъ въ четыре блюда, съ виномъ—и все за эти ничтожныя деньги! Попробовали бы вы такъ устроить! Хотѣлъ бы я посмотрѣть, какъ бы вы такъ устроили!—вослицаетъ Поплясухинъ, уязвленный въ самое сердце.—Вина ему мало! Скажите! Шампанскаго еще не хотите ли?

— Мнѣ не нужно шампанскаго... Мнѣ—пиво,—говорить спокойно Думкеллеръ.

— Ну, еще бы, извѣстно... вамъ только бы пиво,—ворчить Поплясухинъ, отвертываясь. Онъ умолкаетъ и лишь тяжело отдувается, такъ какъ ему рѣдко приходится такъ волноваться. Совсѣмъ успокоившись, онъ опять оборачивается къ своему собесѣднику и продолжаетъ медленнымъ голосомъ:—Да, знаете ли, что я скажу вамъ, Августъ Васильичъ?... Вѣдь, кажется, придется намъ всѣмъ по рублю приплатить... Больно ужъ дешево мы разсчитали... Да... придется еще раскошелиться...

— Чортъ дирай!—взвизгиваетъ тонкимъ фальцетомъ Думкеллеръ и моментально багровѣетъ, какъ клопъ.— Это еще что за новости? За себя заплатилъ, за жену заплатилъ, за подарокъ полтинникъ пришлось приплатить, да еще рубль подавай? Нѣ-ѣтъ! Danke schön! Не хочу!... Чортъ дирай!

Думкеллеръ швыряетъ въ уголь окурокъ, затаптываетъ его свирѣпо подошвой и быстро уходитъ отъ Поплясухина. Въ дверяхъ онъ натывается на Грохотунскаго, бросаетъ на него взглядъ раздраженія, даетъ молча дорогу и исчезаетъ въ кабинетъ насупротивъ.

— Что съ нимъ такое?—спрашиваетъ Поплясухина Грохотунскій, кивая вслѣдъ удалившемуся, достаетъ изъ коробочки папиросу и закуриваетъ ее отъ канделябры.— Поругались, что ли, вы съ нимъ?

Съ этимъ вопросомъ Грохотунскій становится насупротивъ зеркала въ широкой позолоченной рамѣ и глядится въ него. Видъ Грохотунскаго совершенно парадный. Длинные кудри его приглажены и красиво ниспадаютъ на плечи, на фракъ пока ни пушинки, со-
ла и бѣлый батистовый галстукъ—совершенно безукоризненной жести. Самыя движенія его исполнены большого достоинства и жественно-медленны. Онъ часто задумывается, вперяя сосредоточенный взоръ въ неопредѣленную даль, какъ человѣкъ, весь чиннутый одною, особливою, не могущею быть ни съ кѣмъ развѣнной, заботой.

— Ничего не ругались,—отвѣчаетъ ему Поплясухинъ.— Не

понравилось, изволите видѣть, когда я сказалъ, что придется за обѣдъ приплатить...

— Эхъ, и напрасно! Чего торопился? Вѣдь, говорилъ я тебѣ, что это нужно потому, подь шумога, когда подопьютъ?... Дернуло тоже тебя!

— Ну, чортъ съ нимъ, наплевать!

— Конечно, на него наплевать... Досадно вотъ только, что изъ бюджета мы выскочили... Не даромъ я говорилъ, что трехъ рублей недостаточно.

— И я говорилъ, что трехъ рублей недостаточно, — соглашается съ нимъ Поплясухинъ. — Ну, а ты скажи: развѣ плохо устроено? Чего ты хочешь еще? — начинается онъ опять волноваться, окидывая рукою закуску, обѣденный столъ и всю обстановку. — Великолѣпно все, братецъ!

— Это положимъ... Съ подаркомъ вотъ тоже влетѣли немножко... — продолжаетъ Грохотунскій задумчиво. — Чортъ знаетъ, какъ дорого онъ обошелся!

— А кто виновать? Дернуло Бубенцова сунуться къ Кнопу! Не могъ подешевле найти магазина! Чего лучше у Бумберга? Нѣтъ, какъ можно, шибъ насъ заѣлъ!

— Это правда, что шибъ насъ заѣлъ... Хотя, положимъ, у Бумберга ничуть не дешевле.

— Дешевле!

— Говорю, не дешевле!

— А я говорю, что дешевле!

— Гм... гм... — съ предостерегающимъ видомъ покашливаетъ вдругъ Грохотунскій, бросая взглядъ въ сторону и тѣмъ обращая вниманіе своего собесѣдника на незнакомаго господина, который стоитъ въ двухъ шагахъ и невинно дымитъ папироской. Грохотунскій озабоченно спрашиваетъ:

— Бубенцова все еще нѣтъ?

— Не видать.

— Скоро ужъ шесть.

— Да, почти шесть.

Оба таинственно, какъ заговорщики, расходятся въ разныя стороны.

Показываются два преподавателя: французъ, m-g Clichet, и математикъ Цыцарскій, оба достаютъ напирасы, закуриваютъ одинъ у другого и торжественными шагами прохаживаются.

Появляются еще два какихъ-то субъекта: одинъ — блѣдный, ху-

дой и даже нѣсколько мрачный, другой— жизнерадостнаго и цвѣтущаго вида. У каждаго въ зубахъ папираса.

— Однако, тамъ жарко становится,— замѣчаетъ жизнерадостнаго вида субъектъ, закуриваетъ отъ канделябры и прислоняется спиною къ пианино.

— Жарко,— лаконически соглашается мрачный, тоже закуриваетъ отъ канделябры, послѣ чего садится на подоконникъ и меланхолически болтаетъ ногою.

«Тамъ», т. е. въ другомъ кабинетѣ, дѣйствительно, становится жарко, а, главное, нельзя тамъ курить. Не осведомленные о такомъ запрещеніи, они вынули было по папиросѣ, какъ тотчасъ же рядомъ послышался обращенный къ нимъ испуганный шепотъ:

— Господа, господа, ради Бога... Здѣсь дамы, нельзя!

Этимъ испуганнымъ шепотомъ говоритъ маленькій, черненькій, остриженный «бобригомъ» молодой человекъ, озбоченнаго и хлопотливаго вида, одинъ изъ безчисленнаго сорта людей, безъ которыхъ немыслимо никакое собраніе, будь то юбилей, концертъ или публичная лекція, гдѣ они отбираютъ билеты, указываютъ публикѣ, гдѣ нужно садиться, бдительно слѣдятъ за порядкомъ и всегда подъ рукою, если необходимо куда-нибудь тотчасъ помчаться или что-нибудь моментально уладить или устранить, съ великою охотой и рвеніемъ, вполнѣ безкорыстно, ради одного только сознанія, что безъ нихъ — какъ безъ рукъ... Видъ у него совершенно такой же, какъ у всѣхъ господъ этого типа,— бойкій, развязный, даже задорный, — каковымъ обладаетъ боевой пѣтушокъ. Зовутъ его Орлянкинымъ. Тихона Антоныча онъ никогда не видалъ и въ глаза, не зналъ даже, что таковой существуетъ на свѣтѣ. Привлекъ Орлянкина къ этому дѣлу хорошей пріятель его, Бубенцовъ, и этого было довольно, чтобы тотъ всецѣло проникся тотчасъ же своими обязанностями.

Онъ былъ уже давно весь въ поту. Онъ мелькалъ среди публики, на мгновеніе, какъ метеоръ, видѣлся въ большомъ кабинетѣ, торопливымъ, отрывистымъ шепотомъ держалъ на лету совѣщаніе съ кѣмъ-нибудь изъ лакеевъ, съ лихорадочною быстротой выхватывалъ изъ кармана и снова пряталъ часы, появлялся въ корридорѣ, возникалъ внезапно на лѣстницѣ и, заслышавъ вопросъ некомаго голоса, обращенный къ швейцару: «гдѣ тутъ кабинетъ гласухина?» — стремглавъ мчался на встрѣчу и сообщалъ:

— Пожалуйста, здѣсь, вотъ сюда!

Затѣмъ предлагался вопросъ:

— Ваша фамилія?

Удостоверившись, что фамилія, которую назвали ему, имѣется въ спискѣ участвующихъ, Орлинкинъ спрашивалъ снова:

— Не изволили еще подписаться подъ адресомъ?

Если отвѣтъ былъ отрицательный, стремительный юноша хищно подхватывалъ подъ руку новоприбывшаго гостя и, разсыпая во всѣ стороны: «пропустите, господа, пропустите, pardon, покоряѣйше прошу, пропустите», влекъ его въ уголъ, гдѣ, на маленькомъ столикѣ, въ темно-малиновой плюшевой папѣ покоился адресъ, подавалъ съ поклономъ перо и, убѣдившись, что жертва его исполнила все, что отъ нея было потребовано, отпускалъ ее на свободу, а самъ устремлялся къ исполненію дальнѣйшихъ обязанностей...

На томъ же маленькомъ столикѣ, съ адресомъ, виднѣется массивная, свѣтлой бронзы, чернильница, украшенная фигурой голаго мальчика, протянувшаго одну руку впередъ, а другую обхватившаго возвышающійся надъ нимъ рогъ изобилія, въ который можно съ удобствомъ вставлять карандаши, ручки для перьевъ и пр. Это—подарокъ, который имѣетъ быть поднесенъ юбиляру, и голый мальчикъ, въ данномъ случаѣ, заключаетъ въ себѣ аллегорическій смыслъ. Здѣсь постоянно тѣснится группа разсматривающихъ. Другая группа видна у камина, гдѣ поставленъ диванчикъ и имѣется нѣсколько креселъ. Тамъ расположились представительницы прекраснаго пола, очевидно, вступившія между собою въ союзъ—отнюдь не уступать никому своихъ мѣстъ. Такъ какъ другой мебели налицо не оказывается, то все остальное общество мается стоя. Тотъ, кто нашелъ себѣ мѣсто у стѣнки и могъ къ ней приклониться, долженъ еще почестся счастливымъ. Многие лишены даже и такого удобства и принуждены слоняться съ мѣста на мѣсто, напоминая собой лѣтнихъ мухъ, попавшихся въ специально для нихъ предназначенную банку съ отравой, или стоять просто столбомъ, питая въ себѣ чувство зависти по отношенію къ одной, никому незнакомой здѣсь парѣ: молодому человѣку и таковой же женскаго пола особѣ, которые съ удобствомъ расположились на подоконникѣ. Они тамъ вполне довольны и счастливы, имъ даже до чрезвычайности весело, судя по тому, что оттуда безпрестанно раздается хохотъ женской особы. Молодой человѣкъ обладаетъ блѣднымъ и истощеннымъ лицомъ, усѣянными прыщиками и завитками на лбу. Сосѣдка его,—рослая брюнетка, не первой уже молодости, съ роскошно развитымъ бюстомъ, въ палевомъ съ широкимъ вырѣзомъ платьѣ, съ пунцовымъ бантомъ на лѣвомъ плечѣ,—очень пикантна: полная, нѣсколько выдавшіяся губы въ цвѣтѣ и свѣжести могутъ соперничать съ бантомъ, причемъ надъ верх-

нею ясно видѣются темные усики; волосы низко острижены и завиты мелкимъ барашкомъ. Ея кавалеръ, съ самымъ серьезнымъ, даже деревяннымъ, лицомъ, что-то говоритъ ей въ полголоса, а она бѣгается со смѣху и, махая рукою, восклицаетъ ему тоже въ полголоса:

— Да перестаньте!... Ха, ха, ха!... Не смѣшите!... Ха, ха, ха!... Вы меня уморите!... Ха, ха, ха!...

Пищу для юмора ея кавалера, между прочимъ, даютъ окружающіе, судя по тому, что онъ часто бросаетъ косвенно сатирическій взглядъ въ разные пункты и, остановивъ его на какой-либо фигурѣ, наклоняется къ сосѣдѣ и шепчетъ, а она, вскинувъ на носъ золотое пенсне, которое очень идетъ къ ней, тоже шепотомъ спрашиваетъ:

— Боторый? Боторый?

— Вонъ тотъ, что у стѣнки...?

— Высокій? Съ длинными волосами? Блондинъ?...

— Да нѣтъ... Голова у него, напротивъ, совсѣмъ безъ волосъ... Какъ пузырь... Вонъ тотъ, коротенькій, толстый... — киваетъ онъ на молчаливо стоящаго у стѣнки Думкеллера.

— Вижу, вижу... Ха, ха, ха!... Ну, ну, ну?...

— Не правда ли, онъ очень похожъ на молодого утопленника?

— Ха, ха, ха!

— Котораго еще до сихъ поръ не совсѣмъ откачали?... Не правда ли, а?

— Ха, ха, ха!... Не смѣшите!...

— А вонъ, смотрите еще, — не унимается неистощимый въ остроуміи юноша, — видите вонъ еще тамъ компанію?

— Дама и двое мужчинъ?

— Эти самые. Дама... (обратите вниманіе на ея прелестный костюмъ!)... Вонъ какое страшное у нея выраженіе!

— Ха, ха, ха! Вы, Богъ знаетъ, что мелете!

— Нѣтъ, честное слово!... А этотъ рыжій усачь... онъ все время глазѣетъ на васъ! Смотрите, какой онъ здоровый жчина...

— Вотъ вамъ за это! — восклицаетъ сосѣдка и хлопаетъ его ружь. — Вы уже совсѣмъ заврались!

— Но, ей-Богу же, такъ!... А этотъ другой... Ну, я голову оувъ на отсѣченіе отдать, что онъ служить въ «бюро похоронкъ процессій»... Смотрите, у него и фракъ, какъ у факельщика... А видь-то, видь!... Ну, прямо, какъ есть, погребальный!

Онъ, кажется, думаетъ, что здѣсь будутъ служить паннихиду...
Нѣтъ, ради Бога, умоляю васъ, обратите вниманіе!

На этотъ разъ ядовитыя стрѣлы безпощаднаго юноши направлены противъ супруговъ Опорковыхъ; «рыжій усачъ», это— Антонъ. Всѣ трое сгруппировались въ углу, близъ дверей, и ощущаютъ себя далеко не въ праздничномъ настроеніи духа, что особенно замѣтно по выраженію лица Надежды Тихоновны, которой очень неудобно въ парадномъ, непривычномъ для нея, туалетѣ, принимая во вниманіе особенно корсетъ и перчатки. Она въ новомъ, т. е., выражаясь точнѣе, передѣланномъ совсѣмъ заново для этого случая платьѣ, цвѣта запекшейся крови, съ модными, въ видѣ пузырей, рукавами. Грудь Опорковой украшена брошкой, извлеченной, опять таки ради этого случая, изъ глубочайшихъ нѣдръ коммода. Она изображаетъ муху, сидящую на овальной плоскости изъ какого-то страннаго камня, красноватаго цвѣта съ золотистыми искорками. Видъ у Надежды Тихоновны совершенно измученный. Ноги у нея затекли и она чувствуетъ большую потребность устроиться какъ нибудь поудобнѣе, къ чему не представляется ни малѣйшей возможности. Но главное, что терзаетъ ее, это—внезапно, какъ молнія, поразившее ее воспоминаніе о ключахъ отъ коммода, шкафовъ и другихъ помѣщеній, которые впопыхахъ оставлены дома, причемъ Опоркова не въ состояніи даже припомнить, гдѣ именно эти ключи (ихъ цѣлая связка!) должны находиться... Обстоятельство тѣмъ болѣе мучительное, что отношенія ея со Степанидой дошли до послѣдней степени своей обостренности. Еслибъ она дорогой хватилась ключей, то, само собою разумѣется, не преминула бы въ ту же минуту вернуться назадъ, разыскать и взять съ собою, но въ томъ-то и дѣло, что именно, словно на грѣхъ, она вспомнила объ этихъ проклятыхъ ключахъ только ужъ здѣсь, когда ничего невозможно подѣлать... Послать за ними домой Ивана Демьяныча?... Этотъ тюлепъ прокопается Богъ вѣсть сколько времени, да еще, очень возможно, безъ всякого толку! Попросить съѣздить Антона?... Но милому братцу совсѣмъ хоть трава не рости и если бы даже они всѣ сгорѣли, онъ не повелъ бы и ухомъ. Чего лучше: когда она давеча, нѣсколько минутъ воть назадъ, сообщила ему, что забыла ключи, и выразила свое безпокойство, онъ надъ ней же потѣшился, сказавъ съ хохотомъ, что онъ совершенно увѣренъ, что теперь ихъ Степанида, со своимъ хохалемъ, рожется у нихъ во всѣхъ ящикахъ. Надежда Тихоновна тотчасъ же съ нимъ поругалась. Хоть бы на грошъ было въ немъ родственныхъ чувствъ!... Пеня!... Вишь, стоитъ себѣ,

какъ ни въ чемъ не бывало, да пялить свои дурацкіе бурбалы на стриженую эту особу, что разсѣлась на подоконникѣ и хохочетъ все время со своимъдохлымъ мальчишкой... Господи, просто хотъ ѣхать самой!

— Припомни, можетъ быть, ты видѣлъ, что я ихъ на коммодѣ оставила? — шепчетъ она тревожно сожителю.

Опорковъ пожимаетъ плечами и отвѣчаетъ уныло:

— Нѣтъ, не видалъ на коммодѣ ключей...

— Можетъ быть, на столѣ? (Иванъ Демьянычъ повторяетъ прежній свой жестъ и отвѣчаетъ опять отрицательно). Хорошо, если я ихъ въ старомъ платьѣ оставила... — соображаетъ Опоркова, и эта мысль не надолго проливаетъ въ ея скорбную душу бальзамъ утѣшенія, но затѣмъ, вспомнивъ вдругъ, что она держала ключи, будучи уже совершенно одѣтой для выѣзда, такъ что они никоимъ образомъ не могли попасть въ карманъ стараго платья, повергается снова въ отчаяніе. Какъ бы то ни было, приходится покориться судьбѣ, потому что съѣздить отсюда домой и успѣть въ-время вернуться обратно является дѣломъ совершенно немислимымъ.

Все это не можетъ, конечно, успокоительно дѣйствовать на Ивана Демьяныча, духъ котораго достаточно уже угнетенъ, благодаря присутствію у него на плечахъ его стараго фрака, не надѣвавшагося владѣтелемъ его Богъ вѣсть сколько уже времени. Фракъ обазывается теперь страшно узокъ, рѣжетъ подъ мышками и угрожаетъ тамъ лопнуть, такъ какъ Иванъ Демьянычъ своимъ чуткимъ ухомъ уловилъ уже разъ едва слышно раздавшійся оттуда предостерегающій трескъ... Поэтому онъ старается дѣлать какъ можно меньше движеній руками и совсѣмъ имѣетъ видъ замерзающаго.

Изъ всѣхъ ихъ троицъ удовлетворительно пока себя ощущаетъ Антонъ. Онъ облеченъ въ свой обычный черный скюртукъ и только ради торжественности надѣлъ бѣлый галстукъ. Онъ безпрестанно обращаетъ глаза къ подоконнику, вливая въ брюнетку въ палевомъ платьѣ, которая ему очень нравится, такъ какъ вполне въ его вкусѣ.

Его занимаютъ также стоящіе шеренгой у стѣнки преподаватели. Большинство изъ нихъ уже налицо. Бросается сразу въ глаза стольская борода длиннаго чеа Абсцесса, который выше всѣхъ ихъ на цѣлую голову. Затѣмъ ясно сіяетъ лысою своею головою келлеръ... Все остальное сливается въ однообразную массу черныхъ фраковъ и бѣлыхъ крахмальныхъ грудей. Многихъ пока еще не видно Драницына, не прибылъ еще Торопыгинъ. Андрей Чонычъ пріѣдетъ, вѣроятно, позднѣе; также и о. Братолюбовъ.

Мужчины, изъ тѣхъ, что лишены возможности даже прислониться къ стѣнѣ, испытываютъ муки томленія. Единственно, что представляется небольшимъ облегченіемъ — пойти покурить въ большой кабинетъ, и, конечно, всѣ предпочли бы остаться въ немъ, еслибъ это было возможно, но дѣло въ томъ, что пребываніе тамъ допускается лишь на краткое время, въ видахъ снисхожденія къ человѣческой слабости, да и то, можно сказать, контрабандой, такъ какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда тамъ начинается болѣе или менѣе значительная группа курильщиковъ, въ дверяхъ, тутъ какъ тутъ, стоитъ ужъ Орлянкинъ и взываетъ умоляющимъ голосомъ:

— Господа, господа!... Такъ же нельзя!...

И, въ видѣ радикальнѣйшей мѣры, приказываетъ находящемуся тутъ же лакею:

— Отворить скорѣе форточку, форточку!

Курильщики, какъ испуганное стадо овецъ, рассыпаются въ разныя стороны отъ врывающагося съ улицы холоднаго облака и на нѣкоторое время большой кабинетъ совершенно пустѣетъ. Но вскорѣ форточки оказываются снова затворенными, вдоль стѣнъ рѣютъ новыя тѣни курильщиковъ, а въ дверяхъ опять вырастаетъ Орлянкинъ.

— Господа, такъ же никакъ нельзя... невозможно!

Въ нѣкоторыхъ онъ уже успѣлъ возбудить къ себѣ ненависть.

— Что это за шишка? Не знаешь?—спрашиваетъ уже упомянутый выше жизнерадостнаго вида субъектъ у мрачнаго своего компаньона, закуривая у него папиросу. Они вошли сюда повторительно, вслѣдъ за тѣмъ, какъ Орлянкинъ только что успѣлъ разогнать всѣхъ, ранѣе здѣсь находившихся, и жизнерадостнаго вида субъектъ захлопнулъ тотчасъ же форточку.— Вотъ зуда-то, чортъ его побори! Кто онъ такой?

— Чортъ его знаетъ!—отвѣчаетъ мрачный товарищъ.

— Былъ, что ли, онъ въ нашей гимназіи? Ты не помнишь?

— Не помню такого.

— Я тоже не помню. Какъ онъ попалъ сюда?

— Кажется, онъ знакомъ съ Бубенцовымъ... Также, какъ и тотъ, прыщеватый, что съ этою барынькой съ бантомъ.

— А, съ этою, палевою!... А, вѣдь, славная бабеночка, а? Аппетитная, а?

— Ничего... бабенка невредная.

Оба въ молчаніи курятъ.

Между тѣмъ, общество увеличилось новыми лицами. Приѣхалъ

Драницынъ. Появился и Феноменовъ. Валерьянъ Алексѣичъ одѣтъ въ короткій сюртукъ, отслуживающій ему вѣрой и правдой уже второе трехлѣтіе.

— Боже, какой длинный! — слышится по его поводу шепотъ въ группѣ дамъ, которыя продолжаютъ неуклонно хранить заняты ими на диванѣ и креслахъ позиціи, развлекаясь критическою оцѣнкой всѣхъ незнакомыхъ имъ лицъ. Впрочемъ, единственный въ этомъ случаѣ голосъ принадлежитъ лишь м-ше Цыцарской, молодой, недурненькой дамочкѣ, бойкой наружности, благодаря особенно косому пробору и прыгающимъ темненькимъ глазкамъ. Она возсѣдаетъ посрединѣ дивана. Съ правой стороны ея помѣщается жена Грохотунскаго, худощавая, болѣзненнаго вида особа. Она говоритъ очень мало, изрѣдка лишь улыбается какою-то тускломъ, принужденною улыбкой. Сосѣдка Цыцарской по лѣвую руку — супруга Думкеллера, розовая, рыхлая нѣмочка, изъ тѣхъ, что называются пышками. Круглые глаза ея видомъ и выраженіемъ напоминаютъ совершенно овечья. Губки ея сложены бантикомъ и во все время пока не издали ни единого звука. Она упорствуетъ въ своемъ ненарушимомъ безмолвіи и въ тѣхъ случаяхъ, когда Цыцарская непосредственно къ ней обращается, даже ударяетъ ее по плечу концомъ вѣера. Губки фрау Думкеллеръ, все-таки, сохраняютъ видъ бантика, и только въ невинныхъ глазкахъ ея, цвѣта вареныхъ фіалокъ, появляется выраженіе внезапно изумленной малютки. Молчаливость сосѣдки, впрочемъ, отнюдь не мѣшаетъ Цыцарской все время быть оживленной. Она беззаботно щебечетъ, вертится въ разныя стороны, шуршитъ своимъ вѣеромъ, безпрестанно его распуская и складывая, хлопаетъ имъ по плечу или рукъ правой или лѣвой сосѣдки и, когда уже не о чемъ совсѣмъ говорить, восклицаетъ капризно-жалобнымъ голосомъ: «Боже, какъ жарко!»

— О, Боже, и онъ тоже здѣсь! — вдругъ испускаетъ она шепотъ ужаса, устремляя глаза по направленію къ двери.

М-ше Грохотунская и фрау Думкеллеръ въ свою очередь тоже обращаютъ туда свои взоры.

— Кто? Про кого вы говорите? — спрашиваетъ съ безотчетною тревогой м-ше Грохотунская.

— Да про это чудовище... Какъ его?... Я все забываю фамилию... да, Антидорскій... Вонъ онъ идетъ сюда! — прибавляетъ Цыцарская съ трепетомъ, похожимъ на тотъ, который она испытала и при видѣ ползущаго на нее скорпіона.

Изъ тѣсной толпы, застрявшей въ дверяхъ, отдѣляется высокая фигура господина, по внѣшности своей не заключающаго въ

себѣ ничего, что могло бы возбудить чей-либо ужасъ. Напротивъ, онъ довольно красивъ, вполне даже приличенъ, въ безукоризненномъ фракѣ, съ остроконечно-подстриженной à la буланже бородой и длинными, закрученными въ стрѣлки, усами. Въ лицѣ его тоже незамѣтно чего-либо такого, что въ состояннн было бы кого-нибудь заставить его опасаться. Несмотря на закрученные въ стрѣлки усы, выраженіе лица его скромное, даже застѣнчивое... Это Антидорскій, учитель гимнастики. Въ силу ли сознанія скромнаго своего значенія среди прочаго учебнаго персонала гимназіи, или по другимъ какимъ-либо причинамъ, онъ держится особнякомъ отъ своихъ товарищей-преподавателей, и въ томъ, какъ онъ теперь съ ними здороваётся и отвѣшиваетъ издали общій поклонъ дамской группѣ, можно замѣтить даже отѣнокъ почтительности. Исполнивъ это въ молчаннн, онъ тотчасъ стушевывается. Тѣмъ не менѣе, присутствіе его всѣми отмѣчено: нѣкоторые обмѣнялись многозначительнымъ взглядомъ, а кто-то кому-то замѣтилъ въ полголоса:

- Гм... и Антидорскій явился.
- Гм... да, къ сожалѣнію.
- Чего добраго, будетъ спектакль.
- Очень возможно.

М-ше Цыцарская продолжаетъ больше всѣхъ волноваться.

— Боже, какъ я боюсь, какъ я боюсь, если бы вы знали! — шепчетъ она, стискивая руку м-ше Грохотунской и вертятся, какъ на угольяхъ. Поймавъ взглядъ издали сквозь толпу на нее смотрящаго мужа, она начинаетъ ему энергически жестикулировать.

— Стась, Стась! Поди сюда, Стась!

Математикъ Цыцарскій протискивается и, подойдя къ женѣ, спрашиваетъ:

- Ну, что такое?
- Антидорскій тутъ! Видѣлъ?
- Конечно-жъ... Даже поздоровался съ нимъ.
- Не садись рядомъ съ нимъ! Слышишь?

Цыцарскій съ презрительною усмѣшкой пожимаетъ плечами и отходитъ.

— Умоляю! — громко бросаетъ жена ему вслѣдъ.

Въ ту же минуту въ толпѣ происходитъ движеніе. Приѣхалъ директоръ, Андрей Ардадьонычъ Хуторовскій. Съ нимъ и инспекторъ, толстый и коротенькій человекъ, страдающій постоянно одышкой, Лука Николаичъ Поддубный, болѣе извѣстный между учениками подъ именемъ просто Луки или Букиша. Директоръ Хуторовскій, невысокій, умѣренной полноты господинъ, съ большими

пушистыми, посъдѣвшими уже бакенбардами, мягкій въ приемахъ, не безъ отѣнка достоинства, производитъ впечатлѣніе вполне джентльмена. Поддубный, онъ же и Бугишъ, напротивъ, имѣетъ въ себѣ что-то вульгарное. Съ маленькими, выпученными глазками, похожими на оловянные пуговицы, на багрово-красномъ лицѣ и съ подстриженными въ видѣ щетокъ усами, онъ сильно смахиваетъ на переодѣтаго въ статское платье фельдфебеля.

Появленіе ихъ производитъ сенсацію. Пока одна часть общества здороваается съ Андреемъ Ардальоничемъ, другая озабочена вопросомъ, гдѣ его посадить. Дамы готовы наперерывъ уступить свое мѣсто.

— Mesdames, ради Бога... вы меня конфузите... Господа, не беспокойтесь... убѣдительно прошу васъ, не беспокойтесь изъ-за меня, господа!—умоляетъ Андрей Ардальоничъ и, чтобы поскорѣе покончить съ этимъ вопросомъ, занимаетъ мѣсто у стѣнки.

Но Абсцессъ отнюдь не намѣренъ на томъ успокоиться. Извиваясь, какъ угорь, онъ скользятъ съвозъ толпу въ корридоръ, уловляетъ Орлянкина, и результатомъ краткаго ихъ совѣщанія является стулъ, который торжественно тащитъ одинъ изъ лакеевъ. Андрей Ардальоничъ, несмотря на его сопротивленія, все-таки, усаженъ на мѣсто. Поддубный остается тамъ, гдѣ стоялъ, на ногахъ, напоминая всею своею фигурой прочно утвержденную тумбу.

Въ комнатѣ стало до невыносимости душно, поэтому многіе прохаживаются по корридору, чтобы отдышаться. Иные эмигрировали въ большой кабинетъ. Жизнерадостный и мрачный субъекты, которые все время, какъ два Аякса, между собой неразлучны, порѣшили совершенно въ немъ основаться. Орлянкинъ на нихъ махнулъ ужь рукою. Среди новоприбывшихъ они отыскали двухъ соучениковъ той же гимназіи позднѣйшаго выпуска. Оба въ формѣ студентовъ: одинъ—университетскій, другой—медикъ. Перваго зовутъ Мокряковымъ, фамилія второго—Тычинкинъ. Аяксы тоже назвали себя: жизнерадостный оказался Скачковымъ, а мрачный товарищъ его—Мухоморовымъ. Всѣ они, съ папирсами, расположились у окна, близъ закуски, и бесѣдуютъ по поводу общихъ знаемыхъ. Началось, конечно, съ воспоминаній о юбиларѣ. Сказано емъ было немного, но отзывы были одного характера.

— Сычъ предобродушный былъ старикашка, — воскликнулъ университетскій студентъ, — только что телата его не лизали!

— Безвредный старикъ, — сказалъ въ свою очередь медикъ, — только, все-таки, на кой чортъ ему юбилей?

— Ну, что-жь, отчего его не потѣшить? — замѣтилъ Скачковъ.— Главное, вѣроятно, все выйдетъ очень забавно!

— Я, сказать откровенно, только изъ-за того и поѣхалъ,— признался Тычинкинъ.

— Всѣхъ потѣшитъ будетъ, конечно, самъ тишайшій нашъ Сычъ,—сказалъ Мокряковъ.

— Помню, какъ я, еще первоклассникомъ, на его урокъ табакерку съ музыкой разъ притащилъ,— задумчиво сообщилъ Мухоморовъ,—то-то ему было тревоги!

— Что-жь, онъ васъ не поймалъ?—спросилъ Мокряковъ.

— Не поймалъ,—вздыхнулъ Мухоморовъ и умолялъ, погрузившись въ воспоминанія минувшаго.

Затѣмъ разговоръ перешелъ къ настоящимъ событіямъ.

— А Бувишь-то, Бувишь!—воскликнулъ опять Мокряковъ.— Какова подлая бестія! Сдѣлалъ, вѣдь, видъ, будто меня не узналъ! Замѣтилъ?—обратился онъ съ вопросомъ къ Тычинкину.

— Еще бы ты передъ выпускными экзаменами такъ здорово съ нимъ поругался!

— Запомнилъ, вѣдь, шельма!

— Запомнилъ, каналья!

— А Абсцессъ-то, а, господа? Какимъ баринномъ сталъ! Вотъ вы на него и смотрите!

— Отѣлся на русскихъ хлѣбахъ!

— А ты не забылъ, Мухоморовъ, какъ онъ только что къ намъ изъ своей Праги пріѣхалъ?... Худенькій, жаленькій, въ чемъ только душа.

— Помнимъ всѣ... Ну его къ чорту!

— А знаете, что, господа!—обратился ко всѣмъ Мокряковъ,— вѣдь, Грохотунскій, надо полагать, сегодня зда-ар-ровую муху убьетъ!

— Ого-го!

— Ха-ха-ха!

— Надо будетъ заставить его тотъ анекдотъ рассказать... Помнишь, Тычинкинъ?

— Какой анекдотъ?—заинтересовался Скачковъ.

— Ахъ, вы не знаете! Въ «Назаретѣ» онъ намъ съ нимъ рассказывалъ... Прелестно у него это выходитъ.

— Въ чемъ дѣло?

— А видите, въ чемъ... Ѣдетъ по улицѣ разъ одна барыня...

Но анекдоту не суждено имѣть продолженія. Въ дверяхъ появ-

ляется внезапно Орлянкинъ и объявляетъ строгимъ и торжественнымъ голосомъ:

— Господа! Сейчасъ долженъ быть юбиляръ! Покорнѣйше прошу васъ пожаловать!

— Идемте, братцы! За столомъ, чуръ, вмѣстѣ садиться!

— Само собой! Обязательно!

Теперь въ небольшомъ кабинетѣ тѣсно, какъ въ боченкѣ сельдей. Освобождено лишь небольшое пространство между дверью и столикомъ съ виднѣющимися на немъ, при огнѣ пары свѣчей, плюшевою папкой и долженствующею быть поднесенною юбиляру чернильницей. Это пространство очищено для юбиляра. Тутъ сгруппировались всѣ имѣющіяся въ наличности дамы; между ними, въ качествѣ самаго почетнаго гостя, директоръ гимназіи, Андрей Ардальонычъ, а впереди всѣхъ Грохотунскій, слегка опершійся правою рукой о столикъ. Они обращены лицомъ къ двери (которая пока плотно притворена и придерживается за ручку снаружи, изъ корридора, лакеемъ, между тѣмъ какъ другой лакей стоитъ на стражѣ у двери въ большой кабинетъ, гдѣ теперь отворены форточки, для освѣженія отъ табачнаго дыма, и выметають окурки), и у нихъ у всѣхъ такой видъ, будто они собрались причащаться... Остальное все общество стѣснилось въ плотную массу, и положеніе заднихъ оказывается однимъ изъ самыхъ плачевныхъ, какъ, на примѣръ, Антона и инспектора, которые притиснуты къ стѣнкѣ широкою спиной Думкеллера и принуждены созерцать его блестящую маковку и апостольскій профиль Абсцесса, возвышающійся надъ цѣлою толпой. Позиція Ивана Демьяныча оказалась удобною, онъ очутился въ передней группѣ, гдѣ дамы, такъ какъ жена успѣла подхватить его подъ руку, причемъ Опорковъ въ ту же минуту получилъ подозрѣніе, что фракъ его, наконецъ-таки, лопнулъ подъ мышкой. Мысль объ этомъ все время теперь его мучить.

Всѣ стоять въ ожиданіи. Разговоры умолкли. Тишина гробовая. Слышно только, какъ тяжело дышетъ инспекторъ.

Но вотъ дверь широко распаивается невидимою рукою лакея и въ ней появляется Тихонъ Антонычъ...

Грохотунскій вскидываетъ вверхъ обѣ руки, потомъ опускаетъ съ трескомъ, ладонями вмѣстѣ, и въ ту же минуту стѣны комнаты потрясаются отъ грома рукоплесканій...

Юбиляръ, весь красный, взволнованный, низко-пренизко раскидывается. Въ то же время, онъ растерянно тычется въ небольшое пространство между Грохотунскимъ и дверью, гдѣ завязла асковья Никифоровна, которая не можетъ двинуться дальше, по-

тому что ей придется тогда повалить мужа на столыгъ или вѣзаться самой на проломъ между двухъ ближайшихъ къ двери сосѣдей. Грохотунскій, тѣмъ временемъ успѣвшій вооружиться плюшевою папкой, пятится немного назадъ, на дамскую группу, которая, въ свою очередь, тоже осаживаетъ, вслѣдствіе чего промежутокъ становится нѣсколько шире и юбиляръ теперь можетъ стоять совершенно свободно. Прасковья Никифоровна дѣлаетъ было попытку пролѣзть совсѣмъ въ комнату, но тотчасъ же находитъ удобнѣйшимъ не трогаться дальше. Какъ бы то ни было, дѣло, все-таки, скоро улаживается, причемъ происшедшее у дверей замѣшательство остается совершенно неизвѣстнымъ для заднихъ изъ зрителей, которые повтому все время не прерывали аплодисментовъ.

Наконецъ, Грохотунскій подаетъ знакъ къ молчанію. Передній рядъ стоитъ совершенно спокойно. Только сзади раздаются нѣсколько всплесковъ въ видѣ послѣднихъ отзвуковъ затихающей бури... Орлянкинъ строго оглядывается и энергически дѣлаетъ: «ш-ш!» Воцаряется снова гробовое безмолвіе.

Грохотунскій раскрываетъ находящуюся въ рукахъ его папку, въ которой вложенъ написанный на атласистомъ листѣ толстой, «министерской» бумаги поздравительный адресъ, и торжественно и громко читаетъ:

«Многоуважаемый и дорогой юбиляръ
Тихонъ Антоновичъ!

«Въ вашемъ лицѣ мы чествуемъ одного изъ немногихъ, которому можетъ выпасть на долю завидный жребій—дожить до тридцатипятилѣтія своей общественной дѣятельности. Тридцать пять лѣтъ вы ровно и неуклонно шли по пути, изъ всѣхъ тяжелыхъ путей, которыми полна наша печальная земная юдоль, — сугубо тяжелому, неблагоприятному, изобильно усыпанному волчцами и терніями, каковымъ представляется скорбный путь педагога...»

Грохотунскій дѣлаетъ короткую паузу. На глазахъ юбиляра, все время потупленныхъ въ землю, блещетъ слеза... Тяжелое дыханіе инспектора, притиснутаго совсѣмъ уже вилотную къ стѣнѣ, переходитъ теперь въ какой-то полузадушенный хрипъ, почти даже свистъ, и можетъ, при данныхъ обстоятельствахъ, служить превосходнѣйшею иллюстраціей къ краснорѣчивымъ словамъ только что прочитанной фразы.

Грохотунскій, между тѣмъ, продолжаетъ:

«...Тѣмъ болѣе высока должна быть предъ лицомъ всѣхъ ваша заслуга, что, несмотря на этотъ долгій, искусительный путь, на которомъ многіе падали, изнемогшіе и облитые кровью, вы

смогли до конца донести неугасимымъ тотъ яркій свѣтильникъ душевной ясности и сердечнаго огня, которымъ неувыдаемо свѣтитса ваша симпатичная личность. Труды администратора, поэта, художника отмѣчаются на страницахъ исторіи, ихъ вѣнчаютъ лаврами, имъ воздвигаются памятники, но и тотъ, и другой, и третій вступили на жизненный путь и принесли пользу согражданамъ, вѣдомые свѣточемъ, который озарялъ этотъ путь, мерцаая въ скромной рукѣ педагога. Можетъ быть, перо, которое теперь, въ эти минуты, — въ чемъ нѣтъ ничего невозможнаго...»

— Ш-ш! — дѣлаетъ неожиданно, съ сердцемъ, Орлянкинъ, устремляя взоры на дверь. Нѣкоторые изъ публики тоже къ ней оборачиваются и шипятъ въ свою очередь: «ш-ш!» Грохотунскій пріостанавливается и воззривается тоже на дверь, гдѣ раздается вдругъ шумъ, а поверхъ лиловаго банта на головѣ Прасковьи Никифоровны и изъ-за плеча, заграждающаго входъ сюда изъ корридора лакея, показываются разсумянныя морозомъ лица Бубенцова и привезенныхъ имъ съ собою какихъ-то двухъ барышень. Но они тотчасъ же затѣмъ исчезаютъ и все снова приходитъ въ порядокъ. Грохотунскій опять продолжаетъ:

«...И, можетъ быть, перо, которое теперь, въ эти минуты, — въ чемъ нѣтъ ничего невозможнаго, — начертываетъ страницы великой повѣсти, романа или иного труда, во славу нашего дорогого отечества, принадлежитъ той рукѣ, которая нѣкогда, робкимъ, ребяческимъ почеркомъ, выводила съ прописи первыя буквы, подъ указующимъ наблюдениемъ вашимъ, дорогой юбиляръ Тихонъ Антоновичъ!...»

Грохотунскій захлопываетъ торжественно папку и вручаетъ ее юбиляру, вслѣдъ затѣмъ, непосредственно, оборачивается къ предназначенной для поднесенія ему же чернильницѣ и, взмахнувъ къ ней рукою, патетическимъ голосомъ прибавляетъ, уже отъ себя:

— И пусть этотъ самый младенецъ, стирающій къ вамъ свои невинныя ручки съ чернильницы, которую мы просимъ васъ, дорогой Тихонъ Антонычъ, принять какъ слабый залогъ нашей общей горячей любви, вослѣдуетъ вмѣстѣ съ нами со всѣми: «Да здравствуетъ на многіе, многіе годы нашъ милый, безцѣнный Тихонъ Антонычъ!...»

Громъ рукоплесканій. Юбиляръ закрываетъ лицо плюшевою пелюхой и плачетъ. Прасковья Никифоровна стремительно исчезаетъ дверь въ корридоръ и, прижавшись тамъ въ уголокъ, тоже изливается въ обильныхъ слезахъ. Одинъ изъ лакеевъ, стоя поодаль, отрить съ участіемъ на Прасковью Никифоровну; другой побѣлѣлъ за стаканомъ воды для нея.

Между тѣмъ, вокругъ юбиляра начинается происходить нѣчто головокружительное. Въ комнатѣ поднимается шумъ, словно въ ульѣ, а передъ Тихономъ Антонычемъ мелькаютъ, какъ въ калейдоскопѣ, головы, плечи, мужскіе носы, женскіе волосы, на мгновение его обдаетъ ароматъ духовъ «свѣжаго сѣна» отъ платья Цыцарской, запахъ табачнаго дыма отъ усовъ ея мужа, появляется и исчезаетъ борода Святополка Игнатьича, свѣтящаяся подобно бильярдному шару макушка Думкеллера, бабенбарды Андрея Ардальоныча, русый капуль неизвѣстнаго юноши, золотое пенсне другого неизвѣстнаго юноши, рыжіе усы сына Антона, брошка съ изображеніемъ мухи дочери Нади... И все это переплетается, толкается, тискается и жметъ ему руки... Онъ ощущаетъ объятія, принимаетъ на уста поцѣлуи.

Теперь онъ уже совсѣмъ не принадлежитъ самъ себѣ. Ему что-то говорятъ, задаютъ ему какой-то вопросъ, онъ чувствуетъ, что кто-то вдвоемъ подхватилъ его подъ руки, затѣмъ его куда-то вѣдутъ, и вотъ онъ въ большой комнатѣ съ накрытымъ столомъ, и все вокругъ залито яркимъ свѣтомъ отъ большихъ канделябръ и электрической люстры.

У стола съ закуской уже образовалась толпа. Всѣ оживлены, веселы, рады, очутившись, послѣ давки и духоты тѣсной комнаты, наконецъ, на свободѣ. Всѣ хотятъ двигаться, всѣ хотятъ ѣсть.

Здѣсь Тихона Антоныча встрѣчаютъ опять поздравленія—отъ новыхъ, опоздавшихъ къ началу гостей. Его привѣтствуетъ о. Константинъ Братолюбовъ, въ великолѣпной, темно-вишневаго цвѣта, шелковой рясѣ и во всѣхъ своихъ крестахъ и регаліяхъ. Онъ извиняется, что принужденъ былъ запоздать, такъ какъ его неожиданно позвали на потребу. Съ нимъ другой священникъ, преподаватель священной исторіи въ младшихъ классахъ, о. Павелъ Фивейскій. Это совсѣмъ еще молодой человѣкъ, красивый, съ кудрявыми, подстриженными поверхъ плечъ волосами, которые придаютъ ему видъ артиста, въ щегольской фіолетовой рясѣ. Онъ носитъ широкіе отложные воротнички à l'enfant и манжеты съ запонками въ видѣ золотыхъ якорей. Онъ тоже извиняется, что запоздалъ, но причины не объясняетъ, только жметъ юбилярову руку и желаетъ ему всяческихъ благъ. Затѣмъ поздравляетъ его Бубенцовъ, обольстительный въ своей фрачной парѣ, съ повисшими у него на обоихъ локтяхъ двумя миниатюрными барышнями, въ голубомъ и розовомъ платьяхъ, съ которыми онъ, очевидно, состоитъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Одну онъ рекомендуетъ какъ Вѣру Сергѣевну, другую—какъ Любовь Сергѣевну, и обвиняетъ ихъ въ томъ, что онъ запоздалъ,

такъ какъ онѣ десять часовъ одѣвались и, конечно, были бы еще и теперь не готовы, еслибъ онъ, потерявъ, наконецъ, съ ними терпѣніе, не ворвался насильно въ ихъ спальню и не затянулъ на обѣихъ собственноручно корсеты. При этомъ барышни заливаются очаровательнымъ смѣхомъ, и голубая дергаетъ его за ту руку, на которую она опирается, такъ, что Бубенцовъ чуть не падаетъ (или, по крайней мѣрѣ, дѣлаетъ видъ, что хочетъ упасть), и восклицаетъ:

— Не смѣйте! Безсовѣстный!

Въ ту же минуту и розовая его дергаетъ такъ, что онъ опять чуть не падаетъ, но на другую уже сторону, и кричитъ въ свою очередь:

— Не врите! Нахаль!

Затѣмъ вся тройка хохочетъ, и Тихонъ Антонычъ тоже хохочетъ, хотя онъ не понялъ ни слова изъ того, что ему говорили, какъ не понялъ объясненій о. Братолюбова, какъ не можетъ взять теперь въ толкъ, о чемъ говорить ему, стоя передъ самымъ его носомъ, Андрей Ардальонычъ, послѣ того, какъ веселая тройка, съ Бубенцовымъ въ корню, покинувъ, наконецъ, юбиляра, подлетѣла къ закускѣ.

— Андрей Ардальонычъ желаетъ познакомиться съ вашею супругой, Тихонъ Антонычъ, — объясняетъ ему Поплясухинъ, очутившійся тутъ же.

— Да, пожалуйста, представьте меня, Тихонъ Антонычъ, — подтверждаетъ Андрей Ардальонычъ.

Очень кстати Прасковья Никифоровна обазывается отъ нихъ въ двухъ шагахъ, и Тихонъ Антонычъ въ ту же минуту исполняетъ лестное желаніе директора. Прасковья Никифоровна, со слѣдами еще не совсѣмъ высохшихъ слезъ на лицѣ, весьма авантажна въ своемъ шелковомъ платьѣ цвѣта бордо и бѣлой кружевной наколѣ съ лиловыми лентами. Андрей Ардальонычъ говоритъ ей нѣсколько любезностей. Онъ поздравляетъ ее съ торжественнымъ днемъ ея мужа, выражаетъ свое сожалѣніе, что онъ покидаетъ гимназію. Тихонъ Антонычъ хочетъ вмѣшаться въ бесѣду, но рядомъ съ нимъ слышится:

— Здравствуйте, Тихонъ Антонычъ! Поздравляемъ васъ, Тихонъ Антонычъ!

Онъ оборачивается. Передъ нимъ стоятъ четыре молодыхъ человѣка.

— Скачковъ... Мокряковъ... Мухоморовъ... Тычинкинъ... Почните насъ, Тихонъ Антонычъ?

О, конечно, онъ помнить ихъ! Всѣхъ бывшихъ учениковъ своихъ онъ помнить отлично! Правда, они были тогда еще мальчиками, и съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ. Тѣмъ болѣе, онъ такъ радъ, что теперь, въ этотъ счастливѣйшій день его жизни... никогда, никогда не забудетъ онъ этого!

Тихонъ Антонычъ жметъ пылко ихъ руки, и улыбка, которая все время не сходитъ съ лица его, принимаетъ вдругъ выраженіе, похожее отчасти на истерическое. Эта улыбка ни на минуту не покидаетъ его. Она, такъ сказать, закаменѣла въ чертахъ его, она неподвижна, какъ маска, ее нельзя назвать даже восторженной: это—улыбка блаженная, почти что безумная, когда человѣкъ внѣ себя, въ забытьи, словно въ угарѣ; кажется, что вотъ-вотъ, немного еще—и она разрѣшится нервнымъ припадкомъ...

— Я такъ радъ, такъ радъ, господа...—начинаетъ онъ снова, бросаясь опять пожимать руки ихъ всѣхъ четверыхъ, но въ это время отъ стола раздается:

— Юбиларь! Почтеннѣйшій нашъ юбиларь!

— Юбиларь! Съ вами выпить!

Цѣлая шеренга мужчинъ стоитъ у стола, повернувъ къ юбиляру головы и держа на вѣсу налитыя рюмки. Грохотунскій подскакиваетъ и, подхвативъ его подъ руку, увлекаетъ къ столу.

— Да, да, непременно выпить съ вами, Тихонъ Антонычъ!—восклицаютъ и четверо молодыхъ людей, съ которыми онъ разговаривалъ, и, подхвативъ его съ другой стороны, тоже увлекаютъ къ столу. Нѣсколько бутылокъ одновременно поднимаются въ воздухъ...

— Простой?

— Горькой?

— Рябиновой?

Въ головѣ Тихона Антоныча проблескиваетъ на минуту соображеніе о томъ, что ему слѣдуетъ сказать, что онъ не пьетъ никакой, но рюмки готовы, и онъ, все съ тою же застывшею блаженною улыбкой, отвѣчаетъ съ быстрою готовностью:

— Да, да... горькой... рябиновой...

— За ваше здоровье, Тихонъ Антонычъ!

— Со мной, со мной, Тихонъ Антонычъ!

— Со мной тоже, папаша!—протягивается откуда-то сбоку рюмка Антона.

Онъ беретъ наудачу первую изъ налитыхъ разноцвѣтными водками рюмокъ, тычетъ ею въ ближайшія, которыя тянутся къ нему съ разныхъ сторонъ, и залпомъ ее выпиваетъ.

— Со мною не чокнулись, Тихонъ Антонычъ!—восклицаетъ Скачковъ.

— Со мною тоже не чокнулись!—раздается еще чей-то голосъ.

Неизвѣстно, какъ это выходитъ, но только въ рукѣ Тихона Антоныча оказывается новая полная рюмка съ какою-то водкой... Онъ опять чокается и опять выпиваетъ.

— Господа! За здоровье супруги Тихона Антоныча!—предлагаетъ вдругъ кто-то.

— Да, да, за здоровье супруги!—подхватываютъ вокругъ голоса.

Теперь уже совершенно невозможно не выпить—и Тихонъ Антонычъ опрокидываетъ въ себя третью рюмку... Она для него совсѣмъ уже лишняя, и Тихонъ Антонычъ выпиваетъ ее съ значительнымъ даже усиліемъ, почти съ отвращеніемъ. Въ то же самое время, онъ чувствуетъ, какъ будто что-то изъ самаго нутра его толкаетъ вдругъ ему въ голову, въ самый центръ черепа, и словно взбалтываетъ весь его мозгъ... Ощущеніе отнюдь не непріятное, даже напротивъ: въ головѣ водворяется какая-то необычная ясность, мысли струятся въ стройномъ порядкѣ, а духъ приходитъ въ то состояніе покоя, которое даетъ намъ сознаніе глубокаго чувства достоинства, такъ какъ Тихонъ Антонычъ теперь понимаетъ, что ему принадлежитъ по праву здѣсь первая роль, что ему даже странно чего-то робѣть и теряться, потому что, говоря по всей справедливости, главный хозяинъ этого праздника — онъ...

— Благодарю, господа,—говоритъ онъ съ поклономъ,—теперь ужь увольте.

И Тихонъ Антонычъ съ достоинствомъ удаляется прочь отъ закусокъ.

Та напряженно-блаженная улыбка, которая сіяла все время на лицѣ юбиляра, исчезла, замѣнившись выраженіемъ глубоко-спокойнаго, сосредоточеннаго въ самомъ себѣ счастья. Ему хорошо, совсѣмъ хорошо,—такого состоянія онъ еще никогда не испытывалъ въ жизни, и лучше, чище, выше того, что теперь чувствуетъ онъ, не можетъ ничего быть на свѣтѣ!...

Да и всѣ, очевидно, чувствуютъ себя превосходно. У стола съ закусками царствуетъ большое оживленіе. Любо-дорого смотрѣть, какъ Поплясухинъ, возвышаясь своею монументальною фигурой надъ толпой бутылокъ, смакуетъ и пробуетъ то то, то другое изъ разстилающихся передъ нимъ широкимъ полемъ закусокъ и, блистая глазами, взываетъ:

— Господа, рекомендую игру!... Тёшки попробуйте! Райская!! Селедка — божественная!!!

Бубенцовъ, занявшій удобную позицію у края стола, угощаетъ своихъ разноцвѣтныхъ дѣвицъ. О. Павелъ Фивейскій дѣятельно съ нимъ въ этомъ сотрудничаетъ. Оба они въ большихъ хлопотахъ. Все вниманіе Бубенцова сосредоточено на розовой барышнѣ.

— Господа, передайте мнѣ сыръ! Сыръ мнѣ пожалуйста! — кричитъ Бубенцовъ.

— Сардинку прикажете? — въ свою очередь освѣдомляется о. Павелъ Фивейскій и бросается разыскивать требуемое. — *Москѣ, пардонѣ!* — говоритъ онъ, распростираясь надъ рядами тарелочекъ, между тѣмъ какъ магистерскій крестъ молодого законоучителя, безпрестанно выскакивающій изъ-за ворота рясы, издаетъ мелодическій звонъ о стѣнки бутылокъ, а тотъ или другой конецъ рукава готовъ окунуться въ какой-нибудь соусъ. Благополучно выловивъ изъ жестянки сардинку и доставъ ломтикъ бѣлаго хлѣба, онъ устремляется къ голубой своей дамѣ съ этою добычей, которую и подноситъ на вилкѣ, говоря притомъ галантно: — *Сильвуплѣ! Жевунрі!*

Успѣвшіе уже между собой познакомиться Антонъ съ Антидорскимъ твердою стопой укрѣпились у того пункта стола, гдѣ бутылки, и безпрестанно наливаютъ другъ другу. Антонъ закусываетъ ваядую рюмку грибокъ. Антидорскій ничѣмъ не закусываетъ. Онъ держитъ все время въ двухъ пальцахъ маленькую корочку хлѣба, которую нюхаетъ послѣ выпитой рюмки, и тѣмъ ограничивается... Бесѣда ихъ немногословна до крайности.

— Теперь мы какой? Полынной, пожалуй? — спрашиваетъ Антонъ, протягивая руку къ бутылкѣ и пытливо смотря въ глаза собесѣднику.

— Мнѣ — блондинки, — густымъ баритономъ говоритъ Антидорскій.

Антонъ наливаетъ компаньону очищенной, а полынной себѣ, оба чокаются и подносятъ рюмки къ устамъ.

— За ваше...

— За ваше...

Антонъ кряхтитъ и глотаетъ грибокъ. Антидорскій выпучиваетъ страшно глаза и нюхаетъ корочку... Пауза.

— Теперь, я думаю, горькой? — вопросительно произноситъ Антонъ.

— Чортъ съ ней! Миѣ — блондинки! — возражаетъ ему Антидорскій.

— За ваше...

— За ваше...

Пауза.

— Я опять горькой! — восклицаетъ Антонъ.

— А миѣ все же блондинки! — стоитъ на своемъ Антидорскій.

— За ваше...

— За ваше...

Антонъ уже красенъ. Антидорскій, напротивъ, дѣлается все болѣе и болѣе блѣденъ. Одинъ его усъ размокъ и повисъ, но другой продолжаетъ еще сохранять стрѣловидную форму.

— Не ѣшь, ради Бога, омара, — шепчетъ Иванъ Демьянычъ женѣ, которая наложила себѣ на тарелку порядочную порцію яства.

— Ахъ, отвяжись отъ меня, Христа ради!

Тихонъ Антонычъ на нѣсколько минутъ остается наединѣ самъ съ собою. Онъ удалился въ другой конецъ комнаты, гдѣ совсѣмъ пусто, такъ какъ все общество толпится теперь у закуски, и, стоя противъ окна, смотритъ пристально въ уличный мракъ, тамъ и сямъ прорѣзанный яркими полосами, которыя бросаютъ на снѣгъ освѣщенные газомъ окна магазиновъ и стеклянные двери подъѣздовъ, а въ нихъ вырисовываются и опять пропадаютъ тѣни зазѣвшихъ прохожихъ, испускающихъ паръ лошадей и ныряющихъ извозничьихъ санокъ со скрючившимися на нихъ сѣдоками. Въ сторонѣ, полѣвѣе, гдѣ пересѣкаются Большая Морская съ Невскимъ проспектомъ, сияютъ, какъ луны, синеватымъ электрическимъ свѣтомъ, съ вершинъ своихъ чугунныхъ столбовъ, фонари, и тамъ струится черный потокъ пѣшеходовъ, звонитъ оглушительно конка, понуро трусятъ извозничьи влячи и, съ сверканьемъ и топотомъ, несутся кареты. А на все это кипѣніе столичной головокружительной жизни смотреть сверху, въ безмолвно-величавомъ покоѣ, вечернее небо, сияя мириадами своихъ кроткихъ огней, зажженныхъ на немъ съ первыхъ дней созданія міра... Сколько ихъ, Боже мой!... Вотъ какая-то большая звѣзда горитъ прямо надъ высокою трубой противуположнаго дома. Она самая крупная, самая яркая, и Тихону Антонычу кажется, что трепетно-мерцающій лучъ ея, льющійся сквозь безпредѣльную даль, проникъ въ его душу и теплится тамъ такою же кроткою звѣздой, и ширитъ всю грудь его, и вызываетъ на глаза его слезы... Что хочетъ сказать ему эта звѣзда, что хотятъ сказать міру всѣ эти звѣзды? «Все пройдетъ, все погибнетъ (хотятъ

сказать эти звѣзды), исчезнетъ и самая память о всемъ, изъ-за чего человекъ проливаетъ кровь ближняго, терзается мѣками совѣсти, кичится и злобствуетъ; но высокая мысль и чистое чувство остаются живы во вѣки, потому что они обитаютъ въ нашей небесной лазури и о нихъ мы вѣщаемъ душѣ всякаго грядущаго въ мѣръ человека...» «Вотъ, когда хорошо,—шепчетъ Тихонъ Антонычъ,— вотъ когда было бы сладко навѣки уснуть!...»

— Юбилляръ!

— Гдѣ же онъ?

— Тихонъ Антонычъ!

— А, вотъ онъ! Вотъ гдѣ виновникъ!

Рядомъ съ нимъ вдругъ оказываются, неожиданно какъ-то очутившіеся, Грохотунскій и Андрей Ардальонычъ. Пространство передъ закусками уже опустѣло. Шумъ, говоръ, двиганье стульями. Все общество разсаживается за длинный обѣденный столъ.

— Пожалуйте, Тихонъ Антонычъ,—говоритъ Грохотунскій и беретъ «виновника» подъ правую руку; Андрей Ардальонычъ дѣлаетъ то же съ другой стороны, и оба они ведутъ юбиляра къ столу.

«Виновникъ», наконецъ, приведенъ и усаженъ.

.....

Супъ пренсесъ.

Пирожки паризьенъ.

Форель грандъ-отель.

Соусъ борделесъ.

Рябчики и куропатки.

Пунизъ гласе.

Чай или кофе.

Это написано на небольшомъ, глазированной толстой бумаги, «меню», лежащемъ отдѣльно передъ каждымъ изъ принимающихъ участіе въ обѣдѣ.

Супъ пренсесъ и пирожки паризьенъ уже съѣдены. Лакеи разносятъ «форель грандъ-отель».

Юбилляръ помѣщается, какъ подобаетъ его положенію, въ верхнемъ концѣ и доступенъ для лицезрѣнія большинству участниковъ пиршества.

Онъ очень представительнъ въ своей парадной одеждѣ, и его серебристо-бѣлые волосы, отросшіе, за это послѣднее время, въ длинныя кудри, являютъ эффектный контрастъ съ оживленными взорами и румянцемъ на щекахъ, придающими Тихону Антонычу видъ, можно сказать, почти юношескій. На бѣлоснѣжной груди его

лучшей крахмальной рубашки чрезвычайно красиво выдѣляется алая ленточка ордена Анны, ниспадающая изъ-подъ бѣлаго галстука, повязаннаго въ видѣ пышнаго банта и вызвавшаго даже испарину въ Прасковью Никифоровну, бившейся надъ нимъ, по крайней мѣрѣ, четверть часа, чтобы придать ему эту форму, и онѣмѣние въ членахъ самого юбиляра, принужденнаго, совсѣмъ ужь готовымъ, во фракѣ, во все это время стоять неподвижно съ головой, поднятой вверху.

По лѣвую руку юбиляра помѣщается супруга его, Прасковья Никифоровна, по правую—директоръ гимназiи, Андрей Ардальонычъ. Далѣе слѣдуютъ: инспекторъ Поддубный (онъ же и Букишъ), о. Константинъ Братолюбовъ, Грохотунскiй, Абсцессъ — съ одной стороны; Цыцарскiй, Елише и Думкеллеръ — съ другой. Еще далѣе, разсыпаны въ перемѣсь, кто съ кѣмъ случился или кому съ кѣмъ было желательно. Драницынъ и Поплясухинъ раздѣлены четкою Опорковыхъ. Бубенцовъ съ розовою барышней и о. Павелъ Оивейскiй—съ голубою, составляютъ свое отдѣльное общество. Скачковъ, Мокряковъ, Тычинкинъ и Мухоморовъ, какъ было ранѣе условлено между ними, сѣли всѣ рядомъ. Орлянкинъ занимаетъ центральное мѣсто. Ему, въ началѣ обѣда, лакей поднесъ на тарелкѣ какiя-то двѣ телеграммы. Онъ и теперь во все время имѣетъ озабоченный видъ. Сидѣть съ нимъ рядомъ пришлось курчавой брюнеткѣ въ палевомъ платьѣ, съ неизмѣннымъ ея кавалеромъ—насмѣшливымъ юношей съ прыщеватымъ лицомъ. Цыцарская неразлучна съ женою Думкеллера. На самомъ концѣ, вдали отъ всѣхъ взоровъ, помѣстились Антонъ съ Антидорскимъ.

Начало обѣда имѣло совершенно официальный характеръ. Первую здравицу поднялъ директоръ гимназiи, Андрей Ардальонычъ. Въ краткой, но выразительной рѣчи («прочувствованной»), обращенной къ «виновнику настоящаго чествованiя», ораторъ привѣтствовалъ его какъ дорогаго товарища и сослуживца, съ которымъ привелось ему дѣлить труды воспитанiя юношества въ теченiе десяти слишкомъ лѣтъ. Память о немъ останется навсегда незабвенна въ его собственномъ сердцѣ и таковой же пребудетъ, — онъ горячо въ этомъ увѣренъ, — и въ стѣнахъ вѣренной его руководству гимназiи. «Пью здоровье юбиляра!» — заключилъ Андрей Ардальонычъ.

Подъ громъ аплодисментовъ присутствовавшихъ (въ сущности, рѣчь директора оказалась доступной только ближайшимъ сосѣдямъ, такъ какъ она была произнесена очень тихо; всѣ разслышали лишь послѣднюю фразу) Тихонъ Антонычъ всталъ и чокнулся съ Андреемъ Ардальонычемъ, который облобызалъ его въ обѣ щеки. Вся

мужская часть общества тоже встала и подошла къ юбиляру, чтобы чокнуться съ нимъ своими стаканами. Дамы остались сидѣть на мѣстахъ, равно какъ и Антонъ съ Антидорскимъ.

— Ну ихъ всѣхъ къ Богу!—заявилъ, махнувъ рукой, Антидорскій и пояснилъ, конфиденціально наклонившись къ своему собесѣднику:— Не хочу попадаться на глаза Ардальонычу... Пьянъ! Чувствую самъ, что пьянъ, какъ сапогъ... А вы? Не хотите развѣ поздравить папашу?

— Нѣтъ, — потрясъ головой Антонъ, — я тоже потому, какъ и вы, что тамъ директоръ вашъ этотъ... Терпѣть не могу вообще всѣхъ этихъ господъ!...

Тѣмъ не менѣе, они чокнулись между собою своими стаканами и пожали руки другъ другу.

Затѣмъ сказалъ краткое слово о. Константинъ Братолюбовъ. Онъ поздравилъ «достопочтеннаго своего сослуживца» съ радостнымъ увѣнчаніемъ его многолѣтнихъ трудовъ на поприщѣ педагогической дѣятельности. Онъ усматриваетъ въ томъ особенную милость Господа Бога, благословившаго его столь рѣдкимъ и счастливымъ жребіемъ и подерѣвившаго его душевныя и тѣлесныя силы.

— Въ васъ, достопочтеннѣйшій и прелюбезнѣйшій нашъ юбиляръ, — сказалъ о. Братолюбовъ, — я вижу пловца, который, послѣ долгаго скитанія по бурному житейскому морю, нынѣ, какъ поетъ наша православная церковь, *къ тихому пристанищу притекъ*... А намъ, всѣмъ, здѣсь присутствующимъ (о. Константинъ окинулъ глазами все застольное общество) остается лишь изъ всей глубины нашихъ сердець пожелать, чтобы отдыхъ вашъ въ этомъ пристанищѣ былъ пріятенъ и сладокъ!

Эта рѣчь была принята тоже очень сочувственно. Опять раздались двиганье стульями и опять юбиляръ долженъ былъ встать и чокнуться со всѣми стаканами, потянувшимися къ нему съ разныхъ сторонъ.

— Господа! — разносится по залѣ вдругъ голосъ. — Прошу не надолго вниманія!

Это происходитъ въ то время, когда всѣ, кто вставали, только что успѣли усѣсться опять по мѣстамъ, а лакеи принялись обносить «форель грандъ-отель».

Это взываетъ Орлянкинъ. Онъ стоитъ во весь ростъ, съ лицомъ, обращеннымъ къ центральному пункту стола. Онъ дѣлаетъ энергическій жестъ обносящимъ лакеямъ, и тѣ, съ протянутыми своими руками, держащими блюда съ форелью, окаменѣваютъ всѣ, вразъ, подобно статуямъ.

— Господа!—взывает вторично Орлянкинъ среди наступившей вокругъ него гробовой тишины.—Прошу позволенія прочесть телеграммы, полученные на имя чествуемаго нами здѣсь юбиляра!

Въ эту минуту, кравшійся потихоньку, какъ воть, вдоль стѣны, лакей подходит на цыпочкахъ сзади къ Орлянкину и что-то шепчетъ ему. Тотъ быстро къ нему оборачивается и съ досадою, въ полголоса, спрашиваетъ:

— Что такое?

Лакей протягиваетъ что-то ему на тарелкѣ.

— Еще телеграмма!—объявляетъ Орлянкинъ.— Но я прошу позволенія прочесть сперва раньше полученныя.

И звучнымъ, отчетливымъ голосомъ, раздающимся во всѣхъ углахъ залы, Орлянкинъ читаетъ:

«Шлю привѣтъ юбиляру. Желаю ему всяческихъ благъ, душевныхъ и тѣлесныхъ. Отъ души сожалею, что лишенъ возможности лично принести свои поздравленія.

Торопыгинъ».

Аплодисменты.

Поздравляю дорогого учителя съ радостнымъ днемъ тридцатипятилѣтняго его юбилея. Многая лѣта!

Бывшій ученикъ вашъ Стромилловъ».

Новые аплодисменты. Орлянкинъ вскрываетъ третью, только что поданную ему телеграмму и такимъ же звучнымъ, отчетливымъ голосомъ читаетъ и эту:

«Торжествуемъ. Сожалѣемъ. Пьемъ.

Волибновъ.

Смолѣнный.

Яшка».

Орлянкинъ вдругъ запинается, будто наткнувшись на какое то непонятное для него выраженіе въ текстѣ, и медленно, нерѣшительнымъ тономъ, заканчиваетъ:

«Дано въ Назаретъ въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ девяносто четвертое».

Орлянкинъ садится на мѣсто. Аплодисментовъ не слышно. Здается лишь какихъ-то два-три нерѣшительныхъ всплеска. Большинство въ недоумѣніи. Грохотунскій проявляетъ признаки непонятнаго замѣшательства. Слышатся кое-гдѣ замѣчанія:

— Какая странная телеграмма!

— Что это значить?

— Какъ? Какъ? Въ «лазаретѣ»? Телеграмма въ лазаретѣ на-сана?—спрашиваетъ у фрау Думкеллеръ Цыцарская.

Та невинно пожимает плечами. Помѣщающійся насупротивъ обѣихъ дамъ Феноменовъ, изъ-подъ косматыхъ бровей, устремляетъ суровый взглядъ на Цыцарскую и густымъ басомъ своимъ проноситъ:

— Въ «Назаретъ», въ «Назаретъ», сударыня, а не въ «лазаретъ». «Назаретъ» — это кабакъ такой существуетъ, сударыня...

Цыцарская вскидываетъ на него взоръ раненой серны и задаетъ робкій вопросъ:

— Что-жь это значить?... Какъ это странно!... И такія все имена...

— Хм! — дѣлаетъ Феноменовъ съ мрачною улыбкой, но не проноситъ больше ни слова.

— Это называется: штука капитана Бука! Н-да-а! — говорить Антидорскій Антону и наливаетъ себѣ рюмку водки, которую онъ, подъ шумокъ, во время чтенія телеграммъ, распорядился подать себѣ со стола, гдѣ закуски, шепнувъ объ этомъ лакею. Водки осталось еще полбутылки, и онъ поставилъ ее близъ себя, загородивъ отъ нескромныхъ взоровъ сосѣдей двумя бутылками съ краснымъ виномъ. Выпивъ, онъ трясетъ головой и самъ съ собой бормочетъ: «Ф-фу... чортъ... пьянь, пьянь, какъ сапогъ... Не-хо-ро-шо!...» (Первая стадія его опьяненія выражалась всегда въ казненіи себя по поводу этого своего состоянія, и, въ то же время, въ стремленіи его заглушить новымъ приѣмомъ хмѣльнаго напитка).

— Волшебновъ? Кто такой тотъ Волшебновъ? — спрашиваетъ Скачковъ Мухоморова (вся ихъ компанія заинтересована таинственною телеграммой до крайности.) Мухоморовъ пожимаетъ плечами.

— Чортъ его знаетъ!

— Волшебновъ... Смолѣный... — соображаетъ вслухъ Мокряковъ, и затѣмъ восклицаетъ: — Та, та, та! «Назаретъ»!... Знаешь, Тычинкинъ, кто это? Ха-ха-ха! Ахъ, чортъ побери! Знаете это кто, господа?

— Кто? Кто? — спрашиваетъ живо Скачковъ.

— Маркёръ отъ «Доминика»!

— Полноте, не можетъ быть, что вы!

— Завѣрю васъ честью!

— Боторый же именно, Волшебновъ или Смолѣный?

— Чортъ ихъ знаетъ, который!... Или тотъ, или другой, или Яшка... Только кто-нибудь изъ нихъ несомнѣнно... Видали вы когда-нибудь въ «Назаретъ» длиннаго человѣка съ черною повязкой на правомъ глазу?

— Случалось... Да, да!

— Ну, вотъ, онъ одинъ изъ этой компаніи. Они всегда бывають втроемъ, и котораго-то изъ нихъ зовуть Волшебновымъ, а другого Смолёнымъ, а тотъ, что съ черною повязкой, служитъ у «Дошника» маркеромъ.

— А другіе?

— Вѣроятно, жулябія! Грохотунскій, должно быть, и ихъ завербовалъ тоже случайно по пьяному дѣлу, какъ меня и Тычинкина. Молодые люди заливаются хохотомъ.

— Ха, ха, ха! То-то онъ сидѣлъ какъ ошпаренный.

— Цсс!... Слушайте, слушайте! Онъ хочетъ говорить, кажется, рѣчь...

Дѣйствительно, Грохотунскій съ шумомъ отодвигаетъ свой стулъ и поднимается съ мѣста. Лакеи, начавшіе было уже разносить третье блюдо, замирають мгновенно съ протянутыми въ воздухъ «рябчиками и куропатками». Грохотунскій стоитъ, потупивъ глаза въ свой приборъ, и ожидаетъ съ терпѣніемъ, когда прекратятся всѣ разговоры. Орлянкинъ съ силой стучитъ ножомъ по стакану. Двое-трое дѣлають: «тсс». Наконецъ, все стихаетъ.

Грохотунскій поднимаетъ медленно голову и вперяетъ глаза въ юбиляра. Тотъ, въ свою очередь, ихъ потупляетъ въ тарелку.

— Тихонъ Антоновичъ,—не особенно громко, но звучно, раздѣльно и медленно произноситъ, наконецъ, Грохотунскій и дѣлаетъ паузу.

Всѣ чувствуютъ, что въ воздухѣ вѣетъ чѣмъ-то глубоко-патетическимъ. Безмолвіе мертвое. Взоры всѣхъ жадно устремлены на оратора. Взоръ оратора неподвижно вперенъ въ юбиляра. Взоръ юбиляра, въ глубокомъ смущеніи, потупленъ въ тарелку. Лицо Тихона Антоныча становится совершенно багровымъ, и онъ дышетъ съ трудомъ. Изъ чьей-то дамской груди вылетаетъ подавленный вздохъ... Изъ груди порядочно уже осовѣвшаго Букиша начинается раздаваться хрипѣніе.

— Тихонъ Антоновичъ,—повторяетъ опять Грохотунскій,—старый товарищъ!... Чувствую себя безмѣрно-счастливымъ и, въ то же время, горжусь, что на мою долю выпала завидная честь привѣтствовать сегодня тебя, въ этотъ радостный вечеръ тридцатипятилѣтняго твоего юбилея... Да, я горжусь, повторяю еще разъ, горжусь тѣмъ, что и мнѣ довелось принять также участіе въ сегодняшнемъ твоёмъ свѣтломъ праздникѣ. Вокругъ тебя раздавались привѣтствія, тебѣ несли поздравленія, предъ тобою читались присланныя тебѣ телеграммы... Глубокоуважаемый директоръ нашъ

произнесъ тебѣ рѣчь, почтенный законоучитель тоже сказалъ свое слово. Оба они говорили объ одномъ и томъ же предметѣ, обращаясь къ одной сторонѣ твоей личности, какъ честно, безкорыстно, преданно послужившаго дѣлу своему педагога. Я тоже хочу говорить о тебѣ, но я намѣренъ подчеркнуть исключительно то, о чемъ не было еще упомянуто ни однимъ изъ предъидущихъ ораторовъ... Рѣчь моя проста, безыскусственна, но искренна, горяча, отъ души, отъ чистаго сердца... (Голосъ оратора замѣтно дрожить). Въ моихъ словахъ нѣтъ лукавства, да оно и не нужно теперь, въ этомъ собраніи... Вотъ я смотрю на всѣхъ, здѣсь присутствующихъ... (Глаза Грохотунскаго обѣжали весь столъ, начиная съ ближе-сидящаго и понижшаго передъ бутылкою пива Думкеллера, скользнули по бурчавымъ волосамъ смѣшливой брюнетки въ палевомъ платьѣ, запнулись на мигъ на фигурѣ уставившагося на него съ выраженіемъ, словно собирающагося его проглотить, Феноменова, охватили Скачгова съ компаніей, пронигли за батарею бутылокъ, скрывавшихъ Антона и Антидорскаго, остановились немного на пестрой группѣ дамъ и дѣвицъ, перелетѣли черезъ нѣсколькихъ сидящихъ рядомъ съ ними мужчинъ, — продѣлавъ все это, конечно, въ несравненно-братчайшее время, чѣмъ то, которое было нужно читателю, чтобы пробѣжать эти строки, заключенныя въ скобки, и вернулись на прежнее мѣсто, вперившись опять въ юбиляра, взоръ котораго былъ опущенъ все время въ тарелку). Нѣтъ! Торжественною помпой парадныхъ собраній не блещеть твой праздникъ! (Ораторъ трясеть головою.) Не видно ни звѣздъ, ни лентъ, не сверкаетъ ни на комъ брилліантовъ... Ничего подобнаго я не замѣтилъ. Я увидѣлъ только добрыхъ, хорошихъ людей, собравшихся привѣтствовать почтеннаго старца... Я увидалъ между ними зрѣлыхъ мужей, исполненную цвѣтущихъ силъ молодежь, прекрасныхъ дамъ и дѣвицъ... Не стану говорить о себѣ и всѣхъ нашихъ, здѣсь сидящихъ товарищахъ. Излишне упоминать о томъ единоклѣпнѣ, съ которымъ всѣ мы, сразу, какъ одинъ человекъ, мгновенно откликнулись, лишь только зародилось между нами намѣреніе отпраздновать твой юбилей... Я хочу только знать (ораторъ начинаетъ слегка задыхаться отъ переполняющихъ грудь его чувствъ; въ голосѣ слышатся высокія ноты), я хочу только знать, что привело сюда всѣхъ, что побудило собраться вокругъ тебя тѣсною и дружною семьей? Отвѣтъ я читаю во всѣхъ глазахъ, которые устремлены на тебя, и въ своемъ собственномъ сердцѣ: чувство почтенія къ достойному отцу и супругу, который, въ наше печальное время потрясенія всѣхъ гражданскихъ и семейныхъ основъ, стоитъ какъ обломокъ добрыхъ, ста-

рыхъ, патріархальныхъ временъ... И вотъ, теперь, на закатѣ уже дней, съ головою, убѣленную сѣдинами, ты достигъ рѣдкаго счастья видѣть себя окруженнымъ всѣми членами своей домашней семьи (ораторъ привѣтствуетъ легкимъ поклономъ Прасковью Никифоровну, дѣлаетъ то же по адресу супруговъ Опорковыхъ и отыскиваетъ глазами между бутылокъ Антона), которые собрались сюда, чтобы быть участниками твоего торжества!... Господа! Предлагаю тостъ и пью за здоровье добраго, превосходнаго человѣка и семьянина, Тихона Антоновича Непромокаева! Ура!...

Послѣднее слово Грохотунскій выкрикиваетъ уже самымъ высшимъ фальцетомъ и, со стаканомъ въ рукѣ, бросается обнимать юбиляра, какъ бы подавая этимъ сигналъ къ начинающемуся тотчасъ же большому шуму и суматохѣ.

Ничего положительно не остается на мѣстѣ и въ теченіе нѣкотораго времени все застольное общество представляетъ собою движущуюся и оживленную путаницу «солидныхъ мужей», «прекрасныхъ дамъ и дѣвицъ» и «исполненной цвѣтушихъ силъ молодежи», словно кружимыхъ нѣкимъ нежданно ворвавшимся вихремъ. Въ то время, какъ одни тѣснятся вокругъ юбиляра и Прасковьи Никифоровны, другіе осаждаютъ Опорковыхъ, а третьи ловятъ оратора, мечущагося между всѣми этими группами... Восклицанія, чоканье, стукъ передвигаемыхъ стульевъ... Даже спустя нѣсколько времени послѣ того, какъ многіе успѣли снова усѣсться на мѣсто, мелькаетъ еще сѣдая голова и увлажненное слезой умиленія лицо юбиляра, разставшагося съ бородою Абссеса, чтобы приникнуть къ крахмальной груди Бубенцова, и всклокоченная грива оратора, съ выльзшимъ на воротникъ его фрака галстучнымъ бантомъ, оторвавшего уста свои отъ устъ Мухоморова и припавшаго ими къ бѣлой перчаткѣ дѣвицы въ розовомъ платьѣ. Весь воздухъ, можно сказать, напоенъ электричествомъ, всѣ уста улыбаются, всѣ взоры сіяютъ... Такова волшебная сила истинно-ораторской рѣчи! Грохотунскій, начинающій уже въ значительной степени походить, какъ всегда, на вырвавшегося изъ горячей свалки бойца, слегка отряхнется и требуетъ бутылку шипучки Губонина. Андрей Ардальонычъ призываетъ подать редереру. Абссесъ, Блিশе и Цыцарскій спрашиваютъ себѣ по бутылкѣ краснаго вина фирмы удѣльнаго вѣмства.

Наконецъ, всѣ сидятъ опять на мѣстахъ, приводя взволнованная чувства въ порядокъ. Грохотунскій обтираетъ свое орошенное ильнимъ потомъ лицо. Недавно владѣвшее всѣми возбужденіе заливается постепенно спокойствіемъ. Словно всѣ отдыхаютъ. Лакеи

принимаются разносить снова жаркое, и гулъ разговоровъ заглушается стукомъ ножей.

Изъ всего застольнаго общества не успокоился еще пока одинъ юбиляръ. Онъ вздыхаетъ и чѣмъ-то волнуется. Отъ поднесеннаго ему блюда онъ нетерпѣливо отмахнулся рукой. Онъ безпрестанно вытаскиваетъ изъ кармана платокъ, торопливо обтираетъ имъ лобъ, обратно прячетъ и снова вытаскиваетъ. Ему даже какъ будто не сидится спокойно на мѣстѣ. Движенія его лихорадочны, взоры тревожно блуждаютъ.

Его состояніе не можетъ быть не замѣчено нѣкоторыми изъ ближайшихъ сосѣдей. Сперва на него обратила вниманіе Прасковья Никифоровна, которою тоже, по этому случаю, овладѣваетъ тревога, потомъ Андрей Ардалыонычъ, освѣдомляющійся въ ту же минуту, чѣмъ онъ беспокоится. Тихонъ Антонычъ отвѣчаетъ ему что-то на ухо, шепотомъ. Андрей Ардалыонычъ киваетъ головой и сообщаетъ, тоже тихо, Поддубному, который выслушиваетъ и передаетъ о. Братолюбову, а тотъ, въ свою очередь, усердно расправляющемуся въ это время съ жаркимъ Грохотунскому. Грохотунскій тотчасъ же бросаетъ на тарелку крыло куропатки, встряхиваетъ гривой, подобно боевому коню при звукѣ трубы, обтираетъ губы салфеткой и въ полголоса восклицаетъ: «ага!» Потомъ онъ обводитъ глазами весь столъ, подымаетъ вверхъ руку и дѣлаетъ: «ш-ш!»

Но сразу не такъ-то легко водворить тишину. Не говоря уже про стукъ ножей и вилокъ, все постепенно усиливающейся, нужно прекратить разговоры на другой половинѣ стола, принимающіе все болѣе оживленный характеръ... Особенно шумно ведетъ себя молодежь, которая тоже спросила вина... Орлянкинъ, все время пожиравшій глазами перешептывавшихся между собою сосѣдей, наконецъ, понимаетъ, въ чемъ дѣло (особенно еще потому, что юбиляръ начинаетъ подниматься со стула), и, обращаясь къ шумящимъ, энергически дѣлаетъ: «цсс!»

— Ш-ш... — повторяетъ опять Грохотунскій.

— Цсс... — дѣлаетъ снова Орлянкинъ.

Молодежь умолкаетъ. Только дальній конецъ, гдѣ сидятъ Антонъ съ Антидорскимъ, все не можетъ еще успокоиться.

Тихонъ Антонычъ стоитъ теперь на ногахъ. Лицо его все въ поту. Уста беззвучно шевелятся. Наконецъ, изъ нихъ излетаетъ:

— «Милостивые государыни и государя...»

— Ш-ш-ш...

— Цсс...

— Господа, юбиляръ говорить...

Все, что ближе, принимается внимательно слушать. Только на дальнемъ концѣ еще продолжается шумъ. Онъ не только не стихаетъ, но даже усиливается, принимая характеръ какой-то возни.

— «Душа моя преисполнена...» — лепечетъ Тихонъ Антонычъ.

— Пошелъ къ чорту! — раздается вдругъ на дальнемъ концѣ, гдѣ возня разрѣшается звукомъ, какой издаетъ треснувшій стулъ, и грохотомъ опрокинутой кѣмъ-то бутылки, а затѣмъ слѣдуетъ возгласъ:

— Милостивые государи!

Голосъ принадлежитъ Антидорскому, дюжая фигура котораго вздымается изъ-за стола, отбиваясь, въ то же время, локтемъ отъ пытающагося удержать его на мѣстѣ Антона. Онъ успѣлъ уже прикончить всю водку. Лицо его мертвенно-блѣдно и на немъ выступаютъ красныя пятна; капуль растрепался и оба уса повисли.

— О Боже! — въ ужасѣ шепчетъ Цыцарская.

Многіе поражены неожиданностью. Юбиляръ, въ смущеніи, опускается снова на мѣсто.

— Милостивые государи... и го-су-да-рыни! — зычнымъ голосомъ повторяетъ опять Антидорскій, и такъ какъ нѣкоторые изъ ближайшихъ сосѣдей на него шипятъ и цыкаютъ, а другіе махаютъ рукою, чтобъ его успокоить, то онъ, въ великомъ негодованіи, спрашиваетъ: — Почему я не могу? Я тоже хочу... Странное дѣло!... Милостивые государи! Мнѣ вотъ тутъ запрещаютъ... На как-комъ основаніи, а? У-ди-вля-юсь! (Отвяж-жись, говорю! — скрежещетъ онъ а parte Антону). Я не ораторъ... Я самъ понимаю чудесно, что не могу, какъ другіе. Вотъ тутъ нашъ директоръ, его пре-во-схо-дительство Андрей Ардальонычъ. Я его уважаю!... Батюшка, о. Константинъ... И его уважаю! А Тихона Антоныча... нашего любезнѣйшаго... высоко... прево... наипречудеснѣйшаго нашего юбиляра Антоныча — люблю!... Что я такое?

«Писаніе и чтеніе —

Не на-аше назначеніе»...

— къ вѣщему эффекту, прогѣлъ Антидорскій, хотя нѣсколько силпо, но довольно удовлетворительно, въ смыслѣ мотива, начало известной аріи Зуппе изъ *Цыганскаго барона*. — Мое дѣло — вѣ!... Гимнастика! Мускулы! — тутъ ораторъ протягиваетъ впередъ обѣ руки, сжимаетъ ихъ въ кулаки и медленно помавать нѣсколько разъ ими въ воздухъ, демонстрируя всему застоль-

ному обществу, какъ вздуваются и опять опадаютъ на этихъ рукахъ ихъ сильныя мышцы. — Еслибъ только потребовалось... еслибъ кто-нибудь вздумалъ обидѣть Антоныча... Хо-хо! будьте благонадежны! въ доскъ! въ дрызгъ!... А, впрочемъ, чортъ меня со всѣмъ побери! — неожиданно заключаетъ свою рѣчь Антидорскій и опускается грузно на мѣсто при общемъ шумѣ, смѣхѣ и аплодисментахъ присутствующихъ, шепотомъ повторяя Антону: — Пьянь, пьянь, какъ сапогъ!...

— Ха-ха-ха, браво, браво, Антидорскій! Отлично!

— Братко, но сильно!

— Въ его рѣчи былъ смыслъ, — замѣчаетъ Андрей Ардальонычъ о. Братолюбову, перегибаясь къ нему за спиною Поддубнаго.

Молодежь совершенно въ восторгѣ отъ этой импровизированной рѣчи и вся, in сохроге, идетъ къ Антидорскому, чтобы чокнуться съ нимъ своими стаканами.

Этотъ эпизодъ оказался веселою струей, влившеюся въ торжественное настроеніе общества, но тотчасъ же всѣ вспоминаютъ, что онъ послужилъ перерывомъ для юбиляра, и поэтому слышатся возгласы:

— За вами рѣчь, Тихонъ Антонычъ!

— Рѣчь! Рѣчь!

— Общество требуетъ, Тихонъ Антонычъ, — говоритъ ему Андрей Ардальонычъ.

И вотъ, среди воцарившейся опять тишины, Тихонъ Антонычъ вторично поднимается съ мѣста. Снова онъ борется съ обуревающимъ его чувствомъ волненія и въ теченіе нѣсколькихъ секундъ только шевелитъ беззвучно губами, но, наконецъ, овладѣваетъ собою и повторяетъ произнесенную имъ уже давеча первую фразу:

— «...Душа моя преисполнена... Гм... Въ священномъ писаніи сказано: «отъ избытка сердца глаголютъ уста». Гм... гм... А, между тѣмъ, я чувствую нынѣ...» — Тихонъ Антонычъ бросаетъ отчаянный взглядъ на сосѣдей, блуждаетъ растерянно имъ по стоящимъ передъ каждымъ изъ нихъ стаканамъ съ виномъ и, вперившись пристально въ тотъ, который принадлежитъ Андрею Ардальонычу и налить до самыхъ краевъ редереромъ, тяжело, прерывисто дышетъ. Уловившій этотъ взглядъ Андрей Ардальонычъ предупредительно пододвигаетъ къ нему свой стаканъ, и Тихонъ Антонычъ тотчасъ же схватываетъ его дрожащею рукой, подноситъ къ устамъ и однимъ глоткомъ выпиваетъ изъ него половину. — «За чтѣ я почтѣнъ, превозвышенъ?...» — Тихонъ Антонычъ поднимаетъ глаза и встрѣ-

часть нмѣ лицо уставившагося на него прямо, въ упоръ Святополка Игнатьича. Въ ту же минуту мозгъ его поражается страшною мыслью, что *дальше онъ не помнитъ ни слова!*... Хоть убей, хоть зарѣжь,—ни единого слова! Съ отчаяніемъ хватается онъ за боковой карманъ фрака—«рѣчи» тамъ нѣтъ!.. Совершенно нехстати, чортъ знаетъ зачѣмъ, ему представляется, какъ, въ этомъ самомъ анаеѣмскомъ фракѣ, стоитъ онъ, полчаса битыхъ времени, передъ Прасковьей Никифоровной, какъ та, сердясь и волнуясь, старается повязать ему галстукъ, а онъ все стоитъ, не шевелится, и чортъ знаетъ, о какой чепухѣ только думаетъ. Старый колпакъ! Безмозглый осель! Убить его мало!... Онъ тѣхитя припомнить, что у него было написано въ «рѣчи», восстанавливаетъ въ воображеніи своемъ эти ровныя, красивыя строчки. Вотъ мелькаютъ кое-гдѣ: «дорогіе товарищи»... «свѣточки знанія»... «скрижали исторіи»... а затѣмъ—ничего, хоть шаромъ повати!... Мучительнымъ напряженіемъ памяти онъ хочетъ поймать начало какой-нибудь фразы, связанной съ однимъ изъ этихъ памятныхъ словъ, но «товарищи», «скрижали» и «свѣточки» бѣгутъ вразсыпную, оставляя за собою пустыню.

— «...Въ кругу лицъ дорогихъ сердцу моему сослуживцевъ»,—хватается, ободраясь немного, Тихонъ Антонычъ за начало вдругъ возникшей въ его памяти фразы—и снова дѣлаетъ паузу... дальше опять все забыто! «Зарѣзанъ, зарѣзанъ!»—скрежещетъ въ душѣ Тихонъ Антонычъ, и, совершенно уже уничтоженный, полный однимъ горькимъ сознаніемъ, что все, что досталось ему жестокою цѣной многихъ долгихъ, бессонныхъ ночей, въ одинъ мигъ, навсегда и безвозвратно погибло, и готовый тутъ же, публично, при всѣхъ разрыдаться, отчаяннымъ голосомъ, похожимъ на истерическій вопль, восклицаетъ:

— «...Я чувствую, что вновь молодѣю душой!...»

Убитый и опозоренный, онъ мѣшкомъ упадетъ на стулъ и слышитъ, какъ вдругъ, вмѣсто смѣха или, по крайней мѣрѣ, грубого молчанія, вся зала раздражается рукоплесканіями... Это не два-три какихъ-нибудь слабыхъ шлепка, въ видѣ жалости, насмѣшки или снисхожденія къ бѣдному, растерявшемуся въ конецъ старику,—нѣтъ, это полный, единодушный, восторженный взрывъ, отъ котораго потрясаются стѣны и звенить долго въ ухахъ... Рукоплесканія гремятъ нѣсколько времени, то стихая, то снова усиливаясь, то вздымаясь, то упадая, какъ волны... Аплодируютъ всѣ... Кое-кто восклицаетъ... «За что, за что вы всѣ ко мнѣ такъ добры, господа?»—готовится крикнуть потрясенный до самой глу-

бины своего существа Тихонъ Антонычъ, но оказывается вдругъ въ объятіяхъ Андрея Ардальоныча, ощущаетъ у себя на щекахъ бороду Святополка Игнатьича, а Грохотунскій горячо жметъ ему руку и шепчетъ: «Такъ кратко, сильно, прочувствованно еще никто не говорилъ никогда!... Превосходно!»

Наконецъ, мало-по-малу, все опять успокоивается, и нѣкоторое время стукъ ножей и вилокъ доминируетъ надъ всѣми прочими звуками.

Отказавшійся отъ третьяго блюда, Тихонъ Антонычъ, вмѣсто того, выпиваетъ до дна все оставшееся въ стаканѣ шампанское.

Какое-то тихое, неизъяснимо - блаженное чувство покоя теперь овладѣло имъ. Пловецъ, долго носившійся на обломкѣ разбитаго судна по волнамъ разъяреннаго моря, ощущавшій все время себя на волосокъ отъ гибели и, въ концѣ-концовъ, взятый на палубу примѣтившаго его корабля, больной, только что выдержавшій мучительную операціонную пытку, навсегда устранившую долго его удручавшій недугъ, преступникъ, котораго приговорили къ повѣшенію и уже накиннули петлю, а потомъ объявили прощеніе, — всѣ они должны ощущать нѣчто подобное... Это не бурный восторгъ, когда человѣкъ можетъ скакать и кидаться на шею первому встрѣчному, хохотать и кричать, объявляя всѣмъ, какъ онъ счастливъ, — нѣтъ, это безмолвно-спокойное ощущеніе радости жизни, которымъ слѣдуетъ наслаждаться лишь въ одиночку, которое даже не требуетъ, чтобъ его раздѣлили, потому что оно всѣмъ понятно, имъ звучитъ все вокругъ, оно разлито по всему этому чудному Божьему міру, въ которомъ было бы все всегда совершенно, если бы самъ человѣкъ не отравлялъ самъ себя своего бытія. Все добро и все благо!

Неизвѣстно, какими судьбами, стаканъ передъ нимъ оказывается снова налитымъ до краевъ редереромъ. Андрей Ардальонычъ съ нимъ чокается — и Тихонъ Антонычъ поэтому пьетъ. Затѣмъ съ нимъ чокаются своими стаканами Блишѣ, Абсцессъ и Цыдарскій — и съ ними пьетъ тоже Тихонъ Антонычъ.

Еще въ первый разъ въ своей жизни такъ много пьетъ Тихонъ Антонычъ. Всѣ они милые, хорошіе, добрые, всѣ они его любятъ, всѣ они счастливы однимъ только тѣмъ, что онъ счастливъ, и какъ же онъ можетъ за это имъ всѣмъ отказать?

Мих. Альбовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

МАРЧЕЛЛА).

Романъ мистрисъ Уордъ.

IV.

— Значить, вы желаете, чтобъ я выѣхалъ немедленно?—спросилъ Людовикъ Бравенъ.—Сегодня пятница,—ну, хоть, напримеръ, въ понедѣльникъ?

Уартонъ утвердительно кивнулъ. Они сидѣли въ крохотной приемной у Марчеллы. Хозяйка вмѣстѣ со своею гостьей Эдиною Бравенъ удалились въ кухню, чтобы не мѣшать дѣловому разговору. Результатомъ переговоровъ было то, что Людовикъ Бравенъ согласился быть корреспондентомъ изъ Средней Англiи для *Голоса Труда*, со специальнымъ порученiемъ сообщать отчетъ о подготовлявшейся тамъ крупной стачкѣ. По своей обычной манерѣ общать больше, чѣмъ имѣлось въ виду, Уартонъ предложилъ Бравену двухгодичный срокъ и 200 фунтовъ ежегодно. Вышнею стороною предложенiя Бравенъ былъ какъ нельзя болѣе доволенъ.

— И такъ, сколько я понимаю, — сказалъ онъ, — газета будетъ стоять за стачку и до конца защищать интересы рабочихъ?

При этомъ онъ устремилъ пронизательный взглядъ своихъ зеленыхъ глазъ на Уартона. Бравенъ былъ высокiй, узкоплечiй молодой человекъ съ красивыми и благородными чертами продолговатаго лица и безпвойнымъ, нервнымъ взглядомъ близорукихъ глазъ. Его манеры и обращенiе оставляли впечатлѣнiе безупречной вѣжливости, но грозившей каждую минуту перейти въ сарказмъ. Уартонъ всегда чувствовалъ себя съ нимъ неловко — и теперь, и въ былое время, на собранiяхъ вентуристовъ.

— Конечно, непременно, — возразилъ онъ рѣшительно, — я вни-

*) *Русская Мысль*, кн. X.

мательно просмотрѣлъ отчеты о неудовольствіяхъ между рабочими и фабрикантами, и дѣло представляется мнѣ какъ нельзя болѣе яснымъ. Съ этихъ бѣднягъ черезъ-чуръ долго драли шкуру; пора, наконецъ, обществу обратить на нихъ вниманіе. Двое изъ этихъ фабрикантовъ засѣдаютъ въ парламентѣ. Денни принадлежитъ, по моему мнѣнію, къ самому отвратительному типу капиталистовъ.

Онъ говорилъ язвительнымъ тономъ и началъ застегиваться, какъ человѣкъ, которому некогда терять время.

— Да, Денни!—сказалъ Бравенъ задумчиво.—Онъ, правда, жестокій, но, по крайней мѣрѣ, прямой человѣкъ. Есть гораздо хуже его.

При этихъ словахъ Уартонъ съ неудовольствіемъ вспомнилъ о привычкѣ вентуристовъ никогда не довѣрять на слово, даже въ пустякахъ: ему казалось, что въ данномъ случаѣ Бравенъ могъ бы положиться на его мнѣніе.

— Еще одно слово,—вдругъ сказалъ Бравенъ, когда Уартонъ искалъ свою палку.—Ходятъ слухи, что прибѣгнуть къ третейскому суду.

— О, я знаю,—воскликнулъ Уартонъ нетерпѣливо,—это одни разговоры! Уже не разъ попадались несчастные рабочіе на эту удочку. Выберутъ какого-нибудь важнаго господина по сосѣдству,—не изъ купечества, конечно, но не далеко отъ него,—и, понятно, разговоръ будетъ не въ пользу рабочихъ.

— Значитъ, газета не будетъ поддерживать рѣшенія третейскимъ судомъ?—спросилъ Бравенъ и вынулъ записную книжку.

— Нѣтъ. Обстоятельства дѣла ясны до очевидности. Требования рабочихъ крайне умѣренны, и они должны добиться своего, чтобы имѣть возможность существовать. Необходимо вступить за нихъ. Я намѣренъ всѣми силами ратовать въ ихъ пользу. Третейскій судъ! Нѣтъ никакого смысла въ этомъ. Надо дать людямъ жить.

Бравенъ безучастно смотрѣлъ на него.

— Бажется, вы мнѣ сказали адресъ Торпа?—спросилъ онъ.

Торпъ былъ секретаремъ, составлявшимъ отчеты о волненіяхъ рабочихъ и ихъ требованіяхъ. Опять Уартонъ подавилъ въ себѣ досадливое чувство: когда ему, Уартону, заблагоразсудилось откровенно высказаться, Бравенъ не имѣлъ права отнестись къ этому невнимательно.

Между тѣмъ, Бравенъ, писавшій обыкновенно горячо и съ одушевленіемъ, въ разговорѣ сухимъ и холоднымъ тономъ касался тѣхъ язвъ рабочаго класса, отъ которыхъ у него самого болѣло

сердце. Онъ съ глубокимъ презрѣніемъ относился къ дешевому способу выставить себя на-показъ громкими сочувственными фразами.

Уартонъ повторилъ адресъ и сталъ давать Бравену общія указанія относительно его корреспонденцій.

— Можно войти?—послышался голосъ Марчеллы.

— О, разумѣется!—отвѣтилъ Уартонъ совсѣмъ другимъ тономъ.—Съ дѣлами мы покончили, и я исчезаю.

Онъ схватился за шляпу.

— Ну, нѣтъ! Сейчасъ подадутъ чай; безъ этого я васъ не отпущу,—сказала Марчелла.

Уартонъ нерѣшительно взглянулъ на нее. Онъ уже провелъ съ ней наединѣ цѣлые полчаса до прихода Бравена, а теперь пора было ѣхать въ палату. Но при видѣ ея прежняя рѣшимость его покинула. Какъ поразительно красива была она даже въ этомъ одѣяніи сестры милосердія! На ней было гладкое платье изъ суроваго полотна, съ бѣлымъ воротничкомъ и манжетами, но Уартону казалось, что никогда такъ чудно не выдѣлялась ея темная итальянская головка и тонкій, гибкій станъ. Уартонъ поколебался, и, въ концѣ-концовъ, остался.

— Вы поладили?—шепнула Марчелла Бравену, проходя мимо него, чтобы достать печенье къ чаю.

Тотъ утвердительно кивнулъ головой и улыбнулся, и Марчелла возвратилась къ столу радостная и счастливая, съ сіяющими глазами.

Слѣдующая четверть часа прошла очень оживленно. Уартонъ былъ слишкомъ уменъ, чтобъ играть роль патрона или благодѣтеля по отношенію къ вентуристу, и держалъ себя просто въ этомъ маленькомъ кружкѣ. Бравенъ говорилъ мало, по его поза и выраженіе лица показывали, что онъ былъ доволенъ; за то Марчелла бойко разговаривала и смѣялась, какъ будто ея мечты о преобразованіи міра начали осуществляться. А, можетъ быть, ея настроеніе вызвано было отчасти присутствіемъ человѣка, который дѣйствовалъ на нее магнетически.

— И такъ, до слѣдующей пятницы,—сказалъ, наконецъ, Уартонъ, вставая.—Вамъ придется забраться пораньше, потому что будетъ давка. Миссъ Бравенъ тоже отправится? Прекрасно! Я скажу сторожу, чтобъ онъ васъ проведетъ на мѣста. До свиданія.

Едва только онъ вышелъ, какъ вошелъ старшій Бравенъ, Антоній.

— Есть что-нибудь новое?—сказалъ онъ, когда Марчелла указала ему стулъ.

— Да, мы уже порѣшили!—сказалъ Людовикъ: его голось и манеры стали замѣтно развязнѣе съ тѣхъ поръ, какъ ушелъ Уартонъ.—Въ понедѣльникъ я отправляюсь корреспондентомъ въ Дэмсли и буду писать отчеты о тамошней стачкѣ. Одинъ мѣсяць испытанія, а затѣмъ жалованье—двѣсти фунтовъ въ годъ. Я увѣренъ, что это устроится!

Онъ безпокойно вертѣлся на стулѣ и старался не смотрѣть на брата, чтобы скрыть противъ воли сіявшую на лицѣ радость.

— Но, вѣдь, на будущей недѣлѣ ты женишься?—съ неудовольствіемъ замѣтилъ Антоній.

— Нѣтъ, не такъ скоро,—виѣшалась Эдиоъ Кравенъ.—Анна еще не можетъ бросить бѣлошвейной мастерской. Она рѣшила посвятить по мѣсяцу на каждое мастерство, а, между тѣмъ, прошло только десять дней, какъ она перешла отъ портнихи къ бѣлошвейкѣ.

Марчелла смотрѣла недоумѣвающимъ взглядомъ, желая получить объясненіе. Она не видала невѣсты Людовика, но слышала, что она очень энергичная дѣвушка и гораздо компетентнѣе его по рабочему вопросу.

Людовикъ объяснилъ, что Анна взяла на себя порученіе отъ одной газеты изслѣдовать тяжелыя стороны женскаго труда. На прошлой недѣлѣ она работала, какъ простая портниха, заработала 14 шиллинговъ и такъ разстроила свое здоровье этими геронческими усиліями, что онъ настоялъ, чтобы она отдохнула два дня, прежде чѣмъ перейти къ шитью сорочекъ. Заказовъ много, а работать такъ трудно въ теперешнюю жару.

— Они изъ-за сорочекъ и познакомились,—задумчиво заговорила Эдиоъ.—Людовикъ жилъ во второмъ этажѣ, а она въ третьемъ, лѣстница у нихъ была общая. Однажды она услышала, какъ Людовикъ просилъ служанку пришить пуговицы къ его сорочкамъ. Она отвѣтила что-то неопредѣленное. Какъ только онъ ушелъ, Анна сошла внизъ, спросила у служанки его сорочки, взяла въ свою комнату и всѣ ихъ перечинила. Когда Людовикъ вернулся домой, онъ нашелъ на своемъ столѣ цѣлую кипу аккуратно сложенныхъ сорочекъ. Разумѣется, онъ умилился. На другое утро башмаки Анны, выставленные за дверь, были вычищены такъ, какъ никогда, и внутри была вложена записка. Развѣ это не трогательно? Съ этихъ поръ постоянно она штопала, а онъ чистилъ. Понятно, мы съ Антоніемъ догадались, къ чему это приведетъ.

Марчелла разсмѣялась.

— Вы должны меня съ ней познакомить,—сказала она Людовику.

— Конечно, если только мнѣ удастся залучить ее,—сказалъ Людовикъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ.—Если она не шьетъ, то пишетъ или хлопочетъ объ организациі союзовъ. Она работаетъ за шестерыхъ. Когда мы поженимся, она будетъ зарабатывать не меньше меня. О, мы съ ней не пропадемъ!

Антоній угрюмо смотрѣлъ на сіяющее лицо брата, обыкновенно спокойное или насмѣшливое.

— Двѣсти фунтовъ въ годъ,—проговорилъ онъ медленно,—какъ разъ столько, я думаю, сколько господинъ Уартонъ тратитъ на свой туалетъ. Мнѣ говорили, что онъ очень щепетилень въ этомъ пунктѣ. И за такую сумму, которую онъ употребляетъ на одежду, онъ покупаетъ тебя, Людовикъ, цѣликомъ, и душу твою, и тѣло, и ты ему еще за это благодаренъ!

— Вотъ пустяки!—безпечно отвѣчалъ Людовикъ.—Онъ не купилъ никого другого, а именно меня, и за это я ему благодаренъ.

— Нѣтъ, клянусь честью, этого не будетъ!—горячо воскликнулъ Антоній.—Чтобы ты служилъ этому шарлатану! Я не могу переварить этого. Вѣдь, ты знаешь мое мнѣніе объ этомъ человѣкѣ!

Марчелла протестовала негодующимъ жестомъ; Людовикъ также.

— Какъ бы тамъ ни было,—упрямо продолжалъ Антоній,—я буду твердить тебѣ объ этомъ постоянно, до тѣхъ поръ, пока мнѣ не заткнуть глотку тоже какою-нибудь Анной.

— Я не понимаю, почему же я должна выслушивать отъ васъ подобныя вещи!—сказала Марчелла, быстро повернувшись къ нему.—Вы, кажется, знаете, что я считаю себя обязанной мистеру Уартону. Прошу васъ не забывать этого!

Антоній молча посмотрѣлъ на нее. Подозрѣніе относительно Марчеллы быстро пронеслось у него въ головѣ. Онъ неуклюже поклонился ей.

— Я буду нѣмъ, какъ рыба,—сказалъ онъ.—По крайней мѣрѣ, я таковъ теперь, какимъ былъ всегда.

— Что вы хотите этимъ сказать?—воскликнула Марчелла, разорячившись.—Какъ можно позорить человѣка, который въ такое короткое время и на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ достигъ выдающагося положенія? Это не только несправедливо, это недоросовѣстно! И потомъ, откуда вы его знаете?

— Вы забываете,—сказалъ Антоній сдержанно,—что мистеръ Уартонъ уже три года состоитъ членомъ общества вентуристовъ, съ этого времени началась его карьера. Я слѣдилъ за нимъ съ са-

маго начала, и хотя лично я знаю его немного, но мои друзья и Людовикъ знаютъ его хорошо. И большинство изъ нихъ, какъ ему самому извѣстно, далеко не лестнаго о немъ мнѣнія.

— Ну, ну, Антоній, — сказалъ Людовикъ, — нельзя требовать, чтобы подобнаго рода дѣятель былъ вполне безкорыстнымъ человекомъ! Однако, ни ты, ни я — мы не можемъ отрицать, что онъ оказалъ важныя услуги нашему дѣлу. Развѣ мнѣ необходимо вступать съ нимъ въ дружбу? Совсѣмъ нѣтъ! Онъ предлагаетъ мнѣ работу и вознагражденіе за нее. Дѣло мнѣ по душѣ, и я рассчитываю воспользоваться имъ и его газетой, во-первыхъ, чтобы имѣть заработокъ, во-вторыхъ, чтобы дѣлать полезное дѣло.

— Ты воспользуешься Уартономъ! — сказалъ разгорячившійся калѣба съ такимъ сарказмомъ, что блѣдныя щеки Людовика вспыхнули, а Марчелла раздражилась еще болѣе. Во всѣхъ напакахъ на Уартона со стороны Антонія она видѣла личное предубѣжденіе и злобу. Довольно естественно, что человекъ въ положеніи Антонія Бравена — бѣднякъ, неудачникъ, озлобленный — ненавидитъ популярнаго и вліятельнаго человекъ.

— Оставимъ мистера Уартона въ покоѣ, — сказала Марчелла рѣшительно. Антоній покорился и замолчалъ.

При возобновленіи дружбы съ Бравенами Марчелла замѣтила, что Антоній все болѣе становился мизантропомъ. Между тѣмъ какъ Людовикъ бросилъ искусство и предался политикѣ и журналистикѣ, чтобы отдать всѣ силы социальной борьбѣ, Антоній остался художникомъ и занимался преимущественно декоративною живописью, но, притомъ, онъ продолжалъ оставаться самымъ ярымъ вентуристомъ и антикапиталистомъ. Тогда какъ Людовикъ питалъ надежды на свѣтлую будущность, Антоній смотрѣлъ мрачно и съ отчаяніемъ впередъ. Онъ еще болѣе страстно, чѣмъ прежде, ненавидѣлъ богатство, но его вѣра въ рабочихъ и въ свою партію значительно поколебалась. Онъ продолжалъ стоять на томъ, что богатыхъ людей не должно быть; но, по его мнѣнію, и послѣ того міръ будетъ представлять изъ себя еще очень печальное зрѣлище.

Посидѣвши нѣсколько минутъ молча, онъ вдругъ прервалъ общій разговоръ:

— Въ чемъ будетъ состоять твоя работа, Людовикъ?

— Я уже говорилъ тебѣ. Я долженъ изслѣдовать причины неудовольствій рабочихъ, поддержать стачку, которая должна открыться на слѣдующей недѣлѣ, и сообщать о ней отчеты въ *Голосъ Труда*.

— Изъ этого ничего не выйдетъ, — сказала Антоній, — фабриканты слишкомъ сильны. Вчера я говорилъ съ Денни.

Этотъ Денни былъ сынъ извѣстнаго фабриканта, увлекшійся социальнымъ движеніемъ, отказавшійся отъ денежной помощи отца и вступившій въ ряды такъ называемаго «интеллигентнаго пролетаріата»; онъ пропагандировалъ идеи коллективизма. Въ послѣднее время онъ вступилъ въ общество вѣнтуристовъ, и Антоній почувствовалъ къ нему большое пристрастіе; Людовикъ, между тѣмъ, почти не зналъ его.

— Не знаю, — отвѣчалъ онъ брату. — Я думаю, что *Голосъ Труда* можетъ что-нибудь сдѣлать. Вліяніе прессы все растетъ и растетъ за послѣднее время, — и онъ началъ приводить сообщенные ему Уартономъ факты о томъ, какъ усилилось вліяніе и распространенность *Голоса Труда* съ тѣхъ поръ, какъ Уартонъ сталъ во главѣ изданія.

— Вздоръ, совершенный вздоръ! — сухо перебилъ его Антоній. — По моему мнѣнію, газета быстро падаетъ, и онъ прекрасно знаетъ это.

При этихъ словахъ Марчелла и Людовикъ расхохотались. Упорство Антонія начало ихъ смѣшить. Слѣдующія десять минутъ Антоній игралъ роль неукротимаго спорщика, котораго приходилось выслушивать, но которому бесполезно было возражать. Онъ покорился своей участи, говорилъ мало, только поводилъ своими сверкающими, дышащими злобой глазами.

Тѣмъ не менѣе, при прощаньи Марчелла дружески пожала ему руку. Одинокій и больной, онъ всегда казался ей жалкимъ, и она терпѣливо сносила его грубости.

— А какъ ваши дѣла? — спросилъ онъ ее.

— Превосходно! Мнѣ предоставляютъ большую самостоятельность, что, конечно, очень лестно. Нашъ участковый врачъ называетъ меня «милая барышня», а санитарный инспекторъ проситъ меня обращаться къ нему всегда, какъ только мнѣ что-нибудь понадобится. Видите, мнѣ не на что пожаловаться.

— А бѣдныхъ вы попрежнему любите?

Ироническій тонъ этого вопроса кольнулъ Марчеллу.

— Я нахожу среди нихъ гораздо больше счастья, чѣмъ ожила, — отвѣтила она.

Онъ засмѣялся.

— Это совершенно по-женски! Видь нѣсколькихъ несчастныхъ крестьянъ сдѣлалъ васъ демократкой. Теперь знакомство съ нѣзлыми зажиточными лондонскими ремесленниками преблагопо-

лучно возвратить васъ опять въ лоно вашего сословія. Ваши родные очень мудро поступили, позволивши вамъ заняться этимъ дѣломъ.

— Почему же вы думаете, что я работаю только въ зажиточныхъ семьяхъ?— насмѣшливо заговорила она.— Вѣдь, я не сказала «богатства» или «комфорта», но именно «счастья». Что же касается моихъ демократическихъ убѣжденій, то вы плохой судья въ этомъ.

— Зачѣмъ вы до сихъ поръ остаетесь вентуристкой?— вдругъ спросилъ онъ.

— Я имѣю на это всѣ основанія. Я принадлежу къ обществу, которое работаетъ въ пользу «лучшаго будущаго». По мѣрѣ своихъ силъ и я преслѣдую ту же цѣль.

— Тѣмъ не менѣе, судя по вашимъ словамъ, вы далеко расходитесь съ нами.

Она колебалась нѣсколько времени, но потомъ заговорила рѣшительно:

— Да, я начинаю все меньше и меньше вѣрить въ благодѣтельность только однихъ политическихъ реформъ. Въ моей практикѣ мнѣ приходилось наталкиваться на очень рѣзкіе случаи: въ одномъ и томъ же домѣ живутъ двѣ семьи; въ одной—рай, въ другой—адъ. Почему? Обѣ принадлежатъ достаточнымъ ремесленникамъ и живутъ при одинаковыхъ условіяхъ. Въ одной глава семьи—честный труженикъ, въ другой—пустой и праздный человекъ. Я знаю, вы скажете, что это не доказательство, но я только хочу сказать, что на ряду съ экономическими есть и моральныя условія счастья.

Оба брата съ нескрываемымъ презрѣніемъ выслушали эти слова, затѣмъ простились и вышли.

Оставшись одна, Марчелла бросилась въ кресло и стала припоминать свой разговоръ съ Уартономъ.

Какъ онъ измѣнился, и, въ то же время, какъ многое въ немъ знакомо ей! Она видѣла въ немъ ту же энергію и смѣлость, то же властное требованіе довѣрчивости и откровенности, съ другой стороны — новое отвѣтственное положеніе, сила, влияніе,—все это сильно дѣйствовало на пылкое воображеніе Марчеллы.

Ей было пріятно съ нимъ опять встрѣтиться; она съ удовольствіемъ думала о томъ, что на слѣдующей недѣлѣ услышитъ его рѣчь въ парламентѣ. Прошлое давно сгладилось; они будутъ друзьями. Она будетъ слѣдить съ живымъ интересомъ за его общественною дѣятельностью и на этомъ будетъ отдыхать отъ тяжелыхъ

ежедневных впечатлѣній болѣзней и страданія. Недовѣріе къ нему Голлена и завистливая ненависть Антонія Бравена ничего ей не говорятъ: натура Уартона слишкомъ далека отъ нихъ и непонятна имъ. Да, наконецъ, она и не считаетъ его героемъ. Но именно въ этой сложности и загадочности его личности и заключается его притягательная сила.

Марчелла вдругъ спохватилась, что уже поздно, — ей необходимо навѣстить своихъ больныхъ. Она стала собираться.

Вдругъ невольно со всею живостью вспомнился ей портретъ Рѣборна, который она видѣла у Голлена, — его грустный взглядъ, посѣдѣвшіе волосы...

Какъ можетъ она говорить о социальныхъ реформахъ и о нравственномъ совершенствованіи человѣка, — она, которая до сихъ поръ только сдѣлала одно — доставила страданія хорошему человѣку? Моментально вся ея гордость и довольство собой исчезли. Самыя разнообразныя чувства, мысли, воспоминанія заволновались въ ней. При этомъ она сознавала ясно одно, что ей необходимо, прежде всего, перевоспитать себя нравственно, образовать свое сердце и характеръ, а этого достигнуть можно только съ помощью самопожертвованія и любви. Кромѣ того, ей страстно захотѣлось добиться прощенія Рѣборна и возвратить себѣ его дружбу.

У.

Въ отдаленномъ углу парламентской бібліотеки сидѣлъ Уартонъ. Рядомъ на стулѣ и у него на колѣняхъ разложена была масса отдѣльныхъ листовъ бумаги. Была пятница, и засѣданіе въ палатѣ уже началось. Онъ въ послѣдній разъ быстро пробѣгалъ свою рѣчь, дѣлая въ разныхъ мѣстахъ отмѣтки карандашомъ.

Одинъ старикъ-депутатъ подошелъ къ нему.

— Волнуетесь? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ, не особенно.

— Тамъ страшная толпа сегодня.

Онъ отошелъ, а Уартонъ, отложивши свою рѣчь, предался размышленіямъ о Марчеллѣ. Ему очень хотѣлось возобновить съ ней старыя отношенія; къ чему это можетъ привести впоследствии — гдѣ рѣшаетъ судьба. На ея теперешнія занятія и скромную, единенную жизнь онъ смотрѣлъ, какъ на забаву. Ея настоящая чера — блистать и играть роль въ обществѣ, и, рано или поздно, а попадетъ на эту дорогу. Нужно предоставить другимъ ухажить за больными и жить суровою рабочею жизнью. Ея судьба назначена ей исключительною красотой.

Появленіе Беннета разогнало его мысли. На добромъ лицѣ Беннета замѣтно было безпокойство и раздраженіе.

— Вильгинсъ стоитъ на своемъ, — заговорилъ онъ. — Толкуеть о совѣсти и еще массу всякаго вздора. Я думаю, едва ли ему удастся серьезно повредить.

— Никому, кромѣ самого себя, — отвѣтилъ Уартонъ сухо. — Э, да не стоить о немъ говорить!

Судьба предложенія о восьми-часовомъ рабочемъ днѣ, которое собирался внести Уартонъ, должна была имѣть рѣшающее значеніе и для рабочаго движенія, и для положенія рабочей партіи въ парламентѣ.

— Я рассчитываю, что моя очередь будетъ до семи часовъ, — сказалъ Беннетъ, уходя, — а потомъ мнѣ нужно было бы уйти на одинъ часъ и вернуться къ голосованію, которое, я думаю, начнется не раньше половины одиннадцатаго.

Оставшись одинъ, Уартонъ стоялъ нѣкоторое время въ раздумьи. Ему совершенно было неизвѣстно, какъ отнесется Беннетъ въ своей рѣчи къ нѣкоторымъ пунктамъ его предложенія. Что же касается свободнаго часа, Уартонъ догадывался, что Беннетъ не хотѣлъ пропустить проповѣди знаменитаго методиста, о которой всюду были расклеены афиши.

— Да, каждому свое... Однако, который часъ? — Взглянувши на часы, Уартонъ быстро вышелъ изъ библіотеки и бросился бѣжать вдоль корридоровъ и по лѣстницѣ. Передъ дверями дамской скамьи важный привратникъ отворилъ передъ нимъ двери, поклонившись съ большими почтеніемъ.

— Обѣ барышни здѣсь, ваше благородіе, — на первой лавочкѣ. Пока не очень полно, но еще подойдетъ народъ.

Уартонъ отдернулъ занавѣску и увидалъ темную головку, наклоненную впередъ, видимо, поглощенную тѣмъ, что было передъ ея глазами.

Услышавши его голосъ, она быстро обернулась.

— Ахъ, идите скорѣе, объясните намъ все и назовите лицъ. Почему нѣтъ спикера? Гдѣ сидятъ министры? Кто это теперь говоритъ?

— А я былъ увѣренъ, что вы все это знаете, — сказалъ онъ, усаживаясь на пустой стулъ возлѣ Марчеллы. — Неужели нужно что-нибудь объяснять внучкѣ спикера?

— Что же дѣлать, если я не знаю фамилій? Гдѣ Гладстонъ! Да, я вижу. Эдионъ, посмотри, вотъ онъ идетъ! Пожалуйста, не важничай, что ты уже здѣсь была разъ, — ты, вѣдь, не могла мнѣ никого назвать.

Голосъ ея звенѣлъ радостно, какъ у ребенка.

— Это потому, что я близорука, — отвѣчала Эднъ, — но Гладстона-то, конечно, я узнаю безъ тебя.

— Ну, хорошо, хорошо, моя милая, успокойся! А гдѣ вы сидите, мистеръ Уартонъ?... А, вижу, — тамъ сидитъ Беннетъ и этотъ мрачный субъектъ, котораго я встрѣтила у Голлена, Вилькинсъ: что вы о немъ думаете?

— Предложите мнѣ этотъ вопросъ потомъ, — сказала Уартонъ. — Онъ будетъ сегодня изъ силъ выбиваться, чтобы поднять на смѣхъ и себя, и насъ. Посмотримъ...

— Кто это говорить теперь? — спросила Марчелла и наклонилась впередъ.

Уартонъ молчалъ. Тотчасъ она опять откинулась назадъ.

— Я не узнала, — пробормотала она, — такая масса лицъ.

Съ края министерской скамьи поднялся высокій мужчина и давалъ нѣкоторыя объясненія отъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Марчелла узнала Альда Рѣборна.

Она сидѣла молча и внимательно прислушивалась къ его голосу.

— Онъ хорошо говорить, — сказалъ Уартонъ, считая самымъ тактичнымъ говорить напрямикъ, — ни одного лишняго слова, не къ чему придратъся. Видите вы того старика съ сѣдою бородой? Это — несноснѣйшій болтунъ. Если онъ вздумаетъ говорить сегодня, депутатамъ будетъ время пообѣдать. Я тогда приду за вами, отведу васъ въ столовую и позвольте мнѣ поручить васъ одному моему другу, который здѣсь съ своею женой, мистрисъ Ланъ. Я оставилъ за собою столъ, но, къ сожалѣнiю, не могу отлучиться изъ залы надолго, такъ какъ сегодня мой докладъ.

Уартонъ ушелъ. Онъ не могъ не замѣтить, что настроенiе Марчеллы было уже не то. Ему было досадно, что призракъ Рѣборна будетъ носиться между ними въ этотъ знаменательный для него вечеръ.

Марчелла наклонилась впередъ и смотрѣла, какъ быстро наполнялась зала. Она видѣла фигуру Альда Рѣборна на его мѣстѣ. Хотя она знала, что онъ не можетъ разглядѣть ее, но, тѣмъ не менѣе, ей часто казалось, что онъ ее узналъ, и она инстинктивно отклонилась назадъ.

«Въ тотъ моментъ я поклялся посвятить тебѣ все, что есть во мнѣ лучшаго».

Эти слова противъ воли стояли въ ея памяти и мучительно отдавались въ сердцѣ. Неужели этотъ самый человекъ, такой без-

страстный, холодный, сказалъ ей когда-то эти слова въ страстномъ экстазѣ любви?

А теперь все кончено. Они навсегда разошлись чужими другъ другу. Эта мысль обдавала ее холодомъ.

Но она тотчасъ взяла себя въ руки. Прошедшаго не вернешь. Выйти за него замужъ послѣ всего, что произошло, было бы непозволительно съ ея стороны. Теперь онъ женится: она скорѣе вѣрила Ливену, чѣмъ Голлену. Ее даже не смущало то, что онъ женится на вертлявой, пустой кокеткѣ, — такіе браки очень часты. Его жена не будетъ задаваться никакими вопросами и планами; она будетъ ласкать, веселить и развлекать его.

Марчеллѣ бросилось въ глаза то, что она до сихъ поръ никогда не смотрѣла на Рэборна со стороны, какъ на самостоятельное индивидуальное существо. «Онъ былъ аксессуаромъ въ моей драмѣ, — сказала она съ горькимъ упрекомъ себѣ. — Хорошо, что онъ отъ меня отдѣлался».

Между тѣмъ, зала продолжала наполняться. Приближался срокъ давно ожидаемой рѣчи. Члены верхней палаты пробирались среди другихъ; журналисты раскладывали передъ собой бумагу; депутаты густою толпой входили въ дверь.

— Вотъ онъ! — невольно воскликнула Марчелла, завидѣвши стройную фигуру Уартона среди толпы.

Черезъ пять минутъ онъ уже говорилъ передъ многочисленнымъ и внимательнымъ собраніемъ; его чистый, нѣсколько рѣзкій голосъ, съ необыкновенною гибкостью передававшій самые разнообразные и тонкіе отбѣнки, въ первый моментъ заставилъ Марчеллу содрогнуться, ожививши старыя воспоминанія.

Затѣмъ она принялась слушать съ такимъ напряженіемъ и, вмѣстѣ, безпокойствомъ, какъ будто она лично была заинтересована въ успѣхѣ рѣчи. Наблюдая аудиторію, она боялась за исходъ: неужели можно расшевелить этихъ холодныхъ, безучастныхъ манекеновъ, которые ничего общаго не имѣютъ съ обыкновенно подвижною, легко возбудимою толпой? Притомъ же, добрая половина тамъ, внизу, повидимому, сладко спала, остальные смотрѣли разсѣянно.

Между тѣмъ, голосъ Уартона продолжалъ звучать; систематически, шагъ за шагомъ развивая онъ свои положенія, обставляя ихъ практическими подробностями и излагая блестящимъ и сильнымъ языкомъ. Мало-по-малу зала засѣданій стала представлять совершенно другое зрѣлище: лица настораживались, оживлялись, было очевидно, что ораторъ покорялъ свою публику. Особенно подкупала всѣ партіи умѣренность его предложенія.

— Превосходная рѣчь, не правда ли? Нѣтъ никакого сравненія съ прошлогодними, — сказалъ, улыбаясь, одинъ членъ прежняго кабинета своему сосѣду, когда Уартонъ среди всеобщаго шума и движенія сѣлся на мѣсто. Впечатлѣнiе было сильное и успѣхъ выдающійся.

Затѣмъ поднялся старикъ Денни и очень умно, дѣльно и колко возражалъ на докладъ Уартона.

Но Марчелла откинулась назадъ и ничего не слушала. «Можно ли послѣ этого слушать что-нибудь другое?» Рѣчь Уартона заставила звучать всѣ струны ея души: и художественный вкусъ, и драматическiй интересъ, и гуманныя чувства состраданiя и заботливости о бѣдныхъ.

Эдиоъ Кравенъ съ насмѣшливымъ изумленiемъ смотрѣла на Марчеллу. Она и ея братья были типичными венчуристами и съ презрѣнiемъ относились ко всякому публичному проявленiю чувствъ. По ея мнѣнiю, Марчелла оставалась такою же наивною и простенькой, какою была прежде.

— Наконецъ-то! — воскликнула Марчелла съ облегченiемъ. — Кончилъ! Кто же это теперь? О, это Вилькинсъ!

Въ ея тонѣ выразилось отвращенiе.

Съ первыхъ же словъ, произнесенныхъ Вилькинсомъ, стало ясно, что можно ожидать чего-нибудь очень любопытнаго, и выходящая изъ залы публика стала возвращаться на свои мѣста. И дѣйствительно, короткая, но бурная рѣчь представляла сценическiй эффектъ. Онъ повторилъ всѣ тѣ доводы противъ Уартона и его билля, которые Марчелла уже слышала у Голлена, и говорилъ своеобразнымъ, грубымъ, отрывистымъ языкомъ. Сквозь принципиальныя нападки видѣлась личная ненависть и озлобленiе противъ Уартона. Вначалѣ всѣ прислушивались съ недоумѣнiемъ, но потомъ, когда онъ безъ церемонiи сталъ употреблять грубыя и площадныя выраженiя, начали смѣяться, и подъ конецъ, когда онъ обрушился съ инсинуаціями на либераловъ, въ залѣ стоялъ гулъ отъ повального хохота и ироническихъ восклицанiй; Вилькинсъ сердито пожалъ плечами и сѣлъ.

Потомъ говорилъ Беннетъ. Онъ пользовался всеобщимъ уваженiемъ въ палатѣ, поэтому его голосъ въ пользу Уартона и его билля имѣлъ несомнѣнно большой вѣсъ. Беннетъ былъ совсѣмъ некраснорѣчивъ. Онъ былъ простой, полуобразованный человекъ, но глубоко-религіозный и искреннiй; эта-то простота и безыскусственность и придавали неотразимую убѣдительность его словамъ. Его рѣчь была не только поддержкой билля Уартона, но круп-

нымъ шагомъ впередъ въ парламентской исторіи рабочаго законодательства.

Наконецъ, поднялся и заговорилъ извѣстный парламентскій пустомеля. Вся палата, какъ одинъ человѣкъ, устремилась къ выходамъ. Беннетъ, уставшій и отъ напряженія, и отъ жары, вытиралъ лицо краснымъ платкомъ, когда кто-то тихонько коснулся его плеча. Оглянувшись, онъ увидалъ Уартона, совершенно блѣднаго, съ дрожащими губами.

— Я не могу благодарить васъ, — сказалъ тотъ, — это было бы смѣшно.

Беннетъ ласково кивнулъ ему, и затѣмъ они пошли вслѣдъ за толпой, избѣгая другъ друга по свойственной англичанамъ стыдливости въ выраженіи сильныхъ чувствъ.

Уартонъ окончательно овладѣлъ собой, только обмѣнявшись безчисленными разговорами и рукопожатіями въ корридорахъ; въ концѣ-концовъ, онъ поддакъ радостному настроенію и взбѣжалъ по лѣстницѣ, какъ школьникъ. Его опянялъ, съ одной стороны, успѣхъ, съ другой — ожидавшее его наверху милое личико съ чудными глазками. Только бы отдѣлаться отъ несносной Бравенъ и хоть минуту побыть съ Марчеллой наединѣ.

— Ну, что? — весело сказалъ онъ, подходя къ Марчеллѣ.

Ея глаза радостно и возбужденно блестя.

— Не будемъ говорить здѣсь, — сказала она. — Нельзя ли выйти? Я изнемогаю отъ жары.

— Конечно. Выйдемъ на террасу. Сегодня чудный вечеръ, и тамъ мы найдемъ нашу компанію. А вамъ, миссъ Бравенъ, было интересно?

Эдию принужденно улынулась.

— Да, спорили недурно, — отвѣтила она.

«Чортъ бы побралъ эту нахрамленную вентуристку!» — сказалъ про себя Уартонъ.

VI.

— Ахъ, какъ восхитительно! — воскликнула Марчелла, когда они вышли на террасу. Былъ тихій теплый вечеръ; небо переливалось тысячью разноцвѣтныхъ тоновъ. — Какъ тамъ было душно, и какъ вамъ не стыдно сажать насъ въ какія-то елѣтки!

На ней было изящное платье изъ бѣлой бумажной ткани, а на пышныхъ волосахъ — маленькая черная кружевная шляпка съ черными лентами, небрежно завязанными у подбородка. Этотъ костюмъ эффектно отбѣнялъ ея наружность.

Терраса была полна народомъ и стоялъ невообразимый гулъ. Проходя съ своими дамами въ толпѣ, Уартонъ замѣтилъ, что Марчелла производитъ впечатлѣніе. Всѣ, кто имъ встрѣчался, оглядывались на нее.

А, между тѣмъ, Марчелла любовалась на лучи заката, на таинственную красоту глубоко-темной рѣки, на изящную линію моста, и не замѣчала того эффекта, который она производила среди окружающихъ. Время отъ времени она вдругъ испуганно вглядывалась, когда кто-нибудь напоминалъ ей Альда Рэборна.

— А, вотъ и Лэны!—сказалъ Уартонъ, подходя къ маленькой дамѣ въ черномъ, стоявшей среди кучки мужчинъ.

Уартонъ представилъ ихъ другъ другу. Затѣмъ Эдию встрѣтила одного изъ своихъ друзей и ушла съ нимъ.

— Позвольте мнѣ показать вамъ террасу,—сказалъ Уартонъ Марчеллѣ. — Раньше, чѣмъ черезъ двадцать минутъ, обѣдъ не начнется.

Они прошли въ отдаленный уголъ террасы, гдѣ ходили взадъ и впередъ одинокія пары и небольшія группы людей.

— Увижу ли я сегодня мистера Беннета?—спросила Марчелла, когда они остановились у барьера.—Мнѣ бы очень хотѣлось.

— Я звалъ его пообѣдать съ нами, но онъ отказался. Значить, вамъ понравилась его рѣчь?

— Какъ вы сдержанно выражаетесь!—сказала она, смѣясь.— А вамъ?

Онъ помолчалъ нѣсколько времени, задумчиво смотря на рѣку.

— Какъ вы думаете, чѣмъ я могу отплатить ему за такую услугу?

— О, всѣмъ, что въ вашихъ силахъ!—горячо сказала она.— Я никогда не слыхала ничего болѣе благороднаго и цѣльнаго.

— Значить, его рѣчь увлекла васъ?

— Нѣтъ, — отвѣтила она не сразу, но рѣшительнымъ тономъ.— Ни онъ, ни вы не увлекли меня. Я не вѣрю въ вашу билль и думаю, что вамъ никогда не удастся провести его и многое другое: для этого необходимо, чтобы міръ нравственно переродился, а такъ это случится, ваши мѣры будутъ лишними.

— А вы думаете, я самъ вѣрю въ свой билль?—сказалъ, улыбаясь.

— Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же вы говорите такія рѣчи, — сказала она съ негодованіемъ,—морочите своихъ друзей и вводите аблужденіе палату?

Онъ любовался ея горячностью: искрами въ глазахъ, краской, выступившей на щекахъ.

— Потому, что мы должны удесятить свои силы. Если мы не добьемся восьми-часового рабочаго дня, за то въ борьбѣ за эту иллюзію, при напряженіи всѣхъ силъ, мы добьемся попутно многого другого, что намъ необходимо. Ободрять друзей и стращать враговъ—вотъ какъ приходится дѣйствовать въ политикѣ; индивидуальная мораль къ ней неприменима. Теперь не смотрите на меня такъ подозрительно!

Въ отвѣтъ она залилась веселымъ смѣхомъ и привела его этимъ въ смущеніе.

— Почему вы смѣетесь? — заговорилъ онъ быстро. — Или вы считаете меня неискреннимъ и непорядочнымъ? Но вы не имѣете права смѣяться. Въ прошломъ году вы нѣсколько разъ общались со мною, чтобы вознаградить. Теперь расплачивайтесь, я требую.

Лицо ея передернуло легкая судорога, но черезъ мгновеніе она гордо отвѣтила:

— Я общалась съ вами, чтобы вы были благодарны, и я дѣйствительно благодарна вамъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы мнѣ общались дружбу. Гдѣ же она?

Марчелла не отвѣчала. Она смотрѣла на противоположный темный берегъ рѣки, на мелькающіе безчисленные огни. Потомъ она повернула къ нему свое взволнованное и раздраженное лицо.

Онъ постарался заговорить раньше ея.

— Зачѣмъ вы зарываете себя въ этой жизни сидѣлки? — сказалъ онъ сухо. — Эта жизнь не по вамъ, она не должна удовлетворять васъ.

— Вы всегда такъ критикуете своихъ друзей? — сказала она раздраженнымъ голосомъ, причѣмъ щеки ея пылали. — Какое право вы имѣете дѣлать мнѣ подобныя замѣчанія?

— Потому, что я васъ знаю, знаю, какому дѣлу вы должны служить. Вы должны дѣйствовать среди своего сословія, среди равныхъ вамъ, среди людей, которые руководятъ политической и общественной жизнью Англии. Это нелѣпо, вы разыгрываете комедію.

Она иронически поклонилась ему.

— Благодарю васъ. Я первый разъ въ жизни дѣлаю настоящее полезное дѣло.

Въ это время подошелъ мистеръ Лэнъ, и они всѣ вмѣстѣ направились къ обѣденному столу.

За обѣдомъ Марчелла попала въ чуждый ей министерскій и аристократическій кругъ. По одну сторону ея сидѣлъ одинъ изъ

министровъ, по другую—секретарь министра. Разговоръ поддерживался очень искусно и оживленно.

Неподалеку отъ нея сидѣлъ Уартонъ, и Марчелла не могла не удивиться той метаморфозѣ, которая произошла съ нимъ съ тѣхъ поръ, какъ она его знала въ Меллорѣ. Откуда у него эти манеры большого барина, эта непринужденная свѣтская болтовня, пересыпанная массой именъ изъ высшей англійской аристократіи? Ей было непонятно, какъ можно было дружить съ тѣми и другими, разбѣивать себя на мелочи и, въ то же время, сохранять искренность и цѣльность, безъ которыхъ нельзя господствовать надъ толпой.

По окончаніи обѣда Уартонъ поторопился въ залу засѣданій, поручивши Марчеллу мистеру Лэну; тотъ повелъ ее опять на террасу и завязалъ съ ней банальный разговоръ.

— Марчелла! — послышался вдругъ женскій голосъ. Возлѣ стояла лэди Винтербурнъ, какъ всегда въ черномъ; ея бѣлые волосы серебрились на лунномъ свѣтѣ.

Какая-то темная фигура виднѣлась позади лэди Винтербурнъ. Да, это онъ. Марчелла быстро отошла отъ лэди Винтербурнъ, колебалась нѣсколько мгновеній, потомъ протянула ему руку. Свѣтъ падалъ сзади, такъ что она не могла разсмотрѣть его лица. Сказали ли онъ что-нибудь, когда она пожала ему руку, она не знаетъ, такъ какъ была черезъ-чуръ взволнована. Она немедленно опять подошла къ лэди Винтербурнъ, которая была взволнована не меньше ея.

— Пожалуйста, отойдемъ въ сторону; мнѣ необходимо поговорить съ вами! — сказала Марчелла, тяжело дыша, и увлекла за собой лэди Винтербурнъ. Та растерянно послѣдовала за ней, и онѣ стали ходить вдоль террасы.

— Ахъ, дорогая моя! — говорила лэди Винтербурнъ. — Могла ли я думать, что встрѣчу васъ здѣсь? Какъ все это вышло неожиданно тогда, какъ ужасно! Я ничего не подозрѣвала. Ну, остановимся на минутку. Расскажите мнѣ о себѣ.

Онѣ остановились у барьера. Марчелла обрадовалась ей, какъ родной; она схватила ея руку и въ темнотѣ быстро поцѣловала, такъ что никто не замѣтилъ.

— Какъ я рада, что опять вижу васъ, — горячо говорила она, — безконечно рада!

Лэди Винтербурнъ была удивлена и тронута.

— Почему вы не написали мнѣ ни строчки за все это время, вы, недобрая дѣвочка? Я почти ничего о васъ не знала, ваша

мать, казалось, тоже ничего не знает. Когда же вы придете ко мнѣ, или, хотите, я приду къ вамъ? А теперь мнѣ нужно идти, — моя дочь Эрминтруда Вельвинъ должна везти на балъ одну барышню.

— Я напишу вамъ, — сказала Марчелла.

Въ это время маленькая, тоненькая барышня подбѣжала къ нимъ и жалобно проговорила:

— Милочка, леди Винтербурнъ, вы знаете, какъ много надо времени, чтобъ одѣться и причесаться! Кончится тѣмъ, что я разсержусь на горничную и буду смотрѣть злюкой. Эрминтруда раскается, что со мной связалась. Пойдемте скорѣе.

— Бетти, не кричите! — сказала леди Эрминтруда, смѣясь. — Мама, это миссъ Бойсъ, — *твоя* миссъ Бойсъ?

Онѣ пожали другъ другу руки и сказали нѣсколько словъ. Но Марчелла устремила все свое вниманіе на маленькую фигурку «Бетти», теребившую леди Винтербурнъ за руку; она всматривалась въ ея красивые, нѣжные глаза, въ роскошные свѣтлые волосы, длинный, острый подбородокъ и капризное маленькое личико.

— Какія вы всё недобрыя! — сказала, наконецъ, Бетти трагическимъ голосомъ. — Право, я отправлюсь домой одна и попрошу полицмана проводить меня. Мистеръ Рѣборнъ!

Тотъ не спѣша отошелъ отъ группы лицъ, съ которыми разговаривалъ; Бетти подбѣжала къ нему.

— Мистеръ Рѣборнъ! Эрминтруда и леди Винтербурнъ останутся здѣсь ночевать, если вы не примете мѣръ.

Въ это время Марчелла замѣтила Эдию, которую давно разыскивала, и, простившись съ леди Винтербурнъ, она быстро побѣжала къ выходу. По дорогѣ она увидала Альда, стоявшаго одиноко въ сторонѣ.

Непреодолимое желаніе подойти къ нему побѣдило всё препятствіе.

— Скажите, пожалуйста, — сказала она торопливо, прерывистымъ голосомъ, подойдя къ нему, — какъ здоровье лорда Максвелла? Мнѣ очень грустно, что онъ такъ серьезно болѣвъ, и я ничего о немъ не слышу.

Она не рѣшалась взглянуть на него.

— Благодарю васъ. Мы очень опасались за него одно время; но теперь доктора увѣряютъ, что ему лучше. Завтра мы возьмемъ его за границу.

— Марчелла, скоро ли? — закричала ей Эдия. — Ты опять потеряешь меня! Посмотри, вотъ идетъ мистеръ Уартонъ. Намъ пора идти — всё разъѣзжаются.

Альдъ Рэборнъ приподнял шляпу. Марчеллу охватило мучительное чувство униженія, жгучей обиды. Какой странный, холодный тонъ, какія непривѣтливыя слова! Она подошла къ нему съ искреннимъ порывомъ раскаянія, движимая страстнымъ желаніемъ возстановить прежнюю дружбу, какъ-нибудь дать ему понять, что она глубоко сожалеетъ о прошломъ. Онъ не могъ не понять этого. Почему, когда жизнь привела васъ къ сознанію того, что вы нанесли глубокое огорченіе, можетъ быть, испортили жизнь другому человѣку, — почему нельзя отбросить всё условности и принести искреннее покаяніе, чтобъ этимъ возстановить миръ и успокоить совѣсть?

Но она была отвергнута, отстранена, — такъ, по крайней мѣрѣ, казалось ей, — и вѣкъ же? — однимъ изъ самыхъ лучшихъ и благородныхъ людей! Она шла по террасѣ въ подавленномъ настроеніи, кусая губы, чтобы сдержатъ слезы. Новое броженіе въ ея душевной жизни, потребность любви, которая и заставила ее сдѣлать первый шагъ по отношенію къ человѣку, который нѣкогда ее любилъ, а теперь, повидимому, презиралъ, послѣ неудачи еще болѣе бурно и настойчиво заявляла себя. Въ то время она приняла его любовь такъ легко, какъ самое обычное дѣло, и отказалась отъ него такъ же легко и безъ сожалѣній. Но почему теперь ей такъ горько утратить его любовь и уваженіе? Нѣсколько холодныхъ словъ, сказанныхъ имъ, гордая манера себя держать, — одно это произвело на нее невыносимо-болѣзненное впечатлѣніе; она почувствовала себя такой несчастной, одинокой, никому не нужной.

Но, какъ бы то ни было, она должна быть счастлива, должна быть любима! Къ этому выводу привелъ ее послѣдній годъ тяжелой, напряженной работы и одинокой жизни.

VII.

— Другъ мой, будь благоразуменъ, — говорилъ Альдъ. — Ты приводишь въ отчаяніе и свою сестру, и меня. Къ чему ты остаешься здѣсь въ городѣ въ такую жару и набралъ такую массу дѣла? Миссъ Голленъ говорила мнѣ, что ты совершенно изводишь себя этими публичными лекціями, что ты не спишь по ночамъ и что въ послѣднее время она больше, чѣмъ когда-нибудь, беспокоится о тебѣ. Почему не хочешь ты на время прервать дѣла, отдохнуть и возобновить ихъ опять зимой?

Голленъ слегка улыбнулся.

— Потому что я не увѣренъ, что переживу зиму, — спокойно сказалъ онъ.

Рэборнъ вздрогнулъ: прежде обыкновенно Голленъ, когда рѣчь заходила объ его здоровьѣ, отдѣлывался шутками.

— Я не понимаю, зачѣмъ же ты ведешь себя такъ, какъ будто ты *желаешь*, чтобъ это пророчество сбылось?— проговорилъ Рэборнъ съ досадою и страданіемъ въ голосъ.

Голленъ не сразу отвѣчалъ, и Рэборнъ, стоя противъ него, уныло смотрѣлъ на его лицо и фигуру.

— Не смотри такъ мрачно, милый мой, — сказалъ, наконецъ, Голленъ, положивши свою худую руку на плечо друга. — Я скоро все брошу и уѣду на озера. Да меня и заставятъ бросить: рабочіе захотятъ проводить іюльскіе вечера какъ-нибудь иначе, а не въ слушаніи лекцій о серьезныхъ матеріяхъ. Остается еще нѣсколько обязательствъ; согласенъ, что я въ послѣднее время работаю больше, чѣмъ когда-нибудь: чувствую, что скоро придется поневолѣ сложить руки.

Они вступили въ разговоръ о современномъ политическомъ положеніи, о стремленіяхъ и настроеніи рабочаго класса и т. п. Рэборнъ ясно почувствовалъ, какъ измѣнился центръ тяжести въ воззрѣніяхъ его друга. Въ юности Голленъ былъ полонъ положительныхъ идеаловъ и непоколебимыхъ надеждъ. Въ послѣднее время онъ сталъ переходить къ отрицанію, къ недовѣрью въ ходячія теоріи и стремленія, и ясная, вдохновенная рѣчь его молодыхъ лѣтъ теперь превратилась въ запальчивый споръ и горькую критику.

Отъ Рэборна и другихъ товарищей онъ отличался всегда рѣзкою демократическою тенденціей, вѣрой въ народъ. По его мнѣнію, высшее творческое начало въ исторіи проявляется во всемъ челоувѣчествѣ, какъ цѣломъ; между тѣмъ какъ Рэборнъ считалъ прогрессивными силами только лучшихъ людей, умственно или нравственно возвышающихся надъ толпой, а всю остальную массу — пассивною, мертвою величиною. Эти разногласія нисколько не мѣшали ихъ дружбѣ.

Но все большее отчужденіе между Голленомъ и рабочими было гораздо серьезнѣе и печальнѣе для него. Онъ шелъ противъ общаго теченія признаніемъ собственности. Онъ считалъ собственность необходимою для «самоопредѣленія» личности, и злоупотребленіе собственностью не казалось ему достаточнымъ основаніемъ для уничтоженія ея: надѣлать имуществомъ и всѣмъ необходимымъ для жизни тѣхъ, у кого ихъ нѣтъ, было его горячимъ желаніемъ. И въ настоящую минуту онъ полагалъ возможнымъ распространять не коллективныя формы собственности, — хотя вѣрилъ въ преобладаніе этихъ формъ въ будущемъ, — но именно личную и частную соб-

ственность. При этомъ цѣлью болѣе равномернаго распредѣленія богатства онъ считалъ не столько матеріальное, сколько нравственное благо — поднятіе умственного и нравственного уровня населенія.

Какъ этого достигнуть? Голленъ отвѣчалъ, какъ и многіе другіе: для Англіи, главнымъ образомъ, посредствомъ перераспредѣленія земли, но, конечно, не насильственнымъ путемъ, а систематическимъ облегченіемъ свободного передвиженія земли, уничтоженіемъ стѣсненій, которыя уже давно сняты со всѣхъ другихъ видовъ собственности допущеніемъ въ извѣстныхъ предѣлахъ правительственного вмѣшательства и контроля, но преимущественно частными усиліями отдѣльныхъ лицъ, преданныхъ общему благу. Бъ широкимъ схематическимъ обобщеніямъ онъ относился съ естественнымъ презрѣніемъ ученаго и моралиста. Напримѣръ, представленіе, что націонализація шестидесяти милліоновъ ежегодной ренты можетъ водворить въ Англіи царство Божіе, по его мнѣнію, было не только праздною мечтой, но и игнорированіемъ всей англійской исторіи. Такъ дешево нельзя устроить благосостояніе цѣлаго народа!

Это новое теченіе общественной мысли, идущее противъ коллективизма и социализма, становится все болѣе и болѣе замѣтнымъ и въ Англіи, и въ другихъ европейскихъ странахъ. Голленъ хотѣлъ построить новое государство на облагоустроенной и обновленной нравственной природѣ человѣка и не признавалъ никакого другого болѣе достойнаго основанія. Но чтобы облагородить и перевоспитать себя нравственно, необходима самодѣятельность, а для самодѣятельности нужна свобода. Между тѣмъ, социализмъ, какъ онъ понималъ его, пренебрегаетъ и даже отвергаетъ свободу, сводя все благо человѣка къ извѣстнымъ матеріальнымъ условіямъ; онъ стремится водворить такой порядокъ вещей, при которомъ человѣкъ былъ бы лишенъ всѣхъ радостей и печалей, связанныхъ съ настоящимъ частнымъ владѣніемъ, а, между тѣмъ, человѣкъ не можетъ жить безъ этихъ стимуловъ.

Такъ, въ общемъ, всѣ эти положенія составляли не столько экономическую, сколько этическую доктрину, и Голленъ отстаивалъ ее съ такою страстною горячностью и нетерпимостью, что Альдъ съ ужасомъ замѣчалъ, какъ это увлеченіе быстро сжигаетъ послѣдніе остатки его жизненныхъ силъ.

— Ну, наконецъ, довольно! — сказалъ Голленъ послѣ бурнаго спора. — Вернемся къ Италіи. Ты мнѣ черезъ-чуръ мало рассказалъ о своемъ путешествіи.

— Я уже сказалъ тебѣ, что мы пріѣхали, все время тамъ про-

были и вернулись подъ непрерывнымъ проливнымъ дождемъ. Выпалъ только одинъ ясный день, въ который мы втроемъ — я, тетка Агнета и Бетти Макдональдъ — ѣздили въ Миланъ.

— Миссъ Бетти потѣшала васъ?

— Да, она придумала тамъ новыя причуды, — отвѣтилъ Альдъ, смѣясь. — Почти весь день въ Миланѣ мы бѣгали за ней. Она вдругъ убѣжала отъ насъ на улицѣ, мы поѣхали за ней и, къ ужасу тетки Агнеты, застали ее догоняющей молодого итальянскаго офицера въ синемъ плащѣ. Она остановила его и спросила, гдѣ онъ заказывалъ себѣ плащъ, — она непременно желаетъ имѣть такой же. Онъ вѣжливо предложилъ ей проводить ее до угла, къ его военному портному. Пришлось отправиться къ портному, такъ какъ она настаивала. Вы можете вообразить себѣ отчаяніе тетки Агнеты! Бетти купила себѣ кусокъ матеріи и буквально прыгала на улицѣ отъ восторга.

— Эта барышня вся состоитъ изъ фокусовъ, — сказалъ Голленъ, улыбаясь. — Когда ты рассказываешь о ней, я представляю себѣ маленькую обезьянку, только что соскочившую съ шарманки.

— А, между тѣмъ, у этой обезьянки очень доброе сердце, и она всегда готова приласкать всѣхъ больныхъ и несчастныхъ. Особенно везетъ ей на старыхъ дѣвѣ. Она необыкновенно ловко, можно сказать, гениально умѣетъ ихъ приручить къ себѣ. Посмотрѣлъ бы ты, какъ вечеромъ въ общей залѣ гостиницы она соберетъ ихъ всѣхъ въ кружокъ, а мужчины остаются одни, въ сторонѣ, и, конечно, раздасадованы этимъ. Вездѣ, гдѣ бы Бетти ни встрѣтила больного и просто всѣми покинутаго человѣка — гувернантку, дѣвочку или какаго-нибудь тупоумнаго юношу, она непременно ихъ приласкаетъ. Это прекрасная черта, не знаю только, природная или выработанная.

Онъ сидѣлъ нѣкоторое время молча, слегка улыбаясь. Но вдругъ выраженіе лица его измѣнилось: нервность и беспокойство отразились на немъ.

— Я еще не сказалъ тебѣ, Голленъ, — проговорилъ онъ глухимъ голосомъ, — что я видѣлъ ее, и совершенно неожиданно. Леди Винтербурнъ и я — мы наткнулись на нее на терассѣ парламентскаго буфета. Она была въ компаніи съ тѣмъ господиномъ. Потомъ она подошла ко мнѣ, какъ бы желая заглядить прошлое, — въ голосъ его прорывалось скрытое волненіе, — но я увидалъ, что тотъ подходитъ къ ней. Мнѣ совѣстно вспомнить о моемъ обращеніи съ нею, но я не могъ съ собой сладить.

Хотя Раборнъ въ разговорѣ съ Голленомъ никогда не упоминалъ

даже имени Марчеллы Бойсь, тѣмъ не менѣе, для Голлена не было никакого сомнѣнія, во-первыхъ, въ томъ, что чувство его еще не угасло и что, во-вторыхъ, опыту прошлаго года оставилъ въ немъ горькое чувство незаслуженной обиды, безпричинной жестокости.

— Не показалось ли тебѣ, что она выходитъ замужъ за Уартона?

— Нѣтъ, нѣтъ! — возразилъ Альдъ. — Но она, очевидно, съ нимъ въ близкихъ, дружескихъ отношеніяхъ и находится подъ его вліяніемъ больше чѣмъ когда-нибудь. Двѣ недѣли тому назадъ онъ имѣлъ большой успѣхъ въ налатѣ. Повидимому, онъ скоро станетъ во главѣ своей партіи.

— Я этого не думаю. На немъ не сойдутся. Ему какъ разъ недостаетъ качествъ, необходимыхъ для вождя партіи: сдержанности, полного отрѣшенія отъ всякихъ постороннихъ интересовъ и соображеній и исключительной, суровой преданности своему дѣлу.

— Я не зналъ, что ему этого не хватаетъ. Впрочемъ, несомнѣнно, онъ не держитъ себя въ сторонѣ отъ чуждыхъ сферъ и отношеній: я всюду слышу его имя.

— Какъ? Даже среди знати?

Альдъ утвердительно кивнулъ головой.

— Это поворотъ въ его политикѣ, — сказалъ Голленъ. — Не можетъ быть, чтобъ онъ это дѣлалъ не намѣренно.

— О, конечно, намѣренно! — сухо возразилъ Альдъ. — Но, по моему, онъ преувеличиваетъ значеніе и вліяніе тѣхъ людей, которыми хочетъ воспользоваться.

Черезъ нѣсколько минутъ молчанія Голленъ опять возвратился къ Марчеллѣ.

— Миссъ Бойсь была у насъ раза два или три въ твоё отсутствіе.

— Какъ ты думаешь, — сказалъ Альдъ послѣ нѣкотораго колебанія, — удовлетворяетъ ее теперешняя жизнь сестры милосердія?

— Развѣ она можетъ чѣмъ-нибудь удовлетвориться? Она работаетъ съ изумительною, неподражаемою энергіей. Когда я ее вижу, я отъ души люблюсь ею и, въ то же время, мнѣ ее такъ жаль, что я почти готовъ плакать.

— Я не знаю, на что ты намекаешь, — сказалъ Альдъ и въ волненіи всталъ и положилъ руку на плечо Голлена. — Лучше не будемъ говорить о ней. Еслибъ ея образъ не былъ связанъ въ моемъ умѣ съ именемъ Уартона, я бы могъ стряхнуть съ себя все прошлое, но этотъ... — онъ не договорилъ. — Одинъ человекъ, котораго и ты знаешь, — началъ онъ опять съ замѣтнымъ волне-

нѣмъ, — сказалъ мнѣ какъ-то: пусть это грубо и не гуманно, но я не могъ бы относиться къ женщинѣ, которая меня бросила, иначе, какъ съ озлобленіемъ. Эти слова поразили меня, но иногда я понимаю ихъ. Минутами мое раздраженіе противъ нея доходитъ до самыхъ невѣроятныхъ, просто комическихъ размѣровъ.

Онъ нервно выпрямился.

— Брось объ этомъ думать, — сказалъ ему Голленъ, — продолжай спокойно дѣлать свое дѣло.

При прощаніи Альдъ предложилъ Голлену пойти съ нимъ на слѣдующее утро осмотрѣть нѣкоторыя мастерскія, такъ какъ правительство рѣшило учредить за ними болѣе тщательный надзоръ, и Альду хотѣлось лично удостовѣриться въ томъ, какъ тамъ поставлено дѣло. Но Голленъ отказался.

На другой день въ жаркое іюльское утро Альдъ Рэборнъ отправился осматривать мастерскія въ намѣченныхъ имъ улицахъ. По дорогѣ онъ встрѣтилъ правительственного инспектора, и тотъ посоветовалъ ему пойти, прежде всего, въ такъ называемую «темную улицу», которая пользуется самою дурною репутаціей и въ которой многіе дома предназначены къ сломкѣ; въ ней много мелкихъ мастерскихъ, съ ужасными, безчеловѣчными порядками, и всякаго рода притоновъ. Дѣйствительно, когда они вошли въ эту узкую, мрачную улицу, ихъ охватилъ тяжелый воздухъ, зараженный нездоровыми, гнилостными испареніями; многіе дома покосились и держались на подпоркахъ; стекла были выбиты; на мостовую выбрасывались всевозможные остатки, и среди этой грязи и вони бѣгали и играли ребятишки, имѣвшіе самый жалкій видъ.

Во время пути инспекторъ посвящалъ Рэборна въ печальную хронику обывателей этой улицы, рассказывалъ грязныя и скандальныя исторіи, всякаго рода преступленія и трагическія происшествія.

Вдругъ они оба остановились: севозъ открытыя окна изъ одного дома послышался шумъ. Моментально изъ всѣхъ щелей сталъ выползать народъ, и за минуту передъ тѣмъ мертвая улица быстро наполнилась сбѣжавшеюся со всѣхъ сторонъ шумною толпой зѣвагъ.

Страшный, пронзительный крикъ прорѣзалъ воздухъ.

— Женскій голосъ! — сказалъ Альдъ, блѣднѣя. — Какъ будто убійство! Сходите, пожалуйста, за полицменомъ!

Самъ онъ тотчасъ бросился въ толпу, энергично проталкиваясь мимо пьяныхъ мужчинъ и визжащихъ женщинъ. Подойдя къ двери, въ которую уже стучались трое мужчинъ, онъ изо всѣхъ силъ началъ колотить въ нее. Изнутри доносились потрясающіе крики,

стоны, суматоха, — всё признаки ужасной смертельной борьбы. Затѣмъ грохнуло что-то тяжелое, и голосъ, непохожій на предъидущіе, жалобно, изнемогающимъ звукомъ прокричалъ: «Помогите, помогите!»

Въ этотъ самый моментъ дверь распахнулась, и трое мужчинъ стремительно выскочили изъ нея: одинъ, обезумѣвшій отъ пьянства и забрызганный кровью, имѣлъ дивнй, звѣрскій видъ, двое другихъ держали его за руки.

— Онъ покончилъ съ ней и съ сестрой! — сказалъ одинъ изъ нихъ.

— Какъ, съ сестрой? — воскликнула одна изъ женщинъ позади Альда. — Онъ говоритъ про сидѣлку. Полчаса тому назадъ я видѣла изъ окна, какъ она входила сюда. Ахъ, ты, злодѣй! — и внѣ себя женщина бросилась на убійцу, но была задержана подошедшими полицейскими.

— Какъ туда пройти? — спросилъ Альдъ у стоявшихъ около женщинъ.

— Третья дверь направо, — сказала одна изъ нихъ. — Если бы вы знали, сэръ, какъ мы всё умоляли и упрашивали эту молодую дѣвушку не ходить сюда!

Войдя въ указанную комнату, Альдъ увидалъ лежавшую на полу женщину, повидимому, убитую на смерть. Около на колѣняхъ стояла Марчелла, вся истерзанная, тяжело дышащая, съ растрепанными волосами. Двѣ или три женщины, прибѣжавшія изъ любопытства, стояли тутъ въ нѣмомъ ужасѣ. Лѣвая рука у Марчеллы безсильно свѣсилась, но, нагнувшись къ истекавшей кровью женщинѣ, правою рукой она пыталась остановить кровь, лившую изъ головы. Ея сумка, раскрытая, стояла возлѣ, и одна изъ женщинъ подавала ей, что она требовала. Это зрѣлище красками ужаса запечатлѣлось въ душѣ Рѣборна.

При такомъ чрезвычайномъ напряженіи нервовъ, ничто не могло поразить Марчеллу, и она не обнаружила ни малѣйшаго удивленія, когда увидала Рѣборна.

— Я думаю, — заговорила она прерывающимся голосомъ, когда онъ подошелъ къ ней, — что онъ убилъ ее. Но есть нѣкоторая надежда. Полиція здѣсь? А есть носилки?

Одинъ изъ полицейскихъ, по платью узнавши въ ней сестру милосердія, почтительно обратился къ ней:

— Вы были свидѣтельницей происшедшаго?

— Да, я пыталась разнять ихъ, — сказала она, все та же съ трудомъ выговаривая слова, — но ничего не могла сдѣлать:

онъ невѣроятно сильный человекъ. Я была внизу, ухаживала за больнымъ ребенкомъ, — продолжала она, между тѣмъ какъ полицейскій чиновникъ заносилъ ея слова въ записную книжку. — Вдругъ на лѣстницѣ послышались крики. Онъ выпихнулъ ее изъ комнаты и, какъ мнѣ показалось, хотѣлъ сбросить съ лѣстницы. Въ это время я подбѣжала. Тогда онъ схватилъ вотъ этотъ стулъ, — сказала она, указавши на обломокъ стула. — Онъ былъ въ какомъ-то бѣшеномъ изступленіи отъ пьянства, и я ничего не могла предотвратить.

— Скажите, что у васъ съ рукой? — спросилъ Альдъ.

— Она не сломана, но вывихнута, я не могу владѣть ею. Теперь можно нести въ больницу, — сказала нѣсколько спустя Марчелла, наложивши съ помощью Альда повязку на голову умирающей женщины.

Затѣмъ она встала, шатаясь, и спросила полицейскаго, не можетъ ли онъ перевязать ей руку. Тотъ съ гордостью заявилъ, что онъ имѣетъ фельдшерское свидѣтельство, и довольно искусно забинтовалъ ей руку. Боли, отъ которыхъ она невольно все время морщилась, нѣсколько облегчились, и она опять наклонилась къ лежавшей женщинѣ, стала всматриваться въ ея безжизненное лицо, и слезы неудержимо полились по ея щекамъ, въ приливъ глубокой тоски и жалости. Подобный взглядъ ея, полный безконечной грусти и страданія, Альдъ уже видѣлъ однажды въ хижинѣ Горда, въ день его ареста.

Когда всѣ вышли изъ комнаты, Альдъ мягко обратился къ Марчеллѣ:

— Ваша помощь больше не нужна здѣсь. Не позволите ли отвезти васъ домой, — это вамъ необходимо.

Теперь впервые она нѣсколько пришла въ себя, вспомнила, кто онъ, гдѣ они находятся и какъ въ послѣдній разъ встрѣтились. И внезапный приливъ радости освѣтилъ ея страдальческое, измученное лицо. Съ чисто-дѣтскимъ восторгомъ представляла она себѣ, что теперь, послѣ всего, что произошло на его глазахъ, онъ не можетъ относиться къ ней недружелюбно, не можетъ не чувствовать къ ней жалости и долженъ забыть все старое.

Онъ провелъ ее съвозъ все еще стоявшую толпу и усадилъ на извозчика. Они ѣхали нѣкоторое время молча: она пыталась побѣдить сильную боль въ рукѣ, вызванную неловкимъ движеніемъ; онъ молчалъ, чтобы дать ей успокоиться, но, въ то же время, негодованіе и злоба кипѣли въ немъ. Вотъ въ чемъ состоятъ ея новыя занятія, къ которымъ она относится съ такимъ энтузіазмомъ! Въ 23 года,

въ цвѣтъ молодости и красоты! Ужасная, непростительная растрата силъ и здоровья! Онъ не въ силахъ примириться съ этимъ!

Пусть она выходитъ замужъ за Уартона или за кого угодно, если иначе нельзя отвлечь ее отъ этой безобразной жизни, отъ такихъ возмутительныхъ сценъ. Возможно ли допустить, чтобъ ея нѣжная, деликатная душа купалась въ этомъ морѣ крови и слезъ? Онъ испытывалъ теперь тѣ же чувства, какъ въ тотъ моментъ, когда мистрисъ Бойсъ рассказала ему о ея свиданіи съ Гордомъ въ тюрьмѣ и объ ужасной ночи въ хижинѣ Горда.

Лихорадочно работавшая мысль подсказала ей, о чемъ онъ думаетъ, и она вдругъ улыбнулась.

— Я знаю,—сказала она, взглянувши на него,—вы думаете, что занятія сестры милосердія только и состоятъ въ подобныхъ вещахъ.

— Надѣюсь, что нѣтъ,—сказалъ онъ, тоже пытаясь улыбнуться.

— До сихъ поръ я никогда не натыкалась на драку. Я даже не видала никогда никакихъ грубыхъ сценъ, и, право, я начинала жаждать сильныхъ ощущеній.

На него пахнуло старою, знакомою эксцентричностью, и неволь-но его суровый взглядъ смягчился.

— Теперь вы добились своего,—сказалъ онъ, повернувшись въ ней.—Рука сильно беспокоитъ васъ?

— Да, но, все-таки, можно терпѣть. Досадиће всего то, что мнѣ придется на нѣкоторое время прервать занятія. Мистеръ Рэ-борнъ...

— Что вамъ угодно?

Сердце забилося у него.

— Мы съ вами будемъ часто видаться, не правда ли, у лэди Винтербурнъ или въ деревнѣ? Неужели мы не будемъ друзьями? Вы не можете себѣ представить, какъ часто,—она на минуту отвернулась, чтобы собраться съ силами,—какъ часто я съ сожалѣніемъ вспоминаю о прошломъ годѣ. Я теперь вижу, что поступила очень дурно, гораздо хуже, чѣмъ мнѣ казалось тогда.—Послѣднія слова она произнесла почти шепотомъ.—Но, вѣдь, это все прошло... неужели мы не можемъ быть опять друзьями и понимать другъ друга, можетъ быть, лучше, чѣмъ нрежде?

Она закрыла глаза, попеременно испытывая то робость, то смѣлость.

Что касается его, онъ замкнулся въ какомъ-то холодномъ, нѣмомъ оцѣпенѣніи. Въ его памяти вырисовывалась ненавистная

фигура Уартона, какъ онъ видѣлъ его на террасѣ подходившимъ къ Марчеллѣ.

— Мы только и можемъ быть друзьями, — принудилъ онъ себя сказать и больше не нашелъ ничего прибавить.

Хотя она знала его сдержанность, но быть отвергнутой въ этотъ моментъ показалось ей ужаснымъ.

Она было протянула ему руку, но потомъ быстро, съ ужасомъ отдернула ее.

— Ахъ, цѣтъ, нѣтъ!

И вдругъ, въ припадкѣ рыданій, она забилась, какъ въ лихорадкѣ. Откинувшись на спинку экипажа, она старалась овладѣть собой и безсвязно бормотала что-то о женщинѣ, которую ей не удалось спасти. Альдъ пытался успокоить и уговорить ее, сердце у него разрывалось. Но она ничего не слушала.

Наконецъ, они подѣхали къ громадному дому, въ которомъ она жила.

— Вотъ сюда, — сказала она, напрягая послѣднія силы, — я попрошу васъ проводить меня дворомъ и по лѣстницѣ, а тамъ уже я буду въ безопасности.

И, опираясь на его руку, Марчелла прошла по двору, поднялась по лѣстницѣ, и на площадкѣ около своей квартиры она отняла руку и съ улыбкой сказала:

— Теперь я дома. Прощайте!

Разставшись съ Марчеллой, Альдъ отправился къ леди Винтербурнъ и умолялъ ее перевезти къ себѣ больную Марчеллу и позаботиться о ней, при этомъ онъ всячески старался замаскировать свое волненіе.

Ночь, послѣдовавшая за всѣми этими впечатлѣніями, была одна изъ самыхъ горькихъ и тревожныхъ въ жизни Альда.

VIII.

Марчелла сидѣла у открытаго окна въ гостиной леди Винтербурнъ въ голубомъ покойномъ креслѣ. Послѣ узкаго, загроможденнаго высокими стѣнами вида изъ своей квартиры Марчелла съ наслажденіемъ смотрѣла на широкое, открытое пространство, занятое зеленѣющимъ паркомъ; ей было пріятно сидѣть спокойно, одной, перелистывать книжку и отдаваться мечтамъ. Уже прошло двѣ недѣли съ тѣхъ поръ, какъ леди Винтербурнъ перевезла ее къ себѣ и занялась леченіемъ ея руки подъ наблюденіемъ специалиста; въ первое время комфортъ, которымъ окружила ее леди Винтер-

бурнь, доставлялъ ей большое удовольствіе, но послѣдніе дни ее опять потянуло въ ея скромную квартирку, въ узкія и мрачныя улицы, населенныя бѣднымъ людомъ, къ той дѣятельности, въ которой она видѣла смыслъ и интересъ своего существованія. И теперь ей доставляло радость два раза въ недѣлю навѣщать въ больницѣ ту женщину, которую она спасла, подвергая опасности собственную жизнь.

Воспоминанія, связанныя съ послѣднимъ трагическимъ эпизодомъ, доставляли ей мучительныя ощущенія: надежда, что эти испытанія помогутъ ей снова завязать дружбу съ Реборномъ, не оправдалась. За эти двѣ недѣли онъ два или три былъ здѣсь, его обращеніе съ ней было верхомъ деликатности и предупредительности; но все время въ его тонѣ она чувствовала что-то холодное и чуждое, разговоръ не клеился, и ее подавляло горькое сознаніе того, что она поступила безтактно, унижительно, протянувши ему первая руку примиренія.

Но почему же имъ не быть друзьями? Конечно, онъ женится на Бетти Макдональдъ, но имъ придется встрѣчаться и въ деревнѣ, и въ Лондонѣ; къ чему же затруднять положеніе? Не лучше ли забыть все старое и стать въ новыя, простыя отношенія? Между тѣмъ, она все больше узнавала его съ новыхъ сторонъ. Въ той средѣ, гдѣ она теперь жила, онъ былъ своимъ, близкимъ человѣкомъ; она видѣла, какъ много сердечности и теплоты обнаруживалъ этотъ суровый на видъ человѣкъ, она видѣла, какъ высоко цѣнили и уважали его въ этомъ кругу. Всѣ эти новыя впечатлѣнія значительно измѣнили ея общее представленіе о немъ.

Свиданія съ Уартономъ не прекращались во время пребыванія Марчеллы у леди Винтербурнь: Геройскій подвигъ Марчеллы со всѣми драматическими и романическими обстоятельствами возбудилъ всеобщее любопытство. Газеты разукрасили этотъ случай эффектными деталями, толки о немъ ходили во всѣхъ кругахъ, и многіе жаждали увидать героиню. Между прочимъ, мистрисъ Лэнъ, несмотря на мимолетное знакомство съ Марчеллой, часто приходила навѣщать ее и звала къ себѣ и ради нея собирала кружокъ любопытныхъ. Но Марчеллу нисколько не интересовало быть предметомъ любопытства,—у мистрисъ Лэнъ ее больше всего привлекала возможность видѣться съ Уартономъ. Уартонъ, попрежнему, возбудилъ, раззадоривалъ, сердилъ,—однимъ словомъ, живо интересовалъ ее. Но, въ то же время, тѣ подозрѣнія, которыя зародились въ ней во время обѣда въ парламентской столовой, продолжали все болѣе и болѣе вѣрнеть. Она часто видала его въ кругу краси-

выхъ и блестящихъ свѣтскихъ дамъ, съ нѣкоторыми изъ нихъ онъ былъ на очень короткой ногѣ, говорилъ ихъ языкомъ и, повидимому, жилъ ихъ жизнью. Она не могла смотрѣть на эти отношенія иначе, какъ на измѣну съ его стороны прежнимъ убѣжденіямъ. Кромѣ того, его обращеніе съ ней лично вызывало недоумѣніе: то онъ разсыпалъ передъ ней лестныя похвалы и выгазывалъ ей несомнѣнную симпатію, то бывалъ чрезвычайно холоденъ, и одинъ или два раза она замѣтила даже съ его стороны намѣренную небрежность по отношенію къ себѣ и именно въ присутствіи какой-нибудь важной дамы. «О, онъ боится, какъ бы его не заподозрили, что онъ женится на мнѣ!»—съ негодованіемъ думала она.

Всѣ эти впечатлѣнія послѣдняго времени, конечно, не могли создать хорошаго настроенія, и она сидѣла теперь у окна грустная; тяжелый опытъ болѣе близкаго соприкосновенія съ жизнью и людьми угнеталъ ее.

Кисейная занавѣска у окна вдругъ заколыхалась: кто-то отворилъ дверь въ комнату. Марчелла оглянулась и увидела слегка смущенную Бетти Макдональдъ въ легкомъ бѣломъ платьѣ; ея острое личико съ золотистыми волосами казалось еще миниатюрнѣе подъ широкими полями большой шляпы, и вся маленькая, подвижная фигурка напоминала альфа.

— Входите, входите!—ободрила ее Марчелла.—Лэди Винтербурнъ скоро вернется.

Бетти сѣла и съ любовью и восхищеніемъ смотрѣла на Марчеллу. Ея геройскій поступокъ возбуждалъ фантазію дѣвушки, отзвучивой на все высокое и благородное, и обыкновенно веселая болтушка сидѣла теперь безмолвно, въ нѣмомъ изумленіи передъ Марчеллой, которая была только двумя годами старше ея, а, между тѣмъ, успѣла уже испытать такъ много; завидуя ей, она готова была въ этотъ моментъ презирать себя.

— Вы любите оставаться одни?—вдругъ спросила она Марчеллу.

— Мнѣ уже надоѣло мое собственное общество, и я очень рада, что вы пришли.

— Неужели?—радостно воскликнула Бетти и быстро перегнулась къ Марчеллѣ.— Можно мнѣ поцѣловать васъ?—сказала она горячо.

Марчелла улыбнулась и притянула ее къ себѣ.

— Очень хорошо!—сказала Бетти.—Теперь я переступила вторую ступень, первая была тамъ—на террасѣ. Ахъ, вот и онъ,—она подбѣжала къ окну,—лэди Винтербурнъ и Эрминтрода!

Какъ смѣшно смотрѣть на лэди Винтербурнъ, дѣлающую визиты! Она входитъ въ карету, словно на эшафотъ, и имѣетъ самый жалкій, несчастный видъ, а Эрминтруда, между тѣмъ, увѣряетъ, что она съ удовольствіемъ съ нею ѣздитъ.

Какъ только тѣ вошли, дверь снова отворилась, и лакей доложилъ:

— Лэди Селина Фаррель!

Лэди Винтербурнъ поморщилась, но тотчасъ же вышла ей на встрѣчу, протягивая руку.

— Садитесь, пожалуйста,—сказала она.

Со стороны можно было подумать, что вошла незнакомая дама, между тѣмъ, лэди Селина была кузиной лэди Винтербурнъ; но лэди Винтербурнъ не любила ее и не старалась скрывать этого. Лэди Селина была не молодая уже и не красивая особа, державшая у себя политическій салонъ консервативной партіи; въ послѣднее время въ ея салонъ часто сталъ появляться Уартонъ.

Лэди Селина съ обычною своею важною осанкой опустила на стулъ, спросила Бетти, какъ она веселится въ этомъ сезонѣ, съ лукавымъ намѣреніемъ освѣдомилась у лэди Эрминруды, какъ безъ нея поживаютъ въ деревнѣ ея мужъ и ребенокъ; вопросъ былъ предложенъ въ шутовомъ тонѣ, но кольнулъ молодую даму, бросившую семью для городскихъ развлеченій.

Разговоръ завязался о политикѣ. Отецъ лэди Селины, лордъ Альрсфордъ, на этотъ разъ былъ обойденъ, и, вѣроятно, отголоски его озлобленія слышались въ нападкахъ лэди Селины на новое министерство.

— Мой отецъ очень стоялъ за то, чтобъ облегчить положеніе рабочихъ, но онъ думалъ, что можно было избѣжать всѣхъ этихъ волненій и бурь. Рабочую партію можно было легко удовлетворить, а теперь эти несчастные, голодные должны ждать окончанія борьбы.

— О!—могла только воскликнуть лэди Винтербурнъ.

«Альрсфордъ! — думала она, — этотъ грубый, безсердечный тиранъ — другъ народа! А сама лэди Селина, воюющая постоянно съ горничными, осмѣливается выставить на показъ свои гуманныя чувства!»

— Какъ вамъ понравилась рѣчь Уартона? — обратилась лэди Селина къ Марчеллѣ.

— Она была очень интересна! — холодно отвѣтила Марчелла, чувствуя, какъ при этомъ имени всѣ взгляды устремились на нее, и жестоко досадуя на то, что щеки ея вспыхнули.

— Не правда ли?—горячо подтвердила лэди Селина.—Конечно, все это невыполнимо, но нельзя не сочувствовать молодому энтузиасту. И мой отецъ говорить то же. Онъ находитъ, что намъ необходимо привлечь его на свою сторону, иначе всёмъ грозитъ крушеніе. На ихъ сторонѣ сила, а на нашей—образованіе и воспитаніе. Если бы намъ удалось убѣдить этихъ людей въ справедливости нашихъ требованій и взаи́мнѣ предложить имъ поддержку въ проведеніи нѣкоторыхъ ихъ мѣропріятій, развѣ это не было бы хорошо? Можетъ быть, мнѣ не слѣдовало бы говорить этого вамъ,—обратилась лэди Селина къ Марчеллѣ,—я знаю, вы такъ неодобрительно относились къ намъ, консерваторамъ; но мистеръ Уартонъ говорилъ мнѣ, что вы нѣсколько перемѣнили свое мнѣніе.

— Я не понимаю, о какихъ требованіяхъ вы говорите,—заговорила Марчелла, раздражаясь.

— Я говорю, конечно,—затруднялась лэди Селина,—о требованіяхъ людей образованныхъ, тѣхъ, которые создали своими силами страну.

— Я думаю, что вы разумѣли богатыхъ людей,—твердо проговорила Марчелла.

— Марчелла!—воскликнула лэди Винтербурнь. — Мнѣ казалось, что вы нѣсколько смягчили свои прежніе взгляды, что вы не такъ сурово относитесь къ намъ и нашей тиранніи, что вы не видите больше такой пропасти между богатыми и бѣдными, не считаете ихъ положеніе такимъ отчаяннымъ и не думаете, что они должны ненавидѣть насъ!—и, забывши о присутствіи лэди Селины и вспоминая только о разговорахъ въ Меллорѣ, лэди Винтербурнь съ интересомъ ждала отвѣта Марчеллы.

— Знаете ли, — сказала Марчелла, смотря на нее страннымъ взглядомъ,—гораздо лучше относишься къ богатымъ, когда живешь между бѣдными. Когда я тамъ, среди тѣхъ, у кого ничего нѣтъ, я съ удовольствіемъ вспоминаю о томъ, что есть на свѣтѣ богатые люди.

— Я васъ не понимаю, милая! — сказала лэди Винтербурнь, смотря на Марчеллу недоумѣвающимъ взглядомъ.

— Неужели это не понятно? Вы постоянно возвращаетесь среди людей, живущихъ въ одной комнатѣ, не имѣющихъ ничего изящнаго или красиваго, даже лишней комнаты, чтобъ отдохнуть и побыть наединѣ. Когда я ухожу оттуда, я съ жадностью смотрю на красивые туалеты, дома, сады! Мнѣ пріятно думать, что гдѣ-то сохраняется красота, изящество, досугъ, что эти прекрасныя вещи не исчезли совсѣмъ съ лица земли.

— Какъ странно, — сказала Бетти задумчиво, — что васъ прежде всего поразило безобразіе бѣдности, а не страданія и лишенія!

— Конечно, я начала съ того, что необходимо правильнѣе распредѣлить богатство, необходимо дать всѣмъ долю участія въ благахъ міра, но потомъ мной овладѣло сомнѣніе, я стала думать, что такимъ механическимъ путемъ вопроса рѣшить нельзя, необходимо прежде обновить нравственную природу человѣка.

— Не находите ли вы, — заговорила лэди Селина шутливымъ тономъ, — что очень полезно было бы отправить всѣхъ нашихъ радикаловъ, — по крайней мѣрѣ, состоятельныхъ между ними, — пожить среди бѣдныхъ? Тамъ, повидимому, можно научиться очень полезнымъ вещамъ!

Марчелла встряхнулась, какъ будто кто грубо прикоснулся къ ней.

— Чему же, вы думаете, можно научиться тамъ?

— Я думаю, — возразила лэди Селина, смущаясь тономъ вопроса, — что тамъ можно научиться быть довольнымъ жизнью и перестать рваться въ облака.

— Вы думаете, — заговорила Марчелла медленно, подчеркивая слова, — что жизнь между бѣдными можетъ сдѣлать кого-нибудь довольнымъ?

Она произнесла эту фразу съ особеннымъ драматизмомъ выраженія и, вмѣстѣ, искренностью, между тѣмъ какъ у всякой другой женщины это звучало бы аффектаціей.

Лэди Селина почувствовала себя оскорбленной.

— Насколько я поняла васъ, — сказала она холодно, — вы сами признались, что жизнь среди бѣдныхъ заставила васъ благоразумнѣе относиться къ богатымъ.

Нѣкоторое движеніе въ дверяхъ заставило всѣхъ обернуть головы: лэди Эрминтруда и Альдъ Рэборнъ стояли и прислушивались къ разговору.

— А, мистеръ Рэборнъ! — сказала лэди Селина, — зачѣмъ вы укрываетесь отъ нашего горячаго спора? Не правда ли, все это очень утѣшительно для насъ, жителей Вестъ-Энда?

И она бросила язвительный взглядъ на Марчеллу.

— Онъ вошелъ во время спора, — сказала лэди Эрминтруда, — и я сдѣлала ему знакъ, чтобъ онъ не прерывалъ.

Лэди Селина начала прощаться.

— Вы меня очень ободрили, миссъ Бойсъ, — сказала она, обращаясь къ Марчеллѣ. — Конечно, мы всѣ очень жалѣемъ бѣдныхъ,

но, все-таки, необыкновенно пріятно слышать, что, въ концѣ-концовъ, имѣть собственность не есть преступленіе!

Когда она вышла, Альдъ неровнымъ и медленнымъ шагомъ подошелъ къ Марчеллѣ, стоявшей у окна, и спросилъ о больной рукѣ. Онъ очень жалѣетъ, сказалъ онъ, что ея рука до сихъ норъ въ повязкѣ.

— Благодарю васъ,—сказала Марчелла холодно,—на слѣдующей недѣлѣ я примусь за работу.

Она отошла отъ окна и взяла свою книгу.

— Я пойду къ себѣ написать нѣкоторыя письма, — сказала она лэди Винтербурнъ.

Когда, вслѣдъ за Марчеллой, Бетти и лэди Эрминтруда вышли изъ комнаты, лэди Винтербурнъ подозвала къ себѣ Альда.

— Послушай, Альдъ,—заговорила она взволнованно,—вѣдь, это ужасно оставлять ее такъ одну въ борьбѣ съ жизнью, со своими мыслями, впечатлѣніями!

— Да,—сказалъ онъ.—Я не понимаю, почему она не ѣдетъ домой. Мистрисъ Бойсъ просто раздражаетъ меня.

— Мистрисъ Бойсъ тутъ не причемъ,—сказала лэди Винтербурнъ грустно.—Я не знаю, почему мнѣ такъ жаль Марчеллу, почему мнѣ такъ хочется, чтобъ она бросила эту жизнь: вѣдь, она прекрасно дѣлаетъ свое дѣло. Но я не могу отдѣлаться отъ подозрѣнія, что она несчастна.

Онъ помолчалъ нѣсколько минутъ, потомъ сказалъ съ притворною улыбкой:

— Но, вѣдь, мы съ вами не можемъ помочь этому?

Между тѣмъ, Марчелла безпокойно ходила взадъ и впередъ по своей комнатѣ. Ей хотѣлось поскорѣе уѣхать отсюда. *Она* слышала ея разговоръ. Слова Селины до сихъ поръ звучали въ ея ухахъ. Гордость ея возмущалась. Что онъ могъ подумать? Конечно, то, что съ ея стороны это—извиненіе, раскаяніе, ловко замаскированный маневръ вернуть его расположеніе! Теперь, когда лордъ Максвелъ при смерти и Альдъ скоро получить титулъ лорда, глупенькая дѣвочка раскаялась въ своей оплошности и хочетъ дать ему понять это. Ахъ, какъ гнусно!

Нервы были напряжены у Марчеллы до послѣдней степени, и она залилась слезами отчаянія и оскорбленной гордости.

IX.

Денежныя дѣла Уартона запутывались все больше и больше. Прежде всего, долги его возросли до очень крупной суммы и наступали сроки неотложныхъ платежей.

Что касается *Голоса Труда*, то поддерживать это изданіе съ каждымъ днемъ становилось все труднѣе. Расходы росли непомерно и совсѣмъ не покрывались доходами. Уартонъ былъ въ большомъ затрудненіи всякій разъ, когда приходилось производить мелкія текуція расплаты, и когда онъ появлялся въ редакціи газеты, бодрое расположеніе духа его повидало.

А, между тѣмъ, ликвидировать дѣла было еще труднѣе. Распространились слухи о запутанности дѣлъ и помѣшали Уартону найти выгоднаго покупателя на изданіе. Тѣмъ досаднѣе было все это, что *Голосъ Труда* приобрѣталъ все большее политическое значеніе, особенно съ тѣхъ поръ, какъ сталъ горячо поддерживать требованія рабочихъ при стачкѣ въ Дамсли.

Стачка эта вступила теперь во второй фазисъ. Въ первомъ рабочіе твердо стояли на повышеніи заработной платы и отказывались отъ всякихъ уступокъ. Теперь же, измученные продолжительною борьбой, они прибѣгли къ выбору особой комиссіи для разбора дѣла. Комиссія, въ которой участвовали и делегаты отъ рабочихъ, рѣшила дѣло въ пользу капиталистовъ. Рѣшеніе это возбудило бурный протестъ въ средѣ рабочихъ, начали собирать митинги, Бравенъ въ *Голосъ Труда* ободрялъ рабочихъ къ сопротивленію, всѣ переговоры были прерваны, забастовка продолжалась, и *Голосъ Труда* объявилъ объ организаціи фонда для поддержанія стачки.

Тогда капиталисты, основываясь на томъ, что заграничная конкуренція убиваетъ металлическое производство въ Англіи и разоряетъ мелкихъ предпринимателей, стали утверждать, что спасеніе только въ синдикатѣ, который долженъ былъ охватить всю эту отрасль промышленности, собрать издержки, повысить заработную плату и регулировать ввозъ и вывозъ. Но пока этотъ синдикатъ объединитъ производство, пройдетъ много времени, и на это переходное время рабочіе должны пойти на уступки и принять рѣшеніе комиссіи.

Голосъ Труда продолжалъ возбуждать рабочихъ противъ соглашенія и поддерживалъ ихъ на тѣ суммы, которыя были собраны пожертвованіями въ пользу стачки.

Конечно, денежные затрудненія легче всего было устранить выгодною женитьбой. Но мысли Уартона всецѣло были заняты Марчеллой, и въ послѣднее время намѣреніе жениться на ней получило нѣкоторое серьезное подрѣпление: онъ узналъ, что мистеръ Бойсъ благоразумнымъ веденіемъ хозяйства не только очистилъ имѣніе отъ долговъ, но значительно прибавилъ доходность его. Такимъ образомъ, женитьба на Марчеллѣ, какъ единственной наслѣдницѣ,

представляла въ перспективѣ даже не пустой матеріальный расчетъ.

Онъ жаждалъ почаще видаться съ Марчеллой, но домъ лэди Винтербурнъ былъ ему недоступенъ, а къ мистриссъ Лэнь Марчелла совсѣмъ не показывалась. Наконецъ, онъ услышалъ отъ мистриссъ Лэнь, что Марчелла 25 іюня пріѣдетъ съ лэди Винтербурнъ на рауть къ лэди Мастертонъ, съ которой и онъ былъ знакомъ.

Вечеромъ 25 іюня, несмотря на то, что наступилъ мертвый сезонъ, когда Лондонъ пустѣетъ, роскошная квартира лэди Мастертонъ была полна гостей. Марчелла встрѣтила знакомыхъ, болтала непринужденно. Между прочимъ, она съ интересомъ наблюдала, какъ маленькая Бетти безцеремонно командовала Франкомъ Ливеномъ, какъ тотъ растерянно, но покорно подчинился ея капризамъ.

— Мистеръ Роборнъ!—вдругъ воскликнула Бетти.—Пожалуйста, назовите мнѣ нѣкоторыхъ лицъ. Мистеръ Ливенъ ни на что не годится. Представьте, я его спрашиваю, кто эта дама въ діадемѣ—онъ не знаетъ! Повидимому, все свое остроуміе и сообразительность онъ оставилъ въ Оксфордѣ. А я въ отчанин—посмотрите, она ушла, и я не узнаю теперь, кто она.

— Сію минуту,—отвѣтилъ Альдъ, улыбаясь.— Она ушла въ чайную, и мы ее немедленно догонимъ.

Онъ поздоровался съ Марчеллой.

— Ему гораздо лучше,—отвѣтилъ онъ на вопросъ лэди Винтербурнъ о здоровьѣ лорда Максвелля.— На слѣдующей недѣлѣ онъ, наконецъ, вернется домой.

«Почему же я стою безмолвно, не могу произнести ни слова?—спрашивала себя Марчелла.—Почему я не рѣшаюсь вмѣшаться въ разговоръ, высказать сочувствіе? Къ счастью, послѣ-завтра я примусь за работу и не буду больше видѣть его и испытывать этого томительнаго состоянія».

Онъ освѣдомился объ ея здоровьѣ, какъ всегда. Потомъ, отошедши нѣсколько шаговъ съ Бетти, онъ вдругъ неожиданно опять вернулся къ ней.

— Мнѣ пріятно сообщить вамъ о Голленѣ, что онъ въ Ксевики и чувствуетъ себя значительно лучше.

Когда онъ опять отошелъ съ Бетти, Марчелла смотрѣла имъ вслѣдъ.

Среди шумной, веселящейся толпы на нее вдругъ нашло жуткое чувство одиночества. Она все еще слѣдила глазами за удаляющеюся парой: высокнмъ мужчиной съ сѣдьющими волосами, ласково и внимательно прислушивающимся къ своей дамѣ, но съ посто-

яннымъ отпечаткомъ грусти на благородномъ лицѣ, и маленькою кудрявою головкой, довѣрчиво къ нему обращенной.

Подъ наплывомъ горькихъ воспоминаній и мучительнаго сознанія внутренней пустоты, Марчелла машинально шла за леди Винтербурнь и опустилась на диванъ, радуясь, что леди Винтербурнь занялась разговоромъ съ тѣмъ-то.

Откуда это чувство безысходной тоски и сожалѣнія о безвозвратномъ прошломъ, откуда это разочарованіе въ жизни и въ самой себѣ? Она ясно сознавала одно, что прежде, когда она владѣла сердцемъ Альда, никогда его взглядъ и прикосновеніе не приводили ее въ трепеть, а теперь, когда она не имѣла никакого права на его ласку, вниманіе, когда онъ, можетъ быть, уже отдалъ свое сердце другой женщинѣ, когда уже было поздно, безумно поздно, ее захватила дикая, отчаянная страсть! И душевныя муки, которыя она испытывала теперь, были такъ остры, такъ нестерпимы, что она вдругъ вскочила, думая, что у нея путается разсудокъ; къ счастью, въ эту минуту проходилъ мимо мистеръ Лэнъ, и она напрягла всѣ силы, чтобъ улыбнуться ему и позвать его къ себѣ.

— Какъ вы блѣдны, милая миссъ Бойсъ! — сказалъ онъ. — Неужели это все несносная рука? Теперь уже больше не пускайтесь въ героизмъ, пожалуйста!

Между тѣмъ, въ чайной комнатѣ Бетти граціозно пила какой-то прохладительный напитокъ.

— Нѣтъ, — сказала она стоявшему около нея Альду, — она совсѣмъ некрасива, а изъ-за нея я изорвала себѣ платье. Сегодня здѣсь только одна красавица!

Они сѣли на диванъ.

— Вы разумѣете миссъ Бойсъ? — спросилъ онъ.

— Безъ сомнѣнія! — сказала Бетти, блеснувши своими хорошенькими глазками. — Я не знаю, что есть въ ея лицѣ, что прямо магнетизируетъ меня. Кажется, будто она успѣла пережить вдвое больше, чѣмъ другія въ ея возрастъ. Но, можетъ быть, вамъ непріятно, когда говорятъ о ней?

Онъ помолчалъ нѣсколько времени, затѣмъ измѣнившимся голосомъ проговорилъ:

— Нѣтъ, но я также не буду увѣрять, что мнѣ легко говорить о ней.

— Было бы очень странно, если бы вы вздумали меня увѣрять въ томъ, чего нѣтъ, — горячо заговорила она, — послѣ всего того, что я вамъ рассказала про себя. Я разболтала всѣмъ всѣ свои секреты и, можно сказать, выворотила передъ вами наизнанку мое серд-

це, и вы относились ко мнѣ, какъ старшій братъ. Но вы ужасно гордый и скрытный, мистеръ Альдъ. Это не хорошо съ вашей стороны.

Альдъ засмѣялся.

— Милая миссъ Бетти! Развѣ вы не замѣчаете, что я гораздо охотнѣе слушаю, чѣмъ говорю? Я не говорю о себѣ, — онъ затруднялся, — по крайней мѣрѣ, о вещахъ мнѣ близкихъ, прежде всего, потому, что мнѣ это тяжело, а, во-вторыхъ, потому, что при этомъ пришлось бы касаться другихъ лицъ.

— А, вотъ вы какъ! Что же вы теперь подумаете обо мнѣ? Никогда больше ничего не буду вамъ рассказывать!

И она сердито топнула ногой и отвернулась.

Альдъ старался успокоить ее. Въ эту минуту въ комнату вошла лэди Винтербурнъ съ Марчеллой.

— Еще одно слово! — заговорила Бетти полупешотомъ, перегнувшись къ Альду. — Вся ваша исторія, вѣдь, это одно недоразумѣнiе, не правда ли? Теперь я ее знаю и увѣрена въ этомъ. Скажите, вѣдь, вы не можете дурно о ней думать?

Альдъ слушалъ ее разсѣянно, смотря на снующую мимо толпу, но вдругъ въ одно мгновенiе все лицо его измѣнилось: онъ плотно сжалъ губы, глаза его злобно свергнули.

— Можетъ быть, скоро миссъ Бойсъ перестанетъ быть для насъ загадкой, — быстро проговорилъ онъ. — Уйдемте изъ этого неуютнаго угла.

Бетти посмотрѣла по направленiю его взгляда и увидала молодого человѣка, съ большимъ чувствомъ и интимностью разговаривавшаго съ Марчеллой.

— Кто это? — спросила Бетти.

— Это Уартонъ, депутатъ, — сказалъ Альдъ, вставая.

— Здѣсь есть по сосѣдству прелестная маленькая комнатка, — говорилъ, между тѣмъ, Уартонъ Марчеллѣ, — не пройдемъ ли мы туда изъ этой духоты?

Настойчивый тонъ его голоса, какъ бывало прежде, заставилъ ее безпрекословно за нимъ слѣдовать. Проходя мимо Альда, она почти задѣла его платьемъ.

Они сѣли въ уединенной пустой комнатѣ у окна, закрытые отъ постороннихъ глазъ растенiями.

Она чувствовала, что наступаетъ рѣшительный моментъ, и сидѣла блѣдная, какъ полотно.

Онъ горячо обхватилъ ее руку своими руками, нагнулся къ ней и принесъ ей страстное признанiе. Съ перваго момента зна-

комства, — увѣрялъ онъ, — онъ почувствовалъ къ ней непреодолимое влеченіе; за шесть недѣль пребыванія въ ихъ домѣ, несмотря на борьбу съ своимъ чувствомъ, онъ не могъ подавить его и, вопреки всей сдержанности, оно прорвалось наружу однажды, въ извѣстный ей безумный моментъ, о которомъ онъ горько сожалѣть, такъ какъ доставилъ ей страданія. «Хотя, — прибавилъ онъ дрожащимъ голосомъ, сжимая ея руку, — я въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ жилъ только воспоминаніемъ объ этомъ моментѣ». Но онъ не хотѣлъ смущать ея покой и отошелъ въ сторону, стараясь забыться въ парламентской дѣятельности.

Но при первомъ взглядѣ на нее въ ея маленькой уютной квартиркѣ прежнее чувство ожило въ немъ съ двойною силой. Потому много разъ его отношеніе къ ней должно было приводить ее въ замѣшательство; но, вѣдь, онъ принадлежитъ не себѣ, онъ рабъ того дѣла, которому отдалъ свою жизнь и честь; это дѣло часто подавляло его своею сложностью, запутанностью и непрочностью, и ему казалось, что при такихъ обстоятельствахъ онъ не имѣетъ права жениться. Но теперь, при видѣ ея, всѣ его сомнѣнія и опасенія разсѣялись. Онъ на колѣняхъ умоляетъ ее раздѣлить съ нимъ его трудовую и боевую жизнь, присоединить свои силы для совмѣстнаго служенія великой цѣли. Съ *ней* можно вмѣстѣ работать, *она*, какъ никто другой, можетъ своимъ сочувствіемъ и участіемъ вдохновлять къ работѣ.

Онъ вдругъ оборвалъ, слова не сходили у него съ языка; только глаза, блестящіе и пронизательные, съ мольбой были устремлены на нее, его руки искали ея руки.

Она сидѣла неподвижно, какъ бы въ оцѣпенѣніи, не въ состояніи владѣть ни разсудкомъ, ни волею. Обаяніе его личности, какъ всегда, отуманило ее. Близость и сила его чувства зажгли всѣ ея инстинкты. Она чувствовала, что только отдавшись этому чувству, она можетъ забыть всѣ муки и отчаяніе.

Но черезъ мгновеніе совѣсть встрепенулась въ ней, недовѣріе къ нему и къ себѣ проснулось съ прежнею силой.

— Но, вѣдь, мы, въ сущности, такъ мало знаемъ другъ друга. Вы меня почти не знаете, а относительно васъ я чувствую...

— Сомнѣнія? — спросилъ онъ, улыбаясь. — Я считаю это вполне естественнымъ. У меня нѣтъ сомнѣній относительно васъ, но... Въ концѣ-концовъ, вѣдь, мы не дѣти, каждый изъ насъ полнъ. Но скажите, не кажется ли вамъ, что судьба насъ сводить?

Ихъ глаза встрѣтились. Она опустила свои подъ его пронизательнымъ, пламеннымъ взглядомъ. Но когда ему показалось, что она

почти готова уступить, онъ вдругъ почувствовалъ легкое разочарованіе, почти презрѣніе. Еслибъ она отвернулась отъ него съ достоинствомъ, его страсть возгорѣлась бы съ большею силой, и ея очарованіе возросло бы.

— Вашъ отвѣтъ?—спросилъ онъ, пожимая ея руку.

Она встрепенулась.

— Я не могу,—сказала она, пытаясь встать, но онъ энергично задержалъ ее.—Я не могу вамъ отвѣтить сегодня, мистеръ Уартонъ. Мнѣ еще нужно подумать. Очень возможно, что завтра же мнѣ все представится въ другомъ свѣтѣ. Надо подождать.

— До завтра?—спросилъ онъ спокойно.

— Нѣтъ,—заговорила она рѣшительно,— послѣ завтра я опять принимаюсь за дѣла, а нуженъ срокъ, чтобы все обдумать. Черезъ двѣ недѣли, не раньше. Я напишу вамъ.

— О, это невозможно!—сказалъ онъ, нахмурившись.

И, держа за руки, онъ притянулъ ее къ себѣ и страстнымъ взглядомъ озиралъ ея лицо, обнаженные руки, шею. Она съ ужасомъ отскочила отъ него, почувствовавши внезапный приливъ отвращенія и страха, но, все-таки, онъ уже успѣлъ поцѣловать ея руку у плеча.

— Какъ вы смѣли?—воскликнула она, задыхаясь отъ негодованія.

Онъ встрѣтилъ ея гнѣвный взглядъ съ видомъ виноватаго смиренія.

— Марчелла!—прошепталъ онъ. Но уже было поздно, моментъ очарованія прошелъ, ея обычная трезвость вернулась къ ней.

— Не завтра,—повторила она, стараясь говорить твердо, но едва сдерживая слезы,— до тѣхъ поръ, пока мнѣ все выяснится, чтобы я могла...—она не договорила.—А теперь я вернусь къ леди Винтербурнь.

А. М.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПОДЪ ЗЕМЛЕЙ.

(Очеркъ).

I.

Мы вошли въ большое кирпичное зданіе, папоминавшее собой казармы, фабрику или заводъ. Узкія почернѣвшія окна почти не пропускали свѣта. Было грязно, скользко, сыро, и по каменному изъ плитняка полу хлюпала вода. Въ полумракѣ, уходя вверхъ, тянулись, встрѣчаясь другъ съ другомъ, какія-то трубы, канаты, балки, производя впечатлѣніе сосредоточенной, скрытой силы. Я все боялся провалиться въ шахту, которая представлялась мнѣ почему-то просто дырой въ полу, и съ напряженіемъ и съ усиліемъ пробирался въ полутемнотѣ, потому что со свѣту почти ничего не могъ разобрать.

Возлѣ ходили какіе-то люди, черные, насквозь пропитанные углемъ, свободно и легко ориентуясь, какъ давно освоившіеся съ обстановкой и мѣсторасположеніемъ.

— Эй, да гдѣ же старшій штейгеръ?—крикнулъ нашъ провожатый.

Что-то огромное и громоздкое, съ гуломъ и желѣзнымъ грохотомъ, заглушая голосъ нашего проводника, тяжело ударило обо что-то металлическое, и все кругомъ дрогнуло и зазвенѣло. Это было гдѣ-то совсѣмъ близко, но я не могъ рассмотреть, чтò это было. Мнѣ въ первый моментъ показалось, что это лопнулъ у какой-то гигантской машины рабочей валъ, коромысло или еще какая-нибудь важная часть.

Рабочій возлѣ меня, такой же черный, какъ и остальные, которого я замѣтилъ только въ этотъ моментъ, схватился за выходившій откуда-то металлическій стержень и, быстро наклонившись, качнулъ его два раза. И это движеніе среди чуждой обстановки показалось мнѣ полнымъ значенія и особеннаго смысла. Раздался

рѣзкій со звономъ ударъ, какъ будто о мѣдную доску. И опять то, что за минуту оглушило меня, съ такимъ же трескомъ и гуломъ пошло куда-то въ глубь, издавая характерный звукъ бѣжавшихъ по валу цѣпей.

— Гдѣ это мы?— крикнулъ я, стараясь покрыть гулъ работавшей машины.

— Шахта.

Я осторожно подошелъ. Огромный мощный срубъ подымался изъ глубины вплоть до крыши. Въ немъ ходила на цѣпяхъ глѣтка. Четырехъугольное темное отверстіе, какъ могила, мрачно и угрожающе чернѣло изъ-подъ него. Мнѣ показалось, что оттуда тянуло холодомъ и сыростью. Я отодвинулся, невольно испытывая ту необъяснимую силу, которая тянетъ въ бездну.

— Пожалуйте въ контору, — проговорилъ нашъ вожатый.

Онъ провелъ насъ въ большую грязную комнату, занятую столами, съ разбросанными по нимъ планами, чертежами, картами, образцами угля въ кускахъ съ металлическимъ изломомъ. По срединѣ возвышалась обтертая и вылощенная руками конторка, и на ней огромная книга съ замусленными, завернутыми краями.

«Разсчетная книга рабочихъ рудника такого-то общества». Я перелисталъ нѣсколько страницъ. Двѣнадцать, пятнадцать, восемнадцать рублей въ мѣсяцъ была обычная средняя плата; двадцать пять—максимальная. Страницы пестрѣли многочисленными штрафами и вычетами, понижавшими иной разъ получку на цѣлую семью до десяти рублей.

Къ намъ подошелъ молодой человекъ въ формѣ горняка.

— Студентъ горнаго института N.

Мы познакомились. Онъ вѣжливо и предупредительно переложилъ книгу на другой столъ.

— Ну, что же, господа, есть у васъ во что одѣться? Вѣдь, такъ нельзя спускаться въ рудникъ.

Я захватилъ съ собой подходящій костюмъ и длинные охотничьи сапоги; но мой пріятель красовался въ чесунчевомъ пиджакѣ, крахмальной сорочкѣ и штиблетахъ.

— Эдакъ нельзя. Придется вамъ дать рабочій костюмъ.

Принесли неимовѣрнѣйшей грязи куртку, шаровары и колосальные сапоги, должно быть, изъ мамонтовой кожи: они не сгибались въ ступнѣ.

Мы переодѣлись. Намъ подали по стеариновой свѣчкѣ. Это напомнило, что больше мы не увидимъ дневного свѣта, и легкая не то тревога, не то ожиданіе чего-то шевельнулась въ душѣ.

Бъ намъ подошелъ старшій штейгеръ, гигантъ съ добродушно-угрюмыми чертами сѣраго, точно чугунаго лица, на которомъ, рѣзко выдѣляясь, ворочались бѣлки глазъ. Онъ былъ черенъ, какъ эфіопъ, проникающею угольною пылью.

— Пожалуйте,—проговорилъ онъ, обнажая, какъ кипень, бѣлые зубы, которые такъ же рѣзко, и даже неприятно-рѣзко, выдѣлялись на его иссѣра-черномъ лицѣ.

Мы опять прошли къ шахтѣ. Квѣтка съ трескомъ и визгомъ только что подошла снизу. Изъ нея вышли два рабочихъ и быстро и ловко вывѣтали изъ верхняго отдѣленія вагончикъ, до-верху нагруженный углемъ.

— Ну, садитесь.

Мы секунду помялись, уступая другъ другу дорогу. Не то что ощущение страха, а какое-то тайное стремленіе не отдаваться первому неизвѣстной, посторонней и невѣрной силѣ безпокойно шевельнулось въ душѣ.

«Каждый день тысячи народу спускаются»,—мелькнуло у меня, и я влѣзъ въ квѣтку, сѣлъ на корточки, согнулся и съежился весь въ комокъ,—такъ она была мала и узка, напоминая собою тѣ квѣтки, въ которыхъ по ярмаркамъ развозятъ звѣрей содержатели кочующихъ звѣринцевъ. Ноги разъѣзжались въ скользкой черной грязи. Ощущеніе не то холода, не то сырости охватило все тѣло. Бо мнѣ влѣзъ мой товарищъ, а остальные размѣстились въ верхнемъ отдѣленіи. Зажгли свѣчи. Откуда-то сверху на шею капала холодная вода, неприятно пробираясь за воротникъ, и попадала въ пламя свѣчи, которая отъ этого шипѣла и трещала.

Возлѣ столпились рабочіе и служащіе.

— Господа, держитесь дальше отъ стѣнокъ,—крикнулъ кто-то, наклоняясь къ намъ. — Квѣтка съ боковъ не забрана, вплотную идти по срубѣ: захватить руку—вырветъ; прислонитесь спиной—изъ спины клокъ вынесетъ.

Перспектива была не изъ пріятныхъ, и я, и мой пріятель изо всѣхъ силъ стали подбирать руки, ноги и спину, стараясь все это помѣстить посерединѣ, подалше отъ проклятыхъ стѣнокъ.

— Наверху скобки есть, за нихъ держитесь.

Мы пошарили и уцѣпились за скобки.

— Ну, готово!

Я видѣлъ, какъ рабочій, быстро наклонившись, опять два раза качнулъ длинный стержень. Снова гдѣ-то со звономъ ударило въ мѣдную доску, машинистъ въ другомъ отдѣленіи пустилъ машину, насъ встряхнуло и противъ всякаго ожиданія стало подымать

вверхъ. Но кѣтка сейчасъ же остановилась, на секунду повисла, вызывая тягостное сознаніе уходящей подъ нами темной глубины, и вдругъ ринулась внизъ безъ толчковъ и сотрясеній; люди, балки, окна, трубы, длинный стержень, красный отблескъ отсвѣчивавшихъ на мокромъ полу лампочекъ, — все мгновенно, точно подхваченное страшною силой, понеслось вверхъ и моментально скрылось въ густо наступившей темнотѣ.

Въ ухахъ появилось страшное ощущеніе, точно воздухъ изнутри съ силой распиралъ барабанныя перепонки. Мнѣ почудилось, что я оглохъ, но я отчетливо различалъ всѣ звуки. Первое время я чувствовалъ по легкимъ толчкамъ и по тому, какъ изъ-подъ ногъ словно уходили доски, что мы быстро двигаемся внизъ, но вдругъ ощущеніе движенія пропало, и въ слѣдующее мгновеніе мнѣ уже почудилось, что мы несемся вверхъ.

— Что это?

— Это такъ кажется.

Но ощущеніе движенія вверхъ все продолжалось. Я осторожно повернулся и поглядѣлъ на стѣны сруба; онѣ со страшною быстротою бѣжали вверхъ, сливаясь желтою полосой и свергая на пламени свѣчи тонкими ручейками бѣжавшей по ней воды, и истинное впечатлѣніе движенія сейчасъ же вернулось. Я все съ напряженіемъ старался удержать свои руки, ноги и спину, чтобъ онѣ не притронулись какъ-нибудь къ этимъ грозно-убѣгавшимъ стѣнкамъ. Мой товарищъ, вѣроятно, испытывалъ то же, и мы жались другъ къ другу.

Вдругъ насъ толкнуло, наша кѣтка удирилась обо что-то и остановилась. Красноватые дымные огни среди густой тьмы мрачно горѣли, точно факелы въ глухую полночь. Темные силуэты людей вырисовывались смутно и неопредѣленно. Кѣтка опустилась въ глубь на шестьдесятъ сажень.

II.

Мы торопливо вышли, съ облегченіемъ ощущая подъ ногами твердую почву. Тяжелый мракъ висѣлъ кругомъ. Нельзя было разсмотрѣть окружающей обстановки: всѣ предметы тонули въ непроницаемой мглѣ. Сводовъ рудника не было видно. Красные огни лампъ, дымя и колеблясь, съ трудомъ боролись съ густымъ мракомъ, не будучи въ состояніи отодвинуть его и лишь освѣщая небольшую кружокъ. Люди сразу выросли изъ темноты и такъ же сразу пропадали, лишь только дѣлали нѣсколько шаговъ въ сторону.

Издали послышался характерный гулъ бѣжавшаго по рельсамъ вагончика. Онъ все приближался; стали слышны мѣрные удары копытъ трусившей рысцой лошади, но въ кромѣшной тьмѣ никого не было видно. И только когда по звуку казалось, что вагончикъ накатывается совсѣмъ уже на насъ, передъ самымъ лицомъ выставилась лошадиная морда, потомъ спина, крупъ и бѣжавшій за ней желѣзный ящикъ на колесахъ. Съ него соскочилъ рабочій и сталъ торопливо въ темнотѣ отстегивать постромки. Стоявшіе возлѣ нѣсколько человѣкъ подхватили вагончикъ и дружно втащили въ клѣтку.

То тамъ, то здѣсь стали обозначаться, въ темнотѣ, красноватая точки. Онѣ понемногу увеличивались, разростаясь вблизи въ неровное, колебавшееся пламя лампочекъ, отъ котораго чернымъ клубомъ бѣжалъ удушливый дымъ. Это рабочіе шли къ подъему.

Штейгеръ наскоро составлялъ поѣздъ изъ пустыхъ вагончиковъ, который долженъ былъ пойти за углемъ. Люди торопливо устанавливали по рельсамъ вагончики, представлявшіе собой длинные желѣзные ящики на колесахъ, и впрягали лошадь.

Я подошелъ къ стѣнамъ и, поднявъ высоко свѣчу, сталъ ихъ разсматривать. Онѣ были черны, и вода сочилась изъ нихъ, какъ изъ губки. Я дотронулся рукой — на пальцахъ остался черный слѣдъ сажи. Мнѣ вообразилось, что это и есть каменный уголь.

— Это каменный уголь?—обратился я къ штейгеру.

— Нѣтъ, это пустая порода, обыкновенный камень. Здѣсь на нѣсколько верстъ кругомъ нѣтъ угля, выработанъ. А это сажа оттого, что лампочки коптятъ, такъ копоть и садится. До выработки версты три будетъ съ лишнимъ. Да вотъ садитесь, сейчасъ и тронемся.

Мы съ пріятелемъ забрались въ одинъ изъ вагончиковъ. Въ немъ было, какъ и вездѣ кругомъ, сыро, грязно, скользко. Лишняя черная грязь покрывала дно и стѣнки, липла къ одеждѣ и ѣдко проливалась кожу рукъ и лица. Вдоль всего поѣзда поверхъ вагончиковъ лежала цѣпь, которой они скрѣплялись. Мой товарищъ было взгромоздился на нее—не хотѣлось сидѣть въ грязи и въ водѣ.

— Нѣтъ, вы слѣзьте оттуда, — проговорилъ, подходя, штейгеръ,—и пригнаться надо, а то есть мѣста, гдѣ сводъ къ самому вагончику спускается, такъ ушибить можетъ, а то вовсе голову на трону сшибетъ.

Пріятель торопливо слѣзъ и усѣлся на дно.

— Трога-ай!

Слышно было, какъ застучала по мокрому камню, скользя и ираясь, лошадь. Цѣпь натянулась, съ визгомъ пошла поверхъ ва-

гона сначала въ одну сторону и больно ударила меня въ боги, потомъ въ другую и угостила товарища; мы ухватились за нее руками; при всемъ напряженіи не было силъ удержать ее, и при каждомъ поворотѣ она, скользя и повизгивая, угощала по очереди то одного, то другого; мой пріятель кряхтѣлъ и ворочался, приспособляясь къ положенію, а я напрягался, чтобы смягчить ударъ. Вагончики, торопливо покачиваясь и толкаясь, послушно и гулко бѣжали другъ за другомъ.

Поездъ состоялъ всего изъ трехъ вагончиковъ, но намъ не было видно впереди ни лошади, ни другихъ вагоновъ, ни рабочаго, — непроницаемый мракъ тѣсно обступалъ со всѣхъ сторонъ и, казалось, бѣжалъ вмѣстѣ съ нами.

Это было странное путешествіе. Мы сидѣли съ товарищемъ вдвоемъ, совершенно отдѣленные отъ остальныхъ мракомъ, точно въ отдѣльномъ купе. Ни стѣны, ни свода не было видно. Слышался только однообразный гулъ колесъ, мѣрный стукъ копытъ, да цѣль на поворотахъ любезно давала о себѣ знать. Приготовляясь спуститься въ шахту, я рисовалъ себѣ что-то необычайное, фантастическое, поражающее, но собственно до сихъ поръ ничто не произвело такого впечатлѣнія. Грязь, сырость, вода, рельсы, желѣзные ящики на колесахъ, лошади, лампы, рабочіе, — все это пока было обыкновенно и просто.

Что дѣйствительно глаго свое особенный отпечатокъ здѣсь на все, рѣзко отличало окружающую обстановку отъ той, что была на поверхности, это тяжелый, непроницаемый мракъ; онъ неотступно тѣснилъ со всѣхъ сторонъ, давилъ своею неподвижностью, таинственнымъ и какъ будто угрожающимъ безмолвіемъ, постоянно заставляя ожидать, что вотъ немного дальше за этимъ выступомъ, за этимъ поворотомъ, какъ только освѣтитъ поярче лампа, и откроется что-то особенное, и тогда-то и увидишь то фантастическое, поражающее и даже ужасное, что смутно ждалось тамъ, наверху. Но вагончики все такъ же, спѣша и покачиваясь и набѣгая другъ на друга, монотонно катились, и все такъ же неловко было сидѣть, и впереди мѣрно отдавались глухіе удары лошадиныхъ копытъ, и все такъ же всѣ впечатлѣнія окружающаго слагались въ одно ощущеніе сырости, грязи и темноты.

Сколько времени мы ѣхали и какое разстояніе проѣхали, нельзя было сказать. Ощущеніе времени, пространства и направленія пропало. Казалось, мы съ гуломъ, шумомъ, трескомъ толкались въ этомъ неподвижномъ мракѣ на одномъ мѣстѣ. У меня совершенно отнялась способность ориентироваться.

Порою только, когда изъ темноты выставлялся конецъ лопнувшей балки или развѣянное тягой пламя лампочки вспыхивало ярче, и тяжелые массивные своды показывались надъ самою головой, медленно отходя назадъ, становилось очевиднымъ, что мы ѣдемъ впередъ.

— Поостерегись! — слышался впереди голосъ, глухой, сдавленный этими нависшими громадами.

Мы съежились. Пламя свѣчи у меня вытянулось, на секунду раздвинувъ озаренный кружокъ, и мы увидѣли мелькавшія надъ нашими головами ребра и выступы спустившагося къ самымъ вагончикамъ свода. Подними голову только на полдюйма, и черепа какъ не бывало. Мы это ежесекундно помнили и старались сколько возможно глубже сѣсть въ вагончикъ и напряженно подгибали голову.

Съ нашимъ поѣздомъ стало дѣлаться что-то особенное. Насъ страшно качало, бросало въ стороны, вагончики, гремя желѣзомъ, сталкивались, цѣпь сразу ослабѣвала, и они почти останавливались, потомъ мгновенно натягивалась, и вагоны летѣли другъ за другомъ сломя голову. Мы, очевидно, попали въ какія-то особенныя условія, но я при всемъ напряженіи ничего не могъ разобрать въ темнотѣ, и только послѣ узналъ, что въ этотъ узкомъ и длинномъ проходѣ дорога пошла подъ большимъ уклономъ, да и путь былъ здѣсь дурно и неправильно уложенъ.

Особенно страшно было на поворотахъ. Среди гула и грома вдругъ выступаетъ изъ темноты изрытая, неровная, темная масса, слабо играя влагой на колеблющемся отблескѣ почти потухающей свѣчи. Впереди по звуку слышно, какъ вагончики бросились куда-то влѣво, а нашъ, звеня ослабленною цѣпью, несется прямо на неподвижную, тяжело придавленную сводомъ, громаду еще мгновение... но тутъ цѣпь натягивается, какъ струна, съ визгомъ и скрежетомъ срываетъ насъ въ сторону, на другой путь, вагончикъ бокомъ чертитъ о камни, и мы ныряемъ въ какую-то темную, сырую дыру. Лопни цѣпь или сойди вагонъ съ рельсовъ, мы бы разбились въ дребезги. Я одною рукой держался за край стѣнки, но послѣ перваго же такого казуса отнялъ руку: можетъ раздробить кисть.

Впереди все время слышны мѣрные удары копытъ, — лошадь бѣжитъ небольшою рысцою, но отъ толчковъ, стука, желѣзнаго грохота и раскачиваній намъ теперь кажется, что мы несемъ въ этой вромѣшной темнотѣ со скоростью курьерскаго поѣзда.

— Ъхать ничего себѣ, — говоритъ мой товарищъ, — только скоро ли мы доѣдемъ?

— Должно быть... ахъ, чортъ!... Говорить опасно, того и гляди на толчкѣ откусишь языкъ.

Отъ напряженія и усилій оборониться отъ проклятой цѣли начинается свазываться утомленіе. Да и вниманіе постоянно раздваивается: караулишь цѣль, которая упрямо ходитъ по всему вагону, а съ другой стороны постоянно помнишь, что, чуть поднимешь голову, ее моментально размозжитъ о выступы свода, а это утомляетъ.

Я давно уже чувствовалъ непріятное, зудящее ощущеніе въ правой ногѣ, на которой сидѣлъ, точно за кожу насыпали горячаго песку. Очевидно, я отсидѣлъ ногу. Но привстать и размяться не было никакой возможности.

III.

Я уже приготовился долго сидѣть въ такомъ положеніи, какъ наши вагончики, громыхая желѣзомъ и наталкиваясь одинъ на другого, остановились.

Впереди замелькалъ красноватый огонь лампочки.

— Что такое?

Хотя мы и были увѣрены въ безопасности, но нѣкоторая напряженность и ожиданіе случайности постоянно таились въ глубинѣ души, — вдругъ обвалъ или вода прорвется, или сводъ осесть.

— Разъѣздъ, — спокойно говоритъ Штейгеръ, приближаясь своею огромною фигурой и держа на длинной проволоцѣ лампочку, которая дымитъ надъ самою землей, — поѣздъ съ углемъ пойдетъ на встрѣчу.

Мы выходили, съ наслажденіемъ расправляя окоченѣлые члены.

— Далеко онъ еще?

— Не слышать.

— А ѣхать намъ много?

— Да полпути сдѣлали. Теперича немного проѣдемъ, а тамъ пѣшкомъ по діагональному ходу придется идти.

Стали дожидаться. Кругомъ все та же сумрачная, молчаливая мгла. Возлѣ, слабо выдѣляясь изъ темноты, неподвижно стоитъ лошадь, понуро опустивъ голову и не шевеля ни однимъ мускуломъ.

Керосинъ въ лампочкѣ, раздуваемый тягой, сильно горитъ; красное пламя съ легкимъ гудѣніемъ тянется съ фитиля длинными языками, и, свиваясь чернымъ клубомъ, проворно бѣжитъ густой дымъ, сейчасъ же расплываясь въ окружающей темнотѣ. Неровный отблескъ дрожить и колеблется небольшимъ кружкомъ. Онъ то осла-

бываетъ, то судорожнымъ усиленіемъ отодвигаетъ на секунду мракъ, и тогда такъ же сурово-загадочно выступаетъ темный, влажный сводъ, и вмѣстѣ грозно выступаетъ неодолимая, замыкающая насъ, мертвая сила, а въ слѣдующее мгновеніе кругомъ опять безраздѣльно царить мракъ, тая неизвѣстность, и тщетно бьется, трепетно вздрагивая, красноватый невѣрный отсвѣтъ.

Необычная обстановка, постоянно удручающее сознание нависнувшихъ надъ головою массъ, отрѣзанность отъ остального міра, утомленіе и неясное ожиданіе чего-то угнетающе дѣйствующихъ на сознание, и въ голову ничего не идетъ, и не находишь, и не знаешь, о чемъ говорить.

Мы стоимъ около вагончиковъ въ молчаливомъ ожиданіи. Я невольно прислушиваюсь, пристально глядя въ темноту. Могильная, зловѣщая тишина поражаетъ ухо. И эта неподвижная тишина и мракъ вмѣстѣ съ печальнымъ силуэтомъ пониженной головою лошади сливаются въ одно тяжелое, щемящее впечатлѣніе чего-то безотраднанаго, мертваго, какъ будто близкаго къ отчаянію. Время тянется уныло-медленно; не знаешь, проходить ли минуты, или часы.

Я чувствую, какъ сырость проникаетъ до костей. Отсырѣвшая фланель моей блузы тяжелѣетъ и виснетъ по тѣлу. Атмосфера совершенно насыщена паромъ. Да и немудрено: вода сочится со стѣнъ, со свода, капаетъ и бѣжитъ тонкими ручейками, какъ изъ разохшейся бочки, и ее день и ночь откачиваютъ. Влажность такъ велика, что потъ не испаряется, и оттого такъ тяжело работать и дышать.

Я теперь только замѣчаю, что мракъ при огнѣ не кажется совершенно чернымъ, а отливаетъ сизо-синеватымъ оттѣнкомъ. Это дымъ. Онъ виситъ во всѣхъ проходахъ тяжелою, ѣдкою, удушливою пеленой, лѣзетъ въ носъ, ротъ, дыхательное горло, садится на слизистыя оболочки, проникаетъ въ легкія. Когда, уже поднявшись наверхъ, я сталъ откашливаться, на полу обозначалась черными пятнами насквозь пропитанная гарью мокрота, какъ это иногда бываетъ, когда сильно коптитъ лампа въ запертой комнатѣ, и долго сидишь въ такой атмосферѣ. И это несмотря на то, что въ шахтѣ поставлены очень сильные вентиляторы; ихъ тяга постоянно чувствуется въ воздухѣ, особенно въ узкихъ проходахъ. Надо замѣть, что шахта, въ которую мы спускаемся, одна изъ самыхъ гоустроенныхъ. Тяжело дышать и работать въ такомъ воздухѣ.

— Что-то не слышать, — говоритъ Штейгеръ.

Мнѣ не видно выраженія его лица, но мнѣ кажется, онъ хочетъ сказать, что что-то неладно, и его слова приобрѣтаютъ вдругъ тре-

важное значеніе. «Можетъ быть, несчастье... обвалъ... человѣкъ убитъ и теперь лежить тамъ».

Густая тьма все такъ же напряженно-молчаливо стоитъ вокругъ, таинственно скрывая все, что совершается впереди. Ожиданіе становится томительнымъ. Я дѣлаю нѣсколько шаговъ. Рельсы слабо посвѣчиваютъ подъ ногами. Мысль, что насъ засыплетъ или прорвется вода; становится все болѣе и болѣе вѣроятной.

— А что, тутъ съ рабочими часто несчастія случаются?

— Да почитай недѣли не пройдетъ, кого-нибудь либо придавить, либо убьетъ, али водой захлестнетъ.

— Какъ давно послѣднее было?

— Да недюже давно. Съ недѣли полторы, либо двѣ, чтобы не соврать, одному черепъ расшибло.

— Какъ же это?

— Да вагончики гналъ груженные. Извѣстно, человѣкъ истомится, все одно, все одно и то же кругомъ, темъ, лошадь впереди трюхъ-трюхъ, трюхъ-хрюхъ, ѣхать долго, лежить онъ на пузѣ на углю, цѣпь это подъ нимъ тоже безпокоить, и все надо помнить, голову, какъ ни мога, больше нагинать,—ну, не поостерегся, тьма, не видать, и вдарился на всемъ ходу, свалился съ вагончика, а другой угломъ ему въ голову, черепъ и разбился. Лошадь ушла, а онъ лежить. Какъ разъ идутъ рабочіе, смотрятъ, человѣкъ будто молчить, подходить, а это онъ. Взяли, отнесли къ шахтѣ въ влѣтку и наверхъ.

— Что же, умеръ?

— Какъ же, голова разсѣлась, мозги вытекли.—Штейгеръ врючкомъ, который виситъ у него на поясѣ, начинаетъ вытаскивать фитиль въ своей лампѣ и расковыриваетъ его. Пламя трещитъ и разгорается сильнѣе. На землю падаетъ керосинъ огненными горящими струйками.

Я хожу возлѣ вагончиковъ. Человѣкъ съ разбитымъ черепомъ все мерещится въ темнотѣ. Можетъ быть, мы напрасно и дождаемся?

— Никакъ идетъ,—говоритъ штейгеръ въ ту минуту, когда я уже меньше всего этого ожидаю, подымаясь и выростая своею мощною фигурой.

У меня точно камень сваливается: Я напряженно вслушиваюсь—ни одинъ звукъ не нарушаетъ могильной тишины; но теперь эта неподвижность уже не пугаетъ,—я знаю, впереди живое существо.

Только немного погода изъ мрака доходятъ слабые звуки бѣгу-

щихъ вагончиковъ. Ближе и ближе. Наша лошадь настораживаетъ уши. Я отхожу къ сторонкѣ. Вмѣстѣ съ чувствомъ облегченія кругомъ становится какъ будто просторнѣе и виднѣе. То, что давило за минуту угрозой и таинственностью невидимой силы, куда - то отступаетъ. Вагончики, погромыхивая, бѣгутъ уже совсѣмъ близко, и изъ-за ихъ монотоннаго гула явственно слышатся мѣрные удары подковъ, но никого не видно.

Я поднимаю свѣчу. Изъ темноты совсѣмъ возлѣ показывается лошадь. Меня обдаётъ теплотой живого тѣла. Лошадь труситъ неуверенно и тяжело, мѣрно и въ тактъ ударамъ копытъ потряхивая головой и шеей.

«Мнѣ все равно... даже и въ этомъ непроглядномъ мракѣ надо безъ усталости работать», — какъ будто говорятъ ея печальные, давно не видавшіе дневного свѣта глаза, заложенное назадъ ухо и вся вроткая, безотвѣтная фигура гнѣдой масти. Слѣдомъ одинъ за другимъ выхватываются изъ темноты вагончики и сейчасъ же вслѣдъ за лошадью опять погружаются во мракъ. На одномъ изъ нихъ, доверху наполненномъ углемъ, на животѣ лежитъ рабочій. Онъ черенъ и съ любопытствомъ поводитъ на насъ бѣлками, повидимому, безконечно далекій отъ волновавшихъ меня опасеній. Въ послѣдній моментъ я видѣлъ только, какъ онъ, лежа на животѣ, пристально провожалъ насъ, и надъ вагончиками виднѣлась его приподнятая голова, а въ слѣдующее мгновеніе все потонуло въ черной мглѣ.

Мы остаемся опять одни.

Штейгеръ возится что-то у лошади. Гулъ уходящихъ вдаль вагончиковъ слабѣетъ все больше и больше и, по мѣрѣ того, какъ замираютъ послѣдніе звуки, мракъ угрюмо и враждебно опять надвигается со всѣхъ сторонъ, и въ сердце проникаетъ прежнее ощущение холода, одиночества, отрѣзанности и постоянно давящей неотвратимой мертвой силы. Узкій, колеблющійся кружокъ, гдѣ мы находимся, снова, вздрагивая, съ усиліемъ борется противъ надвигающейся на него синеватой мглы.

Мы садимся, проѣзжаемъ саженой сорокъ-пятьдесятъ и опять выходимъ. Тутъ ходъ упирается въ стѣну и дорога развѣтвляется направо и налево.

IV.

Нашъ поѣздъ съ рабочимъ, погромыхивая и постепенно замолкая во мракѣ, уходитъ направо. Я приготовляюсь идти по лѣвому проходу.

— Нѣтъ, намъ не туда, — говоритъ штейгеръ, дѣлаешь нѣсколько шаговъ въ сторону и, приподнявъ, посвящаетъ своею лампочкой.

Въ стѣнѣ обнаруживается, неподвижно чернѣя, узкая въ полчеловѣческаго роста дыра. Тяжелая синяя мгла, увлекаемая тягой, медленно стекаетъ въ нее, и дымное пламя лампочки, послушно изогнувшись, торопливо бѣжитъ туда густыми, черными клубами дыма.

— Вы нагинаяйтесь, пожалуйста, нагинаяйтесь, какъ ни могъ, больше нагинаяйтесь, — говоритъ штейгеръ, стараясь придать возможно больше убѣдительности интонаціи и голосу, — это теперича по діагональному ходу намъ идти, а тамъ и работы скоро.

И, согнувшись почти вдвое всею своею громадною фигурой, онъ шагнулъ въ эту мрачную дыру и быстро пошелъ, слабо посвящая изъ-за себя лампочкой.

Я тоже согнулся и послѣдовалъ за нимъ, низко опустивъ свѣчу. Внизу блеснула вода. Ноги съ усиленіемъ и судорожнымъ напряженіемъ ступали по изрытому неровному дну, ежесекундно обрываясь и скользя по острымъ камнямъ и ребрамъ выбитой каменной породы и съ шумомъ разбрызгивая холодную воду, которая неприятно обдавала все лицо. Болѣни мои приходились почти въ уровень подбородка и я шель, наклонившись впередъ всѣмъ тѣломъ, спотыкаясь и поминутно теряя равновѣсіе, и тяжело дышалъ отъ напряженныхъ усилій не убится и непривычнаго согнутаго положенія. Ноги принимали до того неестественное положеніе, что ступня совершенно выворачивалась, и я шель не на подошвѣ, а на боку сапога и каждую минуту ждалъ, что выверну себѣ сочлененіе или растяну связи.

Всѣ опасности, обвалы, наводненія, впечатлѣнія пройденнаго пути и ожиданіе чего-то новаго, — все было вытѣснено изъ сознанія мучительнымъ физическимъ напряженіемъ.

Я совершенно позабылъ о своемъ товарищѣ, который шель позади и, вѣроятно, точно также бился въ этой проглятой дырѣ, и лишь поспѣвалъ за штейгеромъ, который проворно уходилъ все дальше и дальше.

Наше путешествіе въ вагончикѣ съ цѣпью казалось теперь верхомъ комфорта. «Боже мой, видно, отсюда ужъ и не выбраться!» — съ отчаяніемъ мелькало у меня, и я продолжалъ механически переставлять ноги, скользя и поминутно хватаясь за влажные, скользкія стѣны, отъ которыхъ пробѣгали по всему тѣлу холодъ и судорожная дрожь. Низко опущенная голова все больше тяжѣла, наливаясь бровью, и поясницу невыносимо ломало.

Неодолимое желаніе хотъ на секунду разогнуться, расправить смятыя, сдавленные легкія неотступно преслѣдовало, но не хотѣлось просить остановиться, и я напрягалъ всѣ силы, чтобы не отстать отъ штейгера, который, какъ ни въ чемъ не бывало, торопливо шелъ, и его огромная спина низко проходила подъ самымъ сводомъ, а изъ-за темной фигуры слабо отсвѣчивалъ отблескъ лампы.

— А-а!... Чорты!...

Я присѣлъ. Кто-то съ силой чѣмъ-то тупымъ и тяжелымъ ударилъ меня по головѣ. Отъ неожиданности я судорожно закрылъ глаза и миллионы синихъ искръ посыпались въ темнотѣ, моментально потухая, и, въ то же мгновеніе, заняла невыносимая сверлящая боль, выжимая слезы, точно у меня ворочались въ мозгу. Шапка вдругъ сдѣлалась тѣсной и стала неловко сидѣть на головѣ.

— Ахъ ты, Господи, нагнаться надо! — участливо и съ безпокойствомъ проговорилъ штейгеръ, присаживаясь возлѣ на корточки. — Больно зашиблись?

— Что больно? — осторожно подходя и низко сгибая спину, спросилъ пріятель.

Мнѣ было и смѣшно, и совѣстно, и безсильная злоба душила, такъ бы и избилъ кого-нибудь, но виноватаго не было.

— Длинный этотъ проходъ? — спросилъ я, желая пережѣнить разговоръ и чувствуя, какъ все больше вздувается шишка.

— Триста саженой. Теперь скоро.

— Ну, пойдѣте, — проговорилъ я такъ, какъ будто они были виноваты въ чемъ-то.

Мы опять согнулись и пошли гуськомъ. Сильная боль заглушила на время острое ощущеніе усталости, и я продолжалъ съ равнодушіемъ отчаянія болтаться въ водѣ, спотыкаясь и рискуя ежеминутно убиться, ударившись о выступъ стѣны.

Гдѣ мы были, много ли осталось, сколько прошли, какіе повороты дѣлали, былъ ли теперь день или ночь, — я ничего не зналъ. Все тѣ же каменные мертвыя громады, совсѣмъ нависшія и узко сдвинувшіяся, — до того узко, что все время я бился колѣнями съ той и другой стороны. Ничто не мѣнялось вокругъ, и даже мракъ, казалось, съ трудомъ пробирался за нами, потому что слабый, мерцающій огонь свѣчи справа и слѣва у самаго лица освѣщала влажный нависшій камень.

Какъ ни увѣренъ я былъ, что вѣроятность быть здѣсь задавленнымъ, убиться или залиться водой слишкомъ ничтожна, все же въ глубинѣ души, какъ натянутая струна, независимо отъ воли,

постоянно таилось ощущение какой-то напряженности, которая постоянно заставляла меня смотреть за штейгеромъ. Случись съ нимъ что-нибудь, потухни лампа, уйди онъ отъ насъ случайно въ какой-нибудь проходъ, и отчаяніе сразу охватило бы насъ.

Но онъ такъ же спокойно и быстро пробирался своею огромною тушей между надвинувшихся каменныхъ пластовъ, и я съ увѣренностью и надеждой глядѣлъ на его широкую и согнутую спину.

Мой товарищъ тоже нѣсколько разъ охаль, присѣдалъ и начиналъ ругаться; я спрашивалъ, больно ли онъ ушибся, и чувствовалъ нѣкоторое удовлетвореніе за ноющую тупую боль въ головѣ, и потомъ, изукрашенные шишками, мы опять шли дальше. Наченный горькимъ опытомъ, я пригибался даже больше, чѣмъ слѣдовало: колѣни то и дѣло стучались о подбородокъ.

Сколько времени мы шли, я не знаю. Боль въ поясницѣ, напряженіе, усталость достигли того предѣла, когда становится ужъ все равно и думаешь: «Ну, еще, еще,—ну, пусть такъ, пусть еще!...»

Однако, всему бываетъ конецъ. Шедшій впереди штейгеръ внезапно исчезъ во мракѣ. Я испугался и, напрягая послѣднія силы, торопливо выбрался изъ прохода.

За поворотомъ блеснула лампочка штейгера. Онъ стоялъ во весь ростъ и дожидался насъ. Я выпрямился и всею грудью вдохнулъ кислый, пропитанный гарью воздухъ.

Подожель и товарищъ. Мы постояли съ минуту. Мракъ опять надвинулся со всѣхъ сторонъ; свода не было видно. Подъ ногами ощущались рельсы. Я сталъ различать тупые, далекіе удары, глухо и подавленно доносившіеся откуда-то изъ глубины этого мрака, и представленіе чего-то особеннаго и важнаго невольно приурочивалось къ тому мѣсту, откуда они выходили.

— Посторонитесь, пожалуйста, — проговорилъ штейгеръ, поднимая лампу.

Мы прижались къ мокрой, скользкой, холодной стѣнѣ; мимо, на минуту освѣщенный лампочкой, прокатился вагончикъ, доверху нагруженный углемъ. Рабочій, скользя и упираясь ногами и хрипло дыша, съ низко опущенною головой, катилъ его, толкая сзади. Это въ ручную перевозили уголь до того пункта, откуда онъ уже шелъ лошадиною тягой.

Мы пошли дальше. Удары во что-то вязкое, странный глухой шорохъ и смутный шумъ доносились во мракѣ все явственнѣе. Штейгеръ торопился, какъ будто чувствуя вину, что мы такъ долго и неудобно шли. Мы торопливо спотыкались за нимъ, лишь ста-

раясь не отстать и испытывая напряженное и нѣсколько даже тревожное ожиданіе.

Галлерей опять дошла до глухой стѣны и влѣво снова открылся узкій и низкій ходъ. Штейгеръ, согнувшись и низко опустивъ лампу, пролѣзъ туда. Мы послѣдовали за нимъ.

У.

Сквозь густую мглу впереди въ десяткѣ саженей мелькнули красноватые огни лампъ. Удары и характерный осыпающійся шорохъ теперь явственно неслись оттуда.

Сводъ понижался все больше и больше; штейгеръ опустился, наконецъ, на колѣни и полѣзъ на четверенькахъ; мы сдѣлали то же и черезъ минуту очутились среди странной, невиданной дотогѣ обстановки. Узкій проходъ раздался, уходя въ обѣ стороны въ темноту, а сверху, на разстояніи всего полутора аршинъ, ровно и гладко тянулась пустая порода. Короткія стойки, плавно упираясь рядами въ верхній и нижній пласты, странно бѣлѣли древесиной среди этой непривычной обстановки, поддерживая огромную давившую ихъ тяжесть въ милліоны пудовъ. Здѣсь даже согнувшись нельзя было ходить и только можно было передвигаться ползкомъ. Это было мѣсто выработки угля. Со всѣхъ сторонъ, дымя среди тяжелой, густой мглы, слабо и какъ будто съ усиленіемъ горѣли лампы, и сквозь дымъ тамъ и сямъ смутно виднѣлись скорчившіяся фигуры молча работавшихъ или пробиравшихся на четверенькахъ между стойками рабочихъ. Воздухъ, пропитанный гарью, дымомъ и испареніями человѣческихъ тѣлъ, былъ сладковато-приторенъ и сильно нагрѣтъ. Шумъ врубающихся топоровъ, осыпающійся шорохъ угля, учащенное, прерывистое дыханіе работающихъ людей наполняли это глухое подземелье.

Я проползъ дальше между стоявшими по пути подпорками. Металлическій изломъ антрацита при слабомъ, меркнушемъ пламени лампъ бросился въ глаза. Мощный пласть его, въ полтора аршина толщины, залегалъ здѣсь, зажатый сверху и снизу между каменными породами, и его оттуда надо было добывать. И я невольно съ какимъ-то смѣшаннымъ чувствомъ удивленія и почти страха глядѣлъ на эту поблескивавшую на лампахъ мертвую поверхность уплотненной массы, требовавшей отъ людей такихъ усилій, напряженія и риска. Ощущеніе висѣвшей надъ головой тяжести давило. Достаточно было малѣйшаго сдвига почвы, сотрясенія, просачиванія воды или встрѣчи мягкаго грунта, чтобы вся эта

страшная масса, раздробивъ въ щепы подпорки, опустилась до самаго пола.

Вязкій глухой ударъ раздавался возлѣ меня и въ то же мгновение черная туча осколковъ угля обдала мнѣ лицо, больно просѣвая кожу. Я отшатнулся въ сторону. Шагахъ въ трехъ отъ меня рабочій врубался въ каменноугольную массу, отдѣляя ее отъ пола. Онъ лежалъ на лѣвомъ боку и частью на спинѣ и, держась обѣими руками за длинную рукоятъ особеннаго удлинненнаго топора, съ усиленіемъ взмахивалъ имъ надъ самымъ поломъ, болѣзненно содрогаясь всѣмъ тѣломъ отъ крайне неловкаго положенія и усилій попадать въ одно и то же мѣсто; голова тянулась за ударами и ноги судорожно подергивались, шурша по мокрому полу мелкимъ углемъ. И каждый разъ, какъ кайло глубоко и съ силой врубалось снизу въ узкую расщелину, отдѣляя угольный пластъ отъ каменнаго пола, брызги осколковъ съ шумомъ вырывались оттуда, съ ногъ до головы обдавая забойщика. И онъ въ тактъ каждому взмаху напряженно и торопливо отворачивалъ голову, крѣпко зажмуривая глаза. Я слышалъ его подавленное дыханіе и тоже зажмуривалъ глаза и пряталъ лицо за столбикъ каждый разъ, какъ топоръ съ размаху уходилъ совсѣмъ съ рукоятью въ расщелину.

А кругомъ неслись такіе же глухіе удары кайла, смутно копошились неясныя фигуры рабочихъ, съ усиленіемъ горѣли лампы и, покрывая все это, такъ же неподвижно-безжизненно стояла сладковатая, густо-спившая мгла. Мнѣ становилось трудно дышать. Въ вискахъ стучало, передъ глазами все слегка шло кругомъ, а во рту усиливалось приторное, вызывавшее тошноту ощущеніе. Теперь уже хотѣлось выбраться отсюда поскорѣе, но ни штейгера, ни пріятеля не было, — они проползли куда-то дальше. Мнѣ не видно было концовъ лавки *); она тянулась въ обѣ стороны саженой на тридцать. То мѣсто, гдѣ я могъ пробираться только на четверенькахъ, когда-то было заполнено углемъ; рабочіе его выбрали и поставили коротенькіе столбики, поддерживавшіе верхній пластъ пустой породы, оставшіяся на вѣсу.

Рабочій, врубавшійся возлѣ меня, вывелъ снизу длинную щель. Онъ сѣлъ, подогнувъ голову, и отеръ грязною рукой потъ. Я не могъ разглядѣть выраженія его лица, но мнѣ видно было, какъ облипала его тѣло насквозь смоченная потомъ и сочившемся по полу водой рубаха. Онъ пододвинулъ къ себѣ лежавшіе возлѣ кучкой коротко нарѣзанные столбики и, вырубивъ по углубленію въ

*) Лавка — мѣсто выработки угля.

угольномъ пластѣ и въ полу, сталъ косо устанавливать подпорки, чтобы подрубленная снизу стѣнка угольного пласта не вывалилась до времени и не раздавила его. Черезъ минуту онъ опять уже лежалъ на боку и, дрыгая ногами и корчась, сталъ зарубать щель дальше.

На другомъ концѣ рабочіе на четверенькахъ таскали что-то къ выходу, но сквозь синѣвшую мглу я не могъ разглядѣть, какъ слѣдуетъ, что именно они дѣлали. Съ мѣста же не хотѣлось сдвинуться: мгла, сырость, грязь, пробиравшаяся за платье холодная вода и эта густая нагрѣтая атмосфера, отъ которой стучало въ вискахъ и затруднялось дыханіе, нагоняли странное оцѣпенѣніе и апатичное ожиданіе, когда я, наконецъ, отсюда выберусь.

— Митька! — слышалось возлѣ меня, и звукъ человѣческаго голоса сейчасъ же глухо замеръ. — Иди, што-ль!

— Сичасъ! — донеслось безъ отвѣлика откуда-то изъ густой мглы.

Зарубщикъ забралъ оставшіяся жердочки и байло, отползъ отъ пласта и сѣлъ возлѣ меня, согнувшись всѣмъ своимъ длиннымъ туловищемъ. Онъ былъ худъ, съ узкою занавшею грудью и испытнымъ лицомъ. Слой угольной грязи придавалъ его чертамъ неподвижность, и только глаза блестѣли лихорадочно и возбужденно. Мокрая, черная отъ угля рубаха и порты облипали его, еще болѣе выказывая худобу тѣла.

— Трудно же у васъ тутъ работать, — проговорилъ я, желая вызвать его на разговоръ.

Онъ ничего не отвѣчалъ и сидѣлъ, сумрачно глядя передъ собой.

— Митька! — позвалъ онъ опять, не обращая на меня никакого вниманія. — Что-жь не починаешь? — и вдругъ прибавилъ раздраженно и злобно скверное ругательство.

Изъ мглы, цѣпляясь спиной за нависнувшій потолокъ, приползъ въ такой же черной и мокрой рубахѣ парень, сѣлъ возлѣ, скрючившись, и сталъ, ухая, вгонять тяжелымъ молотомъ желѣзные клинья между нависнувшимъ сверху потолокомъ и пластомъ угля, чтобъ отдѣлать послѣдній отъ породы.

— Да такъ, господинъ, работа наша... — проговорилъ вдругъ рабочій, обернувшись и глядя на меня съ нѣкоторымъ раздраженіемъ, — кабы ежли шахтеры не ругались нехорошимъ словомъ, такъ святыми бы всѣ подѣлались, вотъ какъ иные прочіе схимники спасаются, молютъ Бога. Вотъ наша какая работа.

Въ его словахъ слышалось раздраженіе, точно я былъ въ чемъ-то виноватъ.

— Да вот поглядите, вот онъ теперича гонить клинья, вотъ не рассчитаетъ, рухнетъ пласть, отъ него лишь мокро останется, да и насъ съ вами не помилуетъ.

Забойщикъ продолжалъ бить молотомъ. Глухо, точно предвѣщая что-то недоброе, отдавались удары, и толстые концы клиньевъ, уходя въ глубину, становились съ нашей стороны все короче, образуя сверху все болѣе и болѣе замѣтную расщелину. Томительное ожиданіе овладѣло мной. Я никакъ не могъ освободиться отъ гнетущаго впечатлѣнія, которое производила эта расходившаяся вверху темная щель.

Парень пересталъ бить; принялъ одну подпорку, другую... Что-то тяжело хрустнуло.

— А что, бываютъ...

Я не успѣлъ договорить: страшный трескъ и грохотъ потрясъ подземелье. Что-то тяжело и неуклюже перевернулось. Всѣ лампы разомъ дрогнули, на секунду ярко вытянувъ пламя. Все заколебалось и, казалось, каждое мгновеніе готово было рухнуть среди мглы. Я судорожно попятился къ проходу, поскользнулся и упалъ. Мимо съ шумомъ пролетѣли, переворачиваясь въ воздухъ, двѣ выбитыя страшною силой подпорки. Что-то еще разъ ухнуло, каменный полъ подъ ногами дрогнулъ, и все успокоилось. Только на томъ мѣстѣ, гдѣ передъ этимъ возился рабочій, зіяла темная, уходившая въ глубину пустота, и передъ ней неподвижною грудой лежалъ вывалившийся при паденіи пласть угля въ нѣсколько сотъ пудовъ вѣсу.

Отбойщикъ, изгибаясь и неловко махая подъ низшимъ потолкомъ, раскалывалъ его на меньшіе куски.

— Иной разъ такъ-то вываливаютъ пласть, — проговорилъ, выправляя фитиль въ своей лампѣ, все время спокойно остававшейся на мѣстѣ зарубщикъ, — верхній пласть лопнетъ, осядетъ, подпорки въ щепки, лавку-то всю со всѣмъ народомъ и накроетъ. А испужались, баринъ?—добавилъ онъ уже добродушно и улыбнулся.

И странно было видѣть улыбку на этомъ суровомъ и неподвижномъ отъ грязи лицѣ.

— Мы народъ привычный, а и то иной разъ жуть беретъ.

Онъ забралъ подставки, кайло и лампу, проползъ дальше, легъ на бокъ и опять, болѣзненно корчась, сталъ зарубать щель.

А кругомъ было все то же: доносившіеся отовсюду глухіе удары, смутно копошившіяся фигуры, густая сладковатая атмосфера и синѣвшая повсюду мгла. Всѣ работали, храня угрюмое молчаніе, — ни пѣсенъ, ни говора. Эта мрачная вѣчная ночь вытравила у лю-

дей веселость, оживленіе, шутку, смѣхъ, пѣсни. Каждый, напрягаясь, рубить, раскалываетъ, загоняетъ клинья и таскаетъ куски угля, подавляя въ себѣ отвращеніе къ мертвому труду и тоску, и удручающую апатію, навѣваемую окружающею обстановкой. Одно только постоянное желаніе, не заглушаемое даже многолѣтнею привычкой, таится въ душѣ, сжимая сердце вѣчно сосущею тоской: додѣлать работу и выбраться наверхъ. Впрочемъ, и выбравшись наверхъ, рабочій не видитъ дневного свѣта: спускаются въ шахту до разсвѣта, а выходятъ, когда на землѣ уже ночь.

VI.

Къ отбойщику подползъ, таща за собой салазки, новый рабочій, и они вмѣстѣ молча стали нагружать огромные куски разбитаго пласта.

Тягальщикъ, надѣвъ лямку, поправилъ ее на груди, потомъ сталъ на четвереньки и, подогнувъ голову, изо всѣхъ силъ натянулъ веревку. Но трудно было сдвинуть придавленные тяжелою грудой салазки. Руки и ноги скользили по мокрому полу. Онъ цѣплялся за всѣ неровности, пробуя ногой и ища точки опоры, дергая то въ ту, то въ другую сторону, какъ лошадь, которая не можетъ взять сразу нагруженный возъ. Раза два я видѣлъ, какъ раздѣхался у него руки и ноги въ полужидкой грязи, сочившейся по полу, и онъ ударился грудью о плитнякъ.

На него тяжело было смотрѣть,—это была агонія труда. Онъ бился, скользилъ и падалъ, какъ привязанный на цѣпи, и пядь за пядью бралъ разстояніе, и мертвая гряда угля понемногу и незамѣтно приближалась къ выходу, гдѣ были проложены рельсы, и уголь перегружали въ вагончики.

Онъ добрался до подпорокъ возлѣ меня и, опрокинувшись на бокъ, сталъ въ нихъ упираться руками и ногами, точно съ отчаяніемъ отбивался отъ кого-то, и я слышалъ его прерывистое, шумное дыханіе и то особенное болѣзненное вряхтѣніе, похожее на стонъ, которое вырываютъ изъ груди чрезмѣрные физическія усилія. Ременная лямка, прижимая взмокшую рубаху, обозначалась по тѣлу узкимъ и длиннымъ рубцомъ.

При невѣрномъ колеблющемся свѣтѣ лампы меня поразило выраженіе или, лучше, отсутствіе всякаго человѣческаго выраженія на его лицѣ. Что-то звѣриное, животное сквозило въ этихъ искаженныхъ чертахъ, по которымъ ходила судорога нечеловѣческаго напряженія.

И я не въ состояніи былъ оторваться отъ него и, стиснувъ зубы, слѣдилъ за его движеніями.

Онъ добрался до меня, ослабилъ ляжку и сѣлъ, отирая потъ, который, смѣшиваясь съ грязью, катился по лицу.

— Самое чужлое до столбовъ выволочить; главное, взяться не за что, ажъ ногти посрываетъ, — проговорилъ онъ, замѣтивъ, въроятно, на себѣ мой пристальный взглядъ. — Дозвольте папирочку.

Я торопливо досталъ и подаль ему. Онъ взялъ и, наклонившись къ лампѣ, сталъ закуривать, причемъ вспыхнувшая папироза освѣтила уже обыкновенное человѣческое лицо.

— Съ перепоею, оно дѣйствительно трудно, даже вполнѣ довольно утомительно, потому какъ вчера воскресенье было и праздникъ.

— Давно вы тутъ работаете?

— Да вотъ ужъ другой годъ маюсъ, жисти своей тутъ рѣшаюсь. На лѣто, конечно, уходимъ.

— И нынѣшнее лѣто уйдете?

— А то какже? Да, вѣдь, это милый человѣкъ, какъ иные проchie господа лѣтомъ на теплыя воды, али въ заграницу ѣздять, такъ нашъ братъ на работы. Какъ выльзешь это отсюда, о Господи! — кругомъ весна, солнышко-то матушка такъ и грѣеть, такъ и печетъ, ажъ глазамъ больно. Станешь на косовицу, али хлѣбъ пойдеть, въ артели пойдешь косить, работа веселая, взопрѣешь — рѣчущка, али ставокъ, выкупаешься, тутъ тебѣ прохлада, тутъ тебѣ благодать, и-и Боже мой! ляжешь это на спину, — онъ немного отпнулся спиной на нагруженные углемъ салазки, — и глядишь въ небо, и все глядишь въ небо, — и онъ слегка приподнялъ голову и поглядѣлъ въ черный потолокъ, — ажъ тебя слезой прошибетъ, а то иной разъ такъ и заснешь, и тверезый даже, не то чтобы выпимши. Главное — свѣту Божьяго не видать тутъ.

— За то отсюда заработокъ домой приносите.

— Нѣтъ, баринъ хорошій, никто ничего отсюда никогда не приносить.

— Какъ же, развѣ тутъ плохо платять?

— Нѣтъ, даже очень хорошо платять супротивъ другой работы, особливо, когда рабочіе уходить стануть, только все тутъ оставляемъ, все до послѣдней нитки: какъ пришелъ голый, такъ и уходишь голый. На заработки-то пойдешь на Кубань, али къ Бавказу, ужъ плохой да плохой годъ, а, глядишь, полусотку, али и всю сотню принесешь домой, а тутъ може и больше зарабатываетъ, а ни-

чего никогда не приносишь, все тутъ оставляемъ. Это, господинъ хорошій, сказка есть. Стоять два столба, и сказано на этихъ столбахъ: ежели направо—волкъ тебя съѣсть, ежели налѣво—звѣрь задавить, вотъ и выбирай, и все одно не минуешь: либо волкъ съѣсть, либо звѣрь задавить, такъ и здѣсь: какъ пришелъ въ порткахъ, такъ и уйдешь въ однихъ порткахъ, какъ ты тутъ ни вертись. Ужь какъ разъ попался сюда—шабашъ, аминь человѣку!

— Такъ зачѣмъ же пить?

— Эхъ, господинъ хорошій, непривычны вы,—ну, конечно, вамъ это въ диковину. Вотъ вы спрашиваете, зачѣмъ пить, а вы спросите, зачѣмъ мы Бога-Господа забыли, объ душѣ своей не думаемъ? Вотъ насъ тутъ въ рудникѣ тыщи двѣ работаетъ, спросите, который изъ насъ у обѣдни былъ, али говѣлъ? Церкви Божіи на што стоять? Кабаки-то мы знаемъ, на што. Какъ вылѣзешь, такъ прямо, сколько силы въ ногахъ, въ кабакъ, хучь праздникъ, хучь тебѣ Свѣтло-Христово Воскресенье, харю не обмоешь, натрескаешься и въ грязь. А почему? Може и самому зазорно, може и объ душѣ хочешь вспомнить, въ церковь сходилъ бы, помирать-то всё будемъ.

Онъ помолчалъ и понизилъ голосъ:

— Только намъ, баринъ, заклятіе положено.

— Какъ заклятіе? Отъ кого?

— Отъ Бога, извѣстно отъ кого.

— За что же проклятіе?

— Вотъ вы ученый человѣкъ, а спрашиваете,—онъ опять помолчалъ и потомъ проговорилъ съ разстановкой:—За то, что Бога обворовываемъ.

Я пристально посмотрѣлъ ему въ лицо.

— Бога обворовываемъ, говорю. Богъ что сказалъ? Плодитесь и размножайтесь, вотъ вамъ, говорить, всякіе злаки и произрастанія, а чего не нужно, въ землю схоронилъ, и схоронилъ не то что на, пришелъ, да взялъ, а схоронилъ, почитай, саженой на сто, а мы вотъ влѣзли, да вытаскиваемъ. Ну, конечно, Господь осерчалъ, да это хоть кому доведись. И сдѣлалъ положеніе: какъ спустился человѣкъ—шабашъ, не уйтить ему, тутъ и сгинеть. Гляди, иной рваться будетъ, за сколько сотъ верстъ на работы уходить, сколько времени пройдетъ, объ немъ ни слуху, ни духу, смотришь—анъ ужъ онъ опять тутъ, и все съ себя до нитки пропьетъ и станетъ заливать глотку, прямо сказать, душу продаетъ. Мы, вѣдь, свѣта Божьяго не видимъ: тутъ темъ, вылѣзешь, напьешься, отуманѣешь и ужъ ничего не видишь и не помнишь, покуда опять не

спустишься, такъ и проводимъ свою жизнь; чисто звѣрьми подѣлались. Господь и смерть свою у насъ отымаютъ: годъ, два пройдетъ, а тамъ, глядишь, либо голову разбило, либо водой залило, али засыплетъ, а то и цѣлый выйдешь коли, такъ ноги, руки сведетъ. Иной и десять, и двадцать лѣтъ проработаетъ, и губыть ничего, анъ, глядишь, въ руки, въ ноги вступитъ, его и свернуло, и кормить его изъ черепушечки, самъ ужъ и ложки держать не можетъ. Отъ Божьяго гнѣва не уйтить. Такъ-то-ся. Я вамъ, баринъ, расскажу случай какой вышелъ. Надъсь такъ-то трое пошли въ галерею, идуть, одинъ потушилъ лампу...

— Ефимга, какого же ты дьявола тамъ разговоры разговариваешь? Дѣло изъ-за тебя стоитъ!—и градъ самыхъ отборныхъ ругательствъ посыпался на него.

— Что же я собака, что ли, что и передохнуть нельзя?—огрызнулся Ефимъ.

Онъ торопливо докурилъ папиросу, надѣлъ ляжку, сталъ на четвереньки и, упираясь руками и ногами, потащилъ дальше; и опять съ его лица сбѣжало человѣческое выраженіе, и осталось лицо животного, изуродованное судорогами физическихъ усилій.

VII.

Я оглядѣлся кругомъ: штейгера съ товарищемъ не было видно; они, вѣроятно, были въ дальнемъ концѣ лавки. Рабочіе, зарубавшіе пласть, разбиравшіе уголь и вытаскивавшіе его къ выходу, красные дымные огни лампъ среди сизаго тумана и эта гладкая, мертвая поверхность надъ головой,—все это приобрѣло какое-то особенное значеніе, роковое и неизбѣжное. Страхъ, смутный и неопредѣленный, и ожиданіе несчастія совершенно мимо воли охватывали душу. Я полѣзь отыскивать своихъ. Неодолимое желаніе выбраться, уйти отсюда неотступно овладѣло мною.

Сидя на корточкахъ, штейгеръ объяснялъ пріятелю подробности работы, а тотъ слушалъ съ растеряннымъ и разочарованнымъ видомъ: вмѣсто ожидаемаго мрачнаго величія, все было просто и ужасно. Я облизнулъ ихъ, и мы одинъ за другимъ поползли къ выходу.

Рабочіе въ угрюмомъ молчаніи продолжали свое дѣло, то тамъ, то сямъ ползкомъ показываясь изъ синѣвшей мглы и не обращая на насъ никакого вниманія,—каждому было самому до себя.

Черезъ нѣсколько минутъ мы снова очутились въ пустынной галереѣ и, согнувшись, пошли пѣшкомъ. Свѣча у меня потухла и

мнѣ не хотѣлось дѣлать усиліе зажигать ее, и я слѣдилъ за свѣтлымъ кружкомъ лампы штейгера, скользя и спотыкаясь по мокрому плитняку. Доносившіеся глухіе удары и шорохъ осыпающагося угля давно смолкли позади насъ и мы шли среди могильной тишины, унося въ сознаніи впечатлѣніе оставленныхъ позади людей, угрюмое молчаніе и выраженіе тоски и напряженія на лицахъ.

Мы слѣдовали за штейгеромъ изъ одной галлерей въ другую и, вѣроятно, прошли уже около версты.

При дрогнувшемъ свѣтѣ лампы впереди смутно обрисовалось во мракѣ что-то странное и неопредѣленное, остававшееся безъ движенія. Былъ ли это выступъ пласта, или человекъ, — нельзя было разглядѣть.

По мѣрѣ того, какъ свѣтлый кружокъ лампы штейгера подвигался впередъ, въ темнотѣ выдѣлялись сколоченныя перекладинами полусгнившія доски, загораживая проходъ. Что-то живое и миниатюрное зашевелилось тамъ. Это оказался мальчигъ лѣтъ десяти. Онъ подбѣжалъ къ загораживавшимъ проходъ воротамъ и торопливо отворилъ ихъ. Вѣтеръ со свистомъ и колебля пламя вырвался съ той стороны, охватилъ насъ холодомъ и сыростью и понесся по галлерей.

— Иваська, это ты?

Мы остановились. Онъ стоялъ передъ нами, глядя на насъ своими наивными дѣтскими глазками. По этому проходу рѣдко гоняли вагоны и наше появленіе было для него цѣлымъ событіемъ. Онъ былъ приставленъ отворять и затворять ворота, регулировавшія токъ воздуха. Ему не давали лампы, чтобы не тратить даромъ керосина, и онъ по цѣлымъ часамъ сидѣлъ возлѣ воротъ среди молчанія и мрака и прислушивался къ шороху и паденію капель, невидимо пробиравшихся въ темнотѣ по стѣнамъ и монотонно и однообразно падавшихъ со свода, наводя уныніе и тоску. Дѣтская голова, руки и ноги просили работы, движенія, и онъ мялъ крошки угля и отковыривалъ кусочки отгнившей доски.

— Скучно тебѣ одному?

— Нѣтъ, оно не скучно, а только чижало на сердцѣ.

Онъ перевелъ на насъ свои дѣтскіе глаза и тоскливо улыбулся.

Мы постояли съ минуту, какъ будто намъ еще нужно было свазать что-то, и не находили, что, а потомъ пошли дальше. Слышно было, какъ затворились сзади ворота, и вокругъ снова водворилась мертвая тишина и непроницаемый мракъ неотступно слѣдовалъ сзади, съ боковъ, спереди. Мы шли теперь къ выходу и мнѣ хо-

тѣлось скорѣе воротиться *туда*, наверхъ, къ себѣ, къ своимъ занятіямъ, своей обстановкѣ, къ своимъ близкимъ. Я думалъ о томъ, день теперь *тамъ* или ночь, и представлялъ себѣ улицы, прохожихъ, дома, деревья, вокзалъ.

Мнѣ странно было, что я выберусь, наконецъ, изъ этого мрака, изъ этой обстановки, какъ будто я нѣсколько дней ѣхалъ на перекладныхъ среди грязи, слякоти и непогоды, не отдыхая, не раздѣваясь, и свылся со всѣми неудобствами дороги, и странно было, что скоро доѣду, и не нужно будетъ трястись и сидѣть въ сырomorphicъ платьѣ, не перемѣняя неудобнаго положенія.

Мы сворачивали куда-то вправо, потомъ влѣво, потомъ опять вправо, потомъ вышли въ какой-то широкій проходъ, гдѣ рельсы были проложены въ два пути, потомъ опять пошли по діагональному ходу, тѣсному и низкому, стучались головами, спотыкались и болтались въ водѣ, и я не зналъ, откуда и куда мы идемъ и въ какой сторонѣ оставленные нами работы, и машинально тащился за согнутою широкою фигурой молча пробиравшагося впереди штейгера, — все равно, въ концѣ-концовъ, мы должны же были придти къ выходу. Мы не попали на поѣздъ и намъ теперь все время нужно было идти пѣшкомъ.

«Нѣтъ, не скучно, а только чижало на сердцѣ», — все звучало среди темноты, и я старался не думать объ этомъ и отогнать выраженіе тоски и печали дѣтскихъ глазъ и представлялъ себѣ, какъ я заберусь въ кѣтку и она быстро пойдетъ мимо влажныхъ стѣнокъ сруба.

Долго, очень долго мы шли такимъ образомъ; вѣроятно, сдѣлали нѣсколько верстъ. Я не зналъ, возвращались ли мы прежнею дорогой, или штейгеръ велъ теперь насъ иными галлереями.

— А не желаете ли взглянуть на помѣщеніе для рабочихъ лошадей рудника? — проговорилъ онъ, приостанавливаясь и посвящая передъ собою лампой.

Первое, что я почувствовалъ, это — радостное облегченіе, такъ какъ зналъ, что конюшни были недалеко отъ выхода. Мы остановились. Единственное наше желаніе было — возможно скорѣе обратиться отсюда, но мы почему-то проговорили:

— Ну, что-жь, пойдете.

Штейгеръ подошелъ и отворилъ въ стѣнѣ небольшую дверь. Горячая атмосфера распареннаго навоза и многихъ десятковъ лошадиныхъ тѣлъ пахнула въ лицо и охватила специфическимъ запахомъ и тепломъ. Мы вошли. Около семидесяти лошадей стояло по станкамъ, слабо выдѣляясь крѣпами въ полутьмѣ. Онѣ были

сыты, съ лоснящеюся шерстью. Ихъ здѣсь отлично кормятъ и не переутомляютъ работой, но многія слѣпы. Лошади очень быстро теряютъ зрѣніе въ темнотѣ. Я прислушался: онѣ мѣрно и звучно жевали сѣно, и мнѣ припомнилось поле, потухающая заря, распряженный возъ при дорогѣ и этотъ спокойный и мѣрный звукъ пережевыванія, который всегда вызываетъ особенное состояніе спокойствія и отдыха. Бѣдныя животныя! Они уже никогда не увидятъ солнца, зелени, степного приволья и сложатъ свои кости въ этихъ мрачныхъ галлерейхъ.

Мы вышли и прошли на площадку къ подъему. Подошла клѣтка; всѣ усѣлись; откинулась желѣзная скоба и площадка съ людьми и со всѣмъ, что на ней было, мгновенно пропала вниз, а мы минуты съ двѣ оставались среди абсолютнаго мрака и, казалось, безъ всякаго движенія. Съ прежнимъ гуломъ и желѣзнымъ грохотомъ клѣтка ударилась о перекладины, но это уже не поразило такъ ухо, какъ въ первый разъ. Какъ только со стугомъ опустилась прихватившая клѣтку скоба, я выпрыгнулъ на полъ.

Въ окнахъ видѣлся слабый свѣтъ угасающаго дня, а вмѣстѣ съ нимъ надежда и призракъ возможнаго гдѣ-то счастья и радости проникли въ душу. Никогда дневной свѣтъ не производилъ такого впечатлѣнія, какъ теперь.

Мы торопливо переодѣлись и вышли. Въ воздухѣ стояла тишина лѣтняго вечера. Слабая полоса зари догорала на далекихъ небесахъ. Бое-гдѣ замерцали звѣзды. Этотъ тихій лѣтній вечеръ, дома, деревья, заборы, плетни, окна, вечерняя даль, затянутая легкою дымкой, — все это поразило меня особенною новизной, чѣмъ-то такимъ, чего я до сегодняшняго дня какъ будто не замѣчалъ. Мрачное, угрюмое зданіе осталось позади и почернѣвшая дымовая труба сумрачно высилась надъ нимъ, одиноко выдѣляясь на вечернемъ небѣ.

А. Серафимовичъ.

КАМО ГРЯДЕШИ? *)

(QUO VADIS).

Романъ изъ временъ Нерона.

Генрика Сенкевича.

VI.

Виницій едва успѣлъ приказать нѣсколькимъ невольникамъ слѣдовать за собою, вскочилъ на коня и, среди глубокой ночи, помчался по пустымъ улицамъ Антія по направленію къ Лауренту. Подъ вліяніемъ страшной вѣсти онъ впалъ въ безуміе и по временамъ не отдавалъ себѣ отчета, что съ нимъ творится. Онъ испытывалъ только одно чувство, что на томъ же самомъ конѣ, за его плечами, сидитъ горе, кричитъ ему въ уши: «Римъ горитъ!»—бьетъ хлыстомъ его самого и его коня и гонитъ ихъ въ этотъ огонь. Въ одной бѣлой туникѣ, приклонивши свою открытую голову къ конской головѣ, онъ мчался на-угадъ, не смотря впередъ и не обращая вниманія на преграды, о которыя могъ бы разбиться. Среди тишины, среди ночи, спокойной и звѣздной, всадникъ и конь, залитые лучами мѣсяца, производили впечатлѣніе какихъ-то сонныхъ видѣній. Идумейскій жеребецъ, прижавъ уши и вытянувъ шею, летѣлъ, какъ стрѣла, минуя неподвижные кипарисы и прячущіяся за ними бѣлыя виллы. Топотъ копытъ о каменные плиты пробуждалъ собакъ, которыя провожали лаемъ странное явленіе, а потомъ, встревоженные его неожиданностью, начинали выть, поднимая голову къ небу. Лошади невольниковъ Виниція были гораздо хуже и вскорѣ остались позади. Виницій какъ буря промчался черезъ спящій Лаурентъ и повернулъ къ Ардеѣ, въ которой, также какъ въ Ариціи, въ Бовиллахъ и Устринѣ, держалъ подставныхъ лошадей, чтобы

*) *Русская Мысль*, кн. X.

имѣть возможность какъ можно скорѣе проѣхать пространство, отдѣляющее его отъ Рима. Помня объ этомъ, онъ напрягалъ всѣ силы своего коня. За Ардеей ему показалось, что небо на сѣверо-восточной сторонѣ горизонта покрывается розовымъ отблескомъ. То могла быть и заря,—часъ былъ поздній, а день въ июль начинается рано. Но Виницій не могъ удержать крика отчаянія и бѣшенства,—ему показалось, что это зарево пожара. Припомнились ему слова Леканія: «весь городъ—одно море огня», и съ минуту онъ чувствовалъ, что ему грозитъ окончательное помѣшательство, потому что совершенно потерялъ надежду не только спасти Лигію, но даже достичь Рима, прежде чѣмъ весь городъ не обратится въ одну кучу пепла. Мысли его стали быстрѣе хода коня и летѣли впередъ, какъ стая черныхъ птицъ,—отчаянныя и уродливыя. Правда, онъ не зналъ, кабая часть города начала горѣть, но предполагалъ, что Затибрскій кварталъ, тѣсный, скученный, съ его складами дерева, лавками и деревянными сараями, въ которыхъ продавали невольниковъ, первый можетъ сдѣлаться жертвою пламени. Въ Римѣ пожары случались довольно часто, и точно также часто дѣло доходило до грабежей и насилій, въ особенности въ кварталахъ, населенныхъ людьми бѣдными и на половину варварскими. Что же могло происходить въ Затибрской части города, въ этомъ гнѣздѣ голытьбы, собравшейся со всѣхъ сторонъ свѣта? Въ головѣ Виниція промелькнулъ образъ Урса съ его нечеловѣческой силой, но что могъ бы сдѣлать не только человѣкъ, но даже титанъ, противъ разрушающей силы огня? Опасеніе возмущенія невольниковъ также было угрозой, которая уже издавна душила Римъ. Говорили, что сотни тысячъ рабовъ мечтаютъ о временахъ Спартака¹⁾ и ждутъ только удобной минуты, чтобы взяться за оружіе противъ притѣснителей и города. Минута подошла. Быть можетъ, что тамъ, въ городѣ, на ряду съ пожаромъ кипитъ рѣзня и война. Можетъ быть, преторіанцы бросились на городъ и рѣжутъ жителей по приказанію цезаря. И вдругъ отъ ужаса волосы встали дыбомъ на головѣ Виниція. Онъ припомнилъ всѣ разговоры о пожарѣ городовъ,—разговоры, которые съ такимъ удивительнымъ упорствомъ велись при дворѣ цезаря, припомнилъ его жалобы, что онъ долженъ описывать горящій городъ, тогда какъ не видалъ настоящаго пожара, его презрительный отвѣтъ Тигеллину, который брался поджечь Антію или нарочно выстроенный деревянный городъ, наконецъ, его жалобы на Римъ и зловонные загоулки Субуры. Да, это цезарь приказалъ

1) Спартакъ—гладіаторъ, поднявшій въ 73 г. до Р. Х. возстаніе рабовъ.

поджечь городъ. Онъ одинъ могъ отважиться на это такъ же, какъ одинъ Тигеллинъ могъ взяться за исполненіе подобнаго приказа. А если Римъ горитъ по приказанію цезаря, то кто можетъ ручаться, что и населеніе не будетъ вырѣзано также по его приказанію? Чудовище было способно и на такое дѣяніе. И такъ, пожаръ, возмущеніе невольниковъ и рѣзня! Какой страшный хаосъ, какое владычество разрушительныхъ стихій, и среди всего этого Лигія! Стоны Виниція примѣшались къ стонамъ и храпѣнью коня, который напрягалъ остатки силъ на дорогѣ, все время идущей въ гору вплоть до Ариціи. Кто вырветъ ее изъ горящаго города, кто можетъ спасти ее? Виницій совсѣмъ легъ на лошадь, впился пальцами въ волосы и отъ боли готовъ былъ кусать конскую шею. Въ это время какой-то всадникъ, мчавшійся, какъ вихрь, но только съ противоположной стороны, проѣзжая мимо Виниція, крикнулъ: «Римъ гибнетъ!»—и поскакалъ дальше. До слуха Виниція долетѣло еще только одно слово: «Боги!»—остальное заглушилъ топотъ копытъ. Это слово отрезвило его. Боги!... Виницій поднялъ голову, и, простирая руки къ небу, усѣянному звѣздами, началъ молиться. «Не васъ призываю я, которыхъ храмы горятъ теперь, а Тебя!... Ты самъ страдаешь... Ты одинъ милосердъ, Ты одинъ понимаешь человѣческое горе! Ты пришелъ въ міръ, чтобы научить людей состраданію, окажи же его теперь. Если Ты таковъ, какъ говорятъ Петръ и Павелъ, то спаси Лигію. Возьми ее на руки и вынеси изъ пламени. Ты можешь сдѣлать это. Отдай ее мнѣ, а я отдамъ Тебѣ свою кровь. А если Ты не захочешь сдѣлать этого для меня, то сдѣлай для нея. Она любитъ Тебя и вѣритъ въ Тебя. Ты обѣщаешь послѣ смерти жизнь и счастье, но посмертное счастье не минуетъ, а Лигія еще не хочетъ умирать. Дай ей жить. Возьми ее на руки и вынеси изъ Рима. Ты можешь сдѣлать это, а если бы не хотѣлъ...»

Онъ остановился. Дальнѣйшая молитва могла обратиться въ угрозу, а Виницій боялся обидѣть Божество въ ту минуту, когда больше всего нуждался въ Его милости и состраданіи. Онъ испугался при одной мысли объ этомъ, и чтобы не допустить въ голову ни малѣйшей тѣни угрозы, снова началъ погонять коня, тѣмъ болѣе, что бѣлыя стѣны Ариціи, которая лежала на половинѣ пути, уже показались при свѣтѣ луны. Вотъ и храмъ Меркурія, въ рошѣ около города. Вѣроятно, и здѣсь знали о несчастіи, потому что около храма было необычное движеніе. Виницій, проѣзжая, видѣлъ на ступеняхъ и между колоннами толпы людей, которые стремились найти охрану подъ покровительствомъ бога. Дорога уже не была такъ пуста, какъ за Ардеєю. Правда, народъ стекался въ рошу по

бжовымъ тропинкамъ, но и на главной дорогѣ стояли кучки, которыя поспѣшно разступались передъ скачущимъ всадникомъ. Изъ города доходилъ говоръ многихъ голосовъ. Виницій ворвался въ него, опрокинулъ и помялъ нѣсколько человекъ. Вокругъ него раздавались крики: «Римъ горитъ! городъ объять огнемъ! Боги, спасите Римъ!»

Божъ споткнулся, но, остановленный желѣзною рукой, осѣлъ на заднія ноги передъ постояннымъ дворомъ, въ которомъ Виницій держалъ другую подставную лошадь. Невольники, какъ бы ожидая прибытія господина, стояли передъ дверью и бросились въ перегонку, чтобы привести новую лошадь, а Виницій, завидѣвъ отрядъ изъ десяти конныхъ преторіанцевъ, которые, очевидно, ѣхали въ Антію, подскочилъ къ нимъ и началъ разспрашивать:

— Какая часть города горитъ?

— Кто ты?—спросилъ начальникъ отряда.

— Виницій, военный трибунъ и августіанинъ. Отвѣчай, если тебѣ дорога твоя голова!

— Господинъ, пожаръ вспыхнулъ въ лавкахъ близъ Большого цирка. Когда насъ выслали, середина города была въ огнѣ.

— А затибрскіе кварталы?

— До сихъ поръ огонь еще не дошелъ туда, но съ неудержимою силой охватываетъ все новыя части. Люди гибнутъ отъ жара и дыма, никакое спасеніе невозможно.

Въ эту минуту Виницію подали свѣжаго коня. Молодой трибунъ вскочилъ на него и поскакалъ дальше.

Теперь онъ ѣхалъ къ Альбану, минуя Альбалонгу и ея великолѣпное озеро. Дорога отъ Ариціи шла въ гору, которая совершенно закрывала горизонтъ и лежащій по другую сторону Альбанъ. Виницій, однако, зналъ, что, поднявшись наверхъ, онъ увидитъ не только Бовиллы и Устринъ, въ которомъ его ожидали новыя лошади, но и Римъ,—за Альбаномъ по обѣимъ сторонамъ дороги Аппія тянулась ровная, низменная Кампанья, по которой къ городу бѣжали только армады водопроводовъ и ничто другое не заслоняло вида.

«Сверху я увижу огонь»,—повторялъ себѣ Виницій и снова начиналъ погонять коня.

Но, прежде чѣмъ онъ достигъ вершины горы, дыханіе жгучаго вѣтра обожгло его лицо и запахъ дыма ударилъ ему въ носъ. Въ это время и верхушка горы начала золотиться.

«Зарево!»—подумалъ Виницій.

Ночь блѣднѣла уже давно, на всѣхъ ближайшихъ пригоркахъ

играли такіе же золотые и розовые отблески, которые могли одинаково происходить и отъ пожара, и отъ зари. Наконецъ, Виницій добрался до возвышенности и страшный видъ поразилъ его глаза.

Вся равнина была покрыта дымомъ, образующимъ одну гигантскую, низко лежащую тучу, въ которой исчезали города, акведуки, виллы, деревья, а въ концѣ этой сѣрой, огромной площади горѣлъ седмиколенный городъ.

Но пожаръ не имѣлъ формы огненнаго столба, какъ это бываетъ, когда горитъ сколько-нибудь большое строеніе. Скорѣе, это была длинная лента, напоминающая предразсвѣтную зарю.

Надъ этою лентой клубился густой валъ дыма, мѣстами совершенно черный, мѣстами отливающій розовымъ и кровавымъ цвѣтомъ, вздутый, густой и клубящійся, какъ змѣя, которая то сжимается, то вытягивается. Этотъ чудовищный валъ по временамъ такъ закрывалъ огненную ленту, что она становилась узкою, какъ тесемка, но по временамъ и она озаряла его снизу, обращая его нижніе слои въ огненные волны. И все это тянулось съ конца до конца горизонта, охватывая его такъ, какъ иногда охватываетъ линія лѣса. Сабинскихъ горъ совсѣмъ не было видно.

Виницію при первомъ взглядѣ показалось, что горитъ не только городъ, но и весь міръ, и что никакое живое существо не можетъ спастись отъ этого океана огня и дыма.

Со стороны пожара дулъ все болѣе сильный вѣтеръ и доносилъ запахъ гари и туманъ, который началъ окутывать даже дальнѣйшіе предметы. Наступилъ день и солнце освѣтило горы, окружающія Альбанское озеро, но свѣтло-золотые лучи утра, просвѣчивая сквозь туманъ, казались какими-то красноватыми и болѣзненными. Виницій, спускаясь къ Альбану, вѣзжалъ въ область дыма все болѣе густую и менѣе проницаемую. Самъ городокъ былъ также совершенно окутанъ дымомъ. Встревоженные жители выбѣгали на улицу. Страшно было подумать, что дѣлается въ Римѣ, когда и здѣсь было трудно дышать.

Отчаяніе снова овладѣло Виниціемъ и ужасъ вновь началъ поднимать дыбомъ волосы на его головѣ. Онъ пробовалъ успокоить себя, насколько могъ. «Невозможно, — думалъ онъ, — чтобы весь городъ началъ горѣть сразу. Вѣтеръ дуетъ съ сѣвера и относитъ дымъ только въ эту сторону. На другой сторонѣ его нѣтъ. Затибрская часть, отдѣленная рѣкой, можетъ быть, совсѣмъ уцѣлѣла, и, во всякомъ случаѣ, Урсу и Лигіи будетъ достаточно пробраться чрезъ Яникульскія ворота, чтобы избѣжать опасности. Невозможно и то, чтобы погибло все населеніе и чтобы городъ, который вла-

дѣтъ міромъ, былъ бы стертъ, вмѣстѣ со своими жителями, съ лица земли. Даже въ осажденныхъ городахъ, когда огонь и рѣзня угрожаютъ въ одинаковой степени, нѣкоторое количество людей всегда остается въ живыхъ, почему же Лигіи непременно нужно погибнуть? Вѣдь, охраняетъ же ее Богъ, который самъ побѣдилъ смерть?» И онъ снова началъ молиться и, по своему обыкновению, приносилъ Христу обѣты и обѣщался принести многія жертвы. Проѣхавъ Альбанъ, все населеніе котораго сидѣло на крышахъ и деревьяхъ для того, чтобы смотрѣть на Римъ, онъ немного успокоился и сталъ разсудительнѣе смотрѣть на вещи. Вѣдь, Лигію охраняютъ не только Урсъ и Линнъ, но и апостоль Петръ. Виницій вспомнилъ объ апостолѣ и новая надежда вступила въ его сердце. Петръ всегда представлялся ему существомъ непонятнымъ, чуть ли не сверхъестественнымъ. Съ той минуты, когда онъ услышалъ Петра въ первый разъ въ Остраніи, у него осталось странное впечатлѣніе (онъ объ этомъ писалъ Лигіи изъ Антіи), что всякое слово этого старца—правда или должно сдѣлаться правдою. Болѣе близкое знакомство, которое онъ свелъ съ апостоломъ во время болѣзни, еще болѣе усилило это впечатлѣніе, которое потомъ перешло въ непоколебимую вѣру.

И такъ, коль скоро Петръ благословилъ его любовь и обѣщалъ ему Лигію, то Лигія не могла погибнуть въ пламени. Городъ можетъ сгорѣть, но ни одна искра не падетъ на ея одежду. Подъ вліяніемъ безсонной ночи, бѣшеной скачки и волненія Виниціи чувствовалъ, какъ имъ овладѣваетъ странная экзальтація, при которой ему кажется все возможнымъ: Петръ осѣнитъ огонь крестнымъ знаменемъ, раздѣлитъ его однимъ словомъ и они пройдутъ невредимо посреди огненной аллеи. Кромѣ того, Петръ зналъ будущее, а въ такомъ случаѣ какъ бы ему не предостеречь и не вывести изъ города христіанъ, а въ томъ числѣ и Лигію, которую онъ любилъ, какъ родную дочь?

И все большая надежда начала вступать въ сердце Виниціи. Онъ подумалъ, что если они бѣгутъ, то онъ можетъ найти ихъ въ Бовиллахъ или встрѣтить по дорогѣ. Можетъ быть, вотъ еще минута, и дорогое лицо покажется изъ-за дыма, что все гуще и гуще начинается разстилаться надъ Кампаньей.

Виницію это показалось тѣмъ болѣе правдоподобнымъ, что по дорогѣ ему попадалось все больше людей, которые, оставивъ городъ, вѣхали въ Альбанскія горы, чтобы, спасаясь отъ огня, выбраться, наконецъ, и изъ области дыма. Не доѣзжая до Устрина, онъ долженъ былъ замедлить ходъ коня, потому что вся дорога

была загромождена. Рядомъ съ пѣшими, несущими на плечахъ свои пожитки, видѣлись нагруженные лошади, мулы, телѣги, наконецъ, и носилки съ болѣе зажиточными гражданами. Устринъ былъ такъ набитъ спасающимися изъ Рима, что черезъ толпу трудно было протискаться. Рынокъ, пространство подъ колоннами храмовъ, улицы, — все было полно народа. Кое-гдѣ уже начали разбивать палатки, подъ которыми искали пристанища цѣлыя семейства. Другіе расположились подъ открытымъ небомъ, крича, призывая боговъ или проклиная судьбу.

Среди всеобщаго ужаса трудно было разспросить о чемъ-нибудь. Люди, къ которымъ обращался Виницій, или совсѣмъ не отвѣчали ему, или, поднимая на него глаза, полуобезумѣвшіе отъ страха, говорили, что городъ погибаетъ, а вмѣстѣ съ нимъ и весь міръ. Со стороны Рима каждую минуту наплывали новыя толпы мужчинъ, женщинъ и дѣтей, которые еще болѣе усиливали всеобщее замѣшательство. Одни отчаянно кричали, потерявъ своихъ ближнихъ, другіе дрались за мѣста. Кучки полудикихъ пастуховъ изъ Кампаніи тоже появились въ городѣ, въ надеждѣ на добычу среди всеобщей суматохи. Тамъ и здѣсь шайки невольниковъ разныхъ національностей и гладіаторовъ начали грабить дома и виллы и драться съ солдатами, которые выступили на защиту жителей. Возлѣ постоялаго двора Виницій увидалъ сенатора Юнія, окруженнаго батавскими невольниками, обратился къ нему и тотъ первый сообщилъ ему свѣдѣнія о пожарѣ. Пожаръ дѣйствительно начался у Большого цирка, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ прилегаетъ къ Палатину и холму Целія, но съ непонятною быстротой распространился такъ, что охватилъ всю середину города. Со временъ Бренна ¹⁾ городъ еще не переживалъ такого страшнаго несчастія. «Циркъ сгорѣлъ весь, также какъ и окружающіе его лавки и дома, — говорилъ Юній, — Авентинъ и Целій въ огнѣ. Огонь окружилъ Палатинъ и перешелъ на Барины».

На Баринахъ у сенатора была великолѣпная «инсула», полная произведеній искусства, которое онъ страстно любилъ. Старикъ зачерпнулъ горсть пыли, посыпалъ ею голову и отчаянно застоналъ.

Виницій схватилъ его за плечи.

— И мой домъ на Баринахъ, — сказалъ онъ, — но когда все гибнетъ, то пусть и онъ погибаетъ.

Онъ вспомнилъ, что Лигія могла послѣдовать его совѣту и переселиться въ домъ Авла, и спросилъ:

¹⁾ Бреннъ — предводитель Галловъ, взявшій Римъ въ 390 г. до Р. X.

— А vicus Patricius?

— Горить! — отвѣтил Юній.

— А Затибрская часть?

Юній съ изумленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Что тамъ Затибрская часть! — отвѣтил онъ и сжалъ ладонями свои наболѣвшіе виски.

— Мнѣ Затибрская часть нужна больше, чѣмъ весь Римъ! — порывисто крикнулъ Виницій.

— Туда ты проберешься развѣ только черезъ *via Portuensis*, потому что у Авентина тебя задушитъ жаръ. Затибрская часть? Не знаю. Огонь не долженъ былъ бы дойти туда, но не дошелъ ли уже теперь, — однимъ богамъ извѣстно.

Юній съ минуту колебался, потомъ понизилъ голосъ и сказалъ:

— Я знаю, ты не измѣнишь мнѣ, и поэтому я скажу тебѣ, что это не обыкновенный пожаръ. Циркъ не дозволили спасать. Я самъ слышалъ. Когда окружающіе его дома начали горѣть, тысячи голосовъ кричали: «Смерть спасающимъ!» Какіе-то люди бѣгаютъ по городу и бросаютъ въ дома горящія факелы. Съ другой стороны, народъ волнуется и кричитъ, что городъ горитъ по чьему-то приказанію. Больше я ничего не скажу. Горе городу, горе всѣмъ намъ и мнѣ! Что тамъ творится, того языкъ человѣческій не выразить. Люди гибнутъ въ огнѣ или убиваютъ другъ друга въ свалкѣ. Ко-нецъ Риму!

И онъ началъ повторять: «Горе! Горе городу и намъ!» — но Виницій вскочилъ уже на коня и двинулся впередъ по дорогѣ *Аппія*, но ѣхать впередъ было трудно, — на встрѣчу ему текла изъ города рѣка людей и колесницъ. Римъ теперь лежалъ передъ Виниціемъ, какъ на ладони, весь обятый чудовищнымъ пожаромъ. Отъ моря огня струился страшный жаръ и голоса людей не могли заглушить свиста и шипѣнія пламени.

VI.

По мѣрѣ того, какъ Виницій приближался къ городскимъ стѣнамъ, оказывалось, что легче было доѣхать до Рима, чѣмъ пробраться въ его середину. По дорогѣ *Аппія* нельзя было ѣхать, — столько было на ней народу. Дома, поля, кладбища, сады и храмы, лежащія по обѣимъ ея сторонамъ, обратились въ лагери. Въ храмѣ Марса, находящемся у самой *Porta Appia*, народъ выбилъ двери, чтобы найти пристанище на ночь. На кладбищахъ захватывали большіе мавзолеи и вели за нихъ борьбу, которая доходила до крово-

пролитія. Устринъ со своимъ безпорядкомъ лишь въ самой слабой степени предсказывалъ то, что дѣлается подъ стѣнами самого города. Исчезло всякое уваженіе къ праву, къ сану, къ родственной связи, къ различію положенія, невольники били палками гражданъ, гладиаторы, упившіеся виномъ, награбленнымъ въ Эмпоріи, соединившись въ большія шайки, съ дикими криками бѣгали по придорожнымъ полянамъ, расталкивали, мяли и грабили народъ. Множество варваровъ, выставленныхъ на продажу въ городѣ, бѣжало изъ своихъ деревянныхъ сараевъ. Пожаръ и гибель города являлись для нихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, концомъ неволи и минутой отищенія, и когда осыдлое населеніе, которое теряло свое послѣднее достояніе, съ отчаяніемъ простирало руки къ богамъ, варвары съ радостнымъ воемъ расталкивали народъ, срывали съ его плечъ одежду и похищали болѣе молодыхъ женщинъ. Къ нимъ присоединились невольники, давно уже служащіе въ Римѣ, бѣдники, на тѣлѣ у которыхъ не было ничего, кромѣ шерстяной опояски вокругъ бедеръ, страшныя фигуры изъ глухихъ закоулковъ, которыя днемъ не показывались на улицахъ и о существованіи которыхъ въ Римѣ трудно было догадаться. Эти сборища, состоящія изъ азіатцевъ, африканцевъ, грековъ, еракійцевъ, германцевъ и британцевъ, болтающія на всѣхъ языкахъ, дикія и разнузданныя, доходили до безумія, думая, что подошла минута, когда они могутъ вознаградить себя за долгіе годы страданія и нужды. Среди этой расколыхавшейся толпы, въ блескѣ дня и пожара, мелькали шлемы преторіанцевъ, подъ защитой которыхъ прятались болѣе мирные граждане и которые въ иныхъ мѣстахъ должны были сами дѣлать нападеніе на озвѣрѣвшій сбродъ. Виницій видѣлъ на своемъ вѣку осажденные города, но никогда его глаза не смотрѣли на зрѣлище, въ которомъ отчаяніе, слезы, боль, стоны, дикая радость, безуміе, бѣшенство и разнузданность смѣшивались бы вмѣстѣ въ такой неизмѣримый хаосъ. А надъ этою волнующеюся, обезумѣвшею толпой гудѣлъ пожаръ, и величайшій въ мірѣ городъ горѣлъ на своихъ холмахъ, охватывая смятенный народъ своимъ огненнымъ дыханіемъ и окутывая его клубами дыма, сквозь которые не видно было лазури неба. Молодой трибунъ съ величайшимъ усиліемъ, каждую минуту рискуя жизнью, наконецъ, добрался до воротъ Аппія, но увидалъ, что черезъ кварталъ Porta Carpena пройти въ городъ ему помѣшаетъ не только толпа, но и страшный жаръ, отъ котораго, даже за воротами, дрожалъ весь воздухъ. Мостъ при Porta Trigēnia, противъ храма Вонае Деае, еще не существовалъ, и для того, чтобы перебраться черезъ

Тибръ, нужно было дойти до pons Sublicius¹⁾, а путь пролегалъ мимо Авентина, то - есть черезъ кварталъ, залитый сплошнымъ моремъ пламени. Это было рѣшительно невозможно. Виницій понималъ, что долженъ возвратиться назадъ, свернуть съ дороги Аппія, переѣхать рѣку ниже города и пройти на via Portuensis, которая вела прямо въ Затибрскую часть. Но и это было не легко, — на дорогѣ Аппія суতোлка еще болѣе усилилась. Приходилось очищать себѣ дорогу чуть ли не мечомъ, а оружія у Виниція не было, — онъ выѣхалъ изъ Антія такъ, какъ его застала вѣсть о пожарѣ. Но при источникѣ Меркурія онъ увидалъ знакомаго центуриона преторіанцевъ, который, во главѣ нѣсколькихъ десятковъ людей, охранялъ доступъ въ предѣлы святилища, и приказалъ ему ѣхать за собой. Тотъ узналъ трибуна и августианина и не посмѣлъ противиться его приказанію.

Виницій самъ взялся управлять отрядомъ и, забывъ на это время ученіе Павла о любви къ ближнему, давилъ толпу съ поспѣшностью, губельною для тѣхъ, кто не успѣлъ въ это время посторониться. Его преслѣдовали проклятія и градъ камней, но онъ не обращалъ на это вниманія, — ему нужно было какъ можно скорѣе выбраться на свободное мѣсто. Но подвигаться впередъ можно было только съ величайшимъ усиліемъ. Люди, которые уже расположились на стоянку, не хотѣли уступать солдатамъ дороги и вслухъ проклинали цезаря и преторіанцевъ. Въ иныхъ мѣстахъ толпа принимала грозное обличье. До слуха Виниція доходили голоса, обвиняющіе Нерона въ поджогъ города. Совершенно открыто грозили смертью и ему, и Поппеѣ. Крики: «saunio», «histrionis»²⁾, «матерубійца», раздавались со всѣхъ сторонъ. Одни предлагали тащить его въ Тибръ, другіе кричали, что Римъ достаточно выказалъ терпѣнія. Было видно, что эти угрозы легко могутъ перейти въ открытый бунтъ, который можетъ вспыхнуть каждую минуту, если найдется предводитель. Пока бѣшенство и отчаяніе толпы обращалось противъ преторіанцевъ, которые не могли выбраться изъ тѣсноты еще и потому, что дорогу имъ преграждали кучи вещей, наскоро-спасенныхъ изъ пожара: сундуки и ящики съ живностью, посуда, дѣтскія колыбели, кровати, колесницы и носилки. Тамъ и здѣсь дѣло доходило до столкновенія, но преторіанцы быстро справлялись съ безоружною толпой. Виницій съ трудомъ пересѣкъ дороги Латинскую, Нумидійскую, Лувинійскую, Остійскую, минуя виллы, сады, кладбища и храмы, и, наконецъ, добрался до селенія,

¹⁾ Свайный мостъ.

²⁾ Шутъ, актеръ.

называемаго Vicus Alexandri, за которымъ и переправился черезъ Тибръ. Здѣсь было свободнѣе, воздухъ не такъ былъ насыщенъ дымомъ. Отъ бѣгущихъ,—недостатка въ нихъ и здѣсь не было,—онъ убѣдился, что только немногіе переулки Затибрской части объята пожаромъ, но, конечно, ничто не устоитъ предъ могуществомъ огня, тѣмъ болѣе, что появились люди, которые поджигаютъ умышленно, не дозволяютъ отстаивать загорѣвшіеся дома и объявляютъ, что они дѣлаютъ это по чьему-то приказанію. У молодого трибуна теперь не было уже ни малѣйшаго сомнѣнія, что цезарь, дѣйствительно, приказалъ поджечь Римъ, и месть, о которой взывала толпа, показала ему резонной и справедливой. Что большее могъ бы сдѣлать Митридатъ или кто-нибудь изъ самыхъ яростныхъ враговъ Рима? Чаша переполнилась, безуміе стало черезъ-чуръ чудовищнымъ, а при немъ человѣческая жизнь—совершенно невозможною. И Виницій вѣрилъ, что минута Нерона пробила, что развалины, въ которыя обращается городъ, должны раздавить чудовищнаго шута вмѣстѣ со всѣми его преступлениями. Если бы нашелся мужъ достаточно смѣлый, чтобы стать во главѣ пришедшаго въ отчаяніе народа, то это могло бы случиться въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Смѣлыя и мстительныя мысли начали зарождаться въ головѣ Виниція. А еслибъ это сдѣлалъ онъ? Родъ Виниціевъ, который до послѣднихъ временъ насчитывалъ цѣлые ряды консуловъ, былъ извѣстенъ во всемъ Римѣ. Толпѣ нужно было какое-нибудь имя. Однажды, по поводу обреченія на смерть четырехсотъ невольниковъ Педанія Секунда, дѣло чуть не дошло до бунта и междуусобной войны,—такъ что же бы сдѣлалось теперь, предъ лицомъ страшнаго несчастія, превышающаго все, что видѣлъ Римъ за послѣдніе восемь вѣковъ? Кто призоветъ къ оружію квиритовъ,—думалъ Виницій,—тотъ низвергнетъ Нерона и самъ облачится въ пурпуръ. Почему бы ему не сдѣлать этого? Онъ былъ болѣе крѣпокъ, храбръ и молодъ, чѣмъ другіе августіане... Правда, въ распоряженіи Нерона было тридцать легіоновъ, стоящихъ на границахъ государства, но развѣ и эти легіоны и ихъ предводители не возмутятся при вѣсти о сожженіи Рима и его храмовъ? А въ такомъ случаѣ онъ, Виницій, могъ бы сдѣлаться императоромъ. Вѣдь, среди августіанъ шептали, что какой-то предсказатель предвѣщалъ пурпуръ Отону? Чѣмъ же онъ хуже Отона? Можетъ быть, и Христось помогъ бы ему Своимъ божественнымъ всемогуществомъ, можетъ быть, это Его внушеніе? «О, еслибъ это было такъ!»—взывалъ въ душѣ Виницій. Тогда онъ отомстилъ бы Нерону за опасность, которой подвергалась Лигія, и за свои тревоги, водворилъ бы справедливость и правду, распростра-

нилъ бы ученіе Христа отъ Евфрата до туманныхъ береговъ Британіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ облегъ бы пурпуромъ Лигію и сдѣлалъ бы ее владычицей всей земли.

Но эти мысли, промелькнувшія въ его головѣ, какъ снопъ искръ отъ горящаго дома, и угасли, какъ искры. Прежде всего, нужно было спасать Лигію. Бѣда теперь стояла прямо передъ Виниціемъ, и страхъ снова охватилъ его, а при видѣ моря огня и дыма, при вѣроятности столкнуться со страшною дѣйствительностью, вѣра въ то, что апостоль Петръ спасетъ Лигію, совсѣмъ замерла въ его груди. Отчаяніе опять объяло его и, выбравшись на *via Portuensis*, ведущую прямо въ Затибрскую часть Рима, онъ впалъ въ какое-то безчувствіе и опомнился лишь у воротъ, когда ему повторили то, что онъ уже раньше слышалъ отъ бѣгущихъ, что большая часть затибрскихъ кварталовъ не была еще объята пожаромъ, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ огонь уже перекинуло черезъ рѣку. Но и Затибрская часть была вся окутана дымомъ и наполнена народомъ, черезъ который пробраться было не легко, — у кого было больше времени, тотъ старался взять съ собою болѣе вещей. Самая главная дорога, Портовая, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ была совершенно завалена ими, а около Навмахіи Августа возвышались цѣлыя груды всякой рухляди. Болѣе тѣсные переулки, въ которыхъ дымъ скоплялся гуще, были совершенно непроходимы. Жители бѣжали изъ нихъ тысячами, и Виницій по дорогѣ видѣлъ ужасающія картины. Не разъ два теченія, направляющіяся съ противоположныхъ сторонъ, столкнувшись въ узкомъ проходѣ, напирала другъ на друга и вступали въ смертельную борьбу. Люди дрались и топтали другъ друга. Семейства разсыпались въ разныя стороны, матери отчаянно призывали дѣтей. У Виниція волосы встали дыбомъ при одной мысли о томъ, что должно происходить въ мѣстахъ болѣе близкихъ къ огню. Среди крика и шума трудно было расспрашивать о чемъ-нибудь. По временамъ изъ-за рѣки наплывали волны дыма, такія черныя и тяжелыя, что онѣ катились по самой землѣ, окутывая дома, людей и всѣ предметы такъ, какъ ихъ окутываетъ ночь. Но вѣтеръ, поднятый пожаромъ, развѣвалъ ихъ, и тогда Виницій могъ подвигаться дальше, къ переулку, въ которомъ находился домъ Линна. Духота іюльскаго дня, увеличенная жаромъ, бьющимъ отъ горящихъ частей города, сдѣлалась невыносимою. Дымъ ѣлъ глаза, груди не хватало воздуха. Даже и тѣ жители, которые надѣялись, что огонь не перейдетъ черезъ рѣку, и остались въ своихъ домахъ, начали покидать ихъ, и давка увеличивалась съ каждою минутой. Преторіанцы, сопровождавшіе Виниція, остались позади. Кто-то

ранилъ молотомъ его коня и тотъ началъ мотать окровавленную головой, становиться на дыбы и совершенно отказывался слушаться всадника. Народъ узналъ его по богатой туникѣ августианина и тотчасъ вокругъ раздались крики: «Смерть Нерону и его поджигателямъ!» Наступила минута грозной опасности,—сотни рукъ уже простерлись къ Виницію, но испуганный конь рванулся, вынесъ его изъ толпы, а тутъ подоспѣла новая волна черного дыма и окутала мракомъ всю улицу. Виницій увидалъ, что верхомъ ему не проѣхать, соскочилъ на землю и побѣжалъ пѣшкомъ, проскальзывая около стѣнъ или выжидая минуты, чтобы встрѣчная толпа миновала его. Въ глубинѣ души онъ говорилъ себѣ, что это тщетныя усилія. Лигія могло уже не быть въ городѣ, она могла спастись бѣгствомъ, да и вообще легче отыскать иголку на берегу моря, чѣмъ кого-нибудь въ этой сумятицѣ и хаосѣ. Но Виницій хотѣлъ хоть цѣною жизни добраться до дома Линна. По временамъ онъ останавливался и протиралъ глаза. Оторвавъ кусокъ туники, онъ закрылъ имъ носъ и ротъ и бѣжалъ дальше. По мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ рѣкѣ, духота страшно увеличивалась. Виницій, зная, что пожаръ начался у Большого цирка, сначала думалъ, что жаромъ вѣетъ отъ его развалинъ, отъ *Forum Voarium* и *Velabrum*,—они стоятъ недалеко и также должны быть охвачены пламенемъ, но кто-то,—последній, кого Виницій встрѣтилъ, старикъ на костыляхъ,—крикнулъ ему: «Не приближайся къ мосту Цестія, весь островъ въ огнѣ!» Дѣйствительно, дальше нельзя было заблуждаться. На заворотѣ къ *Vicus Judeorum*, на которомъ стоялъ домъ Линна, молодой трибунъ увидалъ, какъ пламя пробивается сквозъ тучу дыма; горѣлъ не только островъ, но и вся Затибрская часть, по крайней мѣрѣ, другой конецъ переулка, въ которомъ жила Лигія.

Виницій вспомнилъ, что домъ Линна окруженъ садомъ, за которымъ, со стороны Тибра, находилось небольшое незастроено, поле. Эта мысль оживила его надежды. Огонь могъ остановиться дойдя до пустого мѣста. И трибунъ бѣжалъ дальше, хотя каждое дуновение вѣтра доносило до него не только дымъ, но и тысячи искръ, отъ которыхъ могъ начаться пожаръ въ другомъ концѣ переулка и отрѣзать ему выходъ.

Наконецъ, сквозъ мгlistую занавѣсъ онъ увидалъ кипарисы сада Линна. Дома, стоящіе за незастроеннымъ полемъ, уже горѣли, какъ костры, но небольшая «инсула» Линна оставалась неприкосновенной. Виницій съ признательностью посмотрѣлъ на небо и

прибавилъ шагу, хотя самый воздухъ жегъ, какъ огонь. Дверь была притворена, но Виницій толкнулъ ее и очутился въ саду.

Здѣсь не было ни души, весь домъ казался совершенно пустымъ.

«Можетъ быть, они впали въ безчувствіе отъ дыма и жара», — подумалъ Виницій, и началъ кричать:

— Лигія! Лигія!

Ему отвѣчало молчаніе. Въ тишинѣ былъ слышенъ только трескъ далекаго огня.

— Лигія!

Въ это время до его ушей долетѣлъ тотъ грозный голосъ, который одинъ разъ онъ уже слышалъ въ этомъ садикѣ. Вѣроятно, на сосѣдномъ островкѣ загорѣлся виварій, стоящій недалеко отъ храма Эскулапа. Въ этомъ виваріи заключены были разные звѣри, въ томъ числѣ и львы, и они-то и начали рычать отъ страха. У Виниція пробѣжала дрожь отъ головы до ногъ. Вотъ уже въ другой разъ, когда все его существо сосредоточивалось на мысли о Лигіи, раздавались эти странные голоса, какъ предвѣстіе несчастья, какъ странное предсказаніе зловѣщаго будущаго.

Но то было короткое, минутное впечатлѣніе, потому что гротъ, еще болѣе страшный, чѣмъ рычаніе звѣрей, — шумъ пожара, — повелѣвалъ Виницію думать о другомъ. Правда, Лигія не отвѣчала на зовъ, но, можетъ быть, она здѣсь, лежитъ въ обморогѣ или задохлась отъ дыма. Виницій вбѣжалъ въ домъ. Въ маленькомъ атриіи было пусто и темно отъ дыма. Но, ощупывая руками двери, ведущія въ кубигулы, Виницій замѣтилъ мигающій огонекъ свѣтильнига и, приблизившись къ нему, увидѣлъ лараріумъ, въ которомъ, вмѣсто лара, стоялъ крестъ. Подъ нимъ-то и теплилась лампада. Въ головѣ молодого новообращеннаго съ быстротою молніи промелькнула мысль, что крестъ посылаетъ ему огонекъ, при помощи котораго онъ можетъ отыскать Лигію. Онъ схватилъ лампаду и началъ осматривать первый кубигуль.

Здѣсь не было никого, но Виницій былъ увѣренъ, что попалъ на кубигуль Лигіи, потому что на гвоздяхъ, вбитыхъ въ стѣну, висѣла ея одежда, а на ложѣ лежало «сарііумъ», — узкая одежда, которую женщины носили прямо на тѣлѣ. Виницій схватилъ его, прижалъ къ губамъ, перекинулъ черезъ плечо и пустился на дальнѣйшіе розыски. Домъ былъ маленький и молодой патрицій вскорѣ осмотрѣлъ не только всѣ комнаты, но и погреба, но нигдѣ не нашелъ ничего. Было совершенно ясно, что Лигія, Линнъ и Урсъ, вмѣстѣ съ другими жителями квартала, должны были искать спасенія въ бѣгствѣ.

«Ихъ нужно искать въ толпѣ, за городскими воротами», — подумалъ Виницій. Его не очень удивляло, что онъ не нашелъ ихъ на *via Portuensis*, — они могли выйти съ противоположной стороны, отъ Ватиканскаго холма. Во всякомъ случаѣ, они спаслись, по крайней мѣрѣ, отъ огня. — Правда, Виницій зналъ, съ какою страшною опасностью было соединено бѣгство, но мысль о нечеловѣческой силѣ Урса вселяла въ него надежду. — Теперь мнѣ нужно бѣжать отсюда и черезъ сады Домиція дойти до садовъ Агриппы. Тамъ я и найду ихъ. Дыма тамъ немного, вѣтеръ дуетъ съ Сабинскихъ горъ».

Подшло время, когда онъ долженъ былъ думать о собственномъ спасеніи, потому что огненная волна подплывала все ближе и клубы дыма наполнили почти весь переулокъ. Лампада погасла отъ сквозного вѣтра. Виницій, очутившись на улицѣ, теперь во всю мочь бѣжалъ къ *via Portuensis*, въ ту самую сторону, откуда пришелъ, а пожаръ, казалось, преслѣдовалъ его своимъ огненнымъ дыханіемъ, то окружая его новыми тучами дыма, то обсыпая искрами, которыя падали ему на волосы, на шею и на одежду. Туника его начала тлѣть въ нѣсколькихъ мѣстахъ, но онъ не обращалъ на это вниманія и бѣжалъ дальше, опасаясь, что дымъ можетъ задушить его. Дѣйствительно, во рту онъ чувствовалъ вкусъ гари, горло и грудь его горѣли, какъ въ огнѣ. Кровь ударила ему въ голову такъ, что по временамъ онъ видѣлъ всѣ предметы обращенными въ красный цвѣтъ, даже и дымъ казался ему краснымъ. Тогда онъ говорилъ себѣ: «Лучше мнѣ упасть на землю и умереть»... Бѣжать ему становилось труднѣе съ каждою минутой. Голова, шея и плечи его обливались потомъ, и этотъ потъ обжигалъ его, какъ кипятокъ. Еслибъ не имя Лигіи, которое онъ повторялъ про себя, еслибъ не ея «*caritium*», которымъ онъ закрывалъ ротъ, то онъ упалъ бы. Прошло нѣсколько минутъ и онъ не могъ уже узнавать улицы, по которой бѣжалъ. Сознаніе мало-по-малу покидало его, онъ помнилъ только, что долженъ бѣжать, потому что въ открытомъ полѣ его ожидаетъ Лигія, которую ему обѣщала апостоль Петръ. И вдругъ имъ овладѣла какая-то странная, на половину горячешная, подобная предсмертному видѣнію, увѣренность, что онъ долженъ увидать Лигію, жениться на ней и потомъ сейчасъ же умереть.

Теперь онъ бѣжалъ, какъ пьяный, шатаясь изъ стороны въ сторону. А въ это время произошла какая-то перемѣна въ огнѣ, охватывающемъ гигантскій городъ. Все, что до сихъ поръ еще только тлѣло, вспыхнуло однимъ моремъ пламени, хотя вѣтеръ

пересталъ разносить дымъ, а тотъ, который скопился въ тѣсныхъ переулкахъ, развѣялъ бѣшеный порывъ раскаленнаго воздуха. Этотъ порывъ гналъ теперь миллионы искръ, такъ что Виницій бѣжалъ какъ бы среди огненной тучи. За то онъ лучше могъ видѣть впереди, и почти въ ту минуту, когда готовъ былъ упасть, увидѣлъ передъ собою конецъ переулка. Это снова придало ему силы. Обойдя уголь, онъ очутился на улицѣ, которая вела къ *via Portuensis* и къ Бодетанскому полю. Искры перестали преслѣдовать его. Онъ сообразилъ, что если сможетъ добѣжать до *via Portuensis*, то останется живъ, хотя бы ему пришлось даже лишиться чувствъ.

Въ концѣ улицы онъ снова увидѣлъ что-то вродѣ тучи, которая заслоняла выходъ. «Если это дымъ,—подумалъ онъ,—то я уже не перейду сквозь него». Онъ бѣжалъ, напрягая остатки силъ. По дорогѣ онъ сбросилъ тунгу, какъ рубашку Несса,—она загорѣлась отъ сыпавшихся на нее искръ,—и оставался обнаженнымъ, только «*caritium*» Лиги закрывалъ его голову и ротъ. Подойдя ближе, онъ увидалъ, что то, что онъ считалъ дымомъ, было пылью, изъ которой доносились человѣческіе голоса.

«Толпа грабить домъ»,—подумалъ онъ, но, все-таки, бѣжалъ по направленію къ этимъ голосамъ. Все-таки, тамъ были люди, которые могли оказать ему помощь. Въ этой надеждѣ, еще по дорогѣ, онъ во всю свою мочь началъ кричать. Но то было послѣднее усиліе. Въ глазахъ Виниція всѣ предметы окрасились еще въ болѣе кровавый цвѣтъ, дыханіе его захватило, силы покинули его и онъ упалъ.

Его, все-таки, услышали, вѣрнѣе, замѣтили, и двое людей бросились къ нему на помощь съ сосудами, полными воды. Виницій,—онъ былъ не въ обморокѣ, а упалъ только отъ изнуренія,—схватилъ обѣими руками сосудъ и выпилъ его до половины.

— Благодарю,—сказалъ онъ, вставая на ноги,—дальше я пойду одинъ.

Другой человѣкъ облилъ ему голову водой и, вмѣстѣ со своимъ товарищемъ, не только поставилъ Виниція на ноги, но поднялъ съ земли и понесъ къ кучкѣ людей, которые окружили его и тщательно осмотрѣли, не получилъ ли онъ какой-нибудь раны. Заботливость эта удивила Виниція.

— Кто вы такіе? — спросилъ онъ.

— Мы разрушали дома, чтобы пожаръ не могъ дойти до Портовой дороги,—отвѣтилъ одинъ.

— Вы пришли мнѣ на помощь, когда я уже упалъ. Благодарю васъ.

— Намъ нельзя отказывать въ помощи, — послышалось нѣсколько голосовъ.

Тогда Виницій, который съ самаго утра видѣлъ только озвѣрѣвшую толпу на разбоѣ и грабежѣ, внимательное присмотрѣлся къ окружающимъ его лицамъ и проговорилъ:

— Да вознаградить васъ... Христось.

— Слава имени Его! — отвѣтилъ цѣлый хоръ голосовъ.

— А Линнъ?... — спросилъ Виницій.

Дальше спрашивать онъ не могъ и даже не слышалъ отвѣта, — волненія и изнуреніе довели его до потери сознанія. Очнулся онъ лишь на Бодетанскомъ полѣ, въ саду, окруженный мужчинами и женщинами, и первыя слова, какія онъ могъ проговорить, были:

— Гдѣ Линнъ?

Съ минуту никакого отвѣта не было, потомъ какой-то знакомый Виницію голосъ вдругъ проговорилъ:

— За Номентанскими воротами; вышелъ въ Остраніи... два дня тому назадъ... Миръ тебѣ, царь персидскій!

Виницій поднялся и сѣлъ; онъ неожиданно увидалъ надъ собою Хилона.

А грекъ продолжалъ:

— Твой домъ, господинъ, навѣрное, сгорѣлъ, потому что Барины въ огнѣ, но ты всегда будешь богатъ, какъ Мидасъ. О, какое несчастье! Христіане, сынъ Сераписа, давно предсказывали, что огонь пожретъ этотъ городъ... А Линнъ вмѣстѣ съ дочерью Юпитера на Остраніи... О, какое несчастье снизошло на этотъ городъ!

Виницію снова сдѣлалось дурно.

— Ты видѣлъ ихъ? — спросилъ онъ.

— Видѣлъ, господинъ!... Благодареніе Христу и всѣмъ богамъ, что я доброю вѣстью могъ отплатить тебѣ за твои благодаренія. Но я тебѣ, Озирисъ, и еще отплачу, — клянусь тебѣ горящимъ Римомъ.

На землю спускалась ночь, но въ саду было свѣтло, какъ днемъ, потому что пожаръ еще усиливался. Базалось, горять уже не отдѣльныя части, а весь городъ, во всю свою длину и ширину. Покуда хваталъ глазъ, небо было багровое и начиналась красная ночь.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

I.

Зарево залило небо такъ широко, что предѣловъ его не могъ уловить взглядъ человѣка. Изъ-за горъ показалась огромная, полная луна и, сразу принявъ цвѣтъ раскаленной мѣди, казалось, съ удивленіемъ смотрѣла на гибель всемогущаго города. Въ багровыхъ безднахъ неба свѣтились также багровыя звѣзды и, въ противоположность обыкновеннымъ ночамъ, теперь на землѣ было свѣтлѣе, чѣмъ на небѣ. Римъ, словно огромный костеръ, освѣщаль всю Кампанью. При кровавомъ отблескѣ пожара были видны отдаленныя холмы, города, виллы, храмы, памятники и акведуки, бѣгущіе къ городу отъ всѣхъ отдаленныхъ горъ, а на акведукахъ цѣлыя рои людей, которые или скрылись тамъ ради безопасности, или смотрѣли на пожаръ.

А тѣмъ временемъ грозная стихія охватывала все новыя части города. Невозможно было сомнѣваться, что чьи-то злодѣйскія руки поджигаютъ городъ, потому что огонь то и дѣло вспыхиваль въ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ главнаго очага. Съ холмовъ, на которыхъ былъ выстроенъ Римъ, пламя, на подобіе морскихъ волнъ, сплывало въ долины, густо усѣяныя пяти и шеститажными домами, переполненными сараями, лавками, деревянными передвижными амфитеатрами, устроенными для различныхъ зрѣлищъ, складами дерева, масла, хлѣба, орѣховъ, шишекъ пиніи, — ихъ зернами питался убогій людъ, — и одежды, которую по временамъ цезарь раздаваль голытьбѣ, гнѣздящейся въ тѣсныхъ закоулкахъ. Тамъ пожаръ, находя избытокъ горючихъ матеріаловъ, смѣнялся рядомъ взрывовъ и съ неслышанною быстротой охватываль цѣлыя улицы. Люди, разбѣстившіеся за городомъ или стоящіе на водопроводахъ, по цвѣту пламени отгадывали, что горитъ. Бѣшеный порывъ вѣтра по временамъ выносилъ изъ огненной бездны тысячи и миллионы горящихъ миндальныхъ и орѣховыхъ скорлупъ, которыя вдругъ взлетали кверху, какъ неисчислимыя стаи свергающихъ мотыльковъ, и съ трескомъ лопались въ воздухъ или, гонимыя вѣтромъ, падали на новые кварталы, на водопроводы и на поля, окружающія городъ. Всякая мысль о спасеніи казалась безумною, а замѣшательство возростало все сильнѣе, тѣмъ болѣе, что, съ одной стороны, городское населеніе бѣжало за городскія стѣны, а съ другой — пожаръ привлекаль изъ окрестностей массу народа, какъ обитателей маленькихъ городковъ, такъ и хлѣбопашцевъ и полудикихъ пастуховъ Кампаньи, которымъ улыбалась надежда на грабежъ.

Бригъ: «Римъ горить!» — не сходилъ съ устъ толпы, а въ то время гибель города представлялась равносильной концу его владычества и уничтоженію всѣхъ узловъ, которые до сихъ поръ связывали народъ въ одно цѣлое. А такъ какъ толпа, по большей части состоящая изъ невольниковъ и чужестранцевъ, ни во что не ставила владычество Рима и знала, что переворотъ только могъ освободить ее отъ узъ, то обличье ея начинало принимать грозный видъ. Сотни тысячъ невольниковъ, забывая, что Римъ, кромѣ храмовъ и стѣнъ, обладаетъ еще нѣсколькими десятками легионовъ, казалось, ждали только вождя и сигнала. Начали вспоминать имя Спартака, но Спартака не было, за то граждане начали соединяться вмѣстѣ и вооружаться, кто чѣмъ могъ. Начали ходить самыя неправдоподобныя слухи и вѣсти. Одни утверждали, что Вулканъ, по повелѣнію Зевса, уничтожаетъ городъ огнемъ, являющимся изъ нѣдръ земныхъ, другіе говорили, что это месть. Весты за весталку Рубрію ¹⁾). Люди, проникнутые такимъ убѣжденіемъ, не хотѣли спасать ничего, осаждали храмы и просили боговъ о милосердіи. Но чаще всего повторяли, что это цезарь приказалъ поджечь Римъ для того, чтобъ освободиться озъ зловонія, доносящагося изъ Субуры, и чтобы соорудить новый городъ подъ названіемъ Нероніи. При этой мысли всѣми овладѣвало бѣшенство и если бы, какъ думалъ Виницій, нашелся предводитель, который хотѣлъ бы воспользоваться этимъ взрывомъ негодованія, мигута Нерона пробіла бы нѣсколькими годами раньше.

Говорили, что цезарь сошелъ съ ума, что онъ приказалъ преторіанцамъ и гладиаторамъ ударить на народъ и устроить всеобщую рѣзню. Иные влялись богами, что звѣри изъ всѣхъ виваріевъ выпущены по приказанію мѣднородаго. Кто-то видѣлъ на улицахъ львовъ съ пылающими гривами, взбѣсившихся слоновъ и туровъ, которые подминали подъ себя людей цѣлыми десятками. Въ этомъ была даже частица правды, — въ нѣсколькихъ мѣстахъ слоны, при видѣ приближающагося пожара, разнесли виваріи, выбрались на свободу и, въ дикомъ смятеніи, мчались въ сторону, противоположную огню, какъ буря, уничтожая все по своему пути. Общественное мнѣніе насчитывало десятками тысячъ людей, погибшихъ въ огнѣ. И дѣйствительно, народу погибло много. Были такіе, что, потерявъ достояніе или дорогое существо, въ отчаяніи сами бросались въ огонь. Другихъ задушилъ дымъ. Въ серединѣ города, между Капитоліемъ, съ одной стороны, Квириналомъ, Виминаломъ

¹⁾ Светоній въ Біографіи Нерона говоритъ о ней (гл. 28): „Nero Vestali virgini Rubriae vim intulit“.

и Эсквилиномъ—съ другой, а также между Палатиномъ и Целиемъ, гдѣ улицы были тѣснѣе застроены, пожаръ сразу начинался во многихъ мѣстахъ, такъ что цѣлыя сотни народа, устремляясь въ одну сторону, неожиданно наталкивались на огненную стѣну и гибли страшною смертью посреди огненнаго потока.

Въ страхѣ, замѣшательствѣ и безуміи никто не зналъ, куда бѣжать. Улицы были усѣяны домашнимъ скарбомъ, а въ иныхъ мѣстахъ и совершенно завалены. Тѣ, которые нашли убѣжище на рынкахъ и площадяхъ, тамъ, гдѣ впослѣдствіи возникъ амфитеатръ Флавія, возлѣ храма Земли, возлѣ портика Ливіи, и выше — около храмовъ Юноны и Ливіи, а также между Clivus Virgibus и старыми Эсквилинскими воротами, были окружены моремъ огня и погибли отъ жара. Въ мѣстахъ, куда пламя не дошло, впослѣдствіи находили сотни обугленныхъ тѣлъ, хотя несчастные вырывали каменные плиты и для защиты отъ жара до половины зарывались въ землю. Почти ни одна изъ семей, живущихъ среди города, не осталась въ цѣлости, поэтому у всѣхъ воротъ и на всѣхъ дорогахъ слышался отчаянный вой женщинъ, выкликающихъ дорогія имена погибшихъ въ огнѣ или раздавленныхъ толпой.

И вотъ, когда одни вымаливали у боговъ милосердія, другіе посылали тѣмъ же самымъ богамъ страшныя проклятія. Видѣли дряхлыхъ стариковъ, которые, обратившись въ сторону храма Юпитера Избавителя, протягивали руки и кричали: «Если ты избавитель, то избавь свой алтарь и городъ!» Негодованіе, главнымъ образомъ, обращалось противъ старыхъ римскихъ боговъ, которые, по понятіямъ народа, должны были болѣе тщательно, чѣмъ другія божества, оберегать городъ. Они оказались безсильными, и ихъ оскорбляли. За то, когда на *via Asinaria* показалась процессія египетскихъ жрецовъ, сопровождающихъ статую Изиды, которую спасли изъ храма, находящагося недалеко отъ *Porta Caelimontana*, толпа бросилась къ этой процессіи, впряглась въ колесницу и потащила ее къ воротамъ Аннія. Тамъ народъ подхватилъ статую и помѣстилъ ее въ храмъ Марса, причѣмъ избилъ его жрецовъ, которые осмѣлились оказывать сопротивленіе. Въ другихъ мѣстахъ призывали Сераписа, Ваала или Іегову, почитатели котораго выползли изъ переулковъ Субуры и затибрскихъ кварталовъ и оглашали визгомъ и крикомъ поля, прилегающія къ городскимъ стѣнамъ. Въ крикахъ ихъ, однако, слышались и тоны торжества, и поэтому, когда одни изъ горожанъ присоединялись къ хору и прославляли «Владыку міра», другіе, возмущаясь этимъ радостнымъ крикомъ, пытались силой заставить ихъ замолкнуть. Кое-гдѣ старцы, мужчины въ силѣ лѣтъ,

женщины и дѣти пѣли пѣсни, странныя и торжественныя, содержаніе которыхъ понять никто не могъ, но въ которыхъ поминутно повторялись слова: «Се грядетъ судія въ день гнѣва и казни». Такъ подвижная и вѣчно бодрствующая толпа народа на подобіе взволнованнаго моря окружала горящій городъ.

Но не помогало ничто, — ни отчаяніе, ни богохульства, ни гимны. Гибель казалась неизбѣжной, окончательной и неумолимой, какъ Предопредѣленіе. Возлѣ амфитеатра Помпея загорѣлись склады конопли и веревокъ, — онѣ во множествѣ требовались для цирковъ, аренъ и всевозможныхъ машинъ, потребныхъ для игрищъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, загорѣлись сосѣдніе сараи со смолой, которою пропитывались веревки. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ часть города, за которой лежало Марсово поле, свѣтилась такимъ ярко-желтымъ пламенемъ, что полуобезумѣвшимъ отъ страха жителямъ казалось, что во всеобщей гибели измѣнился порядокъ дня и ночи и что они видятъ сіяніе солнца. Но потомъ сплошной кровавый блескъ взялъ верхъ надъ всѣми другими оттѣнками. Изъ моря огня къ раскаленному небу били гигантскіе фонтаны и столбы пламени, развертываясь вверху огненными кистями, а вѣтеръ подхватывалъ ихъ, обращалъ въ золотистыя, искристыя нити и несъ надъ Кампаньей къ Альбанскимъ горамъ. Ночь становилась все яснѣе; даже воздухъ казался пропитанъ не только солнцемъ, но и пламенемъ. Несчастныя городъ обратился въ адъ. Пожаръ охватывалъ все большія пространства, бралъ штурмомъ холмы, разливался по равнинамъ, затоплялъ долины, свирѣпствовалъ, гремѣлъ...

II.

Ткачъ Макринъ, въ чей домъ принесли Виниція, обмылъ его, снабдилъ одеждой и накормилъ. Молодой трибунъ совсѣмъ пришелъ въ себя и заявилъ, что въ эту же ночь начнетъ разыскивать Линна. Макринъ, — онъ былъ христіаниномъ, — подтвердилъ слова Хиллона, что Линнъ, вмѣстѣ со старшимъ пресвитеромъ Климентомъ, отправился въ Остраній, гдѣ Петръ долженъ былъ крестить множество новообращенныхъ. Было извѣстно, что два дня тому назадъ присмотръ за своимъ домомъ онъ поручилъ нѣкому Гаю. Виницію это могло служить доказательствомъ, что ни Лигія, ни Урсъ не остались дома, и что они также должны были отправиться въ Остраній.

Мысль эта принесла ему значительное облегченіе. Линнъ — человекъ старый, ему трудно каждый день ходить изъ-за Тибра до

Остранія и возвращаться оттуда домой. Весьма понятно, что на нѣсколько дней онъ переселился за городскую стѣну къ какому-нибудь своему единовѣрцу, а вмѣстѣ съ нимъ и Лигія и Урсъ. Такимъ образомъ они избѣжали пожара, который не перевалилъ на протувположный склонъ Эквилина. Виницій во всемъ этомъ видѣлъ велѣніе Христа, чувствовалъ надъ собой Его покровительство, и съ сердцемъ, болѣе чѣмъ когда-либо переполненнымъ любовью, поклялся въ душѣ всею своею жизнью заплатить за всё очевидныя знаменія Его милосердія.

Тѣмъ болѣе онъ торопился въ Остраніи. Онъ отыщетъ Лигію, отыщетъ Линна и Петра и увезетъ ихъ куда-нибудь далеко, въ одно изъ своихъ помѣстій, хотя бы даже въ Сицилію. Римъ горитъ и черезъ нѣсколько дней отъ него останется куча развалинъ,—за чѣмъ ему оставаться здѣсь, среди общаго несчастія и разъяреннаго народа? Тамъ ихъ окружатъ полчища дисциплинированныхъ невольниковъ, окружить тишина деревни и они, благословленные Петромъ, будутъ жить подъ крыломъ Христа. О, еслибъ только отыскать ихъ!

А это было не легко. Виницій помнилъ, съ какимъ трудомъ онъ пробрался съ *via Arria* въ затибрскіе кварталы и какъ долженъ былъ колесить, чтобы дойти до Портовой дороги, и рѣшилъ теперь обойти городъ съ противоположной стороны. По Триумфальной дорогѣ, подвигаясь вдоль рѣки, можно было дойти до моста Эмилія, а оттуда, минуя Пинцій, вдоль Марсова поля, мимо садовъ Помпея, Лукулла и Саллюстія, выйти на *via Nomentana*. То была кратчайшая дорога, но и Макринъ, и Хилонъ не совѣтовали пускаться по ней. Правда, огонь не охватилъ этой части города, но всё рынки и улицы могли быть совершенно запружены людьми и ихъ вещами. Хилонъ совѣтовалъ направиться черезъ *Ager Vaticanus* до *Porta Flaminia*, тамъ перейти рѣку и слѣдовать дальше, вдоль наружной стороны стѣны, къ *Porta Salaria*. Виницій, послѣ минутнаго колебанія, принялъ этотъ совѣтъ.

Макринъ долженъ былъ оставаться на стражѣ дома, но, тѣмъ не менѣе, нашелъ время раздобыть двухъ муловъ, которые могли пригодиться для дальнѣйшаго путешествія Лигіи. Онъ хотѣлъ даже прибавить невольника, но Виницій отказался. Онъ думалъ, что, какъ и въ предшествующій разъ, первый встрѣчный отрядъ преторіанцевъ, который попадетъ ему на дорогѣ, предоставитъ себя въ его распоряженіе.

Спустя немного времени онъ вмѣстѣ съ Хилономъ пустился черезъ *Ragus Janiculensis* къ Триумфальной дорогѣ. И здѣсь на откры-

тыхъ мѣстахъ были разбиты лагеря, но Виницій пробрался черезъ нихъ съ меньшимъ трудомъ, потому что большая часть жителей бѣжала къ морю по Портовой дорогѣ. За Сентиманскими воротами дорога пролегла между рѣкой и великолѣпными садами Домиціи, могучіе кипарисы которыхъ свѣтились отъ блеска пожара, какъ отъ вечерней зари. Дорога становилась все больше свободной, и только отъ времени до времени Виницію приходилось бороться съ толпою крестьянъ, стекающихся въ городъ. Виницій, насколько могъ, погонялъ мула, а Хилонъ сѣдовалъ за нимъ и все время велъ бесѣду самъ съ собою:

— Вотъ теперь пожаръ остался за нами и теперь жжетъ намъ плечи. Никогда еще на этой дорогѣ не было такъ свѣтло ночью. О, Зевсъ! если ты не сошлешь ливня на этотъ пожаръ, то, значить, не любишь Рима. Человѣческая сила не загаситъ этого огня. И это тотъ городъ, которому служила Греція и весь міръ! А теперь всякій грекъ можетъ жарить бобы на его пеплѣ! Кто бы могъ подумать?... И не будетъ уже ни Рима, ни римскихъ владыкъ... А кто захочетъ ходить по пожарищу, когда оно остынетъ, и свистать, тотъ будетъ свистать безнаказанно. О, боги! свистать надъ всемогущимъ городомъ! Кто бы изъ грековъ, даже изъ варваровъ, могъ подумать это?... А свистать можно потому, что гряда пепла, — останется ли она послѣ привала пастуховъ, или послѣ сгорѣвшаго города, — ничто иное, какъ гряда пепла, которую раньше или позже развѣетъ вѣтеръ.

Отъ времени до времени онъ обертывался въ сторону пожара и смотрѣлъ на море огня съ злобнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, радостнымъ лицомъ, потомъ продолжалъ:

— Гибнетъ! гибнетъ!... и не будетъ его уже больше на свѣтѣ! Буда теперь міръ будетъ посылать свой хлѣбъ, свое масло и свои деньги? Кто будетъ выжимать изъ него золото и слезы? Мраморъ не горитъ, но разсыпается въ огнѣ. Капитолій обратится въ развалины и Палатинъ обратится въ развалины. О, Зевсъ! Римъ былъ аки пастырь, а другіе народы аки овцы. Когда пастырь былъ голоденъ, онъ рѣзалъ одну изъ овецъ, мясо сѣдалъ, а тебѣ, отецъ боговъ, жертвовалъ шкуру. Кто, о Тучегонитель, будетъ теперь рѣзать овецъ и въ чьи руки ты отдашь пастырскій бичъ? О, Зевсъ, Римъ горитъ такъ хорошо, какъ будто ты самъ зажегъ его своимъ перуномъ!

— Спѣши! — торопилъ Виницій, — что ты тамъ дѣлаешь?

— Оплакиваю Римъ, господинъ, — отвѣтилъ Хилонъ. — Такой юпитеровскій городъ!...

И они молча поѣхали впередъ, прислушиваясь къ свисту огня и шуму птичьихъ крыльевъ. Голуби, которые во множествѣ водились на виллахъ и въ городкахъ Кампаньи, и всякія полевыя птицы, очевидно, принимали пламя пожара за солнечный свѣтъ и летѣли на огонь.

Виницій первый прервалъ молчаніе.

— Гдѣ ты былъ, когда вспыхнулъ пожаръ?

— Я шелъ къ моему другу Эврицію, господинъ, — онъ держитъ лавку у Большого цирка, — и размышлялъ надъ ученіемъ Христа, когда начали кричать: «пожаръ!» Люди скопились возлѣ цирка отчасти для того, чтобы спастись, отчасти изъ любопытства, но когда огонь охватилъ весь циркъ и, кромѣ того, началъ показываться въ другихъ мѣстахъ, нужно было думать о собственномъ спасеніи.

— Ты видѣлъ людей, которые бросаютъ факелы въ дома?

— Чего я не видалъ, внукъ Энея! Я видѣлъ, какъ люди прощипаютъ себѣ во тьмѣ дорогу мечами, видѣлъ битвы и растоптанныя на мостовой внутренности человѣческія. Ахъ, господинъ, еслибъ ты смотрѣлъ на это, то подумалъ бы, что это варвары взяли городъ и начинаютъ рѣзню! Люди вокругъ меня кричали, что подошелъ конецъ свѣта. Одни совсѣмъ потеряли голову и, пренебрегая бѣгствомъ, безсознательно ждали, пока ихъ охватитъ пламя. Другіе впали въ безуміе, третьи были отъ отчаянія, но я видѣлъ и такихъ, которые были отъ радости, ибо, о, господинъ, много есть на свѣтѣ злыхъ людей, которые не умѣютъ цѣнить благодѣяній вашего мягкаго правленія и тѣхъ справедливыхъ законовъ, въ силу которыхъ вы отбираете у всѣхъ то, что у нихъ есть, и присвоиваете себѣ. Люди не умѣютъ примиряться съ волею боговъ!

Виницій черезъ-чуръ былъ занятъ своими мыслями, чтобы замѣтить иронию, звучащую въ словахъ Хилона. Дрожь ужаса охватывала его при одномъ предположеніи, что Лигія могла очутиться среди этого замѣшательства, на этихъ страшныхъ улицахъ, гдѣ подъ ногами валялись человѣческія внутренности. И хотя онъ уже десять разъ допрашивалъ Хилона о томъ, что тотъ видѣлъ, молодой трибунъ снова обратился къ нему:

— Ты собственными глазами видѣлъ ихъ въ Остраніи?

— Видѣлъ, сынъ Венеры, видѣлъ дѣвушку, добраго лигійца, святого Линна и апостола Петра.

— Передъ пожаромъ?

— Передъ пожаромъ, Митра ¹⁾.

¹⁾ Mithrat — персидскій богъ.

Въ душѣ Виниція возродилось сомнѣнiе, не лжетъ ли Хилонъ, и, задержавъ мула, онъ грозно посмотрѣлъ на стараго грека и спросилъ:

— Что ты тамъ дѣлалъ?

Хилонъ смѣшался. Правда, ему, какъ и большинству, казалось, что вмѣстѣ съ гибелью Рима приходитъ и конецъ римскому владычеству, но на этотъ разъ онъ съ Виниціемъ былъ наединѣ и вспомнилъ, что патрицій подъ страшною угрозою запретилъ ему подсматривать за христіанами, въ особенности за Линномъ и Лигіей.

— Господинь, — сказалъ онъ, — отчего ты не вѣришь, что я люблю ихъ? Да, я былъ въ Остраніи, потому что я полухристіанинъ. Пирронъ²⁾ научилъ меня цѣнить добродѣтель дороже философіи и я все больше и больше льну къ людямъ добродѣтельнымъ. Притомъ, о, господинь, я бѣденъ и когда ты, Юпитерь, былъ въ Антіи, я часто умиралъ съ голоду надъ своими книгами и часто сидѣлъ у стѣны Остраніи, потому что христіане, хотя они и сами бѣдны, раздають милостыню больше, чѣмъ всѣ римляне, взятыя вмѣстѣ.

Виницію этотъ поводъ показался достаточно убѣдительнымъ и онъ спросилъ менѣе грозно:

— Ты не знаешь, гдѣ на это время поселился Линнъ?

— Одинъ разъ ты жестоко покаралъ меня за любопытство, — отвѣтилъ грекъ.

Виницій замолчалъ и поѣхалъ впередъ.

— Господинь, — черезъ минуту сказалъ грекъ, — если бы не я, ты не нашелъ бы дѣвушку, но если мы найдемъ ее и теперь, ты не забудешь о бѣдномъ мудрецѣ?

— Ты получишь дождь съ виноградникомъ подъ Америолой, — отвѣтилъ Виницій.

— Благодарю тебя, Геркулесь! Съ виноградникомъ?... Благодарю тебя! Конечно, съ виноградникомъ!

Теперь они проѣзжали мимо Ватиканскаго холма, который былъ озаренъ заревомъ пожара, но за Навмахіей свернули вправо, чтобы, перерѣзавъ Ватиканское поле, приблизиться къ рѣкѣ, пере-

²⁾ Pyrrho—греческій философъ IV—III вѣка до Р. Хр., основатель скептической школы, отрицавшей возможность всякаго знанія. Скептики учили, что никогда не должно утверждать что-нибудь положительно, говорить: „это такъ“, а можно говорить только: „это кажется мнѣ такъ“. Не имѣя надежды знать что-нибудь о свойствахъ вещей, человѣкъ будетъ равнодушенъ ко всему на свѣтѣ, а будетъ только стремиться достигнуть правильнаго душевнаго настроенія или добродѣтели и такимъ путемъ вмѣстѣ съ спокойствіемъ духа найдетъ и блаженство.

ѣхать ее и добраться до Porta Flaminia. Вдругъ Хилонъ задержалъ мула и сказалъ:

— Господинъ, мнѣ въ голову пришла хорошая мысль.

— Говори, — отвѣтилъ Виницій.

— Между Яникульскимъ и Вативанскимъ холмомъ, за садами Агриппы, находятся подземелья, изъ которыхъ брали камень и песокъ для постройки цирка Нерона. Послушай меня, господинъ! Въ послѣднее время еврей, — ты знаешь, какъ ихъ много за Тибромъ, — начали свирѣпо преслѣдовать христіанъ. Помнишь, еще во времена божественнаго Клавдія тамъ были такіе беспорядки, что цезарь принужденъ былъ изгнать ихъ изъ Рима. Теперь, когда они возвратились и когда, благодаря покровительству Августы, чувствуютъ себя въ безопасности, они еще свирѣпѣе притѣсняютъ христіанъ. Я это знаю, я видѣлъ это! Еще никакого эдикта противъ христіанъ не издано, а еврей обвиняютъ ихъ передъ префектомъ города, что они убиваютъ дѣтей, поклоняются ослу и проповѣдуютъ ученіе, не одобренное сенатомъ, а сами бьютъ ихъ и такъ ожесточенно нападаютъ на ихъ молитвенные дома, что христіане должны скрываться отъ нихъ.

— Что ты хочешь сказать этимъ? — спросилъ Виницій.

— А то, господинъ, что синагоги открыто существуютъ за Тибромъ, а христіане, желая избѣжать преслѣдованія, должны молиться втихомолку и собираются въ заброшенныхъ сараяхъ за городомъ или въ аренаріяхъ³⁾. Тѣ, которые живутъ за Тибромъ, избрали себѣ тѣ аренаріи, которые образовались благодаря постройки цирка и разныхъ домовъ вдоль Тибра. Теперь, когда городъ погибаетъ, почитатели Христа несомнѣнно молятся тамъ. Мы ихъ найдемъ во множествѣ въ подземельяхъ, поэтому я и совѣтую тебѣ, господинъ, зайти туда по дорогѣ.

— Вѣдь, ты же говорилъ, что Линнъ отправился въ Остриній! — нетерпѣливо крикнулъ Виницій.

— А ты мнѣ обѣщалъ домъ съ виноградникомъ подъ Америколой, — отвѣтилъ Хилонъ, — и я хочу искать дѣвушку повсюду, гдѣ надѣюсь найти ее. Какъ начался пожаръ, они могли возвратиться въ затибрскіе кварталы. Они могли обойти городъ такъ, какъ мы обходимъ его въ настоящую минуту. У Линна есть домъ, можетъ быть, ему хотѣлось быть поближе къ дому, чтобъ видѣть, не охватилъ ли пожаръ и этой части. Если они возвратились, то, господинъ, клянусь тебѣ Персефоной, что мы найдемъ ихъ на молитвѣ

³⁾ Arenalіa — яма, отразовавшаяся на мѣстѣ, гдѣ рыли песокъ.

въ подземельѣ, а въ самомъ неблагопріятномъ случаѣ получимъ о нихъ какія-нибудь свѣдѣнія.

— Ты правъ, веди меня, — сказалъ трибунъ.

Хилонъ, не раздумывая, свернулъ нагъво, къ холму. На минуту боже этого холма закрылъ отъ нихъ горящій городъ, такъ, что хотя ближайшія возвышенности были освѣщены, Виницій и его спутникъ оставались въ тѣни. Миновавъ циркъ, они свернули вгъво и въѣхали въ ущелье, въ которомъ все было темно, но и въ этомъ мракѣ Виницій увидалъ сотни мигающихъ фонарей.

— Вотъ они! — сказалъ Хилонъ. — Сегодня ихъ будетъ больше, чѣмъ когда-либо, потому что молитвенные дома сгорѣли или полны дымомъ, какъ вся Затибрская часть.

— Да, я слышу пѣніе, — отвѣтилъ Виницій.

Дѣйствительно, изъ зіяющаго отверстія въ горѣ доходили звуки человѣческихъ голосовъ, а фонари пропадали въ немъ одинъ за другимъ. Изъ боковыхъ ущелій появлялись все новыя и новыя фигуры, такъ что вскорѣ Виницій и Хилонъ очутились среди цѣлой толпы людей.

Хилонъ слѣзъ съ мула, подозвалъ движеніемъ руки подростка, который проходилъ мимо, и сказалъ ему:

— Я служитель Христа и епископъ. Подержи нашихъ муловъ и получишь за это мое благословеніе и отпущеніе грѣховъ.

И, не ожидая отвѣта, онъ всунулъ ему въ руку поводья, а самъ съ Виниціемъ присоединился къ толпѣ.

Они вошли въ подземелье и при слабомъ свѣтѣ фонарей подвигались вдоль темнаго корридора, пока не достигли обширной пещеры, изъ которой видимо недавно выбирали камень, потому что всѣ стѣны ея были выложены свѣжими обломками.

Въ пещерѣ было виднѣе, чѣмъ въ корридорѣ, — въ ней, кромѣ лампадъ и фонарей, горѣли факелы. При блескѣ ихъ Виницій увидалъ цѣлую толпу колѣнопреклоненныхъ людей, съ руками, воздѣтыми къ небу. Ни Лиги, ни апостола Петра, ни Линна онъ не могъ найти нигдѣ, за то его окружали лица торжественныя и взволнованныя. На иныхъ ясно рисовались ожиданіе, тревога, надежда. Огонь отражался въ бѣлкахъ глазъ молящихся, потъ струями катился по ихъ блѣдному, какъ мѣлъ, лбу; одни пѣли гимны, другіе лихорадочно повторяли имя Исуса, третьи били себя въ грудь. Было видно, что они съ минуты на минуту ожидаютъ чего-то необычайнаго.

Вдругъ пѣніе смолкло и надъ собравшимися, въ нишѣ, образовавшейся послѣ вынутаго огромнаго камня, показался извѣстный

Виницію Криспъ, съ лицомъ полубезсознательнымъ, блѣднымъ, фанатическимъ и суровымъ. Всѣ обратились къ нему, какъ бы въ ожиданіи словъ подтвержденія и надежды, а онъ, осѣнивъ крестнымъ знаменіемъ собравшихся, заговорилъ поспѣшнымъ голосомъ, почти приближающимся къ крику:

— Байтеся въ грѣхахъ вашихъ, ибо минута приблизилась. Се на городъ преступленія и разврата, на новый Вавилонъ Господь низослалъ губительный огонь. Пробылъ часъ суда, гнѣва и горя. Господь предвѣщалъ Свое пришествіе и вскорѣ вы узрите Его. Но днесь Онъ не придетъ уже, аки агнецъ, проливающийъ кровь за грѣхи ваши, а какъ грозный судія, который по справедливости своей ввергаетъ въ бездну грѣшныхъ и невѣрныхъ. Горе міру и горе грѣшнымъ, ибо уже не будетъ для нихъ милосердія! Я вижу Тебя, Христось! Звѣзды дождемъ падаютъ на землю, солнце затмѣвается, открываются нѣдра земли и мертвые встаютъ, а Ты грядешь среди звуковъ трубныхъ и полчищъ ангеловъ, среди громовъ и молній! Я вижу и слышу Тебя, о Христось!

Онъ смолкъ и, поднявъ голову вверхъ, казалось, всматривался во что-то далекое и страшное. Въ это время въ подземельѣ раздался глухой грохотъ,—разъ, два, десять разъ. То цѣлая линія домовъ съ трескомъ начинала разваливаться. Но большинство христіанъ этотъ шумъ приняло за видимый знакъ, что страшная минута настаетъ, потому что вѣра во второе пришествіе Христа и такъ была распространена между ними, а теперь ее еще болѣе укрѣпилъ пожаръ города. И тревога охватила всѣхъ собравшихся. Многіе голоса начали повторять: «День суда!... Приближается!» Одни закрывали руками лицо въ убѣжденіи, что вотъ-вотъ земля дрогнетъ въ своихъ основахъ и изъ ея нѣдръ выйдутъ адскія чудовища, чтобы броситься на грѣшныхъ, другіе зывали: «Христось, сжался! Испытатель, будь милосерд!» Тѣ громко исповѣдовали свои грѣхи, эти заключали другъ друга въ объятія, чтобы въ страшную минуту возлѣ ихъ сердца билось близкое сердце.

Но были и такіе, лица которыхъ,—точно они уже были взяты на небо,—озаренныя неземною улыбкой, не выказывали никакой тревоги. Кое-гдѣ слышались истерическіе крики,—то люди въ религиозномъ экстазѣ начали произносить непонятныя слова на непонятныхъ языкахъ. Кто-то изъ темнаго угла пещеры воскликнулъ: «Проснись, спящій!»—но надо всѣмъ царилъ крикъ Криспа: «Бдите, бдите!»

По временамъ все стихало, какъ будто всѣ, задерживая дыханіе въ груди, ожидали того, что должно свершиться. Тогда слышенъ

былъ отдаленный грохот разваливающихся домовъ, а потомъ снова раздавались стоны, молитвы и возгласы: «Искупитель, будь милосердъ!» По временамъ Ериспъ снова начиналъ кричать: «Отреки-тесь отъ земныхъ сокровищъ, ибо скоро не станетъ земли подъ вашими ногами! Отреки-тесь отъ земной любви, ибо Господь обречетъ на гибель тѣхъ, кто любилъ женъ и дѣтей болѣе Его! Горе тому, кто полюбилъ твореніе больше Творца! Горе сильнымъ! Горе чревоугодникамъ! Горе блудодѣямъ! Горе мужу, женѣ и младенцу!»

Вдругъ ужасающій трескъ потрясъ всю каменоломню. Всѣ пали на землю, крестообразно простирая руки, чтобы этимъ знакомъ охранить себя отъ злыхъ духовъ. Наступила тишина, въ которой слышалось только ускоренное дыханіе, полный ужаса шепотъ: «Исусъ! Исусъ! Исусъ!» — и плачь дѣтей. И вдругъ надъ распростертою на землѣ толпой раздался какой-то спокойный голосъ:

— Миръ съ вами!

То былъ голосъ апостола Петра, который только что вошелъ въ пещеру. При звукѣ его словъ страхъ исчезъ въ одно мгновение, какъ исчезаетъ страхъ стада при появленіи пастуха. Люди поднялись съ земли, тѣ, которые были поближе къ апостолу, начали прижиматься къ его колѣнямъ, какъ будто искали прибѣжища подъ его крыльями, а онъ распростеръ надъ ними руки и заговорилъ:

— Отчего вы тревожитесь въ сердцахъ вашихъ? Кто можетъ отгадать, что можетъ встрѣтить его, прежде чѣмъ наступитъ страшная минута? Господь покаралъ огнемъ Вавилонъ, но надъ вами, которыхъ омыло крещеніе и грѣхи которыхъ искупила кровь Агнца, почіетъ Его милосердіе и вы умрете съ Его именемъ на устахъ. Миръ съ вами!

Послѣ грозныхъ и немилосердыхъ рѣчей Ериспа слова Петра какъ бальзамъ упали на сердце присутствующихъ. Вмѣсто боязни Бога, душою овладѣвала любовь къ Богу. Христосъ являлся такимъ, какимъ всѣ любили Его по рассказамъ апостольскимъ, не безжалостнымъ судьбою, а кроткимъ и долготерпѣливымъ Агнцемъ, милосердіе котораго во сто разъ превышало людскую злобу. Всѣ молящіеся почувствовали облегченіе, и надежда, вмѣстѣ съ признательностью къ апостолу, наполнила всѣ сердца. Съ разныхъ сторонъ слышались голоса: «Мы овцы твои, паси насъ, не оставляй насъ въ день гнѣва!» Люди падали къ его колѣнямъ. Виницій также приблизился къ апостолу, схватилъ край его плаща и, наклонивъ голову, сказалъ:

— Господи, спаси меня! Я искалъ ее въ дымѣ пожара и въ

толпѣ и нигдѣ не могъ найти, но я вѣрю, что ты можешь вернуть ее мнѣ.

Петръ положилъ ему руку на голову.

— Вѣрь, — сказалъ, — и иди за мной.

III.

А городъ все горѣлъ. Большой циркъ обратился въ развалины, въ кварталахъ, которые начали горѣть первыми, обрушивались цѣлые переулки и улицы. Послѣ паденія каждаго дома столбы пламени на минуту, казалось, достигали до самаго неба. Вѣтеръ измѣнился и теперь съ неимовѣрною силой дулъ со стороны моря, нанося на Целій, на Эсквилинь и на Виминалъ волны огня, головней и угольевъ. Наконецъ, власти подумали и о спасеніи города. По приказанію Тигеллина, который третьяго дня примчался изъ Антія, начали разрушать дома на Эсквилинь, чтобъ огонь, дойдя до пустого мѣста, угасъ самъ собою. Но то было слабое средство, предпринятое только для отстаиванія остатковъ города, потому что о спасеніи того, чтѣ горѣло, нечего было и думать. Кромѣ того, нужно было принять мѣры и противъ дальнѣйшихъ несчастій. вмѣстѣ съ Римомъ погибали и неизмѣримыя богатства, погибало все имущество его обитателей, такъ что около городскихъ стѣнъ теперь кочевали сотни тысячъ совершенно разоренныхъ нищихъ.

Уже на другой день голодъ началъ давать себя знать толпѣ, потому что неизмѣримые запасы живности, нагроможденные въ городѣ, горѣли вмѣстѣ съ нимъ, а во всеобщей сумятицѣ и бездѣйствіи власти никто не подумалъ о доставкѣ новыхъ. Только по прибытіи Тигеллина были посланы въ Остію соотвѣтственные распоряженія, а тѣмъ временемъ народъ начиналъ принимать все болѣе грозный видъ.

Домъ возлѣ Aqua Appia, въ которомъ временно поселился Тигеллинъ, окружали сотни женщинъ и кричали съ утра до поздней ночи: «Хлѣба и пристанища!» Тщетно преторіанцы, вызванные изъ большого лагеря, находящагося между via Salaria и Номентаной, пытались возстановить какой-нибудь порядокъ. И тамъ, и здѣсь имъ оказывали вооруженное сопротивленіе, а то безоружная толпа, указывая на горящій городъ, кричала: «Убивайте насъ при свѣтѣ этого огня!» Народъ проклиналъ цезаря, августіанъ, преторіанскихъ солдатъ, и возбужденіе росло съ каждою минутой, такъ что Тигеллинъ, ночью, смотря на тысячи костровъ, разложенные

вокругъ города, говорилъ себѣ, что это—костры неприятельскаго лагеря. По его распоряженію, кромѣ муки, привезли какъ можно болѣе печенаго хлѣба, который взяли не только изъ Остіи, но изъ всѣхъ окрестныхъ городовъ и деревень, и когда первые транспорты пришли ночью изъ Эмпорія, народъ напалъ на нихъ и уничтожилъ во мгновение ока, причѣмъ образовался еще большій беспорядокъ. При свѣтѣ зари люди дрались за каждый печеный хлѣбецъ и сотнями втаптывали ихъ въ землю. Мука изъ разорванныхъ мѣшковъ, точно снѣгомъ, покрыла все пространство отъ хлѣбныхъ амбаровъ до арки Друза и Германика, и волненіе продолжалось до тѣхъ поръ, пока солдаты не окружили всѣ строенія и не начали оттѣснять толпу силой.

Никогда со времени нашествія галловъ подъ начальствомъ Бренна Римъ не видалъ такой бѣды. Граждане съ отчаяніемъ сравнивали оба эти пожара. Но тогда, по крайней мѣрѣ, сохранился хоть Капитолій, а теперь и онъ былъ окруженъ страшнымъ огненнымъ вѣнцомъ. Правда, мраморъ не горѣлъ, но ночью, когда вѣтеръ на время раздвигалъ пламя, было видно, какъ ряды колоннъ Юпитера раскалились и свѣтятся розовымъ цвѣтомъ, какъ горящія уголья. Наконецъ, во время нашествія Бренна Римъ обладалъ населеніемъ дисциплинированнымъ, сплоченнымъ, привязаннымъ къ городу и его алтарямъ, а теперь вдоль стѣнъ горящаго города кочевала разноязычная толпа, по большей части состоящая изъ невольниковъ и отпущенниковъ, буйная, беспорядочная, готовая подъ натискомъ нужды обратиться противъ власти и города.

Но самый разиѣръ пожара, наполняющій сердца ужасомъ, до нѣкоторой степени обезоруживалъ толпу. Вслѣдъ за огнемъ могли придти голодъ и болѣзни, потому что, къ довершенію несчастія, наступили страшные июльскіе жары. Воздухомъ, раскаленнымъ отъ огня и солнца, невозможно было дышать. Ночь не только не приносила облегченія, но становилась настоящимъ адомъ. Днемъ открывался поразительный и зловѣщій видъ. Посреди — гигантскій городъ, обратившійся въ ревушій вулканъ, вокругъ, вплоть до Альбанскихъ горъ—одинъ неизмѣримый лагерь, состоящій изъ палатокъ, шалашей, телегъ, тачекъ, носилокъ, лавокъ, очаговъ, окутанный дымомъ и пылью, освѣщенный ржавыми лучами солнца, полный говора, крика, угрозъ, ненависти и страха,—ужасающая свалка мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Среди квиритовъ—греки, кудластые, свѣтлоглазые люди Сѣвера, африканцы и азіаты, среди гражданъ—невольники, отпущенники, гладиаторы, купцы, ремес-

ленники, крестьяне и солдаты, — море людей, омывающее огненный островъ.

Это море волновали разныя вѣсти, какъ вѣтеръ вздымаетъ настоящія волны. Вѣсти были благоприятныя и неблагоприятныя. Говорили о неизмѣримыхъ запасахъ хлѣба и одежды, которые должны были придти изъ Эмпорія и которые будутъ раздаваться даромъ, говорили, что по приказанію цезаря провинціи въ Азіи и въ Африкѣ будутъ ограблены, а всѣ сокровища, добытыя такимъ образомъ, распредѣлятся между жителями Рима такъ, чтобы каждый могъ выстроить себѣ домъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, пускались вслухъ и такія новости, что вода въ водопроводахъ отравлена, что Неронъ хочетъ уничтожить городъ и стереть съ лица земли его жителей всѣхъ до одного, чтобы переселиться въ Грецію или въ Египетъ и оттуда царствовать надъ всѣмъ міромъ. Каждая вѣсть распространялась съ быстротою молніи и каждая находила вѣру среди толпы, возбуждая негодованіе, гнѣвъ, надежду, страхъ или бѣшенство. Какая-то горячка охватила всѣхъ. Увѣренность христіанъ, что міръ скоро долженъ погибнуть отъ огня, распространялась и среди язычниковъ съ каждымъ днемъ все шире и шире. Народъ впалъ въ оцѣпенѣніе или въ бѣшенство. Въ облакахъ, освѣщенныхъ заревомъ, видѣли боговъ, взирающихъ на гибель земли, и къ нимъ протягивались сотни рукъ съ мольбой или съ проклятіемъ.

Тѣмъ временемъ солдаты, при помощи нѣсколькихъ гражданъ, разрушали дома на Эсквилинѣ, на Целии, а также въ Затибрской части, благодаря чему она уцѣлѣла въ значительной степени. Но въ самомъ городѣ горѣли баснословныя сокровища, собранныя цѣлыми рядомъ побѣдъ, чудныя произведенія искусства, великолѣпные храмы и неоцѣнимые памятники римскаго прошлаго и римской славы. Было видно, что отъ всего города останется только нѣсколько удаленныхъ отъ центра кварталовъ и что сотни тысячъ людей остаются безъ пристанища. Ходилъ также слухъ, что солдаты разрушаютъ дома не для того, чтобъ удержатъ огонь, а для того, чтобъ отъ города не уцѣлѣло ни одного зданія. Тигеллинъ слялъ въ Антіи гонца за гонцомъ, умоляя цезаря пріѣхать и своимъ присутствіемъ успокоить пришедшій въ отчаяніе народъ. Неронъ двинулся только тогда, когда пламя охватило «domus transitoria», и спѣшилъ, чтобы не упустить минуты, когда пожаръ усилится до величайшей степени.

IV.

Тѣмъ временемъ огонь дошелъ до *via Nomentana*, а отъ нея, съ переменной вѣтра, перешелъ къ *via Lata*, окружилъ Капитолій, разлился по *Forum Voagium* и, пожирая все, что пощадилъ при первомъ натискѣ, снова приблизился къ Палатину. Тигеллинъ, собравъ всѣхъ преторіанцевъ, слалъ гонцовъ къ приближающемуся цезарю съ извѣстіемъ, что онъ ничего не упуститъ изъ великолѣпнаго зрѣлища, потому что пожаръ еще усилился. Но Неронъ хотѣлъ прибыть ночью, чтобы получить болѣе сильное впечатлѣніе отъ гибнущаго города. Съ этою цѣлью онъ остановился въ окрестностяхъ *Aqua Albana*, призвалъ къ себѣ въ палатку трагика Алитуря для совѣщанія, какую ему принять фигуру, какое выраженіе придать лицу, какъ смотрѣть и къ какимъ движеніямъ прибѣгать. Возникъ ожесточенный споръ, поднять ли цезарю обѣ руки къ головѣ при словахъ: «О, святой градъ, который казался мнѣ болѣе стойкимъ, чѣмъ Ида»¹⁾), — или, держа въ одной рукѣ формингу, опустить ее вдоль тѣла и поднять кверху только другую. Въ настоящую минуту этотъ вопросъ казался Нерону болѣе важнымъ, чѣмъ всѣ другіе. Пустившись въ дорогу только въ сумерки, онъ потребовалъ отъ Петронія совѣта, не включить ли ему въ стихъ, посвященномъ проклятію, нѣсколько великолѣпныхъ богохульствъ, и что эти богохульства, если на нихъ смотрѣть съ точки зрѣнія искусства, не должны ли сами собою вырваться изъ устъ человѣка, теряющаго отечество?

Около полуночи цезарь приблизился къ стѣнамъ города вмѣстѣ со своею неисчислимою свитой, состоящею изъ цѣлыхъ полчищъ царедворцевъ, сенаторовъ, воиновъ, отпущенниковъ, женщинъ и дѣтей. Шестнадцать тысячъ преторіанцевъ, разставленныхъ по дорогѣ въ боевомъ порядкѣ, охраняли спокойствіе и безопасность цезаря, вмѣстѣ съ тѣмъ удерживая на соответственномъ разстояніи взволнованный народъ. Люди, дѣйствительно, кричали и свистали при видѣ шествія цезаря, но никто не осмѣлился напасть на него. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, между прочимъ, раздавались и рукоплесканія, потому что чернь, не обладавшая ничѣмъ и ничего не потерявшая при пожарѣ, рассчитывала на щедрую раздачу хлѣба, масла, одежды и денегъ. Наконецъ, и крикъ, и свистки, и рукоплесканія были заглушены звуками трубъ и роговъ, на которыхъ приказалъ играть Тигеллинъ. Неронъ, миновавъ Остійскія ворота,

¹⁾ *Ida*—горный хребетъ на сѣверо-западѣ Малой Азіи близъ Трои.

на минуту остановился и сказалъ: «Бездомный владыка бездомнаго города, гдѣ я преклоню на ночь свою несчастную голову?» — потомъ, перейдя *Clivus Delphini*, поднялся по нарочно приготовленной лѣстницѣ на водопроводъ *Аппія*, а за нимъ потянулись августианы и хоръ пѣвцовъ съ цитрами, лютнями и другими музыкальными инструментами.

Всѣ затаили въ груди духъ, ожидая, не скажетъ ли цезарь какихъ-нибудь великихъ словъ, которыя ему нужно было бы придумать для собственной безопасности, но Неронъ стоялъ торжественный, нѣмой, въ пурпурномъ плащѣ и вѣнокъ изъ золотыхъ лавровыхъ листьевъ, и всматривался въ бушующее море пламени. Когда Терпносъ подалъ ему золотую лютню, онъ поднялъ голову къ небу, залитому заревомъ, и какъ будто ожидалъ вдохновенія.

Народъ указывалъ на него руками, вдали шипѣли огненные змѣи и пылали вѣковые, святѣйшіе памятники: храмъ Юпитера, который воздвигъ Эвандръ²⁾, храмъ Юпитера Охранителя (*Stator*) и храмъ Луны, построенный еще Сервіемъ Тулліемъ, и домъ Нумы Помпилія, и храмъ Весты съ пенатами римскаго народа. Среди огненныхъ клубовъ по временамъ показывался Капитолій, а онъ, цезарь, стоялъ съ лютней въ рукѣ, съ лицомъ трагическаго актера и съ мыслью не о гибнущей отчизнѣ, а о своей фигурѣ и патетическихъ словахъ, какими онъ можетъ выразить всѣ размѣры несчастія, возбудить наибольшее удивленіе и стяжать наиболѣе горячія рукоплесканія.

Онъ ненавидѣлъ этотъ городъ, ненавидѣлъ его жителей, онъ любилъ только свои пѣсни и стихи и теперь въ сердцѣ радовался, что, наконецъ, увидалъ трагедію, подобную той, которую онъ воспѣвалъ. Вишешплетъ чувствовалъ себя счастливымъ, декламаторъ — вдохновеннымъ, искатель сильныхъ ощущеній упивался страшнымъ зрѣлищемъ и съ восторгомъ думалъ, что даже гибель Трои была ничѣмъ въ сравненіи съ гибелью этого гигантскаго города. Чего онъ могъ пожелать большаго? Римъ, всемогущій Римъ горитъ, а онъ стоитъ на аркѣ водопровода, съ золотою лютней въ рукѣ, видимый всѣми и возбуждающій всеобщее изумленіе, великолѣпный и поэтическій. А гдѣ-то тамъ, внизу, во мракѣ, ропщеть и волнуется народъ. Пусть ропщеть. Вѣка протекуть, тысячи лѣтъ пройдутъ, а люди будутъ помнить и прославлять поэта, который въ такую ночь воспѣвалъ паденіе и пожаръ Трои. Что въ сравненіи

²⁾ Evander — мифическое лицо. По преданію, онъ за 60 лѣтъ до разрушенія Трои вывелъ колонію изъ Паллантея (въ Аркадіи) въ Лациумъ и на Палатинской горѣ, гдѣ впоследствии стоялъ Римъ, основалъ городъ, названный имъ также *Pallanteum*.

съ нимъ Гомеръ, даже самъ Аполлонъ со своею прославленною формингой?

Цезарь поднялъ руку, ударилъ по струнамъ и заговорилъ словами Пріама:

— О, гнѣздо отцовъ моихъ! о, дорогая колыбель!

Голосъ его на открытомъ воздухѣ, при шумѣ пожара и отдаленномъ говорѣ многотысячной толпы, казался удивительно жалкимъ, дрожащимъ и слабымъ, аккомпаниментъ звучалъ, какъ жужжаніе мухи, но сенаторы, сановники и августианы, стоящіе на водопроводѣ, склонили голову и внимали въ молчаливомъ восторгѣ. Неронъ пѣлъ долго и настраивался все болѣе на печальный ладъ. Когда онъ останавливался, чтобы перевести духъ, хоръ пѣвцовъ повторялъ послѣднія его слова, а потомъ Неронъ снова, движеніемъ, замѣшваннымъ отъ Алитура, сбрасывалъ съ плеча трагическую сирму³⁾, ударилъ по струнамъ и продолжалъ пѣть. Наконецъ, онъ кончилъ сочиненную заранѣе пѣсню и началъ импровизировать, ища живописныхъ сравненій въ зрѣлищѣ, открывающемся передъ нимъ. И лицо его начинало мѣняться. Его не тронула гибель родного города. Онъ упиался и растрогался паэосомъ своихъ словъ до такой степени, что глаза его наполнились слезами, наконецъ, лютя съ громомъ упала къ его ногамъ и цезарь, закутавшись въ сирму, застылъ въ одномъ положеніи, какъ статуи Ниобидовъ, которыя украшали дворъ Палатина.

Послѣ короткаго молчанія поднялась буря рукоплесканій, но толпа издали отвѣчала ей воемъ. Теперь среди народа никто уже не сомнѣвался, что цезарь приказалъ поджечь городъ, чтобы устроить себѣ зрѣлище и пѣть пѣсни при свѣтѣ пожара. Неронъ, услышавъ этотъ крикъ сотни тысячъ голосовъ, обратился къ августианамъ съ грустною, полною покорности судьбѣ улыбкой человѣка, которому оказываютъ несправедливость, и сказалъ:

— Вотъ какъ, квиниты, умѣютъ цѣнить меня и поэзію!

— Негодяи!—отвѣтилъ Ватиній,—прикажи, господинъ, ударить на нихъ преторіанцамъ.

Неронъ обратился къ Тигеллину:

— Можно рассчитывать на вѣрность солдатъ?

— Да, божественный!—сказалъ префектъ.

Но Петроній пожалъ плечами.

— На ихъ вѣрность, а не на ихъ численность,—сказалъ

³⁾ Сирма—длинная, волочащаяся по землѣ одежда, которую носили преимущественно трагическіе актеры.

онъ. — Оставайся пока здѣсь, — здѣсь безопаснѣй, — а этотъ народъ нужно успокоить.

Того же мнѣнія былъ и Сенека, и консулъ Лициній. Между тѣмъ, возбужденіе всюду все росло. Народъ вооружался камнями, шестами отъ палатокъ, досками и разными кусками желѣза. Предъ лицо цезаря предстали предводители нѣсколькихъ когортъ и заявили, что преторіанцы, подъ напоромъ толпы, съ величайшимъ усиліемъ удерживаютъ строй и, не имѣя приказа ударить на людей, не знаютъ, что имъ дѣлать.

— Боги! — сказалъ Неронъ, — что за ночь! Съ одной стороны пожаръ, съ другой — взволнованное море народа.

И онъ началъ подыскивать выраженія, которыя болѣе пластично могли бы обрисовать опасность данной минуты, но, видя вокругъ себя блѣдныя лица и безпокойные взгляды, также испугался.

— Дайте мнѣ темный плащъ съ копышономъ! — крикнулъ онъ. — Развѣ дѣйствительно дѣло можетъ дойти до битвы?

— Господинъ, — невѣрнымъ голосомъ отвѣтилъ Тигеллинъ, — я сдѣлалъ все, что могъ, но опасность предстоитъ грозная. Обратись съ рѣчью къ народу, обѣщай ему сдѣлать что-нибудь.

— Чтобы цезарь говорилъ съ толпой? Пусть это сдѣлаетъ кто-нибудь другой отъ моего имени. Кто возьмется за это?

— Я, — спокойно отвѣтилъ Петроній.

— Иди, другъ! Ты самый вѣрный въ минуту нужды... Иди и не щади обѣщаній.

Петроній повернулъ къ императорской свитѣ свое лицо, на которомъ рисовались небрежность и насмѣшка.

— Сенаторы, находящіеся здѣсь, — сказалъ онъ, — и, кромѣ того, Пизонъ, Нерва и Сенеціонъ пойдутъ со мною.

Онъ медленно сошелъ съ водопровода; тѣ, которыхъ онъ перечислялъ, шли за нимъ не безъ колебанія, но съ надеждой, которую имъ внушало его спокойствіе. Петроній, остановившись у подножія аркады, приказалъ подать себѣ своего бѣлаго коня и, во главѣ сопровождающихъ его, поѣхалъ сквозь ряды преторіанцевъ къ черной, воюющей толпѣ, — безоружный, потому что въ рукахъ у него была лишь тоненькая палка изъ слоновой кости, на которую онъ обыкновенно опирался.

Миновавъ преторіанцевъ, онъ направилъ коня на толпу. Вокругъ, при свѣтѣ пожара, видны были только поднятыя руки, вооруженныя всякимъ оружіемъ, горящіе глаза и покрытыя потомъ лица. Разъяренная волна окружила Петронія и его свиту, а дальше видѣлось только море головъ, — подвижное, кипящее, страшное.

Крики усилились еще больше и обратились въ нечеловѣческій ревъ; палки, вилы и даже мечи колебались надъ головой Петронія, хищныя руки протягивались къ поводьямъ его коня и къ нему самому, но онъ углублялся все дальше, холодный, равнодушный, презрительный. Отъ времени до времени онъ ударялъ по головѣ какого-нибудь черезъ-чуръ назойливаго человѣка, какъ будто прочищалъ себѣ дорогу въ обыкновенной толпѣ, и эта увѣренность, это спокойствіе приводили въ изумленіе разгоряченную толпу. Петронія, наконецъ, узнали и изъ разныхъ мѣстъ послышались возгласы:

— Петроній! *Arbiter elegantiarum!* Петроній!

— Петроній! — загремѣло со всѣхъ сторонъ.

И, по мѣрѣ того, какъ повторялось это имя, лица вокругъ свиты Петронія становились менѣе грозными, крики менѣе бѣшенными, потому что изящный патрицій, хотя никогда не заискивалъ передъ народомъ, былъ его любимцемъ. Онъ считался человѣкомъ добрымъ и мягкимъ, а популярность его въ особенности возросла послѣ дѣла Педанія Секунда, когда Петроній ходатайствовалъ за смягченіе суроваго приговора, осуждавшаго на смерть всѣхъ невольниковъ префекта. Въ особенности толпы невольниковъ полюбили его съ тѣхъ поръ тою неудержимою любовью, какою угнетенные и несчастные люди привыкли любить всѣхъ, кто оказывалъ имъ хоть каплю сочувствія. Кроме того, въ настоящую минуту присоединилось и любопытство, что скажетъ посолъ цезаря, потому что никто не сомнѣвался, что цезарь нарочно послалъ Петронія.

А тотъ снялъ съ себя бѣлую тогу, отороченную красною каймой, поднялъ ее кверху и началъ махать надъ головой, въ знакъ того, что хочетъ говорить:

— Тише! тише! — раздавалось со всѣхъ сторонъ.

Немного погодя всѣ утихли. Тогда Петроній выпрямился на конѣ и заговорилъ спокойнымъ, яснымъ голосомъ:

— Граждане! Пусть тѣ, которые услышатъ меня, повторяютъ мои слова стоящимъ дальше, и пусть всѣ держатъ себя, какъ люди, а не какъ звѣри на аренахъ.

— Слушаемъ, слушаемъ!

— Такъ вотъ и слушайте. Городъ будетъ отстроенъ вновь. Сады Лукулла, Мецената, Цезаря и Агриппины будутъ открыты для васъ. Съ утра начнется раздача хлѣба, вина и масла, такъ что каждый можетъ набить себѣ животъ по горло. Потомъ цезарь устроитъ вамъ игры, которыхъ до сихъ поръ міръ не видалъ, а за играми васъ ждутъ пиршества и подарки. Вы послѣ пожара будете болѣе богаты, чѣмъ до пожара.

Петронію отвѣчалъ ропотъ, который отъ середины расходился по сторонамъ такъ, какъ расходятся круги по водѣ, когда кто-нибудь броситъ въ нее камень,—стоящіе ближе повторяли стоящимъ дальше то, что они слышали. Потомъ и тамъ, и здѣсь раздались крики, гнѣвные или поощрительные, и вскорѣ слились въ одно общее:

— *Rapem et circenses!* ⁴⁾

Петроній закутался въ тогу и оставался неподвиженъ, похожій на надгробный памятникъ. Крикъ усиливался, заглушалъ трескъ пожара, раздавался со всѣхъ сторонъ, доносился изъ самыхъ отдаленныхъ глубинъ толпы, но посоль цезаря, очевидно, хотѣлъ сказать еще что-то, потому что оставался на мѣстѣ.

Наконецъ, онъ махнулъ рукой, чтобъ возстановить молчаніе, и крикнулъ:

— Я общаю вамъ «*rapem et circenses*», а теперь закричите въ честь цезаря, который васъ кормитъ и одѣваетъ, а потомъ, милая голытьба, расходись спать,—скоро уже разсвѣтатъ начнетъ.

Онъ повернулъ коня и, слегка ударяя по головѣ и лицу тѣхъ, которые стояли у него на дорогѣ, медленно поѣхалъ къ рядамъ преторіанцевъ.

Немного погодя онъ былъ уже у водопровода, а наверху засталъ чуть не смятеніе. Тамъ не поняли крика «*rapem et circenses*»,—приписали это новому взрыву бѣшенства, и не рассчитывали даже, чтобъ Петроній могъ спастись, и когда Неронъ увидалъ его, то подбѣжалъ къ лѣстницѣ и началъ разспрашивать съ взволнованнымъ лицомъ:

— Ну, какъ? Что тамъ? Возмущеніе?

Петроній набралъ воздуха, вдругъ глубоко вздохнулъ и отвѣтилъ:

— Блянусь Поллуксомъ! Какая вонь отъ нихъ! Пусть кто-нибудь дастъ мнѣ эпилиму ⁵⁾, иначе я упаду въ обморокъ.

Потомъ онъ обратился къ цезарю:

— Я общалъ имъ хлѣба, масла, игрища, общалъ, что имъ откроютъ сады. Они снова боготворятъ тебя и запенными губами воздаютъ тебѣ честь. Боги! какой запахъ отъ этого плебса!

— Преторіанцы были готовы,—воскликнулъ Тигеллинъ,—и еслибъ ты не успокоилъ народъ, крикуны умолкли бы на вѣки. Жаль, цезарь, что ты не позволилъ мнѣ употребить силу.

⁴⁾ „Хлѣба и игрища въ циркѣ!“

⁵⁾ *Epilimma* (вернѣ *epalimma*)—родъ очень дешевой мази, по толкованію древняго римскаго грамматика Феста.

Петроній посмотрѣлъ на Тигеллина, пожалъ плечами и сказалъ:
— Время еще не утрачено. Ты можешь воспользоваться завтрашнимъ днемъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!—сказалъ цезарь.—Я прикажу имъ открыть сады и раздавать хлѣбъ. Благодарю тебя, Петроній! Игрища я устрою, а ту пѣснь, которую вы слышали сегодня, я спою публично.

Онъ остылъ немного, положилъ руку на плечо Петронія и послѣ минутнаго молчанія спросилъ:

— Скажи чистосердечно, каковъ я тебѣ казался во время пѣнія?

— Ты былъ достоинъ этого зрѣлица, какъ и оно достойно тебя,—отвѣтилъ Петроній.

Онъ снова обратился къ пожару и сказалъ:

— Но полюбуемся еще и простимся со старымъ Римомъ.

У.

Слова апостола влили надежду въ душу христіанъ. Хотя конецъ міра имъ всегда казался близкимъ, но они начали думать, что страшный судъ наступитъ не сейчасъ и что они передъ этимъ, можетъ быть, увидятъ конецъ царствованія Нерона, которое считали за владычество сатаны, увидятъ, какъ Богъ покараетъ его злодѣянія. Успокоенные христіане начали расходиться изъ подземелья по своимъ временнымъ жилищамъ и даже возвращаться въ Затибрскую часть. Прошелъ слухъ, что огонь, подброшенный сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ, съ переменною вѣтра, снова повернулъ къ рѣкѣ, пожралъ, что было можно, и пересталъ распространяться.

Апостолъ, въ сопровожденіи Виниція и идущаго за ними Хилона, также оставилъ подземелье. Молодой трибунъ не смѣлъ прерывать его молитвы, шелъ молча и только умоляюще посмаривалъ на Петра. Но вокругъ апостола тѣснились люди,—матери протягивали къ нему своихъ дѣтей, тѣ цѣловали его руки и края его одежды, эти становились на колѣни и просили благословить ихъ,—не было времени ни предложить вопросъ, ни получить на него отвѣтъ. То же самое было и въ ущельи, и лишь только на открытомъ мѣстѣ, откуда былъ видѣнъ горящій городъ, апостолъ, троекратно перекрестивъ его, обратился къ Виницію и сказалъ:

— Не тревожься. Хижина фоссора¹⁾ недалеко отсюда, а въ ней

¹⁾ Фоссор—землекопъ.

ты найдешь Лигію съ Линпомъ и ея вѣрнымъ слугою. Христосъ, Который предназначилъ ее тебѣ, сохранилъ ее.

Виницій пошатнулся и оперся рукою о скалу. Дорога изъ Антія, приключенія у городскихъ стѣнъ, поиски Лигіи среди раскаленного дыма, бессонница и страшное безпокойство почти совсѣмъ исчерпали его силы, а остатки ихъ погасли при извѣстіи, что дорогое существо близко и что онъ скоро увидить его. Виниціемъ овладѣла такая слабость, что онъ опустился къ ногамъ апостола, обнявъ его колѣни, и такъ и остался, не имѣя возможности сказать что-нибудь.

Апостоль, защищаясь отъ проявленій благодарности Виниція, сказалъ:

— Не мнѣ, не мнѣ, — Христу.

— Что за всеобъемлющее божество! — слышался сзади голосъ Хилона. — Но я не знаю, что дѣлать съ мулами, — они стоятъ недалеко.

— Встань и иди за мной, — и апостоль Петръ взялъ за руку молодого человѣка.

Виницій всталъ. При блескѣ зари было видно, какъ слезы текли по его поблѣднѣвшему отъ волненія лицу. Губы его шевелились, какъ будто онъ молился.

— Пойдемъ, — сказалъ онъ.

Но Хилонъ снова повторилъ:

— Господинъ, что мнѣ дѣлать съ мулами? Они ждуть насъ. Можетъ быть, достойный пророкъ предпочелъ бы ѣхать, чѣмъ идти.

Виницій самъ не зналъ, что сказать, но, узнавъ отъ Петра, что хижина землею близко, отвѣтилъ:

— Отведи муловъ къ Макрину.

— Прости, господинъ, что я напомню тебѣ о домѣ въ Америолѣ. При такомъ ужасномъ пожарѣ легко забыть о ничтожной вещи.

— Ты получишь его.

— О, внукъ Нумы Помпилія, ты всегда заслуживалъ довѣрія, но теперь, когда твое обѣщаніе слышалъ и великодушный апостоль, я не напоминаю тебѣ даже и того, что ты обѣщалъ мнѣ и виноградникъ. *Rex vobiscum*. Я найду тебя, господинъ. *Rex vobiscum*.

Виницій и апостоль Петръ отвѣтили: «и тебѣ также», — и повернули направо, къ холмамъ. По дорогѣ Виницій сказалъ:

— Господинъ, омой меня водою крещенія, чтобы я могъ назваться истиннымъ поклонникомъ Христа, ибо я люблю Его всѣми силами своей души. Омой меня скорѣе, — я готовъ уже въ сердцѣ своемъ. И что ты мнѣ повелишь, я все сдѣлаю, только скажи мнѣ, что дѣлать.

— Люби людей, какъ братьевъ своихъ, — отвѣтилъ апостоль, — ибо Ему ты можешь служить только любовью.

— Да! Я это уже понимаю и чувствую! Когда я былъ ребенкомъ, то вѣрилъ въ римскихъ боговъ, но не любилъ ихъ, а Единого люблю такъ, что съ радостью отдалъ бы за Него жизнь.

Онъ посмотрѣлъ на небо и продолжалъ съ восторгомъ:

— Ибо Онъ единъ! Ибо Онъ добръ и милосердъ! Пусть погибнетъ не только этотъ городъ, но и весь мѣръ, — Его одного я буду восхвалять, Ему одному поклоняться!

— А Онъ будетъ освѣщать тебя и твой домъ, — прибавилъ апостоль.

Они свернули въ другое ущелье, на концѣ котораго мерцалъ слабый огонекъ. Петръ указалъ на него рукою и проговорилъ:

— Вотъ хижина землекопа, который далъ намъ убѣжище, когда мы возвращались съ больнымъ Линномъ изъ Остранія и не могли пробраться домой.

Они подошли ближе. Хижина представлялась скорѣе пещерою, высѣченною въ трещинѣ горы. Дверь была закрыта, но черезъ отверстіе, которое замѣняло окно, видно было небольшое пространство, освѣщенное огнемъ очага. Какая-то гигантская фигура поднялась при появленіи Петра и Виниціи и сиропила:

— Кто вы?

— Слуги Христа, — отвѣтилъ Петръ. — Миръ съ тобою, Урсъ! Урсъ наклонился къ ногамъ апостола, затѣмъ, узнавъ Виницію, схватилъ его руки въ свои лапы и поднесъ къ губамъ.

— И ты, господинъ? — сказалъ онъ. — Да будетъ благословенно имя Агнца!... Какъ обрадуется Каллина!

Онъ отворилъ дверь и Виницій вошелъ. Больной Линнъ, съ худымъ и желтымъ лицомъ, лежалъ на вязангѣ соломы. Возлѣ него сидѣла Лигія и держала въ рукахъ пучокъ небольшихъ рыбокъ, нанизанныхъ на веревку и, очевидно, предназначавшихся къ ужину.

Она снимала рыбу съ веревки и, думая, что это вошелъ Урсъ, не поднимала глазъ. Виницій приблизился къ ней, назвалъ ее по имени и протянулъ къ ней руки. Лигія быстро поднялась съ мѣста; молнія изумленія и радости промелькнула по ея лицу, и, безъ словъ, какъ ребенокъ, который послѣ долгихъ дней тревоги и терзаній снова находитъ отца или мать, она бросилась въ объятія Виниціи. Онъ обнялъ ее и прижималъ къ своему сердцу съ такимъ восторгомъ, какъ будто ее спасло чудо. Радости его не было границъ, также какъ его любви и счастью.

Потомъ онъ сталъ разсказывать, какъ онъ скакалъ изъ Антія, какъ искалъ ее у городскихъ стѣнъ и среди клубовъ дыма, сколько настрадался, сколько тревоги испыталъ, прежде чѣмъ апостолъ указалъ ему ея убѣжище.

— Но теперь,—говорилъ онъ,—когда я нашелъ тебя, я не оставлю тебя здѣсь среди огня и буйной толпы. Люди рѣжутъ другъ друга, невольники волнуются и всѣхъ грабятъ,—одинъ Богъ знаетъ, какія еще бѣды могутъ свалиться на Римъ. Но я спасу тебя и всѣхъ васъ. О, дорогая моя!... Хотите ѣхать со мной въ Антію? Тамъ мы сядемъ на корабль и поплывемъ въ Сицилію. Мои земли—ваши земли, мой домъ—вашъ домъ. Слушай меня! Въ Сициліи мы разыщемъ Авла, я возвращу тебя Помпоніи и потомъ возьму тебя изъ ея рукъ. Вѣдь, ты, о carissima, не боишься меня больше? Крещеніе еще не омыло меня, но спроси Петра, не говорилъ ли я ему часъ тому назадъ, когда мы шли къ тебѣ, что я хочу быть законнымъ поклонникомъ Христа, спроси, не умолялъ ли я его окрестить меня хотя бы въ этой хижинѣ фоссора? Повѣрь мнѣ, и вы всѣ повѣрьте мнѣ.

Лигія съ прояснившимся лицомъ слушала Виниція. Всѣ они, сначала по поводу преслѣдованія со стороны евреевъ, а теперь по поводу пожара и вызваннаго имъ волненія, дѣйствительно жили въ тревогѣ и неувѣренности. Удаленіе въ спокойную Сицилію положило бы конецъ всѣмъ безпокойствамъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, открыло бы новую эпоху счастья въ ихъ жизни. Притомъ, если бы Виницій хотѣлъ взять только одну Лигію, христіане, конечно, устояли бы противъ искушенія, пожалѣли бы погннуть апостола Петра и Линна, но, вѣдь, Виницій говорилъ имъ: «Поѣдемъ со мной! Мои земли—ваши земли, мой домъ—вашъ домъ».

И, наклонившись къ рукѣ молодого трибуна, чтобы поцѣловать ее въ знакъ покорности, она сказала:

— Гдѣ ты, Бай, тамъ и я, Байя.

И, смущенная тѣмъ, что она произнесла слова, которыя, по римскому обычаю, произносились только при брачномъ обрядѣ, Лигія покраснѣла и стояла, освѣщенная огнемъ очага, съ опущенною головой, не увѣренная, какъ будутъ приняты ея слова.

Но въ глазахъ Виниція виднѣлось только безграничное поклоненіе. Потомъ онъ обратился къ Петру и заговорилъ снова:

— Римъ горитъ по повелѣнію цезаря. Еще въ Антіи онъ высказывалъ сожалѣніе, что никогда не видалъ большого пожара. Но если онъ рѣшился на такое злодѣйство, подумайте, что можетъ быть дальше? Кто знаетъ, не стянетъ ли онъ свои войска и не при-

кажется ли имъ перебить всѣхъ жителей Рима? Кто знаетъ, какія послѣдуютъ проскрипціи, кто знаетъ, послѣ пожара не вспыхнетъ ли междусобная война со всѣми ея усажами, рѣзней и голодомъ? Скройте же и скроемъ Лигію. Тамъ вы въ спокойствіи переждете бурю, а когда она пройдетъ, опять возвратитесь съять свое сѣмя.

Извнѣ, со стороны Ager Vaticanus, какъ бы въ подтвержденіе опасеній Виниція, послышались какіе-то отдаленные крики, полные бѣшенства и ужаса. Въ эту минуту явился землекопъ, владѣлецъ хижины, и, поспѣшно замкнувъ двери, крикнулъ:

— Люди убиваютъ другъ друга возлѣ цирка Нерона! Невольники и гладіаторы напали на гражданъ!

— Слышите?—спросилъ Виницій.

— Мѣра переполняется,—сказалъ апостоль,—и казнь будетъ, какъ море необозримое.

Потомъ онъ обратился къ Виницію и, указывая на Лигію, добавилъ:

— Возьми ту, кого Богъ предназначилъ тебѣ, и охраняй ее. Большой Линнъ и Урсъ пусть отправятся съ вами.

Но Виницій, который полюбилъ апостола всею силой своей неукротимой души, воскликнулъ:

— Блянусь тебѣ, учитель, что ты останешься здѣсь на гибель!

— Да благословить тебя Богъ за твои намѣренія, — отвѣтилъ апостоль,—но развѣ ты не слыхалъ, что Христось трижды повторилъ мнѣ надъ озеромъ: «паси овцы Моя!»

Виницій умолялъ.

— И если ты, которому никто не довѣрялъ попеченія надъ мной, говоришь, что не оставишь меня здѣсь на гибель, то какъ же ты хочешь, чтобъ я бѣжалъ отъ моего стада въ день казни? Когда была буря на озерѣ и когда мы тревожились въ сердцахъ нашихъ, Онъ не оставилъ насъ,—какъ же мнѣ, слугѣ, не слѣдовать примѣру Господа моего?

Тогда Линнъ приподнялъ свое похудѣвшее лицо и спросилъ:

— А какъ же я, намѣстникъ Господа, не послѣдую твоему примѣру?

Виницій провелъ рукой по головѣ, какъ бы борясь съ собой или своими мыслями, потомъ сказалъ голосомъ, въ которомъ звучала энергія римскаго солдата:

— Слушайте меня, Петръ, Линнъ и ты, Лигія! Я говорилъ, что подсказывалъ мнѣ мой человѣческій разумъ, но у васъ разумъ другой, онъ не о собственной безопасности думаетъ, а о повелѣніи.

яхъ Избавителя. Да! Я этого не понялъ и ошибся, потому что съ моихъ глазъ еще не снята повязка и прежній человекъ отзывается во мнѣ. Но я люблю Христа и хочу быть Его слугою, и хотя здѣсь дѣло идетъ о чемъ-то большемъ, чѣмъ моя собственная голова, я падаю къ вашимъ ногамъ и клянусь, что и я выполняю заповѣдь любви и не повиную своихъ братьевъ въ минуту бѣды.

Онъ сталъ на колѣни и вдругъ имъ овладѣло вдохновеніе, его руки и глаза поднялись вверхъ и онъ началъ взывать:

— Неужели я постигъ Тебя, Христось? Неужели я достоинъ Тебя?

Руки его дрожали, на глаза набѣжали слезы. Апостоль Петръ взялъ глиняную амфору съ водой, приблизился къ Виницію и торжественно сказалъ:

— Брещу тебя во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, аминь!

Тогда религиозный восторгъ охватилъ всѣхъ присутствующихъ. Имъ показалось, что комната наполняется какимъ-то неземнымъ свѣтомъ, что они слышатъ какую-то неземную музыку, что сводъ пещеры разверзается надъ ихъ головами и съ неба на нихъ слетаютъ сонмы ангеловъ, а тамъ, наверху, крестъ и изъязвленные гвоздями, благословляющія руки.

А извнѣ все доносились крики борющихся людей и трескъ пламени.

В. Л.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МЕЛОЧИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Старый дуракъ.

Разсказъ Мишеля Тивара.

I.

Am Casque nocturne. Bonneterie. Gros. Détail.

Магазинъ подъ этою вывѣской велъ самую бойкую торговлю на Большой улицѣ. Купившему его Баптистену Фувару было уже подъ сорокъ лѣтъ. Его фигура благополучнаго обывателя, кругленькій животикъ на коротенькихъ ножкахъ, добродушно-невинное лицо и круглые наивные глаза, казалось, говорили прохожимъ: «Смотрите, весь я тутъ, безъ малѣйшей хитрости».

— Теперь надо васъ женить, Баптистенъ, — говорили ему приятели, какъ только былъ подписанъ документъ на покупку магазина.

И всѣ наперерывъ начали предлагать ему невѣсть.

Сватали ему дочь Сакке, богатаго торговца рыбой, и Зели Корнешъ, дочь хозяина гостинницы *Hôtel du Cheval-Blanc*, а также мадамъ Жакино, вдову, собственницу чулочной-вязальной мастерской подъ фирмой *Пятка безъ шва*, не имѣвшей соперницъ. Славное дѣльце, чудесная партія вдова Жакино! Соединить двѣ торговли вмѣстѣ, сочетать законнымъ бракомъ обувь съ *пятками безъ шва*, съ вязаннымъ головнымъ уборомъ фирмы *Casque nocturne* и наповалъ убить всякую конкуренцію — штука вышла бы на славу!

Не тутъ-то было: Баптистенъ Фуваръ свое держалъ на умѣ, онъ былъ достаточно богатъ для того, чтобы позволить себѣ роскошь брака по любви.

И онъ отправился просить руки Софи Бривель, дочери стараго отставнаго капитана, кое-какъ перебивавшагося на свой маленькій пансіонъ въ предмѣстьи провинціального городка.

Въ мѣстномъ торговомъ мирѣ бракъ этотъ вызвалъ общее не-

одобрение. Вдова Жакино пожимала плечами, Зели Корнешь строила презрительныя гримасы, а дочь Сакке, съ откровенностью рыбной торговли, прямо заявила, что Фукаръ — безмозглая устрица. И всѣ пріятели шляпника единогласно рѣшили, что онъ — старый дуракъ.

Да, старый дуракъ!

Въ его годы, съ его фигурой неотесаннаго мужика жениться на молоденькой дѣвушкѣ, такой щеголеватой, хорошенькой и кокетливой, какъ дочка капитана Бривель, не значить ли это самому напращиваться на бѣды?

Несомнѣнно, старый дуракъ!

II.

А старый дуракъ былъ въ неописуемомъ восхищеніи, старый дуракъ обожалъ свою молодую жену.

И добрякъ Фукаръ глазъ не сводилъ съ нея, неустанно любовался ею, когда молодая хозяйка удостоивала послѣ завтрака сойти въ магазинъ и сѣсть за конторку, нарядная и красивая, съ цвѣткомъ, воткнутымъ въ пышныя бѣлокурыя волосы, золотымъ вѣщомъ лежавшимъ на ея головкѣ, и съ прелестными обнаженными руками, охваченными у плечъ кружевными рукавичками.

Одно облачко, единственное, затуманивало его неземное блаженство. Чтобы счастливымъ быть вполне, недоставало Фукару... о, недоставало очень возможнаго! Онъ желалъ только имѣть дѣтишку, бѣленькаго и розовенькаго дѣтишку, который пухлыми ручонками трепалъ бы его сѣдѣющую бороду и звалъ бы его: «напа».

Наконецъ, и это высшее счастье было ему ниспослано, мадамъ Фукаръ родила дѣвочку, и радость Фукара дошла до границъ безумія.

Но злые языки, — извѣстно, какъ они падки на сплетни въ провинціальныхъ городахъ, — злые языки не замедлили установить ехидное сближеніе между рожденіемъ маленькой Жермены и водвореніемъ десять мѣсяцевъ назадъ въ семьѣ Фукара кузена Артура.

Красивый, очень красивый молодой человекъ, этотъ кузень Артуръ! Напомаженный, завитой, франтовски одѣтый, онъ былъ чуть ли не первымъ красавцемъ въ городѣ. Въ Парижѣ онъ былъ пріакикомъ въ магазинѣ, и, при разговорѣ, улыбался скучающею усмѣшкой, которую усваиваютъ себѣ почти всѣ красивые молодые люди его сорта изъ желанія дать понять, что, мѣряя ежедневно матеріи за прилавкомъ, они познали въ совершенствѣ всю широту высшей парижской жизни. Его донъ-жуанскія ухватки очень быстро

плѣнили сердце красавицы Софи, и самъ добрякъ Фукаръ оказался очарованнымъ хвастливыми аллюрами прикащика моднаго магазина.

— И выдѣлывали же вы, должно быть, штучки у себя въ Парижѣ!—говорилъ Фукаръ, подмигивая глазомъ кузену.

Коротко сказать, парижскій гость такъ обворожилъ мужа и жену, что, прїѣхавши къ своей прекрасной кузинѣ всего на недѣлю «подышать чистымъ воздухомъ», онъ такъ и не уѣхалъ отъ нея.

— Почему бы вамъ не остаться здѣсь?—сказала ему Софи.— Мосьё Фукаръ можетъ дать вамъ дѣло у себя въ магазинѣ. Не правда ли, Баптистенъ?

Еще бы не найтись дѣлу, только не очень-то усердствовалъ кузень за конторкой, а больше «съ прохладочкой», какъ говорится. Вставалъ онъ поздно, завтракалъ всласть и проводилъ вечера въ Коммерческой кофейной, гдѣ старикъ капитанъ Кривель расположилъ свою штабъ-квартиру.

И собирались они тамъ, пять или шесть «настоящихъ молодцовъ», по выраженію Кривеля, не отказывавшихся отъ доброй партіи рамса, ни отъ повторенія выпивки въ круговую, заканчивавшейся маленькимъ баккара.

Когда Фукаръ вздумалъ было сдѣлать робкое замѣчаніе по поводу такого образа жизни, далеко не подходившаго къ традиціямъ шляпной торговли, Артуръ живо заставилъ его прикусить языкъ.

— Вы все еще старой школы держитесь, добрѣйшій мой Фукаръ. Ничего вы не понимаете въ дѣлахъ. По нынѣшнимъ временамъ они только въ кофейной и дѣлаются какъ слѣдуетъ.

И на самомъ дѣлѣ, съ прїѣзда Артура дѣла шли много лучше,— таково было, по крайней мѣрѣ, мнѣніе хозяина Коммерческой кофейной.

Надо, впрочемъ, оговориться, что Артуръ не каждый вечеръ отправлялся въ кофейную. Онъ отнюдь не былъ трактирнымъ за-всегдатаемъ,—о, далеко нѣтъ! Иногда онъ тотчасъ же послѣ обѣда уходилъ въ свою комнату. И въ такіе вечера, по странному совпаденію, мадамъ Фукаръ, пользовавшаяся вообще отличнѣйшимъ здоровьемъ, чуть не падала отъ мигрени и укладывалась въ постель. Такъ мучительна эта ужасная мигрень! Тогда Баптистенъ пользовался своимъ одиночествомъ и приводилъ въ порядокъ счета.

Его ослѣпленіе служило всему городу неисчерпаемымъ сюжетомъ потѣхи, надъ нимъ хохотали чуть не до слезъ.

Но совершенно даромъ и зря тратилось все остроуміе мѣстныхъ обывателей, соперничавшихъ въ издѣвательствахъ надъ Фукаромъ, такъ какъ вся ихъ болтовня производила на него отнюдь не боль-

шее впечатлѣніе, чѣмъ производитъ на быка щелчокъ въ носъ. Съ тѣхъ поръ, какъ у Фукара родилась дочь, онъ уже ничего не слушалъ. Весь онъ отдался своей дѣвочкѣ. Вышимъ для него наслажденіемъ было играть съ нею. Чтобы доставить ей удовольствіе, онъ ходилъ на четверенькахъ, кричалъ пѣтухомъ, ревѣлъ осломъ, вылъ волкомъ... сажалъ ее верхомъ на колѣно и заставлялъ подпрыгивать, распѣвая дѣтскія пѣсенки.

И мадемуазель Жермена, по справедливости, могла похвалиться тѣмъ, какъ ее любятъ.

III.

Иногда Артуръ и мадамъ Фукаръ затѣвали прогулку за городомъ, завтракъ на открытомъ воздухѣ.

— Пойдете съ нами, Фукаръ?—небрежно спрашивалъ Артуръ хозяина дома.

Отвѣтъ Фукара неизмѣнно былъ одинъ и тотъ же:

— Дѣвочку мы возьмемъ съ собой?

— Конечно, нѣтъ,—отзывалась мадамъ Фукаръ,—она насъ только стѣс... простудится.

— Такъ идите безъ меня,—покорно говорилъ Фукаръ,—я останусь съ Жерменой, чтобъ ей не было скучно.

Безъ дальнѣйшихъ объясненій кузень и кузина уходили изъ дому. Когда же они возвращались вечеромъ, очень утомленные, съ подозрительно блестящими глазами, то съ самаго низа лѣстницы слышали веселый смѣхъ ребенка и его возгласы: «Еще, еще!» И Баптистенъ снова принимался распѣвать дѣтскую пѣсенку.

Мадамъ Фукаръ пожимала плечами, и ея презрительная гримаса очень ясно говорила: «Старый дуракъ!»

IV.

Такъ шло дѣло въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, причемъ Фукаръ ни одного раза не измѣнилъ своему несокрушимому спокойствію. Жермена росла, торговля процвѣтала, и владѣлецъ магазина потиралъ руки, говоря: «Счастливый я человекъ!»

Несчастье вторглось въ домъ неожиданно. Началось съ того, что Артуръ сошелъ съ ума. Отъ своего отца, слышавшаго всегда за большого чудака, онъ унаслѣдовалъ предрасположеніе къ мозговой болѣзни, а его способъ «обдѣлывать дѣла», то-есть неумѣренное употребленіе спиртныхъ напитковъ въ Коммерческой кофейной, ока-

зался плохимъ средствомъ противъ развитія наследственнаго недуга. Милаго кузена пришлось помѣстить въ пріютъ для умалишенныхъ. Тамъ онъ и умеръ.

Въ слѣдующемъ году наступила очередь мадамъ Фукаръ. Уѣзжая съ бала подпрефекта, гдѣ ея великолѣпныя плечи произвели замѣтное впечатлѣніе, она простудилась. На другой день у нея оказалось воспаление легкихъ, черезъ недѣлю Фукаръ былъ вдовцомъ.

Эти двѣ смерти такъ поразили суевѣрное воображеніе торговца, что онъ сталъ опасаться такой же участи своей дочери, и порѣшилъ ей одной посвятить все свои заботы, продавши магазинъ подъ фирмою *Casque nocturne*. Онъ былъ достаточно богатъ и заранѣе предвкушалъ все радости жизни вдвоемъ съ своею Жерменой въ тихомъ, уютномъ гнѣздышкѣ, среди цвѣтовъ и птицъ.

Настоящій рай!

Но судьба, точно обозлившись, продолжала преслѣдовать несчастнаго Фукара. Магазинъ былъ проданъ очень выгодно. Баптистенъ заканчивалъ счета по ликвидаціи дѣла и, въ то же время, хлопоталъ объ устройствѣ своего «рая», когда Жермена внезапно заболѣла. Болѣзнь проявлялась въ такихъ странныхъ припадкахъ, въ такихъ необычныхъ симптомахъ, что мѣстный врачъ, простой провинціальный лѣкаръ, совсѣмъ запутался въ томъ небольшомъ запасѣ знаній, какія уцѣлѣли въ его головѣ, и, растерявшись окончательно, предложилъ отцу обратиться къ знаменитому парижскому доктору.

— Только обойдется вамъ это дороговъко!—добавилъ онъ въ видѣ заключенія.

Есть тутъ о чемъ толковать, когда дѣло идетъ лишь о деньгахъ.

Въ тотъ же день Фукаръ уѣхалъ съ курьерскимъ поѣздомъ и слѣдующимъ вечеромъ вернулся обратно, привезъ съ собою знаменитаго доктора Ш.

Ученый сѣлъ у изголовья больной дѣвочки и долго всматривался въ нее, не говоря ни слова.

— Отъ какой болѣзни умерла ея мать?—спросилъ онъ рѣзко.

Мѣстный врачъ, стоявшій въ почтительной позѣ передъ свѣтиломъ науки, отвѣтилъ:

— Отъ пневмоніи, дорогой учитель.

— Такъ... не замѣчалось ничего особеннаго со стороны мозга?

— Никогда.

— Вы увѣрены въ этомъ?

— Вполнѣ.

Тогда, обратившись къ Фукару, ученый проговорилъ:

— А вы, государь мой, ничему не подвержены въ этомъ отношеніи?

Фукаръ, совершенно ошеломленный торжественностью вопроса, едва бормоталъ... Не подвержень? Въ какомъ отношеніи? Онъ ничего не понималъ.

— Ничего подобнаго нѣтъ и со стороны г. Фукара, — отвѣтилъ за него лѣкаръ.

Несмотря на такое увѣреніе, знаменитый докторъ продолжалъ сомнѣваться.

— Подойдите ближе, — обратился онъ къ Фукару. — Дайте вашъ пульсъ... Смотрите на меня.

Фукаръ смотрѣлъ и, съ своей стороны, видѣлъ острый, пронизывающій взглядъ ученаго, проникавшій, точно зондъ, казалось, до самыхъ сокровенныхъ тайниковъ души.

— И вы утверждаете, — медленно говорилъ докторъ, — что ни вы, ни ваша жена никогда не страдали... скажемъ прямо... не страдали сумасшествіемъ?

— Да съ чего вы...

— Взвѣсьте очень серьезно ваши слова, — продолжалъ ученый, не спуская серьезнаго взгляда съ Фукара. — Болѣзнь вашей дочери можетъ быть обусловлена двумя причинами: случайною и временною, или же органическою и наслѣдственною. Въ обоихъ случаяхъ за выздоровленіе я ручаюсь.

Изъ груди Баптистена вырвался вздохъ облегченія.

— Только я долженъ предупредить васъ, что въ томъ и другомъ случаѣ лечение должно быть совершенно различное... Скажу болѣе: лѣкарство, предписываемое въ первомъ случаѣ, — средство страшно энергичное, — смертельно, когда мы имѣемъ дѣло съ явленіями второй категоріи, и наоборотъ... И такъ, поймите, что если вы изъ-за предразсудка, совершенно нелѣпаго, не хотите сказать мнѣ всей правды про себя или про вашу жену...

— О, докторъ!

— Я предупреждаю, ребенокъ вашъ умретъ завтра къ вечеру, — закончилъ докторъ холодно.

— Но клянусь же вамъ... — убѣждалъ его Фукаръ, дрожа отъ страха.

— На томъ и покончимъ!... Прикажите изготовить лѣкарство по этому рецепту, — обратился ученый къ мѣстному врачу. — Завтра утромъ я дамъ его больной самъ.

У.

Фукаръ сіялъ отъ радости.

Спасена! Не умереть его дѣвочка! Докторъ ручается за выздоровленіе! Чудный онъ человѣкъ, великій онъ ученый!

Баптистенъ готовъ былъ пѣть отъ восторга. Глядя на дѣвочку, лежавшую на бѣленькой кровати и тихо спавшую подъ вліяніемъ хлорала, Фукаръ чувствовалъ, какъ слезы, крупныя слезы радости проступаютъ на его рѣсницахъ, и съ удивленіемъ замѣтилъ, что едва слышно онъ напѣвалъ ея любимый припѣвъ къ дѣтской пѣсенкѣ, которою онъ забавлялъ Жермену, когда она была совсѣмъ крошечною.

Бросивши послѣдній нѣжный взглядъ на бѣленькую кровать, Фукаръ вышелъ на пальчикахъ изъ комнаты. Въ ожиданіи обѣда, исполнѣ теперь успокоенный, онъ располагалъ приняться опять за свою ликвидационную работу. Ему оставалось подобрать и привести въ порядокъ бумаги, находившіяся въ комнатѣ жены.

Веселый и довольный, онъ заперся въ ней.

Въ шесть часовъ, — время обѣда, — прикащики, собравшіеся за столомъ, тщетно поджидали хозяина.

Онъ не вышелъ къ обѣду.

И когда на слѣдующее утро, очень рано, явился докторъ, хозяина нигдѣ не могли разыскать.

Наконецъ, старая служанка рѣшилась постучать въ дверь хозяйкиной комнаты. Не получая отвѣта, служанка вошла. Въ полумракѣ отъ спущенныхъ драпировокъ она увидала Фукара сидящимъ у камина, въ которомъ догорали какія-то бумаги.

— Мосьё, докторъ пришелъ, — сказала она.

Служанка открыла окна, и яркій денной свѣтъ залилъ всю комнату. Тогда старуха попятилась назадъ, приведенная въ ужасъ видомъ своего хозяина. Добродушное круглое лицо торговца шляпами, наканунѣ еще такое свѣжее и румяное, было все въ желтыхъ пятнахъ, щеки осунулись и обвисли, изборожденные темными морщинами.

— Господи Иисусе! Вы больны?

Онъ поднялъ голову, взглянулъ на служанку безжизненными глазами, съ трудомъ поднялся съ мѣста и, держась за стѣны, пошелъ въ комнату Жермены.

Весь отдавшійся своему дѣлу, докторъ не оглянулся даже, когда отворилась дверь. Онъ осторожно отсчитывалъ каплю за каплей лѣкарство, вливая опредѣленную дозу въ фарфоровую чашку.

Фукаръ вошелъ молча и сталъ въ сторонѣ, стиснувши губы, зловѣще нахмуривши лобъ, всматриваясь въ спящую Жермену.

Въ эту минуту докторъ съ чашкою въ рукѣ подходилъ къ ея кровати.

Жермена, разбуженная сидѣлкой, приподнимавшей ей голову, испуганно оглянулась кругомъ и вдругъ увидала Фукара.

— Папа!... о, папа!... какъ болитъ!—простонала она, протягивая къ нему исхудалыя руки и какъ бы призывая его на помощь.

Въ комнатѣ послышалось рыданіе. Деревянныиъ, автоматическимъ движеніемъ Фукаръ подошелъ прямо къ доктору, вырвалъ у него изъ рукъ чашку и швырнулъ ее на полъ, гдѣ она разлетѣлась въдребезги.

— Что вы дѣлаете?—вскричалъ пораженный этимъ ученый.

Фукаръ сдавленнымъ, хрипящимъ голосомъ, точно разрывающимъ ему горло, съ трудомъ выговорилъ:

— Отецъ... сумасшедшій!...

— Вы?

Бѣдняга опустилъ осрамленную голову, не отвѣчая. Двѣ крупныя слезы выкатились изъ его глазъ. Докторъ понялъ.

— А!—произнесъ онъ просто.

— Теперь вы спасете ее, не правда ли?—съ мольбою въ голосѣ сказалъ Фукаръ.

Нѣсколько дней спустя Жермена уже поправлялась. Баптистенъ, сидя у ея кровати, нѣжно сжималъ руку дѣвочки.

— Все же ты моя дочка... моя маленькая, милая дочурка!—говорилъ онъ съ прежнею, вернушеюся къ нему, доброю улыбкой.

И про себя онъ добавилъ:

«Моя дочь... все-таки, моя, что бы тамъ ни было!»

VI.

Пріятно было бы закончить тѣмъ, что Фукаръ дождался награды за свое героическое самоотреченіе и что за нѣжную преданность ему отплатили такою же любовью.

Увы!...

Черствая сердцемъ, легкомысленная, эгоистичная въ мать, безалаберная въ отца, Жермена, подростая, оправдывала мнѣніе тѣхъ, кто вѣрять въ таинственные законы атавизма. Ей минуло восемнадцать лѣтъ, ея чудная красота радовала взоры ея предполагаемаго отца, когда въ ихъ городѣ остановился на дневку драгунскій полкъ.

Въ домѣ Фукара, по росписанію, была назначена квартира вахмистру, здоровенному молодцу съ воинственнымъ лицомъ, украшеннымъ великолѣпными усами.

На слѣдующій день, когда ушелъ полкъ, отецъ тщетно разыскивалъ свою дочь. Жермена исчезла... и ни слова сожалѣнія, ни строчки на прощаніе.

Съ тѣхъ поръ о ней ни слуха, ни духа.

Фукаръ живъ еще, но что это за жизнь! Колѣни его дрожатъ, спина сгорбилась, бродитъ онъ по улицамъ, не говоря ни съ кѣмъ ни слова. Главное развлеченіе его состоитъ въ томъ, что онъ цѣлыми часами стоитъ передъ витринами игрушечнаго магазина и смотритъ на выставленныхъ куколъ. Въ солнечные дни онъ проводитъ все время съ полудня до обѣда на скамейкѣ городского сада въ тѣни, подбрасываетъ свою шляпу на колѣнѣкъ, какъ тѣшатъ маленькаго ребенка, и напѣваетъ дѣтскія пѣсенки.

Уличные мальчишки хохочутъ надъ нимъ.

На этотъ разъ уже нельзя про него сказать: «Старый дуракъ!» Онъ просто—безумный старикъ!

Выстрѣлъ корсиканца.

Разсказъ Жана Энара.

Въ характерѣ корсиканцевъ есть своего рода величіе, но проявляться оно можетъ лишь на очень крошечной оцѣнѣ, до странности не соответствующей ни широтѣ жестовъ, ни манерѣ людей держать себя.

Корсиканцамъ не выдается лишь достойнаго ихъ случая, чтобы казаться порою изумительно величественными. Они, впрочемъ, обходятся и безъ такихъ случаевъ, поступаютъ сообразно съ врожденными имъ способностями, и, не имѣя возможности быть поголовно завоевателями, они поголовно — бандиты и похваляются этимъ.

Наполеонъ былъ просто корсиканскимъ бандитомъ, которому удалось перепоротъ жандармовъ. И во всякомъ корсиканскомъ разбойникѣ имѣется матеріалъ, изъ котораго дѣлаются герои. Корсиканцы ежедневно проявляютъ истинное величіе души въ ничтожнейшихъ пустякахъ. Для того, чтобы стать господствующимъ народомъ, имъ не хватаетъ матеріальныхъ средствъ для дѣйствія на широкомъ просторѣ. Такъ, легендарному пирату не доставало лишь флота для того, чтобы сдѣлаться Александромъ Македонскимъ.

«Э-э!» — сказалъ онъ сыну Филиппа, приходившему въ негодо-

ваніе отъ того, что онъ занимается воровскимъ дѣломъ, — различіе между нами лишь въ томъ заключается, что я начальствую надъ небольшою лодкой, а ты — надъ огромнымъ флотомъ. Лодка дѣлаетъ воровъ, флотъ дѣлаетъ завоевателемъ!»

Въ справедливости такихъ мыслей я убѣдился въ тотъ день, когда пришлось мнѣ быть въ Корсикѣ очевидцемъ страннаго событія, которое я намѣреваюсь рассказать.

...Во Франціи я былъ знакомъ съ нѣсколькими корсиканцами, изъ нихъ двое стали моими друзьями, и лучшихъ друзей нельзя имѣть. Корсиканецъ, — натура простая и первобытная, — во всемъ доходить до крайности, и, прежде всего, въ великодушіи и въ преданности.

Преданность корсиканца совершенно слѣпая. Холодный разсудокъ осуждаетъ его за это. Но корсиканецъ знать этого не хочетъ. Дѣло его друга или дѣло его гостя становится его собственнымъ дѣломъ. Онъ о немъ уже не разсуждаетъ, не задумывается надъ нимъ даже, а прямо отдается ему. Не приводите разумныхъ доводовъ тому, кто отдается по любви, и помните, что корсиканецъ ненавидитъ то, чего онъ не любитъ.

...Не будемъ, однако, останавливаться долѣе на этихъ общихъ чертахъ. Вотъ моя исторія.

Пріѣхавши на о. Корсику въ декабрѣ 187..., я сдѣлался гостемъ моего друга Ж. Т..., преподавателя одного изъ нашихъ лицеевъ на континентѣ, или же, вѣрнѣе, я сдѣлался гостемъ его семьи, которой онъ рекомендовалъ меня письмомъ и въ которой приняли меня какъ родного сына. Самъ Ж. Т... принужденъ былъ остаться «во Франціи».

— Здѣсь вы у себя дома, — сказалъ мнѣ его отецъ, какъ только я прибылъ.

Слова эти не были пустою любезностью. Я былъ, на самомъ дѣлѣ, дома. Въ первый разъ въ жизни я увидалъ настоящее античное гостепріимство. У моего хозяина была многочисленная семья, были тутъ: бабушка, отецъ и мать, замуженная дочь и зять съ своимъ первенцемъ, и три сына, изъ которыхъ младшему, Жанъ-Полу, шелъ шестнадцатый годъ. Я почувствовалъ себя подъ кровомъ патріарха.

Съ самаго пріѣзда моего я въ особенности замѣтилъ могущество власти отца. Достаточно было одного слова, жеста или взгляда главы семьи, и всѣ повиновались, молча и быстро. Даже собака, огромный грифонъ, встрѣтившій меня крайне злобно, умѣлъ повиноваться малѣйшему знаку. Когда я подѣхалъ, онъ винулся ко

мнѣ со страшнымъ лаемъ. Старый хозяинъ дома поднялъ палець, и грифонъ тотчасъ отправился прочь и улегся, обратившись ко мнѣ спиной, безъ малѣйшей злобы и даже безъ признака любопытства.

Любитель охоты и въ особенности собакъ, я залюбовался этимъ грифономъ, чернымъ безъ отмѣтины и замѣчательно крупнымъ. Грифоновъ я цѣню, впрочемъ, выше всѣхъ другихъ собакъ. Неустрашимые на водѣ, они умѣютъ даже нырять. Въ равнинѣ ли, въ горахъ ли, нѣтъ той кручи, нѣтъ той заросли, которыя остановили бы грифонъ. Мозгъ у него превосходно развитъ, нѣкоторая склонность къ независимости отлично уживается съ необычайною вѣрностью, смѣлость его внѣ всякихъ сравненій.

Само собою разумѣется, что я не замедлилъ похвалить моимъ хозяевамъ грифоновъ вообще и ихъ собаку въ особенности. Мнѣ тотчасъ же ясно стало, что для перваго знакомства я удачно выбралъ сюжетъ разговора: вся семья, отъ стараго до малаго, осталась очень довольна моими словами.

— Эта собака, — сказалъ мнѣ отецъ, — все равно, что человекъ, — это членъ нашей семьи. Дивари увѣряютъ, будто обезьяна — человекъ и не говоритъ лишь изъ-за того, чтобъ ее не заставили работать. А эта собака говоритъ и работаетъ съ людьми, а съ дѣтьми играетъ. Можетъ быть, она лучше насъ всѣхъ. Надо вамъ сказать, что воспиталъ ее я, и пришлось не разъ крѣпко поучить ее. Но кого же и изъ дѣтей не случается поучить? Безъ этого и знаніе не дается. Теперь мой песъ все знаетъ, что ему полагается знать, и обязанности свои исполняетъ неуклонно. *Per dio!* завтра сами убѣдитесь. Вы, вѣдь, пріѣхали сюда поохотиться. Такъ прогуляйтесь завтра съ моимъ младшимъ сыномъ, съ Жанъ-Полемъ. Слышишь, Жанъ-Поль?

Жанъ-Поль, занятый чисткой ружья, поднялъ голову и сказалъ:

— Пойдемъ, отецъ. Утокъ увидимъ.

— Слышишь, Неро (Черный)? — продолжалъ отецъ, обращаясь къ собагѣ.

Грифонъ поднялся, посмотрѣлъ на отца, потомъ на сына, понюхалъ привладъ ружья, помахалъ хвостомъ, проворчалъ *что-то* и опять растянулся передъ каминомъ, въ которомъ зарумянивалась на огнѣ четверть баранины.

Съли обѣдать. Неро не переставалъ смотрѣть на горящія дрова и лишь, когда его звали, подходилъ къ столу, бралъ кусокъ, который давали ему, и возвращался на свое мѣсто.

За десертомъ мнѣ рассказали чудесную выходку Неро, поистинѣ достойную біографію великой собаки.

Неро былъ еще очень молодъ и жилъ въ дружбѣ съ кошкой. У кошки народились котята. Кому-то было приказано уничтожить ихъ, и котятъ утопили въ морѣ. Сдѣлано это было въ присутствіи Неро. Котята погибли съ камнями на шеѣ, ихъ мать неутѣшно тосковала. Неро былъ такъ тронутъ ея горемъ, что въ теченіе двухъ дней, видя, какъ она отказывается отъ пищи, самъ почти ничего не ѣлъ.

Вскорѣ потомъ Неро, сопровождая кого-то изъ хозяевъ, проходилъ по деревнѣ, находящейся въ одномъ лѣ отъ дома, и увидалъ, что мальчишки мучаютъ крошечнаго котенка. Не задумываясь, онъ бросился въ толпу мучителей, схватилъ котенка ртомъ за кожу у шеи и сдѣлалъ съ своею ношей лѣ обратно къ дому, чтобы принести опечаленной матери бѣднаго котеночка, который, по его разсужденію, могъ быть однимъ изъ ея дѣтенышей. Кошка приняла найденнаго малютку, стала его кормить, повеселѣла и поздоровѣла. За столь прекрасное дѣяніе Неро былъ воспѣтъ въ стихахъ импровизаторшею изъ ихъ семьи.

— Не правда ли, что онъ поступилъ совсѣмъ какъ человѣкъ?—спросилъ меня хозяинъ въ заключеніе своего разказа.

Я высказалъ мнѣніе, что многіе люди не поступили бы такъ, и отправился спать, мечтая о предположенной на завтра охотѣ.

Жанъ-Поль разбудилъ меня передъ разсвѣтомъ. Мы пустились въ путь и Неро съ нами. Холодно было, очень холодно. Сѣверный вѣтеръ былъ намъ въ лицо, пронизывалъ насквозь. Мы ускорили шагъ.

Черезъ четверть часа мы были въ равнинѣ, на берегу болота. Тамъ рѣзкій вѣтеръ давалъ себя чувствовать еще сильнѣе. Вода и трава вздрагивали, и можно было подумать, что и онѣ зябнуть. Я плотно застегнулъ свое пальто изъ толстаго сукна. Жанъ-Поль въ кожаныхъ гетрахъ, въ бархатной курткѣ, въ шапочкѣ горца, сдвинутой на ухо, все время шелъ впереди, какъ проводникъ. Мы не обмѣнялись и двумя словами.

Юноша остановился.

— Вотъ мы и на мѣстѣ, — сказалъ онъ. — Сегодня я хочу показать вамъ только, какъ работаетъ Неро, какъ не боится онъ ни воды, ни холода и ничего на свѣтѣ. Дѣла ему будетъ не много, но все равно, вы посмотрите. Садитесь сюда, подъ это дерево, — мѣстечко хорошее. А я знаю тамъ другое и туда пойду. Сидите спокойно. Мы, навѣрное, увидимъ утокъ. Если онѣ съ прилета начнутъ

кружиться, не стрѣляйте въ лётъ, онѣ опустятся на болото. Если же потянуть напрямикъ, тогда бейте.

Я съѣлъ и притаился за деревомъ. Жанъ-Поль исчезъ. Вѣтеръ гудѣлъ въ тростникѣ. Прямо передо мной день занимался бѣлою полосой на небѣ, гдѣ еще ярко мерцали звѣзды. Полный разсвѣтъ наступалъ медленно. Мы были окружены горами, по склонамъ которыхъ видѣлись оголенные отъ листвы каштаны, но мастиковыя уеревья и можжевельникъ тамъ и сямъ оживляли свою зеленью дный декабрскій пейзажъ.

Вдругъ послышался громкій шелестъ крыльевъ. Стая утокъ! Я приложился, выстрѣлилъ и промахнулся. Летѣли онѣ далеко. Я взглянулъ въ ту сторону, гдѣ былъ Жанъ-Поль. Тамъ ничто не шелохнулось. Только на одинаковомъ разстоянн отъ меня и отъ него за кустомъ дикаго терна сидѣлъ Неро и смотрѣлъ на воду. Въ эту минуту раздался выстрѣлъ, и я видѣлъ, какъ упалъ въ болото и забился на водѣ великолѣпный селезень шагахъ въ пятидесяти отъ берега.

— Неро, въ воду! — крикнулъ Жанъ-Поль.

Неро прыгнулъ въ болото. Оно было уже на половину замерзшее, по немъ плавали острия, какъ иглы, льдинки. Съ перваго же прыжка онѣ охватили Неро, и онъ тотчасъ же вернулся на берегъ, сталъ отряхиваться, жалобно взвизгивая.

Удивленный Жанъ-Поль вышелъ изъ своей засады и сказалъ:

— Въ воду, Неро!

Собака смотрѣла на своего хозяина, печально помахивала хвостомъ и, видимо, отказывалась исполнить приказанн.

Ясно было, что Неро чувствовалъ себя нехорошо и находилъ воду опасно-холодною.

— Въ первый разъ онъ *не слушается*, — важно проговорилъ Жанъ-Поль, — да еще при чужомъ человѣкѣ... Этого я не потерплю. Въ воду! — повторилъ онъ.

Собака подошла къ самому краю берега, подняла лапу, осторожно дотронулась ею до воды и попятилась назадъ, потомъ легла у ногъ хозяина, подняла на него молящнй взглядъ.

Юный корсиканецъ поблѣднѣлъ.

— Смотри, песъ! — проговорилъ онъ.

Солнце вышло изъ-за горъ и освѣтило болото, на которомъ искрились и сверкали цвѣтами радуги тысячи маленькихъ льдинокъ. Неро и я слѣдили глазами за Жаномъ-Полемъ, бывшимъ уже въ водѣ. Онъ шелъ по замерзающему болоту такъ же спокойно, какъ

по землѣ. Когда онъ взялъ въ руку все еще бывшуюся утку, вода доходила ему подъ мышки. Я опомниться не могъ отъ удивленія.

— Видишь, — сказалъ собагѣ Жанъ-Поль, вернувшійся на берегъ весь мокрый, — *я никогда не требую отъ тебя ничего такого, чего я самъ не могъ бы сдѣлать!*

Чудныя слова, достойныя короля, предводителя армій!

— А теперь, — добавилъ онъ, — ты будешь наказанъ. Пошелъ впередъ!

Пристыженный и печальный Неро тихо пошелъ впередъ, опустивши хвостъ.

— Прошу извинить меня, дорогой гость, — обратился ко мнѣ Жанъ-Поль, — охота наша пропала по винѣ Неро. Вернемтесь домой... Но Неро не избѣгнетъ заслуженной кары.

И вслѣдъ за тѣмъ, прежде чѣмъ я могъ понять его мысль, поразительно необычную, онъ выстрѣломъ изъ ружья убилъ наповалъ несчастнаго Неро... Этотъ корсиканецъ, почти ребенокъ, убивающій за послушаніе свою любимую собаку, не равенъ ли онъ, — если хотите, — Манлію, приговаривающему къ смертной казни родного сына? Безсмысленно это, безчеловѣчно, — да... но для этого надо имѣть такое же желѣзное сердце, какое было у героевъ древняго Рима.

— Когда ты будешь въ Борсикѣ, — говорилъ мнѣ мой другъ профессоръ Ж. Т..., — никогда не возмущайся ничѣмъ. Ты ѣдешь туда гостемъ на двадцать дней и только. И не думай разыгрывать тамъ роль проповѣдника французскихъ идей. Если тамъ не будутъ опасаться твоего осужденія, ты увидишь, что корсиканцы станутъ при тебѣ поступать вполне по-корсикански, и получишь возможность составить о нихъ правильное мнѣніе.

Я и не осудилъ Жанъ-Поля, я промолчалъ. Къ тому же, и Неро былъ уже поконченъ, и никакія слова не могли его воскресить. Но съ величайшимъ любопытствомъ я ждалъ, какой пріемъ готовится намъ дома.

Когда мы вернулись, всѣ были въ отлучкѣ, на работѣ.

Въ полдень собралась вся семья и усѣлась за столъ. На мой взглядъ, Жанъ-Поль былъ взволнованъ, но, въ сущности, держалъ себя совершенно спокойно.

На отсутствіе собаки никто не обратилъ вниманія, какъ вдругъ раздался голосъ грудного ребенка, крикнувшаго:

— Не-о!

Жанъ-Поль вздрогнулъ.

— Что за диковина, — сказалъ отецъ, — вѣтъ тутъ Неро.

— И никогда уже не будеть!—отозвался Жанъ-Поль глухимъ голосомъ.

Я понялъ, какія онъ дѣлаеть усилія, чтобы не заплавать.

— Что такое?—продолжалъ отецъ.—Пропалъ онъ у васъ? Что случилось? Говори скорѣе!

Всѣ, затаивши дыханіе, ждали отвѣта.

— Я его убилъ!—проговорилъ Жанъ-Поль.

Отецъ протянулъ руку назадъ и схватилъ суковатую дубину, настоящую палицу, стоявшую въ углу, готовый, казалось, избить ею сына безъ дальнѣйшихъ объясненій. Къ счастью, онъ надумался спросить:

— За что убилъ?

— Онъ отказался повиноваться, и это при чужомъ!—сказалъ Жанъ-Поль.

— Когда такъ, то хорошо сдѣлалъ!—рѣшилъ отецъ и отставилъ прочь свою палку.

Я видѣлъ слезы на глазахъ всѣхъ присутствовавшихъ. Но каждый тотчасъ же подавилъ свое горе и послѣдовалъ примѣру главы семьи, принявшагося вновь за дѣлу.

... Никакого комментарія добавлять къ этому я не стану. Если бы исторія эта была выдуманная, то никакого значенія она не имѣла бы, такъ какъ въ ней нѣтъ правдоподобія, необходимаго даже въ сказкахъ. Но я передалъ истинное событіе.

Неро похоронили подъ тѣмъ самымъ тамариндовымъ деревомъ, подъ которымъ онъ былъ застрѣленъ, и хотя убійство это всѣ находятъ правильнымъ, тѣмъ не менѣе, его смерть всѣ оплакивають.

М. Р.

Кустарно-промышленный банкъ пермскаго губернскаго земства.

Кустарно-промышленный банкъ—пока единственное учрежденіе въ Россіи, и учрежденіе оригинальное, и естественно, если оно привлекаетъ къ себѣ взоры всѣхъ образованныхъ людей, которыхъ интересуютъ экономическія нужды Россіи. Будучи въ Пермской губерніи, я имѣлъ возможность лично ознакомиться съ его хотя и кратковременною, но плодотворною дѣятельностью, и считаю небезъинтереснымъ подѣлиться результатами моего ознакомленія съ этимъ оригинальнымъ учрежденіемъ.

Что же такое кустарно-промышленный банкъ Пермской губ.? Сначала въ нѣсколькихъ словахъ я укажу на его задачи и цѣли и выясню важность его и его право на наше вниманіе.

Кустарно-промышленный банкъ Пермской губерніи имѣетъ своею цѣлюю *выдачу ссудъ кустарямъ, работающимъ личнымъ трудомъ безъ участія наемныхъ рабочихъ, и затѣмъ вообще поднятіе кустарной промышленности края.*

Но банкъ скоро понялъ недостаточность однѣхъ ссудъ,—онъ убѣдился, что однѣми ссудами нельзя оказать чувствительной помощи кустарямъ и поднять кустарную промышленность края. Онъ увидалъ, что главными тормозами къ развитію нашей кустарной промышленности являются *дороговизна сырья и неорганизованность сбыта кустарныхъ издѣлій*, и теперь банкъ направляетъ свою дѣятельность въ эту сторону: онъ заботится объ организаціи земскихъ кустарно-торговыхъ складовъ и ихъ отдѣленій при обществахъ потребителей, организуетъ сырьевыя товарищества, производительныя артели. Банкъ чутко прислушивается къ жизни, онъ зорко слѣдитъ за требованіями послѣдней и хочетъ помогать кустарю на самомъ дѣлѣ, а не на бумагѣ только. И такъ, только за 1½ года своего существованія банкъ уже успѣлъ въ сильной степени расширить свои задачи и поставить очень широко вопросъ о поднятіи кустарной промышленности края, и надо сказать, что въ этомъ направленіи, несмотря на короткій періодъ существованія банка, уже кое-что имъ сдѣлано, что является лучшимъ залогомъ того, что задачи и цѣли банка не останутся одними пла-

тоническими пожеланіями. Затѣмъ въ самой организаціи банка есть много оригинальнаго и поучительнаго, именно—агентура банка.

И такъ, пермскій банкъ представляетъ серьезный интересъ по своей организаціи, по широтѣ поставленныхъ имъ себѣ задачъ и, наконецъ, по сравнительной успѣшности ихъ выполнения. И въ ряду попытокъ, имѣющихъ своею цѣлью поднятіе кустарной промышленности, онъ безспорно заслуживаетъ серьезнаго вниманія.

Вотъ почему я и предлагаю вашему вниманію результаты моего ознакомленія съ пермскимъ банкомъ,—ознакомленія, быть можетъ, и неполнаго, но думаю, что интересъ предмета послужитъ мнѣ въ этомъ достаточнымъ извиненіемъ. Свое изложеніе о банкѣ я расположу такъ: сначала дамъ коротенькую исторію банка и тѣ мотивы, которые вызвали его къ жизни, затѣмъ изложу организацію банка, его первоначальныя цѣли и задачи, агентуру, остановлюсь на артеляхъ, которыя вызваны къ жизни банкомъ, и покажу, какимъ образомъ банкъ содѣйствуетъ развитію артельного начала среди кустарей. Далѣе опишу, подъ вліяніемъ какихъ соображеній банкъ пришелъ къ сознанію о необходимости расширить свои задачи, включивъ въ нихъ организацію кустарно-торговыхъ складовъ и ихъ отдѣленій при лавкахъ обществъ потребителей, и, наконецъ, представлю цифровой отчетъ о развитіи дѣятельности банка за истекшіе 1½ года. Укажу еще нѣкоторыя задачи банка попечительнаго характера, которыя стоятъ уже въ тѣсной связи съ размѣрами прибылей банка, и затѣмъ, бросивъ бѣглый взглядъ на весь этотъ матеріалъ, дамъ общее заключеніе о дѣятельности банка.

Уставъ кустарно-промышленнаго банка былъ утвержденъ 17 августа 1893 г., а съ 7 января 1894 г. банкъ уже былъ открытъ.

Исторія банка такова. Пермское губернское земское собраніе образовало въ 1881 г. въ память 25-ти лѣтняго юбилея царствованія Александра II капиталъ въ 60,000 руб. съ тѣмъ, чтобы на проценты съ него устроить и содержать какое-либо общепольное для населенія губерніи учрежденіе въ память Александра II. Этотъ капиталъ, нарастая процентами, достигъ къ 1 января 1888 г. 85,000 руб., а ко времени открытія банка—114,202 рубля. До 1888 г. много поступало проектовъ въ губернское земское собраніе, какое дать назначеніе этому капиталу, но ни одинъ изъ нихъ не привлекъ къ себѣ большинства гласныхъ, и только проектъ учрежденія кустарно-промышленнаго банка, внесенный въ очередную сессию 1888 г., былъ принятъ единогласно губернскимъ собраніемъ. Но утвержденіе устава надолго затянулось, и онъ былъ утвержденъ, какъ я уже сказалъ, лишь 17 августа 1893 г.

Въ основной капиталъ банка поступило при его открытіи 114,202 р., но банкъ можетъ увеличить свои средства путемъ займовъ и принятія вкладовъ съ однимъ лишь ограниченіемъ, чтобы общій итогъ обязательствъ банка не превышалъ основнаго и запаснаго капиталовъ его болѣе, чѣмъ въ 1½ раза. Вклады принимаются на сроки отъ 1 года до 5 лѣтъ.

Теперь коротко резюмирую тѣ мотивы, которые руководили губернскимъ

земскимъ собраніемъ при учрежденіи кустарно-промышленнаго банка, какъ они изложены въ *Обяснительной запискѣ пермской губернской управы*, представленной губернскому земскому собранію *).

Кустари, помимо покупки орудій труда, затрачиваютъ много средствъ на закупку сырыхъ матеріаловъ для производства; такъ, напримѣръ, кустари здѣсь пріобрѣтаютъ изъ частныхъ и казенныхъ дачъ за деньги не только лѣсной матеріалъ для столярнаго, бондарнаго, телѣжнаго и другихъ промысловъ, но даже и для топлива, такъ какъ въ лѣсныхъ крестьянскихъ надѣлахъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, древесный запасъ вполне уже истощенъ. Точно также кустарь покупаетъ сѣмя льняное и конопляное для масла, картофель для патоки, шерсть, кожевенно-скорняжное сырье и проч., такъ какъ собственное хозяйство его даетъ лишь ничтожную долю нужныхъ ему матеріаловъ. Такимъ образомъ, кустарь перерабатываетъ теперь покупной сырой матеріалъ, и мѣстные статистическія изслѣдованія устанавливаютъ тотъ фактъ, что этотъ сырой матеріалъ играетъ огромную роль въ продажной цѣнѣ кустарныхъ издѣлій, такъ какъ кустарь, продавая своихъ издѣлій на одинъ рубль, долженъ предварительно купить сырыхъ матеріаловъ въ простѣйшихъ производствахъ—бондарномъ и рогожкомъ—на 23—26 коп., въ гранильномъ и мраморныхъ издѣлій—на 20 коп., для приготовленія печатей и бусокъ—35 коп., въ гончарномъ (пошлина на глину и топливо)—33 коп., въ токарномъ—42 коп., въ гвоздарномъ—отъ 57 до 80 коп., въ маслобойномъ и смолодегтарномъ—70 коп., въ свѣчномъ—73 коп., въ кожевенномъ—77 коп., въ сапожномъ—79 коп., въ паточномъ—88 коп., въ скорняжномъ—90 коп. и въ желѣзо-клепальномъ производствѣ и въ производствѣ лопатъ, подносовъ, тазовъ и проч.—отъ 87 до 92 к. Отсюда видно, въ какихъ значительныхъ оборотныхъ денежныхъ средствахъ нуждается кустарь для веденія своего промысла.

Но до сихъ поръ кредита для кустаря вовсе не было. Волостныя вспомогательныя кассы утратили всякое значеніе, благодаря ихъ нераціональной постановкѣ, ссудо-сберегательныя товарищества, не располагая крупнымъ капиталомъ и будучи призваны удовлетворять самыя разнообразныя кредитныя нужды населенія, конечно, могли удѣлять лишь крохи на нужды кустарной промышленности; такъ, извѣстно, что верхне-таволожскіе скорняки, Быньковской волости, Екатеринбургскаго уѣзда, занимаясь скорняжнымъ производствомъ круглый годъ, т. е. такимъ производствомъ, гдѣ стоимость сырья занимаетъ 90% въ продажной цѣнѣ издѣлій, пользуются ссудами изъ мѣстной вспомогательной кассы по жребію паравнѣ съ другими отъ 10 до 40 руб. въ годъ на человѣка.

Кустари здѣсь, какъ и вездѣ въ Россіи, главнымъ образомъ, получаютъ сырье отъ скупщиковъ въ кредитъ, уплачивая при этомъ отъ 50 до 75%; съ другой стороны, вынужденные немедленно продавать свои издѣлія, они опять теряютъ около 50%, такъ какъ въ магазинахъ въ цѣнѣ на граниль-

*) См. приложение въ *Сборнику Пермскаго Земства* 1888 г., № 20.

ная издѣлія доля прибыли скупщика равняется въ среднемъ 55%, и только остальные 45% приходятся на сырой матеріалъ и трудъ кустаря. Такимъ образомъ, скупщикъ, повышая болѣе чѣмъ вдвое цѣну на кустарныя издѣлія при продажѣ, беретъ себѣ львиную долю, и лишь крохи выпадаютъ на долю кустаря.

И такъ, кредитъ для кустарей былъ вовсе не организованъ въ Пермской губерніи, какъ и повсюду въ Россіи, и кустарь, благодаря этому, находился во власти скупщиковъ.

Вотъ такое-то положеніе кустаря и вызвало единодушное рѣшеніе пермскаго губернскаго земскаго собранія въ пользу учрежденія кустарно-промышленнаго банка, основною цѣлью котораго является *организация кредита для кустарей*. Помощь кустарямъ со стороны банка будетъ выражаться въ выдачу ссудъ. Кому же будутъ выдаваться эти послѣднія?

Этотъ вопросъ раздѣляется тою цѣлью, которую ставить себѣ банкъ, а эта цѣль — *вырвать кустаря изъ зависимости скупщиковъ и ростовщиковъ и сдѣлать его самостоятельнымъ*; слѣдовательно, банкъ по своей идеѣ уже не можетъ содѣйствовать развитію эксплуатаціи наемнаго труда и отсюда не можетъ выдавать ссуды лицамъ, работающимъ наемнымъ трудомъ. Это — основная идея и основной принципъ дѣятельности банка. Но, съ одной стороны, банковско-техническая сторона дѣла, а съ другой — бытовыя условія вносятъ нѣкоторые ограниченія въ этотъ кругъ возможныхъ кліентовъ банка, такъ какъ съ банковско-технической стороны, конечно, требуется, чтобы ссуды были обезпечены, а, слѣдовательно, лица, испрашивающія ссуду, должны обладать нѣкоторымъ имуществомъ или представить состоятельныхъ поручителей, и затѣмъ въ виду трудности контроля за надлежащимъ употребленіемъ ссуды нѣкоторые промыслы, какъ, напримѣръ, отхожіе, прямо исключаются изъ сферы дѣятельности кустарно-промышленнаго банка. Съ другой стороны, бытовыя и техническія условія дѣлаютъ необходимымъ участіе въ нѣкоторыхъ отрасляхъ наемныхъ рабочихъ, и въ виду этого банку приходится нѣсколько поступиться, такъ сказать, цѣлостностью своей идеи. И такъ, при опредѣленіи состава кліентовъ банка положена одна основная идея — развитіе контингента самостоятельныхъ кустарей, но разныя условія заставили банкъ, съ одной стороны, еще болѣе сѣздить этотъ кругъ, а съ другой стороны — расширить его, и, такимъ образомъ, кругъ лицъ, имѣющихъ право на ссуду изъ банка, является какъ бы результатомъ компромисса между идеей, которую принципиально ставить себѣ банкъ, и требованіями практической жизни, солидности банковскаго дѣла и условій производства. Слѣдовательно, кругъ кліентовъ банка опредѣляется логическимъ развитіемъ одной идеи при данныхъ конкретныхъ условіяхъ дѣйствительной жизни.

Посмотримъ же теперь, какую форму принимаетъ эта идея при тѣхъ условіяхъ, среди которыхъ приходится дѣйствовать банку, т.-е. какъ опредѣляется кругъ лицъ, которымъ банкъ можетъ выдавать ссуду.

Банкъ, по уставу, выдаетъ ссуды, во-первыхъ, отдѣльнымъ кустарямъ,

во-вторыхъ, кустарнымъ артелямъ и, въ-третьихъ, кустарно - торговымъ складамъ, учреждаемымъ уѣздными земствами для облегченія сбыта готовыхъ кустарныхъ издѣлій.

И такъ, банкъ открываетъ свой кредитъ отдѣльнымъ кустарямъ; притомъ, эти лица должны удовлетворять слѣдующимъ условіямъ: во-первыхъ, они непремѣнно должны сами или члены ихъ семьи участвовать въ работѣ; если же они не участвуютъ въ производствѣ личнымъ трудомъ, они не имѣютъ и права на ссуду изъ банка; во-вторыхъ, кустарь долженъ имѣть постоянное мѣсто жительства, гдѣ бы онъ и занимался своимъ промысломъ; если же онъ ходитъ на заработки и вообще работаетъ не въ одномъ мѣстѣ, то онъ, какъ занимающійся отхожимъ промысломъ, также получить ссуды изъ банка не можетъ. Устраненіе отъ участія въ выгодахъ кустарнаго банка лицъ, занимающихся отхожимъ промысломъ, въ *Объяснительной запискѣ*, между прочимъ, мотивируется трудностью контроля за употребленіемъ ссуды. «Кустарь съ его счастьемъ и несчастьемъ, съ его трудовымъ успѣхомъ или бѣдой всегда на глазахъ у банка; всегда послѣдній, оказывая кредитъ кустарямъ, будетъ въ состояніи развѣивать свою дѣятельность съ открытыми глазами; кредитъ же отхожему промыслу — безусловно личный; успѣхъ и упадокъ такого промысла находился бы внѣ всякаго наблюденія со стороны банка, не говоря уже о тѣхъ затрудненіяхъ, въ какія бы онъ былъ поставленъ, если бы вынужденъ былъ, въ случаѣ неплатежа ссуды, разыскивать своего кліента, странствующаго повсюду» *). Кроме того, чтобы имѣть право на полученіе ссуды изъ банка, кустарь долженъ удовлетворять еще слѣдующимъ условіямъ: онъ долженъ быть жителемъ Пермской губерніи, безразлично, проживаетъ ли онъ въ уѣздѣ, или городѣ, и затѣмъ обладать недвижимымъ имуществомъ, которое бы гарантировало банку возвратъ взятой ссуды. Вотъ этотъ-то послѣдній пунктъ вынуждаетъ кустарный банкъ отказывать въ ссудѣ тѣмъ кустарямъ, которые не могутъ доставить банку необходимыхъ гарантій по возврату ссуды, слѣдовательно, наименѣе обезпеченнымъ, т.-е. именно тѣмъ, которые наиболѣе нуждаются въ нихъ. Вотъ это свое слабое мѣсто банкъ и сознаетъ вполне и ищетъ исхода въ учрежденіи земскихъ торгово-промышленныхъ складовъ, надѣясь такимъ путемъ сдѣлать кредитъ доступнымъ и вовсе немумимымъ; но объ этомъ мы будемъ говорить ниже.

И такъ, какъ я уже говорилъ, только тогда кустарь получаетъ право на ссуду изъ банка, когда онъ лично участвуетъ въ работѣ и если, притомъ, онъ ведетъ производство безъ помощи наемнаго труда; но если подручные и рабочіе состоятъ у кустаря или въ обученіи (ученики), или прямо они необходимы ему по роду промысла, напримѣръ, дувальщикъ у кузнеца, и безъ нихъ онъ не могъ бы вести своего производства, то въ такомъ случаѣ онъ, все-таки, можетъ получить ссуду изъ банка. Кроме того, и въ нѣкоторыхъ другихъ особо уважительныхъ случаяхъ, когда кустарь работаетъ и при участіи

*) См. *Объяснительную записку*, стр. 7.

постоянныхъ наемныхъ рабочихъ, съ разрѣшенія совѣта банка послѣдній, все-таки, можетъ выдать ссуду, если только наемные рабочіе сами не могутъ въ томъ же производствѣ вести дѣло самостоятельно, своимъ трудомъ, или потому, что сами не обладаютъ достаточными знаніями производства и недвижимымъ имуществомъ, а также не имѣютъ осѣдлости и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, какъ это видно изъ протоколовъ совѣта банка. Такъ, ссуды разрѣшаются совѣтомъ банка кустарямъ, работающимъ при помощи постоянныхъ наемныхъ рабочихъ, въ одномъ случаѣ потому, что кустарь, испрашивающій ссуду, не простой кустарь-рутинеръ, производящій обычныя въ крестьянскомъ обиходѣ земледѣльческія орудія, а занимается изготовленіемъ болѣе совершенныхъ машинъ, какъ-то: молотилокъ, вѣялокъ, сортировокъ и т. д.,—слѣдовательно, въ цѣляхъ распространенія усовершенствованныхъ сельско-хозяйственныхъ орудій,—и затѣмъ потому, что его рабочіе положительно отказываются отъ мысли быть самостоятельными кустарями, въ виду неустойчивости сбыта, въ другомъ случаѣ потому, что «техника кожевеннаго производства требуетъ 3 работниковъ, а въ семьѣ просителя есть лишь два работника, сами же рабочіе не могутъ сдѣлаться самостоятельными по недостатку средствъ, и по некредитоспособности ихъ имъ не можетъ быть выдана ссуда». Иногда выдаются ссуды потому, что наемные рабочіе являются лицами сравнительно экономически обеспеченными, и потому едва ли есть мѣсто предполагать эксплуатацію ихъ со стороны хозяевъ, между тѣмъ, неустойчивость сбыта и рискованность промысла препятствуютъ образованію артели. «Многіе рабочіе и мастера,—говоритъ одинъ агентъ банка,—предпочитаютъ заработокъ по найму самостоятельному дѣлу», если только эта самостоятельность покупается цѣною большого риска, между тѣмъ какъ заработокъ по найму обеспеченъ.

Такимъ образомъ, кустарю, работающему съ помощью наемныхъ рабочихъ, притомъ, участвующему и самому личнымъ трудомъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ выдается ссуда, когда эти рабочіе не кредитоспособны, слѣдовательно, не могутъ получить ссуды изъ банка и сдѣлаться самостоятельными или не знаютъ производства, или, не рѣшаясь вести дѣло на свой рискъ, предпочитаютъ хотя и меньшій, но за то болѣе прочный заработокъ,—однимъ словомъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ возможности по какому-либо другимъ условіямъ, не зависящимъ отъ банка, перевести рабочего въ разрядъ самостоятельныхъ кустарей.

Главною же цѣлью банка, все-таки, остается слѣлать кустаря независимымъ отъ скупщика, поставить его на собственные свои ноги, и если только другія причины дѣлаютъ это въ данномъ случаѣ вполнѣ невозможнымъ, то только тогда банкъ отказывается отъ своей задачи. Если же постоянные наемные рабочіе хозяина-кустара не ведутъ своего производства исключительно потому, что не обладаютъ достаточными для этого денежными средствами, то банкъ рекомендуетъ въ такихъ случаяхъ гг. агентамъ разъяснять такимъ хозяевамъ-кустарямъ, испрашивающимъ ссуду, что имъ ссуда можетъ быть выдана, если только они допустятъ въ свое пред-

пріятіе достойныхъ наемныхъ мастеровъ на правахъ артельщиковъ и то-варницей съ участіемъ въ прибыляхъ предпріятія *). Такимъ образомъ, всѣ лица, не участвующія лично въ производствѣ или работающія при помощи наемныхъ рабочихъ, кромѣ рѣдкихъ случаевъ, исключаются изъ категоріи возможныхъ кліентовъ банка.

Затѣмъ, конечно, ссуды выдаются банкомъ артелямъ; здѣсь, конечно, не можетъ быть и рѣчи объ эксплуатаціи, и ссуды выдаются артелямъ, дѣйствующимъ на основаніи или утвержденнаго для нихъ устава, или частнаго договора, причѣмъ сами члены артели должны удовлетворять всѣмъ вышеизложеннымъ требованіямъ, предъявляемымъ банкомъ къ отдѣльнымъ кустарямъ. При этомъ безразлично, для чего бы артель ни образовалась, для закупки ли сообща сырыхъ матеріаловъ, или для пріобрѣтенія машины, для устройства ли склада издѣлій и продажи ихъ, или для устройства общей мастерской и т. д.

Артелямъ ссуды выдаются на условіяхъ круговой поруки всѣхъ членовъ артели другъ за друга, а отдѣльнымъ кустарямъ за поручительство двухъ состоятельныхъ и благонадежныхъ домохозяевъ.

Такъ какъ банкъ имѣетъ своею цѣлью созданіе прочнаго и самостоятельнаго контингента кустарей, работающихъ лично, а не наемнымъ трудомъ, то и естественно было ограничить размѣръ ссуды, и дѣйствительно, по уставу, размѣръ ссудъ, выдаваемыхъ банкомъ отдѣльнымъ кустарямъ и артелямъ, не можетъ превышать средней стоимости сырыхъ матеріаловъ, потребныхъ въ теченіе года для производства. Но если при этомъ артель имѣетъ наемныхъ рабочихъ, то высшій размѣръ ссуды опредѣляется тѣмъ количествомъ матеріала, какое артель своими силами безъ этихъ наемныхъ рабочихъ можетъ переработать, и еслибы артель пожелала получить ссуду по расчету на всѣ рабочія силы, которыми она располагаетъ, то она должна своихъ рабочихъ принять въ число равноправныхъ членовъ. Такимъ образомъ, условія выдачи ссудъ изъ банка въ рукахъ послѣдняго служатъ какъ бы *мѣрою протективной политики по отношенію къ образованію артелей, къ переводу наемныхъ рабочихъ въ разрядъ равноправныхъ членовъ артели.*

Ссуды выдаются на срокъ отъ 1 мѣсяца до 3 лѣтъ. Погашаться онѣ могутъ въ одинъ или нѣсколько сроковъ, но если ссуда берется болѣе, чѣмъ на годъ, то ежегодно должна погашаться извѣстная часть ссуды.

Банкъ, по уставу, имѣетъ право наблюдать за цѣлесообразнымъ употребленіемъ ссуды и за ходомъ дѣлъ въ кустарныхъ предпріятіяхъ, получившихъ ссуду, и если при этомъ будетъ обнаружено разстройство дѣлъ предпріятія, угрожающее интересамъ банка, то послѣдній можетъ требовать возврата ссуды, и не дожидаясь срока.

Проценты по ссудамъ установлены пока въ размѣрѣ 8, а для кустарно-торговыхъ складовъ въ размѣрѣ 6%. Надо замѣтить, что средній %, взи-

*) Инструкція для гг. агентовъ, § 9 а.

маемый въ ссудо-сберегательныхъ кассахъ, равняется 8,2% *). Впрочемъ, фактически иногда % по ссудамъ и увеличивается по той причинѣ, что поручители за свое поручительство выговариваютъ себѣ нѣкоторое вознагражденіе въ формѣ угощенія, но, съ другой стороны, мы имѣемъ и факты обратнаго порядка, гдѣ поручительство является формой скрытаго товарищества (Липовская волость, Екатеринбургскаго уѣзда, — киричники), т.-е. формально у банка беретъ ссуду одинъ кустарь съ двумя поручителями, но фактически здѣсь образовалось товарищество. Это встрѣчается, правда, рѣдко и дѣлается, главнымъ образомъ, во избѣжаніе формальностей, связанныхъ съ образованіемъ товарищества, особенно когда размѣръ испрашиваемой ссуды не великъ.

По уставу, по долгамъ банка не могутъ быть проданы самые необходимые предметы изъ домашняго обихода кустаря, а именно: необходимая домашняя утварь, носильное ежедневное платье, жизненные припасы и дрова на 1 мѣсяць, необходимыя для производства промысла орудія, а въ селеніяхъ еще земля усадебная и находящаяся въ общинномъ владѣніи, жилищная изба съ самыми необходимыми постройками, одна лошадь, одна корова, одна телега и однѣ сани съ упряжкой и 25 пуд. сѣмянъ.

По соглашенію съ мѣстною администраціей, ссуды, выдаваемые банкомъ, не могутъ быть удерживаемы на покрытіе недоимокъ и налоговъ, числящихся за получающимъ ссуду лицомъ, и такимъ путемъ для кустаря обезпечена возможность пользованія ссудой въ тѣхъ дѣляхъ, съ какими она испрошена.

Вотъ пока самое существенное относительно, такъ сказать, экономической стороны кустарно-промышленнаго банка (организацию правленія я положу далѣе). Теперь перейду къ самому существенному институту банка, который, главнымъ образомъ, обезпечиваетъ для послѣдняго успѣхъ его дѣятельности, который составляетъ славу и гордость банка, который заключаетъ въ себѣ волшебное средство, дающее возможность проникать банку во всѣ захолустныя, во всѣ самые отдаленныя уголки Пермскаго края и вездѣ находить нуждающихся въ его помощи, близко стать къ нимъ, вѣрно и точно опредѣлить ихъ экономическое положеніе и, если нужно, придти къ нимъ на помощь своими средствами. Однимъ словомъ, это учрежденіе, къ которому я теперь перехожу, позволяетъ банку широко разливать его благодѣянія по всей обширной территоріи губерніи. Что же это за учрежденіе? Это учрежденіе есть агентура банка. Она сгладила пространство между банкомъ и самыми отдаленными уголками губерніи, она сдѣлала банкъ какъ бы вездѣсущимъ, всезнающимъ, всевидящимъ, вездѣ проникающимъ.

Въ чемъ же секретъ этой агентуры? Почему она оказываетъ такое волшебное дѣйствіе на банкъ, этотъ, повидимому, мертвый механизмъ? Секретъ ея въ томъ, что она болѣе сотни очаговъ нравственной и интеллектуаль-

*) См. *Объяснительную записку*, стр. 13.

ной энергіи слила въ одно русло—банкъ и затѣмъ могучими струями разлила эту энергію по всему Пермскому краю. Банкъ пробудилъ часто дремлющія интеллектуальныя и нравственныя силы въ провинціи, вызвалъ ихъ къ жизни и показалъ намъ, что можетъ дѣлать эта, повидимому, мертвая, но на самомъ дѣлѣ волшебная сила.

Но обратусь къ описанію организациі агентуры, ея задачъ и цѣлей.

Чтобъ облегчить сношенія кустарю съ банкомъ, лучше организовать контроль за цѣлесообразнымъ употребленіемъ ссуды, шире распространить въ населеніи свѣдѣнія о цѣляхъ и задачахъ банка, ускорить для кустаря полученіе ссуды,—на первыхъ же порахъ своей дѣятельности банкъ озаботился организацией агентуры въ широкихъ размѣрахъ. Съ этою цѣлью правленіемъ банка были собраны свѣдѣнія о лицахъ изъ интеллигенціи, живущей въ провинціи, которыя могли бы принять на себя посредничество въ сношеніяхъ банка съ кустарями, а также и выполненіе другихъ задачъ, которыя банкъ найдетъ нужнымъ возложить на агентовъ. И въ этомъ отношеніи банкъ не обманулся въ своихъ ожиданіяхъ: «готовность провинціальной интеллигенціи служить безвозмездно цѣлямъ и задачамъ кустарнаго банка превзошла ожиданія правленія»*) и уже къ 1 января 1895 г. банкъ располагалъ 109 агентами, и, кромѣ того, почти каждый день поступали все новыя увѣдомленія отъ разныхъ лицъ о согласіи принять на себя этотъ трудъ. «Нѣкоторые изъ гг. земскихъ начальниковъ и народныхъ учителей,—говорится далѣе въ отчетѣ,—изъ сочувствія къ дѣлу даже сами поспѣшили выразить готовность быть посредниками между банкомъ и кустарями, потребности которыхъ въ кредитъ были хорошо имъ извѣстны, какъ лицамъ, близко стоящимъ къ сельскому населенію». И теперь въ числѣ агентовъ банка есть земскіе начальники, и податные инспектора, и инженеры, и управители заводовъ, врачи, агрономическіе смотрителя, народные учителя (44 чел.) и т. д.; нѣкоторые изъ нихъ состоятъ губернскими и уѣздными гласными. На уѣздѣ агентовъ приходится въ среднемъ отъ 4 до 17 человѣкъ.

Правленіе банка такъ оцѣниваетъ въ своемъ отчетѣ значеніе агентовъ банка для успѣшной дѣятельности послѣдняго: «Безъ преувеличенія можно сказать, что если кустарно-промышленному банку удалось въ столь краткій сравнительно срокъ развить въ достаточныхъ размѣрахъ свои операціи и сдѣлать кредитъ для кустарей доступнымъ и сравнительно недорогимъ, то этимъ мы обязаны, прежде всего, дѣятельности гг. агентовъ банка и тому сердечному отношенію, которое они проявляютъ къ дѣлу, преслѣдуя при этомъ единственную цѣль—служеніе интересамъ мѣстнаго населенія». Трудъ агентовъ банка является совершенно безвозмезднымъ, нѣкоторые даже не требуютъ возмѣщенія себѣ тѣхъ расходовъ, которые они производятъ по дѣламъ банка, между тѣмъ, трудъ ихъ является крайне сложнымъ и кропотливымъ **).

*) Отчетъ, стр. 5, приложение 1, стр. 5.

***) Конечно, въ будущемъ съ развитіемъ операцій, быть можетъ, банку придется прибѣгнуть къ платной агентурѣ, и это весьма вѣроятно, но это пока еще дѣло будущаго.

Во-первыхъ, на нихъ лежитъ обязанность по распространенію истинныхъ свѣдѣній о кустарно-промышленномъ банкѣ и объ условіяхъ полученія ссуды изъ него; для облегченія этой обязанности банкомъ издано въ 4,000 экземплярахъ для бесплатной раздачи населенію особое *Наставленіе о томъ, какъ получить ссуду изъ кустарно-промышленнаго банка*. Пермь, 1894 г. (19 стр. въ приложеніи—формы заявленій). Это наставленіе разослано банкомъ многимъ кустарямъ, уѣзднымъ земскимъ управамъ, гласнымъ губернскаго земства, земскимъ начальникамъ, во всѣ волостныя правленія, народнымъ учителямъ, въ большомъ количествѣ агентамъ банка, и эти послѣдніе раздаютъ ихъ уже кустарямъ.

Затѣмъ агенты содѣйствуютъ кустарямъ въ полученіи ссуды изъ банка. Они сами могутъ принимать заявленія отъ кустарей о желаніи послѣднихъ получить ссуду изъ банка. Съ этою цѣлью агенты снабжены печатными бланками заявленій, и кустарь лишь проставляетъ здѣсь свое имя и размѣръ ссуды. Чтобы кустари знали, къ кому имъ обращаться, во всѣ общественныя и присутственныя мѣста разсылается списокъ агентовъ.

Такимъ образомъ, приняты всѣ мѣры, чтобы кустарь узналъ о дѣятельности банка, объ условіяхъ полученія ссуды, чтобы онъ зналъ, къ кому онъ можетъ обратиться.

Агенты же собираютъ и доставляютъ банку вѣрныя свѣдѣнія о лицахъ и артеляхъ, испрашивающихъ ссуду, удовлетворяютъ ли они всѣмъ условіямъ, предъявляемымъ банкомъ къ своимъ клиентамъ, кредитоспособны ли и въ какомъ размѣрѣ нуждаются они въ ссудѣ.

Каждому изъ агентовъ отведенъ извѣстный районъ въ уѣздѣ, и правленіе банка, получивъ заявленіе о ссудѣ, сносится съ агентомъ и только на основаніи свѣдѣній, добытыхъ имъ, правленіе банка разрѣшаетъ или отказываетъ въ ссудѣ. Если же заявленіе подано самому агенту, то послѣдній тотчасъ производитъ обслѣдованіе о положеніи просителя и его поручителей по особому опросному бланку путемъ опроса какъ его самого, такъ и начальствующихъ и частныхъ лицъ, а когда нужно, то агентъ обращается и въ волостное правленіе за удостовѣреніемъ тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ, и это обслѣдованіе вмѣстѣ со своимъ собственнымъ заключеніемъ, слѣдуетъ ли выдать ссуду, или нѣтъ, и въ какомъ размѣрѣ, а также съ заявленіемъ просителя о выдачѣ доставляется въ банкъ, который, въ случаѣ разрѣшенія ссуды, пересылаетъ кустарю или опять черезъ агента или же черезъ волостное правленіе для подписи долговое обязательство, и затѣмъ уже просителю ссуда высылается или почтой, или черезъ уѣздную земскую управу.

Такимъ путемъ чуть ли не во всѣхъ операціяхъ банка по выдачѣ ссуды принимаетъ участіе агентъ банка, и этимъ выдача ссуды для кустаря крайне облегчается. Кустарю стоитъ только подать заявленіе, и если онъ удовлетворяетъ всѣмъ условіямъ, предъявляемымъ банкомъ къ своему клиенту, то ему остается только ждать спокойно, и онъ черезъ нѣкоторое время, въ среднемъ три недѣли, послѣ подачи заявленія можетъ получить

ссуду, даже не выѣзжая изъ своего мѣста жительства. Конечно, это отсутствіе проволочекъ, возможность для кустаря получить ссуду такъ скоро послѣ подачи заявленія, безъ всякихъ расходовъ со стороны просителя и даже не выѣзжая въ Пермь, обязаны всецѣло существованію банковской агентуры; притомъ, и банкъ, благодаря существованію этой агентуры, увѣренъ въ кредитоспособности своихъ кліентовъ.

И такъ, агенты являются очагами и ушами банка, охранителями его интересовъ: они даютъ возможность банку увѣренно развивать свои операціи, идти туда, гдѣ дѣйствительно нуждаются въ его помощи, и они же даютъ ему знать, такъ ли пользуются его помощью, какъ должно. «Не будь агентуры, кустарно-промышленному банку,—говорится въ *Отчетъ* послѣдняго,—призванному развивать свои операціи почти исключительно въ самой глухой провинціи, пришлось бы или терпѣть постоянные убытки отъ своихъ операцій, или возлагать расходы по обследованію на просителей, или же, наконецъ, откладывать производство мѣстныхъ изслѣдованій въ томъ или иномъ районѣ до удобнаго случая и значительнаго накопленія ходатайствъ о ссудахъ. При такихъ условіяхъ кредитъ, оказываемый кустарной промышленности, пересталъ бы быть доступнымъ для послѣдней, а воловита и промедленіе, съ которыми сопряжено было бы полученіе ссудъ, могли бы и вовсе лишить кустарно-промышленный банкъ кліентовъ, особенно мелкихъ, а, слѣдовательно, и того живого и плодотворнаго дѣла, которое намѣчено кустарно-промышленному банку самымъ его уставомъ».

Еслибъ обследованіе положенія просителей лежало на обязанности правленія банка, какъ это ранѣе предполагалось, то, конечно, развитіе банковыхъ операцій до сколько-нибудь значительныхъ размѣровъ было бы невозможно, такъ какъ расходы, необходимые на поѣздки, не окупались бы взимаемыми по ссудамъ процентами. «При среднемъ размѣрѣ ссудъ около 100 руб., поѣздка для производства изслѣдованія даже изъ уѣзднаго центра на разстояніи около 50—60 верстъ едва окупалась бы взимаемымъ годовичнымъ съ этой суммы $\%$, не говоря уже о томъ, что, какъ увидимъ далѣе, въ одномъ случаѣ изъ трехъ произведенное изслѣдованіе обнаруживаетъ обстоятельства, препятствующія выдачѣ ссудъ просителямъ, почему затраченныя на поѣздки по такимъ изслѣдованіямъ суммы ложатся непроизводительнымъ расходомъ на прибыли, получаемыя отъ операцій въ другихъ случаяхъ, т.-е. еще болѣе уменьшаютъ и безъ того незначительный частый доходъ» *).

Такимъ образомъ, при существованіи только этой сѣти агентовъ, возможно стало для банка такъ широко развить свои операціи, какъ это имѣло мѣсто здѣсь: только агенты создали для банка кліентулу среди мелкихъ и потому наиболѣе нуждающихся въ кредитѣ кустарей, только эта агентура страхуетъ банкъ отъ убыточныхъ операцій, которыя при другихъ условіяхъ

*) *Отчетъ кустарно-промышленнаго банка съ января по декабрь 1894 г. Пермь, 1895 г., стр. 6.*

были бы неизбежны. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, кредитъ банка—не залоговой кредитъ, а личный, а потому выясненіе нравственныхъ качествъ кліента и положенія въ данное время той или другой отрасли промышленности имѣеть огромнѣйшее значеніе для безубыточнаго веденія банкомъ своихъ операций. Однимъ словомъ, какъ самъ банкъ признавалъ, «надлежащая организація мѣстныхъ агентуръ кустарно - промышленнаго банка, не предусматривавшаяся его уставомъ, имѣеть рѣшающее значеніе для успѣха дѣла» *).

Затѣмъ опредѣлить конкретно требуемый размѣръ ссуды, согласно съ уставомъ банка, для каждаго отдѣльнаго кустаря, конечно, для самого банка не подл силу; этотъ размѣръ можетъ быть опредѣленъ лишь на мѣстѣ, лишь лицомъ, близко знакомымъ съ данною отраслью промышленности, и, притомъ, лицомъ, близко стоящимъ къ кустарю. Далѣе, только лицо, близко живущее къ кустарю, имѣющее, такъ сказать, послѣдняго всегда на своихъ глазахъ, можетъ наблюдать за цѣлесообразнымъ употребленіемъ ссуды, а также за сохранностью имущества кустаря и его поручителей,—имущества, служащаго обезпеченіемъ банка по возврату ссуды. И только лицо, близко стоящее къ кустарю, во-время можетъ предупредить банкъ объ этомъ нарушеніи условій, принятыхъ на себя кустаремъ, и побудить банкъ къ досрочному взысканію ссуды во избѣжаніе послѣдующихъ убытковъ.

Затѣмъ, по той же инструкціи, разосланной банкомъ для своихъ агентовъ, на нихъ возлагается обязанность доставлять по мѣрѣ возможности правленію банка свѣдѣнія о нуждахъ кустарей въ завѣдуемомъ агентомъ районѣ, предположенія о наивыгоднѣйшихъ способахъ заготовки сырья, сбыта готовыхъ издѣлій, а также и другія свѣдѣнія, какія могутъ потребоваться банку, какъ учрежденію не только кредитному, но и непосредственно заинтересованному въ развитіи кустарной промышленности края.

Вообще, надо сказать, что на агентовъ возложена банкомъ очень сложная роль: они даютъ свѣдѣнія, какъ получить ссуду, они смотрятъ, чтобъ изъ выданныхъ въ ссуду суммъ не удерживалось на уплату налоговъ, недоимокъ или за долги, и о каждомъ замѣченномъ случаѣ должны немедленно доводить до свѣдѣнія банка; они должны разъяснять просителямъ, чтобы эти послѣдніе назначали сроки платежей не случайно, а сообразовались бы съ такимъ временемъ года, когда издѣлія и продукты ихъ производства поступаютъ въ продажу и когда, слѣдовательно, кустарь имѣеть наличныя деньги на рукахъ; агенты же по мѣрѣ возможности содѣйствуютъ соединенію кустарей въ товарищества (по договору) въ видахъ закупки сообща сырыхъ матеріаловъ или сбыта издѣлій, а также содѣйствуютъ образованію производительныхъ артелей по частному договору или уставу (*Инструкція*, § 13); съ этою цѣлью агенты банка снабжаются въ достаточномъ количествѣ проектами договоровъ и уставовъ товариществъ и артелей на

* См. *Операции кустарно-промышленнаго банка за время съ 1 января по 1 октября 1894 г.*, стр. 9.

случай, если бы мѣстные кустари пожелали соединиться въ такіа товарищества и артели.

Въ видахъ, съ одной стороны, признательности за безкорыстное служеніе агентовъ дѣлу кустарнаго банка, а съ другой, чтобы дать имъ возможность слѣдить за операціями банка, по постановленію губернскаго земскаго собранія рѣшено съ 1 января 1895 г. всѣмъ агентамъ бесплатно высылать *Сборникъ Пермскаго Земства*, гдѣ печаются постоянно всѣ свѣдѣнія о дѣятельности банка.

Насколько тщательно относятся къ своей дѣятельности агенты, видно изъ такого факта, что нѣкоторые изъ нихъ обращаются въ банкъ съ просьбой указать недостатки ихъ дѣятельности, научить ихъ, какъ имъ плодотворнѣе исполнять свою роль.

Однимъ словомъ, агентура, это—сердце банка, и такой банкъ можетъ успѣшно дѣйствовать только тамъ, гдѣ въ провинціи есть достаточное количество интеллигентныхъ лицъ, сочувственно относящихся къ этому дѣлу; нѣтъ этого условія—не стѣитъ заводить и банкъ: онъ можетъ только дискредитировать идею. Если нѣтъ надежды провинціальную интеллигенцію вызвать изъ ея дремоты на арену общественной дѣятельности, то не стѣитъ основывать и банкъ: у него не будетъ той эластичности, той всеобъемлемости, той дальнзоркости, легкости, того чутья,—однимъ словомъ, всѣхъ тѣхъ качествъ, которыя создаютъ силу и значеніе пермскаго банка, онъ будетъ простою, грубою, тяжеловѣсною машиною, которая будетъ кое-какъ скрипѣть, но не болѣе.

Какъ я уже говорилъ, банкъ ставить одной изъ своихъ задачъ организацию артелей среди кустарей, этой же задачѣ призваны содѣйствовать и агенты банка. Часто банкъ лицамъ, обращающимся къ нему за ссудой, но работающимъ при помощи наемныхъ рабочихъ, предлагаетъ сьорганизоваться въ артель. Иногда также путемъ созданія тѣхъ или другихъ условій ему удается устроить артель; такъ, банкъ выхлопоталъ отпускъ 1,600 деревъ изъ казенной Монетной дачи, и, только благодаря этому, теперь организуется невьянская артель сундучниковъ изъ 17 человекъ. Дѣятельность кустарно-промышленнаго банка, направленная на образованіе артелей, увѣнчалась нѣкоторымъ успѣхомъ. Банку удалось за это время, т.-е. за 1 годъ, образоватъ 13 артелей, изъ которыхъ 5 сырьевыхъ *) и 8 производительныхъ. Всѣ артели основаны на частныхъ договорахъ, и «требуясь уставъ,—какъ говорили мнѣ въ банкѣ,—намъ не удалось бы, вѣроятно, основатъ ни одной артели, такъ какъ проволочки, связанные съ утвержденіемъ уставовъ, расхолодили бы желаніе артельщиковъ до утвержденія устава».

Правда, артельное начало въ Пермской губ. зашло крѣпко еще изстаря, и, конечно, это не осталось безъ вліянія на успѣхъ дѣла. Такъ, при

*) Теперь организуется еще 14-я, только что упомянутая артель въ Невьянскѣ—сырьевая артель сундучниковъ изъ 17 человекъ. Банкъ выхлопоталъ имъ отпускъ 1,600 деревъ изъ Монетной дачи. Артель покупаетъ гдѣсь сообца, но по раздѣлѣ его каждый предполагаетъ работать отдѣльно.

юго-камскомъ заводѣ насчитывается 16 артельныхъ гвоздаренъ, въ которыхъ работаетъ до 120 человѣкъ. Эти артельные гвоздарни организованы слѣдующимъ образомъ: владѣлецъ кузницы, работая самъ въ ней, принимаетъ въ нее еще человѣкъ 5, 6 и 7 кустарей, смотря по помѣщенію; каждый кустарь здѣсь куетъ гвозди изъ собственнаго жельза, уголь раздѣляютъ поденно, содержаніе мальчика-дульщика разлагается на всѣхъ, за помѣщеніе на право ковать въ кузницѣ каждый кустарь платитъ хозяину 40 к. въ мѣсяцъ, а выдѣланные гвозди каждый кустарь продаетъ отдѣльно за свой счетъ. Здѣсь же существуютъ еще артельныя мельницы (Ирбитскій уѣздъ, Чубаровская волость). Артель распредѣляетъ между членами время, когда кто долженъ молотъ; обыкновенно на каждого даются сутки. Члены артели привозятъ на мельницу свой или взятый у посторонняго лица хлѣбъ, и деньги за помолъ каждый получаетъ въ свою пользу. При ремонтѣ мельницы члены артели или нанимаютъ какого-либо мастера, для чего на расходы собирается сумма путемъ раскладки съ каждого члена, или, если работу артельщики могутъ исполнить сами, то распредѣляютъ таковую между собою поровну. Въ пяти селеніяхъ Чубаровской волости считается артельщиковъ-мукомоловъ до 140 человѣкъ. Такія же артели мы встрѣчаемъ въ смолодегтарномъ производствѣ въ уѣздахъ Красноуфимскомъ, Ирбитскомъ и Шадринскомъ *). И такъ, банку приходилось работать уже на подготовленной почвѣ. Почва для него была вспахана, ему нужно было только сѣять, и, конечно, скоро поднялись ростки.

Самую крупную артелью, основанною при помощи банка, безспорно является мраморская артель. Къ ней теперь я и обращусь.

Мраморская артель существовала еще и до возникновенія кустарно-промышленнаго банка, но тогда это была не артель кустарей-мраморщиковъ, а артель скупщиковъ-подрядчиковъ. Всего кустарей-мраморщиковъ, живущихъ при мраморскомъ заводѣ, до 130 человѣкъ, но артель состояла только изъ 20 человѣкъ, въ числѣ которыхъ 15 были подрядчиками на мраморныя издѣлія. Артель, забравши въ свои руки всѣ источники сбыта, низвела всѣхъ кустарей до положенія наемныхъ рабочихъ, работающихъ за наемную плату, и новыхъ членовъ эта артель скупщиковъ вовсе не принимала въ свою среду. Съ учрежденіемъ этой артели экономическое положеніе кустарей-мраморщиковъ не только не улучшилось, а даже ухудшилось, такъ какъ прежде подрядчики часто, конкурируя между собою, набивали цѣпу за работу, а теперь въ артели они легко пришли къ соглашенію между собою, и въ результатѣ выгоды подрядчиковъ значительно поднялись, а заработокъ кустарей понизился **).

Съ открытіемъ банка и при посредствѣ ссуды отъ него теперь здѣсь открылась настоящая артель кустарей. Артель основана не на уставѣ, а на частномъ договорѣ; по договору, въ ней было 35 человѣкъ, а теперь

*) См. *Объяснительную записку*, стр. 9.

**) *Ibid.*, стр. 11.

еще прибыло 3 человекъ. Работаетъ теперь въ артели изъ состава семей артельщиковъ 43 мужчины и 5 женщинъ, кромѣ того 2 ученика и 3 временно-наемныхъ рабочихъ. 10 человекъ такъ называемыхъ селентчиковъ дѣлаютъ мелкія вещи: шкатулки, пепельницы, прессъ-папье, а остальные—крупныя мраморныя издѣлія: памятники, умывальники, плиты для половъ и т. д.

Дѣлами артели завѣдуетъ правленіе, избираемое на общемъ собраніи всей артели. На обязанности его лежитъ приемъ заказовъ отдѣльныхъ лицъ и учреждений, забота о заготовкѣ сырыхъ матеріаловъ, наемъ рабочихъ; впрочемъ, здѣсь требуется согласіе такъ называемаго наблюдательнаго комитета (о немъ ниже).

Въ артели существуетъ особая, такъ называемая оцѣночная коммиссія, которая оцѣниваетъ стоимость выполненія каждой работы до назначенія ея тому или иному члену. Распределеніе работы между членами производится тою же коммиссіей.

Наблюдательный комитетъ, куда входитъ весь кустарный комитетъ города Екатеринбургъ и еще другія лица по его выбору, слѣдитъ за дѣйствіями правленія, ревизіонной коммиссіи и оцѣночной коммиссіи, чтобъ онѣ всегда въ своихъ дѣйствіяхъ имѣли въ виду пользу товарищества.

Изъ чистой прибыли 50% отчисляется въ запасный капиталъ, по 2% удерживается изъ заработной платы каждаго члена на образованіе особаго вспомогательнаго капитала для выдачи пособій нуждающимся членамъ, заболѣвшимъ или умершимъ на похороны и т. д.

Наемные рабочіе допускаются лишь для добычи мрамора, пиленія плитъ (этотъ послѣдній трудъ выполняется женщинами), шлифовки и полировки, гдѣ не требуется ни искусства, ни умѣнья, и всегда выполняется этотъ трудъ лишь женщинами или дѣтьми.

Артель многимъ обязана г-жѣ Черепановой, бывшей учительницѣ здѣшнихъ художественныхъ классовъ. Она вела бухгалтерію артели, и по уходѣ Черепановой артель нѣкоторое время была въ очень критическомъ положеніи, не умѣя вести своего счетоводства.

Заказовъ у кустарей пока вполне достаточно *), они даже, по отзывамъ, успѣли отбить нѣкоторые заказы у подрядчиковъ; такъ, они взяли крупныя заказы—приготовленіе половъ для Верхне-Салдинской и Синячихинской церквей. Мелкія издѣлія также идутъ бойко и, главнымъ образомъ, въ Петербургъ, и идутъ настолько бойко, что нѣкоторымъ изъ здѣшнихъ заказчиковъ приходится отказывать.

Заработокъ у кустарей-артельщиковъ поднялся на 20—25%, сравнительно съ заработкомъ, существовавшимъ до образованія артели, но заработокъ поднялся не только у артельщиковъ,—артель косвенно повліяла въ смыслѣ поднятія заработка и на положеніе мастеровъ, работающихъ на скупщиковъ.

*) Въ первый годъ существованія товарищества артель получила заказовъ на 9,145 руб., половину которыхъ она уже успѣла выполнить.

Теперь жгучимъ вопросомъ для артели является приобретение и поставка паровой или водяной пильной машины въ 30—40 силъ для распилки мрамора. Но здѣсь кустари наталкиваются на весьма важное затрудненіе: по горнымъ законамъ, всякое огненное дѣйствіе, произведенное на древесномъ углѣ, для мелкихъ мастерскихъ запрещено; это сдѣлано ради сбереженія древеснаго топлива для крупныхъ уральскихъ заводовъ, а потому и артели придется, вѣроятно, прибѣгнуть къ водяному двигателю, но тогда надо будетъ поставить пилу въ 2—3 верстахъ отъ завода, что, конечно, опять будетъ имѣть свои невыгодныя стороны: придется много затрачивать средствъ на перевозку мрамора къ пильной машинѣ и обратно *).

Артель состоитъ изъ двухъ различныхъ группъ: 1) мраморщиковъ и 2) селенитчиковъ. Члены мраморскаго товарищества имѣютъ теперь 3 связующія начала: общій приемъ заказовъ, общій сбытъ издѣлій или сдачу ихъ и общее приобретение матеріаловъ. Но всѣ эти три условія въ истекшемъ году исполнялись членами товарищества въ различной степени. Такъ, мраморщики пробовали добывать мраморъ сообща, но пока эта добыча не дала еще благоприятныхъ результатовъ, они затратили, кажется, около 600 рублей, но мраморной глыбы поднять пока не могутъ, а селенитчики приобретаютъ для себя матеріалъ на сторонѣ. Вотъ эта-то крупная затрата на добычу мрамора и носеляетъ тѣнь раздора между этими двумя группами въ артели; но за послѣднее время и мраморщики стали покупать мраморъ на сторонѣ. Истиннымъ же камнемъ раздора между двумя этими группами, мраморщиками и селенитчиками, служить слѣдующее обстоятельство. Селенитчики часто и много работаютъ на сторонѣ; селенитчики никогда не имѣли столько работы, сколько они имѣютъ теперь, и никогда не получали они такой платы, какую получаютъ теперь, и упомянутые три новыхъ члена были селенитчики. Но, по уставу, съ работающихъ на сторону товарищество взимаетъ 10% въ общую кассу; селенитчикамъ, конечно, жаль разстаться съ этими 10%,—вотъ эти-то 10% и составляютъ яблоко раздора между этими двумя группами. Но, все-таки, по отзыву товарища директора банка г. Владимірскаго, ѣздившаго на мѣсто для обследованія артели и со словъ котораго я передалъ послѣдніе факты, товарищество вполне устойчиво, и члены его, хотя и не въ одинаковой степени, однако, всѣ принимаютъ участіе въ дѣлахъ товарищества. Заработокъ и по отзыву г. Владимірскаго безусловно выше, чѣмъ ранѣе.

Однимъ изъ тормазовъ къ широкому развитію мраморно-гранитнаго дѣла въ мраморскомъ заводѣ служитъ слишкомъ высокій тарифъ на перевозку издѣлій по уральской желѣзной дорогѣ.

По приблизительному расчету, ежегодно вывозится издѣлій изъ мраморскаго завода до 50—60 тыс. пудовъ. Издѣлія эти состоятъ изъ надгробныхъ памятниковъ, плитъ, досокъ для умывальниковъ, столовъ и т. д. Мнѣгія изъ этихъ издѣлій доходятъ до Казани, Тобольска и Томска и могл

*) На постройку пильной артели спрашиваетъ у банка ссуду въ 2,200 руб.

бы найти себѣ еще болѣе широкій сбытъ, чѣмъ это имѣеть мѣсто теперь, если бы провозъ ихъ по желѣзной дорогѣ до Перми и Тюмени былъ возможенъ.

Средняя стоимость одного пуда издѣлій изъ мрамора на заводѣ такова: для изящно обдѣланныхъ памятниковъ отъ 75 до 95 коп.; для плитъ малаго размѣра 12 вер.—25—28 к., плить 16 вер.—40—45 к. По желѣзной дорогѣ эти же издѣлія отъ Перми до Екатеринбурга перевозятся въ укупорѣ по I классу съ платой 43,26 коп. съ пуда, а по II классу безъ укупорки 36,26 коп., между тѣмъ, цѣна на гужевую перевозку отъ Перми до Екатеринбурга стодить 13—17 к. съ пуда, а отъ мраморскаго завода до Перми 20 коп., причемъ отправители при гужевомъ способѣ перевозки имѣютъ еще ту выгоду, что отправляемый предметъ берется съ мѣста заготовки и доставляется на мѣсто назначенія безъ перегрузки.

И такъ, тарифъ желѣзной дороги ненормально высокъ: онъ вдвое или даже втрое выше тарифа для гужевой перевозки и иногда превосходить даже стоимость самихъ отправляемыхъ издѣлій, и, какъ результатъ такого ненормальнаго положенія вещей, является то, что скупщики издѣлій, а равно и мраморская артель до сихъ поръ при перевозкѣ своихъ издѣлій пользуются гужевымъ способомъ, а по желѣзной дорогѣ провозится лишь самое незначительное количество издѣлій, и то лишь въ экстренныхъ случаяхъ, когда или получатель принимаетъ провозъ этихъ издѣлій на свой счетъ, или же отправляемая вещь черезъ-чуръ громоздка, напримѣръ, по 80—100 пуд. штука, и отправка ихъ гужомъ является крайне затруднительной.

Такой высокій желѣзно-дорожный тарифъ часто вынуждаетъ артель отказываться отъ выгодныхъ для нея заказовъ; такъ, въ прошломъ году артели былъ предложенъ заказъ на мраморныя ванны для сибирской губернской земской больницы, но артель вынуждена была отказаться отъ него, такъ какъ весь заработокъ пришлось бы отдать желѣзной дорогѣ за провозъ.

Понятно, что пониженіе желѣзно-дорожнаго тарифа на провозъ издѣлій расширило бы районъ сбыта мраморныхъ издѣлій, а это, конечно, увеличило бы въ сильной степени размѣръ производства у мраморщиковъ-кустарей. Кустарно-промышленный банкъ, озабочиваясь судьбою мраморщиковъ, возбуждалъ вопросъ передъ управленіемъ уральской желѣзной дороги о пониженіи тарифа, но пока еще на это ходатайство никакого отвѣта не получено.

Здѣсь мы видимъ примѣръ того, какую попечительную роль принимаетъ на себя банкъ по отношенію къ кустарямъ. Вспомнимъ еще, какъ онъ хлопоталъ объ отпускѣ лѣса изъ Монетной дачи. И такъ, банкъ далеко не простое кредитное учрежденіе,—онъ широко охватываетъ нужды кустаря, глубоко заглядываетъ въ нихъ, всесторонне осматриваетъ положеніе кустаря, и, гдѣ только можно, въ какой бы то ни было формѣ, банкъ приходитъ на помощь кустарю.

И такъ, содѣйствію банка обязана своимъ существованіемъ мраморская

артель, влияніе которой, несомнѣнно, очень благотвѣтельно сказалось на экономическомъ положеніи кустарей, повысивъ ихъ заработокъ на 20--25%, увеличивъ заказы и т. д.

Познакомлю еще съ нѣкоторыми другими артелями, основанными при помощи кустарно-промышленнаго банка. Бъ сожалѣнію, для другихъ артелей я могу сообщить лишь объ ихъ организаціи, объ ихъ внутреннихъ распорядкахъ, но какое влияніе онѣ оказали на положеніе товарищей, какъ функционируетъ артель, я за отсутствіемъ данныхъ не могу сказать.

Камбарское товарищество Осинскаго уѣзда основано 10 мая 1894 г. изъ 4 товарищей для приготовленія экипажей. Работаютъ въ артели 8 человекъ изъ состава семей товарищей и еще 2 ученика и 2 наемныхъ рабочихъ (двое кузнецовъ, подеревщики и одинъ колесникъ). Товарищи за свою работу получаютъ заработную плату въ слѣдующемъ размѣрѣ: подеревщикъ по 70 коп. за 1 ходъ, колесникъ 1 руб. 20 коп., а кузнецъ 5 руб. Изъ остатка же 10% отчисляются въ запасный капиталъ, а остальная прибыль дѣлится между товарищами пропорціонально заработной платѣ, полученной каждымъ. Банкъ далъ товариществу ссуду въ 800 руб. на три года.

Чулочная артель состоитъ изъ 5 человекъ въ г. Екатеринбургѣ. Для образованія артели одинъ изъ членовъ внесъ 50 р., другой—10, третій—20, четвертый далъ машину въ 500 руб., пятый — машину въ 45 руб. и 10 руб. деньгами.

Изъ общаго заработка 4% отчисляются въ запасный капиталъ и 6% на капиталъ каждаго, находящійся въ товариществѣ, а остальное дѣлится пропорціонально выработаннымъ каждымъ членомъ издѣліямъ.

Наемные рабочіе допускаются лишь съ участіемъ въ прибыляхъ и убыткахъ; допускается и приемъ новыхъ членовъ въ товарищество.

Товарищество сообща закупаетъ сырые матеріалы, имѣетъ общую мастерскую и сообща продаетъ готовые издѣлія. Расчетъ за работы между членами производится помѣсячно *).

Теперь въ товариществѣ будутъ работать двѣ несовершеннолѣтнихъ дѣвушки въ качествѣ работницъ на опредѣленномъ жалованьи, но съ участіемъ въ прибыляхъ.

Предполагается чулки, выработываемые товариществомъ, сбывать черезъ общества потребителей.

Банкъ далъ товариществу ссуду въ 400 руб.

Зарѣчная артель изъ 5 человекъ для изготовленія колесъ, Харловской волости, Ирбитскаго уѣзда.

Изъ вырученной отъ продажи колесъ суммы по договору 10% отчисляются въ запасный капиталъ, а остальная сумма дѣлится по числу сданныхъ каждымъ членомъ колесъ, причемъ кузнецу-члену артели уплачивается по 50 коп. за скать окованныхъ колесъ.

*) Одинъ изъ членовъ артели — бухгалтеръ сибирскаго торговаго дома (онъ получаетъ 1,800—2,000 руб.), одна изъ женщинъ-членовъ — довѣренное лицо одного торговаго дома (получаетъ 900 руб.).

Артели банкъ далъ ссуду въ 300 руб.

Артель Лазуковыхъ, Пермскаго уѣзда, д. Разсохиной (состоитъ изъ 3 членовъ, а работаетъ въ товариществѣ 5 человекъ), приготовляетъ вѣялки, сортировки и другія сельско-хозяйственныя издѣлія.

1) Артель производитъ сообща закуску матеріаловъ; 2) изготовляетъ продукты въ общей мастерской, для чего одинъ изъ членовъ далъ въ общее пользованіе свою мастерскую, и 3) наконецъ, сообща продаетъ готовые издѣлія.

Плата за работу каждому члену поденная и опредѣляется общимъ соглашеніемъ, но она не должна быть выше существующихъ цѣнъ въ данной мѣстности.

За точнымъ исполненіемъ договора наблюдаютъ сельскій староста и особо избранныя добросовѣстные лица.

Банкъ далъ артели ссуду въ 180 руб. на 3 года.

Не буду останавливаться на другихъ артеляхъ, такъ какъ изъ предъидущаго ясенъ характеръ артелей, основываемыхъ при участіи банка.

Есть артели и чисто-сырьевыя, члены которыхъ соединяются между собою лашъ для полученія ссуды и совмѣстной закупки сырья.

Какъ бы то ни было, пусть будутъ слабы эти зародыши, но, во всякомъ случаѣ, артельное начало при содѣйствіи банка начинаетъ прокладывать себѣ путь въ жизни.

Товарищества и артели находятъ для себя поддержку въ банкѣ и матеріальную, въ видѣ ссуды, и нравственную: получаютъ отъ него и его агентовъ указанія, какъ основать артель, и во всякое время могутъ пользоваться его совѣтами и указаніями.

Банкъ выговорилъ себѣ право учреждать артели по частному договору, и это позволяетъ ковать желѣзо, пока оно горячо. Если бы требовалось непременно утвержденіе устава, соединенное съ цѣлыми годами проволочекъ, то, конечно, по собственнымъ словамъ банка, ему не удалось бы учредить ни одной артели и ни одного товарищества.

Ив. Озеровъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Изъ итоговъ земскаго школьнаго дѣла *).

Было бы крупною ошибкой широко обобщать значеніе деревенскаго недосуга и приписывать исключительно ему одному тотъ еще низкій уровень умственнаго развитія, на какомъ стоитъ въ настоящее время населеніе деревни. Недосугъ создаетъ атмосферу, которая тормозитъ, но не исключаетъ возможность развитія въ деревнѣ духовныхъ интересовъ, и, притомъ же, деревня слагается изъ разнородныхъ семей, различныхъ по своему хозяйственному составу; во многихъ изъ нихъ забота о хлѣбѣ на-сушномъ не поглощаетъ всей энергіи ея членовъ, и избытокъ этой энергіи посвящается умственнымъ потребностямъ. По крайней мѣрѣ, большинство экзаменовавшихся хранить заложенную въ нихъ школою потребность къ чтенію и громко заявляетъ о своей симпатіи къ книжкѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже ссылка на недосугъ является выраженіемъ условнымъ, зависящимъ отъ той степени желанія читать, которая порождена школою. «Читаю мало» — въ устахъ испытуемаго значить иногда, что онъ желалъ бы читать больше того, чѣмъ это позволяетъ время. Потребность въ чтеніи, какъ это видно изъ подавляющаго большинства отвѣтовъ испытуемыхъ, существуетъ въ деревнѣ несомнѣнно, хотя удовлетворяется она, какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи, до крайности плохо.

26 экзаменовавшихся прямо жалуются въ своихъ работахъ на недостатокъ книгъ, объясняя этимъ, почему имъ рѣдко приходится читать. Большинство, конечно, и не можетъ сознательно отнестись къ этой своей нуждѣ, потому что отсутствіе въ деревнѣ книги не благопріятствуетъ развитію ясно-сознанной и выраженной потребности въ чтеніи.

Книжный матеріалъ, которымъ пользуется грамотное населеніе Нижнедѣвицакаго уѣзда, черпается имъ изъ различныхъ источниковъ. Чаще всего книги берутся изъ училищныхъ библиотекъ; на этотъ источникъ указали 332 экзаменовавшихся; многіе (244) покупали книги; нѣкоторые (155) брали читать у своихъ же односельчанъ и, наконецъ, 16 человекъ получали книги у священника.

*) *Русская Мысль*, кн. X.

Такимъ образомъ, школьныя библіотеки, несмотря на крайнее ихъ убожество, все-таки, служатъ главнымъ источникомъ, откуда получаетъ население книги, и потому вопросъ, насколько библіотеки эти удовлетворяютъ потребностямъ деревни въ чтеніи, представляетъ большой интересъ.

Бывшій ученикъ Ясеновской школы пишетъ въ своемъ отвѣтѣ: «и приходили мы въ школу просить книги, и Любовь Митревна не давала». Если бы у насъ подъ руками былъ только этотъ одинъ отвѣтъ съ его невольновывлишеюся жалобой, мы могли бы заподозрить эту самую Любовь Митревну въ намѣренномъ нежеланіи давать книги, но, къ счастью, у насъ есть и другіе отвѣты по той же Ясеновской школѣ, и мы можемъ съ увѣренностью сказать, что Любовь Митревна—не лютый звѣрь, что она не скрываетъ книгъ отъ просителей, но что она просто лишена возможности удовлетворять поступающіе къ ней запросы тѣмъ скуднымъ запасомъ книгъ, какой имѣется въ ея распоряженіи. «Изъ школы всѣ (книги) побрали»,—жалуется другой испытуемый той же школы, объясняя этимъ обстоятельствомъ, почему онъ мало читалъ. Ясеновское училище отнюдь не является исключеніемъ среди остальныхъ земскихъ училищъ уѣзда по убогому составу школьныхъ библіотекъ, и потому не удивительно, что подобныя жалобы раздаются не въ ней одной. То же слышимъ мы и отъ бывшихъ учениковъ Роговатовскаго училища, которые пишутъ: «а книгъ намъ изъ школы не выдавали, а купить не за что»; та же жалоба повторяется и въ Солдатскомъ училищѣ: «читалъ мало, потому что, когда приходишь въ школу, всякій приходитъ брать».

Интересенъ самый тонъ этихъ жалобъ. Претендуя на школу, которая такъ небрежно относится къ его умственнымъ запросамъ, крестьянинъ, очевидно, чувствуетъ за собой право быть недовольнымъ ею. И въ самомъ дѣлѣ, помимо тѣхъ расходовъ, которые несетъ по народному образованію нижнедѣвицкое земство и которые идутъ, разумѣется, изъ крестьянскаго же кармана, крестьянскія общества, кромѣ того, принимаютъ непосредственно близкое участіе въ содержаніи сельскихъ училищъ. На обществѣ, какъ мы знаемъ уже, лежитъ обязанность построить школу, обезпечить ея содержаніе и ремонтъ, нанимать сторожа и отапливать школу; одиннадцать обществъ сверхъ того даютъ помѣщеніе учителямъ, а два выдаютъ имъ квартирныя деньги. Все это, при данномъ экономическомъ положеніи населенія уѣзда,—затраты весьма солидныя и, дѣйствительно, дающія полное право крестьянину смотрѣть на школу, какъ на учрежденіе, которое должно служить его духовнымъ интересамъ. Понятно поэтому, что крестьянинъ, вынесшій изъ школы орудіе знанія—механическую грамотность, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и нѣкоторые умственные запросы, не можетъ не претендовать на то, чтобы школа и послѣ его выхода изъ нея отвѣчала на эти возбужденные ею же запросы, по крайней мѣрѣ, выдачею книгъ. Мы видѣли, однако, что современная школа не удовлетворяетъ пока этому законному требованію крестьянъ. Разставаясь съ своими питомцами, которымъ при выпускѣ бываетъ обыкновенно не болѣе 12—13 лѣтъ, школа превращаетъ затѣмъ

всякую связь съ ними, и бывшіе ученики съ головою погружаются въ заботы своего домашняго обихода. Никто и ничто не идетъ на встрѣчу пробужденнымъ въ школѣ потребностямъ; напротивъ, вся обстановка деревни стремится убить, уничтожить умственную энергію крестьянина, и интересъ къ чтенію ослабѣваетъ все больше и больше. Молодежь любитъ читать, любятъ послушать чтеніе въ свободную минуту и старики, а книгъ нѣтъ. Завести общественную бібліотеку? Легко сказать, но для этого нужны, во-первыхъ, деньги, которыхъ, какъ извѣстно, въ деревнѣ не много; во-вторыхъ, инициатива, которою русскій человѣкъ вообще, а русскій мужикъ въ особенности, не отличается; въ-третьихъ, наконецъ, еслибъ и деньги, и инициатива нашлись, то, во всякомъ случаѣ, надо имѣть не мужицкую смѣлость и не мужицкую настойчивость, чтобы преодолѣть всѣ тѣ затрудненія, съ которыми сопряжено у насъ открытіе народной бібліотеки. Покупать книжки каждому отдѣльно — не по плечу мужику. Среди болѣе состоятельныхъ городскихъ интеллигентныхъ обывателей, и тамъ только наличность бібліотекъ дѣлаетъ книгу доступною для любителей; чего же можно требовать отъ крестьянина, въ бюджетѣ котораго даже такая насущная потребность, какъ мясо, опредѣляется до слезъ, до смѣха скромною цифрой въ шестьдесятъ копѣекъ? И нисколько не преувеличиваетъ бывшій ученикъ Россошинской школы, записывая въ своемъ отвѣтѣ: «а книги происходили отъ поту лица моего». А такъ какъ мы знаемъ, что и хлѣбъ происходитъ отъ поту лица мужицкаго, то не удивительно, что на долю книгъ остается его очень и очень немного, и частныя бібліотеки крестьянъ блещутъ своимъ поразительнымъ убожествомъ. «У меня есть только одинъ псалтырь; я все больше его читаю», — пишетъ одинъ изъ такихъ деревенскихъ собственниковъ, повидимому, уже примирившійся съ немноготомностью своей бібліотеки. Есть, конечно, частныя бібліотеки и нѣсколько полнѣе только что названной, но, все-таки, мы лучше сдѣлаемъ, если умолчимъ о нихъ. Вообще книга—вещь рѣдкая въ деревнѣ, настолько рѣдкая, что испытываемые не затруднялись указаніемъ тѣхъ источниковъ, откуда они получили ее. Въ отвѣтахъ то и дѣло попадаютъ самыя точныя сообщенія о томъ, что вотъ такую-то книгу принесъ отецъ съ лнни, такую-то бралъ у одной вдовы, у тестя, у дѣда Измаила и т. д. Наконецъ, о рѣдкости книгъ въ деревнѣ говорить еще и то обстоятельство, что въ отвѣтахъ по каждой школѣ безпрестанно упоминаются однѣ и тѣ же книги; очевидно, стало быть, что попавшая въ школьную бібліотеку или въ деревню книга не лежитъ напрасно, а обходитъ обширный кругъ читателей.

Что касается обстановки, при которой происходитъ чтеніе въ деревнѣ, то какъ личные разспросы учителей, такъ и нѣкоторыя данныя изъ отвѣтовъ экзаменовавшихся убѣждаютъ насъ, что читаютъ крестьяне преимущественно группами, составленными изъ членовъ семьи, причѣмъ часто приходятъ послушать чтеніе и сосѣди. Вотъ что говорятъ по этому поводу сами испытываемые:

По Знаменскому училищу: «свободное время читалъ, а всѣ слушали»;

по Синелиняговскому училищу: «У меня есть дѣдъ, отецъ и братья, — писать ученикъ выпуска 1886 г., — они любятъ слушать и заставляютъ меня читать; и я читаю, а они слушаютъ»; и, наконецъ, по Туровскому училищу: «Пятнадцати лѣтъ я пересталъ пасти скоть, — писать ученикъ выпуска того же 1886 г., — и сталъ помогать въ полезныхъ работахъ братьямъ своимъ, чѣмъ и занимаюсь до сихъ поръ; кромѣ ремесла никакого не имѣю. Находясь всегда почти дома и имѣя иногда много свободнаго времени, особенно въ зимнее время, часто я занимаюсь чтеніемъ книгъ святаго писанія, какъ-то: Святаго Евангелія, Житія святыхъ, Священной Исторіи и другія; эти книги часто слушателей приводятъ въ умиленіе и невольно они размышляютъ о богоугодномъ, а иной разъ скажутъ: мы-то ничего этого не знаемъ, живемъ, какъ скоть!»

Групповое чтеніе нельзя назвать явленіемъ, свойственнымъ исключительно Нижнедѣвицкому уѣзду, и, напримѣръ, завѣдующій Сагуновскою бібліотекой (въ Острогжскомъ уѣздѣ) пишетъ въ своемъ отчетѣ с.-петербургскому комитету грамотности: «На основаніи собранныхъ свѣдѣній мы можемъ констатировать, что только 12% дали «чтеніе въ одиночку», въ остальныхъ случаяхъ чтеніе происходитъ въ семьѣ, гдѣ иной разъ бываютъ слушателями и посторонніе. Для мужика книга даетъ «общее удовольствіе», вліяніе ея групповое, а не индивидуальное. Читаютъ въ семьѣ, гдѣ есть нѣсколько грамотныхъ, по очереди; кто читаетъ, тотъ и комментируетъ прочитанное. Бываютъ случаи, когда кто-нибудь изъ числа слушателей даетъ объясненіе прочитанному, — словомъ, даетъ объясненіе тотъ, кто считаетъ себя компетентнымъ сдѣлать разъясненіе и толкованіе для слушающей публики».

Въ этомъ тяготѣніи къ общему, групповому чтенію деревня обнаруживаетъ свои усилія смягчить вредное для ея умственнаго развитія вліяніе такихъ факторовъ, какъ низкій процентъ грамотности, дѣлающій чтеніе совершенно недоступнымъ для большинства населенія, и рѣдкость въ деревнѣ книги, на которую часто является одновременно нѣсколько требованій. Къ тому же, кромѣ кабака, въ деревнѣ нѣтъ никакихъ учрежденій, которыя давали бы возможность крестьянамъ провести пріятно время отдыха сообца съ тѣми, съ которыми условія жизни сталкиваютъ лишь для тяжелаго физическаго труда и для рѣшенія узко-практическихъ вопросовъ домашняго обихода, а, между тѣмъ, потребность въ такихъ учрежденіяхъ деревня должна чувствовать тѣмъ болѣе настоятельно, что тѣсныя рамки общины вырабатываютъ въ крестьянинѣ привычку къ общественности. «На міру и смерть красна», — говоритъ русскій крестьянинъ, и, конечно, этотъ міръ, скрашивающій даже тяжесть смерти, тѣмъ болѣе долженъ скрашивать и тяжесть работы и увеличивать удовольствіе отдыха, который, для каждаго въ отдѣльности, въ силу однородныхъ условій земледѣльческаго труда, все равно совпадаетъ съ отдыхомъ всего «міра».

Какъ бы тамъ ни было, но тѣ усилія, какія употребляетъ деревня для того, чтобы, несмотря на всѣ неблагоприятныя условія, распространить

вліяніе книги на возможно большій контингентъ лицъ, должны и въ нашихъ глазахъ поднять значеніе книги, какъ цивилизующаго фактора. Благодаря распространенности групповаго чтенія, книга захватываетъ въ кругъ своего вліянія и ту значительную часть сельскаго населенія, которая лишена возможности пользоваться благами школьнаго преподаванія; она доступна и грамотному, и неграмотному, и потому мы считаемъ необходимымъ подробно рассмотреть тотъ книжный матеріалъ, которымъ, по даннымъ провѣрочныхъ экзаменовъ, пользуется сельское населеніе Нижнедѣвицкаго уѣзда.

Прежде всего, предлагаемъ списокъ книгъ, которыя названы испытанными въ ихъ письменныхъ отвѣтахъ, распредѣливъ всѣ названія на четыре группы: 1) книги духовно-нравственнаго содержанія; 2) романы, повѣсти, рассказы и сказки; 3) книги историческаго содержанія, историческіе романы, повѣсти и рассказы и, наконецъ, 4) книги по сельскому хозяйству и вообще сочиненія практическаго характера.

По первой группѣ названы слѣдующія книги:

Библия, Евангеліе, Св. Исторія Вѣтхаго Завета, Св. Исторія Новаго Завета, Молитвенники, Часословъ, Псалтырь, Святцы, Проповѣди, Троицкіе листки, Училище благочестія, Путь ко спасенію, Акакистъ Иисусу Христу и Божіей Матери, Указаніе пути въ царство небесное, Кіево - Печерская лавра, Бѣ храму Божію, О двадцати мытарствахъ, Наставленія (съ Аеопа), Епистола святаго Нифонта, О страшномъ судѣ, О Св. Землѣ, Адъ и рай, Іовъ, Іосифъ Прекрасный, Успеніе Пресвятой Богородицы, Гоненіе на христіанъ, Объ антихристѣ, Поученія протоіерея Родіона Путятина, Соловецкій монастырь, Пора опомниться, О пьянствѣ и буйномъ веселіи.

Житія святыхъ: Митрофана, Тихона, Филарета Милостиваго, Вѣры, Надежды, Любви и матери ихъ Софіи, Георгія Побѣдоносца, Маріи Египетской, Великомученицы Варвары, Алексѣя Божія челоуѣка, Св. Харлампія, Антонія и Феодосія Печерскихъ, Кирилла и Меѳодія, Св. Николая чудотворца Мирликійскаго, Блаженнаго Іоанна, Симеона Столпника, Преподобнаго Василія, Св. Сергія, Мученицы Ирины, Постниковъ и говѣльщикова, Екатерины, Пантелеймона, Св. Владиміра, Пресвятой Богородицы, Онуфрія Юродиваго, Св. Евстафія Плакиды, Пелагеи, Евфросии цѣломудренной, Кіевскій рассказъ объ угодникахъ лавры.

Итого 58 названій.

По второй группѣ (романы, повѣсти, рассказы и сказки):

Злая невѣстка, Христосъ въ гостяхъ у мужика, Кривая доля, Степка Отпѣтый, Сочиненія Крашевскаго, Черные дни Францеля, Счастье Ивана Непомнящаго, Дѣтское сердце, Махмудовы дѣди, Пустоплясы, Робинзонъ Крузо, Три сестры, Гдѣ любовь, тамъ и Богъ, Майская ночь или утопленница, сочиненія Лермонтова, сочиненія Пушкина, пѣсни Кольцова, Кавказскій плѣнникъ, Пѣсенникъ, Семень сирота и его жена, Параша Сибирячка, Громобой, Басни Крылова, Вокругъ свѣта, О дикихъ людяхъ, Бабушка Мареза, Анекдоты Балакирева, Потерянный рай, Какъ содѣлать спасъ Петра Великаго, Бова корольичъ, Ерусланъ Лазаревичъ, Илья Муромецъ и Соло-

вей разбойницѣ, Лиса-повитуха, Милордъ англійскій, Царь Салтанъ, Сказка о львицѣ, Иванъ-царевичъ, Сказка о дуракѣ и лисицѣ, Сказка о томъ, какъ львица воспитала царскаго сына, Портупей-прапорщикъ, О спящей царевнѣ, Русскія народныя сказки, Конекъ-горбунокъ, Иванъ Добромысль и о прекрасной супругѣ Свѣтланѣ.

Итого 44 названія.

По третьей группѣ (книги историческаго содержанія):

Отечественная исторія, Буликовская битва, Христофоръ Колумбъ, Ломоносовъ—первый русскій ученый, Ермакъ Тимофеевичъ, Императрица Екатерина II, Какъ изобрѣли книгопечатаніе, Пугачевъ, Суворовъ, Про военные подвиги гг. офицеровъ и нижнихъ чиновъ (?), Какъ французъ въ Москву ходилъ въ 1812 году, Взятіе Плевны, Александръ Невскій, Освобожденіе Россіи отъ поляковъ, О Кятаѣ, Индія, Кутузовъ, О древнихъ царяхъ и храбрыхъ полководцахъ, Тарасъ Бульба, Капитанская дочка, Юрій Милославскій, Никитинъ, Битва русскихъ съ кабардинцами, Борисъ Годуновъ, Князь Серебрянный, Жизнь о. Іоанна (Кронштадскаго).

Итого 26 названій.

По четвертой группѣ (сочиненія практическаго характера):

О скотѣ, Садоводство, Объ огородѣ, О домашнемъ хозяйствѣ, какъ обрабатывать землю и какъ водить скотину, какъ за ней нужно ходить, ихъ любить, а не бранить (?), О грозѣ, Календарь, Переселеніе въ Сибирь, Энциклопедическій словарь, О всякихъ болѣзняхъ и простудѣ, и какую надо одежду носить и чѣмъ лечить чирьи (?).

Итого 9 названій *).

Если мы назовемъ еще сборники для чтенія Водовозова, Паульсона, Родное Слово, Нашъ другъ, Наше родное и газету *Сельскій Вѣстникъ*, то этимъ мы окончательнo исчерпаемъ весь матеріалъ, перечисленный бывшими учениками сельскихъ училищъ Нижнедѣвnickаго уѣзда.

Въ виду того, что книги, названныя въ этомъ перечнѣ, часто повторяются въ отвѣтахъ испытуемыхъ по нѣсколько разъ, мы дополнимъ его слѣдующими цифрами: о чтеніи книгъ духовно-нравственнаго содержанія мы находимъ въ отвѣтахъ экзаменовавшихся 635 указаній, о чтеніи романовъ, повѣстей и рассказовъ—280, о чтеніи книгъ историческаго содержанія—58 и о чтеніи книгъ практическаго характера—21. Такимъ образомъ, среди книжнаго матеріала, который расходуется въ деревнѣ, наибольшую распространенностью пользуются книги духовно-нравственнаго содержанія, которыхъ читается почти въ два раза больше, чѣмъ книгъ всѣхъ остальныхъ разрядовъ, взятыхъ вмѣстѣ.

Нечего распространяться о томъ, какъ трудно попасть въ деревню хорошей книгѣ: доступъ ея стѣсненъ и дѣною, и, еще болѣе, внѣшними

*) Къ этой группѣ слѣдовало бы отнести также и учебники: географіи, физики, космографіи и т. д., но такъ какъ они названы только однимъ испытуемымъ, о которомъ ниже мы говоримъ отдѣльно, то мы и не сочли нужнымъ перечислять ихъ здѣсь.

условіями. Въ приведенный выше списокъ книгъ попали, конечно, лишь тѣ, которыя запечатлѣлись въ памяти читателей и такъ или иначе признаны были ими достойными упоминанія. Если и среди этихъ книгъ можно указать множество такихъ, которыя ни въ какомъ случаѣ не могутъ служить здоровой умственной пищей для читателя, то въ деревнѣ, кромѣ нихъ, обращаются и другіе продукты никольскаго досужества, и вся эта масса никуда негоднаго книжнаго хлама образуетъ такую компактную вучу мусора, среди которой совершенно теряются отдѣльныя жемчужины. А, между тѣмъ, этотъ мусоръ преподносится народу въ качествѣ «свѣтской литературы», онъ долженъ служить для деревенскаго читателя критеріемъ для оцѣнки свѣтской книги вообще, и, разумѣется, эта послѣдняя не могла завоевать себѣ въ массѣ населенія не только симпатіи, но даже и простого уваженія. Напротивъ, въ отвѣтахъ испытуемыхъ проглядываетъ пренебреженіе къ свѣтской литературѣ. По всемъ безъ исключенія училищамъ Нижнедѣвnickаго уѣзда испытуемые классифицируютъ книги на «божественныя», съ одной стороны, и на расхожія, потѣшныя, сказочныя, басничи, басенныя, маленькія, швецкія — съ другой. И эти «басничи» книжки читаютъ иногда въ тѣхъ только случаяхъ, когда уже «дѣлать нечего», когда «скучно станетъ». Словомъ, «потѣшная» книга, которою дѣйствительно можно только тѣшить мужика, не претендуя вызвать къ ней сколько-нибудь серьезное отношеніе, оцѣнена въ деревнѣ какъ разъ по ея достоинству, и, напримѣръ, въ той же Сагуновской библиотекѣ, объемъ которой намъ уже приходилось цитировать, требованія на народную беллетристику постепенно понижаются, изъ чего видно, что народъ, — по справедливому замѣчанію отчета, — «проявляетъ нѣкоторую оппозицію къ современной народной беллетристикѣ».

И вотъ, прочитавъ нѣсколько «маленькихъ книжонокъ» — «пустячковъ всякихъ», которые, однако, изготовляются специально на его потребу, крестьянинъ не охотно даетъ свои гроши на приобрѣтеніе свѣтской книги, считая ее пригодной, пожалуй, еще для дѣтскаго возраста, но отнюдь не для взрослого серьезнаго человѣка.

Что касается книгъ популярно-научнаго или практическаго характера, то распространенность ихъ въ деревнѣ еще такъ незначительна, что самое существованіе такихъ книгъ, въ большинствѣ случаевъ, неизвѣстно для крестьянъ. Даже при наличности правильно организованной библиотекы, какъ Сагуновская, крестьяне не подозрѣвали о возможности достать тамъ книжку, которая разъяснила бы многое въ ихъ крестьянскомъ обиходѣ и окружающемъ ихъ мірѣ. Книжки подобнаго рода завѣдующей библиотекой долженъ былъ самъ рекомендовать и даже навязывать читателю, такъ какъ послѣдній не дѣлалъ никакихъ попытокъ «спросовать» ихъ. Впрочемъ, не только незнакомство съ подобными книгами, но иногда, напротивъ, знакомство съ ними вызываетъ подозрительное къ нимъ отношеніе со стороны крестьянъ: среди подобныхъ «приспособленныхъ для народа» изданій, также какъ и среди народной беллетристики, не мало всякой не-

годной ветоши, которая можетъ навсегда отбить охоту отъ серьезнаго чтенія. О томъ, много ли даетъ крестьянину Нижнедѣввицкаго уѣзда книга практическаго характера, можно судить уже по тѣмъ цифровымъ даннымъ, которыя представлены были выше (испытуемыми было упомянуто только 9 названій, два изъ которыхъ, къ тому же, очень подозрительнаго свойства; о чтеніи этихъ книгъ сообщили только 21 человекъ). Для болѣе наглядной оцѣнки этихъ данныхъ любопытно сопоставить ихъ съ отвѣтомъ крестьянина Петербургской губерніи, которая, по количеству существующаго въ ея деревняхъ книжнаго матеріала, находится, конечно, въ неизмѣримо болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ глухой и бѣдный Нижнедѣввицкій уѣздъ. «Что хорошаго прочелъ я въ книгахъ,—пишетъ этотъ крестьянинъ, окончившій школу въ 1884 г.,—объ этомъ трудно отвѣтить, такъ какъ хорошихъ книгъ получить негдѣ, а въ сказкахъ хорошаго не много найдешь; правда, попадались иногда и хорошія книги, можно сказать даже очень полезныя для крестьянъ, напримѣръ, о садоводствѣ, о хлѣбопашествѣ, но такихъ попадалось немного, да и то краткія, такъ что ничего по-настоящему не описано» *).

Нѣкоторые разряды читателей не подходятъ, однако, подъ эту общую характеристику. Малая распространенность книги мѣшаетъ критическому къ ней отношенію, и часто поэтому книга вообще, независимо отъ ея содержанія, представляется деревенскому читателю чѣмъ-то хорошимъ уже потому, что она даетъ ему возможность выходить по временамъ изъ узкой сферы его хозяйственныхъ интересовъ въ иной міръ. Поэтому-то мы и наталкиваемся въ экзаменаціонныхъ работахъ на отвѣты вродѣ такихъ: «читалъ всякія, всѣ хорошія», или: «нравятся мнѣ божественныя и разсказы положительно всѣ». Такіе отвѣты очень нерѣдки, и, наоборотъ, чрезвычайно рѣдки отвѣты, въ которыхъ заявляется о наличии какихъ-нибудь опредѣленныхъ требованій, показывающихъ знакомство съ книгами и умѣнье разбираться въ нихъ. Можно, однако, сказать, что хорошая книга, т.-е. книга, одобренная интеллигентнымъ читателемъ, попадая въ деревню, не остается безъ вниманія: ее читаютъ, понимаютъ и любятъ, и читатели такихъ книгъ уже не отнесутъ ихъ въ разрядъ басенныхъ, сказочныхъ или потѣшныхъ. Еъ сожалѣнію, однако, такія книги мало проникаютъ въ деревню, и сочиненія нашихъ любимыхъ авторовъ - беллетристовъ рѣдко встрѣчаются въ отвѣтахъ экзаменовавшихся. Популярно-научная литература, несмотря на поразительную рѣдкость книгъ этого рода въ деревнѣ, также имѣетъ своихъ почитателей. Достаточно попасть въ деревню хорошо составленной книгѣ, и она уже заинтересовываетъ деревенскаго читателя. Энциклопедическій словарь, попавшій въ с. Городище, встрѣтилъ благодарную почву въ любознательности мѣстныхъ грамотѣевъ; онъ побывалъ въ разныхъ рукахъ и получилъ самые блестящіе отзывы. «Лучшая книга—Энциклопедическій словарь»,—пишетъ одинъ экзаменующійся, и этотъ отзывъ вполне

*) Русск. Нач. Учит. 1893 г., № 11, стр. 14.

подтверждают и другіе читатели словаря. Затѣмъ, въ другихъ селахъ мы встрѣчаемъ людей, которыхъ особенно интересуютъ: «разказы о человѣческой жизни», «путешествія на подобіе Робинзона», «Индія», «о томъ, какъ жили люди за 100 лѣтъ», «о небѣ и землѣ», «разныя сказанія для мужицкихъ примѣровъ», «хлѣбопашечныя, лѣсоводныя книги», вообще «серьезное чтеніе» и т. д. Словомъ, разбуженная мужицкая любознательность хватается широко и глубоко, желая знать многое, «что и какъ». Больше всего,—пишетъ бывшій ученикъ Роговатовской школы,—люблю читать про разныхъ народовъ и какъ они живутъ, и про разныя государства и чѣмъ они занимаются, и больше всего на свѣтѣ люблю какія-нибудь любопытныя книги». А вотъ еще два характерныхъ отвѣта на ту же тему; приводимъ ихъ цѣликомъ:

«Любимымъ занятіемъ моимъ во время лѣта было садоводство,—пишетъ бывшій ученикъ выпуска 1883 г.—Любилъ читать такія книги, въ которыхъ говорилось о какой-нибудь работѣ. Благодаря такимъ книгамъ, я самоучкой вышелъ переплетчикомъ; когда же я началъ переплетать, то въ книгахъ для чтенія недостатка не имѣлъ, читалъ и духовныя. Книги свои бралъ у священника и въ школѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ открылся въ нашемъ селѣ хоръ, я состою въ этомъ хорѣ пѣвчимъ. Въ прошломъ году я выписалъ фотографическій аппаратъ со всѣми принадлежностями и руководствомъ и занялся сей работой, но, за неимѣніемъ средствъ, въ данное время я не работаю, хотя и очень желаю продолжать эту работу».

«Семья наша не велика и вся почти рабочая,—пишетъ другой испытуемый выпуска 1884 г.—По выходѣ изъ школы я занимался тѣмъ, чѣмъ занимаются другіе, а особенно мои товарищи: бился на кулачки, опустошалъ огороды, и все то, что способны дѣлать неразумныя дѣти; послѣ сего меня приставили исполнять всѣ крестьянскія работы; отъ сего шалости мои прекратились. Я началъ сильно скучать, и что же?—чуть было не огрубѣлъ и не сталъ мужикомъ, способнымъ на всякія погрѣшности. На долю мою выпадало много свободнаго времени, я началъ заниматься чтеніемъ, и читалъ больше всего сказки, которыхъ было достаточно. Оперившись, я теряю свое первобытное и неопредѣленное состояніе; я началъ читать книги болѣе полезныя, какъ, напримѣръ, Исторію государства Россійскаго, Пушкина, пѣсни Бальцова. Люблю я больше всего книги ученыхъ, особенно гдѣ много всего хорошаго, люблю и божественныя. Пишу не часто, и если пишу, то большею частью стихи, хотя и не совсѣмъ основательны».

Выдѣливъ, какъ отрадное исключеніе изъ общаго правила, небольшую группу лицъ, которыя полюбили свѣтскую книжку, вчитались въ нее, такъ что могутъ уже предъявлять къ ней свои опредѣленныя требованія, мы должны упомянуть здѣсь еще объ одномъ разрядѣ читателей, которые хотя и включены нами въ группу любителей свѣтскаго чтенія, но отличаются отъ послѣднихъ нѣкоторыми весьма характерными особенностями. Мы говоримъ о любителяхъ специально военныхъ разказовъ.

Изъ 93 человекъ, охарактеризованныхъ нами выше, какъ любителей свѣтскаго чтенія вообще, 24 человекъ (или 25,8%) предпочитаютъ чтеніе книгъ военнаго характера. Книги этого рода читаются въ деревнѣ вообще съ большою охотой; «военныя книги какъ-то читать интереснѣй», — пишетъ одинъ изъ испытуемыхъ, и требованія, предъявляемыя къ нимъ, очень опредѣленны. Изъ чтенія этого характера особенно привлекаютъ деревенскаго читателя рассказы «про военные подвиги гг. офицеровъ и нижнихъ чиновъ», «про военные походы», «про военныя дѣйствія и рассказы про войсковыхъ высшихъ и нижнихъ чиновъ», «о разныхъ войнахъ и походахъ великихъ полководцевъ» и т. д.

Не трудно понять, въ чемъ заключается привлекательность такого чтенія для деревни. Если народная беллетристика, фабрикуемая большею частью людьми, не знакомыми ни съ условіями народной жизни, ни съ народною психикой, не соответствуетъ требованіямъ художественной и тѣмъ болѣе житейской правды и считается поэтому въ глазахъ деревенскаго читателя потѣшнымъ пустячкомъ; если книги практическаго характера еще слишкомъ мало знакомы ему, то военные рассказы, заимствуя свои сюжеты изъ дѣйствительной жизни, вліяютъ на крестьянина двоякимъ образомъ. Съ одной стороны, читатель относится къ подобнымъ рассказамъ съ безусловнымъ довѣріемъ, потому что они дѣйствительно имѣютъ въ основѣ своей сущую историческую правду, хотя и разукрашенную, часто даже изуродованную вымысломъ автора. Съ другой стороны, они сильно дѣйствуютъ на чувство читателя, возбуждая глубоко затаенное въ немъ честолюбіе и рисуя ему въ яркихъ краскахъ единственную, быть можетъ, возможность выйти изъ той прозы жизни, которая со всѣхъ сторонъ окружаетъ и давитъ его, на широкій просторъ славной дѣятельности во имя интересовъ, захватывающихъ церковь, націю, государство. Такая книжка для деревенскаго читателя — находка, и не удивительно поэтому, что военные рассказы, возбуждающіе его фантазію и высоко поднимающіе его надъ обычную суетой крестьянскаго дня, часто сопоставляются имъ даже съ книгами духовнаго содержанія. «Больше всего люблю божественныя и военныя (книги)», «божественныя и о храбрыхъ герояхъ на войнѣ» — отвѣты, которые встрѣчаются въ письменныхъ работахъ испытуемыхъ не одинъ разъ.

Но, все-таки, для большинства читателей «лучше нѣтъ священной исторіи, проповѣди, житія преподобныхъ, въ которыя намъ каждый разъ надо всматриваться». Этимъ мнѣніемъ бывшаго ученика Роговатовской школы опредѣляется значеніе для деревни «божественныхъ» книгъ.

Божественная книга имѣетъ передъ остальными то несомнѣнное преимущество, что ей не приходится создавать новыя потребности или вызывать къ жизни существующія потенціальныя: она находитъ въ деревнѣ почву, давно уже подготовленную, и удовлетворяетъ потребностямъ, давно уже назрѣвшимъ. Божественная книга заставляетъ работать мужицкую мысль, но работать въ привычномъ уже для нея направленіи, такъ какъ

христіанская религія съ дѣтства становится краеугольнымъ камнемъ мужицкаго міросозерцанія.

Если, какъ мы видѣли, чтеніе въ деревнѣ находится въ условіяхъ, которыя оставляютъ желать еще многого, то тѣмъ болѣе это приходится сказать о письменныхъ занятіяхъ. Только 90 человѣкъ отвѣтили, что пишутъ они часто; 289 человѣкъ пишутъ рѣдко. Даже изъ этого ограниченнаго числа отвѣтовъ, относящихся къ письменнымъ занятіямъ, можно видѣть, что данный вопросъ далеко не такъ затрогивалъ экзаменовавшихся, какъ вопросъ о чтеніи. И дѣйствительно, деревенскій житель рѣдко пользуется своимъ умѣньемъ писать, за исключеніемъ, конечно, тѣхъ, которые поставлены въ исключительное положеніе писаря, торговца, учителя и т. д.; эти послѣдніе настолько широко пользуются своими знаніями, что нѣкоторымъ изъ нихъ приходится «по лавочному дѣлу» или по службѣ писать, по ихъ признанію, даже чаще, чѣмъ читать. Обыкновенный же деревенскій обыватель, пахарь, беретъ перо въ руки «кое-когда», «по нуждѣ», для того, чтобы написать «въ чужія страны письмо» отъ себя или по просьбѣ своихъ неграмотныхъ односельчанъ, подписаться, когда случится надобность, подъ общественнымъ приговоромъ или расписаться въ волостномъ правленіи, написать поминаніе, прошеніе; кое-кто, въ видѣ исключенія, заводитъ у себя домашнюю бухгалтерію, записывая «сколько сѣна убрали», и, наконецъ, молодежь недавнихъ выпусковъ, проникнутая еще не остывшимъ усердіемъ, занимается списываньемъ съ книгъ. На вопросъ, почему рѣдко пишутъ, отвѣты получились тѣ же, что и на соответствующій вопросъ о чтеніи. Восемь человѣкъ сослались на недосугъ («а когда бы пописаться,—некогда») и шесть человѣкъ на отсутствіе письменныхъ принадлежностей: «затѣмъ (я мало пишу), что перышка не за что купить и чернильца», «не по чему было»,—отвѣчаютъ крестьяне въ такихъ случаяхъ. 46 человѣкъ заявили, что они никогда не пишутъ, хотя едва ли возможно признать эти отвѣты точными. Косвенною уликой противъ этихъ черезъ-чуръ ужь скромныхъ людей можетъ служить слишкомъ низкій процентъ грамотности въ уѣздѣ, въ силу чего населенію зачастую приходится прибѣгать къ услугамъ деревенскихъ грамотѣевъ. Но, кромѣ этой косвенной улики, существуютъ и прямыя: во-первыхъ, нѣкоторые изъ этихъ скромниковъ получили за письмо лучшія отиѣтки, чего не могло бы случиться при полномъ отсутствіи практики въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, и, во-вторыхъ, учителя, подвергавшіе этихъ «никогда» не писавшихъ крестьянъ устному опросу, убѣждались, что письменные отвѣты въ этихъ случаяхъ часто не соответствуютъ истинѣ. Скромники вспоминали, что «кое когда» и имъ приходилось пользоваться своими знаніями, иногда по собственной нуждѣ, иногда по просьбѣ односельчанъ. Во всякомъ случаѣ письмо въ деревнѣ находится въ гораздо худшихъ условіяхъ, чѣмъ чтеніе: большинство учившихся стали писать хуже, а не лучше прежняго, и средній баллъ за письмо (3,2) значительно меньше такого же за чтеніе (3,5). Физическій трудъ, вѣроятно, также играетъ въ этомъ не малую роль; «рубятъ

попортилась—дрожить отъ работы»,—писать, напримѣръ, бывш. Ясневскаго училища. По отдѣльнымъ училищамъ средніе баллы разнятся между собою болѣе, чѣмъ по всѣмъ остальнымъ предѣляясь очень низко, съ 2,4 (по Ново-Ольшанскому училищу), ср по письму остается 2 съ десятиными долями для цѣлыхъ семи 1 _____, — съ десятиными для одиннадцати, и въ одномъ, наконецъ (Кочетовскомъ), училищѣ онъ возвышается до 4,2, чего не достигаетъ средній баллъ для всего училища ни по одному изъ другихъ предметовъ.

Въ письменныхъ работахъ есть только три-четыре указанія на занятія по выходѣ изъ училища ариметикой, да и то эти указанія ограничиваются случаями помощи учащимся, такъ что предполагать, что арифметика служить въ деревнѣ объектомъ внѣшкольнаго образования, нѣтъ никакихъ основаній. Но такъ какъ, и помимо теоретическаго изученія, сама жизнь ежедневно даетъ поводы для разнообразныхъ математическихъ операций, то не удивительно, что знанія по арифметикѣ оказались лучше знаній по всѣмъ остальнымъ предметамъ: въ среднемъ они оцѣнены 3,6 баллами, а въ частности только одно училище (Ново-Ольшанское) имѣетъ въ среднемъ по арифметикѣ 2,9 балла; затѣмъ 13 училищъ имѣютъ отъ 3,3 до 3,8, а въ трехъ училищахъ: Истобенскомъ, Шаталовскомъ и Кочетовскомъ средній баллъ достигаетъ 4. Испытаніе, состояло въ письменномъ рѣшеніи одной или двухъ задачъ, весьма несложныхъ и близкихъ, по своему содержанию, къ типу тѣхъ математическихъ операций, съ какими постоянно приходится имѣть дѣло въ крестьянскомъ быту. Вотъ, наприм., задача, которая предложена была на испытаніи въ большинствѣ школъ: «Хозяинъ имѣлъ овса 535 мѣръ, изъ которыхъ 215 мѣръ продалъ, 200 оставилъ для лошадей, а остальныя посѣялъ и получилъ урожай самъ-семь. Сколько четвертей онъ собралъ?»

Сравненіе результатовъ испытанія по письму и арифметикѣ для выпусковъ 1880, 1885 и 1890 годовъ можно сдѣлать по слѣдующей таблицѣ:

Годы выпуска.	Письмо.	А р и м е т и к а .	
		Рѣшеніе (письменное) задачи.	Устный отвѣтъ.
1880 г.	3,5	3,7	4
1885 »	2,9	3,3	3,1
1890 »	3,3	3,6	3,6
Общій средній баллъ за 18 лѣтъ по всѣмъ училищамъ		3,2	3,6

Въ земскихъ училищахъ Нижнедѣвицкаго уѣзда только 9,7% всѣхъ учащихся получаютъ ежегодно свидѣтельства о грамотности. Причины такого ничтожнаго процента оканчивающихъ земскія училища лежатъ внѣ школы, хотя до извѣстной степени постановка школьнаго дѣла можетъ ослабить зло. По крайней мѣрѣ, въ тѣхъ училищахъ, которыя, благодаря удачному подбору преподавателей и болѣе или менѣе удовлетворительному составу училищныхъ библиотекъ, сумѣютъ заинтересовать крестьянъ, вы-

лнить имъ большее довѣріе и уваженіе къ себѣ, процентъ окончивающихъ замѣтно увеличивается. Въ настоящее время школа, во всякомъ случаѣ, не такъ много объщаетъ крестьянину въ будущемъ, чтобы онъ могъ пренебречь экономическими соображеніями нынѣшняго дня и поступать въ ущербъ своимъ прямымъ, насущнымъ интересамъ. А этотъ насущный интересъ часто требуетъ непосредственнаго участія въ хозяйствѣ и дѣтскихъ силъ, для которыхъ въ сельскомъ быту всегда найдется достаточный кругъ дѣятельности. Понявчить ребенка, пока мать въ полѣ, посторожить скотину, бахчи и т. д.,—для всего этого нуженъ человекъ, хотя бы и маленькій, и вотъ эти маленькіе работники цѣлыми массами ежегодно вырываются изъ школы и уже навсегда, безповоротно, посвящаются хозяйственнымъ интересамъ семьи. Чѣмъ бѣднѣе семья, тѣмъ чувствительнѣе для нея потеря каждой лишней даровой рабочей силы, и тѣмъ скорѣе, слѣдовательно, отрываетъ она ребенка отъ школы. Процентъ грамотности въ такихъ семьяхъ долженъ быть, конечно, ниже, чѣмъ процентъ грамотныхъ въ семьяхъ, болѣе сильныхъ по своему хозяйственному составу, и дѣйствительно, въ Нижнедѣвицкомъ уѣздѣ *) среди хозяйствъ съ нанимающимися въ батраки грамотныхъ насчитывается 3,6%; среди хозяйствъ, которыя не выдѣляютъ изъ себя батраковъ, но и не нанимаютъ ихъ, грамотныхъ 4%, и, наконецъ, среди хозяйствъ, нанимающихъ батраковъ, грамотныхъ 4,3%.

Количество дѣтей разнаго возраста, которыя выходятъ изъ училищъ до окончанія полнаго курса, значительно превосходитъ число получившихъ свидѣтельства о грамотности, и потому особенный интересъ приобрѣтаютъ результаты испытанія, такъ сказать, мимоходомъ произведеннаго въ двухъ школахъ: въ Туровской и Роговатовской, на двухъ противоположныхъ концахъ уѣзда. Тамъ произведена была провѣрка знаній тѣхъ крестьянъ, которые вышли изъ школы, не окончивъ въ ней курса, и, притомъ, вышли не изъ старшей, а изъ средней группы учащихся, пробывъ въ школѣ только около двухъ зимъ. Правда, испытаніе это имѣло совершенно случайный характеръ: проэкзаменовано было всего 20 человекъ, которые живутъ не далеко отъ училищъ, но, тѣмъ не менѣе, результаты его весьма поучительны.

Многіе изъ испытуемыхъ давно уже оставили школу; между ними есть и тридцатилѣтніе. Изъ 12 роговатовскихъ крестьянъ трое читали по 8 строкъ въ минуту, трое по 12 строкъ, остальные въ этихъ предѣлахъ и выше, до 15 строкъ. Въ Туровскомъ училищѣ чтеніе отиѣчалось баллами: по русскому чтенію одинъ получилъ 2, два—по 3, два—по 4 и три—по 5; по славянскому чтенію два испытуемыхъ получили по 2, одинъ—3, два—по 4 и три—по 5. Письмо роговатовскихъ крестьянъ, въ общемъ удовлетворительное, оцѣнено 3 баллами, хотя многіе по каллиграфіи очень слабы; въ Туровскомъ училищѣ письмо несравненно лучше. Было бы слишкомъ рискованно на основаніи этихъ немногихъ данныхъ дѣлать какія-нибудь широкія обобщенія, но и такой опытъ показываетъ, что школа не остается

*) По даннымъ 1887 г.

безъ вліянія и на многихъ изъ тѣхъ бывшихъ учениковъ своихъ, которые вышли изъ старшаго и даже младшаго отдѣленія до окончанія курса.

Такимъ образомъ, земская школа незамѣтно и постепенно дѣлаетъ свое дѣло и, несмотря на многіе свои недостатки, цѣнится и поддерживается крестьянами. Съ каждымъ годомъ растетъ число жаждущихъ просвѣщенія. Школы Нижнедѣвickaго уѣзда, какъ мы знаемъ, переполнены учащимися, но какъ только размѣры которой-нибудь изъ нихъ увеличатся, новый наплывъ учащихся немедленно же создаетъ въ ней такую же тѣсноту, какая существовала тамъ раньше, до ея перестройки. Когда въ 1891 г. ольшанскимъ обществомъ отстроено было новое обширное помѣщеніе для училища, число учащихся повысилось до 100, т.-е. увеличилось вдвое, такъ какъ до этого училище посѣщали не болѣе 50—60 учащихся. Въ Солдатскомъ училищѣ, гдѣ училось обыкновенно человѣкъ 50—60, въ 1893—94 учебномъ году явилось 100 желающихъ посѣщать школу; учитель, желая избѣжать массоваго отказа въ приѣмѣ, долженъ былъ уступить одну комнату изъ своей квартиры для помѣщенія учащихся. Содержаніе помѣщеній вообще всѣхъ земскихъ училищъ Нижнедѣвickaго уѣзда лежитъ на обязанности сельскихъ обществъ, и хотя можно указать случаи крайне небрежнаго отношенія обществъ къ своимъ обязанностямъ, случаи, когда земство вынуждено было даже закрывать на время училища, но въ общемъ населеніе добросовѣстно относится къ своимъ обязанностямъ, такъ что въ тяжелый для населенія 1891—1892 годъ нижедѣвickaго училищный совѣтъ сообщалъ уѣздному земству слѣдующее: «Вообще же, несмотря на неблагоприятныя экономическія условія отчетнаго года, сельскія училища содержались довольно исправно, что ясно указываетъ на то, что школа успѣла уже завоевать себѣ прочныя симпатіи въ народѣ». Относясь въ общемъ съ полнымъ доброжелательствомъ къ земской школѣ, крестьяне въ послѣднее время стараются даже принять посильное участіе въ устраненіи того недостатка школъ, который они справедливо считаютъ основнымъ и который особенно чувствителенъ для нихъ. Мы говоримъ о крайнемъ убожествѣ школьныхъ библіотекъ. Нѣкоторые общества, какъ, наприм., роговатовское, туровское и семидесятское, не дожидаясь въ этомъ отношеніи какой-нибудь помощи извнѣ, сами рѣшились пойти на встрѣчу этой новой деревенской потребности и на устройство библіотекъ для внѣкласснаго чтенія ассигновали изъ общественныхъ суммъ: первые два по 50 р., послѣднее—10 рублей. Кромѣ того, среди деревенской аристократіи собраны еще небольшія суммы для этой же цѣли.

Но, конечно, если среди интеллигенціи школа часто встрѣчаетъ враждебное къ себѣ отношеніе, то и въ темной средѣ крестьянскаго населенія встрѣчаются люди, которые отрицательно относятся и къ грамотности, и къ ея разсаднику—школѣ. О существованіи въ деревнѣ такихъ обскурантовъ свидѣтельствуютъ и экзаменовавшіеся, которые, впрочемъ, въ такихъ случаяхъ считаютъ необходимымъ тотчасъ же встать на защиту школы. Вотъ одинъ изъ такихъ отвѣтовъ, отъ котораго другіе почти не отличаются:

«Про школу,—пишет испытуемый,—у насъ разное говорятъ: одни у насъ говорятъ, что ученіе полезно, а другіе говорятъ, что прежде и неграмотные, а жили также, но это они говорятъ напрасно». Аргументация, какъ видите, не совсѣмъ убѣдительная, но русскій человѣкъ вообще многословіемъ не отличается; онъ говоритъ мало, потому что потребность убѣдить слушателя въ справедливости своего мнѣнія ему почти не знакома. Да и зачѣмъ въ самомъ дѣлѣ тратить энергію для этой цѣли, если ни мое, ни чужое мнѣніе, въ большинствѣ случаевъ, практическихъ результатовъ не даетъ? Однако, вопросъ о томъ, дѣйствительно ли напрасно говорятъ въ деревнѣ, «что прежде и неграмотные, а жили также», настолько интересенъ, что оставить его безъ разъясненій никакъ нельзя.

Почти всѣ изъ числа явившихся на экзамены бывшихъ учениковъ сельскихъ училищъ продолжаютъ оставаться въ той же социальной обстановкѣ, въ какой находились ихъ родители: молодежь, недавно окончившая школу, занимается преимущественно пастъбой скота и затѣмъ постепенно переходитъ въ разрядъ настоящихъ земледѣльцевъ. Кое-кто на ряду съ земледѣліемъ занимается и кустарными промыслами, но такихъ не много, такъ какъ кустарная промышленность въ уѣздѣ почти отсутствуетъ. Во всякомъ случаѣ, среди экзаменованныхъ, по собственнымъ ихъ показаніямъ, есть художники (иконописцы), кузнецы, слесаря, сапожники, каменщики, прядильщики, плотники, столяры, печники, штукатуры, портные, шорники и проч. Нѣсколько (20) человѣкъ пристроились къ торговому дѣлу и нѣсколько занимаютъ должности: помощника волостного писаря, сельскаго писаря, учителя школы грамотности и проч. Что касается тѣхъ 45,3% изъ числа окончившихъ курсъ въ сельскихъ училищахъ, которые на экзаменѣ не явились, то опредѣленныхъ данныхъ объ ихъ судьбѣ у насъ подъ руками нѣтъ, но для рѣшенія этого вопроса мы можемъ воспользоваться слѣдующими соображеніями. Земледѣіе, при существующихъ его формахъ, не можетъ поглощать всѣхъ рукъ даже въ многоземельномъ сравнительно Нижнедѣвицкомъ уѣздѣ. По статистическимъ даннымъ 1887 г. *) изъ 155,887 жителей уѣзда находилось въ отсутствіи въ предѣлахъ уѣзда и внѣ его 4,469 человѣкъ, да кромѣ того въ безвѣстномъ отсутствіи находилось 66 семей или приблизительно 730 человѣкъ. Родной кровъ перестала оказывать имъ гостепріимство, и они покинули его для того, чтобы тамъ, на чужой сторонѣ, отвоевать отъ жизни для себя и семьи какой-нибудь плюсъ къ тому «скудному пропитанію», какой даетъ имъ ихъ собственный домъ. Разумѣется, грамотный крестьянинъ, во всякомъ случаѣ, гораздо болѣе, чѣмъ неграмотный, можетъ считаться приспособленнымъ для борьбы за существованіе внѣ своего поля и особенно въ городѣ, который поглощаетъ не малую долю этихъ отсутствующихъ, и можно насчитать много профессій, зарегистрированныхъ и

*) Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Воронежской губ., т. 6, в. 1-й. Воронежъ, 1889 г.

Нижнедѣвическомъ уѣздѣ подъ общимъ названіемъ отхожихъ промысловъ и требующихъ знанія грамоты sine qua non. Такъ, напримѣръ, среди крестьянъ, занятыхъ отхожими промыслами, записаны *): 1 живописецъ, 1 землемѣръ, 1 кассиръ, 1 конторщикъ, 1 машинистъ, 7 оспопрививателей, 9 писарей, 5 полицейскихъ, 3 пѣвчихъ, 2 желѣзно-дорожныхъ мастера, 48 прикащиковъ, 1 буфетчикъ, 2 переплетчика и т. д. Нельзя игнорировать и дѣлаго ряда другихъ профессій, которыми заняты крестьяне Нижнедѣвическаго уѣзда, но которыя не требуютъ *обязательнаго* знанія грамоты, хотя, въ большинствѣ случаевъ, и предполагаютъ наличность его; таковы профессіи: лакеевъ, пожарныхъ, дворецкихъ, поваровъ, швейцаровъ, арендаторовъ средней руки, гуртовщиковъ, кабатчиковъ, подрядчиковъ, городскихъ, фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ и проч. Переходъ изъ сферы специально-земледѣльческаго труда въ какую-нибудь изъ названныхъ здѣсь профессій требуетъ способности приспособляться къ новому дѣлу, умѣнья ориентироваться въ немъ, что, въ свою очередь, предполагаетъ извѣстную привычку мыслить,—привычку, которая вырабатывается надъ книгой. Поэтому въ то время, какъ массы сельскаго населенія, неудовлетворенныя земледѣльческимъ трудомъ въ своей родной деревнѣ, ищутъ приложенія того же труда гдѣ-нибудь въ Сибири, на Кавказѣ или въ Средней Азій, гдѣ онѣ часто совершенно утрачиваютъ послѣдніе признаки той слабой культуры, кака я отличала ихъ въ Россіи, грамотный крестьянинъ старается выйти изъ бѣды инымъ путемъ. Стѣсненный въ деревнѣ общему экономическому неурядицей и жалкимъ положеніемъ своего собственнаго хозяйства, онъ ищетъ спасенія не за предѣлами цивилизаціи, а, наоборотъ, въ центральныхъ пунктахъ ея—городахъ, которые даже въ разныхъ отрасляхъ фабрично-заводской дѣятельности, повидимому, совершенно не нуждающихся въ образовательномъ цензѣ рабочихъ, отдають ему явное предпочтеніе передъ неграмотнымъ. Въ Московской губерніи, напримѣръ, среди однихъ только фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ по даннымъ 1888 г. **) насчитывалось болѣе 40% грамотныхъ, и процентъ этотъ значительно поднимается, если не принимать въ расчетъ такъ называемыхъ чернорабочихъ, трудъ которыхъ почти не требуетъ ни ловкости, ни навыка. Современныя экономическія отношенія Россіи далеко не такъ просты, чтобы въ организаціи переселенческаго движенія можно было видѣть рѣшеніе давно уже назрѣвшаго крестьянскаго вопроса; но даже если бы это было и такъ, если бы переселеніе дѣйствительно, по крайней мѣрѣ, для данной минуты, разрѣшило вопросъ, оно, во всякомъ случаѣ, остается явленіемъ регрессивнымъ, потому что стремится понизить и безъ того крайне низкій коэффиціентъ плотности народонаселенія страны. Наоборотъ,

*) Сборникъ оценочныхъ свѣдѣній по крестьянскому земледѣльчеству въ Землянскомъ, Задонскомъ, Коротоякскомъ и Нижнедѣвическомъ уѣздахъ. Изд. воронежскаго губернскаго земства. Воронежъ, 1889 г.

**) Сводныя по вопросамъ техническо-промышленнаго образованія въ Россіи. Спб., 1888 г.

каково бы ни было направление экономической жизни Россіи въ ближайшемъ будущемъ, грамотность, во всякомъ случаѣ, будетъ факторомъ прогрессивнымъ, потому что она даетъ возможность крестьянину приспособляться къ новымъ отношеніямъ, примѣняясь къ нимъ не только въ предѣлахъ своего собственнаго хозяйства, но и за предѣлами его, въ городѣ, который всегда будетъ гостеприимнѣе къ грамотному, чѣмъ къ неграмотному.

Однако, изъ того, что школа, такъ сказать, прокладываетъ мостки между деревней и городомъ, еще не слѣдуетъ, что она, какъ это нерѣдко можно услышать отъ враговъ народнаго образованія, воспитываетъ въ своихъ ученикахъ презрѣніе къ деревнѣ и къ земледѣльческому труду. Грамотный крестьянинъ,—говорятъ эти господа,—потерянъ для деревни: онъ чувствуетъ себя дома несчастнымъ и всѣми силами рвется въ городъ, который прельщаетъ его соблазнами легкаго труда и легкомысленной жизни. Такое утвержденіе лишено всякихъ основаній. Крестьянинъ идетъ въ городъ по необходимости, и хотя жалобы на «деревенское утѣшеніе» довольно часто встрѣчаются въ отвѣтахъ испытуемыхъ, мы не нашли ни одного указанія, которое говорило бы о вліяніи школы въ смыслѣ тяготѣнія къ городу. Изъ тысячи слишкомъ испытуемыхъ только одинъ заявилъ, что его тяготитъ деревня и манитъ городъ, но и этотъ одинъ, какъ ясно видно изъ его отвѣта, вынесъ свои потребности и вкусы не изъ школы, а изъ военной службы, которую, къ тому же, онъ отбывалъ при довольно исключительныхъ условіяхъ. Приводимъ этотъ отвѣтъ цѣликомъ:

«Изъ школы вышелъ въ 1880 году, имѣю свидѣтельство и похвальный листъ. По выходѣ изъ школы жилъ дома и занимался хлѣбопашествомъ до тѣхъ поръ, пока взяли меня въ военную службу. Служилъ я въ крѣпостной артиллеріи въ гор. Батумѣ и былъ командированъ во время службы въ С.-Петербургъ для ознакомленія съ электро-освѣтительными аппаратами, гдѣ и учился слава Богу, за что получилъ аттестатъ съ отличною отмѣткой. А еще въ службѣ занимался по дѣлу телеграфному, что и по сейчасъ не забылъ. Какъ вышелъ со службы, 1 октября было 2 года. Книги я читалъ, когда мальчикомъ былъ, больше сказки, а когда поступилъ на службу, то увлекся книгами учебными, т.-е. географія, физика, космографія, зоологія, минералогія и вообще подобныя имъ книги, которыя я имѣю на рукахъ, т.-е. физика, космографія, зоологія, минералогія, естественная исторія, *Потерянный Рай*, сборникъ проповѣдей. А какъ вышелъ со службы, то и до сихъ поръ скучаю, что вышелъ со службы. Работать не охота черную работу, а вотъ мысли у меня тѣ, что уйти куда-нибудь на мѣсто въ городъ, чтобы не работать чернороботу. Всѣ книги, какія у меня есть, покупалъ въ С.-Петербургѣ. По выходѣ изъ школы читалъ рѣдко, въ нѣсколько мѣсяцевъ разъ, а писать до службы почти никогда не писалъ. А сейчасъ пишу письма и читаю книги въ недѣлю почти разъ, т.-е. иногда болѣе, иногда менѣе».

Въ этомъ отвѣтѣ вылилась жалоба специалиста, который не находитъ въ

деревнѣ точки для приложенія своихъ знаній; здѣсь никому не нужны эти электро-освѣтительные и телеграфные аппараты, обстоятельное знакомство съ которыми, конечно, не легко досталось рядовому солдату, до 21 года ни о какихъ аппаратахъ, кромѣ плуга и косы, не имѣвшему представленія. И чѣмъ тяжелѣе достались ему прибрѣтенныя знанія, тѣмъ должно быть сильнѣе желаніе воспользоваться ими.

Какъ бы тамъ ни было, но въ данномъ случаѣ тяготѣніе къ городу возникло и развилось не на почвѣ земской школы. Земская школа не усиливаетъ тяготу деревенской жизни, а, напротивъ, смягчаетъ ее. Не говоря уже о томъ, что она открываетъ крестьянину возможность цѣлесообразно пользоваться досугами и удовлетворять возникающимъ потребностямъ мысли, но и въ области матеріальныхъ интересовъ вліяніе школы, даже при настоящемъ далеко неудовлетворительномъ ея положеніи, должно быть признано безспорнымъ. Открывая доступъ въ крестьянскую среду понятіямъ, мало-по-малу подрывающимъ исконныя предрасудки и суевѣрія, земская школа освобождаетъ мысль крестьянина отъ угнетающихъ ее путъ и даетъ ей возможность проникать въ тѣ области жизни и дѣятельности, которыя раньше опредѣлялись одною лишь рутинною.

Вліяніе школы и книги сказывается на всѣхъ сторонахъ жизни крестьянъ. Бывшій школьникъ даже по внѣшнимъ признакамъ отличается отъ своихъ неграмотныхъ односельчанъ: онъ опрятнѣе, вѣжливѣе въ обращеніи съ другими и требовательнѣе по отношенію къ себѣ *). Грамотный крестьянинъ, по свидѣльству земскихъ врачей, съ большимъ довѣріемъ обращается къ медицинѣ и скептически относится къ знахарямъ. Онъ человѣчнѣе въ семьѣ и сознательнѣе къ мірскимъ интересамъ на сходѣ. Тысячи мелкихъ фактовъ его житейскаго обихода поддерживаютъ въ немъ огонекъ критической мысли, который зажгли въ немъ школа и книги, — и «бумага» теряетъ для него то роковое устрашающее значеніе, какое имѣла она въ глазахъ крестьянъ раньше. Возможность грубаго обмана съ помощью «бумаги» если не устранена совершенно, то въ значительной мѣрѣ ослаблена, такъ какъ онъ лично можетъ провѣрить ея содержаніе, какъ провѣряетъ онъ содержаніе своей податной книжки, общественнаго приговора, документа, заключающаго условія какой-нибудь денежной сдѣлки, и проч. Ростъ личнаго и общественнаго самосознанія подъ вліяніемъ образованія, проникающаго въ деревню черезъ посредство школы, — явленіе, которое въ настоящее время никто не отрицаетъ и которое мы можемъ отмѣтить даже

*) Учитель Сагуновской начальной школы въ историко-статистическомъ очеркѣ ея (*Сагуновская начальная школа*. Воронежъ, 1894 г.) сообщаетъ слѣдующій любопытный фактъ: „Предсѣдатель волостного суда заявилъ мнѣ, — пишетъ онъ, — что въ теченіе трехъ лѣтъ его предсѣдательства никто изъ свидѣтелей-нищихъ не судился въ волостномъ судѣ по уголовнымъ дѣламъ“. Мы не беремъ на себя смѣлости обобщать этотъ фактъ, но для характеристики вліянія земской школы онъ, даже принятыи съ большими оговорками, можетъ имѣть значеніе.

въ Нижнедѣвицкомъ уѣздѣ, несмотря на то, что образовательное вліяніе школы захватываетъ здѣсь еще слишкомъ ничтожную часть населенія.

Два года тому назадъ, когда кабатчики, имѣя въ виду уменьшеніе своихъ доходовъ по случаю переживавшаго тогда крестьянами тяжелого голоднаго періода, вошли въ соглашеніе, съ цѣлью заставить сельскія общества понизить аренду за кабаки, населеніе Нижнедѣвицкаго уѣзда встрѣтило эту стачку дружнымъ и остроумнымъ отпоромъ. Хотя въ борьбѣ кабатчиковъ съ населеніемъ приняли участіе и мѣстные водочные заводчики, ставъ на сторону первыхъ, мужикъ, все-таки, побѣдилъ, и нѣкоторые изъ кабатчиковъ вынуждены были поступить на службу къ мужику въ качествѣ простыхъ прикащиковъ въ общественныхъ кабакахъ, открытыхъ сельскими обществами на протяженіи всего уѣзда. Мужикъ затѣялъ эту борьбу, радѣя только о мірской копѣйкѣ, но тогда, когда побѣда осталась за нимъ, онъ сумѣлъ организовать новое предпріятіе на началахъ, которыя были совершенно чужды частнымъ предпринимательскимъ кабакамъ. Устрапивъ изъ кабаковъ кулака-завывателя, спаивавшаго и обиравшаго міръ, мужикъ устроилъ и кредитъ, столь соблазнительный для любителей выпить, и вообще поставилъ все дѣло такъ, что, по нашему крайнему разумнію, цѣль, которая намѣчена была министерствомъ финансовъ при введеніи казенной продажи вина, достигается здѣсь и проще, и лучше. У насъ нѣтъ достаточныхъ данныхъ для того, чтобы точно выяснитъ, какую роль во всемъ этомъ дѣлѣ сыграли грамотные, но, во всякомъ случаѣ, они были не на заднемъ планѣ, и тридцать лѣтъ тому назадъ подобная борьба съ подобными результатами была бы, конечно, немислима. Въ дальнѣйшей исторіи общественныхъ кабаковъ роль грамотныхъ выясняется опредѣленнѣе: тѣ пожертвованія крестьянъ на школьныя бібліотеки, о которыхъ мы говорили раньше, сдѣланы сельскими обществами изъ кабацкихъ суммъ, т.-е. изъ доходовъ, которые приносятъ міру общественные кабаки; характеръ пожертвованій прямо указываетъ, по настоянію какихъ крестьянъ они могли быть сдѣланы.

Таковы итоги школьной дѣятельности нижедѣвицкаго уѣзднаго земства.

Дѣло народнаго образованія требуетъ широкаго простора для общественной и частной инициативы, а, между тѣмъ, земство на каждомъ шагѣ должно было считаться съ цѣлымъ рядомъ препятствій. Взвѣсивъ вести школьное дѣло въ той незаконченной формѣ, въ какой оно ведется теперь, земство могло бы, безъ особенныхъ матеріальныхъ затратъ, улучшить и завершить его, но это было не въ его власти: оно могло тратить деньги на школы—и ничего больше. Увеличить программу преподаванія для училищъ, находящихся въ болѣе или менѣе крупныхъ промышленныхъ селахъ, нельзя; устроить школы грамоты въ маленькихъ поселкахъ нельзя; организовать краткосрочные учительскіе съѣзды нельзя; завести школьныя бібліотеки, которыя могли бы служить дополненіемъ къ учебному

курсу, нельзя, потому что для школьныхъ библиотекъ существуетъ особый каталогъ, изъ котораго трудно сдѣлать сколько-нибудь разумный подборъ книгъ для учащихся; устроить особые классы или публичныя чтенія для взрослыхъ, окончившихъ школу крестьянъ нельзя и т. д., и т. д. Словомъ, какой бы стороны школьнаго дѣла ни коснулось земство, все оказывается уже заранѣе предусмотрѣннымъ и заключеннымъ въ рамки, выходъ изъ которыхъ невозможенъ. О примѣненіи къ экономическимъ и бытовымъ условіямъ жизни мѣстнаго населенія не могло быть и рѣчи, такъ какъ земство должно было буква въ букву руководствоваться неподвижными нормами, созданными для всего громаднаго пространства Россіи. А, между тѣмъ, насколько необходимо бываетъ въ дѣлѣ народнаго образованія приспособляться къ мѣстнымъ условіямъ жизни, показываетъ хотя бы слѣдующій случай. Населеніе Нижнедѣвицкаго уѣзда очень неохотно отдаетъ въ школы дѣвочекъ и число послѣднихъ во всѣхъ школахъ уѣзда рѣдко доходитъ до 150. Общественное мнѣніе находитъ, что учиться грамотѣ слѣдуетъ только «черничкамъ», т.-е. дѣвушкамъ, которыя обрекли себя на вѣчное дѣвство; въ основѣ такого враждебнаго для женскаго образованія мнѣнія лежитъ причина чисто-матеріальнаго характера: дѣло въ томъ, что только очень немногія семьи шьютъ дѣвочкамъ на зиму теплое платье, въ большинствѣ случаевъ, считая это излишнею роскошью. Примѣнясь къ этому обстоятельству, священникъ о. Василій Дроздовъ на собранныя пожертвованія открылъ въ апрѣлѣ 1893 г. въ селѣ Россопи *мѣстную* женскую школу, въ которую немедленно же поступило 50 дѣвочекъ, тогда какъ Россопенское земское училище посѣщаетъ обыкновенно не болѣе двухъ дѣвочекъ. Разумѣется, земство поддержало предпріятіе о. Дроздова, который, по своему положенію священника, имѣетъ возможность проявлять инициативу тамъ, гдѣ земской самодѣятельности положенъ полный запретъ. Нѣтъ сомнѣнія, что такую же поддержку встрѣтила бы со стороны земства и разумная инициатива другихъ священниковъ, но ея не оказывается.

Задачи земской школы опредѣляются слѣдующими двумя пунктами положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ: она должна, во-первыхъ, утверждать въ народѣ религіозныя и нравственныя понятія и, во-вторыхъ, распространять первоначальныя полезныя свѣдѣнія.

Говоря о распредѣленіи книжнаго матеріала въ деревнѣ, мы имѣли уже случай убѣдиться, что первая задача достигается земскою школою безусловно. Крестьяне, получая начальныя понятія о религіи и нравственности въ школѣ, затѣмъ внѣ ея сами продолжаютъ свое религіозно-нравственное воспитаніе, пользуясь обильнымъ запасомъ и нестѣсненнымъ доступомъ существующихъ для этой цѣли книгъ. Нелѣпость заявленій о. Владыкина (въ саратовскомъ земскомъ собраніи) и разныхъ самозванныхъ представителей русскаго народа, утверждающихъ, что «много крестьянскихъ дѣтей выросло пропащими для вѣры и церкви людьми подъ вліяніемъ этихъ (земскихъ)

школь и того просвѣщенія, которымъ снабжаютъ тамъ *)), — очевидно, и останавливаться на нихъ мы не будемъ. Земскую школу надо упрекать не за то, что она якобы игнорируетъ религіозно-нравственное воспитаніе народа, а, напротивъ, за то, что, отдавшись исключительно этой именно задачѣ, она упустила изъ виду вторую, которая указана ей тѣмъ же положеніемъ о народныхъ училищахъ. Полезныя свѣдѣнія, въ которыхъ такъ сильно нуждается деревня, пока еще слишкомъ мало проникаютъ въ крестьянскую среду; запуганная школа съузила свою дѣятельность до крайнихъ предѣловъ и, предлагая народу только грамотность, — простое орудіе знанія, — рѣшительно отстранила отъ себя трудъ указывать, какъ пользоваться этимъ орудіемъ. Школа бросаетъ своихъ юныхъ воспитанниковъ буквально на произволь судьбы, предоставляя имъ собственнымъ неокрѣпшимъ усиліямъ самую трудную часть той работы, которую она должна была бы взять на себя.

Такое положеніе школы ненормально, — ненормально потому, что средства, которыя затратило земство на народное образованіе, при иной обстановкѣ дали бы результаты неизмѣримо болѣе существенныя и опредѣленныя, чѣмъ тѣ, которые перечислены въ настоящемъ очеркѣ. Вопросъ о введеніи обязательнаго обученія, быть можетъ, давно уже былъ бы осуществленъ въ жизни и, во всякомъ случаѣ, вопросъ о самостоятельности земства въ дѣлѣ народнаго образованія и вопросъ о введеніи обязательнаго обученія слишкомъ близко примыкаютъ другъ къ другу, чтобы можно было, рѣшая послѣдній, забывать о первомъ.

Вл. Кр.

*) Мысли русскаго народа о томъ, какое ему нужно ученіе и просвѣщеніе. М., 1893 г.

Война у разныхъ народовъ *)

Читатели будутъ, вѣроятно, удивлены, не встрѣтивъ на заглавномъ листѣ этой книги слова «эволюція», — такъ начинается Летурно свое вступленіе. — Но ихъ удивленіе смолкнетъ, если они дадутъ себѣ трудъ пробѣжать этотъ томъ. То, что составляетъ сущность, основу войны, не эволюционируетъ. Война—это возвратъ къ эпохѣ дикости, наслѣдіе нашего кроваваго прошлаго. Мѣняются только формы и средства войны, но не ея содержаніе. Насъ ужасаетъ теперь каннибализмъ древнихъ мексиканцевъ, но мы не жалѣемъ ни труда, ни денегъ для изобрѣтенія самыхъ убійственныхъ орудій. Зло не въ томъ, какъ справедливо замѣтилъ Монтэнъ, что человѣка съѣдаютъ послѣ смерти, а въ томъ, что его убиваютъ. И эти кровавые вкусы вовсе не прирождены человѣку: это—скверная привычка, прибрѣтенная вѣками въ силу самыхъ условій общественнаго развитія. У колыбели человѣчества, когда земли было много, а людей мало и они не стѣсняли другъ друга, война была не нужна человѣку, какъ эскимосамъ полярныхъ странъ. Первые войны носили характеръ простого юридическаго возмездія и только впоследствии обратились въ кровавую драму, отъ которой становится жутко.

Ихъ исторію дасть намъ эта книга.

Нѣтъ почти мѣста на земномъ шарѣ, гдѣ бы не было войны. Одни прославляли ее, другіе проклинали. Но всегда и вездѣ она была безпощаднымъ бичомъ для человѣчества: она безжалостно истребляла лучшій цвѣтъ молодежи, покрывала міръ развалинами, ломала цивилизаціи и создавала новыя.

Ея погромы отвратительны,—каковы же ея созданія? Заслуживаютъ ли они одобренія? Нужно ли было покупать ихъ цѣною крови? Эти вопросы встрѣтятся еще не разъ на страницахъ этой книги,—говорить авторъ.

*) *Ch. Letourneau: „La guerre dans les diverses races humaines“.* Вопросъ войны въ послѣднее время занимаетъ нашу печать. Довольно хитросплетенную защиту ея представляетъ статья В. С. Соловьева: *Смыслъ войны (Литературныя приложенія „Нивы“, № 7)*. Историко-сравнительное изслѣдованіе всего лучше разъясняетъ вопросъ, почему мы и даемъ мѣсто изложенію новой книги Летурно. *Ред.*

Въ первобытныхъ обществахъ, гдѣ человѣкъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ минутныхъ побужденій и не обсуждаетъ своихъ дѣйствій, война не вызываетъ осужденій. Побѣжденный безропотно принимаетъ ударъ; побѣдитель, пользуясь выгодой своего положенія, бьетъ. Первый не протестуетъ; второй не испытываетъ угрызений совѣсти и съ дикою яростью добываетъ свою жертву.

Но у цивилизованныхъ народовъ, гдѣ существуетъ потребность обсуждать свои дѣйствія и подвергать ихъ нравственной оцѣнкѣ, есть много противниковъ и защитниковъ войны. И не мѣшаетъ сказать, что число защитниковъ гораздо больше, — имъ имѣть легіонъ. Сюда можно отнести почти всѣхъ правителей, министровъ и государственныхъ людей и темную народную массу, которая, несмотря на то, что Молохъ пожиралъ ея дѣтей, безмолвно склоняетъ свои колѣни передъ этою страшною силой и создаетъ культъ ея героямъ. Поэты воспѣваютъ великихъ убійцъ и въ честь ихъ курятъ олимпамъ передъ алтарями. И, странная вещь, даже покоренные народы испытываютъ какое-то сусвѣрное благоговѣніе къ своимъ палачамъ. Что же говорятъ приверженцы войны? Вотъ одинъ изъ нихъ, де-Местръ: «Война божественнаго происхожденія, — говоритъ онъ, — это мировой законъ; ее окружаетъ таинственный ореолъ славы и она имѣетъ для насъ какое-то невыразимое обаяніе. Война божественнаго происхожденія уже въ силу того, что она щадитъ великихъ полководцевъ, даже самыхъ отважныхъ, — рѣдкіе изъ нихъ бываютъ ранены, да и то тогда, когда наступилъ предѣлъ ихъ славы, когда ихъ миссія кончена»... Сколько наивности въ этомъ днѣирамбѣ! — замѣчаетъ Латурно. — Не нужно взывать къ таинственнымъ силамъ, чтобы понять, что великіе полководцы могутъ стать великими только при томъ условіи, если ихъ не убьютъ въ первомъ же сраженіи. И откуда слѣдуетъ, — спрашиваетъ онъ, — что война мировой законъ? Не потому ли, что это — всемірное явленіе? Но, вѣдь, и ваннибализмъ былъ когда-то всемірнымъ явленіемъ. Общества, какъ и организмы, находятся въ постоянномъ процессѣ развитія. Нравы и потребности, распространенные на всемъ земномъ шарѣ въ періодъ ихъ дѣтства, перестаютъ быть общимъ явленіемъ, когда общества достигаютъ эпохи умственной и нравственной зрѣлости.

Впрочемъ, де-Местру извинительны его софизмы, — онъ былъ горячимъ защитникомъ стараго времени. Но какъ же Прудонъ, страстный приверженецъ новаго порядка, одинъ изъ видныхъ революціонныхъ дѣятелей, можетъ проповѣдывать тѣ же взгляды, что и де-Местръ? А онъ говоритъ почти то же: въ его глазахъ война имѣетъ также божественное происхожденіе: это — высшее откровеніе, воплощеніе справедливости, дисциплина человѣческаго рода. Прудонъ идетъ даже дальше. Это былъ одинъ изъ тѣхъ метафизическихъ умовъ, которые не останавливаются передъ абсурдами.

Всѣ, даже сторонники войны, различаютъ справедливую и несправедливую войну. Но Прудонъ не признаетъ такого различія: «Война не можетъ быть несправедлива, — говоритъ онъ, — ни по природѣ, ни по идеѣ, ни по мотивамъ, ни по цѣли, ни по своей строго-юридической формѣ, — на-

оборотъ, она благотворна, правственна, свята. Это придаетъ ей божественный характеръ и ставитъ на высоту религіи». Если вѣрить нашему философу, война присуща только человѣческому роду и это сообщаетъ ему необыкновенное величіе. «Филантропы, — восклицаетъ онъ, — вы хотите уничтожить войну! Смотрите, какъ бы это не повело къ упадку человѣчества». Но выслушаемъ и другую сторону. Авторъ *Dictionnaire philosophique* держится совсѣмъ другого взгляда: «Всѣ животныя, — утверждаетъ онъ, — водутъ постоянную войну; одинъ видъ стремится поглотить другой. Но Богъ далъ человѣку разумъ не для того, чтобъ онъ спускался на стѣпень животныхъ... А, между тѣмъ, война, за исключеніемъ какихъ-нибудь двухъ-трехъ націй, составляетъ удѣлъ человѣчества; нѣтъ ни одной исторіи, гдѣ бы вооруженныя арміи не выступали другъ противъ друга... Есть болтуны, которымъ платять и заставляють ихъ прославлять эти кровавые дни. А они направляютъ свои стрѣлы противъ великаго чувства любви, которое является единственною отрадой человѣчества и единственныиъ средствомъ для его спасенія».

Достаточно этихъ цитатъ, — говоритъ авторъ, — для того, чтобъ обрисовать два противоположныхъ теченія, существующихъ въ нашемъ обществѣ. Остальные партизаны и противники войны повторяють то же — въ той или другой формѣ, съ большимъ или меньшимъ талантомъ. Но всѣ они касаются только цивилизованныхъ странъ, да и то не всѣхъ. Намъ остается рассмотретьъ войну съ научной точки зрѣнія, отыскать ея начала, обрисовать характеръ, указать причины и слѣдствія, начиная съ низшихъ расъ и кончая высшими, — словомъ, намъ нужно изслѣдовать социальную роль войны при помощи сравнительнаго метода. Но не слѣдуетъ забывать, что человѣкъ хотя и высшее, но, все-таки, животное и, прежде чѣмъ перейти къ изученію человѣческихъ расъ, не мѣшаетъ обратиться къ биологіи, — можетъ быть, она прольетъ нѣкоторый свѣтъ на интересующій насъ вопросъ.

Основною причиною борьбы за существованіе является потребность питанія. Биологія открыла намъ «тайну жизни»: жизненный процессъ состоитъ въ постоянномъ обмѣнѣ веществъ, разрушеніи и возстановленіи тканей. Низшія органическія существа получаютъ изъ внѣшней среды продукты, необходимые для поддержанія ихъ жизни. Но высшіе типы животныхъ и человѣка не находятъ здѣсь непосредственно тѣхъ элементовъ, которые нужны для ихъ существованія; ихъ сложная организація требуетъ сложныхъ веществъ, которыя извѣстны подъ названіемъ «протеиновыхъ». Эти же органическія вещества встрѣчаются только въ животномъ мірѣ. Въ силу этого чисто-биологическаго условія, въ царствѣ высшихъ животныхъ или, вѣрнѣе, мясоядныхъ, господствуетъ вѣчная вражда, которая обращаетъ земную поверхность въ обширное поле битвы.

Но не нужно смѣшивать охоты, борьбы различныхъ видовъ, съ войной — борьбой индивидуумовъ одного и того же вида. Война въ настоящемъ смыслѣ слова рѣдко встрѣчается въ мірѣ животныхъ; но за то чѣмъ

виды родственнѣе, тѣмъ ожесточеннѣе видѣть у нихъ борьба за существованіе; это вытекаетъ изъ самыхъ условій жизни, изъ общихъ потребностей и способовъ ихъ удовлетворенія. Такъ, наприм., въ Америкѣ одна порода ласточекъ разрослась на счетъ другой, потому что послѣдняя не была въ состояніи выдержать съ нею конкуренціи. Въ Австраліи наша европейская пчела вытѣснила мѣстную, благодаря тому, что она обладаетъ жаломъ (Дарвинъ).

Экономическая борьба между родственными видами животныхъ сильно напоминаетъ борьбу различныхъ типовъ человѣческаго рода. И чѣмъ родственнѣе эти типы, тѣмъ она ужаснѣе: гражданскія войны гораздо тяжелѣе войнъ съ другими націями.

Разумѣется, между человѣкомъ и животнымъ, въ особенности человѣкомъ развитымъ, громадная бездна; но если мы сравнимъ высшіе типы животныхъ съ низшими видами человѣческихъ расъ, бездна не будетъ такъ велика. Поэтому не слѣдуетъ пренебрегать драгоцѣнными данными, которыя предлагаетъ намъ зоологія. Здѣсь мы можемъ найти первый проблескъ социальной жизни и начало войны въ формѣ борьбы за существованіе. На жизненномъ пиру есть много конкурентовъ, жаждущихъ позвѣствовать на чужой счетъ. Инстинктъ самосохраненія заставляетъ ихъ видѣть другъ въ другѣ своего естественнаго врага и вынуждаетъ ихъ на борьбу. Въ силу этой роковой необходимости, у нихъ развились природныя орудія борьбы: когти, клыки, рога, жала и т. д. Дарвинъ приписываетъ ихъ всецѣло вліянію естественнаго подбора, но съ нимъ нельзя согласиться, — замѣчаетъ Летурно. — Весьма возможно, что многія изъ нихъ обязаны своимъ происхожденіемъ естественному подбору, но далеко не все. Въ силу этой же непрестанной борьбы за существованіе, развился у животныхъ инстинктъ собственности. Такъ, наприм., левъ имѣетъ свои владѣнія, куда закрыть доступъ другимъ животнымъ. Въ Константинополѣ на каждой улицѣ есть свои собаки, которыя оберегаютъ ее, какъ свою собственность, отъ непрошенныхъ сосѣдей.

Еще одной причиной борьбы между животными является соперничество въ дѣлѣ любви. Самцы извѣстнаго вида *lacertilia*, *anolis cristatellus*, събѣгаютъ другъ у друга хвосты во время ухаживанія (Дарвинъ). Многіе самцы куриной породы вступаютъ въ отчаянное состязаніе другъ съ другомъ изъ-за самокъ, а тѣ терпѣливо ждутъ исхода борьбы для того, чтобъ соединиться съ побѣдителемъ (Дарвинъ).

Натуралисты не даютъ намъ описаній коллективныхъ сраженій индивидуумовъ одного и того же вида или двухъ родственныхъ видовъ, такъ что намъ придется обратиться за этимъ къ другимъ источникамъ, — говорить авторъ. Мезере описываетъ кровавое сраженіе воронъ и сорокъ наканунѣ битвы при Сентъ-Обенѣ. «На этомъ же самомъ мѣстѣ, — говоритъ онъ, — видѣли, за нѣсколько дней (странное предзнаменованіе!) цѣлую стаю воронъ и сорокъ, которая боролась такъ отчаянно, пуская въ ходъ клювы и когти, что все поле на двѣ мили кругомъ была покрыто ихъ трупами»

По такія генеральныя сраженія встрѣчаются довольно рѣдко въ мірѣ животныхъ. Борьба самцовъ напоминаетъ скорѣе поединокъ между двумя соперниками и только подчасъ принимаетъ болѣе грандіозный характеръ. Когда двѣнадцать львовъ преслѣдуютъ одну самку, они отчаянно борются другъ съ другомъ, и эта борьба длится до тѣхъ поръ, пока львица не нашла себѣ избранника (Бремъ).

Американскіе бизоны ведутъ борьбу какъ изъ-за самокъ, такъ и изъ-за добычи. Въ послѣднемъ случаѣ она обращается въ настоящую войну различныхъ группъ того же вида. Групповыя войны предполагаютъ социальныя животныя, у которыхъ сильно развито чувство солидарности.

Послѣднія прекрасно умѣютъ различать своихъ и чужихъ,—даже волки отважно защищаютъ членовъ своей группы. Чувство солидарности объединяетъ социальныхъ животныхъ какъ для защиты, такъ и для нападенія. Въ этомъ отношеніи они сильно напоминаютъ человѣческія группы. Обезьяны походятъ на человѣка въ его манерѣ сражаться. Горилла испускаетъ пронзительный крикъ, бросаясь въ битву. Соціальныя обезьяны употребляютъ даже оружіе въ борьбѣ. Бремъ рассказываетъ, какъ однажды караванъ принца Кобургъ-Готскаго былъ окруженъ стаей павіановъ. Часть изъ нихъ взобралась на деревья и бросала оттуда камнями. Животнымъ не чужды также и междоусобныя войны. Въ табунахъ лошадей и стаяхъ обезьянъ происходятъ нерѣдко кровавыя схватки между молодымъ и старымъ поколѣніемъ самцовъ. Послѣдніе энергически отстаиваютъ свою привилегію старшихъ и предъявляютъ исключительныя права на самокъ. Молодое поколѣніе, не желая подчиниться этому режиму, оставляетъ старую группу и образуетъ новыя.

Но въ царствѣ позвоночныхъ групповыя войны встрѣчаются не такъ часто, какъ въ мірѣ беспозвоночныхъ. У муравьевъ и пчелъ мы видимъ настоящую войну по всѣмъ правиламъ искусства. Муравьи организуютъ свои военныя экспедиціи замѣчательно ловко. Если вѣрить Губеру, у нихъ существуетъ даже нѣчто вродѣ военныхъ упражненій. Муравьи предпринимаютъ свои войны съ цѣлью грабежа. Низшіе виды набрасываются на сосѣднія колоніи, какъ дикіе хищники, грабятъ ихъ немилосердно и съѣдаютъ побѣжденныхъ. Но эти кровожадные инстинкты чужды высшимъ видамъ муравьевъ. Правда, они не прочь поживиться жизненными припасами сосѣдей, но за то оставляютъ имъ жизнь. Вся цѣль экспедиціи состоитъ въ покражѣ муравьиныхъ яицъ. Амазонки (*f. fusca*) выстраиваются во время битвы въ правильныя колонны и начинаютъ атаку. У нихъ есть свои шпіоны и развѣдчики, но нѣтъ предводителя. Эту роль выполняютъ нѣсколько муравьевъ, которые отъ времени до времени обѣгаютъ ряды своего войска, стремясь сохранить, вѣроятно, единство всѣхъ членовъ арміи. Цѣль экспедиціи всегда точно опредѣлена: нужно взять въ плѣнъ муравьиныя яйца, изъ которыхъ впоследствии образуется классъ рабовъ, но не трогать взрослыхъ членовъ колоніи. Враги отчаянно сопротивляются, строятъ баррикады и проливаютъ свою кровь за молодое поколѣніе. Муравьи-

ные походы сильно напоминают хищническіе набѣги дикихъ народовъ. Но муравьи предусмотрительнѣе дикарей: они обращаютъ въ рабство только молодое поколѣніе, воспитываютъ его соответствующимъ образомъ и создаютъ себѣ такимъ путемъ самыхъ преданныхъ рабовъ.

У муравьевъ, какъ и у людей, существуетъ спеціальныи классъ воиновъ, который презрительно относится ко всякаго рода труду. Въ государствѣ амазонокъ это презрѣніе повело даже къ измѣненію организациі воиновъ. Они не могутъ ѣсть безъ помощи рабовъ. Ихъ челюсти, приспособленныя для борьбы, не въ состояніи брать пищу. Еслибъ не рабы, этотъ аристократическій классъ давно умеръ бы съ голоду.

У муравьевъ существуютъ также и междуусобныя войны. Губеръ былъ свидѣтелемъ страшной схватки между двумя колоніями муравьевъ одного и того же вида. На полѣ битвѣ происходили кровавыя сцены. Враги, сѣпившись, кололи другъ друга своими ядовитыми жалами, опрокидывали на землю, топтали и уводили къ себѣ плѣнниковъ, гдѣ ждала ихъ трагическая участь.

Сограждане усердно помогали борцамъ, различая даже въ пылу сраженія своихъ и чужихъ. Военная тактика муравьевъ ведется всегда открыто, — они рѣдко употребляютъ хитрость и мужественно сражаются за интересы своего отечества. Къ нимъ вполне примѣнимы слова Горациа: «Dulce et decorum est pro patria mori».

На этомъ заканчиваетъ Летурно свой обзоръ войны въ царствѣ животныхъ. Изъ этихъ фактовъ мы видимъ, что война, т.-е. коллективная борьба различныхъ группъ одного и того же вида, вовсе не чужда животному міру. Ея мотивы не имѣютъ ничего таинственнаго, — у нихъ чисто-біологическое происхожденіе и, притомъ, грубое. Эти же мотивы руководятъ дикими и варварскими народами. Въ болѣе или менѣе скрытомъ видѣ они существуютъ всюду, даже и у цивилизованныхъ расъ, и передъ ними меркнетъ ореолъ военной славы. Намъ остается прослѣдить на фактахъ, — говоритъ авторъ, — обычныя причины и слѣдствія войны. Попутно, — замѣчаетъ онъ, — намъ встрѣтятся масса интересныхъ вопросовъ. Напримѣръ, есть ли война необходимое условіе борьбы за существованіе? Вознаграждаются ли ея потери высшими благами, какъ утверждаютъ ея сторонники? Всегда ли она вѣрна закону естественнаго подбора, давая перевѣсъ лучшимъ? Гарантируетъ ли націю ея умственное и нравственное превосходство отъ вторженія грубой силы? Нужна ли была гибель однихъ государствъ во имя созданія другихъ?

Говорятъ, что война вноситъ духовное обновленіе въ общество, развиваетъ мужество и самопожертвованіе. Но такъ ли это бываетъ? Не возбуждаетъ ли она, вмѣстѣ съ тѣмъ, самыхъ худшихъ инстинктовъ чело-вѣка? Неужели для уроковъ мужества и самопожертвованія нѣтъ другой школы, кромѣ поля битвы? На всѣ эти вопросы факты дадутъ краснорѣчивый отвѣтъ.

Война у черныхъ расъ. Жители Меланезіи, населяющіе Австралію,

Тасманію и океанскіе острова, несмотря на частныя различія, имѣютъ много общаго въ нравахъ и обычаяхъ. Изъ этихъ черныхъ расъ самую низшей по развитію являются тасманійцы. Англійскіе колонисты много работали надъ ея истребленіемъ, но не постарались изучить ихъ соціальнаго быта. Тасманійцы сильно напоминаютъ своихъ сосѣдей—австралійцевъ. Они живутъ такъ же, какъ и тѣ, небольшими кланами, избирая вождя на время войны. Между членами существуетъ родство и тѣсная солидарность. За убійство кого-нибудь изъ ихъ членовъ подымается весь кланъ, какъ одинъ человекъ. У тасманійцевъ войны бывали довольно часто и имѣли различныя причины. Вторженіе на чужія земли не разъ служило поводомъ для вооруженныхъ столкновеній. Но были еще и другіе *casus belli*. Главныя изъ нихъ: кража женщинъ и убійство того или другаго члена клана. Австралійскіе кланы экзогамны—и кража является у нихъ необходимымъ условіемъ брачнаго обряда. Разумѣется, это вызывало не разъ горячіе протесты съ другой стороны и вело къ кровавой развязкѣ. Другою, не менѣе важною, причиной войны было убійство или даже простая смерть кого-нибудь изъ членовъ. Дикарь не можетъ понять нормальной смерти,—онъ приписываетъ ее чарамъ враждебнаго лагеря и мститъ за нее. Коллективную месть за погибшаго члена кланы считают своимъ священнымъ долгомъ. Каждая смерть ведетъ къ войнѣ, и мстятъ не виновнику, а всему клану, убивая кого-нибудь изъ его членовъ.

Часто въ средѣ самихъ клановъ возникаютъ столкновенія; тутъ играютъ роль ревность, самолюбіе, отказъ подѣлиться добычей и т. д. Но эти столкновенія не могутъ быть названы «войной», такъ какъ они улаживаются очень быстро и не влекутъ за собой серьезныхъ послѣдствій. Война существуетъ только между отдѣльными кланами или племенами. Но австралійскіе дикари совсѣмъ не такъ легко бросаются на поле битвы, какъ это можно думать. Прежде чѣмъ выступить съ оружіемъ въ рукахъ, они ведутъ длинныя переговоры и стараются уладить дѣло мирнымъ путемъ. Одна группа высылаетъ другой своихъ пословъ въ лицѣ женщинъ. Если противная сторона отвѣтитъ такою же любезностью, то дѣло улажено. Женщины пользуются здѣсь большимъ почетомъ. Если же примиреніе невозможно, тогда начинаютъ готовиться къ битвѣ: избираютъ вождя, крашиваютъ тѣло въ желтый и красный цвѣтъ и выступаютъ на поле сраженія.

Австралійцы имѣютъ довольно странное понятіе о войнѣ. По ихъ мнѣнію, это—законное возмездіе за понесенныя утраты: око за око, зубъ за зубъ. Они облачаютъ ее въ форму поединка между членами двухъ враждебныхъ группъ, причѣмъ каждая сторона высылаетъ одинаковое число борцовъ. Сраженія такого рода не имѣютъ тяжелыхъ послѣдствій: они обходятся почти безъ кровопролитій. Исходъ поединка кончаетъ дѣло; борьба не обращается никогда во всеобщую свалку,—она строго организована. Противники становятся рядами другъ противъ друга и выходятъ состязаться по два. Наиболѣе пострадавшая сторона признаетъ себя побѣжденной. Если же она

упорствуетъ, тогда борьба возобновляется, но уже съ другимъ орудіемъ, наприм., палкой, вмѣсто копья. Каждый изъ борющихся наноситъ другъ другу одинъ ударъ въ голову. Вотъ легальная форма войны, практикующаяся въ Австраліи. Она не исключаетъ, конечно, хищническихъ набѣговъ дикарей другъ на друга. Есть племена, которыя живутъ людоедствомъ и предпринимаютъ цѣлые походы за человѣческимъ мясомъ. Но эти набѣги не имѣютъ ничего общаго съ вышеописанною войною австралійцевъ и вызываютъ у нихъ одно только негодованіе. Истинные австралійцы признаютъ войну лишь при равенствѣ условій и часто снабжаютъ европейцевъ своимъ оружіемъ въ случаѣ войны. Это оружіе носитъ самый примитивный характеръ: у нихъ въ ходу еще палка и щитъ изъ древесной коры. Метательное оружіе болѣе разнообразно. Самое интересное изъ нихъ — бумерангъ, нѣчто вродѣ согнутой палки, неодинаковой толщины, которая описываетъ въ воздухѣ при бросаніи кругъ и падаетъ къ ногамъ бросающаго. Но бумерангъ чаще употребляется на охотѣ, чѣмъ на войнѣ. Остальное оружіе австралійцевъ не такъ интересно. У нихъ есть тяжелыя деревянныя копья съ каменнымъ остриемъ и весьма остроумный снарядъ для метанія копій (wooshega). Послѣдній увеличиваетъ длину рычага, образовавшагося изъ руки мечущаго, и отбрасываетъ копьё на пятьдесятъ - шестьдесятъ метровъ. Иногда копьё бываетъ отравлено. Австралійское оружіе, несмотря на европейское вліяніе, сохранилось въ своемъ первобытномъ видѣ: законъ и традиція не допускаютъ другихъ оружій.

Австралійцы совсѣмъ не знаютъ употребленія лука, который былъ такъ широко распространенъ у европейцевъ доисторическихъ временъ. Это доказываетъ, что Австралія долгое время жила обособленною жизнью. Папуасы, положимъ, стрѣляютъ изъ лука, но, очевидно, это оружіе у нихъ ввозное, такъ какъ самые развитые изъ меланезійскихъ племенъ, ново-каледонцы, не употребляютъ лука, хотя и знаютъ его назначеніе. Папуасы — жители Новой Гвинееи — имѣютъ много общаго въ своихъ военныхъ обычаяхъ съ австралійцами, несмотря на то, что они смѣшались съ малайцами. Папуасы такъ же, какъ и австралійцы, раскрашиваютъ передъ войною свое тѣло въ красный и желтый цвѣтъ и возлагаютъ на женщинъ посольскую миссію. Основныя причины войны у нихъ тѣ же: кража женщинъ и убійство членовъ клана; vendetta здѣсь такъ же коллективна, какъ и тамъ. Изъ австралійскихъ оружій здѣсь сохранились деревянное копьё съ каменнымъ наконечникомъ, щитъ и палка. Но любимымъ оружіемъ папуасовъ является лукъ громаднхъ размѣровъ съ отравленными стрѣлами. Нравы на океанскихъ островахъ далеко не такъ добродушны, какъ у жителей Австраліи. У папуасовъ существуетъ полное презрѣніе къ жизни: убійство обратилось у нихъ въ потребность, славу, наслажденіе. Всякій, кто не принадлежитъ къ ихъ племени, считается дикимъ звѣремъ. Заслуги папуаса измѣряются количествомъ отрубленныхъ головъ. Антропофагія практикуется здѣсь въ довольно широкихъ размѣрахъ, — плѣнниковъ сѣдаютъ вездѣ, гдѣ не находятъ имъ лучшаго примѣненія. Папуасы не могутъ похвалиться ни честностью, ни

героизмомъ; хитрость и нападеніе изподтишка—основа ихъ стратегіи. Они пользуются всегда тѣмъ моментомъ, когда мужчины на охотѣ, набрасываются на беззащитныхъ женщинъ и дѣтей, уводятъ ихъ въ плѣнъ и опустошаютъ цѣлыя селенія. Эти жестокіе нравы господствуютъ особенно сильно на островахъ Фиджи. Женщины соперничаютъ здѣсь съ мужчинами, матери выводятъ дѣтей на поле битвы и подстрекаютъ ихъ къ убійству. Кровь льютъ, какъ воду, но это еще не все: нигдѣ каннибализмъ не свирѣпствуетъ такъ сильно, какъ на островахъ Фиджи. Побѣжденных убиваютъ, жарятъ и съѣдаютъ тутъ же на полѣ битвы. Впрочемъ, привилегіей ѣсть человѣческое мясо пользуются, главнымъ образомъ, вожди и ихъ приближенные. Жестокіе нравы фиджійцевъ отразились лучше всего въ ихъ религіи. Только убійца могъ снискать милость боговъ: чѣмъ больше онъ убилъ людей, тѣмъ онъ угоднѣе богу. Эстетика этихъ дикарей была такъ же груба, какъ и религія. Нѣтъ ничего отвратительнѣе ихъ празднествъ, воспроизводящихъ войну со всѣми ея ужасами и каннибальскими пирами. Туземцы Новой Каледоніи нѣсколько отличаются отъ остальныхъ жителей Меланезіи. Эмиграція съ острововъ Полинезіи видоизмѣнила фізіономію этихъ дикарей, въ особенности политическую организацію ихъ племенъ. Ново-каледонцы живутъ подъ властью монарховъ и здѣсь можно прослѣдить впервые вліяніе монархическаго режима на военные нравы страны. Оружіе ново-каледонцевъ приближается скорѣе къ оружію австралійцевъ, чѣмъ папуасовъ. До французской оккупации это оружіе находилось постоянно въ дѣйстви. Причины были различныя: месть за убійство, кража женщинъ, голодъ. Мечь являлась высшимъ долгомъ: кровь вождя могла быть смыта только кровью вождя противной партіи.

Голодъ вынуждалъ ихъ также не разъ къ войнѣ. Ново-каледонцы занимались земледѣліемъ и рыболовствомъ; у нихъ не было домашняго скота и никакихъ животныхъ, кромѣ человѣка. Потребность въ мясѣ сдѣлала ихъ каннибалами. Но здѣсь также, какъ и на островахъ Фиджи, человѣческое мясо составляло привилегію вождей. Послѣдніе такъ разлакомились, что предпринимали цѣлыя войны для удовлетворенія своихъ грубыхъ аппетитовъ. «Давно уже мы не ѣли человѣческаго мяса,—говорили они,—пойдемъ, раздобудемъ его». Плѣнниковъ убивали и торжественно съѣдали. Иногда куски мяса посылались главѣ враждебной партіи, какъ символъ примиренія. Если тотъ благосклонно принималъ ихъ, то миръ былъ заключенъ. Частые набѣги, побѣдные пиры и слава развили въ ново-каледонцахъ страсть къ войнѣ. Господство французовъ было особенно тяжело для нихъ, потому что имъ запрещали воевать. «Мы больше не люди, — восклицали они, — мы больше не сражаемся!» Вся ихъ военная тактика сводилась къ хитрости и обману; они не пренебрегали никакими средствами въ борьбѣ и считали равенство условій величайшею глупостью. Впрочемъ, бывали и у нихъ подчасъ открытыя войны въ формѣ поединка, какъ у австралійцевъ. Но борьба никогда не велась такъ стройно и кончалась общею свалкой. Результаты побѣдъ были еще ужаснѣе: пожары, грабежи, убійства,

пиры, на которых съѣдались еще не остывшіе трупы побѣжденных, — все это напоминало какую-то дикую вакханалію. Вожди руководили дѣйствіями своихъ солдатъ, но держались въ сторонѣ, какъ боги. Они выступали въ послѣднихъ рядахъ, оберегая свою драгоценную персону отъ ударовъ копья. Смерть вождя считалась величайшимъ позоромъ для племени, въ особенности, когда его трупъ служилъ пищей для враговъ. Плѣнниковъ не обращали въ рабство, — ихъ съѣдали или дѣлали членами своей общины. Этотъ странный обычай встрѣчается также и у американскихъ краснокожихъ. Вышеприведенные факты даютъ намъ довольно ясное представленіе о войнахъ въ Меланезіи. Несмотря на виѣшнее различіе племенъ, у нихъ много общихъ чертъ. Мы находимъ здѣсь нѣчто вродѣ эволюціи, но эволюціи на-выворотъ. Это заставляетъ насъ думать, что въ тѣ времена, когда потребности получали свое удовлетвореніе и не приходилось бороться за средства къ жизни, война была ненужна человѣку. У низшихъ расъ въ Австраліи она носитъ чисто-юридическій характеръ, служить средствомъ регулировать международныя отношенія. Но это чуть ли не единственное мѣсто на земномъ шарѣ, гдѣ она облекается въ такія формы. Австралійская раса — одна изъ самыхъ примитивныхъ расъ, многія изъ ея племенъ не пошли дальше каменнаго вѣка. Въ настоящее время она представляетъ какой-то анахронизмъ, обломокъ отдаленнаго прошлаго. Австраліицы живутъ небольшими группами на огромномъ пространствѣ земли, ничѣмъ не стѣсня другъ друга. Самыя условія жизни не вынуждаютъ ихъ къ борьбѣ. Кромѣ того, у нихъ сильна еще родовая организація и въ средѣ ихъ группы царитъ полная солидарность. Война является здѣсь лишь законнымъ возмездіемъ за понесенныя утраты, а не средствомъ къ жизни. Въ такой формѣ она получаетъ quasi-юридическій характеръ, о которомъ такъ много толковалъ Прудонъ. Но эта форма начинаетъ уже вырождаться даже и въ Австраліи. Нѣкоторыя изъ ея племенъ обращаютъ войну въ погоню за человѣческимъ мясомъ. Хотя этотъ видъ войны гораздо ниже перваго, но, тѣмъ не менѣе, онъ сильно распространенъ на океанскихъ островахъ, въ Новой Гвинее, Новой Каледоніи и, въ особенности, на островахъ Фиджи.

Нужно замѣтить, что эти острова населены довольно густо, что здѣсь бывають частыя голодовки и нѣтъ почти животныхъ. Потребность въ мясѣ часто заставляетъ жителей браться за оружіе. Долгая военная практика породила у нихъ кровожадные инстинкты и до того преобразила нравственную фізіономію этихъ дикарей, что убійство стало у нихъ подвигомъ, а обманъ — высшею тактикой. У пауасовъ страсть къ войнѣ развилась особенно сильно подъ вліяніемъ духовенства и вождей. Ихъ религія санкціонируетъ разбой, а боги требуютъ крови. Вліяніе вождей было еще хуже. Не рискуя ничѣмъ и получая львиную долю, они смотрѣли на войну, какъ на легкую наживу. Народная кровь лилась во имя удовлетворенія ихъ волчьихъ аппетитовъ. Въ Новой Каледоніи война подчасъ имѣла единственную цѣль — человѣческое мясо.

Но въ зависимости отъ цивилизаціи измѣняются военные нравы и обы

чаи. Одни народы воюютъ не такъ, какъ другіе. У жителей Южной Африки, готтентотовъ и бушменовъ, военное искусство стоитъ на очень низкой ступени развитія. Бушмены живутъ небольшими ордами и занимаются охотой или грабежами. Несмотря на свое низкое развитіе, они употребляютъ лукъ, и это даетъ имъ преимущество передъ каффрами, которые въ интеллектуальномъ отношеніи гораздо выше ихъ. Вотъ первое опроверженіе общепринятаго взгляда, что побѣда всегда на сторонѣ болѣе развитыхъ народовъ. Лукъ и отравленные стрѣлы—единственное оружіе бушменовъ, а, между тѣмъ, оно дѣлаетъ ихъ опасными противниками.

Грабежъ служитъ имъ средствомъ къ жизни и ставитъ ихъ во враждебныя отношенія съ готтентотами, каффрами и европейскими колонистами. Другою причиной войны является еще охота на ихъ земляхъ. Они смотрятъ на нихъ, какъ на свою неотъемлемую собственность, оберегая ее отъ всякаго вторженія. И такъ, голодь, неуваженіе къ чужой собственности и любовь къ своей—вотъ три мотива, заставляющіе ихъ браться за оружіе. Эти *casus belli* существуютъ всюду, у всѣхъ народовъ, въ болѣе или менѣе скрытомъ видѣ. Готтентоты стоятъ нѣсколько выше по развитію бушменовъ. Это бѣдный кочевой народъ, занимающійся охотой и грабежомъ. Они ведутъ пастушескій образъ жизни и живутъ въ шалашахъ на подобіе азіатскихъ юрть. Каждая группа или *кгаал* состоитъ изъ трехъ - пятисотъ членовъ подъ предводительствомъ вождя, который предсѣдательствуетъ на собраніяхъ, командуетъ на войнѣ и ведетъ мирные переговоры. Монархическій режимъ не успѣлъ еще утвердиться у готтентотовъ; у нихъ сохранилась еще масса общинныхъ порядковъ: такъ, наприм., весь скотъ *кгаал*'я—и бѣдныхъ, и богатыхъ—пасется вмѣстѣ и каждый членъ группы обязанъ поочередно выполнять роль пастуха.

Кгаал'и нерѣдко вступали въ борьбу другъ съ другомъ изъ-за кражи скота и захвата общественныхъ пастбищъ. Раньше готтентоты были смирнымъ пастушескимъ народомъ; но теперь среди нихъ стали уже появляться воинствующія племена, которыя дѣлаютъ хищническіе набѣги на сосѣдей и грабятъ ихъ безъ зазрѣнія совѣсти. Но, все-таки, война не составляетъ главнаго занятія готтентотовъ, — она играетъ у нихъ второстепенную роль. Не то мы видимъ у настоящихъ африканскихъ негровъ *). Послѣдніе разбросаны въ долинахъ Нижняго Нигера, въ Габонѣ и въ Восточной Африкѣ между полосой большихъ озеръ и Занзибаромъ. У береговъ Нижняго Нигера живетъ населеніе, стоящее на крайне низкой ступени развитія. Нѣкоторые изъ его племенъ занимаются людоедствомъ. Каждое племя образуетъ отдѣльное государство и имѣетъ своего царька. Между ними существуютъ постоянная вражда, взаимный грабежъ и рѣзня. Пленниковъ подвергаютъ пыткамъ, иногда съѣдаютъ, но чаще обращаютъ въ рабство. Хищническіе набѣги этихъ дикарей совсѣмъ опустошили сѣверный берегъ Бенинскаго залива. Каннибализмъ былъ здѣсь

*) Готтентоты скорѣе потомки негритосовъ, чѣмъ чистокровныхъ негровъ.

когда-то повсемѣстнымъ явленіемъ, но теперь онъ практикуется далеко не вездѣ. Это слѣдуетъ приписать, конечно, не гуманнымъ чувствамъ дикарей, а соображеніямъ другого рода. Когда появилась торговля рабами, плѣнниковъ стало выгоднѣе обращать въ рабство, чѣмъ съѣдать, и тогда изъ пищи они обратились въ товаръ. Каждая война завершается длиннымъ караваномъ рабовъ, которыхъ ведутъ на продажу.

Въ долині Нижняго Нигера существуетъ всеобщая воинская повинность, какъ во всѣхъ первобытныхъ странахъ. Когда царь со своимъ советомъ рѣшилъ предпринять войну, въ ней обязано участвовать все взрослое населеніе страны. Солдаты не получаютъ отъ царя ни жалованья, ни оружія; они должны вооружаться на свой счетъ, какъ кто можетъ и умѣетъ. По окончаніи войны побѣдители дѣлятъ между собой добычу.

Но у нѣкоторыхъ племенъ начинаетъ уже развиваться духъ завоеванія. Исламъ оказалъ въ этомъ отношеніи пагубное вліяніе. Когда негры были фетишистами, они грабили, но не покоряли. Когда же имъ привили исламъ, прозелитизмъ съ оружіемъ въ рукахъ какъ нельзя болѣе подошелъ къ ихъ грубымъ вкусамъ.

Коранъ позволялъ имъ не щадить ни имущества, ни жизни невѣрныхъ, потому-то новообращенные въ исламъ съ такою жестокостью набрасывались на несчастныхъ фетишистовъ. Исламъ давалъ просторъ самымъ дикимъ, самымъ необузданнымъ инстинктамъ челоуѣка. Правъ де-Местръ, когда онъ говоритъ, что религіозный и военный духъ сливаются воедино. Эта истина подтвердится еще не разъ при дальнѣйшемъ знакомствѣ съ фактами.

Въ Габонѣ, также какъ и въ долинахъ Нижняго Нигера, война не принимаетъ еще широкихъ размѣровъ. Села здѣсь немногочисленны и раздѣлены другъ отъ друга дѣвственными лѣсами. Жители не имѣютъ никакого понятія о скотоводствѣ и занимаются чаще всего грабежомъ. Голодъ и необходимость удовлетворить его мясною пищею дѣлаютъ ихъ людоедами. Мясо встрѣчается здѣсь такъ рѣдко, что у жителей развивается, за отсутствіемъ его, извѣстная болѣзнь *gouamba*. Погоня за мясною пищею—главная причина ихъ войнъ, но есть еще и другія. У нихъ часто возникаютъ споры изъ-за женщинъ, изъ-за рабовъ, изъ-за колдовства, которыя ведутъ къ вооруженнымъ стычкамъ. Въ особенности женщины играютъ тутъ большую роль: стоитъ какой-нибудь изъ нихъ завязать любовныя интриги съ кѣмъ-нибудь изъ представителей другого села,—война готова. Конечно, не жнныя чувства руководятъ ими, а чисто-утилитарныя соображенія. Въ Габонѣ развита полигамія, женщинъ покупаютъ и заставляютъ работать на себя, такъ что каждая изъ нихъ цѣнится какъ хорошая рабочая лошадь.

Села въ Габонѣ состоятъ изъ небольшихъ группъ съ полу-монархическимъ режимомъ. Советъ старѣйшихъ еще въ силѣ и нѣсколько ограничиваетъ власть царька. Послѣдній не можетъ предпринять войны безъ совета; рѣшеніе же совета подвергается народному голосованію. Если война рѣшена, не стѣсняются никакими средствами. Никто изъ жителей не можетъ считать себя въ безопасности; грабежи и убійства наводятъ ужасъ

на окрестное населеніе. Канибализмъ хотя и встрѣчается, но не такъ часто, какъ у высшихъ негрскихъ расъ. Наступательное или оборонительное оружіе въ Габонѣ состоятъ изъ щита, покрытаго кожей, дротика и лука съ отравленными бамбуковыми стрѣлами. Фаны употребляютъ еще одно оружіе, которое указываетъ на ихъ родство съ неграми Восточной Африки. Последнее сдѣлано изъ желѣза и состоитъ изъ короткой ручки, на концахъ которой прикрѣплено нѣчто вродѣ остраго молотка, а съ другой—топора. Это оружіе (goumbache) мы встрѣтимъ еще у высшихъ черныхъ расъ и нѣкоторыхъ берберскихъ племенъ.

Негры Восточной Африки имѣютъ много общаго съ жителями Габона. Ихъ военные походы мало чѣмъ отличаются отъ хищническихъ набѣговъ габонцевъ, развѣ только превосходятъ ихъ своею жестокостью. Последнее можно приписать господствующему здѣсь монархизму. Въ Габонѣ власть царька ограничена, здѣсь же она абсолютна. Каждая война является для него источникомъ крупной наживы и онъ не стѣсняясь готовъ лить кровь своихъ солдатъ при каждомъ удобномъ случаѣ. Частыя войны бываютъ сплошь да рядомъ результатомъ абсолютизма, да оно и понятно. Какъ ни грубы первобытныя республиканскія племена, какъ ни сильны у нихъ наклонности къ разбою, тѣмъ не менѣе, они прекрасно знаютъ, что имъ придется расплачиваться за свои разрушительныя дѣйствія, и это заставляетъ ихъ подчасъ воздерживаться отъ риска. Царьки же, не рискуя ничѣмъ, только кровью своихъ подданныхъ, съ легкимъ сердцемъ идутъ на войну. нравы и вкусы восточныхъ негровъ крайне грубы и жестоки. Всѣ ихъ стремленія сводятся къ удовлетворенію своихъ физическихъ потребностей. Нужда въ пищѣ и особенно въ мясѣ является однимъ изъ главныхъ мотивовъ войны. Но это не единственная причина; у нихъ существуетъ, кромѣ того, vendetta, въ которой принимаетъ участіе все село. Убиваютъ не только виновника, но разоряютъ все населеніе, поджигаютъ жилища и опустошаютъ цѣлыя мѣстности.

Оружіе восточныхъ негровъ не имѣетъ никакой оригинальности; копьѣ, топоры и луки у нихъ въ большомъ ходу. Ихъ военная тактика тоже мало чѣмъ отличается отъ обычной тактики дикихъ народовъ.

Изучивъ причины и слѣдствія войны у низшихъ африканскихъ расъ, мы невольно проводимъ аналогію между ними и меланезійцами. Здѣсь мы не встрѣчаемъ ни разу войны, облеченной въ юридическую форму, какъ въ Австраліи. Эта форма можетъ существовать только тамъ, гдѣ народъ еще не вышелъ изъ первобытнаго состоянія, гдѣ сохранились еще кланы съ ихъ республиканскимъ режимомъ. Деспотическая власть обратила войну въ хищническіе набѣги во имя своихъ интересовъ. Нечего и говорить, что войны такого рода не имѣютъ никакого облагораживающаго вліянія, какъ утверждаютъ ея защитники. Онѣ не только не облагораживаютъ населенія, но, наоборотъ, будятъ его самыя дурныя, самыя звѣрскія инстинкты.

Эоипскія племена стоятъ выше негрскихъ,—это смѣсь негровъ съ берберами и семитами. Самыя большія государства были основаны ими въ

бассейнѣ Верхняго Нила и въ сосѣдствѣ большихъ африканскихъ озеръ. Эти племена, сгруппированныя подъ общимъ названіемъ эіоповъ, имѣютъ только то общее, что всѣ они представляютъ большую или меньшую смѣсь съ бѣлою расой, имѣютъ болѣе или менѣе курчавые волосы, болѣе или менѣе темный цвѣтъ лица. Въ остальномъ они сильно различаются другъ отъ друга какъ своею внѣшнею, такъ и внутреннею фізіономіей. Абиссинцы и нубійцы причисляются даже къ бѣлой расѣ,—о нихъ рѣчь будетъ дальше.

Обитатели Верхняго Нила живутъ въ постоянной враждѣ. Они образуютъ отдѣльныя группы подъ властью вождей, которые готовы сражаться другъ съ другомъ во всякое время. Мотивы, вынуждающіе къ войнѣ, здѣсь еще неизмѣнѣе, чѣмъ у негровъ. Тѣ, по крайней мѣрѣ, признаютъ коллективную месть за своихъ согражданъ, у этихъ же нѣтъ никакой солидарности. Кража женщинъ вызываетъ въ Габонѣ кровавыя войны,—здѣсь на это смотреть равнодушно.

Эіопы способны рисковать жизнью только за свой скотъ. Всѣ ихъ войны имѣютъ одну цѣль—пріобрѣтеніе скота.

Предводитель лагуковъ предлагалъ Бекеру помочь ему ограбить свое же село. «Вы возьмете скотъ, — говорилъ онъ, — а я *molotes* (les hopes). Жители здѣсь непокорный народъ; не мѣшаетъ убить нѣсколькихъ изъ нихъ,—это послужитъ имъ на пользу». Эти слова характеризуютъ довольно мѣтко отношеніе царьковъ къ ихъ народу. У нихъ сильно развита военная жилка, и они не щадятъ народной крови часто изъ-за своего каприза. Война сопровождается всегда страшными жестокостями и дикими криками бойцовъ. Побѣжденные не просятъ пощады, да и не получаютъ ея; они сражаются до послѣдней капли крови, предпочитая умереть, чѣмъ отдаться въ руки враговъ.

У момботтовъ и ніамъ-ніамъ понятны эти жестокости,—они людоеды, человѣческое мясо представляетъ у нихъ лакомое блюдо. Ихъ нравы ужасны, но поучительны для социолога: они показываютъ во всей ихъ неприглядной наготѣ первичныя причины войны.

Если мы перенесемся теперь въ полосу большихъ озеръ, мы найдемъ тамъ небольшія эіопскія монархіи съ безконтрольными деспотами во главѣ, которые только и думаютъ о грабежѣ да насиліи. Въ Угандѣ хищническіе набѣги принимаютъ иногда религіозную окраску. Въ этомъ сказалось вліяніе миссіонеровъ. Царь былъ здѣсь полнымъ владыкой и рѣшалъ самовольно вопросы о войнѣ и мирѣ. Стояло ему съ высоты трона объявить свою резолюцію, какъ всѣ повиновались. «Въ Угандѣ слишкомъ мало скота, женщинъ и дѣтей,—говорилъ онъ.— Пусть соберется отрядъ изъ двухъ тысячъ человѣкъ и отправляется на грабежъ въ Уніоро». Война въ Угандѣ сводилась, главнымъ образомъ, къ грабежу скота, женщинъ и дѣтей. Побѣжденных обращали въ вассальную зависимость и облагали данью. Рекрутскій наборъ производился здѣсь весьма просто: главнокомандующій, назначенный царемъ, избиралъ съ его согласія генераловъ, тѣ—офицеровъ, а послѣдніе—солдатъ. Эта военная орга-

низация, въ основѣ которой лежитъ произволъ царя, а цѣлью является грабежъ и подчиненіе побѣжденныхъ, встрѣтится намъ еще не разъ въ большихъ варварскихъ монархіяхъ.

На юго-востокъ отъ Викторіи-Ніанцы лежитъ страна Массам, которая составляетъ исключеніе изъ остальныхъ африканскихъ государствъ. Здѣсь сохранился еще республиканскій режимъ, тогда какъ почти все черное населеніе Африки живетъ подъ властью монарховъ.

Массайцы нерѣдко воюютъ другъ съ другомъ, но, все-таки, нравы ихъ мягче, чѣмъ у жителей Верхняго Нила. Главною причиною войнъ является потребность въ скотѣ, который они немилосердно грабятъ у сосѣдей. Слѣдствія войны таковы же, какъ и всюду въ Африкѣ: разореніе населенія и опустошеніе края.

Но въ междуусобныхъ войнахъ они поступаютъ гуманнѣе. Последнія облечены до извѣстной степени въ юридическую форму и напоминаютъ войны австралійцевъ. Военные обычай и нравы массайцевъ не лишены благородства: они уважаютъ храбрость и открытую борьбу, чего мы не видимъ у другихъ африканскихъ народовъ. Благородство ихъ характера слѣдуетъ приписать давнишнему смѣшенію съ высшею республиканскою расой—берберами.

Не таковы каффы со своими деспотическими царьками. Хотя у нихъ сохранились еще остатки республиканскаго режима,—совѣта (pitchos), гдѣ подъ предсѣдательствомъ царя рѣшаются вопросы о войнѣ и мирѣ, но эти учрежденія носятъ только тѣнь власти,—все совершается по волѣ монарха. Причиной войнъ чаще всего являются ссора изъ-за пастбищъ и кража скота. Нравы ихъ дики: цари и подданные только и думаютъ о нападеніи и грабежѣ. Военныя экспедиціи каффровъ обыкновенно сопровождаются страшными опустошеніями. Вотъ разсказъ одного каффра, который краснорѣчиво описывалъ вторженіе знаменитаго вождя матебелесовъ Масселскаци: «Матебелесы вторглись въ нашу страну съ лвинымъ рычаніемъ. Они грабили и поджигали дома, заваливали женщинъ, бросали въ огонь дѣтей. Потомъ взобрались на холмъ, гдѣ были спрятаны мужчины и стада, и стали бить ихъ до тѣхъ поръ, пока ихъ руки не опустились отъ усталости». Затѣмъ разскащикъ взялъ въ руку горсть песку и дунулъ. «Вотъ что осталось,—добавилъ онъ торжественно,—отъ великаго предводителя синихъ стадъ». Этотъ разсказъ прекрасно рисуетъ намъ послѣдствія войны у каффрскихъ племенъ, и это—не единичный случай, а общее явленіе у жителей африканскаго материка.

Остается упомянуть еще о «полосѣ рабства», какъ называетъ Летурно всю мѣстность на сѣверъ отъ экватора и на югъ отъ Сахары. Она состоитъ изъ небольшихъ деспотій съ дикими нравами и грабительскими наклонностями. Война считается здѣсь почетнымъ занятіемъ и свирѣпствуетъ, какъ чума. Крестьяне обрабатываютъ поле, имѣя за плечами лукъ, а за пазухой стрѣлы,—никто не можетъ быть увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ. Война не объявляется заранѣе; враги захватываютъ врасплохъ мирное населеніе, разоряютъ его до тла и уводятъ въ рабство. Особенностью дагомейцевъ является армія амазонокъ, которая состоитъ изъ пѣвицъ, съ

дѣтства приученныхъ къ голоду и выносливости. Амазонки—необыкновенно храбрый народъ, безгранично преданный своему монарху. Новѣйшія французскія завоеванія видоизмѣняютъ, конечно, нравы дагомейцевъ.

Эѳіопское оружіе представляетъ мало оригинальности. Здѣсь встрѣчаются тѣ же копыя, палки, щиты, какъ у всѣхъ дикихъ народовъ. Оригинальнымъ оружіемъ является только трумбать, который мы уже описывали, и дангъ. Это оборонительное оружіе состоитъ изъ длиннаго гибкаго куска дерева, который своею эластичностью отражаетъ наносимые удары.

Эѳіопскіе народы, въ большинствѣ случаевъ, не употребляютъ лука, не потому, конечно, что они его не знаютъ,—есть племена, которыя стрѣляютъ изъ лука,—но вслѣдствіе какого-то страннаго предубѣжденія. У нѣкоторыхъ представителей эѳіопской расы встрѣчаются даже военныя укрѣпленія, но, конечно, въ самой примитивной формѣ.

На этомъ заканчивается Летурно описаніе войны у черныхъ расъ. Ея причины и слѣдствія выступаютъ здѣсь особенно ярко во всей своей безобразной наготѣ. Но и здѣсь, впрочемъ, есть факты,—замѣчаетъ авторъ,—которые заставляютъ насъ думать, что война существовала не всегда, по крайней мѣрѣ, въ ея настоящемъ видѣ. Когда первобытные кланы были разбросаны на огромномъ пространствѣ земли, когда пищи было достаточно и не возникало еще вопроса о борьбѣ за жизнь, война не носила такого характера,—она облекалась въ юридическую форму. Когда же населеніе размножилось, когда стали смотрѣть другъ на друга, какъ на опасныхъ конкурентовъ на жизненномъ пиру, тогда родилась вражда между людьми, тогда человекъ сталъ убивать человека. Всѣ средства были хороши въ борьбѣ съ врагомъ; хитрость и обманъ возводились въ принципъ. Каждый имѣлъ въ виду одну цѣль: истребить врага и захватить его имущество. Плѣнниковъ сперва съѣдали; но когда населеніе обратилось къ земледѣію и торговлѣ, когда понадобились рабочія руки и товаръ, тогда ихъ стали обращать въ рабство.

Подъ вліяніемъ частыхъ войнъ измѣнился также политическій строй государствъ. Въ республиканскихъ кланахъ вождя избирали только на время войны,—это былъ самый ловкій, самый сильный, самый опасный для враговъ. Но когда войны стали слишкомъ часты, власть вождя упрочилась и онъ, въ концѣ-концовъ, изъ предводителя свободнаго народа обратился въ деспотическаго царька, который, не жалѣя, готовъ былъ лить народную кровь во имя личныхъ интересовъ. Когда же у этихъ царьковъ зародилась идея расширять свои владѣнія путемъ завоеваній, когда они образовали небольшія монархіи, тогда ихъ власть достигла апогея. Стоило сказать кому-нибудь изъ нихъ: «Идите, рѣжьте, грабьте»,—и все исполнялось по мановенію его руки. А эти деспоты нерѣдко дѣлали такія предписанія, да оно и понятно: не рискуя ничѣмъ, они пожинали плоды побѣды и славы.

Такова въ общихъ чертахъ война у черныхъ расъ.

И. Н.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Т. Г. Гёксли.

17 (29) июня скончался Т. Г. Гёксли, въ началѣ 71-го года своей жизни. Имя Гёксли пользуется всемірною извѣстностью какъ ученаго, популяризатора и учителя, но краткая біографія и такой же очеркъ его многосторонней дѣятельности яснѣе обрисуютъ передъ нами образъ великаго человѣка.

Гёксли родился въ Илингъ въ 1825 году. За исключеніемъ двухъ съ половиною лѣтъ, проведенныхъ имъ въ илингской школѣ, гдѣ отецъ его занималъ должность учителя, онъ воспитывался дома и своимъ первоначальнымъ образованіемъ былъ обязанъ преимущественно самому себѣ. Затѣмъ, въ 1842 году онъ поступилъ въ медицинскую школу при Чэрингъ-Кросскомъ госпиталѣ, гдѣ въ то время лекціи по физиологіи читалъ извѣстный тогда физиологъ и окулистъ Уартонъ Джонсъ. Въ 1845 году Гёксли выдержалъ въ Лондонскомъ университетѣ первый экзаменъ на бакалавра медицины, послѣ чего нѣкоторое время занимался леченіемъ бѣднаго класса лондонскихъ жителей, а въ 1846 году поступилъ въ качествѣ врача во флотъ и получилъ мѣсто при Гасларскомъ госпиталѣ, откуда былъ назначенъ младшимъ врачомъ на военное судно *Rattlesnake*, предназначенное къ плаванію въ южныхъ моряхъ. Судно, подъ командою капитана Оуэнъ Станли, съ натуралистомъ Макъ-Джилливре, вышло изъ Англіи зимою 1846 года и возвратилось изъ плаванія въ 1850 году, пройдя внутреннимъ проходомъ между барьерными рифами и восточнымъ берегомъ Австраліи и Новой Гвиней. Въ продолженіе этого времени Гёксли прислалъ нѣсколько статей, отчасти напечатанныхъ въ *Philosophical Transactions* Королевскаго Общества. Здѣсь же была напечатана (въ 1849 г.) и его первая большая работа *О строеніи и систематикѣ медузъ*, доставившая ея автору такую извѣстность, что въ 1851 году онъ уже былъ избранъ членомъ Королевскаго Общества. Свою службу въ флотѣ Гёксли оставилъ въ 1853 году, убѣдившись, что правительство не издастъ представленныхъ имъ и произведенныхъ во время кругосвѣтнаго плаванія работъ. Въ 1854 году Гёксли замѣстилъ своего друга Эдварда Форбса въ качествѣ палеонтолога и лектора по естественной исторіи въ Королевской

Горной Школѣ и занималъ это мѣсто до 1885 года. Громкая извѣстность этой школы, теперь присоединенной къ Королевской Коллегіи Наукъ, въ значительной мѣрѣ обязана преподавательскимъ талантамъ Гёксли. По просьбѣ членовъ комитета учебнаго совѣта, онъ продолжалъ тамъ свою дѣятельность въ качествѣ почетнаго декана, и этотъ постъ занималъ до самой смерти. На немъ лежала также отвѣтственность за общій ходъ преподаванія въ школѣ біологическимъ наукъ.

Гёксли былъ дважды избираемъ профессоромъ физиологіи въ Королевскомъ Институтѣ, въ первый разъ въ 1854 году, т.-е. въ томъ же самомъ, когда былъ приглашенъ экзаменаторомъ по физиологіи и сравнительной анатоміи въ Лондонскій университетъ. Въ 1858 году онъ читалъ отъ Королевскаго Общества рядъ лекцій, предметомъ которыхъ взялъ позвоночную теорію черепа. Съ 1863 по 1869 годъ занималъ кафедру въ Королевской Медицинской Школѣ. Въ 1862 году былъ избранъ президентомъ біологической секціи Британской ассоціаціи, засѣдавшей въ то время въ Кембриджѣ, а восемь лѣтъ спустя былъ избранъ президентомъ ассоціаціи во время ея собранія въ Ливерпулѣ. Въ 1869 и 1870 годахъ состоялъ президентомъ геологическаго и этнологическаго обществъ, а въ 1872 году былъ избранъ лордомъ-ректоромъ Абердинскаго университета (на три года). Строгіе и опредѣленные взгляды на вопросы обученія, вмѣстѣ съ яснымъ сознаніемъ общественнаго долга, заставили Гёксли принять въ 1870 году его избраніе президентомъ перваго Лондонскаго Школьнаго Совѣта, и хотя разстроенное здоровье заставило его отказаться отъ этого мѣста уже въ 1872 году, однако, въ бытность свою президентомъ Комитета Воспитанія онъ сдѣлалъ очень много для правильной постановки школьнаго преподаванія.

Въ 1873 году Гёксли былъ выбранъ секретаремъ Королевскаго Общества, а десять лѣтъ позднѣе достигъ высшей почести, которая доступна для ученаго въ Англіи, именно былъ избранъ президентомъ Королевскаго Общества. Во время отсутствія покойнаго проф. Уэвилла Томпсона, участвовавшаго въ экспедиціи корвета *Чалленджеръ*, Гёксли занималъ въ 1875 и 1879 гг. его мѣсто профессора естественной исторіи въ Единбургскомъ университетѣ. Съ 1881 по 1885 годъ онъ былъ инспекторомъ въ Комиссіи рыбныхъ промысловъ, но въ 1885 году отказался отъ этого мѣста, какъ и отъ остальныхъ занимаемыхъ имъ должностей, а спустя немного переселился въ Истбѣрнъ.

Перечислять всѣ почести, коими былъ удостоенъ Гёксли, нечего, но укажемъ, что онъ получилъ отъ Королевскаго Общества нѣсколько медалей и въ томъ числѣ Дарвинову медаль, которую до него имѣли только А. Р. Уоллесъ и сэръ Дж. Гукеръ. Эта медаль краснорѣчиво опредѣляетъ научное направленіе Гёксли. Скажемъ также, что знаменитаго ученаго чествовали ученые учрежденія всего цивилизованнаго міра и въ томъ числѣ Императорское Московское Общество Испытателей Природы съ гордостью занесло его имя въ число своихъ почетныхъ членовъ. Но, принимая эти почести,

Гёксль никогда не стремился къ нимъ и, какъ самъ говоритъ, подавляя въ себѣ стремленіе къ научной славѣ, поставивъ для себя другія цѣли.

Уже изъ этого краткаго біографическаго очерка видно, что Гёксль былъ и медикомъ, и палеонтологомъ, и зоологомъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Онъ не допускалъ той узкой специализаціи въ наукѣ, которая развилась въ послѣднее время, и находилъ научныя занятія цѣлесообразными только при широкой научной подготовкѣ. Хотя рабочій періодъ въ жизни Гёксля длился приблизительно 50 лѣтъ, однако, даже это время не уменьшаетъ нашего удивленія передъ громаднымъ количествомъ работъ, изданныхъ знаменитымъ ученымъ. Мы смѣло можемъ утверждать, что нѣтъ такой группы животныхъ, изученіе которыхъ не было бы обязано ему очень многимъ.

Своимъ пребываніемъ на суднѣ *Ратльснэкъ*, которое въ продолженіе своего плаванія провело значительную часть времени въ мало изслѣдованныхъ или даже совершенно не изслѣдованныхъ въ зоологическомъ отношеніи частяхъ тропическаго океана, Гёксль воспользовался для изученія пелагическихъ животныхъ. Сначала онъ остановился на низшихъ животныхъ и познакомилъ насъ болѣе или менѣе обстоятельно съ организаціей нѣкоторыхъ простѣйшихъ. Кишечно-полостныя дали ему превосходный матеріалъ для изслѣдованія особенно двумя группами: сифофоръ, столь замѣчательныхъ вслѣдствіе паразитическаго развитія у нихъ полиморфизма въ связи съ раздѣленіемъ труда, и медузъ, которыя заставили его обратить вниманіе на тотъ замѣчательный фактъ, что тѣло ихъ состоитъ изъ двухъ клеточныхъ слоевъ—эктодермы и энтодермы, вполне поддающихся сравненію съ двумя зародышевыми листками высшихъ животныхъ.

Послѣ этого Гёксль далъ нѣсколько описаній весьма замѣчательныхъ формъ разныхъ червей, указалъ на своеобразность типа иглокожихъ и ихъ отношеніе къ другимъ типамъ беспозвоночныхъ и далъ длинный рядъ изслѣдованій надъ оболочниками. Чтобы покончить съ указаніемъ того, какія группы беспозвоночныхъ животныхъ обязаны Гёкслю изученіемъ ихъ организаціи, исторіи развитія и біологін, мы должны еще отмѣтить типы слизняковъ и членистоногихъ.

Само собою разумѣется, что такой огромный запасъ свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ личныхъ наблюденій, давалъ Гёкслю возможность широкой критики изслѣдованій другихъ специалистовъ, и мы дѣйствительно находимъ у него нѣсколько критическихъ работъ, замѣчательныхъ по ясности въ постановкѣ вопросовъ и по методу, который прилагался для полученія отвѣтовъ на нихъ. Благодаря этому, простое сопоставленіе его замѣтокъ съ работами, ихъ вызвавшими, почти всегда приводитъ къ заключенію, что онъ въ сравнительно немногихъ строкахъ сообщаетъ и болѣе цѣнные факты, и строго-логическіе изъ нихъ выводы, придающіе новый интересъ предмету.

Но, безъ сомнѣнія, наиболѣе цѣнныя работы Гёксля посвящены изученію современныхъ и ископаемыхъ позвоночныхъ животныхъ. По отноше-

нїю къ нимъ съ именемъ Гёксли тѣсно связаны всѣ крупныя вопросы, какъ-то: вопросъ о строенїи черепа, таза и конечностей, разборъ соотношенїй разныхъ группъ, сравнительное изученїе организаціи человѣка съ организаціей обезьянъ и т. д., не говоря о безчисленныхъ работахъ, въ которыхъ сообщаются свѣдѣнїя по анатомїи, систематикѣ и проч.

Вопросъ о строенїи черепа Гёксли ввелъ въ новую фазу. До него въ наукѣ господствовала идея, что черепъ позвоночныхъ представляетъ собою результатъ срастанїя и видоизмѣненїя нѣсколькихъ позвонковъ, что было особенно развито Оуэнгомъ. Послѣднїй, обладавшїй огромнымъ запасомъ фактовъ, строго провелъ позвоночную теорїю черепа черезъ всѣ классы позвоночныхъ, и въ его изложенїи эта теорїя приобрѣла такую стройность и изящество, что неудивительно ея общераспространенность среди современниковъ. Надо было много труда и еще больше остроумїя, чтобы доказать несостоятельность этой теорїи, и Гёксли далъ намъ то и другое и, можно сказать, похоронилъ позвоночную теорїю черепа въ той формѣ, какъ она защищалась до него. Исслѣдованїя о тазѣ и заднихъ конечностяхъ позвоночныхъ привели Гёксли къ рѣшенїю вопроса о соотношенїи птицъ и чешуйчатыхъ гадовъ и съ удивительною ясностью отмѣтили кровное родство этихъ группъ. Трудно сказать, къ какой вѣтви зоологїи отнести это изслѣдованїе: оно настолько же принадлежитъ области сравнительной анатомїи, насколько можетъ быть помѣщено въ ряду работъ палеонтологическихъ. И такъ со многими работами Гёксли: обладая огромными познанїями, онъ никогда не ограничивалъ область своихъ изслѣдованїй какою-нибудь одною вѣтвью біологическихъ наукъ и въ подтвержденїе своихъ взглядовъ приводилъ свѣдѣнїя изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ.

Обилїе частныхъ свѣдѣнїй естественно привело Гёксли къ желанїю изложить эти свѣдѣнїя по организаціи, исторїи развитїя и систематики животныхъ въ видѣ руководства, и такихъ руководствъ онъ оставилъ намъ два: одно по безпозвоночнымъ, другое—по позвоночнымъ животнымъ. Въ настоящее время, несмотря на то, что наука ушла впередъ, эти руководства поражаютъ замѣчательною строгостью и стройностью изложенїя и обилїемъ фактическихъ свѣдѣнїй, сообщаемыхъ на ихъ страницахъ. Кроме того, въ нихъ съ замѣчательнымъ безпристрастїемъ изложены спорныя вопросы и отмѣчено то, что предстояло рѣшить въ ближайшемъ будущемъ.

Такимъ образомъ, Гёксли, пытавшїй глубокое презрѣнїе къ «бумажнымъ философамъ», изучилъ строенїе и отправления животныхъ организмовъ, начавъ съ самыхъ низшихъ формъ и кончивъ человѣкомъ. Его лекціи о мѣстѣ человѣка въ природѣ показали, что онъ не боится идти по пути логическаго разсужденїя до крайнихъ предѣловъ, и нѣтъ никакого сомнѣнїя, что сила и значенїе Гёксли кроются въ его прямолинейности. Въ концѣ нашего очерка, познакомившись съ Гёксли съ разныхъ сторонъ, умѣстнѣе привести тѣ взгляды, которыми онъ руководился въ теченїе своей жизни, теперь же мы познакомимся съ тѣми общими идеями, которыя замѣчаются въ его специальныхъ работахъ.

Гёксли былъ дарвинистъ, и, притомъ, дарвинистъ, всѣми своими работами доказывавшій справедливость идеи о постепенномъ развитіи органическаго міра. Въ этомъ отношеніи ему нѣтъ равнаго. Идея кровнаго родства организмовъ и образованія новыхъ формъ путемъ подбора производителей была для него истиной, въ которой онъ убѣждался своими безчисленными работами, и разъ убѣдившись въ истинности этого ученія, онъ не только слѣдуетъ за нимъ, но всегда и всюду доказываетъ его справедливость другимъ. Его пытливый умъ не могъ примириться съ частными изслѣдованіями ради нихъ самихъ: эти изслѣдованія только давали ему возможность изучать развитіе генеалогическаго древа животнаго царства въ его различныхъ частяхъ, отыскивать связь между различными, даже далеко стоящими группами животныхъ, по немногимъ остаткамъ прошлаго возстановлять исторію животныхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ никогда не терялъ изъ вида преемственнаго развитія животныхъ формъ и даже, повидимому, исключительно фактическія работы оживлялъ скрытою въ нихъ идеей о постепенномъ развитіи органическаго міра. Дарвинова теорія обязана Гёксли рядомъ такихъ блестящихъ сравнительно-анатомическихъ и палеонтологическихъ доказательствъ, которыя придали силу первоначально ея болѣе слабымъ сторонамъ. Онъ нашелъ въ ней ключъ къ пониманію явленій организованнаго міра и съ удвоенною энергіей трудился надъ группировкой частныхъ явленій въ одну общую картину, по возможности приближающуюся къ истинному изображенію того, что происходило и происходитъ въ мірѣ окружающихъ насъ существъ, подъ вліяніемъ закона сохраненія лучше приспособленныхъ формъ въ борьбѣ за существованіе.

Всѣмъ извѣстно, что Дарвинова теорія встрѣтила особенный протестъ со стороны многихъ вслѣдствіе того, что послѣднимъ изъ ея выводовъ было признаніе необходимости происхожденія человѣка отъ одной изъ болѣе низко стоящихъ формъ животныхъ. До чего этотъ выводъ былъ неприятенъ даже многимъ ученымъ, свидѣтельствуемъ примѣръ Уоллеса, который, дойдя самостоятельно почти до тѣхъ же самыхъ выводовъ, къ какимъ пришелъ Дарвинъ относительно всѣхъ животныхъ, во что бы то ни стало, хотѣлъ сохранить за человѣкомъ его исключительное положеніе. Напрасно Дарвинъ высказывалъ такіа соображенія, что происхожденіе человѣка отъ одной изъ низшихъ формъ и высокое мѣсто, занимаемое имъ нынѣ въ природѣ, лучше всего говорятъ въ пользу его блестящихъ способностей и даютъ надежду на еще большее совершенство въ будущемъ. Напрасно указывалъ, что едва ли наше тѣсное родство съ дикарями, которое никогда никѣмъ не оспаривалось, можетъ дѣйствовать на насъ въ смыслѣ успокоенія и удовлетворенія нашего самолюбія. Все это Дарвинъ высказываетъ спокойно на страницахъ своихъ трактатовъ, никогда не полемизируя съ своими противниками, а это былъ неблагодарный путь для борьбы съ предрасудками массы. Гёксли избралъ другую дорогу и шелъ по ней съ тою рѣшительностью, которая характеризовала всю его научную дѣятельность, какъ человѣкъ, глубоко убѣжденный въ своей обяза-

ности защищать и пропагандировать истину. Вопросъ о происхожденіи чело-вѣка отъ низшей формы обострился прежде появленія трактата Дарвина о томъ же предметѣ. Ни для кого не было тайной, что это, такъ сказать, послѣдняя глава всей теоріи происхожденія видовъ, и потому не удивительно, что Гёксли выступилъ съ обсужденіемъ этого вопроса самостоя-тельно. Онъ выступилъ съ лекціями и журнальными статьями, выступилъ съ специальными анатомическими работами, съ такою же умѣренностью, какъ и настойчивостью, опровергъ странныя, чтобы не сказать чего-либо иного, свидѣтельства Оуэна, который всегда былъ противъ всякаго при-знанія измѣняемости организованнаго міра въ границахъ, не поддающихся опредѣленію, и всѣмъ этимъ сдѣлалъ для Дарвиновой теоріи болѣе, нежели всѣ другіе ея послѣдователи. Всѣ отличительныя свойства таланта Гёксли съ такою силой выступаютъ въ этомъ случаѣ, что я считаю полезнымъ привести небольшую выдержку изъ его лекцій о мѣстѣ чело-вѣка въ при-родѣ, чтобы показать его незнающую колебаній научную прямоту, остро-жность въ выводахъ, картинность и силу аргументаціи.

«И такъ, — говоритъ Гёксли въ концѣ своего сравненія организаціи чело-вѣка съ организаціей другихъ животныхъ, — какой бы рядъ органовъ ни взяли мы изучать, сравненіе уклоненій, коимъ они подвергаются у различныхъ родовъ обезьянъ, приводитъ насъ постоянно къ одному и тому же заключенію, а именно, что анатомическія различія, отдѣляющія чело-вѣка отъ гориллы и шимпанзе, не такъ еще велики, какъ тѣ, которыя от-дѣляютъ гориллу отъ низшихъ обезьянъ.

«Но если чело-вѣкъ отдѣляется отъ звѣрей не болѣе важною анатоми-ческою преградой, нежели какими они сами другъ отъ друга отдѣляются, то слѣдуетъ, повидимому, заключить, что если будетъ доказано существованіе какой-либо естественной причины происхожденія родовъ и семействъ жи-вотныхъ, то причина эта вполне достаточна и для объясненія происхож-денія чело-вѣка. Другими словами, если бы можно было доказать, напри-мѣръ, что мармозеты произошли отъ постепеннаго измѣненія обыкновен-ныхъ широконосыхъ, и что оба они, и мармозеты, и широконосыя, суть лишь измѣненные развѣтвленія одного первоначальнаго родича, тогда не было бы разумной причины сомнѣваться, что и чело-вѣкъ могъ возникнуть, съ одной стороны, чрезъ постепенное измѣненіе чело-вѣкообразной обезья-ны, или, съ другой стороны, произошелъ также отъ развѣтвленія одного первоначальнаго родича, общаго ему съ обезьянами.

«Въ настоящее время существуетъ лишь одно основательное предполо-женіе касательно такой естественной причины происхожденія; иначе гово-ря, одна лишь гипотеза касательно происхожденія видовъ животныхъ во-обще имѣетъ теперь мѣсто въ наукѣ, а именно гипотеза Дарвина. Ибо Ла-маркъ, хотя и высказалъ нѣсколько весьма мѣткихъ воззрѣній, однако, пе-репуталъ ихъ такимъ множествомъ скороспѣлыхъ и даже нелѣпыхъ мнѣ-ній, что парализовалъ всю пользу, которую могъ бы принести своимъ ори-гинальнымъ взглядомъ, будь онъ мыслителемъ болѣе осторожнымъ и умѣ-

решеннымъ. Слыхалъ я также о провозглашеніи формулы, трактующей о «предъустановленномъ, постоянномъ возникновеніи органическихъ формъ», но такъ какъ гипотеза, прежде всего, обязана быть удобопонятною, то очевидно, что подобное неопредѣленное положеніе, которое можно съ одинаковымъ успѣхомъ читать и слѣва направо, и справа налево, и въ разбивку, въ сущности, вовсе не имѣетъ смысла, хетя можетъ казаться осмысленнымъ.

«Слѣдовательно, въ настоящее время вопросъ объ отношеніи человѣка къ низшимъ животнымъ переходитъ въ болѣе широкій вопросъ о томъ, состоятельны или несостоятельны воззрѣнія Дарвина. Но тутъ мы вступаемъ на опасную почву и потому должны съ величайшею точностью опредѣлить свою точку опоры.

«Насколько мнѣ извѣстно, гипотеза Дарвина не оказывается несомнѣнною съ какимъ-либо извѣстнымъ біологическимъ фактомъ; напротивъ того, если принять его гипотезу, то явленія развитія, сравнительной анатоміи, географическаго распредѣленія и палеонтологіи получаютъ взаимную связь и такое значеніе, какаго они никогда донинѣ не представляли. Я же, съ своей стороны, убѣжденъ, что если эта гипотеза не совершенно истинна, то, по крайней мѣрѣ, настолько же близка къ истинѣ, какъ, напримѣръ, гипотеза Коперника приближалась къ настоящей теоріи движенія свѣтилъ.

«Но даже оставивъ въ сторонѣ воззрѣнія Дарвина, общая аналогія дѣйствій природы такъ сильно, такъ положительно говоритъ противъ вмѣшательства какихъ-либо иныхъ причинъ, кромѣ тѣхъ, которыя обыкновенно называютъ второстепенными, для произведенія всѣхъ міровыхъ явленій, что я, въ виду близкой связи человѣка съ остальнымъ живущимъ міромъ, а также связи силъ, управляющихъ этимъ міромъ, со всѣми остальными силами, не вижу возможности сомнѣваться въ томъ, что всѣ онѣ суть одинаковой величины ступени въ великомъ прогрессивномъ шествіи природы, переходныя степени отъ безформенности къ формѣ, отъ неорганическаго къ органическому, отъ бессознательной силы къ сознательному разуму и волѣ.

«Дѣло науки покончено, когда она изслѣдовала, дознала и возвѣстила истину; и будь эта статья писана для однихъ ученыхъ, я бы на этой страницѣ и покончилъ ее, зная, что мои собраты умѣютъ безусловно уважать доказанную истину и признаютъ священою для себя обязанностью покориться ея выводамъ даже и тогда, когда они противорѣчатъ личнымъ ихъ наклонностямъ.

«Но такъ какъ я обращаюсь къ болѣе обширному кругу просвѣщеннаго общества, то съ моей стороны было бы просто трусостью не признавать того отвращенія, съ какимъ большинство читателей, вѣроятно, встрѣтитъ выводы, къ которымъ привело меня самое тщательное и добросовѣстное изученіе этого предмета.

«Со всѣхъ сторонъ поднимутся крики: «Мы люди, мужчины и женщи-

ны, а не улучшенная порода обезьянъ, у которой только ноги подлиннѣе, ступни плотнѣе, да мозгъ потяжелѣе, чѣмъ у вашихъ скотовъ — шимпанзе и гориллы. Способность приобретать познанія, сознание добра и зла, сострадательная нѣжность человѣческихъ привязанностей ставятъ насъ внѣ всякаго родства съ этими животными, какъ бы они ни казались похожими на насъ».

«На это я могу только отвѣчать, что считалъ бы такіе возгласы вполне справедливыми и огнеся бы къ нимъ съ полнѣйшимъ сочувствіемъ, если бы они хоть сколько-нибудь шли къ дѣлу. Но не я буду стараться основывать достоинства человѣка на его большомъ пальцѣ или утверждать, что мы погибли, если у обезьяны точно есть въ мозгу малый гиппокамъ. Напротивъ, я сдѣлалъ все, что могъ, дабы ниспровергнуть такую мелочность. Я старался показать, что между нами и животнымъ міромъ нельзя отыскать болѣе рѣшительнаго анатомическаго различія, нежели между животными, непосредственно за нами слѣдующими на ступеняхъ развитія; могу еще прибавить къ этому свою увѣренность, что такъ же безуспѣшно было бы отыскивать рѣзкую черту психическаго раздѣленія, потому что зачатки высшихъ способностей чувства и разума можно прослѣдить и въ низшихъ животныхъ формахъ. Въ то же время, никто болѣе меня не убѣжденъ въ громадности бездны, пролегающей между цивилизованнымъ человѣкомъ и звѣрами, никто болѣе меня не увѣренъ, что *отъ нихъ* ли онъ произошелъ, или не *отъ нихъ*, теперь онъ, конечно, не одинъ *изъ нихъ*. И никто менѣе меня не расположенъ смотрѣть слегка на теперешнее достоинство или отчаяваться въ будущности единственнаго сознательно-разумнаго существа нашей планеты.

«Есть, правда, люди, имѣющіе претензію на авторитетъ въ подобныхъ вопросахъ, — говорящіе, что эти два ряда понятій несовмѣстимы и что, признавая единство происхожденія человѣка и другихъ тварей, мы тѣмъ самымъ унижаемъ человѣка, низводя его на степень скота. Но такъ ли это? Кажется, даже любой умный ребенокъ могъ бы очевиднѣйшими доводами опровергнуть поверхностныхъ говорунговъ, которые навязываютъ намъ подобныя заключенія. Неужели же какой-нибудь великій поэтъ, философъ или художникъ, гениемъ своимъ прославившій и просвѣтившій вѣкъ свой, будетъ униженъ, низведенъ изъ своего высокаго сана, вслѣдствіе несомнѣнной исторической вѣроятности, — чтобы не сказать увѣренности, — чтобы онъ по прямой линіи произошелъ отъ какого-нибудь голаго, звѣроподобнаго дикаря, у котораго настолько хватило разума, чтобы хитростью превзойти лисицу и тѣмъ самымъ быть опаснѣе тигра? Или намъ слѣдуетъ лаять и ходить на четверенькахъ, на томъ несомнѣнномъ основаніи, что каждый изъ насъ былъ когда-то яйцомъ и что этого яйца никакимъ изъ обычныхъ способовъ изслѣдованія невозможно было отличить отъ собачьяго? Развѣ филантропъ или какой-нибудь святой долженъ отказаться отъ стараній вести примѣрную жизнь, потому только, что, при простѣйшемъ изученіи человѣческой природы, мы находимъ въ ея основаніи всѣ эгъ

истинскія страсти и скотскія побужденія четвероногихъ? Рѣзвъ материнская любовь низкое чувство, оттого что она проявляется у курицы, или вѣрность—подлое свойство, потому что ею отличаются собаки?

«Здравый смыслъ массы человѣчества не колеблясь отвѣтитъ на эти вопросы. Разумъ человѣческій, усмотрѣвъ настоящую необходимость спастись отъ существеннаго грѣха и униженія, предоставитъ разсужденіе о теоретическомъ оскверненіи циникамъ и святошамъ, которые, расходясь во всѣхъ прочихъ пунктахъ, сходятся только въ томъ, что равно не признають благородной прелести видимаго міра и одинаково неспособны оцѣнить высокаго положенія, занимаемаго въ немъ человѣкомъ.

«Мало того, мыслящіе люди, однажды освободившіеся отъ ослѣпляющаго вліянія старинныхъ предразсудковъ, найдутъ въ низкомъ источникѣ, изъ котораго произошелъ человѣкъ, лучшее доказательство великолѣпныхъ его способностей и, въ виду постоянного прогресса его въ прошедшемъ, могутъ найти разумное основаніе вѣрить, что ему предстоитъ достигнуть и гораздо высшей будущности.

«Вспомнимъ, что, сравнивая цивилизованнаго человѣка съ животнымъ міромъ, мы уподобляемся альпійскому путешественнику, который видитъ горы, возносящіяся къ небесамъ, и едва можетъ отличить, гдѣ кончаются тѣнистыя ущелья и багряныя вершины и гдѣ начинаются тучи небесныя. Безъ сомнѣнія, можно найти оправданіе восхищенному путнику, если онъ въ эту минуту не захочетъ вѣрить геологу, который станеть ему говорить, что эти величавыя громады, въ сущности, ничто иное, какъ отвердѣвшій иль первобытныхъ озеръ или остывшій шлакъ подземныхъ долинъ, но только выдвинутый внутренними силами и поднятый ими на эту горделивую и, повидимому, недосыгаемую высоту.

«Но геологъ правъ; и, обдумавъ слова его, мы найдемъ, что они не только не уменьшаютъ нашего благоговѣйнаго восторга, но увеличиваютъ чисто-эстетическое впечатлѣніе невѣжественнаго наблюдателя всею силой умственнаго сознанія.

«Когда улягутся страсти и исчезнутъ предразсудки, таковыя же будутъ послѣдствія ученія естествоиспытателей касательно этого великаго Альпійскаго или Андскаго хребта животнаго міра—человѣка. Наше уваженіе къ благородной породѣ человѣческой не уменьшится отъ познанія, что по строенію своему человѣкъ тождественъ со звѣрями; ибо онъ одинъ одаренъ дивною способностью осмысленной рѣчи, посредствомъ которой, въ теченіе долгихъ вѣковъ своего бытія, медленно скопилъ онъ и привелъ въ порядокъ запасъ опыта, почти совершенно утрачиваемаго другими животными со смертью каждой особи; и вотъ теперь человѣкъ стоитъ на немъ, какъ на вершинѣ горы; далеко высится онъ надъ своими смиренными собратіями, и грубая природа его уже преобразилась, оттого что ему удастся по временамъ отразить на себѣ лучъ неисчерпаемаго источника истины».

Гёксли былъ величайшимъ популяризаторомъ нашего времени, и это находятъ себѣ объясненіе не только въ его врожденныхъ способностяхъ,

но и въ характерѣ его дѣятельности. Врожденные способности принесли ему съ собою литературный талантъ, ясность мысли и изложенія, нѣкоторую страстность въ защитѣ того, что онъ считалъ истиннымъ. Широкое образованіе дало поразительно широкій и глубокій взглядъ на явленія природы. Наконецъ, трудъ цѣлой жизни—огромный запасъ фактическаго матеріала, почерпнутый изъ личныхъ наблюденій, а не заимствованный изъ постороннихъ источниковъ. Прибавьте къ этому, что Гёкли придавалъ огромное значеніе дѣятельности популяризатора. «Я не принадлежалъ,—говоритъ онъ,—къ числу тѣхъ счастливыхъ лицъ, которыя смотрятъ на популярныя лекціи, какъ на что-то *hors d'oeuvre*, недостойное занимать мѣсто среди серьезныхъ занятій философа, и которыя въ качествѣ жрецовъ науки сохраняютъ свою славу незапятнанною попытками—по крайней мѣрѣ, счастливыми—быть понятыми массою. Напротивъ, я находилъ, что стремленіе выразить истины, добытыя при непосредственномъ изученіи природы, въ лабораторіяхъ и музеяхъ, на такомъ языкѣ, который, не теряя ни на іоту научной точности, могъ бы оставаться вполне понятнымъ, требуетъ крайняго напряженія научныхъ и литературныхъ способностей, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, личный опытъ показалъ мнѣ, что нѣтъ лучшаго регулятора наклонности къ схоластическому педантизму у всѣхъ тѣхъ, кто преслѣдуетъ цѣли, стоящія въ сторонѣ отъ обыденной жизни, и привыкаетъ думать и говорить на техническомъ діалектѣ своего маленькаго мірка, какъ будто кромѣ его и нѣтъ ничего».

Гёкли читалъ свои публичные лекціи при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ: и передъ рабочими, и передъ смѣшанною публикой, и передъ собраніями преимущественно специалистовъ. Знатокъ физиологіи, биологіи и палеонтологіи, онъ не затруднялся въ выборѣ темы для своихъ лекцій и всегда передавалъ ихъ въ такой формѣ, что его не могли не понять. Вѣря въ науку, какъ въ проводника истины, считая приобрѣтеніе научныхъ познаній величайшимъ достояніемъ человѣка, Гёкли шелъ на встрѣчу всѣмъ, кто стремился приобрѣсти истинное представленіе о природѣ и ея явленіяхъ, насколько это позволяли ему его обстоятельства. Перечислить даже наиболѣе выдающіяся популярныя лекціи Гёкли невозможно. Можно лишь указать дѣленіе лекцій на категоріи по ихъ содержанію и отмѣтить тѣ изъ нихъ, которыя поражаютъ или своею стройностью, или глубиною мысли.

Я нахожу возможнымъ раздѣлить популярныя лекціи Гёкли на три категоріи: въ первую относятся лекціи болѣе или менѣе факческаго содержанія, въ которыхъ руководящею идеею является тѣсная связь межъ явленіями органическаго міра; во вторую—лекціи, посвященныя изложенію Дарвиновой теоріи; наконецъ, въ третью—лекціи болѣе общаго философскаго содержанія.

Изъ лекцій второй категоріи особенно обращаютъ на себя вниманіе три лекціи, читанныя въ Америкѣ. Онѣ были читаны въ концѣ семидесятыхъ годовъ, т.-е. послѣ блестящихъ палеонтологическихъ открытій, съ

занных въ Европѣ съ именемъ Ковалевскаго, въ Америкѣ съ именами Марша и Копа, и давшихъ въ руки Гёксля замѣчательно благодарный матеріалъ, которымъ онъ воспользовался съ исключительною талантливостью и опытностью. Въ изыщномъ по своей простотѣ изложеніи онъ кратко, но ясно передалъ принципы Дарвиновой теоріи и главные возраженія на нее и, наконецъ, съ неумолимою логикой разбилъ эти возраженія, доказавъ ихъ полную несостоятельность. По построению, силѣ доказательствъ и изяществу изложенія эти лекціи Гёксля должны считаться образцовыми.

Что касается лекцій общаго содержанія, то онѣ представляютъ особый интересъ не каждая сама по себѣ, а взятая всѣ вмѣстѣ. Въ нихъ развертывается научное міросозерцаніе Гёксля, который въ бесѣдахъ съ публикой былъ такъ же прямъ и откровененъ, какъ передъ самимъ собой. Предавшись всецѣло ученой и учебной дѣятельности, выработавши себѣ въ теченіе своей жизни опредѣленное и ясное воззрѣніе на явленія природы, готовый всегда назвать невѣжество и предразсудокъ ихъ собственными именами, кто бы ни защищалъ ихъ, готовый, наконецъ, въ своихъ выводахъ идти до крайнихъ предѣловъ, если къ этой крайности его вела простая логика, Гёксля производить неотразимое впечатлѣніе именно своими общими рѣчами. Лучше всего справедливость сказаннаго доказывается слѣдующими словами его: «Я позволю себѣ замѣтить, что логическія слѣдствія служатъ пугалами для глупцовъ и маяками для людей мудрыхъ. Единственный вопросъ, который можетъ поставить передъ собою человекъ мудрый и человекъ честный, это: вѣрна ли доктрина или ложна? Такъ что, если мой взглядъ дѣйствительно и логически ведетъ къ фатализму, матеріализму и атеизму, я долженъ признать себя фаталистомъ, матеріалистомъ и атеистомъ». Огромное вліяніе Гёксля на публику объясняется въ значительной мѣрѣ тѣмъ, что онъ превосходно зналъ произведенія философовъ всѣхъ временъ и неизменно стоялъ на достойной его высотѣ во всѣхъ столкновеніяхъ съ приверженцами разныхъ философскихъ системъ, отъ времени до времени дѣлавшихъ вылазки противъ господствующей въ биологій теоріи эволюціонизма.

Теперь мы должны говорить о Гёксли, какъ объ учителѣ. Дѣлу преподаванія онъ отдавался такъ же горячо, какъ научной и популяризаторской дѣятельности. Онъ видѣлъ въ немъ одну изъ своихъ обязанностей по отношенію къ обществу и, несмотря на разстроенное здоровье, всегда готовъ былъ служить руководителемъ преподаванія въ его разныхъ видахъ. Нечего и говорить, что такой опытный и выдающійся лекторъ былъ знаменитымъ профессоромъ; остановимся на немъ, какъ на учителѣ въ широкомъ смыслѣ этого слова. Чтобы узнать взгляды Гёксля въ этомъ отношеніи, достаточно ознакомиться съ содержаніемъ его рѣчей объ изученіи биологій и о значеніи естествознанія въ воспитаніи. Гёксли признавалъ, что не всѣ же, начинающіе заниматься биологическими науками имѣютъ для этого необходимыя способности и, прежде всего, сортировалъ начинающихъ: они должны были пройти у него краткій курсъ практическихъ занятій, и если такой

курсъ оказывался имъ не по силамъ или бесполезнымъ, Гёксли безъ колебаній совѣтовалъ имъ заняться другими предметами. Личный опытъ доказалъ ему, что практическое изученіе животныхъ разныхъ группъ даетъ самую прочную точку опоры въ занятіи биологическими науками, и на этомъ основаніи онъ открывалъ свои занятія краткимъ практическимъ курсомъ, въ который входило также изученіе низшихъ растительныхъ организмовъ. Здѣсь не мѣсто входить въ подробное изложеніе этихъ занятій. Достаточно знать, что въ основу ихъ была положена мысль, что для начинающаго необходимо, прежде всего, почерпнуть краткія свѣдѣнія о важнѣйшихъ представителяхъ животныхъ и основательно ознакомиться съ методами изслѣдованія, а не начинать съ подробнаго изученія одной группы, какъ бы забывая о существованіи другихъ. Вѣрный своей основной идеѣ, что изслѣдователь во всякой области долженъ вообще знать предметъ, Гёксли не высоко ставилъ тѣхъ узкихъ специалистовъ, которые способны дать нѣсколько точныхъ, но мелкихъ работъ, не освѣщенныхъ никакою общою идеей. Едва ли они въ его глазахъ стояли выше каменщиковъ и плотниковъ, таскающихъ матеріалъ для постройки величественнаго зданія, называемаго строемъ природы, но не понимающихъ его прелести. Какъ въ специальныхъ работахъ, такъ и въ дѣлѣ обученія единственный нормальный путь—начинать съ простаго и переходить къ сложному. Чѣмъ послѣдовательнѣе переходъ, тѣмъ совершеннѣе путь обученія, тѣмъ прочнѣе приобретаемая въ теченіе его познанія. Гёксли смотрѣлъ, что элементарныя свѣдѣнія по биологіи, то, что можно назвать азбукой биологіи, должны быть всеобщимъ достояніемъ. Не естественно ли начинать всякое обученіе съ пріобрѣтенія элементарныхъ свѣдѣній о томъ, что всегда насъ окружаетъ, что, можно сказать, съ утра до вечера поднимаетъ передъ нами рядъ вопросовъ, не отвѣтить на которые нельзя, потому что замалчиваніе въ такомъ случаѣ равносильно лжи? вмѣсто того, чтобы питать юные умы не представляющею для нихъ никакого интереса классною сухью, которая, по словамъ защитниковъ этой системы, дисциплинируетъ умъ и служитъ гимнастикой для памяти, дайте имъ доступъ къ изученію живой природы. Пускай они не будутъ изолированы отъ міра живыхъ существъ; пускай они съ первыхъ шаговъ своей сознательной дѣятельности привыкнутъ ставить себя въ число явленій организованной жизни; пускай вмѣстѣ съ первоначальнымъ развитіемъ ихъ проникаетъ идея, что они живутъ не среди хаотическаго беспорядка нагроможденныхъ другъ на друга предметовъ и явленій, а въ стройной системѣ природы, которая въ безконечномъ разнообразіи проявляетъ свое единство, глубокую связь всего въ ней совершающагося. Не естественно ли сначала пріобрѣсти свѣдѣнія о томъ, что поддается наблюденію и опыту, и уже потомъ перейти къ изученію другихъ, болѣе сложныхъ сторонъ чело-вѣческаго существованія, подняться до изученія высшихъ проявленій его психо-физической дѣятельности? Мы отлично знаемъ, что всякое изученіе только тогда бываетъ плодотворно, когда оно объективно. Мы стараемся

стать на такую точку зрѣнія во всякомъ случаѣ, кромѣ одного, когда всякая другая точка зрѣнія влечетъ за собой рядъ непоправимыхъ ошибокъ, а именно—въ дѣлѣ нашего самообученія. При естественной склонности человѣка относиться пристрастно ко всему, что связано съ нимъ самимъ, онъ долженъ, прежде всего, отрѣшиться отъ мысли о своемъ исключительномъ положеніи въ ряду другихъ существъ и въ природѣ вообще, а едва ли это возможно, если вся система нашего образованія построена на изученіи только человѣка, его дѣяній, исторія, заблужденій, великихъ открытій и пр. Повторяемъ, рѣчь идетъ не объ устраненіи литературнаго или эстетическаго образованія научнымъ; но научное воспитаніе должно быть введено во всѣхъ школахъ, потому что особенность естественно-научнаго воспитанія, не позволяющая его замѣны никакою другою системою, состоитъ въ томъ, что она ставитъ человѣка въ прямое общеніе съ фактомъ, приучаетъ умъ выводить заключеніе изъ частныхъ фактовъ, познаваемыхъ путемъ непосредственнаго наблюденія природы. вмѣсто того, чтобы внушать учащемуся вѣру въ человѣческіе авторитеты, мы должны ему внушить, что его долгъ—сомнѣваться до тѣхъ поръ, пока абсолютный авторитетъ природы не научитъ его вѣрить въ то, что написано въ книгахъ.

Что бы ни говорили о предпочтительномъ значеніи разныхъ системъ воспитанія передъ естественно-научнымъ, мы должны признать, какъ несомнѣнное, что новѣйшая цивилизація держится на естествознаніи.

Слѣдующее мѣсто, заимствованное изъ рѣчи Гёксли о либеральномъ воспитаніи, еще полнѣе познакомитъ насъ съ его взглядами на этотъ вопросъ:

«Что такое воспитаніе?—спрашиваетъ онъ.—Помимо всего, каковъ нашъ идеалъ совершенно либеральнаго воспитанія,—того воспитанія, какое мы дали бы самимъ себѣ, если бы могли начать жить сначала,—воспитанія, какое мы дали бы своимъ дѣтямъ, если бы могли располагать судьбой по собственной волѣ? Вашего взгляда на этотъ предметъ я не знаю, но выскажу вамъ свой и надѣюсь найти, что наши взгляды не совершенно противурѣчивы.

«Предположимъ, что было бы извѣстно, что жизнь и судьба каждаго изъ насъ въ одинъ прекрасный день окажутся въ зависимости отъ выигрыша или проигрыша въ шахматы. Не думаете ли вы, что мы считали бы первую своею обязанностью изучить, по крайней мѣрѣ, названія и ходъ фигуръ, приобрести понятіе о гамбитѣ и умѣнье давать шахъ и уходить отъ него? Не думаете ли вы, что мы смотрѣли бы съ порицаніемъ, доходящимъ до презрѣнія, на отца, который оставилъ бы расти сына, или на государство, которое воспитало бы своихъ членовъ не умѣющими отличить пѣшки отъ короля?

«Но очень простая и элементарная истина, что жизнь, судьба и счастье каждаго изъ насъ и болѣе или менѣе тѣхъ, кто связанъ съ нами, зависятъ отъ нашего знанія правилъ игры безконечно болѣе трудной и слож-

ной, чѣмъ шахматы. Это—игра, начатая съ незапамятныхъ временъ, въ которой каждый мужчина и каждая женщина является однимъ изъ игроковъ въ его или ея игръ. Шахматная доска, это—мѣръ, фигуры—явленія вселенной, правила игры—то, что мы называемъ законами природы. Игрокъ на противоположной сторонѣ скрытъ отъ насъ. Мы знаемъ, что его игра всегда честна, правильна и терпѣлива. Но мы знаемъ также, что онъ никогда не пропуститъ ошибки и не дастъ ни малѣйшей поблажки нашему незнанію. Кто играетъ хорошо, тому выплачиваются огромныя ставки, съ тѣмъ видомъ благородства, которымъ сила выражаетъ свое удовольствіе при встрѣчѣ съ силой. Если же кто играетъ дурно, тому дается мать—безъ ненависти, но и безъ сожалѣнія.

«И такъ, я считаю воспитаніемъ изученіе правилъ этой великой игры. Другими словами, воспитаніе есть наставленіе ума въ законахъ природы, подѣ которой я разумѣю не только вещи и ихъ силы, но и людей и ихъ обычаи, и преобразование душевныхъ движеній и воли въ ревностное и любвеобильное стремленіе жить въ согласіи съ этими законами. По моему мнѣнію, задача воспитанія заключается только въ этомъ—ни болѣе, ни менѣе. И ко всему, что выдаетъ себя за воспитаніе, должна быть приложена указанная мѣрка; если же оно не выдерживаетъ ея, я не назову его воспитаніемъ, какова бы ни была сила авторитета или число приверженцевъ на его сторонѣ.

«Для каждого изъ насъ мѣръ былъ нѣкогда такимъ же свѣжимъ и новымъ, какъ для Адама. И тогда, задолго прежде, чѣмъ мы были способны воспринять наставленіе въ какомъ бы то ни было видѣ, природа взяла насъ въ свои руки и каждую минуту нашей дѣятельной жизни проявляла свое воспитательное вліяніе, ставя наши дѣйствія въ строгое согласіе съ законами природы и предотвращая нашу преждевременную кончину, какъ слѣдствіе крайняго неповиновенія. Я не могу говорить объ этомъ воспитательномъ процессѣ какъ о законченномъ ни для кого, какъ бы старъ онъ ни былъ. Для каждого человѣка мѣръ такъ же свѣжъ, какъ былъ въ первый день, и полонъ безчисленныхъ новинокъ для того, кто имѣетъ глаза, чтобы видѣть. И природа не перестаетъ терпѣливо воспитывать насъ въ томъ великомъ университетѣ вселенной, членами коего мы всѣ состоимъ. Но какъ это всегда бываетъ въ случаѣ принудительныхъ мѣръ, природа строга и сурова въ своихъ дѣяніяхъ. Невѣдѣніе карается такъ же строго, какъ сознательное непослушаніе; неспособность влечь за собою то же наказаніе, что и преступленіе. Дисциплина природы не всегда выражается въ словахъ и ударахъ, съ ударами на первомъ мѣстѣ, но и въ ударахъ безъ словъ. Намъ самимъ предоставляется догадаться, за что намъ досталось.

«Задача того, что мы обыкновенно называемъ воспитаніемъ,—воспитаніе, въ которомъ участвуетъ человѣкъ и которое я назову искусственнымъ,—состоитъ въ томъ, чтобы пополнить пробѣлы въ воспитаніи природы; чтобы приготовить ребенка къ воспринятію воспитанія природы; чтобы

онъ не оказался ни неспособнымъ, ни малосвѣдущимъ, ни сознательно-непослушнымъ; чтобъ онъ понималъ предварительные симптомы недовольства природы, не дожидаясь наказанія. Короче говоря, всякое искусственное воспитаніе должно быть предвареніемъ естественнаго. И либеральное воспитаніе есть такое искусственное, которое не только подготавливаетъ человѣка избѣгать большихъ непріятностей, слѣдующихъ за неповиновеніе законамъ природы, но и ведетъ его къ тому, чтобы цѣнить и получать награды, которыя природа раздаетъ такъ же щедро, какъ и наказанія.

«Съ моей точки зрѣнія, тотъ человѣкъ получилъ либеральное воспитаніе, который въ своей юности воспитывался такъ, что его тѣло всегда готовый слуга его воли, и легко и съ удовольствіемъ исполняетъ всякую работу, къ которой оно способно, какъ механизмъ; чей разумъ является ясною, холодною, логическою машиною, съ частями одинаковой силы и хорошимъ ходомъ, годной, подобно паровой машинѣ, на всякую работу—и прясть тонкія нити, и выковывать якоря духа; чей умъ исполненъ великихъ и основныхъ истинъ природы и законовъ ея дѣйствій; кто, въ противоположность слабому аскету, полонъ жизни и огня, но чьи страсти приучены подчиняться твердой волѣ, слугѣ чуткой совѣсти; кто научился любить все прекрасное какъ въ природѣ, такъ и въ искусствѣ, ненавидѣть все низкое и уважать другихъ, какъ самого себя.

«Такимъ и никакимъ другимъ, по моему мнѣнію, можетъ быть тотъ, кто получилъ либеральное воспитаніе, потому что онъ будетъ вполне представлять собою человѣка, стоящаго въ гармоніи съ природою. Онъ стумѣетъ наилучшимъ образомъ воспользоваться ею, а она имъ. Изрѣдка они будутъ встрѣчаться, но она—какъ его вѣчно любящая мать, онъ—какъ ея представитель, ея самопознаніе, ея распорядитель и толкователь».

Я не имѣю возможности останавливаться долѣе на отдѣльныхъ сторонахъ дѣятельности Гёксли. Для краткаго очерка сказано довольно, для полной и разносторонней оцѣнки понадобилось бы неизмѣримо болѣе. Перейду теперь къ тѣмъ взглядамъ Гёксли, которыми онъ руководился въ теченіе всей своей жизни и которые объясняютъ многое изъ занимаемаго имъ положенія. Каково оно было? Исключительно ли симпатіи сопровождали его въ долгой трудовой жизни, или же нападки и обвиненія, всегда преслѣдующія лицъ, стоящихъ выше толпы, были и его удѣломъ? На это можно сказать, что на него нападали,—его не только обвиняли, какъ это бываетъ съ большинствомъ, но даже въ гораздо большей степени. Гёксли сынъ своего народа. Онъ жилъ столько же въ лабораторіи, сколько и на каедрѣ. Не только у насъ, но нигдѣ въ другой странѣ, кромѣ Англій, его потребность постояннаго общенія съ массою не могла бы найти себѣ удовлетворенія. Онъ съ поразительною неутомимостью сходилъ съ каедры въ одномъ мѣстѣ, чтобы взойти на нее почти сейчасъ же въ другомъ. Познаваемые имъ истины онъ не таилъ про себя, а считалъ своимъ долгомъ дѣлать общимъ достояніемъ. Если то, что онъ считалъ истиною, шло совершенно

въ разрѣзъ съ ходячими мнѣніями, это не только не останавливало его отъ того, чтобы говорить именно объ этомъ, а прямо толкало къ тому, чтобы сказать людямъ лишній разъ: «Вы заблуждаетесь; истина не тамъ, гдѣ вы ее ищите, а на совершенно противоположной сторонѣ». На кафедре онъ смотрѣлъ иногда какъ на передовую постъ, обстрѣливаемый артиллеріей противниковъ, никогда не отказывался занять этотъ постъ и никогда не покидалъ его, прежде чѣмъ не было доказано, по крайней мѣрѣ, каждому здравомыслящему человѣку, что правда на сторонѣ лектора. Вотъ какъ опредѣляетъ онъ программу дѣятельности всей своей жизни: «Способствовать накопленію естественно-историческихъ свѣдѣній и примѣненію научныхъ методовъ изслѣдованія ко всѣмъ явленіямъ жизни, насколько это позволяли мои способности, въ увѣренности, которая росла и крѣпла въ теченіе всей моей жизни, что для человѣчества есть только одно средство облегчить страданія: это—стремленіе къ истинѣ въ дѣлахъ и помысленіяхъ и полное презрѣніе къ міру, когда съ него сорванъ покровъ обмана, скрывающій за собою его непривлекательныя черты. Съ этимъ намѣреніемъ я подчинилъ всякое сознательное и бессознательное стремленіе къ научной славѣ, которымъ могъ позволить себѣ развлекаться, другимъ цѣлямъ: популяризаціи науки; развитію и организаціи научнаго воспитанія; безконечному количеству стычекъ и схватокъ за идею эволюціи и постоянной оппозиціи клерикализму, который является ожесточеннымъ врагомъ науки. Въ стремленіи къ достиженію этихъ цѣлей я былъ только однимъ изъ многихъ, и я буду совершенно удовлетворенъ, если обо мнѣ вспомнятъ съ этой стороны, а то даже и въ томъ случаѣ, если совсѣмъ не вспомнятъ». Само собою разумѣется, открытое возвѣщеніе подобной программы вызвало бурю нападокъ. Гёксли обвиняли въ матеріализмѣ, фатализмѣ и атеизмѣ, смотря по тому, въ какой степени находилось раздраженіе противъ него и какая изъ его публичныхъ лекцій подливала масла въ огонь. Въ отвѣтъ на это онъ говорилъ, что призналъ бы себя и тѣмъ, и другимъ, и третьимъ, еслибъ его взгляды дѣйствительно приводили его логически къ тому или иному заключенію. «Но,—прибавляетъ онъ,—я не имѣю ни малѣйшей побудительной причины причислять себя ни къ философамъ-фаталистамъ, ни къ матеріалистамъ, ни къ атеистамъ. Къ фаталистамъ—потому, что, по-моему, понятіе необходимости имѣетъ основаніе логическое, а не физическое; къ матеріалистамъ—потому, что я совершенно не способенъ понять существованіе матеріи, если нѣтъ сознанія, въ которомъ бы это существованіе рисовалось; къ атеистамъ—потому, что проблема послѣдней причины существованія кажется мнѣ безнадежно-входящей изъ предѣловъ моихъ бѣдныхъ способностей. Изъ всей безсмысленной болтовни, какую я когда-либо имѣлъ возможность слышать, дсказательства тѣхъ философовъ, которые берутся рассказать намъ все есающееся природы Бога, была бы худшей, еслибъ ее не превосходили еп большія нелѣпости философовъ, доказывающихъ, что нѣтъ Бога». Но е

падки продолжались и подчасъ ихъ безмысленная ожесточенность доводила Гёксли до того, что онъ не отвѣчалъ на нихъ. Послѣ длиннаго ряда стычекъ и столкновений за эволюцію онъ, наконецъ, сказалъ со свойственною ему откровенностью: «Прежде, когда мнѣ доводилось слышать, что появилась новая блестящая критика современной биологической теоріи, я спѣшилъ ознакомиться съ нею и отвѣчать на нее. Но теперь я состарился и, убѣдившись, что блестящіе критики не знаютъ даже азбуки биологін, пересталъ читать ихъ произведенія».

Въ послѣднее время разстроенное здоровье и болѣзни наложили свою руку на энергію Гёксли. Онъ отказался отъ всѣхъ занимаемыхъ имъ должностей и пересталъ выступать передъ публикой; но въ немъ нашлись силы, чтобы свою полувѣковую блестящую защиту эволюціоннаго ученія заключить рѣчью, которая проливаетъ свѣтъ на отношеніе человѣка къ космической эволюціи. Нѣсколькими выдержками изъ этой рѣчи, одинаково замѣчательной по глубинѣ мысли и картинности изложенія, мы и закончимъ нашъ очеркъ:

«Человѣкъ, какъ животное,—говоритъ Гёксли,—достигъ своего главенства надъ міромъ сознательныхъ существъ, превратился въ то гордое, прекрасное животное, каковымъ мы его теперь застаемъ, конечно, только благодаря успѣху въ борьбѣ за существованіе. При данныхъ условіяхъ, организациа человѣка приспособилась лучше, чѣмъ всякая другая, чтобы выйти побѣдительницей изъ космической борьбы. Въ развитіи человечества беззащитное заявленіе своего «я», безсовѣстное наложеніе руки на все, на что ее можно наложить, упорное сохраненіе за собою всего, что только можно сохранить, составляющія сущность борьбы за существованіе, конечно, сослужили свою службу. Своимъ успѣхомъ, въ дикомъ состояніи, человѣкъ, конечно, широко обязанъ тѣмъ качествамъ, которыя онъ разделяетъ съ обезьяною и тигромъ,—своей исключительной физической организациа, своему лукавству, чувству общественности, любопытству и страсти къ подражанію, своему инстинкту истребленія, проявляющемуся какъ только какое-либо сопротивленіе пробуждаетъ его гнѣвъ».

«Но по мѣрѣ того, какъ анархія смѣнялась социальною организациею, по мѣрѣ того, какъ цивилизациа стала пріобрѣтать цѣну въ его глазахъ, эти глубоко вкоренившіяся и сослужившія ему службу качества превратились въ недостатки. Подобно многимъ выскочкамъ, человѣкъ охотно оттолкнулъ бы лѣстницу, по которой выбрался въ люди. Онъ охотно убилъ бы въ себѣ тигра и обезьяну. Но они отказываются ему повиноваться, и это-то незваное вторженіе веселыхъ товарищей его буйной юности въ правильную жизнь, налагаемую на него гражданственностью, присоединяетъ новыя безчисленныя и громадныя страданія къ тѣмъ, которыя космическій процессъ налагалъ на него ранѣе, какъ на простое животное. И цивилизованный человѣкъ клеймитъ всѣ эти побужденія тигра и обезьяны, называя ихъ грѣхомъ, и, въ крайнемъ случаѣ, веревкой или топоромъ препят-

ствуеть «переживанію» этихъ «наиболѣе приспособленныхъ» къ условіямъ давно минувшихъ дней.

«Люди, живущіе въ обществахъ, конечно, также подвержены этому космическому процессу. Также какъ и у другихъ животныхъ, размноженіе человѣка совершается безостановочно и влечетъ за собою жестокое состязаніе за средства къ существованію. Борьба за существованіе стираетъ тѣхъ, кто менѣе способенъ приспособляться къ условіямъ ихъ жизни. Сильнѣйшіе, наиболѣе самонадѣянныя, стремятся къ тому, чтобы попирали слабыхъ. Но вліяніе этого космическаго процесса на эволюцію обществъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ грубѣе форма ихъ цивилизаціи. Соціальныи прогрессъ является средствомъ, ограничивающимъ на каждомъ шагу могущество процесса космическаго, и выдвигаетъ на смѣну ему другой процессъ, который мы можемъ назвать этическимъ. Результатомъ этого процесса можетъ оказаться переживаніе—не тѣхъ, кто наиболѣе приспособленъ къ общимъ условіямъ существованія, а тѣхъ, кто приспособленъ къ условіямъ существованія наилучшаго, въ смыслѣ этическомъ.

«Какъ я уже указывалъ выше, примѣненіе въ жизни правилъ, представляющихся высшими съ этической точки зрѣнія,—правилъ, которыя мы связываемъ съ представленіемъ о праведности или добродѣтели,—влечетъ за собою образъ дѣйствія, во всѣхъ отношеніяхъ противный тому, который обуславливаетъ успѣхъ въ космической борьбѣ за существованіе. Въмѣсто безжалостнаго предъявленія требованій своей личности, эти правила налагаютъ обязанность самообузданія, вмѣсто того, чтобы сметать передъ собой или попирали подъ ногами всякаго соперника, они требуютъ не только уважать своего ближняго, но и помогать ему; они способствуютъ не переживанію наиболѣе приспособленнаго, но приспособленію наибольшаго числа къ переживанію. Они съ негодованіемъ осуждаютъ гладиаторское воззрѣніе на жизнь. Они требуютъ, чтобы всякій, пользующійся выгодами и наслажденіями жизни въ обществѣ, никогда не упускалъ изъ вида своего долга по отношенію къ тѣмъ, кто своими трудами создалъ это общество, и налагаютъ на каждаго члена этого общества обязанность ни однимъ своимъ дѣйствіемъ не ослаблять связи того цѣлаго, въ которомъ ему дозволено жить. Законы и нравственныя правила направлены къ тому, чтобы побороть этотъ космическій процессъ и постоянно напоминать отдѣльному человѣку объ его обязанностяхъ по отношенію къ обществу, которое своею защитой и благотворнымъ вліяніемъ если не прямо даруетъ ему жизнь, то, во всякомъ случаѣ, дѣлаетъ ее чѣмъ-то болѣе цѣннымъ, чѣмъ полуживотное существованіе дикаря.

«Только вслѣдствіе невниманія къ этимъ простѣйшимъ соображеніямъ нѣкоторые фанатики индивидуализма пытаются въ наше время, по аналогіи, распространять этотъ космическій процессъ и на общество.

«Поймемъ разъ навсегда, что этическій прогрессъ общества зависитъ не отъ подражанія космическому процессу, еще менѣе отъ уклоненія отъ

него, а отъ борьбы съ нимъ. Уже далеко за нами осталось героическое младенчество нашей расы, когда добро и зло встрѣчались безразличнымъ «веселымъ привѣтомъ». Попытка спастись отъ зла—все равно, индусская или греческая—окончилась только бѣгствомъ съ поля битвы. Намъ предстоитъ отбросить въ сторону и младенческую самонадѣянность, и недоверіе къ своимъ силамъ, свойственное несовершеннолѣтію. Мы уже возмужали и должны показать себя людьми. Мы должны лелѣять то добро, которое выпадаетъ намъ на долю, и мужественно сносить зло, въ себѣ и вокругъ насъ, съ твердымъ намѣреніемъ положить ему предѣлъ. И въ этомъ общемъ стремленіи мы можемъ руководиться общою вѣрой, общою надеждой».

М. Мензбиръ.

Изъ литературныхъ наблюдений.

Недавно вышло отдѣльнымъ изданіемъ новое произведеніе г. Мамина-Сибиряка: *Хлбъ*. Когда оно печаталось въ *Русской Мысли*, то возбуждало живой интересъ. Многіе находятъ его значительнѣйшимъ изъ романовъ талантливаго писателя. И для такого мнѣнія есть основанія. Г. Маминъ рисуетъ широкую картину социальнаго переворота, произведеннаго въ хлбномъ краѣ парохомъ и банкомъ, и даетъ при этомъ рядъ живыхъ фигуръ, дѣятелей и жертвъ этого переворота. Я не имѣю въ виду говорить объ общественномъ значеніи и художественномъ достоинствѣ *Хлба* и отмѣчаю только безмолвіе или безсиліе критики. Въ лагерѣ нашихъ «консерваторовъ» постоянно слышатся обвиненія въ томъ, что «либералы» замалчиваютъ какія-то удивительныя произведенія художниковъ-консерваторовъ. Признаюсь, такихъ произведеній я давно уже не замѣчаю. Припоминаю, что произведенія графа Голенищева-Кутузова, напримѣръ, котораго «консерваторы» причисляютъ къ своему лагерю, привѣтствовали *Русскія Вѣдомости*. Но *Хлбъ* замалчивается или страннымъ образомъ оцѣняется и *своими*. Одна либеральная газета, когда романъ печатался въ *Русской Мысли*, кинувъ по его адресу нѣсколько вялыхъ строчекъ, прибавляла, что поговорить, какъ слѣдуетъ, когда романъ кончится. Онъ кончился и критикъ газеты, сообщая объ этомъ, пишетъ только, что о *Хлбѣ* онъ уже говорилъ...

Странно это и обидно, съ моей точки зрѣнія: *Хлбъ* мнѣ представляется самымъ выдающимся произведеніемъ истекающаго литературнаго года. Авторъ, очевидно, долго обдумывалъ его, превосходно знаетъ описываемый край, затрагиваетъ множество важныхъ вопросовъ, о которыхъ слѣдовало бы поговорить и критикѣ.

Чѣмъ же была занята въ особенности наша журналистика за послѣднее время? Кажется, всего болѣе разрѣшеніемъ вопроса о томъ, былъ ли вѣдникомъ или злодѣемъ князь Вяземскій, умершій нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Объ этой удивительной *полемикѣ* читатели знаютъ изъ газет. Это—нелѣпное и колоссальное сочетание сплетни съ страннымъ литературнымъ *дознаніемъ* и *слѣдствіемъ*,—такъ г. Меньшиковъ и называетъ съ

статьи въ *Недѣль*. Зачѣмъ это все дѣлалось? Умеръ человѣкъ, его изобразили праведникомъ. Предположимъ, что праведникомъ онъ не былъ; какая надобность въ вывѣдываніяхъ, въ разслѣдованіи, въ грубыхъ схваткахъ со сторонниками иного взгляда? Увы, г. Меньшиковъ совсѣмъ забылъ, что онъ *апостолъ любви и кротости*. Въ октябрьской книжкѣ *Недѣли* онъ пытается возвести въ перлъ созданія свой образъ дѣйствія.

Г. Меньшиковъ называетъ *странною, чудовищною ложью* то, что писалось о покойномъ Вяземскомъ до пресловутаго *дознанія*. Ложь—можетъ быть, хотя безпристрастный читатель не можетъ отвергать и многихъ свидѣтельскихъ показаній противниковъ г. Меньшикова; но почему *чудовищная ложь*? Русскому человѣку,—въ этомъ отношеніи и г. Меньшиковъ оказался *весьма* русскимъ человѣкомъ,—свойственно скорѣе обругать, чѣмъ похвалить кого-либо, выставлять же лежащаго въ могилѣ существомъ высоко нравственнымъ совсѣмъ не *чудовищно*: это можетъ оказаться невѣрнымъ, легкомысленнымъ, но, все-таки, останется симпатичнымъ. А вотъ *дознаніе, слѣдствіе*... Видите ли, г. Меньшиковъ ищетъ истины, правды. Лучше бы искать ее въ другомъ мѣстѣ, по другому поводу, а не по вопросу о томъ, совершалъ ли безнравственные поступки и злодѣяства человѣкъ, который самъ никогда не изъявлялъ притязанія на общественное вниманіе и значеніе? Вѣдь, даже на судѣ, когда стоитъ тяжкій преступникъ,—убійца, напримеръ,—есть предѣлъ *дознанію* и *слѣдствію*, есть такія стороны въ жизни *человѣка*, хотя и преступника, которыхъ не коснется самый добросовѣстный слѣдователь и прокуроръ... И напрасно г. Меньшиковъ, горячо защищая дѣйствительно неотложную борьбу за правду, примѣшиваетъ сюда исторію серпуховскаго князя. Мнѣ гораздо пріятнѣе повѣтому указать именно на другую часть его статьи: «Борьба съ ложью во всѣхъ ея видахъ,—говоритъ талантливый публицистъ *Недѣли*,—особенно необходима въ Россіи: неправда покрываетъ нашу страну какъ бы дремучею, непроходимой тайгой. Ужъ если въ Англіи благородный Морлей, авторъ превосходной книги *О компромиссѣ*, считаетъ эту борьбу насущной, то у насъ-то, гдѣ она еле начата, и подавно. Въ изстари честной *старой Англій*, съ ея пуританскою культурой и безстрашнымъ народомъ, существуютъ могущественныя, у насъ невѣдомыя орудія для борьбы съ ложью: свободная, не развращенная печать, *платформа*, парламентъ, а, главное, уже подготовленные, облагороженные нравы,—и тамъ эта борьба нелегка. У насъ она—подвигъ, чаще всего оканчивающійся катастрофой для возставшаго противъ лжи. И главное препятствіе для успѣха истины—исподлившіеся, рабскіе общественные нравы».

Съ этимъ, конечно, нельзя не согласиться и такого стремленія къ правдѣ нельзя не привѣтствовать. Но въ горячихъ статьяхъ г. Меньшикова нерѣдко встрѣчаются такія мысли и выраженія, которыя дѣлаютъ его изъ союзника противникомъ и возбуждаютъ сочувственные отзывы тамъ, гдѣ г. Меньшиковъ, вѣроятно, не желалъ бы ихъ слышать. Такъ, когда появилось его пресловутое *литературное дознаніе*, пришли въ неописанный

восторгъ *Московскія Вѣдомости*: князь Вяземскій былъ изображенъ добродѣтельнымъ человѣкомъ въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*; г. Меньшиковъ доказываетъ противное. Какая радость для «консерваторовъ»: однимъ хорошимъ человѣкомъ оказывается меньше! Этого мало: по логикѣ *Московскихъ Вѣдомостей*, вопросъ о томъ, былъ ли святымъ человѣкомъ, или не былъ имъ князь Вяземскій, неразрывно связанъ съ вопросомъ: быть или не быть на свѣтѣ русскимъ «либераламъ».

Въ мой споръ съ г. Меньшиковымъ о знаніи и совѣсти вмѣшалась *Русская Бесѣда*. Въ сентябрьской книжкѣ этого журнала написана шумливая и высокопарная статья подъ заглавіемъ: *Нужна ли совѣсть и полезна ли для общества забота о спасеніи души (посидинокъ г. Меньшикова съ г. О. Т. В. „Русская Мысль“)*. Почтенный авторъ этой статьи, г. Кондрать, становится на сторону г. Меньшикова,—что съ его стороны понятно,—и взводитъ на меня напраслину,—это ужъ не совсѣмъ понятно. Откуда г. Кондрать *Русской Бесѣды* вывелъ такое, наприимѣръ, заключеніе: «По представленію О. Т. В. выходитъ, что *совѣсть* и начинается, и овачивается въ границахъ отдѣльной личности, не переходитъ на общественныя цѣли человѣка и со зломъ общественнымъ не борется»? Впрочемъ, я долженъ подождать возраженій г. Кондрата: онъ кончаетъ свою статью заявленіемъ, что «о возраженіяхъ г. О. Т. В. г. Меньшикову — рѣчь впереди».

Доживемъ—почитаемъ, что напишетъ г. Кондрать. Для меня споръ съ г. Меньшиковымъ представляется возобновленіемъ спора объ умѣ и чувствѣ, о томъ, что важнѣе: доброе ли воспитаніе, или развитіе разума путемъ знанія и размышленія? Для меня *чувства добрыя* имѣютъ, конечно, значеніе, какъ необходимый матеріалъ, изъ котораго сознаніе, идея строятъ наше поведеніе. Такой руководящей идеи можетъ не найтись у даннаго человѣка (иной разъ у цѣлой эпохи), и тогда *чувства добрыя* пропадутъ почти даромъ, не перейдутъ въ соответствующій *образъ дѣйствія*. Никто, я думаю, не станетъ отрицать и того, что ложная идея, неправильный идеалъ губятъ многихъ людей, одушевленныхъ горячею любовью къ добру. Великими, плодотворными моментами въ исторіи каждаго народа бывали такіе, когда общество увлекалось высокою идеей, трудилось для нея, боролось съ препятствіями для ея осуществленія. Въ такія времена людямъ, какъ Ульрихъ фонъ-Гуттенъ, живется радостно: есть изъ-за чего поработать, есть глубокий духовный интересъ. А въ сѣренскія, переходныя времена, когда на поверхности крикливо «торжествуютъ» представители застоя, полезно и отраднo вспоминать періоды бури и натиска, когда смѣло и бодро работала *мысль*.

Такое отрадное впечатлѣніе возбудила во мнѣ книжка В. П. Острогскаго: *Изъ исторіи моего учительства*. Отъ нея вѣетъ идеализмомъ шестидесятихъ годовъ,—да, идеализмомъ, ибо кто же, какъ не идеалисты, бы и Добролюбовъ, и Чернышевскій, и ихъ противники, какъ Достоевскій и Катковъ (тогдашнихъ дней, конечно)?

Г. Острогорскій вспоминаетъ въ своей книгѣ, какой горячій интересъ возбуждали педагогическіе вопросы въ знаменитую преобразовательную эпоху начала царствованія императора Александра II. «У всѣхъ, — пишетъ г. Острогорскій, — главною цѣлью всего воспитанія и образованія, самую первую, важнѣйшею задачей явилось приготовленіе школой, какою бы она ни была, — низшая, средняя или высшая, военная или гражданская, мужская или женская, — приготовленіе здравомыслящаго, благородно чувствующаго человѣка для жизни, т.-е. для того, чтобъ этотъ человѣкъ, благодаря полученному воспитанію и образованію, получилъ вкусъ и интересъ къ жизни, уразумѣлъ ея великій смыслъ, сѣумѣлъ бы найти себѣ по душѣ и наклонностямъ честный трудъ и имъ послужить своей родинѣ, которой онъ есть гражданинъ и слуга».

Указывая на книжку г. Острогорскаго, на *чужанность*, которая характеризовала школу начала шестидесятыхъ годовъ, критикъ *Мира Божія*, г. А. Б., дѣлаетъ такое сопоставленіе: «Въ противоположность этимъ свидѣтелямъ эпохи возрожденія русскаго общества, наши злополучные декаденты и символисты были захвачены попятною историческою волной, и ихъ болѣе потѣшныя, чѣмъ возмутительныя, претензіи на *вѣчность*, жалкій бредъ души больной, выдаваемый ими за новое слово въ искусствѣ, и полное непониманіе истинныхъ задачъ послѣдняго — должны занять подобающее мѣсто въ общей исторической картинѣ нашего времени» *).

Я думаю, что г. А. Б., все-таки, преувеличиваетъ значеніе нашихъ декадентовъ. Они, конечно, выросли при неблагоприятныхъ общественныхъ условіяхъ, какъ вырастаютъ грибки въ сыромъ подвалѣ; но эта порода грибковъ и не многочисленна, и безвредна. Истинными «показателями» нѣкоторыхъ особенностей переживаемаго нами времени являются въ публицистикѣ такіе «охранители» *основъ*, отъ которыхъ съ негодованіемъ отвертываются официально призванные защитники этихъ основъ. Такъ, напримѣръ, хорошій урокъ *Гражданину* съ К^о даетъ *Церковный Вѣстникъ*. Въ Москвѣ, какъ, вѣроятно, знаютъ читатели, былъ случай очень быстрого прекращенія сикоза. Въ закрытомъ засѣданіи медицинскаго общества одинъ профессоръ, пользующійся общимъ и глубокимъ уваженіемъ, прочелъ докладъ объ этомъ случаѣ и представилъ наиболѣе вѣроятное, съ научной точки зрѣнія, его объясненіе. *Московскія Вѣдомости* и органъ гг. Плевако и Александрова, *Русское Слово*, немедленно переврали ученое сообщеніе. Къ нимъ присоединился *Гражданинъ*, и вотъ что говорить ему *Церковный Вѣстникъ*: «Плохую услугу вѣрѣ оказываютъ, когда стараются дискредитировать науку; во всякомъ случаѣ, для вѣры такая самозванная услуга не нужна. И для молодого поколѣнія мало пользы, если на ряду съ сѣтованіемъ по поводу того, что его воспитаніе совершается не въ страхѣ Божіемъ и не вполне согласно съ началами вѣры, вмѣстѣ съ тѣмъ, внушаема будетъ мысль, что наука никакой важности не представляетъ» *).

* *Критическія замѣтки (Миръ Божій, октябрь).*

* *Церковный Вѣстникъ, № 40 (Минія и отмыки).*

Еслибъ живъ былъ Иванъ Сергѣевичъ Ансаковъ, какимъ негодованіемъ загорѣлся бы онъ, какъ страстно обличалъ бы онъ недостойныя попытки вмѣшивать вопросы вѣры въ полемику по общественнымъ вопросамъ, то хамское усердіе, которое обнаруживаетъ охранительная сборная команда, производя «розыскъ» среди «либераловъ»! Господа современные консерваторы вносятъ въ общество раздраженіе; ослѣпленные злобой или руководимые свѣрымъ расчетомъ, они являются сущими бонапартистами, компрометирующими тѣ начала, на охрану которыхъ они сами себя, на очень выгодныхъ условіяхъ, поставили. Пусть они попомнятъ, что, какъ выразился *Церковный Вѣстникъ*, ихъ самозванная услуга не нужна для вѣры; не нужна она, прибавимъ мы, и для государственной власти. Забавно, что эту власть „защищаютъ“ *Моск. Вѣдомости*, *Гражданинъ* и имъ подобныя газеты! Мы не скрываемъ того, что желаемъ, подъ сѣнью государственной власти, широкаго развитія и народнаго образованія, и независимой печати, и земскаго самоуправления. Мы желаемъ такихъ условій существованія, при которыхъ могли бы спорить со сторонниками иныхъ взглядовъ, уважая ихъ. И въ насъ не меркнетъ надежда, что такія условія не за горами, что правительство можетъ рядомъ цѣлесообразныхъ мѣръ облагородить даже нашихъ «охранителей», превративъ ихъ монологи въ закономъ очерченные діалоги русскихъ публицистовъ.

Принесли октябрьскую книжку *Русскаго Богатства*. Я, по обыкновенію, прежде всего, сталъ читать *Литературу и жизнь* Н. К. Михайловскаго. Статья и интересная, и энергичная, и талантливая, но тамъ есть нѣсколько фразъ, которыя вызываютъ меня выступить *pro do to sua* Г. Михайловскій пишетъ: „Нужна ли совѣсть? Вопросъ этотъ, къ сожалѣнію, не настолько безспоренъ, чтобы невозможны были въ немъ *разнорѣчія*“. Такъ начинается статья г. Меньшикова *Совѣсть и знаніе*, напечатанная въ июльской книжкѣ *Русской Мысли*. Вотъ какіе глубокіе, коренные вопросы ставить я разрѣшаетъ нынѣ печать: нужна ли совѣсть?! Надо замѣтить, что статья г. Меньшикова полемизируетъ съ одною статьею г. О. Т. В. въ той же *Русской Мысли*, а печатая статью г. Меньшикова въ июль, редакція московскаго журнала сопровождала ее слѣдующимъ замѣчаніемъ: «Охотно помнящая, въ виду важности и сложности вопроса, статью г. Меньшикова, мы предоставимъ отвѣтить на нее г. О. Т. В. въ слѣдующей книгѣ нашего журнала». Почтенная редакція исполнила свое обѣщаніе, предоставила отвѣтить г. О. Т. В. въ слѣдующей книжкѣ и въ результатѣ дебатовъ получился единогласный успокоительный отвѣтъ: совѣсть нужна. Ну, слава Богу! Можно было, однако, заранѣе ожидать, что дебатующіе придутъ къ соглашенію именно въ томъ смыслѣ, что совѣсть нужна, потому что хотя вопросъ и *важный*, и *сложный*, допускающій *разнорѣчія*, и сразу, не подумавши, отвѣтить на него трудно, но все-таки, едва ли возможна оригинальность въ его разрѣшеніи. Оригиналь-

на и характерна для нашего времени здѣсь только самая постановка вопроса: «нужна ли совѣсть?»

Если Н. К. Михайловскій прочелъ изъ нашей полемики только приведенную фразу г. Меньшикова, то, конечно, его маленькая «инветива» не лишена остроумія. Мы же, т.-е. я, г. Меньшиковъ и редакція *Русской Мысли*, продолжаемъ думать, что вопросъ объ отношеніи знанія къ совѣсти и важенъ, и сложенъ. Охотно допускаемъ, что онъ не кажется такимъ Н. К. Михайловскому. Про него можно сказать то, что нѣмцы говорятъ объ императорѣ Вильгельмѣ II. Богъ все знаетъ, императоръ Вильгельмъ также все знаетъ, но только еще лучше. Тѣмъ не менѣе, мы иной разъ не можемъ согласиться съ мнѣніями г. Михайловскаго или вполнѣ сочувствовать приемамъ его полемики. Такъ, мы думаемъ, напримѣръ, что въ его статьяхъ противъ гг. Бельтова и Струве было кое-что «напрасное» и что вопросъ объ экономическомъ материализмѣ также и *важенъ*, и *сложенъ*. Кстати объ экономическомъ материализмѣ: у г. Струве среди ученыхъ русскихъ экономистовъ нашелся солидный послѣдователь, академикъ и профессоръ Янжулъ. Въ его книгѣ о синдикатахъ я читаю слѣдующее: «См. талантливый и остроумный очеркъ г. Струве (*Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи*), съ главнѣйшими выводами котораго нельзя вполнѣ не согласиться».

Профессоръ Исаевъ подвергнулъ книгу г. Янжула, въ *Сверномъ Вѣстникѣ*, злой и обстоятельной критикѣ. Но до сихъ поръ никто, насколько мнѣ извѣстно, не обратилъ должнаго вниманія на весьма цѣнную историко-философскую сторону этого творенія. Г. Янжулъ дѣлаетъ, напримѣръ, важный вкладъ въ ученіе о вліяніи географическаго положенія и климата на творческую ученую работу: онъ любезно сообщаетъ намъ, что его книга была написана *подъ юстеприимнымъ кровомъ* одной его знакомой въ селѣ Отрадинѣ, Балашевскаго уѣзда, Саратовской губерніи. Предисловіе помѣчено 17 сентября 1894 года. Эта дата торжественно подтверждается ученымъ авторомъ въ примѣчаніи на стр. 425, такъ что никакихъ сомнѣній на этотъ счетъ быть не можетъ. Легкомысленный читатель скажетъ: а на что мнѣ знать, въ какой день какого мѣсяца кончилъ г. Янжулъ свою книгу? Но это только будетъ свидѣтельствовать о неумѣнн дѣлать изъ важныхъ фактовъ плодотворные выводы. 17 сентября—день св. Софіи, Вѣры, Надежды и Любви. Г. Янжулъ, стало быть, косвенно сообщаетъ читателямъ *Промысловыхъ синдикатовъ*, что среди его родныхъ и близкихъ знакомыхъ нѣтъ ни Софіи, ни Вѣры, ни Любви, ни Надежды, иначе г. Янжулъ не написалъ бы своего предисловія, а кушалъ бы именнинный пирогъ.

Я жалѣю только, что на ряду съ такими значительными фактами г. Янжулъ сообщаетъ данныя, какъ будто не имѣющія никакого отношенія къ предмету изслѣдованія. На страницѣ 386, напримѣръ, мы читаемъ, что извѣстный скрипачъ Бродскій сообщилъ нашему академику, — и вовсе не по секрету, — таковой фактъ: «извѣстный пианистъ Іозеффъ живетъ въ Нью-

Йоркѣ пять лѣтъ, не играя публично, но получая содержаніе отъ двухъ фабрикантовъ роялей—Штейнвей и Чикварингъ съ однимъ лишь условіемъ, чтобы не *тратъ публично на рояли противника*».

Или слѣдующее интересное, конечно, свѣдѣніе: «*Munroe Smith* приводитъ изъ брачнаго права Соединенныхъ Штатовъ слѣдующій, на примѣръ, образецъ: человекъ женатый въ Нью-Йоркѣ разводится (весьма легко) и вновь женится въ штатѣ Индіаны; онъ будетъ считаться законнымъ мужемъ одной женщины въ Индіанѣ и другой—въ Нью-Йоркѣ; по закону Индіаны, его положеніе вполнѣ правильное, по законамъ же Нью-Йорка онъ долженъ судиться за двоеженство. Его дѣти, рожденныя въ Индіанѣ, по ея законамъ, будутъ признаны вполнѣ законными, по законамъ же Нью-Йорка, конечно, нѣтъ, и т. д.» (стр. 336).

Какое отношеніе имѣетъ это къ промысловымъ синдикатамъ? Одинъ мой знакомый экономистъ возразилъ мнѣ, что г. Янжуль въ данномъ случаѣ пользовался методомъ Осипа въ *Ревизорѣ*. «Что тамъ?—говоритъ Осипъ купцамъ.—Веровочка? Давай и веровочку! И веровочка въ дорогѣ пригодится».

Долженъ сознаться, что меня это объясненіе не вполнѣ удовлетворило.

О. Т. В.

Франція передъ революціей.

(М. Ковалевскій: «Происхожденіе современной демократіи». Т. I. Москва, 1895 годъ).

Нельзя не удивляться неутомимой энергіи М. М. Ковалевскаго, широтѣ его кругозора и разнообразію свѣдѣній. Отъ изслѣдованій по средневѣковому праву и хозяйству, отъ сравнительно-юридическихъ обзоровъ и трудовъ по этнографіи и археологіи права онъ обращается въ настоящее время къ темамъ, которыми привыкли заниматься спеціалисты «всеобщей исторіи». Его книга *) свидѣтельствуетъ столько же о начитанности автора въ политической литературѣ XVIII вѣка, сколько объ оригинальности его взглядовъ и способности представить въ новомъ и интересномъ освѣщеніи вопросы, о которыхъ писано такъ много и высказано столько авторитетныхъ сужденій.

Первою задачей спокойной и честной критики должно быть опредѣленіе точки зрѣнія автора, его цѣлей и метода, ограниченій, которыя онъ себѣ вольно или невольно поставилъ. Только выяснивъ, такъ сказать, общую позицію автора, можно съ успѣхомъ и пользою выставить частныя замѣчанія и возраженія по поводу его мыслей и доказательствъ. Въ настоящемъ случаѣ особенно важно присмотрѣться внимательно къ постановкѣ темы, потому что дѣло идетъ не о рѣзко очерченномъ кругѣ событій, не о всестороннемъ описаніи учрежденій или литературныхъ произведеній. Задача, которую поставилъ себѣ авторъ, такова, что ему пришлось познаться съ самыми разнообразными источниками и отношеніями XVIII в., заглянуть и въ наказы депутатовъ, и въ трактаты юристовъ, и въ описанія французскаго хозяйства, и въ дѣйствовавшія узаконенія, и въ памфлеты, производившіе тѣ или другія преобразовательныя идеи, и въ разсужденія политическихъ теоретиковъ, и въ свидѣтельства практическихъ финансистовъ и администраторовъ. И, однако, нигдѣ нельзя было спеціализироваться, ни на чемъ не приходилось останавливаться подолгу, потому что цѣль состояла не въ изображеніи фактическихъ условій «Стараго порядка», или административ-

*) На дняхъ вышелъ II томъ.

наго механизма, или права фѣдистовъ, или политическихъ ученій, или экономического состоянія. Всѣ эти факты и идеи, взятые изъ различныхъ отраслей жизни, важны для автора не столько сами по себѣ, сколько по своему вліянію на весьма сложное явленіе—на общественное сознаніе Франціи передъ революціей. Ясно, что для объясненія великаго переворота конца прошлаго вѣка и для оцѣнки его результатовъ крайне важно знать, каковы были взгляды образованныхъ французовъ на господствовавшій порядокъ, каковы ихъ надежды и планы относительно будущаго. Ясно также, что коллективное общественное мнѣніе, которое оказало рѣшительное вліяніе на ходъ революціи, сложилось изъ цѣлаго ряда отдѣльных оцѣнокъ, взглядовъ, стремленій и ученій. Нельзя разсматривать его какъ нѣчто вполне определенное и послѣдовательное; при ближайшемъ изученіи можно выдѣлить множество оттѣнковъ, разногласій и противорѣчій. Передъ наблюдателемъ проходитъ толпа, въ которой легко различить всевозможные костюмы и фizioноміи, но которая, тѣмъ не менѣе, представляетъ извѣстную совокупность, движется по извѣстному главному направленію, составляетъ цѣлое и имѣетъ свою особую, коллективную фizioномію. Отношеніе французскаго общества къ окружающей дѣйствительности не можетъ быть принято за безпристрастную и точную оцѣнку этой дѣйствительности, но оно само по себѣ есть великій историческій фактъ, съ которымъ приходится считаться; политическіе идеалы и программы французской публики не были продуманы и обоснованы научнымъ образомъ и не отвѣчаютъ теоретическимъ разграниченіямъ, которыя мы привыкли проводить между школами Монтеस्कѣ, Руссо, фizioкратовъ, коммунистовъ, но эклектической составъ ходячихъ доктринъ является ихъ характернымъ признакомъ и именно въ этой эклектической формѣ онѣ оказали глубокое вліяніе на революцію.

Выдѣливъ для своего изслѣдованія вопросъ о *ходячихъ политическихъ взглядахъ французскаго общества передъ революціей*, нашъ авторъ несомнѣнно отыскалъ для себя выгодное мѣсто среди великаго множества ученыхъ, работавшихъ и работающихъ надъ исторіей революціи. «Старый порядокъ» Токвиля слѣдитъ, главнымъ образомъ, за филиаціей между идеями и учрежденіями старой и новой Франціи, сочиненіе Тэна освѣщаетъ, преимущественно, психологическую сторону переворота. Нѣкоторую часть задачи имѣлъ въ виду Феликсъ Роккенъ (Rosquain) въ своей книгѣ, посвященной литературѣ памфлетовъ *). Но его интересовали не столько положительные оцѣнки и планы, сколько ростъ революціоннаго настроенія. Шассенъ **) и Шерестъ ***) обстоятельно занялись этими оцѣнками и планами, поскольку они высказались въ наказахъ (Cahiers), но вопросъ объ источникахъ революціонныхъ мнѣній не былъ поставленъ названными уче-

*) *L'esprit révolutionnaire avant la révolution.*

**) *Chassin: „Le génie de la révolution“.*

***) *Cherest: „La chute de l'ancien régime“.*

ыми. Проф. Н. И. Карѣвъ *) имѣлъ въ виду, между прочимъ, и подобную задачу, но онъ коснулся въ своемъ сочиненіи лишь крестьянскаго вопроса.

Если выборъ темы нельзя не признать весьма удачнымъ, то надо прибавить, что ея постановка представляетъ не только выгоды, но и значительныя трудности. Характеръ этихъ трудностей уже намѣченъ въ предыдущемъ: дѣло идетъ о политическихъ взглядахъ цѣлаго общества, приходится охватить при ихъ оцѣнкѣ все фактическія условія и все крупныя государственныя и хозяйственныя ученія даннаго времени, не останавливаясь спеціально ни на одномъ условіи и ни на одномъ ученіи. Трудно быть одинаково компетентнымъ и внимательнымъ по всемъ затронутымъ вопросамъ, и въ оправданіе попытки приходится съ удареніемъ ссылаться на важность общихъ обзоровъ наравнѣ съ спеціальными изслѣдованіями. Пользуясь, съ своей стороны, правомъ обозрѣвателя, я теперь же замѣчу, что, на мой взглядъ, главная заслуга г. Ковалевскаго—въ его обработкѣ политическихъ и хозяйственныхъ теорій (части III и IV), обращавшихся въ французской публикѣ конца прошлаго вѣка. Особенно замѣчательными представляются намъ отдѣлы, въ которыхъ авторъ разсматриваетъ вліяніе, оказанное фізіократами, а также глава объ англоманахъ и американо-финахъ. Если нѣкоторыя мнѣнія автора вызовутъ возраженія и ограниченія, то въ общемъ эти отдѣлы даютъ самыя цѣнныя указанія для объясненія революціоннаго законодательства и политики. Первые части книги, посвященныя фактическому состоянію Франціи и его оцѣнкѣ у современниковъ, кажутся намъ значительно слабѣе. Автору приходится какъ разъ здѣсь касаться вопросовъ, много разъ обсуждавшихся въ историографіи, и для того, чтобы двинуть впередъ изученіе предмета, необходимы не столько общія характеристики, сколько точныя спеціальныя изслѣдованія.

Главнымъ матеріаломъ для первой книги, озаглавленной *Общественный строй Франціи въ концѣ XVIII вѣка*, было собраніе наказовъ, составленныхъ въ 1789 году для депутатовъ генеральныхъ штатовъ. Эти наказы всегда будутъ служить драгоценнымъ источникомъ для изучающихъ настроеніе французскаго общества, стремленія его различныхъ классовъ, отчасти фактическое положеніе ихъ. Но давно замѣчено, что къ свидѣтельствамъ наказовъ надо относиться осторожно, и что первый шагъ къ ихъ изученію долженъ состоять въ историко-критическомъ изслѣдованіи ихъ способовъ составленія, освѣдомленности и безпристрастія **). Указано было не разъ въ литературѣ, что въ наказахъ деревенскихъ округовъ, наприм., мы имѣемъ мнѣнія не столько крестьянскаго населенія, сколько адвокатовъ и горожанъ, редактировавшихъ эти наказы. Затѣмъ, главное содержаніе

*) *Карѣвъ*: „Крестьяне и крестьянскій вопросъ въ послѣдней четверти XVIII столѣтія“.

***) Въ русской литературѣ этотъ вопросъ поставленъ въ актовомъ рѣчи проф. В. И. Герье (*Отчетъ Моск. унив. за 1884 г.*).

всѣхъ наказовъ составляютъ жалобы, требованія и проекты; если пользоваться ими для возстановленія фактической картины, то необходимо провѣрить ихъ показанія съ помощью другихъ документовъ, составленныхъ при болѣе нормальной обстановкѣ и ради болѣе объективнаго изображенія фактовъ. Такіе документы можно найти въ архивахъ Франціи «Старога порядка»; въ нихъ сохранились кипы статистическихъ обзоровъ, административныхъ переписокъ, юридическихъ актовъ. Изученіе этого матеріала требуетъ специальныхъ изысканій, но замѣнить его горячими обвиненіями и краснорѣчивыми жалобами наказовъ невозможно. Между тѣмъ, нашъ авторъ не имѣлъ въ виду предпринимать обширнаго изслѣдованія по архивнымъ даннымъ и привлекъ для поясненія наказовъ лишь наиболѣе доступныя свидѣтельства современниковъ. При этихъ условіяхъ можно было лишь поставить вопросы, но не разрѣшить ихъ.

Крайне важнымъ и любопытнымъ представляется, напримѣръ, вопросъ о распредѣленіи земельной собственности передъ революціей. Токвиль обратилъ на него вниманіе и пришелъ къ заключенію, что уже до революціи и революціонныхъ конфискацій существовалъ во Франціи многочисленный классъ крестьянъ-собственниковъ, и что имъ принадлежала значительная часть всей территоріи. Нѣтъ надобности распространяться о важности этого вывода. Токвиль видитъ въ настроеніи крестьянъ-собственниковъ одинъ изъ главныхъ факторовъ революціоннаго движенія: этотъ классъ, который при извѣстныхъ условіяхъ могъ стать главнымъ оплотомъ консерватизма, былъ опутанъ всевозможными, болѣе или менѣе тягостными повинностями и потому относился крайне враждебно къ «Старому порядку». Выводъ Токвиля интересенъ и въ другомъ смыслѣ, поскольку онъ ставитъ вопросъ о причинахъ глубокаго различія между Англійей и Франціей, изъ которыхъ первая пришла къ господству крупной собственности, а другая выработала, помимо революціонныхъ конфискацій, собственность мелкую. Токвиль, по обыкновенію, не указалъ подробно основаній, по которымъ онъ пришелъ къ своему заключенію, хотя онъ при этомъ опирался на архивный матеріалъ, а не на одни заявленія Артура Юнга. Нѣкоторымъ изъ позднѣйшихъ изслѣдователей его характеристика показалась недоказанной и невѣрной. У насъ въ Россіи высказался противъ нея проф. Карѣевъ, во Франціи ее оспаривалъ Шерестъ. Отношеніе М. М. Бовалевскаго къ данному вопросу не вездѣ выдержано съ послѣдовательностью: сначала отъ какъ будто не соглашается съ противниками Токвиля (стр. 28), но затѣмъ все болѣе и болѣе склоняется къ мнѣнію, что мелкая собственность была не особенно распространена, и что недоразумѣніе произошло вслѣдствіе смѣшенія между формами собственности и долгосрочной аренды (стр. 40). Окончательное рѣшеніе вопроса можетъ быть достигнуто только путемъ архивныхъ изслѣдованій, и пріятно отмѣтить, что начало въ этомъ направленіи положено опять-таки русскимъ ученымъ — проф. И. В. Луцицкимъ. Онъ ближайшимъ образомъ изучилъ положеніе дѣлъ въ трехъ департаментахъ, расположенныхъ въ различныхъ частяхъ Франціи, и уже это разслѣдованіе

въ сильной степени подтвердило выводъ Токвиля *). Надо надѣяться, что предпринятая съ такимъ успѣхомъ работа будетъ поведена далѣе по тому же, единственно правильному, пути.

Положеніе, занятое М. М. Бовалевскимъ въ этомъ вопросѣ, стоитъ въ связи съ его общимъ взглядомъ на свойства социальныхъ противоположностей дореволюціонной эпохи. Онъ думаетъ, что въ XVIII вѣкѣ борьба шла не столько изъ-за повинностей, отягощавшихъ мелкое землевладѣніе, сколько изъ-за «экспроприаціи массы» плутократіей, которая прикрывалась дворянскими привилегіями. Съ одной стороны, онъ настаиваетъ на ломкѣ тѣхъ условій «Старого порядка», которыя ограничивали крупное землевладѣніе, на захватъ общинныхъ угодій помѣщиками, на ихъ стремленіи завести фермерское хозяйство и т. п. Съ другой стороны, онъ съ удареніемъ указываетъ на наплывъ въ ряды дворянства новыхъ людей, приобрѣвшихъ дворянское достоинство службою или покупкою. Выходитъ, что и во Франціи распаденіе феодальнаго строя имѣло своимъ послѣдствіемъ великій социальный кризисъ, подобный тому, который совершился въ Англіи. Мелкимъ владѣльцамъ грозила гибель и тѣснило ихъ не только родовитое дворянство, но всякаго рода привилегированные изъ новыхъ людей. Процессъ, совершившійся въ Англіи въ XVI вѣкѣ, можно наблюдать во Франціи двумя вѣками позднѣе, а дальнѣйшее развитіе его было приостановлено революціей. Общая комбинація, которой придерживается нашъ авторъ, во всякомъ случаѣ, выдвигаетъ и подчеркиваетъ нѣкоторые факты, которымъ до сихъ поръ придавалось мало значенія: перерожденіе дворянства подъ вліяніемъ наплыва разночинцевъ, усиленіе плутократическихъ элементовъ и свойствъ на счетъ аристократическихъ, наступательное движеніе привилегированной плутократіи, направленное къ болѣе полной эксплуатаціи низшихъ классовъ. Тѣмъ не менѣе, нельзя терять изъ вида, что отъ наступательнаго движенія привилегированныхъ до экспроприаціи крестьянъ на англійскій ладъ очень далеко. За мелкую собственность ратовалъ во Франціи цѣлый рядъ могущественныхъ экономическихъ и бытовыхъ условій: сельско-хозяйственное значеніе культуръ, требующихъ личнаго вниманія хозяевъ (винодѣліе, разведеніе оливковыхъ деревьевъ, плодоводство), приемы южно-европейскаго земледѣлія, которое еще съ римскихъ временъ отличалось интенсивнымъ приложеніемъ труда и личной заботливости и слабымъ приложеніемъ капитала, незначительное развитіе скотоводства и, въ особенности, овцеводства, второстепенное значеніе обрабатывающей промышленности, отсутствіе сильной эмиграціи, дробленіе имѣній въ аристократической средѣ. Въ данномъ случаѣ мы можемъ лишь намѣтить въ общихъ чертахъ тѣ отличія, которыя особенно рѣзко бросаются въ глаза. Опредѣлить относительное значеніе всѣхъ этихъ факторовъ не легко и едва ли пришло время подвести итоги. Въ этомъ направленіи еще открыто поле для специальныхъ изслѣдованій.

*) *Вопросъ о крестьянской поземельной собственности во Франціи до революціи.* Въ *Кіевскихъ Университетскихъ Известіяхъ* за 1894 годъ.

Послѣ очерка цехового устройства, въ которомъ указаны какъ благодѣтельное значеніе этой организаціи въ средніе вѣка, такъ и вырожденіе ея, нашъ авторъ переходитъ къ характеристикѣ политическаго строя Франціи, какимъ онъ представлялся французамъ XVIII вѣка. Сначала онъ отмѣчаетъ два противоположныхъ взгляда, которыхъ придерживались относительно «неписанной французской конституціи» служители королевской власти и представители аристократическихъ вольностей. Хранитель печати Ламуаньонъ заявлялъ, наприм.: «Признанные націей принципы французской монархіи исчерпываются положеніемъ: одному королю принадлежить верховная власть въ государствѣ... Нація сама находитъ выгоду въ томъ, чтобы права ея главы не подвергались никакимъ измѣненіямъ. Король является верховною главой и составляетъ одно съ націей: законодательная власть поκειται въ немъ одномъ, безъ всякой зависимости и раздѣла» (стр. 263, 264). Съ другой стороны, президентъ *Cour des aides* Мальзербъ противопоставлялъ всемогуществу короля права судебныхъ корпорацій: «Разъ въ государствѣ существуютъ исконные, всѣми уважаемые законы, служащіе уздою для власти и мѣшающіе ея злоупотребленіямъ, мы не станемъ задаваться вопросомъ, можетъ ли король отмѣнить ихъ; мы скажемъ только: онъ не долженъ этого дѣлать. Если существуетъ во Франціи законъ, признаваемый священнымъ, то это, несомнѣнно, тотъ, которымъ обезпечена свобода регистраціи эдиктовъ: отъ этой свободы зависятъ всѣ другія. Ваши министры, государь, не рѣшатся утверждать, чтобы во Франціи не было, какъ и во всѣхъ монархіяхъ, ненарушимыхъ правъ, признаваемыхъ за всю націю» (стр. 256). И нельзя не согласиться съ авторомъ, что «гораздо ранѣе формальнаго усвоенія англійскаго ученія о различіи между королемъ и правительствомъ французы, благодаря практикѣ высшихъ судовъ и въ частности парижскаго парламента, сумѣли примирить обязанности безпрекословнаго повиновенія королю съ попытками общественаго протеста противъ ошибочно направляющихъ его политику министровъ» (стр. 305).

Живую силой, которая приводила въ движеніе этотъ механизмъ политическихъ тормазовъ, было разнородное по составу сословіе привилегированныхъ, охватывавшее какъ родовитую аристократію и судебное дворянство, такъ и классъ облагороженныхъ. Эти социальныя особенности придавали оппозиціи своеобразный характеръ. Во-первыхъ, отъ нея было трудно отдѣлаться, потому что она держалась на той почвѣ историческаго права, въ которой коренилась сама монархія. Во-вторыхъ, она выставляла узко-сословную программу и, несмотря на рѣзкую критику дѣйствій правительства, несмотря на смѣлую борьбу съ нимъ, была совершенно неспособна подсказать и провести необходимыя національныя реформы.

На границѣ между спорящими сторонами образуется группа дѣятелей, которые не безъ успѣха пытаются воспользоваться здоровыми элементами королевской и дворянской программъ для того, чтобы послужить націи и предотвратить насильственный переворотъ. Лучшими представителями

этой группы являются д'Аржансонъ и Тюрго. Они во многихъ отношеніяхъ держались совершенно различныхъ взглядовъ, но оба мечтали о «королевской демократіи» и думали поддержать ее развитіемъ земскихъ учреждений. Монархія должна отказаться отъ привычки руководить всѣми дѣлами черезъ своихъ чиновниковъ. Она должна окружить себя «муниципалитетами», въ которыхъ выражалось бы общественное мнѣніе. По мысли Тюрго, муниципалитеты должны быть всесловны, но его фізіократическая точка зрѣнія побуждаетъ его открыть доступъ къ самоуправленію однимъ землевладельцамъ. Эти взгляды и проекты заслуживаютъ, безъ сомнѣнія, особеннаго вниманія какъ по развитой въ нихъ идее королевской демократіи, такъ и по практическому вліянію, которое они оказали на провинціальныя реформы Неккера и Калонна, а посредственно на преобразование мѣстнаго управленія, совершенное учредительнымъ собраніемъ.

Чрезвычайно интересны главы разсматриваемой книги, посвященныя фізіократіи и ея вліянію на хозяйство, право и политику. Пересматривая общественные вопросы, которыми занимались фізіократы, г. Ковалевскій постоянно сопоставляетъ взгляды этой школы съ воззрѣніями другихъ направлений, и эти сопоставленія даютъ матеріалъ для весьма любопытныхъ выводовъ. Авторъ, прежде всего, указываетъ на то, что фізіократическія доктрины возникли подъ могущественнымъ воззрѣніемъ исторической обстановки: по самымъ существеннымъ пунктамъ онѣ установились въ результатѣ критики «Старого порядка». Знаменитая теорія о *produit net*, напимѣръ, должна быть объяснена не только изъ отвлеченныхъ посылокъ, но также изъ реакціи противъ стѣсненій и искусственныхъ условій, которыми меркантилизмъ и протекціонизмъ обставили хозяйственную жизнь Франціи. «Большинство сеньеріальныхъ и церковныхъ поборовъ падало всѣмъ своимъ бременемъ не на чистый, а на валовой доходъ,—легко понять послѣ этого, почему, вмѣстѣ съ подъемомъ сельскаго хозяйства и развитіемъ фермерства, забота объ изъятіи валового дохода отъ обложенія и о подчиненіи ему одного *produit net* съ самаго начала сдѣлалось центромъ того новаго ученія, родоначальникомъ котораго былъ Кенэ. Съ другой стороны, изучая податную систему старой Франціи, въ которой налоги на потребление играли главную роль... и трудящійся людъ, обложенный наравнѣ съ дворянствомъ и духовенствомъ подушною податью и подоходнымъ налогомъ, въ то же время, одинъ былъ призванъ къ уплатѣ земельного,—мы вполне объясняемъ себѣ источникъ того коренного ученія фізіократовъ, по которому единственнымъ предметомъ обложенія долженъ быть чистый доходъ, полученный собственникомъ,—другими словами, рента» (стр. 339, 340).

Поставивъ развитіе фізіократизма въ связь съ критикой французской дѣйствительности, нашъ авторъ переходитъ къ вопросу о томъ, насколько уже въ XVIII вѣкѣ подготовлялись воззрѣнія современнаго социализма. По его мнѣнію, было бы крупною ошибкой отыскивать социалистическую или даже коммунистическую программу у революціонныхъ теоретиковъ. Большая часть людей, писавшихъ тогда о хозяйствѣ и обществѣ, придерживалась взгляда,

что между общественными классами существует естественная гармония интересов и лишь весьма немногие были так смѣлы, какъ Lingnet, который сравнивалъ положеніе французскихъ рабочихъ съ древнимъ рабствомъ и, въ то же время, признавалъ существованіе этого рабства социальную необходимостью. По мнѣнію г. Ковалевскаго, ни Руссо, ни Мабли, ни Марать, ни даже Бабёфъ не считали возможнымъ и желательнымъ уничтоженіе собственности или полнаго общенія имуществъ; всѣ они проводили рѣзкую границу между естественнымъ состояніемъ, къ которому никоимъ образомъ невозможно вернуться, и современнымъ обществомъ, въ которомъ собственность такъ или иначе укоренилась. Читателямъ, вѣроятно, покажется, что въ данномъ случаѣ авторъ придаетъ слишкомъ много значенія отдѣльнымъ оговоркамъ и ограниченіямъ, которыя дѣлались иногда послѣ разсужденій, послѣдовательно приводившихъ къ коммунизму: Бабёфъ, наприм., счелъ необходимымъ настаивать на этихъ оговоркахъ, когда ему пришлось оправдываться передъ судомъ. Общій смыслъ фантазій о естественномъ состояніи у Руссо и Мабли, коммунистической пропаганды Бабёфа или бѣшеной ненависти Марата къ «аристократамъ»-собственникамъ достаточно ясенъ, да и странно было бы, если бы та «*specca dei roveri contra i ricchi*», о которой говоритъ венеціанская реляція, приведенная г. Ковалевскимъ, не отразилась бы въ трактатахъ и памфлетахъ. Именно съ точки зрѣнія постоянного взаимодействія между дѣйствительностью и доктринами приходится сопоставить уродливыя имущественныя отношенія «Старого порядка» и страстныя нападки на частную собственность.

Намъ, впрочемъ, кажется, что г. Ковалевскій только преувеличилъ наблюденіе, вѣрное въ основѣ. Несомнѣнно, во-первыхъ, что революціонеры обращали главное вниманіе не на хозяйственное расчлененіе общества, а на противоположности политическія; во-вторыхъ, что *partia reformi* далеко не такъ отрицательно относилась къ воздѣйствію государства на отношенія частнаго хозяйства и частной собственности, какъ это дѣлаютъ современные либералы.

М. М. Ковалевскій постоянно возвращается къ мысли, что главный родоначальникъ индивидуалистическаго либерализма, Локкъ, первый указалъ какъ на происхожденіе собственности изъ труда, такъ и на ограниченія ея, вытекающія изъ потребностей ближняго. Если земли вдоволь, то пусть каждый пріобрѣтаетъ ее, насколько хватитъ его силъ,—отъ этого не пострадаютъ сосѣди. Отъ такого положенія не трудно перейти и къ противоположному: если земли ограниченное количество, то приложеніе труда обладаніе каждымъ должны сообразоваться съ потребностями сосѣдей. Подобно Руссо и Мабли, Локкъ сдѣлалъ оговорки, чтобы не ссориться съ обществомъ; онъ считаетъ, что общія начала, изъ которыхъ вытекаетъ собственность, значительно видоизмѣнены общественными договорами. Э добавочныя ограниченія едва ли отнимаютъ, однако, силу у исходныхъ положеній и нельзя отрицать, что либеральная школа XVIII в. съ сама

возникновенія своего была расположена къ ограниченію частно-владѣльческихъ правъ.

Другимъ характернымъ признакомъ въ томъ же направленіи было признаніе со стороны передовыхъ государственныхъ дѣятелей XVIII вѣка «права на трудъ». Уже у Монтескьё (кн. XXIII, гл. 29) мы находимъ слѣдующее мѣсто: «Раздача милостыни не исчерпываетъ обязанностей государства по отношенію къ немущимъ. Оно должно обезпечить гражданамъ пищу, приличную одежду и такую житейскую обстановку, которая не противорѣчила бы требованіямъ здоровья. Человѣкъ впадаетъ въ нищету не потому, что у него нѣтъ собственности, а потому, что у него нѣтъ работы... Трудно допустить, чтобы всѣ вѣтви народной промышленности процвѣтали въ равной мѣрѣ, чтобы ни одна изъ нихъ не терпѣла временнаго застоя и не ставила служащихъ въ ней въ нужду. На государство падаетъ обязанность спѣшить имъ на помощь, частью для предупрежденія народнаго бѣдствія, частью для устраненія повода къ возстанію» (стр. 364). Тюрго былъ проникнутъ мыслью о необходимости государственной благотворительности, и, притомъ, не въ видѣ подачекъ, которыя сдѣлали бы «положеніе дѣтяя предпочтительнѣе положенія того, кто зарабатываетъ жизнь трудомъ». Онъ рекомендовалъ устройство общественныхъ работъ и на практикѣ испробовалъ его въ бытность интендантомъ Лимузена, во время неурожая 1769 года, а въ 1775 году склонилъ правительство къ устройству «приказовъ общественнаго призрѣнія», причемъ предполагалось, прежде всего, помогать немущимъ доставленіемъ имъ труда. Не мудрено, что въ наказахъ мы часто встрѣчаемъ заявленія о необходимости для государства доставлять бѣднымъ работу.

Одинъ пунктъ фізіократической программы оказался особенно существеннымъ для революціоннаго пересмотра имущественныхъ отношеній — враждебность фізіократовъ ко всякаго рода корпораціямъ. Въ *Энциклопедіи* была помѣщена статья Тюрго подъ словомъ *Fondation*. Въ ней впервые провозглашалось право гражданской власти «располагать фондами, издревле пріуроченными къ извѣстнымъ церковнымъ или благотворительнымъ цѣлямъ, измѣнять назначеніе этихъ фондовъ и даже совершенно упразднить ихъ». «Общественная польза,—писалъ Тюрго,—есть высшій законъ, противъ котораго нельзя привести ни первоначальнаго намѣренія тѣхъ, кто создалъ эти фонды, ни опасенія задѣтъ мнимыя права корпорацій. Частныя лица, подчасъ невѣжественныя или ограниченныя, не могутъ связывать своими капризными мнѣніями грядущихъ поколѣній. У корпораціи нѣтъ никакихъ правъ по отношенію къ государству. Эти права принадлежатъ индивидуамъ, такъ какъ они существуютъ независимо отъ государственнаго общества и служатъ для него составными элементами. Государство должно охранять ихъ свободу и собственность. Другое дѣло—корпораціи: онѣ не имѣютъ жизни сами по себѣ и въ собственныхъ интересахъ; онѣ созданы обществомъ и въ интересахъ общества; онѣ должны поэтому прекратить свое существованіе, какъ скоро перестанутъ быть по-

лезными. Ни одно дѣяніе рукъ человѣческихъ не создано для безсмертія. Постоянно умножаемыя подъ вліяніемъ тщеславія, корпораціи поглотили бы, въ концѣ-концовъ, всѣ фонды, всякую частную собственность. Необходимо поэтому имѣть возможность ихъ уничтожить». И Тюрго иллюстрируетъ свою мысль, говоря: «если бы всѣ и каждый изъ жившихъ имѣлъ свою могилу, скоро не нашлось бы земли для обработки» (стр. 379, 380). Не трудно видѣть, насколько эти взгляды готовятъ почву для секуляризаціи церковныхъ имуществъ. Надо прибавить, что мыслители, ратовавшіе съ такою горячностью противъ корпорацій и ихъ собственности, совершенно не сознавали, насколько ихъ нападенія подрываютъ юридическія и историческія основы всѣхъ другихъ видовъ собственности (стр. 382).

Мнѣнія фізіократовъ по сельско-хозяйственнымъ вопросамъ, торговой политикѣ и крестьянской реформѣ хорошо извѣстны, и нѣтъ надобности останавливаться на нихъ въ настоящей статьѣ; отмѣтимъ только интересныя страницы разбираемой книги, посвященныя торговому трактату 1786 года съ Англіей и оцѣнкѣ его невыгодныхъ послѣдствій для французской промышленности. Относительно хлѣбной торговли авторъ близко придерживается цѣннаго изслѣдованія г. Аванасьева *).

Въ главахъ объ англоманствѣ и американофильствѣ едва ли можно согласиться съ попыткой М. М. Ковалевскаго свести до *minimum*'а отличія между политическими теоріями Монтескьё и Руссо. Попытка эта, вѣроятно, вызвана тѣмъ, что первое поколѣніе революціонныхъ дѣятелей, люди 1789 года, пользовались положеніями какъ того, такъ и другого писателя. Во всякомъ случаѣ, фундаментальное различіе между теоріями раздѣленія властей и безусловнаго народнаго верховенства не устраняется мѣстами, вроде того, которое приведено изъ *Общественнаго договора* на стр. 615. Руссо, конечно, не смѣшивалъ правительства съ верховною властью, но въ первомъ онъ видитъ подчиненнаго исполнителя народной воли, а не самостоятельную исполнительную власть. Правильнѣе, быть можетъ, обойти контрастъ между Монтескьё и Руссо съ другого конца — со стороны Монтескьё. Въ самомъ дѣлѣ, для послѣдняго порядокъ раздѣленія властей не безусловно лучший, а лишь наиболѣе подходящий къ современнымъ условіямъ. Въ республикѣ, построенной на доблести, Монтескьё также предполагалъ не раздѣленіе властей, а народный абсолютизмъ, но онъ не считалъ нужнымъ подробно развѣивать вытекающія отсюда положенія, потому что въ его глазахъ они не имѣли значенія для современнаго ему общества.

Показавъ, насколько заблуждались французы относительно сущности англійской конституціи и насколько эти заблужденія раздѣлялись сами англичанами, авторъ останавливается на теоріи о раздѣленіи властей, которая представляетъ связующее звено между воображаемою англійскою конституціей и дѣйствительною американскою. Этюдъ о вліяніи американски

*) *Аванасьева*: „Условія хлѣбной торговли во Франціи“.

образцовъ и отношенія американскихъ государственныхъ людей къ зарождавшейся французской свободѣ тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что, какъ это ни странно, до сихъ поръ американское вліяніе находилось въ какомъ-то пренебреженіи у изслѣдователей. Между тѣмъ, хотя бы отношеніе Лафайетта къ лѣвой сторонѣ учредительнаго собранія и конституціи 1791 года должно было побудить ученыхъ пристальнѣе заняться этимъ вопросомъ. Самое положеніе, предоставленное въ этой конституціи королю, едва ли объясняется однимъ недовѣріемъ къ монарху и двору: помимо того замѣтно желаніе законодателей поставить французскую монархію въ условія, напоминающія роль президента Соединенныхъ Штатовъ.

Нельзя также не согласиться съ авторомъ, что главная причина неуспѣха учредительнаго собранія въ его попыткѣ создать «королевскую демократію» заключалась не столько въ постановкѣ учреждений и властей, сколько въ свойствѣ задачъ, которыя пришлось разрѣшать этимъ учреждениямъ и властямъ. Собраніе и большинство Франціи желали *королевской демократіи*, король по всему складу своего характера вполне годился для повседневной роли конституціоннаго монарха, первоначальные недостатки государственнаго строя могли быть исправлены впоследствии, подобно тому, какъ громадные недостатки первоначальной федераціи Сѣверо-Американскихъ Штатовъ были исправлены послѣ непродолжительнаго опыта конституціонной конвенціей. Но Франціи не удалось выйти на путь такихъ легальныхъ улучшеній, потому что въ первые же дни свободы началась ожесточенная борьба съ церковью и дворянствомъ, какъ представителями стараго общественнаго строя. Секуляризація церковной недвижимости, гражданское устройство церкви, законы противъ эмигрантовъ дали непосредственные поводы къ столкновенію между королемъ и революціей, и это знаменательно. Въ этихъ спорахъ высказались социальныя противоположности, имѣвшія большее вліяніе на ходъ событій, чѣмъ неудачная редакція тѣхъ или другихъ статей конституціи.

Отдѣльныя замѣчанія, представленныя въ настоящей статьѣ, могутъ лишь свидѣтельствовать о вниманіи и интересѣ, съ которыми была прочтена нами замѣчательная книга М. М. Ковалевскаго.

Павель Виноградовъ.

Правительствующая олигархія послѣ Петра Великаго *).

VIII.

Въ предъидущемъ очеркѣ мы сдѣлали характеристику верховнаго тайнаго совѣта, какъ учрежденія *политическаго*, и указали на его отношеніе къ носителямъ верховной власти изучаемой эпохи. Переходя теперь къ обзору его дѣятельности въ области законодательной, административной и судебной, замѣтимъ, что въ краткомъ очеркѣ, какъ нашъ, невозможно коснуться всесторонне этой дѣятельности,—такъ всеобъемлюща она была съ одной стороны, такъ иногда мелки и незамѣтны были ея особенности—съ другой. Совѣтъ законодательствовалъ и правилъ страню, какъ верховное учрежденіе, являлся ея высшимъ судебнымъ трибуналомъ. Въ этомъ своеобразномъ комитетѣ министровъ временно сосредоточивались всѣ нити тогдашняго административнаго механизма: совѣтъ, чтобы проявить свое *политическое* всемогущество, не пренебрегалъ ничѣмъ, одинаково интересуясь и важными, и неважными дѣлами управленія, разъ на рѣшенія ихъ могло такъ или иначе проявиться его значеніе. Правда, по «мнѣнію не въ указъ», о которомъ мы уже говорили выше, совѣту принадлежать лишь «дѣла вящей важности», или тѣ, «которыя собственному ея императорскаго величества рѣшенію подлежатъ», однако, то и другое опредѣленіе круга вѣдомства совѣта оставляло много простора для толкованій, особенно при желаніи возможно болѣе распространить свое воздѣйствіе на все. Конечно, кругъ вѣдомства совѣта находилъ себѣ естественную преграду въ кругѣ вѣдомства другихъ учреждений имперіи, тѣмъ болѣе, что первоначально самъ совѣтъ утверждалъ (въ томъ же «мнѣніи»), что «какъ сенатъ, такъ и всѣ прочія коллегіи по обыкновенному до сего времени учрежденію и подчиненію въ совершенномъ такомъ дѣйствіи и власти оставлены быть имѣютъ т.-е., иначе говоря, ихъ компетенція останется неизмѣнною. Но это быль лишь фраза, и совѣтъ нисколько не стѣснялся, по своему произволу, и

*) *Русская Мысль* 1894 г., кн. I, VIII.

рать этою компетенціей учрежденій, сосредоточивая въ себѣ рѣшеніе тѣхъ или иныхъ дѣлъ даже тогда, когда они принадлежали къ кругу вѣдомства другого учрежденія. Особенно ярко сказанное подтверждается на отношеніяхъ совѣта къ сенату, о чемъ мы еще будемъ говорить особо.

Обращаясь теперь, прежде всего, къ *законодательной* дѣятельности совѣта, мы на первомъ планѣ, по важности и обилію, должны поставить узаконенія, относящіяся къ переустройству центральныхъ и мѣстныхъ учреждений. Частью это переустройство было предпринято совѣтомъ въ виду необходимости опредѣлять отношеніе существующихъ учреждений къ его собственной «персонѣ», а затѣмъ и другъ къ другу; частью совѣтомъ руководило желаніе упростить эти учрежденія, сократить ихъ штаты, чтобы облегчить государственное казначейство; но многое здѣсь дѣлалось подъ вліяніемъ личныхъ и часто случайныхъ соображеній, безъ всякаго плана и системы, такъ какъ совѣтъ твердо и неуклонно проводилъ въ своей дѣятельности лишь одну идею, — идею собственнаго верховенства, — мало, въ цѣломъ, заботясь объ усовершенствованіи государственнаго механизма. Не касаясь подробностей законодательной дѣятельности совѣта, отмѣтимъ нѣсколько ея общихъ результатовъ. Какъ извѣстно, однимъ изъ главныхъ основаній петровской реформы было такъ называемое *коллегіальное* начало управления. «Птенцы гнѣзда Петрова», которымъ пришлось послѣ него править государствомъ, не могли, однако, весьма скоро не замѣтить, что начало это на практикѣ даетъ совѣтѣмъ не тѣ результаты, какіе отъ него ожидались. Въ журналѣ совѣта отъ 15 іюня 1726 г. записано, напримѣръ, что въ совѣтѣ «разсужденіе было о *множественномъ* числѣ въ коллегіяхъ членовъ, отчего въ жалованьѣ происходитъ напрасный убытокъ, а въ *оплацѣ успѣху не бываетъ*», почему и предположено было сдѣлать докладъ императрицѣ объ убавкѣ членовъ коллегій до 6 человекъ, причемъ надлежало быть одной половиной изъ нихъ въ С.-Петербургѣ при коллегіи, а другой въ домѣхъ своихъ, съ переменною погодю. Такимъ образомъ, составъ каждой коллегіи уменьшался почти *вдвое* (членовъ въ коллегіи нормально полагалось 10) и, благодаря принятой системѣ погодныхъ отпусковъ, сводится къ самому минимальному своему числу — 3-мъ членамъ. Позднѣе, совѣтъ, въ докладѣ своемъ Екатеринѣ, нѣсколько подробнѣе мотивируетъ свое рѣшеніе, во-первыхъ, необходимою упорядочить дѣлопроизводство коллегій, во-вторыхъ, значительнымъ сокращеніемъ расходовъ казны на жалованье членамъ и, наконецъ, въ-третьихъ, «пользою» для самихъ служащихъ, отпускаемыхъ въ деревни на долгіе сроки. Такъ, по расчету совѣта, убавка состава 5 штатскихъ коллегій, съ 10 до 6 членовъ въ каждой, даетъ казнѣ сокращеніе бюджета на 5,790 р.; отпускъ половины новаго нормальнаго состава въ деревни — 6,900 р., — сокращеніе, по тому времени, довольно значительное; при этомъ подобное сокращеніе должно было имѣть мѣсто и въ другихъ коллегіальныхъ учрежденіяхъ. Но, какъ указано самимъ совѣтомъ, не это сокращеніе расходовъ руководило имъ главнымъ образомъ въ столь рѣшительномъ уменьшеніи состава коллегій: совѣтъ, очевидно, не на-

ходила пользы въ многочисленности штата коллегій,—съ одной стороны, этимъ порождались «отъ многого разногласія въ дѣлахъ остановка и продолженіе», съ другой—тамъ, гдѣ этого разногласія не было, этотъ многочисленный штатъ коллегій лишь понапрасну обременялъ бюджетъ, такъ какъ всѣ члены коллегій «въ слушаніи дѣлъ *за едино ухо* почитаются», т.-е. пассивно относятся къ исполненію своихъ обязанностей (*Сб. И. Общ.*, т., LV стр. 459; ср. 363). Совѣтъ весьма близко стоялъ къ условіямъ тогдашней дѣйствительности и живо интересовался всѣми сторонами управленія; надо думать поэтому, что здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, принимая реформу, онъ лишь отмѣтилъ то, на что ему приходилось *постоянно* наталкиваться въ дѣятельности коллегій. Наблюденія совѣта надъ дѣятельностью коллегій подтверждались впоследствии и другими авторитетными лицами (напримѣръ, гр. Минихомъ, гр. Сперанскимъ и др.), которые передали потомству свои впечатлѣнія о недостаткахъ «коллежскаго» управленія почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ и совѣтъ въ указанномъ выше докладѣ. Но если наблюденіе было сдѣлано правильно, то едва ли средство противъ замѣченныхъ недостатковъ было указано вѣрно: совѣтъ не излечивалъ зла глубоко, не направлялся на изслѣдованіе его причинъ, а принималъ какую-то полумѣру, не рѣшаясь ни отказать прямо отъ принципа коллегіальности учреждений, ни отставать петровскую реформу въ цѣломъ. Такая полумѣра не могла имѣть будущности. Намъ придется еще, касаясь отдѣльно вопроса о преобразованіи сената, говорить болѣе подробно о дѣятельности совѣта въ реформѣ центральныхъ учреждений. Дѣлая здѣсь лишь ея *общую* оцѣнку, мы ограничимся пока только замѣчаніемъ, что нигдѣ такъ сильно не сказалось *политическое* значеніе совѣта, какъ въ этой реформѣ, и нигдѣ оно такъ не мѣшало *дѣловому* его значенію. Совѣтъ неуклонно и послѣдовательно заботился лишь объ одномъ,—объ укрѣпленіи и развитіи своего политическаго верховенства въ странѣ; въ остальномъ онъ дѣйствовалъ безъ всякаго плана, съ постоянными колебаніями и отступленіями въ сторону. Поэтому намъ представляется вполне вѣрнымъ замѣчаніе П. Н. Милюкова, что «осуществленное путемъ партійной борьбы, новое учрежденіе не только не упорядочило, но, можетъ быть, еще болѣе запутало отношенія между *центральными* учреждениями» (*Государственное хозяйство при Петрѣ Великомъ*, стр. 680), что, конечно, объяснялось тѣмъ, что одна задача не совпадала съ другой, разбивала силы и вниманіе.

Обратимся къ дѣятельности совѣта по переустройству *мѣстныхъ* учреждений. Извѣстны тѣ *основныя* начала, кои были заложены въ мѣстное новое управленіе Петромъ Великимъ и затѣмъ развиты Еватериною II *). Верховный тайный совѣтъ сильно поколебалъ эти начала: принципъ коллегіальности административнаго управленія и раздѣленіе вѣдомствъ, на рядъ

*) См. формулировку этихъ началъ петровской реформы мѣстныхъ учреждений въ моемъ изслѣдованіи: *О наказаніи по законодательству Петра Великаго, въ связи съ реформою*, стр. 28 и сл.

съ организаціей *особаго* управленія городовъ и привлеченіемъ *мѣстныхъ* общественныхъ силъ къ областнымъ правительственнымъ учрежденіямъ, потерѣли теперь почти полное крушеніе въ системѣ мѣстнаго управленія. Совѣтъ пытается отчасти вернуться къ областному управленію XVII в., отчасти оставляетъ кое-что изъ новаго. Замѣчательно, что и здѣсь его наблюденія надъ недостатками мѣстнаго управленія схвачены вѣрно, критика ихъ сильна и основана на знаніи дѣйствительности, но положительная сторона реформы, — *то*, что совѣтъ предлагалъ на смѣну прежняго, нисколько не исправляетъ этихъ недостатковъ, почему мѣстная реформа совѣта существовала весьма недолго, а петровскія начала, положенныя въ организацію мѣстныхъ учреждений, нашли затѣмъ вновь, при Екатеринѣ II, свое дальнѣйшее развитіе. Въ этомъ, несомнѣнно, лежитъ ихъ историческое оправданіе съ одной стороны и осужденіе недальновидной политики совѣта — съ другой. Какъ ни много было, наприм., правды въ словахъ указа Екатерины I, продиктованнаго ей совѣтомъ, что «умноженіе правителей и канцелярій» дорого обходится странѣ и служить «къ великой тягости народной» *) — это умноженіе, поскольку въ немъ выражался принципъ коллегиальности управленія и раздѣленія вѣдомствъ, когда-нибудь, при правильной постановкѣ дѣла, долженъ былъ найти себѣ примѣненіе въ жизни; возвращеніе къ дешевой (для государства, по крайней мѣрѣ) «сѣзжей избѣ» московскаго воеводы, гдѣ послѣдній и правилъ, и судилъ, и подати собиралъ и проч., было уже немислимо, что затѣмъ вскорѣ послѣ уничтоженія совѣта и сказалось. То же самое надо сказать и объ обращеніи къ мѣстнымъ силамъ дворянства и городского населенія: попытки этого, сдѣланныя при Петрѣ Великомъ и оставленныя при его ближайшихъ преемникахъ, возобновляются и вѣрнѣе въ своемъ значеніи и силѣ при Екатеринѣ II. Глубоковѣрными, на нашъ взглядъ, являются слова Ф. М. Дмитріева, что «областные учрежденія Петра не вынесли столкновенія съ жизнью, но, измѣняя ихъ, сообразно требованіямъ вѣка, правительство могло, однако, сохранить то, что въ нихъ приходилось по времени, — однообразіе, относительную простоту формъ. Оно этого не сдѣлало. Въ политическихъ смутахъ, начавшихся послѣ кончины Петра Великаго, затерялась основная мысль его преобразованій, и, дѣйствуя однѣми частными мѣрами, правительство до Екатерины II нечувствительно возвращалось къ преданіямъ XVII вѣка **).

Кромѣ переустройства центральныхъ и мѣстныхъ учреждений, — переустройства болѣею частью мало-удачнаго, — совѣтъ отдавалъ много вниманія дѣламъ финансовымъ и военнымъ. Уже въ извѣстномъ намъ «мнѣніи не въ указъ» совѣтъ отмѣтилъ, что «*новыя подати* или иныя какія новыя учрежденія имѣютъ быть опредѣлены въ верховномъ тайномъ совѣтѣ». И дѣйствительно, установленіе новыхъ податей и налоговъ, замѣна или

*) *Сб. Ист. Об.*, т. LV, стр. 411 и сл.; *Сборн. отд. русск. яз. и слов. Императ. академіи наукъ*, т. IX, стр. 93 и сл.; *П. С. Зап.*, т. VII, № 5017.

**) *Исторія судебныхъ инстанцій*, стр. 451 и сл.

отмѣна прежнихъ, равно какъ и вообще завѣдываніе дѣлами верховнаго финансоваго управленія и разрѣшеніе ихъ законодательнымъ порядкомъ составляли важную задачу дѣятельности совѣта. Не касаясь всѣхъ подробностей, замѣтимъ лишь, что совѣтъ особенно заботился, во-первыхъ, о томъ, чтобъ имѣть точныя и полныя свѣдѣнія о движеніи государственныхъ суммъ, а, во-вторыхъ, не допускалъ ихъ расходоваться безъ его указа (П. С. З., т. VII, №№ 4930, 4998). Именной указъ 15 іюля 1726 г., наприм., категорически требовалъ, чтобы «отъ сего времени какъ денегъ, такъ и товаровъ и другихъ вещей, *безъ* нашего указа, за собственноручнымъ нашимъ или *всего* верховнаго тайнаго совѣта подписаніемъ, кромѣ определенныхъ окладныхъ дачъ, ни на какіе *чрезвычайные* расходы отнюдь не отпускать» указъ 20 іюня слѣдующаго года запрещалъ выдачу денегъ безъ указа совѣта «за прошлый годъ» (ibid., № 5105). Сосредоточіе въ совѣтѣ всѣхъ свѣдѣній по приходу и расходу государственныхъ суммъ, контроль надъ тѣмъ и другимъ, а равно и разрѣшеніе финансовыхъ вопросовъ законодательнымъ порядкомъ, указами, прошедшими черезъ совѣтъ, съ одной стороны, придавало всѣмъ финансовымъ мѣропріятіямъ этого времени извѣстное единство, съ другой, конечно, сильно способствовало усилению *общаго* значенія самого учрежденія. Совѣтъ отлично понималъ это, почему и относился очень ревниво къ сохраненію своего верховенства въ данной сферѣ.

Въ близкой связи съ законодательною дѣятельностью совѣта въ области финансовъ стояла дѣятельность по развитію торговли и промышленности. Цѣлый рядъ указовъ по этому предмету, выработка обширныхъ уставовъ (какъ, наприм., вексельнаго, солянаго, пошлиннаго и пр.), развитіе почтовыхъ сношеній и пр.; наконецъ, образованіе при совѣтѣ особой «комиссія о купечествѣ» или «о коммерціи», отъ которой дошло до насъ не мало важныхъ предложеній, принятыхъ затѣмъ совѣтомъ, показываютъ ясно, что совѣтъ и здѣсь проявлялъ большую энергію, частью, впрочемъ, въ фискальныхъ цѣляхъ.

IX.

Ограничиваясь только указанными примѣрами законодательной дѣятельности совѣта, обратимся къ обзору его дѣятельности въ области верховнаго управленія. Какъ уже отмѣчено выше, кругъ вѣдомства совѣта въ данной области былъ весьма обширенъ и разнообразенъ. Указать кратко всѣ разнородныя дѣла, входившія въ совѣтъ, нѣтъ никакой возможности. Совѣтъ затѣмъ держитъ въ своихъ рукахъ всѣ нити верховнаго административнаго управленія, почему онъ такъ охотно жертвовалъ своимъ временемъ на обсужденіе и рѣшеніе какъ важныхъ, такъ и неважныхъ дѣлъ управленія, разъ только находилъ ихъ, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, достойными своего вниманія. Поэтому онъ то разсуждалъ о дѣланіи монеты «новымъ штепелемъ» или о принятіи «въ рентерею» (въ казначей-

ство) отписныхъ у Меншикова денегъ, то обсуждалъ вопросъ: «быть ли 7 мая (въ день вступленія на престолъ Петра II) какой предикъ» (т.-е. проповѣди), то приказывалъ «Вознесенскаго монастыря церкви крыть, а на ту кровлю деньги выдать изъ казны, взамятъ тѣхъ, которыя съ вотчинъ собираются», то разсуждалъ о томъ, наградить ли данное лицо за его службу орденомъ или деревнями, или рѣшалъ вопросъ о назначеніи на службу или увольненіи съ нея тѣхъ или иныхъ военныхъ или штатскихъ чиновъ *) и т. д. При общемъ обзорѣ всей этой административной дѣятельности совѣта бросается, прежде всего, въ глаза то обстоятельство, что совѣтъ отвѣчаетъ здѣсь, главнымъ образомъ, нуждамъ данной минуты, занимается тѣми дѣлами, какія требуютъ немедленнаго рѣшенія. Это, съ одной стороны, придаетъ дѣятельности совѣта очень живой и дѣятельный характеръ, а съ другой—заставляетъ его идти по теченію административной жизни и отдавать большую часть времени рѣшенію мелкихъ и обыденныхъ дѣлъ управленія. Несомнѣнно, что часть этихъ дѣлъ,—если бы совѣтъ не относился слишкомъ ревниво къ расширенію своей компетенціи,—безъ всякаго ущерба для интересовъ государства могла быть предоставлена вѣдѣнію другихъ учреждений, какъ св. синодъ, сенатъ и пр., тѣмъ болѣе, что они уже въ предъидущее царствованіе получили большой навыкъ къ разрѣшенію текущихъ нуждъ административнаго управленія и могли бы спокойно оставаться въ кругѣ ихъ прежняго вѣдомства.

Какъ указано выше, совѣтъ касался *всѣхъ* дѣлъ верховнаго управленія, почему передать въ полнотѣ *все* разнообразіе этой широкой правительственной дѣятельности совѣта нѣтъ никакой возможности; возможно, однако, уложить ее въ нѣсколько группъ, по отдѣльнымъ сферамъ верховнаго управленія, уже тогда достаточно ясно обозначенныхъ въ тѣхъ особыхъ учрежденіяхъ, которыя ихъ вѣдали и которыя всѣ теперь представляли свои «доношенія» совѣту, какъ учрежденію верховному.

Извѣстно, что уже при Петрѣ Великомъ, въ самой организаціи коллегій, ясно сказалось преобладающее значеніе для тогдашняго государства военныхъ, финансовыхъ и торговопромышленныхъ интересовъ,—ихъ защитой и постепеннымъ развитіемъ, въ томъ или иномъ направленіи, должно было заниматься большинство только что созданныхъ коллегій; самъ сенатъ, этотъ могущественный и чрезвычайно дѣятельный органъ верховнаго управленія при Петрѣ Великомъ, отдавалъ указаннымъ интересамъ едва ли не большую часть своего времени и энергіи. Совѣтъ не только принялъ на себя эту задачу своего предшественника, но, въ качествѣ учрежденія, стремившагося олицетворить въ себѣ верховную власть страны, развилъ ее еще болѣе; какъ указано выше, онъ законодательствовалъ въ данной области весьма энергично; но и помимо этого оставалось широкое поприще для его правительственной дѣятельности. Что касается, прежде всего, ея развитія въ сферѣ верховнаго финансоваго управленія, то совѣтъ, какъ

*) Сборн. Ист. Об., т. LXXIX, стр. 87, 257, 321, 468 и мн. др.

глава финансовых коллегий и сената, — поскольку последний вѣдалъ дѣла этого рода, — касался всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ приходомъ и расходомъ государственной казны — составленіе штатовъ, допущеніе сверхсѣт-ныхъ кредитовъ, выдача жалованья и т. п.; заботы о взысканіи недоимокъ; отсрочки и облегченія во взносѣ податей; наконецъ, ревизія финансовыхъ и иныхъ учреждений, вѣдавшихъ государственные приходы и расходы, — вотъ въ краткихъ чертахъ изображеніе круга правительственной дѣятельности совѣта въ данной области. Особенно чрезвычайные расходы обращали на себя вниманіе совѣта, почему всякій, даже незначительный, расходъ этого рода обсуждался и разрѣшался самимъ совѣтомъ; совѣтъ же разрѣшалъ, обыкновенно, такъ называемые «секретные» расходы. Что касается первыхъ, то укажемъ для примѣра на слѣдующія записи совѣтскихъ журналовъ: совѣтъ, напримѣръ, рѣшилъ нѣкоего «колодника Протопопова послать, ради смотрѣнія и находу влады, въ Курскъ, а потомъ — рудъ — въ Сибиря... а по дѣлу его въ бергъ-коллегію розыскивать, и *дать ему денегъ* и въ баню париться его отпустить»; или ему же повелѣно давать «кормовыхъ по гривнѣ въ день»; или, разрѣшая, напримѣръ, выдать прогоны на перевозку людей ссылаемаго Меншикова, онъ добавляетъ, что «буде кто изъ нихъ можетъ, ѣхаль бы на своихъ» и т. д. *).

Забываясь о приходѣ и расходѣ государственной казны, о развитіи торговли и промышленности, совѣтъ отдавалъ много времени устройству войска. Обсужденіе условій производства рекрутскихъ наборовъ, поимка бѣглыхъ рекрутовъ и матросовъ, размѣщеніе войска, выдача ему жалованья и заготовка провіанта, постройка вѣрностей и укрѣпленіе линій, назначеніе и смѣщеніе командующихъ отдѣльными частями войскъ составляли постоянно, — какъ и рядъ другихъ подобныхъ вопросовъ, — предметъ усиленныхъ занятій совѣта **), причѣмъ въ царствованіе Петра II, когда военная коллегія, послѣ паденія Меншикова, оставалась безъ президента, совѣтъ являлся по военнымъ дѣламъ верховнымъ учрежденіемъ, непосредственно сносящимся съ императорскою властью. На ряду съ заботою о внѣшней безопасности государственный совѣтъ принимаетъ мѣры къ безопасности внутренней, заботясь о прекращеніи разбоевъ, о поимкѣ воровъ, устройствѣ карантинновъ и т. п.

Какъ ясно уже изъ всего вышеприведеннаго обзора дѣятельности совѣта, послѣдній постепенно сосредоточивалъ въ себѣ, преимущественно, всѣ тѣ дѣла верховнаго управленія, въ коихъ, при обычномъ порядкѣ вещей у насъ, когда подлѣ государя не стоитъ учрежденія, подобнаго совѣту, «власть монарха дѣйствуетъ непосредственно», какъ выражаются наши основные законы. Таково, прежде всего, ея «дѣйствіе» во внѣшнихъ сношеніяхъ, въ заботахъ о войскѣ, въ верховномъ финансовомъ управле-

*) *Сб. И. Об.*, т. LXXIX, стр. 318, 397, 406, 419 и мн. др.

***) *Ibid.*, т. LV, стр. 100 сл.; 142 сл.; 174 сл.; т. LVI, стр. 108 сл.; т. LXIII, стр. 356 и др.

ніи и пр. Но ограничительныя тенденціи совѣта, его стремленіе захватить въ свои руки «власть управленія во всемъ ея пространствѣ» находятъ себѣ весьма яркое выраженіе еще въ длинномъ рядѣ дѣлъ, сосредоточенныхъ въ совѣтѣ. Таковы дѣла по назначенію на высшія должности, а равно и дѣла по увольненію изъ службы; таковы дѣла по пожалованіямъ чинами, орденами, имѣніями и пр. Что касается вопроса о назначеніи на высшія должности, то въ царствованіе Екатерины I совѣтъ, обыкновенно, представлялъ на утвержденіе императрицы своихъ кандидатовъ, изъ коихъ и дѣлались соответствующія назначенія (сенаторовъ, губернаторовъ, президентовъ коллегій и т. п.), хотя, впрочемъ, бывали случаи назначеній прямо по именному указу Екатерины (ib., т. LVI, стр. 568, 581 и др.). При Петрѣ II вѣдательство императора въ назначенія проявлялось еще рѣже: ему, конечно, также должны были представляться кандидаты для утвержденія, но это было, во-первыхъ, простою формальностью и, во-вторыхъ, не всегда могло и соблюдаться за частымъ отсутствіемъ государя изъ столицы. Вообще, въ это царствованіе все дѣло о назначеніяхъ сводилось къ рѣшенію самого совѣта или его отдѣльныхъ членовъ. Напримѣръ, въ записи отъ 13 мая 1727 г. читаемъ, что въ совѣтѣ «разсужденіе имѣли о прибавкѣ сенаторовъ»; затѣмъ написали кандидатовъ и положили совѣщаться о нихъ на другой день; въ записи же совѣта, приложенной къ журналу 14 мая, сказано, что «было положено при общемъ собраніи разсуждать», между прочимъ, «о прибавкѣ въ сенатъ членовъ *по росписи*»; рѣшено, наконецъ, «*быть по росписи всѣмъ и доложить о томъ ево императорскому величеству* (ib., т. LXXIX, стр. 331, 337); «докладные пункты» совѣта объ этомъ назначеніи были затѣмъ «высочайше утверждены». Или, напримѣръ, 6 сентября 1728 г. «отъ всѣхъ присутствовавшихъ подписанъ протоколъ о посылкѣ въ Польшу на приходящій гродненскій сеймъ, для предостереженія на ономъ его императорскаго величества интересовъ, камергера кн. Голицына, въ характерѣ полномочнаго министра, и о дачѣ ему для той посылки на экипажъ денегъ» (ib., т. LXXXIV, стр. 521). Здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, совѣтъ рѣшаетъ назначеніе, даже не докладывая о немъ государю (ср., напримѣръ, ib., т. LXXIX, стр. 259). Неудивительно поэтому, что когда, напримѣръ, въ засѣданіи 1 мая того же года къ генералъ-фельдмаршалу кн. М. М. Голицыну было послано извѣщеніе, что совѣтъ «назначилъ», при корпусѣ войскъ на царицынской линіи, «быть главнымъ командиромъ генералъ-лейтенанту Чекину, а на его мѣстѣ—кн. А. Шаховскому», причемъ «велѣно требовать у него, генерала-фельдмаршала, мнѣнія, оному быть ли?» То его сіятельство сказалъ, что *съ томъ воля ихъ, господъ министровъ* (ib., т. LXXXIV, стр. 319). Такъ смотрѣли на назначенія совѣта даже высшіе сановники, какъ генералъ-фельдмаршалъ кн. М. М. Голицынъ, который уже по своему рангу имѣлъ право голоса въ назначеніяхъ на военныя должности. То же, въ общемъ, надо сказать и о пожалованіяхъ чинами, орденами, имѣніями. Всѣ дѣла о нихъ сосредоточиваются въ совѣтѣ и создаютъ изъ него могущественное

учрежденіе, въ которому всё обращаются за милостями, всё ждутъ себя помощи. Поэтому, въ журналахъ совѣта постоянно читаемъ такія записи: «чтена челобитная Лопухинныхъ о возвращеніи имъ ихъ деревень»; или «Левашеву изъ Меншикова деревень прискаты до 200 дворовъ»; или «въ совѣтъ реэстръ слушанъ, дѣланый у барона Андрея Ивановича (Остермана) и отиѣчивано его рукою» (кого и какъ повысить) и т. п. Иногда эти пожалованія шли на утвержденіе носителей верховной власти, иногда сенатъ обходился безъ доклада о нихъ государю; при Петрѣ II пожалованія недвижимостями или подтвержденіе грамотъ на прежнія «дачи» дѣлаются, по преимуществу, указами совѣта, а не именными указами, какъ это, обычно, бывало при Екатеринѣ I *).

Х.

Переходимъ теперь къ краткому обзору дѣятельности совѣта въ судебной области. Какъ это само собою понятно, уже при самомъ своемъ основаніи совѣтъ долженъ былъ опредѣлить свою роль въ государствѣ, въ качествѣ *верховнаго* судебного учрежденія. Это и было сдѣлано совѣтомъ въ извѣстномъ намъ «мнѣніи не въ указъ», гдѣ было установлено, что «апелляцій» на сенатъ и «первыя» три коллегіи (военную, морскую и иностранную) должны подаваться императрицѣ и совѣту «къ вѣщшему разсмотрѣнію и разсужденію» о нихъ *въ послѣднемъ* **). Конечно, это опредѣленіе совершенно не обозначало всего объема судебной власти совѣта, хотя и довольно ясно подчеркивало *подчиненность* совѣту сената и трехъ первыхъ коллегій, что, впрочемъ, на первыхъ порахъ казалось достаточнымъ, такъ какъ остальное должно было опредѣляться потомъ, подъ влияніемъ текущихъ нуждъ управленія и развитія самого учрежденія. Обозрѣвая въ цѣломъ судебную дѣятельность совѣта, мы видимъ, что совѣтъ не былъ только высшею апелляціонною инстанціей. Такъ, одно время онъ долженъ былъ взять на себя ревизію приговоровъ разныхъ учреждений по преступленіямъ, которыя влекли за собою смертную казнь и такъ называемую «политическую смерть»; затѣмъ совѣтъ являлся *первою* инстанціей по дѣламъ политическимъ, нѣкоторымъ преступленіямъ по должности и т. п.; онъ разрѣшалъ окончательно вопросы о подсудности дѣлъ, переносы ихъ изъ одного суда въ другой и вообще всё вопросы о недоразумѣніяхъ, возникавшихъ при производствѣ слѣдствія или суда; далѣе, совѣтъ, въ качествѣ верховнаго учрежденія, развивалъ широко надзоръ за дѣйствіями судовъ и т. д.; къ нему, наконецъ, поступали челобитья о помилованіи, смягченіи наказаній и т. п. Вся эта обширная власть совѣта въ области суда частью естественно перешла къ нему отъ петровскаго сената, мѣсто котораго онъ занялъ теперь, частью развилась въ силу того положенія, ко-

*) Сб. И. Об., т. LXIX, стр. 576; т. LXXXIV, стр. 57; т. LXXIX, стр. 163 и друг.

**) Ib., т. LV, стр. 95 сл., п. 12.

торое постепенно получалъ совѣтъ, то дѣйствуя *рядомъ* съ верховною властью, то олицетворяя ее въ самомъ себѣ. Не касаясь здѣсь въхъ подробностей вопроса, остановимся на такъ называемыхъ «важныхъ» дѣлахъ, которыя поступали въ совѣтъ, какъ верховную судебную инстанцію. Указъ 24 мая 1727 г. къ дѣламъ «важнымъ» относитъ дѣла по такъ называемымъ «первымъ тремъ пунктамъ» («*первое*, ежели кто за кѣмъ злое умышленіе на здоровье его императорскаго величества, *второе* объ измѣнѣ, *третье* о возмущеніи или бунтѣ» (П. С. З., т. VII, № 5078), т.-е. тѣ дѣла, которыя въ другихъ указахъ сливаются въ «два первыхъ пункта» и подъ которыми разумѣлись дѣла политическія, начинавшіяся, обычно, сказываніемъ «государева слова и дѣла» (ib., т. V, № 2877; т. VIII, № 5397). Хотя еще при Петрѣ Великомъ, указомъ 1713 г., было разъяснено, что «слово и дѣло» могло относиться лишь къ дѣламъ «о ихъ, государевомъ, здоровьѣ и высокомонаршей чести, о бунтѣ и измѣнѣ (почему указъ запрещалъ сказывать «слово и дѣло»; «кромѣ помянутыхъ причинъ» и угрожалъ, что виновные въ этомъ будутъ «въ великомъ наказаніи и раззореніи и сосланы будутъ на ваторгу»; ib., № 2755); но этотъ, какъ и другіе указы, направленные противъ всякаго рода нелѣпныхъ доносовъ,—умножившихся тогда частью подъ влияніемъ большихъ наградъ доносителямъ,—не догли стѣснять ни при Петрѣ Великомъ, ни послѣ него самыхъ учреждений, вѣдавшихъ политическія дѣла. Совѣтъ, впрочемъ (подобно петровскому сенату), въ царствованіе Екатерины I, когда существовала преображенская канцелярія, занимался политическими дѣлами лишь въ очень рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ. Наоборотъ, при Петрѣ II совѣтъ сталъ посвящать этимъ дѣламъ весьма много вниманія, то являясь *первою* инстанціей по болѣе важнымъ изъ нихъ (дѣламъ первыхъ, вторыхъ или третьихъ пунктовъ), то высшею, назначающею предварительное слѣдствіе, или же ревизующею приговоръ сената или другого суда, коему было поручено разсмотрѣніе дѣла по существу. Надо замѣтить, что и при существованіи преображенской канцеляріи, совѣтъ постановлялъ рѣшенія по дѣламъ, которыя разсматривались въ канцеляріи (повидимому, впрочемъ, лишь въ болѣе важныхъ случаяхъ), а равно и бралъ, по разнымъ поводамъ, ея дѣла къ своему разслѣдованію. Мало этого: нѣкоторые политическія дѣла прямо поступали въ совѣтъ и если были несложны, быстро имъ разсматривались, а затѣмъ и рѣшались; при болѣе ихъ сложности назначалось, конечно, слѣдствіе. Что касается перваго рода дѣлъ, то въ журналахъ совѣта можно найти въ высшей степени характерныя записи о судѣ совѣта. Такъ, напримѣръ, 7 августа 1728 г. записано, что изъ сената пришелъ т. сов. Плещеевъ и донесъ, что «подметчикъ письма, которое прибито было у дворца, сысканъ», и, какъ рапѣе было приказано, приведенъ въ совѣтъ; затѣмъ, онъ былъ «спрашиванъ отъ министровъ самихъ... и за подметъ приказано учинить (ему) наказаніе и сослать въ работу, въ Рогервикъ». Въ томъ же засѣданіи «представленъ былъ» совѣту присланный Остерманомъ посадскій человекъ Ив. Пушкиковъ, который до-

несь, что «солдаты били его кнудомъ извоищичьимъ, поднявъ на судяѣ на мачту. А привезенный же (въ совѣтъ) вахмистръ и драгунъ сказали, что оный Пушниковъ пойманъ съ краденнымъ платьемъ и битъ отъ всего народа, потомъ взять на судно драгунами и сказалъ за собою «слово и дѣло», а на мачту его не подымали. Разсуждено: вахмистра и драгуна освободить, а Пушникова высѣчь батогами за кражу и за сказываніе «слова» и освободить (т. LXXXIV, стр. 252 сл.). Чаше, конечно, бывали случаи, когда дѣло не могло быть рѣшено столь быстро, почему совѣтъ, принявъ предварительныя мѣры, постановлялъ свое рѣшеніе лишь позднеѣ (ib., стр. 46, 218, 319). Какъ ни кратки записи совѣтскихъ журналовъ и какъ ни мало онѣ даютъ объясненій по вопросамъ о винѣ подсудимыхъ, мотивахъ рѣшеній и пр., онѣ, во всякомъ случаѣ, показываютъ, что совѣтъ являлся въ нѣкоторыхъ дѣлахъ *первою* и единственною судебною инстанціей, беря на себя при этомъ роль и слѣдователя, и судьи; иногда, впрочемъ, совѣтъ передавалъ слѣдствіе и судъ въ другія руки, оставляя себѣ лишь ревизію приговоровъ.

Указанные выше примѣры касались весьма простыхъ и несложныхъ политическихъ дѣлъ, которыя могли разрѣшаться совѣтомъ скоро и безъ всякихъ затрудненій. Но совѣту приходилось, въ той или иной мѣрѣ, принимать участіе въ нѣсколькихъ обширныхъ и сложныхъ процессахъ. Какъ учрежденіе не юридическое, совѣтъ не руководился здѣсь какими-либо строго установленными и одинаково во всемъ обвиняемымъ примѣняемыми формами; частью это объяснялось различіемъ личностей подсудимыхъ и ихъ дѣяній: кн. Меншиковъ и гр. Девіеръ, смоленскій шляхтичъ Лярскій и генералъ-фискаль Мявнинъ, дѣла коихъ велись или самимъ совѣтомъ, или при его участіи, были люди столь не похожіе другъ на друга, — какъ по своему положенію и значенію въ обществѣ, такъ и по взводимымъ на нихъ обвиненіямъ и пр., — что, конечно, сами процессы о нихъ принимали совершенно различное теченіе и разрѣшеніе. Надъ Меншиковымъ, напри- мѣръ, вовсе не рѣшались производить слѣдствія и суда: 8 сентября 1727 г. объявленъ былъ ему «арестъ», а 9—уже былъ подписанъ указъ о лишеніи его чиновъ и ссылкѣ (т. LXIX, стр. 271 сл.); лишь позднеѣ, когда Меншиковъ былъ уже въ ссылкѣ, нашли возможнымъ сдѣлать ему допросъ по обстоятельствамъ, выяснившимся изъ розыска, который велся надъ близкими къ нему, въ томъ или иномъ отношеніи, людьми. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, совѣтъ весьма усердно занимался дѣломъ Меншикова (ib., стр. 270—927), то разбирая его указы и переписку и производя по нимъ разслѣдованіе, то отыскивая его движимыя и недвижимыя имущества, на которыя явилась уже масса претендентовъ. Конечно, все дѣло это, по особому, совершенно исключительному положенію Меншикова, не можетъ быть названо типичнымъ для уясненія роли совѣта вообще въ политическихъ процессахъ; но оно, во всякомъ случаѣ, рѣзко характеризуетъ учрежденіе, въ основѣ коего лежали не столько правильныя начала, сколько олигархическо-политическія тенденціи.

Остановимся изъ цѣлаго ряда судебныхъ дѣлъ, подлежащихъ компетенціи совѣта, на дѣлахъ о помилованіяхъ и смягченіи наказаній. Совѣтъ, какъ это уже указывалось нами, постепенно сосредоточивалъ въ себѣ всѣ челобитья, всѣ обращенія къ высочайшей милости по тѣмъ или инымъ поводамъ; изученіе челобитенъ, давая интересную картину общественнаго быта и нравовъ эпохи, въ то же время, показываетъ ясно, какъ выросло, съ теченіемъ времени, верховное значеніе самого учрежденія. Чѣмъ меньше носители верховной власти могли «персонально присутствовать» въ совѣтѣ, — на что у совѣта въ началѣ была еще «причина уповать» (т. LV, стр. 93), — и чѣмъ меньше они, вообще, принимали участія въ его рѣшеніяхъ, тѣмъ чаще, конечно, поступавшія сюда челобитья разрѣшались *самимъ* совѣтомъ, хотя и продолжали подаваться въ совѣтъ на высочайшее имя. Не только просьбы о скорѣйшемъ рѣшеніи дѣла или о переносѣ его изъ одного суда въ другой и т. п., но и челобитья о смягченіи наказаній или о помилованіи, о замѣнѣ одного наказанія другимъ или «о непорядкѣ прежнимъ наказаніемъ» (въ случаѣ прощенія) постоянно поступали въ совѣтъ и разрѣшались имъ, то съ доклада, то безъ доклада императорской власти. При этомъ совѣту не разъ приходилось пересматривать тѣ политическія дѣла, которыя велись до него и, обыкновенно, оканчивались ссылкой, конфискаціей имущества и пр. Съ переменною правленія, когда на престолѣ, по смерти Екатерины I, находился Петръ II, казалось, наприм., справедливымъ и необходимымъ пересмотрѣть дѣла, такъ или иначе связанные съ именемъ царевича Алексѣя. Извѣстно, наприм., что новый порядокъ престолонаслѣдія, введенный Петромъ Великимъ, вызвалъ мѣстами не только неудовольствіе, но и сопротивленіе; одно изъ дѣлъ, вызванныхъ этимъ новымъ порядкомъ, а именно дѣло Ив. Нѣмчинова «съ товарищами» кончилось смертною казнью однихъ осужденныхъ, ссылкой — другихъ. При Петрѣ II это сопротивленіе не могло казаться столь преступнымъ, какъ прежде, и вотъ совѣтъ, согласно челобитью оставшихся въ живыхъ участниковъ дѣла, повелѣваетъ «освободить ихъ съ каторжной работы», въ которую они были сосланы «за неприсяганіе о наслѣдствіи престола російскаго» *). Или, наприм., въ 1718 г. были сосланы въ Сибирь Абрамъ Лопухинъ «съ товарищи»; въ царствованіе Петра II нашли необходимымъ не только освободить осужденныхъ отъ наказанія, но и возвратитъ имъ недвижимое ихъ имущество **). Конечно, не одни политическія дѣла восходили, по челобитьямъ частныхъ лицъ, къ совѣту и не по нимъ однимъ освобождалъ онъ осужденныхъ отъ наказанія или замѣнялъ одно наказаніе другимъ ***); но именно эти дѣла особенно характерны для пониманія значенія учрежденія: совѣтъ, будучи самъ учрежденіемъ политическимъ, преслѣдуя самъ партійныя цѣли, являе, чѣмъ всякое другое учрежденіе, пони-

*) См. мое изслѣдованіе *О наказаніи по законодательству Петра Великаго*, стр. 7 и сл.; *Сб. И. Общ.* LXIX, стр. 110.

**) *Сб. И. Общ.*, *ibid.*, стр. 121.

***) *Ibid.*, стр. 451 и мн. др.

малъ, какъ много случайнаго можетъ входить въ подобныя процессы и какъ пуждаются иногда приговоры по нимъ въ пересмотрѣ.

Сравнивая дѣятельность совѣта въ области суда въ оба царствованія, въ общемъ, нельзя не замѣтить, что при Петрѣ Великомъ совѣтъ отдастъ больше времени и вниманія судебнымъ дѣламъ (особенно политическимъ), чѣмъ при Екатеринѣ I, когда онъ являлся, по преимуществу, высшимъ законодательно-административнымъ учрежденіемъ. Этимъ отчасти объясняется и тотъ фактъ, что хотя царствованіе Екатерины I (за время существованія совѣта) было вдвое короче царствованія Петра II, на него приходится гораздо болѣе важныхъ законодательныхъ и административныхъ актовъ совѣта, чѣмъ на царствованіе Петра II, такъ какъ совѣтъ тогда менѣе отвлекался въ своей дѣятельности веденіемъ судебныхъ и иныхъ дѣлъ (какъ, наприм., дѣлъ по высшей полиціи), которыя стали столь занимать его вниманіе въ послѣднее царствованіе. Это расширеніе компетенціи совѣта объяснялось въ свою очередь тѣмъ, что при юномъ императорѣ, особенно послѣ паденія Меншикова, совѣтъ неминуемо становился, всѣмъ складомъ событій царствованія, учрежденіемъ, которое правило государствомъ «вмѣсто персоны» монарха. Стремленіе къ политическому господству, которое отличало это олигархическое учрежденіе во все его недолгое существованіе, не находило себѣ теперь никакого ограниченія ни въ личности монарха, ни въ такихъ временщикахъ, какъ Меншиковъ. При этомъ совѣту, какъ таковому, могло казаться совершенно естественнымъ расширеніе своей власти почти до предѣловъ власти монарха, такъ какъ, во-первыхъ, на это наталкивала его сама тогдашняя дѣйствительность, а, во-вторыхъ, совѣтъ, предоставленный самому себѣ, не опираясь болѣе въ своей власти на волю царствовавшей особы, которая, какъ это надо сказать объ Екатеринѣ I, вполне сознательно шла на признаніе верховнаго значенія учрежденія, долженъ былъ *самъ* заботиться о поддержаніи и усиленіи своей власти и значенія. Казалось, что не было къ этому болѣе удобнаго и легкаго средства, какъ расширеніе своей компетенціи до возможно большихъ предѣловъ, средоточіе въ своемъ вѣдомствѣ всѣхъ разнородныхъ функций государственнаго управленія въ широкомъ смыслѣ этого слова, вслѣдствіе чего всѣ и за всѣмъ обращались бы въ совѣтъ, какъ въ верховное учрежденіе, и онъ являлся бы почти единственнымъ вершителемъ судебъ каждаго. Расширеніе *судебной* функціи совѣта было, поэтому, лишь однимъ изъ выраженій *общей* тенденціи совѣта, дошедшей до своего апогея къ концу царствованія Петра II.

XI.

Давъ выше очеркъ организаціи верховнаго тайнаго совѣта и изобразивъ его дѣятельность, попытаемся теперь, въ немногихъ словахъ, характеризовать его общее значеніе. Какъ уже доказывалось, совѣтъ былъ учрежденіемъ *политическаго* характера. Политическія дѣла, которыя лежали въ

его основаніи и которыя онъ столь постоянно и неуклонно проводилъ въ своей послѣдующей дѣятельности, не могли, прежде всего, не вліять на его правительствующую роль, не могли не умалять его *дѣловое* значенія: совѣтъ, какъ учрежденіе новое, не окрѣпшее, долженъ былъ ревниво относиться къ развитію своего политическаго значенія, что въ свою очередь отражалось на характерѣ его дѣятельности. Совѣтъ не былъ учрежденіемъ, подобнымъ боярской думѣ, которая могла спокойно и величаво, въ своемъ образѣ стародавняго, изстариннаго учрежденія, править дѣлами государства; ему, наоборотъ, приходилось еще завоевывать въ общемъ мнѣніи свою силу и значеніе. Олигархическій характеръ учрежденія дѣлалъ, однако, это завоеваніе весьма непрочнымъ, хотя идея *политическаго* учрежденія, стоящаго рядомъ съ сенатомъ, заслуживала вниманія и была жизненна, какъ жизненна была и попытка дать *личному* началу въ управленіи болѣе живое, чѣмъ прежде, выраженіе въ *особомъ* учрежденіи, какъ совѣтъ, который былъ, въ сущности, на нашъ взглядъ, ничѣмъ инымъ, какъ своеобразнымъ комитетомъ министровъ того времени. Во всякомъ случаѣ, незначительность *общихъ* результатовъ дѣятельности совѣта нельзя не отнести на счетъ его боевого характера, вынуждавшего его дѣлать дѣло активнаго управленія лишь постольку, поскольку этому не мѣшали его политическія задачи. Затѣмъ, оцѣнивая дѣятельность совѣта по ея результатамъ, нельзя не принять во вниманіе и того важнаго обстоятельства, что совѣту пришлось дѣйствовать непосредственно послѣ той напряженной, дѣятельной эпохи, когда реформа слѣдовала за реформой, когда во всѣхъ сферахъ народной и государственной жизни господствовало сильное возбужденіе. Совѣту пришлось быть учрежденіемъ эпохи *реакціи*; онъ долженъ былъ, по преимуществу, разбираться въ сложныхъ задачахъ петровской реформы, а такая дѣятельность, уже по самой сущности своей, не могла быть слишкомъ видною, замѣтною, хотя и она, конечно, имѣла свое значеніе въ общемъ движеніи XVIII вѣка, такъ какъ показывала ясно, что въ петровской реформѣ выдерживало испытаніе времени и что должно было быть оставлено.

Замѣтимъ еще слѣдующее. Какъ бы ни было, по условіямъ времени, законно существованіе въ государственномъ строѣ данной страны тѣхъ или иныхъ *политическихъ* учрежденій, на ряду съ ними должны существовать и правильно дѣйствовать правительственныя мѣста и лица, дѣлающія сложное дѣло административнаго управленія и суда, *только* во имя закона и въ разрѣшеніе нуждъ даннаго времени, *ничего не зная о политикѣ*. Изъ такихъ учрежденій *первое* мѣсто принадлежало тогда сенату; но, однако, центръ тяжести управленія былъ *не* въ этихъ дѣловыхъ и спокойныхъ учрежденіяхъ, а въ верховномъ тайномъ совѣтѣ, съ его наступательною, по отношенію ко всѣмъ остальнымъ учрежденіямъ, политикою, съ его безпорядочными и постоянными колебаніями и отступленіями во всемъ, что не касалось его основной тенденціи—«именемъ» носителей верховной власти править государствомъ. Это не могло, конечно, содѣйствовать правильности

движенія реформы и въ жертву политикѣ не разъ приносилось дѣло; въ интересахъ ея не разъ разрушалось то, что должно было жить и развиваться. Все это съ особою яркостью подтверждается на исторіи сената и всѣхъ связанныхъ съ нимъ учреждений, кои были постоянно объектомъ неустаннаго и вмѣстѣ безпорядочнаго нападенія со стороны совѣта, какъ это мы увидимъ въ слѣдующей статьѣ нашей о сенатѣ въ правленіе верховнаго тайнаго совѣта; хотя созданіе такого политическаго учрежденія, какъ совѣтъ, вовсе не предполагало неизбѣжно разрушенія всей прежней организаціи сената, въ качествѣ⁷ если и подчиненнаго, то все же закономерно поставленнаго и дѣятельнаго учрежденія, разрушеніе это шло быстро и неуклонно впередъ, и два начала, политическое и правовое, лежавшія въ основѣ организаціи того и другого учрежденія, не ужились вмѣстѣ и послѣднее явилось слишкомъ подавленнымъ первымъ, что, въ свою очередь, не могло не отразиться дурно на исторіи преобразования всѣхъ учреждений вообще и сената въ частности, когда послѣдній всѣмъ ходомъ событій изучаемаго времени былъ отодвинутъ на второй планъ и когда правительствующая олигархія дѣлала, что хотѣла, хотя и не могла замѣнить собою высшаго *коллегіальнаго* учрежденія, какъ сенатъ, гдѣ бы сосредоточивались всѣ функціи подчиненнаго управленія и контроля, посольку всѣ онѣ нуждались въ одномъ *общемъ* органѣ,—органѣ правомѣрно поставленномъ и дѣйствующемъ въ предѣлахъ закона.

Александръ Филипповъ.

Турецкія звѣрства въ Арменіи.

(Fr. D. Greene: «The Armenian crisis and the rule of the Turk». 1895).

Безчеловѣчная сасунская рѣзня, имѣвшая мѣсто въ августѣ прошлаго 1894 года на высотахъ Сасуна, близъ Ванскаго озера, обратила вниманіе Европы на бѣдственное положеніе турецкихъ армянъ. Появилось въ англо-американской печати много отдѣльныхъ изслѣдованій, единодушно свидѣтельствующихъ о томъ, что не только въ періоды исключительныхъ погромовъ, каковъ былъ сасунскій, но и въ обычное время невыносимо положеніе армянъ, предоставленныхъ свободному грабежу и насиліямъ со стороны курдовъ, иррегулярныхъ войскъ (гамидію) и турецкихъ чиновниковъ.

Въ числѣ такихъ изслѣдованій одно изъ первыхъ мѣсть заняла книга американскаго миссіонера Грина, которая снабжена и вступительнымъ рекомендательнымъ письмомъ Гладстона. Книга эта свободна отъ подозрѣнія въ служеніи англійскимъ политическимъ интересамъ. Написанная американцемъ и для американцевъ съ исключительною цѣлью обратить вниманіе, во имя человѣколюбія, на невыносимое положеніе турецкихъ армянъ, книга не можетъ быть заподозрѣна самыми отчаянными туркофилами въ преслѣдованіи политическихъ цѣлей. Чтобы отнять всякій поводъ къ сомнѣнію относительно намѣреній автора, достаточно прибавить, что Гринъ относится весьма дружелюбно къ Россіи.

Книга Грина распадается на двѣ отдѣльныя части. Въ первой части излагаются свѣдѣнія о сасунской рѣзнѣ на основаніи свидѣтельскихъ показаній, во второй же представленъ краткій очеркъ исторіи армянъ и типическія черты турецкаго режима.

Въ первой части Гринъ приводитъ, подъ 16-ю нумерами, полученныя изъ Арменіи данныя о звѣрствахъ турокъ, совершенныхъ ими во время августовскаго разгрома. Данныя эти всѣ *безъ изыятія* сообщены американцами, живущими близъ мѣстности, служившей театромъ безчеловѣчнаго разгрома, и, несмотря на то, что сообщены изъ разныхъ пунктовъ, въ главныхъ чертахъ вполнѣ тождественны. Эти свѣдѣнія—самыя достовѣрныя изъ всѣхъ, какія только появлялись въ европейской печати.

Къ книгѣ Грина приложено торжественное удостовѣреніе за подписью 20-ти американцевъ, удостовѣряющихъ подлинность писемъ. Лица эти, принадлежащія къ различнымъ слоямъ общества (губернаторы штатовъ, духовныя особы, писательницы, публицисты, адвокаты, купцы и проч.), заявляютъ, что они вполне увѣрены въ достовѣрности разказовъ и считаютъ ихъ заслуживающими общаго довѣрія и заканчиваютъ свое заявленіе слѣдующими словами:

«Во имя страждущаго человѣчества мы настоятельно просимъ внимательно ознакомиться съ этими документами и рекомендуемъ всѣмъ читателямъ принять мѣры, чтобы негодованіе оскорбленнаго христіанскаго міра получило должное выраженіе. Мы стремимся предотвратить революцію среди этихъ беспомощныхъ турецкихъ подданныхъ, но стоимъ за то, чтобы единодушными усиліями дать почувствовать Турціи справедливое осужденіе со стороны нашего 70-ти милліоннаго народа».

Приводимъ нѣкоторые изъ документовъ, достовѣрность коихъ, въ виду сказаннаго, внѣ всякаго сомнѣнія.

А.... 31 октября 1894.

Мы получили изъ Битлиса извѣстіе, что избіеніе въ Сасунѣ, на югѣ отъ Муша, было даже значительнѣе, чѣмъ предполагали. Краткое сообщеніе, полученное нами, говоритъ: «27 деревень въ Сасунѣ уничтожены. 6,000 мужчинъ, женщинъ и дѣтей умерщвлены войсками и курдами. Это ужасное событіе только теперь становится здѣсь извѣстнымъ, хотя избіеніе произошло въ началѣ сентября. Турки употребили всевозможныя мѣры, чтобы помѣшать распространенію вѣстей; они дошли даже до того, что выслали обратно изъ Трапезунда нѣсколько сотъ лицъ, прибывшихъ туда изъ Муша по дѣламъ. Это избіеніе было совершено по приказанію изъ Константинополя. Курды увели скотъ изъ нѣсколькихъ армянскихъ деревень; армяне преслѣдовали похитителей и пытались вернуть свою собственность, при чемъ произошла схватка, во время которой было убито 12 курдовъ. Убитые были «полуофициальные разбойники», т.-е. были зачислены въ войска и вооружены, какъ таковыя, но не находились подъ начальствомъ. Тогда власти телеграфировали въ Константинополь, что армяне «убили солдатъ изъ войскъ султана». Султанъ немедленно приказалъ, чтобы пѣхота и кавалерія подавили армянскій мятежъ, что и было исполнено; но, не найдя никакого мятежа, войска очистили страну такъ, чтобы въ будущемъ не могло произойти возстанія.

Изъ другого пункта:

Б.... 16 ноября 1894.

Въ прошломъ году въ Тальворикѣ армяне успѣшно отразили нападен сосѣднихъ курдовъ. Въ странѣ распространилась большая тревога. Въ нѣшнемъ году правительство вмѣшалось и послало отряды регулярныхъ войскъ для того, чтобы усмирить армянъ. Регулярнымъ войскамъ помога: курдскіе *замидіэ* (*Hamedichs*—иррегулярныя войска). Армяне подвергли

нападенію въ горныхъ укрѣпленіяхъ и, въ концѣ-концовъ, должны были сдаться вслѣдствіе недостатка пищи и боевыхъ запасовъ. Около 20 деревень были уничтожены, населеніе умерщвлено и дома сожжены.

Нѣсколько молодыхъ, полныхъ силъ, армянъ были взяты въ плѣнъ, связаны, покрыты хворостомъ и сожжены живыми. Нѣкоторое число армянъ, опредѣляемое различно, но не менѣе 100 человекъ, сдались и просили пощады. Многіе изъ нихъ были застрѣляны на мѣстѣ, а остальные зарѣзаны саблями и заколоты штыками. Группа женщинъ, опредѣляемая различно, отъ 60 до 160 человекъ, была заперта въ церкви и среди нихъ «были пущены» солдаты. Многія изъ этихъ женщинъ были замучены до смерти, а остальные убиты саблями и штыками. Нѣсколько молодыхъ женщинъ были захвачены въ качествѣ военной добычи. О нихъ передается два разсказа: 1) что онѣ отведены въ гаремы мусульманъ, которые похитили ихъ, 2) что имъ предложили принять исламъ и поступить въ гаремы, и когда онѣ отказались, ихъ убили. Дѣтей ставили въ рядъ одинъ за другимъ и стрѣляли въ одинъ изъ концовъ ряда, очевидно, чтобъ узнать, сколько человекъ можно убить одною пулей. Малолѣтнія и грудныя дѣти владелись одинъ на другого и головы ихъ отрубались. Солдаты окружали дома, зажигали ихъ и штыками заставляли людей возвращаться въ пламя, когда они пытались выбѣжать изъ него.

Но довольно объ этой рѣзнѣ. Счетъ человѣческихъ жертвъ отъ 3,000 до 8,000. Это—скромныя цифры. Все это произошло въ послѣднихъ числахъ августа и въ началѣ сентября. Прибытіе начальника 4-го армейскаго корпуса положило конецъ рѣзнѣ. Нужно замѣтить, что избіеніе совершалось регулярными солдатами, находившимися большею частью подъ командой офицеровъ высокаго ранга. Это придаетъ дѣлу въ высшей степени серьезное значеніе.

Христіанинъ не пользуется уваженіемъ, которое оказываютъ уличнымъ собакамъ. Если эта рѣзня пройдетъ незамѣченной, это будетъ просто объявленіемъ смертнаго приговора христіанамъ. Жизнь, собственность и честь христіанина не будутъ ограждены. Недѣлю тому назадъ, въ прошедшій вторникъ вечеромъ, на закатѣ солнца, турокъ похитилъ жену богатаго армянскаго купца въ городѣ Ханоосъ Пертъ (Khanoos Pert). На слѣдующее утро люди, искавшіе ее, услышали ея крики и освободили ее изъ турецкаго дома. О какомъ-либо наказаніи виновнаго не можетъ быть рѣчи.

Ужасные слухи распространялись уже давно, но сообщенія, заслуживающія довѣрія, приходили медленно. Все было сдѣлано, чтобы подавить толки. Нѣкоторыя второстепенныя подробности разсказа, переданныя мною, можетъ быть, неточны, но я вполне увѣренъ въ достовѣрности этого разсказа въ главныхъ пунктахъ. Во всякомъ случаѣ, нельзя отвергать того, что произведено было жестокое, варварское и колоссальное избіеніе христіанъ регулярными солдатами съ помощью курдскихъ гамидіе и подъ начальствомъ высшихъ и отвѣтственныхъ офицеровъ.

Что теперь сдѣлаетъ христіанскій міръ?

Нижеслѣдующій документъ былъ тщательно написанъ сообща нѣсколькими лицами, причѣмъ подписи любого изъ нихъ было бы достаточно, чтобы сообщить этому документу большой вѣсъ. Одно изъ этихъ лицъ, несущее значительную долю отвѣтственности за сообщенныя данныя, занимаетъ высокое положеніе и пользуется широкимъ вліяніемъ. Матеріалъ былъ собранъ съ величайшими трудностями и при постоянномъ шпионствѣ со стороны турецкихъ чиновниковъ. Христіане армянскаго происхожденія, о прѣбытіи которыхъ въ то мѣсто, гдѣ находился составитель отчета, дѣлалось извѣстнымъ, подвергались аресту, и нѣкоторые изъ нихъ до сихъ поръ находятся въ тюрьмѣ, если только они уже не подверглись худшей участи. Документы были секретно отправлены со специальными посланцами въ Персію и оттуда черезъ персидскую почту отправлены въ Соединенные Штаты. Эти документы высланы изъ Турціи около послѣднихъ чиселъ ноября 1894 года. Одною настоящимъ отчетомъ было бы достаточно, чтобы вызвать негодованіе христіанскаго міра.

Ц.... ноябрь 1894.

Въ Битлисѣ господствуетъ безпокойство относительно безопасности этого города. Просмотръ почты турецкими властями продолжается и нѣкоторыя письма, адресованныя лицамъ, живущимъ въ Соединенныхъ Штатахъ и занимающимъ тамъ официальное положеніе, не доходятъ по назначенію.

Солдаты гамидіе, которые вербуются изъ курдовъ и попали въ войска въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ, до нѣкоторой степени обмундированы, но оставлены въ своихъ домахъ. Они совершаютъ всякія беззаконія. Правительство продолжаетъ взysкивать подати въ разграбленныхъ округахъ, посылаетъ заптіевъ (полицейскихъ) или турецкихъ солдатъ жить въ деревняхъ и объѣдать населеніе до тѣхъ поръ, пока оно не добудетъ какиибъ бы то ни было образомъ денегъ. Въ мѣстности Башкалло многіе по возвращеніи домой находятъ, что правительство завладѣло ихъ собственностью и отказывается вернуть имъ имущество или дозволить имъ остаться въ ихъ домахъ.

Данныя, касающіяся рѣзни въ Сасунѣ около Муша. Въ концѣ мая 1893 г. агитаторъ не изъ мѣстныхъ жителей, Даматіанъ, былъ арестованъ около Муша. Правительство подозрѣвало, что въ Тальворикскихъ деревняхъ находили пріютъ такіе агитаторы, и отдало приказъ нѣкоторымъ курдскимъ вождамъ напасть на этотъ округъ; при этомъ оно приняло на себя отвѣтственность за всѣ убійства, которыя совершатъ курды, и обѣщало послѣднимъ всю добычу.

Вскорѣ послѣ того, какъ Даматіанъ былъ доставленъ въ Битлисѣ, въ первую недѣлю іюня мѣсяца бабранлійскіе курды начали собираться за Тальворикомъ. Поселяне, видя, что курды прибываютъ съ каждымъ днемъ и достигаютъ уже нѣсколькихъ тысячъ челоувѣкъ, заподозрили ихъ намѣренія и стали готовиться. На восьмой день завязалась битва. Болѣе сильное положеніе поселянъ дало имъ возможность причинить значельный ущербъ непріятелю съ небольшими потерями съ своей стороны. Результатъ борьбы

къ заходу солнца выразился въ томъ, что курды потеряли около 100 человекъ убитыми, а изъ поселянъ было убито только 6, въ томъ числѣ одна женщина, пытавшаяся спасти отъ курдовъ мула. Поселянамъ удалось уничтожить мостъ черезъ глубокую часть рѣки, прежде чѣмъ отрядъ курдовъ съ противоположной стороны успѣлъ атаковать ихъ. Такимъ образомъ, курды чувствовали себя побѣжденными и не могли произвести другого нападенія въ это лѣто.

При такихъ обстоятельствахъ генераль-губернаторъ выступилъ въ Мушъ съ войсками и двумя полевыми орудіями и вступилъ въ округъ вблизи Тальворика, но считалъ ли онъ свои силы недостаточными или получилъ приказаніе не нарушать спокойствія, только онъ не произвелъ нападенія и ограничился тѣмъ, что держалъ осаду. Прежде чѣмъ удалиться, онъ, отдавъ заложниковъ, устроилъ свиданіе съ наиболее вліятельными людьми въ Тальворикѣ и спросилъ ихъ, почему они не подчиняются правительству и не платятъ податей. Они отвѣчали, что не возстаютъ противъ правительства, но не могутъ платить подати *два раза*, курдамъ и правительству. Если бы правительство защитило ихъ, они платили бы ему подати. Отъ переговоровъ ничего не послѣдовало и осада продолжалась до тѣхъ поръ, пока не выпалъ снѣгъ. Во время зимы, когда въ вилайетѣ широко практиковалось мародерство, нѣкоторые богатые жители Тальворика получили приглашеніе посѣтить генераль-губернатора, но они не сочли удобнымъ принять это приглашеніе.

Раннею весной курдамъ нѣсколькихъ племенъ было отдано приказаніе произвести нападеніе на деревни Сасуна, между тѣмъ, войска были отправлены изъ Муша и Битлиса; они захватили при этомъ военные запасы и провіантъ и десять муловъ, нагруженныхъ версиномъ (80 жбановъ). Весь округъ былъ осажденъ курдами и войсками. Деревни, подвергшіяся, такимъ образомъ, осадѣ, отъ времени до времени производили вылазки, чтобы добывать себѣ пищу.

Однажды курды увели нѣсколько быковъ; владѣльцы послѣднихъ прослѣдили свой скотъ до курдскаго стана и увидѣли, что одинъ быкъ уже убитъ. Они потребовали выдачи остальныхъ, но имъ отказали въ этомъ; тогда поселяне удалились и черезъ нѣсколько времени вернулись съ нѣсколькими товарищами. Произошла стычка, въ которой двое или трое были убиты съ обѣихъ сторонъ. Курды сейчасъ же представили своихъ убитыхъ властямъ въ Мушѣ и сообщили, что вся мѣстность наводнена армянами и иностранными солдатами. Власти немедленно начали собирать солдатъ со всѣхъ концовъ и въ общемъ собрали отъ 8 до 10 таборовъ (полковъ). Курдовъ набралось до 20,000; кромѣ того, около 500 человекъ кавалеріи гамидіе прибыли въ Мушъ.

Образъ дѣйствія во время рязни и подробности послѣдней. Сначала были выпущены курды, а войска не показывались. Поселяне вступили въ борьбу и, полагая, что они имѣютъ дѣло только съ курдами, отбили ихъ нѣсколько разъ. Курды отказывались продолжать дѣйствія безъ помощи

солдатъ. Нѣкоторыя части войскъ одѣлись въ курдскій костюмъ и помогали курдамъ съ большимъ успѣхомъ. Небольшіе отряды вступили въ нѣсколько деревень, заявляя, что пришли, чтобы защитить вѣрныхъ подданныхъ. Ихъ расквартировали по домамъ, но они поднялись ночью и перебили спавшихъ поселянъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей.

Между тѣмъ, жители другихъ селеній начали понимать, что цѣль властей заключалась въ истребленіи армянъ, и въ отчаяніи рѣшили продать свою жизнь по возможно дорогой цѣнѣ. Тогда началась рѣзня, длившаяся около 23 дней, или, въ общемъ, съ середины августа до середины сентября. Ферикъ-паша (маршалъ Зекки-паша), успѣшно прибывшій изъ Эрзинкиана, прочиталъ фирманъ султана объ истребленіи и затѣмъ, держа указъ на своей груди, увѣщевалъ солдатъ не уклоняться отъ исполненія своего долга. *Въ послѣдній день августа, т.-е. въ юдовщину восшествія султана на престолъ, солдатъ особенно увѣщевали отличиться, и они произвели въ этотъ день самую зѣвскую рѣзню.* Другой такой же день выдался нѣсколько раньше, когда пролетѣлъ удивительный метеоръ.

Во время разгрома не дѣлалось никакого различія между лицами и селеніями, все равно, держались ли они спокойно и заплатили ли подати, или нѣтъ. Было приказано произвести полную чистку. Въ одномъ селеніи священникъ со старѣйшинами явились къ офицеру, предъявляя ему квитанцію въ уплатѣ податей, заявляя о своихъ вѣрноподданническихъ чувствахъ и прося пощады; но селеніе было окружено и жители переколоты штыками. Староста одного селенія, рослый и сильный человекъ, былъ захваченъ курдами, которые схватили его, положили на землю и, приплясывая вокругъ него, изрѣзали его въ куски.

Въ Галогюзанѣ много молодыхъ людей были связаны по рукамъ и ногамъ, положены въ рядъ, покрыты хворостомъ и сожжены живыми. Другіе были схвачены и изрублены на куски. Въ другомъ селеніи были схвачены священникъ и нѣсколько старѣйшинъ; имъ обѣщали свободу, если они укажутъ, гдѣ укрылись остальные жители; когда же плѣнные отказались выдавать своихъ односельчанъ, всѣхъ ихъ, кромѣ священника, убили. Вокругъ шеи священника была надѣта цѣпь, которую тянули съ противоположныхъ сторонъ, онъ нѣсколько разъ почти былъ удушенъ, но его приводили къ жизни; затѣмъ поставлено было остриями вверхъ нѣсколько штыковъ, на которые подбросили несчастнаго.

Жители одного селенія, обратившись въ бѣгство, собрали женщинъ и дѣтей, числомъ около 500 человекъ, и помѣстили ихъ въ пещерѣ въ одномъ ущельѣ. Черезъ нѣсколько дней солдаты нашли ихъ и убили тѣхъ, которые не успѣли еще погибнуть отъ голода.

Въ другомъ селеніи выбрано было 60 молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ, ихъ заперли въ церковь и затѣмъ солдатамъ было разрѣшено поступить съ ними по своему желанію, послѣ чего заключенныя были убиты.

Въ третьемъ селеніи 50 избранныхъ женщинъ были пощажены; ихъ увѣщевали переимѣнить вѣру и сдѣлаться госпожами въ турецкихъ гаре-

махъ, но онѣ съ негодованіемъ отказались отречься отъ Христа, предпочитая подвергнуться участи своихъ отцовъ и мужей.

Народъ собирали въ дома и затѣмъ поджигали послѣдніе. Во время одного такого пожара изъ пламени выскочилъ маленькій мальчикъ; его посадили на штыкъ и бросили въ огонь.

Нерѣдко дѣтей поднимали за волосы и разрѣзали пополамъ или разрывали имъ челюсти. Беременнымъ женщинамъ вскрывали животы; старшихъ дѣтей отгаскивали за ноги. Красивая, недавно обвѣнчанная пара убѣжала на вершину холма; солдаты настигли молодыхъ людей и сказали, что пощадятъ ихъ изъ-за красоты, если они примутъ исламъ, но мысль объ ужасной смерти, которая, какъ извѣстно было бѣглецамъ, должна была постигнуть ихъ, не помѣшала имъ исповѣдать Христа.

Послѣднее столкновеніе произошло на горѣ Андокъ (на югѣ отъ Муша), гдѣ нѣсколько тысячъ человекъ искали убѣжища. Курды посылались отрядами для нападенія на бѣглецовъ, но въ теченіе 10—15 дней не могли добраться до нихъ. Солдаты также направляли противъ армянъ свои горныя орудія и наносили ими нѣкоторый уронъ. Наконецъ, когда осажденные пробыли нѣсколько дней безъ пищи и ихъ военные запасы истощились, войскамъ удалось достигнуть вершины безъ всякаго урона для себя, и едва ли кто-нибудь изъ бѣглецовъ спасся.

Тогда все вниманіе было обращено на тѣхъ, которые были загнаны въ Тальворникскій округъ. Три или четыре тысячи осажденныхъ были оставлены въ этой маленькой долинкѣ. Когда они увидѣли себя плотно окруженными со всѣхъ сторонъ турками и курдами, они подняли руки къ небу, моля о спасеніи. Часть ихъ перебили ружейными выстрѣлами, а остальные были уничтожены саблями и штыками, такъ что, въ концѣ-концовъ, отъ грудъ убитыхъ потекла настоящая рѣка крови.

Такимъ образомъ окончилась рѣзня, ибо прибытіе мушира (командира 4-го армейскаго корпуса въ Эрзинкианѣ) спасло жизнь нѣсколькимъ плѣннымъ и помѣшало истребленію еще четырехъ селеній, находившихся въ спискѣ предназначенными къ уничтоженію, въ числѣ которыхъ было и протестантское селеніе Гаводорикъ (Navodogick). Такова была страшная армія, для борьбы съ которой правительство собрало столько войскъ и курдовъ.

Насколько извѣстно, въ числѣ ихъ (армянъ) было не болѣе 10 или 15 иноземцевъ, и всѣ говорятъ, что едва ли они (армяне) имѣли болѣе 100 ружей, заряжающихся съ казенной части.

Число убитыхъ армянъ. Если бы даже кто-нибудь получилъ возможность посѣтить округъ, онъ могъ бы опредѣлять только приблизительно число жертвъ, потому что многіе трупы были свалены въ рвы и засыпаны землей, и теперь дождь уже смылъ слѣды ихъ могилъ. Тамъ, гдѣ такихъ рововъ не существовало, тѣла убитыхъ, переложенныя дровами, складывались въ кучи, обливались керосиномъ и сжигались. Повидимому, несомнѣнно, что селенія всего округа уничтожены. Одинъ курдскій вождь, явившійся со своими людьми слишкомъ поздно, нашелъ, что ему ничего не оста-

лось дѣлать, и, повернувъ назадъ, овладѣлъ всею досычей, какой могъ, въ деревнѣ Мэнигъ (Maineeg), около Гаводорика.

Солдаты, находившіяся въ карантинѣ, сказали, что онъ убилъ 5 человекъ, и что онъ убилъ, между тѣмъ, меньше, чѣмъ кто-либо другой. Другой сообщилъ, что онъ убилъ 100 человекъ. Какой-то солдатъ поссорился на-дняхъ съ армяниномъ на битлисскомъ рынкѣ и кричалъ, что они убили тысячи и тысячи и скоро обратятся къ армянамъ, живущимъ въ городѣ.

Повидимому, можно безъ ошибки сказать, что 40 деревень совершенно разрушены, и представляется вѣроятнымъ, что убито по меньшей мѣрѣ 16,000 человекъ. *Самая низкая цифра 10,000*, но многіе считаютъ гораздо больше.

Въ довершеніе всего генераль-губернаторъ, посредствомъ арестовъ и застраиванія всякаго рода, заставилъ наиболѣе видныхъ людей во всей провинціи (за исключеніемъ одного города Битлиса) подписать благодарственный адресъ султану за то, что губернаторъ «водворилъ порядокъ» въ вилайетѣ.

Изъ другого города:

Е... 6 декабря 1894 г.

Армяне, угнетаемые курдами и турками, заявили: «Мы не можемъ платить подати и курдамъ, и правительству». Они защищались отъ курдовъ, которые угнетали ихъ и грабили; нѣсколько человекъ было убито. Затѣмъ въ Константинополь были посланы ложныя сообщенія, что армяне вооружились и возстали. Тогда муширу (главному начальнику) въ Эрзинкианѣ былъ данъ приказъ истребить армянъ. Приказъ, прочитанный передъ войскомъ, послѣшно собраннымъ изъ всѣхъ главныхъ городовъ восточной Турціи, былъ таковъ: «Всякій, кто пощадитъ мужчину, женщину или ребенка, измѣнитъ долгу вѣрноподданнаго».

Мѣстность была окружена регулярными солдатами и, кромѣ того, говорятъ, тамъ же было собрано 20,000 курдовъ. Затѣмъ они двинулись къ центру, гоня народъ, какъ стадо овецъ, и подвигались, такимъ образомъ, нѣсколько дней. Никому не оказывали ни снисхожденія, ни пощады. Мужчины, женщины и дѣти умерщвлялись ружьями и саблями, какъ овцы. Вѣроятно, нѣкоторые, подвергшись такому нападенію, пытались спасти свою жизнь и защищались. Многіе разбѣжались во всѣ стороны, но большинство было убито. По наиболѣе правдоподобному подсчету 15,000 было убито и 35 селеній разорено, сравнено съ землей и сожжено.

Женщины подвергались насилію и затѣмъ умерщвлялись; одинъ священникъ былъ изрубленъ на крышѣ своей церкви; молодыхъ людей ввали на кучи дровъ, пропитанныхъ керосиномъ, и поджигали; значительное число женщинъ и дѣвушекъ сгонялись въ церкви, гдѣ ихъ держали нѣсколько дней, подвергая насилію грубыхъ солдатъ, и затѣмъ предавали смерти. Говорятъ, число этихъ жертвъ было такъ велико, что кровь текла изъ церковной двери.

Всѣ усилія употреблялись и будутъ употребляться, чтобъ извратить факты (извинить крайности, которыя являются, между тѣмъ, характерными чертами этой ужасной исторіи) и отвести глаза европейскимъ правительствамъ. Но, въ концѣ-концовъ, кровавая повѣсть получить извѣстность, — повѣсть, какъ мнѣ кажется, *самая ужасная изъ всѣхъ*, которыя зналъ XIX вѣкъ. Въ подтвержденіе изложеннаго можетъ служить слѣдующее: на дняхъ нѣсколько сотъ солдатъ возвращались съ мѣста дѣйствія, и одинъ изъ нихъ рассказывалъ въ сосѣдной съ нами деревнѣ, что ему одному пришлось убить 30 беременныхъ женщинъ. Нѣкоторые изъ солдатъ, повидимому, стыдившіеся своихъ позорныхъ дѣяній, говорили: «Что мы могли сдѣлать?—мы дѣйствовали по приказанію».

Позднѣйшее письмо изъ того же мѣста, какъ и предъидущее. Показаніе солдата регулярной арміи, помогавшаго убирать мертвыхъ:

Е... 17 декабря 1894 г.

Солдаты, отправлявшіеся на мѣсто дѣйствія отсюда, говорятъ совершенно свободно о томъ, что происходило въ Сасунѣ. А. слышалъ на-дняхъ одинъ изъ такихъ рассказовъ. Солдаты говорили, что избиеніе было почти окончено, прежде чѣмъ прибыли войска, высланныя изъ Е. Во время разгрома происходили сильные грабежи,—похищались стада, табуны, домашнее имущество и проч., но главное дѣло упомянутыхъ войскъ заключалось въ уборкѣ грудъ и грудъ убитыхъ армянъ. Зловоніе было ужасное. Трупы валились въ опустѣвшіе дома и вмѣстѣ съ послѣдними сжигались. Солдаты рассказываютъ, что разрушеніе производилось гамидіе, т.-е. недавно организованными курдскими полками. Эти полки представляютъ теперь одинъ изъ главныхъ элементовъ опасности для страны.

Изъ города, находящагося въ нѣкоторомъ разстояніи отъ мѣста происшествія:

Е... 22 декабря 1894 г.

Вы можете вѣрить почти всему, что передаютъ газеты относительно горной мѣстности на западъ отъ Муша. Я писалъ вамъ, чтобы сообщить нѣкоторыя болѣе повѣренныя подробности. Надѣюсь, письмо дошло до васъ. Я передаю здѣсь главное содержаніе его. Въ августѣ было объяснено, что армяне находятся въ состояніи мятежа. Регулярныя войска и гамидіе получили приказъ выступить на мѣсто дѣйствія. Изъ Константинополя было приказано подавить возстаніе. Въ дѣло пущены были какъ регулярныя войска, такъ и гамидіе. Рѣзня началась во второй половинѣ августа, именно около 18 числа, и продолжалась, приблизительно, до 10 сентября. Достоверный подсчетъ опредѣляетъ число жертвъ около 4,000, не менѣе 3,500 и по всей вѣроятности болѣе 4,000.

Мужчины, женщины и дѣти умерщвлялись самымъ варварскимъ способомъ, неописуемыя звѣрства производились надъ всѣми. Люди прокалывались штыками и раненые сжигались и засыпались въ землю; женщины под-

вергались насилію и затѣмъ умерщвлялись штыками или саблями; беременнымъ женщинамъ распарывали животы; малолѣтніе и дѣти насаживались на штыки и убивались саблями; дома предавались пламени и люди ввергались въ огонь.

Непзъяснимый ужасъ этихъ трехъ недѣль долженъ былъ многихъ свести съ ума. Рассказываютъ, что одинъ солдатъ нашелъ красиваго ребенка и, тронутый состраданіемъ, хотѣлъ спасти его. Мать нашли въ толпѣ бѣдныхъ женщинъ, но она находилась уже въ состояніи безумія; хотя несчастная призывала своихъ дѣтей, она не узнала ребенка и солдатъ убилъ его.

Турецкая администрація употребляла всѣ усилія помѣшать слѣдственной европейской комиссіи и подготовить страну для слѣдствія путемъ освобожденія изъ тюремъ невинныхъ людей.

В... 29 декабря 1894 г.

Битлисскій губернаторъ требуетъ установленія кордона вокругъ Муша, потому что тамъ холера. Такимъ образомъ, консульская комиссія отсрочивается. Турецкая комиссія въ настоящее время въ Мушѣ. Только президентъ ея отставленъ. Между тѣмъ, бѣглецы изъ Сасуна разсыпались по странѣ, прося подаенія. Ихъ рассказы вмѣстѣ съ рассказами солдатъ подтверждаютъ самыя ужасныя сообщенія о жестокостяхъ, производившихся надъ армянами.

При этомъ нужно помнить, что то же самое въ меньшемъ размѣрѣ происходитъ во всей странѣ.

Двѣ недѣли тому назадъ 36 человѣкъ были выпущены изъ Б...ской тюрьмы, въ которой они просидѣли 3 года и 3 мѣсяца. Нѣсколько болѣе 3 лѣтъ тому назадъ 3 армянина были убиты самымъ жестокимъ способомъ въ Нарманскомъ округѣ, на сѣверъ отъ города Нармана и недалеко отъ русской границы. Къ слѣдствію привлечены были нѣсколько турокъ, которыхъ затѣмъ отпустили. Черезъ нѣкоторый промежутокъ времени были убиты и изуродованы три турка,—убійство совершено было очевидно изъ мести. Тогда всѣ взрослые жители двухъ селеній, въ числѣ 62 человѣкъ, были заключены въ тюрьму. Нѣкоторыхъ изъ нихъ приговорили къ смерти, другихъ—къ пожизненному заключенію, остальныхъ—къ заключенію на разные сроки. Часть этихъ лицъ, кажется, 15 человѣкъ, умерла въ тюрьмѣ. 36 были выпущены на-дняхъ, а 11 человѣкъ до сихъ поръ находятся въ тюрьмѣ. Всѣ они испытали страшныя страданія въ теченіе этихъ трехъ лѣтъ.

Въ какомъ состояніи освобожденные теперь найдутъ свои дома? Почти несомнѣнно, что никто изъ нихъ ничего не знаетъ объ убійствѣ и не имѣлъ къ нему никакого отношенія. Говорятъ, что убійца хорошо извѣстенъ и находится въ Россіи. Этотъ случай—сасунская исторія въ меньшемъ видѣ.

Ради Бога, не давайте общественной совѣсти снова забыть объ этомъ царствѣ ужаса. Страна находится почти въ оцѣпенѣніи отъ ужаса и страха.

Еще документъ:

А... 7 января 1895 г.

Важность настоящаго кризиса все болѣе и болѣе выростаеь въ моихъ глазахъ. Во-первыхъ, Турція готовится къ страшной катастрофѣ, подавляя армянъ и вооружая мусульманское населеніе въ Сивасѣ, Алеппо, Кастануни и другихъ провинціяхъ; во-вторыхъ, гнетъ усиливается всюду, за исключеніемъ трехъ провинцій, въ которыхъ коммиссія начинаетъ слѣдствіе.

Въ Ванѣ и Битлисѣ аресты и застрашиванье свидѣтелей продолжалось вплоть до пріѣзда туда слѣдственной коммиссіи. Тогда былъ данъ приказъ остановиться, и теперь эти провинціи обнаруживаютъ первые признаки спокойствія, котораго они не знали въ теченіе 3 лѣтъ.

Эта политика постоянной рѣзни и насилій находитъ благопріятную почву въ глубокомъ невѣжествѣ, господствующемъ всюду относительно дѣйствительнаго положенія дѣлъ въ Турціи. Полагаютъ, что сасунскій разгромъ нѣчто исключительное и что поэтому нѣтъ основанія для европейскаго вмѣшательства въ турецкія дѣла ради интересовъ христіанъ. Необходимо ввести во всеобщее сознаніе, что Турція поставила своею цѣлью *истребленіе* христіанъ *во всей имперіи* и что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ она проводитъ эту политику. Въ виду этого, если бы даже и не произошло послѣдняго разгрома, обязанность Европы не дать Турціи играть роль антихриста, все-таки, были бы очевидна.

Б... 25 января 1895 г.

Отъ 8 до 10 тысячъ смертей, кажется, не мало, но способы убійствъ не поддаются описанію. Нѣкоторые были посажены на колъ, другіе заживо похоронены, третьи сожжены въ домахъ при помощи керосина; беременнымъ женщинамъ распарывали животы, дѣтей поднимали за волосы и отсѣкали имъ головы, какъ будто это были никауда негодные чурбаны, сотни женщинъ подвергались изнасилованью со стороны грубыхъ солдатъ и затѣмъ были убиты.

Слѣдующее письмо написано въ Соединенныхъ Штатахъ лицомъ, прошедшимъ годы въ самомъ центрѣ несчастной страны:

Нью-Йоркъ, 25 января 1895 г.

До мая мѣсяца 1894 г., когда я покинулъ Ванъ, все христіанское населеніе этой мѣстности находилось просто въ оцѣпенѣніи отъ ужаса; но среди армянъ не было никакихъ проявленій революціоннаго броженія. Если бы подготавливалось возстаніе, то, конечно, признаки этого можно было бы скорѣе всего замѣтить въ вилайетахъ (провинціяхъ) Вана и Битлиса, гдѣ возбужденіе наиболѣе сильно.

Получено еще много другихъ писемъ, не заключающихъ въ себѣ никакихъ новыхъ фактовъ, но подтверждающихъ во всѣхъ подробностяхъ

то, что сообщено здѣсь. Извлеченія изъ нихъ не прибавили бы ничего къ сказанному.

Многіе, не сдѣлавшіе никакихъ сообщеній, но знающіе, что подобныя сообщенія были сдѣланы другими, говорятъ: «Вы вполне можете вѣрить всему этому и даже большому, потому что страшныя подробности, о которыхъ передаютъ, становятся все ужаснѣе и ужаснѣе». «Никакіе рассказы объ этомъ чудовищномъ событіи не могутъ быть преувеличены» и т. д., и т. д.

Приводимъ извлеченіе изъ письма, присланнаго изъ одного города въ провинціи Эрзерумъ. Это—письменное свидѣтельство чистой и благородной христіанки, являющейся только одной изъ сотенъ, дѣлающихся жертвами мусульманъ. Письмо предназначалось для любимаго учителя бѣдной жертвы. Пусть Богъ и читатель судятъ,—говоритъ Гринъ,—дурно ли поступаю я, печатая его. Помните, что въ Сасунѣ царитъ молчаніе смерти, а въ другихъ мѣстностяхъ ужасъ скрываетъ языки. Письмо помѣчено 4 ноября 1894 г. с. ст., т.-е. 16 ноября. Оно краснорѣчиво своимъ пагосомъ отчаянія и характерно для состоянія страны, въ которой подобные факты составляютъ обычныя явленія и борьба противъ нихъ безнадежна.

Ж... 4 ноября 1894 г.

Я умоляю и настоятельно прошу васъ вспомнить объ одной изъ вашихъ бывшихъ ученицъ и услышать мой вопль о сочувствіи и защитѣ. Я опозорена. О, горе мнѣ, вѣчное страданіе и печаль моему молодому сердцу! Его зовутъ Г—бей; онъ сынъ каймакама (мѣстнаго турецкаго начальника, живущаго въ селеніи). Случилось это вечеромъ между 6-ю и 7-ю часами. Я занята была своимъ домашнимъ дѣломъ и едва вышла за порогъ, какъ внезапно была схвачена четырьмя людьми. Они заглушили мои крики и грозили моей жизни и силой повели меня въ чужой домъ. О, какіе черныя часы протекли для меня, пока снова показался дивный свѣтъ солнца! Хотя эти строки написаны чернилами, но, вѣрьте мнѣ, онѣ написаны кровью и слезами.

Нижеслѣдующее письмо прислано изъ совершенно другой части Турціи, а не той, откуда предшествующія письма. Эта мѣстность расположена въ значительномъ отдаленіи отъ разгрома и, тѣмъ не менѣе, находится въ такихъ условіяхъ, которыя должны быть признаны удручающими. Авторъ не американецъ и не уроженецъ Турціи; онъ провель нѣсколько лѣтъ въ этой странѣ, и его имя, если бы мы могли назвать его, служило бы полною гарантіей достовѣрности сдѣланнаго мнѣ сообщенія.

Г... 11 января 1895 г.

Эти кордоны и карантинъ, въ связи съ чрезвычайными мѣрами предосторожности, принятыми со стороны турокъ, которые до того времени были совершенно неподвижны, будто бы въ виду холеры, находившейся повсюду еще очень далеко и въ совершенно другой сторонѣ, представляли дѣ-

всѣхъ нѣчто таинственное, хотя всякій зналъ, что предлогъ, выставявшійся для этихъ мѣръ, не былъ истинною причиною. Теперь, когда пришли извѣстія изъ Муша, тайна цѣлаго ряда кордоновъ между здѣшнею мѣстностью и Харпутомъ (Harpoot) объяснилась. Существуетъ серьезное основаніе предполагать, что мѣстные власти задумали всеобщее избіеніе или рядъ избіеній христіанскаго населенія. Мало вѣроятія, чтобъ определенное приказаніе въ этомъ смыслѣ было дано изъ столицы, но цѣлый рядъ недавнихъ событій показываетъ, что нескончаемыя преслѣдованія и угнетеніе христіанъ и вообще способы, къ которымъ прибѣгали раньше, чтобы сокрушить христіанское населеніе, признаны теперь недостаточными. Всюду власти обнаруживаютъ теперь дѣятельность, бдительность и энергію въ своемъ стремленіи окружить христіанъ и уничтожить ихъ имя и существованіе. Это указываетъ на возникновеніе новаго плана, который предполагается привести въ исполненіе въ возможно скоромъ времени. Горе злополучнымъ христіанамъ, остающимся еще въ этой странѣ, если только европейскія и американское правительства не обратятъ вниманія на послѣднія событія въ Турціи! Въ такомъ случаѣ, христіанскіе народы, не принимая участія въ томъ, что, безъ сомнѣнія, рано или поздно послѣдуетъ, будутъ нести часть вины за пролитіе крови своихъ единовѣрцевъ...

Другой случай, къ которому я имѣлъ отношеніе, получалъ такой же исходъ. Послѣднею весной одна женщина, протестантка въ И., подверглась нападенію со стороны трехъ турокъ и была изнасилована. Ихъ судили въ Ф. и признали виновными; но гнусный судъ въ С., подъ влияніемъ еще болѣе гнуснаго мутесарифа (губернатора), пересмотрѣлъ дѣло, отмѣнилъ рѣшеніе и оправдалъ виновныхъ. Никакого исхода не существуетъ. Нельзя апеллировать. Единственное, что можно было бы сдѣлать, это—преслѣдовать С-скій судъ, но при настоящемъ положеніи вещей такой актъ былъ бы совершенно бесполезенъ. Результатомъ подобныхъ условій должно быть то, что преступленія указаннаго характера будутъ повторяться все чаще и чаще, потому что преступники поощряются безнаказанностью своихъ дѣйствій.

Правительство какъ будто смотритъ въ настоящее время съ особенною подозрительностью на Г. «Вали» (генералъ-губернаторъ) утверждаетъ, что здѣсь существуютъ тайныя общества. Я сказалъ ему, что теперь въ Г. нѣтъ ничего подобнаго. Несчастные жители боятся открыть ротъ или выходить изъ своихъ домовъ. Вы съ трудомъ можете представить себѣ, какія перемѣны произошли въ населеніи въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ мѣсяцевъ. Ужасъ и недоумѣніе такъ овладѣли жителями, что обнаруживаются даже въ ихъ манерахъ. На дняхъ здѣсь было отобрано у населенія всякое оружіе.

«Каймакамъ» (мѣстный начальникъ) и офицеры производятъ каждую ночь обходы по улицамъ и по дорогѣ въ Е. Офицеры и солдаты пытались вовлечь христіанъ въ ссору, но это имъ до сихъ поръ не удавалось. Ночью на этой недѣлѣ «коммисаръ» (начальникъ полиціи) безъ всякаго повода выстрѣлилъ три раза въ одного христіанина, но послѣдній не оказалъ никакого сопротивленія. Мусульманскіе офицеры захватываютъ имущество

христіанъ и поступаютъ по своему произволу, не сообразуясь ни съ закономъ, ни со справедливостью...

Церковь и школа въ О. закрыты и въ теченіе двухъ мѣсяцевъ жителямъ не позволяли собираться для богослуженія. Имъ запрещаютъ даже совершать молитвы у себя на дому.

Въ заключеніе обзора данныхъ о рѣзнѣ въ Сасунѣ, Гринъ отмѣчаетъ, что исторіи Турціи за одно нынѣшнее столѣтіе пять болѣе крупныхъ случаевъ рѣзни, имѣвшихъ цѣлю, приравнившись къ ничтожному поводу *разрываетъ* ряды увеличивавшагося христіанскаго населенія. Вотъ общее количество.

Безоружныхъ подданныхъ христіанъ, умерщвленныхъ въ Турціи въ періодъ отъ 1820 по 1894 г.:

Въ 1822 г. греки, особенно въ Хіосѣ	50,000
» 1850 » несторіанцы и армяне въ Курдистанѣ	10,000
» 1860 » марониты и сирійцы въ Ливанѣ и Дамаскѣ	11,000
» 1876 » болгары въ Болгаріи	10,000
» 1894 » армяне въ Арменіи, Сасунѣ	12,000

Итого 93,000

Приведенныхъ фактовъ достаточно, чтобы признать въ высшей степени справедливымъ образъ дѣйствія русской, англійской и французской дипломатіи, потребовавшей у Турціи прекращенія мусульманскихъ звѣрствъ.

Z.

Очерки провинціальной жизни.

Недавно изданъ отчетъ попечителя кіевскаго учебнаго округа о состояніи дѣла народныхъ школъ въ трехъ юго-западныхъ губерніяхъ, не имѣющихъ земскихъ учреждений, и въ двухъ земскихъ губерніяхъ, въ Черниговской и Полтавской. Отчетъ этотъ еще лишній разъ свидѣтельствуетъ, что земскія губерніи рѣшительно по всѣмъ пунктамъ побиваютъ дореформенныя въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ дѣло народнаго просвѣщенія. Въ то время, какъ въ трехъ губерніяхъ юго-западнаго края къ 1 января 1895 г. имѣлось всего лишь 793 народныхъ училища, въ Черниговской и Полтавской ихъ было 1,322; въ теченіе года общее число училищъ увеличилось въ юго-западномъ краѣ на 4, а въ двухъ земскихъ губерніяхъ—на 23. Отрывались здѣсь новыя училища по почину земствъ, сельскихъ обществъ и частныхъ лицъ. Въ губерніяхъ юго-западнаго края одно народное училище приходится на 11,417 жителей; въ Черниговской губерніи одно училище приходится на 3,449 жителей, въ Полтавской—на 3,844. При этомъ обращаетъ на себя вниманіе также и то обстоятельство, что при числѣ школъ въ губерніяхъ юго-западнаго края чуть не вдвое меньше, чѣмъ въ двухъ земскихъ губерніяхъ, и при менѣе удовлетворительномъ ихъ состояніи, израсходованная на содержаніе ихъ сумма не достигаетъ расхода земскихъ губерній лишь на 59 тысячъ рублей. Читатель согласится, что цифры эти весьма краснорѣчивы.

Рядомъ съ этимъ отчетъ отмѣчаетъ еще одну важную сторону въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, а именно затрудненія, которыя встрѣчаетъ распространеніе народныхъ школъ со стороны епархіальнаго начальства. Отчетъ указываетъ, что нерѣдко все бываетъ готово къ устройству министерскаго училища, но епархіальное начальство не даетъ согласія на открытіе училища и дѣло это не осуществляется. Въмѣсто солидарной работы для умноженія количества школъ и улучшенія ихъ качества, вѣдомства спорятъ между собою, дѣлаютъ затрудненія и въ итогѣ—школы нѣтъ. Совершенно справедливо замѣчаетъ *Недѣля*, что если, при наличныхъ условіяхъ, нельзя разсчитывать на полную солидарность въ учебномъ дѣлѣ свѣтскаго и духовнаго вѣдомствъ, то слѣдовало бы хотя установить здѣсь

взаимное непретятствованіе. Односторонніе защитники церковныхъ школъ,—продолжаетъ газета,—ввели, какъ извѣстно, въ обычай совершенно нежелательные полемическіе приемы. Поддержкѣ земскихъ и другихъ, такъ называемыхъ, свѣтскихъ училищъ они часто стараются приписывать какіе-го противуцерковные мотивы, стремленіе ослабить религіозный характеръ обученія, вообще стараются набросить на своихъ противниковъ какую-то тѣнь неблагонадежности. Но подобныя утвержденія совершенно произвольны. Сторонники свѣтскихъ школъ, во всякомъ случаѣ, друзья народнаго образованія и въ расчетъ ихъ не можетъ входить устраненіе церковной школы только изъ-за того, что она церковная. Они не могутъ не радоваться каждому добавочному средству народнаго образованія. Если въ содѣйствіе съ земскимъ или министерскимъ училищемъ устроится еще церковное,—выгода, съ ихъ точки зрѣнія, представляется уже въ томъ, что, вмѣсто одного училища, будутъ два. Много ли, мало ли добавитъ пользы лишняя школа, но, во всякомъ случаѣ, добавитъ, а не убавитъ. Весь интересъ ихъ лишь въ томъ, чтобы ученье было дѣйствительнымъ, а не номинальнымъ, и шло возможно успѣшнѣе. Расположеніе къ свѣтской школѣ тутъ просто объясняется тѣмъ, что въ ней ученье у всѣхъ на виду, подвергается достаточному контролю, обставлено большими гарантіями и результаты его сказываются нагляднѣе. Какъ не стоять за то обученіе, дѣйствительность котораго внѣ всякихъ сомнѣній? Если рядомъ появится церковная школа, обладающая тѣми же качествами, то противъ нея едва ли скажетъ слово хотя бы одинъ сторонникъ свѣтскаго училища. Но, разумѣется, они говорятъ иначе, когда церковную школу предлагают не добавокъ, а *взамнѣ* земской или министерской, такъ какъ тутъ послѣдняя устраняется навѣрно, а что явится вмѣсто нея—остается неяснымъ, проблематическимъ.

Тому же предмету посвящаетъ въ послѣдней почтѣ статью *Нижегородскій Листокъ*. Указывая на фактъ весьма частыхъ сообщеній въ провинціальной прессѣ о существованіи антагонизма между земскими и церковно-приходскими школами, газета справедливо замѣчаетъ, что такой антагонизмъ не только тормазитъ дальнѣйшее развитіе школьнаго дѣла, но прямо вредитъ ему, калѣчитъ его. Земская школа,—говоритъ газета,—есть результатъ неусыпныхъ земскихъ трудовъ; она выработала цѣлую систему начальнаго образованія, внесла въ него бодрый духъ общественной инициативы и можетъ служить теперь образцомъ для младшей сестры своей—церковно-приходской школы. Послѣдней, чтобы стоять на высотѣ своихъ задачъ, волей-неволей приходится идти на выучку и заимствовать изъ опыта земскихъ школъ все необходимое для правильной постановки своего дѣла. И въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, дѣйствительно, имѣютъ мѣсто подобнаго рода отношенія церковно-приходской школы къ земской. Такъ, недавно сообщалось въ самарскихъ газетахъ, что мѣстное епархіальное начальство организовало курсы для вольно-наемныхъ учителей церковно-приходскихъ школъ и пригласило для руководства ими учителей городскихъ и земскихъ школъ.

Это доказываетъ, что учрежденіе, стоящее во главѣ духовныхъ школъ, ясно сознаетъ всѣ преимущества земской школы и беретъ ее себѣ за образецъ. Однако, этого сознанія, и то лишь въ области практики педагогическихъ пріемовъ, конечно, далеко не достаточно. Церковно-приходскія школы ставятъ себѣ слишкомъ исключительныя задачи и выполняютъ ихъ при помощи также слишкомъ исключительной программы. Общеобразовательныя дѣли не привлекаютъ вниманія этихъ школъ, и идеаломъ ихъ является обученіе учащихся псалтыри.

Какъ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія земскія губерніи оставили далеко позади себя губерніи не-земскія, такъ равно онѣ опередили вторыя и въ другихъ сферахъ мѣстныхъ нуждъ: въ организаціи медицинскон помощи населенію, въ распространеніи среди крестьянства агрономическихъ знаній, въ устройствѣ страхового дѣла, въ организаціи общественнаго призрѣнія. Какъ благотворно отразилось у насъ начало самоуправленія на ходѣ общественныхъ дѣлъ, объ этомъ, между прочимъ, наглядно свидѣтельствуетъ изданная недавно комиссіей по пересмотру законовъ объ общественномъ призрѣніи брошюра, содержащая въ себѣ данныя о состояніи общественнаго призрѣнія въ Россіи. Данныя касаются 28 земскихъ губерній и 16 губерній, не имѣющихъ земскихъ учреждений. Въ дореформенное время, — читаемъ въ брошюрѣ, — на одну губернію приходилось 9,5 больницъ, а одинъ домъ умалишенныхъ существовалъ почти на полторы губерніи. Какъ ни ничтожно было число этихъ учреждений, тѣмъ не менѣе, оно еще уменьшилось въ 16 не-земскихъ губерніяхъ. Въ нихъ въ девяностыхъ годахъ на губернію приходится только около 7,4 больницъ, одинъ домъ умалишенныхъ оказывается учрежденнымъ чуть не на двѣ губерніи. Затѣмъ богадѣленъ и инвалидовныхъ домовъ въ шестидесятыхъ годахъ числилось на губернію въ среднемъ по 2, теперь же въ не-земскихъ губерніяхъ на каждую изъ нихъ приходится 1,86 такихъ заведеній. Одинъ сиротскій или воспитательный домъ приходился въ дореформенное время на 1,2 губ., теперь же приказы общественнаго призрѣнія имѣютъ одно такое учрежденіе на 2,5 губерніи. Очевидное изъ этихъ данныхъ уменьшеніе числа благотворительныхъ учреждений въ не-земскихъ губерніяхъ служить, по совершенно справедливому утверженію брошюры, «самымъ яснымъ и опредѣленнымъ указаніемъ на полную несостоятельность веденія этого дѣла безъ участія въ немъ общественныхъ силъ», а лишь при посредствѣ однихъ чиновниковъ приказовъ общественнаго призрѣнія. Какъ велико значеніе самоуправления въ дѣлѣ общественнаго призрѣнія, видно, между прочимъ, изъ того, что въ земскихъ губерніяхъ число больницъ за послѣднія 30 лѣтъ почти утроилось и возросло въ среднемъ до 26,6 на губернію. Домъ умалишенныхъ приходится уже не на полторы губерніи, а почти каждая имѣетъ два такихъ заведенія. Число богадѣленъ и инвалидовныхъ домовъ увеличилось почти въ 5 разъ: вмѣсто двухъ богадѣленъ на одну губернію, теперь ихъ насчитываютъ до 9,8. Сиротскихъ и воспитательныхъ домовъ приходится по 2 на губернію, тогда какъ въ дорефор-

менное время одинъ такой домъ существовалъ на 1,2 губернію. Кромѣ того, земскія и городскія учрежденія оживили дѣятельность населенія и общими силами установили цѣлый рядъ новыхъ видовъ благотворительной помощи и учредили новыя заведенія для призрѣнія бѣдныхъ. Установивъ тотъ фактъ, что въ не-земскихъ губерніяхъ слабо развита городская и частная благотворительность, тогда какъ въ земскихъ она сдѣлала большіе успѣхи, брошюра выясняетъ, что это обстоятельство находится въ тѣсной связи съ тѣмъ общимъ повышеніемъ во всемъ населеніи общественной самодѣятельности, которое является прямымъ слѣдствіемъ земскаго самоуправления. Повысивъ въ населеніи интересъ къ общественнымъ дѣламъ и живымъ примѣромъ подтвердивъ важность участія въ нихъ общественныхъ силъ, земское самоуправленіе однимъ фактомъ своего существованія вызвало населеніе къ самодѣятельности и къ инициативѣ въ дѣлахъ, по привычкѣ считавшихся въ не-земскихъ губерніяхъ «предметомъ вѣдѣнія» приказовъ и другихъ казенныхъ учреждений.

Много усилій затрачиваетъ земство также на дѣло поднятія экономическаго состоянія крестьянства. Но здѣсь, какъ мы уже не разъ указывали, результаты далеко не соответствуютъ усиліямъ. Обозрѣвая въ ноябрьской книжкѣ за прошлый годъ двадцатипятилѣтнюю дѣятельность полтавскаго земства, мы видѣли, какихъ большихъ результатовъ достигло это земство въ области народнаго образованія, въ дѣлѣ медицинской организаціи, въ устройствѣ путей сообщенія и въ страховомъ дѣлѣ. Здѣсь въ четверть вѣка полтавское земство сумѣло сдѣлать то, чего не дали мѣстному населенію цѣлыя столѣтія. И, рядомъ съ этимъ, какъ печальны результаты работы того же земства въ области экономической! А, между тѣмъ, какъ читатель видѣлъ, на борьбу съ экономическими недугами, на заботы объ обезпеченіи народнаго продовольствія, на развитіе матеріальнаго благосостоянія населенія полтавскимъ земствомъ затрачено еще больше усилій, чѣмъ на перечисленныя выше области народнаго благоустройства. Ни въ одной сферѣ своей дѣятельности полтавское земство не возбуждало и не обсуждало столько вопросовъ, не предпринимало такого значительнаго количества мѣропріятій, какъ въ сферѣ экономической. Цѣлая система мѣръ была выработана земствомъ для улучшенія экономическаго положенія населенія. Отправляясь отъ точнаго знанія быта и нуждъ населенія, земская мысль работала: надъ улучшеніемъ организаціи продовольственнаго дѣла, надъ устройствомъ мелкаго сельскаго кредита, надъ учрежденіемъ банка, облегчающаго малоземельнымъ крестьянамъ пріобрѣтеніе земли, надъ устраненіемъ цѣлой кучи посредниковъ въ торговлѣ хлѣбомъ, надъ упорядоченіемъ провоза хлѣба по желѣзнымъ дорогамъ, надъ усовершенствованіемъ ремесленной и кустарной промышленности путемъ устройства профессиональныхъ школъ, надъ упорядоченіемъ массоваго движенія рабочихъ на заработки въ южныя и юго-восточныя губерніи, надъ поднятіемъ интензивности земледѣльческаго труда путемъ устройства опытныхъ полей, складовъ земледѣльческихъ орудій и машинъ, надъ устраненіемъ

законодательных мѣръ, препятствующихъ развитію табаководства, надѣ мѣрами къ развитію лѣсопосаженій, имѣющихъ огромное значеніе въ экономическомъ и климатическомъ отношеніяхъ въ такой безлѣсной губерніи, какъ Полтавская, надѣ мѣрами къ развитію мѣстнаго скотоводства, коневодства, овцеводства и еще надѣ многими другими задачами. Такъ многообразна была экономическая дѣятельность полтавскаго земства. И вотъ эта многообразная, устойчивая и, надо сказать, умѣлая работа земства, все-таки, не достигла того, чтобы улучшить экономическое положеніе мѣстнаго сельскаго населенія. Результаты, полученные здѣсь земствомъ, не стоятъ въ соотвѣтствіи съ затраченными имъ усиліями. И это признало само земство еще до наступленія даже «голодныхъ годовъ». «Несмотря на многочисленныя мѣропріятія въ экономической области,—говорится въ одномъ изъ докладовъ губернской управы,—Полтавская губернія сдѣлала мало успѣховъ, а въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности даже значительно пошла назадъ. Въ земледѣліи, за самыми немногими исключеніями, господствуетъ и теперь, какъ и прежде, безсистемное хозяйство, совершенно источающее землю, и практикуются первобытные способы обработки полей. Сельско-хозяйственная промышленность, говоря вообще, не только не поднялась въ теченіе этого времени, но во многихъ случаяхъ даже упала. Скотоводство и коневодство также падаютъ и давно уже потеряли свое прежнее значеніе. Табаководство, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ въ прежнее время очень распространенное и дававшее значительные доходы, теперь находится въ высшей степени упадка и во многихъ мѣстахъ даже совершенно прекратилось. Городскіе и сельскіе ремесленные промыслы, а также кустарная промышленность скорѣе обнаруживаютъ попятное движеніе, чѣмъ прогрессъ; изслѣдованіе кустарныхъ промысловъ показало, что экономическое положеніе мѣстныхъ кустарей стоитъ даже ниже, чѣмъ у земледѣльческой части населенія. Изслѣдованіями констатировано также, что почти во всѣхъ отрасляхъ кустарнаго промысла замѣчается упадокъ техники и уменьшеніе заработковъ сравнительно съ недавнимъ прошлымъ. А, между тѣмъ, взамѣнъ упавшихъ или исчезнувшихъ отраслей мѣстной промышленности на смѣну имъ новыхъ почти не появилось».

Главная причина такого печальнаго экономическаго положенія населенія въ Полтавской губерніи, какъ и во многихъ другихъ, заключается въ *малоземельи* крестьянъ. Земство не имѣетъ средствъ устранить эту коренную причину, а неустраненіе коренной причины парализуетъ въ значительной степени всѣ усилія, всѣ многообразныя мѣропріятія земства къ поднятію матеріальнаго благосостоянія населенія. Одной изъ важныхъ заботъ земства является повышеніе производительности почвы, усовершенствованіе земледѣльческой культуры; но огромное большинство крестьянъ не имѣетъ средствъ для улучшенія своего сельскаго хозяйства, имъ «нечѣмъ взяться», и вотъ, въ результатъ своей неустанной работы на пользу населенія, земство должно признать, что результаты его экономической дѣятельности незначительны, что въ земледѣліи, за самыми немногими исклю-

ченіями, господствуетъ и теперь, какъ прежде, примитивное, истощающее землю хозяйство.

Достаточное по мѣстнымъ условіямъ количество земли въ крестьянскомъ хозяйствѣ является, разумѣется, однимъ изъ важнѣйшихъ элементовъ для образованія въ крестьянскихъ рукахъ средствъ къ улучшенію земледѣльческаго промысла. Но столь же понятно, что одна достаточность землевладѣнія не гарантируетъ еще возможности сельско-хозяйственного прогресса. Не будетъ двигаться впередъ сельское хозяйство народа, если податная система беретъ у крестьянской массы значительную часть ея дохода; не будетъ двигаться сельско-хозяйственный промыселъ или будетъ двигаться очень медленно, если не будетъ организовано въ достаточныхъ размѣрахъ распространеніе въ народѣ сельско-хозяйственныхъ знаній. Вотъ именно всѣ эти условія и имѣются въ настоящее время у насъ налицо. Вслѣдствіе этого даже въ губерніяхъ съ достаточнымъ размѣромъ крестьянскаго землевладѣнія сельское хозяйство пребываетъ въ примитивномъ состояніи, почва истощается и экономическое положеніе населенія не представляется обезпеченнымъ.

Все болѣе и болѣе распространяется сознаніе, что причины разстроеннаго состоянія крестьянскаго хозяйства коренятся не въ случайныхъ или временныхъ факторахъ, каковыми являются неурожай, низкія цѣны на хлѣбъ и т. п., а въ постоянныхъ условіяхъ, въ которыхъ находится отечественное земледѣліе. Такое чрезвычайное бѣдствіе, какъ неурожай 1891 года, только усилило тяжесть положенія въ пораженныхъ имъ мѣстностяхъ, но не создавало ничего по существу новаго, чего бы не замѣчалось въ сосѣднихъ губерніяхъ, незатронутыхъ имъ.

Не имѣя возможности, по недостатку средствъ, производить земледѣльческія улучшения, требуемая возрастающею потребностью въ пищѣ, крестьянское населеніе испытываетъ повсемѣстно тяготу отъ земельной тѣсноты. Земельная тѣснота давитъ населеніе даже въ такихъ губерніяхъ, какъ Херсонская. Не такъ еще давно, — читаемъ въ *Одесскомъ Листкѣ*, — херсонскія степи славилась своимъ привольемъ и просторомъ. Густая трава, въ ростъ человѣка, покрывала обширныя новороссійскія степи, и въ ней свободно скрывались табуны дикихъ лошадей. Но все это миновало, и миновало безвозвратно. Заселеніе края шло быстрыми шагами, а съ нимъ вмѣстѣ все болѣе сокращалась свободная, не занятая земельная площадь. Еще сильнѣе дѣйствовали въ томъ же направленіи измѣненія въ условіяхъ владѣнія и пользованія землею. Уже до освобожденія крестьянъ размѣры крестьянскаго землевладѣнія далеко не соответствовали ихъ потребностямъ. Крестьянское населеніе Херсонской губерніи передъ реформой дѣлилось на слѣдующіе три разряда: южные военные поселяне, государственные крестьяне и помѣщичьи крестьяне. Въ среднемъ на 1 душу обоего пола приходилось земли: въ группѣ южныхъ военныхъ поселянъ 4 дес., помѣщичьихъ крестьянъ 2 дес., государственныхъ крестьянъ 4,8 дес. Слѣдовательно, передъ реформой въ распоряженіи крестьянъ, принадлежавшихъ казнѣ и

составлявшихъ 53,7 проц. крестьянскаго населенія, находилось 71,2 проц. крестьянской земли, т.-е. почти три четверти всѣхъ земель, бывшихъ въ пользованіи крестьянъ, такъ какъ у крестьянъ помѣщичьихъ, составлявшихъ 46,3 проц. крестьянскаго населенія, было только 28,8 проц., т.-е. немногимъ болѣе четверти этихъ земель.

Такимъ образомъ, уже до освобожденія далеко не всѣ группы крестьянскаго населенія пользовались тогдашнимъ земельнымъ просторомъ. Для бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ этотъ просторъ оказывался недоступнымъ. Правда, общее количество свободныхъ земель было весьма значительно, но крестьяне, по условіямъ крѣпостного права, не могли имъ воспользоваться. Крестьянская реформа и значительный приростъ крестьянскаго населенія за послѣдніа тридцать лѣтъ еще болѣе сократили размѣры крестьянскаго землевладѣнія. Хотя нормы, установленныя крестьянскою реформой для надѣленія землею, должны были выражать то среднее количество земли, которымъ крестьяне пользовались до 1861 года, но пѣлый рядъ ограниченій и изъятій изъ этого правила привелъ къ тому, что размѣры крестьянскаго землевладѣнія значительно сократились. Если сравнить составъ населенія и размѣры землевладѣнія по группамъ крестьянъ во время ревизіи 1858 г. и черезъ тридцать лѣтъ, то станетъ очевиднымъ, въ какой огромной степени увеличилась земельная тѣснота крестьянскаго населенія. Такъ, для группы южныхъ военныхъ поселенъ надѣленность двора и наличность души сократилась почти вдвое. У государственныхъ крестьянъ величина надѣла на наличную душу уменьшилась болѣе, чѣмъ вдвое. У помѣщичьихъ крестьянъ, рядомъ съ возросшимъ населеніемъ на 30 $\frac{1}{2}$ %, землевладѣніе уменьшилось на 52 $\frac{1}{2}$ %. За 30 лѣтъ, со времени послѣдней ревизіи въ 1858 г., крестьянское населеніе въ Херсонской губерніи увеличилось съ 692,104 душъ до 1.123,436; землевладѣніе же его, вмѣсто 2.205,501 дес. въ 1858 г., составляло 30 лѣтъ спустя 2.012,511 дес. Уже одинъ этотъ фактъ,—справедливо замѣчаетъ газета,—рисуетъ въ самомъ яркомъ видѣ современную земельную тѣсоту крестьянскаго населенія Херсонской губерніи. Но не слѣдуетъ упускать изъ вида все увеличивавшейся колонизаціи края иноземными пришельцами, возрастанія нѣмецкаго землевладѣнія въ губерніи, которыя еще болѣе отгнѣняютъ разсматриваемое явленіе. Конечно, въ губерніи существуетъ также большое количество частновладѣльческихъ земель, но онѣ или обрабатываются средствами самихъ владѣльцевъ, или отдаются въ аренду нерѣдко на весьма тяжелыхъ условіяхъ, распределены далеко неравномѣрно по губерніи и часто нисколько несообразно съ нуждою крестьянъ въ землѣ.

Недавно сотрудникъ *Одесскаго Листка*, Н. Е. Борисовъ, писалъ изъ Александрійскаго уѣзда, что жажда переселеній охватила здѣсь буквально весь народъ. «Тѣсно жить въ Александрійскомъ уѣздѣ!»—восклицаетъ г. Борисовъ. Такія же сообщенія получаютъ и изъ другихъ уѣздовъ. Вездѣ крестьянское землевладѣніе сильно сократилось. Такъ, въ Александрійскомъ уѣздѣ за 30 лѣтъ, со времени X ревизіи, крестьянское населеніе

увеличилось на 50 проц., землевладѣніе крестьянъ уменьшилось на 15,6 проц.; въ Елизаветградскомъ уѣздѣ населеніе возросло на 70 проц., землевладѣніе уменьшилось на 6,5 проц.; въ Анапьевскомъ населеніе увеличилось на 54,2 проц., землевладѣніе сохранилось на 20,8 проц.; въ Тираспольскомъ населеніе увеличилось на 56 проц., землевладѣніе уменьшилось на 20 проц.; въ Одесскомъ населеніе возросло на 45,5 проц., землевладѣніе сократилось на 14,6 проц.; въ Херсонскомъ уѣздѣ населеніе увеличилось на 81,6 проц., но землевладѣніе возросло только на 7,1 проц. Вообще, въ Херсонской губерніи крестьянское населеніе увеличилось за послѣднія 30 лѣтъ на 431,332 души или на 62%, землевладѣніе же сократилось на 192,989 дес. или на 8,8 проц. И такъ, повсюду, во всей губерніи, стало тѣсно. Народу прибавилось много—земли сильно убавилось. Не мудрено,—замѣчаетъ газета,—что земледѣльцы стремятся «въ Сибирь!», «въ Тоболы!», «на Амур!» въ надеждѣ найти тамъ много земли и другія хозяйственныя удобства.

Одинъ изъ важныхъ факторовъ къ поднятію матеріальнаго благосостоянія народа заключается въ распространеніи образованія. Въ этой области, какъ уже сказано, земствомъ сдѣлано много, особенно если принять во вниманіе его скудные бюджеты. Провинціальныя газеты время отъ времени подводятъ итоги дѣятельности по народному образованію то того, то другого земства. Въ послѣдней почтѣ мы нашли такой итогъ для вятскаго земства, напечатанный въ *Волжскомъ Вѣстникѣ*. Статья, озаглавленная *Что сдѣлало вятское земство въ области народнаго образованія за послѣднее трехлѣтіе*, свидѣтельствуетъ о разносторонней и энергичной дѣятельности этого почти исключительно крестьянскаго земства. До 1891 года вятское губернское земство ассигновало на содержаніе учебныхъ и другихъ воспитательнаго характера заведеній до 47,000 р.; но съ 1892 г. дѣятельность губернскаго земства по народному образованію еще болѣе расширилась. Въ этомъ году принять былъ докладъ губернской управы о распространеніи въ народѣ полезныхъ знаній путемъ бесплатной раздачи книгъ; для веденія этого дѣла въ первый годъ было ассигновано земствомъ 4,000 руб. Возбужденное земствомъ ходатайство о разрѣшеніи намѣченной мѣры было удовлетворено и въ первый же годъ приобретено 27,050 экземпляровъ книгъ для распространенія среди учащихся въ земскихъ школахъ. Въ послѣдующіе годы только половина ассигнуемыхъ ежегодно 4,000 р. пришлась на приобретение и раздачу книгъ учащимся, а остальныя средства употреблялись на приобретение книгъ для взрослого населенія. На такихъ основаніяхъ дѣло ведется до настоящаго времени. Кромѣ этого, въ минувшемъ году вятское земство ассигновало 50,000 руб. на учрежденіе особаго фонда, проценты съ котораго предназначены на покупку духовно-нравственныхъ и практически-полезныхъ книгъ, для бесплатной раздачу ихъ населенію Вятской губерніи. Въ томъ же 1892 году, когда впервые были ассигнованы средства на бесплатную раздачу книгъ, вятское губернское земство внесло въ сѣту 5,000 р. на устройство при народныхъ шко-

лахъ воскресно-повторительныхъ курсовъ. Курсы эти были учреждены какъ съ цѣлью поддерживать грамотность въ бывшихъ воспитанникахъ школъ, такъ и съ цѣлью продолжать обученіе тѣхъ лицъ, которые по домашнимъ обстоятельствамъ не могли окончить школьнаго курса. Земскія ассигновки на курсы въ томъ же размѣрѣ продолжались и въ послѣдующіе годы. Въ 1893—1894 учебномъ году учебно-повторительныя занятія велись при 96 школахъ и посѣщались 2,234 учениками и ученицами. Въ слѣдующемъ 1893 году вятское губернское земство ассигновало 2,000 р. на изданіе *Вятской газеты сельско-хозяйственной и кустарно-промышленной*. Эта газета разсылается бесплатно во всё сельскія общества, волостныя правленія, земскимъ гласнымъ, школамъ и многимъ другимъ лицамъ и учрежденіямъ. Всего разсылается бесплатно до 5,000 экземпляровъ. Изданіе это даетъ крестьянамъ періодически вполне доступный ихъ пониманію матеріалъ по многимъ отраслямъ жизни. Въ 1893 году въ вятскомъ земствѣ былъ возбужденъ вопросъ объ устройствѣ при всѣхъ школахъ Вятской губерніи народныхъ чтеній съ туманными картинами. Вслѣдствіе порученія губернскаго собранія, управой былъ представленъ на утвержденіе министерства народнаго просвѣщенія проектъ организаціи подобныхъ чтеній; но, не выжидая особыхъ разрѣшеній, губернская управа выхлопотала разрѣшеніе открыть чтеніе въ г. Вятѣ и Слободскомъ. Успѣхъ превзошелъ всё ожиданія—помѣщенія не могли вмѣстить всѣхъ желающихъ, въ виду чего губернское собраніе ассигновало въ прошломъ году 5,000 р. на организацію чтеній по всѣмъ уѣзднымъ городамъ и при всѣхъ школахъ губерніи. Раньше этого былъ принятъ докладъ объ учрежденіи въ г. Вятѣ при земской управѣ книжнаго склада для выписки школьныхъ учебниковъ и продажи населенію книгъ и картинъ. На обороты этого склада земствомъ ассигнованъ капиталъ въ 15,000 р. Складъ открытъ въ маѣ мѣсяцѣ прошлаго года и по 1 октября успѣлъ продать 23,945 экземпляровъ книгъ на 6,309 рублей. Последнее важное постановленіе вятскаго губернскаго земства въ цѣляхъ народнаго образованія, состоявшееся въ прошломъ году, касается устройства 3,000 маленькихъ бібліотечекъ въ каждомъ сельскомъ обществѣ Вятской губерніи, на что ассигновано 15,000 рублей. Таковыя данныя, опредѣляющія разностороннюю дѣятельность земства по развитію народнаго образованія въ вятскомъ краѣ.

Рядомъ съ развитіемъ общаго образованія, вятское земство не менѣе энергично работаетъ для распространенія сельско-хозяйственныхъ и техническихъ знаній. Повсюду, въ самыхъ глухихъ уголкахъ, имъ устроены «доказательныя участки» (на подобіе опытныхъ фермъ), число которыхъ, напримѣръ, достигло только по одному травосѣянію болѣе *двухъ тысячъ*. Вмѣстѣ съ тѣмъ принятъ рядъ мѣръ для облегченія крестьянамъ пріобрѣтенія улучшенныхъ орудій, сѣмянъ, хорошихъ удобреній, многопольныхъ сѣвооборотовъ и т. п. Для воспособленія кустарной промышленности земствомъ учрежденъ *кустарно-промышленный музей*. Важное значеніе этого музея будетъ понятно для читателя, если онъ знаетъ, что въ Вятской гу-

берніи кустарными промыслами занято до 160,000 человекъ при валовомъ годовомъ оборотѣ въ 16.000,000 рублей. Кустарно-промышленный музей, организованный по образцу лучшаго въ Россіи московскаго кустарнаго музея, открываетъ кустарямъ кредитъ, организуетъ сбытъ издѣлій и заботится объ усовершенствованіи техники производства. На обороты музея вятское земство отпустило 30 т. рублей. Благодаря его дѣятельности, кустари получили возможность покупать сырые матеріалы на 50% дешевле прежняго. Почти такой же размѣръ сбереженій достигается и при продажѣ ими своихъ издѣлій. Между тѣмъ, учрежденіе это вовсе не можетъ быть отнесено къ числу благотворительныхъ. Въ первый же годъ оно, за покрытіемъ всѣхъ издержекъ, дало около 1,000 р. чистаго дохода. При такихъ результатахъ земство нашло возможнымъ увеличить кредитъ музею до 50 тыс. рублей.

Весьма важный починокъ сдѣлало вятское земство также въ дѣлѣ уменьшенія для крестьянскаго населенія пожарныхъ убытковъ. Съ этою цѣлью оно выдаетъ крестьянамъ денежныя безпроцентныя ссуды на возведеніе каменныхъ построекъ и на устройство кирпичныхъ сараевъ. Мѣра эта, по словамъ *Вятскаго Края*, хотя существуетъ только второй годъ, оказала уже замѣтное вліяніе. Такъ, въ Яранскомъ уѣздѣ поступаетъ весьма много ходатайствъ о ссудѣ, и если въ другихъ уѣздахъ ихъ будетъ поступать столько же, то можно опасаться, что ассигнованнаго губернскимъ земскимъ собраніемъ кредита на этотъ предметъ окажется недостаточно для удовлетворенія всѣхъ такихъ ходатайствъ. Крестьяне, получившіе ссуду, обыкновенно немедленно приступаютъ къ владѣнію домовъ или къ выдѣлкѣ кирпича. Вслѣдствіе этого оказался большой спросъ на рабочихъ-каменщиковъ и кирпичниковъ. Этими промыслами въ Яранскомъ уѣздѣ занимаются по преимуществу «шанчурята», т.-е. малоземельные помѣщичьи крестьяне волостей, расположенныхъ вокругъ горъ Царевосанчурска. Въ прежніе годы они для этихъ промысловъ уходили въ дальній отходъ—за предѣлы своего уѣзда, въ губерніи: Костромскую, Нижегородскую, Казанскую, Уфимскую, Пермскую и за Уралъ—въ Сибирь. Теперь же не мало ихъ расходится уже по лѣснымъ починкамъ своего уѣзда. Въ будущемъ можно надѣяться, что если губернское земство увеличитъ кредитъ, то «шанчурята» за предѣлы своего уѣзда перестанутъ уходить, такъ какъ работать у крестьянъ въ починкахъ для нихъ выгоднѣе, чѣмъ у какихъ-либо крупныхъ подрядчиковъ на большихъ кирпичныхъ заводахъ, гдѣ и пища, и помѣщеніе для нихъ хуже и гдѣ ихъ нерѣдко притѣсняютъ. Здѣсь совсѣмъ не то: они чувствуютъ себя равными хозяевамъ, у которыхъ работаютъ. Съ ними он живутъ одною жизнью: вмѣстѣ съ ними пьютъ, ѣдятъ, и въ тѣхъ же помѣщеніяхъ ночуютъ. Заработокъ ихъ также повышается. Такъ, раньше до ссуды, имъ платили сдѣльной платы на 10—20 коп. менѣе съ каждой тысячи выработаннаго кирпича; можно надѣяться, что съ развитіемъ каменныхъ построекъ сдѣльная плата имъ еще увеличится. Мало этого, вмѣ-

стѣ съ ними и сами жители дѣсныхъ починковъ научатся дѣлать и обжигать кирпичъ.

Какимъ чрезвычайнымъ контрастомъ повѣсть на насъ, когда отъ этой плодотворной и энергичной земской дѣятельности мы перейдемъ къ безобразіямъ нижегородской ярмарки, являющимся слѣдствіемъ полного безучастія къ народной массѣ со стороны ярмарочнаго купеческаго комитета. Безобразія эти ярко нарисованы талантливою кистью нижегородскаго корреспондента *Русскихъ Вѣдомостей*. Въ исходѣ Нижегородской улицы, — рассказываетъ корреспондентъ, — гдѣ кончается ярмарочная территорія, переходя въ болота и пески волжскаго берега, расположены рядомъ двѣ площади. Одна называется Старой, другая — Новой Самокатской. На одной находятся балаганы, на другой нѣсколько деревянныхъ зданій, сколоченныхъ кое-какъ и кое изъ чего. Вотъ это и есть «самокаты». Года три назадъ здѣсь существовали карусели, отъ которыхъ и самая площадь получила названіе «самокатской». Уплативъ 5 коп. въ кассѣ у входа, вы подымались по лѣстницѣ въ верхнее помѣщеніе, гдѣ, кромѣ эстрады (для хора) и столиковъ, покрытыхъ залитыми и грязными скатертями, находился въ полу подвижной кругъ съ каруселью. Гдѣ-то внизу, въ подвальномъ этажѣ этого зданія, два или три дюжихъ золоторотца вращали съ утра до ночи вертикальный валь, — отъ этого наверху кругъ вертѣлся, а въ колясочкахъ карусели сидѣла простодушная, полупьяная публика, состоявшая изъ женщинъ легкаго поведенія, подвыпившихъ чернорабочихъ и прикащиковъ низшаго разряда, получая отъ того свое незатѣливое удовольствіе. Нижнее помѣщеніе «самокатовъ» представляло собою корридоры съ клѣтушками по бокамъ. По сравненію съ этими «номерами» даже верхняя зала «самоката» представлялась чѣмъ-то аристократическимъ. Здѣсь можно было видѣть, если вы рѣшались зайти сюда, двухъ потныхъ золоторотцевъ, тупо вращавшихъ воротъ самоката, а кругомъ въ отчаянномъ обнаженіи совершалось нѣчто не подлежащее описанію, подъ визгъ гармоніи, подъ пьяную пѣсню, подъ вопли пьяной драки, подъ глухой гулъ доносящагося сверху оркестра. Теперь карусели на самокатахъ уничтожены, но все остальное измѣнилось, все-таки, мало. Такія же клѣтушки, тотъ же голый разгулъ, тѣ же осипшіе хоры, тѣ же номера, тѣ же бани вокругъ площади, съ водой, проведенной изъ стоячихъ болотъ. Наконецъ, тѣ же дѣтскія лица, блѣдныя и испитыя, среди этой оргіи пьянства и разврата. Да, — пишетъ корреспондентъ, — очень туго поддается прогрессу ярмарка вообще, а эта ея сторона въ особенности. Многіе помнятъ «приказы» главноуправляющаго ярмаркой въ концѣ восьмидесятихъ годовъ, сочувственные встрѣченные всею прессой, — приказы, воспрещавшіе участіе въ хорахъ дѣтей. И, однако, тогда же пришлось констатировать, что дѣти пѣли и плясали на самокатахъ послѣ приказовъ, какъ и до ихъ изданія. «Впрочемъ, сказать правду, — замѣчаетъ авторъ корреспонденціи, — и въ освѣщенныхъ залахъ въ какомъ-нибудь Тулонѣ или у Омона сущность дѣла остается та же, слегка только прикрытая иною одеждой и нѣкоторымъ лоскомъ. Ярмарка

рочные хроникеры подробно описывали, какъ одинъ купецъ кинулъ 600 рублей въ крышню, чтобы онъ стоилъ ровно тысячу, а другой далъ вексель на двѣ тысячи двумъ пѣвицамъ за то, чтобы выкупать ихъ въ отдѣльномъ кабинетѣ въ шампанскомъ. Дѣвушки, несмотря на соблазнительную сумму, все упирались, и когда, несмотря на это, принесли лохань изъ-подъ стерлядей, долженствовавшую играть роль ванны, то уже наступило время запирать заведеніе, и купанье въ лохани не состоялось. Посмотрите на эти «пляски животовъ», этотъ канканъ на эстрадахъ лучшихъ гостиницъ, послушайте необыкновенныя пошлости, раздающіяся съ этихъ эстрадъ, прочитайте хотя бы въ мѣстныхъ газетахъ, что творится порой въ «отдѣльныхъ кабинетахъ», и вы, пожалуй, простите самокатамъ ихъ простодушную откровенность. Не такъ давно мнѣ пришлось прочитать въ газетѣ *Воляръ* очень мѣткое и совершенно правильное замѣчаніе. Говоря о народныхъ увеселеніяхъ на Старой и Новой Самокатской площадяхъ, газета отмѣчаетъ въ нихъ одну черту: самокатскій увеселитель, раздражая, какъ и другіе его собратія, чувственные и животные инстинкты, старается, въ то же время, затронуть любопытство и любознательность своихъ наивныхъ посѣтителей, удовлетворяя ихъ то панорамой, то звѣринцемъ, то якобы «анатоміей». Все это аляповато и грубо, но «самая попытка свидѣтельствуетъ о живыхъ и свѣжихъ, непосредственныхъ вкусахъ этой толпы». Отсюда, разумѣется, слѣдуетъ и прямой выводъ: «поставьте народныя развлеченія на болѣе разумную почву, дайте имъ образовательное, безъ морали и педанства направленіе»,—чтобъ они не потеряли характера отдыха и развлеченія,—и, конечно, вы не узнаете этой толпы и самокаты преобразятся гораздо успѣшнѣе, чѣмъ это могутъ сдѣлать всевозможныя «приказы». И даже удивительно, что до сихъ поръ никто еще не пытался сдѣлать хоть что-нибудь въ этомъ направленіи. Асфальтъ и электричество, театры и французскія пѣвицы... А для толпы—только готовое мѣсто для свального разврата, только дешевый кабакъ и дозволеніе привозить сколько угодно звѣринцевъ и сколько угодно падшихъ женщинъ... Неужели и предстоящая выставка застанетъ такое же положеніе этого дѣла?»

Отъ безобразій «всероссійскаго торжища», отъ безучастнаго въ полномъ смыслѣ слова отношенія ярмарочнаго комитета къ народной массѣ отдохнемъ снова душою на внимательной къ народнымъ интересамъ земской дѣятельности. Здѣсь на первый планъ выступаетъ возбужденный многими уѣздными и губернскими земствами вопросъ первоначальной важности,—вопросъ о *всеобщемъ обученіи*. Давно земство думало объ этомъ великомъ дѣлѣ, давно и неоднократно ходатайствовало о немъ, но, наконецъ, къ тридцатилѣтію своего существованія, оно рѣшилось поставить его на очередь и добиваться настойчиво его разрѣшенія. Вотъ извѣстный намъ перечень земствъ, приступившихъ уже къ статистическимъ изслѣдованіямъ требуемымъ этимъ огромнымъ дѣломъ, или окончившихъ ихъ: тверское, зубцовское, бѣжецкое, кашинское, весьегонское, московское, крестецко-

курское, старооскольское, ярославское, полтавское, саратовское, самарское, бунинское, балахнинское, орловское, казанское, олонекое. Что касается остальных земствъ, то почти всѣ они съ замѣчательнымъ единодушіемъ высказались за неотложность всеобщаго обученія и, несомнѣнно, на ближайшихъ земскихъ собраніяхъ сдѣлаютъ постановленія о собираніи матеріаловъ для выработки плана сѣти школъ, требуемаго всеобщимъ обученіемъ. Такой планъ, выработанный для всѣхъ земствъ, выяснитъ, какую часть расходовъ на народное образованіе въ силахъ принять на себя земство и какую часть должно принять на себя государство. Если, паче чаянія, государственный бюджетъ не расширить своей ассигновки на просвѣщеніе народа, тогда, по мысли нѣкоторыхъ земствъ, придется, хотя скрѣпя сердце, понизить уровень школы и, рядомъ съ господствующимъ типомъ земской школы, устраивать школы грамоты, придется сдѣлать это, только чтобы не отказывать въ первоначальномъ образованіи стучащейся въ школьныя двери огромной массѣ крестьянскихъ дѣтей. Въ такомъ именно смыслѣ высказались недавно коммиссія по народному образованію саратовскаго уѣзднаго земства и орловская уѣздная земская управа.

Прошлогоднее очередное земское собраніе Саратовскаго уѣзда поручило своей коммиссіи по народному образованію выработать планъ организаціи всеобщаго обученія въ уѣздѣ. Работу эту взялъ на себя предсѣдатель управы г. Кропотовъ, представившій теперь свои соображенія и предложенія въ особомъ докладѣ. Докладъ г. Кропотова, — какъ сообщаетъ *Саратовскій Листокъ*, — можно раздѣлить на двѣ части: въ одной авторъ сгруппировалъ свѣдѣнія о современномъ состояніи народнаго образованія въ уѣздѣ и о платежныхъ средствахъ населенія, въ другой — указываются пути для достиженія всеобщаго обученія. Школьный возрастъ составитель доклада опредѣляетъ 8—13 лѣтъ включительно. Такихъ дѣтей въ 1895 г. въ Саратовскомъ уѣздѣ насчитывалось 23,508, въ томъ числѣ 11,826 мальчиковъ и 11,682 дѣвочки. Но въ школахъ изъ нихъ обучалось *немного болѣе трети*—37,4%, а именно, въ земскихъ школахъ 4,816 мальчиковъ и 1,176 дѣвочекъ (25,5%), остальные 11,9% въ школахъ духовнаго вѣдомства: церковно-приходскихъ 578 дѣтей и школахъ грамоты 2,218. По полу учащихся отношеніе мѣняется: школы посѣщаетъ немного болѣе половины (57%) всѣхъ мальчиковъ въ возрастѣ 8—13 лѣтъ, дѣвочекъ же этого возраста учится въ школахъ едва $\frac{1}{6}$ или 17,5%. На содержаніе всѣхъ школъ въ уѣздѣ тратится сельскими обществами 19,273 руб., частными лицами 1,823 руб., духовнымъ вѣдомствомъ 907 руб. и земствомъ 22,397 р., а всего 44,402 руб. Приведенныя цифры выясняютъ большой недостатокъ школъ въ уѣздѣ. Г. Кропотовъ признаетъ, что именно этимъ, да еще бѣдностью населенія, слѣдуетъ объяснять, что до 15 тыс. дѣтей 8—13 лѣтъ не обучаются въ школахъ. «Не будемъ усматривать, — говоритъ онъ на стр. 32, — въ отсутствіи обязательнаго закона препятствія къ выполненію нашей задачи передъ населеніемъ. Мы, какъ практики жизни, знаемъ, что населеніе сознаетъ выгоды образованія, и что случаи противо-

дѣйствія его въ устройствѣ школъ должны объясняться не отсутствіемъ сознанія въ пользѣ просвѣщенія, а отсутствіемъ средствъ, боязнью лишняго налога. Ничѣмъ другимъ нельзя объяснить сильное развитіе въ поселеніяхъ такъ называемыхъ бродячихъ школъ, которыя содержатся прямо заинтересованными въ обученіи дѣтей отцами, а состоятельныхъ поселеній, къ сожалѣнію, мало и годъ отъ году становится меньше». У земства тоже нѣтъ средствъ для удовлетворенія всеобщей потребности въ образованіи надлежащимъ образомъ, путемъ насажденія всюду нормальныхъ земско-общественныхъ школъ. А потому, если государство не возьметъ на себя долю расходовъ въ этомъ дѣлѣ, земству придется пойти на компромиссъ и устраивать простыя школы грамоты въ тѣхъ селеніяхъ, которыя не могутъ дать нужныя средства на содержаніе нормальной земской школы.

Почти то же самое говорить вышедшій недавно отчетъ орловской уѣздной земской управы, предназначающійся къ представленію очередному орловскому собранію, и извлеченіе изъ котораго напечатано въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*. Отчетъ свой управа начинаетъ слѣдующими достойными вниманія словами: «Массовое невѣжество крестьянскаго населенія—такое страшное зло, устраненіе котораго должно быть первенствующею задачею учреждений, вѣдающихъ дѣло народнаго образованія. Не нужно фактовъ, они у всѣхъ на виду и говорятъ сами за себя. Русское общество вполне сознало, что безъ успѣшнаго разрѣшенія вопроса о народномъ образованіи невозможны дальнѣйшіе шаги по пути общественнаго и экономическаго развитія народа, и переживаемое нами время характеризуется усиленнымъ и повсемѣстнымъ интересомъ къ просвѣщенію народныхъ массъ. Повсюду открываются всякаго вида школы, бібліотеки, читальни, музеи, а въ земствахъ поднятъ вопросъ о всеобщемъ обученіи. Само собою разумѣется, что послѣдняя мѣра самая радикальная и, при возможности ея примѣненія, мало замѣтные пока результаты начальной школы стали бы нагляднѣе, явилась бы возможность распространенія въ народѣ профессиональныхъ знаній и, слѣдовательно, надежда на улучшеніе матеріальнаго быта». Сочувствуя широкой постановкѣ дѣла народнаго образованія, вполне сознавая необходимость всеобщаго обученія, орловская управа вынуждена заявить, что она не въ состояніи осуществить послѣднее мѣропріятіе, вслѣдствіе тяжелаго экономическаго положенія населенія. По вычисленію управы, для введенія въ уѣздѣ всеобщаго обученія потребуется ежегодно 70,560 р., да, кромѣ того, на устройство школьныхъ зданій, въ числѣ не менѣе 40, — около 30,000 р. одновременно или всего болѣе 100,000 р., «что, очевидно, не по силамъ земству». Даже обученіе всѣхъ мальчиковъ не можетъ быть приведено въ исполненіе по вышеизложеннымъ причинамъ. А потому, если земство въ его работѣ по народному просвѣщенію будетъ предоставлено почти исключительно собственнымъ силамъ, ему придется тогда подумать объ увеличеніи числа школъ грамоты и объ улучшеніи ихъ, поручивъ наблюденіе за ними земскимъ учителямъ. Но едва ли, прибавимъ отъ себя, послѣдняя

мѣра, — порученіе надзора земскимъ учителямъ, — можетъ дать какой-нибудь практическій результатъ.

Выйти изъ коллизіи между скудостью земскихъ финансовъ и настоятельною нуждой во всеобщемъ обученіи стремится также директоръ народныхъ училищъ Пермской губерніи, г. Раменскій, представившій недавно интересный докладъ всѣмъ уѣзднымъ земскимъ собраніямъ Пермской губерніи. Докладъ, прежде всего, устанавливаетъ тотъ фактъ, что дѣло всеобщаго обученія есть дѣло вполне назрѣвшее. Оно занимаетъ первенствующее положеніе почти во всѣхъ земскихъ собраніяхъ. Надъ нимъ работаютъ комитеты грамотности. Журналы, газеты и вообще печать отводятъ ему самое видное мѣсто. Въ народѣ возбуждено сильное стремленіе къ образованію. Указавъ на общую постановку въ настоящее время вопроса о всеобщемъ обученіи, докладъ переходитъ къ мѣстнымъ условіямъ школьнаго дѣла. Къ 1 января прошлаго года въ Пермской губерніи во всѣхъ начальныхъ школахъ училось дѣтей 81,446, тогда какъ по количеству населенія губерніи всѣхъ дѣтей школьнаго возраста должно считать около 188 тысячъ, т.-е. болѣе половины дѣтей еще не учится. Происходить это не отъ нежеланія учиться, а только отъ недостатка и переполненія школъ. Въ недостаткѣ школъ земство неповинно. Земство Пермской губерніи всегда шло на ряду съ лучшими земствами въ дѣлѣ народнаго образованія. Оно отдѣляло на него одну пятую своего бюджета. Но эти средства были недостаточны для удовлетворенія потребности въ образованіи. Между тѣмъ, стремленіе къ просвѣщенію очень сильно. Болѣе 12,000 дѣтей ходятъ въ школы изъ отдаленныхъ селеній. Ни бѣдность, ни плохіе пути сообщенія, ни метель и дожди не останавливаютъ ихъ; препятствуютъ имъ только одно, это — отказъ въ принятіи въ школу. Таково заявленіе всѣхъ инспекторовъ народныхъ училищъ. При наличности сильнаго стремленія въ населеніи отдавать дѣтей въ школу, можно ли оставить ихъ безъ обученія? Давать однимъ среднее и высшее образованіе, а другимъ никакого, едва ли можно признать правильнымъ, а если разсматривать это съ экономической стороны, то окажется, что безграмотность въ нѣсколько разъ дороже стѣитъ всеобщей грамотности, такъ какъ невѣжество лежитъ тормазомъ на развитіи силъ народа. «Каждый человѣкъ имѣетъ право на народное образованіе», — говоритъ докладъ и доказываетъ, что еще въ проектѣ устава учебныхъ заведеній 1856 года, напечатанномъ съ Высочайшаго соизволенія, начиналось въ § 1: «Народное просвѣщеніе составляетъ главную опору государства и источникъ его благосостоянія, а потому выгодами просвѣщенія должны пользоваться всѣ лица, безъ различія пола и званія». Народное образованіе было всегда дорогимъ земству дѣломъ. Земство, съ самаго начала его открытія, поняло и громко заявило, что только на образованіи народа можетъ быть построено благосостояніе общества; поэтому оно и удѣляло этому предмету свое преимущественное вниманіе. Въ теченіе тридцатилѣтней своей дѣятельности земство достигло многого по школьному образованію народа; настало время докончить начатое дѣло,

сдѣлать обученіе доступнымъ всему населенію, создать всеобщую грамотность. Для этого, прежде всего, нужна работа мѣстныхъ земцевъ. Въ основу разработки вопроса о всеобщемъ обученіи должно быть положено исчисленіе школъ всѣхъ вѣдомствъ и учащихся въ школахъ, количества всего населенія уѣзда и селеній съ указаніемъ въ каждомъ изъ нихъ числа дворовъ, жителей и дѣтей школьнаго возраста, распредѣленіе населенія въ томъ или другомъ районѣ, взаимныя разстоянія поселеній, выясненіе удобствъ путей сообщенія, указаніе центра для каждаго школьнаго района и его границъ, вообще опредѣленіе сѣти училищъ. Все это могутъ выполнить съ полнымъ знаніемъ дѣла только уѣздныя земства. Съ окончаніемъ этой работы выяснится уже вполне отчетливо, насколько у земства не хватаетъ средствъ для учрежденія требуемаго количества нормальныхъ школъ. Въ виду недостаточности средствъ, придется для малонаселенныхъ мѣстечекъ прибѣгнуть къ параллельнымъ отдѣленіямъ или филиальнымъ, какъ болѣе дешевымъ и доступнымъ. Эти отдѣленія необходимо поставить во взаимныя отношенія съ нормальными училищами двухклассными и одноклассными, изъ которыхъ могутъ быть взяты учителями окончившіе курсъ ученія, пробывшіе нѣкоторое время подъ руководствомъ и контролемъ преподавателей практикантами и помощниками въ младшемъ отдѣленіи нормального училища и достигшіе 16-ти лѣтняго возраста. Только при такой живой связи этихъ параллельныхъ отдѣленій съ нормальною школой—какъ бы матерью и могутъ принести они пользу. Дѣйствуя же изолированно, подобныя отдѣленія не могутъ имѣть такого значенія. Это уже доказали школы грамоты въ Шадринскомъ уѣздѣ. Учебники въ параллельныхъ отдѣленіяхъ должны быть одинаковы съ младшимъ отдѣленіемъ нормального училища; одинакова должна быть и программа, дабы желающіе и имѣющіе возможность продолжать ученіе могли переходить въ слѣдующее отдѣленіе нормального училища, а бѣдняки, которымъ трудна ходьба изъ своего селенія въ нормальную школу, заканчивали бы курсъ въ этихъ школахъ. Библиотека также могла бы быть общею для параллельныхъ отдѣленій съ нормальными училищами. Какъ сами преподаватели этихъ отдѣленій, такъ и окончившіе въ нихъ курсъ могли бы брать книги и продолжать самостоятельно свое образованіе. Вообще нормальное училище было бы центромъ для всѣхъ отдѣленій своего района и руководителемъ въ лицѣ своихъ преподавателей-законоучителей, учителей и учительницъ. Для нѣкоторыхъ же поселковъ явится необходимость организовать и передвижныя школы.

Сдѣлавъ такія уступки въ школьномъ дѣлѣ, авторъ доклада не теряетъ, однако, надежды на то, что когда будетъ разработанъ и поставленъ вопросъ о всеобщемъ обученіи, тогда и государственное казначейство придетъ на помощь, и министерство государственныхъ имуществъ—отпускомъ лѣса на постройку училищныхъ помѣщеній и надѣленіемъ школъ землю.

Если стремленіе земства раскрыть двери школы всѣмъ желающимъ учиться не осуществляется единственно по неимѣнію нужныхъ на то денежныхъ средствъ, то, очевидно, всякое значительное возростаніе зем-

скихъ бюджетовъ приближаетъ достиженіе этой цѣли. Такое именно возростаніе произошло благодаря изданному недавно закону объ отнесеніи на средства государственнаго казначейства нѣкоторыхъ обязательныхъ земскихъ расходовъ по содержанию судебныхъ, крестьянскихъ и др. учреждений. Закономъ этимъ предоставлено въ руки земскихъ учреждений и распорядительныхъ комитетовъ въ неземскихъ губерніяхъ болѣе 8 милліоновъ рублей. По § 3 закона освободившіяся суммы должны быть обращаемы на составленіе фонда для улучшенія грунтовыхъ и шоссеинныхъ дорогъ, имѣющихъ экономическое значеніе. Но § 7 закона допускаетъ, по ходатайствамъ губернскихъ собраній, обращеніе этихъ денегъ и на иныя потребности земскаго хозяйства, кромѣ дорожныхъ. Въ виду этого §, нѣкоторыми земствами и печатью уже ставится вопросъ о томъ, не правильнѣе ли будетъ употребить освободившіяся суммы на народное образованіе. Вопросъ этотъ особенно умѣстенъ въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ дорожное дѣло находится въ сравнительно удовлетворительномъ состояніи, какъ, напримѣръ, въ губерніяхъ Московской, Херсонской, Полтавской. Кто не сознаетъ важности улучшенныхъ путей въ дѣлѣ экономическаго роста страны; но мы также знаемъ,—замѣчаютъ *Полтавскія Ведомости*,— что могутъ быть потребности, требующія еще болѣе настоятельнаго удовлетворенія. Такою именно потребностью представляетъ народное образованіе. На содержаніе и улучшеніе путей въ Полтавской губерніи тратятся ежегодно довольно крупныя суммы, не мѣнѣе $\frac{1}{2}$ милліона рублей. Присоединеніе сюда же всей освободившейся новымъ закономъ денежной суммы было бы нераціональнымъ форсированіемъ одной стороны земскаго дѣла на счетъ другихъ, громко о себѣ заявляющихъ, но не находящихъ достаточнаго удовлетворенія единственно лишь по недостатку средствъ. Въ послѣдніе годы,—продолжаетъ газета,—во всѣхъ безъ исключенія уѣздахъ нашей губерніи не проходитъ ни одного земскаго собранія, чтобы вопросъ о поднятій дѣла народнаго образованія не выдвигался на первую очередь, но вездѣ единственнымъ возраженіемъ противъ болѣе энергичнаго веденія этого дѣла впередъ выставлялся неизмѣнно одинъ аргументъ—недостатокъ матеріальныхъ средствъ. И вдругъ, въ этотъ именно моментъ напряженной постановки на очередь столь жгучаго, кровнаго и вполне назрѣвшаго вопроса, въ руки земства переходитъ ежегодная сумма въ $\frac{1}{4}$ съ лишнимъ милліона рублей, которая, безъ новаго обремененія плательщиковъ, можетъ почти удвоить земскій бюджетъ на низшее народное образованіе. Нѣтъ сомнѣнія, что земства воспользуются этою рѣдкою и счастливою случайностью, чтобы повести быстрѣе народъ по пути знанія и усилить въ молодомъ поколѣніи свѣтъ просвѣщенія.

Существуютъ еще весьма удобные пути для увеличенія земскихъ бюджетовъ и приближенія, тѣмъ самымъ, къ осуществленію задачи всеобщаго обученія. Объ открытіи этихъ путей давно ходатайствуютъ земства. Одинъ изъ нихъ заключается въ расширеніи круга предметовъ земскаго обложенія. Въ настоящее время главная часть земскихъ сборовъ падаетъ на землю.

Торговля же и промышленныя предприятия, кредитныя учрежденія, желѣзныя дороги платятъ и абсолютно, и сравнительно ничтожный процентъ изъ своихъ прибылей. Справедливость, равно какъ и государственный интересъ, требуютъ уравнительнаго обложенія имуществъ земскими налогами, о чемъ неоднократно, но пока безуспѣшно ходатайствовали земскія собранія.

Другой путь къ улучшенію земскихъ финансовъ состоитъ въ измѣненіи системы взысканія податей. При существующихъ порядкахъ, взысканіе земскихъ сборовъ отодвигается на задній планъ, и вся дѣятельность агентовъ фиска направляется по преимуществу на добываніе казенныхъ повинностей. Для иллюстраціи ненормальности дѣйствующей системы взысканія податей нижегородская земская управа, какъ мы имѣли уже случай указывать, привела небезынтересныя данныя, почерпнутыя изъ официальныхъ источниковъ. По этимъ даннымъ оказывается, что правительство въ самые тяжелые годы не добираетъ прямыхъ налоговъ по отношенію къ общей суммѣ ожидаемыхъ къ поступленію доходовъ несравненно менѣе, чѣмъ земство въ самые лучшіе урожайные годы; въ процентномъ отношеніи величина казенныхъ недоборовъ опредѣляется въ первомъ случаѣ 9,3%, а для земскихъ налоговъ—36,7%. Помимо болѣе энергичнаго взысканія казенныхъ сборовъ, такое положеніе дѣла объясняется тѣмъ, что весь государственный бюджетъ держится почти исключительно на косвенныхъ налогахъ, тогда какъ земство черпаетъ свои средства исключительно путемъ прямого обложенія и въ частности изъ земельныхъ сборовъ съ крестьянъ. Отсюда нижегородская управа дѣлаетъ совершенно правильное заключеніе, что государственное казначейство очень мало зависитъ отъ земельныхъ сборовъ съ крестьянъ и болѣе слабое ихъ поступленіе не можетъ грозить какимъ-либо серьезнымъ осложненіемъ въ государственномъ хозяйствѣ. Совершенно иная картина рисуется данными о земскихъ доходахъ. Здѣсь проявляется самая полная зависимость земскаго бюджета отъ земельныхъ сборовъ вообще и въ частности отъ земельныхъ повинностей съ крестьянъ. Въ виду этого, земства давно, уже выставляютъ на видъ, что основнымъ принципомъ въ системѣ взысканія поземельныхъ налоговъ долженъ быть тотъ порядокъ, при которомъ сборы для удовлетворенія мѣстныхъ потребностей, имѣющихъ общегосударственное значеніе, не отодвигались бы на задній планъ, т.-е. земскіе сборы должны идти впереди сборовъ казенныхъ податей и зачисляться первыми. При этомъ нижегородское земство указываетъ, что такое правило уже принято въ основаніе закономъ 20 іюля 1892 года по взысканію продовольственныхъ ссудъ, выданныхъ по неурожаю 1891 и 1892 гг. Означенный законъ повелѣваетъ пополнить, прежде всего, долги мѣстныхъ общественныхъ продовольственнымъ капиталамъ, а затѣмъ уже имперскому продовольственному капиталу и въ послѣднюю очередь пополняется долгъ государственному казначейству. Теперь остается только ходатайствовать, чтобы эта отдѣльная правительственная мѣра была обобщена и сдѣлалась постояннымъ основаніемъ въ дѣлѣ взысканія земскихъ и ка-

венныхъ платежей. Основаніемъ же ходатайства, по мнѣнію нижегородскаго земства, должно служить слѣдующее. До введенія земскихъ учреждений, когда часть земскихъ дѣлъ вѣдалась самимъ правительствомъ, ст. 90 уст. о земск. повин. точно указывала, что «вносимою отъ плательщиковъ суммой покрываются сперва всѣ слѣдующіе съ него земскіе сборы по полугодовому ихъ разсчету и потомъ уже казенныя подати и особыя взысканія (если таковыя на нихъ числятся)». По введеніи же земскихъ учреждений статья эта была измѣнена въ томъ смыслѣ, что въ земскіе сборы отчислялось лишь 12% вносимой суммы. Но такъ какъ земскія дѣла, вѣдавшіяся раньше самимъ правительствомъ, съ передачей ихъ земству не утратили своего значенія и важности въ общемъ ходѣ государственнаго управленія, то и ст. 90 уст. о земск. повин. должна бы была остаться въ прежней своей редакціи. На основаніи вышеизложеннаго нижегородское губернское земское собраніе ходатайствуетъ передъ правительствомъ о возстановленіи въ прежней редакціи вышеуказанной части ст. 90 уст. о земск. повин. Нечего и говорить о громадной важности этого ходатайства, направленаго на улучшеніе земскихъ финансовъ. Вѣдь, земство работаетъ надъ такими первостепеннаго значенія задачами общественности, какъ народное образованіе, народное здравіе и подъемъ матеріальнаго благосостоянія народа.

Рядомъ со скудостью земскихъ финансовъ существуетъ еще одна чрезвычайно важная область общественныхъ явленій, которая сильно тормозитъ земскую дѣятельность и производитъ несоотвѣтствіе между энергіей и усиліями земскихъ людей и жизненными результатами ихъ работы. Этотъ тормазъ заключается въ извѣстной всѣмъ неурядицѣ въ нашемъ сельскомъ и волостномъ управленіи. Неурядица эта давно сознается. Еще въ 1881 году, на запросъ министерства внутреннихъ дѣлъ, были представлены почти изъ всѣхъ земскихъ губерній обстоятельныя заключенія, большинство которыхъ было солидарно въ главныхъ основаніяхъ, т.-е. въ необходимости образованія безусловнаго сельскаго управленія и связи его съ земскими учрежденіями. Въ концѣ прошлаго года министерство внутреннихъ дѣлъ снова возбудило вопросъ о недостаткахъ крестьянскаго управленія и передало свои соображенія на обсужденіе особыхъ губернскихъ совѣщаній. Въ виду постановки вопроса объ упорядоченіи сельскаго управленія, отзывы печати по этому предмету являются какъ нельзя болѣе современными. Въ высказанныхъ уже печатью мнѣніяхъ заключается та же мысль, на которой не перестаютъ настаивать земскія собранія, а именно, что въ основаніе реформы мѣстнаго управленія должно быть положено начало безусловности. Вотъ, напримѣръ, совершенно справедливыя слова по этому предмету, сказанныя *Саратовскимъ Листкомъ*: «Неудовлетворительное состояніе сельскаго и волостнаго управленія,—говоритъ газета,—порождается, главнымъ образомъ, тѣмъ, что въ управленіи участвуетъ только изолированный отъ наиболѣе образованныхъ слоевъ населенія крестьянскій міръ. Средства этого міра болѣе чѣмъ ограничены и не на что ему содержать ни народныхъ школъ и другихъ образовательныхъ учрежденій, ни санитарныхъ органовъ,

ни богадѣленъ и пріютовъ, ни хорошихъ представителей сельской администраціи. Между тѣмъ, всё эти учрежденія и власти необходимы не однимъ крестьянамъ, но и другимъ обитателямъ деревни: и дворянамъ, въ особенности мелкопомѣстнымъ, проживающимъ постоянно въ деревнѣ, и купцамъ, и мѣщанамъ, и сельскому духовенству, и всемъ пришлымъ, но тѣсно связаннымъ съ деревнею лицамъ, каковы, наприм., сельскій ремесленникъ, учитель и т. п. Очевидно, что всё эти лица должны имѣть вліяніе на сельское управленіе и на ходъ мѣстныхъ общественныхъ дѣлъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нести соотвѣтственную часть расходовъ на мѣстное общественное хозяйство. Соединеніе всѣхъ группъ населенія, всѣхъ сословій должно дать вполне годную для самоуправленія единицу, которой будетъ по силамъ мѣстное общественное хозяйство и во главѣ которой могутъ оказаться болѣе достойные люди, чѣмъ въ нынѣшней исключительно крестьянской волости. Указаніе противниковъ безусловнаго сельскаго управленія на то обстоятельство, что можетъ взять верхъ старое крѣпостническое начало, совершенно неосновательно, ибо русская деревня 1895 года совершенно не похожа на деревню шестидесятихъ годовъ и новые ея элементы настолько жизненны и настолько окрѣпли, что въ состояніи дать отпоръ всякимъ своекорыстнымъ требованіямъ небольшого кружка ея обитателей.

Реформѣ крестьянскаго управленія,—этому чрезвычайно важному вопросу нашей общественной жизни,—хроникеръ *Вѣстника Европы* посвящаетъ весьма содержательную статью *Безсословная волость и мелкія земскія единицы*. Не останавливаясь на этой статьѣ, такъ какъ она была уже отмѣчена въ «Библиографическомъ отдѣлѣ» сентябрьской книжки нашего журнала, замѣтимъ только, что означенная статья хорошо выясняетъ необходимость органической связи земскихъ учрежденій съ сельскимъ и волостнымъ управленіемъ. «Для того, чтобы земскія собранія и управы могли захватывать всё интересы уѣзда, безусловно необходимо,—говоритъ авторъ статьи,—чтобы земскіе органы не были изолированы отъ органовъ сельскаго и волостнаго управленія; необходимо распространеніе на эти органы земскаго строя, т.-е. образованіе мелкихъ безусловныхъ самоуправляющихся единицъ... При современномъ же многовластіи въ селахъ, при виѣшательствѣ во всё дѣла полиціи и другихъ представителей власти, при отсутствіи правильно организованнаго суда, естественно, что начала сельскаго самоуправленія, установленныя реформой 19 февраля, не могли развиваться. Такія условія жизни, когда населеніе признаетъ за собой только одні обязанности—платить повинности и исполнять приказы, и не признаетъ никакихъ правъ, имѣютъ самое деморализующее на него вліяніе. При такихъ условіяхъ не можетъ развиваться чувство долга; они являются самою удобною почвой для развитія опасныхъ для будущаго противугосударственныхъ понятій».

Незаконнаго, ничѣмъ не оправдываемаго виѣшательства въ дѣла крестьянскаго самоуправленія приводилось въ нашихъ очеркахъ не мало образцовъ. Вотъ новый обращеніе, сообщаемый *Недѣлей*. Нижегородскій вице-

губернаторъ Ю. Д. Родіоновъ предпринялъ поѣздку въ Арзамасскій уѣздъ для провѣрки обвиненій, введенныхъ на г-жу Штевенъ по поводу ея школьной дѣятельности. Г. Родіонову не стоило особеннаго труда выяснитъ правду и убѣдиться, что во всей дѣятельности г-жи Штевенъ ровно ничего не было, что хотя косвенно не соотвѣтствовало бы видамъ правительства. Такого результата дознанія ожидали всѣ близко знающіе дѣло, но поѣздка г. Родіонова обнаружила нѣкоторые факты, очень характерные для дѣятельности противниковъ г-жи Штевенъ. Главный изъ этихъ противниковъ есть земскій начальникъ Арзамасскаго уѣзда, г. Хотяинцевъ, называющій народное просвѣщеніе *блажью*. Этотъ земскій начальникъ всѣми силами старается мѣшать крестьянамъ своего участка открывать школы и вообще обучать дѣтей. Но иногда потребность просвѣщенія у крестьянъ бываетъ настолько сильна, желаніе открыть школу настолько единодушно, что даже г. Хотяинцевъ не находитъ удобнымъ идти прямо противъ свѣта, а старается допустить «зло» въ возможно безвредной формѣ, т.-е. позволить крестьянамъ обзавестись самою убогою, несовершенною, маленькою и неудовлетворительною церковно-приходскою школою. Г. Родіоновъ выяснилъ, что именно такой «пріемъ» былъ примѣненъ г. Хотяинцевымъ къ крестьянамъ с. Лопатина, Арзамасскаго уѣзда. 19 марта этого года лопатинскіе крестьяне единодушно составили приговоръ о своемъ желаніи открыть у себя на селѣ земскую школу. Живущая въ с. Лопатинѣ г-жа Бохманская заявила, что на постройку этой школы даетъ 500 руб. Крестьяне были очень обрадованы. Но ликованіе продолжалось недолго: пріѣхалъ въ село г. Хотяинцевъ и объявилъ крестьянамъ, что школа имъ совсѣмъ не нужна, что и безъ школы они достаточно бѣдны, что школа—роскошь и т. д., и т. д. Крестьяне стояли на своемъ, говорили, что только ученье и можетъ вывести ихъ изъ нищеты, и упрашивали г. Хотяинцева не тормозить дѣла. Разсерженный упорствомъ крестьянъ, г. Хотяинцевъ объявилъ имъ, наконецъ, что, въ крайнемъ случаѣ, разрѣшаетъ имъ открыть лишь самую маленькую и дешевую церковно-приходскую школу и что если не составятъ немедленно контръ-приговора согласно его указаніямъ, онъ сочтетъ ихъ за очень состоятельныхъ людей и немедленно прикажетъ старшинѣ неукоснительно взыскать съ нихъ всѣ недоимки и текущіе платежи. Крестьяне испугались, уступили и составили новый приговоръ въ отиѣну прежнему, желая получить хотя самую маленькую и низшую школу. Копія новаго приговора была послана, по приказанію г. Хотяинцева, въ назиданіе г-жѣ Бохманской, уѣхавшей въ это время въ Москву. Г-жа Бохманская, въ отвѣтъ на любезное извѣщеніе, объявила, что отъ пожертвованія 500 руб. на школу отказывается, и крестьянское ликованіе смѣнилось весьма понятнымъ уныніемъ. Г. Родіоновъ находитъ, что новый приговоръ былъ г. Хотяинцевымъ «вымученъ» и что такими пріемами легко вызвать крестьянъ на грубые выходки, за которыми неизбѣжно послѣдуютъ самыя печальныя взысканія. Но это не единственный примѣръ попеченія г. Хо-

тининцева о народномъ образованіи. Такой же случай имѣлъ мѣсто и въ с. Салалейхъ. Это—большое, въ 1,000 душъ, село Арзамасскаго уѣзда. Салалейскіе крестьяне составили приговоръ о своемъ желаніи открыть и содержать земскую школу. Приговоръ этотъ былъ неосторожно написанъ на листъ бумаги, а не въ книгѣ приговоровъ. Когда г. Хотянинцевъ узналъ о замыслахъ салалейскаго общества, онъ потребовалъ приговоръ и, помимо всякихъ сѣздовъ и присутствій, самъ краткимъ способомъ отмѣнилъ приговоръ, *изорвавши его въ клочки*. Узнавъ объ этомъ арзамасскій уѣздный предводитель дворянства М. И. Степановъ, и, несмотря на то, что всю жизнь провелъ въ деревнѣ и присмотрѣлся ко всякимъ провинціальнымъ правамъ, онъ все же удивился упрощенному способу г. Хотянинцева отмѣнять приговоры. Г. Степановъ посоветовалъ крестьянамъ еще разъ написать приговоръ и непосредственно подать ему, предводителю. Однако, ни писарь, ни крестьяне не рѣшились вызвать гнѣва г. Хотянинцева, доказавшаго не одинъ разъ свою памятливость. Но лишитъ громадное село всякой школы не рѣшился даже г. Хотянинцевъ, и поэтому через нѣкоторое время въ с. Салалейхъ была открыта небольшая низшая церковно-приходская школа. Когда спросили г. Хотянинцева, почему онъ помѣшалъ крестьянамъ открыть хорошую земскую школу, чего такъ крестьяне желали, г. Хотянинцевъ отвѣтилъ: «Они желали... а я не желаю, чтобы они желали». Отвѣтъ этотъ заслуживаетъ того, чтобы быть увѣковѣченнымъ.

Въ заключеніе нашего очерка считаемъ нужнымъ указать на докладъ гласнаго нижегородской городской думы В. М. Волкова *О реорганизации городского общественнаго банка*, представленный въ городскую думу. Докладъ этотъ заботится объ интересахъ городскихъ школъ, библиотекъ, бесплатныхъ лечебницъ, богадѣленъ, пріютовъ и другихъ благотворительныхъ учрежденій, содержащихся на счетъ города, а потому обязанность печати—способствовать возможно широкому его оглашенію и обратить на него вниманіе тѣхъ городовъ, гдѣ имѣются общественные банки.

Въ докладѣ проводится та мысль, что съ состоявшейся 6 іюня 1894 года реформой государственнаго банка должны быть непремѣнно измѣнены и уставы городскихъ банковъ. Иначе городъ лишится всѣхъ средствъ на содержаніе различныхъ общественныхъ учрежденій, которыя онъ получаетъ изъ прибыли банка. Новымъ уставомъ государственнаго банка послѣднему даны всѣ средства для облегченія денежныхъ оборотовъ въ торговыхъ и сельско-хозяйственныхъ дѣлахъ. Ссуду изъ государственнаго банка теперь получить и легче, и дешевле. Благодаря этому, государственный банкъ сталъ сильнымъ конкурентомъ для городскихъ банковъ. Между тѣмъ, банки эти основаны не для спекулятивной цѣли, а для поддержанія производительности края; кромѣ того, главная часть прибыли идетъ на содержаніе благотворительныхъ учрежденій города. Такимъ образомъ, съ уменьшеніемъ доходности общественныхъ банковъ, уменьшился городской бюджетъ, а если прибыли совсѣмъ сократятся, то городъ вынужденъ будетъ

или ввести новые налоги, или уничтожить тѣ благотворительныя учрежденія, которыми пользуются бѣдные жители города. Авторъ доклада полагаетъ, что скорѣе можно предсказать послѣднее, такъ какъ налоги и безъ того уже достигли своего крайняго предѣла и на этотъ источникъ доходовъ разсчитывать врядъ ли возможно.

Обосновавъ необходимость реформы городскихъ общественныхъ банковъ, авторъ доклада представилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, довольно подробную программу для согласованія устава этихъ банковъ съ новымъ уставомъ государственнаго банка.

И. Иванюковъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

20 и 21 октября.—Развитіе биржевой спекуляціи; ея размѣры и причины.—Попытки борьбы съ нею со стороны министерства финансовъ.—Проектъ биржевой реформы.— Могутъ ли вліять на ослабленіе спекуляціи измѣненіе состава биржевого общества, усиленіе власти биржевого комитета, упраздненіе присяжныхъ маклеровъ и новыя правила о выпускѣ акцій. — Правила для взыскаія продовольственныхъ долговъ.—
† Е. А. Покровскій.

20 октября минулъ годъ со дня кончины императора Александра III. Общевропейскій миръ, твердо охранявшійся покойнымъ Государемъ, нашель не менѣе твердую охрану въ новое царствованіе, и такой образъ дѣйствій удачно соединяется съ энергическою защитой нашихъ національныхъ интересовъ и въ Европѣ, и на дальнемъ Востокѣ. Императоръ Николай II отмѣтилъ первый годъ своего царствованія особенною заботливостью о нуждахъ народнаго просвѣщенія. Въ этотъ же годъ Высочайшее повелѣніе вновь создало у насъ и высшее медицинское образованіе для женщинъ. Каждый монархъ, въ особенности у насъ, вноситъ въ управленіе нѣчто новое, соответствующее духу самого Государя, и русское общество исполняется надеждами, что царствованіе императора Николая II будетъ живо-творить нашу школу и нашу общественную самодѣятельность.

Въ теченіе всего нынѣшняго года вопросъ о биржевой спекуляціи не сходитъ со страницъ газетъ. И если за первое полугодіе было слышно только о повышеніи цѣнъ тѣхъ или другихъ акцій, то за послѣдніе 1½—2 мѣсяца все чаще и чаще говорятъ объ ихъ пониженіи; выигрышамъ въ недавнемъ прошломъ соответствуютъ значительные проигрыши въ концѣ сентября и въ октябрѣ. Колебанія цѣнностей могутъ быть показаны на слѣдующихъ примѣрахъ: въ началѣ января 1894 г. акція петербургскаго учетнаго и ссуднаго банка стояла 490 руб., петербургскаго международнаго банка—498 р., русскаго банка для внѣшней торговли—336 р., брянскаго рельсо-прокатнаго завода—130 рублей, пай товарищества Нобель—5,500 руб., и въ началѣ августа 1895 года цѣна тѣхъ же акцій достигла: 880 рублей, 725, 534, 550, 13,000. Кто поэтому обратилъ въ началѣ

1894 года все свое состояніе въ акціи одного изъ названныхъ предпріятій, тотъ могъ увеличить его за $1\frac{1}{2}$ года въ полтора раза, если его выборъ палъ на акціи банковъ, въ $2\frac{1}{2}$ раза, если его выборъ остановился на паяхъ товарищества Нобель, и въ 4 раза, если онъ купилъ акціи брянскаго завода. Но спекулянтъ не ограничивается своимъ капиталомъ; пользуясь кредитомъ подъ залогъ собственныхъ процентныхъ бумагъ и приобретаемыхъ на ссуду изъ банка, онъ покупаетъ на сумму въ 3—4 раза большую, если не хочетъ идти дальше умѣреннаго риска, и на сумму въ 10—15 разъ большую, если не боится рисковать до возможности потерять въ немногіе дни все, съ чѣмъ начаты его спекулятивные обороты. Нечего удивляться, если нѣкоторые спекулянты, рискуя въ высшей степени, увеличивали за немногіе мѣсяцевъ свой капиталъ въ 5 и даже 10 разъ. Припомнимъ, наконецъ, что игра на разность нерѣдко ведется при самомъ ничтожномъ залогѣ въ банкъ со стороны спекулянта: общая продолжительная тенденція къ помышленію позволяла многимъ, располагавшимъ одною тысячею рублей, выигрывать въ недѣлю другую тысячу, а за слѣдующую недѣлю 2,000 на 2,000 р. Не нужно удивляться, поэтому, если въ Москвѣ и Петербургѣ есть нѣсколько «счастливицевъ», начавшихъ въ половинѣ 1894 г. игру съ 2—3,000 рублей и имѣвшихъ въ половинѣ 1895 года 30—40—50,000 руб. Конечно, такихъ «счастливицевъ» очень немного, 2—3—5 на тысячи и тысячи спекулянтовъ; но, какъ бы ни было мало первыхъ, самая возможность увеличить за короткое время свое состояніе въ 10, даже въ 20 разъ служитъ соблазнительнымъ примѣромъ, побуждающимъ многихъ броситься, очертя голову, въ объятія банкирскихъ конторъ, которыя и приводятъ публику въ связь съ биржей.

Наступилъ, однако, предѣлъ повышательному движенію: колебанія цѣнностей начались еще въ концѣ сентября и составили въ октябрѣ очень замѣтныя цифры: пая товарищества Нобель отъ 13,000 въ августѣ падаютъ въ началѣ октября до 10,500, акціи брянскаго завода отъ 550 до 420, акціи саровскаго завода отъ 370 до 305, акціи петербургскаго учетнаго и ссуднаго банка отъ 880 до 800. То же понижательное движеніе распространилось и на всѣ остальные процентныя бумаги, отчасти на государственныя и въ большой степени на бумаги частныхъ предпріятій.

Понижательное движеніе было связано для многихъ спекулянтовъ съ крупными потерями. Среди потерявшихъ можно найти людей, которые безостановочно выигрывали въ предъидущій періодъ; есть такіе, которые удесятерили свои денежные средства и, окрыляемые надеждой довести состояніе изъ немногихъ тысячъ до сотенъ тысячъ, пожалуй, миллионновъ, купили массу цѣнностей съ очень малымъ обезпеченіемъ и потеряли все. Но наибольшее число пострадавшихъ не можетъ быть отнесено къ этому разряду. Припомнимъ, что періоды оживленія биржевой спекуляціи даютъ обыкновенно картину демократизаціи биржи. Какъ каждый новый спортъ, каждая новая мода, начинаясь на вершухвахъ общезжитія, постепенно распространяется на средне-достаточныя и даже бѣднѣйшіе слои населенія, такъ только

постепенно демократизируются и биржевые обороты. Когда настроеніе биржи вяло, чуждо оживленія, то въ спекуляціи участвуютъ банки, профессиональные игроки и только отчасти люди разныхъ общественныхъ группъ, не имѣющіе, по своему занятію, никакого отношенія къ биржѣ. Большая часть этихъ людей принадлежитъ къ среднему классу и, внося для биржевой спекуляціи десятки тысячъ, можетъ выигрывать абсолютно довольно большія суммы даже въ томъ случаѣ, когда рискуетъ умеренно, покупаетъ процентныя бумаги со значительными залогами и не напрягаетъ кредита до послѣдней степени. Когда спекуляціи уже оживилась, то въ этотъ кругъ входитъ все больше и больше людей съ маленькими и даже совсѣмъ ничтожными средствами: офицеръ, учительница музыки, прикащикъ книжнаго магазина, мелкій землевладѣлецъ, чиновникъ консисторіи, учитель гимназіи стоятъ, по своимъ занятіямъ, очень далеко отъ биржи; ремесленникъ и домашняя прислуга стоятъ еще дальше. Но общее теченіе увлекаетъ и этихъ людей; слыша объ удачѣ нѣкоторыхъ знакомыхъ, они постепенно увлекаются этими примѣрами и несутъ свои обезпеченія въ банкирскія конторы. Если при вялой спекуляціи или, какъ принято говорить, застоѣ на биржѣ, отдѣльное порученіе банку купить или продать касается сотенъ или даже тысячъ акцій одного наименованія, то, съ оживленіемъ биржевыхъ оборотовъ, отдѣльныя порученія на десять акцій и даже на 2—3 акціи занимаютъ въ общей массѣ порученій все болѣе замѣтное мѣсто. Эта демократизація биржевыхъ оборотовъ обнаруживаетъ и другую особенность. Если спекулируетъ на биржѣ человекъ со среднимъ капиталомъ въ 20—25,000 рублей, то, купивъ акцій съ 25% обезпеченіемъ (на 80—100,000 рублей), онъ можетъ, при повышеніи цѣны на 5—6%, выиграть 4—5,000 р., т.-е. сумму, абсолютно довольно большую, какъ добавку къ постоянному доходу. Когда же человекъ приноситъ въ банкирскую контору 500 руб., то, купивъ на 2,000, можетъ, при такомъ же повышеніи цѣны, выиграть только 100 рублей. А эта сумма кажется слишкомъ малымъ возмездіемъ за рискъ, который принялъ на себя маленький спекулянтъ, вынувъ деньги изъ сберегательной кассы и помѣстивъ ихъ въ гораздо менѣе надежныя руки, къ банкиру. А потому онъ напрягаетъ кредитъ до послѣдней степени и покупаетъ процентныхъ бумагъ на сумму, превышающую собственный капиталъ не въ 3—4 раза, а въ 10 разъ. Вотъ два обстоятельства, которыя хорошо разясняютъ вопросъ о томъ, кто наиболѣе теряетъ при рѣзкомъ пониженіи цѣнности бумагъ.

Уже демократизація биржевыхъ оборотовъ наступаетъ въ то время, когда цѣны всѣхъ бумагъ стоятъ довольно высоко и когда нужно больше ожидать крушенія или, по крайней мѣрѣ, рѣзкаго пониженія, нежели въ то время, когда спекуляціи только начиналась. Поэтому, малокapитальный людъ все болѣе и болѣе наполняетъ эту сферу именно въ то время, когда опасность покупокъ значительно увеличилась. Во-вторыхъ, когда бы масса публики ни начинала биржевую игру, она вноситъ въ нее гораздо больше увлеченія и легкомыслія, нежели профессиональные игроки и даже люди

которые только изрѣдка играютъ на биржѣ и выносятъ на это поле значительныя денежныя средства. Последніе имѣютъ нѣкоторую опытность, слышать о дѣлахъ отдѣльныхъ промышленныхъ предпріятій, иные просматриваютъ отчеты общества, акціи котораго хотятъ приобрести, за нѣсколько лѣтъ, при очень высокихъ цѣнахъ, предпочитаютъ покупать бумаги первоклассныхъ предпріятій съ дивидендомъ опредѣлившимся и довольно постояннымъ, въ увѣренности, что если не будетъ очень крупнаго выигрыша, то нечего бояться и большаго убытка. Тѣ же, которые стоятъ очень далеко отъ биржи, вслѣдствіе полнаго невѣдѣнія, не могутъ принимать въ расчетъ эти условія. Они руководствуются только однимъ: свѣдѣніями о томъ, что такую-то бумагу покупаютъ и на такой-то бумагѣ многіе получали крупный выигрышъ. Какъ бы ни была высока цѣна бумагъ, она представляется (вслѣдствіе поверхностнаго знанія или даже полнаго невѣдѣнія обстоятельствъ, которыя опредѣляютъ нормальную цѣну бумаги) имъ тою, отъ которой можно ожидать выигрыша и по которой, слѣдовательно, нужно покупать. Если мы напомнимъ, въ-третьихъ, о размѣрахъ, въ какихъ рискуютъ самые мелкіе спекулянты и о незначительности залоговъ, которыми они пользуются при покупкѣ бумагъ, то поймемъ, почему именно они и страдаютъ при пониженіи цѣнъ и ослабленіи спекуляціи. Понижительное движеніе, охватывая всѣ бумаги, давить ихъ цѣны далеко не въ одинаковой пропорціи: первоклассныя, рѣдко покупаемыя мелкими спекулянтами, падаютъ на 5—7—8%, тогда какъ акціи менѣе надежныхъ предпріятій—на 20—25% (такъ, наприм., съ половины августа до начала октября нынѣшняго года акціи кievскаго и виленскаго земельныхъ банковъ упали на 5—6%, тогда какъ брянскаго и сормовскаго заводовъ—на 20—22%, мальцевскаго — на 40%). А такъ какъ бумаги этихъ предпріятій покупаются особенно охотно мелкими спекулянтами и, притомъ, съ очень малымъ залогомъ, то они и наиболѣе страдаютъ при крушеніи биржи.

Подобныя факты, наблюдаемыя въ любой странѣ, могутъ быть подмѣнены и въ нашемъ отечествѣ. Въ 1890—1892 годахъ биржевые обороты были крайне вялы; неурожайные годы уменьшили доходность многихъ предпріятій—желѣзныхъ дорогъ, пароходныхъ обществъ, банковъ, новыя промышленныя предпріятія не возникали, и потому въ распоряженіи спекуляціи было очень мало матеріала. Но съ 1893 года началось оживленіе, охватившее первоначально общественныя группы, близкія къ биржѣ; только постепенно стала входить и публика въ этотъ кругъ; только постепенно стало возрастать число оп-сал-ныхъ книжекъ, выдаваемыхъ банками и банкирскими конторами людямъ, которые хотятъ попытаться счастья со своими маленькими сбереженіями.

Зная порядокъ, въ которомъ расширяется кругъ людей, прикосновенныхъ къ биржевой спекуляціи, мы тѣмъ самымъ еще не познаемъ условій, которыя способствовали ея развитію. Нужно искать этихъ условій не во вкусахъ спекулянтовъ, не въ настроеніи ихъ умовъ, а въ крупныхъ фактахъ нашего народнаго и государственнаго хозяйства.

Еще въ половинѣ 80-хъ годовъ процентъ по русскимъ государственнымъ займамъ стоялъ на 5 годовыхъ. Если взять отмѣтки биржевыхъ курсовъ того времени, то окажется, что доходы первоклассныхъ частныхъ предприятий капитализовались изъ 6%, а предприятий менѣ надежныхъ— даже изъ 6½— 7½ (вспомнимъ, наприм., о московскомъ международномъ банкѣ, акція котораго еще 3—4 года тому назадъ, при 30-рублевомъ дивидендѣ, стоили 360 рублей, или о пароходномъ обществѣ «Самолетъ», акція котораго, при дивидендѣ въ 20 рублей, не поднимались выше 300, хотя это предприятие издавна имѣетъ хорошую репутацію). Тенденція къ пониженію рыночнаго процента, рѣзко обнаружившаяся тогда въ Западной Европѣ и Америкѣ, сказалась и въ нашемъ отечествѣ и облегчила конверсію государственныхъ долговъ изъ 5% въ 4%. Эта финансовая мѣра, начавшись въ 1889 году, не могла сразу обнаружить сполна свое вліяніе на биржу. Прошло три года (изъ нихъ два неурожайныхъ), прежде чѣмъ % по государственнымъ займамъ сталъ оказывать вліяніе на цѣну процентныхъ бумагъ частныхъ предприятий. Въ силу закона стремленія процента къ одному уровню, насколько болѣе или менѣ однородны формы помѣщенія капитала, конвертированіе государственныхъ займовъ должно было показать процентъ по акціямъ и, соотвѣтственно, поднять капитальную стоимость послѣднихъ. Такъ какъ помѣщеніе капитала въ лучшія, издавна упрочившіяся частныя предприятия даетъ владѣльцу капитала вполне достаточное обезпеченіе, то естественно, что пониженіе процента по государственнымъ бумагамъ съ 5 до 4 должно было понизить процентъ по акціямъ лучшихъ предприятий съ 6 до 5 годовыхъ. А потому, если акція съ дивидендомъ въ 30 р. стоила въ 1892 году 500 р., а въ 1894 году 600 р., то подобное возвышеніе цѣны должно быть объяснено совершенно нормальными условіями, независимо отъ какого-либо вліянія спекуляціи. Этотъ процессъ облегчался еще тѣми убытками, которые конверсіи причинили владѣльцамъ государственныхъ процентныхъ бумагъ. Пониженіе % съ 5 на 4 уменьшило доходы на 1/5 и вызвало вполне естественное стремленіе восполнить пробѣлы перемѣщеніемъ капитала изъ фондовъ въ бумаги лучшихъ частныхъ предприятий. Разъ послѣднія стали капитализоваться изъ 5% годовыхъ, то и акція второстепенныхъ предприятий должны были испытать на себѣ это вліяніе: и ихъ владѣльцы стали мириться съ низшимъ процентомъ и онѣ стали капитализоваться не изъ 7%, какъ ранѣе, а только изъ 6. Такимъ образомъ, конвертированіе государственныхъ займовъ произвело постепенно дѣйствіе на всей площади процентныхъ бумагъ.

Къ этому присоединилось вліяніе и другихъ крупныхъ экономическихъ фактовъ: доходы многихъ предприятий увеличились вслѣдствіе того, что неурожайные годы смѣнились урожайными и наступило нѣкоторое оживленіе народнаго хозяйства: желѣзныя дороги и пароходы имѣли больше грузовъ, нежели въ предъидущіе годы, крупные банки нашли выгоднымъ открыть отдѣленія въ разныхъ провинціальныхъ городахъ. Отчеты многихъ предприятий доказываютъ это съ полною очевидностью: общество юго-восточ-

ныхъ дорогъ, дававшее (мы имѣемъ въ виду грязе-парицѣнскую линію, главную во всей этой сѣти) въ 1849—92 годахъ дивидендъ только по 7—8 рублей на акцію, дало въ 1893 и 94 годахъ по 9—10 рублей. Пароходное общество «Самолетъ», дававшее въ 1890—92 годахъ по 10—15 рублей, дало за 1893 и 94 гг. по 20 рублей дивиденда. Петербургскій частный коммерческій банкъ, приносившій за 1890—92 годы по 15—20 р. дивиденда, далъ за 1893 годъ 25 рублей, а за 1894 г.—30 р. То же можно сказать и о многихъ другихъ предпріятіяхъ. Акціи промышленныхъ обществъ стали быстро повышаться въ цѣнѣ вслѣдствіе общаго направленія нашей хозяйственной политики. Выражаясь, съ одной стороны, въ таможенномъ покровительствѣ отечественнымъ фабрикамъ и заводамъ, эта политика вылилась также въ крупныхъ казенныхъ заказахъ туземнымъ заводамъ: брянскій заводъ, путиловскій, сормовскій, балтійскій паровозостроительный и другіе получили отъ казны многомиліонные заказы на изготовленіе рельсовъ и другихъ принадлежностей для сибирской и другихъ желѣзныхъ дорогъ. Обеспеченіе этихъ предпріятій заказами на много лѣтъ явилось залогомъ вѣрнаго и значительнаго дивиденда. Поэтому, если 3—4 года тому назадъ дивидендъ многихъ изъ этихъ предпріятій не превышалъ 5—6 руб. и биржевая цѣна стояла ниже нарицательной, то повышение въ послѣдніе два года дивиденда до 20—25 рублей должно было увеличить капитальную стоимость въ 4—5 разъ.

Вотъ факты, которые, независимо отъ всякихъ коммерческихъ фокусовъ, должны были измѣнить цѣны акцій многихъ предпріятій. Поскольку цѣны повышались только подъ этими вліяніями, постольку (мы не говоримъ, чтобы самыя эти вліянія были благотворны для народнаго хозяйства; напротивъ, вліяніе таможеннаго покровительства, искусственное поддержаніе туземной промышленности должны быть признаны вредными) слѣдуетъ признать повышение нормальнымъ. Но къ этимъ вліяніямъ присоединились и другія, которыя, содержа въ себѣ элементы легкомыслія и злого умысла, должны быть признаны ненормальными. Эти вліянія могутъ быть группированы такимъ образомъ: 1) Банки и разныя промышленныя общества стали расширять свои капиталы посредствомъ выпуска новыхъ акцій. 2) Они начали созидать новыя предпріятія. До нѣкоторой степени и выпуски новыхъ акцій и основаніе новыхъ предпріятій вызываются общимъ оживленіемъ промышленныхъ дѣлъ: для того, чтобы петербургскому банку открыть отдѣленіе въ Саратовѣ или какому-нибудь рельсо-прокатному заводу исполнить заказы казны, нужно увеличить капиталъ выпускомъ новыхъ акцій; для того, чтобы эксплуатировать минеральныя богатства донецкаго или домбровскаго округа, нужно создать нѣсколько новыхъ промышленныхъ предпріятій. Однако, и выпуски новыхъ акцій, и учредительство настолько связаны съ личными интересами владѣльцевъ старыхъ акцій въ первомъ случаѣ и банковъ, учреждающихъ предпріятія, во второмъ, что то и другое становится источникомъ злоупотребленій. Такъ какъ по обычаю владѣльцы старыхъ акцій получаютъ новыя

по цѣнѣ гораздо низшей сравнительно съ биржевой, на каждыя 5, 10, 15, старыхъ акцій по одной новой, то и выпуски новыхъ акцій, и насажденіе новыхъ предпріятій совершаются съ большою дозой легкомыслія, а нерѣдко и злонамѣренности, въ расчетѣ на то, что среди спекулянтовъ всегда найдутся многіе, готовые вѣрить самымъ фантастическимъ планамъ. Легковѣріе же публики объясняется, прежде всего, не индивидуальными особенностями тѣхъ или другихъ биржевыхъ игроковъ, а общимъ состояніемъ экономическихъ дѣлъ, которыя и создаютъ почву для этого легковѣрія. Когда расширяется старое предпріятіе посредствомъ новаго выпуска акцій или создается новое, то въ головѣ спекулянта совершается такой процессъ: «если заводъ А получилъ отъ казны подрядъ на 10 милліоновъ рублей, а заводъ Б. на 8, то она не оставитъ безъ заказовъ и вновь возникающихъ предпріятій В, Г, Д», или: «если въ связи съ общимъ характеромъ русской таможенной политики туземная промышленность доставляетъ большіе барыши, то каждое вновь возникшее промышленное предпріятіе также найдеть для себя широкій рынокъ сбыта». Если во главѣ расширяемаго предпріятія или вновь возникающаго стоитъ лицо съ громкимъ именемъ въ сферѣ промышленности, то акція находятъ покупателей по очень высокой цѣнѣ, хотя бы въ теченіе первыхъ 2—3 лѣтъ и нельзя было рассчитывать на полученіе дивиденда: дѣловитость заправицы оцѣнивается такъ высоко, что считается выгоднымъ не получать на капиталъ процентовъ въ теченіе ближайшихъ лѣтъ, такъ какъ грядущіе доходы сполна вознаграждать за это воздержаніе. И такъ, общее положеніе экономическихъ дѣлъ склоняетъ къ легкомыслію и крайнему оптимизму и многихъ людей, уже искусившихся въ биржевыхъ оборотахъ. Люди же наименѣе опытные такъ проникаются чрезмѣрными надеждами, что самый нелѣпый вымыселъ принимается на лету и заставляеть многихъ бросаться на очень сомнительныя бумаги и давать за нихъ высокія цѣны.

Примѣняя эти общія соображенія къ цѣнамъ акцій, которыя котируются на нашихъ биржахъ, мы видимъ, что предпріятія, которыя представляются ими, даютъ очень пеструю картину: здѣсь есть старинныя упрочившіяся предпріятія, которыя удачно ведутъ свои дѣла уже много лѣтъ и гдѣ нѣтъ рѣзкаго диссонанса между размѣрами оборотовъ и величиной собственнаго капитала; здѣсь есть предпріятія, предъидущая дѣятельность которыхъ далеко не блистательна, но которыя значительно увеличили капиталъ и приобрѣли крупныя заказы; есть обновленныя или даже новыя предпріятія съ такими лицами во главѣ, дѣловитость которыхъ служитъ серьезнымъ залогомъ успѣшнаго развитія; есть, наконецъ, предпріятія, о которыхъ можно сказать только одно: «еще однимъ промышленнымъ и торговымъ дѣломъ стало больше». А. П., авторъ весьма хорошей статьи *По поводу биржевой игры (Русскія Вѣдомости 1895 г., № 281)* говоритъ слѣдующее: «Какъ недавно справедливо было отмѣчено, главнымъ импульсомъ для подъема акцій почти заброшенныхъ заводовъ и для учрежденія новыхъ горнозаводскихъ и другихъ промышленныхъ компаній служило по-

кровительство отечественной промышленности, принявшее форму правительственныхъ заказовъ. Въ публикѣ усердно распространяли слухи, что путиловскіе, брянскіе, сорновскіе и мальцевскіе заводы получили заказы, обезпечивающіе дивидендъ чуть ли не на десять лѣтъ впередъ. Удивительно ли, что эти заказы стали учитываться на биржѣ и что съ промышленными бумагами началась игра, тѣмъ болѣе оживленная, чѣмъ менѣе были извѣстны предпріятія? Жажда быстрой наживы вскружила голову публикѣ, повсюду стали искать матеріала для игры и выкапывать бумаги, валавшіяся безъ движенія многіе годы. Когда подобрали все, что можно было пустить въ обращеніе, естественно стали стремиться къ новымъ дѣламъ, къ учрежденію новыхъ промышленныхъ и заводскихъ предпріятій, а главнымъ базисомъ для этого, опять-таки, послужили правительственные заказы. Тогда на биржѣ наступила полная оргія: акціи заводовъ, къ постройкѣ которыхъ еще не приступили, стали расти съ поразительною быстротой. Другими словами, началась спекуляція не на заводы, уже приносящіе доходъ, а на предстоящій будто бы доходъ отъ правительственныхъ заказовъ. Поощреніемъ для игры служила, такимъ образомъ, вся экономическая политика, поддерживавшая промышленность мѣрами, которыя могли только обогатить спекулянтовъ, а не оживить промышленную дѣятельность страны. Вполнѣ соглашаясь съ этою характеристикой, мы считаемъ не лишнимъ отмѣтить только одно: незначительное число новыхъ промышленныхъ предпріятій, возникшихъ у насъ за послѣдніе два года, со времени оживленія биржевыхъ оборотовъ; наше учредительство, ограничиваясь нѣсколькими десятками обществъ, составляетъ очень огромную величину сравнительно съ учредительскою горячкой, которая по временамъ овладѣваетъ западно-европейскими биржами.

Министерство финансовъ стало обращать вниманіе на биржевую игру съ 1894 года, когда биржа начала привлекать къ себѣ все больше людей съ мелкими сбереженіями. Неоднократно приглашая публику воздерживаться отъ увлеченія биржевою горячкой, министерство, чтобы воспрепятствовать ажіотажу, стало примѣнять новый порядокъ выпуска акцій. Этотъ порядокъ заключается въ томъ, что, при выпускѣ новыхъ акцій, акціонеры должны вносить, сверхъ складочнаго капитала и соответствующей доли запаснаго, еще половину разницы между биржевою цѣной и вышеуказанными суммами. Если цѣна акцій достигла на биржѣ 1,000 рублей при нарицательной цѣнѣ въ 250, то, по новымъ правиламъ, требуется внесеніе не только 250 руб., соответствующее съ нарицательною цѣной, и доли запаснаго капитала, не болѣе 83 рублей, т.-е. $\frac{1}{2}$ складочнаго, но еще 333 р. ($\frac{1000 - 333}{2}$), т.-е. въ сложности 666. Такой порядокъ былъ установленъ въ предположеніи, что уменьшеніе барышей акціонеровъ отъ выпуска новыхъ акцій можетъ ослабить побужденія къ биржевой игрѣ. До сихъ поръ этотъ порядокъ примѣняется, какъ административная мѣра, и встрѣчается на практикѣ много исключеній. Но еслибъ онъ былъ опредѣленъ закономъ, если бы не допускалось изыятій, то онъ не былъ бы въ состояніи

даже въ малой мѣрѣ ослабить биржевую игру. Конечно, темною стороною биржевыхъ оборотовъ является то, что выпуски новыхъ акцій позволяютъ акціонерамъ пріобрѣтать въ самое короткое время огромные барыши и наживать милліоны. Но если бы барыши ограничивались гораздо меньшими суммами, то не было бы устранено другое явленіе—страсть, съ которою масса публики бросается на акціи и поднимаетъ ихъ цѣны, какъ скоро предстоитъ выпускъ новыхъ акцій. Хотя выигрышъ, вслѣдствіе оплаты новыхъ акцій болѣе высокою цѣною, уменьшается на половину, однако, для большинства мелкихъ спекулянтовъ выпускъ новыхъ акцій есть синонимъ не только расширенія предпріятія, но и увеличенія его доходности. И такое предположеніе не есть слѣдствіе только легловѣрія и предрасудковъ: оно есть слѣдствіе общаго сознанія, что предпріятіе дастъ относительно тѣмъ болѣе доходъ, чѣмъ болѣе увеличиваются его размѣры. Поэтому, если предпріятіе даетъ нѣсколько лѣтъ кряду по 30 руб. дивиденда на акцію, то выпускъ новыхъ акцій внушаетъ увѣренность, что дивидендъ достигнетъ 33—35 руб., и уже это одно, независимо отъ того, какъ оплачиваются новыя акціи, вызываетъ большой запросъ на нихъ и поднимаетъ ихъ цѣну. Есть и другая причина, въ силу которой указанный порядокъ не можетъ препятствовать развитію биржевой игры: выпускъ новыхъ акцій есть одно изъ многихъ условій, которыя привлекаютъ къ биржевымъ сдѣлкамъ. На акціи предъявляется запросъ потому, что, хотя не предстоитъ новыхъ выпусковъ, предпріятіе идетъ болѣе успѣшно, даетъ болѣе доходъ или даже (при учреждаемыхъ предпріятіяхъ) если доходъ еще не существуетъ, но имѣются какіе-нибудь элементы, обещающіе пріобрѣтателю дать въ будущемъ вѣрный источникъ дохода. Наконецъ, порядокъ выпуска новыхъ акцій не имѣетъ вліянія на всѣ тѣ случаи, когда вымыслы, ложные слухи побуждаютъ спекулянтовъ цѣлыми толпами направляться въ банки за какою-нибудь бумагой.

Безрезультатность этой мѣры побудила министерство финансовъ выработать планъ измѣненій въ законахъ о биржахъ. Проектъ, составленный министерствомъ финансовъ, подвергается обсужденію въ особой комиссіи. Теперь онъ имѣетъ такой видъ.

Биржи являются общественными установленіями и состоятъ въ вѣдѣніи министерства финансовъ подъ наблюденіемъ департамента мануфактуръ и торговли. Дѣятельность биржи нормируется и общимъ уставомъ, и особыми правилами, которые утверждаются для каждой биржи министромъ финансовъ. Для обсужденія и разрѣшенія вопросовъ, важныхъ для всѣхъ или нѣкоторыхъ биржъ, могутъ быть, въ установленномъ порядкѣ, созываемы сѣзды представителей всѣхъ или нѣкоторыхъ биржъ; ихъ постановленія утверждаются и включаются въ правила биржъ, принимавшихъ участіе на сѣздѣ. Проектъ раздѣляетъ биржи на 3 разряда, сообразно важности и свойствамъ производимыхъ на нихъ оборотовъ: 1) биржи обѣихъ столицъ, 2) 6 провинціальныхъ биржъ—варшавская, одесская, ростовская на Дону, кіевская, рижская и ливавская. Всѣ остальные биржи относятся

къ 3-му разряду. Только биржи перваго и втораго разрядовъ будутъ подчинены новому закону, а всѣ остальные будутъ дѣйствовать по своимъ специальнымъ уставамъ. Проектъ удѣляетъ много вниманія вопросу о составѣ биржевого общества и установленіи на биржѣ единой твердой власти. По проекту, биржевое общество состоитъ изъ лицъ, имѣющихъ право на занятіе промышленностью и торговлей. Сверхъ того, устанавливается цѣлый рядъ отрицательныхъ условій, которымъ лицо должно удовлетворять, дабы быть принятымъ въ составъ: исключаются всѣ, присужденные къ наказаніямъ, которыя связаны съ лишеніемъ и ограниченіемъ правъ, виновные въ проступкахъ противъ чужой собственности, отрѣшенные отъ должности въ теченіе 3 лѣтъ со времени отрѣшенія, исключенные изъ словія присяжныхъ повѣренныхъ или изъ биржевого общества, признанные несостоятельными должниками и состоящіе подъ администраціей. Не могутъ быть членами биржевого общества также служащіе въ торговыхъ и промышленныхъ предпріятіяхъ и состоящіе кассирами въ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ. Но товарищи-распорядители торговыхъ домовъ, директоры, управляющіе могутъ быть членами биржевого общества, дабы были лучше и болѣе разносторонне охраняемы интересы предпріятій, которыя они представляютъ. Желающіе поступить въ члены биржевого общества подвергаются баллотировкѣ; дабы личность баллотироваемаго кандидата могла быть вполне выяснена, объявленія о желающемъ вступить въ члены выставляется въ теченіе двухъ недѣль. Исключеніе изъ членовъ производится по закрытой баллотировкѣ; поводами же къ исключенію могутъ быть: неблаговидные поступки члена въ его торговой и промышленной дѣятельности, содѣйствіе сокрытію имущества отъ кредиторовъ, дѣйствіе въ ущербъ довѣрію къ русской торговлѣ и промышленности на заграничныхъ рынкахъ, неправильность въ исполненіи биржевыхъ сдѣлокъ, умыленное воздѣйствіе на курсы и нарушеніе биржевыхъ правилъ. Наконецъ, биржевой комитетъ исключаетъ члена по предложенію министра финансовъ, на время, указанное въ предложеніи. Во главѣ биржевого общества проектъ ставитъ биржевой комитетъ. Онъ избирается биржевымъ обществомъ. Комитету принадлежитъ управленіе биржей и ея имуществомъ; высшій надзоръ надъ биржевымъ комитетомъ осуществляется департаментомъ торговли и мануфактуръ. Комитетъ биржи 1-го разряда состоитъ изъ 24 членовъ, 2-го—изъ 18 и 3-го—изъ 12. Члены избираются на трехлѣтній срокъ; ежегодно $\frac{1}{3}$ выходитъ по жребію. Устанавливая, по сравненію съ дѣйствующими биржевыми уставами, многочисленный составъ комитетовъ, проектъ имѣетъ въ виду обезпечить непрерывность занятій комитета, безъ обремененія отдѣльныхъ его членовъ и предсѣдателя. Многочисленный составъ комитета облегчить, по предположенію проекта, образованіе временныхъ или постоянныхъ комиссій, которыя дѣйствуютъ именемъ комитета и куда могутъ быть приглашаемы лица, обладающія разными специальными научными и практическими знаніями,—техники, моряки, юристы и проч. Распоряженія биржевого комитета обязательны для биржевого общества и

других посѣтителей биржи, но могутъ быть обжалованы департаменту торговли и мануфактуръ. Внѣшняя дисциплина на биржѣ поддерживается очереднымъ членомъ биржевого комитета. На биржевыхъ собраніяхъ могутъ бывать только члены биржи, ихъ уполномоченные и прикащики и въ небольшомъ числѣ стороннія лица, по разрѣшенію биржевой власти. Придавая большое значеніе вопросу о маклерствѣ, проектъ упраздняетъ присяжныхъ маклеровъ и предоставляетъ всѣмъ членамъ биржевого общества одни и тѣ же права. Каждый членъ биржевого общества можетъ избрать любой способъ биржевой дѣятельности, подъ условіемъ предварительнаго заявленія о томъ комитету. Выраженіемъ дѣятельности людей биржи служитъ биржевая сдѣлка. Въ правилахъ каждой биржи точно опредѣляются: предметы биржевой торговли и наименованія ихъ количества, допускаемыя въ биржевыхъ сдѣлкахъ; въ частности, тѣ предметы, на которые допускается заключеніе сдѣлокъ на срокъ и продолжительность этихъ сроковъ. Биржевые сдѣлки излагаются въ двухъ экземплярахъ биржевой записки, которая отмѣчается въ биржевомъ реестрѣ (его ведетъ биржевой нотаріусъ). Зарегистрированныя биржевыя сдѣлки имѣютъ двойное преимущество: одни имѣютъ примѣненіе въ теченіе короткаго срока и только на биржѣ, а другія сопровождаютъ биржевую сдѣлку въ судѣ и въ конкурсномъ производствѣ. Всѣ эти преимущества взяты изъ дѣйствующаго законодательства и биржевыхъ уставовъ. Проектъ предполагаетъ образованіе особаго присутствія для составленія бюллетеня по каждому биржевому собранію. При составленіи бюллетеня принимаются въ расчетъ биржевыя сдѣлки въ оконченномъ биржевомъ собраніи. Бюллетень есть документъ, удостовѣряющій все, что въ немъ отмѣчено. Проектъ устанавливаетъ также контроль надъ обращеніемъ бумагъ на биржѣ. Дабы контроль былъ наиболѣе дѣйствителенъ, онъ долженъ предшествовать допущенію бумагъ къ обращенію на биржѣ. Самому допущенію бумагъ на биржу предшествуютъ нѣкоторыя формальности. И самое заявленіе относительно бумаги выставляется въ теченіе двухъ недѣль, дабы посѣтители могли предварительно ознакомиться съ нею. Принятіе или непринятіе бумаги рѣшается большинствомъ голосовъ. Подобно тому, какъ принятый въ члены биржевого общества можетъ быть исключенъ изъ него по распоряженію министра финансовъ, такъ можетъ и бумага быть устранена изъ обращенія на биржѣ. Постановленіемъ биржевого комитета можетъ быть исключена изъ котировки бумага въ случаѣ ея обезцѣненія до 50% нарицательной цѣны, если въ теченіе 3 мѣсяцевъ она не поднимется до 75% нарицательной цѣнности, и въ случаѣ искусственно вызванной спекуляціи на бумагу. Проектъ вводитъ еще одну гарантію вѣрности бумаги, допускаемой на биржѣ. Эта гарантія заключается въ томъ, что заявляющій ходатайство о допущеніи бумаги къ обращенію долженъ обозначить въ заявленіи цѣну, по которой онъ обязуется, въ теченіе двухъ лѣтъ по допущеніи бумаги къ обращенію, принимать ее отъ всякаго, если къ концу перваго года по допущеніи бумаги на биржу биржевая цѣна ея упадетъ на 30% ниже нарицательной.

Вотъ въ существенныхъ чертахъ проектъ новаго биржевого устава, выработанный министерствомъ финансовъ. Министерство придаетъ особенное значеніе слѣдующимъ пунктамъ проекта: 1) строгому выбору въ члены биржевого общества; 2) образованію сильной власти въ лицѣ биржевого комитета; 3) устраненію присяжныхъ маклеровъ и 4) правиламъ относительно допущенія бумагъ къ обращенію на биржѣ. Посмотримъ, насколько порядокъ, устанавливаемый въ проектѣ относительно этихъ пунктовъ, можетъ задерживать развитіе биржевой спекуляціи.

По поводу перваго пункта читаемъ въ *Вѣстникѣ Финансовъ* слѣдующее: устанавливая цѣлый рядъ условій, которыя преграждаютъ лицу доступъ въ биржевое общество, «проектъ стремится достигнуть существеннаго измѣненія состава биржевой публики, въ смыслѣ полнаго его очищенія отъ вторгающихся въ него постороннихъ и вредныхъ элементовъ, устраненіемъ сомнительныхъ посѣтителей, лишеніемъ права посѣщенія биржи любителей и непрофессиональныхъ посѣтителей и превращеніемъ, наконецъ, биржи изъ открытаго, всѣмъ доступнаго рынка въ замкнутую корпорацію» (*Вѣстн. Фин.* 1895 г., № 43, стр. 264).

Поставивъ себѣ такую цѣль, проектъ и не допускаетъ въ составъ биржевого общества людей, на которыхъ судомъ положено какое-нибудь пятно. Мы увѣрены, что эти ограниченія развѣ въ самой незначительной мѣрѣ затруднятъ доступъ въ члены биржевого общества. И доказательство налицо: мы жалуемся на присяжныхъ маклеровъ, что они искусственно подогрѣваютъ въ публикѣ наклонность къ спекуляціи, а, вѣдь, никто изъ дѣйствующихъ маклеровъ не опороченъ по суду, не лишенъ «особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ», не былъ несостоятельнымъ должникомъ; мы приписываемъ банкирскимъ конторамъ вредное вліяніе на развитіе спекуляціи, а, между тѣмъ, можно поручиться, что никто изъ владѣльцевъ первоклассныхъ конторъ или даже служащихъ въ оныхъ не носилъ официальную печать порочности; есть полное основаніе сомнѣваться даже въ томъ, чтобы среди служащихъ въ конторахъ второго и третьяго разрядовъ нашлись люди, бывшіе подъ судомъ и не оправданные, чтобы несостоятельные должники не составляли въ этой средѣ самаго рѣдкаго исключенія. И это понятно: хозяинъ банкирской конторы, сберегая свои интересы, требуетъ отъ служащихъ удовлетворенія хотя бы тѣхъ минимальныхъ требованій морали, исполненіе которыхъ служить ручательствомъ, что человѣкъ не будутъ преслѣдовать по суду. Но эта неопороченность по суду еще безконечно далека до такого образа дѣйствій, при которомъ человѣкъ (не говоримъ воздерживается отъ спекуляціи) строго воздерживается отъ всего, что можетъ развивать въ людяхъ наклонность къ биржевой игрѣ. А если таково положеніе дѣлъ теперь, то нѣтъ никакого ручательства, что указанныя ограниченія дадутъ намъ такой составъ биржевого общества, при которомъ оно будетъ свободно отъ сомнительныхъ элементовъ, наводняющихъ биржевыя собранія.

Придавая значеніе 2-му пункту, проектъ руководствуется тѣмъ сообра-

женіемъ, что «раздвоеніе власти между коллегіальнымъ учрежденіемъ, выбираемымъ членами общества, и совокупностью послѣднихъ не болѣе оправдало себя на биржѣ, чѣмъ въ другихъ примѣненіяхъ. Въ примѣненіи же къ биржѣ и ея устройству раздвоеніе власти непригодно еще потому, что при вмѣшательствѣ общихъ собраній членовъ комитетъ не имѣетъ полнаго авторитета, связанъ въ своей инициативѣ» (*Вѣстникъ Финансовъ*, тамъ же). Здѣсь авторъ статьи въ органѣ министерства финансовъ высказываетъ положеніе, которое отнюдь не можетъ быть принято. Оставляя въ сторонѣ примѣръ западно-европейской жизни, не касаясь того, что представляетъ повсюду на земномъ шарѣ промышленность и торговля, гдѣ многочисленныя предпріятія имѣютъ два коллегіальныхъ органа власти (общее собраніе акціонеровъ и правленіе), мы возьмемъ область русскаго государственнаго права и напомнимъ о земскихъ учрежденіяхъ. Какъ ни много положено было труда для суженія компетенціи земства, какъ ни много было людей, враждебно настроенныхъ противъ него въ то время, когда вырабатывалось положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 1890 года, однако, никому не пришло и въ голову устранить двойственность коллегіальнаго устройства—въ управахъ, съ одной стороны, и собраніяхъ—съ другой. Такимъ образомъ, это положеніе, какъ общее, не можетъ быть принято. Но этотъ порядокъ нежелателенъ еще и потому, что онъ передаетъ все завѣдываніе биржей въ руки немногихъ лицъ, которыя легко могутъ стаянуться и произвести искусственное повышеніе цѣны бумаги или же ея пониженіе. Въ состояніи биржевыхъ дѣлъ нѣтъ такихъ условій, которыя дѣлали бы участіе отъ времени до времени всего биржевого собранія слишкомъ громоздкимъ и тяжеловѣснымъ. Важнѣйшія стороны жизни биржи регулируются закономъ и биржевыми обычаями, и участіе всѣхъ больше обезпечиваетъ общій интересъ людей, соприкасающихся съ биржей, нежели вѣдѣніе всего дѣла исключительно биржевымъ комитетомъ. Такимъ образомъ, и этотъ пунктъ не обезпечиваетъ ослабленія биржевой спекуляціи.

Отмѣна присяжныхъ маклеровъ считается очень важною мѣрой потому, что въ присяжныхъ маклерахъ видятъ главный фокусъ, къ которому сходятся всѣ нити, приводящія въ движеніе спекуляцію. Если же мы посмотримся ближе къ механизму спекулятивныхъ сдѣлокъ, то увидимъ, что присяжные маклера не играютъ здѣсь выдающейся роли. Множество мелкихъ спекулянтовъ не завязываютъ сношеній съ маклерами, а совершаютъ покупки и продажи черезъ банкирскія конторы или же черезъ мелкихъ биржевыхъ дѣльцовъ, которые носятъ техническое наименованіе «зайцевъ». Упраздненіе присяжныхъ маклеровъ не будетъ имѣть, мы увѣрены, ни малѣйшаго вліянія на биржу. Въ этомъ мірѣ останутся всѣ тѣ лица, которыя, согласно съ нынѣшнимъ порядкомъ, были бы присяжными маклерами, и какъ теперь ихъ располагаетъ къ темнымъ дѣлишкамъ отнюдь не званіе, которое они носятъ, а индивидуальныя наклонности, воспитываемыя и укрѣпляемыя общественною средой, такъ при новомъ порядкѣ ихъ будетъ удерживать отъ неблаговиднаго образа дѣйствій вовсе не свобода бирже-

выхъ сдѣлокъ, позволяющая каждому (по примѣру Англіи) избрать любой видъ биржевыхъ оборотовъ, а только большая добросовѣстность. Мы полагаемъ даже, что новый порядокъ, если онъ окажетъ вліяніе на биржу, будетъ скорѣе способствовать возростанію злоупотребленій: теперь званіе присяжнаго маклера служитъ для нѣкоторыхъ уздой и удерживаетъ отъ неправильныхъ сдѣлокъ. Наличие маклеровъ (среди которыхъ есть и добросовѣстные люди) суживаетъ дѣятельность зайцевъ, которые не имѣютъ оффиціального положенія; при новомъ же порядкѣ всѣ члены биржевого общества будутъ представлять изъ себя одну сплошную массу, гдѣ стороннему лицу, умѣющему купить и продать на биржѣ, будетъ труднѣе отличать надежнаго посредника отъ людей, которые не заслуживаютъ довѣрія. Остается послѣдній пунктъ—порядокъ выкупа бумагъ или ихъ изыятіе изъ обращенія на биржѣ. Биржевой комитетъ можетъ исключить бумагу послѣ того, какъ она обезцѣнится до половины своей нарицательной стоимости. Конечно, эта мѣра совершенно безвредна, но и бесполезна. Когда бумага очень упала въ цѣнѣ и, особенно, если она, долго котируясь по цѣнѣ выше нарицательной, спустилась до половины нарицательной, то она только влечетъ свое существованіе, но уже не служитъ предметомъ оживленныхъ сдѣлокъ. Припомнимъ маленькіе биржевые крахи послѣднихъ лѣтъ. Таковые были въ октябрѣ 1892, 1894 и 1895 годовъ. Паденія цѣны большей части бумагъ не были въ эти періоды огромны (какъ, напримѣръ, въ вѣнскій кризисъ 1873 года), однако, они были значительны и разорили много мелкихъ, частью среднихъ спекулянтовъ. Но главныя потери были понесены на бумагахъ, которыя въ своемъ обезцѣненіи далеко не дошли до уровня, когда, по проекту, слѣдовало бы изыять ихъ изъ обращенія на биржѣ. Въ октябрѣ 1892 года спекуляція особенно много потеряла на акціяхъ русскаго банка для вѣншей торговли, опустившихся съ 260 на 237 рублей; въ октябрѣ 1894 года было особенно много жалобъ на убытки отъ акцій брянскаго завода, которыя упали съ 275 до 240 р., а въ октябрѣ 1895 года особенно пострадавшими оказались владельцы акцій также брянскаго завода, упавшихъ съ 550 на 410 рублей, и мальцевскаго—съ 1,100 на 600 рублей. А, вѣдь, нарицательная цѣна акцій этихъ предпріятій составляетъ 250, 100 и 500 рублей, т.-е. имъ было еще чрезвычайно далеко до той нормы, когда слѣдовало бы исключить ихъ изъ обращенія на биржѣ. И понятно, почему именно такія пониженія (бумагъ, вообще, надежныхъ) причиняютъ спекулянтамъ очень большіе убытки: когда предпріятіе идетъ успѣшно, бумага служитъ предметомъ осуществленныхъ сдѣлокъ и биржевая цѣна далеко превышаетъ нарицательную, то спекулянты видятъ все въ розовомъ свѣтѣ, покупаютъ данную бумагу на большія суммы, взносятъ малое обезпеченіе, ставятъ на карту все и, при сильномъ ослабленіи биржи, теряютъ все. А причины, вызвавшія ослабленіе, часто не имѣютъ ничего общаго съ состояніемъ промышленности и торговли. Паденіе же цѣны акцій, происходящее отъ ухудшенія дѣлъ даннаго предпріятія, большею частью (насколько предпріятіе не было только мыль-

нымъ пузырьмъ), развивается хронически, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Слухи, неблагопріятные для репутаціи предпріятія, становятся все болѣе настойчивы; сдѣлка съ его бумагами не отличается оживленіемъ; очень немногіе спекулянты, даже изъ среды наимѣнѣ опытныхъ, покупаютъ такую бумагу крупными партіями, и рискъ отъ ея обезцѣненія распространяется на очень большую площадь. Если паденіе цѣнности захватываетъ очень долгій періодъ, наприм., цѣлый годъ, то бумага можетъ, причинивъ многимъ убытки, не разорить никого. Можно ли признать значительною ту гарантію, которую проектъ биржевого устава вводитъ при допущеніи бумаги на биржу? Нѣтъ, эта гарантія не серьезна. Такъ какъ при оживленіи биржевыхъ дѣлъ выпускная цѣна превышаетъ нарицательную въ 2—3 раза, то выпускающій, какъ бы ни было рискованно предпріятіе (лишь бы оно не было совсѣмъ эфемерно), можетъ смѣло принять на себя обязательство принимать бумагу въ теченіе двухъ лѣтъ по нарицательной цѣнѣ: хотя бы предпріятіе не давало дивиденда и даже не было пущено въ ходъ, участіе въ правленіи хотя одного лица съ именемъ въ торговомъ мірѣ можетъ довольно долго поддерживать цѣну акцій на высотѣ, при которой выпустившему бумагу еще не придется расплачиваться за нее. Но, конечно, это не служитъ ручательствомъ, что черезъ 3—4 года, когда предпріятіе будетъ пущено въ ходъ и окажется поставленнымъ неудачно и убыточно, акція не упадутъ очень низко. Возьмемъ для примѣра цѣны петербургской биржи за послѣднія числа октября, когда биржа была въ угнетенномъ состояніи и многіе жаловались на крупные убытки. При цѣнахъ, вообще, низкихъ, акціи русскаго паровозо-строительнаго механическаго завода, который еще не устроенъ, стояли на 150 р., при нарицательной цѣнѣ въ 125 р. А это предпріятіе принадлежитъ къ наименѣе извѣстнымъ изъ всѣхъ бумагъ, которыя котируются на петербургской биржѣ; при малѣйшемъ же оживленіи дѣлъ онѣ поднимаются въ цѣнѣ. И такъ, пустившій ихъ на биржу могъ бы смѣло принять отвѣтственность, которая предусмотрена проектомъ устава о биржахъ. Конечно, критическое положеніе дѣлъ, паника принимаетъ обыкновенно такіе размѣры, что цѣны падаютъ невѣроятно низко. Но при полномъ биржевомъ крушеніи никакія правила не помѣшаютъ разоренію многихъ людей, даже изъ тѣхъ, которые съ большою осторожностью совершаютъ обороты. Можно, повидимому, бороться съ этимъ посредствомъ установленія еще болѣе тяжелыхъ условій выпуска акцій, наприм., такъ, чтобы выпускающій былъ въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ обязанъ принимать ихъ отъ каждаго по нарицательной цѣнѣ. Затруднивъ многіе выпуски, это поставило бы серьезныя препятствія развитію акціонерныхъ предпріятій, въ которыхъ преимущественно и развиваются промышленность и торговля.

Если, такимъ образомъ, проектъ биржевой реформы въ своихъ существенныхъ чертахъ не можетъ обуздать спекуляцій, то онъ содержитъ два пункта, которые безъ всякой пользы для дѣла, а часто и съ большимъ вредомъ для него, расширяютъ права министерства финансовъ: мы разу-

имѣемъ право министра финансовъ требовать исключенія изъ биржевого собранія того или другого члена и право исключать бумагу изъ обращенія на биржѣ. Эти пункты стоятъ въ явномъ противорѣчій съ основнымъ направлениемъ проекта. Стараясь измѣнить биржевые порядки къ лучшему, проектъ усиливаетъ власть биржевого комитета, увеличиваетъ его составъ и даетъ ему большія полномочія. Разъ комитетъ признается органомъ, который всегда можетъ дѣйствовать безъ вмѣшательства биржевого общества, то признаютъ недостаточнымъ нравственный авторитетъ на его сторонѣ и полную компетентность. Мы не согласны съ тѣмъ, чтобъ его компетентность была во всѣхъ случаяхъ довольно велика и не нуждалась бы въ направленіи со стороны биржевого общества. Но въ вопросахъ, касающихся личныхъ качествъ членовъ биржевого общества и достоинства бумагъ, биржевой комитетъ болѣе компетентенъ, нежели министерство финансовъ. Последнее можетъ случайно знать того или другого члена, или же подробности въ жизни отдѣльнаго предпріятія, представляемаго данною бумагой. Но близкое знаніе членовъ и подробностей относительно многихъ предпріятій доступно именно биржевому комитету, который изо дня въ день, уже по профессіи своихъ членовъ, дѣлаетъ множество наблюденій и гдѣ сосредоточиваются разнообразныя свѣдѣнія о промышленныхъ и торговыхъ дѣлахъ. Министерство финансовъ тѣмъ болѣе не нуждается въ особыхъ правахъ относительно исключенія членовъ, что надзоръ за биржей сосредоточенъ въ департаментѣ торговли и мануфактуръ и, при надзорѣ не только формальномъ, но и дѣйствительномъ, биржевой комитетъ всегда будетъ по мѣрѣ силъ слѣдить за дѣятельностью членовъ и не оставлять безъ вниманія данныхъ, которыя накаплиются относительно котируемыхъ бумагъ. Два права министерства финансовъ, способныя служить источникомъ прискорбныхъ ошибокъ или облегчить произволъ, тѣмъ болѣе нежелательны, что такое право будетъ ослаблять въ лучшихъ членахъ биржевого общества желаніе вступить въ члены биржевого комитета.

Резюмируя все изложенное, мы скажемъ, что проектъ биржевой реформы можетъ внести въ строеніе и дѣятельность биржи нѣкоторыя мелкія, частичныя улучшенія, но рѣшительно безсиленъ воздѣйствовать на биржевую спекуляцію. Последняя зависитъ отъ всѣхъ условій современной общественной жизни. Она можетъ быть устранена только съ коренными перемѣнами во всей области народнаго хозяйства. Вдумаемся въ причины, которыя развиваютъ биржевую игру среди круговъ, стоящихъ близко къ сферамъ промышленности и торговли, и мы придемъ къ заключенію, что члены этихъ кружковъ не могутъ не участвовать въ игрѣ. Акціонерное общество является преобладающею формою для промышленныхъ и торговыхъ предпріятій. Люди, покупающіе акціи, часто, и даже большею частью, не хотятъ имѣть ничего общаго съ дѣломъ, въ которое они внесли свой капиталъ. Нерѣдко они не имѣютъ даже отдаленнаго понятія о характерѣ и условіяхъ развитія этого дѣла. Дивидендъ, получаемый ими, образуетъ самый чистый видъ нетрудового дохода; привыкнувъ къ нему, они изыски-

ваютъ всё способы для его увеличенія, а отсюда—покупки и продажи цѣнныхъ бумагъ. А такъ какъ каждый, дѣйствуя въ извѣстной средѣ, пользуется наилучшими средствами, которые она даетъ для дѣятельности въ этомъ направленіи, то и при покупкѣ цѣнныхъ бумагъ охотно обращаются къ кредиту, который пригоденъ для этихъ сдѣлокъ не меньше, чѣмъ для производства. Словомъ, участвуя въ биржевой игрѣ, эти люди дѣлаютъ только то, что вытекаетъ изъ всѣхъ условій жизни ихъ круга. Вслѣдъ за ними тянется длинная вереница мелкихъ спекулянтовъ, которые принадлежатъ къ инымъ общественнымъ группамъ. Почему? Потому, что жажда приобрѣтенія, вообще сильная въ людяхъ, особенно возрастаетъ при видѣ меньшинства, которое пользуется нетрудовыми доходами или получаетъ плату за такой трудъ, который имѣетъ только личину работы и вовсе не заслуживаетъ этого признанія. Разъ въ человѣкѣ, который скопилъ маленькія сбереженія, нѣтъ очень твердыхъ нравственныхъ устоевъ, чтобы съ философскимъ достоинствомъ переносить удары судьбы, несправедливости, разъ въ немъ остро сознаніе того, что общество распредѣляетъ свои дары между людьми вовсе не пропорціонально заслугамъ, а обратно пропорціонально имъ, то является страстное желаніе урвать что-нибудь изъ этихъ выгодъ: кто не можетъ или не хочетъ искать ихъ въ государственной или частной службѣ, тотъ обращается къ игрѣ. За немногими изъятіями, это влеченіе охватываетъ всѣхъ. Къ ослабленію этой страсти ведутъ не тѣ или иные порядки на биржѣ, а крупныя общественныя реформы, укрѣпляющія въ людяхъ сознаніе личнаго достоинства, поднимающія значеніе труда и трудовыхъ доходовъ и выдвигающія на главныя мѣста въ народномъ хозяйствѣ, занятые нынѣ ассоціаціями капитала, ассоціаціи труда.

Для взысканія продовольственныхъ долговъ, которые числятся за населеніемъ съ 1891—92 годовъ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ установлены правила, сходныя съ правилами 7 февраля 1894 года объ отсрочкѣ и разсрочкѣ выкупныхъ недоимокъ. Эти правила касаются очень важной стороны народной жизни, такъ какъ задолженность крестьянскаго населенія очень велика. Центральный статистическій комитетъ собралъ въ 1893 году свѣдѣнія о задолженности сельскихъ обществъ по окладнымъ сборамъ и въ продовольственные капиталы. Этотъ матеріалъ, позволяющій сдѣлать заключеніе о разныхъ сторонахъ жизни крестьянства, касается 46 губерній и 32 милліоновъ душъ наличнаго мужского населенія. На немъ лежитъ долгъ около 336½ милліоновъ рублей. Изъ этой суммы 118 милліоновъ рублей составляли недоимки; денежный продовольственный долгъ опредѣлялся суммою до 103 милліоновъ, а цѣнность хлѣба, взятаго изъ общественныхъ магазиновъ, достигала 116 милліоновъ. Исслѣдованіе центрального статистическаго комитета показываетъ, что больше $\frac{3}{4}$ населенія были недоимщиками. Но есть губернія, гдѣ недоимщиками состоятъ «почти все населеніе поголовно. Въ 24 губерніяхъ процентъ недоимщиковъ составля-

еть больше 90% населенія, изъ нихъ въ Тульской, Симбирской и Саратовской 98—99%, Оренбургской, Пензенской, Воронежской и Самарской—99—99,7%, въ Казанской—100%. Для всей Европейской Россіи средняя цифра денежныхъ продовольственныхъ и окладныхъ недоимокъ составляетъ 9 рублей на душу задолжавшаго населенія и 2 р. 66 коп. на 1 десятину пахатной надѣльной земли. Но нѣкоторыя губерніи даютъ такія отклоненія отъ этой цифры, которыя наводятъ на самое тяжелое раздумье: въ Тульской губерніи на душу падаетъ больше 15 рублей недоимокъ, Пензенской—16 р., Самарской—21 рубль слишкомъ, въ Казанской—около 26 р. Этотъ долгъ огроменъ, почти неоплатенъ; онъ долженъ вызывать со стороны правительства самое напряженное вниманіе и самыя серьезныя заботы. И ужь, конечно, самыя цифры этого долга имѣютъ гораздо болѣе угрожающій характеръ, чѣмъ рѣзкія проявленія биржевой игры.

Въ прошломъ мѣсяцѣ скончался извѣстный дѣтскій врачъ, редакторъ-издатель *Вѣстника Воспитанія*, Е. А. Покровский. Основанный имъ журналъ много содѣйствовалъ развитію у насъ интереса къ вопросамъ «здороваго воспитанія» и распространилъ не мало полезныхъ знаній и разумныхъ педагогическихъ идей. Смерть Егора Арсеньевича является печальною утратой для немногочисленной семьи педагоговъ, которые неразрывно связываютъ задачи физическаго, умственнаго и нравственнаго воспитанія.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Несмотря на конечный успѣхъ мадагаскарской экспедиціи, кабинетъ Рибо по открытіи парламентскихъ засѣданій продержался очень не долго. Его скомпрометировала въ глазахъ палаты депутатовъ внутренняя политика. Министерство не хотѣло преслѣдовать энергичнымъ образомъ многочисленныя желѣзно-дорожныя злоупотребленія; оно не желало раскрыть темныя дѣянія болѣе или менѣе высокопоставленныхъ людей изъ правительственнаго лагеря и ничего не предпринимало въ интересахъ улучшенія экономическихъ условій рабочаго класса.

Министерство пало вслѣдствіе того, что палата приняла направленное противъ кабинета предложеніе Руане, социалиста, требовавшаго новаго и строгаго слѣдствія по дѣлу южной желѣзной дороги. Президентъ республики за составленіемъ новаго кабинета обратился къ Леону Буржуа, который и образовалъ однородное радикальное министерство. Декларация, прочтенная нынѣшнимъ главою правительства въ палатѣ и министромъ юстиціи въ сенатѣ, вызвала горячее сочувствіе только со стороны радикаловъ, прогрессистовъ и отчасти социалистовъ, хотя новый кабинетъ рѣшительно высказался за принципъ частной собственности.

Министерству Буржуа предсказываютъ очень недолгое существованіе. У него нѣтъ большинства ни въ сенатѣ, ни въ палатѣ: то большинство, которое низвергло Рибо, было коалиціоннымъ, въ него входили консерваторы и монархисты, которые, конечно, возстанутъ противъ новой правительственной программы. Но возможенъ и другой исходъ: въ нынѣшней палатѣ вообще нѣтъ однороднаго большинства, и Леонъ Буржуа имѣетъ полное право при первомъ же серьезномъ столкновеніи распустить ее. Препятствіемъ можетъ явиться только сенатъ, согласіе котораго требуется для роспуска палаты депутатовъ.

Во всякомъ случаѣ важно, что правительство выступаетъ съ опредѣленною и содержательною программой. Такъ какъ въ ней намѣчены вопросы, которые во всякомъ случаѣ будутъ играть очень важную роль въ политической жизни Франціи, то мы и приводимъ министерскую декларацию въ ея главныхъ пунктахъ.

Леонъ Буржуа заявляетъ, что иностранная политика Франціи останется неизмѣнною: «Франція,—сказалъ министръ-президентъ,—обновленная республиканскимъ миромъ, вступила въ союзы, возстановившіе международное равновѣсіе. Мы отвѣтимъ на единодушное желаніе французскаго народа, оставаясь вѣрными этимъ союзамъ и преслѣдуя вмѣстѣ съ ними всегда, когда мы должны это дѣлать, мирное развитіе нашего вліянія, нашихъ интересовъ и нашихъ правъ».

Кабинетъ желаетъ опираться только на истинныхъ республиканцевъ, а не на присоединившихся по расчету къ республикѣ монархистовъ и не на такія группы, которыя являются представителями насилія.

Въ управленіе арміей и флотомъ правительство обѣщаетъ внести важныя преобразованія и строгій контроль. Это заявленіе особенно подчеркивается тѣмъ обстоятельствомъ, что военнымъ министромъ въ новомъ кабинетѣ является Кавеньякъ, морскимъ—Локруа (оба не военные).

«Мы исполнимъ волю палаты,—говорятъ министры,—назначивъ дополнительное слѣдствіе по дѣлу южной желѣзной дороги. Каковы бы ни были результаты слѣдствія, правительство обѣщаетъ полностью обнародовать его документы, чтобы парламентъ имѣлъ возможность произнести нравственный и политическій приговоръ по этому дѣлу.

«Мы отвѣтимъ также,—продолжаетъ декларация,—на предшествовавшіе вотумы палаты и внесемъ законопроектъ, на основаніи котораго членамъ законодательныхъ собраній будетъ запрещено входить въ составъ административныхъ совѣтовъ обществъ, имѣющихъ дѣло съ государствомъ, и, подъ страхомъ лишенія депутатскихъ полномочій, принимать участіе въ синдикатахъ, занимающихся выпусками цѣнныхъ бумагъ.

«Наконецъ, мы будемъ поддерживать предложенія, имѣющія цѣлью установить состязательныя пренія въ исправительномъ и уголовномъ слѣдствіи. Для того, чтобы ввести наиболѣе дѣйствительную гарантію противъ нападокъ, предметомъ которыхъ никогда не должно быть правосудіе въ свободной странѣ, мы предложимъ сдѣлать предварительное слѣдствіе гласнымъ, насколько это совмѣстимо съ преслѣдованіемъ и пресѣченіемъ преступленій».

Правительство заявляетъ далѣе о весьма важныхъ финансовыхъ законопроектахъ:

«Проектъ прогрессивнаго налога на наслѣдства стоитъ въ порядкѣ дня палаты, и мы будемъ поддерживать его.

«Реформа законовъ о напиткахъ предложена сенату; мы также будемъ добиваться ея осуществленія, подъ условіемъ сложенія налоговъ съ гигиеническихъ питей,—условіемъ, которое главнѣйшимъ образомъ сообщаетъ этой реформѣ демократическій характеръ.

«При нашей фискальной системѣ нѣкоторые налоги особенно тяжело ложатся на менѣе состоятельныхъ плательщиковъ. Мы полагаемъ, что всеобщій подоходный налогъ является средствомъ для исправленія этихъ неравенствъ и для осуществленія такого порядка, при которомъ тяжесть обло-

женія будетъ пропорціональна средствамъ гражданъ. Въ очень скоромъ времени вамъ будетъ предложенъ законопроектъ, построенный на этихъ основаніяхъ.

«Въ настоящее время разрабатывается совокупность предложеній, касающихся третейскаго суда, страхованія и сбереженій: мы будемъ поддерживать ихъ передъ вами. Наконецъ, мы всѣми силами будемъ ускорять осуществленіе системы пенсійнаго обезпеченія рабочихъ, возвѣщенной еще вѣтомомъ 2 милліоновъ, которые включены въ бюджетъ 1895 г.»

Правительство заявляетъ кромѣ того, что имѣетъ въ виду регулировать законодательнымъ путемъ отношенія между государствомъ и церковью, и выработать законопроектъ объ ассоціаціяхъ. Въ глазахъ правительства «республика составляетъ не только названіе политическаго учрежденія, но является орудіемъ нравственнаго и соціального прогресса, непреложнымъ средствомъ къ уменьшенію неравенства положеній и укрѣпленію солидарности между людьми. Для этой цѣли, для выполненія этой программы мы приняли на себя отвѣтственность власти».

Кончается декларация слѣдующими твердыми словами:

«Мы высказали вамъ свои мысли. Вы будете судить о насъ по нашимъ дѣйствіямъ. Мы просимъ у васъ довѣрія не для того, чтобы держаться у власти, но чтобы дѣйствовать. Если вы полагаете, что илел, которымъ мы хотимъ служить, не отвѣчаютъ желаніямъ и интересу республики, выскажите это прямо; пусть другіе выступятъ съ иной программой. Страна разсудитъ между нами».

Заявленія новаго кабинета встрѣчены, конечно, очень недружелюбными отзывами умѣренныхъ республиканскихъ газетъ и рѣзкими нападеніями со стороны газетъ реакціоннаго и клерикальнаго лагеря. Новый фазисъ, въ который вступаетъ теперь политическая жизнь третьей республики, не обѣщаетъ быть покойнымъ, въ парламентскомъ смыслѣ слова, но исполненіе программы Леона Буржуа и его товарищей внесло бы успокоеніе въ общественную жизнь Франціи: общественное мнѣніе этой страны все настойчивѣе требуетъ энергической борьбы съ злоупотребленіями разныхъ дѣльцовъ и компаній и внесенія болѣе справедливыхъ началъ въ экономическое законодательство.

Министерству Бадени не удалось привлечь на свою сторону младочеховъ. Ихъ не удовлетворили снятіе осаднаго положенія въ Прагѣ и неопредѣленныя обѣщанія новаго министра-президента. Для правительства возникли и другія затрудненія. Побѣда на выборахъ въ вѣнскую думу коалиціи, предводимой антисемитами, повела къ избранію городскимъ головою вождя антисемитовъ Люгера. Несмотря на то, что онъ былъ избранъ большинствомъ двухъ третей, правительство не утвердило Люгера. Новые выборы кончились, однако, его новою побѣдою. Тогда распускается только что избранная дума. Среди населенія Вѣны обнаружилось раздраженіе, мног

тысячная толпа ходила по улицамъ города и кричала: долой Бадени, да здравствуетъ Люгеръ.

Неутвержденіе Люгера было уже предметомъ запроса въ парламентъ. Въ отвѣтъ графа Бадени прозвучала заносчивая фраза, что онъ не отвѣтствененъ передъ палатою депутатовъ и не обязанъ давать отчета о своей дѣятельности никому, кромѣ императора. Естественно, что слова министра-президента вызвали въ парламентъ негодованіе, и не только среди оппозиціи, но и среди поддерживающихъ правительство партій. Не можетъ, напримѣръ, нѣмецкая лѣвая согласиться на уничтоженіе основныхъ требованій парламентаризма.

Первые опыты графа Бадени показываютъ, что быть министромъ-президентомъ много труднѣе, чѣмъ быть намѣстникомъ Галиціи. Многое изъ того, что удавалось тамъ, съ мѣстнымъ сеймомъ, гдѣ существуетъ крѣпкое польское большинство, не удастся въ палатѣ депутатовъ, обсуждающей общегосударственные вопросы. Въ галиційскомъ ландтагѣ, гдѣ большинство дѣйствовало за одно съ намѣстникомъ, можно было заглушать голоса оппозиціи. Это невозможно въ цислейтанскомъ парламентѣ. Во время послѣднихъ выборовъ въ Галиціи администрація, т.-е. графъ Бадени, производила систематическое давленіе на населеніе. Съ обличеніемъ этихъ злоупотребленій выступилъ въ парламентѣ депутатъ Романчукъ, бывший однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ сторонниковъ сближенія русскихъ галичанъ съ поляками. Корреспондентъ *Галичанина* рассказываетъ интересныя подробности объ этомъ засѣданіи парламента (мы заимствуемъ ихъ изъ *Московскихъ Вѣдомостей* № 295). Въ залѣ водворилась необыкновенная тишина, лишь только Романчукъ сталъ приводить факты изъ прошлыхъ выборовъ въ галиційскій сеймъ. «На лицахъ всѣхъ депутатовъ парламента было замѣтно удивленіе, скрыть котораго не могъ даже министръ баронъ Гаучъ, а министръ юстиціи, графъ Глайспахъ, слыша о конфискаціи русскихъ газетъ, объ отвѣтѣ, данномъ редактору *Галичанина* львовскимъ прокуроромъ на вопросъ, почему онъ конфискуетъ сообщенія газеты объ избирательныхъ беззаконіяхъ, не производя о нихъ слѣдствій *) даже, всталъ со своего министерскаго кресла и подошелъ ближе къ говорившему рѣчь г. Романчуку съ явнымъ выраженіемъ чрезвычайнаго удивленія на лицѣ».

«Министръ-президентъ графъ Бадени сначала старался быть хладнокровнымъ, отворачиваясь въ противоположную отъ г. Романчука сторону, но потомъ вышелъ изъ залы, снова возвратился въ нее, блѣдный отъ внутренняго волненія, какое обнаруживалось и въ его неспокойныхъ движеніяхъ. Факты насилій, о которыхъ рассказывалъ г. Романчукъ, то и дѣло вызывали въ средѣ депутатовъ восклицанія изумленія, какъ будто

*) Прокуроръ отвѣчалъ редактору *Галичанина*: Такъ какъ графъ Бадени торжественно заявлялъ, что выборы происходили совершенно спокойно и съ соблюденіемъ законности, то онъ считаетъ сообщенія газетъ о насиліяхъ при выборахъ излишними и потому конфискуетъ ихъ.

эти депутаты слышали рассказы о дѣлахъ страны, расположенной въ глубинѣ Азіи».

Понятно, что младо-чехи держатся съ такимъ государственнымъ мужемъ, какъ графъ Бадени, на-сторожѣ и не довѣряютъ его благодѣтельнымъ фразамъ. А, между тѣмъ, приближается срокъ возобновленія «соглашенія» (*Ausgleich*) съ Венгріей. Противъ него поведутъ теперь ожесточенную борьбу антисемиты, всегда непріязненные мадьярамъ, а теперь раздраженные неутвержденіемъ Люгера и распущеніемъ вѣнской думы, въ чемъ они усматриваютъ мадьярское вліяніе. Неблагопріятно относятся къ соглашенію и мерикалы, которымъ не уступаетъ у себя транслейтанское правительство.

Всѣ почти выгоды этого соглашенія падаютъ на долю Венгріи. Чешская *Politik* указываетъ, какъ печально отражается на Цислейтаніи мадьярская расточительность, въ особенности на военные дѣли. Нужно замѣтить, что *соглашеніе*, возобновляемое каждыя десять лѣтъ, совершается по слѣдующимъ вопросамъ: по размѣру суммъ, которыя должны платить Цислейтанія и Транслейтанія на общеимперскіе расходы; по опредѣленію общей таможенной черты, по вопросамъ о денежномъ обращеніи и о военныхъ налогахъ. Существовавшее до сихъ поръ соглашеніе графъ Андраши характеризовалъ такими словами: мы (мадьяры) платимъ 30%, пользуемся 70%. Понятно, почему многіе въ Цислейтаніи недовольны этимъ и желали бы установить отношенія къ Венгріи на болѣе справедливыхъ началахъ. Со времени перваго соглашенія истекаетъ тридцать лѣтъ. Государственный бюджетъ Венгріи возросъ съ 206.000,000 гульденовъ до 350.000,000. Увеличились и долги Транслейтаніи. Скоро должно начаться между цислейтанскимъ и транслейтанскимъ правительствами переговоры о возобновленіи соглашенія, и задача графу Бадени предстоитъ трудная, потому что мадьяры не любятъ уступать, а цислейтанскіе нѣмцы и чехи протестуютъ противъ непропорціонально возлагаемыхъ на эту половину имперіи финансовыхъ тяжестей.

На банкетѣ въ честь новаго лорда-мера города Лондона глава англійскаго правительства произнесъ замѣчательную рѣчь, которую привѣтствуетъ большинство европейской печати. Она имѣетъ особенное значеніе въ виду осложненій на дальнемъ Востоцѣ и тѣхъ прискорбныхъ событій, какія происходятъ въ Турціи. Лордъ Салисбюри сказалъ, что Великобританія нѣтъ никакихъ основаній тревожиться тѣмъ, что теперь дѣлается въ Китаѣ и Японіи: Англія достаточно сильна, чтобъ отстоять свои интересы и не имѣетъ причины не довѣрять другимъ европейскимъ державамъ (также заинтересованнымъ въ установленіи покоя и благопріятныхъ культурныхъ условій въ Небесной имперіи и въ Корей). Но существуетъ,—продолжалъ лордъ Салисбюри,—страна, «въ которой положеніе дѣлъ не отличается столь мирнымъ и обнадеживающимъ характеромъ, какъ на дальнемъ Востоцѣ. Слово «Арменія» поглощало ваше вниманіе въ теченіе долгаго времени. Вы знаете, что въ прошломъ маѣ мѣсяцѣ три посланника великихъ

державъ, по инструкціи своихъ правительствъ, предложили Портѣ сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ законахъ и управленіи, имѣющія цѣлью оградить армянь отъ страшныхъ и жестокихъ страданій, тронувшихъ англійскую націю до глубины души. Эти предложенія были сдѣланы тремя послами въ прошломъ маѣ мѣсяцѣ, т.-е. еще при нашихъ предшественникахъ. Послы вели переговоры съ большимъ искусствомъ, и требованія, предъявленные державами, были приняты султаномъ».

Министръ - президентъ изложилъ въ краткихъ чертахъ тѣ требованія, которыя предъявляютъ Блистательной Портѣ европейскія государства, чтобъ обезпечить христіанское населеніе Турціи отъ рѣзни и грабежа со стороны мусульманскаго населенія, отъ возмутительныхъ притѣсненій со стороны турецкой администраціи. «Вы спросите, — замѣчаетъ Салисбюри, — принесутъ ли эти реформы какую - нибудь пользу? Еслибъ онѣ были дѣйствительно введены, то армяне пользовались бы всѣми условіями, необходимыми для благополучія и мира, для осуществленія справедливости въ отношеніи между людьми и для обезпеченія жизни и имущества. Но будутъ ли онѣ введены? Этотъ вопросъ всегда вызывалъ во мнѣ нѣсколько скептическое отношеніе къ предложеніямъ о томъ или другомъ измѣненіи дѣйствующаго въ Турціи законодательства, — предложеніями, которыя обсуждались на митингахъ и въ печати». Лордъ Салисбюри заявляетъ, что надо убѣдить султана въ томъ, чтобъ онъ оказалъ справедливость армянамъ, причемъ англійскій премьеръ саркастически прибавлялъ, что употребляетъ глаголъ *убѣдить* въ самомъ широкомъ значеніи. По мнѣнію оратора, «пока держится Оттоманская имперія, единственное средство дѣйствій, которымъ располагаете вы и которымъ располагаютъ державы, заключается въ воздѣйствіи на султана. Здѣсь вопросъ не въ выборѣ лучшаго пути къ достиженію цѣли, — выборѣ, относительно котораго мнѣнія могли бы расходиться; это просто фактъ, который не подлежитъ спору, — фактъ, заключающійся въ томъ, что пока существуетъ Оттоманская имперія, какія бы то ни было благодѣтельные реформы въ интересахъ подданныхъ султана могутъ быть проведены вами только черезъ самого султана. При такой точкѣ зрѣнія естественно возникаетъ вопросъ: что же, если султана не удастся убѣдить? Я долженъ заявить вамъ, что вѣсти, приходящія изъ Константинополя, не даютъ намъ права питать радостныя надежды въ этомъ отношеніи. Вы, конечно, поймете, что я могу говорить только очень коротко объ этомъ предметѣ и что откровенное заявленіе моихъ мнѣній могло бы повредить дѣлу мира и порядка, составляющему для меня высшую цѣль. Но предположимъ, что султанъ не осуществитъ обѣщанныхъ реформъ, — что произойдетъ въ такомъ случаѣ? Первый отвѣтъ, который я дамъ на этотъ вопросъ, заключается въ томъ, что, независимо отъ всякихъ договоровъ и комбинацій, «сила вещей» или, если хотите, «Провидѣніе» ведетъ къ тому, что дурное управленіе, въ концѣ-концовъ, губитъ правительство, которое упорно и постоянно примѣняетъ его».

Но не надо при этомъ забывать, что Турція находится въ исключи-

тельномъ положеніи: въ послѣднее полустолѣтіе она держалась только потому, что великія державы признавали ея существованіе необходимымъ для общеевропейскаго мира. Великія державы продолжаютъ такъ смотрѣть и въ настоящее время. Необходимо, однако, устранить на этотъ счетъ двѣ иллюзіи. «Первая изъ нихъ заключается въ томъ, что трактатъ, связывающій въ настоящее время европейскій концертъ, можетъ потерять силу и что какая-нибудь изъ державъ, освободивъ себя отъ обязанности договора, попытается рѣшить восточный вопросъ согласно своимъ желаніямъ. Я имѣю удовольствіе заявить, что не вижу никакихъ основаній для такихъ предположеній. Я полагаю, что державы будутъ единомыслны и что онѣ никогда не были расположены болѣе, чѣмъ теперь, дѣйствовать сообща, держась той организаціи Европы, которая установлена ихъ совкупною мудростью».

Это заявленіе, весьма важное въ интересахъ сохраненія европейскаго мира и достоинства цивилизованныхъ государствъ, лордъ Салисбюри подкрѣпилъ замѣчаніемъ, устраняющимъ другую иллюзію. «Совѣтники султана, — сказалъ онъ, — могутъ, пожалуй, подумать, что подъ давленіемъ необходимости, заставляющей державы строго охранять существующее положеніе въ Европѣ, правительства европейскихъ государствъ воздержатся отъ какихъ-либо рѣшительныхъ мѣръ. Но это было бы, по мнѣнію Салисбюри, большою иллюзіей: «Я полагаю, что державы непреклонно рѣшили дѣйствовать сообща во всемъ, что касается Оттоманской имперіи. Какъ онѣ будутъ дѣйствовать, я не берусь предсказать. Я не знаю, какія случайности могутъ возникнуть, но нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что державы, утомившись криками страданій, доходящими до ихъ ушей, установятъ какой-нибудь другой порядокъ вещей взамѣнъ того, который они поддерживаютъ въ теченіе сорока лѣтъ» (со времени парижскаго трактата).

«Я скажу въ заключеніе, — таковы послѣднія слова Салисбюри, — что во всѣхъ переговорахъ, происходившихъ въ послѣднее время, ничто не произвело на меня такого сильнаго впечатлѣнія, какъ расположеніе великихъ державъ дѣйствовать сообща и ихъ глубокое сознаніе страшныхъ опасностей, съ которыми сопряжены были бы разъединенныя дѣйствія каждой изъ нихъ».

Послѣ этихъ словъ дружное вмѣшательство великихъ державъ съ цѣлью прекратить избѣженія и звѣрства въ турецкихъ провинціяхъ является нравственною необходимостью.

Итальянское правительство получило недавно, благодаря папскому престолу, довольно чувствительную непріятность. Португальскій король, побывавшій въ Парижѣ, а потомъ въ Берлигѣ, хотѣлъ посѣтить и короля итальянскаго. Свиданіе назначено было въ Римѣ. Но Ватиканъ оказалъ давленіе, и король Карлъ предложилъ итальянскому правительству назначить для свиданія какое-либо другое мѣсто, только не вѣчный городъ, отнятый у папы. Оскорбленный итальянскій король отвѣчалъ отказомъ, и

свиданіе не состоялось. Общественное мнѣніе Италіи возмущено дипломатическимъ ударомъ, который нанесенъ римско-католическою церковью національному достоинству страны. Клерикалы, конечно, чрезвычайно довольны этимъ происшествіемъ, свидѣтельствующимъ о силѣ папскаго авторитета. Французскія газеты отозвались не безъ злорадства, вѣмецкія, въ большинствѣ, приняли сторону Италіи. *National-Zeitung* возмущается самою возможностью вести переговоры о томъ, посѣщать или не посѣщать итальянскаго короля въ городѣ, который вотъ уже четверть вѣка является его столицей. Однако, сама *National-Zeitung* напоминаетъ, что австрійскій императоръ такъ и не отдалъ визита королю Гумберту, потому что мѣстомъ для этого визита король назначалъ только Римъ.

Въ Норвегіи образовано смѣшанное министерство, въ составъ котораго входятъ представители и умѣренной, и радикальной партіи. Долго ли продержится это министерство и плодотворна ли будетъ его дѣятельность, объ этомъ въ западной печати высказываются различныя мнѣнія. Несомнѣнно одно, что распря Норвегіи съ Швеціей въ настоящее время потеряла острый характеръ; но никто не поручится, что отношенія между этими двумя государствами снова не обострятся.

Въ политической жизни Даніи происходитъ движеніе въ пользу лѣвой стороны парламента. Въ октябрѣ въ фолькетингъ Краббе внесъ предложеніе объ измѣненіяхъ въ конституціи. По этому законопроекту запрещаются указы, которыми безъ разрѣшенія парламента дозволялось производить сборъ податей и расходовать деньги. Для устраненія столкновеній по финансовымъ вопросамъ между верхней и нижней палатами парламента предлагается избраніе особой комиссіи, съ равнымъ числомъ членовъ отъ той и другой палаты. Предсѣдатель комиссіи выбирается по жребію, и его голосъ, при равенствѣ голосовъ, рѣшаетъ вопросъ. Въ рядахъ консерваторовъ происходитъ разладъ, и на первый планъ выдвигаются снова болѣе реакціонные элементы, Эструпъ и его единомышленники.

Слѣдуетъ еще упомянуть, что Испанія до сихъ поръ не справилась съ возстаніемъ на островѣ Кубѣ. Туда отправляются подкрѣпленія за подкрѣпленіями, и войска метрополи, въ концѣ-концовъ, подавятъ возмущеніе, если въ дѣло не вмѣшаются Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, что, впрочемъ, мало вѣроятно. Населеніе, однако, сочувствуетъ инсургентамъ и испанское владычество на Кубѣ останется непрочнымъ. Треть населенія этого острова принадлежитъ не къ бѣлому племени и особенно усердно поддерживаетъ возстаніе.

Интересныя данныя нашли мы въ одной вѣмецкой газетѣ (*National-Zeitung*). 29 сентября нынѣшняго года минуло семьдесятъ лѣтъ съ того дня, когда первый паровозъ Стефенсона повезъ первый поѣздъ желѣзной дороги. Скорость этого поѣзда равнялась 22,86 километровъ въ часъ. Теперь желѣзно-дорожная мировая сѣтъ равняется 671,170 километрамъ. Она

могла бы почти въ семнадцать разъ опоясать землю по экватору. Всего болѣе рельсовый путь занимаетъ пространства въ Америкѣ: въ ней считается 360,415 км.; на долю Европы приходится 238,550 км. Въ Азіи желѣзныхъ дорогъ было до послѣдняго времени только 38,718 км., но нашъ великій сибирскій путь значительно увеличиваетъ эту цифру. Въ Африкѣ паровозъ пробѣгаетъ по линіямъ лишь въ 12,384 км., въ Австраліи—въ 21,030 км.

Съ этими числами поучительно сопоставить слѣдующія: ежегодныя военныя издержки въ Европѣ достигли пяти миллиардовъ трехсотъ трехъ милліоновъ франковъ. Европейскіе государственные долги въ истекающемъ году равнялись 116 миллиардамъ франковъ. Если опредѣлить выплачиваемые по нимъ проценты въ 4%, то ежегодное бремя отъ нихъ дойдетъ до пяти милліардовъ. Истолковывать эти ужасающія цифры нѣтъ надобности.

В. Г.

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО.

Малый театр: *Дворянское шныздо*, драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ (по Тургеневу) Петра Вейнберга.—*Два маера*, комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ Н. И. Тимковскаго.—*Родина*, драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ Германа Зудермана.—*Старый закалъ*, драма въ 5-ти дѣйствіяхъ князя А. И. Сумбатова.—Квартетныя собранія.—Первое симфоническое собраніе.

Осенній сезонъ московскаго Малаго театра прошелъ въ нынѣшнемъ году благополучнѣе, чѣмъ за нѣсколько предшествовавшихъ лѣтъ: на этотъ разъ не провалилась ни одна пьеса изъ пяти новыхъ, поставленныхъ въ сентябрѣ и въ октябрѣ, и двѣ изъ нихъ имѣли положительный успѣхъ. Первыми новинками шли: *Два маера*, комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ Н. И. Тимковскаго (Криницаго), и *Миражи*, комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ А. А. Вербицкой, за ними *Родина*, драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ Германа Зудермана, въ переводѣ г. Куманина, потомъ *Дворянское шныздо*, драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ и 6-ти картинахъ (по Тургеневу) Петра Вейнберга, и, наконецъ, 31 октября, въ бенефисъ режиссера г. Черневскаго, поставлена драма князя А. И. Сумбатова *Старый закалъ*. Наименшій успѣхъ имѣла передѣлка г. Вейнберга знаменитаго и лучшаго романа Тургенева. Большинство газетъ, говорившихъ объ этой пьесѣ, высказали мнѣніе, что не слѣдуетъ передѣлывать для сцены произведенія, написанныя въ повѣствовательной формѣ. Съ этимъ мы не можемъ согласиться и, наоборотъ, думаемъ, что передѣлки въ драматическую форму выдающихся романовъ желательны, при непремѣнномъ условіи, разумѣется, чтобъ исполнено это было талантливо, тщательно, безъ искаженія фабулы, безъ переименованія или затемненія характеровъ дѣйствующихъ лицъ. Дѣло это очень трудное, не менѣе трудное, какъ намъ кажется, чѣмъ написать драму или комедію на сюжетъ собственнаго измышленія. Но за то на сторонѣ драматурга, берущагося за такой трудъ, есть огромное преимущество: онъ имѣетъ въ рукахъ готовый матеріалъ, высокое достоинство котораго общепризнано, и трудъ передѣлывателя является добрымъ трудомъ популяризатора высокой идеи, если только выборъ сдѣланъ имъ такъ же удачно, какъ въ данномъ случаѣ. На самомъ дѣлѣ, *Наканунъ* и *Отцы и дѣти*, *Рудинъ* и нѣко-

торыя другія произведенія Тургенева имѣли огромное значеніе и вліяніе на общество въ свое время, какъ откликъ великаго таланта на вопросы, назрѣвавшіе въ тогдашнемъ обществѣ и настоятельно требовавшіе скорѣйшаго, можно сказать, неотложнаго разрѣшенія или, по меньшей мѣрѣ, разъясненія ихъ сущности. Съ тѣхъ поръ прошло тридцать пять лѣтъ, миновали шестидесятые и семидесятые годы, время пламенныхъ увлеченій и необычайнаго духовнаго подъема, поразительнаго роста общественнаго самосознанія. Всѣ вопросы, волновавшіе лучшихъ людей той эпохи, разрѣшены,—хорошо ли, худо ли, это другое дѣло,—но съ ними общество покончило, «наканунѣ» отошло въ область добрыхъ преданій, тогдашніе «отцы» сошли со сцены, ихъ «дѣти» въ свою очередь сдѣлались отцами, состарились, и между ними и ихъ дѣтьми стоятъ новые вопросы, сущность которыхъ тщетно пытаются нынѣшніе писатели опредѣлить съ такою ясностью и силой, какъ то было сдѣлано Тургеневымъ. Изъ далекаго прошлаго, черезъ всю эволюцію, пережитую русскимъ обществомъ, дошелъ до нашихъ дней во всей неприкосновенной свѣжести высоко-драматическій конфликтъ, положенный въ основу романа *Дворянское гнѣздо*, написаннаго въ 1859 г. Съ тѣхъ поръ и въ литературѣ, и въ жизни сдѣлано было много попытокъ найти честный выходъ изъ того положенія, въ которомъ роковымъ образомъ очутились Лаврецкій и Лиза, но къ выходу, безспорно признанному за надлежащій, мы нисколько не подвинулись, и вопросъ о немъ остается такимъ же новымъ и захватывающимъ, какимъ онъ представлялся въ то время, и такимъ же останется, вѣроятно, до тѣхъ поръ, пока будутъ на свѣтѣ дѣвушки, подобныя Лизѣ, обездоленные судьбой люди, подобныя Лаврецкому. А такіе люди, ни чуть не выдуманные, не идеальные и лишь типически изображенные великимъ художникомъ, — такъ же вѣчны, какъ чистая любовь, ихъ связавшая и приведшая къ грустному концу. Для такихъ романовъ, для такихъ драмъ не имѣютъ значенія ни время, ни мѣсто дѣйствія,—они общечеловѣчны. Перестройка такихъ произведеній для изображенія ихъ въ лицахъ передъ массою публикой всегда будетъ вызывать большой интересъ общества и будетъ поставлена въ заслугу драматургамъ, какъ напоминаніе о возвышенныхъ и гуманныхъ идеяхъ, какъ художественная ихъ иллюстрація, доступная такому множеству людей, которому неизвѣстны и долго останутся неизвѣстными выдающіяся произведенія въ ихъ повѣствовательной формѣ.

Осуществленіе г. Вейнбергомъ его очень хорошаго замысла мы не можемъ признать вполне удачнымъ. Съ огромными трудностями предпринятаго дѣла онъ не справился такъ, какъ это было желательно и какъ мы того ждали отъ его опытности и силы. Самый главный, основной, недостатокъ пьесы мы видимъ въ ея началѣ, производящемъ совершенно не то впечатлѣніе, какое получается при чтеніи романа. Передъ нами, увлекавшими прелестью повѣствованія, проходятъ милые и дорогіе намъ образы, какъ тѣни или, пожалуй, вѣрнѣе, какъ фотографіи близкихъ намъ людей,—фотографіи, восстанавливающія въ нашемъ сознаніи множество та-

вѣхъ подробностей, которыхъ не можеть передать снимковъ, которыхъ и нѣтъ на немъ въ дѣйствительности. Память, возвратное впечатлѣніе, дополняетъ то, чего не передало воспроизведеніе. Такъ это для насъ и совершенно не такъ для людей, которые впервые знакомятся съ Лаврецкимъ и Лизой, появляющимися передъ ними во-очію на театральной сценѣ. Для «чужихъ», для не знающихъ романа и не имѣющихъ ранѣе составленнаго понятія о томъ, въ чемъ тутъ дѣло, выходитъ такъ, будто Лаврецкій влюбляется въ милую, симпатичную сосѣдку, которую онъ знаетъ маленькою дѣвочкой, будто Лиза съ первой встрѣчи, послѣ нѣсколькихъ фразъ, влюбляется въ только что пріѣхавшаго сосѣда и дальняго родственника. Деревенская барышня увидала новое, интересное лицо, услышала новыя, симпатичныя ей слова и вспыхнула нѣжною страстью, сама еще не отдавая себѣ отчета въ томъ, «что съ нею дѣлается». Совсѣмъ это не такъ на самомъ дѣлѣ. Все это иначе и далеко не сразу совершается, тутъ нѣтъ и тѣни «влюбленности»,—тихо, шагъ за шагомъ, надвигается на обоихъ и постепенно захватываетъ ихъ иное чувство, именно то, для котораго созданы, роковымъ образомъ подготовлены всѣмъ прошлымъ такія души, какъ у Лаврецкаго и Лизы. Въ романѣ такое наростаніе чувства, развитіе его изъ неосознаемаго зародыша, проведено съ удивительною художественностью и правдивостью, составляющими главную основу прелести всего романа и его первенствующихъ дѣйствующихъ лицъ. Все дальнѣйшее есть только логическое послѣдствіе такой совершенно особенной, вполне понятной «по Тургеневу», любви, которая имѣетъ очень мало общаго съ влюбленностью и съ тѣмъ, что представляетъ намъ пьеса г. Вейнберга. Мы не станемъ подробно разбирать пьесу, въ которой почти всѣ разговоры выписаны изъ романа и очень искусно связаны въ послѣдовательно развивающіяся сцены и дѣйствія. Нѣкоторые отступленія отъ оригинала и добавленія къ нему, ради требованій сцены, ничего не портятъ и проходятъ незамѣченными для огромнаго большинства зрителей, частью забывшихъ романъ Тургенева или и совсѣмъ его не читавшихъ. Въ наше время и такихъ не мало найдется не на однихъ только театральныхъ верхахъ. Напомнить однимъ лучшее изъ произведеній славнаго писателя, познакомить съ нимъ другихъ, хотя бы въ не совсѣмъ точной передачѣ—дѣло, во всякомъ случаѣ, хорошее. Но напоминаніе или ознакомленіе при посредствѣ сцены требуетъ двойной передачи—авторомъ пьесы и ея исполнителями. И, къ сожалѣнію, труппѣ Малаго театра, при томъ распредѣленіи ролей, какое мы видимъ въ *Дворянскомъ шъздѣ*, такая задача оказалась не по силамъ. Кто за это, то-есть за распредѣленіе ролей, долженъ нести отвѣтъ, мы разбирать не беремъ, но считаемъ себя вправѣ выразить сожалѣніе по тому поводу, что сами артисты отвесились, повидимому, слишкомъ равнодушно къ памяти Тургенева. Мы разумемъ не тѣхъ артистовъ, которые играли въ пьесѣ,—о нихъ рѣчь впереди,—а тѣхъ, которые въ ней не принимали участія. Мы думаемъ, что, несмотря на всѣ старанія г. Правдина, роль Демма не совсѣмъ по немъ, и полагаемъ, что вышла бы она

ближе къ подлиннику въ передачѣ г. Ленскаго. Какъ г. Правдинъ, такъ и г. Горевъ, изображавшій Гедеонскаго, даже излишне перестарались и довели типическія черты этихъ лицъ до каррикатурности. Тѣмъ не менѣе, они были лучшими изъ вторыхъ лицъ драмы. Въ роли Паншина кого бы ни выпустили вмѣсто г. Багрова, любой артистъ нашей труппы былъ бы лучше. Худшаго исполнителя этой роли не найти, кажется, нигдѣ въ мірѣ. Въ этомъ отношеніи совершенно подъ пару ему оказалась г-жа Тираспольская въ роли Варвары Павловны Лаврецкой. Какого чиновника министра и камеръ-юнкера, какую очаровательницу, восхищавшую весь Парижъ, изобразили г-жа Тираспольская и г. Багровъ—это уму непостижимо. Театральныя подмостки все терпятъ, и публика наша вынослива, но вообразите себѣ такого сорта молодого человѣка и такого пошиба даму въ дѣйствительной жизни. Да нѣтъ, ничего подобнаго и вообразить нельзя въ нашемъ обществѣ, а тѣмъ паче въ обществѣ, выходявшемъ изъ «дворянскихъ гнѣздъ» пятидесятихъ годовъ. Плоха была г-жа Полянская въ роли Марьи Дмитриевны Калитиной, но она просто не достаточно ясно поняла свою роль и, какъ намъ кажется, ее немножко сбили съ толку. А сбילו ее съ толку и, быть можетъ, не ее одну вотъ что: дѣло, по роману Тургенева, происходитъ около сорока лѣтъ назадъ. Въ погонѣ за реальностью и точностью, въ большинствѣ случаевъ очень похвальной, а иногда и не особенно нужной, наши распорядители сценой выпустили всѣхъ артистовъ въ костюмахъ и прическахъ якобы того времени, совершенно отличныхъ отъ принятыхъ въ наши дни. Вотъ эта-то непривычная внѣшность, повидимому, и повліяла на нѣкоторыхъ исполнителей, не видавшихъ обитателей «дворянскихъ гнѣздъ» и представившихъ ихъ себѣ чѣмъ-то вродѣ дѣйствующихъ лицъ *Ревизора*. Смѣемъ завѣрить дорогихъ намъ артистовъ,—мы то время такъ же хорошо помнимъ, какъ вчерашній день, — что въ дѣйствительности ничего подобнаго не было, что въ «дворянскихъ гнѣздахъ» жили точно такіе же барыни, барышни, молодые люди и старики, какіе и теперь живутъ въ хорошемъ обществѣ. Правда, моды измѣнились, но далеко не въ такой степени, какъ это изображено въ *Дворянскомъ гнѣздѣ* на сценѣ Малаго театра. Въ своей попыткѣ точно воспроизвести внѣшность того времени распорядители такъ же переусердствовали, какъ гг. Горевъ и Правдинъ. И мы считаемъ своею обязанностью сказать имъ: «усердствуйте, да не очень».

При всемъ этомъ драма г. Вейнберга не «провалилась», и если не имѣла большого успѣха, то, именно, лишь въ силу нами высказаннаго. Найди г-жи Лешковская и Садовская и г. Южинъ хоть какую-нибудь поддержку въ остальныхъ исполнителяхъ, мы убѣждены, что результатъ получился бы совершенно иной. При всей блѣдности и неблагодарности роли Лаврецкаго (не въ романѣ, а въ драмѣ) г. Южинъ сдѣлалъ изъ этого лица глубоко-симпатичнаго человѣка, немного впадающаго въ нить, — но ужъ въ этомъ вина лежитъ не на артистѣ. Г-жу Лешковскую мы, къ огромнѣйшему удовольствію нашему, можемъ поздравить съ блистательною по-

бѣдой, одержанною надъ очень большими трудностями роли и надъ самою собою. Двѣ подобныхъ побѣды высоко-талантливой артистки мы отмѣтили въ свое время и хорошо ихъ помнимъ,—въ драмѣ *Жертва* и въ трагедіи *Шильонскій замокъ*. Теперешнее торжество г-жи Лешковской еще выше и полнѣе. И опять-таки, какъ относительно г. Южина, не вина исполнительницы, если чудный образъ тургеневской Лизы воспроизведенъ передъ нами на сценѣ не въ той полнотѣ и чарующей ясности, съ какими онъ представляется въ романѣ. Но это образъ тотъ же самый, нѣжный и чистый, увлекающій своею необычайною простотою и неподдѣльною искренностью. До высокой степени совершенства доходить игра г-жи Садовской въ роли Мары Тимофеевны, особливо въ послѣднихъ сценахъ четвертаго акта, проведенныхъ настолько безукоризненно-правдиво, что передъ зрителемъ проносится уже не картина, созданная художникомъ, а нѣсколько глубоко-трогательныхъ моментовъ, цѣликомъ выхваченныхъ изъ дѣйствительной жизни... Считая своимъ долгомъ отмѣчать не одни только крупныя явленія, но и всякіе проблески дарованія молодыхъ артистическихъ силъ, мы съ удовольствіемъ обращаемъ вниманіе читателей на исполненіе г-жею Бопниной маленькой роли французенки Жюстины, горничной Варвары Павловны. Въ нѣсколькихъ фразахъ настоящаго парижскаго говора и въ нѣсколькихъ угловатыхъ движеніяхъ, вѣрно схваченныхъ, молодая артистка отлично передала типическія черты изображаемой ею фигуры.

Очень неприятное впечатлѣніе производить то обстоятельство, что въ томъ же спектаклѣ слѣдомъ за *Дворянскимъ мѣздою* идетъ *Местъ Амюра*, сочиненія г-жи Щепкиной-Буперникъ, «лирическая сказка», какъ значится на афишѣ,—«декадентская дрянь», какъ справедливо назвалъ эту пьесу одинъ знакомый намъ старый театраль. Пытающіеся оправдать постановку пьесы говорятъ, что это—«хорошенькая картинка, въ которой есть два-три десятка очень красивыхъ стиховъ». Мы же думаемъ, что гаденскій вздоръ нельзя скрасить никакою постановкой и никакими стихами, хотя бы они всѣ сплошь блистали, какъ самоцвѣтные камни. Въ этомъ-то и заключается сущность декадентства, что подъ вылощенной и отшлифованною формою преподносится публикѣ жалкое ничтожество, не стоящее выѣденнаго яйца, или того хуже—нездоровая гниль, которая можетъ казаться лакомою только людямъ съ болѣзненно-извращенными вкусами. Въ пьесѣ г-жи Щепкиной-Буперникъ роли распределены между девятью «госпожами», «господина» нѣтъ ни одного. Есть «графъ Филипп де-ла-Моттъ-Руврэй» (г-жа Таирова), избранный Амуромъ для отпущенія, да и тотъ оказывается переодѣтою дѣвицей. И вообще-то подобныя пьесы лучше бы не ставить на казенныхъ сценахъ, а ставить ихъ вмѣстѣ съ такими драмами, какъ *Дворянское мѣздо*—ужь совсѣмъ неподходящее дѣло.

Г. Тимковскій (Бриницкій) далъ своей комедіи заманчивое заглавіе *Два лагеря*, могущее заинтересовать очень многихъ въ наши дни, когда всякій общественный кружокъ оказывается расколотымъ на двѣ враждующія партіи, дающія другъ другу, въ большинствѣ случаевъ, совсѣмъ не-

подходящія клички «консерваторовъ» и «либераловъ», «охранителей» и «передовыхъ» и т. д. Какой бы кругъ ни выбралъ авторъ для того, чтобы показать намъ въ живыхъ, сценически-олицетворенныхъ образахъ представителей обоихъ «лагерей», ихъ взаимныя отношенія, сущность раздѣляющихъ ихъ взглядовъ и убѣжденій,—одинаково любопытно должно быть изображеніе современной общественной междуусобицы. И мы думаемъ, что для опытнаго и талантливаго драматурга такая задача не представляетъ большихъ трудностей. Стоить только внимательно всмотрѣться во все окружающее, вдуматься въ смыслъ того, что у всѣхъ на виду, и ни за сюжетомъ, ни за типическими фигурами, усиленно просящимися на сцену, остановки не будетъ. Въ сожалѣнію, г. Тимковскій не взялъ на себя труда ни всматриваться, ни вдумываться, ни даже просто сообразить, что два общественныхъ круга, не имѣющихъ между собою ничего общаго, не составляютъ собою «двухъ лагерей», стоящихъ другъ противъ друга готовыми къ бою, а оказываются различными слоями общества, живущими рядомъ, каждый самъ по себѣ, своими особыми интересами и запросами отъ жизни. Въ комедіи, о которой идетъ рѣчь, нѣтъ и признака какихъ-нибудь «лагерей», и конфликтъ, положенный въ основу комедіи, вытекаетъ не изъ идейной розни людей одного класса и одинаковаго развитія, а изъ чисто-случайныхъ обстоятельствъ, сблизившихъ семью учителя Покровскаго (г. Макшеевъ) съ семьею богатаго фабриканта Боврова (г. Рыбачковъ). Дочь учителя, Зина (г-жа Токарева), влюбилась въ сына фабриканта, Анатолія (г. Ильинскій), Анатолій влюбился въ Зину, и рѣшили они сочетаться законнымъ бракомъ. Папаша-учитель не одобряетъ выбора дочери, а папаша-фабрикантъ прямо запрещаетъ сыну жениться на бѣдной дѣвушкѣ, готовить ему богатую невѣсту и, въ случаѣ неповиновенія, грозить прекращеніемъ выдачи денегъ на содержаніе Анатолія. Тотъ стоитъ на своемъ, поддерживаемый мамашей, Ириной Ивановной (г-жа Великанова-Рамазанова), которая обѣщаетъ выдавать сыну достаточно денегъ изъ собственныхъ средствъ. Въ послѣднюю минуту, въ день, назначенный для свадьбы Анатолія, фабрикантъ принуждаетъ жену передать ему, супругу, всѣ свои капиталы. Объ этомъ объявляютъ молодымъ людямъ, готовымъ ѣхать въ церковь, и Анатолій отказывается отъ любимой дѣвушки, такъ какъ не вѣритъ, что «съ мной рай и въ шалашѣ», знаетъ, что трудомъ существовать очень тяжело, да къ труду онъ не привыкъ и не приготовленъ. Свадьба разстраивается и комедія—конецъ. Изъ-за этого не стоило писать четыре акта и томить зрителей три часа.

Драма Германа Зудермана *Родина* могла бы съ большимъ правомъ носить заглавіе *Два лагеря*. Тутъ на самомъ дѣлѣ члены одной семьи и одного общества расходятся такъ далеко другъ отъ друга, что примиреніе между ними становится невозможнымъ. Во главѣ семьи стоитъ заслуженный отставной подполковникъ Шварце (г. Горевъ), женатый вторымъ бракомъ на Августѣ фонъ-Вендловской (г-жа Великанова-Рамазанова). Приставка «фонъ» означающая дворянское происхожденіе жены Шварце, имѣетъ извѣстно

вліяніе на весь складъ семьи. У подполковника двѣ дочери отъ перваго брака, Магда (г-жа Ермолова) и Мари (г-жа Кузина). Но старикъ признаетъ только меньшую дочь, живущую съ нимъ, старшую онъ давно исключилъ изъ семьи за «непокорность»; даже имя Магды никто не смѣетъ произнести въ присутствіи старика, строгаго охранителя семейныхъ началъ, скрѣпляемыхъ всеподчиняющимъ авторитетомъ родительской власти. Преступленіе Магды, лишившее ее семьи, состояло въ томъ, что она не согласилась выйти замужъ за очень почтеннаго пастора Гефтердинга, назначеннаго ей въ супруги волею родителя. Изъ душной атмосферы чопорной провинціальной жизни, строго размѣренной, гнетущей своимъ разъ навсегда установленнымъ однообразіемъ, Магда рвалась на свободу, на широкій просторъ и, увлекаясь музыкой, ушла *учиться*, жить независимо, самой проложить себѣ путь, существовать самостоятельно заработкомъ. Родные вычеркнули ее изъ семьи и знать не хотятъ, гдѣ она, что съ нею стало. Такъ прошло семь лѣтъ. За это время дѣйствительная жизнь дала Магдѣ неизмѣримо болѣе того, о чемъ когда-либо мечтала молодая дѣвушка. Магда сдѣлалась пѣвицей и европейскою знаменитостью. Въ родномъ городѣ никто этого не подозреваетъ, такъ какъ она прославилась подъ принятою ею для сцены итальянскою фамиліей. Въ городѣ какой-то мѣстный національный праздникъ, распорядители пригласили участвовать въ немъ знаменитую пѣвицу, Магду потянуло на родину, къ тихому отцовскому дому, и она пріѣхала. Тутъ, конечно, скоро узнали, кто она. Подъ вліяніемъ пастора Гефтердинга, подполковникъ соглашается принять строптивую дочь, — не примириться съ нею, нѣтъ, а «простить» ее заблужденія. Все это устраивается, но рознь отъ того ничуть не сглаживается. Все хорошо, все мило въ родительскомъ домѣ, но «мило это все, какъ воспоминаніе прошлаго, далекаго и невозвратимаго. Магда привыкла быть полною госпожей своихъ поступковъ, думъ и убѣжденій, хотя они шли въ разрѣзъ съ понятіями и взглядами того общества, къ которому принадлежатъ ея отецъ, сестра, мачиха и всѣ остальные. Своя она здѣсь только по рожденію, по духу и мысли—она всѣмъ чужая, и все ей здѣсь не только чуждо, но и враждебно. Съ своимъ лагеремъ, крѣпко держащимся всѣхъ традицій, она порвала всякія связи и сердцемъ, и умомъ перешла въ другой лагерь, не признающій разумности и полезности тѣхъ законовъ, которые составляютъ святыню ея «родины». Изъ этой розни, естественно, возникаетъ глухая, затаенная борьба. Магда старается уклониться отъ нея изъ любви къ отцу и сестрѣ, идетъ на многія уступки въ надеждѣ скоро вырваться опять на свободу. Но «родина» не удовлетворяется тѣмъ, что она есть въ данную минуту, она заявляетъ свои права контролировать ея прошлое. А въ этомъ прошломъ была любовь, у Магды есть ребенокъ, который далъ ей силы перенести очень много горькаго и тяжелаго. Она боготворитъ свое дитя, ради него живетъ и работаетъ, и въ этомъ видитъ цѣль и радость жизни. Дѣло усложняется появленіемъ героя давно и грубо оборваннаго романа, совѣтника фонъ-Келлера. Подполковникъ Шварце добился

таки своего, выпыталъ у дочери полную исповѣдь и рѣшилъ безповорот-но, что только бракомъ Келлера съ Магдой можно возстановить честь семьи,—по убѣжденіямъ Шварце,—опозоренной преступною дочерью. Подъ давленіемъ всего окружающаго, Магда соглашается и на эту жертву. Но требованіе Келлера, чтобы она, вступая съ нимъ въ бракъ, отказалась отъ своего ребенка, разсталась бы съ нимъ, доводитъ Магду до послѣдней крайности, — подчиниться этому требованію она не можетъ, это выше силъ ея. На отчаянныя требованія отца, подъ угрозой убить ее и себя, Магда не находитъ другого исхода, чтобы избавиться отъ ненавистнаго и невозможнаго брака, какъ только взведя на себя небылицу, давая понять отцу, что Келлеръ не былъ «единственнымъ въ ея жизни». Старикъ Шварце, съ крикомъ: «распутница!» — схватываетъ пистолетъ, чтобы на мѣстѣ убить недостойную дочь, но силы покидаютъ его, и онъ умираетъ. Для насъ въ фабулѣ пьесы нѣтъ почти ничего новаго. На нашей «родинѣ» такіе два лагеря пережили и отжили свой вѣкъ, выѣстѣ «съ дворянскими гнѣздами», въ шестидесятыхъ и пятидесятыхъ годахъ. Для насъ *Родина* Зудермана представляется картиною чужихъ нравовъ. Но картина эта написана широко, правдиво и горячо. Мы воочію видимъ настоящихъ нѣмцевъ на ихъ «родинѣ», съ ихъ милитаризмомъ, конвектствомъ, преклоненіемъ передъ знатными, съ ихъ окаменѣлою неподвижностью, не дерзающею выйти изъ крѣпко охватившихъ всю жизнь ихъ общественныхъ условностей и предразсудковъ. Тѣмъ, что все это для насъ чужое и мало знакомое, обуславливается успѣхъ пьесы больше, чѣмъ ея достоинствами. Это «чужое», у насъ уже устарѣвшее, отражается и на игрѣ артистовъ, не находящихъ въ себѣ достаточно пылкости для повторенія всѣмъ давно извѣстнаго и всѣми признаннаго о правахъ женщины на личное счастье, особливо, когда права эти взяты съ бою собственною энергіей и трудомъ. Магда у себя, на своей нѣмецкой «родинѣ», могла говорить отцу въ заключительной сценѣ: «Если хотите, вяжите насъ, дѣлайте изъ насъ дурь, запирайте въ гаремы и монастыри. Это будетъ, пожалуй, самое лучшее! Но разъ вы намъ даете свободу, не удивляйтесь, что мы пользуемся ею». У насъ такія фразы звучатъ анахронизмомъ, и русская женщина или дѣвушка придала бы имъ другую, болѣе категорическую форму такого рода: «Насъ нельзя связать и дѣлать изъ насъ дурь, насъ не запрете въ гаремъ или монастырь. Это старо и сдѣлать это у васъ нѣтъ средствъ. Если вы не хотите дать намъ свободу, тѣмъ хуже для васъ, мы возьмемъ ее и будемъ пользоваться ею, и никто не удивится тому». Отдаленности отъ насъ типовъ, выведенныхъ въ драмѣ Зудермана, замѣтно отразилася на сценическомъ воспроизведеніи ихъ русскими артистами. Въ очень тщательно отдѣланной съ внѣшней стороны г. Горевымъ личности подполковника Шварце не чувствуется непоколебимо-упорнаго убѣжденія въ томъ, что всѣ бѣды производятъ «духъ протеста, охватившій теперь весь міръ» и что только сильная власть можетъ все спасти и охранить суровою дисциплиной. Подполковникъ Шварце говоритъ въ первомъ дѣйствіи: «Загл

ните въ тихіе, мирныя родныя уголки, гдѣ воспитываются вѣрные своему королю солдаты, а для нихъ благодѣтельные невѣсты. Тамъ вы ни услышите ни о наслѣдственности, ни о борьбѣ за существованіе, ни о правахъ личности... Тамъ не бываетъ скандальныхъ исторій, тамъ шлютъ къ чорту эти современныя идеи, и все же тамъ-то именно и покоится и сила, и цвѣтъ отечества». Г. Горевъ произноситъ эти и имъ подобныя фразы пылко и энергично, но въ тонѣ больше горячности, чѣмъ искренности, не слышится вѣры въ непреложность такихъ основъ семейнаго и общественнаго благополучія. На этотъ разъ г. Гореву не удалось слиться вполне съ задушевною сущностью изображаемаго лица. Вслѣдствіе тѣхъ же, вѣроятно, причинъ и въ игрѣ г-жи Ермоловой нѣтъ обычной высоко-талантливой артистскѣ цѣльности и законченности. Все обще-человѣческое и общественное артистка передаетъ безукоризненно правдиво, а то, что въ роли Магды есть характернаго германскаго, въ интерпретаціи г-жи Ермоловой утрачиваетъ свои нѣмецкія особенности, звучитъ недостаточно сильно и ясно. Въ роли пастора мы видѣли г. Правдина и находимъ, что, при его исполненіи, непонятнымъ оказывается огромное его вліяніе на всѣхъ окружающихъ и на Магду въ особенности. Кромѣ того, весь тонъ и акцентъ, принятыя г. Правдинымъ, какъ бы выдѣляютъ его изъ того общества, гдѣ онъ занимаетъ столь выдающееся положеніе. Впечатленіе получается довольно странное,—такое, будто передъ нами успокоиваетъ и уговариваетъ людей хорошо выучившійся русскому языку нѣмецъ, и опять-таки не глубоко убѣжденный и, слѣдовательно, не могущій такъ обаятельно воздѣйствовать на другихъ, что всѣ подчиняются его кроткому авторитету. Г. Левицкій очень хорошо передалъ умственный и нравственный складъ нѣмецкаго карьериста, совѣтника фонъ-Келлера, и мы думаемъ, что еще лучше онъ могъ бы сдѣлать это, если бы чуть-чуть убавилъ игру фیزیоміей, переходящую иногда въ лишнія гримасы.

3 ноября во второй разъ шла пятиактная драма князя А. И. Сумбатова *Старый закал* и изъ всѣхъ пьесъ нынѣшняго сезона имѣла, повидому, наибольшій успѣхъ, благодаря, главнымъ образомъ, превосходному и образцово-стройному ея исполненію. Мы знаемъ, видали тому примѣры, что наши артисты умѣютъ придать жизнь и очень плохимъ пьесамъ, способны на своихъ плечахъ выносить очень слабыя произведенія поставщиковъ сценическаго товара. Пьеса князя Сумбатова отнюдь не можетъ быть причислена къ издѣліямъ такого рода. Въ ней, правда, нѣтъ ничего новаго, но, во-первыхъ, мы думаемъ, что хорошее и здоровое старое много лучше посредственнаго и хилаго новаго, что, во-вторыхъ, неизмѣримо пріятнѣе слушать умно передаваемыя воспоминанія о быломъ, хотя бы и достаточно знакомомъ, чѣмъ пустяковыя измышленія на современныя темы, и, наконецъ, не въ примѣръ полезнѣе мысленно вернуться къ доброму прошлому, чѣмъ заниматься мелкими и, нерѣдко, гаденькими «злобами дня», слишкомъ часто являющимися перетрачиваніемъ грязныхъ тряпокъ. Для вѣрнаго изображенія серьезныхъ «злобъ дня» въ нихъ настоящимъ видѣ есть

много разнообразных препятствий, по милости которых ряд драматических положений оказывается непригодным или недоступным для изображения на сценѣ. Да, кромѣ того, разъясненіе какихъ бы то ни было «золъ» и обличеніе ихъ требуютъ со стороны писателей такихъ выдающихся талантовъ, какъ Грибоѣдовъ, Гоголь и, въ извѣстной области, Островскій. Сатира—дѣло большое, а «сатира и мораль»—еще большее дѣло... Теперешнимъ драматургамъ сіе не по плечу, и благо тѣмъ изъ нихъ, кто не берется за это. Они, по крайней мѣрѣ, сами не попадаютъ въ комически-плачевное положеніе людей, совершающихъ «покушенія съ негодными средствами». Князь Сумбатовъ взялъ для своей пьесы время начала пятидесятихъ годовъ,—какъ значитъ на афишѣ,—и мѣстомъ дѣйствія выбралъ Кавказъ въ интересный моментъ борьбы русскихъ съ фанатическими горцами, взволнованнымъ знаменитымъ «имамомъ» Шамилемъ. Вступленіемъ, такъ сказать, прологомъ къ драмѣ служить первое дѣйствіе, происходящее въ Петербургѣ, въ домѣ у Багунина-Вертищева (г. Невскій), крупнаго чиновника, бывшаго помѣщика. У «крупнаго чиновника» двѣ дочери невѣсты, сынъ—шалопай и очень разстроенное состояніе, какъ и быть должно у «бывшаго помѣщика». Старшая, Вѣра Борисовна (г-жа Ермолова), любитъ своего дальняго родственника, ротмистра графа Бѣлборскаго (г. Южинъ). Повѣса-гвардеецъ влюбленъ въ кузину Вѣру и ревнуетъ ее къ претендентамъ на ея руку, что не мѣшаетъ ему, впрочемъ, ухаживать за другими женщинами и одерживать амурныя побѣды. Но, какъ только дѣло доходитъ до серьезнаго объясненія, во время котораго Вѣра прямо предлагаетъ стать его женой, гвардеецъ отказывается отъ такого «счастья» и рисуетъ передъ растерявшеюся дѣвушкой неприглядную картину семейной жизни съ обычными въ то время «халатами, вареньями, соленьями» и цѣлымъ выводкомъ пискливыхъ ребятишекъ... Вѣрѣ дѣлаетъ предложеніе кавказскій полковникъ Олтинъ (г. Рыбаковъ), пріѣхавшій на время въ Петербургъ. Съ точки зрѣнія всей семьи и всего общества, ей давно пора замужъ, партія представляется очень хорошею, сама Вѣра сознаетъ, что отъ жизни ей ждать уже нечего, и соглашается выйти за немолодого, искренно любящаго ее героя кавказскихъ войнъ. Со втораго акта дѣйствіе переносится на Кавказъ, въ вѣрѣ, которую командуетъ полковникъ Олтинъ. Со времени его женитьбы прошло два счастливыхъ для него года. Появленіе графа Бѣлборскаго, сосланнаго на Кавказъ, нарушаетъ душевный покой молодой женщины. Графъ съ новою силой влюбился въ кузину, ея любовь къ нему ничуть не ослабѣла, но всѣ его попытки увлечь молодую женщину до забвенія ею долга чести остаются тщетными. вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, становится для Вѣры совершенно невозможною прежняя жизнь съ мужемъ, котораго она никогда не любила и, при всемъ своемъ уваженіи къ его высокимъ нравственнымъ достоинствамъ, не могла полюбить. Случай, весьма возможный и заурядный, вызываетъ у пожилого полковника взрывъ ревности. Вѣра все, съ полною искренностью, рассказываетъ мужу и проситъ отпустить ее къ роднымъ. Олтинъ вѣрять въ безупречность жены, но уж

навсегда утрачиваетъ сладкую надежду когда-либо добиться съ ея стороны желанной взаимности. Всѣ эти объясненія происходятъ наканунѣ опасной экспедиціи противъ скопищъ горцевъ, собранныхъ Шамилемъ. Полковникъ Олтинъ, послѣ блистательной побѣды, одержанной русскими войсками подъ начальствомъ князя Барятинскаго, кидается въ совершенно ненужную, съ военной точки зрѣнія, схватку съ черкесами,— просто ищетъ смерти. Его приносятъ смертельно раненымъ, и онъ умираетъ, окруженный своими боевыми товарищами, горько оплакиваемый батальономъ, которымъ онъ геройски командовалъ. Какъ видитъ читатель, въ смыслѣ идейномъ нѣтъ тутъ ничего новаго, нѣтъ ни новыхъ положеній, ни указаній на новое рѣшеніе стараго вопроса, ни новыхъ лицъ, которыя не были бы давно извѣстны изъ другихъ литературныхъ произведеній. Тѣмъ не менѣе, вся картина кавказской военной жизни пятидесятихъ годовъ, несомнѣнно, нова и жива, написана очень умно и мастерски, съ большимъ знаніемъ изображаемаго быта. Сами знакомыя намъ, по романамъ, повѣстямъ и рассказамъ, лица впервые выводятся на театральную сценѣ и въ такой группировкѣ, которой до сихъ поръ не было въ драматическихъ произведеніяхъ. Этимъ въ значительной мѣрѣ обуславливается интересъ пьесы князя Сумбатова и ея успѣхъ. Нѣкоторыя сходства съ Евгеніемъ Онѣгинимъ и Татьяной, съ Печоринимъ и Максимомъ Максимовичемъ не умаляютъ ни интереса, ни достоинствъ пьесы, и не помѣшали публикѣ выразить свое сочувствіе автору, несмотря на существенные недостатки его драмы. Самый главный изъ нихъ заключается въ ея растянутости, доводящей зрителя до скуки въ первомъ дѣйствіи и отчасти въ послѣднемъ, гдѣ слишкомъ много мѣста отведено рассказамъ о геройскихъ подвигахъ батальона полковника Олтина. Отдавая должное воинскимъ доблестямъ, мы имъ предпочитаемъ то наставленіе, которое преподаетъ полковникъ ротному командиру Корневу (г. Садовскій) во второмъ дѣйствіи и которое состоитъ въ томъ, что гражданское мужество требуется отъ офицеровъ много чаще, чѣмъ боевая неустрашимость. И достойный командиръ лично подаетъ добрый примѣръ гражданского мужества, отказываясь принять негодный провіантъ для солдатъ, швыряя въ лицо поставщику деньги, которыми тотъ вздумалъ подкупить поручика Чарусскаго (г. Ильинскій). Нѣкоторые вводные эпизоды, каковы: любовь молоденькаго прапорщика Ульина (г. Садовскій 2-й) и Людмилы (г-жа Щепкина), младшей сестры Вѣры Борисовны, ухаживанія Захарова (г. Музиль), денщика Олтина, и Жыговкина (г. Васильевъ), денщика Бриста, за горничной Настей (г-жа Тираспольская),— были бы хороши, если бы не чувствовалось въ нихъ растянутости... Мы только что назвали фамилію Бриста (г. Правдинъ), подполковника, командующаго артиллерійскою частью въ отрядѣ Олтина. Иванъ Густавовичъ Бристь—нѣмецъ, служака, суровый человекъ добрейшей души,—такими умѣютъ быть только истые нѣмцы, преимущественно остзейскіе,—безобидный мизантропъ, какихъ вырабатывала тяжелая и унылая жизнь въ крѣпостяхъ старой кавказской линіи. Г. Правдинъ сдѣлалъ изъ этой фигуры совершенно ти-

пическое лицо, противоположное другому, не менѣе правдивому русскому типу капитана Глушкова, превосходно переданному г. Макшеевымъ. Авторъ отлично отмѣтилъ большое разнообразіе типическихъ представителей тогдашняго русскаго общества, волею и неволею связанныхъ между собою механически, необходимостью жить вмѣстѣ въ глухомъ горномъ гнѣздѣ, и нравственно, для всѣхъ одинаковымъ сознаніемъ долга, которому всѣ подчиняются съ равнымъ самоотверженіемъ. Мы были бы несправедливы къ милымъ и дорогимъ намъ артистамъ, если бы пропали молчаніемъ или уменьшили заслуги гг. Музиля, Фодотова въ роли военнаго врача, Горева въ роли грузинскаго князя, Гарина въ роли казачьяго хорунжаго, Варравина въ роли поставщика провіанта, Садовскаго 2-го — птенчика-офицера, Ильинскаго—несчастнаго молодого человѣка, оторваннаго отъ университета и науки, сосланнаго на Кавказъ въ солдаты—искупать юношескія увлеченія... Всѣ поименованныя нами артисты и тѣ, кто занималъ меньшія роли, въ одинаковой мѣрѣ еще разъ доказали блистательно превосходство московской драматической группы. И, все-таки, въ разбираемой нами драмѣ первенство принадлежитъ г-жѣ Ермоловой и г. Рыбакову, проводшимъ съ поразительною силой и правдой очень тяжелыя роли, въ которыхъ и тишина вложена менѣе ярко, и относительной оригинальности меньше, чѣмъ въ нѣкоторыхъ другихъ роляхъ. Блѣднѣе всѣхъ въ драмѣ личность графа Бѣлборскаго, и, конечно, не вина высокоталантливаго артиста Южина въ томъ, что авторъ, князь Сумбатовъ, не далъ ему возможности проявить на этотъ разъ всю силу своего дарованія. Не виновата и г-жа Садовская въ томъ, что въ ея роли чувствуется нѣкоторый шаржъ, совершенно напрасно подпущенный авторомъ. Г-жа Тираспольская отлично изобразила крѣпостную горничную, выросшую въ хорошемъ барскомъ домѣ и сохранившую во всей неприкосновенности взгляды и повадки господской дворни. Изъ коротко и въ общихъ чертахъ намѣченнаго нами разнообразія лицъ, взятыхъ авторомъ изъ жизни и необыкновенно жизненно воспроизведенныхъ артистами, читатель можетъ составить себѣ нѣкоторое представление о размѣрахъ и полнотѣ картины, развертывающейся передъ зрителями въ драмѣ *Старый закалъ*. Въ заключеніе мы считаемъ нужнымъ добавить, что въ пьесѣ нѣтъ ни искорки шовинизма, ни черточки увлеченія милитаризмомъ, столь чуждымъ духу русскаго народа. Съ большою искренностью и вѣрностью, историческою и психологическою, изображены авторомъ вся жестокость боевой жизни, невыносимо тяжелой какъ для носящихъ военный мундиръ, такъ и для ихъ женъ и невѣстъ, и всѣ ужасы войны, хотя бы такой необходимой, какъ та, что велась на Кавказѣ ради защиты границъ и мирнаго русскаго населенія отъ полудикаго орды хищниковъ, жившихъ грабежомъ.

Ан.

Въ первомъ квартетномъ собраніи были исполнены слѣдующія произведенія: квартетъ Моцарта Es-dur (по изданію Петерса № 3); квинтетъ Шумана Es-dur, соч. 44; квартетъ Бетховена E-moll, соч. 59. Квартетъ Моцарта обнаруживаетъ типическія стороны его творчества: изящество, ясность формы и удивительную общую музыкальность. Внутреннее содержаніе его отличается нѣсколько пессимистическимъ настроеніемъ, — таковы въ особенности первыя двѣ части и только въ послѣдней части, Allegro vivace, мы узнаемъ прежняго, жизнерадостнаго Моцарта. При болѣе тонкомъ исполненіи квартета, особенности его характера высказались бы яснѣе, но исполненъ онъ былъ плохо. Видимо исполнителямъ не хватило достаточно времени прорепетировать и вдуматься въ содержаніе его. Квинтетъ Шумана — очень красивое и поэтичное произведеніе великаго романтика. Въ шумановскихъ произведеніяхъ невидимо ощущается присутствіе поэтическаго сюжета, и для исполненія ихъ необходимо поэтическое настроеніе. Перемѣна темпа, ритма, тактовыхъ измѣненія, замедленія въ формѣ *ritardando*, — все это, имѣющее внутреннюю связь съ содержаніемъ, должно исполняться соотвѣтствующимъ образомъ. Ограничиваясь же однимъ буквальнымъ исполненіемъ выписанныхъ знаковъ сочиненія, значить не производить на слушателя никакого впечатлѣнія или, что еще хуже, показывать полнѣйшее непониманіе шумановской музыки. Фортепианную партію въ квинтетѣ играла г-жа Пастернакъ; она хорошо ее выучила и безошибочно сыграла, но въ совмѣстной игрѣ она видимо мало опытна, и другимъ исполнителямъ приходилось только внимательно слѣдить за ея игрою, чтобы не разойтись съ нею; впрочемъ, они съ успѣхомъ преодолѣли всѣ препятствія. На аплодисменны публики было повторено Scherzo, которое, между прочимъ, прошло хуже остальныхъ частей.

Квартетъ Бетховена можетъ служить нагляднымъ примѣромъ того, какъ полетъ мысли великаго музыканта принимаетъ все болѣе и болѣе грандіозныя размѣры и условныя формы выраженія становятся ему тѣсными. Уже въ первой части мы встрѣчаемъ массу подробностей, показывающихъ намъ, что Бетховенъ могъ бы высказать еще много новаго, неизвѣданнаго. Прогрессивно развиваясь въ своихъ взглядахъ и способахъ выраженія, онъ приводитъ насъ къ грандіозному финалу послѣдней части. Этотъ финалъ, по обширности концепціи и по характеру звучности, напоминающей дѣлный струнный оркестръ, можетъ служить единственнымъ примѣромъ во всей квартетной музыкѣ. Въ Allegretto квартета есть русская тема (*maggiore*); она прекрасно сопровождается и имитирована во всѣхъ голосахъ. Но, странная вещь, теперь для насъ, познавшихъ, что такое русская музыка и ея темы, она звучитъ крайне бѣдно и кажется такою загнанной и обездоленной. Но это кажется намъ только теперь, когда мы ясно узрѣли самобытность русской музыки и ея національный характеръ. Для Бетховена она была только темою, подходящею для настоящаго момента. Объ исполненіи квартета много говорить намъ не приходится: можно было ожидать лучшаго. Исполнители, видимо афрашпированные; плохимъ исполненіемъ моцартовскаго

квартета, никакъ не могли подняться до надлежащей высоты и сыграли весь квартетъ довольно безцвѣтно.

Второе квартетное собраніе началось G-dur'нымъ (соч. 17, № 5) квартетомъ Гайдна, однимъ изъ множества написанныхъ имъ квартетовъ и по содержанию представляющимъ изъ себя такое произведеніе, въ которомъ творчество переходитъ уже въ простую потребность писать, вызываемую продуктивной силой таланта, а стиль изложенія, помимо свойственной каждому гению субъективности, имѣетъ видъ не разъ практиковавшейся манеры. Только Adagio съ продолжительнымъ соло скрипки, хорошо исполненнымъ г. Гржимали, нѣсколько приподняло настроеніе публики. Мы даже склонны думать, что квартетъ собственно для этого соло и былъ выбранъ, такъ какъ г. Гржимали, по всей вѣроятности, хотѣлось загладить дурное впечатлѣніе, произведенное прошлымъ вечеромъ. Затѣмъ слѣдовала соната Бетховена для фортепіано C-mol, соч. 111, исполненная г. Игумновымъ. Последнія фортепіанная соната Бетховена многими признаются за шедевры подобнаго рода, но мы находимъ въ нихъ нѣкоторую расплывчатость въ содержаніи, какую-то програмность, мало идущую къ фортепіано, какъ инструменту, по звуку довольно безцвѣтному. Во всякомъ случаѣ, въ нихъ нѣтъ прежней силы и сжатости, и чисто-техническая сторона композиціи видимо преобладаетъ. Исполнитель сонаты г. Игумновъ, молодой артистъ, ученикъ профессора консерваторіи Пабста и одинъ изъ участвовавшихъ въ пресловутомъ конкурсѣ въ Берлинѣ на рубинштейновскую премію, оказался піанистомъ прекраснымъ (мы слушаемъ его въ первый разъ), умѣющимъ передавать внутренней смыслъ произведенія, помимо технической стороны его, а это теперь большая рѣдкость между піанистами. Конечно, онъ еще не зрѣлый артистъ, но при его данныхъ его ожидаетъ блестящая будущность, если, конечно, онъ будетъ заботиться о своемъ всестороннемъ музыкальномъ развитіи. Сонату онъ сыгралъ очень хорошо и на бисъ исполнилъ еще двѣ пьесы. Заключительнымъ произведеніемъ, игранымъ въ этотъ вечеръ, былъ квинтетъ Брамса для кларнета и струнныхъ инструментовъ. Іоганнъ Брамсъ у насъ въ публикѣ, кажется, только и извѣстенъ по своимъ венгерскимъ танцамъ, а между тѣмъ, онъ писалъ и симфоніи, и концерты для фортепіано и скрипки, а его «нѣмецкій реквиемъ» считается въ Германіи знаменитымъ. Квинтетъ, о которомъ мы говоримъ, по своему типу тоже носитъ венгерскій характеръ, хотя и сильно оевропеившійся. Въ общемъ же онъ представляетъ очень красивое, хотя и не особенно сильное произведеніе, а по своей техникѣ показываетъ большую талантливость автора. Г. Розановъ исполнялъ свою партію отлично, но звукъ кларнета иногда казался тривіальнымъ среди богатыхъ оттѣнками струнныхъ инструментовъ. Мы приписываемъ это скорѣе качеству инструмента г. Розанова, чѣмъ общему несоотвѣтствію соединенія кларнета съ струнными инструментами. Во всякомъ случаѣ, талантливый исполнитель заслуживаетъ большой похвалы. На публику квинтетъ тоже не произвелъ особеннаго впечатлѣнія; наша публика мало привычна къ духовымъ инструментамъ, мало слышитъ самостоятельнаго исполненія на нихъ и, вслѣдствіе

этого, довольно презрительно относится къ нимъ. Какъ бы то ни было, это прискорбно, а къинтеть, тѣмъ не менѣе, сыгранъ былъ хорошо. Кромѣ вышеупомянутыхъ артистовъ, исполнителями въ обоихъ собраніяхъ были: г. Крейнъ (вторая скрипка), г. Соколовскій (альтъ) и г. Гленъ (виолончель). Публики въ оба вечера было достаточно много и артистовъ принимали сочувственно.

Въ программу перваго симфоническаго концерта вошли слѣдующія произведенія: седьмая симфонія Бетховена *A-dur*; пятый концертъ для фортепіано съ оркестромъ Рубинштейна и сюита для оркестра изъ оперы-балета *Млада* Н. А. Римскаго-Корсакова. Оркестромъ дирижировалъ г. Сафоновъ.

Классики, въ своихъ лучшихъ произведеніяхъ, представляютъ намъ удивительные образцы соединенія прекрасной мысли съ прекрасною формою. При нихъ и послѣ нихъ писалось много хорошей музыки, но такого стройнаго развитія частей, такой послѣдовательности, съ которою являются отдѣльные моменты мысли, мы не встрѣчаемъ болѣе ни у кого. Это-то гармоническое единство мысли и формы, соединенныхъ тонкимъ вкусомъ и глубокимъ чувствомъ, и составляетъ главную силу и красоту ихъ произведеній. Седьмая симфонія Бетховена именно подходитъ къ этому опредѣленію. Если подѣ «сочиненіемъ» даже вдохновеннаго произведенія, все-таки, подразумѣвается нѣкоторый практическій расчетъ, хотя бы съ цѣлью произвести опредѣленный эффектъ на слушателя, то седьмая симфонія такой преднамѣренности не представляетъ и смѣло можетъ быть причислена къ какой-то сверхъестественной импровизаціи прямо на оркестръ,—до такой степени много въ ней непосредственнаго творчества и вдохновенной простоты. Для исполненія этой симфоніи требуется то, что заключается въ ней самой: артистическій вкусъ и искреннее чувство художника. Къ сожалѣнію, въ послѣднее время то и другое весьма часто отсутствуетъ, замѣняется простою передачей написаннаго или якобы субъективнымъ пониманіемъ произведенія. А, между тѣмъ, классическія произведенія, болѣе чѣмъ какія другія, именно требуютъ достаточнаго количества вкуса и чувства.

При дирижированіи симфоніи г. Сафоновымъ то и другое качество присутствовало въ сравнительно небольшихъ дозахъ. Концертъ Рубинштейна—чисто-виртуозное произведеніе, съ первенствующимъ значеніемъ фортепіано, какъ сольнаго инструмента. Особой музыки въ немъ нѣтъ, хотя средняя часть *Andante* довольно поэтично написана, но вниманіе сосредоточивается, главнымъ образомъ, на исполнителѣ и его виртуозной ловкости въ техническихъ трудностяхъ. Г. Левинъ, премированный на берлинскомъ конкурсѣ, оказался на высотѣ своего положенія и показалъ намъ всю быстроту своихъ пальцевъ. Но его игръ недоставало шири и мощи, такъ свойственныхъ большимъ произведеніямъ Рубинштейна, а при исполненіи мелодическихъ сюжетовъ—и чувства. Впрочемъ, тутъ виноватъ отчасти инструментъ; рояль фабрики Шредера оказался по звуку плохимъ для залы. На бисъ г. Левинъ сыгралъ нѣсколько пьесъ, въ которыхъ еще разъ выказалъ свою блестящую технику. Сюита г. Римскаго-Корсакова состоитъ изъ вступленія, рисующаго намъ,

какъ сказано въ программѣ, «тѣнь Млады, ея полеты и мимическія обращенія къ Яромиру», трехъ танцевъ: дыня рядовая (Redowa), литовская пляска, индѣйская пляска и шествіе князей,—что-то вродѣ марша. Сюитою называется рядъ небольшихъ пьесъ, болѣею частью носящихъ названіе танцевъ; таковы, наприм., старинныя сюиты Баха (это указываетъ на ея историческое происхожденіе отъ танцевальной музыки). Началомъ ея могутъ служить прелюдія, интродукція или увертюра, а финаломъ—пьеса болѣе крупныхъ размѣровъ, въ быстромъ движеніи, въ которой можетъ участвовать даже хоръ. Впрочемъ, сюита новѣйшаго построенія иногда беретъ сюжетомъ себѣ и поэтическое произведеніе, и изображаетъ моментъ психическаго состоянія. Теперь этотъ жанръ, временно было утратившій значеніе, начинаетъ опять пріобрѣтать его среди молодыхъ, въ особенности начинающихъ, композиторовъ. Главная суть этого жанра заключается въ томъ, чтобы въ цѣломъ рядѣ небольшихъ, по размѣрамъ, пьесъ показать себя во всеоружіи музыкальныхъ познаній и обнаружить силы таланта автора. Такимъ образомъ, композиторъ, предвдушая длинныя сюиты, симфоніи и даже оперы, практикуется на небольшихъ, но со вкусомъ расположенныхъ пьесахъ. Единство и цѣльность сюиты именно и заключается въ умѣнші расположить пьесы одну вслѣдъ за другой. Поэтому и сюита должна быть написана одновременно, а не служить только сборникомъ произведеній, написанныхъ въ различное время. Точно также не могутъ называться сюитой и нумера, понадерганные изъ большихъ сочиненій—изъ оперъ и балетовъ, если даже они подобраны будутъ и со вкусомъ. Вотъ почему и сюиту г. Римскаго-Корсакова мы не назовемъ сюитой, а только рядомъ музыкальныхъ нумеровъ, выбранныхъ изъ оперы-балета *Млада*. Пьесы написана большимъ мастеромъ и превосходно инструментованы.

Въ послѣднее время въ концертахъ у насъ часто играютъ танцы для заключенія музыкальнаго вечера. Это напоминаетъ намъ приснопамятное время крѣпостного права, когда въ домахъ господъ для разѣзда гостей игралась какая-нибудь музыка. Можетъ быть, въ артистической дѣятельности нашихъ музыкальныхъ учрежденій вроеся наклонность къ дорогому прошлому, но намъ такой порядокъ программы кажется, по меньшей мѣрѣ, страннымъ. Не съ плясовыми мотивами должны мы возвращаться изъ серьезнаго концерта, а съ эстетически удовлетворенною душой. Для этого и писали гении свою музыку... Но, какъ бы то ни было, сюита была сыграна удовлетворительно, только хоръ въ «шествіи князей» звучалъ нѣсколько жидко, но это, по всей вѣроятности, зависѣло отъ мѣста, занимаемаго имъ позади большого оркестра. Публики въ креслахъ сравнительно было немного. Исполнителей принимали сочувственно и исполненіе имѣло спѣхъ.

А. Б.

Картинки современныхъ нравовъ.

I.

Какъ только что пробилъ третій звонокъ и послѣдняго пассажира затиснули въ переполненный вагонъ прямого сообщенія и сказали ему: «Сиди здѣсь и терзайся безъ пересадки двое съ половиною сутокъ!»—господа путешественники начинаютъ обнаруживать совѣтъ не свойственный русскому обывателю мятежный духъ, увеличивающійся по мѣрѣ того, какъ затекали ноги, становилось душнѣе и нельзя было принять удобнаго положенія для того, чтобы вздремнуть.

Въ маленькомъ отдѣленіи насъ полный комплектъ—шесть человѣкъ и, къ общему неудовольствію, все болѣе или менѣе плотныхъ. Только одинъ строгаго вида старикъ былъ худъ, какъ спичка, и прямъ, какъ сосна.

Уже послѣ третьяго звонка и на ходу поѣзда кондукторъ вводитъ къ намъ седьмого пассажира, сверхкомплектнаго, и, проговоривъ въ видѣ утѣшенія: «они только до Пскова»,—благоразумно исчезаетъ.

Сверхкомплектный, чувствуя на себѣ недоброжелательные взгляды всѣхъ шести человѣкъ, садится съ края и занимаетъ самое крошечное мѣстечко, только бы на него не сердились. «Онъ, ей-Богу, не виноватъ!»—говорить его нѣсколько сконфуженное лицо.

И, обращаясь къ сосѣду, глаза котораго кажутся злыми менѣе другихъ, онъ говоритъ:

— Я только до Пскова.

— Но, вѣдь, это, кажется, вагонъ прямого сообщенія?—не безъ внушительности замѣчаетъ сосѣдъ.

— Нѣтъ мѣсть.

Сперва всѣ оглядываютъ другъ друга съ тѣмъ инстинктомъ недоброжелательства, съ какимъ встрѣчаются двѣ незнакомыя собаки.

Всѣ молчатъ и видимо сердятся, стараясь усѣсться поудобнѣе.

Мой vis-a-vis—плотный, солиднаго вида господинъ лѣтъ подъ сорокъ. Онъ въ новой темносѣрой парѣ и въ шелковой дорожной шалочкѣ. Судя по бритымъ губамъ, рыжеватымъ англійскимъ бачкамъ и устало-озабоченному, не лишённому нѣкоторой внушительности, выраженію помятаго, ис-

томленного лица, это чиновникъ, вродѣ начальника отдѣленія, служащій, вѣроятно, въ одномъ изъ тѣхъ вѣдомствъ, гдѣ всѣ чиновники, если вѣрять газетамъ, работаютъ по восемнадцати часовъ въ сутки и переутомляются вмѣстѣ съ начальствомъ.

Изъ разговоровъ его на платформѣ съ провожавшею его женой, полною блондинкой, красной, какъ пюнь, отъ туго затянутого корсета, я, между прочимъ, узнаю, что онъ ѣдетъ отдохнуть и полечиться на три мѣсяца: сперва заѣдетъ въ Кіевъ, оттуда въ Одессу и потомъ на Кавказъ попить эссенгука.

Онъ первый поднимаетъ знамя мятежа и восклицаетъ:

— Ну, и порядки у насъ на желѣзныхъ дорогахъ, нечего сказать! Пор-ря-дки!

Охваченный мятежнымъ духомъ, онъ забываетъ, что еще часъ тому назадъ увѣрялъ жену, мечтавшую прокатиться въ Швейцарію, пока онъ будетъ на Кавказѣ, что за границей путешествовать и скверно, и дорого, а жить среди этихъ обирая и вовсе отвратительно, не то, что у насъ, дома, гдѣ, по крайней мѣрѣ, люди еще Бога не забыли!... А тамъ, въ Европѣ...

— Да ты, Соня, развѣ не читала сегодня статьи собственнаго парижскаго корреспондента? Онъ, Соня, всегда основательно пишетъ. Не даромъ недавно Почетнаго Легіона получилъ!

И онъ посовѣтовалъ супругѣ прочесть эту статью, въ которой «собственный корреспондентъ» и, вмѣстѣ съ тѣмъ, одинъ изъ тѣхъ оплакивающихъ прошлыя заблужденія своей и откровенно называющихъ себя «мерзавцами своей жизни» литераторовъ, которые завелись въ послѣднее время въ журналистикѣ, съ пѣной у рта оповѣщалъ читателей о томъ, какъ его обсчитали въ Женевѣ, и, на этомъ основаніи, обозвалъ весь швейцарскій народъ поголовно ворами, грабителями и разбойниками, прибавляя ко всему этому, что у такихъ подлецовъ не было, да и не могло быть Вильгельма Теля,—они его выдумали,—а вотъ у французовъ была настоящая Орлеанская дѣва, какъ у насъ былъ настоящій Иванъ Сусанинъ, и потому французы великодушны и мы добродѣтельны.

Этотъ пассажиръ съ рыжими бачками забываетъ все, что говоритъ и онъ самъ и любимый имъ «собственный корреспондентъ».

Испытывая теперь своими боками неудобства путешествія, онъ начинаетъ на чемъ свѣтъ стоитъ бранить желѣзно-дорожные порядки въ отечествѣ, противопоставляя имъ европейскіе, и—о, дерзкій статскій совѣтникъ!—(онъ уже отрекомендовался намъ) осмѣливается даже желать предрержающимъ желѣзно-дорожнымъ властямъ такихъ же египетскихъ казней, какія испытываетъ самъ, да еще за свои же кровныя денежки. Онъ даже не получилъ воспособленія по случаю болѣзни. О, у нихъ въ вѣдомствѣ на этотъ счетъ строго! Экономія и бережливость, бережливость и экономія! Вотъ если бы командировка...

И, возбуждая общее сочувствіе товарищей по несчастію, онъ горячится, волнуется и продолжаетъ развивать мятежныя мысли такого рода:

— Пусть бы главный желѣзно-дорожный инспекторъ или его помощники, что ли, провели трое сутокъ въ подобныхъ кѣткахъ, а? Пусть бы они, по примѣру добродѣтельнаго Гарунъ-аль-Рашида или умнаго губернатора въ *Периколь*, снявъ свои форменныя одежды и облачившись въ статскія, проѣхались инкогнито, чтобы посмотрѣть, каково порядочнымъ людямъ находится въ положеніи астраханскихъ сеledоковъ. Виновать-сь. Я васъ толкнулъ!—обращается ораторъ ко мнѣ.

— Сдѣлайте одолженіе.

Всѣ мы, конечно, соглашаемся, что придуманная статскимъ совѣтникомъ мѣра не лишена остроумія. Кто-то вставляетъ замѣчаніе, что тогда высшее начальство знало бы, по крайней мѣрѣ, что творится.

— Но газеты переполнены воплями пассажировъ!... Каждый день почти появляются письма въ редакцію!—замѣчаетъ осторожно сверхкомплектный пассажиръ безъ мѣста.

Хранившій доселѣ молчаніе длинный и худой, какъ спичка, старикъ въ очкахъ, сквозь которыя глядятъ небольшіе, острые и холодные глаза, вытягиваетъ губу, что придаетъ его блѣдно-желтому, нѣсколько птичьему лицу, опущенному сѣдою подстриженною бородкой, выраженіе глубочайшаго презрѣнія, и выговариваетъ, цѣдя слова:

— Серьезный государственный человѣкъ не долженъ обращать вниманія на то, что пишутъ въ газетахъ. Мало ли что пишутъ и могутъ написать. Правда тамъ перепутывается съ неправдой... и вообще, что это за источникъ свѣдѣній эти газеты? Есть средство болѣе дѣйствительное: послать довѣреннаго чиновника. Онъ разслѣдуетъ, донесетъ и тогда только главное начальство приметъ мѣры.

И этотъ внушительный тонъ, и это презрѣніе въ газетамъ, и этотъ строгій видъ вселили во мнѣ мысль, что пассажиръ-старикъ, по крайней мѣрѣ, тайный совѣтникъ въ отставкѣ, когда-нибудь да управлявшій чѣмъ-нибудь и, вѣроятно, обиженный газетами еще въ тѣ далекія времена, когда онѣ могли обижать тайныхъ совѣтниковъ.

Ему видимо было непривычно и неудобно сидѣть не въ отдѣльномъ купѣ, а въ общемъ, да еще полномъ, отдѣленіи, тѣмъ болѣе, что онъ помѣстился у дверей, и его длинныя ноги то и дѣло должны были поджиматься, когда пассажиры выходили на площадку покурить. Старикъ не выносилъ дыма и протестовалъ противъ куренія, —отдѣленіе было для некурящихъ.

Но старикъ переносилъ свой «жребій» съ молчаливымъ достоинствомъ человѣка, понимающаго превратность судебъ. Проговоривъ свою тираду, онъ развернулъ *Московскія Вѣдомости* и углубился въ газету.

Но ни главнаго инспектора, ни кого-либо изъ его помощниковъ, которымъ можно было бы предложить проектъ мятежнаго статскаго совѣтника, налицо не оказывалось. По всей вѣроятности, они, несмотря на поздній часъ, сидѣли въ своихъ канцеляріяхъ, занятыя высшими соображеніями насчетъ тѣхъ же неблагодарныхъ пассажировъ, и вычисляли, какое потребно пространство на каждого, чтобы доставлять его живымъ до мѣста

назначенія, впредь до увеличенія подвижного состава. А, можетъ быть, кто-нибудь изъ нихъ, инспектируя линію, спалъ себѣ въ этомъ же поѣздѣ въ отдѣльномъ купѣ или въ директорскомъ вагонѣ, предпочитая наслаждаться, а не страдать, такъ какъ страданіе вовсе не входитъ въ его служебныя обязанности и исключительно предоставлено пассажиру.

Какъ бы то ни было, а возмущившемуся путешественнику остается только изливать свое негодованіе на кондукторахъ да на начальникахъ станцій или писать обличительныя замѣтки въ жалобныхъ книгахъ.

И онъ обрушивается на этихъ ни въ чемъ неповинныхъ людей, считая и ихъ виновными и за тѣсноту, и за неудобство, и, главное, за то, что съ нимъ обращаются съ патриархальною безцеремонностью, которую, положимъ, онъ самъ очень цѣнить, какъ національную особенность, но только не на желѣзной дорогѣ, и не за свои деньги, и не на собственныхъ бокахъ.

Гдѣ ужъ тутъ, въ раздраженіи, углубляться въ корень вещей? Гдѣ ужъ тутъ соображать о томъ, что безцеремонность на желѣзныхъ дорогахъ съ публикой не есть что-либо исключительное? Напротивъ, управленія желѣзныхъ дорогъ еще отвѣчаютъ на печатныя письма, разъясняютъ и успокоиваютъ публику хотя бы тѣмъ, что оповѣщаютъ ее о сдѣланныхъ младшимъ агентамъ выговорахъ. И само вѣдомство не усматриваетъ въ печатныхъ пассажирскихъ «вопляхъ» чего-нибудь злонамѣреннаго, подрывающаго престижъ власти, и «вопли» эти свободно доходятъ до публики, тогда какъ другія несравненно болѣе отчаянныя прорываются только черезъ двери суда.

Если же, несмотря на все это, отношеніе къ пассажиру и особенно къ пассажиру третьяго класса оставляетъ желать весьма многого, то и въ подобномъ отношеніи, опять-таки, сказывается одна изъ чертъ нашей самобытной этики, являющейся основой всего строя общественной жизни. И ни мелкая сошка, ни управляющіе и инспектора, ни высшее начальство не столь виноваты, сколько это кажется ошалѣлому пассажиру. По крайней мѣрѣ, нисколько не болѣе этой вдругъ обидѣвшейся на безцеремонность публики, которая на разные лады кричитъ о несомнѣнномъ превосходствѣ передъ всеми другими современныхъ русскихъ идеаловъ, въ числѣ которыхъ безцеремонность къ ближнимъ несомнѣнно играетъ первенствующее значеніе.

Но пассажиру не до философскихъ обобщеній, къ тому же, и не особенно любимыхъ въ наши времена, когда надо приспособляться къ господствующему общественному настроенію, а не философствовать, рискуя получить отъ перваго встрѣчнаго «дурака».

И онъ, завидѣвъ оберъ-кондуктора, вопіетъ:

— Кондукторъ! Что это у васъ за безобразіе?

Такъ какъ мѣсто дѣйствія—отдѣленіе перваго класса и въ числѣ дѣйствующихъ лицъ—это ихъ знаетъ?—могутъ быть и генералы, то оберъ-кондукторъ, галантно приложивъ руку къ шапкѣ, съ вѣжливымъ недоумѣніемъ спрашиваетъ:

— Какія безобразія?

— Какъ какія? Отчего не прицѣпили еще вагонъ?

— Полагается всего одинъ вагонъ прямого сообщенія.

— Но почему полагается? А если пассажировъ больше, чѣмъ мѣстъ въ вагонѣ?

— Это ужъ не наше дѣло, господинъ. Такое распоряженіе.

— Весьма глупое распоряженіе. Тутъ задохнешься отъ жары, а вы толкуете: «распоряженіе!»

— Въ отдѣленіи шесть мѣстъ и шесть пассажировъ.

— Зачѣмъ вы лжете? Тутъ насъ семь!

— Они только до Пскова. Но если они васъ стѣсняють...

Сверхкомплектный пассажиръ, предвидящій новыя скитанія по вагонамъ все-таки, рѣшительно заявляетъ намѣреніе не стѣснять и уйти. Никто не удерживаетъ его отъ такого намѣренія, хотя, должно быть, всѣ удивляются его самоотверженію быть бродягой за свои деньги. Но оберъ-кондукторъ проситъ повременить пятнадцать минутъ, до слѣдующей станціи.

— Тамъ я васъ пересажу, господинъ. Я найду вамъ мѣсто.

Съ этими словами оберъ-кондукторъ хочетъ улизнуть.

Еще бы не хотѣть! Довольно онъ слышался за одинъ-другой часъ ядовитыхъ замѣчаній и сердитыхъ окриковъ. Ахъ, эти курьерскіе поѣзда! Сколько хлопотъ теперь съ пассажирами перваго и втораго классовъ, при удешевленномъ тарифѣ, когда всѣхъ точно прорвало и всѣ поѣхали! То ли дѣло пассажиры третьяго класса. Ихъ хоть подъ скамейки запихай,—ничего, довольны и не пикнуть! Понимають, что не я виноватъ, что мѣстъ нѣтъ.

Такъ потомъ жаловался мнѣ оберъ-кондукторъ, изливая свою душу.

— Пойдите, кондукторы! Куда вы?

— Что вамъ еще угодно?—нетерпѣливо спрашиваетъ оберъ-кондукторъ.

— Вѣдь, тутъ нестерпимо сидѣть, понимаете вы это? Дамское отдѣленіе свободно. Посадите двоихъ изъ насъ въ дамское купе.

— Какъ же можно-съ? Оно для дамъ.

— Но, вѣдь, дамъ нѣтъ?

— Могутъ гдѣ-нибудь на станціи сѣсть.

— Тогда мы уйдемъ.

— Извините, господинъ, я не имѣю права. Вотъ приѣдемъ въ Лугу,—не угодно ли будетъ обратиться къ начальнику станціи.

— Это чортъ знаетъ что такое! А другое купе, рядомъ?

— Оно занято-съ.

— Бѣмъ занято?

— Тамъ генералъ Быстрый сидятъ!—значительно произноситъ оберъ-кондукторъ, понижая голосъ, вѣроятно, въ знакъ почтенія къ генералу Быстрому.

Эта фамилія производитъ чарующее впечатлѣніе на мятежнаго статскаго совѣтника,—настолько чарующее, что онъ на мгновеніе затихъ и замлѣлъ, не смѣя и мысленно даже протестовать противъ того, что генералъ Быстрый

одинъ занимаетъ шесть мѣстъ. По выраженію лица статскаго совѣтника видно, что онъ вполне убѣжденъ, что тайный совѣтникъ Быстрый могъ бы занимать цѣлый вагонъ, а не то, что шесть мѣстъ,—вѣдь, онъ слишкомъ видное лицо, этотъ тайный совѣтникъ Быстрый. Еще недавно былъ помещень его портретъ и краткая біографія въ субботнемъ приложеніи къ одной газетѣ. Совсѣмъ еще молодой на видъ человекъ, а того и гляди, не сегодня - завтра, займетъ высочайшій постъ. Какъ же ему не занимать отдѣльнаго купэ?

При имени Быстраго худощаваго старика передергиваетъ точно отъ электрическаго тока. Но онъ тотчасъ же овладѣваетъ собой и, подавляя завистливый вздохъ, спрашиваетъ у оберъ-кондуктора:

- Куда ѣдетъ тайный совѣтникъ Быстрый?
- До станціи Борковичи.
- А-а-а!—многозначительно мычить старикъ.

На остальныхъ пассажировъ имя генерала Быстраго не производитъ особенно-подавляющаго впечатлѣнія, хотя и вызываетъ нѣкоторое оживленіе на лицахъ, а красивый молодой брюнетъ, сидѣвшій у окна, рыхлый толстякъ съ большою выхоленною, надушенною бородой, въ куцомъ вестонѣ, слегка накрахмаленной батистовой сорочкѣ и въ перчаткахъ,—не то помещикъ, не то заводчикъ, не то адвокатъ, не разберешь,—тотъ даже проницательно усмѣхается и, насмѣшливо щуря черезъ пенснэ въ золотой оправѣ свои черные, небольшіе плутоватыя гланы, кидаетъ кондуктору крикливымъ веселымъ теноркомъ:

— Генераль Быстрый за все купэ заплатилъ, что ли?

— У нихъ одинъ билетъ, но только въ Петербургѣ было распоряженіе отвести имъ цѣлое отдѣленіе.

— Превосходно! Значитъ, вашъ генераль Быстрый можетъ, какъ персонажъ Островскаго, одинъ ѣхать въ двухъ каретахъ, а мы, поэтому, обязаны вариться въ собственномъ соку? Такъ, что ли, господинъ оберъ-кондукторъ?

— Это не наше дѣло, господинъ.

— Вполнѣ вѣрю, что не ваше, а вашего милаго начальства!—смѣется толстякъ.—Кто у васъ управляющій дорогой?

Оберъ-кондукторъ называетъ фамилію.

— Очень хорошо. Благодарю васъ.

И вслѣдъ за этими словами, внезапно раздражаясь, вдругъ выпаливаетъ:

— Экое свинство! Экая Азія!

Ни игривое замѣчаніе толстяка о двухъ каретахъ, ни это желчное вопликаніе объ Азіи,—тогда какъ мы ѣхали по Европѣ,—не только не возбуждаютъ въ большинствѣ присутствующихъ ни малѣйшаго сочувствія, а, напротивъ, вызываютъ видимое неодобреніе.

Худой старикъ бросаетъ на дерзкаго пассажира быстрый, строгій взглядъ изъ-подъ очковъ. Замлѣвшій статскій совѣтникъ и одинъ бѣлобрысый молодой человекъ въ форменной судебной тужуркѣ, храня ледяное молчаніе,

устремляютъ глаза dolu, точно имъ стыдно смотрѣть на человѣка, который вслухъ говорить неприличныя вещи.

Только довольно страннаго вида пассажиръ, неопредѣлимой профессіи, очень плохо одѣтый пожилой господинъ съ засѣдвшими длинными кудряватыми волосами, выбивавшимися изъ-подъ потертой мягкой шляпки, дремавшій съ отхода поѣзда, внезапно отерываетъ заспанные глаза и произноситъ: «Совершенно справедливо изволили замѣтить. Вопиющее свинство!» Но за то генералу Быстрому удобнѣе спать въ Азіи, чѣмъ въ Европѣ!—прибавляетъ онъ со смѣхомъ и, снова откидываясь назадъ, закрываетъ глаза.

Толстякъ улыбается. Бродитъ сочувственная улыбка и на лицѣ пассажира до Пскова. За то старикъ брезгливо пожимаетъ плечами. Дескать чортъ знаетъ съ кѣмъ приходится ѣхать!

Кондукторъ, между тѣмъ, исчезъ, и статскій совѣтникъ выходитъ въ корридоръ, очевидно, озаренный какою-то мыслью.

Выхожу и я подышать воздухомъ у окна.

Раздается свистокъ, возвѣщающій приближеніе къ станціи, и въ дверяхъ вагона появляется оберъ-кондукторъ. При видѣ безпокойнаго пассажира, онъ хочетъ поворотить назадъ, но сторожившій его статскій совѣтникъ уже машетъ ему рукой и на лицѣ его, вмѣсто прежняго негодующаго выраженія, появляется замскивающая улыбка.

— Послушайте, кондукторъ,—говоритъ онъ ласковымъ конфиденціальнымъ тономъ, совсѣмъ не похожимъ на прежній вызывающій тонъ мятежника,—если бы вы какъ-нибудь устроили меня и стараго господина въ дамскомъ отдѣленіи, а? Мы поблагодаримъ васъ за это... понимаете?—прибавилъ онъ, значительно подмигивая глазомъ для вящаго пониманія.

Но оберъ-кондукторъ оказывается неподкупенъ.

Цифра «три», которой нѣсколько разъ ласкаетъ слухъ кондуктора нѣжный шепотъ статскаго совѣтника, такъ же мало дѣйствуетъ на соблазнимаго, какъ, вѣроятно, мало подѣйствовала бы цифра «три», конечно, тысячи, на демона-соблазнителя, служащаго въ вѣдомствѣ, гдѣ, кромѣ экономіи и бережливости и неусыпнаго бдѣнія, циркулярно предписано и безкорыстіе въ краткихъ, но сильныхъ выраженіяхъ: «Не потерплю!»

Несмотря на свое горячее сочувствіе къ добродѣтели, особенно отечественной, мятежный статскій совѣтникъ непріятно изумленъ. Онъ недовѣрчиво взглядываетъ на посѣдѣшаго оберъ-кондуктора и не безъ горькаго чувства накидываетъ еще рублишко.

— Никакъ невозможно, господинъ! Вотъ развѣ послѣ того, какъ контроль пройдетъ!—какъ бы невзначай бросаетъ оберъ-кондукторъ, проходя дальше.

— Ахъ, этотъ контроль!

Оказывается, что онъ не только бичуетъ «маленькихъ ворышекъ для поученія большихъ», но даже отодвигаетъ на нѣкоторое время возможность выпатся порядочному человѣку въ дамскомъ купѣ. Не даромъ же онъ такъ ненавистенъ и князю Мещерскому.

Читатель помнитъ, вѣроятно, эту весеннюю исторію, окончившуюся оффиціознымъ разоблаченіемъ причинъ внезапнаго негодования князя на контроль и обвиненія его чуть ли не въ неблагонамѣренности? Вѣдь, все дѣло то загорѣлось изъ-за того, что князь Мещерскій, урвавшій, во время управленія министерствомъ путей сообщенія г. Кривошеина, подрядъ на печатаніе желѣзно-дорожныхъ бланковъ по такимъ «истинно-русскимъ» цѣнамъ, что даже опытные контролеры, выдавшіе виды, ахнули, захотѣлъ продолжать въ томъ же родѣ и далѣе. Но бдительное око контроля помѣшало, когда на то пришла пора, и показало, какъ истинно-русскій человѣкъ обдѣлывалъ свои дѣлишки.

Не знаю, продолжаетъ ли печатать князь Мещерскій бланки по тѣмъ же патріотическимъ цѣнамъ, но знаю, что между Лугой и Москвой мятежный статскій совѣтникъ ушелъ изъ нашего отдѣленія и, растянувшись въ дамскомъ купѣ (контроль уже прошелъ!), прекратилъ мятежъ и снова сталъ вполне благонамѣреннымъ человѣкомъ.

Но пока контроль не проходилъ онъ все еще бунтовалъ, хотя и полегче.

Долго крѣпился худой старикъ и молчалъ, но чѣмъ ближе надвигалась ночь и чѣмъ болѣе клонило его ко сну, тѣмъ мрачнѣе и мрачнѣе становилось его лицо. Онъ пробовалъ заснуть, прислушивался съ завистью къ храпѣвшему во всю ивановскую «неприличному» пассажиру, но сонъ бѣжалъ его глазъ.

Наконецъ, и онъ забунтовалъ, открывшись предварительно статскому совѣтнику въ томъ, что онъ тайный совѣтникъ въ отставкѣ Охвостьевъ, словно бы для того, чтобы показать, что онъ бунтуетъ благонамѣренно.

Признаюсь, я съ особеннымъ любопытствомъ взглянулъ на новаго мятежника, потому что слышалъ о немъ кое-что и зналъ, что о немъ въ свое время производилось нѣсколько дѣлъ въ первомъ департаментѣ сената по жалобамъ евреевъ на такъ называемыя «недоразумѣнія» относительно примѣненія тѣлесныхъ наказаній въ тѣ отдаленныя времена, когда эти «недоразумѣнія» повторялись весьма часто и заставляли господъ сенаторовъ разводиться руками и настойчиво требовать соблюденія закона. Припомнилъ я, что Охвостьевъ, наконецъ, былъ отставленъ отъ службы, такъ какъ одно «недоразумѣніе» кончилось не совсѣмъ обыкновенно, и въ это время въ газетахъ появились кое-какія корреспонденціи, вѣроятно, и озлобившія его на всю прессу.

Его превосходительство, между тѣмъ, говорилъ, обращаясь къ статскому совѣтнику, о томъ, что пора, наконецъ, прекратить эти безобразія и дать какія-нибудь гарантіи (такъ-таки и сказалъ: «гарантіи») пассажирамъ перваго и втораго классовъ въ томъ, что ихъ не будутъ такъ стѣснять...

— Въ самомъ дѣлѣ, я покупаю билетъ и рассчитываю, что могу хоть ночью протянуть ноги, а, между тѣмъ, ваше законное право нарушается самымъ возмутительнымъ образомъ.

— Именно: возмутительным образом, ваше превосходительство.

— Кажется, не трудно было прибавить вагоновъ для удобства публики... Надо же принять во вниманіе, что среди этой публики могутъ быть лица, заслуживающія, по крайней мѣрѣ, болѣе заботливаго отношенія по своимъ лѣтамъ и по своему положенію... Я вотъ никакъ не могу заснуть.

— И я никакъ не могу, ваше превосходительство!

— А они будто этого не понимаютъ! Сажаютъ насъ въ вагоны, точно пассажировъ третьяго класса... Тѣмъ ничего, они привыкли и не могутъ быть требовательны. Какой-нибудь пархатый жидъ, тотъ можетъ спать и подъ скамейкой, каналья,—продолжаетъ мятежный генераль, видимо, не забывшій еще своей ненависти къ «жидамъ», изъ-за которыхъ онъ пострадалъ,—а, вѣдь, у насъ есть извѣстныя культурныя привычки...

— Быть можетъ, ваше превосходительство,—утѣшаетъ старика статскій совѣтникъ,—намъ возможно будетъ пересѣсть въ дамское купе и заснуть. Оберъ-кондукторъ обѣщаль.

— Эти бестіи только обѣщаютъ.

— Нѣтъ, онъ, кажется, сдержитъ обѣщаніе. Вотъ только контроль пройдетъ.

— Очень буду радъ... очень буду радъ, а то весьма здѣсь скверно... И вдобавокъ этотъ неприличный господинъ, который такъ ужасно храпѣть!—прибавляетъ, понижая голосъ, его превосходительство.

Но «неприличный» господинъ уже нѣсколько времени не храпѣлъ и, какъ оказалось, слышалъ кое-что изъ разговора его превосходительства.

И онъ намбренно громко говоритъ, обращаясь къ молодому толстяку:

— Изволили слышать о новомъ проектѣ желѣзно-дорожнаго управленія?

— О какомъ такомъ?

— Весьма интересномъ. Съ будущаго года въ вагоны будутъ садить пассажировъ по чинамъ: будутъ генеральскіе вагоны, затѣмъ штабъ-офицерскіе, оберъ-офицерскіе и для разночинцевъ... Предъявили паспортъ и—садитесь. Не правда ли, весьма остроумно?

Толстякъ смѣется. Тайный совѣтникъ злобно сверкаетъ глазами и, сожалья въ душѣ, что не можетъ приказать отодрать «неприличнаго» пассажира, умолкаетъ и закрываетъ глаза.

— Станція Луга! Поездъ стоитъ 10 минутъ!—врчатъ кондуктора.

Всѣ выходятъ въ буфетъ и, возвратившись, стараются заснуть, но напрасно. Одинъ только «неприличный» пассажиръ дремлетъ.

— А генераль Быстрый спитъ себѣ на шести мѣстахъ!—говоритъ толстякъ и смѣется.

— На то онъ и Быстрый!—откликнулся «неприличный» пассажиръ.

— Экое свинство!

— А вы еще ему удивляетесь, молодой человекъ!

Наконецъ, контроль появился, осмотрѣлъ билеты и ушелъ, а черезъ нѣсколько минутъ изъ нашего отдѣленія ушли два главные мятежника.

Насъ осталось четверо и мы, довольные, собираемся серьезно заснуть, протянувъ ноги.

Мятежъ пока окончился.

II.

На слѣдующее утро всѣ мои спутники, выспавшись болѣе или менѣе хорошо, уже не имѣли вида людей недовольныхъ существующимъ порядкомъ на желѣзныхъ дорогахъ. Напротивъ, всѣ, казалось, были вполне имъ довольны.

Статскій совѣтникъ, объявившій, что онъ отлично выспался въ дамскомъ купѣ, былъ веселъ, даже игривъ и болтливъ, но уже въ самомъ благонамѣренномъ духѣ. Онъ, между прочимъ, говорилъ, обращаясь то къ тайному совѣтнику, то къ пассажиру въ судебной тужуркѣ, то ко мнѣ, какъ у нихъ въ министерствѣ вырабатываютъ реформу за реформой, словно пекутъ блины, и какъ нынѣ много работы чинамъ ихъ вѣдомства. Онъ конфиденціально сообщилъ, что очень скоро произойдутъ перемѣны въ административныхъ сферахъ и, что навѣрное, всѣмъ, не имѣющимъ пока формы, дадутъ форму, не исключая и фельдшерницъ, и сельскихъ учительницъ. Это поднять ихъ духъ. А то, согласитесь, человекъ безъ формы... какъ-то неудобно, особенно въ провинціи.

Молодой брнетъ-толстякъ болѣе не вспоминалъ ни объ Азии, ни о свинствѣ и съ видимымъ наслажденіемъ читалъ *Des demies-vierges*. «Неприличный» пассажиръ, оказавшійся при свѣтѣ утра старымъ господиномъ съ умнымъ и саркастическимъ лицомъ, не бросалъ ядовитыхъ замѣчаній по адресу тайнаго совѣтника, хотя и иронически на него взглядывалъ по временамъ; даже пассажиръ въ судебной тужуркѣ, все время старавшійся быть серьезнымъ и степеннымъ, открылся, что онъ назначенъ товарищемъ прокурора, и весь вспыхнулъ, вѣроятно, отъ удовольствія, что онъ, столь молодой, и уже можетъ законопачивать болѣе или менѣе неосторожныхъ людей въ отдаленныя мѣста и въ арестантскія роты.

Одного только стараго тайнаго совѣтника не смягчило ни это славное июньское утро, ни временное пребываніе въ отдѣльномъ купѣ. Онъ былъ молчаливо и озлобленно угрюмъ, словно бы дѣла о немъ въ первомъ департаментѣ сената не были давнымъ-давно прикончены и весьма для него благополучно.

Быть можетъ, и даже навѣрное, его огорчилъ необыкновенно веселый и нѣсколько вызывающій видъ представительнаго, молодежаваго и свѣжаго, какъ огурчикъ, человека данной минуты, тайнаго совѣтника Быстраго, котораго онъ только что встрѣтилъ въ корридорѣ, напомнивъ ему о тѣхъ временахъ, когда и онъ былъ «аркадскимъ принцемъ» и такъ высоко приподнял знамя «сильной власти», понимаемой имъ какъ отрицаніе всякихъ законовъ, что, вмѣсто признательности, получилъ отставку.

Какъ бы то ни было, но старикъ былъ мраченъ, какъ туча.

Я съ особеннымъ любопытствомъ взглядывалъ на него, тѣмъ болѣе, что наканунѣ, когда онъ ушелъ въ отдѣльное купѣ, ядовитый пассажирь—земецъ въ тѣхъ палестинахъ, гдѣ, много лѣтъ тому назадъ, свирѣпствовалъ тайный совѣтникъ, разсказалъ намъ на сонъ грядущій не мало о немъ исторій.

Этотъ разсказъ былъ длинною эпопеей о безчисленныхъ «недоразумѣнїяхъ» съ евреями. Впрочемъ, и лица другихъ вѣроисповѣданій не оставались при случаѣ безъ отеческаго вниманія. Однимъ словомъ, тайный совѣтникъ наводилъ такую панику, что граждане при видѣ его прятались по домамъ, трепеща за цѣлость своихъ спинъ. Представителей земства, городского самоуправления и чиновъ судебнаго вѣдомства онъ считалъ первыми крамольниками, писалъ въ *Гражданинъ* проекты, чтобы всѣхъ ихъ упразднить, и сообщилъ куда слѣдуетъ объ ихъ неблагонадежности.

— То-есть, я вамъ скажу, это такой саши-бузукъ былъ, что и описать невозможно. «Отпороть»—было любимымъ его словомъ... Можно ли, нельзя ли—«выпороть!»—и дѣлу шабашъ.

Короче, подробности, передаваемые земцемъ, можно было бы принять за сказку, елибъ ее слушалъ какой-нибудь иностранецъ.

— Но какъ же его не привлекли, однако, къ отвѣтственности за превышеніе власти? — спросилъ возмущившійся пассажирь въ судебной ту-журкѣ.

Земецъ взглянулъ на юнаго товарища прокурора тѣмъ удивленнымъ взглядомъ, какимъ могутъ смотрѣть люди на человѣка, сказавшаго невозможную глупость.

— Слѣдовало бы отдать его подъ судъ!— строго произнесъ прокурорскій надзоръ.

— Неужели?—иронически воскликнулъ старый земецъ.

— А то какъ же? Я полагаю, что это ясно, какъ Божій день.

— Не смѣю съ вами спорить, но въ тѣ времена, о которыхъ я говорю, точка зрѣнїя на подсудность, вѣроятно, нѣсколько разнилась отъ вашей. У васъ, въ школѣ, не разъясняли этого вопроса теоретически, считывая, конечно, что практика жизни дополнить и разъяснить все, что нужно. А одинъ почтенный администраторъ и, вдобавокъ, юристъ разъяснилъ мнѣ однажды этотъ вопросъ и даже весьма остроумно.

— Какимъ образомъ? Это интересно,—спросилъ я.

— А вотъ какимъ. Онъ говорилъ, правда, послѣ обѣда въ честь какого-то юбиляра, что нельзя приравнивать нарушителя закона обыкновеннаго смертнаго къ таковому же нарушителю необыкновенному смертному. Если за кражу, да еще со взломомъ, какого-нибудь мѣднаго чайника Васькой Непомнящимъ его, голубчика, отпирать въ арестантскія роты, то отъ этого, кромѣ торжества правосудія, ничего не произойдетъ; но если привлечь къ суду человѣка, облеченнаго полномочіями, за то, что онъ, предположимъ, даже нарушилъ законъ, отодравши, какъ сидорову козу, того, кого драгъ не приличествуетъ, или, допустимъ, имѣлъ недоразумѣнїя съ казенными день-

гами, то отъ этого произойдутъ явленія прискорбныя съ государственной точки зрѣнія. Легкомысленная публика, привыкшая чтить и видѣть однихъ добродѣтельныхъ начальниковъ, изъ-за одного недобродѣтельнаго можетъ разочароваться въ добродѣтели вообще. Къ чему же лишать публику довѣрія къ властямъ? Не лучше ли лицъ, превысившихъ свои полномочія, глядя по чину и званію, отстранять безъ шума? Кого уволить, кого причислить, кого назначить въ совѣтъ, какъ пострадавшее за нарушение законовъ лицо, которое можетъ, въ огражденіе ихъ, при случаѣ замолвить вѣское слово, кого, наконецъ, ужь очень безстыжаго, снарядить за границу, чтобъ не смѣлъ показывать глазъ. Такимъ манеромъ и дѣло исправлено—неблагонамѣренный удаленъ, и довѣріе не поколеблено, и престижъ власти не нарушенъ. А для удовлетворенія цивическихъ чувствъ общества всегда найдутся становые и исправники, которые время отъ времени подають подъ судъ и дають пищу для ума и сердца. Прокуроры говорятъ горячія рѣчи и господа газетчики пишутъ, какіе бывають дурные исправники и какъ ихъ наказываетъ за то правосудіе.

— Теперь ничего подобнаго не можетъ быть!—горячо произнесъ молодой прокуроръ.

Никто не возразилъ. Всѣмъ хотѣлось спать.

III.

Поѣздъ приближался къ Цилейнѣ. Всѣ мои спутники стали собираться и вышли въ Цилейнѣ, чтобы продолжать дальнѣйшій путь по лбаво-романской желѣзной дорогѣ, а не по полѣской.

Отъ Вильны, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, мы ѣхали только вдвоемъ съ однимъ пассажиромъ, сѣвшимъ на этой станціи.

Это былъ худощавый, невысокій господинъ, очень скромнаго, даже пришибленнаго вида, видимо, не особенно заботившійся о костюмѣ, старенькомъ и потертомъ, съ очень симпатичнымъ интеллигентнымъ лицомъ, блѣднымъ и изнуреннымъ.

Онъ усѣлся въ уголь и молчалъ. Вдругъ черезъ открытыя двери отдѣленія долетѣлъ къ намъ громкій, рѣзкій женскій голосъ:

— Я не позволю!... Какъ вы смѣете?... Я вамъ поважаю!...

Оказалось, что это бушевала дама, сѣвшая въ отдѣленіе перваго класса съ билетомъ втораго.

— Но, сударыня...

— Вонъ! Я буду жаловаться министру. Тамъ нѣтъ мѣстъ.

— Есть мѣста, сударыня... Я васъ посажу... Не угодно ли идти?

— Вы еще смѣете грубить? Я жена полковника... грубиянъ этакій!

Такъ съ барыней ничего и не подѣлали. Она завоевала себѣ мѣсто въ первомъ классѣ.

— Однако, бойкая барыня,—проговорилъ я, обращаясь къ спутнику.

— Удивительно бойкая!—отвѣчалъ онъ, словно бы изумленный чужою бойкостью и испуганно прибавилъ:—Какъ ей не досталось!

Слово за слово, мы разговорились.

Оказалось, что онъ учитель гимназіи въ одномъ изъ самыхъ захолустныхъ губернскихъ городовъ и учительствуетъ въ той гимназіи двадцать три года, пріѣхавши на мѣсто молодымъ человѣкомъ. Воспользовавшись ваканціями, онъ отправился путешествовать и теперь направляется на югъ посмотрѣть Крымъ и Кавказъ.

— Хотѣлось провѣтриться, а то, знаете ли, въ провинціи, да еще учителю, очень, знаете ли, подчасъ тяжело... Я одинокій!—прибавилъ онъ, какъ бы въ поясненіе, и улыбнулся тою доброю, нѣсколько застѣнчивою улыбкой, озарившею его некрасивое лицо, которое говорило, что вѣрно гимназисты не очень боятся педагога, не потерявшаго способности такъ улыбаться.

Вѣроятно, мимолетность встрѣчи расположила этого на видъ боязливаго человѣка къ откровенности или, быть можетъ, ему просто захотѣлось облегчить свою душу передъ человѣкомъ, да еще литераторомъ, въ которомъ онъ надѣялся встрѣтить сочувствіе,—кто знаетъ? Но только онъ въ скоромъ времени нервно и порывисто сталъ рассказывать о томъ, каково быть учителемъ въ захолустьи.

О, это была одна изъ тѣхъ не эффектныхъ, но потрясающихъ драмъ исключительно русскаго характера, въ которыхъ вся жизнь человѣка отзывчиваго, живого и честнаго сводится къ непрерывному трепету за свое существованіе. Быть можетъ, и даже навѣрное, этотъ трепеть и былъ нѣсколько преувеличенъ излишнею боязливостью потерять мѣсто и остаться безъ куска хлѣба, но, тѣмъ не менѣе, этотъ трепеть имѣлъ свое основаніе въ той воистину ужасающей средѣ педагоговъ-чиновниковъ, въ которой пришлось работать моему спутнику.

Онъ ни на кого не жаловался, никого не обвинялъ, а только рассказывалъ, и потому рассказывалъ, что тамъ, на мѣстѣ, въ своемъ захолустьѣ, онъ ни съ кѣмъ изъ своихъ товарищей не откровенничалъ, хотя со всѣми былъ въ недурныхъ отношеніяхъ и прямо сторонился изъ боязни, какъ бы чего не вышло. А выйти могло,—онъ это видѣлъ по примѣрамъ. Директоръ, поощрявшій наущничество и среди учителей, и среди гимназистовъ, требованіе показной религіозности, лицемеріе и обезличеніе,—какъ тутъ не замкнуться въ себя и не трепетать обыкновенному среднему человѣку, настолько порядочному, чтобы самому не купаться въ грязи, настолько боязливому, чтобы не осмѣлиться подчеркнуть свое несочувствіе хотя бы скромнымъ протестомъ?

— Да, знаете ли, тяжеленько!—промолвилъ мой спутникъ, окончивъ свой рассказъ.—Многіе спиваются!... А я и пить не могу, не выношу вина!—прибавилъ онъ.

Въ Борковичахъ къ намъ подѣлъ пассажиръ, и боязливый учитель уже болѣе не рассказывалъ. За то въ томъ же родѣ повелъ рассказъ другой пассажиръ—земскій врачъ, объяснявшій, почему его не утверждаютъ въ должности. Это тоже была характерная исторія, заставившая поѣхать

въ Кіевѣ, объясняться съ высшимъ начальствомъ о томъ, что онъ чистъ, какъ голубь, въ смыслѣ благонамѣренности, и имѣть даже удостовѣреніе о томъ отъ учрежденія, которому спеціально это извѣстно. Что же касается того обстоятельства, что онъ, бывши гимназистомъ 5 класса, попалъ въ такъ называемую «исторію», то и эта прикосновенность къ «исторіи» объяснена тѣмъ же учрежденіемъ, какъ прискорбная ошибка, несколько не компрометирующая молодого врача.

— И, тѣмъ не менѣе, мнѣ, все-таки, дѣлають затрудненія!—прибавилъ молодой человѣкъ.

— Почему?

— Почему? Да, кажется, просто потому, что исправнику очень хочется устроить брата своей жены. Онъ и затѣялъ всю эту исторію о моей неблагонадежности. Поди теперь хлопочи... объясняй свою невинность и паковость исправника. Его даже и за клевету привлечь къ суду нельзя. Все сдѣлано конфиденціально.

— А вашему конкуренту извѣстно, какими путями добиваются его назначенія?

— Еще бы не извѣстно!

— И ничего... не стыдится?

— Онъ не изъ стыдливыхъ. Онъ недавно въ доказательство полной своей пригодности представилъ во врачебную губернскую управу... какъ вы думаете, чью рекомендацію? И не догадаетесь!

— А чью?

— Игуменья одного женскаго монастыря. Положимъ, она женщина очень почтенная, но какое же отношеніе она имѣетъ къ медицинѣ?

— Ловокъ!—замѣтилъ кто-то.

— Да, кромѣ того, напечаталъ въ мѣстной газетѣ обстоятельный отчетъ о томъ, какъ излечился отъ катарра желудка прикосновеніемъ въ теченіе десяти дней къ веригамъ нѣкоего великаго старца. Мой коллега изъ молодыхъ, да ранній!—прибавилъ, смѣясь, тридцати-пяти лѣтній врачъ, возстановляющій свою невинность, по ошибкѣ заподозрѣнной еще въ отроческіе годы.

У насъ издавна любятъ «чудесное». Вотъ и теперь объявилась въ Москвѣ вѣдьма. По крайней мѣрѣ, добрые москвичи, пришедшіе помолиться у часовни, приняли одну сердобольную жевщину, которая дала какому-то мальчику яблоко, за вѣдму. Доказательства всѣ были налицо. Какъ только что мальчикъ съѣлъ яблоко, съ нимъ сдѣлался припадокъ подучей болѣзни, которою онъ страдалъ.

И какъ только какая-то женщина сообщила свои подозрѣнія о томъ, что тутъ вѣдьма, какъ черезъ нѣсколько минутъ уже толпа была возбуждена. Ето-то крикнулъ: «бей!»—и первый ударилъ и вслѣдъ за нимъ вся толпа бросилась бить вѣдму. И, конечно, бѣдной женщинѣ бы не жить, еслибъ не выручилъ ее какой-то господинъ, оказавшійся, на счастье, полицейскимъ сыщикомъ. Онъ показалъ свой билетъ и, заручившись содѣйствіемъ полиціи, отвезъ полумертвую женщину въ больницу.

Разумѣется, всё возмутились. Въ концѣ девятнадцатаго столѣтія и вдругъ... вѣдьма! Какая бы то ни была Москва, а все же бѣлокаменная—и москвичамъ стало совѣстно. Только *Московскія Вѣдомости* да *Гражданинъ* нашли, что избіеніе женщины свидѣтельствуетъ о стойкости религіознаго чувства. Какое отношеніе имѣеть религіозное чувство съ желаніемъ прикончить «вѣдьму», подите спросите у г. Петровскаго и князя Мещерскаго.

За то другія газеты справедливо пришли въ ужасъ отъ этого изувѣрства толпы въ столичномъ городѣ, на людномъ мѣстѣ. Но кто же виновать, какъ не мы сами, что до сихъ поръ безпробудный мракъ невѣжества охватываетъ громадную часть населенія? Идите, судите эту толпу. Но хватитъ ли у кого мужества, несмотря на все ея звѣрство, осудить ее?

Разговоры, подобные тѣмъ, которые я слышалъ отъ трепещущаго учителя и врача, отыскивающаго свою невинность, были нерѣдки. Не бойтесь, почтенный мой спутникъ, я такъ исказилъ и вашу наружность, и вашу рѣчь, и въ такихъ общихъ чертахъ, не приводя фактовъ, описалъ ту ужасающую атмосферу, въ которой вы съумѣли еще не задохнуться и быть любимымъ учителемъ своихъ учениковъ, я такъ тщательно скрылъ мѣсто вашего служенія, что ни директоръ, ни ваши соглядатайствующіе коллеги не догадаются, о комъ идетъ рѣчь. Да и зачѣмъ имъ догадываться? Не они же одни, въ самомъ дѣлѣ, виноваты, что условія жизни вырабатываютъ и такихъ педагоговъ, и такихъ врачей, и такихъ журналистовъ.

III.

Замѣчательно, что во всѣхъ этихъ разсказахъ, которыхъ я достаточно-таки наслушался отъ обитателей глухихъ мѣстъ и дорогой, и въ той самой «дырѣ», гдѣ я мирилъ найти идиллію, господствовала одна тема. Тема эта—полная одиночество и беспомощность въ провинціи человѣка, который не живетъ, какъ всё, не открываетъ кабаковъ или не занимается торговлей и промышленностью (хотя и эти жалуются), и болѣе чѣмъ унижительная зависимость отъ перваго встрѣчнаго, которому почему-либо не понравится ваша, хотя бы самая скромная, маленькая дѣятельность, не похожая на обычную дѣятельность большинства.

Не одно только мѣстное начальство—исправникъ и земскій начальникъ, не одинъ только становой, урядникъ или волостной старшина и писарь, но даже посторонній первый «прохвостъ» можетъ причинить вамъ столько неприятностей, что не оберетесь. Господствующее общественное настроеніе въ такихъ глухихъ мѣстахъ еще ошутительнѣе, и борьба съ разными препятствіями за право жить не такъ, какъ всё, мелочнѣе, и унижительнѣе, и труднѣе. Или думай какъ всё, или уходи отсюда! Фактовъ такого отношенія не мало сообщается въ газетныхъ корреспонденціяхъ. Достаточно будетъ вспомнить лишь одинъ, и весьма характерный: это—удале-

не одного врача из писарской земства за то, что онъ, въ качествѣ свидѣтеля по дѣлу исправника Иванова, приговореннаго прошлою весной саратовскою судебною палатой къ тюремному заключенію на 10 мѣсяцевъ, съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ за варварскія истязанія крестьянъ при взысканіи недоимокъ,—показалъ не въ пользу обвиняемаго. Какъ видите, сочувствіе земской управы оказалось на сторонѣ истязателя.

Надо пожить хоть немного въ провинціи, чтобы рѣшительно ничему не удивляться. Тѣ подчасъ изумительныя исторіи, которыя, порой, черезъ судебную залу вырываются на свѣтъ Божій и попадаютъ на страницы газетъ въ видѣ судебныхъ отчетовъ, приподнимаютъ лишь незначительные уголки общей картины нашихъ нравовъ, хотя и ужасающіе по мрачному своему колориту. Оно и понятно. Въ суды, большею частью, попадаютъ трагическія дѣла, а разныя, не столь кричащія, дѣла остаются неизвѣстными. Не станеть же всякій, незаконно высѣченный или избитый, мужикъ жаловаться на земскаго начальника или на другого какого-нибудь чина. Надо что-нибудь ужь очень серьезное, въ смыслѣ членовредительства, чтобы явилась жалоба со стороны того самаго «мужика», выносливость и терпѣніе котораго ставится «патріотами своего отечества», какъ одна изъ главнѣйшихъ доблестей національнаго характера.

Въ послѣднее время что-то очень часто въ судахъ разбираются дѣла, свидѣтельствующія о жестокости нашихъ нравовъ.

Читатели *Русской Мысли* помнятъ, конечно, и о «бойнѣ», по выраженію г. прокурора, происходившей въ одномъ изъ тюремныхъ замковъ,— «бойнѣ», окончившейся нѣсколькими человѣческими жертвами, и объ истязаніяхъ при взысканіи недоимокъ, и объ убитыхъ и искалѣченныхъ въ сумасшедшихъ домахъ, и о многихъ подобныхъ же фактахъ, имѣвшихъ мѣсто въ провинціальныхъ палестинахъ и вызывавшихъ горячія, полныя паёоса, рѣчи гг. прокуроровъ. Конечно, правосудіе сдѣлало свое дѣло: виновные понесли кару, быть можетъ, большую, чѣмъ слѣдовало, если взглянуть на непосредственныхъ виновныхъ, какъ на людей невѣжественныхъ и не привыкшихъ къ пониманію законовъ, и умѣющихъ только усердствовать, иногда даже слишкомъ искренно, желая угодить начальству. Предписано: «взыскать недоимки»—и иной исправникъ готовъ перервать горло всякому недоимщику, чтобы только исполнить приказаніе точно, быстро и рачительно.

Но отъ того, что нѣсколько непосредственныхъ виновниковъ отправятся въ тюрьмы, нравы еще не смягчатся, и положеніе людей, зависимыхъ отъ слишкомъ дѣятельныхъ и исполнительныхъ агентовъ, едва ли измѣнится.

На-дняхъ въ газетахъ появился судебный отчетъ по дѣлу «о примѣненіи чинами сельской полиціи Рѣжницкаго уѣзда, Витебской губ., *нѣтокъ* при допросахъ по уголовнымъ дѣламъ».

Пытки въ концѣ девятнадцатаго вѣка, и, притомъ, какъ оказывается, практиковавшіяся подсудимымъ урядникомъ, въ компаніи другихъ сельскихъ

чиновъ, не годъ, не два, а цѣлыхъ 15 лѣтъ, такъ что населеніе было въ такой паникѣ, что не смѣло и жаловаться.

Ужасъ охватываетъ человѣка при чтеніи коротенькаго судебного отчета, — коротенькаго, ибо, вѣдь, это дѣло считается газетами не «громкимъ» дѣломъ, вродѣ дѣла Палемъ, когда газеты, кромѣ отчета, помѣщали еще отдѣльныя замѣтки «изъ залы суда», — ужасъ и стыдъ. Я не стану передавать содержаніе дѣла, — это сдѣлаетъ, конечно, мой собратъ, авторъ *Очерковъ провинціальной жизни*, — но я позволю себѣ обратить вниманіе читателя только на характерныя подробности о докторѣ, объ исправникѣ и становомъ.

Докторъ, свидѣтельствовавшій при предварительномъ дознаніи трупъ умершаго отъ пытокъ мальчика, подвѣшенный потомъ на дерево, чтобы возможно было предположить самоубійство, призналъ многочисленныя полосы и синеу на тѣлѣ «трупными пятнами», а рану на головѣ — происшедшею отъ удара о дерево при самоповѣшеніи. Только потомъ, когда дѣло разбиралось на судѣ, г. Елизаровъ, — тотъ врачъ, хотѣвшій прикрыть злодѣйство, — объявилъ, что онъ *ошибся*, дѣлая первое заключеніе.

Хороша ошибка!

Не менѣе любопытно еще и слѣдующее обстоятельство. Исправникъ (фамилія его нѣтъ въ отчетѣ), которому было поручено прокурорскимъ надзоромъ произвести новое дознаніе въ виду того, что первое, произведенное становымъ приставомъ Пьянковымъ при участіи уѣзднаго врача Елизарова и утверждавшее фактъ самоповѣшенія, показалось прокурорскому надзору недостаточнымъ, тоже не могъ ничего открыть. Преступленіе обнаружилось только благодаря настойчивости прокурорскаго надзора, поручившаго произвести новое дознаніе (третье) жандармскому офицеру, г. Жданъ-Пушкину.

«Да, жестокіе у насъ, сударь, нравы!» — могъ бы сказать и теперь, какъ говорилъ много лѣтъ назадъ Кулибинъ въ *Грозѣ* Островскаго, и едва ли правъ товарищъ прокурора судебной палаты, обвинявшій подсудимыхъ, сказавъ, что дѣло это «безпримѣрное».

У насъ не только въ такимъ процессамъ равнодушны, но, пожалуй, немногіе ихъ читаютъ, тѣмъ болѣе, что наши газетчики не обращаютъ вниманія на нихъ читателей хотя бы двумя-тремя строчками.

IV.

Въ послѣдніе годы особенно часто рекомендуютъ интеллигенціи ѣхать въ деревню и тамъ заниматься хорошими дѣлами: открывать школы, помогать добрыми совѣтами народу и все въ такомъ родѣ... Въ современныхъ повѣстяхъ и романахъ, — по крайней мѣрѣ, такихъ, въ которыхъ не описывается на всѣ лады одинъ адюльтеръ, — разочарованный герой обязательно ѣдетъ воспрять духомъ въ деревню, а героиня, благородство ко-

торой хочет показать авторъ, послѣ разочарованія въ мужъ, укравшемъ на другой же день послѣ свадьбы все серебро, полученное въ приданое, непременно посылается авторомъ опять-таки въ деревню или отгрызывать школу, или поступать въ сидѣлки къ больнымъ. Современные драматурги тоже изрѣдка прибѣгаютъ къ такимъ совѣтамъ, благо на то ихъ княжая воля. Хочешь—сошли въ деревню, хочешь—выдай героиню замужъ за одного изъ тѣхъ французскихъ маркизовъ, которые публикуются въ газетахъ,—отъ этого, все равно, глупость и бездарность современныхъ пьесъ не измѣнится.

Многіе изъ молодыхъ людей, ищущихъ выхода изъ того мрака жизни, который они чувствуютъ вокругъ себя, и не умѣющихъ по примѣру своихъ сверстниковъ приспособляться къ дѣйствительности, и ѣдутъ въ деревню, самоотверженно гибнуть тамъ въ холерные годы и самоотверженно работаютъ во время голода. Но! не ежегодно, не всегда же бываетъ холера и такой голодъ, какъ въ недавнее время. Тогда они, эти люди, ищущіе какого-нибудь дѣла, стараются по возможности найти его по своему вкусу, но всѣ эти дѣла—и, замѣтьте, самыя обыкновенныя, вродѣ обученія грамотѣ или объясненія крестьянамъ ихъ правъ и обязанностей—такъ же не тверды, какъ домъ, построенный на пескѣ. Какой-нибудь первый кулакъ-проходимецъ, какой-нибудь урядникъ, имѣющій претензіи на государственныя соображенія, и... уѣзжайте скорѣй изъ деревни, бросивши дѣло.

Припомните недавнюю исторію г-жи Штевенъ. Она дѣлала доброе дѣло, заводила школы, собирала на нихъ пожертвованія отъ добрыхъ людей и вся отдалась этому дѣлу, какъ вдругъ... одному земскому начальнику дѣятельность г-жи Штевенъ показалась вредной. Поднимается дѣло. Хотя вице-губернаторъ, командированный на мѣсто для разслѣдованія этого дѣла, и нашелъ дѣятельность г-жи Штевенъ весьма полезною, хотя земскій начальникъ и получилъ отъ губернатора выговоръ, тѣмъ не менѣе, г-жѣ Штевенъ распоряженіемъ мѣстнаго епархіальнаго начальства воспрещено открывать школы.

Вмѣстѣ съ рекомендаціями ѣхать «дѣлать дѣла» въ деревнѣ у насъ въ послѣдніе годы вообще усиленно проповѣдуются «маленькія дѣла», какъ панацея для медленнаго, но вѣрнаго достиженія всеобщаго благополучія.

Я, разумѣется, не стану отрицать относительную полезность всѣхъ этихъ маленькихъ дѣлъ, на которыя набросилась съ такимъ рвеніемъ известная часть, конечно, лучшаго общества, но когда меня станутъ увѣрять, да еще съ самодовольнымъ апломбомъ, что нѣсколько заведенныхъ школъ или пріютъ на семь малютокъ, или домъ призрѣнія двадцатъ нищихъ есть тотъ идеалъ полезной дѣятельности, благодаря которому все исправится, то я сочту такихъ самодовольныхъ филантроповъ, готовыхъ выѣденное яйцо возвести въ перлъ созданія, за большихъ, хотя и добродѣтельныхъ болвановъ, забывающихъ, что нѣсколько школъ тамъ

гдѣ требуются ихъ многія тысячи, забота о нѣсколькихъ малюткахъ, когда сотни тысячъ ихъ гибнутъ въ бурныхъ избахъ, и въ подвигахъ призрачнѣи двадцати нищихъ, когда тысячи ихъ погибаютъ въ пьянствѣ и развратѣ,— что все это такъ же мало можетъ измѣнить условія жизни, какъ мало вычерпнетъ ковшикъ воды изъ океана, и что не маленькими, хотя и полезными, дѣлами дѣлается исторія, а тѣми широкими идеями и тѣми носителями ихъ, которые считаются нерѣдко современниками безумцами.

И литература наша, въ особенности беллетристика, тоже особенно полюбила въ послѣднее время разныхъ добродѣтельныхъ героевъ, дѣлающихъ маленькія дѣла, и старается возбудить къ нимъ (и не безъ успѣха) сочувствіе читателя.

Въ прежнее время—дурно или хорошо, бездарно или талантливо—и беллетристика выводила героевъ, которые мечтали о благополучіи *естьяхъ*, непременно всѣхъ, на меньшее герой никакъ не соглашался,—а теперь напротивъ: герои вполне довольны (и съ ними, конечно, ихъ авторы), если они заведутъ сыроварню, или устроятъ больницу, или построятъ узкоколейную дорогу, или, наконецъ, поселятся въ деревнѣ и станутъ учить мужика не пьянствовать, или устроятъ продажу народныхъ книгъ.

И, что всего при этомъ интереснѣе, что всѣ эти герои удивительно легко достигаютъ цѣлей: и сыроварни устраиваютъ, и больницы, и книги продаютъ полезныя, и мужиковъ просвѣщаютъ, и ни одинъ урядникъ не ставитъ имъ препонъ... Напротивъ, и самъ онъ, въ концѣ-концовъ, проникается добродѣтелью героя и кончаетъ тѣмъ, что перестаетъ пить и носить съ собою нагайку, а по вечерамъ читаетъ съ восторгомъ изданія «Посредника».

У.

Поездъ подходилъ къ Кіеву. Распростившись съ трепещущимъ учителемъ и съ врачомъ, восстанавливающимъ свою невинность, и пожелавъ имъ отъ души всякихъ успѣховъ, я прямо съ желѣзной дороги поѣхалъ на пароходъ, который долженъ былъ привести меня къ желанной «идилліи».

По дорогѣ я заѣхалъ на телеграфъ, и тамъ ужъ началась «идиллія».

Въ комнатѣ дожидался какой-то мужикъ съ телеграммой. Сталъ и я. Господа телеграфисты въ это время мирно бесѣдовали, обращая на насъ двоихъ такъ же мало вниманія, какъ много мы обращали на нихъ.

Прошло такъ нѣсколько минутъ. Я нарочно молчалъ, выжидая, когда окончится бесѣда телеграфистовъ. Но терпѣніе мое истощилось и я просилъ принять телеграмму. Тогда только телеграфистъ взглянулъ на меня, и такъ враждебно, точно я нанесъ ему кровную обиду, желая обогатить телеграфное вѣдомство на 65 к., и протянулъ руку за депешей.

— Тутъ раньше дожидаются. Примите по очереди депешу,—проговорилъ я.

Къ выраженію враждебности въ лицѣ телеграфнаго чиновника приба-

вилось еще выраженіе такого дикаго изумленія, точно онъ видѣлъ передъ собою человѣка, только что вырвавшагося изъ сумасшедшаго дома.

— Онъ подождетъ!—сказалъ недоумѣвающимъ телеграфистъ.

— Я подожду,—покорно произнесъ мужикъ.

Пароходъ Днѣпровскаго общества оказался довольно грязнымъ, какъ и слѣдовало ожидать, но я охотно ввѣрилъ свою жизнь капитану, увѣренный, что здѣсь, при всемъ его желаніи, потонуть невозможно. Берега близки и мѣстами рѣка такъ мелка, что мы то и дѣло притыкались къ мели.

Въ полночи, послѣ семичасоваго плаванія, я уже былъ въ обѣтованной землѣ и дышалъ чуднымъ воздухомъ прелестной іюльской ночи.

К. Станюковичъ.

Письмо въ редакцію.

Милостивый государь, господинъ редакторъ! Въ октябрьской книжкѣ издаваемаго вами журнала напечатано письмо г. Московскаго обывателя. Отдавая должную дань справедливости вашему безпристрастію, благодаря которому письмо это могло появиться на страницахъ *Русской Мысли*, я считаю своимъ долгомъ, какъ консерваторъ, высказаться противъ крайностей и односторонности г. Московскаго обывателя, которыя производять нѣкоторое смущеніе въ нашемъ лагерѣ.

Неправильно и неблагоуразумно, взявшись за защиту охранительныхъ идей, вести эту защиту до сведения въ нелѣпому (*reductio ad absurdum*). Г. Московскій обыватель забываетъ, что мы, огражденные въ нашей самобытности съ Востока Китаемъ, Афганистаномъ и Персіей, имѣемъ по другую сторону не близкую нашему сердцу Абиссинію, а Западную Европу, которую «закидать шапками» нѣтъ никакой возможности. Не подобаешь поэтому истинному консерватору возставать противъ народнаго образованія вообще. Оно, при нынѣшнихъ международныхъ условіяхъ, необходимое для насъ зло, и надо только позаботиться, чтобы приобрѣтеніе специальныхъ знаній сопровождалось возможно меньшимъ такъ называемымъ «развитіемъ», подъ которымъ либералы наши разумѣютъ пробужденіе и укрѣпленіе человѣческаго достоинства, усиленіе чувства законности въ русскомъ народѣ и т. п. Надо больше дѣлать, чѣмъ возвѣщать, и не возвѣщать всего того, что собираешься дѣлать. Если князь Мещерскій принужденъ съ будущаго года сократиться въ семь разъ и издавать вмѣсто ежедневной газеты еженедѣльную, то не свидѣтельствуетъ ли это, что охранители-публицисты, не компрометируя себя, не должны выставлять своихъ вожделѣній съ неблагоуразумною откровенностью? Приведу два примѣра. Въ нашемъ уѣздѣ возникла среди мѣстнаго дворянства такая мысль: ходатайствовать передъ правительствомъ, чтобы каждый дворянинъ, не опороченный по суду и не заподозрѣнный въ либеральномъ образѣ мыслей, считался состоящимъ на государственной службѣ и получалъ окладъ, соответствующій тому образу жизни, который долженъ вести первенствующее въ государствѣ сословіе. Я и мои единомышленники возстали противъ этого предложенія и успѣли убѣдить другихъ въ его несвоевременности.

Другой примѣръ. Въ московской городской думѣ отъ времени до времени возникаетъ вопросъ о необходимости контроля надъ общественными средствами, которыя тратятся для пользы и нуждъ города. Неблагодарно отрицать въ принципѣ такой контроль: это можетъ вызвать не только крики среди либераловъ, которыми справедливо пренебрегаетъ г. Московскій обыватель, но и живыя опасенія среди городскихъ плательщиковъ, никакого образа мыслей не имѣющихъ и составляющихъ, въ сущности, нашу главную опору. Поэтому я считаю въ высшей степени тактичнымъ докладъ ревизіонной комиссіи московской городской думъ: она предлагала думѣ признать неправильною запись на расходъ въ 71 руб. 40 коп., полученные за порожніе кули изъ-подъ овса, и таковую же сумму снести на расходъ по ассенизаціонному обозу; что же касается многомилліонныхъ расходовъ по другимъ статьямъ, то ихъ полностью утвердить. При такой постановкѣ дѣла и принципъ контроля, любезный либераламъ, былъ бы не нарушенъ, и контролируемая сумма оказалась бы безобидною. Къ сожалѣнію,—въ этомъ я расхожусь съ г. Московскимъ обывателемъ,—московская дума не всегда руководствуется «русскимъ духомъ»: она не одобрила заключеній ревизіонной комиссіи. Къ счастью, дума не пошла дальше по этому скользкому пути и утвердила денежный отчетъ управы за 1894 годъ.

На основаніи всего сказаннаго, принимая въ соображеніе, что каждая новая школа создаетъ и новыхъ враговъ намъ, охранителямъ,—а новыя школы, скрѣпя сердце, приходится, все-таки, открывать,—я и считаю неблагоприятнымъ письмо г. Московскаго обывателя.

Умѣренный консерваторъ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Ноябрь

1895 года.

Содержаніе. I. Книги: Беллетристика.—Философія, психологія и педагогика.—Исторія, мемуары и біографіи.—Путешествія.—Политическая экономія.—Юридическія книги.—Естествознаніе.—Сельское хозяйство.—Техническія книги.—Медицина.—Учебники и книги для дѣтей.—Изданія для народа.—Справочныя книги. II. Периодическія изданія: «Русское Обозрѣніе», октябрь.—«Русскій Вѣстникъ», октябрь.—«Вѣстникъ Европы», октябрь.—«Русское Богатство», сентябрь.—«Миръ Божій», сентябрь и октябрь. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 октября по 1 ноября 1895 года.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Отверженный“. Д. С. Мережковского. — „Цвѣтокъ олеандра“. К. М. Длуцкого. — „Таинственные рассказы“. Эдгара По.

Отверженный. Романъ въ двухъ частяхъ Д. С. Мережковского. Спб., 1896 г. Цѣна 1 р. 50 к. Г. Мережковский выбралъ для своего историческаго романа очень интересное время послѣдней борьбы угасавшаго язычества противъ торжествовавшаго надъ нимъ христіанства. Герой романа *Отверженный*, римскій императоръ Юліанъ, почти совершенно незнакомъ массѣ читающей публики, знающей только, что жилъ-былъ когда-то Юліанъ-Отступникъ, который, умирая, воскликнулъ: „Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!“ Но что за личность этотъ „отступникъ“, почему онъ сдѣлался „отступникомъ“, какимъ онъ подчинялся побужденіямъ, какія были у него цѣли, къ достиженію какихъ идеаловъ онъ стремился и какія употреблялъ для того средства, — все это большинству читающей публики осталось неизвѣстнымъ до появленія въ свѣтъ романа г. Мережковского, а послѣ прочтенія этого романа тотъ, кто объ императорѣ Юліанѣ имѣлъ понятіе смутное, и тотъ, кто зналъ его только по имени, получить о немъ понятіе не только неясное, но и превратное. Почти одновременно съ произведеніемъ г. Мережковского вышелъ въ свѣтъ и переведенъ на русскій языкъ романъ нѣмецкаго писателя Феликса Дана, озаглавленный *Юліанъ-Отступникъ*, плохой романъ и скучный, въ которомъ дѣйствуютъ и говорятъ не римляне и греки на конечной грани античнаго міра, а такіе же нѣмцы, какихъ изобразилъ Георгъ Эберсъ въ костюмахъ и въ обстановкѣ древнихъ египтянъ, персовъ, грековъ и римлянъ въ своихъ псевдо-историческихъ, вѣрнѣе же—„антикварныхъ“, романахъ. Беллетристическая археологія и романическое антикварство имѣютъ, несомнѣнно, свою цѣну, и очень большую цѣну, когда они представляютъ собою историческую раму къ исторически вѣрнымъ картинамъ

и портретамъ, какъ въ *Саламбо* и *Иродиадъ* Флобера, какъ въ *Камо грядеши* и *Пойдемъ за Нимъ* Генрика Сенкевича. Въ романахъ же Эберса, Дана и другихъ, до г. Мережковского включительно, вся эта археологія есть ничто иное, какъ старательная и бьющая въ глаза „выписка“ аксессуаровъ на тусклой картинѣ, невѣрной по своему существу. Со второй главы романа *Отверженный*, въ которой впервые появляется на сцену Юліанъ, читатель получаетъ совершенно неправильное представление о герояхъ романа и о близкихъ ему людяхъ, имѣвшихъ огромное влияние на его развитіе. Повѣривши повѣствованію г. Мережковского, читатель подумаетъ, будто Юліанъ совсѣмъ еще ребенкомъ, лѣтъ девяти-десяти, былъ сосланъ въ Каппадокію, вмѣстѣ съ старшимъ братомъ Галломъ, будто оба брата жили чуть не въ нищенской обстановкѣ, будто учитель Юліана, Мардоній, былъ плохонькій старичишка, и т. д. Въ дѣйствительности, все это далеко не такъ. Замокъ Македлы (*fundus Maselli*) былъ великолѣпнымъ царскимъ жилищемъ, молодые принцы были окружены большою роскошью и многочисленнымъ дворомъ, Галлъ задавалъ банкеты съ играми и зрѣлищами. Юліанъ привезенъ въ Македлы двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, получившимъ въ Константинополѣ начальнаго и блестящаго образованія *), и едва ли могъ лакомиться пышками старой няньки, играть „въ кораблики“, шаловливо бѣгать потихоньку къ молоденькимъ сосѣдкамъ, ночевать въ пустомъ языческомъ храмѣ. Анахронизмы допустимы, конечно, въ беллетристическомъ произведеніи, когда они нужны автору для художественныхъ цѣлей. Въ данномъ случаѣ ничего подобнаго мы не видимъ и, наоборотъ, находимъ, что допущенныя авторомъ неточности ведутъ только къ затѣмнѣнню дѣйствительности, къ искаженію тѣхъ фактическихъ основаній, на которыхъ развивались характеры Галла и Юліана. Изъ неизвѣстныхъ намъ источниковъ взятая г. Мережковскимъ сцена появленія трибуна Скудило съ толпою пьяныхъ солдатъ ночью въ спальнѣ молодыхъ принцевъ, шутовская роль, навязанная авторомъ при этомъ Мардонію, оказываются уже не анахронизмомъ, а произвольнымъ извращеніемъ дѣйствительности, дающимъ читателю совершенно превратное представление о положеніи дѣлъ, вообще, и объ истинномъ положеніи племянниковъ императора въ ихъ роскошно обставленномъ заключеніи. На самомъ дѣлѣ, при всей свободѣ забавляться, наслаждаться, дѣлать что угодно въ оградѣ замка и его парка, молодые люди находились подъ самымъ тщательнымъ и длительнымъ надзоромъ, никакъ не могли бѣгать куда имъ вздумается, и доступъ къ нимъ постороннимъ людямъ былъ совершенно невозможенъ, въ особенности же цѣлому отряду солдатъ съ трибуномъ во главѣ... Если бы г. Мережковский держался доподлинныхъ и достовѣрныхъ свѣдѣній о жизни Галла и Юліана въ бывшей резиденціи каппадокійскихъ царей, онъ могъ бы дать намъ въ высшей степени любопытную картину заточенія императорскихъ родственниковъ, „окруженныхъ всею блестящею церемональностью и великолѣпною обстановкой придворной жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ лишенныхъ всякой свободы въ своемъ почетномъ заключеніи“ **) Объясненія, которыя г. Мережковский даетъ нерасположенію Юліана къ христіанству и предпочтенію, оказываемому имъ язычеству, на

*) *Императоръ Юліанъ и его отношенія къ христіанству*, сочин. Я. Алфіонова, диссертация магистра духовной академіи. По другимъ извѣстіямъ, Юліану было 14 лѣтъ (*E. Lamé: „Julien l'Apostat.*)

**) Тамъ же.

столько слабы и легковѣсны, чтобы не сказать—наивны, что ими только спутывается все дѣло и черезъ то извращается до неузнаваемости личность Юліана, неловѣка, несомнѣнно, выдающихся способностей и очень большого ума, опаснѣйшаго изъ всѣхъ когда-либо существовавшихъ противниковъ христіанства. Въ извѣстной брошюрѣ Штрауса, ради особливыхъ цѣлей и съ большими натяжками, Юліанъ представленъ „романтикомъ на тронѣ цезарей“. Никакихъ подобнаго рода цѣлей г. Мережковскій не имѣлъ, вѣроятно, а просто не понялъ ни характера изображаемой личности, ни тѣхъ сложныхъ обстоятельствъ, которые вовлекли Юліана въ безплодную борьбу съ ученіемъ христіанскимъ, столь противоположнымъ эллинскому духу и міровоззрѣніямъ древняго Рима. Во имя блестящей цивилизаціи и ради величія имперіи возсталъ Юліанъ противъ религіи, которая, по весьма близкому къ истинѣ мнѣнію аристократа-цезаря, философа и эстетика, грозила стереть съ лица земли всю античную культуру съ ея науками, искусствами и всемірнымъ владычествомъ. Предшественники Юліана и слѣдовавшіе за нимъ императоры нашли болѣе для себя удобнымъ и подходящимъ ко времени воспользоваться христіанствомъ и забрать его въ свои руки, сдѣлавши государственною религіей и себя самихъ подставивши на мѣсто Христа... Насколько имъ это удалось, здѣсь говорить не мѣсто. Юліанъ пытался сдѣлать нѣчто подобное, только безъ христіанства, при помощи античнаго язычества, имъ обновленнаго и реформированнаго на началахъ философіи и чистаго разума. Въ своемъ выборѣ и въ послѣдовавшей затѣмъ борьбѣ онъ упустилъ изъ вида, что на его сторонѣ всѣ „эллинскія прелести и мудрость“, вся сила самовласти и древней религіи, но безъ вѣры, а на противной сторонѣ—простая, но ничѣмъ несокрушимая вѣра. Упустилъ это изъ вида и г. Мережковскій въ своемъ романѣ. Онъ очень хорошо изобразилъ чиновничій и буржуазный индифферентизмъ, съ которымъ искатели выгоды переходили изъ язычества въ христіанство, потомъ обратно въ язычество, затѣмъ обратно въ христіанство,—куда вѣтеръ подуетъ на правительственныхъ верхахъ. Авторъ также хорошо передалъ настроеніе черни, бѣгущей съ одинаковымъ увлеченіемъ на христіанскія торжества и на кровавыя потѣхи цирка. Еще лучше изобразилъ г. Мережковскій яростныя распри сектантовъ, позорившихъ церковь первыхъ вѣковъ христіанства. Но все это вышло въ романѣ отрывочно и безсвязно, необъединеннымъ во что-либо дѣльное опредѣленной идеей. Произошло же это опять-таки отъ того, что, вмѣсто очень крупной,—хотя и попадавшей иногда въ комическія положенія,—личности Юліана, все дѣйствіе вертится вокругъ ничтожнаго и жалкаго декадента чисто-современнаго пошиба,—вокругъ сбитаго съ толку, доходящаго подъ конецъ до настоящаго безумія. Вмѣсто серьезныхъ личностей послѣднихъ языческихъ философовъ, въ романѣ дѣйствуютъ пустомели и плуты, которые никоимъ образомъ не могли вліять на Юліана настолько обаятельно, какъ то показано въ романѣ и какъ то было въ дѣйствительности. Называя множество ни на что не нужныхъ сценъ, весьма сомнительной правдивости и прямо вымышленныхъ и неправдоподобныхъ, втискивая, довольно насильственно, въ романъ лишнія фигуры и событія собственного сочиненія, г. Мережковскій пропускаетъ не мало сценъ интереснѣйшихъ и важныхъ для характеристики Юліана, его современниковъ и изображаемой эпохи. Таковы, на примѣръ, сцена прощанія восемнадцати-лѣтняго Юліана съ Галломъ, объявленнымъ цезаремъ Востока съ обязательствомъ жениться на

сестрѣ императора. Далѣе совершенно скопировано все время пребыванія Юліана при дворѣ въ Миланѣ, безъ выясненія оставлены крайне интересныя отношенія молодого принца къ императрицѣ Евсевіи. Въ высшей степени важное и характерное для Юліана свиданіе его и бесѣда съ императоромъ Констанціемъ переданы въ трехъ строкахъ и въ самомъ искаженномъ видѣ. И, наоборотъ, множеству незначительнѣйшихъ сценъ посвящены цѣлыя главы. Впрочемъ, и весь романъ, слѣпленный изъ случайно нахватанныхъ обрывковъ, написанъ необыкновенно тягуче и удручающе скучно. Мы не станемъ перечислять всѣхъ недочетовъ и промаховъ, замѣченныхъ нами въ романѣ г. Мережковского, — это заставило бы насъ далеко выйти изъ рамокъ библиографическаго отзыва. Но мы не можемъ пройти молчаніемъ предисловіе къ роману, въ которомъ авторъ сообщаетъ, что его *Отверженный* есть только часть „Трилогіи“. Вторая часть будетъ озаглавлена *Воскресшіе боги*; „ея герой — Леонардо да Винчи, эпоха — итальянское возрожденіе“. Противъ этого возразить нечего, можно только пожелать, чтобъ авторъ взялъ на себя трудъ болѣе тщательно изучить то время и болѣе глубоко вдуматься въ смыслъ избранной имъ эпохи, тѣмъ онъ сдѣлалъ это для Юліана. Но третья часть „Трилогіи“ привела насъ въ большое недоумѣніе, — она будетъ озаглавлена *Петръ и Алексѣй*, „т.-е. Новый Міръ“, — поясняетъ г. Мережковский. Послѣ „конца античнаго міра и языческихъ боговъ“ есть достаточныя основанія перейти къ Возрожденію, а при чемъ могутъ тутъ быть царь Петръ Алексѣевичъ и несчастный царевичъ Алексѣй Петровичъ, это уму непостижимо. Торжество христіанства при Юліанѣ, возрожденіе наукъ и искусства въ Италіи имѣли, несомнѣнно, огромное мировое значеніе. За ними на третьемъ мѣстѣ могли быть поставлены Реформація и Революція, которыми опредѣляются важнѣйшіе переломы въ культурной исторіи человѣчества и въ религиозной жизни всего цивилизованнаго міра. Но при чемъ же тутъ Петръ I? Увлеченный символизмомъ сочинитель, очевидно, перемудрилъ и хватилъ черезъ край.

Цвѣтокъ олеандра. Разказы К. М. Длусскаго, рисунки В. Навозова. Спб., 1895 г. Цѣна 1 руб. 25 коп. Передъ нами отличная изданная книжка, въ эффектной обложкѣ, напечатанная на хорошей бумагѣ красивымъ и четкимъ шрифтомъ, украшенная виньетками очень талантливаго художника В. Навозова. На эту книжку нельзя не обратить вниманія, если увидишь ее выставленною въ витринахъ и на прилавкахъ книжныхъ магазиновъ. Совершенно иное впечатлѣніе получается, когда прочтешь десять, двѣнадцать страницъ перваго произведенія г. Длусскаго. Впечатлѣніе — такое, что это переводъ, и, притомъ, довольно плохой переводъ, съ какого-нибудь иностраннаго языка. Мы нашли даже нужнымъ вернуться опять къ заглавному листу и удостовѣриться, что *Цвѣтокъ олеандра* (заглавіе перваго разказа) — произведеніе оригинальное, а не переводное, какъ это показалось намъ, и потому еще, что дѣйствіе происходитъ въ Швейцаріи и героиня разказа — юная итальянка, находящаяся подъ надзоромъ гувернантки англичанки, другая дама — француженка, шансонетная пѣвица, дѣйствующія лица — итальянцы Джузеппе, Гаэтано и т. д. Г. Длусскій пишетъ: „Да, это правда, — оживленно заговорила хорошенькая, смуглая дѣвушка изъ рынка...“ „При его плохо сколоченной фигурѣ съ длинными руками...“ „Поповъ началъ разказывать своимъ дамамъ про сегодняшнюю прогулку ея...“ — вмѣсто „свою“, такъ какъ онъ про себя разказывалъ. Въ немъ „легко было узнать одного изъ тѣхъ нашихъ

бѣдныхъ школьныхъ тружениковъ, классическія гимназіи у которыхъ латынью и греческимъ языкомъ выжали послѣднія капли алой крови“. Французенка проситъ Попова „открытъ“ (вмѣсто „отпереть“) замокъ...“ „Не можете ли вы мнѣ дать, ну, въ крайности, занять“ (вмѣсто „ссудить“) пять франковъ...“ Въ этихъ пяти франкахъ вся суть повѣсти, занимающей треть книги. Юная итальянка дала Джузеппе „на выпивку“ пять франковъ за то, что итальянецъ помогъ Попову остановить обозлившагося осла. У Попова денегъ нѣтъ, дядя отказываетъ ему въ просьбѣ дать взаймы („занять“,—по выраженію автора) пятифранковикъ. Молодой человекъ мучается тѣмъ, что про него подумаютъ хорошенькая Лолла и ея наставница, которыя объ этихъ деньгахъ давно забыли, и выпрашиваетъ пять франковъ у шансонетной пѣвицы. Деньги эти онъ отдаетъ итальяночкѣ, когда та сидитъ уже въ вагонѣ, а дѣвушка даритъ ему на память цвѣтокъ олеандра... И сказка вся тутъ. Слѣдующій разсказъ, съ заглавіемъ *Часы съ курантами*, напомнилъ намъ страшныя-престрашныя повѣсти г-жи Радклиффъ, англійской писательницы конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія. Лѣтъ восемьдесятъ-девяносто назадъ ея романами зачитывались, и, на самомъ дѣлѣ, писательница она была талантливая. А г. Длусскій, судя по прочитанной нами книгѣ, талантомъ не богатъ и своими разсказами о пустынномъ замкѣ, его сказочномъ великолѣпіи, похищеніяхъ юныхъ красавицъ, братоубійствахъ и другихъ ужасахъ, до появленія въ „черной“ комнатѣ ожившей статуи преступнаго монаха,—вызываетъ только улыбку сожалѣнія надъ бессильными покушеніями взволновать читателя. Остальные разсказы (всѣхъ ихъ восемь) размѣрами меньше вышеуказанныхъ и только этимъ, развѣ, лучше ихъ.

Таинственные разсказы. Эдгара По. Переводъ съ англійскаго К. Д. Бальмонта. Изданіе князя А. И. Урусова. Москва, 1895 г. Цѣна 1 руб. Объ авторѣ *Таинственныхъ разсказовъ*, Эдгаръ По или Эдгаръ Поэ, какъ называли у насъ въ старые годы и теперь многие называютъ знаменитаго писателя, мы говорили въ нашемъ *Библиографическомъ отдѣлѣ* (Русск. Мысль 1895 г., кн. III) при разборѣ переведенныхъ г. Бальмонтомъ *Балладъ и фантазій* того же удивительнаго автора, одареннаго огромнымъ, но необыкновенно страннымъ, „тяжелымъ“ талантомъ. Фантазія автора, въ болѣзненномъ напряженіи, не останавливается передъ границами возможнаго въ дѣйствительности и почти въ каждомъ разсказѣ переноситъ читателя въ міръ страшныхъ грѣзъ, наводящихъ ужасъ тѣмъ, что все передаваемое авторомъ представляется правдоподобнымъ подъ вліяніемъ захватывающей человѣка ідеи fixe, неудержимо влекущей его къ совершенію поразительно безумныхъ дѣяній или же къ твердому убѣжденію въ томъ, что имъ совершено нѣчто, выходящее изъ ряда нормальныхъ явленій и противное всѣмъ законамъ природы. Съ особенною силой изображаетъ Эдгаръ По постепенное развитіе ничтожной ненормальности мышленія, разрастающейся шагъ за шагомъ въ полную потерю сознанія, въ какую-то роковую невозможность бороться противъ наступающаго безумія, то вынуждающаго совершать безсмысленныя преступленія, то неудержимо заставляющаго публично объявить о томъ, что было подготовлено и сдѣлано съ величайшею осторожностью, съ такою обдуманностью, что никому не могло бы въ госторю придти ни малѣйшаго подозрѣнія. Послѣдовательный переходъ случайнаго впечатлѣнія къ безумной идеѣ, обусловившей бессмысленно-дикій поступокъ, изображенъ въ разсказѣ *Береника*; ничѣмъ не объяснимое, кромѣ

быстро развившагося сумасшествія, заявленіе о совершенномъ преступленіи передано необыкновенно живо въ разсказѣ *Демонъ извращенности*; соединеніе того и другого, выраженного одинаково поразительно, мы имѣемъ въ разсказѣ *Сердце-изобличитель*... Наибольше же сильное впечатлѣніе,—на насъ, по крайней мѣрѣ,—производитъ разсказъ *Вильямъ Вильсонъ*,—повѣствованіе (какъ и большинство разсказовъ Эдгара По) отъ перваго лица юноши о томъ, какъ онъ жилъ, учился, развивался и нравственно падалъ, имѣя вначалѣ постоянно, потомъ все рѣже и рѣже, рядомъ съ собою другого Вильяма Вильсона, враждебнаго его дурнымъ наклонностямъ, постоянного двойника-обличителя, пытавшагося удержать его отъ дурныхъ поступковъ. Само собою разумѣется, что этотъ мнимый двойникъ былъ ничѣмъ инымъ, какъ внутреннею раздвоенностью, живымъ въ сознаніи молодого человѣка протестомъ противъ его позорныхъ стремленій, которыя, въ концѣ-концовъ, побѣдили, однако. Всѣ подобныя разсказы, представляющіе собою, по большей части, тяжелый бредъ разстроенаго воображенія, имѣютъ, тѣмъ не менѣе, глубокой смыслъ поразительно яркихъ иллюстрацій тѣхъ страшныхъ опасностей, которыя подстерегаютъ каждаго человѣка, не желающаго сдержатъ себя въ критическій моментъ первыхъ приступовъ маніи, когда въ своемъ зародышѣ она можетъ быть названа русскимъ словомъ „блажь“. Представивши въ необычайно живыхъ образахъ развитіе несдержанныхъ во-время порываній, авторъ показываетъ и доказываетъ, что въ душѣ человѣка есть нѣчто, столь могуче протестующее противъ всего злого, что раскрытіе преступленія является неизбежнымъ, внутренне необходимымъ послѣдствіемъ его совершенія. Вообще, переводы г. Бальмонта очень хороши, часто безукоризненны. На этотъ разъ мы, къ сожалѣнію, не видимъ той всегдашней тщательности и отдѣланности, которою отличаются другія произведенія г. Бальмонта. Не имѣя подъ руками оригинала, мы затрудняемся указать съ полною опредѣленностью частныя погрѣшности перевода. Напримѣръ, на стр. 55: „Они (подвалы) *выложены* селитрой“; на стр. 59: „Я *открылъ* бутылку“,— вмѣсто откупорилъ; на стр. 60: „*огцпенный* факелъ“... На стр. 54: „Какъ отлично *выглядите* вы сегодня“... Но это все не такъ существенно, какъ то, что во всей книгѣ не чувствуется того увлеченія переводчика своимъ оригиналомъ, которое одно даетъ способность воспроизвести не только содержаніе, но и тонъ, всѣ неуловимыя особенности автора подлинника. Мы не можемъ объяснить всего этого ничѣмъ инымъ, какъ спѣшностью работы такого опытнаго и талантливаго переводчика, какъ г. Бальмонтъ.

ФИЛОСОФІЯ, ПСИХОЛОГІЯ И ПЕДАГОГИКА.

„Auguste Comte et Herbert Spenser“, par E. de Roberty.—„Душевныя свойства женщинъ“. П. О. Кантерева.—„Изъ записокъ сельской учительницы“. А. А. Штоссъ.

Auguste Comte et Herbert Spenser, contribution à l'histoire des idées philosophiques au XIX-e siècle par E. de Roberty. Bibliothèque de philosophie contemporaine. Paris, 1895. Въ этой книгѣ нашъ извѣстный соотечественникъ продолжаетъ развивать свое оригинальное міровоззрѣніе, которое представляетъ собою синтезъ обычныхъ положеній позитивной философіи съ индивидуальными взглядами самого автора. Стоя на своей давнишней позиціи, утверждая, что по-

зитивизмъ не имѣеть ни права, ни основанія воздерживаться отъ познанія вещей въ себѣ, г. де-Роберти разбираетъ нѣкоторые тезисы Конта и Спенсера и старается показать несомнѣстимость монизма и агностицизма въ одной и той же философемѣ. Для него является неомнѣннымъ, что высшіе запросы человѣческой мысли могутъ найти себѣ удовлетвореніе и въ области метафизическихъ проблемъ, что непознаваемаго вообще не существуетъ, а есть только временно-неизвѣстное. Монизмъ, какъ ученіе объ универсальномъ единствѣ, не можетъ не вступать въ очевидную антипатію съ агностицизмомъ, на который надо смотрѣть какъ на пережитокъ слѣпой и робкой вѣры. По Конту, объективное или научное единство реализуется въ самихъ вещахъ и обнаруживается въ универсальности естественныхъ законовъ; онъ признаетъ, что извѣстные атрибуты общи всѣмъ вещамъ, всему бытію, онъ распространяетъ свой монизмъ на сферу моральныхъ и социальныхъ отношеній,—словомъ, онъ придаетъ ему огромное значеніе въ своей системѣ и, въ то же время, онъ его разрушаетъ,—разрушаетъ тѣмъ, что стоитъ за относительность нашего знанія, ограничиваетъ его одними явленіями и провозглашаетъ агностицизмъ. По мнѣнію г. де-Роберти, Контъ, лишенный, такъ сказать, чутья исторической перспективы, отождествляетъ еще не познанное съ абсолютно-непознаваемымъ; кромѣ того, допуская неправдоподобную гипотезу о существованіи такого реальнаго бытія, познаніе котораго для насъ навсегда скрыто, позитивизмъ вовсе не изгоняетъ трансцендентнаго, а, наоборотъ, усиливаетъ его и доставляетъ ему торжество (стр. 85). Изъ философіи Конта необходимо удалить мистическій элементъ агностицизма для того, чтобы дать просторъ и развитіе двумъ другимъ ея принципамъ—монизму и эволюціонизму. Г. де-Роберти мѣтко указываетъ на многія противорѣчія въ позитивизмѣ, видитъ въ немъ слѣды телеологическихъ иллюзій и устроумно сближаетъ его съ критицизмомъ и практическою философіей Канта. Но нельзя не замѣтить, что научная философія должна рухнуть сама собою и потерять все свое значеніе, если, какъ это дѣлаетъ г. де-Роберти, мы станемъ лишать ее того тезиса агностицизма, который является главнымъ фундаментомъ ея построеній. Позитивизмъ имѣеть смыслъ только тогда, когда онъ не претендуетъ на познаніе вещи въ ея внутренней субстанціи, когда онъ отмежевываетъ себѣ опредѣленную область явленій, за границами которой признаетъ непознаваемое. Именно эта черта позитивизма дала ему характерную окраску и указала ему роль въ исторіи философіи, именно благодаря ей подъ сѣнью позитивизма прибѣгла на время мысль, утомленная и разочарованная въ метафизическихъ исканіяхъ. Самую важную заслугой Конта нашъ авторъ считаетъ то, что онъ былъ „вульгаризаторомъ гения“ (стр. 10), что онъ создалъ интеллектуальную демократію. Однако, едва ли можно согласиться съ этимъ мнѣніемъ, не говоря уже о странности критерія, по которому философская система высоко оцѣнивается на томъ основаніи, что она, отказавшись отъ глубокаго анализа своихъ собственныхъ принциповъ, заботится только объ ихъ популяризаціи и доступности „среднимъ умамъ“ (стр. 14). Если даже не упоминать о стилѣ Конта, туманномъ и тяжеловѣсномъ, какъ этого не отрицаетъ самъ г. де-Роберти, то, все-таки, ни въ методѣ, ни въ доктринѣ позитивизма нѣтъ такихъ специфическихъ элементовъ, которые дѣлали бы положительную философію преимущественнымъ достояніемъ умственной демократіи и ставили бы ее въ

этомъ отношеніи выше, напрімѣръ, эмпиризма въ теоріи познанія или утилитаризма въ этикѣ.

Если Спенсеръ ставитъ непознаваемое во главѣ своей теоріи и видитъ въ немъ тотъ пунктъ, гдѣ религія и наука сходятся во взаимномъ признаніи, то понятно, что г. де-Роберти долженъ отрицательно относиться къ философіи англійскаго мыслителя. Монизмъ эволюціонной системы не можетъ существовать вмѣстѣ съ агностицизмомъ и въ насильственномъ союзѣ съ нимъ получаетъ уродливое извращеніе, и это г. де-Роберти старается показать на разборѣ главныхъ положеній Спенсера. Между прочимъ, онъ тратитъ не мало аргументовъ для доказательства того, что эволюціонизмъ вовсе не является впервые у Спенсера. „Быть можетъ,—говоритъ онъ,—пора уже налить немного воды въ то вино, которое опьяняетъ эволюціонистовъ“ (стр. 21). Но трудъ г. де-Роберти очень неблагоприятенъ: никто не сомнѣвается въ томъ, что эволюціонная теорія имѣетъ свои корни въ прошломъ; не сомнѣваются въ этомъ, прежде всего, сами эволюціонисты, которые уже въ силу своей собственной системы не могутъ не признавать ея стариннаго происхожденія, и если они опьянены, то вовсе не тѣмъ, что будто бы считаютъ свои идеи какимъ-то новымъ откровеніемъ.

Въ заключительной главѣ своей книги г. де-Роберти дѣлаетъ оригинальную попытку установить отношеніе между моралью, съ одной стороны, и монизмомъ и агностицизмомъ—съ другой. По его мнѣнію, агностицизмъ, спутникъ не рассуждающей вѣры, въ области морали приводитъ къ сервильизму во всѣхъ его видахъ и проявленіяхъ. Агностицизмъ, какъ резигнація, какъ отреченіе въ сферѣ познанія, имѣетъ тѣсную связь съ прежнимъ самоуничиженіемъ человѣка передъ неизвѣстною божественною силою; кто признаетъ непознаваемое, тотъ отчаивается въ истинѣ и впадаетъ въ интеллектуальный пессимизмъ, тотъ дѣлается рабомъ. Наоборотъ, эволюціонизмъ и монизмъ, предлагающая свободное развитіе и всеобщее единство, служатъ почвой, на которой созрѣваютъ гуманныя идеи свободы и равенства,—идеи, невысказанныя безъ духа неограниченнаго изслѣдованія, идеи, чуждающіяся всякаго агностицизма. Однако, нисколько не умаляя симпатичности этихъ мыслей, надо замѣтить, что г. де-Роберти былъ бы правъ только въ томъ случаѣ, еслибъ агностицизмъ отвергалъ возможность всякаго изслѣдованія, всякаго познанія вообще. Но философія, утверждающая непознаваемое, оставляетъ человѣческому уму огромное поприще для глубокаго анализа и вовсе не суживаетъ рамокъ интеллекта. Пока мысль наткнется на тотъ барьеръ, за которымъ начинается непознаваемое, она будетъ имѣть слишкомъ много поводовъ къ созданію либеральныхъ и эгалитарныхъ принциповъ, и мракъ, который скрываетъ отъ насъ начало и конецъ вещей, ничуть не мѣшаетъ изслѣдованію въ свѣтлой и доступной намъ области явленій и не препятствуетъ установленію высокихъ этическихъ идеаловъ.

Душевныя свойства женщинъ. Публичныя лекціи П. О. Каптерева. Спб., 1895 г. Цѣна 75 коп. Мы съ удовольствіемъ отмѣчаемъ эту небольшую книжку, какъ довольно удачную попытку содѣйствовать освѣщенію такъ называемаго „женскаго вопроса“, поставленнаго на научную почву. Подвергнувъ критическому разсмотрѣнію существующіе взгляды на психическую природу женщинъ, авторъ ставитъ основнымъ положеніемъ психическую одинаковость женщинъ и мужчинъ по основнымъ элементамъ и процессамъ; различіе же состоитъ только въ сочетаніи психическихъ элементовъ и процессовъ, обуслови-

ваемыхъ анатомио-физиологическими особенностями женскаго организма. Исходя изъ этой точки зрѣнія, почтенный авторъ съ обычнымъ умѣньемъ развиваетъ цѣлый рядъ психологическихъ положеній, опредѣляющихъ вмѣстѣ съ извѣстными социальными условіями душевныя свойства женщины. Эти душевныя свойства, дѣлающія женскій типъ отличнымъ отъ мужскаго, нисколько не ставятъ его ниже послѣдняго; напротивъ, ему принадлежить равное мѣсто въ культурной работѣ человечества. „Широкое и дѣятельное участіе женщинъ въ культурной работѣ,—говоритъ авторъ,—должно существенно улучшить культуру, пополнить ее, устранить тормозящіе ее недостатки“. Книга г. Калтерева для многихъ представитъ интересное и полезное чтеніе.

Изъ записокъ сельской учительницы. А. А. Штевень. Спб., 1895 г. Цѣна 75 коп. Октябрьское внутреннее обозрѣніе *Русской Мысли* уже познакомило читателей нашего журнала съ выдающеюся дѣятельностью г-жи Штевень на поприщѣ народнаго образованія, столь неожиданно прерванной извѣстнымъ „опредѣленіемъ“ нижегородскаго епархіальнаго училищнаго совѣта. Относясь горячо и энергично къ своему дѣлу, симпатичная „сельская учительница“ въ рядѣ рефератовъ, статей и брошюръ своевременно знакомила образованное общество съ нуждами народныхъ школъ своего района, дѣлилась разнообразными впечатлѣніями, которыя она получала во время своей кипучей дѣятельности, и призывала на помощь содѣйствіе всѣхъ друзей народнаго образованія. Эти простые и задушевные повѣствованія, не смотря на свой скромный тонъ, живо рисовали передъ читателемъ замѣчательную преданность дѣлу и крайне серьезное отношеніе къ нему со стороны ихъ автора и въ результатѣ вызвали въ періодической печати цѣлую литературу изъ многочисленныхъ статей и замѣтокъ, отдававшихъ почтенной радѣтельницѣ русскаго просвѣщенія вполне заслуженную ею дань уваженія. Теперь всѣ статьи г-жи Штевень собраны въ одну книжку, подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ, включая сюда и „опредѣленіе“ епархіальнаго училищнаго совѣта, съ отвѣтомъ на него автора статей, напечатанныхъ въ видѣ письма въ редакцію въ газетѣ *Русскія Ведомости*. Вотъ эти статьи: *Исторія одной школы* (рефератъ, прочитанный въ одномъ изъ засѣданій московскаго комитета грамотности въ декабрѣ 1893 года), *По поводу школы грамотности* (*Вѣстн. Евр.* 1895 г., мартъ), *Изъ жизни деревни и молодого ея поколѣнія*. Очерки. 1. *Пѣшкомъ въ Муромъ*. 2. *Лѣтнія занятія при Яблонской школѣ въ 1894 году* (*Вѣстн. Евр.* 1895 г., августъ). Статьямъ предпослано небольшое предисловіе, въ которомъ г-жа Штевень высказываетъ, между прочимъ, „русскимъ людямъ свою радостную, горячую благодарность за живую ихъ отзывчивость и скорую, щедрую помощь“. „Радуюсь успѣху личнаго моего скромнаго дѣла,—говоритъ она далѣе,—я, вмѣстѣ съ тѣмъ, горячо вѣрю, что настало время быстрого и всесторонняго роста всего вообще великаго дѣла народнаго образованія, и вѣра эта вполне миритъ меня со многими отдѣльными неудачами и затрудненіями“. Впрочемъ, эти слова были написаны еще до появленія на свѣтъ „опредѣленія“.

Являясь прекраснымъ отчетомъ всей десятилѣтней дѣятельности г-жи Штевень на пользу русскаго народнаго образованія и давая выразительные итоги этой дѣятельности, небольшая книжка краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ, какую важную роль можетъ имѣть частная инициатива въ трудномъ дѣлѣ просвѣщенія русской деревни и съ какими, тѣмъ не менѣе, трудностями и препятствіями все еще сопряжено

у насъ проявленіе этой полезной и крайне необходимой инициативы. Вѣдь, печальному концу просвѣтительной работы А. А. Штевень могутъ радоваться только тѣ литературные кликуши, лицемѣры и изувѣры, для которыхъ ненавистно все, что носить въ себѣ свѣтъ, жизнь и любовь и которые убѣждены, что въ этомъ-то ненавистничествѣ и состоитъ „консерватизмъ“.

ИСТОРИЯ, МЕМУАРЫ И БЮГРАФИИ.

„Руководящіе дѣятели духовнаго просвѣщенія въ Россіи въ первой половинѣ текущаго столѣтія“. *И. А. Чистовича.* — „И. И. Нешювъ и Оренбургскій край въ прошломъ его составѣ до 1758 г.“. *В. Н. Витевскаго.* — „Сборникъ Императорскаго историческаго общества“. — „Культура и цивилизація Западной Европы въ эпоху крестовыхъ походовъ“. *Лависса и Рамбо.* — „На войнѣ въ Азіи и Европѣ“. *В. В. Верещагина.* — „Семейство Бронтѣ“. *О. Петерсонъ.*

Руководящіе дѣятели духовнаго просвѣщенія въ Россіи въ первой половинѣ текущаго столѣтія. Коммиссія духовныхъ училищъ. *И. А. Чистовича.* Спб., 1894 г. Задачу посмертнаго труда *И. А. Чистовича* составляетъ „выясненіе тѣхъ началъ, которыя служили основаніемъ управленія духовными училищами, и изображеніе дѣятельности и характеристики членовъ коммиссіи духовныхъ училищъ, какъ заправителей и руководителей духовнаго образованія въ Россіи“. Первую часть этой задачи, т.-е. выясненіе началъ, положенныхъ въ основу развитія русской духовной школы, авторъ выполнилъ съ помощью архивныхъ матеріаловъ коммиссіи духовныхъ училищъ. Вмѣстѣ съ множествомъ мелочныхъ свѣдѣній, едва ли интересныхъ и для специалистовъ, изъ этого источника заимствованы авторомъ цѣнныя данныя о двухъ реформахъ духовно-учебныхъ заведеній: въ 1814 г. и въ 1838 г. при гр. Протасовѣ. Для выполненія второй половины задачи *И. А. Чистовичу* пришлось сгруппировать биографическія данныя о цѣломъ рядѣ лицъ, перебивавшихъ членами коммиссіи. А такъ какъ въ этомъ числѣ встрѣчается не мало очень видныхъ государственныхъ и духовныхъ дѣятелей, особенно за время царствованія императора Александра I, то изслѣдованіе автора разрастается въ цѣлый рядъ интересныхъ очерковъ по исторіи общественной жизни Россіи въ царствованіе Александра I. Господство мистицизма и „министерство духовныхъ дѣлъ“ кн. А. Н. Голицына, возникновеніе, процвѣтаніе и упадокъ библейскаго общества, интрига противъ Голицына, орудіемъ которой послужилъ извѣстный фанатикъ Фотій, и торжество реакціи, — всѣ эти событія послѣднихъ годовъ александровской эпохи вновь пересказываются въ книгѣ г. Чистовича. Нельзя сказать, чтобъ изложеніе автора было полно и оригинально, нельзя даже сказать, чтобъ онъ воспользовался вполнѣ существующею литературою и напечатанными источниками, относящимися къ этому предмету, но и то, что имъ сдѣлано, должно пригодиться историку русскихъ общественныхъ направленій. Изъ болѣе интересныхъ сообщеній автора отмѣтимъ его разсказъ о столкновеніяхъ между Филаретомъ, будущимъ московскимъ владыкой, и Теофилактомъ рязанскимъ, о дальнѣйшемъ развитіи карьеры Филарета, о жизни Фотія въ Юрьевскомъ монастырѣ, объ обмѣнѣ взглядовъ на положеніе духовной школы, вызванномъ реформаціонными планами гр. Протасова и друг. Изложеніе прерывается на началѣ сороковыхъ годовъ, хотя, повидимому, авторъ хотѣлъ довести его до 1867 года.

И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прошломъ его составѣ до 1758 г. В. Н. Витевскаго. Вып. IV. Казань, 1895 г. Обширная работа трудолюбиваго провиціальнаго изслѣдователя все еще не пришла къ концу и съ четвертымъ выпускомъ. „Обиліе архивнаго матеріала“ заставило его раздѣлить предполагавшій послѣдній выпускъ на два; эта же причина задержала на нѣсколько лѣтъ появленіе настоящаго выпуска. Качество ученой работы автора значительно выиграло отъ этой задержки: г. Витевскому удалось, наконецъ, отдѣлаться отъ тѣхъ недостатковъ, на которые ему указывала критика, и снабдить свой трудъ тѣми достоинствами, которыхъ отъ него ожидали. Содержаніе четвертаго выпуска составляетъ, съ одной стороны, развитіе промышленности и торговли Оренбургскаго края, съ другой — сношенія съ инородцами въ 40-хъ и 50-хъ годахъ прошлаго вѣка. Если первый отдѣлъ представляетъ тщательный подборъ данныхъ, заключающихся по преимуществу въ печатныхъ источникахъ, то второй отдѣлъ имѣетъ еще большее значеніе. Отношенія къ инородцамъ, особенно къ малой киргизской ордѣ при Абуль-Хайрѣ и Нурамъ-ханахъ, излагаются преимущественно по архивнымъ даннымъ тургайскаго областного архива, а также по нѣкоторымъ дѣламъ сенатскаго архива. Эта часть работы автора является цѣннымъ дополненіемъ къ извѣстному сочиненію Левшина и составляетъ вкладъ въ литературу русской исторической этнографіи. Пятый и послѣдній выпускъ своего сочиненія г. Витевскій обѣщаетъ издать въ ближайшемъ времени.

Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества. Томъ 94. Спб., 1894 г. Въ этомъ томѣ заключается продолженіе одного изъ наиболѣе цѣнныхъ изданій историческаго общества, именно VII томъ *Протоколовъ, журналовъ и указовъ верховнаго тайнаго совѣта* за январь—іюнь 1729 г. По характеру дѣятельности верховнаго совѣта, его *Протоколы* не такъ интересны за это время, какъ за предъидущее; но, попрежнему, они заключаютъ въ себѣ самый разнообразный и часто очень важный матеріалъ для внутренней исторіи Россіи. Нельзя не пожалѣть, что издательская дѣятельность историческаго общества какъ будто нѣсколько ослабѣла въ послѣднее время; общество такъ приучило специалистовъ къ быстрому выходу своихъ изданій, всегда важныхъ и значительныхъ, что намъ трудно примириться съ мыслью о возможности пріостановки этой полезной дѣятельности.

Культура и цивилизація Западной Европы въ эпоху крестовыхъ походовъ. Э. Лависса и А. Рамбо. Пер. съ французскаго. Цѣна 1 р. 50 к. Изданіе Прянишникова. М., 1895 г. Разбираемая книга представляетъ собою переводъ нѣсколькихъ главъ изъ 2-го тома *Всеобщей исторіи отъ IV вѣка до нашихъ дней*, издаваемой подъ редакціей извѣстныхъ ученыхъ Э. Лависса и А. Рамбо. Для перевода взяты отдѣлы, посвященные характеристикѣ важнѣйшихъ сторонъ средне-вѣковаго строя въ эпоху его разцвѣта (XI—XIII вв.) — феодализма, церкви, городского быта, промышленности и торговли, просвѣщенія. Изложеніе подлинника отличается свѣжестью и до нѣкоторой степени общедоступностью, такъ что съ этой стороны выборъ переводчика нельзя не признать удачнымъ. Къ сожалѣнію, нельзя сказать того же о самомъ переводѣ и особенно объ его изданіи. Книга напечатана на плохой бумагѣ, корректура отличается небрежностью, печать нерѣдко до того тускла, что ее трудно разбирать. Для книги въ 20 листовъ, такъ отпечатанной и предназначаемой для большой публики, 1 рубль 50 коп.—цѣна слишкомъ высокая. Переводъ въ общемъ исполненъ

удовлетворительно. Нехорошо только то, что въ затруднительныхъ случаяхъ переводчикъ нередко предоставляет читателю собственными силами добираться до смысла такихъ малопонятныхъ терминовъ и выраженій, какъ *missi* и *ешевены* (стр. 143), *центены* (стр. 145), *погесгаг* (стр. 194), *ost* и *chevauschée* (199), *командить* (227), *виваретные своды* (316), *гиаротизмъ* (322) и т. д. Оставлены безъ перевода даже такія выраженія, какъ *Contes de Cantorbery* (стр. 274) или *De la nature des choses* (стр. 295). Кромѣ техническихъ терминовъ, переводчика, повидимому, сильно смущала и транскрипція собственныхъ именъ, и онъ поэтому предпочиталъ оставлять ихъ во французской формѣ, ставя тѣмъ въ неловкое положеніе читателя, незнакомаго съ французскимъ языкомъ. Тамъ, гдѣ транскрипція именъ произведена, она иногда оказывается неудачною. Нелегко, наприм., въ Женѣ узнать Геную, въ Колоньѣ—Кельнъ, въ Брюжѣ—Брюгге, въ Гандѣ—Гентъ и т. п. Наконецъ, вмѣсто перепечатки библиографіи, занявшей больше листа и едва ли нужной читателямъ перевода, не лучше ли было снабдить книги болѣе подробнымъ оглавленіемъ, чѣмъ голый перечень главъ?

На войнѣ въ Азіи и Европѣ. Воспоминанія художника В. В. Верещагина. М., 1894 г. Эта книга состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ очерковъ, въ которыхъ авторъ излагаетъ свои воспоминанія о защитѣ Самарканда (1868 г.), набѣгѣ на китайскую границу (1869 г.) и о турецкой компаніи 1877—1878 гг. Особый этюдъ посвященъ характеристикѣ Скобелева. *Воспоминанія* написаны очень живо и прочтутся съ интересомъ всѣми любителями военныхъ разсказовъ. Тѣмъ не менѣе, на насъ они произвели нѣсколько удручающее впечатлѣніе. В. В. Верещагинъ приобрѣлъ всемірную извѣстность, главнымъ образомъ, своею проповѣдью противъ войны. Самъ онъ въ разбираемой книгѣ говоритъ: „Въ жаръ, въ лихорадку бросало меня, когда я смотрѣлъ на все это и когда писалъ потомъ мои картины; слезы набѣгаютъ и теперь, когда вспоминаю эти сцены, а умные люди увѣряютъ, что я „холоднымъ умомъ сочиняю небылицы“. „Подожду и искренно порадоюсь, когда другой дастъ болѣе правдивыя картины великой несправедливости, именуемой войною“ (стр. 322). Казалось бы, въ книгѣ, посвященной авторомъ военнымъ воспоминаніямъ, представлялся прекрасный случай развить ту мысль, которая такъ ярко выражалась въ его батальныхъ картинахъ. Однако, мы не только не видимъ въ воспоминаніяхъ г. Верещагина ничего подобнаго, но, слѣдя за его разсказомъ, съ первыхъ же страницъ наталкиваемся на такое льбовное отношеніе ко всему военному, что приходимъ въ полное недоумѣніе. Многие завзятые воины, прошедшіе жизнь „въ пылу сраженій“, рѣшатся такъ откровенно восхитаться своими смертоносными подвигами. Положимъ, г. Верещагинъ часто сражался только по необходимости: привлеченный въ какое-нибудь военное предпріятіе желаніемъ во что бы то ни стало имѣть сюжетъ для своихъ картинъ, онъ долженъ былъ защищаться противъ нападающихъ. Но это нисколько не объясняетъ намъ того увлеченія войною, которымъ пропитана каждая страничка лежащей передъ нами книги. Странное впечатлѣніе производитъ и то: тонъ, съ которымъ г. Верещагинъ воспоминаетъ о совершенныхъ имъ смертоубійствахъ. „Помню, — пишетъ онъ, наприм., на стр. 26, — застрѣлялъ тутъ двоихъ изъ нападавшихъ, если можно такъ выразитъ ся, по-профессорски“. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 36) г. Верещагинъ говоритъ: „Съ горя я взялъ ружье и ушелъ въ нашу башню при воротахъ—стрѣлять зайцевъ (!!), нѣтъ-нѣтъ да и подвертывавшихся по

выстрѣлы“. Вообще къ человѣческой жизни онъ относится, повидимому, довольно легко. Такъ, на стр. 270—273 находимъ слѣдующій рассказъ, передаваемый нами съ нѣкоторыми сокращеніями. „Привели къ Струкову двухъ албанцевъ, отчаянныхъ разбойниковъ, по увѣренію болгаръ, вырѣзывавшихъ младенцевъ изъ утробъ матерей... Я просилъ Струкова повѣсить ихъ, но онъ не согласился, сказалъ, что не любить разстрѣливать и вѣшать въ военное время и не возьметъ этихъ двухъ молодцовъ на свою совѣсть, а передастъ ихъ Скобелеву,—пускай тотъ дѣлаетъ, что хочетъ.—Хорошо,—отвѣчалъ я,—попрошу Мих. Дм.: отъ него задержки, вѣроятно, не будетъ.—Что это вы, В. В., сдѣлались такимъ кровожаднымъ?—замѣтилъ Струковъ.—Я не зналъ этого за вами. Тогда я признался, что *не видалъ потѣшенія и очень интересуюсь процедурою*, которая, конечно, будетъ совершена надъ этими разбойниками. Я попросилъ Скобелева повѣсить упомянутыхъ двухъ разбойниковъ, онъ отвѣчалъ: „это можно“,—и, позвавши командира стрѣльцоваго батальона, приказалъ нарядить полевой судъ надъ обоими схваченными албанцами и прибавилъ:—„да пожалуйста, чтобъ ихъ повѣсить“.—Слушаю, ваше прев—ство,—былъ отвѣтъ. Я считалъ, что дѣло въ шляпѣ, т.-е. что до выхода нашего изъ Адрианополя я еще увижу эту экзекуцію и послѣ передамъ ее на полотнѣ. Не тутъ-то было“ и т. д. Такою же „кровожадностью“ переполнена вся книга: г. Верещагинъ какъ бы щеголяетъ своими *военными* понятіями, своею *военною* опытностью и знаніями. Въ концѣ своего небольшого сочиненія онъ помѣстилъ даже особую статью (*Изъ опыта походовъ*), въ которой серьезно трактуетъ „нѣкоторые технические вопросы организаціи кавалеріи“. Странно читать подобныя вещи за подписью г. Верещагина!

Семейство Бронтё. О. Петерсона. Спб., 1895 г. Цѣна 1 рубль. Эта изящно изданная книжка напечатана въ пользу *общества вспоможенія окончившимъ курсъ на с.-петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ*. Ради такой доброй цѣли нельзя было бы не пожелать сочиненію О. Петерсона широкаго распространенія; но книга интересна и по содержанию. Въ семействѣ Бронтё передавался наслѣдственно литературный талантъ. Судьбы этой семьи и литературная дѣятельность ея членовъ, въ особенности сестеръ Шарлотты (извѣстный романъ *Дженни Эйръ*), Эмили и Анны (*Бурная вершина, Агнеса Грей*), живо и занимательно рассказаны въ книгѣ. Къ ней приложенъ портретъ Шарлотты Бронтё. Сестры писали подъ псевдонимами Керреръ, Эллисъ и Актонъ Белль. *Дженни Эйръ* въ свое время (романъ появился въ 1847 году) произвелъ огромное впечатлѣніе.

ПУТЕШЕСТВІЯ.

„Путешествія В. В. Юнкера по Африкѣ“. Э. Ю. Петри.

Путешествія В. В. Юнкера по Африкѣ. Изложено Э. Ю. Петри. Спб. Лежащая передъ нами книга представляетъ сокращеніе трехтомнаго труда покойнаго Юнкера, изданнаго имъ въ Вѣнѣ въ 1889—91 гг. подъ заглавіемъ *Reisen in Afrika*. Имя Юнкера весьма мало извѣстно нашей публикѣ и пользуется за границей гораздо большею популярностью, чѣмъ у насъ. Между тѣмъ, Юнкеръ выросъ въ Россіи и всегда считалъ послѣднюю своимъ отечествомъ. Онъ родился въ Москвѣ въ 1840 г. въ богатой семьѣ извѣстнаго банкира Юнкера. Образованіе

нашъ будущій путешественникъ получилъ частью въ петербургской Петропавловской школѣ, частью за границей. Свои студенческіе годы Юнкеръ провелъ въ Геттингенѣ и Дерптѣ, гдѣ старательно занимался медициной. Онъ вовсе не думалъ, однако, сдѣлаться врачомъ: мало-помалу страсть къ путешествіямъ и географическимъ открытіямъ взяла у него перевѣсъ надъ всѣми другими интересами и уже въ 1869 г. предпринялъ онъ экскурсію по Исландіи. Во время этой поѣздки Юнкеръ рѣшилъ посвятить себя изученію Африки и принялся дѣятельно готовиться къ этому трудному дѣлу. Въ Тунисѣ онъ выучился арабскому языку и ознакомился съ магометанскимъ міромъ, который имѣетъ такое вліяніе во всей центральной Африкѣ. Затѣмъ онъ занялся въ Берлинѣ картографіей подъ руководствомъ географа Кемперта. Въ 1875 г. Юнкеръ предпринялъ пробное путешествіе по Ливійской пустынѣ, а въ слѣдующемъ году уже началъ свои изслѣдованія центральной Африки. Изъ этихъ послѣднихъ особенно плодотворно въ научномъ отношеніи третье путешествіе Юнкера (1879—1886 гг.), стоившее ему наибольшихъ трудовъ, лишеній и опасностей. Махдистское возстаніе захватило его въ странѣ людоедовъ и преградило ему путь въ Европу. Семь лѣтъ нашъ путешественникъ пробылъ въ Африкѣ, дѣля опасность со знаменитымъ Эминомъ-пашею. Съ 1886 г. Юнкеръ жилъ преимущественно въ Вѣнѣ, приводя въ порядокъ свои замѣтки объ Африкѣ. Въ началѣ 1892 г. онъ прибылъ въ Петербургъ, простудился и скончался здѣсь на 52 году своей жизни. Изъ африканскихъ путешественниковъ въ Россіи пользуются особою извѣстностью Ливингстонъ и Стэнли, но Юнкера не приходится сравнивать ни съ тѣмъ, ни съ другимъ: районъ его путешествій ничтоженъ сравнительно съ грандіозными пространствами, пройденными этими англичанами; про Ливингстона можно сказать, что онъ прошелъ всю Африку вдоль и поперекъ, а Стэнли дважды пересѣкъ „черный материкъ“ — съ востока на западъ и съ запада на востокъ. Съ другой стороны, Юнкеръ былъ гораздо лучше подготовленъ къ своему дѣлу, — онъ дѣйствительно примыкаетъ къ числу *ученыхъ* нѣмецкихъ изслѣдователей Африки, тогда какъ Ливингстонъ былъ преимущественно миссіонеромъ, а Стэнли — талантливымъ и отважнымъ авантюристомъ-корреспондентомъ. Даже точки отправленія у трехъ этихъ людей были различныя: Ливингстонъ началъ свои путешествія съ юга Африки изъ Капской земли, Стэнли шелъ обыкновенно изъ Занзибара и только на помощь къ Эмину двинулся съ запада, а Юнкеръ неуклонно отправлялся съ сѣвера, изъ Египта. Вообще изслѣдованія Юнкера начинаются на самыхъ сѣверныхъ пунктахъ великаго пути Стэнли, сдѣланнаго имъ при открытіи истоковъ рѣки Конго. Но малый (сравнительно) районъ путешествій Юнкера изученъ имъ съ такою полнотою и такою научною точностью, которыхъ часто недостаетъ англійскимъ путешественникамъ. И въ этомъ отношеніи работы Юнкера не оставляютъ желать ничего лучшаго. Къ сожалѣнію, изложеніе его вяло и сухо и нисколько не напоминаетъ увлекательныхъ книгъ Стэнли. Мы совершенно согласны съ проф. Петри, что переводъ трехъ томнаго сочиненія Юнкера едва ли нашелъ бы въ Россіи многочисленныхъ читателей. Однако, и изложеніе самого Э. Ю. Петри страдаетъ на нашъ взглядъ, недостатками подлинника: предназначая свою книгу для большой публики, петербургскій ученый могъ бы внести нѣсколько больше науки и занимательности. Намъ кажется, что г. Петри и сумѣлъ отдѣлаться отъ впечатлѣнія нѣмецкаго оригинала, такъ какъ въ тѣхъ частяхъ книги, гдѣ онъ говоритъ отъ себя (наприм., при опи-

саміи махдистскаго возстанія, стр. 261—268), онъ даетъ прекрасныя, полныя жизни страницы. Не можемъ не пожалѣть также, что въ книгѣ подчасъ слышится полемическая нотка, которыхъ такъ чуждъ былъ самъ Юнкеръ: нападки проф. Петри на Стэнли, наприм., кажутся намъ совершенно излишними и весьма мало обоснованными. Тѣмъ не менѣе, повѣствованіе о дѣятельности нашего ученаго и гуманнаго путешественника встрѣтитъ, конечно, сочувственный пріемъ въ русскомъ обществѣ. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что мы далеко не избалованы столь роскошными изданіями: лежащая передъ нами книга буквально испещрена художественно-исполненными иллюстраціями, изображающими въ мельчайшихъ деталяхъ жизнь и нравы негритянскихъ народовъ, а также и дивную природу экваторіальной Африки. Въ книгѣ находимъ двѣ карты, прекрасный портретъ Юнкера и краткое его жизнеописаніе, составленное проф. Петри.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

„Государственное хозяйство Англіи за шесть лѣтъ управленія министерства тори 1887—88, 1892—93 гг.“. Г. П. Каменскаго.—„Библиотека экономистовъ“.

Государственное хозяйство Англіи за шесть лѣтъ управленія министерства тори 1887—88, 1892—93 гг. Г. П. Каменскаго. Спб., 1895 г. Трудъ г. Каменскаго распадается на двѣ части: въ первой онъ излагаетъ общій порядокъ веденія государственнаго хозяйства въ Англіи, а именно порядокъ составленія смѣты государственныхъ расходовъ и доходовъ, самый способъ обсужденія ихъ въ особыхъ парламентскихъ комитетахъ, разрѣшеніе кредитовъ, контроль за ними и т. д.

Однимъ словомъ, въ первой своей части, всего заключающей 54 стр., авторъ не выходитъ за предѣлы извѣстной брошюры недавно умершаго академика Н. Х. Бунге: *Государственное счетоводство и финансовая отчетность въ Англіи 1890 г.*, и ничего новаго сравнительно съ послѣдней не даетъ, тѣмъ не менѣе, эта часть можетъ разсчитывать на полное вниманіе со стороны публики, благодаря ясности и сжатости изложенія. На 54 страницахъ изложено здѣсь внѣшній механизмъ государственнаго хозяйства Англіи, представляющій чрезвычайно много оригинальнаго и поучительнаго. Такъ, наприм., Англія вовсе не знаетъ недоимокъ: здѣсь не существуетъ никакихъ льготныхъ сроковъ для поступленія сборовъ, и всѣ прямыя налоги уплачиваются впередъ за цѣлый годъ. Сборщики разсылаютъ повѣстки въ январѣ, т. е. за три мѣсяца до начала финансоваго года, и если въ срокъ уплата не послѣдуетъ, то сборщикъ сообщаетъ объ этомъ департаменту внутреннихъ доходовъ, который и выдаетъ исполнительный листъ, и затѣмъ слѣдуютъ опись и продажа имущества неисправнаго плательщика (стр. 29). Въ Англіи эта отвѣтственность взысканія не ложится тяжело на бѣдный классъ, такъ какъ онъ совершенно освобожденъ отъ прямыхъ налоговъ: налоги подоходный и подоимый при существованіи въ нихъ Existenz minimum'a падаютъ на достаточные классы: такъ, отъ подоходнаго обложенія прежде освобождались всѣ лица съ доходомъ 150 ф. ст., а теперь даже съ доходомъ ниже 100 ф.; ст. подоимый налогъ также не взыскивается съ домовъ, наемная плата которыхъ ниже 20 ф. ст. въ годъ (стр. 30). Затѣмъ весь строй государственнаго хозяйства Англіи заключенъ въ узкія правильныя рамки: ни одинъ самый мелочной расходъ не можетъ быть произведенъ здѣсь безъ разрѣшенія пар-

ламента, ни одинъ налогъ не можетъ быть установленъ безъ разрѣшенія послѣдняго, и въ силу этого принципа даже всякое испрашивание дарственныхъ приношеній, подписокъ и ссудъ безъ разрѣшенія парламента строго воспрещается правительству. Всякій ссужающій парламенту или какое-нибудь вѣдомство для государственныхъ цѣлей безъ разрѣшенія парламента подвергается строгой отвѣтственности передъ закономъ. Такъ, въ концѣ послѣдняго столѣтїя, передъ началомъ войны съ Франціей, правительство предложило сформировать корпусъ волонтеровъ и покрыть расходы на содержаніе его національною подпиской, но парламентъ съ своей стороны указалъ, что позаймствование денегъ у народа, въ видѣ ссуды, пожертвованія или подписки, безъ согласія парламента, противно основнымъ началамъ конституціи (стр. 9—10). Государственное казначейство безъ разрѣшенія парламента не можетъ даже заимствоваться въ англійскомъ банкѣ. Въ парламентскомъ актѣ 1889 г., положенномъ въ основаніе англійскаго банка, упомянуто, что банку запрещается давать ссуды королю или его наслѣдникамъ безъ согласія парламента и за нарушеніе этого пункта управляющій и самый банкъ подвергаются строгому наказанію: денежному штрафу втрое болѣе ссужаемой суммы (стр. 9). Уже изъ этихъ примѣровъ видно, насколько сильно государственное хозяйство Англїи проникнуто правовымъ элементомъ и какую роль играетъ санкція парламента въ этомъ хозяйствѣ. И такъ, читатель въ этой первой части при сжатости ея найдетъ много любопытнаго и интереснаго.

Но если первая часть разбираемаго нами труда отличается сжатостью изложенія, то совсѣмъ противоположнымъ качествомъ грѣшитъ вторая часть, посвященная характеристикѣ дѣятельности англійскаго министра финансовъ мистера Гошена и обзору бюджетовъ за этотъ періодъ, т.-е. за 1887—88 и 1892—3 годы.

Эта часть черезъ-чуръ растянута и нѣсколько утомительна, хотя изъ обзора всей дѣятельности мистера Гошена выступаетъ ярко общая тенденція нашего времени: это—стремленіе внести больше справедливости въ распредѣленіе тягости обложенія между различными классами населенія *).

Мистеръ Гошенъ въ своей финансовой дѣятельности стремился перенести тягость обложенія съ бѣднаго класса, главнымъ образомъ, на достаточный классъ плательщиковъ.

Такъ, съ этою цѣлью понижена ввозная пошлина на табакъ съ 6 пенсовъ до 4 пенсовъ на фунтъ для всѣхъ сортовъ и видовъ табаку, и это уменьшеніе пошлины на табакъ было значительнымъ облегченіемъ для бѣднаго класса, да и государственное казначейство не пострадало: такъ, въ 1891—92 году оно получило отъ табаку при 4-пенсовой пошлинѣ 9.950,000 ф. ст., и эта сумма превышала на 600,000 ф. стерлинговъ самую прибыльную получку того времени, когда существовала прежняя высокая 6-ти пенсовая ввозная пошлина на табакъ. Надо, впрочемъ, здѣсь отмѣтить вліяніе и другого фактора, а именно: въ Англїи ранѣе при отдѣлѣ табакъ чрезвычайно смичивался, такъ что влага въ общемъ всѣхъ табачныхъ издѣлій достигала 40—45%, при Гошенѣ же, одновременно съ пониженіемъ пошлины, былъ установленъ опредѣленный вѣсъ влаги въ 30% и, конечно, это должно было повлечь за собой увеличеніе ввоза табаку (стр. 88—9).

*) См. *The Yale Review, a Quarterly Journal of History and Political Science* vol III, № 4. February 1895. *A Teligman*: „Recent Reforms in taxation“, стр. 35

При Гошенѣ же была понижена и пошлина на чай съ 6 пенс. до 2 на фунтъ. Такимъ образомъ, говоритъ г. Каменскій, „между статьями таможеннаго сбора теперь только табакъ и чай ложатся на массу, но пошлина на чай, можно предвидѣть, не продержится; беспошлинный завтракъ представляется экономическимъ идеаломъ, къ которому стремятся здѣсь финансовыя администраторы всѣхъ партій, который уже нѣсколько разъ былъ обѣщанъ на выборахъ массамъ и который рано или поздно осуществится, когда представится къ этому первая возможность“ (стр. 323).

Затѣмъ въ области прямыхъ налоговъ сдѣланы существенныя облегченія для мелкихъ домовладѣльцевъ, а именно понижено обложеніе жилыхъ домовъ, отдаваемыхъ за наемную плату отъ 20 ф. ст. до 60 ф. ст. въ годъ, и это облегченіе въ обложеніи равнялось въ общей сложности 540,000 ф. ст. (стр. 237), т.-е. съ малоимущаго класса было сложено около 5 мил. рублей.

Гошеномъ же произведена знаменитая въ исторіи государственныхъ долговъ Европы, по своей величинѣ, конверсія 8% англійскаго государственнаго долга на сумму 557,9 мил. ф. ст. Долгъ этотъ равенъ въ 2 $\frac{3}{4}$ % бумаги по 1903 г., а съ этого времени ео ipso процентъ по государственному долгу понижается до 2 $\frac{1}{2}$ % и затѣмъ уже эти новые 2 $\frac{1}{2}$ % фонды обезпечиваются отъ выкупа и всякихъ измѣненій въ % по нимъ на 20 лѣтъ, т.-е. до 1923 года. При этомъ кредиторами, не желавшими конвертировать находящіяся у нихъ бумаги, было предъявлено послѣднихъ всего на сумму 1.199,102 ф. ст. Выгоды же для государственнаго казначества отъ этой конверсіи очень значительны: такъ, ежегодно государственное казначейство до 1903 г. будетъ сберегать на процентахъ по государственному долгу 1.411,943 ф. ст., а съ 1903 г., т.-е. съ пониженіемъ процента по фондамъ до 2 $\frac{1}{2}$ %, это сбереженіе будетъ составлять 2.800,000 ф. ст. въ годъ (стр. 139). И такъ, въ министерство Гошена кое-что было сдѣлано въ смыслъ облегченія малоимущаго класса, и эта тенденція позднѣе продолжается въ реорганизациі податной системы Англій: такъ, уже послѣ Гошена при Гаркурѣ за послѣдніе годы въ Англій реформированъ налогъ съ наслѣдствъ, причѣмъ введенъ сюда прогрессивный принципъ обложенія, и такимъ путемъ этотъ налогъ будетъ давать не 10.000,000 ф. ст., какъ было раньше, а 13,5—14.000,000 ф. ст., и, конечно, весь избытокъ падеть на имущіе классы; затѣмъ повышентъ Existenz minimum въ подоходномъ обложеніи съ 150 ф. ст. до 160, и если прежде въ доходахъ ниже 400 ф. ст. были свободны отъ обложенія лишь 120 ф. ст., то теперь эта норма также повышена до 160 ф. ст. и т. д. И такъ, стремленіе къ облегченію налогового бремени для малоимущихъ классовъ крѣпко проникло въ финансовую политику Англій, и г. Каменскій въ своей книгѣ также сильно подчеркнул его, и надо отмѣтить, что это движеніе далеко не ограничивается теперь одной Англійей, а широко развилось — и не только по всей Европѣ, но даже проникло въ Новую Зеландію (см. упомянутую ст. Seligman'a).

Облегчая налоговое бремя малоимущихъ, Гошенъ нашель, въ то же время, возможнымъ придти на помощь и городскимъ, и земскимъ управленіямъ, отказавшись отъ нѣкоторыхъ статей дохода въ пользу этихъ послѣднихъ: такъ имъ были переданы совѣтамъ графствъ часть налога съ наслѣдствъ, поступления съ лиценцій и т. д., и это дало очень крупныя суммы мѣстному управленію: въ 1888—89 г. 1,410 ф. ст., въ 1890—91 г. — 6,974 тыс. ф. ст., а въ 1892—93 г. — 7,638 т. ф. ст.

Надо замѣтить, что бюджетъ расходовъ мѣстныхъ союзовъ достигъ огромной цифры, а именно въ 1889—90 г. 55.375,027 ф. ст., между тѣмъ, мѣстное обложеніе и другіе источники даютъ гораздо менѣе: такъ, въ тотъ же 1889—90 г. они дали всего 48.838,556 ф. ст., слѣдовательно дефицитъ простирался до 6,536 тыс. ф. ст., а въ 1890—91 г. дефицитъ поднялся даже до 11,186 тыс. ф. ст. И мѣстныя управленія, не имѣя средствъ, вынуждены были прибѣгать къ займамъ и ихъ задолженность въ 1891 г. достигла уже 200.000,000 ф. стерл., т.-е. она равнялась почти одной трети всего государственнаго долга Англій (стр. 318).

Между тѣмъ, важность задачъ, порученныхъ совѣтамъ графствъ, какъ-то: оздоровленіе городовъ, постройка жилищъ для рабочихъ и т. д.,—требовала, чтобы государство пришло имъ на помощь и поставило ихъ финансовое хозяйство на прочныя основанія. Пока это сдѣлано лишь въ Пруссіи реформой 1893 г. 14 іюля, въ Англій же Гошенчъ, хотя и признавалъ всю несостоятельность этой реформы, но ограничился пока полумѣрами, но, конечно, важно то, что эта задача теперь открыто поставлена и важность ея признана.

Такимъ образомъ, книга г. Каменскаго даетъ намъ любопытную картину финансовой исторіи Англій за 6 лѣтъ,—правда, картину не всегда ясную, иногда даже черезъ-чуръ запутанную мелочными подробностями. Но свѣдѣнія, сообщаемыя имъ, могутъ навести читателя на любопытныя размышленія примѣнительно къ нашей русской жизни. Такъ, нашъ бюджетъ страдаетъ отъ недоимокъ, и мы пытаемся бороться съ этимъ явленіемъ путемъ разсрочекъ, льготъ и т. д., но единственное радикальное средство противъ этой нашей болѣзни, недоимочности въ платежахъ, даетъ намъ Англій. Это средство очень просто: это—освободить отъ прямыхъ налоговъ бѣдные классы населенія, а примѣнительно къ намъ хотя бы облегчить налоги, лежащіе на нашемъ крестьянствѣ, и только одно это средство можетъ избавить нашъ бюджетъ отъ недоимокъ, которыя теперь у насъ растутъ и растутъ, и даже если искусственно снимаются съ населенія по высочайшимъ манифестамъ, то овъ скоро вновь вырастаютъ, словно нарывъ на больномъ и зараженномъ мѣстѣ.

Нѣтъ, здѣсь нужно радикальное леченіе. И многому другому можно поучиться изъ любопытной книги г. Каменскаго.

Библіотека экономистовъ. Т. Р. Мальтусъ. Опытъ закона о народонаселеніи. Пер. И. А. Вернера. М., 1895 г. Изъ всѣхъ включенныхъ до сихъ поръ въ *Библіотеку экономистовъ* авторовъ Мальтусъ всего больше, вѣроятно, нуждается въ популяризаціи. Главнѣйшія положенія Смита извѣстны всякому образованному человѣку, Милль, особенно съ примѣчаніями Чернышевскаго, читается очень прилежно: наше учашееся молодежь, Рикардо служитъ предметомъ детальной разбора въ университетскихъ семинаріяхъ. Напротивъ, съ Мальтусомъ почти никто не знакомъ изъ первоисточника: знаютъ и судятъ о немъ обыкновенно только по наслышкѣ. Нельзя не одобрить поэтому редакцію *Библіотеки экономистовъ*, не обошедшую своимъ вниманіемъ этого знаменитаго и, въ то же время, забытаго экономиста.

Благодаря своимъ внѣшнимъ несовершенствамъ и устарѣлости нѣкоторыхъ частей, *Опытъ* Мальтуса легко поддается обширнымъ сокращеніямъ, безъ которыхъ, какъ извѣстно, не обходится ни одинъ выпускъ *Библіотеки экономистовъ*. Сокращенія въ данномъ случаѣ выравились въ опущеніи десяти главъ первой и всей второй книги *Опыта*

и въ приведеніи послѣднихъ двухъ книгъ лишь „въ видѣ сокращенныхъ выборокъ“ (по заявленію самого переводчика на стр. 36). Такимъ образомъ, болѣе или менѣе полно, хотя и съ опущеніемъ нѣкоторыхъ примѣчаній Мальтуса, перепечатаны въ новомъ русскомъ изданіи лишь первыя двѣ главы этого обширнаго трактата. Касаясь, прежде всего, фактической стороны книги Мальтуса и его полемики съ другими писателями, сдѣланныя русскимъ переводчикомъ сокращенія затронули очень чувствительно и чисто-теоретическую часть *Опыта о народонаселеніи*. Такъ, между прочимъ, остракизму подверглись очень важныя главы о земледѣльческой и торговой системѣ, о хлѣбныхъ законахъ и плодovitости браковъ. Нельзя не пожалѣть также о той небрежности, съ которой произведены сокращенія въ сохраненныхъ главахъ. На стр. 39, наприм., мы читаемъ: „свои разсужденія о совершенствованіи органической природы челоуѣка Кондорсе *оканчиваеетъ*“ и т. д.—оканчиваеетъ, даже не начавъ, ибо этому мѣсту въ переводѣ г. Вернера предшествуетъ пропускъ въ двѣ печатныя страницы.

Въ „Библиографическомъ отдѣлѣ“ *Русской Мысли* при разборѣ перваго выпуска *Библиотеки экономистовъ* уже указывались неточности и ошибки русскаго изданія, проистекающія изъ перевода англійскихъ экономистовъ не съ подлинника, а съ французскаго перевода. Въ выпускѣ, который теперь лежитъ передъ нами, неудобство такого пріема сказалось особенно рѣзко. Если сравнить переводъ г. Вернера съ англійскимъ текстомъ *Опыта о народонаселеніи*, окажется, что во многихъ мѣстахъ русскій переводчикъ отдалился не только отъ буквы, но и отъ смысла подлинныхъ выраженій Мальтуса. На стр. 30 русскаго изданія мы читаемъ, наприм., слѣдующее: „что касается встрѣчающихся въ книгѣ (дѣло идетъ о книгѣ мистера Синклера) повтореній и даже противорѣчій, то они не затемняютъ вопроса и даже укрѣпляютъ довѣріе читателя“. На самомъ дѣлѣ Мальтусъ очень далекъ отъ столь парадоксальнаго мнѣнія. „Встрѣчающіяся въ книгѣ повторенія и противорѣчія,—говоритъ онъ (стр. 12 по изд. 1890 г.),—не такъ уже по моему предосудительны; вообще этому свидѣтельству можно придавать больше вѣры, чѣмъ другимъ частнымъ показаніямъ“. На стр. 44 русскаго перевода читаемъ: „Я уже разоблачилъ заблужденія людей, утверждающихъ, что даже чрезмѣрное возростаніе населенія не можетъ причинить нищеты, пока будетъ возростать количество произведеній земли“. А въ англійскомъ текстѣ говорится совершенно иное (стр. 309): „Я уже указалъ на ошибочность предположенія, согласно которому никакой нищеты и затрудненій не можетъ возникнуть вслѣдствіе избыточнаго населенія, пока земля не откажется совершенно производить что бы то ни было“. Если бы г. Вернеръ сколько-нибудь справлялся съ подлинникомъ, онъ бы не сдѣлалъ и слѣдующей капитальной ошибки: въ его переводѣ *Опытъ о народонаселеніи* оказывается состоящимъ изъ пяти книгъ, тогда какъ въ дѣйствительности ихъ только четыре *).

Приложенная русскимъ переводчикомъ статья о Мальтусѣ не претендуетъ на оригинальность. Перечисливъ спорные пункты Мальтусова ученія, г. Вернеръ замѣчаетъ (стр. XXIX): „По всѣмъ этимъ пунктамъ наиболѣе существенныя возраженія принадлежатъ Чернышевскому. Въ дальнѣйшемъ изложеніи эти возраженія приведены съ дополненіемъ нѣ-

*) Ошибка эта заимствована г. Вернеромъ, вѣроятно, изъ перевода г. Бибикова, гдѣ подъ видомъ несуществующей пятой книги перепечатано повиднѣйшее приложение къ *Опыту*.

новыхъ статистическихъ данныхъ". *Новыя статистическія* перепечатаны изъ *Сравнительной статистики населенія* Янсо-дополненіе къ замѣчаніямъ Чернышевскаго, г. Вернеромъ при-до еще нѣсколько страницъ изъ *Основаній политической экономіи* для, изъ *Основаній биологіи* Спенсера и изъ статьи г. Тимирязева *Историческій методъ въ биологіи*. Никакого собственнаго мнѣнія по затроги-ваемымъ въ этихъ выпискахъ вопросамъ авторъ вступительной статьи не высказываетъ, ссылаясь на свою „некомпетентность“ (стр. XLVI). Біографическія свѣдѣнія о Мальтусѣ заимствованы изъ статьи Моли-нари, но, къ сожалѣнію, не отличаются точностью. Не вѣрно, наприм., будто Мальтусъ-отецъ, извѣстный своимъ свободомысліемъ, „готовилъ своего сына къ духовной каррьерѣ“ (стр. VI). Нельзя еще не упрек-нуть русскаго переводчика за то, что онъ допускаетъ различное и часто неправильное правописаніе англійскихъ фамилій (Стьюардъ и Стевартъ, Тоунсендъ и Таунсентъ, Бюргъ вмѣсто Бёркъ, Дубльда и Дёбельде) и что самому трактату Мальтуса даетъ неупотребительное и на нашъ взглядъ совершенно неправильное заглавіе: *Опытъ закона о народонаселеніи* (вмѣсто: *Опытъ о законѣ народонаселенія, Essay on the principle of population*). Къ книгѣ приложенъ изящно сдѣланный портретъ Мальтуса.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Сборникъ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній“. — „Набросокъ соображеній изъ волостной юстиціи“. А. М. Чернова. — „Юридическая бібліотека“. Изд. Я. Канто-росича.

Сборникъ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній. Т. IV. Спб., 1895 г. Преувеличенія уголовно-антропологической школы должны были вызвать реакцію. Выразителемъ ея явился въ недавнее время французскій ученый Анри Жоли. Е. А. Сеницкий въ изданіи юридическаго общества представилъ интересное изложеніе его идей, сопровождаемое довольно подробно критическою оцѣнкой всей доктрины. Разбирая шагъ за шагомъ доводы итальянскихъ ученыхъ, Жоли приходитъ къ выводамъ діаметрально противоположеннымъ: „въ эволюціи преступности онъ не отводитъ никакой роли тираннически властнымъ особенностямъ большой организаціи; эволюція преступности — это процессъ моральной порчи *нормальнаго* человѣка“. Дѣйствительность большей части психо-физическихъ особенностей, наблюдаемыхъ у преступниковъ криминалистами-антропологами, можетъ быть оспариваема; „тѣ же особенности преступниковъ, которыя отмѣ-чены вѣрно, — это *послѣдствія*, а не причина преступленія; это тѣ видоизмѣненія и извращенія, которыя порождаетъ жизнь порока и злодѣянія“. Переходя отъ психологіи преступности къ социальнымъ фак-торамъ, ее вызывающимъ, Жоли находитъ, что „причины экономиче-скія подчинены причинамъ социальнымъ, а послѣдныя — причинамъ мо-ральнымъ, которыми, прямо или косвенно, но порождаются самыя мно-гочисленныя и самыя грозныя послѣдствія. Жоли не представляетъ себѣ въ обществѣ какихъ-нибудь факторовъ, которые въ концѣ-кон-цовъ не сводились бы къ тѣмъ или инымъ — дурнымъ или хорошимъ, — свойствамъ и поступкамъ личностей, составляющихъ общество“. Съ этой точки зрѣнія онъ и разсматриваетъ три главныхъ, по его мнѣнію, фактора преступности: деклассацию (то-есть удаленіе человѣка изъ

естественныхъ группъ, сдерживающихъ его дурные инстинкты,—изъ семьи, школы, общины, корпораціи, отечества), проституцію и „дурную политику“. Сообразно такимъ воззрѣніямъ построена и система борьбы съ преступленіемъ: воздѣйствіе на моральное чувство почти цѣликомъ сводится къ устрашенію и передъ нашими глазами—суровая лѣстница наказаній, начинающаяся одиночнымъ заключеніемъ и завершаемая гильотиной. Свои возраженія противъ первой части теоріи Жоли г. Синицкій сводитъ къ слѣдующимъ положеніямъ: „поскольку доктрина Жоли о социальныхъ факторахъ преступности носитъ моралистически-анатомическій характеръ, она 1) не указываетъ истинныхъ факторовъ преступности; 2) препятствуетъ рациональной постановкѣ вопроса о борьбѣ съ преступленіемъ и 3) противорѣчатъ фактамъ дѣйствительности“. Указавъ затѣмъ на недостатки проповѣдуемой Жоли системы борьбы съ преступленіемъ (она получаетъ у него характеръ борьбы съ преступниками), г. Синицкій переходитъ къ положительнымъ сторонамъ рассматриваемаго ученія. „Есть правда,—говоритъ онъ,—на сторонѣ антропологовъ, есть правда и на сторонѣ классиковъ, а еще большая истина должна быть, повидимому, завоевана“. „Къ числу соединительныхъ (между теоріями классиковъ и антропологовъ) ученій принадлежитъ и доктрина Жоли, который стремится обосновать идею отвѣтственности и идею наказанія позитивнымъ изученіемъ фактовъ дѣйствительности“. Главною же заслугой Жоли г. Синицкій считаетъ теорію деклассаціи, которая, по его мнѣнію, „должна быть признана выдающеюся научною теоріей“. Ее-то авторъ излагаемой статьи выдвигаетъ и развиваетъ уже самостоительно въ послѣдней главѣ. Формулируется она такъ: „между преступностью и процессами общественной диссолидарности существуетъ самая тѣсная причинная зависимость“. Мы не имѣемъ, конечно, возможности разбирать здѣсь эту теорію; замѣтимъ только, что г. Синицкій не избѣгъ въ своей проповѣди нѣкоторыхъ ошибокъ Жоли, ранѣе имъ самимъ указанныхъ (ср., напримѣръ, конецъ стр. 271 со стр. 292). Тѣмъ не менѣе, на нашъ взглядъ, это самая интересная статья *Сборника*. Укажемъ далѣе на солидное и даже нѣсколько тяжеловѣсное изслѣдованіе В. В. Пржевальскаго, излагающее исторію и принципы предпринятаго Союзнымъ Совѣтомъ объединенія голоднаго законодательства Швейцаріи. Выработанная уже проф. Штоссомъ, общая часть кодекса отличается оригинальностью и, по мнѣнію лучшихъ авторитетовъ Европы, вполне отвѣчаетъ современнымъ научнымъ требованіямъ. Изъ доклада А. А. Кауфмана узнаемъ о результатахъ статистическаго изслѣдованія Восточной Сибири, предпринятаго по почину иркутскаго генер.-губ. графа Игнатъева. Авторъ характеризуетъ въ общихъ чертахъ „матеріалы“, собранные экспедиціей, даетъ перечень сторонъ сибирской жизни, которыхъ они касаются, и подробно останавливается на вопросѣ „о степени емкости охваченнаго изслѣдованіемъ района для будущихъ переселеній“. „Хотячій взглядъ,— говоритъ онъ,— что безпредѣльные пространства Сибири могутъ вмѣстить еще милліоны и десятки, даже чуть не сотни милліоновъ населенія, далеко не отвѣчаетъ дѣйствительности“: какъ въ западной, такъ и въ восточной Сибири уже чувствуется недостатокъ въ земляхъ, пригодныхъ для земледѣльческой культуры, и до тѣхъ поръ, пока не будутъ затрачены громадныя деньги на осушеніе болотъ и ирригацію, нечего падѣяться на неистощимый въ Сибири запасъ земель для переселенія. В. Ф. Дерюжинскій въ своей небольшой статьѣ знакомитъ насъ съ устройствомъ, составомъ и дѣя-

комитета иностранных законодательствъ во Франціи. Опы-
 тныя, но черезъ-чуръ спеціальныя для нашихъ читателей
 г. Суворова (*Книга по церковному праву*) и г. Вербловскаго
лучшій проектъ вотчиннаго устава), скажемъ нѣсколько словъ о
 одной лекціи П. И. Новгородцева, посвященной имъ разбору *По-
 литическихъ идеаловъ Платона*. Авторъ ея ставитъ себѣ задачей:
 „указать связь платоновскихъ идеаловъ съ греческою исторіей и вы-
 яснить ихъ своеобразность“. Перваго онъ достигаетъ сопоставленіемъ
 твореній Платона съ такими фактами, какъ борьба демоса съ аристо-
 кратіей, слѣдовавшая за вѣкомъ Перикла, смерть Сократа, бѣгство
 Платона, гонимаго народомъ, знакомство его съ сиракускимъ дворомъ
 и т. д. Своеобразность платоновскихъ взглядовъ видитъ онъ въ той
теократической окраскѣ, которую придаетъ этотъ философъ своему
 аристократическому идеалу крѣпкаго государственнаго строя. „Въ
Законахъ, какъ и въ *Государствѣ*,—говоритъ г. Новгородцевъ,—чув-
 ствуется духъ средневѣковаго нетерпимаго католицизма: то же убѣж-
 деніе въ обладаніи непогрѣшимой истиной и то же недоверіе къ лич-
 нымъ усиліямъ людей“. Выясненіе этой двойственности въ ученіи Пла-
 тона и составляетъ главное содержаніе разсматриваемой лекціи. Вто-
 рая половина *Сборника* занята, по обыкновенію, хроникой, состоящей
 изъ обзора текущаго законодательства и изъ литературнаго обзорѣнія
 вновь появившихся юридическихъ сочиненій.

Набросокъ соображеній изъ волостной юстиціи. А. М. Чер-
 нова. Гжатскъ, 1895 г. Цѣна 1 р. Книга эта затрогиваетъ одинъ
 изъ весьма важныхъ вопросовъ, сдѣлавшихся въ послѣднее время осо-
 бенно частою темой консервативнаго лагеря печати,—вопросъ о роз-
 гахъ, о примѣненіи ихъ въ волостной юстиціи. Авторъ задался цѣлью
 указать на ненормальность и даже невозможность примѣненія этой мѣры
 наказанія въ крестьянскомъ быту, попутно указывая на то, что горя-
 чіе защитники розги не имѣютъ самаго первоначальнаго знакомства
 какъ съ дѣйствующимъ закономъ, такъ и съ существомъ и практикой
 трактуемаго предмета, почему и вносятъ въ общественную мысль одно
 только недоумѣніе. Въ частности эта книга отвѣчаетъ на вспыхнув-
 шую живую полемику по поводу ревизіи смоленскаго губернатора въ
 1893 г., открывшей, что въ одномъ участкѣ земскій начальникъ упразд-
 нилъ практику сѣченія.

Съ 19 февраля 1861 г. волостному суду предоставлялось подвер-
 гать виновныхъ на ряду съ другими наказаніями и розгамъ до 20-ти
 ударовъ, причѣмъ вошедшій въ силу приговоръ исполнялся волост-
 нымъ старшиною безъ всякаго промедленія. По преобразованіи волост-
 ныхъ судовъ въ 1889 г. имъ предоставлена была *большая компетенція*
 какъ по роду подсудныхъ дѣлъ, такъ и по размѣрамъ наказанія, но
 способъ исполненія рѣшеній остался тотъ же для всѣхъ случаевъ, *кро-
 мѣ стѣненія*, приговоръ о которомъ не можетъ быть исполненъ иначе,
 какъ съ разрѣшенія земскаго начальника, имѣющаго право замѣнять
 сѣченіе штрафомъ и арестомъ. Для выясненія тенденціи законодателя
 г. Черновъ обращается за справками къ общественнымъ условіямъ
 времени, создавшаго розгу, какъ мѣру наказанія, и причинамъ, побудив-
 шимъ законодателя оставить ее неприкосновенной и по освобожденіи
 крестьянъ. Розга глубоко проникала правосознаніе народа и была де-
 шева и цѣлесообразна (остальные роды наказаній, какъ арестъ и об-
 щественныя работы, были непригодны потому, что представляли собой
 скорѣе не наказаніе, а отдыхъ; что касается денежнаго штрафа, то

онъ представлялъ собой наказаніе неосуществимое при оброчной недоимкѣ и мало понятное въ средѣ, гдѣ всѣ жизненныя потребности удовлетворялись натуральнымъ трудомъ. общественныхъ работъ не существовало и присужденный къ нимъ развѣ только подметалъ дворъ волостного правленія). Прошло почти тридцать лѣтъ, въ теченіе которыхъ успѣло измѣниться многое: проникло въ умы низшаго сословія равенство передъ закономъ, развилась грамотность, время стало цѣниться дороже и лишеніе благъ въ видѣ штрафа и въ видѣ ареста стало считаться чувствительнымъ наказаніемъ и, наконецъ, сдѣлано было изъятіе розги сначала изъ учебныхъ заведеній, а потомъ и изъ житейскаго обихода. И вотъ прогрессъ въ общественномъ отношеніи дошелъ до того, что къ 1889 г. разновременными изъятіями были освобождены отъ розги: весь женскій полъ, не взирая на сословія, дворяне, почетные граждане, купцы, духовенство, мѣщане и дѣти изъятыхъ родителей. А въ сферѣ податного сословія освобождались воспитанники учебныхъ заведеній, прослужившіе въ низшихъ должностяхъ, имѣющіе знаки отличія, солдаты и, вообще, носившіе военный мундиръ, служащіе и служившіе въ выборныхъ общественныхъ должностяхъ, лица старше 60 лѣтъ, страдающіе различными болѣзнями и лѣсные сторожа. Опредѣляя количество лицъ податного сословія, подлежащихъ сѣченію, мы видимъ, что оно не велико. Кромѣ того, въ общественное сознаніе проникла сущность этихъ изъятій и постыдность розги, какъ наказанія посрамляющаго. И если законодатель оставилъ розгу, то только въ силу нерѣшимости порвать окончательно связь съ прежними законодательными принципами. За то земскому начальнику предоставлено право не обращаться къ розгѣ, а *замѣнять ее* другими наказаніями по своему усмотрѣнію, но не *замѣнять послѣднія розгою*. Это *строю-отрицательное* право земскаго начальника и опредѣляетъ предѣлы сѣченія. А. М. Черновъ, обращаясь къ функціи земскаго начальника, дѣлаетъ дальнѣйшій выводъ о томъ, что право отмѣны розогъ предоставлено дворянству, какъ такому изъ сословія, которое давно было свободно отъ тѣлесныхъ наказаній и потому болѣе способно понять, насколько глубоко задѣвается чувство чело-вѣческаго достоинства примѣненіемъ розогъ, а не волостному старшинѣ, какъ прежде. Причемъ отмѣна распространяется даже на *окончательно вошедшее въ силу судебное рѣшеніе*. Слѣдовательно, нельзя и думать о томъ, чтобы законодательство стремилось расширить районъ примѣненія розги.

Разсматривая цѣлесообразность розги, какъ наказанія, съ юридической точки зрѣнія, авторъ приходитъ къ неутѣшительнымъ выводамъ. Розга не выдерживаетъ критики ни въ одномъ отношеніи, прилагаемомъ юриспруденціей къ системѣ наказаній. Кромѣ того, сравнивая взятые изъ устава о наказаніяхъ проступки, наказуемые розгой и ненаказуемые ею, мы находимъ удивительную несообразность, благодаря которой, наприм., подлежатъ проступки противъ личности и не подлежатъ случаи, когда задѣты интересы общественныя (см. стр. 42, 43).

Розга не устанавливаетъ и справедливости въ размѣрѣ наказанія, такъ какъ одинъ за одинъ и тотъ же проступокъ (усиливающийся тѣмъ, наприм., что его совершило лицо грамотное, или побывавшее въ извѣстной дисциплинѣ, какъ солдатъ, или обложенное общественнымъ довѣріемъ) не наказуется, а другіе подлежатъ поркѣ. Общая тенденція должна идти по тому направленію, которое намѣчено освобожденіемъ

— по пути уничтоженія всякихъ позорящихъ человѣка на-
Таковъ выводъ изъ книги г. Чернова и съ нимъ не можетъ
масься всякій, кто прочтетъ эту живую, толково написанную
шту человѣческаго достоинства.

Юридическая Библиотека. Честь въ философіи и въ правѣ.
Проф. І. Экштейна. Пер. съ нѣм. Б. Л. Г—ча. Изд. Я. Канторовича.
Спб., 1895 г. Если остальные выпуски *Юридической Библиотеки* г. Кан-
торовича будутъ похожи на этотъ первый, то мы не поздравляемъ русской
читающей публики. Проф. Экштейну не слѣдовало писать своей книж-
ки, г. Б. Л. Г—чу не слѣдовало ее переводить, г. Канторовичу не
слѣдовало ее издавать. Авторъ начинаетъ свое *Введение* загадочными
словами: „Передъ нами теперь, какъ и прежде, стоитъ вопроситель-
ный знакъ“... Читатель недоумѣваетъ, о чемъ идетъ рѣчь, но проф.
Экштейнъ этого недоумѣнія разсѣивать не хочетъ и продолжаетъ вѣ-
щать таинственныя изреченія какъ будто бы о философіи, какъ будто
бы о правѣ, какъ будто бы о вѣчности. Безконечно-длинная болтовня
наполняетъ все произведеніе г. профессора, и только съ большимъ тру-
домъ читатель догадывается, о чемъ съ нимъ бесѣдуетъ авторъ. Проф.
Экштейнъ задался цѣлью показать, насколько гармонируетъ съ пра-
вомъ наша современная честь“ (стр. 4). Не высяняя понятія чести,
смѣшивая его съ честолюбіемъ, переплетая отовсюду надерганныя ци-
таты съ собственными откровеніями, дѣлая „экскурсіи“ въ область сво-
боды воли и въ разныя другія области, но не оставаясь подолгу нигдѣ,
почтенный профессоръ говоритъ такъ много, темно и запутанно, что
вы съ нѣкоторымъ ужасомъ пробираетесь севозъ дебри его краснорѣ-
чія и приходите къ центральному пункту его трактата. Г. профессоръ
находитъ, что государство должно заступаться за идеальную личность
и наказывать всякое оскорбленіе чести, въ чемъ бы оно ни проявля-
лось; въ такомъ случаѣ прекратятся дуэли и все будетъ благополучно.
Но авторъ считаетъ лишнимъ объяснять, какимъ именно образомъ го-
сударство можетъ охранять внутреннюю честь индивидуума и наказы-
вать тѣ неуловимо-тонкія обиды, которыя не нарушаютъ, однако, правъ
обиженнаго. Онъ хочетъ, чтобы дѣла, часто кончающіяся дуэлью, „были
предоставлены общимъ судебнымъ мѣстамъ, причемъ судьи должны рѣ-
шать ихъ не на основаніи своего внутренняго убѣжденія, а на осно-
ваніи законовъ“ (стр. 123). Изъ той вѣрной мысли, что между правомъ
и нравственностью не должно быть пропасти, проф. Экштейнъ выво-
дитъ заключеніе, что государство должно оберегать мою честь и мстить
за меня не только когда я подвергаюсь клеветѣ или оскорбленію сло-
вами или дѣйствіемъ, но и когда кто-нибудь доставить мнѣ непріятное
ощущеніе, омрачить мое настроеніе духа и т. д. Своихъ воззрѣній
г. профессоръ нигдѣ не формулируетъ точно и ясно и, возлагая на
государство такія сложныя обязанности, самъ не беретъ на себя труда
разграничить понятія внѣшней чести и внутренняго достоинства и во-
обще мыслить болѣе логически и болѣе юридически.

Если къ особенностямъ нѣмецкаго оригинала прибавить еще пре-
дести русскаго перевода, то впечатлѣніе получится прямо юмористи-
ческое. Г. переводчикъ не только не умѣетъ переводить, но и не зна-
етъ русской грамоты. Онъ употребляетъ такія слова, какъ „бессо-
мнѣнно“ (стр. 12), онъ говоритъ, что „Томавій... различалъ три сорта
въ понятіи хорошаго“ (стр. 75), онъ находитъ, что „въ этомъ взглядѣ...
лежить... жестокая ошибка“ (стр. 6), онъ, наконецъ, какъ это видно
изъ выноски на стр. 32, глубоко убѣжденъ, что Беконъ былъ нѣмецъ.

Такіе перлы въ изобиліи разсыпаны чуть ли не въ каждой строкѣ. Присоедините еще сотни грубѣйшихъ опечатокъ и вы поймете, какъ пріятно читать книгу проф. Экштейна въ переводѣ г. Б. Л. Г—ча.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

„Введеніе къ изученію теоріи химическихъ равновѣсій“. П. Хрущова.

Введеніе къ изученію теоріи химическихъ равновѣсій. П. Хрущова. Харьковъ, 1894 г. Цѣна 1 руб. 25 коп. При ежедневно возрастающемъ значеніи термодинамики для теоретической химіи нельзя не привѣтствовать появленіе въ русской литературѣ книги г. Хрущова, которая можетъ служить введеніемъ къ изученію химической динамики.

Въ составъ книги вошли лекціи, читанныя авторомъ въ Харьковскомъ университетѣ въ теченіе зимняго сезона 1892—1893 года. Книгу автора можно раздѣлять на три отдѣла: въ первомъ авторъ, послѣ ознакомленія читателя съ явленіями химическихъ равновѣсій, излагаетъ методъ изслѣдованія этихъ явленій, основанный на измѣреніи дѣйствія массъ. Имъ довольно подробно разсматривается теорія Гульдберга и Воге и приводятся главнѣйшіе результаты ихъ работъ, равно какъ и работы французскаго химика Lemoine'a.

Послѣ того какъ такимъ образомъ читатель довольно обстоятельно ознакомится съ тѣми опытными данными, какія извѣстны относительно явленій химическихъ равновѣсій, авторъ во второмъ отдѣлѣ знакомитъ со вторымъ методомъ изученія этихъ явленій, —методомъ, основаннымъ на законахъ термодинамики, причѣмъ онъ сперва обстоятельно разсматриваетъ первый законъ термодинамики и къ его примѣненію къ химіи, затѣмъ второй законъ, и разбираетъ нѣсколько случаевъ примѣненія уравненія Клапейрона къ физическимъ (явленія испаренія и плавленія) и химическимъ (явленія диссоціи).

Послѣ этого онъ переходитъ къ выясненію понятія „термодинамической потенціалъ“ и показываетъ, какимъ путемъ это понятіе можетъ служить для рѣшенія вопросовъ химической динамики; съ этою цѣлью онъ посвящаетъ цѣлую главу изложенію теоріи диссоціи по М. Планку. Разсмотрѣніе приложеній термодинамики приводитъ автора къ изслѣдованію современной теоріи растворовъ и къ оцѣнкѣ роля, которую въ ней играютъ гипотезы Фанги, Гоффа и Аррениуса. Изложивъ теорію Аррениуса, авторъ въ заключеніе указываетъ, что путь, данный Аррениусомъ для объясненія электропроводности, не единственный: возможны другія объясненія, и авторъ знакомитъ съ теоріей электропроводности, основанія которой даны англійскимъ физикомъ J. J. Thomson'омъ.

Послѣдняя, заключительная, глава посвящена динамической теоріи химическихъ равновѣсій, данной въ книгѣ J. J. Thomson'a *Application of dynamics to physics and chemistry*.

Предварительно авторъ даетъ краткую характеристику динамическихъ уравненій Лагранжа и уясняетъ ихъ физическій смыслъ.

Таково въ общемъ содержаніе книги г. Хрущова. Несомнѣнно, она можетъ оказать большую услугу лицу, приступающему къ основательному изученію химической динамики. Прибавимъ только, что по самому существу дѣла она доступна для лицъ, которыя знакомы съ началами высшаго математическаго анализа.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

„О насѣкомыхъ, вредящихъ домашнимъ животнымъ и пчеламъ“. К. Э. Линдемана. — „Лошадь, строеніе ея тѣла и наружные признаки, опредѣляющіе здоровье, силу и годность ея къ работѣ“. А. А. Соколова. — „Отчетъ по опытному полю полтавскаго сельско-хозяйственнаго общества за 1894 годъ“. В. Н. Дьякова.

О насѣкомыхъ, вредящихъ домашнимъ животнымъ и пчеламъ. К. Э. Линдемана. Изд. К. И. Тихомирова. Москва, 1895 г. Цѣна 10 к. Въ новой маленькой брошюрѣ проф. Линдемана описаны строка (муха, поселяющаяся подъ кожей рогатаго скота), мухи и оводы, вредящіе лошадямъ и овцамъ, а изъ числа враговъ пчеловодства — пчелиная вошь, майка, восковая моль и личинки жука-пестряка; для послѣднихъ четырехъ насѣкомыхъ сдѣланы только самыя краткія указанія. Изъ мѣръ борьбы сравнительно подробно описаны простыя предупредительныя и лечебныя мѣры противъ строки, сильное размноженіе которой наблюдалось, между прочимъ, и въ окрестностяхъ Москвы. Изложеніе сопровождается 8 рисунками.

Лошадь, строеніе ея тѣла и наружные признаки, опредѣляющіе здоровье, силу и годность ея къ работѣ. Составилъ А. А. Соколовъ. Спб., 1895 г. Изд. Девріена. Ц. 1 р. 50 к. Авторъ, ветеринарный врачъ и преподаватель иппологіи въ Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ, издалъ книжку для сельско-хозяйственныхъ школъ, кавалерійскихъ и ветеринарно-фельдшерскихъ училищъ. Привлекательнымъ и заслуживающимъ подражанія элементомъ новаго изданія служить отпечатанный красками разборный рисунокъ лошади съ подробными объясненіями, относящимися къ экстерьеру, скелету, мышцамъ, сосудамъ и внутренностямъ; этотъ рисунокъ значительно облегчаетъ первоначальное ознакомленіе съ топографическою анатоміей лошади. Въ текстѣ имѣется 45 полиптичекъ, изображающихъ преимущественно зубы и копыта. Низшимъ сельско-хозяйственнымъ школамъ руководство г. Соколова принесетъ несомнѣнную пользу и, кромѣ того, вѣроятно, окажется пригоднымъ для повторительнаго обзора иппологіи въ среднихъ земледѣльческихъ училищахъ и для самообразованія.

Отчетъ по опытному полю полтавскаго сельско-хозяйственнаго общества за 1894 годъ. Составилъ В. Н. Дьяковъ. Полтава, 1895 г. Полтавское опытное поле, благодаря настойчивости своихъ устроителей и руководителей, заняло видное мѣсто въ ряду русскихъ учрежденій экспериментальной агрономіи. Полтавское губернское земство, оказавшее существенную денежную поддержку опытному полю, исполняло, въ сущности, общегосударственную службу, результатами которой несомнѣнно воспользуется и министерство земледѣлія при открытіи новыхъ опытныхъ учреждений и при возобновленіи дѣятельности старыхъ опытныхъ полей, не баловавшихъ насъ печатаніемъ трудовъ. Послѣдній годовою отчетъ знакомитъ читателей съ работами, исполнявшимися въ десятый годъ существованія полтавскаго поля. Многія количественныя отиѣтки сопоставлены хронологически съ давними прежнихъ девяти лѣтъ. Съ осени 1893 года полтавское поле къ прежнему своей площади въ 21 десятину присоединило новую площадь въ 45 десятинъ, и на этомъ вновь купленномъ участкѣ съ весны 1894 года начались новые опыты. Изъ числа ихъ обращаемъ вниманіе на испытаніе разныхъ приѣмовъ обработки почвы въ трехпольномъ сѣвооборотѣ примѣнительно къ условіямъ крестьянскаго хозяйства.

ТЕХНИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Уксусъ“. Т. Мартинсона. — „Практическое руководство къ выдѣлкѣ разнообразныхъ сортовъ и по различнымъ способамъ подошвенныхъ кожъ“. М. А. Рылова.

Уксусъ. Скорая и медленная его фабрикація. Краткое популярное руководство, необходимое для заводовъ и для всякаго хозяйства. Съ 8 рисунками. Съ прибавленіемъ извлеченій изъ химіи Муспрата. Составилъ Т. Мартинсонъ. Спб. Цѣна 1 рубль. Эта небольшая книжка содержитъ методы и рецепты для приготовленія разныхъ сортовъ уксуса, общія понятія объ уксусѣ и уксусной кислотѣ, о броженіи, объ испытаніи и храненіи и пр.,—однимъ словомъ, почти все, что необходимо для основательнаго ознакомленія съ производствомъ. Г. Мартинсонъ назвалъ свое руководство краткимъ и популярнымъ. И то, и другое несомнѣнно вѣрно. На 78 страницахъ можно весьма обстоятельно и довольно подробно изложить сущность этого весьма несложнаго дѣла. Нельзя также назвать его популярнымъ, потому что въ немъ встрѣчаются всѣ химическіе термины (окисленіе, броженіе, составъ тѣлъ, ферменты и пр.) и понятія, какія мы находимъ въ руководствахъ химической технологіи. Г. Мартинсонъ приводитъ даже химическія формулы съ объясненіемъ ихъ значенія. Научныя знанія авторъ вообще считаетъ необходимыми. „Чтобы вести съ успѣхомъ,—говоритъ онъ,—какое-либо производство, основанное на химическихъ законахъ, необходимо совершенно ясное представленіе о сущности тѣхъ химическихъ манипуляцій, слѣдствіемъ которыхъ образуются нужныя химическія соединенія“. Все это, конечно, совершенно справедливо. Но чтобы достигнуть этого, прежде всего, нужно образованіе, нужны извѣстныя научныя свѣдѣнія, безъ которыхъ нельзя составить никакого техническаго руководства. Разныя лубочныя изданія могутъ служить доказательствомъ этого, какъ можно путемъ книгопечатнаго станка распространять въ народныхъ массахъ вмѣсто знаній невѣжество, вмѣсто научныхъ истинъ—всякаго рода нелѣпости.

Нужно отдать справедливость, авторъ дѣйствительно старается разъяснять научныя основы уксуснаго производства; но, къ сожалѣнію, это ему не всегда удается и онъ зачастую своими странными выраженіями и оборотами совершенно затемняетъ суть дѣла, а мѣстами даетъ даже невѣрное представленіе о предметѣ. Такъ, на стр. 9 онъ масляную кислоту называетъ кислотой коровьяго масла и говоритъ о какихъ-то несуществующихъ броженіяхъ молочной кислоты, плѣсени, угольной кислоты. Есть дѣйствительно молочнокислое броженіе, но это броженіе сахара, а не молочной кислоты. Столь рѣзкое смѣшеніе понятій повторяется и на стр. 12. И такихъ погрѣшностей противъ научныхъ основъ въ книгѣ г. Мартинсона довольно много. Особенно богато ими прибавленіе изъ химіи Муспрата, трактующее о добываніи чистой уксусной кислоты изъ древеснаго уксуса. Извлеченіе сдѣлано, повидимому, безъ пониманія техническихъ процессовъ производства, и отпечатано безъ всякаго сколько-нибудь компетентной предварительной редакціи.

Практическое руководство къ выдѣлкѣ разнообразныхъ сортовъ и по различнымъ способамъ подошвенныхъ кожъ (соковыхъ, гемлокъ, шведскихъ, буфель, хлѣбныхъ, спиртовыхъ, полувалу и мостовья съ указаніемъ возможности примѣненія къ выдѣлкѣ подошвы электрическаго (скараго) дубленія). Составилъ кожевенный мастеръ М. А. Рыловъ. Часть I. Вятка. Ц. 60 коп.

Въ предисловіи г. Рыловъ рассказываетъ о тѣхъ затрудненіяхъ, съ которыми приходится сталкиваться авторамъ техническихъ сочиненій при изданіи своихъ трудовъ. Еще въ 1889 г. было приготовлено къ печати исправленное и дополненное 3-е изданіе кожевеннаго производства. Авторъ обратился за содѣйствіемъ къ болѣе крупнымъ издательскимъ фирмамъ, но сочувствія не встрѣтилъ. Тогда онъ открылъ подписку среди кожевенныхъ заводчиковъ, но и здѣсь потерпѣлъ неудачу: изъ 13,000 подписалось только 38. Вслѣдствіе этого, полное изданіе пришлось отложить на неопредѣленное время; теперь же отпечатана только одна 4-я часть, касающаяся выдѣлки подошвенныхъ кожъ. По этому весьма важному отдѣлу кожевеннаго производства на русскомъ языкѣ почти нѣтъ сколько-нибудь удовлетворительныхъ руководствъ.

Въ качествѣ опытнаго мастера по кожевному дѣлу, г. Рыловъ хорошо знакомъ какъ съ техникой производства, такъ и съ положеніемъ этой промышленности въ Россіи. Его книжка съ пользою будетъ прочитана не только мастерами и заводчиками, но также и студентами-технологами. Къ недостаткамъ этого труда нужно отнести нѣсколько тяжеловатый языкъ и недостаточно ясное изложеніе, а въ особенности то обстоятельство, что авторъ почему-то „избѣгалъ теоретическихъ разсужденій“. Этого тѣмъ болѣе не слѣдовало дѣлать, что, по его собственному признанію, „безъ теоріи непонятенъ процессъ въ техническихъ производствахъ“.

Особенно интересна глава о примѣненіи электричества къ дубленію кожъ. Въ короткихъ словахъ, но достаточно ясно и толково, авторъ успѣлъ передать сущность этого новаго и весьма интереснаго способа. Значительно ускоряя выработку кожанаго товара, способъ этотъ, съ дальнѣйшимъ его усовершенствованіемъ, долженъ произвести настоящій переворотъ въ производствѣ.

МЕДИЦИНА.

„Кормленіе дѣтей въ первый годъ жизни“. Альбрехта.—„Пища маленькихъ дѣтей“. *Tedeschi*.—„Какъ взрастить здороваго ребенка“.—„Берегите глаза новорожденныхъ“. В. Бараца. — „О пьянствѣ дѣтей и о вліяніи вина на дѣтскій организмъ“. В. Ф. Якубовича.—„Физическое воспитаніе въ школь“. А. Гриневскаго.

Кормленіе дѣтей въ первый годъ жизни. Альбрехта. Переводъ подъ редакціей Л. О. Финнельштейна. Спб., 1894 г. Ц. 50 к.— Пища маленькихъ дѣтей. *Tedeschi*. Пер. съ итальянскаго. Кіевъ, 1894 г. Ц. 25 к.— Какъ взрастить здороваго ребенка. (Совѣты и указанія молодымъ матерямъ). М., 1894 г. Ц. 25 к.— Берегите глаза новорожденныхъ. Наставленіе родителямъ, какъ предупредить и умалить опасность гнойнаго воспаленія глазъ у младенцевъ. В. Бараца. Кіевъ, 1894 г. Ц. 10 к.— О пьянствѣ дѣтей и о вліяніи вина на дѣтскій организмъ. В. Ф. Якубовича. Спб., 1894 г. Ц. 25 к.— Физическое воспитаніе въ школь. А. Гриневскаго. Одесса, 1894 г. Ц. 20 к. Изъ перечисленныхъ книжекъ только двѣ—Альбрехта и *Tedeschi*—касаются, главнымъ образомъ, вопросовъ питанія грудныхъ дѣтей и искусственнаго ихъ вскармливанія. Рекомендуется, конечно, чтобы всякая мать сама кормила своего ребенка, но такъ какъ это не всегда возможно, то приходится прибѣгать къ суррогатамъ; въ обѣихъ книжкахъ для этого совѣтуется о стерилизованномъ молоке. Итальянскій авторъ особенно въ

мущается распространенною у насъ мукой Нестле, въ которой Альбрехтъ относится безразлично. Обѣ книжки имѣютъ каждая свои достоинства и недостатки, хотя по содержанию мало отличаются другъ отъ друга; очень цѣнное достоинство сочиненія Альбрехта, во-первыхъ, — выводы, сгруппированные въ концѣ книги въ видѣ кратко формулированныхъ правилъ, а, во-вторыхъ, дополненія редакціи, касающіяся условій русской жизни. Книжка неизвѣстнаго автора *Какъ взроститъ здороваго ребенка* обнимаетъ собою уже всѣ элементы воспитанія; въ ней говорится объ устройствѣ дѣтской спальни, объ уходѣ за ребенкомъ въ первое время его жизни, о кормленіи, о началѣ ходьбы, о рѣчи ребенка, объ его игрушкахъ и т. д. Правда, имѣющіяся указанія очень коротенькія, но, тѣмъ не менѣе, имъ нельзя отказать, во-первыхъ, въ практичности, въ смыслѣ возможности выполненія въ жизни, а, во-вторыхъ, и въ оригинальности; въ чемъ нельзя, однако, согласиться съ авторомъ—во времени начала прикармливанія: 3—4 мѣсяца, показанные имъ, слишкомъ нѣжный возрастъ для начала прикармливанія; это можетъ быть допущено только въ исключительныхъ условіяхъ. Брошюрка г. Бараца, весьма обстоятельно написанная, содержитъ наставленіе родителямъ, „какъ предупреждать и умалять опасность гнойнаго воспаленія глазъ у младенцевъ“. По языку она приспособлена къ понятіямъ простаго народа, въ виду чего нельзя не пожелать широкаго распространенія ея, тѣмъ болѣе, что гнойное воспаленіе глазъ у новорожденныхъ — болѣзнь совсѣмъ не рѣдкая; но цѣна книжки сравнительно высока. Публичная лекція г. Якубовича *О пьянствѣ дѣтей и влияніи вина на дѣтскій организмъ* въ большей части своей посвящена вопросу о вредѣ пьянства вообще, о влияніи алкоголизма на вырожденіе и проч., уже достаточно заѣзженные вопросы. Лекторъ приводитъ далѣе нѣсколько примѣровъ изъ иностранной литературы привычныхъ дѣтей пьяницъ; причины развитія пьянства среди дѣтей лекторъ видитъ въ невѣжествѣ родителей, бѣдности ихъ и, наконецъ, въ томъ, что сами врачи способствуютъ развитію дурныхъ привычекъ широкимъ назначеніемъ спирта въ дѣтской практикѣ.

О роли гимнастики въ дѣлѣ физическаго воспитанія въ школахъ намъ уже приходилось говорить на страницахъ *Русской Мысли* по поводу дѣтскихъ игръ на открытомъ воздухѣ, горячо рекомендованныхъ докторомъ Покровскимъ въ его книгѣ *Дѣтскія игры и гимнастика въ отношеніи воспитанія и здоровья молодежи*, причѣмъ взглядъ д-ра Покровскаго на гимнастику, какъ на плохой суррогатъ дѣтскихъ игръ въ дѣлѣ физическаго развитія, слѣдуетъ считать правильнымъ. Всякая гимнастика, съ машинами или безъ нихъ, носить въ себѣ, во-первыхъ, характеръ чего-то принудительнаго, однообразнаго до скуки, а, во-вторыхъ, требуетъ устройства гимнастическихъ залъ и, слѣдовательно, затратъ. Дѣло школы въ отношеніи физическаго воспитанія состоитъ не только въ томъ, чтобы развить мышцы, но и доставить и физической, и моральный отдыхъ; гимнастика же, во всякомъ случаѣ, не можетъ доставить ни того, ни другого, — это только смѣна напряженнаго сидѣнья въ классѣ напряженнымъ же маршированьемъ, лазаньемъ, прыганьемъ и проч. Г. Гриневскій, раздѣляя отчасти эти же взгляды на такъ называемую шведскую гимнастику, видитъ въ гимнастикѣ на машинахъ возможность развить и силу, и ловкость въ дѣтяхъ и, видѣтъ съ тѣмъ, доставить имъ и необходимый моральный отдыхъ отъ занятій; для этого г. Гриневскій проектируетъ устройство гимнастическихъ залъ, образованіе особаго класса учителей гимнасти-

ки, учрежденіе институтовъ для образованія такихъ учителей и, наконецъ, учрежденіе особой должности инспектора гимнастики, который время отъ времени могъ бы ревизовать дѣятельность учителей, вообще цѣлый департаментъ гимнастики. Такъ какъ устройство гимнастическихъ залъ стѣитъ весьма не дешево и доступно, конечно, только большимъ городамъ, то уже этимъ самымъ роль машинной гимнастики суживается весьма значительно — для громаднаго большинства учащихся она совершенно недоступна. Затѣмъ едва ли даже производительны будутъ и эти затраты и на залы, и на учителей, и на учрежденіе институтовъ, и на самого инспектора включительно, — никакая гимнастика замѣнить игры въ мячъ на луку, катанья на конькахъ, снѣжковъ и т. п. не можетъ, также какъ не можетъ она и парализовать хоть сколько-нибудь вредъ шестичасового сидѣнья въ классѣ.

УЧЕБНИКИ И КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

„Систематическій диктантъ по русскому языку“. А. Костина. — „Изъ лекцій по теоріи словесности“. А. А. Потебни. — „Россія“. С. Меча. — „Юанна д'Аркъ“. Н. М. Деметъевой. — „Маленькія дѣти“. Н. А. Соловьева-Несмелова. — „Сказки и рассказы для дѣтей младшаго вѣраста“. Д. И. Мамина-Сибиряка. — „Азь-Бозать“. Елю же. — „Рождественская звѣзда“. И. Горбунова-Посадова.

Систематическій диктантъ по русскому языку. Для начальныхъ городскихъ и сельскихъ училищъ (книга для учащихся). Составилъ А. Костинъ. Самара. Цѣна 35 к. безъ пересылки. Всякому извѣстно, что сборникъ диктантовъ долженъ отличаться грамотностью, а систематическій сборникъ диктантовъ, сверхъ того, и системой, а между тѣмъ, въ *Систематическомъ диктантѣ* г. Костина замѣчается не только безграмотность, но и отсутствіе системы. Въ самомъ дѣлѣ, въ довольно большомъ предисловіи нашего составителя къ его „диктанту“ мѣстами встрѣчаются такая диковинная разстановка знаковъ препинанія и такое запутанное изложеніе, что подчасъ рѣшительно мудрено понять, о чемъ именно идетъ рѣчь. Остановимся всего только на одномъ примѣрѣ. Г. Костинъ, между прочимъ, говоритъ: „Здѣсь, на урокъ, провѣрка работъ имѣетъ, кажется, наглядное преимущество: каждая допущенная ошибка кѣмъ-либо изъ учениковъ пройдетъ черезъ цѣлый классъ и сдѣлается полнымъ достояніемъ (?) каждаго допустившаго ошибку и нагляднымъ повтореніемъ для лучшихъ, и не найдется уже или очень немного такихъ учениковъ, которые бы не знали, въ чемъ именно онъ допустилъ ошибку“ и т. д. (продисл., стр. 7). О чемъ говорить здѣсь г. Костинъ, и можно ли назвать подобное мѣсто грамотнымъ, а такихъ мѣстъ въ его предисловіи достаточно. Кромѣ нихъ, въ томъ же предисловіи авторъ чрезвычайно обстоятельно распространяется объ очень извѣстныхъ истинахъ, находя даже нужнымъ недостатки назвать „нежелательными“ (стр. 3), какъ будто существуютъ желательные недостатки, и, что всего любопытнѣе, весьма горячо увѣряетъ кого-то въ необходимости системы при обученіи орфографіи. Несмотря, однако, на эти увѣренія, системы-то и нельзя найти въ разбираемой книжкѣ. Въ ней то и дѣло натѣкаешься на примѣры рѣшительныхъ правилъ. Слово „торговка“ (стр. 15) помѣщено во фразахъ рѣшительныхъ правилъ о сомнительныхъ согласныхъ, слово „тяжело“ (стр. 15) рѣшительныхъ правилъ о сомнительныхъ гласныхъ, форма „гусиныхъ“ (стр. 21) рѣшительныхъ правилъ объ именительн. падежѣ множ. числа им. прилагательн.

форма „кормить“ (стр. 33) раньше правила о различіи 1-го спряженія отъ 2 и т. д., и т. д. Что касается до объясненій г. Костина именъ существ. умственныхъ (стр. 23), предложенія (стр. 47) и проч., то они или трудны, или невѣрны, а часто и трудны и невѣрны вмѣстѣ. Такимъ образомъ, не думаемъ, чтобы *Систематическій дистантъ* явился „для начальныхъ городскихъ и сельскихъ училищъ“ какою-нибудь особенно находкой.

Изъ лекцій по теоріи словесности. Басня. Пословица, Поговорка. А. А. Потебни. Харьковъ, 1894 г. Ц. 1 р. 35 к. При разсмотрѣннн книги профессора Потебни, прежде всего, нельзя не обратить вниманія на предметъ, которому она посвящена. Дѣло въ томъ, что теорія словесности, какъ это ни странно, слишкомъ рѣдко изучается за послѣднее время въ университетскомъ курсѣ, и потому самое появленіе книги, которая заключаетъ въ себѣ лекціи по названному предмету, должно возбудить особый интересъ. Но интересъ этотъ увеличивается, чуть только мы знакомимся съ оглавленіемъ вышеупомянутой книги: изъ этого оглавленія видно, какъ занимательны и поучительны вопросы, имѣющіе отношеніе къ теоріи словесности. Правда, мы говоримъ о книгѣ профес. Потебни, который умѣетъ взглянуть на дѣло, какъ истинный философъ, но, съ другой стороны, то же оглавленіе можетъ навести на мысль, что и сама по себѣ теорія словесности—глубоко-интересный предметъ, такъ что стѣдуетъ пожалѣть, что она находится въ такомъ пренебреженіи и такъ мало разрабатывается у насъ.

Проф. Потебня исходною точкой своихъ лекцій дѣлаетъ басню, но на баснѣ онъ показываетъ „различіе основныхъ формъ человѣческой мысли, поэзіи и прозы, а вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ и то, что это не какія-нибудь временныя формы мысли, отъ которыхъ человѣчество можетъ отдѣлаться съ развитіемъ, а формы постоянныя, находящіяся въ извѣстномъ взаимодействіи“ (стр. 39). Что касается собственно поэзіи, то проф. Потебня съ убѣдительностью разъясняетъ, что „всѣ свойства поэтическаго произведенія находятъ соотвѣтствіе въ свойствахъ слова“ (стр. 126), между тѣмъ, „говорить—значить не передавать свою мысль другому“, какъ часто думаютъ „а только возбуждать въ другомъ его собственныя мысли“ (стр. 132). Такимъ образомъ, „поэзія не есть нѣкоторая прикраса мысли, не есть нѣчто ненужное, чѣмъ можно пользоваться въ минуту досуга, а можно и не пользоваться. Напротивъ, поэзія есть одна изъ двухъ формъ познанія при помощи слова; а если это такъ, то поэтическій образъ составляетъ и долженъ составлять для насъ не только предметъ наслажденія, не только такое явленіе, къ которому мы относимся страдательно, ожидая, чтобы насъ осѣнила благодать, исходящая изъ него“ (стр. 99).

Нечего и говорить о томъ, что всѣ выписанныя положенія богато иллюстрируются какъ баснями, такъ пословицами и поговорками, о которыхъ также говоритъ профес. Потебня; эти басни, пословицы и поговорки разбираются весьма всесторонне и тонко, авторъ на каждомъ шагѣ дѣлаетъ самыя смѣлыя и счастливыя обобщенія и заключенія, и читатель легко дочитываетъ книгу до конца, а по прочтеніи выносить изъ нея очень много полезнаго. Во всякомъ случаѣ, издатель лекцій, г. Харціевъ, вполне справедливо замѣчаетъ въ предисловіи, что въ изложеніи ихъ, характеризующемъ вообще методу преподаванія А. А. Потебни, слѣдуетъ отмѣтить обиліе примѣровъ, предполагаемыхъ общимъ выводомъ, отсутствіе апріорныхъ обобщеній, ка-

жушіяся отступленія въ сторону („кстати“, „между прочимъ“), дающія широкую психологическую подкладку разбираемымъ явленіямъ, озаряющія ихъ яркимъ свѣтомъ глубокой мысли“. Нельзя не пожалѣть объ одномъ: по словамъ предисловія, „лекціи по теоріи словесности проф. Потебни издаются по единственному экземпляру записокъ одной изъ слушательницъ, съ небольшими поправками по черновымъ наброскамъ самаго профессора“; вотъ почему многое въ разсматриваемой книгѣ недостаточно обработано, многое же было бы, вѣроятно, выпущено при изданіи авторомъ своихъ записокъ самимъ.

Россія. Географическій сборникъ для чтенія въ семьѣ и школѣ. Сергѣя Меча. 4-е дополненное изданіе. М., 1895 г. Цѣна 1 р. Сборникъ г. Меча имѣетъ вполне заслуженный успѣхъ. Онъ составленъ изъ умѣло выбранныхъ очерковъ лучшихъ знатоковъ природы и этнографіи Россіи и изъ статей самого г. Меча. Авторъ посѣтилъ много и глухихъ, и роскошныхъ уголковъ нашего отечества, живо и колоритно описываетъ какъ Финляндію, такъ и Кавказъ, какъ Новгородскую губернію, такъ и Крымъ. Г. Мечъ не только натуралистъ, но и поэтъ, онъ не только даетъ полезныя свѣдѣнія, но и увлекаетъ рассказомъ своихъ юныхъ, нерѣдко и взрослыхъ читателей. Его географическій сборникъ слѣдуетъ имѣть въ каждой школѣ и въ каждой образованной семьѣ.

Іоанна д'Аркъ. Историческая хроника Н. М. Дементьевой. М., 1895 г. Объ Іоаннѣ д'Аркъ существуетъ обширная литература, вмѣщающая въ себѣ болѣе 3,500 сочиненій. Но русскіе читатели знаютъ объ Іоаннѣ только по трагедіи Шиллера, да по сочиненію Ламартина. И тотъ, и другой мало даютъ свѣдѣній о настоящей исторической Іоаннѣ. Авторъ далъ въ подробномъ рассказѣ полную біографію Іоанны. При этомъ сообщаются всѣ необходимыя свѣдѣнія для того, чтобы читатели могли ясно представить себѣ тотъ вѣкъ, въ который жила эта великая героиня, и ту обстановку, въ которой она родилась и жила. Высокое воспитывающее значеніе имѣетъ образъ этой дѣвушки, одаренной необыкновенной любовью къ родинѣ, высокой энергіей, мужествомъ, и словно нечеловѣческой силой воли. Этимъ и объясняется ея могучее вліяніе на толпу, которая фанатически вѣрила въ ея святость.

Такой богатый сюжетъ, какъ біографія Іоанны д'Аркъ, полная захватывающихъ душу эпизодовъ, можно было бы рассказать съ гораздо большею живостью и интересомъ. Впрочемъ, само по себѣ содержаніе этого рассказа увлечетъ читателей и дастъ успѣхъ книгѣ, котораго мы ей желаемъ отъ души. Изданіе роскошно и снабжено прекрасными рисунками. Книга особенно годится для праздничныхъ подарковъ.

Маленькія дѣти. Рассказы, картинки съ натуры, сценки, эскизы и силуэты. Н. А. Соловьева-Несмѣлова. Съ 40 рис. въ текстѣ. Второе дополненное изданіе М. Ключкина. Спб., 1895 г. Ц. 35 к., въ папкѣ 50 к. Книга предназначена для дѣтей младшаго возраста. Это—задушевные, простыя бесѣды съ дѣтьми. Написаны онѣ совершенно примѣнительно къ возрасту своихъ читателей. Содержаніе по большей части веселое и забавное: дѣтскія приключенія, проказы кошки, милыя анекдоты—вотъ незатѣйливые сюжеты этихъ набросковъ. Въ одномъ слѣдовало бы упрекнуть автора—въ нѣсколько приторномъ тонѣ, въ которомъ онъ снисходительно говоритъ съ дѣтьми о дѣтскихъ шалостяхъ, подчасъ не совсѣмъ „милыхъ“, каковы, на прим., обманъ и лицемеріе. Напрасно также авторъ слишкомъ часто прибѣгаетъ къ многоточіямъ.

Сказки и рассказы для дѣтей младшаго возраста. Д. Н. Машина-Сибиряка. Изд. книжнаго склада Д. И. Тихомирова. Ц. 60 к. М., 1895 г.—Акѣ-Бозатъ. Рассказъ Д. Н. Машина-Сибиряка. Изд. Д. И. Тихомирова. Картинки художника А. С. Степанова. Ц. 30 к. М., 1895 г. Г. Маминъ-Сибирякъ—талантливейшій изъ русскихъ дѣтскихъ писателей. Счастливая судьба выпала на его долю: онъ пишетъ просто, не бьетъ на эффектъ, а производитъ сильное впечатлѣніе на читателей, вызывая въ нихъ непритворный восторгъ; онъ избѣгаетъ малѣйшихъ покушеній на морализацію, а, между тѣмъ, читая его, становишься какъ-то чище и благороднѣе; онъ пишетъ на самыхъ разнообразныхъ темы, никогда не искажая своего сюжета и языка на какой-то особенный ладъ, и всѣ его вещи, написанныя для дѣтей, читаются съ большимъ интересомъ и удовольствіемъ не только дѣтьми, но и взрослыми людьми.

Рассказъ *Акѣ-Бозатъ* взятъ изъ киргизскаго быта и представляетъ собою одновременно и этнографическій очеркъ, и тонкій психологическій анализъ, настроеніе, которое испытываетъ страстный наѣздникъ при потерѣ коня, котораго онъ любитъ больше всего на свѣтѣ, и интереснѣйшій по разнообразію приключеній и сценъ рассказъ, который проникнуть живымъ юморомъ и читается съ одинаково жаднымъ интересомъ отъ начала до конца.

Содержаніе *Сказокъ и рассказовъ* относится къ самымъ обыденнымъ предметамъ и явленіямъ, а, между тѣмъ, отличается замѣчательнымъ разнообразіемъ сценъ и разговоровъ: авторъ заставляеть жить и говорить и стараго воробья, и пѣтуха, и болонку, и молса, и утку, и зайца, и козла, и голубей, и проч., и проч.,—и все это выходитъ у него такъ интересно и весело, что книга эта, несомнѣнно, быстро приобрететъ широкую популярность въ мірѣ дѣтей, а авторъ сдѣлается любимымъ ихъ писателемъ.

Рождественская звѣзда. Сборникъ рассказовъ и сказаній для дѣтей старшаго возраста изъ произведеній Виктора Гюго, Франсуа Коппе, Жюль Леметра, Чарльза Диккенса, Андерсена и др. Состав. И. Горбуновъ-Посадовъ. Со многими рисунками. М., 1895 г. Выборъ матеріала для чтенія сдѣланъ здѣсь не совсѣмъ удачно. Онъ слишкомъ одностороненъ. Подбирая правоучительные сюжеты, составитель сборника отдалъ предпочтеніе рассказамъ съ мистическою подкладкой: юные читатели все время, пока будутъ читать эту книгу, будутъ находиться въ атмосферѣ чудесъ, въ средѣ духовъ, видѣній и тайныхъ голосовъ. Въ каждомъ рассказѣ есть что-нибудь страшное, вызывающее мертвенную блѣдность на лицахъ героевъ, а, можетъ быть, также и самихъ читателей. Какъ на лучшее исклѣченіе, слѣдуетъ указать на рассказъ Виктора Гюго *Жаворонокъ въ неволи*. Нравственно-воспитательная сторона его заключается въ томъ, что онъ привлекаетъ въ юныхъ читателяхъ сочувствіе къ маленькимъ мученикамъ труда и неволи, которыхъ такъ много въ этомъ мірѣ, къ малолѣтнимъ пасынкамъ природы, безроднымъ и безпомощнымъ, на которыхъ вваливаются непосильные труды и которымъ жизнь судитъ безконечныя обиды, побои, притѣсненія и всякія надругательства.

Произведенія безыменныхъ авторовъ, переведенныя съ англійскаго и итальянскаго, кромѣ, впрочемъ, одного (*Человекъ безъ сердца*), не отличаются никакими художественными достоинствами, ни малѣйшею жизненною правдой и проникнуты слишкомъ прозрачною надуманностью и наивнымъ сентиментализмомъ. Въ одномъ изъ такихъ рассказовъ

(*Сорванецъ*) изображается мальчикъ, по поведенію большой шалопай и бездѣльникъ, который совершенно неожиданно для читателей дѣлается великимъ героемъ, проявившимъ необычайную самоотверженность: цѣною собственной жизни онъ спасаетъ свою бабушку отъ руки убійцы, заслонивъ ее отъ грабителей собственнымъ тѣломъ. Подставивъ свою шею подъ топоръ разбойника, онъ умираетъ съ какимъ-то нечеловѣческимъ спокойствіемъ и присутствіемъ духа. Эффектная картина его смерти заканчивается, не менѣе эффектно просьбой мальчика—исполнить только одно: не забывать его.

Въ другомъ разсказѣ (*Эдита и воръ*) изображается идеальная дѣвочка: Эдита не любила играть, а любила читать. Она прочла гдѣ-то, что существуютъ какіе-то „воры со взломомъ“. Только что она поговорила съ отцомъ объ этомъ вопросѣ, какъ словно нарочно, въ видѣ нагляднаго пособія, появляется въ домѣ грабитель. Эдита не потеряла присутствія духа, показала вору сама, гдѣ спрятано серебро, а воръ, тронутый такимъ любезнымъ гостепріимствомъ, вскорѣ вернулъ дѣвочкѣ украденныя вещи, да еще прислалъ цѣнный подарочекъ, то же изъ украденныхъ вещей, только уже въ другомъ мѣстѣ, гдѣ ему не устраивали овацій. Что можетъ быть назидательнѣе морали: суй вору въ руки все, что у тебя есть, если хочешь, чтобъ онъ вернулъ твое добро съ лихвой?

ИЗДАНІЯ ДЛЯ НАРОДА.

Еще о лубочной литературѣ.—Матеріалы для ея характеристики.

Изданія Губанова, Холмушина, Кузина, Бриллиантова, Абрамова и др.—„Бога бойтесь, царя чтите. Изд. Морозова.—Благочестивый пахарь. Соч. Ф. Домбровскаго. Изд. Кузина.—Путешествіе на луну купца Труболетова. Соч. Жуля Невѣрнаго. Изд. Кузина.—Таинственный монахъ. Изд. Абрамова и др. Наша характеристика современной лубочной литературы для народа была бы далеко не полна, если бы мы умолчали о нѣкоторыхъ общерапространенныхъ качествахъ тѣхъ книжекъ, которыя издаетъ плеяда лубочниковъ, дѣйствующихъ большею частью въ Москвѣ. Кстати сказать, въ плеядѣ этой насчитывается теперь 13 человекъ,—роковое и не совсѣмъ пріятное число для книжниковъ, поставляющихъ на книжный рынокъ матушки Руси самыя дрянныя и несуразныя книжки. Впрочемъ, изъ этой плеяды слѣдуетъ почти исключить фирму И. Сытинъ и К^о, которая къ лубочникамъ примыкаетъ въ настоящее время, такъ сказать, однимъ бокомъ,—именно изданіемъ сонниковъ, оракуловъ, календарей и кое-какихъ „съ ногъ спидабельныхъ“ книжекъ. Имена другихъ 12 лубочниковъ нижеслѣдующія. Мы располагаемъ ихъ въ той послѣдовательности, какая указывается размѣрами издаваемыхъ книгъ. И. Сытинъ (въ 1893 г., по свѣдѣніямъ *Ежегодника* московскаго комитета грамотности, издалъ 116 названій въ 1.236,700 экз.), Е. Губановъ (86 назв., 729,000 экз.), Е. Абрамова (44 назв., 522,600 экз.), И. Морозовъ (58 назв. 423,600 экз.), А. Холмушинъ (50 назв., 386,500 экз.), Г. Бриллиантовъ (24 назв., 333,000 экз.), Т. Кузинъ (24 назв., 172,000 экз.), С. Живаревъ (9 назв., 66,000 экз.), Т. Губановъ (въ Кіевѣ) (8 назв., 35,000 экз.), Барковъ (2 назв., 24,000 экз.), П. Каменевъ (5 назв., 20,000 экз.). Изъ этого видно, что лубочная дрянь льется въ народную среду тринадцатю потоками; видно и то, каковы относи-

тельные размѣры этихъ потоковъ. Весьма характерно, что очень многочисленны книжки, изданныя господами лубочниками, имѣютъ громадную наклонность къ морализированію; онѣ, вообще говоря, очень тенденціозны, но, какъ мы видѣли въ прошлый разъ, тенденціозны по своему, тою тенденціей, которая не только не возбраняется, но даже и поощряется. Это послѣднее обстоятельство довольно наглядно видно изъ нашего отчета о той книжкѣ, которая обвиняла *Родное Слово* Ушинскаго ни болѣе, ни менѣе, какъ въ событіи 1 марта 1881 г. *). Но народныя книжки богаты не только тенденціями, такъ сказать, политическими, а еще въ большей степени тенденціями моральными. Мораль эта иногда очень своеобразна. Очень многія морализирующія книжки направлены противъ пьянства. Но есть и такія, которые рекомендуютъ своимъ читателямъ открытіе кабака или трактирнаго заведенія, возводя такого рода „занятіе“ въ гражданскій идеалъ. Такова, напримѣръ, книжка, изд. Морозовымъ, *Бога бойтеся, царя почитайте*. Заглавіе это, прежде всего, совершенно не соответствуетъ содержанію, въ которомъ ни слова не говорится ни о царѣ, ни о Богѣ, а рассказывается вотъ о чемъ. Нѣкій благочестивѣйшій христіанинъ, которому его христіанство не мѣшаетъ быть храбрѣйшимъ солдатомъ и рѣзать и колоть кого прикажутъ, храбро воюетъ, а затѣмъ возвращается послѣ службы въ свою деревню. Разумѣется, добродѣтели этого христіанина должны быть вознаграждены свыше. Разумѣется, это и случается (если бы не случилось, то былъ бы подрывъ „основамъ“). За какіе-то военные подвиги христіанину назначена была пенсія. Эту пенсію онъ пускаетъ въ оборотъ на благо своихъ ближнихъ—односельчанъ, иначе говоря, открываетъ трактирное заведеніе. Вотъ тутъ-то и благословляетъ его Богъ. Число его посѣтителей стало увеличиваться. Обрадовавшись этому, добродѣтельный герой сталъ еще добродѣтельнѣе. Отъ этого посѣтителей стало еще больше. А отъ этого онъ сдѣлался еще болѣе добродѣтельнымъ. А отъ этого... число посѣтителей еще болѣе возросло. вмѣстѣ съ тѣмъ приумножились и финансы героя. Въ концѣ-концовъ посѣтила его высшая милость: онъ переѣхалъ въ городъ и сдѣлался городскимъ трактирщикомъ. Предоставляемъ судить самому читателю объ отношеніи такого рода содержанія къ морали, выраженной въ заглавіи книжки. Еще курьезнѣе мораль, заключающаяся въ книжкѣ, изданной Кузинымъ (въ Спб.). Эта книжка носитъ трогательное названіе *Благочестиваго пахаря* и представляетъ изъ себя передѣлку какого-то стариннаго писанія, вѣроятно, съ польскаго языка, и, къ тому же, писанія, предназначеннаго ни больше, ни меньше, какъ только для крѣпостныхъ крестьянъ. Передѣлка совершена петербургскимъ борзописцемъ Ф. Домбровскимъ. Составитель желаетъ показать „образецъ жизни простаго крестьянина“. Дѣйствіе происходитъ „нѣсколько столѣтій тому назадъ“, „когда идолопоклонство еще не было вполне искоренено“, на югѣ Россіи, недалеко отъ губернскаго города. Герой—благочестивый пахарь, главное качество котораго—полнѣйшее отсутствіе чувствительнаго достоинства, полнѣйшее самоотреченіе отъ всѣхъ своихъ чловѣческихъ правъ ради помѣщика. Но помѣщикъ этотъ тоже удивительно благочестивый. И вотъ, пахарь „Исидоръ“ и помѣщикъ наперерывъ стали состязаться въ добродѣтеляхъ. Исидоръ, слѣдуя завѣту отца, „шелъ служить, а не разсуждать, чѣмъ мнѣ быть; стараться исполнить то, что мнѣ прикажутъ, а что мой трудъ будетъ стоить, это можетъ

*) См. *Русская Мысль* 1894 г., кн. XI.

опѣнить только тотъ господинъ, которому я буду служить“. У помѣщика было земли такъ много, что своихъ крѣпостныхъ ему не хватало, и онъ нуждался въ работникахъ. У Исидора, какъ водится, земли не было, а изъ скота была лишь одна коза, но коза еще болѣе удивительная, чѣмъ самъ пахарь и помѣщикъ: коза эта давала „почти столько же молока, сколько даютъ наши двѣ коровы“. Эта-то коза и питала „Исидора“, а самъ благочестивый пахарь только то и дѣлалъ, что подражалъ Сидоровой козѣ. Помѣщикъ, желая испытать Исидора въ добродѣтели, далъ приказъ своимъ урядникамъ обременять его трудомъ потяжелѣе, да еще и слѣдить за нимъ. Урядники исполняли свое дѣло ретиво: „тыкали Исидора пальцами (sic) и „бранили“; тотъ терпѣлъ. Другіе рабочіе предлагали Исидору устроить стачку. Тотъ отвѣчалъ: „Чтобы быть вѣрнымъ Богу и людямъ, нужно терпѣть; что касается платы, то я предпочитаю получить ее на небѣ, чѣмъ на землѣ“. Помѣщикъ смотрѣлъ на вещи все же противоположными глазами и предпочиталъ для себя землю. А Исидоръ молился за помѣщика, что тотъ его „принялъ подъ свой кровъ и *незаслуженно* (sic) кормить и поить“ его (стр. 31), и уговаривалъ своихъ товарищей „зарабатывать хлѣбъ, какъ для себя, такъ и для другихъ“. Задумалъ Исидоръ жениться, но и жену выбралъ подъ стать себѣ. Когда онъ спросилъ свою нареченную, желаетъ ли она выйти за него замужъ, та отвѣчала: „Если эта мысль твоя (о женитьбѣ) исходитъ изъ чистаго сердца, что она найдетъ сочувствіе и у нашихъ хозяевъ, а если внушена нечестью, то и хозяева не согласятся. Мы оба живемъ въ услуженіи и не можемъ располагать собственною волей“ (стр. 37). И вообще, когда Господь объявлялъ Исидору „свою волю устами его хозяевъ, то Исидоръ не смѣлъ противиться этому“ (стр. 40). И за это Господь совершилъ чудо, „пришелъ на помощь своему вѣрному слугѣ за его послушаніе и убилъ наповалъ волка, осмѣлившагося напасть на исидоровыхъ воловъ“ (стр. 52). Отъ благочестія Исидорова расплодился даже разная дичь въ помѣщичьемъ лѣсу (стр. 84—85). Наконецъ - таки помѣщикъ отъ добродѣтели Исидоровой совсѣмъ умилился и читаетъ такую мораль: „Для чего намъ данъ разумъ и та научная тля, которой мы пичкаемъ себя, когда она не можетъ ни удовлетворить насъ, ни успокоить? Вотъ вамъ простой крестьянинъ, безъ всякихъ научныхъ познаній, а онъ больше знаетъ и умѣетъ, чѣмъ всѣ философы, взятые вмѣстѣ, которые лишены вѣры во все святое (sic). Исидоръ не работникъ, а учитель, отъ котораго я узналъ много истинъ“ (стр. 64). И не только узналъ истинъ, но и попользовался инымъ способомъ. Изъ предъидущаго читатель видитъ, что эта книжка очень характерна, и, надѣюсь, читатель не посѣтуетъ за насъ за то, что мы знакомимъ его съ нею такъ подробно. Она показываетъ, что еще теперь, 35 лѣтъ спустя послѣ освобожденія крестьянъ, составляются и пускаются въ обращеніе такія книжки для народа, которыя предназначались для крѣпостныхъ. Нельзя не пожалѣть, что заглавіе книжки не соотвѣтствуетъ ея содержанію. Нужно было назвать ее не *Благочестивымъ пахаремъ*, а *Сидоровой козой*, дающей молока больше, чѣмъ двѣ коровы. Но довольно о морали. Въ лубочной литературѣ встрѣчаются книжки, проповѣдующія, что и убійство, и особенно убійство злодѣя, часто бываетъ дѣломъ хорошимъ, что страсть выпить—врожденная человѣческая добродѣтель, что если въ извѣстной библейской исторіи объ Іосифѣ Прекрасномъ кто и нравствененъ, такъ ужъ не Іосифъ, а жена Пен-тефрія, а что нѣмцы, поляки, евреи и всякія другія національности—

живутъ на земномъ шарѣ лишь по какой-то непростительной ошибкѣ божества, и проч., и проч. Все вышеизложенное достаточно характеризуетъ уже, какого сорта идейное божество вносится въ народную среду тѣми миллионами книгъ, которыя распространяются ежегодно. Но для полноты характеристики слѣдуетъ еще обратить вниманіе на книжки „смѣхотворныя“. Среди читателей, къ какому бы кругу они ни принадлежали, есть постоянный запросъ на такого рода книжки. Анекдоты о Балакиревѣ, о пошехонцахъ и т. п. въ громадномъ ходу и понынѣ. Но встрѣчаются въ лубочной литературѣ еще книжки особаго рода, предназначеніе которыхъ—смѣшить во что бы то ни стало помощью особыхъ вывертовъ, выработанныхъ по мѣстному шаблону. Тутъ уже дѣло идетъ не объ остроуміи, не объ „аттической соли“—баць-баць по мордѣ—смѣшно. „Щипанулъ ее въ энто мѣсто!“—смѣшно. Кузнецъ, по разсѣянности, вмѣсто того, чтобы всунуть въ огонь желѣзо, всунулъ туда собственную руку—смѣшно. Карлъ Ивановичъ отказывается отъ предложенной рюмки по тремъ причинамъ: „во-первыхъ, я не пью!—разъ. Во-вторыхъ, еще очень рано—два. Въ-третьихъ, потому, что я ужъ выпилъ“,—смѣшно. Мужикъ еравниваетъ луну съ блиномъ, который обмазанъ сметаной,—и тоже смѣшно. Въ одной книжкѣ, гдѣ описаны „приключенія господина Пузанчикова“, разсказывается, между прочимъ, какъ у одной кухарки былъ „кумъ“ пожарный, какъ однажды онъ забрался къ своей Дульциней рано утромъ и сталъ съ нею пить чай на балконѣ, какъ лавочникъ, увидѣвъ на балконѣ пожарнаго, подумалъ, что горитъ, и поднялъ такую тревогу, что тотчасъ пріѣхала цѣлая команда пожарныхъ заливать пожаръ двухъ пылкихъ сердець. Въ томъ же родѣ *Путешествіе на луну купца Труболетова*, сочиненіе Жуля Невѣрнаго, переведенное съ французскаго языка на нижегородскій Б. Голохвастовымъ (изд. Кузина). Здѣсь разсказано, какъ купецъ Труболетовъ, изъ породы „знай нашихъ“, покупаетъ древнія рѣдкія статуи и, чтобъ онѣ не стояли нагишомъ, велитъ всѣхъ ихъ раскрасить. Картинку Рембранда даетъ въ реставрацію къ маляру Никитѣ. Этимъ „варварствомъ“ возмущается благородный помѣщикъ и даетъ Труболетову по мордѣ и вступаетъ съ нимъ въ драку. Въ книжкѣ описанъ рядъ лебоширствъ Труболетова и его путешествіе на луну, какъ водится, во время сна. Въ концѣ-концовъ, Труболетовъ *кается*. Таковы лубочныя книги для смѣха. Самая же многочисленная категорія лубочныхъ книгъ принадлежитъ къ „съ ногъ сшибательнымъ романамъ“ въ нижегородско-французскомъ вкусѣ, съ невозможными сюжетами, небывалыми приключеніями, удивительнѣйшими совпаденіями и невѣроятностями самаго кроваваго свойства, производящими на культурнаго читателя такое впечатлѣніе, словно по тонкой струнѣ ударяютъ громаднымъ кузнечнымъ молотомъ. Ужъ если герой, такъ герой, а если злодѣй, такъ злодѣй, если ужъ дѣва, такъ дѣва, и т. д. Таковы, наприкладъ, книжки *Невольница или три недѣли въ царствѣ*, *Невѣста-убійца или отъ вѣнца въ кандалы*, *Льсной бродяги*, *Покойница или привидѣніе на кладбищѣ* и т. п. Суздальскія краски, чудовищные образы, предназначенные для „железныхъ нервовъ и деревянныхъ душъ“,—вотъ характерныя черты цѣлой массы народныхъ книжекъ. Наконецъ, есть еще одна черта, общая очень многимъ книжкамъ, это—бездарнѣйшее изложеніе и безграмотность, сплошь и рядомъ поразительная по своей бессмысленности. Для примѣра выпишемъ одно мѣстечко изъ книжки, изд. Абрамовымъ и представляющей „передѣлку“ извѣстнаго романа Р. Зотова *Таинственный монахъ*. Сохраняемъ орфографію подлинника.

„Началь царь (Петръ I) продолжать войну съ турками, оконченную неудачно. Главной помощью были инженеры и строители. Петръ принялъ путешествіе въ чужіе края. Уничтожилъ самовластіе, улучшилъ законы, и пріятнѣе пошла общественная жизнь (sic). Какъ теперь, хотя и значительно рѣже, существовали и существуютъ злонамѣренные люди, какъ ничтожные паразиты, единственно изъ своихъ выгодъ, презирая общую пользу, и пользуясь грубымъ количествомъ массъ (sic)“ (точка).

Изъ всего предъидущаго видно, что лубочная литература и до сего времени сохранять на себѣ тѣ же существенные признаки, которыми отличалась и 25 лѣтъ тому назадъ; что она и понынѣ существуетъ во всей своей непривлекательности и что она вноситъ въ народную среду идеи и представленія далеко не невиннаго свойства. Не игнорировать нужно народную литературу, а энергично бороться съ нею. Правда, попадаются среди лубочныхъ книжекъ изрѣдка относительно порядочныя по содержанию книжки (напримѣръ, Кукеля—*Чужое добро въ прокъ нейдетъ*, Коренева—*Жестокая судьба*), но это явленія рѣдкія и одиночныя. Они не измѣняютъ общаго впечатлѣнія.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

„Отчетъ Императорской публичной бібліотеки“. — „Французско-русскій словарь“. И. Бастена. — „Карманный словарь иностранныхъ словъ“. Н. Я. Гавкина.

Отчетъ Императорской публичной бібліотеки за 1892 г. Спб., 1895 г. Помимо обычнаго содержанія отчетовъ о личномъ составѣ, хозяйственной части, денежной отчетности, количествѣ посѣтителей и выданныхъ книгъ, въ этомъ изданіи помѣщено значительное количество писемъ митрополита Филарета, Хемницера, Карамзина, Одоевского, Булгарина (письма послѣднихъ интересны, какъ характеристики цензуры и отношенія писателей тогдашняго времени), Н. Ф. Павлова и Гоголя. Кромѣ того, перечислены полученныя въ распоряженіе бібліотеки коллекціи бумагъ И. С. Аксакова, Г. Р. Державина (богатое собраніе, заключающее сочиненія его, переписку и матеріалы для біографіи), собраніе произведеній К. Н. Батюшкова и матеріалы для біографіи; бумаги изъ министерства народнаго просвѣщенія, относящіяся до цензуры; бумаги Шевырева и переписка его; письма и бумаги, оставшіяся послѣ П. Н. Батюшкова (бывшаго попечителя виленскаго учебнаго округа), проливающія свѣтъ на положеніе учебнаго дѣла въ Сѣверозападномъ краѣ, и многія другія интересныя по содержанію рукописи и бумаги.

Французско-русскій словарь И. Бастена. *Dictionnaire Français-Russe étimologique et comparé, par J. Bastin*. Спб. Изданіе книжнаго магазина Н. Фену и К°. 1895 г. Цѣна 3 р. На обложкѣ этой книги напечатано крупнымъ шрифтомъ: „Ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія одобренъ для употребленія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ“. Мы постоянно слышимъ жалобы на неудовлетворительность имѣющихся у насъ въ обращеніи французско-русскихъ словарей и считаемъ эти жалобы довольно основательными. По нашему мнѣнію, лучшій изъ нихъ *Словарь* П. П. Макарова оказывается далеко не полнымъ. Лежащій передъ нами новый *Словарь* г. Бастена никоимъ образомъ не можетъ замѣнить собою ни *Словаря* Макарова и никакаго другаго изъ нынѣ существующихъ: онъ усту-

пасть имъ всѣмъ въ смыслѣ полноты и для переводовъ имъ совсѣмъ нельзя пользоваться. Для какого собственно „употребленія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ“ онъ одобренъ ученымъ комитетомъ министерства—мы рѣшать не беремся. Весьма возможно, что преподаватели французскаго языка найдутъ въ немъ что-либо пригодное для объясненія происхожденія французскихъ словъ, въ него вошедшихъ. Но мы считаемъ этотъ словарь совершенно ненужнымъ ученикамъ какихъ бы то ни было заведеній; мы полагаемъ, что учащимся французскому языку онъ не принесетъ никакой пользы, а сбить ихъ съ толку легко можетъ. О полнотѣ словаря г. Бастена можно судить по тому, что на буквы *Va* въ немъ помѣщено 83 слова, тогда какъ у Макарова на *Va* мы насчитали около 750 словъ. Этимологическихъ объясненій г. Бастена мы касаться не будемъ, а ограничимся приведеніемъ примѣровъ того, какъ составитель словаря переводитъ французскія выраженія на русскій языкъ: „*Acompte* — зачетныя деньги“; „*S'acoquiner* — вдаваться, привязываться“, не объяснено, что это обозначаетъ также: связываться съ недостойными людьми, вступать въ унижительныя связи. При словѣ *acquiter* пропущено его значеніе „оправдать“. „*Acrostiche*—акростихъ, краестишіе“; „*Adepte*—адептъ, алхимикъ“; „*Bibliomane*—страстный любитель книгъ“; „*bibliophile*—любитель книгъ“; „*bigame*—двубрачный, на двухъ женатый, за двумя замужня“,—вмѣсто: двоеженецъ, двумужница. „*Figaro*—фигаро, посредникъ въ дѣлахъ, сводникъ, брадобрей, цирюльникъ“. „*Knout*—кнутъ, наказаніе плетью“... „*Kremlin*—внутренняя (?) крѣпость, *ra-lais des impereur à Moscou*“... Въ словарь г. Бастена встрѣчаются печати такого рода: „*bien du mal famé*“,—превращающія все выраженіе въ бессмыслицу. На стр. XXV *Introduction*, въ объясненіи различія между выраженіями „народными“ и выраженіями „учеными“ („*les mots populaires et les mots savants*“), поставлены, какъ имѣющія одно значеніе: лат.—*Débitum*, народн.—*Dette* и учен.—*Débit*. Въ самомъ же *Словарѣ* (на стр. 124 и 147) мы находимъ, что слова *débit* и *dette* имѣютъ и значеніе совершенно различное, хотя корень у нихъ и одинъ. Какъ бы ни было, для публики и переводчиковъ, нуждающихся въ словарѣ, книга г. Бастена не можетъ замѣнить *Словаря* Макарова.

Карманный словарь иностранныхъ словъ. Составилъ Н. Я. Гавкинъ. (Коллекція карманныхъ словарей подъ редакціей Э. Гокинса). Изданіе 4-е. Изданіе книгопродавца-издателя Ф. Л. Югансона. Кіевъ. Цѣна 50 коп. Въ предисловіи составитель говорить, что „въ третьемъ изданіи (этого словаря) не было, пожалуй, ни одного слова, которое можно было бы оставить безъ измѣненія“, при выпускѣ книги четвертымъ изданіемъ. Хороши, должно быть, *Словари* г. Югансона въ трехъ первыхъ изданіяхъ, и какъ должна быть благодарна публика книгопродавцу-издателю за выпущенное имъ въ трехъ послѣдовательныхъ изданіяхъ сплошное вранье, по признацію его собственныхъ „составителей“ словарей. Не имѣя въ рукахъ третьяго изданія, мы не можемъ сказать, насколько правъ г. Гавкинъ, произнесшій столь суровый судъ надъ прежнихъ составителемъ, г. За—скимъ, но смѣемъ завѣрить, что трудъ самого г. Гавкина, редактированный г. Гокинсомъ, представляетъ собою книжку, въ которой немного можно „оставить безъ измѣненія“. Приведемъ нѣсколько примѣровъ, взятыхъ съ одной странички, 41-й: „*Арфа*—одинъ изъ древнихъ музыкальныхъ инструментовъ, имѣющій видъ треугольника съ натянутыми струнами“. *Арфистъ-стка* — играющій-щая на арфѣ“.

„Арфянка — странствующая арфистка“. „Архалукъ — свободный костюмъ, застегиваемый крючками“. „Архангель — начальствующий ангель“. „Архи — частица для приданія слову высшаго значенія“. „Архивариусъ — чиновникъ при учрежденіяхъ, завѣдующій архивомъ“. А какъ же „высшее-то значеніе?“ „Архидіаконъ — старшій между діаконами“. „Архимандритъ — настоятель монастыря“. „Архипастырь греч. — наименованіе высшихъ духовныхъ лицъ“. *Архителъ* — названіе восточной части Средиземнаго моря... „Едва ли нужно объяснять и доказывать, что это сушій вздоръ, что „пастырь“ не греческое слово и не можетъ сдѣлаться греческимъ отъ приставки къ нему *архи*, что *архимандритъ* можетъ не быть начальникомъ монастыря, а начальникъ монастыря сплошь и рядомъ не имѣетъ „сана“ архимандрита, что *архи* не всегда придаетъ слову высшее значеніе, примѣры: архивъ, архитекторъ... Въ „Карманномъ словарѣ иностранныхъ словъ“, а не въ академическомъ или энциклопедическомъ, ни на что не нужно объясненіе такихъ словъ, которые изстаря вошли въ нашъ языкъ и въсѣмъ понятны безъ смѣхотворныхъ объясненій гг. Гавкина, Гокинса и Югансона. А такихъ словъ въ лежащей передъ нами книжкѣ тьматъмушья, — примѣры: адъ, амбаръ, арбузь, арестантъ, армякъ, артель, аршинъ, атаманъ, базаръ, барка, бархатъ, барышь, башмакъ, безмень, зипунъ, кабакъ, крендель, офицеръ, солдатъ“ и пр., и пр. Вотъ нѣсколько образцовъ потѣшныхъ курьезовъ: „*Актеонъ* — имя охотника, подсмотрѣвшаго Діану, когда она купалась съ нимфами, и превращеннаго ею въ оленя; отсюда: *рогатый мужъ*“. Это откуда же? „*Альфонсъ* др.-герм. — нарицательное имя мужчины, живущаго на счетъ женщины“. Вотъ такъ „древне-германское“ словечко! — „*Буль* фран. — мебель съ инкрустаціей изъ черепахи“. „*Вальсъ* фр. — танецъ, въ которомъ пара танцующихъ кружится вокругъ себя самой“.

Книжка стоитъ дешево, всего 50 к... Но кому же нужна такая галиматья, хотя бы она и даромъ раздавалась?

ПЕРИОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Русское Обзорніе“, октябрь. — „Русскій Вѣстникъ“, октябрь. — „Вѣстникъ Европы“, октябрь. — „Русское Богатство“, сентябрь. — „Міръ Божій“, сентябрь и октябрь.

Въ Западной Европѣ, при расчлененіи общества на классы, болѣе или менѣе рѣзко разграниченные и почти всегда экономически враждебные, при классовомъ управленіи, почти до послѣдняго времени, можно сказать, былъ невозможенъ тотъ роковой вопросъ, надъ которымъ въ теченіе трехъ десятковъ лѣтъ такъ страстно мучается и такъ порывисто работаетъ русская интеллигенція, — вопросъ о томъ, что дѣлать. Только въ послѣднюю четверть столѣтія, когда европейская интеллигенція, да и все европейское общество болѣе или менѣе ясно начинаютъ сознавать всю непригодность для дальнѣйшаго развитія общества чисто-классоваго строя, этотъ вопросъ становится роковымъ и тамъ. И тамъ интеллигенція начинаетъ становиться бессословной или, вѣрнѣе сказать, неклассовой и пытается засыпать страшную пропасть, исторически образовавшуюся между отдѣльными, враждебными другъ другу общественными классами. Этими общественно-психологическими мотивами объясняются такія яркія и высоко-альтруистическія явленія европейской жизни, какъ, напримѣръ, распространеніе университетскаго образованія, университетскія поселенія, народныя

дворцы и т. п. У насъ дѣло обстоило и обстоитъ совершенно иначе. Съ самаго момента освобожденія крестьянъ, со времени созданія новой Россіи, т. е. съ того момента, къ которому только и возможно приурочивать появленіе у насъ сколько-нибудь обособленной и самостоятельной интеллигенціи, — вопросъ о томъ, что дѣлать, не сходить съ очереди. Понятно, что съ особою силой и настоятельностью онъ навязывается уму и чувству интеллигенціи въ такіе моменты ея краткаго, но полнаго разнообразными, часто трагическими событіями, существованія, когда у ней пробуждалась, — увы, какъ не надолго пробуждалась! — надежда на возможность если не дѣйствовать, то, по крайней мѣрѣ, думать и говорить. При кратковременности и немногочисленности такихъ моментовъ въ жизни нашей интеллигенціи не удивительно, что вопросъ о томъ, что дѣлать, такъ и остался вопросомъ. Не удивительно и то, что предлагаемыя рѣшенія его отличались иногда непродуманностью, иногда нѣкоторою неопредѣленностью и легковѣсностью и очень часто неумѣстною рѣзкостью. Все это совершенно понятно, какъ понятно и то, что отвѣты на вопросъ каждымъ поколѣніемъ по большей части повторяются одни и тѣ же, несмотря на неудачи опытовъ прежнихъ поколѣній: для правильнаго и сколько-нибудь цѣлесообразнаго рѣшенія всякаго крупнаго общественнаго вопроса, прежде всего, необходимы послѣдовательность жизненныхъ явлений традиція. Поэтому не будемъ удивляться, если въ тѣхъ отвѣтахъ на роковой вопросъ о дѣланіи, на которые мы попытаемся указать на основаніи разныхъ статей лежащихъ передъ нами книгъ журналовъ, мы встрѣтимъ все старыя, престарыя мотивы.

Есть, однако, кое-что и новенькое — и, прежде всего, то, что этотъ старый вопросъ съ особою силой и настоятельностью выступаетъ именно теперь, именно въ настоящую минуту. Онъ не сходилъ со сцены и раньше, но несомнѣнно, однако, что нѣкоторый перерывъ въ попыткахъ его рѣшенія былъ несомнѣнно, что интеллигенція на минуту, конечно, историческую минуту, охватившую жизнь нѣсколькихъ почти безслѣдно погибшихъ для общественнаго развитія поколѣній, какъ будто уставала искать и мучиться и уходила „подъ кущу“. Мы не беремся отвѣтить, значитъ ли это, что въ интеллигенціи снова возбуждается вышеупомянутая надежда на возможность думанія и обсуждения. Но, кажется, что-то вродѣ этого есть. Окажется ли такая надежда сколько-нибудь основательной и прочной, — это уже совѣмъ другой вопросъ.

Потомъ новизна въ томъ, что въ постановкѣ вопроса о „дѣланіи“ приняли участіе и наши консерваторы-самобытники. Совершенно понятно, что раньше они не принимали и не хотѣли принимать никакого участія въ рѣшеніи этого вопроса. Что такое всегда была для нихъ интеллигенція? Нѣчто имъ совершенно чуждое, постороннее. Да и сами-то ихъ причислить къ интеллигенціи можно было развѣ только по недоразумѣнію. Эти отрицатели, эти истые нигилисты русской дѣйствительности имѣли свои вопросы и изъ-за нихъ гдѣ имъ было разсмотрѣть такую мелочь, какъ нравственныя и умственныя мученія интеллигенціи?... Отрицателями они, конечно, остаются, и теперь. Иначе они должны бы были отказаться отъ самаго права на существованіе. Но важно то, что они волей или неволей должны были заняться вопросомъ. Значитъ, онъ ужъ черезъ-чуръ настоятеленъ.

Г. Тихомировъ (*Что дѣлать нашей интеллигенціи. Русск. Обзор.*) и задается этимъ вопросомъ. Всѣ знакомые съ произведеніями г. Т

хомирова могут предвидѣть, какимъ образомъ онъ рѣшитъ его. Этотъ столпъ нашихъ самобытниковъ не только отрицатель, но и софистъ. Вообще наши самобытники въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ это нужно, притягиваютъ разныя, болѣе или менѣе рискованныя теории, заимствованныя изъ европейской науки и европейской партийной борьбы, къ защитѣ своихъ утверждений. Такъ, мы когда-то указывали, что г. Розановъ опирался на гипотезу такъ называемаго экономическаго материализма, доказывая неразрывность и причинную связь общинныхъ устоевъ русской жизни и православія. Такой самобытникъ, какъ г. Тихомировъ, забывая на время все, что онъ говорилъ объ особенностяхъ русской жизни, — особенностяхъ, которыя не могутъ не заключаться, между прочимъ, и въ отсутствіи классового строя и классовой борьбы, — признаетъ интеллигенцію классомъ и на этомъ строить всѣ свои разсужденія. Совершенно понятно, что тутъ все дѣло въ намѣренно-неправильномъ примѣненіи терминовъ. Какой, въ самомъ дѣлѣ, классъ составляетъ наша интеллигенція? Буржуазію, аристократію, демосъ, пролетаріатъ, четвертое или даже пятое сословіе? Только отвѣтивъ на такой вопросъ, можно бы было говорить о классовомъ сознаніи нашей интеллигенціи въ отличіе отъ національнаго. Но дѣло въ томъ, что отвѣтъ невозможенъ, потому что наша интеллигенція, какъ, впрочемъ, и европейская въ настоящее время, стоитъ внѣ классовъ. Она — явленіе не классового строя, а національнаго сознанія. Понятно, что и совѣтъ г. Тихомирова „не заботиться о пересозданіи Россіи, а о совершенствованіи того, что въ ней есть“, въ самомъ лучшемъ случаѣ представляется только ломаньемъ открытыхъ дверей. „Сохраненіе національнаго типа“, „сознательное усвоеніе національнаго пониманія жизни и участіе въ національной работѣ“, собственно говоря, вѣдь, все это просто недѣланіе, т.-е. отрицательное отношеніе къ поставленному вопросу. Иного пониманія жизни, иного типа, иной работы, кромѣ національныхъ, интеллигенція и имѣть не можетъ, даже еслибъ она хотѣла. Все дѣло въ томъ, что она, и только она, истинно національна — и именно потому, что она не представляетъ класса. Сознаніе интеллигенціи можетъ быть только національнымъ, потому что сама она есть продуктъ — и, притомъ, единственный чистый и безпримѣсный продуктъ — національнаго сознанія. Сознаніе, напримѣръ, земледѣльческаго крестьянства, его стремленія — общепризнанное стремленіе къ землѣ и менѣе признаваемое, но не менѣе дѣйствительное и не менѣе живое стремленіе къ „волѣ“, т.-е. къ правильному, заключенному въ законныя рамки самоуправленію — суть сознаніе и стремленія классовыя, хотя они и совпадаютъ съ національными, такъ какъ этотъ классъ (крестьянство) представляетъ самый большой и наиболѣе жизнеспособный классъ населенія. Съ другой стороны, интеллигенція, не составляя сама класса, можетъ, однако, служить классовымъ интересамъ. У насъ она, къ счастью, за исключеніемъ незначительнаго, въ сущности, количества самобытниковъ, не служитъ таковымъ, а служитъ націи. Но сама она, все-таки, никакихъ классовыхъ интересовъ, а, стало быть, и классового сознанія, не имѣетъ.

Гдѣ тутъ зарыта собака, какъ говорятъ иѣмцы, вполне уясняется отношеніемъ г. Тихомирова къ вопросу о расколѣ въ нашей интеллигенціи по поводу того: быть или не быть у насъ капитализму. Говоря о помѣщенной въ нашемъ журналѣ статьѣ г. Оболенскаго, г. Тихомировъ замѣчаетъ, что „Россія въ своемъ типѣ такова, какъ этого тре-

буютъ условія ея развитія (какъ будто кто въ этомъ сомнѣвается!) Она измѣнится, если почувствуетъ въ этомъ дѣйствительную необходимость (что это: лазейка, оставляемая авторомъ для выхода, или уступка? Для самобытника типа г. Тихомирова она измѣниться не можетъ, не должна), и, притомъ, измѣнится не ихъ усиліями, не усиліями интеллигентовъ. Очевидно, что поставленный вопросъ сводится на нѣтъ; интеллигенція осуждена на недѣланіе. Мало того: само существованіе, т.-е. право ея на существованіе, отрицается. Признавая всяческія формы воздѣйствія, — воздѣйствія классовыя, воздѣйствія власти и т. д., авторъ отрицаетъ одно только воздѣйствіе на жизнь, воздѣйствіе сознанія, т.-е. интеллигенціи. Понятно, что при этомъ расколъ въ интеллигенціи по вопросу о капитализмѣ—вопросъ пустой. Все сдѣлается само собой или такъ, какъ будетъ угодно власти, или, еще лучше, какъ будетъ удобно для гг. самобытниковъ... Но причемъ же тутъ, однако, національное сознаніе? Вопросъ о томъ, быть или не быть капитализму, очевидно, для г. Тихомирова вопросъ не національный. Конечно, это очень удобно для капиталистовъ, промышленниковъ; но наврядъ ли это особенно удобно для самаго большого класса націи, для крестьянства. Повторяемъ, совершенно ясно, гдѣ тутъ собака зарыта.

Что же, однако, дѣлать интеллигенціи, по мнѣнію г. Тихомирова? „Мы, живя, работая,—говоритъ онъ,—сами видимъ, что намъ лучше и удобнѣе, и сообразно съ этимъ каждый видоизмѣняетъ свои способы дѣйствія“... Довольно откровенное признаніе, много объясняющее и приготовляющее насъ къ новымъ страннымъ признаніямъ. Г. Тихомировъ намѣренъ постушать, какъ ему будетъ удобно. Такъ и запишемъ.

Г. Тихомировъ утверждаетъ, что интеллигенція не думаетъ о національномъ дѣлѣ и не принимаетъ въ немъ участія. „Какое ей дѣло до того, что несогласованность отношеній нѣмецкихъ колонистовъ съ крестьянствомъ порождаетъ язвы разложенія? Какое ей дѣло до того, что враждебность вѣроваіи вноситъ раздоры и мѣшаетъ устроению?“—говоритъ онъ. На самомъ дѣлѣ эти вопросы очень и очень занимаютъ интеллигенцію, но... Почему взгляды самобытниковъ на этотъ вопросъ національны, а взгляды интеллигенціи не національны? Почему мнѣнія тѣхъ тобольскихъ крестьянъ, которые убили *нѣмца*, или рабочихъ Смоленской губ., принявшихъ *нѣмца* за водяного, національны, а мнѣнія проф. Потемни, наприм., не національны? Массовое еще не значить національное. И, конечно, не интеллигенціи учиться у массы пониманію жизни.

Въ предъидущемъ обзорѣни мы приводили мнѣніе проф. Протебни о томъ, что денационализація народа въ сферѣ языка равнозначительна опустошенію его сознанія. То же онъ утверждаетъ и по отношенію къ вѣрованіямъ. Выгодно ли для государства, какъ продукта настоящаго, а не фальшиваго въ смыслѣ нашихъ самобытниковъ, національнаго сознанія, чтобы какаѣ-либо часть его подданныхъ превратилась въ людей съ опустошеннымъ сознаніемъ, чтобы среди нея произошло пониженіе культурнаго уровня? Выгодно ли это даже для господствующаго племени?

Любопытный отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ г. Южаковъ (*Изъ современной хроники. Русское Богатство*). Оказывается, что одно среднеобразовательное учебное заведеніе приходится въ Европейской Россіи на 343 тыс., въ Царствѣ Польскомъ на 270 т., въ Прибалтійскомъ краѣ на 133 т. Россіи для того, чтобы догнать окранны, надо утроить

число своих средних учебных заведений и открыть еще 431 заведение. Таким образом, обрусительная политика, которой придерживались самобытники и которой оставалась чуждой интеллигенция, принесла пользу окраинам и вредь коренным областям. Денационализация не совершилось, но за то совершилась денационализация нашего русского культурного класса (въ томъ смыслѣ, что русская интеллигенция по отсутствію образовательныхъ средствъ численно слаба, а она и есть настоящая представительница національнаго сознанія).

Для самобытниковъ, конечно, и г. Южаковъ, и проф. Потебня—представители интеллигенціи, т.-е. желиберализма, и ихъ мнѣніямъ они не могутъ придавать какого-либо значенія. Приведемъ мнѣніе по этому вопросу графа А. Толстого (*Письма. Вѣстникъ Европы*). „Вы знаете, — писалъ графъ, — насколько я ненавижу все красное и чортъ меня возьми, если я въ той или другой изъ моихъ трагедій хотѣлъ что-либо доказать. Я презираю всякую тенденцію въ литературномъ трудѣ, я ее презираю, какъ пустой патронъ. Но не моя вина, если изъ написаннаго мной ради любви къ искусству само собой вытекаетъ, что деспотизмъ никуда не годится. Тѣмъ хуже для деспотизма... Не хотѣтъ уничтожить нѣмцевъ и поляковъ, какъ альбигойцевъ, не значитъ сдѣлаться нѣмцемъ или полякомъ. Если Европа допускаетъ гибель кандидатовъ, Европа выходитъ изъ своей роли и дѣйствуетъ по-татарски. Я отказываюсь отъ Европы... Моя ненависть къ московскому періоду есть идіосинкразія... Это не тенденція—это я самъ. Откуда взяли, что мы антиподы Европы? Туча прошла надъ нами, облако монгольское, но это была лишь туча и чортъ долженъ поскорѣе убрать ее... Заслуга скандинавовъ въ томъ, что они подтвердили наши начала свободы, тогда какъ отвратительная Москва уничтожила ихъ, — вѣчный стыдъ Москвѣ. Не было надобности уничтожать свободу, чтобы покорить татаръ. Не стоило уничтожать менѣе сильный деспотизмъ, чтобы замѣстить его болѣе сильнымъ. Собираніе русской земли? Собирать хорошо, но надо знать, что собирать. Горсточка земли лучше огромной кучи... Какой русскій не желалъ бы сліянія польскаго элемента съ русскимъ? Но не запрещеніемъ говорить по-польски этого достигаютъ... Вы имѣете грустную храбрость порицать мой тостъ за всѣхъ подданныхъ государя, какая бы ни была ихъ нація. Вы смѣшиваете государство съ національностями. Нельзя допустить разныя государства, но не стъ васъ зависитъ допустить или не допустить національности. Удовлетворяйтесь податями, которая вамъ платять, а потомъ старайтесь рядомъ искусныхъ мѣръ обрусить разныя національности. Но не будьте глупы и грубы. Фактъ (установленіе національности) существуетъ, цифры не причемъ. Напротивъ, чѣмъ меньше цифра, тѣмъ менѣе вамъ извинительно употреблять мѣры насилія и топтать ногами социальныя законы. Когда я вспомню о красотѣ нашего языка, когда я думаю о красотѣ нашей исторіи до проклятыхъ монголовъ и отвратительной Москвы, которая болѣе позорна, чѣмъ они, мнѣ хочется броситься кататься по землѣ отъ отчаянія: что мы сдѣлали съ дарами, которые дали намъ Богъ?“

Съ гр. Толстымъ можно во многомъ не соглашаться. Но... онъ былъ монархистомъ болѣе прочнымъ, чѣмъ тѣ самобытники, которые поспаютъ какъ имъ будетъ удобнѣе. Его слова—слова искренняго и честнаго интеллигента, т.-е. человѣка, который именно потому, что онъ вмѣстилъ въ своемъ сознаніи историческій опытъ своего народа и

кромѣ того, многое другое, болѣе націоналенъ, чѣмъ, наприм., тпиво-
шіе нѣмца смоленскіе мужики.

Мы нѣсколько отклонились отъ вопроса о томъ, что дѣлать интел-
лигенціи и что такое національное дѣло, въ которомъ интеллигенція
должна принять участіе. Национальное ли дѣло, наприм., народное об-
разованіе? Какъ ни откровененъ г. Тихомировъ, но и онъ наврядъ ли
теперь рѣшится признать это дѣло дѣломъ не національнымъ. Свящ. Фу-
дель (*Поучительная исторія. Русское Обзорніе*) еще болѣе откровен-
ный писатель. Для него вопросъ о школахъ есть вопросъ о власти, т. е.
вопросъ, прежде всего, классовый. Онъ довольно откровенно признает-
ся, что „стыдиться и краснѣть надо не за тѣ школы, *которыя нѣтъ,*
а за тѣ, которыя вносятъ политическій и духовный развратъ въ на-
родную среду“ (читай: за школы земскія и министерскія, которыя на-
ходятся якобы въ рукахъ интеллигенціи). Приведемъ изъ хроники
г. Южакова маленькую справку. По словамъ отчета г. попечителя кiev-
скаго округа, въ юго-западномъ краѣ число народныхъ училищъ далеко
не удовлетворяетъ самымъ скромнымъ требованіямъ. Несмотря на до-
вѣріе населенія къ министерской школѣ, несмотря на заботы училищ-
ныхъ властей, несмотря на готовность крестьянъ жертвовать на школы,
приговоры объ открытіи школъ остаются безъ послѣдствій *вслѣдствіе не-*
сомасія епархіальнаго начальства, а, между тѣмъ,—продолжаетъ отчетъ,—
школа въ краѣ, кромѣ общаго воспитанія народа, признана еще слу-
жить сліянію всѣхъ элементовъ населенія. Эта задача можетъ быть разрѣ-
шена только школою министерской“. Эта справка очень важна: она указы-
ваетъ на разницу между взглядомъ на народное образованіе, какъ на
дѣло истинно-національное, и взглядомъ на него, какъ на дѣло классоваго
интереса, а на самую школу, какъ на орудіе партійной классовой бор-
бы, какъ на средство классовой власти. По мнѣнію этихъ господъ, луч-
ше оставить народъ совсѣмъ безъ школъ, чѣмъ дозволить интеллиген-
ціи,—нѣтъ, даже не интеллигенціи, а *постороннему въдомству* (въ дан-
номъ случаѣ *такимъ въдомствомъ является министерство народнаго*
просвѣщенія) участвовать въ дѣлѣ народнаго образованія. Свящ. Фудель
съ большимъ одобреніемъ приводитъ письмо извѣстнаго эмигранта Твер-
скаго, гдѣ сей международный человѣкъ пишетъ слѣдующее: „Русская
интеллигенція и русскій народъ—двѣ несовмѣстимыя вещи, и всякія по-
пытки совмѣстить ихъ только мѣшаютъ народу идти по своему собствен-
ному пути. Интеллигенція не съумѣетъ устроить Русскую землю и только
задерживаетъ народъ своими неудачными поползновеніями. Пусть самъ
народъ добивается прогресса, и если мы, интеллигенція, не будемъ у
него на пути, онъ скорѣе выбѣдетъ изъ тьмы на свѣтъ... Я ушелъ съ
родины, и думаю, что это былъ единственный шагъ, которымъ я дѣй-
ствительно принесъ пользу русскому народу. Чѣмъ скорѣе мы уберем-
ся во-свои, тѣмъ скорѣе славянскій народъ добьется того, что ему
нужно. Мы не только не можемъ ему помочь, но и несомнѣнно ему
вредимъ всякимъ нашимъ движеніемъ, всякимъ нашимъ словомъ“...
Международный человѣкъ совѣтуетъ интеллигенціи бѣжать. Мы не
бросимъ въ него камнемъ осужденія потому только, что отчаянія не
судать. Но понятно, что не бѣгство рѣшаетъ вопросъ о томъ, что дѣ-
лать. Свящ. Фудель милостиво разрѣшаетъ интеллигенціи оставаться на
роднѣ, но съ тѣмъ, чтобъ она отняла руки прочь отъ народнаго об-
разованія. Поставивъ вопросъ о національномъ дѣлѣ, самобытники
рѣшаютъ его отрицательно. Они остаются, какъ и прежде, нигили-
стами, отрицателями русской дѣйствительности и недвусмысленно про-

являют свои поползновенія превратить національное дѣло въ дѣло классового интереса и классовой власти. Тутъ интеллигенціи, дѣйствительно, дѣлать нечего... Такое отношеніе къ дѣлу народнаго образованія есть то самое „фронтное“ отношеніе, на которое указываетъ по отношенію къ расколу такой несомнѣнный консерваторъ и столь же несомнѣнный православный, какъ Гиляровъ-Платоновъ (*Логика раскола. Русское Обозрѣніе*). „Не только русское подданство, но и русская народность,—говорилъ онъ,—съ расширеніемъ предѣловъ государства перестали быть однозначущими съ православіемъ. Въ сущности, строгимъ представителемъ фронтного взгляда нынѣ осталась одна православная іерархія и чѣмъ выше, тѣмъ суровѣе. Психологически это объясняется *досадой о потерянной власти*. Ревнителі казеннаго православія... лобызаютъ зависимость церкви отъ гражданской власти (по вопросу о школѣ они, какъ мы видѣли, хотятъ сами поработить гражданскую власть), хотѣли бы сѣсть къ ней совсѣмъ на руки и не прочь доказывать, что въ этомъ даже состоитъ достолюбезное преимущество истинно православнаго церковнаго устройства“.

У другого столпа самобытнаго консерватизма, г. Розанова (*Культурная хроника русскаго общества и литературы. Русск. Вѣстн.*) невольно вырвалось одно очень любопытное признаніе, имѣющее болѣе или менѣе непосредственное отношеніе къ занимающему насъ теперь вопросу о томъ, что дѣлать интеллигенціи. Г. Розановъ путается, но наврядъ ли лицемеритъ. Когда онъ читалъ свои нелѣпыя нотации Л. Н. Толстому, то его слова возбуждали негодованіе, но не отвращеніе. И совершенно напрасно онъ теперь оправдывается (*Необходимое разъясненіе. Русскій Вѣстн.*) тѣмъ, что онъ говорилъ съ Толстымъ, какъ христіанинъ съ христіаниномъ. Всѣ сколько-нибудь проницательные читатели такъ это и поняли; г. Розановъ съ Толстымъ иначе и говорить не могъ. Другой вопросъ, что такое христіанство г. Розанова? Это христіанство „великаго инквизитора“, Торквемады; отъ его страстныхъ призывовъ къ покаянію и смиренію, обращенныхъ къ Толстому, пахнетъ дымомъ костра. Это было бы страшно, еслибъ не было смѣшно. А смѣшно потому, что теперь Торквемада неизбѣжно превращается въ очень мелкаго изувѣра. Инквизиторъ страшенъ только при обладаніи властью, а не на страницахъ журнала.

Но это такъ, кстати... Тѣмъ не менѣе, г. Розановъ искренній, а не только откровенный писатель, и у него вырываются признанія, которыя не могутъ вырваться ни у г. Тихомирова, ни у г. Spectator'a... И они цѣнны, эти признанія-то. Онъ говоритъ о томъ теченіи нашей литературы, которое идетъ отъ Бѣлинскаго, Чернышевскаго, Добролюбова до г. Михайловскаго, отъ *Современника* до *Русскаго Богатства* и *Русской Мысли*, и замѣчаетъ: „Самая поразительная и общая черта, соединяющая всѣхъ писателей, которые образуютъ это теченіе, состоитъ въ томъ, что имъ не приходила на умъ мысль, что ихъ сочиненія могутъ быть нужны кому-нибудь, кромя юношей, которымъ они нужны въ высшей степени... Точка зрѣнія взрослыхъ людей, имѣющихъ на сущныя нужды и трудныя обязанности, безусловно отсутствуетъ всѣхъ нихъ. *Отечест. Записки, Современникъ, Русское Богатство Русская Мысль*, говоря серьезно и о серьезныхъ вопросахъ, говорятъ именно юношеству, съ точекъ зрѣнія для юношества занимательныхъ, ему понятныхъ или имъ усвоимыхъ... Что это за странное явленіе? Кто они, эти странные люди, и въ чемъ ихъ истинная миссія? Они были бессознательные (?) педагоги и съ *неслышаннымъ совершенствомъ*

выполняли эту функцию. Въ школы, скучной, безсвязной, *безкультурной*, не способной сколько-нибудь вовлечь души въ міръ серьезныхъ интересовъ, развернулась школа не чиновничья, въ которую ринулось все свѣжее, ищущее, любознательное, и они, эти педагоги-писатели, радостно и дружно пошли на встрѣчу этому движенію. Въ томъ общеніи, какое начиналось между учителямъ и учениками, соблюдены были *всѣ эти принципы образованія*: индивидуализмъ отношеній, однородность воспріятій, культъ уваженія къ предметамъ наученія и любви къ *тому обучающему*... Этотъ циклъ литературы, къ сожалѣнію, уже истощающійся (?), поражаетъ свѣжестью, богатствомъ формъ и, главное, необычайною оригинальностью этого совершенно новаго во всемірной литературѣ явленія; углубившись въ его смыслъ, мы поймемъ великую мысль, на немъ почившую. Мы навсегда сохранимъ эту школу для нашего юношества. Пусть *въ сторонѣ отъ насъ и нашихъ путей*, въ садахъ чудесныхъ Гесперидъ растутъ наши дѣти, отдыхаютъ до времени, когда придетъ ихъ часъ и позоветъ ихъ къ труду“.

Замѣчаніе г. Розанова можно принять съ нѣкоторыми, очень, впрочемъ, важными, оговорками. Извѣстно, какую роль сыграло то литературное теченіе, о которомъ онъ говоритъ, въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Вопросы о крестьянскомъ банкѣ, о регулированіи и упорядоченіи переселенческаго дѣла и проч., и проч. были поставлены и отчасти рѣшены писателями, составлявшими это теченіе. Надѣмся, что всѣ эти вопросы достаточно „взрослые“. Но въ основѣ, въ принципѣ замѣчаніе г. Розанова вѣрно. Да, роль этого литературнаго теченія и роль интеллигенціи, представителемъ которой оно было, была педагогическая, воспитательная, и мы не думаемъ, что такая роль была сыграна „теченіемъ“ только по отношенію къ юношеству. Въ положеніи юношества находились и до сихъ поръ находятся и взрослые. Слишкомъ мы еще некультурны, чтобы наша интеллигенція могла и теперь отказаться отъ своей педагогической, воспитательной миссіи. Ей и теперь приходится, — и слава Богу, что приходится, — не служить какому-либо общественному классу, а учить, — учить и юношество, и взрослыхъ людей разныхъ общественныхъ классовъ, и самый народъ. Интеллигенція учиться у народа нечему. Она — продуктъ народнаго сознанія, т.-е., собственно говоря, она его освѣщенное знаніемъ сознаніе.

Это уже до нѣкоторой степени отвѣтъ на поставленный вопросъ. Учить и словомъ, и дѣломъ — миссія почетная и отвѣтственная. Но, конечно, это только общій отвѣтъ, отнюдь не опредѣляющій подробности. Чтобы учить, надо знать, чему учить, надо, стало быть, и самимъ учиться.

Въ *Литературѣ и жизни* г. Михайловскаго мы находимъ нѣсколько замѣчаній, имѣющихъ отношеніе къ этой послѣдней сторонѣ вопроса. Говоря о различныхъ, трудно совмѣстимыхъ характеристикахъ настроенія современной молодежи, авторъ спрашиваетъ: „Кто же, однако, этотъ требующій себѣ широкой дороги „восьмидесятникъ“ или „девятисидесятникъ“? Кто онъ: виолончелистъ, марксистъ, мистикъ, кутила, толстовецъ, практикъ, декадентъ?... Всѣ эти господа, отправляясь отъ самыхъ разнородныхъ исходныхъ точекъ, шумно торжествуютъ побѣду надъ извѣстнымъ міросозерцаніемъ, но не думаютъ сводить счеы между собою и даже какъ будто не замѣчаютъ другъ друга... Почему они только воюютъ съ идеалами отцовъ, по ихъ словамъ, уже потерявшими кредитъ, а не отвергаютъ своихъ торжествующихъ

современниковъ?... Все дѣло сводится къ слишкомъ торопливымъ и одностороннимъ обобщеніямъ, побуждающимъ однихъ столь же незаконно радоваться повышенію духовнаго уровня молодежи, а другихъ столь же незаконно скорбѣть объ упадкѣ... Въ общемъ духовный уровень молодежи дѣйствительно понизился сравнительно съ не очень давнимъ временемъ, но нѣтъ такого круга идей или такого настроенія, которое можно бы было назвать преобладающимъ. За самое послѣднее время, однако, рѣзко пробивается теченіе, свидѣтельствующее, что молодежь сознаетъ нѣкоторыя свои слабыя стороны и, не довольствуясь „разсыпанною храниной“, склонна выработать себѣ общее міросозерцаніе“.

Конечно, это не отвѣтъ на поставленный нами вопросъ, да и самъ г. Михайловскій не признаетъ его за таковой. Онъ и вопроса такого не ставитъ. Но это указаніе на важный фактъ, имѣющій къ отвѣту отношеніе. Стремятся выработать общее міросозерцаніе,—значить, сознають, что оно нужно и что его нѣтъ. Нужно оно можетъ быть, конечно, только для дѣланія и хорошо и то уже, что является первымъ и необходимый шагъ къ дѣланію. А что нѣтъ общаго міросозерцанія, что люди очутились въ „разсыпанной хранинѣ“, такъ это не ихъ вина. Припомните, что г. Розановъ говорить о некультурной, чиновничьей школѣ; припомните и то, что мы сказали объ отсутствіи традицій... Все это, однако, не мѣняетъ ни сущности, ни настоятельности поставленнаго вопроса. Отсутствіе традицій—печальное дѣло; но связать прерванное, вѣдь, все же возможно и учительная миссія интеллигенціи оастаетъ все также святой и необходимой.

Укажемъ еще на одну статью—на статью г. Л. С. (*Наши направленія въ печати и въ общество. Вѣстн. Евр.*). Эта статья, помимо своего собственнаго интереса, любопытна потому, что она составляетъ нѣкоторый признакъ времени. Прежде всего, поражаетъ то обстоятельство, что авторъ признаетъ у насъ существованіе только двухъ направленій: либеральнаго и консервативнаго... Все остальное игнорируется, какъ не заслуживающее вниманія. Правду сказать, мы не вполне понимаемъ такой пробѣлъ. Это какое-то добровольное самоограниченіе. Можетъ быть, оно и имѣетъ какіе-либо резоны, очень возвышенные и тонкіе. Но мы откровенно сознаемся, что такихъ резоновъ мы органически не способны понимать, какъ не способны понимать и другихъ самоограниченій автора. Характеристика патріотовъ, дѣлаемая авторомъ, довольно мѣткая, хотя и не оригинальна. „Они (патріоты) всегда имѣютъ отношеніе къ казенному пирогу; они обнаруживаютъ болѣзненную страсть къ кляузничеству, къ полемическимъ передержкамъ для разоблаченія чужой неблагонадежности... Публицисты-патріоты выдаютъ себя за охранителей національнаго духа въ политикѣ и общественной жизни; но они сами не даютъ себѣ яснаго отчета въ томъ, что охраняютъ и что отвергаютъ (ахъ, г. Л. С., напрасно вы это говорите: эти господа слишкомъ хорошо сознають, что они дѣлають. Они единственные у насъ, — въ печати, по крайней мѣрѣ, — представители классовыхъ интересовъ и это они чудесно сознають). Трудно считать ихъ сознательными консерваторами; они—оппортунисты на реакціонной подкладкѣ, готовые защищать какіе угодно интересы, кромѣ народныхъ. Съ одной стороны, они проповѣдуютъ аристократическіе принципы, а съ другой—отстаиваютъ неумѣренные притязанія крупныхъ промышленниковъ и коммерсантовъ“ (то-то и есть. А вы о безсознательности толкуете!).

Если эту характеристику консерваторовъ, принявъ во вниманіе сдѣланныя нами оговорки, и можно признать правильной, то этого, по нашему мнѣнію, нельзя сказать о характеристикѣ либераловъ. Тутъ г. Л. С. дѣлаетъ рядъ самоограниченій, совершенно незаконныхъ и даже излишнихъ. Указывать на нихъ мы, по весьма понятной причинѣ, не будемъ и ограничимся букввальнымъ воспроизведеніемъ характеристики, сдѣланной г. Л. С. Замѣтимъ только, что, по русской поговоркѣ, слово—серебро, а молчаніе—золото... Иногда оно, дѣйствительно, золотомъ бываетъ.

Чего хотятъ либералы?—спрашиваетъ авторъ и отвѣчаетъ: „Чтобы государство было сильно не только количествомъ войскъ, но и умственнымъ и экономическимъ ростомъ населенія, сознательною энергіей. Къ тому же стремились всегда и представители власти. Мечтаютъ они о томъ, чтобы были школы, чтобы кабаки замѣнились читальнями, чтобы у народа были подходящіе законы, вмѣсто устарѣлыхъ, чтобы крестьянство не облагалось полатами въ большей мѣрѣ, чѣмъ богатое купечество; чтобы законность и справедливость не были игрушками въ рукахъ исполнителя. То же желательно и высшимъ представителямъ правительства. Либералы стоятъ за гласность и контроль, за активную роль земства, за содѣйствіе общества и печати; но и гласность, и земство, и содѣйствіе общества подчинены государству и служатъ его интересамъ. Не странно ли, что уваженіе къ закону болѣе свойственно либераламъ, чѣмъ консерваторамъ? Когда законы оказываются несостоятельными, то консерваторъ предлагаетъ исполнителямъ игнорировать ихъ и руководиться личнымъ усмотрѣніемъ, а либераль возбуждаетъ вопросъ о замѣнѣ старыхъ законовъ новыми; въ этомъ огромная принципиальная разница. Наши либералы всего менѣе склонны держаться принципа *laissez faire* въ какой бы то ни было области государственной и народной жизни. Такъ какъ у насъ нѣтъ буржуазіи, то нѣтъ и буржуазнаго либерализма. Либералы у насъ хлопочутъ о томъ, что полезно всему народу, а, слѣдовательно, и государству, въ противоположность охранителямъ, откровенно преслѣдующимъ особия выгоды... Либерализмъ несовмѣстимъ съ ложнымъ націонализмомъ, а истинно національно все то, что повышаетъ благосостояніе, умственные силы, энергію и бодрость народа и что даетъ твердую почву для сознанія равноправности съ передовыми націями...“ Въ заключеніе авторъ увѣряетъ, что „либеральныя идеи все болѣе усваиваются *передовою общественною силой* нашего времени—*просвѣщенной бюрократіей*, постепенно и *неудержимо* поглощающею *лучшіе элементы* образованнаго общества. Дѣятельный, предприимчивый бюрократизмъ является *господствующимъ направленіемъ* нашей эпохи и остается только желать, чтобы онъ не проникъ безжизненнымъ канцелярскимъ духомъ“.

Мы, разумѣется, согласны съ г. Л. С., что „остается только желать“. Согласны мы и въ томъ, что „просвѣщенная бюрократія составляетъ передовую общественную силу“, что она „неудержимо поглощаетъ лучшіе элементы“, что „предприимчивый бюрократизмъ есть господствующее направленіе“. Мы вообще согласны, что все прекрасно въ семь лучшемъ изъ міровъ. Но... Въ *Правахъ Растеряевой улицы* Г. И. Успенскаго есть одинъ несчастный мастеровой. Женился онъ на благородной. Она ему: вонь, мочало!...—и баць, баць его по щекамъ!... А онъ ей: „Чувствительнѣйше васъ благодарю!“ Но когда она привела его къ офицерамъ и говорить: „Господа енералы, забрѣйте моему мужу лобъ... въ солдаты“, такъ даже этотъ забитый человѣчекъ не

сказаль: „чувствительнѣйше васъ благодарю“, и далъ стрекача. Сто городовъ пробѣжалъ, пока на Растеряевой улицѣ очутился. Такъ вотъ мы и не увѣрены, что наша интеллигенція, когда г. Л. С. опредѣлитъ ее въ „предпримчивую бюрократію“, непременно скажетъ: „чувствительнѣйше васъ благодарю“, а, пожалуй, и стрекача задастъ.

Все-таки, очень хорошо въ семь лучшемъ изъ міровъ и никакого вопроса о томъ, что дѣлать интеллигенціи, не существуетъ. Какой ужъ тутъ вопросъ, когда „неудержимо“ поглощаетъ? Тутъ ужъ спрашивать не о чемъ, а просто: пусть теперь влечетъ меня, куда хочеть валъ.

И такъ, вотъ какой оборотъ выходитъ: консерваторъ г. Розановъ, хотя и не безъ нѣкотораго ехидства, а все же указываетъ интеллигенціи на важную и святую миссію воспитанія юношества, народа и общества, а „либераль“ г. Л. С. опредѣляетъ интеллигенцію въ передовую и предпримчивую бюрократію... Конечно, могутъ быть и другіе отвѣты на поставленный вопросъ, но мы, вѣдь, беремъ только то, что въ текущей журналистикѣ имѣется... Во всякомъ случаѣ, надо выбирать.

Изъ другихъ статей разбираемой книги *Вспитника Европы* укажемъ на статью г. Тернера: *Крестьянскіе платежи и способности изъ взысканія*. „Болѣе трехъ четвертей нашего народонаселенія, — говоритъ почтенный авторъ, — живетъ подъ дѣйствіемъ податныхъ порядковъ, составляющихъ диаметрально противоположность тому, что вся Европа признаетъ основаніемъ нормальнаго фискальнаго устройства. *Вездѣ за подать отвѣчаетъ объектъ подати*; отказываясь отъ объекта, плательщикъ освобождается и отъ обязанности уплаты какъ налога, такъ и недоимки. *Нидѣ тѣлесныя истязанія не допускаются*, какъ средство побужденія плательщиковъ къ исправному взносу податей. Эти два коренныя начала всякаго цивилизованнаго фискальнаго порядка не примѣняются до сихъ поръ къ нашему сельскому населенію. Несмотря на уничтоженіе подушной подати, налогъ и выкупной платежъ все еще остаются связаны съ лицомъ плательщика, за нихъ отвѣчаетъ не объектъ налога, не земля. Утверждаютъ, будто бы всякому усовершенствованію податной системы у насъ мѣшаютъ общинное владѣніе и круговая порука. По словамъ Н. П. Семенова, тягость круговой поруки зависитъ не отъ свойства той круговой поруки, которая сама собой вытекаетъ изъ общиннаго строя, а отъ свойства и размѣра повинностей. Только та круговая порука, которая не истекаетъ сама собой изъ общиннаго начала мірскаго строя, является въ глазахъ народа угнетеніемъ и насиліемъ. На основаніи извѣстныхъ изслѣдованій Трирогова, фискальная круговая порука никогда не осуществляется; не было случая, чтобы сходъ постановлялъ о пополненіи по раскладкѣ всѣмъ обществомъ суммы повинностей, не внесенной неплательщикомъ. Идея круговой поруки осуществляется другимъ образомъ, а именно въ формѣ взаимной общественной отвѣтственности, т.-е. не въ видѣ явленія, вышедшаго изъ области административныхъ мѣръ, а въ видѣ элемента, самовытекаемаго изъ тѣхъ началъ, по которымъ люди соединяются для удовлетворенія общихъ экономическихъ нуждъ въ особый общественный союзъ. Круговая порука есть взаимная общественная отвѣтственность, только *предварительная*, а не *послѣдующая* за раскладкой. Въ такой формѣ она является естественнымъ *коррективомъ* всякаго поземельно-подворнаго налога въ общинѣ. Ни земля, ни ревискакая, ни рабочая душа, сама по себѣ, безъ этого корректива не можетъ служить здоровою единицей подушной раскладки налога въ

общинѣ. Нельзя и помышлять о томъ, чтобы совершенство податной системы когда-нибудь дошло до знакомства съ каждымъ хозяйственнымъ дворомъ. Въ порядкахъ же общины проявляется указаніе на *болѣе естественная единицы*, чѣмъ тѣ, къ которымъ прибѣгаютъ и земство, и государство. Община отвергаетъ и душу, и десятину, какъ единственное выраженіе экономической силы, и все строить *на домохозяйствѣ*, въ которое и рабочая душа, и десятина входятъ какъ элементы. Общество не знаетъ названія различныхъ податей, а только общую цифру платежей, которую оно и распределяетъ *подворно-подомохозяйственно*, по выраженію Трипрогова. Какимъ же образомъ при такихъ условіяхъ мугутъ вообще быть недоимки по каждому отдѣльному обложенію? Ни народъ, ни сборщики, ни писаря, сельскіе и волостные, ни старосты цифры недоимокъ по каждому обложенію опредѣлить не могутъ ни въ прошедшемъ, ни въ настоящемъ. Цифры недоимокъ по каждому сбору образуются лишь въ бюрократическихъ учрежденіяхъ. Такимъ образомъ, въ жизни народа, совершенно въ рознь отъ официальной терминологіи и отъ официальныхъ фискальных порядковъ, выработалась своя финансовая раскладочная система, простая, разумная и вполне справедливая. Народъ приктически пришелъ къ убѣжденію, что экономическія и податныя силы населенія опредѣляются не количествомъ душъ, не пространствомъ десятинъ, а правильнымъ сочетаніемъ того и другого, насколько оно выражается въ подвижной силѣ домохозяйства.

При подобныхъ условіяхъ податное дѣло должно бы быть въ благопріятномъ положеніи, но на дѣлѣ выходитъ иное. По авторитетному мнѣнію автора книги *Неурожай*, уничтоженіе подушной подати и уменьшеніе размѣра выкупныхъ платежей не оказали на экономическое положеніе крестьянства того благодѣтельнаго вліянія, на которое можно было рассчитывать, потому что возросли земскіе и общественные сборы и потому, что порядокъ взысканія остался прежній. Даже въ годы самаго высокаго урожая населеніе не въ состояніи поправить своего благосостоянія. Вся тяжесть взиманія податей ложится на хлѣбъ, а хлѣба или мало и тогда накаплиются недоимки, или много, но онъ такъ дешевъ, что крестьянинъ его продажей не можетъ выполнить свои обязательства передъ казной. Надѣлъ и лошадей продать нельзя. Но надѣлъ можно отобрать и сдать въ посторонній руки; точно также путемъ личныхъ взысканій, до тѣлеснаго наказанія включительно, можно заставить крестьянина заложить корову и лошадь. И тогда, конечно, дѣло крестьянина непоправимо. Особенно вредно дѣйствуетъ на благосостояніе крестьянъ неограниченность размѣра сборовъ, когда у нихъ есть недоимка. Какъ бы ни была она велика, ее не разлагаютъ на годы, а выбираютъ все, что можно. Иногда съ крестьянъ выбирается болѣе двойного годового оклада. Поэтому въ хорошіе годы крестьянинъ и не поправляется; все уходитъ на пополненіе недоимокъ и ничего не остается. На основаніи официальныхъ свѣдѣній въ теченіе десяти лѣтъ средняя годовая недоимка превышаетъ семь милліоновъ. Съ 1876 по 1886 годъ недоимка увеличилась почти вдвое, а въ теченіе слѣдующихъ шести лѣтъ она съ 66 милл. возросла до 117. Вообще въ урожайные годы можно съ увѣренностью ожидать перепосупленія, а въ средніе годы недоимка растетъ, потому что отъ урожайнаго года ничего не остается. Давно уже указывалось на необходимость реформы въ виду такого положенія дѣлъ. Въ 1873 году коммиссія гр. Валуева заявляла, что *общая реформа прямыхъ податей стоитъ въ числѣ самыхъ насущ-*

ныхъ потребностей Россіи. Двадцать лѣтъ спустя авторъ книги *Неурожай* пишетъ: выходя изъ этого положенія одинъ изъ самыхъ серьезныхъ вопросовъ, который подлежитъ *неотложному разрѣшенію...* *Нельзя медлить* съ этимъ вопросомъ, нельзя скрывать отъ себя его первостепенной важности, нельзя надѣяться разрѣшить его какими-либо полумѣрами. Съ разрѣшеніемъ вопроса о коренномъ преобразованіи нашей податной системы, въ благопріятномъ для населенія смыслѣ, связана вся экономическая жизнь нашего народа, все будущее преуспѣяніе русскаго государства.

Въ чемъ же должна состоять реформа? Тригоговъ полагалъ, что государственной и земской податной системѣ слѣдуетъ приблизиться къ тому, что фактически существуетъ въ крестьянскомъ обществѣ. По его мнѣнію, домохозяйство, какъ единица обложенія, устойчивѣе, цѣлостнѣе и пѣлесообразнѣе другихъ единицъ: души или десятины. Эта единица, домохозяйство, есть продуктъ правильно - прогрессирующей жизни хозяина. Поэтому *экономическія доли*, опредѣляющія экономическую силу домохозяйства, должны быть положены въ основаніе всякаго обложенія. По мнѣнію г. Тернера, домохозяйство наврядъ ли можетъ служить удобною единицей государственнаго и земскаго обложенія, именно въ силу своей измѣчивости. Въ рукахъ государства оно не можетъ быть живымъ элементомъ и превратится въ виѣшнюю схематическую форму. Да установленіе какой-либо единицы и не важно, по мнѣнію автора, такъ какъ крестьяне всякій налогъ разсматриваютъ только въ его итогѣ, перелагая по собственной раскладкѣ на домохозяевъ. Поэтому, по мнѣнію автора, *измѣненія настоящей податной системы не требуется*, а требуется *измѣненіе системы взиманія*. Круговая порука, вытекающая изъ общиннаго строя, какъ предварительная, не только не препятствуетъ усовершенствованію системы взиманія, а, напротивъ, облегчаетъ введеніе всякаго улучшенія. Не то, конечно, грубая фискальная круговая порука. Она страшное орудіе въ рукахъ богатыхъ, дающее имъ средство къ закабаленію слабосильныхъ; она ведетъ къ совершенному разоренію бѣдныхъ крестьянъ. Ея отбѣна не только не отзовется вредно на поступленіи платежей, но будетъ имѣть благопріятныя послѣдствія, такъ какъ послужитъ къ поднятію благосостоянія крестьянства. По отношенію къ мѣрамъ взысканія г. Тернеръ признаетъ первую и единственную мѣру: временное или окончательное отобраніе у недоимщика части надѣла или всего надѣла. Подобная постановка податнаго дѣла имѣла бы то преимущество, что при отчужденіи надѣла у крестьянина оставались бы нѣкоторыя средства, позволяющія ему взяться за другое дѣло. При теперешнемъ же порядкѣ всѣ мѣры, не достигая цѣли, ведутъ только къ окончательному истощенію недоимщика и превращенію его въ нищаго. Въмѣсто отдачи недоимщика въ заработки, надо предоставить ему возможность отработать недоимку рабочими днями. Такіе рабочіе дни предоставляются въ распоряженіи правительства и употребляются на разныя общественныя работы. Это будетъ жертва для казны, но незначительная и даже только кажущаяся, такъ какъ исправленіе, наприм., дорогъ возвыситъ благосостояніе всего края, а возможность отработать недоимку дастъ крестьянину возможность поправиться. Далѣе слѣдуетъ безусловно воспретить продажу инвентаря, такъ какъ при бѣдности крестьянина этотъ инвентаръ состоитъ только изъ коровы и лошади, безъ которыхъ все равно вести хозяйство невозможно. Поэтому, очевидно, благоразумнѣе отбирать землю, такъ

какъ безъ инвентаря земля крестьянину все равно бесполезна. Затѣмъ необходимо воспретить примѣненіе тѣлесныхъ наказаній, вредныхъ даже съ фискальной точки зрѣнія, такъ какъ они косвеннымъ образомъ только ведутъ къ разоренію крестьянина и отдають его въ руки кабалителей. Наконецъ, слѣдуетъ точно опредѣлить и ограничить кругъ дѣятельности полиціи. Руководство податного дѣла должно быть предоставлено податнымъ инспекторамъ, а полиція должна дѣйствовать по ихъ указанію. Но для исполненія всѣхъ этихъ предположеній, — замѣчаетъ г. Тернеръ, — необходимо одно условіе, *чтобы доходность земли превъшла сумму платежей, которыми она облагается*. Тогда только крестьянинъ будетъ дѣлать землю, и при отчужденіи на нее всегда найдутся охотники. И въ хозяйственномъ, и въ фискальномъ отношеніи излишнее бремя платежей такое зло, которое останавливаетъ всякій прогрессъ. Пониженіе платежей крестьянства не составитъ даже особаго ущерба для казны. Есть предѣлъ, дальше котораго крестьянинъ платить не можетъ. Говоря о соразмѣрности платежей, слѣдуетъ имѣть въ виду всю ихъ сумму; поэтому надо имѣть въ виду земскіе и мірскіе платежи и недоимки. По отношенію къ земскимъ и мірскимъ платежамъ всего лучше установить нѣкоторую соразмѣрность ихъ съ казенными платежами; первые должны взиматься въ видѣ опредѣленной *дополнительной копѣйки* ко вторымъ. Что касается недоимокъ, то на ихъ возмѣщеніе надо смотрѣть, какъ на актъ справедливости, а не какъ на источникъ государственнаго дохода. Поэтому уплата ихъ можетъ быть разсрочена на очень продолжительное время, такъ чтобы размѣръ взыскиваемой недоимки не превышалъ извѣстнаго процента оклада, наприм., 5 или 10%. Наконецъ, желательно, чтобы недоимщикъ, отъ котораго отчуждается надѣлъ, получалъ возмѣщеніе разницы между стоимостью надѣла и суммой недоимокъ; обязательство такого возмѣщенія должно быть возложено частью на того общинника, которому передается надѣлъ, а частью на общество или даже на правительство.

Изъ статей, помѣщенныхъ въ *Русскомъ Богатствѣ*, укажемъ на дѣльную статью г. Зака: *Судьбы крестьянской общины въ Германіи*. Авторъ обладаетъ недюжинною эрудиціей и очень трезвыми, хорошо обоснованными взглядами. Предметъ, которому посвящена статья, имѣетъ несомнѣнное общественное значеніе и для русскаго читателя. Вопросъ о судьбахъ крестьянской общины въ Германіи въ свое время возбуждалъ довольно оживленные споры между такъ называемыми романистами, которыхъ теперь найдется немного и главнымъ представителемъ которыхъ можетъ считаться Фуфель де-Куланжа, и такъ называемыми германистами. Спорный между ними вопросъ былъ вопросъ о происхожденіи средневѣковой общины. Онъ былъ связанъ съ вопросомъ, занимавшимъ умы ученыхъ еще прежде, чѣмъ стали интересоваться общиннымъ вопросомъ. Это былъ вопросъ о томъ, развилась ли средневѣковая Европа на почвѣ римской цивилизаціи, или германскаго „варварства“, возобладали ли начала римскаго быта съ его строго выработаннымъ институтомъ частной собственности, съ его рабствомъ, колонатомъ и проч., или начала германскія? Если бы оказалось вѣрнымъ первое рѣшеніе вопроса, то были бы правы тѣ, кто утверждалъ, что средневѣковая крѣпостная община развилась изъ частнаго владѣнія съ рабскимъ трудомъ; въ противномъ случаѣ вопросъ переносился на почву изслѣдованія германскихъ началъ первоначальной свободной общины. Вопросъ затрогивалъ важный историко-

соціологическій законъ о характерѣ общечеловѣческаго прогресса. При рѣшеніи его въ смыслѣ мнѣній романистовъ прогрессъ былъ правильнымъ и закономѣрнымъ—отъ рабства къ свободѣ черезъ различныя стадіи крѣпостного права. При иномъ рѣшеніи оказывалось, что прогрессъ шель неправильно, по извилистой линіи, отъ первичной стадіи свободы черезъ рабство къ освобожденію. Научныя данныя рѣшили вопросъ въ этомъ послѣднемъ направленіи. Припомнимъ, что подобный же споръ въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ велся и у насъ между общинниками, славянофилами и западниками, и одной изъ группъ западниковъ, главнымъ представителемъ которой въ этомъ спорѣ являлся г. Чичеринъ. И у насъ, какъ въ Европѣ, историческое изслѣдованіе рѣшило въ пользу общинниковъ. Общинная организація,—говорить въ своей статьѣ г. Зака,—сообщила индивидууму необыкновенный закалъ, которымъ и объясняется, почему немногочисленныя толпы варваровъ овладѣли Римскою имперіей, несмотря на ея администрацію, централизацію и развитые гражданскіе законы. Какая разница между членомъ любой изъ деревенскихъ общинъ и современнымъ нѣмецкимъ крестьяниномъ! Первый разсматривалъ себя какъ равнаго всѣмъ. Онъ свободно выбиралъ своихъ вождей, принималъ участіе въ завѣдываніи дѣлами общины, онъ судилъ разногласія и преступленія равныхъ, онъ никогда не покидалъ своего оружія. Современный нѣмецкій крестьянинъ неподвиженъ, онъ подавленъ могущественною іерархіей, онъ самъ себѣ не господинъ, онъ берется въ составъ соціального механизма, располагающаго имъ, какъ вещь. Онъ весь охваченъ государствомъ и поставленъ имъ на опредѣленное мѣсто.

Для насъ и въ настоящее время вопросъ о происхожденіи и въ особенности о разрушеніи общины, чему будетъ посвящено продолженіе статьи г. Зака, не утратилъ своего интереса. „Если голодъ,—справедливо замѣчаетъ авторъ,—ничего не принесетъ крестьянству, кромѣ разоренія, то для интеллигенціи онъ сослужилъ ту службу, что заставилъ ее приступить къ пересмотру тѣхъ теорій, которыми она жила до сихъ поръ. Снова заговорили о судьбахъ экономическаго развитія Россіи, снова появилась теорія о неизбежности разрушенія общины, снова былъ поставленъ вопросъ: быть или не быть капитализму въ Россіи. Но всѣ эти возродившіяся толки объ общинѣ и капитализмѣ не имѣли подъ собою прочной фактической почвы. Люди часто говорили о роковой замѣнѣ общинной собственности частною и имѣли весьма смутное представленіе объ историческомъ процессѣ, приводящемъ къ паденію общины въ Европѣ. Только ознакомленіе съ фактическимъ содержаніемъ замѣчательнаго переворота, выразившагося въ замѣнѣ общинной формы владѣній индивидуальною, позволить составить заключеніе о томъ, дѣйствительно ли паденіе западно-европейской общины было неизбежнымъ, неотвратимымъ процессомъ и подтверждаетъ ли исторія тѣ выводы по отношенію къ общинѣ, которые необходимо вытекаютъ изъ матеріалистической теоріи“.

Появившіяся въ послѣдніе годы въ нашей литературѣ и отчасти въ обществѣ несомнѣнно реакціонныя теченія: символизмъ, декадентство, мистицизмъ, метафизическія философскія теоріи и т. п. представляютъ явленія наносныя, заимствованныя, а не выросшія органически на почвѣ русской дѣйствительности. Происхожденіе свое они получили, главнымъ образомъ, отъ ненадлежащаго и чрезмѣрнаго вліянія на насъ направленной французской жизни и литературы. Тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ признать, что послѣднія десятилѣтія и въ нашей рус-

ской дѣйствительности существовали извѣстныя условія, дѣлавшія такой процессъ воспріятія чуждыхъ реакціонныхъ элементовъ особенно легкимъ и особенно плодотворнымъ. Трудно, конечно, предсказать съ увѣренностью, что всѣ эти наносныя теченія исчезнутъ безслѣдно при измѣненіи вызвавшихъ ихъ заимствованіе условій. На это можно только надѣяться. Несомнѣнно пока одно, что они у насъ начинаютъ уже играть нѣкоторую, къ счастью, пока незначительную, общественную роль. Поэтому небезынтересно познакомиться съ основными причинами появленія ихъ на мѣстѣ ихъ происхожденія, во Франціи. Такому изслѣдованію причинъ реакціонныхъ явленій въ литературѣ и жизни Франціи посвящаетъ свою корреспонденцію (*Изъ Франкни*) г. П. К. Въ средѣ господствующихъ классовъ все больше и больше возникаетъ духъ философской, политической и социальной реакціи,—говоритъ онъ. Новое теченіе можно охарактеризовать однимъ словомъ „чертобѣсіе“... это—стремленіе ко всему таинственному, чудесному, сверхъестественному, попытка отпирать самыя простыя вещи ключомъ мистики. Причины этой современной болѣзни разнообразны и довольно сложны. Однимъ изъ главныхъ факторовъ было поверхностное увлеченіе естественными науками. Возникла иллюзія, будто наука сама по себѣ способна разрѣшить всѣ вопросы общезитія. Далѣе развитіе промышленности создало иллюзію, будто рѣшеніе всѣхъ вообще социальныхъ вопросовъ лежитъ въ развитіи матеріальныхъ условій. Такъ какъ наука даетъ человѣку господство надъ природой, то это и считалось достаточнымъ для устраненія „искусственныхъ“ формъ господства человѣка надъ человѣкомъ и для признанія неподдающихся такому устраненію формъ общественной неправды „естественными“. Въ концѣ-концовѣ, увлеченіе научностью свелось къ сознательной защитѣ современныхъ учрежденій, къ выдѣленію „естественной аристократіи“ ума и къ оправданію во имя науки низменныхъ и эгоистическихъ мотивовъ.

Другимъ факторомъ подготовленія реакціи былъ очень удобный для буржуазіи философскій пессимизмъ. Этотъ пессимизмъ—сушій кладъ для нса: все скверное совершается по законамъ естества и, стало быть, никто не виноватъ. Новымъ подготовителемъ реакціи было довольно сложное явленіе нравственного и социального скептицизма, часто называемаго во Франціи *ренанизмомъ*. Несомнѣнно, что у Ренана были умственное эпикурейство, слащавый оптимизмъ, крайняя терпимость, основанная на презрѣніи къ людямъ, и часто возмутительное безразличіе къ явленіямъ нравственного міра. Это было удобнымъ точкой зрѣнія для отживающей буржуазіи, ея эгоистическаго наслажденія жизнью, ея индифферентизма.

Не менѣе важную роль въ выработкѣ идейной реакціи сыграло искусство, въ особенности пресловутый натурализмъ. Разцвѣтъ натурализма былъ опять-таки подготовленъ человѣкомъ буржуазной науки и буржуазной философіи, Тэномъ. Мировоззрѣніе Тэна—мировоззрѣніе противуположенное, основанное на презрѣніи къ большинству и на эгоистическомъ наслажденіи мыслителя-художника игрой въ логическій анализъ и въ художественный синтезъ образовъ. Знаменательно въ современной реакціи слѣдующее. Есть между буржуазіей люди, которые, не касаясь основъ буржуазнаго общества, стараются выработать среди имущихъ свойства мысли и характера, могущія развить въ нихъ способность бороться за интересы и идеи привилегированныхъ классовъ. И эти люди призываютъ къ идейной реакціи. Такъ, наприм., проф. Лависсъ характеризуетъ настроеніе молодого поколѣнія словами: тоска

по небесной родинѣ! И дѣйствительно, среди свободомыслящей буржуазіи только одинъ Гюйо указывалъ на значеніе принципа общественности, ассоціаціи. Большинство же свободомыслящихъ буржуа состоитъ на противоположной точкѣ зрѣнія и, отрицая высшую справедливость, враждебно началу союза и сотрудничества, предпочитая этому принципу принципъ крайняго индивидуализма и борьбы. Самая яркая сторона идейной реакціи въ философіи и художественномъ творествѣ, это—возрожденіе самыхъ грубыхъ суевѣрій среди буржуазіи и созданіе самыхъ грязныхъ образовъ ея художниками. И это понятно. Когда люди стоятъ на эгоистической точкѣ зрѣнія, кругъ ихъ наслажденій быстро исчерпывается: надо что-нибудь *новое*, хотя бы и глупое и мерзкое. Трудно сказать, до какой степени дойдутъ эта болѣзнь ума и извращеніе сердца. Какое средство противъ этого чертобѣсія?—спрашиваетъ авторъ.—Преобразование общества, замѣна борьбы сотрудничествомъ, равномерное распредѣленіе труда, отдыха и наслажденія. И нужно замѣтить, что этотъ великій процессъ выработки новаго общественнаго типа подвинулся уже далеко. Г. Н. К. заключаетъ свою статью восторженнымъ возгласомъ: ты, солнце святое, гори!

Мірѣ Божій, сентябрь и октябрь. Мы въ долгу передъ почтеннымъ петербургскимъ журналомъ: по недостатку мѣста, о немъ почти не говорилось въ нынѣшнемъ году въ журнальномъ обзорѣ *Русской Мысли*. Поневолѣ останавливаемся на двухъ послѣднихъ книжкахъ *Мира Божія*, интересно и разнообразно составленныхъ. По беллетристикѣ оригинальной мы находимъ здѣсь наброски и силуэты г. Потапенка *Грѣхи*, еще не оконченные, и продолженіе романа г. Станюковича *Исторія одной жизни*; по беллетристикѣ переводной выборъ очень удаченъ: *Сенъ-Марсъ* Альфреда де-Виньи, романы и рассказы г-жи Ожешковой, Киплинга и т. д. Книжки богаты научными статьями, приспособленными къ потребностямъ самообразования. П. Н. Милоковъ продолжаетъ свои интересные по замыслу и весьма содержательные *Очерки по исторіи русской культуры*. Глава этого обширнаго труда, напечатанная въ сентябрьской книжкѣ *Мира Божія*, трактуетъ о *постройкѣ зданія русской общественности* (войско, финансы, учрежденія). Очень поучительны таблицы, составленныя авторомъ. Оказывается, напримѣръ, что съ 1680 года по 1892 военные расходы, составлявшіе въ первый изъ этихъ годовъ 50% всего бюджета, сократились, по отношенію къ общей суммѣ расходовъ, до 30,7%. Но слѣдуетъ прибавить, что за то явились платежи по долгамъ, сдѣланнымъ преимущественно для военныхъ цѣлей (27,2% всего бюджета). На народное образованіе болѣе двухсотъ лѣтъ тому назадъ государство тратило 0,14%, теперь тоже ничтожную сумму—2,4%.

Мірѣ Божій даетъ много статей по естествознанію (*Автономія у животныихъ* г. Никольскаго, *Процессъ оплодотворенія въ растительномъ царствѣ* г. Бородина и друг.); изъ переводныхъ статей должно отмѣтить *Отъ грековъ до Дарвина*, историческій очеркъ идеи развитія органическаго міра Генри Осборна).

Мірѣ Божій даетъ постоянно свѣдѣнія объ успѣхахъ науки и о нашей общественной жизни, въ приложеніи печатаются хорошія научныя сочиненія (переводныя), наприм., *Исторія цивилизаціи* Дюкурэ.

**Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію жур-
нала „Русская Мысль“ съ 1 октября по 1 но-
ября 1895 г.**

- А...**, нар. учит. О положительномъ воспитаніи. Слб. 1895 г. Ц. 65 к.
- Алферовъ, А., Грузинскій, А., Нелидовъ, Ф., и Смирновъ, С.** Десять чтеній по литературѣ. Изд. Мамонтова. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Аффольтеръ, А.** Основные черты общаго государственнаго права. Пер. съ нѣм. В. Ивановскаго. Казань, 1895 г.
- Барановъ, А.** Осень. Разказы и сказки. Изд. Кекина. Вятка, 1895 г.
- Баранцевичъ, К.** Флиртъ и другіе разказы. Слб., 1896 г. Ц. 1 р.
- Beltza, Stanislaw.** W kraju tysiąca jezior. Warszawa, 1896 г.
- Библиографическій указатель книгъ и статей по народному образованію за 1894 годъ (годъ первый).** Слб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Витковский, А. Г.** Ариуншка. Изд. Каспари. Слб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Вучетичъ, Н. Г.** Злой человекъ. Изд. Вучетича. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
- Гансъ Заксъ,** башмачникъ-поэтъ. Изд. А. Дредера. Харьковъ, 1895 г.
- Гарейсъ, Карлъ.** Германское торгове право. Москва, 1895 г. Ц. 1 р.
- Гаршинъ, Евгений.** Русская литература XIX вѣка. Слб., 1895 г. Ц. 40 к.
- Гайсбергъ, С. Ф.** Карманная книжка для установщиковъ электрическаго освѣщенія. Изд. 3-е. Слб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Гегидзе, Т. Е.** Поруганная честь. Вятбекъ, 1895 г.
- Гефель.** Противъ разврата. Пер. съ нѣм. А. Калмыковой. Изд. Н. Лейненберга. Одесса, 1896 г. Ц. 10 к.
- Гигіена сна.** Какъ обезпечить себѣ крѣпкій и здоровый сонъ. Москва, 1895 г. Ц. 20 к.
- Гильти, К.** Счастье. Популярныя очерки по нравственной философіи. Пер. А. Остроожскаго. Изд. 3-е. Слб., 1896 г. Ц. 50 к.
- Гольдштейнъ, М. Л.** Впечатлѣнія и заѣтки. Кіевъ, 1896 г. Ц. 1 р.
- Дьяконовъ, М.** Половники поморскихъ уѣздовъ въ XVI и XVII вѣк. Слб., 1895 г.
- Жиро, П.** Общества у животныхъ. Перев. В. Склифосовскаго. Москва., 1896 г. Ц. 1 р.
- Журналы вятскаго губернскаго земскаго собранія июльской сессіи 1896 г.** Вятка, 1895 г.
- Журналы полтавскаго губернскаго земскаго собранія XXX очереднаго созыва 1894 года.** Полтава, 1895 г.
- Звонокъ, юмористическій альманахъ и календарь на 1896 г.** Соч. и изд. Д. Александрова. М., 1895 г.
- Зелинскій, В.** Критическіе разборы „Дворянскаго гнѣва“ и „Наканунъ“ И. С. Тургенева. Москва, 1895 г. Ц. 70 к.
- Золотаревъ, Л. А.** Супружескія измѣны, ихъ значеніе и причины. Москва, 1895 г. Ц. 30 к.
- Извлеченіе изъ отчета по харьковскому земледѣльческому училищу за 1894 г.** Харьковъ, 1895 г.
- Исаевъ.** Начала политической экономіи. Изд. 3-е, дополненное. Слб., 1896 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Карбе.** Уничтоженіе сорныхъ травъ при помощи сѣвооборотовъ и культуры. Изд. В. Н. Маракуева. Москва, 1895 г. Ц. 20 к.
- Кирхенгеймъ, А.** Обзоръ юридической литературы за 1884—1894 гг. Пер. съ нѣм. П. Н. Апостола. Москва, 1895 г. Ц. 45 к.

- Клемпереръ, д-ръ.** Основы клинической диагностики. Изд. 2-е. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
- Лампрехтъ, Карлъ.** Исторія германскаго народа. Пер. съ нѣм. П. Николаева. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва, 1895 г. Ц. 4 р.
- Lange, A.** Poesye.
- Лалинъ, В.** Пѣсни гора. Хабаровскъ, 1895 г.
- Лебединскій, П. А.** „Юаня Креститель“, стихотворное повѣствованіе. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Легурно, Ш.** Прошедшее и будущее литературы. Перев. А. Аксарова. Изд. Вейлессова. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
- Липранди, А. П.** Австрійская оккупация Босніи и Герцеговины. Спб., 1895 г. Ц. 30 к.
- Листъ, Ф.** Наказаніе и его цѣли. Пер. съ нѣм. Изд. У. Юровскаго. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.
- Лѣсничій, Ан.** Приключенія Ивасека. Изд. М. В. Ключкина. М., 1896 г. Ц. 30 к.
- Маленькая антологія.** № 1. Китай и Японія. Спб., 1896 г. Ц. 30 к.
- Мурашкинцевъ, Н. А.** О сябирской язвѣ. Москва, 1895 г. Ц. 5 к.
- **О бугорчаткѣ домашнихъ животныхъ.** Изд. Тихомирова. Москва, 1895 г. Ц. 5 коп.
- Мюссе, Альфредъ.** Ночи. Пер. А. Д. Облеухова. М., 1895 г. Ц. 60 к.
- Общество попеченія о бѣдныхъ и безпріютныхъ дѣтяхъ въ Москвѣ и ея окрестностяхъ.** Отчетъ за 1894 г. М., 1895 г.
- Объ участіи губернскаго земства въ развитіи начальнаго образованія и въ распространеніи грамотности.** Полтава, 1894 г.
- Основы поэтики.** Изд. педагогическаго отдѣла историко-филологическаго общества. Харьковъ, 1895 г. Ц. 20 к.
- Отчетъ генеральнаго комиссара русскаго отдѣла всемірной колумбовой выставки въ Чикаго.** Спб., 1895 г.
- Отчетъ - ежегодникъ коллегіи Павла Галагана.** Киевъ, 1895 г.
- Отчетъ о дѣятельности харьковскаго общества распространенія въ народѣ грамотности за 1894 г.** Харьковъ, 1895 г.
- Отчетъ совѣта петербургскаго фребелевскаго общества для содѣйствія первоначальному воспитанію за 1893—1894 гг.** Спб., 1895 г.
- Отчетъ по лѣсному управленію за 1894 годъ.** Спб., 1895 г.
- Отчетъ полтавской губернской земской управы объ обеспеченіи населенія продовольствіемъ вслѣдствіе неурожаа въ 1892 году.** Полтава, 1894 г.
- Отчетъ дирекціи херсонской общественной бібліотеки за 1894 г.** Херсонъ, 1895 г.
- Отчетъ о дѣятельности новочеркасской комиссіи народныхъ чтеній за 1893—1895 гг.** Новочеркасскъ, 1895 г.
- Отчетъ о дѣятельности общества распространенія железныхъ книгъ въ области Войска Донскаго съ 1 мая 1893 г. по 1 января 1895 г.** Новочеркасскъ, 1895 г.
- Пелисье, Жоржъ.** Литературное движеніе въ XIX столѣтіи. Пер. Ю. В. Допельмайеръ. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва, 1895 г. Ц. 2 р.
- Penzold, F., и Stintzing, R.** Руководство къ частной терапіи внутреннихъ болѣзней. Вып. 4. Спб., 1895 г.
- Петерсонъ, О.** Семейство Бронтѣ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Поддерегинъ, Д., технол.** Отчетъ министерству народнаго просвѣщенія. Спб., 1895 г.
- По, Эдгаръ,** Тайнственные рассказы. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Пособіе для устройства общедоступныхъ научныхъ и литературныхъ чтеній.** Изд. педагогическаго отдѣла харьковскаго историко-филологическаго общества. Харьковъ, 1895 г. Ц. 1 р.
- Протоколы съѣзда врачей александровскаго уѣзднаго земства за 1894 г. съ приложеніями.** Александровскъ, 1895 г.
- По поводу указаній вѣтскимъ земствамъ, какъ слѣдуетъ вести имъ дѣло народнаго образованія.** Вятка, 1895 г.
- Потапенко, И.** Одиэль. Романъ. М., 1896 г. Ц. 2 р.
- Пѣтуховъ, Я. В.** Письма Н. В. Гоголя къ Н. Я. Прокоповичу. Изд. 2-е. Киевъ, 1895 г. Ц. 60 к.
- Рашевскій, И.** Забѣтки по фармакологіи для фельдшеровъ. Изд. 2-е. Рязька. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Результаты семилѣтнихъ опытовъ на опытномъ полѣ полтавскаго губернскаго земства съ 1886 по 1892 г.** Издан. полтавскаго сельско-хозяйственнаго общества. Полтава, 1894 г.
- Фонъ-Риттеръ, А. А.** Наброски. Москва, 1896 г. Ц. 50 к.
- **Нюта.** Рассказъ. М., 1896 г. Ц. 15 к.
- Сборникъ пермскаго земства.** Пермь, 1895 г.
- Святскій, И.** Драгоценные камни. Изд. П. П. Сойкина. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.
- Свѣтловъ, В.** Семья или сцена? Романъ. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Свѣдѣнія о ветеринарно-санитарномъ состояніи Московской губерніи за мартъ 1895 г.**
- Слюнинъ, Н. В., д-ръ.** Водныя Сгатства Приморской области.
- **Экономическое положеніе ивородцевъ сѣверо-восточной Сибири.**
- Соколовскій, А. Л.** Шекспиръ. Т. 4-й. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Сперанскій, Сергѣй.** Нѣкоторые

- изъ учрежденій общественнаго благоустройства въ Западной Европѣ. М., 1895 г.
- Спутникъ по Казани. Годъ первый. 1895—1896 гг. Казань, 1895 г. Ц. 1 р.
- Третій годовою отчетъ московской городской санитарной станціи. М., 1895 г.
- Утинъ, Е. И. Изъ литературы и жизни. Т. I и Т. II. Спб., 1896 г. Ц. 3 руб.
- Ученыя записки императорскаго Юрьевского университета. Юрьевъ, 1895 г.
- Фуллье, А. Современная наука объ обществѣ.
- Хрущовъ, Я. Ѳ. Бесѣды о лѣсѣ. Минскъ, 1895 г.
- Царевскій, А. А. С. Я. Нахсонъ и его поэзія мысли и печали. Казань, 1895 г. Ц. 1 р.
- Диксонъ, Чарльсъ. Перелетъ птицъ. Перев. съ англ. графини Е. П. Шереметевой. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Чермакъ, Н. О построеніи живого вещества. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.
- Чешихинъ, Всеволодъ. Жуковский, какъ переводчикъ Шиллера. Рига, 1895 г. Ц. 60 к.
- Шерръ. Всеобщая исторія литературы. Изд. Байкова, 1895 г. Вып. III.
- Шишкинъ, А. Н. Сельско-хозяйственная экономія. Ч. 2-я. Изд. А. Ф. Давриена. Спб., 1896 г. Ц. 85 к.
- Шмидтъ, П. Ю. Біологическіе этюды. Изд. журнала „Научное Обозрѣніе“. Спб., 1895 г.
- Шперкъ, Ѳедоръ. О страхѣ смерти и принципахъ жизни. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.
- Шредеръ, К. Учебникъ акушерства. Изд. 5-е. Спб., 1896 г. Ц. 5 р.
- Штевень, А. Изъ записокъ сельской учительницы. Спб., 1895 г. Ц. 75 к.
- Штейнгауеръ, И. С. Земля и небо. Общедоступныя бесѣды о мірозданіи для грамотнаго народа и публичныхъ чтеній. Изд. II. Спб., 1895 г. Ц. 10 коп.
- Штрайслеръ, Фридрихъ. Исторія культуры. Изд. Н. Лейненберга. Одесса, 1896 г. Ц. 40 к.
- Энциклопедическій словарь Граната. Т. XVI. Спб., 1895 г.
- Юрченко, А. Краткій практическій курсъ сельскаго хозяйства, огородничества и садоводства. Воронежъ, 1895 г.
- Яновскій, А. П. Удобреніе фосфоритомъ. Изд. В. Н. Маракуева. Москва, 1895 г. Ц. 20 к.

ОГЛАВЛЕНІЕ

„БИБЛИОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА“.

I. Книги.

	Стр.
Беллетристика: „Отверженный“. Д. С. Мережковского. — „Цветок олеандра“. К. М. Давыдова. — „Таинственные рассказы“. Эдгара По.	545
Философія, психологія и педагогика: „Auguste Comte et Herbert Spencer“, par E. de Roberty. — „Душевные свойства женщин“. П. Ф. Кантерева. — „Изъ записокъ сельской учительницы“. А. А. Штевенъ	550
Исторія, мемуары и біографіи: „Руководящіе дѣятели духовнаго просвѣщенія въ Россіи въ первой половинѣ текущаго столѣтія“. И. А. Чистовича. — „И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прошломъ его составѣ до 1758 г.“. В. Н. Витовскаго. — „Сборникъ Императорскаго историческаго общества“. — „Культура и цивилизація Западной Европы въ эпоху крестовыхъ походовъ“. Лависса и Рамбо. — „На войнѣ въ Азіи и Европѣ“. В. В. Верещатина. — „Семейство Бронтѣ“. О. Петерсона	554
Путешествія: „Путешествія В. В. Юнкера по Африкѣ“. 9. Ю. Петри	557
Политическая экономія: „Государственное хозяйство Англіи за шесть лѣтъ управленія министерства тори 1887—88, 1892—93 гг.“. Г. П. Камеискаго. — „Библиотека экономистовъ“	559
Юридическія книги: „Сборникъ правовѣднія и общественныхъ знаній“. — „Набросокъ соображеній изъ волостной юстиціи“. А. М. Чернова. — „Юридическая бібліотека“. Изд. Я. Канторовича	564
Естествознаніе: „Введеніе къ изученію теоріи химическихъ равновѣсій“. П. Хручова	569
Сельское хозяйство: „О пчѣльницкыхъ, вредящихъ домашнимъ животнымъ и пчеламъ“. Е. Э. Линдемана. — „Лошадь, строеніе ея тѣла и наружные признаки, опредѣляющіе здоровье, силу и годность ея къ работѣ“. А. А. Соколова. — „Отчетъ по опытному полю полтавскаго сельско-хозяйственнаго общества за 1894 годъ“. В. Н. Дьякова.	570
Техническія книги: „Укоусъ“. Т. Мартинсона. — „Практическое руководство къ выдѣлкѣ разнообразныхъ сортовъ и по различнымъ способамъ подошвенныхъ кожъ“. М. А. Рылова	571
Медицина: „Кормленіе дѣтей въ первый годъ жизни“. Амбруста. — „Пища маленькихъ дѣтей“. Тедески. — „Какъ взростить здороваго ребенка“. — „Берегите главу новорожденныхъ“. В. Барача. — „О пьянствѣ дѣтей и о вліяніи вина на дѣтскій организмъ“. В. Ф. Якубовича. — „Физическое воспитаніе въ школахъ“. А. Гриневскаго	572
Учебники и книги для дѣтей: „Систематическій диалектъ по русскому языку“. А. Бостина. — „Изъ лекцій по теоріи словесности“. А. А. Потемни. — „Россія“. С. Меча. — „Юванна д'Арктъ“. Н. М. Деметъевой. — „Маленькія дѣтя“. Н. А. Соловьева-Несмѣлова. — „Скваски и рассказы для дѣтей младшаго возраста“. Д. Н. Мамчина-Сибиряка. — „Акѣ-Боватъ“. Елю же. — „Рождественская звѣзда“. И. Горбунова-Посадова	574
Изданія для народа: „Еще о губочной литературѣ“. — Матеріалы для ея характеристики.	578
Справочныя книги: „Отчетъ Императорской публичной бібліотеки“. — „Французско-русскій словарь“. И. Бастена. — „Карманный словарь иностранныхъ словъ“. Н. Я. Гавкина	582

II. Периодическія изданія.

„Русское Обзорніе“, октябрь. — „Русскій Вѣстникъ“, октябрь. — „Вѣстникъ Европы“, октябрь. — „Русское Богатство“, сентябрь. — „Міръ Божій“, сентябрь и октябрь.	584
--	-----

III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 октября по 1 ноября 1895 г.

ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ

книжнаго магазина журнала „Русская Мысль“ В. М. Лаврова,
коммисіонера общества любителей російской словесности

(Москва, уголъ Леонтьевского пер. и Большой Никитской, д. № 22—4).

Книжный магазинъ принимает на коммиссію постороннія изда-
нія, подписку на всѣ издающіеся въ Россіи журналы и газеты
и высылаетъ всѣ существующія въ продажѣ книги. За пересылку
книгъ берется по ея дѣйствительной стоимости. Книги могутъ
быть высылаемы и наложеннымъ платежомъ.

Главный складъ изданій Московскаго комитета грамотности.

Изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

- Сенкевичъ, Генрикъ.** Повѣсти и
рассказы. Перев. В. М. Лаврова, съ
предисловіемъ В. А. Гольцева. Цѣна 1 р.
50 к., съ пересылкою 1 руб. 80 коп.
— Безъ догмата. Романъ. Перев. В. М.
Лаврова. (Второе изданіе). Цѣна 1 р.
50 к., съ пересылкою 1 р. 80 к.
— Путевые очерки. Перев. В. М. Лавро-
ва. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.
— Потопъ. Переводъ В. М. Лаврова.
Цѣна 3 руб.
— Семья Полацкихъ. Перев. В. М. Ла-
врова. Цѣна 3 руб., съ перес. 3 р. 50 к.
— Черезъ степи. Перев. В. М. Лаврова.
Ц. 40 к.
Ожешкова, Элиза. Повѣсти и рас-
казы. Пер. В. М. Лаврова. М., 1895 г.
Ц. 1 р. 50 к.
Мицкевичъ, Адамъ. Крымскіе со-
веты. Переводъ съ польскаго Л. Мед-
вѣдова. М. 1895 г. Ц. 30 к.
Додъ, Альфонсъ. Портъ-Тарасконъ.
(Послѣднія приключенія знаменитаго
Тартарова). Перев. М. Н. Ремезова.
Цѣна 1 руб.
— Маленькій приходъ. Перев. М. Н. Ре-
мезова. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.
Юноша, Клеменсъ. Сизифъ. Кар-
тинки деревенской жизни. Перев. съ
польскаго В. М. Лаврова. Цѣна 50 к.,
съ пересылкою 65 к.
Де-Мопассанъ, Гюи. Наше сердце.
романъ. Пер. М. Н. Ремезова. Цѣна 1 р.
Эртель, А. И. Гарденинъ, ихъ двор-
на, приверженцы и враги. Романъ. Ц. 2 р.
Въ пользу воскресныхъ школъ. Сборникъ.
Цѣна 75 к.
Послѣ Пушкина. Сборникъ стихотвореній
русскихъ говоровъ, составленный и из-
данный редакціей журнала „Русская
Мысль“. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Подмочимъ „Русской Мысли“ на всѣ ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ, противъ народныхъ, пользуются
уступкой 10%.

Михайловскій, Н. К. Щедринъ.
(Критическій опытъ) Цѣна 1 руб.

Короленко, Владиміръ. Очерки
и рассказы. (Шестое изд.) Ц. 1 р. 50 к.

— Очерки и рассказы. Книга в. ораля. (Вто-
рое изданіе). Цѣна 1 руб. 50 коп.

— Слѣпой музыкантъ. Этюдъ. (Третье
изданіе). Цѣна 75 коп.

Д-ръ Алексѣевъ, П. С. О пьян-
ствѣ. Съ предисловіемъ графа Л. Н.
Толстого: „Для чего люди одурманивают-
ся?“ Цѣна 1 руб.

Анютинъ, М. (М. Н. Ремезовъ). На-
шихъ волей ягоды. Романъ. Цѣна 1 р.,
съ пересылкою 1 р. 20 к.

Корелинъ, М. С., проф. Иллюстри-
рованные чтенія по культурной исторіи.
Выпускъ I: Египетскіе боги. Выпускъ II:
Средневѣковая церковная готика. Одоб-
рено ученимъ комитетомъ министерства
народнаго просвѣщенія для ученическихъ
старшаго возраста библиотекъ учебныхъ
заведеній, мужскихъ и женскихъ. Цѣна
1-го вып. 50 коп., II-го вып. 30 коп.

Мачтегъ, Григорій. Силуэты. Томъ
второй. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Богословскій, В. С., проф. Пяти-
горскія и съ ними смежныя минераль-
ныя воды. Цѣна безъ пересылки 1 р.
50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Гольцевъ, В. А. Вопросы дня и жиз-
ни. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к.

— Объ искусствѣ. Критическія замѣтки.
Цѣна 1 руб.

— Литературные очерки. Цѣна 1 руб. Пе-
ресылка за 1 фунтъ по расстоянію.

Чеховъ, Мих. Закрытъ. Словарь для
сельскихъ хозяевъ. Цѣна 1 руб.

Чеховъ, Ан Островъ Сахалинъ. (Изъ
путевыхъ записокъ). Ц. 2 р.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Хлѣбъ.
Романъ. М., 1896 г. Ц. 2 р.

Астыревъ, Н. М. Въ волостныхъ
псаряхъ. Ц. 1 р. 50 к. Пересылка по
вѣсу и расстоянію.

Народныя изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

Что такое подати и для чего их собирают? (3-е изданіе). Цѣна 1 коп.

Сенкевичъ, Генрикъ. Янко му-
выкають. Цѣна 1 коп.

— Пойдемъ за ними! Переводъ В. Лав-
рова. М., 1895 г. Ц. 4 коп.

Разсказъ про смутное время на Русь.
Цѣна 1 1/2 коп.

Немировичъ-Данченко, Вас. И.
Счастье Ивана Непомнячаго. Цѣна 5 к.
Короленко, В. Г. Убивецъ. Цѣна
1 1/2 коп.

Аблаемскій, Д. Всенощное бдѣніе,
вечерня и утреня, и Божественная ли-
тургія св. Іоанна Злотоустаго, св. Васи-
лія Великаго и Преподсвѣщенныхъ
Даровъ св. Григорія Двоеслова. Первый
выпускъ круга обычнаго православнаго
церковнаго пѣнія, положеннаго на ноты
на 3 голоса партитурою для хора, фи-
сгармоніи и фортепіано. Кіевъ, 1888 Ц.
1 руб. 75 коп.

Абровъ, Н. Отъ Марселя до Одессы
черезъ Аены и Константинополь. М.,
1893 г. Ц. 1 р.

Агаповъ, Д. Е. Новая тригонометрія.
Оренбургъ, 1894 г. Ц. 85 к.

— Подробное рѣшеніе и объясненіе ти-
пическихъ задачъ по ариметикѣ. Ц. 50 к.

— Искусственные способы рѣшенія урав-
неній второй степени со многими не-
извѣстными. Ц. 60 к.

— Рѣшеніе нѣкоторыхъ геометрическихъ
задачъ помощію теоремы Агапова. Ц. 35 к.

Аданъ, Юлія. Дуришка. Романъ.
Спб., 1894 г. Ц. 60 к.

Азбелевъ, И. П. Японія и Корея.
Замѣтки изъ кругосвѣтнаго плаванія.
Съ 15-ю рис. М., 1895 г. Ц. 75 к.

Александровъ, Д. А. Звонкохъ.
Юмористическій альманахъ и календарь
на 1896 г. М., 1895 г. Ц. 60 к.

Алексѣевъ, А. А. Воспоминанія
автера. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Алексій Васильевичъ Кольцовъ, его жизнь
и сочиненія. Чтеніе для юности. М.,
1877 г. Ц. 75 к.

Альбомъ. Русскіе типы, М. ф. и. 50 к.;
сред. ф. и. 60 к.; больш. ф. и. 75 к.

Альбомъ. Русскіе народы, съ тек-
стомъ. 3 в. М. Ц. по 60 к.

Альбомъ копій съ картинъ русскихъ
художниковъ. 2 вып. М. Ц. по 2 р.

Альгрентъ. Деньги. Романъ. Пер. со
шведскаго. Москва, 1893 г. Ц. 60 к.

Альмедингенъ. Химія. Спб., 1885
г. Ц. 2 р.

— Домашній опредѣлитель поддѣлокъ пи-
тательныхъ и др. веществъ. Спб., 1891
г. Ц. 60 к.

— На всякій случай. Научно-популярные
совѣты. 2 ч. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.

Алябѣвъ, Б. Связка интимныхъ
писемъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Аммонъ, д-ръ. Обязанности матери.
Гигіена беременности. Уходъ за малень-
кимъ ребенкомъ. Золотая книжка. Пе-

реводъ съ 32 нѣмецкаго изданія. Спб.,
1892 г. Ц. 1 р.

Амниторъ, Г., фонъ. За правду и
за честь женщины. Противъ Крейдеро-
вой сонаты Л. Н. Толстого. Спб., 1893 г.
Ц. 50 к.

Амфитеатровъ. Психопатъ. Правда
и вымыселъ. М., 1893 г. Ц. 1 р.

Анго, А. Физика. М. 1894 г. Ц. 2 р.
50 коп.

Андрѣ, М. Ф. Упраженія въ триго-
нометріи. Сборникъ задачъ съ подроб-
ными рѣшеніями. М., 1895 г. Ц. 35 к.

Андерсенъ, Гансъ. Повѣсти и сказ-
ки. Новый полный пер. съ датскаго под-
линника. 7 в. М., 1894 г. Ц. по 25 к.

Андерсенъ, И. Иллюстрированныя
сказки въ 6 томахъ. Спб., 1894 г. Ц.
60 к. за томъ.

Анне, Ж. П. Практическое руковод-
ство къ устройству электрич. освѣще-
нія. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Анурьевъ, Іоаннъ. Столяръ-само-
учка, опытъ, наставленія грамотныхъ
поселянъ въ столярномъ ремеслѣ. Ц. 15 к.

— Какъ дѣлать простую мебель. Ц. 45 к.

— Домашній перелетчикъ. Ц. 10 к.

— Всюмогательная книга при возведеніи
каменныхъ и деревянныхъ зданій. Во-
лгодъ, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ардовъ, Е. И. Эскизы. М., 1893 г.
Ц. 1 р.

Арендтсъ и Брандтъ. Атласъ
естественной исторіи. Спб., 1894 г.
Ц. 1 р. 50 к.

Аригеймъ. Математическая геогра-
фія. Изд. 5-е. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.

Арсеньевъ. Изъ жизни и исторіи.
Сборникъ разсказовъ для дѣтей. Спб.,
1893 г. Ц. 1 р. 50 к. въ переплетѣ.

Бажина. Блуждающіе огоньки. Сбор-
никъ дѣтскихъ разсказовъ, съ 44 кар-
тинками. Спб., 1891 г. Ц. 1 р.

Баранцевичъ, К. С. Родныя кар-
тинки. М., 1895 г. Ц. 1 р.

— Картинки жизни. 39 разсказовъ Сар-
мата. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Баратынскій, Е. А. Полное собр.
соч. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

— Полное собраніе сочиненій. Съ портре-
томъ автора, биографіей и его писме-
нами. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

Бахтіарова, А. По роднымъ краямъ.
Валаамская обитель, съ 3 отдѣльными
рисунками. Спб., 1893 г. Ц. 10 к.

- Безобразовъ, П. В.** Историческія статьи (вып. I). М. 1893 г. Ц. 1 р. 80 к.
- Женѣхъ двухъ невѣстъ. Историческій романъ. М. 1894 г. Ц. 40 к.
- О правахъ женщины. М. 1895 г. Ц. 50 к.
- Публичныя лекціи о современном положеніи женщины (3-е изд.). М. 1893 г. Ц. 20 к.
- О назначеніи женщины (2-е изд.). Ц. 20 к.
- Сборникъ государственныхъ знаній, 8 томовъ. Спб., 1880 г. Ц. 24 р.
- Веза, д-ръ.** Построеніе деревянныхъ лѣстницъ. 1890 г. Ц. 1 р.
- Вендицулъ, Альбертъ.** Къ вопросу о школьныхъ скамьяхъ. Оффис. докладъ, съ 22 рис. Пер. А. Федорова. Москва, 1893 г. Ц. 25 к.
- Веръ, Альфредъ.** Гигіена сифлиса. Общедоступное изложеніе, какъ предохранять и лечить себя отъ сифлиса. Кіевъ, 1893 г. Ц. 50 к.
- Бергергофъ, Г.** Руководство для драпировщиковъ, обойщиковъ и декораторовъ. М., 1891 г. Ц. 2 р.
- Бернетъ, Френсисъ.** Исторія маленькаго лорда. Повѣсть для юношества. Спб., 1892 г. Цѣна въ переплетѣ 1 р. 50 к.
- Бергеръ, Поль.** Спутникъ малокровныхъ. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.
- Бернксенъ, А.** Краткій учебникъ химіи (органической). Спб., 1892 г. Ц. 3 р.
- Бессонъ, А. Г.** О нефтяномъ отопленіи паровыхъ котловъ. Спб., 1888 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Библиотека ремесленниковъ и кустарей.** Ограиваніе металовъ. М., 1892 г. Ц. 40 к.
- Золоченіе и серебреніе деревян. издѣлій. М., 1890 г. Ц. 1 р. 80 к.
- Библиотека экономистовъ.** Адамъ Смитъ. Исслѣдованіе о богатствѣ народовъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Библиотека-грошка.** Миниатюрное изданіе, роскошно-отпечатанное, содержащее въ себѣ отдѣльныя произведенія лучшихъ русскихъ писателей: Пушкина, Лермонтова, Грибоедова, Фонъ-Визина, Колюцова, Карамзина, Богдановича и мн. др. Кіевъ. Изданіе Ф. А. Югансона. Цѣна 5, 10, 15 и 20 к. за книжку.
- Бильдерлингъ, А.** Просвѣтителъ Россіи. Фототипія исполнены въ мастерской А. И. Вильборга. Спб., 1894 г. Ц. 3 р.
- Вичеръ-Стоу.** Хижина дяди Тома. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Благовѣщенскій.** Винкельманъ и пованія эпохи греческой скульптуры. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Влекслей, Т. Т.** Перебѣнные электрическія токи (Руководство для студентовъ и техниковъ). Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Блекки.** Самовоспитаніе. Изд. 3-е. Спб., 1891 г. Ц. 75 к.
- Блекловъ.** За фактами и цифрами. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Блокъ, Морисъ.** Матери великихъ людей. Пер. съ франц. Н. М. Деметъевой, съ 33 рис. Москва, 1893 г. Ц. 60 к.
- Блокъ, Ю.** Велосипедъ, его значеніе для здоровья, практическое примѣненіе, уходъ за машиною и пр. Изд. 2-ое. М., 1893 г. Ц. въ переплетѣ 2 р.
- Боборыкинъ, П. Д.** Трупъ. Рассказъ. Москва, 1893 г. Ц. 20 коп.
- Богдановъ, профессоръ.** Сельско-хозяйственный словарь. Кіевъ, 1895 г. Ц. 8 р.
- Богдановъ, И.** Счетоводство и денежная отчетность земскихъ начальниковъ, городскихъ и мировыхъ судей. М., 1895 г. Ц. 70 к.
- Бокль.** Исторія цивилизаціи въ Англіи. Переводъ Буйницкаго (въ 2-хъ томахъ). Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
- Исторія цивилизаціи въ Англіи въ популярномъ изложеніи Нотовича. Седьмое изданіе. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.
- Бородинъ, И.** Весна, русская жизнь и природа. Сборникъ для дѣтскаго чтенія. М., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Краткій учебникъ ботаники. (изд. 3-е). Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Воровичъ, Л. А.** Практическое руководство къ построенію динамо-машинъ съ постояннымъ токомъ (Изд. 2-о). Спб., 1894 г. Ц. 3 р.
- Фабричныя паровыя котлы, устройство ихъ и уходъ за ними. Съ 172 политипажами въ текстѣ. М., 1893 г. Ц. 2 р. 75 коп.
- Воттонъ.** Электрическія звонки. Практическое руководство для любителей. Спб., 1890 г. Ц. 1 р.
- Какъ сдѣлать простой фонографъ и микрофонъ. Руководство для любителей ремесла, искусства и научныхъ приложеній. М., 1895 г. Ц. 35 к.
- Брайсъ, Джемсъ.** Американская республика. Пер. Невѣдомскаго. Часть I. Ц. 3 р. 50 к. М. 89; часть II. Ц. 3 р. 50 к. М. 90 г.; часть III. Ц. 3 р. 50 к. М. 90 г.
- Брассъ, Леонъ.** Гуттаперча, ея происхожденіе, добыча и обработка. Перев. съ французскаго Бессонъ инженеръ-технологъ. Спб., 1895 годъ. Ц. 1 р.
- Браунъ, М., проф.** Какъ заражается человекъ паразитами. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.
- Брикнеръ.** Потемкинъ. Спб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Бриксъ.** Гидравлика. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.
- Брусиловскій, Е.** Одесскіе лиманы и ихъ лечебныя средства 1895 г. Одесса, Ц. 50 к., на веленовой бум. 60 к.
- Брюкке, Эрнестъ.** Красота и не-

- доставки челоѣческихъ формъ. Киевъ, 1894 г. Ц. 1 р.
- Врэмъ, А.** Жизнь животныхъ. 180 выпусковъ. Одесса, 1893 г. Ц. 25 к. за вып.
- Жизнь на сѣверѣ и югѣ (Дополненіе къ соч. „Жизнь животн.“). Спб., 1891 года. Ц. 2 р.
- Врэмъ.** Комнатныя пѣвчія птицы. М., 1876 г. Ц. 75 к.
- Вуанъ, Эмилъ.** Гальванопластика, никелированіе, золоченіе, серебреніе и электрометаллургія. Съ 26 рис. Спб., 1895 г. Ц. 90 к.
- Вуасье, Гастонъ.** Римская религія отъ Августа до Антониновъ. Перев. М. Корсака. Ц. 5 р. М., 1878 г.
- Цаперовъ и его друзья. Пер. М. Корсака. Ц. 2 р. М., 1880 г.
- Паденіе язычества. Пер. подъ ред. и съ предисл. М. С. Корелина. Ц. 4 р. М., 1892 г.
- Вугаевъ, Н.** Задачникъ къ ариметикѣ цѣлыхъ чиселъ. М., 1876 г. Ц. 25 к.
- Задачникъ къ ариметикѣ дробныхъ чиселъ. М., 1877 г. Ц. 30 к.
- Руководство къ ариметикѣ. Цѣлыя числа. М., 1895 г. Ц. 40 к.
- Ариметика дробныхъ чиселъ. Ц. 50 к.
- Вузольтъ, Георгъ.** Очеркъ государственныхъ и правовыхъ греческихъ древностей. Харьковъ, 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Бутовскій, В. И.** Русское искусство и мѣнія о немъ Е. Виоло-де-Дюка и Ѳ. И. Буслаева. М., 1879 г. Ц. 1 р.
- Бутсъ, Вильямъ.** Въ трудобахъ Англій. Спб., 1891 г. Ц. 1 р.
- Бьернстерне - Бьернсонъ.** Новые вѣянія. Въ 2-хъ ч. Киевъ, 1893 г. Ц. каждой части 35 к.
- Леонарда (драма). Новая система (драма). Киевъ, 1894 г. Ц. 35 к.
- Новобрачные (комедія). 1865 г. Сигурдъ крестоносецъ (драма). 1872 г. Банкротство (драма). 1874 г. Киевъ, 1894 г. Ц. 35 к.
- Повѣсти и разказы. Киевъ, 1893 г. Ц. 35 к.
- По Божьему пути. Романъ. Киевъ, 1894 г. Ц. 35 к.
- Бѣлецкій, И.** Почвовѣдѣніе. Образованіе почвы, ея составъ и свойства. М., 1895 г. Ц. 3 р.
- Беръ, Адольфъ.** Исторія всемірной торговли. Пер. Ѳ. Циммермана. М., 1876 г., 3 части, цѣна за нихъ 7 руб. 50 к.
- Беръ, Поль.** Первые понятія о зоологіи. (3-е изданіе). Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Бюртенбиндеръ.** Раздѣлка и улучшеніе земель. Руководство для практическихъ хозяевъ. Киевъ, 1895 г. Ц. 60 к.
- В. В. Артея** въ кустарномъ промислѣ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Очерки теоретической экономіи. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
- Наши направленія. Спб., 1893 года. Ц. 1 р. 50 к.
- Прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Спб., 1892 г. Цѣна 1 р. 35 к.
- Итоги экономического изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики. Т. I Крестьянская община. М., 1892 г. Ц. 8 р. 50 к.
- Артельные начинанія русскаго общества. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Вагнеръ.** Химическая технология. Спб., 1892 г. Ц. 8 р.
- Какъ приобрѣтаются болѣзни желудка. Спб., 1893 г. Ц. 40 к.
- Вальтеръ-Скоттъ.** Иллюстр. романъ: 1) Замокъ Кенильвортъ; 2) Легенда о Монроуѣ; 3) Аббатъ; 4) Антикварій; 5) Астрологъ; 6) Пресвитеріане; 7) Монастырь; 8) Ламермурская невѣста; 9) Черный варягъ; 10) Неверилъ Пикъ; 11) Пираты; 12) Обрученные; 13) Беверлей; 14) Карлъ Смѣлый; 15) Квентинъ Дорвардъ; 16) Перская красавица; 17) Робъ-Рой; 18) Ричардъ Ляное Сердце; 19) Вудстокъ. Спб. 1892 г. Ц. важ. кн. 40 к.
- Квентинъ Дорвардъ. Романъ. М. 1885 г. Ц. 2 р.
- Вальтеръ, проф.** Море и его жизнь. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей и съ примѣчаніями проф. А. Н. Краснова. Харьковъ, 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Ванковъ.** Полный карманный техникъ. Спб., 1893 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Турбины. Практическое руководство для техниковъ, сельскихъ хозяевъ (съ 46 рис.). Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
- Ванъ-Тигемъ.** Общая ботаника (морфология, анатомія и физиология растений). Подъ редакціей, съ примѣчаніями и дополненіями Ростовцева, съ предисловіемъ Тимирязева. 477 полит. М., 1895 г. Ц. 3 р. 75 к.
- Ванклинъ, Альфредъ.** Химія каменноугольно-газового производства. М., 1895 г. Ц. 60 к.
- Варіо, Ж.** Дѣтскій докторъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Вармингъ, д-ръ.** Систематика растений. М., 1893 г. Ц. 5 р.
- Вахтеровъ, В. П.** Всеобщее начальное обученіе. М., 1894 г. Ц. 15 к.
- Введенскій, Алексѣй.** О характерѣ, составѣ (сжатое изложеніе) и значеніи философіи В. Д. Кудрявцева-Платонова. Серг. Пасадъ, 1893 г. Ц. 60 к.
- П. Е. Астафьевъ, его философскіе и публицистическіе взгляды. Серг. Пасадъ 1893 г. Ц. 25 к.
- О религіозной философіи Викто Дмитріевича Кудрявцева. Харьковъ 1893 г. Ц. 40 к.
- Очеркъ современной французской философіи. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р.
- Рѣчь передъ защитой диссертациі Вѣра въ Бога, ея происхожденіе и основанія. М., 1891 г. Ц. 30 к.

- Демоніонъ Сократа. Этюдъ по исторіи древней философіи. Серг. Посадъ, 1893 г. Ц. 40 к.
- Современное состояніе философіи въ Германіи и Франціи. Сергіевъ Посадъ. 1894 г. Ц. 3 р.
- Западная дѣйствительность и русскіе идеалы. (Письма въ-за границы). Съ приложеніемъ характеристики: „Пана Левъ XIII по отзывамъ современниковъ“. Серг. Посадъ, 1894 г. Ц. 1 р.
- Веберъ, Георгъ.** Всеобщая исторія. Т. 1. Переводъ Андреева. Ц. 4 р. М. 90 г. Т. 2. Перев. Андреева. Ц. 5 р. 50 к. М. 91. Т. 3. Перев. Андреева. Ц. 5 р. 50 к. М. 92 г. Т. 4. Пер. Андреева. Ц. 5 р. М. 92. Т. 5. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 к. М. 93. Т. 6. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 к. М. 93. Т. 7. Пер. Андреева. Ц. 5 р. М. 94. Т. 8. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 коп. М. 1888. Т. 10. Пер. Андреева. Ц. 4 руб. М. 1888 г. Т. 11. Пер. Андреева. Ц. 5 руб. 50 коп. М. 1889 г. Т. 12. Пер. Андреева и Невѣдомскаго. Ц. 4 р. 50 к. М. 90. Т. 13. Пер. Циммермана. Ц. 5 р. 50 к. М. 91. Т. 14. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 6 р. М. 92 г. Т. 15. Часть 1-я. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М. 92 г. Т. 15. Часть 2-я. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М. 93 г., съ портретомъ автора.
- Веберъ, К. К.** Практическое руководство по производству кирпича, черепицы и проч. лицевого товара съ атласомъ. Слб., 1893 г. Ц. 5 р.
- Двигатели и приводы. Практ. руководство къ постройкѣ вѣтрян. и водян. двигателей съ атласомъ. Слб., 1894 г. Ц. 5 р.
- Канатное и веревочное производство (съ 58 рис. въ текстѣ). Слб., 1895 г. Ц. 75 к.
- Веделе, Францъ.** Дантъ Алгьери, его жизнь и сочиненія. Пер. А. Веселовскаго. Ц. 3 р. М., 1881 г.
- Вегетарианская кухня.** Наставленіе къ приготовленію болѣе 800 блюдъ, хлѣбовъ и напитков для безубойнаго житія, съ вступительною статьей о значеніи вегетарианства. Изд. 2-е. Москва, 1894 г. Ц. 70 к.
- Вейнбергъ, Павелъ.** Новые рассказы и сцены. Второе изданіе. Слб., 1895 г. Ц. 80 к.
- Вейсъ, Германъ.** Вѣдншій бытъ народовъ съ древѣйшихъ до нашихъ временъ (съ 1945-ю рис. въ текстѣ). Пер. В. Чаева и И. Васильева. Т. I, часть 1-я. Москва, 1873 г.; часть 2-я, Москва, 1874 г. Т. II, ч. 2-я. Москва, 1876 г. Т. III, ч. 1-я часть 2-я. Москва, 1879 г. По 4 р. за каждую часть.
- Верещагинъ, В. В.** Литераторъ. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Дѣтство и отрочество. Т. I. М. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Веселовскій, Ал.** Этюды и характеристики. М., 1894 г. Ц. 2 р. 75 коп.
- Мизантропъ. Этюдъ о Мольтарѣ. М., 1881 г. Ц. 2 р.
- Старинный театръ въ Европѣ. Историческіе очерки. М., 1870 г. Ц. 2 р.
- Викторовъ, П.** Ученіе о личности, какъ нервно-психическомъ организмѣ. Вып. I. Ц. 1 р. М. 1887 г.
- ***Виндельбантъ.** Исторія древней философіи. Слб., 1893 г. Ц. 3 р.
- Винкельманъ, И. И.** Исторія искусства древности. Ревель, 1890 г. Ц. 3 р.
- Виноградовъ.** Ectemporalia съ рус. яз. на латинскій. Кіевъ, 1892 г. Ц. 60 к.
- Виноградовъ, Н. Федонъ.** Диалогъ объ идеѣ „бессмертія“ философа классической древности Платона. М., 1892 г. Ц. 60 к.
- Виноградовъ, Павелъ.** Учебникъ всеобщей исторіи. Часть II. Средніе вѣка. Изд. 2-е. М., 1894 г. Ц. 90 к.
- Виргилій, Маронъ.** Энеида, книги 2, 4, 5, 6, 7, 8, 9. Кіевъ, 1887 г. Ц. 40 к.
- Книга 8-я. Кіевъ, 1892 г. Ц. 35 к.
- Книги 10, 11 и 12. Кіевъ, 1888 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Вирховъ.** О питательныхъ веществахъ. Слб., 1891 Ц. 50 к.
- Владимірова, А. К. (А. Европеусъ).** Сказки, преданія и легенды всѣхъ временъ и народовъ. Слб., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Владиславлевъ, М.** Учебникъ логики. Одобренъ ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія какъ руководство для гимназій. Изд. 2-е. М., 1895 г. Ц. 60 к.
- Водовозовъ, В. И.** Книга для первоначальнаго чтенія. Ч. I Ц. 45 к. Ч. II. Ц. 80 к.
- Книга для учителей. Ц. 60 к.
- Русская азбука для дѣтей. Ц. 30 к.
- Руководство къ русск. азбукѣ. Ц. 20 к.
- Дѣтскіе рассказы и стихотворенія съ картинками. Ц. 75 коп.
- Рассказы изъ русской исторіи Вып. I. Ц. 40 к. Вып. II. Ц. 60 к.
- Предметы обученія въ народной школѣ (для учителей). Ц. 70 к.
- Словесность въ образцахъ и разборахъ. Ц. 1 р. 25 к.
- Новая русская литература. Ц. 1 р. 25 к.
- Очерки изъ рус. исторіи XVIII в. Ц. 1 р. 50 к.
- Русскіе сказки въ стихахъ съ картинками въ переплетѣ. Ц. 1 р. 50 к.
- Переводы въ стихахъ и оригинальными стихотворенія. Ц. 1 р. 50 к.
- Водовозова, Е. Н.** Жизнь европейскіхъ народовъ. Ч. I. Жители юга (съ 26 рисунк.). Изд. 4-е. Ц. 3 р. 75 к., въ переплетѣ 4 р. 55 к. Ч. II. Жители сѣвера. (съ 24 рис.). Изд. 3-е. Ц. та же. Ч. III. Жители средней Европы. Слб.

- На отдыхъ. Иллюстрирован. рассказы для мал. дѣтей. (40 рис.). Ц. 1 р.; въ пакѣ 1 р. 35 к. Спб.
- Изъ русской жизни и природы. Рассказы для дѣтей (изд. 6-е). Ц. 1 р. 50 к., въ перек. етъ 2 р. Спб.
- Умственное и нравственное развитіе дѣтей отъ перваго проявленія сознанія до школьнаго возраста (Изд. 4-е совершенно переработаное). Спб. Ц. 2 р.
- Одноголосныя дѣтскія пѣсни. (Музыка Рубца). Изд. 5-е. Спб., Ц. 1 р.
- Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Англичане. Ц. 40 к.
- Турки. Спб., Ц. 40 к.
- Войнаровский, П.** Устройство въ домахъ электрическаго освѣщенія, телефоновъ, электрическихъ звонковъ и другія примѣненія электричества въ домашнемъ быту. М., 1892 г. Ц. 1 р. 35 к.
- Войславъ, С.** Развѣдки пластовыхъ мѣсторожденій полезныхъ ископаемыхъ посредствомъ шурфованія. Спб., 1886 г. Ц. 2 р. 40 к.
- Расчетъ и построение частей машинъ и передаточныхъ механизмовъ. Текстъ съ атласомъ въ 76 таблицъ. Спб., 1885 г. Ц. 4 р.
- Уходъ за паровыми котлами. Спб., 1893 г. Ц. 1 р.
- Волкенштейнъ, П. Е.** Садовый словарь. Спб., 1889 г. Ц. 4 р.
- Ворисгоферъ, С.** Сказочная страна. Пер. съ нѣмецк. Ц. 2 р. 75 к. въ роскош. переплетѣ.
- Образовательное путешествіе (изд. 2-е). Спб., 1892 г., съ рисунками въ текстѣ. Ц. 2 р. 25 к.
- Черезъ дѣбри и пустыни. Скитанья молодого бѣглеца. Спб., 1894 г. (2-ое изд.). Ц. 1 р. 50 к.
- Приключеніе контрабандиста. Спб., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Вундтъ, Вильгельмъ.** Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ (Пер. со 2-го нѣмец. изд.). Спб., 1894 г. Ц. 5 р.
- Душа и мозгъ. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
- Гипнотизмъ и внушеніе. Перевелъ съ нѣмец. Колубовскій. М., 1893 г. Ц. 75 к.
- Гаварре, Ж.** Теорія Гаусса, примененная къ сферическимъ зеркаламъ и стекламъ. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Гавкинъ, Н. Я.** Карманный словарь иностранныхъ словъ. Изд. 4-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
- Гаймъ, Р.** Гердеръ, его жизнь и сочиненія. Перев. В. Н. Невѣдомскаго. Т. I. ц. 5 р. и Т. II ц. 5 р. М., 1888 г.
- Романтическая школа въ Германіи. Пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М., 1891 г.
- Гамбургцевъ, В.** Архитекторская команда. Очеркъ московскихъ учрежденій по строительному дѣлу. Москва, 1894 г. Ц. 40 коп.
- Гано, А.** Полный курсъ физики (въ 2 ч.). Спб., 1892 г. Ц. 4 р.
- Магнетизмъ и электричество. Спб. 1885 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Гарейсъ, Карлъ.** Германское торговое право. Краткій учебникъ дѣйствующаго въ Германіи торговаго, вексельнаго и морского права. Съ четвертаго, нѣмецкаго изданія 1892 г., перев. Н. И. Ржондковскій, подъ редакціей проф. Московскаго университета Н. О. Нерсесова. Вып. 1. М., 1893 г. Ц. 2 р. Вып. 2. Торговаго сдѣлки. Ред. прив.-доц. Моск. университета Гусакова. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Гаринъ, Н.** Дѣтство Тѣмы. Москва, 1894 г. Ц. 60 к.
- Гартманъ, Эдуардъ.** Сущность мирового процесса или философія безсознательнаго. Пер. А. А. Козлова. Вып. 2-й. Ц. 2 р. 50 к. М., 1875 г.
- Гартвигъ.** Воздухъ и его жизнь. М., 1875 г. 2 р. 50 к.
- Гаспари, Альфредъ.** Исторія итальянской литературы. Т. I. Итальянская литература среднихъ вѣковъ. М., 1895 г. Ц. 3 р.
- Гегаръ-Альфредъ.** Половое влеченіе. Одесса, 1895 г. Ц. 75 к.
- Гейнце, Н. Э.** Коронованный рыцарь. Историческій романъ изъ временъ царствованія императора Павла I. Въ 3 частяхъ. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
- Князь тавриды. Историческій романъ. Въ 3 частяхъ. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
- Арачеевъ. Историческій романъ XIX столѣтія. Въ 2 томахъ и 6 частяхъ. Изданіе второе. Спб., 1895 г. Ц. за оба тома 2 р.
- Гервинусъ.** Автобіографія (съ 4 портретами) М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Герценштейнъ, М.** Кредитъ для земствъ и городовъ. М., 1892 г. Ц. 75 к.
- Герценъ, А.** Общая физиологія души (2 изд.). 1894 г. Ц. 75 г.
- Гердеръ.** Нѣмецко-русскій словарь важнѣйшихъ техническихъ терминовъ употребляемыхъ при описаніи и опредѣленіи растеній. Спб., 1881 г. Ц. 50 к.
- Германъ, Ф. Л., д-ръ.** Какъ лечились московскіе цари. Медико-историческій очеркъ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 45 к.
- Суевѣріе въ медицинѣ. Харьковъ, 1895 г. Ц. 50 к.
- Гертвигъ, Оскаръ.** Клітка и ткани. Основы общей анатоміи и физиологіи (168 рис. въ текстѣ). Спб., 1894 г. Ц. 3 р.
- Геттнеръ, Г.** Исторія всеобщей литературы XVIII в. Т. III, кн. 1. Пер. А. Пыпина и А. Плещеева. Ц. 2 р. М., 1872 г.
- Гиббинсъ, Г.** Промышленная исторія Англіи. Переводъ съ англійскаго съ примѣчаніями и предисловіемъ Каменскаго. Культурно-историческая бібліотека № 1. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.
- Гиббонъ, Эдуардъ.** Исторія упадка.

- и разрушенія Римской имперіи (съ портретомъ автора). Пер. Невѣдомскаго. Часть I. Ц. 4 р. М. 83 г.; часть II. Ц. 4 р. М. 83 г.; часть III. Ц. 4 р. М. 84 г.; часть IV. Ц. 3 р. 50 к. М. 84 г.; часть V. Ц. 3 р. 50 к. М. 85 г.; часть VI. Ц. 3 р. 50 к. М. 85 г.; часть VII. Ц. 3 р. 50 к. М. 86 г.
- Гизо.** Исторія цивилизаціи во Франціи. Т. III и IV. Пер. М. Корсака. Ц. 4 р. М., 1881 г.
- Гильти, К.** Счастье. Популярныя очерки по нравственной философіи. Изд. 2-е Спб., 1894 г. Ц. 50 к.
- Гиляровъ, А. Н.** Источники о софистахъ. Платонъ какъ историческій свидѣтель. Киевъ, 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Гинтервальднеръ.** Руководство къ составленію естественно-научныхъ коллекцій. Спб., 1893 г. Ц. 3 р.
- Гиршъ Вильямъ, д-ръ.** Геніальность и вырожденіе. Пер. со 2 нѣм. изд. Одесса, 1895 г. Ц. 1 р.
- Глинскій, А. Г.** Руководство къ частной патологіи и терапіи внутреннихъ болѣзней. Т. I. Вып. I. Инфекціонныя болѣзни. Съ двумя таблицами рис. Харьковъ, 1895 г. Ц. 2 р. 25 к.
- Глинскій, В.** Біографическій очеркъ о Николаѣ Мх. Ядринцевѣ. М., 1895 г. Ц. 50 к.
- Гнейстъ, Рудольфъ.** Исторія государств. учрежд. въ Англіи. Перев. подъ редак. С. А. Венгерова. Ц. 4 р. 50 к. М., 1885 г.
- Говсъева, А. А.** Симуляція душевныхъ болѣзней и патологическое при творство. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Гоголь, Н. В.** Сочиненія въ 5-ти том. Изд. двѣнадцатое. Спб., 1894 г. Ц. 6 руб. Въ переплетѣ. Ц. 8 р. 50 к.
- Головачевъ.** Десять лѣтъ реформъ. Спб., 1872 г. Ц. 3 р.
- Исторія жѣлѣзно-дорожнаго дѣла. Спб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Вопросъ государственнаго хозяйства. Спб., 1873 г. Ц. 1 р.
- Головачева-Панаева.** Русскіе писатели и артисты 1824—1870 гг. Спб., 1890 г. Ц. 1 р. 35 к.
- Гольдсмитъ, Оливеръ.** Векфильдскій смѣшанкъ. М., 1890 г. Ц. 1 р.
- Гольцендорфъ, Ф., проф.** Общественное мнѣніе. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.
- Головъ, Д.** Двигатели малой силы для промышленности и сельскаго хозяйства (съ 95 рис. въ текстѣ). Спб., 1894 г. Ц. 2 р.
- Гоніондзскій, Э. А.** Краткій очеркъ добыванія и обработки каучука и гуттаперчи. М., 1896 г. Ц. 40 к.
- Машинны и станки для обработки картона. Съ 40 рис. М., 1894 г. Ц. 15 к., съ пер. 25 к.
- Гораций Сатиры.** Переводъ съ подстрочн. словаремъ. 2-е изд. Киевъ, 1891 г. Ц. 60 к.
- Одн. Переводъ I-й и II-й книги. Изд. 2-е. Киевъ, 1894 г. Ц. 60 к.
- III и IV книги. Изд. 2-е, сост. Сахаровъ. Киевъ, 1893 г. Ц. 60 к.
- Горбуновъ.** Программы мужскихъ гимназій иprogимназій. Изд. 2-е. М., 1893 г. Ц. 55 к.
- Программы городскихъ училищъ. Изд. 4-е. М., 1893 г. Ц. 35 к.
- Программы реальныхъ училищъ. Изд. 2-е. М., 1894 г. Ц. 35 к.
- Горкевичъ, П.** Руководство къ переводамъ съ русскаго языка на латинскій Гай Саллюстій Криспъ. Югуртинская война. Борисоглабскъ, 1893 г. Ц. 45 к.
- Горнь, Винкель.** Исторія скандинавской литературы. Пер. К. Бальмонта. Ц. 2 р. 50 к. М., 1894 г.
- Горстманъ, А.** О теоріи растворовъ. Спб. 1893 г. Ц. 40 к.
- Госпиталье, Э.** Электричество въ домашнемъ быту (со многими рисунками). Спб., 1886 г. Ц. 2 р.
- Главнѣйшія приложенія электричества (2 изд.). Спб., 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Гофштеттеръ, И.** Доктринеры капитализма (по поводу книги Г. Струве: „Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи). Спб., 1895 г. Ц. 30 к.
- Грабинъ, А. Т.** Воздушные замки. Комическій этюдъ. 2-е изд. М., 1895 г. Ц. 40 к.
- Гравинкель.** Справочная книга для электротехниковъ. Спб., 1893 г. Ц. 4 р. 80 к.
- Гранатъ, А., и К^о.** Настольный энциклопедическій словарь, 8 т. или 108—115 вып. М., 1894 г. Ц. вып. на обыкновенной бумагѣ ц. 80 к., на лучшей бумагѣ ц. 40 к. Тому въ вѣщ. колѣн. пер., ц. 5 рублей, безъ переплета и 4 р. 50 к., на лучшей бумагѣ безъ переплета ц. 5 р. 60 к., въ вѣщ. колѣн. пер. 6 р.
- Грегуаръ, Л.** Исторія Франціи въ XIX вѣкѣ. Пер. подъ редакціей Лучинскаго. Т. I. Ц. 4 р. М., 1893 г. Т. II. Ц. 4 р. М., 1894 г.
- Григоровичъ, И. И.** Очерки новѣйшей исторіи (6-е изданіе). Спб., 1892 года. Ц. 2 р.
- Гримо, Э.** Элементарный курсъ органической химіи. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р.
- ГРИММЪ.** Книжки I и II въ переплетѣ. М., 1893 г. Ц. 50 к.
- Книжки III и IV въ переплетѣ. М., 1893 г. Ц. 50 к.
- Книжка I млад. возр., безъ пер. М., 1893 г. Ц. 20 к.
- Книжка II млад. в., б. пер. М., 1893 г. Ц. 20 к.

- Книжка III, IV и V-я сред. воз. М., 1893 г. Ц. по 20 к.
- Гриммъ, братья.** Сказки. 13 вып. М., 1894 г. Ц. по 20 к. вып.
- Гриммъ, Д.** Очерки по учению объ обогащеніи. Спб., 1893 г.
- Гринъ, Джонъ.** Исторія англійскаго народа. Пер. П. Николаева. Т. I. Ц. 8 р. М., 91 г. Т. II. Ц. 2 р. 50 к. М., 92 г. Т. III. Ц. 2 р. 50 к. М., 92 г. Т. IV. Ц. 2 р. 50 к. М. 1892 г.
- Громека М. С.** О Л. Н. Толстомъ. Изд. 5-е. М., 1894 г. Ц. 80 к.
- Гротъ, Н. Я.** Основные моменты въ развитіи новой философіи. Москва, 1894 г. Ц. 60 коп.
- Критика понятія свободы воли въ связи съ понятіемъ причинности. М., 1889 г. Ц. 50 к.
- О душѣ въ связи съ современными учениями о силѣ. Одесса, 1886 г. Ц. 70 к.
- Устои нравственной жизни и дѣятельности. М., 1895 г. Ц. 30 коп., съ перес. 40 к.
- Значеніе чувства въ познаніи и дѣятельности человека. М., 1889 г. Ц. 40 к.
- Нравственные идеалы нашего времени. Фридрих Ницше и Левъ Толстой. Изд. 3-е. М., 1894 г. Ц. 80 к.
- Грузинцевъ, А. П.** Электроматичная теорія свѣта. Харьковъ, 1893 г. Ц. 2 р. 25 к.
- Грэхэмъ, Ж. Ж. Русо.** Его жизнь, произведенія и окружающая среда. М., 1890 г. Ц. 1 р.
- Губеръ.** Механика. Изд. 2-е. Спб., **Гулишамбаровъ.** Нефтяное отопленіе пароходовъ, паровозовъ, котловъ и проч. (3-е исправлен. и дополнен изд. съ 150 рис.). Спб., 1894 г. Ц. 3 р. 1891 г. Ц. 8 р.
- Гурляндъ.** Римскій юристъ Гай и его сочиненія. Ярославль, 1894 г.
- Густавсонъ, Р.** Сказки. Переводъ съ нѣмецк. изданія. Спб., 1885 г. Ц. 1 р. 25 к., въ роск. перепл.—1 р. 75 к.
- Густавсонъ.** Двадцать лекцій агрономической химіи. Курсъ читанный въ Петровской земледѣльческой академіи. Второе изд. М., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Гюббаръ, Гюставъ.** Исторія современной литературы въ Испаніи. Переводъ Ю. В. Дольмайеръ. М., 1893 г. Ц. 2 р.
- Гюго, Викторъ.** Сочиненія въ двухъ томахъ. Спб., 1895 г. Ц. 2 р. 50 к. за оба тома.
- Отважный предводитель негровъ Бюгъ-Жаргаль. Спб., 1893 г. Ц. 60 к.
- Собраніе стихотвореній въ переводахъ русскихъ писателей. Вып. II. Центральная книжная торговля въ Тифлисѣ, 1895 г. Ц. 20 к. за каждый выпускъ.
- Собраніе стихотвореній, въ переводахъ русскихъ писателей. Вып. III. Тифлисъ, 1895 г. Ц. каждого выпуска 20 к.
- Стихотворенія. Вып. IV. Тифлисъ 1895 г. Ц. 20 к. за вып.
- Стихотворенія. Вып. V. Тифлисъ, 1895 г. Ц. 20 к. за вып.
- Данилевскій, Г. П.** Сочиненія въ 9-ти томахъ. (Изд. 7-е). Спб., 1892 г. Ц. 15 руб.
- Данилевскій, Александръ.** Основное вещество протоплазмы и его вѣдывающія живью. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.
- Данилевскій, В. Я., проф.** Чувство и жизнь. Харьковъ, 1895 г. Ц. 50 к.
- Данилевскій, Н. Я.** Дарвинизмъ. Критическое исследование. Т. II. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.
- Данте, Алигьери.** Божественная комедія. Изд. съ 68 рис. французскихъ художниковъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Божественная комедія. Чистилище. Съ 72 рис. франц. худож. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Божественная комедія. Рай. Съ 74 рис. франц. худож. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Дебо, Эмиль.** Чудесное въ наукѣ. (Популярная физика). М., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Декандолль, Альфонсъ.** Мѣсто-происхожденіе воздѣываемыхъ растений. Спб., 1885 г. Ц. 3 р. 60 к.
- Деминевъ, В. М.** Краткій курсъ электрической телеграфіи по программѣ техническихъ желѣзно-дорожныхъ училищъ, съ отдѣльными атласомъ чертежей. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.
- Депшъ, Г. Ф.** Бездымное сожиганіе топлива въ топкахъ паровыхъ котловъ. Съ прилож. 254 чертежей въ отдѣльномъ альбомѣ изъ 39 таблицъ. Спб., 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Дерюжинскій, В. Ф.** Nabeas Cognus Actъ и его приостановка по англійскому праву. Юрьевъ, 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Демосеенъ.** Оливскія рѣчи. Первая рѣчь противъ Филиппа. Изд. 3-е. Киевъ, 1893 г. Ц. 65 к.
- Рѣчи противъ Филипп. (2, 3 и 4). Киевъ, 1889 г. Цѣна 60 к.
- Дефод.** Робинзонъ Крузо, 1 и 2 ч. М., 1888 г. Ц. за обѣ ч. 4 р.
- Джабадари, И. С.** Смертная казнь въ связи съ правомъ наказанія. Спб. 1895 г. Ц. 60 к.
- Джеромъ, К.** Праздная мысли гѣнтля. Киевъ, 1893 г. Ц. 50 к.
- Диккенсъ, Чарльзъ.** Пол. соб. соч. 6 т. Спб., 1894 г. Ц. каждого тома 1 р. 50 к.
- Длусскій.** Стенографія. Спб., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Добкевичъ, Б.** Конспектъ по уголовному процессу. Составилъ примѣнительно къ программѣ юридической коммисіи по судебнымъ уставамъ императора Александра II. Киевъ, 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Доброе дѣло. Сборникъ повѣстей и рассказовъ К. Баранцевича, А. Бариковой, Н. Гарина, П. Засодимскаго, В. Короленка, Н. Лѣскова, Д. Мамнина-Сибиряка, Н. Минскаго, И. Потапенка, Н. Рубакина, А. Стернъ, С. Филиппова. Москва, 1894 г. Ц. 90 к.

Добротворскій, П. Рассказы, очерки и наброски. Слб., 1888 г. Ц. 1 р.

Додоновъ, А. М. Руководство къ правильной постановкѣ голоса и изученію искусства пѣнія. М., 1891 г. Ч. I. Ц. 50 к. Ч. II, практическая, М., 1895 г. Ц. 1 р. 80 к. Одобрено Петербургской и Московской консерваторіями.

Доде, Альфонсъ. Сцена и кулисы. М., 1895 г. Ц. 50 к.

Дриль, Дм. Преступность и преступники (уголовно-психологическіе этюды). Слб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.

Дройзенъ, И. Г. Исторія эллинизма. Пер. М. Шелгунова. Т. I, ч. 3 р. 50 коп. М., 1891 г.; т. II, ч. 3 руб. М., 1893 г.; т. III, перев. Э. Циммермана. Ц. 4 р. 50 к. М., 1893 г.

Дрәперъ, Дж. В. Исторія умственнаго развитія Европы, въ 2-хъ томахъ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Дѣтское Чтеніе. XXV Юбилейный номеръ. 1869—1894. Редакторъ П. В. Голаховскій. Слб., 1894 г.

Дювернуа, А. Словарь болгарскаго языка въ 9 т. М., 1889 г. Ц. 18 р.

— Объ историческомъ наслѣдіи въ славянскомъ словообразованіи. М., 1867 г. Ц. 2 р.

— Станиславъ Зноимскій и Янъ Гусъ. М., 1871 г. Ц. 1 р. 60 к.

— Блаженный Меоодій, первоучитель славянскій. Рѣчь, произнесенная въ университетѣ на празднествѣ тысячелѣтія для кончины бл. Меоодія. М., 1894 г. Ц. 40 к.

— Матеріалы для словаря древне-русскаго языка. М., 1894 г. Ц. 3 р.

Дюмуленъ. Цвѣтная фотографія. Воспроизведеніе красокъ фотографіей. М., 1895 г. Ц. 70 к.

Дюрсенъ, А.-дръ. Спутникъ гинеколога. Руководство для студентовъ и врачей. Пер. съ третьяго дополненнаго и исправленнаго изданія, съ 106 рис. въ текстѣ. Слб., 1894 г. Ц. 2 р.

Дю-Прель, Карлъ. Философія мистики или двойственность человѣческаго существа. Перев. съ нѣм. М. С. Аксенова. Слб., 1895 г. Ц. 8 р. 50 к.

Евневичъ. Гидравлика. Изд. 2-е. Слб., за два тома 6 р.

Европейская библиотека. Генрихъ Ибсенъ. Счастливецъ. Слб. 1894 г. Ц. 40 к.

— Избранныя мысли Сафира. Слб., 1894 г. Ц. 30 к.

— Коппе, Франсуа: „Генриетта“. Слб., 1894 г. Ц. 25 к.

— Тевъ, Ипполитъ: „Бальзакъ“. Слб., 1894 г. Ц. 30 к.

— Золя, Эмиль: „Завѣтъ матери“. Слб., 1894 г. Ц. 40 к.

Ежегодникъ. Обзоръ книгъ для народнаго чтенія и народныхъ картинъ 1893 г. М., 1895 г. Ц. 50 к.

*Ежегодникъ тобольскаго губернскаго музея за 1895 г. Ц. 1 р.

Елпатыевскій, С. Я. Очерки Сибири. М., 1893 г. Ц. 1 р.

Ечинацъ, А. Методика новыхъ языковъ и американскій разговорный методъ. Для учителей, родителей и учениковъ. Слб., 1892 г. Ц. 45 к.

Жакъе, Э. Сборникъ физическихъ задачъ. М., 1893 г. Ц. 2 р.

Желанскій, А. Скамья и кафедра. Рассказы изъ гимназической жизни семидесятыхъ годовъ. М., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Женѣ, Рудольфъ. Шекспиръ, его жизнь, сочиненія. Переводъ А. Н. Веселовскаго, съ примѣчан. Н. Стороженка. М. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к.

*Жиро, П., проф. Общество у животныхъ. Перев. В. Склифосовскаго. Москва, 1896 г. Ц. 1 р.

Жоржъ-Зандъ. Замокъ Вильпрэ. М., 1892 г. Ц. 1 р. 75 к.

Жуковъ, Николай. Электрометаллургія и обработка металловъ электрическимъ токомъ. Москва, 1895 г. Ц. 8 р.

Жюль Вернъ. Гекторъ Сервалакъ, путешестве въ солнечномъ мѣрѣ. Пер. Самойловичъ. Москва, 1887 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Жѣ. Задачи по физикѣ. М., 1892 г. Ц. 2 руб.

Заблудовскій и Таненбаумъ. Другъ котегара. Слб., 1892 г. Ц. 2 р. 25 к.

Забѣлинъ, И. Кунцево и древній Сѣтунскій ставъ. М., 1873 г. Ц. 2 р.

Записки желудка. Переводъ съ 10-го англійскаго изданія. Слб., 1891 г. Ц. 50 к.

Засодимскій, П. В. Задумевныя рассказы въ 2-хъ томахъ (изд. 2-о). Слб., 1894 г. Ц. 1 т. 1 р. 50 к., II т. 2 р. въ роскошномъ перепл.

Законы о векселяхъ и упрощенный порядокъ судопроизводства. (Изданіе неоф. фнк.). М., 1894 г. Ц. 80 коп.

*Зеландъ, Н. Здоровье и счастье. М., 1895 г. Ц. 2 р.

Зелинскій, В. Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. Изд. 2-е. М., 1895 г. Ц. 2 р.

— Справочникъ по русскому правописанію. Вып. I, изд. 7-е. М., 1893 г. Ц. 50 к.

— Справочникъ по русскому правописанію. Вып. II. М., 1892 г. Ц. 50 к.

— Грамматическій задачникъ для письменныхъ и устныхъ упражненій. Изд. 3-е. М., Ц. 25 к.

- Зрительный диктантъ. Ч. I, изд. 5-е. М., 1893 г. Ц. 50 к.
- Зрительный диктантъ. Ч. II, изд. 3-е. М., 1894 г. Ц. 40 к.
- Справочный словарь буквъ Ъ. Изд. 3-е. М., 1892 г. Ц. 25 к.
- Корделовъ русскаго языка. М., 1891 г. Ц. 50 к.
- Хрестоматія для объяснительнаго чтенія. М., 1892 г. Ц. 25 к.
- Методическія указанія и образцовые уроки по преподаванію русской элементарной грамматики. М., 1891 г. Ц. 1 р.
- Методическія указанія и примѣрные уроки по объяснительному чтенію. М., 1891 г. Ц. 1 р.
- Обученіе грамотѣ по звуковому способу. М., 1893 г. Ц. 1 р.
- Критическій комментарий къ сочиненію Ф. М. Достоевскаго, три части. М., 1894 г. Цѣна по 1 руб.
- Сборникъ критическихъ статей о Н. А. Некрасовѣ, три части. М., 1887 г. Цѣна по 1 руб.
- Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина, три части. М., 1888 г. по 1 руб.
- Русская критическая литература о произведеніяхъ Л. Н. Толстого, три части. М., 1888 г. по 1 руб.
- Русская критическая литература о произведеніяхъ Н. В. Гоголя, двѣ части. М., 1889 г. Ц. по 1 руб.
- Критическіе разборы романа Тургенева „Отцы и дѣти“. М., 1894 г. Ц. 35 к.
- Критическіе разборы романа Достоевскаго „Братья Карамазовы“. М., 1894 г. Ц. 50 к.
- Критическіе комментарія къ соч. А. Н. Островскаго. Ч. I. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Критическіе Комментаріи къ соч. А. Н. Островскаго. Ч. II. Ц. 1 р. М., 1895 г.
- Землеръ, Генрихъ.** Чай, разведеніе его въ Китаѣ, Индіи, Японіи и на Кавказѣ. М., 1890 г. Ц. 75 к.
- Земмерфельдъ, Т., д-ръ.** Какъ предохранить себя и своихъ дѣтей отъ скарлатины, дифтерита, хаточки, тифа и друг. заразныхъ болѣзней. Врачъ въ домѣ. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.
- Зиберъ, Н. И.** Очерки первобытно-экономической культуры. Ц. 4 р. 50 к. М., 1888 г.
- Златовратскій.** Новые рассказы. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Золя, Эмиль.** Серия романовъ Рутоны-Маккаръ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 21 р.
- Зонтагъ.** Болѣзни желудка и кишекъ. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.
- Зудерманъ, Г.** Честь. Комедія въ 4-хъ д. М., 1891 г. Ц. 50 к.
- Родина. Драма въ 4-хъ д. М., 1893 г. Ц. 50 к.
- Свадьба Юланти и др. рассказы. М., 1895 г. Ц. 40 коп.
- Зутнеръ, Берта.** Долой оружіе. Спб., 1893 г. Ц. 80 к.
- Ибсенъ, Генрихъ.** Привѣднія (Драма въ 3 актахъ), переводъ Бальмонта. М., 1894 г. Ц. 50 к.
- Маленькій Эйольфъ. Драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Съ портретомъ автора и краткими свѣдѣніями объ его жизни и литературной дѣятельности. М., 1895 г. Ц. 50 к.
- Ивановъ, Ив.** Политическая роль французскаго театра въ связи съ философіей XVIII-го вѣка. М. 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Иванюковъ, И.** Паденіе крѣпостного права въ Россіи. Спб., 1882 г. Ц. 3 руб.
- Политическая экономія. Изд. 3-е. М., 1891 г. Ц. 3 р.
- Основныя положенія теоріи экономической политики съ Адама Смита до настоящаго времени. Изд. 3-е. М., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Игерингъ, Рудольфъ.** Борьба за право. Пер. Волкова. М., 1874 г. Ц. 75 к.
- Игра футбола** съ политическими въ театрѣ. М., 1895 г. Ц. 70 к.
- Изъ дневника Амеля.** Пер. съ фр. М. Л. Толстой. Спб., 1894 г. Ц. 35 к.
- Изготовленіе рисунковъ** для волшебнаго фонаря. М., 1895 г. Ц. 75 к.
- Иллюстрированная сказочная библиотека.** 80 сказокъ Андерсена, въ переводѣ Порозовской, со множествомъ рисунковъ. Цѣна каждой книжки отъ 5 до 20 коп. 6 сказокъ Гауфа. Ц. та же. Спб., 1894/5 г.
- Иллюстрированная иушканская библиотека** (Изд. Павленкова), состоящая изъ 40 книжекъ со многими иллюстрац., цѣною отъ 2 к. и дороже (изд. 2). Спб., 1891 г.
- Иллюстрированная Лермонтовская библиотека** (изд. Павленкова), состоящая изъ 30 книжекъ, цѣною отъ 2 коп. и дороже. Спб., 1891 г.
- Ингремъ, Джонъ.** Исторія политической экономіи. Пер. подъ редакціей Янжула. Ц. 1 р. 50 к. М., 1891 г.
- Кадія.** Электричество. Изд. 3-е. Спб., 1894 г. Ц. 5 р.
- Казанскій, А.** Ученіе Аристотеля о значеніи опыта при познаніи. Одесса, 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Казотъ.** Влюбленный дьяволъ. М., 1894 г. Ц. 80 к.
- Камаровскій, Л., проф.** Война или миръ? Одесса, 1895 г. Ц. 15 к.
- Канониковъ.** Руководство къ химическимъ изслѣдованіямъ итательныхъ и вкусовыхъ веществъ. Спб., 1891 г. Ц. 3 р.
- Канторовичъ, Я.** Литературная собственность. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.
- Кантъ, Иммануиль.** Прологемы ко всякой будущей метафизикѣ. Изд. 2-е. М., 1893 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Кандезъ, Э.** Приключеніе сверчка. Спб., 1889 г. Цѣна въ роскоши. переплетъ 2 р. 50 к.

Карасевъ, А. Музыкальная хрестоматія. Ч. I. Дѣтскій возрастъ. М. Ц. 40 к. Тоже часть II. Ц. 60 к.

***Каринскій, М.** Критическій обзоръ послѣдняго періода германской философіи. Спб., 1873 г. Ц. 2 р.

Жаронинъ (Петропавловскій). Рассказы. 3 т. М., 1890 г. Ц. каждого тома 1 р. 50 к.

Каро, Э. Пессимизмъ въ XIX в. Изд. 2-ое. М. 1898 г. Ц. 1 р.,
— Современная критика и причины ея упадка. М. 1883 г. Ц. 30 к.

Карышевъ, Ив. А. Православно-христианскій взглядъ на основанія, принятыя гр. Л. Н. Толстымъ для своего изученія, наложеннаго въ его сочин. „Въ чемъ моя вѣра“. М., 1891 г. Ц. 60 к.
— Духовно-правственнй міръ въ чело-вѣкѣ по учению св. православной вѣры. М., 1891 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Богъ неопровержимъ наукой. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Составъ человѣческаго существа. Жизнь и смерть. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Каррьеръ, Морицъ. Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеаломъ челоѵка. Пер. Е. Корша. Т. I, ц. 3 р. Москва, 1870 г. Т. II, ц. 3 р. 50 к. Москва, 1871 г. Т. III, ц. 5 р. 50 к. Москва, 1874 г. Т. IV, ц. 4 р. Москва, 1874 г.

Карѣевъ, Н., проф. Роль идей, учреждений и личности въ исторіи. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
— Историко-философіе и соціологическіе этюды. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Каццолино, Пр. Гигіена уха. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.

Квикъ, Р. Реформаторы воспитанія. Перев. и переводъка З. Перцовой. Москва, 1893 г. Ц. 2 р.

Квитка-Основьяненко. Панъ Халзевскій. Миниатюрное изданіе Ф. А. Югансона. Кіевъ, 1893 г. Ч. I-я и 2-я. Ц. 50 к.
— Драм. соч. Кіевъ, 1893 г. Ц. 85 к.
— Малороссійскія повѣсти, рассказанныя Грымкомъ Основьяненкомъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 75 к.

Кенигсбергъ, М. М., д-ръ мед. Главныя основы анатоміи, физиологіи и гигиены въ научно-популярныхъ формахъ. Съ предисловіемъ профессора Эрсмана и 38 рисунками въ текстѣ. Оренбургъ, 1893 г. Ц. 2 р.

Кенигъ, Ф., д-ръ. Руководство къ частной хирургіи для врачей и учащихса. Въ 2 томахъ, съ 278 рис. Русское изд. третье. Спб., 1894 г. Ц. 10 р.

Кесслеръ. Синтаксисъ латинскаго языка для гимназій. Изд. 6-е. 1888 г. Ц. 1 р. 25 к.

Киландъ, Александръ. Ядъ Фортуга (два романа). М., 1895 г. Ц. 1 р.

Кингсфордъ, Анна, докт. мед.

Научныя основанія вегетаріанства. Пер. съ англ. М., 1893 г. Ц. 30 коп.

Кистяковскій, А. Э. Элементарный учебникъ общаго уголовного права. Третье изданіе. Кіевъ, 1891 г. Часть общая. Цѣна 4 р.

Клау, Э. Э. Краткій очеркъ химическихъ явленій. Составилъ по программѣ реальныхъ училищъ. Съ 34 полнѣтпажами въ текстѣ. Юрьевъ, 1895 г. Ц. 70 к.

Кнейппъ, Севастьянъ. Моее водолеченіе. Изд. 3-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.

Кобеко. Цесаревичъ Павелъ Петровичъ. Изд. 3-е. Спб., 1887 г. Ц. 3 р.

Кобелль. Таблицы. Изд. 2-е. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

Ковалевская, Софія, и Леофлеръ, А. Борьба за счастье. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.

Ковалевскій, М. Очеркъ происхожденія семьи и собственности. Лекціи, читанныя въ Стокгольмскомъ университетѣ. Спб., 1895 г. Ц. 60 к.
— Происхожденіе современной демократіи. Въ 2-хъ томахъ. М., 1895 г. Цѣна каждого тома 2 р. 50 коп.

Козловъ, А. А. Очерки изъ исторіи философіи. Понятія философіи въ исторіи философіи. Философія восточная. Кіевъ, 1897 г. Ц. 1 р.
— Тардъ (G. Tarde) и его теорія общества. Кіевъ, 1887 г. Ц. 1 р.
— Гипнотизмъ и его значеніе для психологіи и метафизики. Кіевъ, 1887 г. Ц. 75 к.
— Письма о книгѣ гр. Л. Н. Толстого: „О жизни“. М., 1891 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 40 к.
— Свое слово. Философско-литературный сборникъ, издаваемый вмѣстѣ „Философскаго тремѣсачника“. Кіевъ, 1888 г. № 1. Ц. 2 р. съ пер.; 1889 г. № 2. Ц. 2 р. съ пер.; 1890 г. № 3. Ц. 2 р. съ пер.

Козловскій, С. А. Полныя рѣшенія и объясненія всѣхъ ариметическихъ задачъ И. П. Верещагина. Ч. III. Отношенія, пропорціи и правила тройныя (простое и сложное), простыхъ процентовъ, учета векселей, цѣнное, пропорціональнаго дѣленія, смѣшенія и уравненія сроковъ платежей (съ № 2466—3288 включительно). Минскъ, 1895 г. Ц. 75 к.
— Полныя рѣшенія и объясненія всѣхъ ариметическихъ задачъ А. Малинина и К. Буренина. Вып. II. Правильно процентовъ (простыхъ и сложныхъ). Съ № 2891—3100 включительно. Борисовъ, 1894 г. Ц. 25 к., съ перес. 35 к.

Козлинина, Е. И. Обозначенныя дѣти. Очеркъ изъ судебной практикы. М., 1894 г. Ц. 60 к.

Колеръ, I., проф. Шекспиръ съ точки зрѣнія права. (Шейлокъ и Гамлетъ). Переводъ съ нѣмецкаго. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

- Коломбо, маркиза.** Красавица. Рассказъ. Перев. съ итальян. М., 1894 г. Ц. 35 коп.
- Коломбъ, Ж.** Дѣдушкина внучка. Съ французскаго. Слб., 1894 г. Ц. 2 руб. въ роскош. переплетѣ.
- Кодубовскій, Я.** Философскій ежегодникъ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Кольбе.** Введеніе къ учению объ электричествахъ. Слб., 1893 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Колѣ, Л.** Дѣтство и юность великихъ людей (Важнѣйшіе эпизоды и выдающіяся приключенія въ ихъ жизни). Съ 57 рис. Слб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Корелинъ, М. С.** Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіаграфія. Вып. 1 и 2. М., 1892 г. Ц. за оба выпуска 6 р.
- *— Паденіе античнаго мирозозерпанія. (Культурный кризисъ въ Римской имперіи). Лекціи, читанныя въ Московскомъ политическомъ музеѣ въ 1891—1892 год. Слб., 1895 г. Ц. 75 к.
- Коренблитъ, А. И.** Нѣмецко-русскій техническій словарь. 25 выпусковъ. Ц. каждаго вып. 40 к. М. 1892—1895 гг. (всего будетъ 35—40 выпусковъ).
- Корнетъ, Г.** Какъ уберечь себя отъ чихотки. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.
- Коропчевскій, Д. А.** Люди. Этнографическіе очерки. Съ картой Африки. М., 1886 г. Ц. 65 к.
- Короленко.** Голодный годъ. Изд. 2-е. Слб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Въ дурномъ обществѣ. Москва, 1894 г. Ц. 85 к.
- Корсакъ, Марія.** Первоначальныя уроки русской грамматики. Ц. 60 коп. М., 1878 г.
- Коршъ.** Всеобщая исторія литературы. Томъ III. Слб., 1888 г. Ц. 5 р.
- Томъ IV. Слб., 1888 г. Ц. 6 р. 50 к.
- Коренблитъ, А. И.** Нѣмецко-русскій техническій словарь 5 вып. (1 т.). Ц. каждаго вып. 40 к. М., 1892—1895 года (всего будетъ 35—40 выпусковъ).
- Корнигъ.** Нервный вѣкъ и нервное поколѣніе. Одесса, 1894 г. Ц. 40 к.
- Гигіена цѣломудрія. Одесса, 1894 г. Ц. 50 к.
- Корфъ, Н. А.** Нашъ другъ, книга для чтенія въ школѣ и дома (16 изд.). Слб., 1894 г. Ц. 75 к.
- Костычевъ, П.** Общедоступное руководство къ земледѣлію (Изд. 2). Слб., 1894 г. Ц. 75 к.
- Обработка и удобреніе чернозема. Слб., 1892 г. Ц. 2 р.
- Ученіе объ удобреніи почвъ. (Изд. 2). Слб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Котельниковъ, М. Г.** Справочная книжка по винокурению для лицъ акцизнаго надзора. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Котельниковъ.** Начальныя свѣдѣнія по скотоводству (Изд. 3). Слб., 1893 г. Ц. 40 к.
- Бесѣды по земледѣлію. Вып. I. О почвѣ. 1893 г. Вып. II. Объ удобреніи почвъ. 1894 г. Вып. III. Травосѣяніе 1894 г. Вып. IV. О сѣменахъ и посѣвѣ, 1895 г. Вып. V. О воздѣлываніи хлѣбовъ. 1894 г. Вып. VI. Широколиствен. мучнистыя растенія. 1892 г. Вып. VII. О воздѣлываніи картофеля и корнеплодовъ. 1894 г. Слб. Цѣна каждаго вып. 30 к.
- Коченовскій.** Краткое руководство къ простому изслѣдованію сельско-хозяйственныхъ матеріаловъ и продуктовъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 80 к.
- Краткій курсъ кожныхъ и венерическихъ болѣзней.** Составленный примѣнительно къ программѣ испытательной медицинско-й комиссіи. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р.
- Крафотъ-Эбингъ.** О здоровьи и болѣзняхъ нервахъ. М., 1885 г. Ц. 75 к.
- Судебная психопатологія (Перевалъ Ал. Черемшанскій). Слб., 1895 г. Ц. 5 руб.
- Прогрессивный общій параличъ Перд-ра Вольтера. Харьковъ, 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Крестовскій, В.** (псевдонимъ). Альбомъ, группы и портреты. Слб., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- *Крестный календарь на 1896 г. Гатчина. Ц. 15 к.
- Кривенко, Н.** Бесѣды о рогатомъ скотѣ. М. 1892 г. Ц. 70 к.
- Кривенко, С. Н.** На распутии. (Культурные свѣты и культурныя одиночки). Слб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Кривошеинъ, Г. Г., и Саткевичъ, А. А.** Военные инженеры. Высаячій мостъ со среднимъ шарниромъ статически-опредѣляемая система. Чертежи. Слб., 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Криста, М.** Конецъ крейцеровою сонати Льва Толстого. Слб., Ц. 30 к.
- Крилицкій, Маркъ.** Въ туманѣ. Москва, 1895 г. Ц. 40 к.
- Крихлеръ, Францъ.** Породы собакъ. Описание всѣхъ породъ собакъ: охотничьихъ, сторожевыхъ, защитныхъ и комнатныхъ. Дрессировка собакъ. Лѣчебникъ собакъ. Слб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Кругловъ, А. В.** Свои-чужіе. Романъ. Кіевъ, 1893 г. Цѣна 1 р.
- Подъ колесомъ жизни. Повѣсти и рассказы. Кіевъ, 1894 г. Цѣна 1 р.
- Незабудки. Рассказы и стихотворенія для дѣтей. Слб. 1885 г. Ц. 1 р. 50 к., въ роскош. перепл.—2 р.
- Вечерніе досуги. Сборникъ дѣтск. рассказ. и стихотвореній, съ 45 рисунк. въ текстѣ. Слб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Добрымъ дѣтямъ иллюстрированныя рассказы въ прозѣ и стихахъ. Слб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- *— Не герои. Очерки и рассказы (Живыя души, т. I). Изд. 2-е, доп. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- *— На чужомъ полѣ. Очерки и рассказы.

- (Живыя души, т. II). Изд. 2-е, дополн. Москва, 1895 г. Ц. 1 р.
- Крыловъ, И. А.** Избранныя басни для школы и народа. М., 1895 г. Ц. 8 к.
- Ксенофонтъ.** Анабазисъ. Подстрочн. пер. Кремера. Книга I-я, изд. 3-е. Киевъ, 1892 г. Ц. 40 к.
- Книга II-я, изд. 3-е. Киевъ, 1892 г. Ц. 40 к.
- Книги III-я, и IV-я, изд. 2-е. Киевъ, 1892 г. Ц. 60 к.
- Книги V-я, VI и VII. Киевъ, 1892 г. Ц. 1 р.
- Кутлеръ, Францъ.** Руководство къ исторіи искусства, обработан. Любе. Пер. Е. Корша. Ч. I, съ 320 рисунк. въ текстъ, и 5 р. М. 1869 г.; т. II, ц. 5 р. съ 167 рис. М. 1870 г.
- Руководство къ исторіи живописи со времени Константина Великаго. Перев. И. К. Васильева, съ портрет. автора. Ц. 7 р. М., 1872 г.
- ***Кудрявцевъ, В.** Введение въ философію. Изд. 2-е. М., 1890 г. Ц. 40 к.
- ***Кудрявцевъ-Платоновъ,** сочин. Вып. I. Ц. 1 р. 50 к. Вып. II. Ц. 1 р. 50 к. Вып. III. Ц. 1 р. 50 к.
- Кузьминскій, К. Н.** Устройство сцени для любительскихъ спектаклей. М., 1893 г. Ц. 50 к.
- Кулагинъ Н.** Настѣюмья, вредныя для сада и огорода въ средней и сѣверной Россіи (Изд. 2-е). Спб., 1894 г. Ц. 50 к.
- Кулешовъ, П.** Свиноводство. М. 1893 г. Ц. 1 р.
- Коневодство. М., 1892 г. Ц. 1 р. 30 к.
- Научныя и практическія основанія подбора племенныхъ животныхъ въ овцеводствѣ. М. 1890 г. Ц. 2 р.
- Куно - Фишеръ.** Лессингъ, какъ преобразователь нѣмецкой литературы. Пер. И. П. Разсадина. Ц. 1 руб. 25 к. М., 1882 г.
- Артуръ Шопенгауэръ. Пер. Грумъ-Гржимайло. М., 1894 г. Цѣну за два выпуска 2 р. 50 к., во выходѣ второго выпуска 3 р.
- Курбскій, А. С.** Русскій рабочій у сѣверо-американскаго плантатора. Спб., 1875 г. Ц. 2 р.
- Курдюсъ, Эрнстъ.** Т. II, пер. А. Веселовскаго. Ц. 5 р. М., 1883 г. Т. III, пер. М. Корсака. Ц. 4 р. М., 1880 г.
- Лабрюйеръ, Жанъ.** Характеры или нравы этого вѣка (съ предисловіемъ Прево-Парадоля и Сентъ-Бѣва). Спб., 1890 г. Ц. 2 р.
- Лабуле, Эдуардъ.** Голубя сказки. Въ роскошномъ переплетѣ съ 150 рисунк. Спб., 1894 г. Ц. 3 р.
- Лавелъ, Эмиль.** Балканскій полуостровъ. Пер. Н. Е. Васильева. Ц. 6 р. М., 1889 г.
- Основанія политической экономіи. Переводъ съ 4-го французскаго изданія. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Лависъ, Э.** Общій очеркъ политической исторіи Европы. М., 1891 г. Ц. 50 к.
- Лампрехтъ, Карлъ.** Исторія германскаго народа. Пер. П. Николаева. Т. I (части I и 2). Ц. 4 р. М., 1894 г.
- Ланге, Н. Н.** Психологическія изслѣдованія. Законъ перцепціи. Теорія волевого вниманія. Одесса, 1893 г. Ц. 2 р.
- Ландцвертъ, В. П.** Спутникъ по Россіи. Лѣтнее движеніе. М., 1895 г. Ц. 50 к.
- Лаоси.** „Тао те книга“. Переводъ съ китайскаго со введеніемъ Д. П. Коныссина. М., 1894 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.
- Леббокъ, Дж.** Красота природы и чудеса мира. Пер. подъ ред. А. М. Павлова, съ 36 портрет. Ц. 1 р. 50 к. М., 1893 г.
- Радости жизни. Второе исправленное и дополненное изданіе. Спб., 1895 г. Ц. 90 к.
- Какъ надо жить. Перев. съ англійскаго. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.
- Лѣбе, В.** Молочное хозяйство, молочный скотъ, маслодѣліе и сыровареніе. Съ 42 рис. въ текстѣ. Спб., 1895 г. Ц. 90 к.
- Лѣвенфельдъ, Л.** Половая нейрастенія. Одесса, 1892 г. Ц. 1 р.
- Левицкій, В. Н.** Временныя правила о волостномъ судѣ, преобразованномъ по закону 12 іюля 1889 года. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Левитовъ.** Собраніе сочиненій, съ портретомъ автора и статьей о его жизни Ф. Д. Нефедова. Т. I. Ц. 1 р. 50 к. Т. II. Ц. 1 р. 50 к. М., 84.
- Ле-Бонъ, Густавъ.** Эволюція цивилизаціи. Одесса, 1895 г. Ц. 50 к.
- Ладвезъ.** Фото-сенія и фото-сангвизія. Руководство для фотографовъ-любителей. М., 1895 г. Ц. 35 к.
- Лейбницъ, Г. В.** Избранныя философскія сочиненія. Съ портретомъ. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Избранныя философскія сочиненія. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
- *— Избранныя философскія сочиненія. Подъ редакціей В. П. Преображенскаго. Москва, 1890 г. Ц. 2 р.
- Лейненбергъ, Н.** Берегите дѣтей отъ вина, пива и водки! Мизія 45 выдающихся ученыхъ о вліяніи спиртныхъ напитковъ на тѣлесное, духовное и нравственное здоровье дѣтей. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
- Леонтьевъ, Н. I.** Указатель нѣсть для любительскихъ спектаклей. М., 1893 г. Ц. 50 к.
- Лермонтовъ, М. Ю.** Пол. собр. сочиненій. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.
- Лессингъ, Г.** Мина фонъ-Барнгеймъ. Перев. Гомберга. Киевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
- Эмилія Галотти. Киевъ, 1892 г. Ц. 25 к.
- Натанъ Мудрый. Киевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
- Молодой ученый. Киевъ, 1893 г. Ц. 25 к.

- Гамбургская драматургия. Пер. И. П. Разсаяина. Ц. 3 р. М., 1883 г.
- Дрaтaтич. соч.: Минна фонъ Барнгольмъ, Эмилия Галлотти, Натанъ Мудрый. Спб. 1886 г. Ц. 2 р.
- *Летурно, Ш. Соціологія основанная на этнографіи. Пер. съ послѣдняго французскаго изданія. Вып. I. Спб., 1895 г. Ц. 60 к.
- Лесгафтъ, Ф. Хлѣбопекaрное производство (по Бирнбауму) и описаніе производства сухарей и проч. на русскихъ заводахъ. Спб., 1880 г. Ч. I. Ц. 3 р.
- Ливій, Титъ. Подстрочный переводъ 30-й книги сѣдъ. Румянцевъ и Подгурскій. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.
- Исторія Рама отъ основанія города. Книги I и II. Кіевъ, 1892 г. Ц. по 75 к.
- Римская исторія Кн. XXI, XXII. Изд. 2-е. Кіевъ, 1892 г. Цѣна 60 к.
- Лидовъ, А. П., проф. Руководство къ химическому исслѣдованію шпоровъ и восковъ. Съ 38 рисунками въ текстѣ. Харьковъ, 1894 г. Ц. 3 р.
- Липпертъ, Ю. Исторія культуры. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Ли, Ионасъ. Осужденный на вѣкъ. Рассказъ, съ норвежск. М., 1894 г. Ц. 40 к.
- Лодыгинъ, П. Дѣдушкины рассказы о лошади—кормилцѣ и объ уходѣ за нею въ сельскомъ быту. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.
- Лопатинъ, Л. М. Понятіе объ индукціи. М., 1893 г. Ц. 25 к.
- Положительныя задачи философіи. М., 1886 г. Ц. 2 р.
- Лотце, Германъ. Микроковъ (мысли о естественной и бытовой исторіи человѣка, опытъ антропологіи). Пер. Е. Корна. Часть I. Ц. 2 р. М., 64 г. Часть II. Ц. 2 р. М. 66 г. Часть III. Ц. 2 р. 50 к. М., 67 г.
- Луговой, А. Добей егo! (Pollice verso). Параллели. Москва, 1893 г. Ц 50 к.
- Сочиненія. 3 тома Спб., 1894 г. Ц. по 2 р.
- Лункевичъ, В. Наука о жизни. Общедоступная физиологія человѣка. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Лучицкій, И., проф. Проповѣдникъ религіозной терпимости въ XVI вѣкѣ. М., 1895 г. Ц. 30 к.
- Люисъ, Георгъ Генри. На берегу моря (зоологическіе этюды). М., 1876 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Лѣтневъ, П. Невидимый бытъ. Ром. Вѣсто хлѣба, камень. Ром. Кіевъ, 1894 г. Цѣна въ одномъ томѣ 1 р. 50 к.
- Бархатныя когти. Ром. въ 2-хъ ч. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.
- На волоскѣ. Ром. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.
- Современный недугъ. Ром. въ 3-хъ ч. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.
- Поперекъ дороги. Повѣсть. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.
- На смѣху прошлаго. Ром. Безъ волн. Повѣсть. Кіевъ, 1894 г. Цѣна въ одномъ томѣ 1 р.
- Бѣшеная лошадка. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Волчья яма. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р.
- Сочиненія. 10 томовъ. Кіевъ, 189 г. Ц. 8 р.
- *Любимовъ, Н. А. Исторія физики. Ч. I. Періодъ греческой науки. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.
- *— Философ. Декарта. Спб., 1886 г. Ц. 2 р.
- Любке, Вильгельмъ. Исторія плaстички съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ. Перев. В. Чаева, съ 231 рис. въ текстѣ. Ц. 6 р. М., 1870 г.
- Магаффи, Дж. Исторія классическаго періода греческой литературы. Пер. А. Веселоской. Т. I (поэзія). Ц. 3 р. М., 1882 г. Т. II (проза). Ц. 3 р. М., 1883 г.
- Магнусъ Блаубергъ. Русское виноградное вино и хересъ. М., 1894 г. Ц. 2 р.
- Маевскій, П. Флора средней Россіи. Иллюстрированное руководство къ опредѣленію растенія. М., 1895 г. Ц. 3 р. 50 к. Изд. 2-е исправлен. и дополнен.
- Майеръ, Викторъ. Задачи химіи нашего времени. Спб., 1890 г. Ц. 50 к.
- Мазуринъ, К., и Высоцкій, В. Формулы по ариметикѣ, алгебрѣ, геометріи, тригонометріи, высшей алгебрѣ, дифференціальному и интегральному исчисленіямъ для рѣшенія задачъ по чистой математикѣ. М., 1887 г. Ц. 50 к.
- Макарова, С. Отголоски старини. Историческіе рассказы для дѣтей. М., 1894 г. Ц. въ папкѣ 1 р., въ коленкоровомъ переплетѣ 1 р. 30 к.
- Македонскій. Права и обязанности подсудимаго предъ военнымъ судомъ. М., 1886 г. Ц. 1 р.
- Маклеодъ, Д. Г. Основанія политической экономіи. Спб., 1865 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Максимъ Ковалевскій. Происхожденіе современной демократіи. Т. I. М., 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Максимовъ, С. В. Годъ на сѣверѣ. М. 1890 г. Изд. 4-е. Ц. 3 р.
- Куль хлѣба и его хожденія. Четвертое иллюстрированное изданіе. Спб., 1894 г. Ц. р. 50 к.
- Мальтусъ, Т. Р. Опытъ закона о народонаселеніи. Вып. III. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Маминъ-Сибирякъ, Д. Дѣтскія тѣни. М., 1894 г. Ц. 80 к.
- Рассказы и сказки для дѣтей младшаго возраста. М., 1895 г. Ц. 60 к., въ папкѣ 75 к.
- Алъ-Боватъ. Рассказъ. М., 1895 г. Ц. 30 к.
- Уральскіе рассказы. Т. II. М., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

- Горное гѣздо. Романъ. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Три конца. (Уральская гѣтонисъ). Сиб., 1895 г. Ц. 2 р.
- *— Весенніа грозы. Ром. въ 3-хъ част. Москва, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Мантегацца, П.** Физиологіа любви. Второе исправленіе над. Сиб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Физиологіа женщины. Сиб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- *— Физиономія и выраженіе чувствъ. Пер. съ француз. подъ редакціей и съ предисловіемъ Н. Я. Грота и Е. В. Вербицкаго. Киевъ, 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Мартыновъ.** Anciens monuments des environs de Moscou. М., 1889 г. Ц. 10 р.
- Мартъ, Константъ.** Философіа и поэти-моральности во времена Римской имперіи. Переводъ М. Корсака. Ц. 2 р. М., 1879 г.
- Материалы для біографіи Добролюбова,** собран. въ 1861—1862 гг. Т. I. Ц. 2 р. М., 1890 г.
- Маракуевъ, Н. Н.** Элементарная алгебра въ 2-хъ ч. М., 1887 г. Ц. 4 р.
- Галлей, его жизнь и ученые труды. М., 1888 г. Ц. 35 к.
- Масперо, Ж.** Древняя исторія народовъ Востока. Москва, 1895 г. Ц. 3 р.
- Массе.** Исторія кусочка хлѣба. Сиб., 1877 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Масловичъ, Н.** Татьяна въ день 12 января. Харьковъ, 1895 г. Ц. 20 к.
- Маудсли, Генри.** Сонъ и сновидѣнія. Сиб., 1895 г. Ц. 30 к.
- Мауреръ, Людвигъ.** Введеніе въ исторію общинаго, полдворянаго, сельскаго и городского устройства и общественной власти. Пер. В. Корна. Ц. 2 руб. 75 к. М., 1880 г.
- Мачетъ, Григорій.** Баба и другіе рассказы. (Силуэты. Т. I.). Изд. 2-ое. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Блудный сынъ. Повѣсть. (Силуэты. Т. I.). Изданіе 2-ое. Москва, 1895 г. Ц. 1 р.
- На досугъ. Новый сборникъ повѣстей и рассказовъ. М., 1896 г. Ц. 1 р.
- Живыя картины. Новый сборникъ повѣстей и рассказовъ. М. 1895 г. Ц. 1 р.
- Между прочимъ.** Сбор. рассказовъ. Изд. 2-е. М., 1894 г. Ц. 80 к.
- Международная бібліотека.** № 1. Ферх. Бригеттеръ. Источники пессимизма, 2-е изд. Ц. 15 к. № 2. Кеттлеръ. Что такое женская эмансипація. 2-е изд. Ц. 15 к. № 3. Вундтъ. Связь философіи съ жизнью за послѣднія 100 л. 2-е издан. Ц. 15 к. № 4. Леметр. Этюды о русскихъ писателяхъ: Достоевскій, Островскій. 2-е изд. Ц. 15 к. № 5. Шенбахъ. Государственный строй С.-Амер. Соедин. Штатовъ. 2-е изд. Ц. 15 к. № 6. Бригеттеръ. Отличительный характеръ французской литературы. Ц. 15 к. № 7. Шарль Раши. Геніальность и комша-

- тельство. Ц. 15 к. № 8. фонъ-Шели. Самоубійство и современная цивилизація. Ц. 15 к. № 9. И. Тэнъ. Шекспиръ. Ц. 15 к. № 10. Рене Думикъ. Литература и вырожденіе. Ц. 15 к. № 11. Луисъ Бретано. Причины экономическаго расстройста въ Европѣ. Ц. 15 коп. № 12. Брандесъ. Звѣрь въ человѣкѣ. Ц. 15 к. № 13. Десли Стефенъ. Этника и борьба за существованіе. Ц. 15 к. № 14. Отто-Генне-амъ-Ринъ. Законъ культуры. Ц. 15 к. № 15. Ф. Штрайслеръ. Происхожденіе семьи. Ц. 15 к. № 16—17. А. Фулье. Психологіа мужчинъ и женщинъ и ея физиологическія основанія. Ц. 25 к. № 18. А. Шонгауеръ о новостяхъ челоѣка. Ц. 15 к. № 19. По Лабанду. Государственный строй германской имперіи. Ц. 15 к. № 20. Густавъ Шенберъ. Новая политическая экономія. Ц. 15 к. № 21. Альфредъ Бивъ. Механизмъ мышленія. Ц. 15 к. № 22. Ф. Паульсенъ. Гамлетъ, какъ трагедія пессимизма. Ц. 15 к. Рюмелинъ. Что такое социальный законъ № 23. Ц. 15 к. Фердинандъ Лагранжъ. Реформа физическаго воспитанія № 24. Цѣна 20 к. Шарля Ферре. Наслѣдственность болѣзненнаго предрасположенія № 25. Ц. 15 к. Миттермайеръ. Судъ присяжныхъ и его значеніе № 26. Ц. 15 к. № 27. Сила и право. Меркеля. № 28. Основы государственной критики. А. Гапфелдта. № 29. Государственный строй Франціи, во Лебону. № 30. Исторія народнаго образованія въ Англіи, Л. Флейшнера. Ц. 15 к. № 31. Нервная система челоѣка. Д-ра П. Мѣбуса. Ц. 15 к. № 32. Эмиль Золя. Георга Брандеса. Ц. 15 к. № 33. Спенсеръ, Г. О нравственномъ воспитаніи. Ц. 20 к. № 34. Фулье, А. Характеръ расъ и будущность бѣлой расы. Ц. 15 к. № 35. Летурно, Ш. Прошедшее и будущее литературы. Ц. 20 к. Гижидцій Г. Основы морали. Одесса, 1895 г. Ц. 60 к.
- Мѣбусъ, д-ръ.** Гигіена, діета и леченіе нервныхъ людей. Сиб., 1894 г. Ц. 75 к.
- Мейеръ.** Основанія теоретической химіи. Сиб., 1894 г. Ц. 2 р.
- Мекенан, Уоллестъ.** Россия. Т. I и II. Сиб., 1880. Ц. 5 р.
- Мензбиръ, М.** Дарвинизмъ въ біологіи и близкыхъ ей наукахъ. М., 1886 г. Ц. 75 к.
- Мессеръ.** Звѣздный атласъ. Изд. 2-е. Сиб., 1891 г. Ц. 5 р.
- Металлодавильное дѣло** (выдавливаніе полныхъ металлическихъ надѣлій) съ 8 табл. М., 1893 г. Ц. 1 р. 35 к.
- Микуличъ, В.** Зарницы. М., 1895 г. Ц. 65 к.
- Миллеръ, В. П.** Акваріумъ. Краткое руководство къ уходу за акваріумомъ и его населеніемъ. Описаніе водныхъ

- растений и рыбокъ. Съ 37 рис. въ текстѣ. Спб., 1894 г. Ц. 75 к.
- Милль, Джонъ-Стюартъ.** Основанія политической экономіи. Вып. IV. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- МИЛЬТОНЪ.** Потерянный и возвращенный рай. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Милюковъ, П. Н.** Государственное хозяйство въ Россіи и реформа Петра Великаго. Спб., 1892 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.
- Михайловъ-Викторовъ.** Собрание анекдотовъ изъ жизни замѣчательныхъ людей Т. 2. Спб., 1888 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Михайловскій, Н. К.** Литература и жизнь. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.
- Критическіе опыты. Иванъ Грозный въ русской литературѣ. Герой безвременья. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Михеевъ, В. М.** Художники. Очерки и рассказы. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Мольеръ,** Собр. соч. въ 3-хъ т. Спб., 1884 г. Ц. 7 р. 50 к.
- Молло, М.** Правила адвокатской профессіи во Франціи. М., 1894 г. Ц. 80 к.
- Момсенъ, О.** Римская исторія. Перев. Невѣдомскаго. Т. I, ц. 6 р. М., 1887 г. Т. V, ц. 3 р. 50 к. М., 1885 г.
- Мопассанъ, Гюи.** Монтъ - Оріоль. Москва, 1894 г. Ц. 70 коп.
- Сочиненія, избранныя Л. Н. Толстымъ. 1 т. М 1893 г. Ц. 1 р. 25 к. Т. 2-й. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- На водѣ, сборникъ рассказовъ. Пер. съ фр. Никифорова, съ предисловіемъ Л. Толстого. М., 1894 г. Ц. 60 к.
- Морлей, Джонъ.** Вольтеръ. Переводъ съ 4-го англ. изд. М., 1889 г. Ц. 2 р.
- Руссо. Перев. съ англ. В. Н. Невѣдомскаго. Ц. 2 р. 50 к. М., 1881 г.
- Дидро и энциклопедисты. Пер. В. Н. Невѣдомскаго. Ц. 2 р. 50 к. М., 1882 г.
- МОРЪ.** Краткая этимологія греческаго языка. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Книга упражненій по греческому языку. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Мороховецъ, Левъ, проф.** Имп. Моск. унив. Физико-химическія основы биологическихъ и врачебныхъ методовъ изслѣдованія съ физиологической техникой для естествоиспытателей, врачей и студентовъ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 30 к.
- Москвичъ.** Путеводитель по Крыму (4 изд.). 1895 г. Ц. въ коленк. пер. 1 р.
- МОСТОВСКІЙ М.** Этнографическіе очерки Россіи. М., 1874 г. Ц. 1 р.
- МОТЛЕЙ, Д. Л.** Исторія Нидерландской революціи. 3 т. Спб., 1865 г. Ц. 7 р. 50 к.
- МУНКЪ, I.** д-ръ мед. Руководство къ кормленію больныхъ, для врачей, студентовъ и завѣдующихъ больницами, пріютами и пр. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 80 к.
- Мусселюсъ, В.** Русско-латинскій словарь. Спб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.
- ***Мюссе, А.** Ночи. Перев. А. Облеухова. М., 1895 г. Ц. 60 к.
- МЯТЛЕВЪ, И. П.** Полное собр. сочиненій. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.
- Полное собраніе сочиненій. Изданіе иллюстрированное. М., 1894 г. Три тома. Ц. 1 р. 20 к.
- МЯСНИЦКІЙ, Ив.** Замоскворѣцкія свѣдѣн. Юмористич. рассказы. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- „На добрую память“ изъ русскихъ писателей. Книга для семейнаго чтенія. М., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к., составл. Никифоровымъ.
- Н. Н.** Снабженіе горячей водой небольшихъ жилыхъ домовъ. Переводъ съ англійскаго ниж. техн. Л. Д. Боровича. М., 1895 г. Ц. 40 к.
- Надсонъ, С. Я.** Литературные очерки (1883—1886 гг.). Спб., 1887 г. Изд. 2-е. Ц. 1 р.
- Наединъ.** Сборникъ переводныхъ повѣстей, рассказовъ и стихотвореній Матильды Серао, Альфонса Дожа, Бьёрнсона - Бьернстера, Генри Лонгфелло, Гюи де-Мопассана, Уйда, Поля Маргеритъ, Франсуа Коппа, Пьера Лотя, Жана Риншена, Поля Бурже. М., 1894 г. Ц. 70 коп.
- Народныя русскія сказки и загадки.** Собранныя сельскими учителями Тульск. губ. въ 1862 и 1863 годахъ. Редакція А. А. Эрленвейна. Изд. 2-е. М., 1892 г. Ц. въ папкѣ 1 р.
- Неверъ, Эмилиа.** Искусство быть красивой. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Немировичъ-Данченко, В. И.** Гроза. Ром. въ 2-хъ ч. Изд. седьмое. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Бѣломорье и Соловки. Изд. 4-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Оелька-рудокопъ. Повѣсть для дѣт. старшаго возраста. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.
- Контрабандисты. Романы. Кіевъ, 1892 г. Ц. 2 р.
- На краю свѣта. Другъ за друга. Изъ жизни на крайнемъ сѣверѣ. Повѣсть для дѣтей. Въ трехъ частяхъ. Москва, 1893 г. Ц. 1 р., въ переплетѣ 1 р. 30 к.
- Большое сердце. Повѣсть. Москва, 1894 г. Ц. 20 коп.
- Немировичъ-Данченко, Влад. Ив.** Старый домъ (Мертвая тлянь). М., 1895 г. Ц. 1 р.
- НЕТЫКСА, М. А.** Краткое руководство кузнечнаго дѣла. М., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Крат. руков. слесарнаго дѣла. М., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Техника черченія (о томъ, какъ въ чѣмъ чертить). Съ 433 подтипаж. въ текстѣ и 4 литогр. табл. М., 1893 г. Ц. 2 р. 75 к.
- Способы воздушнонасыщенія комнат-

- ныхъ акваріумовъ. Съ 37 политипаж. въ текстѣ. М., 1895 г. Ц. 75 к.
- Нефедовъ, Ф. Д.** Сочиненія. Т. I. Ц. 1 р. 50 к. М., 1894 г.
- Томъ II. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Нивалдрный планъ города Москвы, съ указаніемъ раздѣленія города на судебномыя участки и съ описаніемъ ихъ.** М., 1894 г. Ц. 75 к.
- Никитинъ, В. Н.** Обломки разбитаго корабля. Сцены у мировыхъ судей шестидесятихъ годовъ. Слб., 1891 г. Ц. 1 р.
- Николаевъ, П.** Активный прогрессъ и экономическій матеріализмъ. Соціологическій этюдъ. Ц. 1 р. 50 коп. М., 1892 г.
- Николаевъ, Н.** Стихотворенія. М., 1894 г. Ц. 40 к.
- ***Нимейеръ, Павелъ, д-ръ.** Геморрой. Причины болѣзни, способы леченія и предупрежденія ея. Пер. В. Бороздича. Казань, 1895 г. Ц. 50 к.
- Нордау, Максъ.** Врожденіе. Слб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Въ поискахъ за истиной (парадоксы, изд. 3-е. Слб., 1892 г. Ц. 1 р.
- Нотнагель, Г. д-ръ.** Руководство къ фармакологіи, въ 2 частяхъ. Слб., 1895 г. Ц. 4 р.
- Новѣйшая исторія Англій 1865—1895 гг.** Краткій очеркъ событій. Изд. „Международной бібліотеки“. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
- Новѣйшая исторія Германіи 1866—1895 гг.** Краткій очеркъ событій. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
- Нурокъ.** Ключъ къ русскимъ упражн. грам. англійскаго языка. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
- Ньюкомбъ, С., и Энгельманъ,** Р. Астрономія въ общепонятномъ изложеніи. Слб., 1894—1895 гг. Ц. I и III вып. по 1 р. 40 к., подлинная цѣна за все соч. (4 вып.) 5 р. 60 к.
- Нюрнбергъ, А. М.** Городовое положеніе (изд. 2-е). Москва, 1893 г. Ц. 80 к.
- Правила о раздробительной торговлѣ крѣпкими напитками (изд. 2). М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Обзоръ дѣятельности комитета грамотности, состоящаго при Императорскомъ московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства.** М., 1895 г. Ц. 15 к.
- ***Очеркъ исторіи греческой философіи Целлера.** Перев. съ нѣмецкаго М. Некрасова, подъ редакц. М. Каринскаго. Слб., 1886 г. Ц. 2 р.
- Общедоступный лечебникъ домашнихъ животныхъ при участіи Э. К. Брандта со ставленъ Я. Н. Шмулевичемъ (Изд. 2-е).** Слб., 1891 г. Ц. 3 р.
- Объ устройствѣ водяныхъ клапановъ (16 рис. въ текстѣ), изд. „Ремеслен. Газетъ“.** М., 1894 г. Ц. 20 к.
- Овидій, Назонъ.** Избранныя басни изъ „Метаморфозъ“. Изд. 2-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к. Пер. 8-й, 11-й, 12-й и 15-й книги „Метаморфозъ“.
- Переводъ 1-й и 2-й книги съ прилож. біографіи автора. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.
- Пер. 6-й, 7-й и 13-й книги. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
- Переводъ 3-й, 10-й, 14-й книги. Кіевъ, 1894 г. Ц. 40 к.
- Огородниковъ, П.** Въ странѣ свободны. Библіотека современныхъ писателей. Въ 2-хъ т. Слб., 1892 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Оже, Люсьенъ.** Семь чудесъ свѣта. Путешествіе къ семи чудесамъ свѣта съ научною цѣлью. Слб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Ольденбергъ, Германъ.** Будда, его жизнь, ученіе и община. Перев. П. Николаева. Ц. 2 р. М., 1891 г.
- Оржешко, Элиза.** Диварка. Повѣсть. Пер. съ польскаго. М., 1894 г. Ц. 75 к.
- Орловъ, К. В., д-ръ мед.** Основныя діагностики искусственныхъ и притворныхъ болѣзней у привываемыхъ къ военной службѣ солдатъ. Изд. 2 исправленное и дополненное. Слб., 1894 г. Ц. 2 руб.
- Орловъ, Я.** Женщина въ правѣ. Слб., 1895 г. Ц. 1 р. 60 к.
- О свободѣ воли.** Рефераты и статьи членовъ психологическаго общества. М., 1889 г. Ц. 2 р.
- Освальдъ, Фридрихъ.** Лагавая собака. Руководство къ уходу за лагавою собакой. Ея воспитаніе, содержаніе и дрессировка безъ побоевъ. Лечебникъ собакъ. Слб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Острогорскій, Викторъ.** Письма объ эстетическомъ воспитаніи. 1894 г. Ц. 40 к.
- Выразительное чтеніе. Пособіе для учащихся и учащихся. Изд. 3-е. М., 1894 г. Ц. 50 к.
- Изъ міра великихъ преданій. Рассказы для юношества. Изд. 5-е. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Этюды о русскихъ писателяхъ. IV. Художникъ русской гнѣси А. В. Кольцовъ. Москва, 1893 г. Ц. 50 к.
- Родные поэты. Для чтенія въ классѣ и дома. Изд. 2-е. Москва, 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Хорошіе люди. Сборникъ рассказ. съ 45 рисун. (изд. 2-е). Слб., 1891 г. Ц. 1 р., въ роскош. перепл.—1 р. 60 к.
- Изъ исторіи моего учительства. Какъ я сдѣлался учителемъ. Слб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- ***Образовательныя игры, учебныя пособія и полезныя занятія для дѣтей въ дешевыхъ изданіяхъ Вл. А. Попова:** 1) „Подвижныя животныя“. (Для вырѣзыванія, склеиванія и разстановки; игра-пособіе для ознакомленія дѣтей съ царствомъ животныхъ). Два выпуска. Ц. каждому выпуску, заключающему въ себѣ по 4 таблицы съ 11-ю экз. животныхъ, 45

- коп.—2) „Рисование по трафаретам“: Цѣты (шесть картонныхъ шаблоновъ различныхъ дѣтвыхъ). Животныя (шесть карт. табл. различн. животныхъ). Ц. каждому конверту 35 коп.—3) „Складная карта Европейской Россіи“ (Пособіе при изученіи географіи и для самообразованія). Ц. 60 коп.—4) „Тѣньные портреты русскихъ писателей“ (Для вырѣзванія и отраженія на стѣнѣ). Ц. 40 коп.—5) Складныя картинки, служащія иллюстраціями къ произведеніямъ русскихъ писателей, съ приложеніемъ краткихъ біографій писателей, портретовъ ихъ и самихъ произведеній: а) „Цыгане“, А. С. Пушкина; б) „Маза и зайцы“, Н. А. Некрасова; в) „Дѣдушка“, И. С. Никитина. Ц. каждой картинкѣ 45 коп.—6) „Ручныя тѣни“ (Любимая дѣтская забава). Ц. 15 коп.—7) „Затруднительное путешествіе“ (Игра-задача). Ц. 15 к.—8) „Лихіе наѣзники“ (Шутка-задача). Ц. 10 к.—9) „Замысловатый квадрат“ (Головоломка, развивающая дѣтскую сообразительность, съ предисловіемъ и чертежомъ). Ц. 25 коп.—10) „Мудреный кругъ“ (Тоже). Ц. 25 коп.—11) „Русская подвижная азбука для школъ“ (Крупныя буквы, знаки препинанія и цифры, въ коробкѣ). Цѣн. 85 коп.—12) „Русская подвижная азбука“ (Буквы и цифры, въ коробкѣ). Ц. 15 коп.—13) „Русская азбука на кубикахъ“ (6 алфавитовъ на 35 кубикахъ, въ красивой коробкѣ). Ц. 50 коп.
- П., Г. Стихотворенія.** М., 1894 г. Ц. 35 к.
- Павленковъ, Ф.** „Жизнь замѣчательныхъ людей“ (Биографическая бібліотека). Аввакумъ, Андерсенъ, Аристотель, Бальзакъ, Бахъ, Байронъ, Бентамъ, и Беккариа, Берне, Беконъ, Бѣлинскій, Карлъ Вэръ, Беранже, Бетховенъ, Богданъ Хмельницкій, Боккаччо, Бомарше, Боткинъ, Джордано Бруно, Рихардъ Вагнеръ, Леонардо-да-Винчи, Волковъ, Вольтеръ, Воронцовъ, Галилей, Гарвей, Гарибальди, Гарринъ, Гегель, Гейне, Гёте, Гладстонъ, Глинка, Говардъ, Гоголь, Гракки, Грибоѣдовъ, Григорій VII, А. Гумбольдъ, Гусъ, Гутенбергъ, Гюго, Дагерръ и Нипссъ, Даламберъ, Дантъ, Дарвинъ, Даргомыжскій, Дашкова, Демидовы, Державинъ, Дефо, Дженнеръ, Диккенсъ, Добролюбовъ, Достоевскій, Жоржъ-Зандъ, Жуковскій, Ивановъ (худож.), Іоаннъ Гроувнъ, Кальвинъ, Канкринъ, Каутъ, Каетанеръ, Каразинъ, Карамзинъ, Карлейль, Кеплеръ, Кетле, Ковалевская, Колумбъ, Кольцовъ, Конфуцій, Кондорсэ, Коутъ, Коперникъ, баронъ Корфъ, Крамской, Кромвель, Крыловъ, Кювье, Лавуазье, Лаласэ, Лейбницъ, Лермонтовъ, Лессепсъ, Лессингъ, Ливингстонъ, Линкольнъ, Линней, Лобачевскій, Лойола, Локкъ, Ломоносовъ, Лейбелль, Маколей, Мейерберъ, Микель-Анджело, Милль, Милтонъ, Мирабо, Мицкевичъ, Мольтеръ, Монтескье, Томасъ Моръ, Моцартъ, Никитинъ, Никонъ, Новиковъ, Ньютонъ, Робертъ Оуэнъ, Паскаль, Песталоцци, Перовъ, Пироговъ, Писемскій, Потемкинъ, Пржевальскій, Прудонъ, Пушкинъ, Рабле, Рафаэль, Рембрандтъ, Ринелле, Ротшильдъ, Руссо, Савіа-Муни, Салтыковъ, Савонарола, Свифтъ, Сенковский, Сервантесъ, Скобелевъ, Вальтеръ-Скоттъ, Адамъ-Смитъ, С. Соловьевъ, Сперанскій, Стефенсонъ и Фультоу, Струве, Стокинъ, Стровъ, Теккерей, Толстой, Торивема, да, Тургеневъ, Уаттъ, Ушинскій, Фарадей, Фенингъ, Франклинъ, Цвигли-Шевченко, Шиллеръ, Шопенгауэръ, Шопенъ, Шуманъ, Щепкина, Эдисонъ и Морзе, Джоржъ Элиотъ, Юмъ, Фодотовъ
- Пальчикова.** Двѣ сказки для дѣтей. Спб., 1898 г. Ц. 50 коп.
- Парксъ, Геиррихъ.** 50 лѣтъ общественной дѣятельности въ Австраліи, въ 2 ч., съ 2 портр. автора, пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 3 р. М., 1894 г.
- Паульсенъ, Фр.** Введеніе въ философію. Пер. Н. Титовскаго, подъ ред. В. Преображенскаго. Изд. редакціи журнала „Вопросы Философіи и Психологіи“. М., 1894 г. Ц. 3 р.
- Паульсонъ.** Стенографія. Спб., 1892 г. Ц. за 2 части 1 р.
- Руководство для лицъ, ухаживающихъ за больными. Спб., 1893 г. Ц. 60 к.
- Пель.** Фальсификаціи и мѣры борьбы съ ними. Спб., 1889 г. Ц. 60 к.
- Пашкевичъ, В.** Культура дѣкрственныхъ растений. Спб., 1894 г. Ц. 80 к.
- Педаевъ, Д.** Атмосферное электричество. Очеркъ. Харьк., 1895 г. Ц. 60 к.
- Пекаторскъ, Г. М.** Человѣческія расы. Народы Африки № 1. Сериа II. Одесса, 1895 г. Ц. 25 к.
- Пелисье, Ж.** Французская литература XIX вѣка. М., 1896 г. Ц. 1 р.
- Литературное движеніе въ XIX столѣтіи. Сочиненіе, увѣнчанное французской академіей. М., 1895 г. Ц. 2 р.
- Пеллико, Сильвіо.** Мои темницы. Съ рисунками. Переводъ Гариня. М., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Пергаментъ, О.** Краткій историческій очеркъ развитія ученія объ электричествѣ. Киевъ, 1890 г. Ц. 60 к.
- Персональный.** Учебникъ зоологіи. М., 1893 г. Ц. 85 к.
- Песоцкій, Н. А.** Древесная шерсть, ея употребленіе и производство (съ чертежами на отдѣльныхъ листахъ). М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Систематическое обученіе практическимъ приемамъ столярнаго ремесла въ 2-хъ частяхъ. Съ отдѣльнымъ атласомъ чертежей. Спб., 1890 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

- ***Петерсонъ, О.** Семейство Бронте (Керреръ, Элизъ и Актоуъ Белли). Спб., 1895 г. Ц. 1 р. Въ пользу общ. вспоможенія кончив. воспитаніе женск. курсы.
- Петровъ, А. Н.** Русская военная сила. Т. I и II. Изд. 2-е. М. 1892 г. Ц. за оба тома 6 р.
- Петрова, проф., съ продолженіемъ проф. Надлеръ.** Лекція по всемірной исторіи. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р.
- Петуниниковъ, А.** Иллюстрированное руководство къ опредѣленію растеній. М., 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Пешель, Оскаръ.** Исторія эпохи открытій. Пер. Э. Циммермана. Ц. 3 р. М., 1885 г.
- Писаревъ, Д. И.** Пол. собр. соч., въ 6 т. Спб., 1894 г. Ц. 6 р.
- Платонъ.** Аполонія Сократа. Подстрочн. пер. Изд. 3-е. Киевъ, 1892 г. Ц. 50 к. — Критонъ. Изд. 2-е. Киевъ, 1890 г. Ц. 35 коп.
- Плутархъ.** Александръ Великій. М., 1893 г. Ц. 30 к.
— Юлій Цезарь. М., 1890 г. Ц. 25 к.
— Жизнь и дѣла знаменитыхъ людей древности. Въ 4-хъ т. М., 1893 г. Ц. за всё тома 3 р. 50 коп.
- Покровский, К.** Путеводитель по небу. М., 1894 г. Ц. 2 р.
- Покровский, Е. А.** Дѣтскія игры и гимнастика въ отношеніи воспитанія и здоровья. Ц. 20 к.
— Площадки для дѣтскихъ игръ и физическихъ упражненій. М., 1894 г. Ц. 20 к.
— Русскія дѣтскія подвижныя игры. М., 1892 г. Ц. 75 к.
— Первоначальное физическое воспитаніе дѣтей (Популярное руководство для матерей). М., 1895 г. Ц. 1 руб. 50 коп. (изд. 2-е).
- Покорни, Д-ръ.** Общее земледѣніе. Ч. 3-я (последняя). М., 1891 г. Ц. 2 р.
- Политикость.** Европейскіе монархи. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.
- Полонскій, Я. П.** На закатѣ. Стихотворенія. М., 1881 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Поповъ.** Курсъ общаго скотоводства. Казань, 1894 г. Ц. 2 р.
- Порошинъ, Ив.** Разсказы. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Потапенко, И. Н.** Повѣсти. 8 т. Спб., 1893 г. Ц. каждого т. 1 р.
- *— Не герой. Романъ въ 2-хъ частяхъ. М., 1896 г. Ц. 1 р.
*— Одины. Ром. М., 1896 г. Ц. 2 р.
- Починъ.** Сборникъ общества любителей русской словесности на 1895 годъ. М., 1895 г. Ц. 2 р.
- Прейеръ, В.** О сохраненіи здоровья и продолженіи жизни. Одесса, 1895 г. Ц. 50 к.
- Прессъ.** Руководство къ борьбѣ съ огнемъ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 75 к.
— Защита жизни и здоровья рабочихъ. Вып. I и II. Спб., 1891 г. Ц. по 2 р.
- Искусственное высушиваніе дерева, съ 25 рис. 2 исправл. и дополн. изд. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.
- Прѣльсъ, Р.** Эстетика. Подъ редакціей и съ дополнительною статьею В. В. Чуйко. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Приготовленіе протравъ для дерева и поддѣлка простыхъ породъ дерева.** Изд. „Ремеслен. Газеты“, 2-е дополнен. М., 1892 г. Ц. 40 к.
- Программы домашнего чтенія на 1894—1895 г.** Коммиссія по организаціи домашнего чтенія. М., 1894 г. Ц. 25 к.
- Проблески.** Сборникъ произведеній русскихъ авторовъ. Москва, 1895 г. Ц. 1 р.
- Пругавинъ, А. С.** Запросы народа и обязанности интеллигенціи въ области просвѣщенія и воспитанія. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
- Прудонъ, П.** Искусство, его основанія и общественное назначеніе. Спб., 1866 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Птицынъ, Влади́миръ.** Древніе адвокаты и наши присяжные пидерони. Спб., 1894 г. Ц. 50 к.
— Адвокатъ за адвокатуру. Спб., 1895 г. Ц. 30 к.
— Пересмотръ нашихъ судебныхъ законовъ. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.
- Путешествія В. В. Юнкера по Африкѣ.** Изложен. Петри, съ 114 рисунками. Спб., 1893 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Пушкинъ, А. С.** Пол. собр. сочиненій. Спб., 2 изд. Ц. 1 р. 50 к.
- Рабовъ, С., проф.** Способы прописыванія кварцевенныхъ веществъ для врачей и студентовъ. Харьковъ, 1894 г. Цѣна въ клеенкѣ 1 р. 40 к.
- Радца-Вай (Е. П. Блаватская).** Изъ пещеры и дѣбрь Индіи. Загадочныя племена на „Голубыхъ горахъ“. Спб., 1833 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Радловъ, Э. Л.** „Объ истолкованіи“ Аристотеля. Спб., 1891 г. Ц. 50 к.
- Раевскій, М. Н.** Плодовая школа и плодовой садъ (изд. 4-е). Спб., 1892 г. Ц. 1 р.
- Райтъ, Л.** Практическое птицеводство. М., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Жизнь первобытныхъ народовъ. Эскимосы и алеуты. М., 1888 г. Ц. 15 к.
- Регель.** Содержаніе и воспитаніе растеній въ комнатахъ. Изд. 2-е. Спб., 1890 г. Ц. 5 р. 50 к.
— Однолѣтнія и двулѣтнія цвѣтущія растенія. Изд. 3-е. Спб., 1885 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Рейтцъ, В.** Лекція по патологіи и терапіи дѣтскаго возраста. Спб., 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Рейхъ.** Оптическая гигиена глазъ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р.
- Рекламъ, Карлъ.** Ключъ къ здоровью. Популярная гигиена. Киевъ, 1893 г. Ц. 60 к.

- Реклю, Э.** Современные политическіе дѣтели. Спб., 1876 г. Ц. 2 р.
- *— Земля. Въ VI выпускахъ. Вып. I—ц. 90 к. Вып. II—ц. 1 р. 30 к. Вып. III—ц. 1 р. 10 к. Вып. IV—ц. 1 р. 10 к. Вып. V—ц. 1 р. Вып. VI—ц. 1 р. 30 к.
- Рембольдтъ, д-ръ.** Школьная гигиена. Пер. съ нѣмецкаго д-ра И. М. Рахманнова. М., 1890 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Ренанъ, Эрнестъ.** Разореніе Іерусалима. М., 1886 г. Ц. 50 к
- Историческіе и религіозные этюды. Изд. 8. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Репентура.** Составлена для студеентовъ-медиковъ. Кіевъ. Ц. 50 к.
- Рибо, Т.** Современная англійская психологія. Похъ ред. П. Д. Боборыкина. М., 1881 г. Ц. 2 р.
- Память въ ея нормальномъ и болѣзненномъ состояніяхъ. Спб., 1894 г. Ц. 80 к.
- Воля въ ея нормальномъ и болѣзненномъ состояніяхъ. Перев. съ 8 доп. франц. изд. Спб., 1894 г. Ц. 80 к.
- *— Исслѣдованіе аффективной памяти. Пер. съ француск. Максимовой. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.
- Рикардо, Давидъ.** Начала политической экономіи. Вып. II. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Риль, А.** Теорія науки и метафизика съ точки зрѣнія философскаго критицизма. Пер. Е. Корша. Ц. 2 р. М., 1888 г.
- Рихтеръ, Е.** Элементарная геометрія въ объемѣ курса среднихъ учебныхъ заведеній. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 40 к.
- Ричардсонъ, Чарльзъ.** О выборѣ книгъ. М., 1889 г. Ц. 50 к.
- Рише, Шарль.** Черезъ сто лѣтъ. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.
- Розенбахъ.** Современный мистицизмъ. Спб., 1891 г. Ц. 60 к.
- Розенбергъ-Липинскій.** Практическое земледѣліе (изд. 5). Спб., 1893 г. Ц. 3 р.
- Романовъ, С. И.** Словарь ружейной охоты. М., 1877 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Ромашкевичъ, П. А.** Полный русскій орографическій словарь. Составленъ по „русскому правописанію“ академика Як. Грота. Изд. третье исправл., Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Рони, Ж.** До потолка. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.
- Ростовская, М. Э.** Звѣздочки. Повѣсти и рассказы для дѣтей. Съ раскрашенными рисун. Изд. третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Жучка. Рассказъ для дѣтей. Съ литографированными рисун. Изд. третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Четыре времени года. Рассказы изъ деревенскаго быта. Съ рисун. Изданіе третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Сельцо Лебяжье. Повѣсть для дѣтей. Съ хромолитографированными рисун.
- Изд. третье, исправлен. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Пони. Приключенія эмскаго осла. Повѣсть для дѣтей съ хромолитографированными рисунками. Изд. третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Рохау, А. Л.** Исторія Франціи. Ч. I и II. Спб., 1866 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Рубакинъ, Н. А.** Этюды о русской читающей публикѣ. Факты, цифры и наблюденія. Спб., 1895 г. Цѣна 1 руб. 50 к.
- Рудакій, Ал.** Лѣсная таксація. Пособіе для лѣсныхъ и лѣсопромышленниковъ. (Изд. 2). Спб., 1890 г. Ц. 3 р.
- Руководство для метеорологическихъ наблюденій.** Изд. харьковскаго календаря. Харьковъ, 1894 г. Ц. 80 к.
- Руссо, Жанъ-Жакъ.** Юлія или Новая Элоиза. М., 1829 г. Ц. 2 р.
- Русскій сельскій календарь.** Годъ II. М., 1895 г. Ц. 20 к.
- *Русская бібліотека. № 6. Южиковъ, С. Любовь и счастье въ произведеніяхъ А. С. Пушкина. Ц. 20 к. № 7. Карѣвъ, Н., проф. Что такое общее образованіе? Ц. 20 к.
- Рѣшетниковъ, Э. М.** Собраніе сочиненій, въ 2-хъ т. Спб., 1890 г. Ц. въ 2 т. 2 р. 50 к.
- Рябининъ.** Элеваторы и наше увлеченіе ими. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.
- Саади-Ширази.** Гюлистанъ, „Цвѣтникъ розъ“. Пер. съ персидск. подлин. И. Холмогорова. Ц. 1 р. М., 1882 г.
- Сабатье, П.** Жизнь Франциска Ассизскаго. Перев. съ франц. М., 1895 г. Ц. 90 к.
- Салтыковъ (Щедринъ).** Полное собр. соч. 12 т. (Изд. 3-е). Ц. 18 р., а за каждый томъ отдѣльно по 1 р. 75 к. Спб., 1894 г.
- Саловъ, И.** Уютный уголокъ. М., 1894 г. Ц. 80 к.
- Сюета мірская. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Съ натурн. Очерки и рассказы. М., Ц. 1 р.
- Саллюстій Криспъ.** Пособіе къ изученію и чтенію „Заговора Катилины“. Сост. Логвиновъ. Кіевъ, 1886 г. Ц. 60 к.
- Сборникъ рисунковъ товарныхъ издѣлій.** М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Сборникъ рисунковъ мебели и столярныхъ издѣлій.** М. Ц. 2 р.
- Сборникъ общества любителей російской словесности на 1891 г.** М., 1891 г. Ц. 4 руб.
- Свифтъ, Джонатанъ.** Путешествія Лемъюза Гулливера. Ч. I и II. М., 1889 г. Ц. за обѣ части 4 р. 40 к.
- Свѣтухинъ, М. И.** Къ діагностикѣ болѣзней сердца. Харьковъ, 1895 г. Ц. 1 р.
- Святловскій, В. В.** Фабричная гигиена (163 рис.). Спб., 1891 г. Ц. 4 р.

- Севедъ, Риббингъ.** Половая гигиена в ея нравственных послѣдствіяхъ. Одесса, 1893 г. Ц. 1 р.
- Бракъ. Совѣты и предостереженія врача. Одесса, 1894 г. Ц. 30 к.
- Сѣлли, Джемсъ.** Геніальность и помѣшательство. Спб., 1895 г. Ц. 15 к.
- Семеновъ, С. Т.** Крестьянскіе рассказы, съ предисловіемъ Л. Н. Толстого. М., 1894 г. Ц. 60 к.
- Серас, Матильда.** Прощай, любовь! Романъ. М., 1895 г. Ц. 60 к.
- Сервантесъ.** Славный рыцарь Донъ-Кихотъ Лиманчкій. Т. I. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- ***Серебренниковъ, В.** Ученіе Локка о прирожденныхъ началахъ знанія и дѣятельности. Спб., 1892 г. Ц. 2 р. 25 к.
- Сигеле.** Преступная толпа (опытъ коллективной психологіи). Спб., 1893 года. Ц. 80 к.
- Сикорскій.** Занканіе. Спб., 1889 г. Ц. 3 р.
- Симсонъ, Э.** О невидачѣ собственныхъ поданныхъ. Спб., 1892 г. Ц. 4 р.
- Сиповскій, В. Д.** Сократъ и его время. Историческій очеркъ. П. Короленко, В. Г. Тѣни. (Фантазія). М., 1894 г. Ц. 85 коп.
- Скабичевскій, А. М.** Исторія новѣйшей русской литературы. 1848—1892 гг. 2-е изд. Спб., 1893 г. Ц. 2 р.
- Очерки исторіи русской цензуры (1700—1863 г.). Спб., 1892 г. Ц. 2 р.
- Сочиненія: критическіе этюды, публицистическіе очерки, литературныя характеристики (въ 2-хъ томахъ). Спб. 1895 г. Ц. 3 р. Изданіе 2-ое.
- Скворцовъ.** Гигиена. Спб., 1881 г.
- Скворцовъ, Ир. П., проф.** Основные вопросы лечебной гигиены. Отдѣлъ первый. Леченіе климатическое. Харьковъ, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Складная карта Европейской Россіи.** (Пособіе при изученіи географіи и для самообразованія.) Изданіе Вл. А. Попова. Ц. 60 к.
- Сковорода, Г. С.** Сочиненія собранныя и редактированныя проф. Д. И. Багалъевымъ. Харьк., 1894 г. Ц. 4 р.
- Сковронская, Марія.** Изъ жизни и фантазіи. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Скоровъ, А.** Сборникъ узаконеній и распоряженій правительства о крестьянствѣ. Т. I (изд. 3-е). Уфа, 1891 г. Ц. 5 р. Т. II. М., 1893 г. (изд. 2-е). Ц. 4 р.
- Уставъ горный. Т. I (изд. 3-е). М., 1895 г. Ц. 4 р. Т. II. Уставъ о частной золотопромышленности. М., 1893 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Уставъ лечебныхъ заведеній вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ. М., 1894 г. Ц. 70 к.
- Скоровъ.** Русскіе судебные ораторы въ важнѣйшихъ уголовныхъ процессахъ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Скоровъ, А., и Богдановъ.** Руководство для волостныхъ старшинъ, сельскихъ старостъ и сборщиковъ податей. М., 1895 г. Ц. 60 к.
- Формы приговоровъ сельскихъ и волостныхъ сходовъ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 60 коп.
- Скоровъ и Полянскій.** Сводъ уставовъ о службѣ гражданской. Т. I. Уставъ о службѣ по опредѣленію отъ правительства. М., 1895 г. 2 тома. Цѣна за оба тома 4 руб.
- Сказки русскихъ писателей для дѣтей.** Изд. 8-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.
- Сказки русского народа.** 7 в. М., 1894 г. Ц. кажд. выпуска 25 к.
- Сказка про лису да про волка.** М., 1892 г. Ц. 25 к.
- Слезкиноскій, А.** Бунтъ военныхъ поселенъ въ холеру 1831 г. Новг., 1894 г. Ц. 1 р.
- Словарь юридической терминологіи къ источникамъ римскаго права.** Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.
- Смайльсъ, Самуэль.** Путешествіе мальчика вокругъ свѣта. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Характеръ. Воспитаніе и образованіе. Изд. шестое. Спб., 1889 г. Ц. 90 к.
- Саморазвитіе, умственное, нравственное и практическое. Съ дополнительною статьей „Русскіе дѣятели“. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Умъ и энергія. Характеристики изъ жизни великихъ людей. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Долгъ (Нравственныя обязанности человека). Изд. второе, исправлен. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Смирновъ, А.** Живыя картинки сборникъ рассказовъ съ 50 рис. Спб., 1885 года. Ц. 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р.
- Москва—Самаркандъ. (Путевыя впечатлѣнія. М., 1895 г. Ц. 40 к.
- Снегиревъ.** Судебныя драмы. А. Бартеневъ. Убіеніе Висковской. Г. Шамбиль. Убіеніе Гриль. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Соболевскій, А. И.** Фолетка церковно-славянскаго языка. М., 1891 г. Ц. 1 р.
- Лекціи по исторіи русскаго языка. Спб., 1891 г. Изд. 2-е. Ц. 2 р.
- Соболевскій, Н. И.** Собраніе алгебраическихъ задачъ. М., 1892 г. Ц. 40 к.
- Соважю, Давидъ.** Реализмъ и натурализмъ въ литературѣ и искусствѣ. Пер. А. Серебряковой. М., 1891 г. Ц. 2 р.
- Совѣтовъ.** Итальянско-русскій словарь. М., 1894 г. Ц. 2 р.
- Соколовъ, В. Д.** Прошлое и настоящее земли. М., 1890 г. Ц. 50 к.
- Москва—Самаркандъ. (Путевыя впечатлѣнія). М., 1894 г. Ц. 40 к.
- Соннѣ.** Геометрія теоретическая и практическая. М., 1878 г. Ц. 4 р.

- Софокль.** Эдипъ въ Колодѣ. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
 — Эдипъ-царь. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
 — Филоклетъ. Кіевъ, 1888 г. Ц. 60 к.
 — Электра. Кіевъ, 1888 г. Ц. 40 к.
- Спенсеръ, Гербертъ.** Начала социологии (обрядовыя учрежденія). Кіевъ, 1880 г. Ц. 1 р. 50 к.
 — Основныя начала. Пер. Алексѣева. Кіевъ, 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Сперанскій, Сергѣй.** Нѣкоторыя изъ учрежденій общественнаго благоустройства въ Западной Европѣ. Отчетъ по заграничной командировкѣ оставленнаго при Императорскомъ московскомъ университетѣ для приготовления къ профессорскому званію по кафедрѣ полицейскаго права. М., 1895 г. Ц. 75 к.
- Спиноза, Бенедиктъ.** Этика, съ приложеніемъ портрета. М., 1892 г. Ц. 2 р.
 — Трактатъ объ усовершенствованіи разума. Одесса, 1893 г. Ц. 75 к.
- Справочная книга для ремесленниковъ.** М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Ставровскій, Д.** Жизнь и солнце. Х., 1892 г. Ц. 1 р.
- Станюковичъ.** Безшабашный. (Изъ современныхъ нравовъ). Разсказъ. Москва, 1894 г. Ц. 20 к.
- Станюковичъ, К. М.** Откровенныя. Романъ въ двухъ частяхъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Степовичъ, А.** Очерки изъ исторіи славянскихъ литературъ. Кіевъ, 1893 г. Ц. 75 к.
- Стенинъ, П. А.** Востокъ. Историко-географическое и этнографическое обзоріе левантскаго міра. Спб., 1893 г. Ц. въ роскошномъ переплетѣ 6 р., съ 200 рисунками.
- Стэнли, Г.** Какъ я отыскалъ Ливингстона. Спб., 1874 г. Ц. 3 р.
- Стернь, А. В.** Бракъ по любви. Повѣсть. Москва, 1893 г. Ц. 50 коп.
 — Очнулась. (Изъ дневника Натальи Сергѣевны). Повѣсть. Москва, 1893 г. Ц. 30 коп.
- Стокгэмъ, Алиса В., д-ръ медицины.** Токология или наука о дѣторожденіи. Гигіена беременныхъ и новорожденныхъ. Изд. 2-е, съ предисл. гр. Л. Н. Толстого. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Стопповская, Анна.** Очеркъ исторіи культуры китайскаго народа. Ц. 3 р. М., 1891 г.
- Стороженко, Н. И., проф.** Позвія мировой скорби. Одесса, 1895 г. Ц. 15 к.
- Страбонъ.** Географія (въ 17 кн. въ 1 томѣ). Пер. съ греч. Ф. Г. Мищенко. Ц. 10 р. М., 1874 г.
- Страховъ, Н.** Міръ какъ дѣло, черты изъ науки о природѣ. Изданіе 2-е. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.
- Строковскій, В.** Токарное и слесарное ремесла. М., 1893 г. Ц. 1 р. 80 к.
- Струве, П.** Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- *Струве, Генрихъ.** Введеніе въ философію. Варшава, 1890 г. Ц. 3 р.
- Судебныя драмы.** Жанъ Делаа-лонжъ. Ц. 30 к.
 — Грѣхъ Кетоло. Поэтическое сумашествіе. Ц. 30 к.
 — Убійство Маріи Аниза и ея дѣтей. Ц. 20 коп.
 — Убійство Бефани. Ц. 40 к.
 — Шайка Лемара. Ц. 30 к.
 — Сборникъ процессовъ всѣхъ странъ. Ц. 30 к.
 — Дуэль Пушкина. Ц. 40 к.
- *— Ольга Палемъ (Убійство студента Довнара).** М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Сундквистъ, Оскаръ, и Марія Лазарева.** Учебникъ новой практической и первой научной методы кройки дамскаго, дѣтскаго и верхняго платья всѣхъ фасоновъ. М., 1892 г. Ц. съ атласомъ 3 р.
- Суриковъ, И. З.** Стихотворенія. М., 1884 г. Ц. 2 р.
- *Сървовъ, А. Н.** Критическія статьи. Т. I, II, III, IV. Спб., 1892—1895 гг. Ц. за всѣ 4 т. 6 р.
- Сюзевъ, А.** Луженіе, цинкованіе и оцинкованіе. М., 1894 г. Ц. 60 к.
- Тайный порокъ.** Выпускъ I и II. М., 1895 г. Ц. 20 к. и 15 коп.
- Талдыкинъ, М.** Объяснительный текстъ къ атласу чертежей слесарно-токарныхъ работъ, составленному применительно къ программамъ ремесленныхъ училищъ. М., 1892 г. Ц. атласа съ текстомъ 6 р.
- Тардъ, Ж.** Законы подражанія. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Тардъ, Г.** Сущность искусства. Спб., 1895 г. Ц. 30 к.
- Таренецкій, А., проф.** Каедръ и музей нормальнаго анатоміи при императорской военно-медицинской (бывшей медико-хирургич. академіи) въ Петербургѣ, за сто лѣтъ. Историческій очеркъ. Съ 11 рис. въ текстѣ и съ 4 планами. Спб., 1895 г. Ц. 3 р.
- Терешкевичъ.** Дядя Чернышъ. М., 1891 г. Ц. 60 к.
- Тикноръ.** Исторія испанской литературы. Пер. Н. И. Стороженко. Т. I. Ц. 3 р. М. 83 г. Т. II. Ц. 3 р. М., 1886 г. Т. III. Ц. 3 р. 50 к. М., 1891 г.
- Тимирязевъ, К.** Чарльзъ Дарвинъ и его ученіе. Москва, 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
 — Земледѣіе и физиологія растений. Ч. I. Борьба растений съ засухой. М., 1893 г. Ц. 50 к. Ч. II. Происхожденіе азота растений. М., 1893 г. Ц. 50 к.
- Тиндаль, Джонъ.** Теплота, рассматриваемая какъ родъ движенія. Изд. 2-е. М., 1888 г. Ц. 3 р. 75 к.

- Тихомировъ, Д. И.** Опять плана и конспекта элементарныхъ занятій. Методическое пособие для преподавателя элементарной школы. Изд. 8-е. М., 1889 г. Ц. 55 к.
- Алфавитъ правописанія. Ч. I. Сборникъ для дѣтскихъ примѣровъ и статей на главнѣйшіе случаи употребленія буквъ, съ приложеніемъ краткаго орфографическаго указателя. Семнадцатое изданіе. Ц. 40 к. Ч. II. Сборникъ для дѣтскихъ примѣровъ и статей на главнѣйшіе случаи употребленія знаменъ препинанія. Девятое изданіе. Ц. 40 к. М., 1892 г.
- Книга для церковно-славянскаго чтенія. Руководство для преподавателей начальныхъ училищъ. Изд. 3-е. М., 1892 г. Ц. 1 р.
- Алфавитъ церковно-славянская для первоначальныхъ упражненій въ церковно-славянскомъ чтеніи. Изд. 6-е. М., 1892 г. Ц. 6 к.
- Какъ жить по слову Божию? Русскій сборникъ статей и изреченій, содержащихъ въ себѣ нравственное ученіе изъ книгъ Ветхаго и Новаго Завета. М., 1892 г. Ц. 5 к.
- Школа грамотности. Книга для первоначальнаго обученія русскому и церковно-славянскому чтенію, письму и арифметикѣ. Изд. 2-е. Москва, 1893 г. Ц. 30 к.
- Какъ учить читать, писать и считать на первой ступени обученія. Общедоступное руководство для учащихся по букварю. Изд. 12-е. М., 1893 г. Ц. 40 к.
- Изъ исторіи родной земли. Очерки и рассказы для школъ и народа. Ч. I. Древняя Россія. Ц. 50 к. Ч. II. Новая Россія. Ц. 40 к. М., 1893 г.
- Чему и какъ учить на урокахъ родного языка въ начальной школѣ. Методика обученія грамотѣ, объяснительному чтенію, толковому изложенію мыслей, грамматикѣ, правописанію и церковно-славянскому чтенію. Руководство для учителей подготовительной и народной школы. Изд. 3-е. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Книга для церковно-славянскаго чтенія. Ч. I. Руководство для учениковъ начальныхъ училищъ. Изд. 8-е. Ц. 30 к. Ч. II. Руководство для учениковъ двухклассныхъ и городскихъ училищъ. Изд. 3-е. Ц. 20 к. М., 1894 г.
- Элементарный курсъ грамматики для городскихъ и двухклассныхъ училищъ. Изд. 45-е. М., 1894 г. Ц. 20 к.
- Начатки грамматики. Руководство для начальныхъ сельскихъ училищъ и другихъ элементарныхъ школъ. Изд. 8-е. М., 1894 г. Ц. 15 к.
- Тихомировъ, Д., и Зенгбушъ, И.** Начатки географіи. Руководство для народныхъ училищъ и другихъ элементарныхъ школъ. Изд. 5-е. М., 1894 г. Ц. 30 к.

- Тихомировъ, Д., и Тихомирова, Е.** Букварь для совмѣстнаго обученія письму, русскому и церковно-славянскому чтенію и счету. Для народныхъ школъ. Изд. 60-е. М., 1894 г. Ц. 20 к.
- Тодгентеръ, И.** Алгебра (съ обширными собраніемъ примѣровъ). Слб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Токарскій, А. А.**, приватъ-доцентъ императорскаго московскаго университета. Психическія эндемія. Рѣчь, произнесенная на четвертомъ годичномъ засѣданіи общества невропатологовъ и психіатровъ, состояшаго при императорскомъ московскомъ университетѣ, — 24 октября 1893 г. М., 1893 г. Ц. 25 к.
- Происхожденіе и развитіе нравственныхъ чувствъ. Рѣчь произнесенная на пятомъ годичномъ засѣданіи 24 окт. 1894 г. М., 1895 г. Ц. 25 к.
- Гипнотизмъ въ педагогіи. Ц. 20 к.
- Международный конгрессъ по экспериментальному и терапевтическому гипнотизму. М., 1889 г. Ц. 10 к.
- Къ вопросу о вредномъ вліяніи гипнотизированія. Слб., 1889 г. Ц. 50 к.
- Мерцаніе и болѣзнь судорожныхъ подергиваній. М., 1898 г. Ц. 1 р.
- Терапевтическое примѣненіе гипнотизма. М., 1890 г. Ц. 60 к.
- Токвилъ, Алексисъ.** Воспоминанія. Пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 2 руб. М., 1893 г.
- Толстой, Л. Н.** Плоды просвѣщенія. Комедія въ 4-хъ д. Кіевъ, 1892 г. Ц. 15 к.
- „Ходите въ свѣтъ“ и другія прозведенія, вошедшія въ XIV томъ полнаго собранія сочиненій. М., 1895 г. Ц. 60 к.
- Смерть Ивана Ильича. Кіевъ, 1891 г. Ц. 10 к.
- Хозяинъ и работникъ. М., 1895 г. Ц. 20 к.
- Торминъ.** Опытный маляръ и живописецъ. Подробное руководство къ исполненію всякаго рода домовыхъ и компаныхъ малярныхъ работъ по камню, штукатуркѣ, дереву и металламъ. Различныя способы разрисовки и раздѣлки. Составленіе различнаго рода лаковъ и всевозможныхъ красокъ. Бронзировка. Писаніе выѣсокъ. Слб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Траутшолдъ, Г.** Основы геологіи. Ч. II. Палеонтологія. М., 1875 г. Ц. 2 р. 75 к.
- Часть III. Стратиграфія. М., 1877 г.
- Трачевскій.** Древняя исторія. Изд. 2-е. Слб., 1889 г. Ц. 2 р.
- Новая исторія. Слб., 1889 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Русская исторія, второе, исправленное и расширенное изданіе съ указателями именъ, годовъ и предметовъ, съ 96 рисунками, 6 картами, 6 планами и 3 раскрашенными картинами. Въ 2 частяхъ. Слб., 1895 г. Ц. 8 р. въ переплетѣ 9 р. 60 к.

- Тренделенбургъ, Адольфъ.** Логическія исследования. Пер. Е. Корша. Ч. I, п. 2 р.; ч. II, п. 2 р. М., 1868 г.
- Трефоловъ, Л. Н.** Стихотворенія (64—93 г.). М., 1894 г. Ц. 2 р.
- Троицкій, М.** Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи. Т. I и II. М., 1883 г. Цѣна за оба тома 6 р.
- Трояновскій.** Первая помощь у себя дома и на полѣ битвы въ отсутствіи врача. Изд. 2-е. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 30 к.
- Трубецкой, Евг., кн.** Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ V-мъ вѣкѣ. Ч. I. Міросоверпаніе блж. Августина. М., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Трубецкой, С., кн.** Мнимое язычество или ложное христіанство? Ответъ о. Бутковичу. М., 1891 г. Ц. 20 к.
- Гумскій, К. И.** Алюминій и славянъ съ нимъ. М., 1894 г. Ц. 2 р.
- Противузаразныя средства и дезинфекція. М., 1893 г. Ц. 50 к.
- Тургеневъ.** Стихотворенія. Изд. 2-е. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Турскій, М.** Лѣсоводство. М., 1892 г. Ц. 2 р. 80 к.
- Лѣсоводственные орудія и инструменты. М., 1893 г. Ц. 60 к.
- Сборникъ статей по лѣсоразведенію. М., 1894 г. Ц. 70 к.
- Турскій, М., и Яшновъ, Л.** Опрежденіе древесины, вѣтвей и сѣмянъ главнѣйшихъ древесныхъ и вустарныхъ породъ по таблицамъ. 2-е изд. М., 1893 г. Ц. 75 к.
- Тьюкъ, Хэкъ.** Духъ и тѣло, дѣйствіе психики и воображенія на физическую природу человека. Пер. П. Викторова. М., 1888 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Тѣтъ, Г.** Титъ Ливій, критическое исследование. Пер. А. Иванова и Е. Щепкина. Ц. 1 р. 50 к. М., 1885 г.
- Тѣтъ, И.** Чтеніе объ искусствѣ. Пять курсовъ лекцій. Изд. третье, исправлен. Спб., 1889 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Тѣтъ.** Критическія опыты. Спб., 1869 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Уерингъ, Рудольфъ.** Обь основаніи зашеты владѣнія. М., 1883 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Гражданско-правовые казусы безъ рѣшеній (перев. съ 4-го нѣмецкаго изд.). М., 1883 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Уильямсъ, Ж.** Этика пищи или нравственные основы безубойнаго питанія. Перев. съ англійск. Со статьей Л. Н. Толстого „Первая ступень“. М. 1893 г. Ц. 2 руб.
- Ульцманнъ, Робертъ, проф.** Лекціи по болѣзнямъ мочевыхъ органовъ. Вып. IV и V послѣдній. Переводъ подъ редакціей доктора медицины Н. П. Федченко. Харьковъ, 1893 г. Ц. 1 р.
- Урусовъ.** Польскій урядникъ. М., 1894 г. Ц. 60 к.
- Усовъ, С. А.** Сочиненія. Томъ I. Статьи зоологическія. М. 1888 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Успѣнскій, П. П.** содержаніе растений въ комнатахъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. (изд. 3-е).
- Уставъ акціонерныхъ земельныхъ банковъ съ разъясненіемъ вопросовъ, возникшихъ на практикѣ при его примѣненіи.** Изд. 4-е. Спб. 1894 г. Ц. 2 р.
- Ученыя записки Императорскаго Московскаго университета.** Отдѣлъ историко-филологическій. Вып. XII. М., 1891 г. Ц. 2 р.
- Файфъ, Ч. А.** Исторія Европы 19 в. Т. III, пер. подъ ред. Лучицкаго. Ц. 2 р. 50 к. М., 1890 г.
- Файнштейнъ, С.** Что такое мнемоника. Искусство увѣщенія памяти (четвертое изданіе). Одесса, 1894 г. Ц. 25 к.
- *Фалькенбергъ.** Исторія новой философіи отъ Николая Кузанскаго (XV в.) до настоящаго времени. Спб., 1894 г. Ц. 3 р.
- Фарраръ, Ф. В.** Жизнь Иисуса Христа. Пер. съ англійскаго Ф. М. Матѣева. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Въ 2-хъ частяхъ. М., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пересылкою 2 р.
- Фаусеттъ.** Популярная политическая экономія. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Федоровъ, П. А., техн.** Иллюстрированный, домашній ремесленникъ. Школа работъ плотничныхъ, изъ сучьевъ Столярныхъ. Окрашиваніе дерева. Выпивочныхъ и мозаики. Токарныхъ. Рѣзныхъ. Корзинныхъ. Кузнечныхъ. Слесарныхъ. Щеточныхъ. Глисовыхъ и палъемаше. Картонажно-футлярныхъ и переплетныхъ. Съ 406 рисунк. въ текстѣ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Федоровъ.** Зубы и ихъ сохраненіе. Спб., 1889 г. Ц. 60 к.
- Федоровичъ, Флоріанъ.** Сельскохозяйственная архитектура. Спб., 1893 г. Ц. съ атласомъ 5 р.
- Федосъевъ, П. А.** Выборъ, установка и уходъ за фабричными паровыми котлами, машинами и приводами. Съ приложеніемъ новаго закона 30 іюля 1890 г. обь устройствѣ, установкѣ и содержаніи паровыхъ котловъ и о порядкѣ ихъ освидѣтельствованія. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Фейгинъ, Ф., д-ръ мед.** Привычные запоры и геморрой, причины ихъ развитія и средства къ исцѣленію. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.
- Фельдбергъ, Матильда.** Химическая чистка платья и стирка бѣлья. М., 1894 г. Ц. 50 к.
- Ферьеръ, Э.** Дарвинизмъ (общедоступное изложеніе теоріи Дарвина), изд. 2-е. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.
- Филиповъ, Сергѣй.** Подъ дѣлнымъ небомъ. М., Ц. 1 р.

- Финлей, Георгъ.** Греція подъ римскимъ владѣтельствомъ. Пер. Софьи Никитенко. Ц. 4 р. М., 1877 г.
- Филипповъ, Ал.** Исторія сената въ правленіе верховнаго тайнаго совѣта и кабинета. Юрьевъ, 1895 г. Ц. 8 р. 50 к.
- Фиске, Джонъ.** Открытіе Америки, съ краткимъ очеркомъ древней Америки и испанскаго завоеванія. Пер. Николаева. Т. I. Ц. 2 р. М., 1892 г. Т. II. Ц. 2 р. М., 1893 г.
- Фишеръ, Г.** Практическій мыловаръ. Практическое руководство къ фабрикаціи въсѣхъ сортовъ мыла по новѣйшимъ усовершенствованнымъ приемамъ. Съ 44 рисунк. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 35 к.
- Фламмаріонъ, К.** По волнамъ безконечности. Спб., 1893 г. Ц. 80 к.
— Въ небесахъ. 2 изд. Спб., 1892 г. Ц. 75 к.
— Рассказы о небѣ. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.
— Конецъ міра. 1895 г. Ц. 60 к.
— Общедоступная астрономія. Спб., 1894 года. Ц. 80 к.
- Флеровъ, А.** Грамматика древняго церковно-славянскаго языка сравнительно съ русскимъ. Одесса, 1894 г. Ц. 60 к.
— Грамматика древн. церковнаго языка. Одесса 1894 г. Ц. 50 к.
- Фойгъ, Георгъ.** Возрожденіе классической древности или первый вѣкъ гуманизма. Переводъ И. П. Расадина. Т. I. Ц. 3 р. 50 к. М., 1884 г. Т. II. Ц. 3 р. М., 1885 г.
- Фонвизинъ, С.** Конецъ дневника. Рассказъ. 1894 г. Ц. 30 к.
- Фортунатовъ, А.** Сельско-хозяйственная статистика Европейской Россіи. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Урожай ржи въ Европейской Россіи. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Фонъ-Хейденфельдъ.** Изъ женской жизни по поводу Крейцеровой сонаты. Перев. съ нѣмецкаго. М., 1895 г. Ц. 40 к.
- Француз и русскіе въ Крыму.** Письмо франц. офицера къ своей семьѣ во время восточной войны. Пер. съ фр. Халютва. Минскъ, 1894 г. Ц. 1 р.
- Фрикенъ.** Римскіе катакомбы и памятники первоначальнаго христіанскаго искусства. Часть I. Ц. 1 р. М. 72 г. Часть II. Ц. 1 р. 50 к. М. 77 г. Часть III. Ц. 1 р. 50 к. М. 80 г. Часть IV. Ц. 2 р. 50 к. М. 85 г.
- Фрикенъ, А.** Итальянское искусство въ эпоху возрожденія, ч. I. Ц. 2 руб. М., 1891 г. Итальянское искусство въ эпоху возрожденія, ч. 2-я. М., 1895 г. Ц. 2 р.
- Фриманъ, Эдуардъ.** Историческая географія Европы. Пер. подъ редакц. профес. И. К. Луцицкаго. Т. I. (текстъ). Т. II (карты). Цѣна 6 р. за оба тома. М., 1892 г.
— Методы изученія исторіи. Пер. П. Николаева. Ц. 2 р. М., 1893 г.
- Фуллеръ, Альфонсъ.** Исторія философіи. Пер. П. Николаева. М., 1894 г. Ц. 3 р.
— Отрывки изъ сочиненій великихъ философовъ. М., 1895 г. Ц. 3 р.
- Фулье Альфредъ.** Декартъ. Пер. подъ редакціей профес. Грота. М., 1894 г. Ц. 80 коп.
— Страданіе и удовольствіе и о выраженіи душевныхъ волненій. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.
- Фурнье, А.** Лечение сифилиса. Пер. Говсѣева. Изд. 2-е. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Фэйе.** Происхожденіе міра. Космогоническія теоріи, древнія и современныя, критика гипотезы Ламдеса и собственная теорія автора. Съ добавленіемъ: космогоническія гипотезы К. Вольфа. Пер. со 2 дополнен. изд. Изд. второе. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 35 к.
- Фюстель-де-Куланжъ.** Древняя гражданская община. Изслѣдованіе о культѣ, правѣ, учрежденіяхъ Греціи и Рима. М., 1895 г. Ц. 2 р.
- Хвольсонъ, О.** Докторъ физики. Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнетизмѣ (2-е изд.). Спб., 1886 г.
- Хиггинсонъ, Т.** Здравый смыслъ и женскій вопросъ. Москва, 1895 г. Ц. 1 р.
- Христіановичъ, П.** Опытъ устройства общеобразовательной школы съ цѣлью большей подготовки учащихся къ жизни. М., 1894 г. Ц. 40 к.
- Хрущовъ, П.** Введеніе къ изученію теоріи химическихъ равновѣсій. Харьковъ, 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Жудожественная Россія.** Т. I-й Спб. 1886 г. Изд. П. И. Полевого. Ц. вмѣсто 5 р. — 2 руб.
- Цвѣтковъ, А. А.** Новѣйшіе русскіе писатели (для старшихъ классовъ гимназій и домашнаго чтенія), съ 27 портретами. Спб., 1883 г. Ц. 3 р.
— Электрическое освѣщеніе въ примѣненіяхъ къ жизни и военному искусству, (151 рис.). Спб., 1885 г. Ц. 2 р. 50 к.
— Курсъ государственной науки, ч. I. М., 1894 г. Ц. 3 р.
- Цвѣтковъ, Н.** Практическій курсъ русскаго правописанія (согласованъ съ „Руководствомъ Я. Грота“). Ч. I и II. Ц. по 50 коп. Тула, 1895 г.
- Цигенъ, Т.** Физиологическая психологія. Спб., 1893 г. Ц. 75 к.
- Цицеронъ.** Рѣчь за царя Деяотара. Кіевъ, 1892 г. Ц. 40 к.
— Рѣчь противъ Верреса (о казняхъ). Ц. 60 к.
— Рѣчь за Архіа. нова 1891 г. Ц. 80 к.
— Рѣчь къ судьямъ за Т. Аннія Милона. 1892 г. Ц. 60 к.
— Первая филиппика противъ Марка Антонія. Ц. 80 к.
— Вторая филиппика противъ Марка Антонія. Ц. 50 к.

- Рѣчь въ защиту Секста Росція Америкскаго. Ц. 60 к.
- Рѣчи противъ Калитины. Ц. 60 к.
- Рѣчь за Лупія Муруну. Ц. 40 к. Рѣчь за Квинта Лигарія. Ц. 30 к.
- Рѣчь о назначеніи Гвеса Помпея полководцемъ. Ц. 50 к.
- Тускуланскія бесѣды. Книга I. О превращеніи къ смерти. Киевъ, 1888 г. Ц. 60 к.
- Книги 2 и 3-я. О перенесеніи боли и объ утѣшеніи печали. 1889 г. Ц. 75 к.
- Книга 4-я. Объ остальныхъ душевныхъ волненіяхъ. Книга 5-я. О добродѣтели. 1889 г. Ц. за обѣ книги 75 к.
- Частный починъ въ дѣлѣ народнаго образованія. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Чеховъ, АНТ. П. Жена.** Разсказъ. М., 1894 г. Ц. 25 к.
- Именины. Разсказъ. М., 1893 г. Ц. 20 коп.
- Палата № 6. Разсказъ. М., 1893 г. Ц. 35 коп.
- Въ сумеркахъ. Изд. 7-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Разсказы. Изд. 8-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Палата № 6. Изд. 3-е. Спб., 1893 г. Ц. 1 р.
- Каштанка. Изд. 3-е. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.
- Дуэль. Изд. 4-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Чешихинъ, Евграфъ Вас.** Краткая исторія прибалтійскаго края. Изд. 2-е. Рига, 1894 г. Ц. 35 к.
- ***Чешихинъ, Всев. Жуковскій,** какъ переводч. Шиллера. Ц. 60 к.
- * — Стихи. Ц. 1 р.
- Чижъ, В., проф.** Криминальная антропология. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
- Чиколевъ, Д.** Руководство къ приготовленію и сжиганію фейерверковъ съ описаніемъ устройства электрическаго освѣщенія. М., 1884 г. Ц. 2 р.
- Чичеринъ, В. Н.** Положительная философія и единство науки. М., 1892 г. Ц. 3 р.
- Основанія логики и метафизики. М., 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Опыты по исторіи русскаго права. М., 1858 г. Ц. 1 р.
- Нѣсколько современныхъ вопросовъ. М., 1862 г. Ц. 1 р.
- Курсъ государственной науки. Ч. I. Общее государственное право. Москва, 1894 г. Ц. 3 р.
- Собственность и государство. Т. I. М., 1882 г. Ц. 4 р. Т. II. М., 1883 г. Ц. 4 р.
- Очерки Англіи и Франціи. Москва, 1858 г. Ц. 1 р.
- Чмыревъ, Н. Кобзарь Т. Г. Шевченка.** М., 1874 г. Ц. 1 р.
- Чудиновъ, А. Н.** Словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка. Спб., 1894 г. Ц. 3 р. 60 к.
- Чуевскій, И. А., д-ръ.** Конспектъ физиологій человека. Харьковъ, 1895 г. Ц. 1 р. 80 к.
- Чукмасовъ, К. А.** Практическое руководство по мыловаренію. М. 1893 г. Ц. 40 к.
- Шалуны, Юмористическія сцены съ рисунками Буша.** М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Шамуринъ - Макарьевскій, Н. В.** Сельское хозяйство. Съ 110 рис. Четвертое дополнен. изд. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 35 к.
- Шараповъ.** По русскимъ хозяйствамъ. М., 1893 г. Ц. 2 р.
- Шаховъ, А.** Очерки литературнаго движенія въ первую половину XIX вѣка. Лекція по исторіи французской литературы, читанныя на высшихъ женскихъ курсахъ въ Москвѣ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Швейеръ-Лерхенфельдъ, А. Ф.** Женщина. Ея жизнь, нравы и обществен. положеніе у всѣхъ народовъ земного шара. Переводъ съ нѣмец. Спб., 1892 г. Ц. въ роскошномъ переплетѣ съ 200 рисунк. 3 р. 75 к.
- Швингаммеръ и Кикъ, Вильгельмъ.** Простѣйшая школа кройки для драпировщиковъ и декораторовъ. Съ рисунками на 10-ти отдѣльныхъ листахъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Шекспиръ.** Драматическія сочиненія, въ пер. Кетчера, въ 9 част. Ц. первыхъ 8 част. по 1 р.; ц. 9 ч. 2 р. М., 1862 г.
- Шелли.** Сочиненія. Вып. I и II. Спб., 1894 г. (изд. 3-е). Цѣна каж. вып. 50 коп.
- Вып. III. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.
- Шелгунова, Л. П.** "Звѣздочка". Разсказы для маленькихъ дѣтей. Съ рисунк. Спб., Ц. 1 р. 25 к.
- Шелгуновъ, Н. В.** Сочиненія въ 2-хъ томахъ. Изд. 2-е. Спб., 1895 г. Цѣна за оба тома 3 р.
- Шенланкъ, Врубо.** Промысловыя снѣдкаты. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
- Шенрокъ, В. И.** Матеріалы для біографія Гоголя. М., 1895 г. т. I ц. 2 р., т. II ц. 2 р., т. III ц. 3.
- Шербюлье, Викторъ.** Искусство и природа. Новая теорія изящныхъ искусствъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Шерръ, Іоганнъ.** Шиллеръ и его время. М., 1875 г. Ц. 2 р. 50 к.
- * — Всеобщая исторія литературы. Пер. подъ ред. П. И. Вейсберга. Изд. Байкова. Принимается подписка. Ц. 6 р. безъ дост., съ пер. и дост. 8 р. Вышли 1, 2, 3 и 4 вып.
- Шервинскій, М.** Образцы архитектурныхъ деталей (15 листовъ образцовъ). Спб., 1891 г. Цѣна 1 р. и атласъ 6 рублей.
- Шиллеръ, Ф. Вильгельмъ Телль.** Пер. Гомберга. Киевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
- Заговоръ Фіеско въ Генуѣ. Киевъ, 1892 г. Ц. 25 к.

- Орлеанская дѣва. Пер. Шереметевскій. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.
- Коварство и любовь. Пер. Гомберга. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.
- Раабойники. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
- Шлеминикъ-яда. Пер. Гомберга. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.
- Шилтовъ, А., проф.** Среди безбожниковъ. (Посмертныя записки врача-философа). Харьковъ, 1895 г. Ц. 40 к.
- Шильдбахъ.** Дѣтская гимнастика. Изд. 2-е. Спб., 1887 г. Ц. 75 к.
- Шимко.** Патріаршій казенный приказъ. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Шишкинъ, А. Н.** Сельско-хозяйственная экономія. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Шлоссеръ, Ф. К.** Исторія XVIII столѣтія и XIX-го до паденія Французской имперіи. 8 томовъ. Спб., 1868 г. Ц. 10 р.
- Шмейдлеръ.** Желѣзно-дорожное дѣло. Спб., 1880 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Шмидтъ, Карлъ.** Исторія педагогики, наложенная во всемірно-историческомъ развитіи и въ органической связи съ культурною жизнью народовъ. Пер. Э. Циммермана. Т. I, ц. 5 руб. М. 1890 г.; т. III, ц. 5 р. 50 к. М., 1880 г.; т. IV, двѣ части, цѣна вмѣ 7 р. М.; 1881 г.
- Шольцъ, Фридрихъ.** Ненормальности дѣтскихъ характеровъ. Пер. съ нѣмецкаго Л. Л. Счесновича. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Шопенгауеръ, Артуръ.** Лучи свѣта его философіи. Извлечено изъ его соч. Кюлюсомъ Фраунштеттомъ. М., 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Шперкъ, Э.** Система Спинозы. Спб., 1893 г.
- Шредеръ, В., д-ръ.** Половныя болѣзни. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.
- Шредеръ, Р. И.** Хмѣль и его разведеніе въ Россіи и за границей (изд. 4-е). Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Шредеръ, Р. И.** Русскій огородъ, питомникъ и плодовой садъ. Спб., 1893 г. Ц. 2 руб. 50 к. (Изданіе 5-е).
- Штаркенбургъ.** Горе отъ любви. Одесса, 1894 г. Ц. 50 к.
- Штейнъ, Вл.** Артуръ Шопенгауеръ, какъ человѣкъ и мыслитель. Спб., 1887 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Графъ Джакомо Леонарди и его теорія infelicità. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Штоль, Г. В.** Великіе греческіе писатели. Спб. 1880 г. Ц. 2 р.
- Многи классической древности. М., 1880 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Герои Греціи въ войнѣ и мирѣ. Спб., 1879 г. Ц. 2 р.
- Великіе римскіе писатели. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.
- Герои Рима въ войнѣ и мирѣ. Спб. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к.

- Шулинъ, Фридрихъ.** Учебникъ исторіи римскаго права. Въ 2-хъ вып. М., 1898 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Шумковъ, И. В.** Верблюды какъ сельско-хозяйственное животное въ Россіи. Оренбургъ, 1893 г. Ц. 1 р. съ пер.
- Шутце, Фр.** Училищевѣдніе. Практическое ученіе о воспитаніи и обученіи для семинарій и учителей народныхъ школъ. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Ш., Л.** Невзбѣжное зло. Рассказъ. М., 1894 г. Ц. 20 к.
- Щепкина, А. В.** Родныя мѣста. Чтеніе для дѣтей. Изд. 2-е. М., 1882 г. Ц. 1 р.
- Эдвинсонъ, Г.** Руководство снайки и лужени. Съ 66 политинажами въ текстѣ. М., 1894 г. Ц. 85 к.
- Эдвинсонъ, Д.** Какъ дѣлается маленькій электродвигатель. М., 1895 г. 2 изд. Ц. 40 к.
- Какъ сдѣлать маленькую динамо-электрическую машину. М., 1895 г. Второе исправлен. изд. Ц. 50 к.
- Эйдамъ, Сохраненіе здоровья.** (Общая гигиѣна въ примѣненіи къ обыденной жизни). Спб., 1891 г. Ц. 40 к.
- Экштейнъ, І., проф.** № 1. Часть въ философіи и въ правѣ. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.
- Экштейнъ, Ф. А.** Преподаваніе латинскаго и греческаго языковъ. Ревель, 1889 г. Ц. 3 р.
- Элерсъ, Отто.** Популярная политическая экономія. Одесса, 1895 г. Ц. 50 к.
- Энгельгардтъ, А. Н.** Фосфориты и сидерация. Спб., 1891 г. Ц. 2 р.
- Энцилеръ, К.** Уходъ за больными въ семьѣ. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.
- Эртель, А. И.** Двѣ пары. Повѣсть. М., 1894 г. Ц. 60 к.
- Записки степняка. Очерки и рассказы. I и II. Спб., 1883 г. Ц. 3 руб.
- Эсмаркъ.** Первая помощь. Спб., 1890 г. Ц. 80 к.
- Эспинасъ, А.** Соціальная жизнь животныхъ. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Южаковъ, С. Н.** Афганистанъ испредѣльнаго страны. Политико-историческій очеркъ. Спб., 1885 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Юровъ, А.** Систематическій курсъ логики для среднихъ учебныхъ заведеній. Спб., 1895 г. Ц. 60 к.
- Юрьевъ, Мих.** Мои письма (4 дек. 1893 г. — 15 мая 1894 г.). М., 1895 г. Ц. 50 к.
- Карлъ Пятый и его время. Этюдъ. М., 1894 г. Ц. 2 р.
- Спорные вопросы западно-европейской исторической науки. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Юлій Цезарь.** Записки о междоусобной войнѣ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 75 к.
- Якимовъ, Н. М.** Бѣдныи Тунгатай. Рассказъ изъ жизни киргизскихъ дѣтей, для дѣтей младшаго возраста. Тифлисъ. 1894 г. Ц. 15 к.

- Яковлевъ, Е.** Французско-русскій карманный словарь. Киевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
- Янжуль, И. И., проф.** Изъ психологій народовъ. Одесса, 1893 г. Ц. 20 к.
- Янъ.** Термохимія. Спб., 1893 г. Ц. 2 р.
- Федоровъ.** Стихотворенія. М., 1894 г. Ц. 1 р.
-
- *Album universel. Съ видами Италіи, Швейцаріи, Франціи, Германіи, Турціи, Греціи и другихъ странъ. 30 выпусковъ, въ каждомъ по 16 видовъ. Цѣна 30 вып. 7 р. 50 к. Каждому отдѣльно 30 коп.
- Bow, R. H.** Графическія данныя рациональнаго расчета рѣшетчатыхъ фермъ. М., 1895 г. Ц. 3 р.
- Cornelli Nepotis.** Vitae excellentium imperatorum cum vita Catonis et Attici. Переводъ. Киевъ, 1889 г. Ц. 75 к.
- C. Julii Caesaris commentarium de bello Gallico. Liber quintus.** Киевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
- Записки о Гальской войнѣ. Книга 1-я Киевъ, 1890 г. Ц. 85 к.
- Книги 2, 3, 4, 5, 6 и 7 по 50 к.
- Доцъевъ, А.** Офортъ. Руководство травленія крѣпкой водкой на мѣди, цинкѣ и стали. М., 1893 г. Ц. 75 к.
- Hager'a, H., д-ръ.** Руководство къ фармацевтической и медико-химической практикѣ, съ 7 по 25 выпускъ, съ алфавитнымъ указателемъ. Спб., 1895 г. Ц. 25 р.
- Häusser.** Исторія реформациі. М., 1882 г. Ц. 5 р.
- Herodoti historiagram.** Книга первая. Киевъ, 1893 г. Ц. 75 к.
- Книги 4, и 9. Ц. по 50 к.
- Книги 5, 6, 7 и 8. Ц. по 60 к.
- Heltzmann, C., D-г.** Анатомическій атласъ съ 625 рѣзанными на деревѣ рисунками. Переводъ съ 7-го нѣмецкаго изданія. За всѣ пять выпусковъ 3 р. Киевъ, 1895 г.
- Jordan, Dr. W.** Руководство высшей геодвіи. М., 1881 г. Ц. 8 р.
- Joward, Alfred.** Домашніе фильтры для очищенія воды, ихъ приготовленіе и уходъ за ними. М., 1894 г. Ц. 75 к.
- Jul Parreidt.** Зубы и уходъ за ними. Популярная гигиена зубовъ. Киевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
- Kercoff A. G.** Cours gradué de langue française. Parties I, II. М., 1880 г. Ц. 1 р. 25 к. III и IV parties. М. 1892 г. Ц. 1 р. 25 коп.
- Lehner, S.** Клей и замазки. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Lenhartz, H., проф.** Микроскопическія и химическія изслѣдованія у постели больного. Киевъ, 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Marissiaux, L., et. Nomdrah, C. R.** Простое устройство электрическихъ часовъ и будильниковъ. Руководство для электротехниковъ любителей. Съ 15 рисунками на отдѣльной таблицѣ. М., 1895 г. Ц. 35 к.
- Moscou et ses environs, rués et monuments.** Nouveau guide du voyageur. М., 1891 г. Ц. 40 к.
- Mörius, Paul, Dr.** Гигиена нервныхъ людей. Киевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
- Paul Julius Mosbius.** Общая діагностика нервныхъ болѣзней. Пер. съ нѣмец. подъ ред. Минора. М., 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Ribot, Th.** О чувственной памяти. Казань, 1895 г. Ц. 40 к.
- Roux, D-г** и его сотрудниковъ. Матеріалы для изученія дифтеріи. Бактеріологическія и клиническія изслѣдованія. М., 1895 г. Ц. 3 р. 25 к.
- Salomonsen, C., проф., и Черевковъ, д-ръ.** Руководство къ практической (технической) бактериології. Общая и специальная часть для врачей, ветеринаровъ и студентовъ. Съ 81 рис. въ текстѣ. Харьк., 1894 г. Ц. 3 р.
- Schrader, W.** Гимназіи и реальныя училища воспитаніе и обученіе. Ревель, 1892 г. Ц. 3 р.
- Sell, д-ръ.** Спиртъ и его добываніе, свойства и примѣны. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.
- Schamaus, Hans.** Основы патологической анатоміи. М., 1895 г. Ц. 6 р. (199 рис. въ текстѣ).
- Tedeschi, V.** Пища маленькихъ дѣтей. Киевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
- Tillaux, P.** Руководство къ топографической анатоміи въ примѣненіи къ хирургіи. Пер. съ 7 франц. изданія, под. ред. и съ примѣчаніями д-ра С. Таубера, проф. варшавскаго университета. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к. Подписная цѣна за все сочиненіе (6 выпусковъ) 9 р.
- Unwin.** Основы построенія частей машинъ или изложеніе законовъ и условій, отъ которыхъ зависятъ размѣры и форма частей машинъ. Руководство для инженеровъ, механиковъ, строителей, фабрикантовъ для техническихъ и реальныхъ училищъ. М., 1887 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Well-Mantou, d-г.** Руководство для врачей по страхованію жизни. М., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Иностранная книги, доставленные книжнымъ магазиномъ Гросманъ и Кнебель въ Москвѣ.

Французскія дѣтскія книги.

Французскія азбуки:

- L'Abeced des tout petits. Couverture en couleurs. Av. 6 grav. col. *Цѣна 8 коп.*
 L'Abé du premier âge. Couvert. en coul. Av. 24 grav. col. *Цѣна 30 коп.*
 L'Alphabet usuel. Av. 24 grav par Adrien-Marie. *Цѣна 65 коп.*
 L'Album Alphabet. Av. 27 illust. en coul. et de nombreuses grav. en noir. *Цѣна 1 р. 25 к.*

Французскія книжки съ раскрашенными картами для маленькихъ дѣтей.

Первая серия.

Цѣна по 65 коп.

- 16 pages imprimées en gros caractères sur papier fort. 8 gravures très fort. 7 gravures en couleurs. Couverture en carton souple avec or et couleurs.
 Le dormeur éveillé, ill. par Chovin.
 Ali-Baba ou les 40 voleurs, ill. par Myrbach.

Вторая серия.

Цѣна по 40 коп.

- 16 pages imprimées en gros caractères sur papier fort. 8 gravures en couleurs. Couverture en carton souple avec or et couleurs.
 Frère et sœur, ill. par Vogel.
 Gargantua, ill. par Myrbach.
 Petite Poucette, ill. par Job.
 Don Quichotte, ill. par Myrbach.
 Robinson Crusoe, ill. par Myrbach.

Третья серия.

Цѣна по 20 коп.

- 6 gravures en couleurs et 8 pages de texte. Couverture en couleurs.
 Jean le Chanceux, ill. par Chovin.
 La Semaine de Julie, ill. par Martin.
 Guignol, ill. par Job.
 Jean L'ours, ill. par Massé.
 Paul dans la lune, ill. par Job.
 L'oiseau bleu, d'après M-me d'Aulnoy, ill. par Clérice.
 Sept d'un coup! D'après Grimm, ill. par Poirson.
 Le Baron de Krack, ill. par Chovin.

Четвертая серия.

Цѣна по 13-ти коп.

- 6 gravures en couleurs et 8 pages de texte. Couverture en couleurs.
 Cendrillon, ill. par Grivaz.
 Tome Pouce, ill. par Vogel.
 Folle journée, ill. par Steinlen.

- Barbe bleue, ill. par Vogel.
 Pierrot, ill. par Jozet.
 L'assaut du moulin, ill. par Tofani.
 Le Chat botté, ill. par Myrbach.
 Le prince Saphir, ill. par Gumery.
 Riquet à la houppe, ill. par Vogel.

Пятая серия.

Цѣна по 8-ми коп.

- 6 gravures en couleurs et 8 pages de texte. Couverture en couleurs.
 Monsieur Dumolet, ill. par Vogel.
 Mon père m'a donné un mari, ill. par Bouisset.
 Saint-Nicolas et Guilleri, ill. par Vogel.
 Gribouille, ill. par Steinlen.
 Il était une bergère, ill. par Bouisset.
 Le Chevalier du Roi, ill. par Vogel.
 M. de la Palisse, ill. par Chovin.
 Malb'raugh, ill. par Clérice.
 Cadet Rousselle, ill. par Faria.
 La Mère Michel, ill. par Faria.
 Le Roi Dagobert, ill. Chovin.
 Abe des tous petits, ill. par Bouisset.
 Le Renard et le Corbeau, ill. par Gélibest.
 Sur le pont du nord, ill. par Bouisset

Шестая серия.

Цѣна по 5-ти коп.

- 6 gravures en couleurs et 8 pages de texte. Couverture en couleurs.
 La Fête de Jeanne, ill. par Bouisset.
 Le Mariage de Toto, ill. par Bouisset.
 La Première Poupée, ill. par Bouisset.
 Le Voyage de Lucie, ill. Godefray.
 Le Jardin de Juliette, ill. par Godefray.
 La Semaine de Noël, ill. par Bouisset.
 Le Bain de Minet, ill. par Godefray.
 La petite fermière, ill. par Bouisset.
 La petite Ménagère ill. par Bouisset.
 La petite meunière.

Седьмая серия.

Цѣна по 1 руб.

- Contenant vers 30 ill. en couleurs, carton-nage en couleurs.
 Bambins et bambines, ill. par Harding.

Восьмая серия.

Цѣна по 1 руб. 75 коп.

- Les jardins de Paris. 32 ill. de Grigny. Texte par Bonhomme.
 La journée de Bébé. 32 illustrat. de Bouisset. Texte par Arnaud.
 Album des enfants sages. Illust. par Harding.
 Heureux âge, ill. par Harding.

Книги для чтения для детей отъ 5—8 лѣтъ.

Напечатанными крупнымъ шрифтомъ съ многочисленными иллюстраціями въ текстѣ.

Цена каждаго тома безъ перепл. 40 коп. съ перепл. 65 коп.

Les histoires de tante Rose, par M-me de Bosguérard.

Mémoires de Cigarette, par Théo-Srutt. Contes aux tout petits, par P. Andrievau.

Bébés en vacances, par M-me Gameau. **La chatte de M-lle Ida**, par M-me de Paloff.

Petits amis, par M-me de Bosguérard. **Les Bonspoints de Bébé**, par M-me de de Sobol.

Mignonnettes, par M-me Noémi Balleyguier.

Scènes enfantines, par M-me de Bosguérard.

Le petit monde, par M-me A. de Wailly. **Moi et mes ponpées**, par M-me de Bosguérard.

L'histoire d'une troupe de marionnettes, par M. A. de Bréville.

Aimé pour son bon cœur, par M-lle Eva Gatouil.

La plage de Wimeraux, par Noéme Balleyguier.

Les enfants de cigarette, par Theodor Cahu.

Une partie de plaisir, par Roger Dombre. **Le théâtre de Polichinelle**, par le papa de Nénette.

Les vacances de Paul, par M-me J. de Sobol.

Les bonheurs de Pauline, par M-me de Bosguérard.

Mémoires d'une chèvre, par M-me la comtesse de T.

Книги для дѣтей отъ 9—12 лѣтъ.**Bibliothèque blanche illustrée.**

Каждый томъ съ переплетомъ 1 руб.

Bertin, M. Les deux côtés du mur

Bignon. Un singulier petit homme.

Chewille, de. Histoire d'un trop bon chien.

Dickens Ch. L'Embranchement de Mugby.

Dumas, A. La Bouillie de la comtesse Berthe.

Durand, H. Histoire d'une bonne aiguille.

Feuillet (Octave). La vie de Polichinelle.

Lackroy, S. Les Fées de la famille.

Mayne-Reid. Les Exploits des jeunes Boërs.

Muller, Eugène. Récits enfantins.

Musset, P. de M. le Vent et M-me la Pluie.

Ourlac, E. Le Prince Coqueluche.

Perrault. Les Lunettes de Grand'Maman.

Sand, George. Gribouille.

Stahl, P.—J. Les Aventures de Tom Pouco.

Contes de la tante Judith.

Verne, Jules. Un Hivernage dans les glaces.

Книги для дѣтей отъ 10—13 лѣтъ.**Bibliothèque de l'éducation maternelle illustrée.**

Каждый томъ безъ перепл. 1 р. 15 к., съ перепл. 1 р. 75 к.

Anfostl. Le secret de sir William.

Jacques l'abandonné.

Balleygier. Aux garennes.

Les Rogimbot.

M lle Trimbalmouche.

Bellaigue. La vengeance d'un haut cœur.

Bonhomme. Récits de l'oncle Paul.

Boret. Histoire d'un garçon.

Carnoy. La nuit de Noël.

Hans Mertens.

Dumont. Fables pour les petits.

Le Conte. Ce bon Loff.

Jane. Le 28 jours de Suzanne.

Le Roy. Le fils de l'amiral.

Mesureur. Voyage à la mer.

Histoire d'un enfant de Paris.

Mirzel. Notre ami Polly.

Monceau. Mon petit frère.

L'enfant des Vosges.

Paloff. Echos des vacances.

Quantin. Histoire de Germaine.

Sobol. Bouton d'or.

Verne. Aventures d'enfants.

Witt. L'hiver à la campagne.

Les héros modestes.

Les cœurs aimants.

Amour de mère.

Paloff. Lucien et Lucienne.

Книги для дѣтей отъ 12—14 лѣтъ.**Bibliothèque rose illustrée.**

Каждый томъ съ переплетомъ 1 р. 75 к.

Jean qui grogne et Jean qui rit. par m-me la comtesse de Ségur, ill. par Castelli.

Les bons enfants, par m-me la comtesse de Ségur, ill. par Fergio.

Les deux nigauds, par m-me la comtesse de Ségur, ill. par Castelli.

Pierrot, par m-lle Julie Gouraud, ill. par éd. Zier.

L'auberge de l'ange-Gardien, par m-me la comtesse de Ségur, ill. par Foulquier.

Pauvre Blaise, par m-me la comtesse de Ségur, ill. par Castelli.

Contes de fées, tirés de Charles Perrault de m-me d'Aulnoy et le prince de Beaumont, ill. par Bertall, Beaugé etc.

La soeur de gribouille, par m-me la comtesse de Ségur, ill. par Castelli.

Contes choisis des frères Grimm, traduits de pallemand par Frédéric Baudry ill. par Bertall.

Après la pluie le beau temps, par m-me la comtesse de Ségur, ill. par E. Bayard.

Voyages de Gulliver, a lilliput, a brobdingnag et au pays des houyhnhams par Swiet.

Mémoires d'un ane, par m-me la comtesse de Ségur ill. par Horage Castelli.

Le mauvais Génie, par m-me la comtesse de Ségur, ill. par Bayard.

Les premiers chants, par Fournier, ill. par Gustave Roux.

François le Bossu, par m-me la comtesse de Ségur, ill. par Emile Bayard.

Quel amour d'enfant, par m-me la comtesse de Ségur, ill. par Bayard.

Bibliothèque de la famille. In 8°. illustrée.

Каждый томъ съ переплетомъ 3 руб.

Carnoy. Les légendes de France, ill. par Zier.

Graffigny. Contes d'un vieux savant. Ill. par Nac.

Rochemont, Au pays des fées, ill. par. Mès Cooper. Bas de cuir, arr. par Dubois, ill. en couleurs.

Mille et une nuits de la jeunesse Arr. par Dubois, ill. en couleurs.

НѢМЕЦКІЯ ДѢТСКІЯ КНИГИ.

Крупная печать, хорошая бумага, изящныя иллюстрація.

Новая изящная коллекція съ раскрашенными картинками по английскому способу

отъ 25 коп. до 90 коп.

1. Serie à Band 25 kop.

Glückliche Reise. — Tromm, Tromm, Dremm. — Puck — Mein Miezi. — Nach Helgoland. — Mutter Glaus und ihre Lieblinge — Frau Mieke — Eichhörnchen. — Müller Klaus — Fürs Herzblättchen — Das Haus das Haus, baute — Der Kinderomnibus — Im Freien. — Eisenbahn ABC. — Ein treuer Hausfreund. — Hucks-Pack.

2. Serie à Band 30 kop.

Des Liebings Bilderbuch — Kasperltheater. — Kätzchen zu Hause — Die En ten familie. — Tick-Tack für kleine Leute. — Was ich weiss. — Bekanntes und Unbekanntes. — Zoologischer Garten. — Was Föglein singt.

3. Serie à Band 45 kop.

Am Strande — Noahs Arche — Durch Flur und Hain — Ringel, Ringel, Rosenkranz — Puppen-Gesellschaft — Die wunderliche Kutsche. — Prinzessin Tausendschön. — In der Maienzeit. — Spielzeug Alphabet. — Lustige Katzen-Geschichten. — Ver nicht „liebes Kind“ will sein. — Guckkasten. — Robinson Crusoe. — Der Schneemann. — Besuch bei Grossmama. — Unsere Kameraden. — Gartenfreuden.

4. Serie à Band 60 kop.

Feierstündchen — Von Nah und Fern. — Kleine und grosse Freunde — Allerlei Gesellschaft.

5. Serie à Band 90 kop.

Gute Bekannte — Laterna Magica — Lustiger Reigen — Liebings Kurzweil — Comitahé clowns — Unsere Liebblingsthiere.

НѢМЕЦКІЯ ДѢТСКІЯ КНИГИ ПО УДЕШЕВЛЕННЫМЪ ЦѢНАМЪ.

Sturm, J. Neues Fabelbuch. Mit. Jll. nach Originalzeichnungen von F. Flinzer cartonnirt statt 1 R. 20 K., nur 75 K.

Hey, Fabeln für Kinder. In Bildern gezeichnet von Otto Speckter (Original-Ausgabe des weitbekanntten, klassischen Kinderbuches) 2 Bände („50 Fabeln“ und „Noch 50 Fabeln“) cartonirt zusammen statt 3 R. 60 K., nur 1 R. 50 K.

Scharz, 101 neue Fabeln. Mit Beiträgen von Bodenstedt. Lohmeyer, Sturm etc. Zahlreiche Illustrationen v. Flinzer. eleg. gebunden, statt 2 R. 50 K., nur 1 R. 50 K.

Biller, Im Reich der Heitzelmännchne oder Reiseabenteuer einer Puppe und eines Nusknackers. Mit vielen bunten Bildern, statt 3 R. 50 K., nur 1 R. 50 K.

Deutsche Jugend. Gediengste, Auswahl, von Bildern, Märchen, Reisegeschichten, Gedichten, Fabeln. statt 3 R. 50 K., nur 2 R.

Die Kinderlaube, Erzählungen, Märchen Schilderungen, Lebensbeschreibungen Gedichte etc. bearb. von. Th. Schäfl (Dresden). Mit zahlreichen bunten Volbildern und Textillustrationen. Jeder Band in 4° (über 980 Seiten). In elegantem Leinenband. Bd. 27, 28, 29. Jeder Band statt 3 R. 60 K., nur 2 R. 50 K.

Biller, E. Lieschens kluge Einfälle Händschens Reise durch die Stube. Mariele und die sieben Puppen. Wie es Fritzchen auf seiner Schwester Hochzeit ging. Mit vielen farbigen Illustrationen v. Kleinmichel. 4 kurze Geschichten in einem Bande gebunden, statt 2 R., nur 85 K.

Frey, A. Schweizer sagen. Mit Holzchnitten nach Originalzeichnungen deutscher Künstler, cartonnirt. statt 1 R. 80 K., nur 1 R.

Lottka, Kinderträume. Mit zahlreichen prächtigen Illustrationen von Claudius, eleg. geb. statt 3 R., nur 1 R. 50 K.

Kröger, Märchen aus Heimat und Fremde. Mit 50 Original-Illustrationen, darunter 4 Buntdruckbilder, 246 Seiten) in eleganten Einband, statt 1 R. 50 K., nur 85 K.

Bern, M., Anthologie für die Kinderstube. Eine Auswahl der besten Ammenscherze, Spielverse, Puppengedichte, Räthsel, Fabeln, Neckmärchen Kindergebete altherkömmlichen Reime, sowie fier neuesten Kinderlieder. Mit zahlreichen Illustrationen von Flinzer. Pletsch, Richter, Thumann und A. eleg. gebunden, statt 2 R. 50 K., nur 1 R. 50 K.

Kletke, Hermann. Die Kinderwelt. In Märchen und Liedern. Mit zahlreichen Holzchnitten nach Originalzeichnungen deutscher Künstler Eleg. gebunden, statt 1 R. 80 K. nur R.

Strässe, Franz, Kleine illustrierte Naturgeschichte für die Jugend. sechste vermehrte und vielfach verbesserte Auflage Mit 179 Holzschnitten und 15 Tafeln Abbildungen in Farbendruck. Elegant gebunden, statt 3 R., nur 1 R. 80 K.

Нѣмецкія азбуки.

Eisenbahn A. B. mit vielen dunten Aildern. 25 K.

Bilder A. B. C., oder der fleissige Leseschüler (mit bunten Bildern) cartonirt. 25 K.

Das goldene A. B. C., für kleine fleissige A. B. C. Schützen (mit vielen bunten Bildern) cartonirt. 30 K.

Haestors, A. Fibel oder der Schreib-Lese-Unterricht. 85 K.

Gureke, J. Schreib- und Lese Fibel. Mit Holzschnitten von Q. Speckter cartonirt. 45 K.

Dietlen, R. Des Kindes erstes Lesebuch. Illustrierte Fibel mit farbigen Bildern. Auf Grundlage des mit dem Anschauungsunterrichte verbundenen ersten Sprech-, Schreib, u. Lese-Unterrichtes bearb. für Schule und Haus, cartonirt. 60 K.

Списокъ періодическихъ изданій, на которыя принимается подписка въ книжномъ магазинѣ журнала „Русская Мысль“ В. М. Лаврова.

Русскія.

Афиши театральныя. Ц. съ достав. 5 р., на лучшей бумагѣ 10 р.

Биржевыя Вѣдомости. Газета биржи, финансовъ, торговли, политики и обществ. жизни. Ц. съ достав. и перес. на 1-е изд. 15 р., на $\frac{1}{2}$ г. 9 р., на 2-е изд. 4 р. въ годъ.

Будильникъ. Журналъ сатирическій, съ карикатурами. Москва. Ежедневно. Ц. съ пер. и дост. 10 р.; на $\frac{1}{2}$ г. 6 р.

Варшавскій Дневникъ. Ежедневная газета. Ц. съ пер. и дост. 12 р., на $\frac{1}{2}$ г. 6 р.

Вокругъ Свѣта. Ежевед. иллюстр. журналъ 4 р. съ пер.

Волгарь. Ежеднев. газ. Н.-Новгородъ. Ц. 8 р.

Волжскій Вѣстникъ. Ежедневный журн. съ прилож. сборника научно-беллетристическаго содерж. Казань. Ц. съ пер. 7 р.

Волынъ. Газета: 8 раза въ недѣлю. Житомиръ. Ц. съ дост. и пер. 5 р.

Воскресенье. Иллюстрированный еженедѣльный журналъ для народа. Ц. съ дост. и пер. 3 р.

Восточное Обзоріе. Литературно-политическая газета. Иркутскъ. Ц. съ пер. 6 р.

Восходъ. Ежемѣсячный журналъ съ приложеніемъ „Еженедѣльной хроники“ Ц. съ дост. и пер. 10 р.; на $\frac{1}{2}$ г. 6 р.

Всемирная Иллюстрація. Большой иллюстрированный журналъ. Выходитъ еженедѣльно съ ежемѣс. л.—и прилож. „Трудъ“. Ц. съ дост. 17 р. съ пер. 18 р.

Вѣдомости Спб. Градоначальства. Ц. съ дост. 5 р.; съ пер. 7 р.

Вѣстникъ Европы. Журналъ исторіи, политики и литературы. 12 номер. въ годъ. Ц. 15 р. 50 к., съ дост. 16 р., съ пер. 17 р.

Вѣстникъ иностранной литературы. Ежемѣсчн. журн. Ц. 4 р.

Вѣстникъ Кавказа. Газета еженедвеная. Тифлисъ. Ц. съ пер. 10 р.

Гражданинъ. Ежедневная газета. Ц. 12 р. съ ежемѣс. прилож., съ дост. и пер. 15 р.

Донская Пчела. Газета; два раза въ недѣлю. Ростовъ-на-Дону. Ц. съ пер. и дост. 7 р.

Досугъ и Дѣло. Журналъ для солдатъ и народа. 6 выпуск. въ годъ. Ц. съ дост. и пер. 4 р.

Екатеринбургская Недѣля. Ежедневная газета. Екатеринбургъ. Ц. съ перес. 6 р.

Живописное Обзоріе. Иллюстрированный беллетристическій журналъ. Ежедневно, съ ежемѣсч. литер. прилож. Ц. съ дост. и пер. 8 р., на велен. бум. 15 р.

Journal de St.-Petersbourg. Ежедневная газета. Ц. съ дост. 18 р., съ пер. 22 р., $\frac{1}{2}$ года: 10 р., съ пер. 12 р. 25 к.

Journal d'Odessa. Ежедневная газета. Одесса. Ц. съ дост. и пер. 14 р.

Зодчій. Художественно-техническій журналъ ежемѣсячный. Ц. съ дост. 12 р., съ пер. 14 р.

Историческій Вѣстникъ. Ежемѣсчн. журн. Ц. съ дост. и пер. 10 р.

Кавказъ. Газета политич. и литерат. Ежедневно. Тифлисъ. Ц. съ дост. и пер. 13 р.

Кіевлянинъ. Газета юго-западнаго края. Ежедневно, выходитъ въ Кіевѣ. Ц. съ достав. и пер. 12 р., $\frac{1}{2}$ г. 7 р.

Книговѣдѣніе. Цѣна съ дост. и перес. 6 руб.

Край („Крај“). Ежемѣсячная политическая и общественная газета на польскомъ языкѣ. Ц. съ дост. 10 р., $\frac{1}{2}$ г. 5 р., съ пер. 12 р., $\frac{1}{2}$ г. 6 р.

Кронштадтскій Вѣстникъ. Морская газета. Ц. съ достав. и пер. 8 р.

Лучъ. Газета. Три раза въ недѣлю. Ц. съ дост. и пер. 6 р., съ приложеніемъ еженедѣльнаго журнала „Иллюстрированный Миръ“. Безъ прилож. 3 р.

- Московскія Вѣдомости.** Газета политическая и литературная. Ц. съ дост. и пер. 17 р., $\frac{1}{2}$ г. 10 р. 50 к.
- Moscauer deutsche Zeitung.** 6 разъ въ недѣлю. Ц. съ дост. и перес. 10 р.
- Московский Листокъ.** Ежедневная газета. Ц. съ дост. и пер. 10 р.
- Наблюдатель.** Литературно-политич. журналъ. Ц. съ дост. 13 р., съ перес. 14 р.
- Недѣля.** Ежедневная газета съ приложеніемъ ежемѣсячнаго „Журнала романовъ и повѣстей“. Ц. съ пер. и дост. 9 р.
- Нива.** Иллюстрир. журналъ для семейнаго чтенія. 52 №№ въ годъ, съ ежем. литер. прилож. Ц. безъ дост. 5 р., съ дост. 6 р. 50 к., съ перес. 7 р.
- Новое Время.** Газета политическая и литературная. Ежедневно. Ц. съ дост. 16 р., съ перес. 17 р.; $\frac{1}{2}$ г. съ достот. р., съ перес. 10 р.
- Новое Слово.** Ежемѣсячный журналъ. Слб. Ц. 10 р. съ дост. и перес.
- Новороссійскій Телеграфъ.** Газета политич., литер. и экомом. Ежедневно. Одесса. Ц. съ перес. и дост. 14 р.; $\frac{1}{2}$ г. 8 р.
- Новости.** Ежедневн. политич. и литературы. газета. I-е изд.: съ дост. 16 р., $\frac{1}{2}$ г. 9 р.; съ перес. 17 р., $\frac{1}{2}$ г. 10 р.— II-е изд.: съ дост. 9 р., $\frac{1}{2}$ г. 6 р.; съ перес. 10 р., $\frac{1}{2}$ г. 6 р.
- Новости Дня.** Ежедневная газета. М. Ц. съ перес. 10 р., $\frac{1}{2}$ г. 5 р. 50 к.
- Новь.** Иллюстрированный двухнедѣльн. вѣстникъ. Годовая подписная цѣна 14 р.
- Нувеллистъ.** Музыкальный журналъ. съ музыкально-литературнымъ прибавл. 12 книгъ въ годъ. Ц. съ дост. и перес. 6 р.
- Образованіе.** Ежемѣсячный журналъ. Слб. Ц. 5 р. съ достав. и перес.
- Осколки.** Ежедневн. иллюстр. журн. Ц. съ дост. и перес. 9 р.
- Петербургская Газета.** Газета обществ. жизни и литерат. Ц. съ дост. 9 р., $\frac{1}{2}$ г. 5 р.; съ пер. 10 р., $\frac{1}{2}$ г. 6 р.
- Петербургская Жизнь.** Иллюстр. ежемѣсяч. журналъ. Ц. 6 р. съ дост. и перес.
- Петербургскій Листокъ.** Газета общественной жизни и литерат.; ежедн. Ц. съ дост. 9 р., $\frac{1}{2}$ г. 5 р. 50 к.; съ перес. 10 р., $\frac{1}{2}$ г. 6 р.
- Природа и Люди.** Журналъ путешествій. Ежемѣсячно. Ц. 5 р.
- Правительственн. Вѣстникъ.** Ежедневная газета. М. съ дост. и пер. 12 р., $\frac{1}{2}$ г. 8 р.
- Развѣдчикъ.** Журналъ библиографическій и научно-литературный, отъ 20 до 40 №№ въ годъ. Ц. съ дост. и пер. 6 руб.
- Развлеченіе.** Журналъ литературы и юмористич., съ политикажами. Выходить ежемѣсячно. Ц. съ пер. и дост. 6 р.
- Ребусъ.** Ежемѣсячно. Ц. съ дост. и пер. 5 р.
- Родина.** Ежемѣсячный иллюстрированный журналъ съ приложеніемъ романовъ. Ц. съ пер. 5 р. 60 к.
- Русское Богатство.** Ежемѣсячный журналъ. Ц. съ дост. и пер. 9 р.
- Русскій Вѣстникъ.** Журналъ литературный и политическій. 12 кн. въ годъ. Ц. съ дост. 16 руб., съ пер. 17 р.
- Русскій Инвалидъ.** Газета военная, ежедневная. Ц. съ дост. и пер. 9 р., вѣсть съ „Военнымъ Сборн.“ 13 р.
- Русское Обозрѣніе.** Ежемѣсячный литературно-политич. журналъ. М. Ц. съ пер. 15 р. 50 к.
- Русскія Вѣдомости.** Газета политическая. Ц. съ дост. и пер. 11 р., $\frac{1}{2}$ г. 6 р.
- Русь.** Газета политич. и литерат. Ежедневно. Ц. съ дост. и пер. 3 р., съ ежемѣсячными и ежемѣсячными приложеніями; ц. 8 р.
- С.-Петербургскія Вѣдомости.** Газета политическая и литературная; выходитъ ежедневно. Ц. съ дост. 17 р., съ пер. 18 р.
- St.-Petersb. Herald.** Ежедневно. Политическая и литературная газета. Ц. съ дост. 13 р., съ пер. 14 р.; за 6 м. 7 р. 50 к. съ дост. и пер.
- St.-Petersburg Zeitung.** Газета политическая, ежедневная. Ц. съ дост. 13 р., съ пер. 14 р.
- СВѢТЪ.** Газета политическая и литературная. Ежедневно. Ц. съ дост. и пер. 4 р., съ приложеніемъ романовъ и повѣстей 8 р.
- Сельскій Вѣстникъ.** Ежедневная народная газета. Ц. съ дост. 2 р., съ пер. 2 р. 60 к.
- Сенатскія Вѣдомости** съ собраніемъ указовъ. Ц. съ дост. и пер. 9 р. 55 к.
- Стрекоза.** Художественно-юмористич. журналъ. Ежемѣсячно. Ц. съ дост. 9 р., съ пер. 10 р.; $\frac{1}{2}$ г. 6 р.
- Судебная Газета.** Ежедневная газета. Ц. въ годъ 7 р.
- Сѣверный Вѣстникъ.** Литературно-научный и политическій журналъ. 12 №№ въ годъ. Ц. съ дост. 12 р. 50 к., съ пер. 13 р. 50 к.
- Сѣверъ.** Литературный иллюстрированный журналъ. 52 №№ въ годъ. Ц. съ дост. и пер. 7 р.
- Сынъ Отечества.** Газета политич., ученая и литерат. Выходитъ ежедневно. Ц. съ дост. и пер. 8 р.
- Второе изданіе безъ приложен. 4 р.
- Тифлиссійскій Листокъ.** Ежедневная газета. Ц. съ дост. и пер. 6 р.
- Чтеніе для солдатъ.** 6 книгъ въ годъ. Ц. съ дост. и пер. 4 р.

Шахматы. Выходятъ 2 раза въ мѣсяцъ Ц. 5 р.
Школьное Образование съ приложениемъ „Сборника“. Еженедѣльная общепедагогическая газета. Ц. съ пер. и доставкой 5 р.
Шутъ. Художественно-юмористическій журналъ каррикатуръ. Еженедѣльно. Ц. съ дост. и перес. 7 р., съ премією 7 р. 65 к.

П о л ь с к і я .

Atheneum. Pismo naukowe i literackie. Rocznie 12 zeszytów, rs. 12.
Biblioteka najcenniejszych utworow literatury europejskiej. 12 zeszytów, rs. 6.
 — romansów i powiesci. 52 numera, rs. 6 kop. 80.
 — Warszawska. 12 zeszytów, rs. 10.
Biesiada literacka. Pismo literackie illustrowane. 52 num., rs. 6 z dodatkiem powiesci, rs. 8.
Bluszez. Pismo tygodniowe illustr. dla kobiet. 52 num., rs. 10. Z dodatkiem mód kolorowanych i krajów. Wydanie II rs. 13; wydanie III rs. 16.
Czasopismo Techniczne, miesięczne Kraków. Rs. 6 kop. 80.
Echo Muzyczne i Teatralne. Tygodnik literacko-artystyczny, zawiera utwory zagranicznych i krajowych kompozytorów. Z bezpłatnym dwutygodniowym dodatkiem not, rs. 10.
Gazeta Handlowa, codziennie, rs. 11.
Gazeta Lekarska. 52 numera. rs. 6.
Gazeta Polska, dziennik polityczny, rs. 12.
Gazeta przemyslowo - rzemieślnicza, pismo tygodniowe, rs. 5 k. 20.
Gazeta Rolnicza, rs. 9. Z Kurjerem rolniczym, rs. 13.
Gazeta Sadowa Warszawska. 52 numera, rs. 8.
Gazeta Swiateczna. 52 numera, rs. 3.
Gazeta Warszawska codziennie, rs. 12.
Izraelita. Organ poświęcony sprawom religii i oświaty. 22 numera. rs. 8.
Kolce. Tygodnik humorystyczny, rs. 8.
Kosmos. Czasopismo polskiego Towarzystwa przyrodników w imienia „Kopernika“. Lwów, 21 zeszytów, rs. 6.
Kraj, tygodnik polityczno-społeczny w Petersburgu, rs. 12.
Kronika Lekarska. Dwutygodnik naukowy, poświęcony przeglądowi postępów nauk lekarskich, rs. 6.
Kronika Rodzinna. 52 numera, rs. 5.
Kurjer Codzienny, dziennik, rs. 9.

Kurjer Poranny. Wychodzi codziennie, rs. 8.
Kurjer Bolniczy. 52 numera, rs. 5.
Kurjer Swiateczny. Wychodzi co niedziela i święta, rs. 4.
Kurjer Warszawski, dziennik, rs. 12.
Kwartalnik Historyczny. 4 numera, rs. 6.
Medycyna, Tygodnik lekarski, pod redakcyą d-ra Benni, rs. 6.
Mucha. Tygodnik humorystyczny illustrowany, rs. 5.
Niwa. Dwutygodnik naukowy, literacki i artystyczny, rs. 9.
Ogrodnik Polski. Dwutygodnik illustrowany, rs. 8.
Prawda. Tygodnik polityczny, społeczny i literacki. Pod redakcyą Aleksandra Świętochowskiego. 6. rs. 10.
Przegląd tygodniowy życia społecznego, literatury i sztuk pięknych, rs. 10; z dodatkiem rs. 12.
Przyjaciel dzieci. Pismo tygodniowe, rs. 5.
Przyjaciel zwierząt domowych i pożytecznych. Miesięcznik, rs. 3.
Rola. Tygodnik poświęcony sprawom społecznym, ekonomicznym i literackim, rs. 8.
Rolnik. Czasopismo dla gospodarzy wiejskich (Lwów). Rocznie 24 numerów, rs. 6.
Romans i Powiesc. 52 numera, rs. 4.
Słowo. Gazeta codzienna, rs. 12.
Sylwan piśmo poświęcone leśnictwu, rs. 5.
Tygodnik illustrowany, pośw. literaturze, nauce i sztuce pięknej, z tygodniowym dodatkiem powiesci, rs. 12.
Tygodnik mód i powiesci. Z dodatkiem illustrowanych ubrań i robót kobiecych, rs. 5.
Tygodnik powiesci. Poznań, rs. 4.
Tygodnik Romansów i Powiesci, rs. 4.
Wędrowiec. Pismo illustr., obejmujące podróże, rs. 8.
Wiadomosci farmaceutyczne (tylko rocznie), rs. 5.
Wieczory rodzinne. Czasopismo tygodniowe illustrowane dla dzieci, rs. 5.
Wiek, dziennik polityczny i społeczny. rs. 12.
Wszechswiat. Tygodnik popularny, poświęcony naukom przyrodniczym. Pod redakcyą B. Znatowicza, rs. 10.
Zdrowie, miesięcznik poświęcony higienie, rs. 5.
Zorza. Pismo dla miast i wiosek. Rocznie 52 Nr., rs. 4.

КНИГИ, Вновь поступившія въ магазинъ въ теченіе послѣднаго мѣсяца, обозначены *.

Вышли и разосланы подписчикамъ
I, II, III, IV и V-й выпуски
„ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ“
Юганна Шерра.

Переводъ сдѣланъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія подъ редакціей и съ примѣчаніями П. И. Вейнберга.

Содержаніе V выпуска: Средневѣковой театр. Отд. 2-й. Франція: Провансальскіе трубадуры.—Сѣверо-французскіе труверы.—Сатара, какъ протавуположность роман-мантизму: Рабл.—Начатки французской національной литературы.—Французскій классицизмъ (16 рис. въ текстѣ). Отдѣльныя приложенія. Портреты: 1) Мольеръ и 2) Расинъ.

Подписка продолжается. Все изданіе будетъ заключаться въ 20 выпускахъ, что составитъ два большихъ тома, около 1000 страницъ, со множествомъ гравюръ и картинъ, печатанныхъ черною и цвѣтными красками, портретовъ, автографовъ, факсимиле и отдѣльныхъ приложеній. Всѣ клише для этого изданія заказаны издателями для художественнаго выполненія въ Штутгартѣ (Германія). Отдѣлы русской и славянской литературы будутъ обработаны болѣе подробно и самостоятельно.

Изданіе закончится весною 1896 года.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ВСЕ ИЗДАНИЕ:

Безъ доставки 6 р. Съ доставкой и пересылкой 8 руб. Допускается расрочка: при подпискѣ въ ноябрѣ 4 р. и затѣмъ ежемѣсячно по 1 руб. до уплаты полной стоимости. Первый выпускъ можетъ быть высланъ отдѣльно за 50 коп.

Гг. нѣгородніе благоволятъ обращаться въ книжный магазинъ „Русской Мысли“, Москва, Большая Никитская, д. № 2—24.

Издатели Д. В. Байновъ и №.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ
на общественно-литературную газету

„МИНСКІЙ ЛИСТОКЪ“
IX ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Подъ новою редакціей приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы поставить изданіе на надлежащую высоту въ смыслѣ строгаго выбора предназначаемаго для печатанія матеріала; въ этихъ видахъ къ сотрудничеству въ газетѣ привлечены вполнѣ опытныя и свѣдущія въ газетномъ дѣлѣ лица. Въ 1896 подписномъ году въ „Минскомъ Листѣ“, помимо отдѣловъ, существующихъ въ любой столичной газетѣ, будутъ помѣщаться кратическіе фельетоны, посвященные обзорѣннѣ выходящихъ въ Россіи журналовъ. Редакція газеты озаботилась также о томъ, чтобы подписчики „Минскаго Листа“ получали своевременныя свѣдѣнія о предстоящихъ въ будущемъ году правдстввахъ Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ и объ открывающейся въ Нижнемъ-Новгородѣ всероссійской художественно-промышленной выставкѣ; для этой цѣли она будетъ выпускать съ 1 января 1896 года, въ видѣ прибавленій, Телеграммы Россійскаго Телеграфнаго Агентства четыре раза въ недѣлю, исключая очередные номера газеты. Такимъ образомъ, безъ увеличенія подписной платы, подписчики „Минскаго Листа“ на 1896 г. будутъ имѣть почти ежедневную газету. Телеграммы будутъ печататься общаго содержанія и коммерческаго; въ прибавленіяхъ будутъ помѣщаться также разнаго рода объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

съ пересылкой—на годъ 4 р., на 9 мѣс. 3 р., на полгода 2 р. 50 к., на 3 мѣс. 1 р. 50 к. и на 1 мѣс. 75 к., безъ доставки и пересылки—на годъ 3 р., на 9 мѣс. 2 р. 50 к., на полгода 2 р., на 3 мѣс. 1 р. и на 1 мѣс. 50 к.

Подписка принимается въ главной конторѣ въ городѣ Минскѣ губ.

За редактора издатель Е. И. Зинковскъ.

Открыта подписка на 1896 годъ
на ТРИ изданія:

I.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

„НОВОСТИ ДНЯ“.

XIV годъ изданія.

Газета отводит на своихъ столбахъ мѣсто всему выдающемуся въ русской жизни, отбѣчая событія въ возможной полнотѣ и яркой, живой и общедоступной формѣ.

Помимо обширной мѣстной хроники, въ „НОВОСТЯХЪ ДНЯ“ помѣщаются ежедневно многочисленныя телеграфныя сообщенія и корреспонденція отъ собственныхъ корреспондентовъ изъ Петербурга, изъ провинціи и крупнѣйшихъ заграничныхъ центровъ — изъ Парима, Берлина, Лондона и друг. Ежедневно помѣщается беллетристическій фельетонъ.

Желая, кромѣ того, дать читателямъ иллюстраціи къ тому богатому матеріалу, который помѣщается въ ежедневной газетѣ „НОВОСТИ ДНЯ“, редація, благодаря постоянно возрастающему усилію газеты, нашла возможнымъ дать

всѣмъ своимъ подписчикамъ БЕЗПЛАТНО

другое свое изданіе — еженедѣльный иллюстрированный журналъ

„С Е М Ь Я“.

Несмотря на то, что „СЕМЬЯ“ служитъ бесплатнымъ приложеніемъ для подписчиковъ „НОВОСТЕЙ ДНЯ“, журналъ этотъ представляетъ собою вполне независимое изданіе, въ которомъ помѣщается много интереснаго текста и масса портретовъ (перарховъ православной церкви, государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, представителей науки и искусствъ и т. д.) и рисунковъ, относящихся къ злобѣ дня. Какъ читатели могутъ сами судить по примѣру прошлыхъ лѣтъ, „СЕМЬЯ“ по размѣрамъ своимъ и богатству содержанія не уступаетъ ни одному изъ дорогихъ русскихъ еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ изданій.

Въ 1896 г., въ виду предстоящаго Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, «СЕМЬЯ» дастъ на своихъ страницахъ цѣлый рядъ оригинальныхъ рисунковъ, относящихся къ этому знаменательному событію.

Въ будущемъ же году предстоитъ открытіе всероссійской художественно-промышленной выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ. „СЕМЬЯ“ посвятитъ выставкѣ рядъ своихъ номеровъ, а на ряду съ описаніемъ будетъ помѣщать альбомъ рисунковъ и иллюстрацій по всѣмъ отдѣламъ будущей выставки.

Для ознакомленія съ журналомъ „СЕМЬЯ“ можетъ быть высланъ любой номеръ его **БЕЗПЛАТНО**.

Подписная цѣна на „НОВОСТИ ДНЯ“ вмѣстѣ съ еженедѣльн. журналомъ „СЕМЬЯ“, въ годъ 10 р., на шесть мѣсяцевъ 5 р. 50 к., на три мѣсяца 3 р., на одинъ мѣсяць 1 р.
Въ Москвѣ въ годъ 8 р.

II.

Еженедѣльный иллюстрированный журналъ

„С Е М Ь Я“.

IV годъ изданія.

Несмотря на свою дешевизну, журналъ „СЕМЬЯ“ представляет собою вполне изящное изданіе, въ которомъ помѣщается много интереснаго текста и масса портретовъ (іерарховъ православной церкви, государственныхъ и общественныхъ дѣателей, представителей науки и искусствъ и т. п.) и рисунковъ, относящихся къ злобѣ дня.

„СЕМЬЯ“ выходитъ по слѣдующей программѣ: 1) Изящная литература: романы, повѣсти, рассказы, очерки, стихотворенія, драматическія произведенія — оригинальныя и переводныя. 2) Научныя обзоренія и критика: литературная, театральная, художественная и музыкальная. 3) Историческія очерки и путешествія. 4) Биографія. 5) Спортъ всѣхъ видовъ. 6) Изобрѣтенія, хозяйственныя свѣдѣнія, моды и смѣсь. 7) Задачи, шарады, ребусы, игры, ноты. 8) Почтовый ящикъ. 9) Снимки съ картинъ современныхъ художниковъ. 10) Иллюстраціи ко всѣмъ отдѣламъ. Портреты выдающихся дѣателей. Рисунки, объясненія къ рисункамъ. Визитки и пр. По размѣрамъ своимъ и богатству содержанія „СЕМЬЯ“ не уступаетъ ни одному изъ дорогихъ русскихъ еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ изданій.

Въ 1896 г., въ виду предстоящаго Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, „СЕМЬЯ“ дастъ на своихъ страницахъ цѣлый рядъ оригинальныхъ рисунковъ, относящихся къ этому знаменательному событію.

Въ будущемъ же году предстоитъ открытіе всероссійской художественно-промышленной выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ. «СЕМЬЯ» посвятитъ выставкѣ рядъ своихъ номеровъ, и на ряду съ описаніемъ будетъ помѣщенъ альбомъ рисунковъ и иллюстрацій по всѣмъ отдѣламъ будущей выставки.

Подписная цѣна въ годъ 3 руб.

III.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„Новости Иностранной Литературы“.

VI годъ изданія.

Выходитъ ежемѣсячными книжками и даетъ въ русскомъ переводѣ лучшія произведенія иностранныхъ писателей: французскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ, итальянскихъ, шведскихъ и пр.

Подписная цѣна въ годъ 3 р., съ журналомъ «СЕМЬЯ» 5 р., вмѣстѣ всѣ три изданія 13 р.

Адресъ: Главная контора газеты «Новости Дня» и журналовъ «Семья» и «Новости иностранной литературы»: Москва, Красныя ворота, соб. домъ.

Издатель А. Липскеровъ.

годъ изданія 84-й.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА.

годъ изданія 84-й

1812.

Большая ежедневная политическая и литературная газета

1896

(БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ)

„СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“

печатается ежедневно (въ 2-хъ изд.) въ количествѣ 48,500 экземпляровъ
 первое изданіе выходитъ ежедневно листами большого формата
 СЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

Въ ежедневныхъ номерахъ газеты, кромѣ статей по современнымъ вопросамъ, сообщаются о всѣхъ выдающихся событіяхъ въ придворной, духовной и военной сферахъ, а также всѣ важныя новости для столичной, вну-

НА ГОДЪ СЪ ДОСТАВКОЮ.

8

НА ГОДЪ СЪ ДОСТАВКОЮ.

тренней и иностранной жизни по свидѣніямъ специальныхъ корреспондентовъ газеты и телеграммъ, одновременно съ другими дорогими изданіями, а потому газета *Сынъ Отечества* въ первомъ (большомъ) изданіи

ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЕТЪ ДОРОГОЕ ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ.

Кромѣ ежедневныхъ номеровъ газеты, годовые подписчики получаютъ:

- 1) **52 НУМЕРА ВОСКРЕСНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ**, печатаемыхъ на веленовой глазированной бумагѣ, въ видѣ еженедѣльнаго иллюстрированного журнала, гдѣ помѣщаются романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія и болѣе 300 художественныхъ рисунковъ.

Въ виду предстоящаю въ 1896 году Священнаго Коронованія Имъ Императорскихъ Величествъ, въ газетѣ „Сынъ Отечества“ будетъ помѣщенъ рядъ оригинальныхъ рисунковъ и описаній, относящихся къ этому событію.

ВСЕРОССИЙСКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ВЫСТАВКА

также займетъ видное мѣсто въ газетѣ, какъ въ рисункахъ, такъ и описаніяхъ.

- 2) **ДВѢНАДЦАТЬ НУМЕРОВЪ „МОДЫ И РУКОДѢЛІЯ“** замѣняютъ „МОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ“.

- 3) **СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ** (съ картою Россіи) раскладывается при первомъ номерѣ.

НОВОЕ БЕСПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ.

Всѣ годовые подписчики газеты „Сынъ Отечества“ въ 1896 году получаютъ бесплатно и безъ всякой приплаты за пересылку

ИЗБРАННЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ ЛЮБИМАГО РУССКАГО ПИСАТЕЛЯ

А. МИХАЙЛОВА,

гдѣ, между прочимъ, будутъ помѣщены: портретъ, біографія автора и два большіе номера романа, произведшихъ при своемъ появленіи громадную сенсацию въ литературномъ мѣрѣ, а именно:

- 1) „ЖИЗНЬ ШУПОВА“.—2) „ЛѢСЪ РУБЯТЪ—ЩЕПКИ ЛЕТАЮТЪ“.

Въ отдѣльной продажѣ стоимость этихъ изданій—ПЯТЬ РУБЛЕЙ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на первое изданіе (съ доставкою):

На годъ 8 руб.—На полгода 4 руб. 50 коп.—На три мѣсяца 2 руб. 50 коп.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ ГАЗЕТЫ „СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ газеты „Сынъ Отечества“ выходитъ ежедневно листами малаго формата. Въ номерахъ газеты помѣщаются всѣ выдающіяся новости, а также придворныя, административныя, военныя и научныя извѣстія и телеграммы одновременно со всими другими дорогими изданіями.

НА ГОДЪ СЪ ДОСТАВКОЮ.

4

НА ГОДЪ СЪ ДОСТАВКОЮ.

Кромѣ того на страницахъ второго изданія помѣщаются художественно выполненные портреты Высочайшихъ Особъ, современныхъ русскихъ и иностранныхъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, сосредоточивавшихъ на себѣ, въ извѣстный моментъ, особое вниманіе общества.

Подписная цѣна на второе изданіе (съ доставкою и пересылкою по Россіи):

На годъ 4 руб. || На полгода 2 руб. || На три мѣсяца 1 руб.

Съ подпискою проситъ обращаться исключительно въ главную контору: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Анничкина моста, д. № 68—40.

Подробное объявленіе высылается изъ конторы по требованію бесплатно.

1896.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА.

1896.

на большой семейный иллюстрированный и литературный журнал

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ.

Въ вступающемъ 1896 году въ журналъ „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ и его ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеніяхъ, несмотря на громадные расходы, вводятся важныя и существенныя улучшенія, дающія возможность нашимъ подписчикамъ имѣть два самостоятельныхъ литературныхъ изданія, не возвышая прежней подписной цѣны:

52 Иллюстрированныхъ номера, гдѣ помѣщаются только новыя литературныя произведенія извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей. Каждый номеръ состоитъ, въ общемъ, изъ 2½—3-хъ листовъ большого формата, отпечатанныхъ на роскош. бумагѣ, съ большими гравюр. лучшихъ художниковъ.

Въ виду предстоящаго въ 1896 году Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, а также открытія въ Нижнемъ-Новгородѣ „Всероссійской художественно-промышленной выставки“, журналъ „Живописное Обзоріе“ дастъ цѣлый рядъ оригинальныхъ рисунковъ, относящихся къ этимъ событіямъ.

ПРИ НУМЕРАХЪ ЖУРНАЛА, МЕЖДУ ПРОЧИМЪ, ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА БУДЕТЪ ВЫДАНО:

- 1) 52 номера—„Хроника событій за недѣлю“.—2) 12 номеровъ „Парижскихъ новѣйшихъ модъ“ съ рисунками. — 3) 12 раскрашенныхъ модныхъ картинъ (новость). — 4) 12 выкроекъ въ натуральную величину.—5) Рисунки для вышивки бѣлья, платьевъ, костюмовъ, шерстью, сурками, шелкомъ, золотомъ и проч.—6) Рисунки для выпиванія (оригинальные) разныхъ изящныхъ предметовъ, полезныхъ въ хозяйствѣ.—7) 12 новѣйшихъ музыкальныхъ пьесъ (романсы, танцы и проч.).—8) Стѣнной календарь, отпечатанный цвѣтными красками и золотомъ.

ВМѢСТО БЕЗПЛАТНЫХЪ ПРЕМІЙ ВЪ 1896 ГОДУ БУДЕТЪ ВЫДАНО:

ДВѢНАДЦАТЬ БОЛЬШИХЪ ТОМОВЪ,

въ составъ которыхъ входятъ новыя историческія, этнографическія и современныя романы, повѣсти, рассказы и стихотворенія русскихъ и иностранныхъ писателей, а также научныя, сельско-хозяйственныя статьи, смѣсь и проч.

Томы эти будутъ выходить ежемѣсячно (между 1 и 10 числами), вѣдливо отпечатанными, въ форматѣ большихъ ежемѣсячныхъ журналовъ, въ размѣрѣ отъ 20 до 25 листовъ. Каждый томъ будетъ состоять изъ новыхъ произведеній русскихъ и иностранныхъ писателей. Въ каждомъ томѣ, между прочимъ, обязательно будетъ помѣщенъ ОДИНЪ вполне законченный романъ или повѣсть, изъ коихъ нѣкоторые будутъ иллюстрированы извѣстными художниками и дополнены портретами писателей и выдающихся личностей.

Несмотря на новыя весьма цѣнныя улучшенія въ нашемъ изданіи, ставящія его, ко богатству и разнообразію литературнаго и художественнаго матеріала, въ всякихъ сравненій съ существующими однородными изданіями,

ПОДПИСНАЯ ГОДОВАЯ ЦѢНА ОСТАЕТСЯ ПРЕЖНЯЯ:

на годъ (съ доставкою въ Спб. и по Имперіи) 8 р., безъ доставки въ Спб. 7 р.,—
Въ Москвѣ—7 р. 75 к., на полгода (съ доставкою)—4 р. 50 к., на три мѣсяца—2 р. 50 к., за границу на годъ—16 р.

Разсрочка взносовъ на другіе сроки допускается по соглашенію съ глав. конторой.

Съ подпиской и требованіями просить обращаться въ главную контору журнала: Спб., Невскій просп., у Аничкина моста, д. № 68—40.

Подробное и иллюстрированное объявленіе высылается изъ конторы, по требованію, бесплатно.

ВЫСТАВКА „БУДИЛЬНИКА“.

Редакция журнала „Будильникъ“, желая ознаменовать 32-й г. своего существования, открываетъ въ 1896 г. выставку общечеловѣческихъ курьезовъ, людскихъ благоглупостей и житейскихъ „перловъ“ нашей обыденной жизни. Въ виду этого

ПОДПИШИТЕСЬ НА ЖУРНАЛЪ

Будильникъ

ПРЕМИА №№ 50
Годовымъ подписчикамъ

„ПЛОДЫ ПРОСВѢЩЕНІЯ“

ГР. Л. Н. ТОЛСТОГО.

Полный томъ, 8 фот. группъ со сцены театра Корнѣя и портретъ автора.
Годовая подписка для иностранцевъ безъ премии 9 р., съ преміей 10 р.; Полугодовая—5 р.
Въ Москвѣ рублѣтъ дешевле. Жалованіе разорочка: 5 р. при подпискѣ
и 5 р. 1-го іюля.

Адресовать: въ Москву, въ редакцію „БУДИЛЬНИКЪ“.

Спемъ „Плоды просвѣщенія“ сняты съ натуры фотографомъ-художникомъ К. А. Фишеромъ.

Выставка „Будильника“ представляетъ 50 №№, а каждый № слѣдующіе отдѣлы: Карри-натуры на серьезную тему и карикатуры смѣхотворныя. Светящіеся фонтаны краснорѣчія на злобы дня. Поразительныя картины провинціи въ рисункахъ и описаніяхъ. Домашній театр—пародіи собственныхъ драматурговъ. Звонки—калейдоскопы малень-кихъ шутокъ въ стихахъ и прозѣ. Политическія шалости карандашомъ и перомъ. Новость — Оригинальные иллюстрированные юмористическіе рассказы изъ русской жизни и Новѣйшая новость — „Нижегородская выставка“. Тузы и двойки экспонентовъ выставки. Веселый путеводитель. Кромѣ того, въ каждомъ №—Приложенія: 1) новѣйшія пьесы текущаго веселаго репертуара и 2) забавные рассказы иностраннаго произво-дства и собственного ролива.

Подписныя деньги адресовать: Москва, редакція „Будильникъ“.

„ХАРЬКОВСКІЯ ГУБ. ВѢДОМОСТИ“

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО.

ПОСТОЯННЫЯ РУБРИКИ ГАЗЕТЫ СЛѢДУЮЩІЯ:

- 1) Передовыя статьи по вопросамъ внутренней и вѣшной политики.
- 2) Отдѣльныя статьи, посвященныя обсужденію мѣстныхъ и общихъ вопросовъ.
- 3) Мѣстныя извѣстія (городскія и изъ уѣздовъ).
- 4) Послѣднія извѣстія (міропріятія, слухи, проекты и т. п.).
- 5) Телеграммы.
- 6) Обзоръ періодической печати (столичной и провинціаль-ной).
- 7) Корреспонденція.
- 8) Новости науки, литературы и искусства.
- 9) Театръ и музыка.
- 10) Внутреннія извѣстія.
- 11) Земская и городская хроника.
- 12) Вѣшнія извѣстія.
- 13) Судебный отдѣлъ.
- 14) Фельетоны (беллетристика оригинальная и пере-водная, критика и разборъ журналовъ, научные очерки и т. п.).
- 15) Библиографиче-скія замѣтки.
- 16) Смѣсь.
- 17) Справочный отдѣлъ.

Подписка принимается въ Харьковѣ, въ конторѣ „Харьковскихъ Вѣдомостей“.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И:

	12м.	11м.	10м.	9м.	8м.	7м.	6м.	5м.	4м.	3м.	2м.	1м.	
Съ пересылкой	10	—	9 50	9 —	8 —	7 —	6 20	5 75	5 —	4 —	3 —	2 10	1 20
Съ доставк. въ Харьковѣ	9 25	8 50	8 —	7 —	6 50	5 50	5 —	4 —	3 50	2 50	2 —	1 —	
Безъ доставк.	8 25	8 —	7 50	6 50	6 —	5 25	4 50	3 75	3 —	2 25	1 50	— 80	

„Вопросы Философiи и Психологiи“.

ИЗДАНИЕ

МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,
СОСТОЯЩАГО ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Журналъ выходитъ пять разъ въ годъ (въ срединѣ января, марта, мая, сентября и ноября) книгами не менѣе 15 печатныхъ листовъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

На годъ (съ 1-го января 1895 г. по 1-е января 1896 г.): безъ доставки—6 р., съ дост. въ Москвѣ—6 р. 50 к., съ перес. въ другіе города—7 р., за границу—8 руб.

Учащiеся, сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются скидкой въ 2 руб. Подписка на льготныхъ условiяхъ принимается только въ конторѣ редакціи.

Подписка, кромѣ книжныхъ магазиновъ „Новаго времени“ (С.-Пб., Москва, десса и Харьковъ), Нарбаснинова (С.-Пб., Москва, Варшава), Вольфа (С.-Пб. и Москва), Оглоблина (Кіевъ), Башманова (Казань) и другихъ,—принимается въ конторѣ журнала: Москва, Никитская, д. № 2—24 (въ помѣщеніи журнала «Русская Мысль»).

Въ 1895 году напечатаны, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Вл. С. Соловьева. «Аскетическое начало въ нравственности».—*Ею же.* «О добродѣтеляхъ».—*Ею же.* «Мнимыя начала правильного поведенiя».—*Б. Н. Чичерина.* «Пространство и время».—*А. А. Козлова.* «Теорiя искусства съ точки зрѣнiя Тейхмюллера».—*А. С. Лебедева.* «Словорода, какъ богословъ».—*Н. Я. Грота.* «Устой нравственной жизни и дѣятельности».—*Л. М. Лопатина.* «Параллелистическая теорiя душевной жизни».—*Кн. С. Н. Трубецкою.* «Научная дѣятельность А. М. Иванцова-Платонова».—*Ею же.* «Этика и догматика».—*М. С. Корелина.* «Отношеніе А. М. Иванцова-Платонова къ исторической наукѣ».—*Ею же.* «Этический трактатъ Лоренцо Валлы».—*В. А. Гольцева.* «Самуилъ Пуфендорфъ».—*П. Д. Боборыкина.* «Природа красоты».—*В. А. Вагнера.* «Генезисъ и развитіе музыки».—*Ею же.* «О прекрасномъ въ музыкѣ».—*А. А. Токарскаю.* «Происхожденіе и развитіе нравственныхъ чувствъ».—*Л. О. Даршкевича.* «Объ интеллектуальной сферѣ женщины» и другія.

Предполагаемое содержаніе ноябрьской книги (№ 30) 1895 г.

М. С. Корелина. «Этический трактатъ Лоренцо Валлы».—*Ею же.* «О удовольствіи и объ истинномъ благѣ».—*А. А. Козлова.* «Сознаніе Бога и знаніе о Богѣ».—*Л. М. Лопатина.* «Явленіе и сущность жизни сознанiя».—Статьи *Н. Я. Грота.* *Л. В. и С. Соловьева.*—*Л. Е. Оленскаго.* «Попытка научнаго примиренiя моральныхъ разногласiй».—*В. А. Гольцева.* «Памяти Гуго Гроція».—*Θ. А. Зеленоюрскаю.* «Ив. Г. Шадъ».—*Критика и библиографiя.*—*Психологическое общество*—и проч.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ

(XV годъ изданія)

на ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для дѣтей
школьнаго возраста

„РОДНИКЪ“

И ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ

„Воспитаніе и Обученіе“.

Родникъ въ 1896 г. будетъ издаваться подъ тою же редакціей, въ томъ же духѣ и направленіи, что и въ минувшія 14 лѣтъ.

Родникъ выходитъ перваго числа каждаго мѣсяца книжками большого формата, со многими рисунками въ текстѣ, портретами и отдѣльными картинками.

Въ 1896 году въ Родникѣ, между прочимъ, будутъ помѣщены: вторая часть очерковъ изъ морской жизни К. М. Станюковича, подъ названіемъ *Вокругъ свѣта на „Коршунѣ“*, и новая біографическая повѣсть В. П. Авенаріуса: *Жизнь и приключенія Гоголя - студента*.

Вмѣстѣ съ Родникомъ можно получать ежемѣсячный педагогическій листокъ *Воспитаніе и Обученіе*, посвященный вопросамъ семейнаго воспитанія, домашняго обученія и дѣтскаго чтенія.

Родникъ рекомендованъ и одобренъ учеными и учебными комитетами: Мин. Нар. Просв., Святѣйшаго Синода, собственной Е. И. В. канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи и Глав. Управл. военно-учебныхъ заведеній. Удостоенъ почетнаго диплома на педагогической выставкѣ Общества Трудолюбія въ Москвѣ. Мин. Нар. Прос. признавъ необходимымъ для выписки въ ученическія бібліотеки городскихъ училищъ и учительскія бібліотеки народныхъ школъ за всѣ годы его существованія (т.-е. съ 1882 г.).

Условія подписки на 1896 годъ прежнія:

Съ доставкой и пересылкой.	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.
На одинъ «Родникъ»	5 р.	2 р. 50 к.	1 р. 25 к.
На «Родникъ» и педагогическій листокъ «Воспитаніе и Обученіе»	6 »	3 » — »	1 » 50 »
За границу	8 »	4 » — »	2 » — »
Отдѣльно на педагогическій листокъ «Воспитаніе и Обученіе»	2 »	1 » — »	— » 50 »

Адресъ конторы: С.-Петербургъ, Невскій пр., 106, при «Русскомъ книжномъ магазинѣ» Н. Н. Морева.

За издателя Н. Моревъ. Редакторъ Алексѣй Альмедингенъ.

Открыта подписка на ежемѣсячный журналъ съ картинками *«Читальня Народной Школы»* (9-й годъ изданія). Цѣна съ доставкой и пересылкой 3 рубля въ годъ.

1-го ноября вышла ноябрьская книжка иллюстрированного ежемѣсячнаго журнала для дѣтей школьнаго возраста

„ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“.

СОДЕРЖАНИЕ: 1) Бѣлобобый. Разсказъ. Ант. П. Чехова. Съ тремя рисунками художника В. И. Андреева. 2) Ручей и его исторія (По Элизе Реклю). VII. Источники долины. VIII. Пороги и водопады. IX. Излучины и водороты. (Продолженіе). Д. А. Коробчевскаго. 3) Птицы. (Стихотвореніе). Л. М. Медвѣдова. Съ двумя рисунками. 4) Голодъ. (Исторія одного волка). Разсказъ. Гл. I—III. И. И. Поталенна. Съ двумя рисунками художника В. И. Андреева. 5) О книгахъ и сочинителяхъ. X. Книжки законовъ. Насмѣшливыя сказки про Ерша Щетинника и Шемякинъ судъ. Стоглавъ. Домострой. (Продолженіе). В. Н. Ладыженскаго. 6) Слѣпой (Изъ „Слѣпотаго музыканта“ В. Г. Короленка). Гл. IX—XIV (Окончаніе). Пересказано М. В. Лунашевичемъ. Съ двумя рисунками художника Николаева. 7) Олимпійскій праздникъ. (Продолженіе). С. В. Зенченко. Съ двумя рисунками. 8) На чумбинѣ. Разсказъ. В. В. Огаркова. Съ двумя рисунками. 9) Набардинскія сказанія о Кавказскихъ вершинахъ. 1. Эльбрусъ. 2. Машука. 3. Бештау. Съ тремя рисунками художника П. Литвиненка. 10) Дѣдушка „Дѣтскаго Чтенія“ и его время. (Николай Ивановичъ Новиковъ). В. Е. Ермилова. 11) Благодѣтель челоуѣчества. Съ портретомъ Пастѣра. В. Б. 12) По бѣлу свѣту: Птичье царство на берегахъ сѣверной Норвегіи. Отношеніе норвежцевъ къ русскимъ. 13) Новости изъ книгъ и журналовъ. Различныя свойства растеній. 14) Шарады, загадки и ребусы и т. д. 15) Рѣшенія. 16) Объявленія.

Подписка принимается въ редакціи: Москва, Тверская, д. Гиришмана, кв. 40, и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Цѣна съ пересылкою: на годъ—6 р., на полгода—3 р.; безъ пересылки: на годъ—5 р., на полгода—2 р. 50 к.

Открыта подписка на 1896 годъ.

Издательница Е. Н. Тихомирова.

Редакторъ Д. И. Тихомировъ.

НОВЫЯ ИЗДАНИЯ библіотеки журнала „Дѣтское Чтеніе“.

Вас. Ив. Немровичъ—Даченно. За Дунаемъ, вторая книжка: Старый фельдфебель. Наканунѣ. Въ походѣ. Подъ Плевну. Въ битвѣ. Ночное сраженіе. Счастье Токмакову. Дома. Днемъ на міру (печатлѣніе офицера). Однажды ночью (тоже). Прапорщикъ Марья Петровна. Картины зимняго похода. Въ горной бурѣ. Надъ бездной. Метель утихла. Бивакъ. На Балканахъ. По льду. Охотники. Бѣглецы. Собака. Настоящій герой. Враги. Цѣна 40 коп.

Его же. Гаврюшкинъ плѣнь. Повѣсть для дѣтей, со многими рисунками, издѣнное изданіе, цѣна въ папкѣ 75 к., въ бумажѣ 65 к.

Д. Н. Маминъ—Сибирякъ. Разсказы и сказки для дѣтей младшаго возраста: Старый воробей, Премьшъ, Пстойко, Сѣрая шейка, Упрямый козель, Медвѣдка, На и тѣ, Елка, Зеленая война, Лѣсная сказка, Искорки. Со многими картинками. Въ папкѣ ц. 75 к., въ бумажѣ—60 к.

Его же: Акъ-Бозать. Разск., съ картинками худ. А. Степанова. Издан. изд., ц. 10 к.

Его же: 1) Земля не принимаетъ. 2) Ангелочки. Ц. 10 к.

Его же: Последняя треба. Съ картинками. Ц. 10 к.

Складъ книгъ въ редакціи «Дѣтское Чтеніе». Выписывающіе изъ редакціи за пересылку не платятъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„С.-Петербургскія Вѣдомости“

въ 1896 году.

Приступая къ редактированію «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», князь Э. Э. Ухтомскій считаетъ необходимымъ заявить, что онъ будетъ относиться къ своей совершенно самостоятельной задачѣ безъ всякихъ предвзятыхъ взглядовъ и партійныхъ чувствъ. Задача газеты служить по мѣрѣ силъ выраженіемъ запросовъ и истинныхъ нуждъ государственной, общественной и народной жизни, черпать данныя для того въ постоянномъ общеніи съ людьми положительнаго идеала. Редакція намѣрена давать возможно полный критическій обзоръ религіозной и литературно-художественной жизни Запада во всѣхъ ея существенныхъ проявленіяхъ, но на ряду съ тѣмъ особенно выяснять значеніе и необходимость русскаго поступательнаго движенія въ Азіи, гдѣ наше грядущее главенство должно быть разсматриваемо какъ просвѣтительно-историческая миссія. «С.-Петербургскія Вѣдомости» будутъ открыты всему трезвому и гуманному, выше всего ставя вопросы о благѣ достоинствъ и величіи Россіи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Безъ назенныхъ прибавленій.				Съ назенн. прибавл.	
	На годъ	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.	На годъ	6 мѣс.
Безъ доставки	14 р.—к.	8 р.—к.	4 р.—к.	1 р. 50 к.	16 р.—к.	9 р.—к.
Съ достав. по гор. почтѣ	16 „—	9 „—	4 „ 50	1 „ 80	18 „—	10 „—
Съ пересылкой изъгород.	17 „—	10 „—	5 „ 50	2 „—	19 „—	11 „—
За границу	26 „—	14 „—	8 „—	3 „—	28 „—	16 „—

Подписка на газету съ казенными прибавленіями принимается только на годовой и полугодовой срокъ. Въ розничную продажу казенныя прибавленія не поступаютъ.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ князя Э. Э. Ухтомскаго, Шпалерная, 26, и въ книжномъ магазинѣ Меллье (Невскій пр., № 20); въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, № 61.

Иногородные адресуютъ: С.-Петербургъ, Шпалерная, 26.

Редакторъ-издатель *Князь Эсперъ Эсперовичъ Ухтомскій.*

Туда же можно обращаться за роскошнымъ иллюстрированнымъ изданіемъ сочиненія князя Э. Э. Ухтомскаго:

Путешествіе на Востокъ нынѣ благополучно царствующаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА.

Цѣна каждой изъ 4 отпечатанныхъ брошюрованныхъ частей 6 руб.

За каждыя 2 части въ общемъ переплетѣ 16 руб.

Открыта подписка на 1896 годъ

(ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ).

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО.

Программа газеты: I. Дѣйствія правительства. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внешней политики и общественной жизни. III. Обзорнiе газетъ и журналовъ. IV. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ „Южнаго Края“ и „Россійскаго Телеграфнаго Агентства“. V. Последнiя извѣстiя (сообщенiе собственныхъ петербургскихъ корреспондентовъ и извѣстiя другихъ газетъ). VI. Мѣстная хроника. VII. Наука и искусство. VIII. Театръ и музыка. IX. Отголоски (маленькiй фельетонъ). X. Вѣсти съ юга: корреспонденция „Южнаго Края“ и извѣстiя другихъ газетъ. XI. Со всѣхъ концовъ Россiи: корреспонденци „Южнаго Края“ и извѣстiя другихъ газетъ. XII. Внѣшнiя извѣстiя: заграничная жизнь, последняя почта. XIII. Фельетонъ: научный, литературный, художественный и общественной жизни. Беллетристика. XIV. Судебная хроника. XV. Критика и библиографiя. XVI. Смѣсь. XVII. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XVIII. Почтовый листокъ. XIX. Календарь. XX. Справочныя свѣдѣнiя: дѣла, назначенныя къ слушанiю въ судебныхъ учрежденiяхъ, свѣдѣнiя о торгахъ, аукционахъ, конкурсахъ и пр. Свѣдѣнiя о прибывшихъ грузахъ на ст. Харьковъ и другiя. XXI. Стороннiя сообщенiя. XXII. Объявленiя.

Редакцiя имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россiи.

Кромѣ того, газета получаетъ постоянныя извѣстiя изъ Петербурга и Москвы.

По поводу предстоящаго Священнаго Коронованiя Ихъ Императорскихъ Величествъ въ „Южномъ Краѣ“ своевременно будетъ помѣщенъ дѣлный рядъ рисунковъ, относящихся къ этому событiю; во время коронацiи ежедневно будутъ печататься телеграммы и сообщенiя собственныхъ корреспондентовъ изъ Москвы.

Годовымъ подписчикамъ «Южнаго Края» на 1896 годъ будетъ выданъ

АЛЬБОМЪ РИСУНКОВЪ,

относящихся къ торжеству Священнаго Коронованiя Ихъ Императорскихъ Величествъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА УМЕНЬШЕНА.

Подписная цѣна на 1896 годъ:

съ пересылкою иногороднимъ:

На 12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
Р. к.	Р. к.	Р. к.	Р. к.	Р. к.	Р. к.	Р. к.	Р. к.	Р. к.	Р. к.	Р. к.	Р. к.
11 —	10 50	10 —	9 20	8 50	7 80	7 —	6 —	5 —	4 —	3 —	1 50

съ доставкою въ Харьковъ:

10 —	9 50	8 —	8 25	7 50	6 75	6 —	5 25	4 50	3 40	2 40	1 20
------	------	-----	------	------	------	-----	------	------	------	------	------

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенiю съ редакцiей.

Подписка и объявленiя принимаются въ Харьковѣ — въ главной конторѣ газеты „Южный Край“, на Николаевской площади, въ Городскомъ домѣ.

Редакторъ-издатель *А. А. Иосифовичъ.*

Открыта подписка на 27-й годъ изданія.
Еженедѣльный иллюстрированный журналъ литературы, политики и современной жизни, со многими бесплатными приложениями и преміями.

„НИВА“ 1896 г.

Гг. подписчики „НИВЫ“ получаютъ въ теченіе 1896 года:

52 №№

художественно-литературнаго журнала „Нива“, заключающаго въ себѣ въ теченіе года около 1500 столбцовъ текста и 500 гравюръ и рисунковъ.

12 ТОМОВЪ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ
Д. В. ГРИГОРОВИЧА.

вновь пересмотрѣннаго и исправленнаго самимъ авторомъ, съ приложеніемъ при первомъ томѣ автографа и портрета Д. В. Григоровича, гравированнаго на стали Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ. Полное собраніе соч. Д. В. Григоровича будетъ выдано при „Нивѣ“ въ теченіе одного 1896 года, въ 12 томахъ, которые будутъ выходить въ началѣ каждаго мѣсяца и заключать въ себѣ всѣ сочиненія Д. В. Григоровича, а именно:

ТОМЪ I. *Петербургскіе шарманщики. Собѣдка. Лотерейный балъ. Деревня. Антоновъ Горемыка. Бобыль. Капельмейстеръ Сусликовъ. Четыре времени года.* ТОМЪ II. *Похожденія Накатова или недолгое богатство. Неудавшаяся жизнь. Свѣтлое Христоново Воскресеніе. Свиутулькины. Мать и дочь.* ТОМЪ III. *Проселочныя дороги.* Ром., ч. I. ТОМЪ IV. *Проселочныя дороги.* Ром., ч. II. ТОМЪ V. *Смедовская долина. Зимній вечеръ. Рыбаки.* ТОМЪ VI. *Переселенцы.* Ром. въ 5 ч. ТОМЪ VII. *Прохожд. Столичные родственники. Пахарь. Школа гостепріимства.* ТОМЪ VIII. *Скучные люди. Очерки современныхъ нравовъ. Въ ожиданіи парама. Почтенные люди, обремененные многочисленнымъ семействомъ. Кошка и мышка. Пахатникъ и бархатникъ.* ТОМЪ IX. *Корабль Ретвизанъ (Годъ въ Европѣ и на европейск. моряхъ).* ТОМЪ X. *Два генерала. Столичный воздухъ. Гутталерчевый мальчикъ. Алексій Чemezовъ (Недолгое счастье). Карьеристъ.* ТОМЪ XI. *Акробаты благотворительности. Сонъ Каралина (Отрывокъ изъ ром. „Петербургъ прошлаго времени“). На по-хорошу миль,—по-милу хорошѣ. Картины англійскихъ живописцевъ на выставкахъ 1862 г. въ Лондонѣ. Художественное образованіе въ приложеніи къ промышленности на всемирной Парижской выставкѣ 1867 г.* ТОМЪ XII. *Рождественская ночь. Мой дядя Бандуригъ. Замшевые люди (Заноса). Ком. въ 4 д. Городъ и деревня. Литературныя воспоминанія. Порфирій Петровичъ Кукушкинъ. Встрѣча.*

Сочиненія Григоровича отдѣльно отъ журнала „НИВА“ не продаются.

12 КНИГЪ

«ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ», въ увеличенномъ объемѣ, которыя будутъ выходить при „Нивѣ“ въ серединѣ каждаго мѣсяца и содержать въ себѣ романы, повѣсти, рассказы и проч. современныхъ авторовъ.

12 №№

„ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“, выходящихъ ежемѣсячно и содержащихъ до 300 модныхъ гравюръ.

12 ЛИСТОВЪ

рукодѣльных и выпильныхъ работъ (около 300) и до 300 чертежей выроекъ въ натуральную величину, выходящихъ ежемѣсячно.

ПОРТРЕТЪ

Государыни Императрицы АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ, съ подлинному оригиналу художника И. С. Галкина, размѣр. въ 18 вершк. вышины и 14 вершк. ширины.

„СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ“ на 1896 г., печатанный красками.

Подписная цѣна на годовое изданіе „НИВЫ“ со всѣми вышеозначенными приложениями: Безъ доставки въ С.-Пб. 5 р. Съ доставкой въ С.-Пб. 6 р. 50 к. Безъ доставки въ Москвѣ (въ конт. Н. Н. Печковской) 6 р. Съ пересылкою во всѣ города и мѣстности Россіи 7 р. За границу 10 р.

Требованія просить адресовать въ С.-Петербургъ, въ главную контору журналу „НИВА“ (А. Ф. Марусу), Малая Морская, д. № 22.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ

НА

НОВУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„КАЗБЕКЪ“.

Газета будетъ выходить во Владикавказѣ три раза въ недѣлю по воскресеньямъ, вторникамъ и четвергамъ

ПО СЛѢДУЮЩЕЙ ПРОГРАММѢ:

1) Дѣйствія и распоряженія правительства. 2) Статьи по экономическимъ, этнографическимъ, бытовымъ и другимъ вопросамъ, касающимся Кавказа вообще и Терской области по преимуществу. 3) Хроника: мѣстные происшествія, извѣстия внутреннія и внѣшнія, съ указаніемъ ихъ источниковъ. 4) Корреспонденція изъ разныхъ мѣстъ и телеграммы. 5) Судебная хроника безъ обсуждения рѣшеній. 6) Фельетонъ, новости изъ области наукъ и искусствъ, повѣсти, рассказы, очерки оригинальные и переводные, статьи популярно-научнаго содержания. 7) Смѣсь, справочныя свѣдѣнія и объявленія.

Подписная цѣна: съ доставкой во Владикавказѣ на годъ 6 руб., на 6 мѣс. 3 р. 50 к., на 3 мѣс. 2 р. и на 1 мѣс. 75 к., съ пересылкой по почтѣ на годъ 7 р., на 6 мѣс. 4 р., на 3 мѣс. 2 р. 50 к. и на 1 мѣс. 1 р., отдѣльный номеръ 5 к.

Подписка и объявленія принимаются у издателя

Сергѣя Іосифовича Казарова.

Издатель С. Казаровъ.

Редакторъ А. Колубейко.

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКІЙ ЛИСТОКЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ.

Газета телеграммъ, распоряженій мѣстнаго начальства, объявленій и рекламъ.

ИЗДАНІЯ XII ГОДЪ.

Въ 1896 году „Листокъ“ будетъ выходить попрежнему по воскресеньямъ обязательно, и въ случаѣ накопленія матеріаловъ и ежедневно большимъ форматомъ и въ большомъ количествѣ. „Листокъ“ будетъ раздаваться въ г. Екатеринославѣ бесплатно въ магазинахъ, гостиницахъ, конторахъ, банкахъ, на вокзалахъ жел. дорогъ, пароходныхъ пристаняхъ и проч. Кромѣ того, „Листокъ“ будетъ высылаться бесплатно въ разныя мѣста Екатеринославской, Херсонской, Полтавской, Харьковской, Таврической и Кіевской губ., въ С.-Петербургъ, Москву, Варшаву, Кавказскій, Балтійскій, Юго-западный край и за границу.

Независимо отъ бесплатной раздачи и рассылки, для желающихъ получить „Листокъ“ регулярно—подписная цѣна на годъ 3 руб., на 6 мѣс. 2 р., на 3 мѣс. 1 р. 50 коп. съ доставкой и пересылкой.

Пріемъ объявленій производится: въ г. Екатеринославѣ, въ главной конторѣ редакціи „Екатеринославскаго Листка“, Харьковская ул., д. Тавровскаго, кв. В. И. Гурияда. Объявленія изъ С.-Петербурга, Москвы, Прибалтійскаго края, Царства Польскаго и изъ-за границы принимаются исключительно въ конторѣ торговаго дома Л. и Э. Метцль и К° въ Москвѣ, Мясницкая, домъ Сытова, и въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, д. № 11.

ПОДЪ НОВОЮ РЕДАКЦІЕЙ

ВЫШЛА ПЕРВАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ КНИЖКА НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНАГО И
ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„НОВОЕ СЛОВО“.

СОДЕРЖАНИЕ: 1) „Восточный магазинъ“. Повѣсть. П. Засодимскаго. 2) „Артили для подрядныхъ и наемныхъ работъ“. В. В. 3) „Безъ особенныхъ правъ“. Повѣсть. Д. Мамина-Сибиряка. 4) „Изъ записокъ Н. В. Шелгунова“. 5) „На край свѣта“. Ив. Бунина. 6) „Загадка“. Разсказъ. Гейнца Тотога. Перев. съ нѣмецк. З. Журавской. 7) „Родина“. Стихотвореніе А. Колтоновскаго. 8) „Декадентство въ моралѣ“. А. Оболенскаго. 9) „Бесом Костраль“. Повѣсть мистрисъ Гумфри Уордъ. Пер. съ англійск. 10) „Общественныя профессіи“. Соч. Герберта Спенсера. 11) „Въ разлукѣ“. Изъ дневника. Стихотв. А. Колтоновскаго. 12) „Современная женщина“. Романъ Элли Хенвортъ Динсонъ. Пер. съ англ. В. Мосоловой. 13) „Участвіе общественнаго элемента въ управленіи правосудія“. В. Бинштона. 14) „Взыскующіе града“. Изъ наблюденій надъ русскимъ читателемъ. Н. Рубаина. 15) „Литература въ жизни и жизнь въ литературѣ“. Критическія письма. А. Скабичевскаго. 16) Новая книга. 17) Обзоръ заграничной жизни: I. Римскій и Седанскій юбилей. II. Интересы дня. III. Между журналами и газетами. В. Т. 18) Научная хроника: Астрономія. Химія. Біологія. Н. Э. 19) Обзоръ внутренней жизни. I. Письма изъ провинціи: Письмо первое—Я. Абрамова; письмо второе—изъ Чернигова; письмо третье—изъ Кіевской губерніи. Н. Н. II. Изъ юридической области. Раскольничьи браки. III. Обо всемъ (фельетонъ). Сѣдого. 20) Некрологъ Н. В. Стасовой. 21) Приложение: Исторія англійскаго народа въ его литературѣ. Соч. Ж. Мюссерама. 22) Объясненія.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Я. В. Абрамовъ, В. В., П. В. Засодимскій, Н. Н. Златовратскій, Н. А. Каблуковъ, С. Н. Кривенко, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, Г. А. Мачтетъ, Николай —онъ, Л. Е. Оболенскій, Н. А. Рубакинъ, А. М. Скабичевскій, Е. М. Станюковичъ, В. А. Тимирязевъ, А. П. Чеховъ, Щепотьевы (Е. С. и С. А.) и др.

Годовая подписка на ежемѣсячный научно-литературный и политическій журналъ (отъ 25—30 печ. лист.) Новое Слово принимается съ 1-го октября 1896 г. по 1-е октября 1896 г. Подписная цѣна съ пересылкой на годъ 10 р., безъ пересылки на годъ 9 р., на полгода 5 р., на три мѣсяца 2 р. 50 к., за границу на годъ 12 р.

Адресъ конторы редакціи: Спб., Спасская ул. (уг. Надеждинской), д. 15, кв. 1.
Отдѣленіе конторы: Спб., Невскій пр., д. 54, Библіотека Чересова.

Городская подписка принимается, кромѣ конторы редакціи и ея отдѣленія, въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, Н. П. Карбасякова, К. Риккера, Цинзерлингъ (Мелье) и въ библіотекѣ Л. Т. Рубакиной (Бол. Подъяческая, д. 24).

Лица, выписывающія изданія О. Н. Поповой черезъ контору редакціи или ея отдѣленіе, за пересылку не платятъ.

За редактора А. А. Слѣпцовъ.

Издательница О. Н. Попова.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ О. Н. ПОПОВОЙ.

Открыта подписка на пятое изданіе собранія сочиненій Н. А. Добролюбова.

Въ четырехъ томахъ съ біографією и портретомъ автора.

Изящное изданіе, дополненное письмами Н. А. Добролюбова и библіографическимъ указателемъ.

Цѣна по подпискѣ на все изданіе 6 руб. Допускается слѣдующая разсрочка: при подпискѣ вносится 2 руб., по выходѣ II и III тома по 2 руб. По выходѣ въ свѣтъ IV тома цѣна будетъ повышена. Томъ I выйдетъ въ началѣ декабря.

Подписка принимается въ конторѣ изданій, Спб., Невскій, 54, библіотека Чересова, въ конторѣ журнала Новое Слово, Спб., Спасская ул. (уг. Надеждинской), 15, кв. 1, и въ библіотекѣ А. Т. Рубакиной, Спб., Большая Подъяческая, № 24.

Иногородныхъ просятъ обращаться исключительно въ контору журнала Новое Слово.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ О. Н. ПОПОВОЙ.

Открыта подписка на общедоступное издание собранія сочиненій
Чарльза Дарвина.

Въ двухъ томахъ, съ портретомъ Ч. Дарвина.

Полные переводы, проверенные по послѣднимъ англійскимъ изданіямъ.

Томъ I. Вступительная статья проф. Н. Тимирязева. Путешестіе вокругъ свѣта на корабль «Бигль». Перев. Е. Бекетовой, подъ ред. проф. Бекетова. Происхожденіе видовъ, новый переводъ проф. Н. Тимирязева.

Томъ II. Происхожденіе человѣка и половой подборъ. Пер. проф. М. Стѣчкова.—О выраженіи ощущеній у человѣка и животныхъ.

Цѣна по подпискѣ на все изданіе 3 рубля. Допускается слѣдующая разсрочка: при подпискѣ 1 руб., при полученіи I и II тома по рублю. По выходѣ въ свѣтъ II тома цѣна будетъ повышена. Томъ I выйдетъ въ концѣ ноября.

Подписка принимается въ конторѣ изданій, Спб., Невскій, 54, бібліотека Черкесова, въ конторѣ журнала Новое Слово, Спб., Спасская ул. (уголъ Надеждинской), 15, кв. 1, и въ бібліотекѣ Л. Т. Рубакиной, Спб., Большая Подъячская, № 24.

Иногороднихъ просятъ обращаться исключительно въ контору журнала
Новое Слово.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 г.

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ

ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ И ТОРГОВУЮ ГАЗЕТУ

„ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Условія подписки съ доставкой на домъ въ Орлѣ и пересылкой въ другіе города: на годъ—7 руб., 11 мѣс.—8 руб. 50 коп., 10 мѣс.—6 руб., 9 мѣс.—5 руб. 50 коп., 8 мѣс.—5 руб., 7 мѣс.—4 руб. 50 коп., 6 мѣс.—4 руб., 5 мѣс.—3 руб. 50 коп., 4 мѣс.—3 руб., 3 мѣс.—2 руб. 40 коп., 2 мѣс.—1 руб. 70 коп., 1 мѣс.—90 коп., 1/2 мѣс.—50 коп.

Для удобства подписчиковъ подписка принимается и съ разсрочкой, съ платою не менѣе какъ въ мѣсяцъ 1 руб., до выплаты всей суммы, причемъ высылка газеты прекращается въ соотвѣтственный взносу срокъ.

Для ознакомленія—№№ газеты высылаются бесплатно.

Подписка принимается только съ 1 числа мѣсяца. За переимѣну адреса иногородніе уплачиваютъ 25 к., причемъ необходимо сообщать прежній адресъ. Копійки могутъ быть высланы марками.

Плата за объявленія: за каждую строку пята въ 35 буквъ, одинъ столбецъ, или за заглавное строкой мѣсто, позади текста, въ первый разъ уплачивается 10 к. и въ слѣдующіе разы 5 к. за строку. На первой страницѣ, впереди текста, плата вдвое дороже. За объявленія, печатаемые отъ 20 до 100 разъ, дѣляется уступка отъ 10% до 40%. За объявленія не менѣе 100—150 разъ—уступка 50%.

За разсылку при газетѣ отдѣльныхъ объявленій, каталоговъ, прейсъ-курантовъ и проч. 5 р. съ 1000 экз. или по 50 к. съ 100 экз.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 Г.

на

„ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

ГАЗЕТУ НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНУЮ и ПОЛИТИЧЕСКУЮ.

ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

„Восточное Обозрѣніе“ издается три раза въ недѣлю. Въ остальные дни выпускаются бюллетени Россійскаго Телеграфнаго Агентства.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

1) Телеграммы, помѣщаемыя въ текстѣ газеты или отдѣльными бюллетенями. 2) Отдѣлъ официальный — важнѣйшія правительственныя распоряженія. 3) Передовыя статьи, касающіяся жизни Россіи, ея областей и интересовъ населенія на восточныхъ окраинахъ, а также вопросы русской политики на Востока и за границей. 4) Обзоръ русской общественной и провинціальной жизни. Хроника событій на окраинахъ. 5) Политическія извѣстія общія и въ частности касающіяся азіатскихъ странъ. 6) Корреспонденціи изъ Европейской Россіи, Сибири, Туркестана, соседнихъ азіатскихъ государствъ. 7) Научный отдѣлъ—открытія и путешествія на Востока, свѣдѣнія по исторіи, статистикѣ и промышленности. 8) Литературное обозрѣніе—критика и библиографія, особенно сочиненій объ Азій. Извѣченія и переводы. 9) Изысканная литература. Бытовые очерки изъ жизни Востока и Сибири. Стихотворенія. 10) Фельетоны. 11) Судебная хроника. 12) Биржевой отдѣлъ—свѣдѣнія о ходѣ русской и азіатской торговли на европейскихъ и азіатскихъ рынкахъ. 13) Объявленія казенныя и частныя.

При газетѣ издаются въ видѣ ПРИЛОЖЕНІЙ періодическіе сборники, заключающіе большія литературныя и научныя статьи.

ЦѢНА ГАЗЕТЫ: въ Россіи за годъ—8 р., полгода—5 р., три мѣсяца—3 р. и за одинъ мѣс. 1 р.; за границу за годъ—11 р., полг.—6 р. 50 к., три мѣсяца—3 р. 75 к., за одинъ мѣсяць—1 р. 40 к. Газета съ приложениями за годъ: въ Россіи—10 р., за границу—14 р. За ежедневные бюллетени особо доплачивается 3 р. Объявленія по 10 коп. за строчку пята на 4-й стр. и 20 коп. на 1-й.

Адресъ: Иркутскъ, редація газеты „ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.

За издателя наследники Н. М. Ядринцева.

Редакторъ И. М. Поповъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 Г.

на

СМОЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ,

газету общественно-политическую и литературную.

(Годъ изданія девятнадцатый).

Выходитъ ЕЖЕДНЕВНО, кромѣ постъправдничныхъ дней. Въ случаѣ особой важности извѣстій, будутъ выпускаемы особыя прибавленія къ воскресному № и разсылаемы по повѣдѣльникамъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкой и пересылкой: на годъ—6 р., 6 мѣс.—3 р. 50 к., 4 мѣс.—2 р. 50 к., 3 мѣс.—2 р., 1 мѣс.—75 к. Допускается разсрочка платы: при подпискѣ 2 р., къ 1 апрѣля 2 руб. и къ 1 августа 2 руб.

Новые годовые подписчики, внесшіе подписную плату раньше 1 декабря, получаютъ газету за декабрь бесплатно. Подписка принимается только съ 1 числа каждаго мѣсяца. За перемѣну адреса 15 к., а при перемѣнѣ городскаго на иногородній 30 к. Объявленія на 1-й стр. 20 к. строка, на 4-й—10 к., абонементныя имѣютъ значительную скидку. Приложенія при газетѣ разсылаются по 10 руб. отъ 1000 экземпляровъ.

Редакторъ В. В. Гулявичъ.

Издатель В. В. Азанчевскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ НА

„Всемирная Иллюстрація“

ВОЛШОЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

1896 г.

занимает первое мѣсто среди всѣхъ иллюстрированныхъ изданій Россіи и одно изъ первыхъ мѣстъ среди иллюстрированныхъ журналовъ всей Европы.

28-й г. изд.

Ни одинъ журналъ въ Россіи не можетъ сравниться со „Всемирною Иллюстраціей“ ни по изяществу, ни по полнотѣ, ни по объему; ГРАНДИОЗНАЯ ЗАДАЧА предстоитъ „Всемирной Иллюстраціи“ въ будущемъ 1896 году и редакціей приняты уже теперь всѣ мѣры для успѣшнаго ея выполненія—роскошно иллюстрировать два великихъ историческихъ событія:

1) Священное коронованіе ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ и 2) Всероссійскую промышленно-художественную выставку въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Доведя въ настоящее время художественную часть журнала до возможной высоты, редакція сдѣлаетъ все возможное относительно улучшенія и литературнаго отдѣла, въ которомъ читатели встрѣчали и встрѣтатъ имена выдающихся нашихъ беллетристовъ и ученыхъ.

Редакція „Всемирной Иллюстраціи“, не щадя средствъ, намѣрена обработать своихъ подписчиковъ рѣдкою и дѣвною во всѣхъ отношеніяхъ **БЕЗПЛАТНОЮ ПРЕМІЕЙ**, дать: 1) Сочиненія графа Л. Н. ТОЛСТОГО изъ послѣдняго періода его дѣятельности, съ богатыми иллюстраціями лучшихъ русскихъ художниковъ, воспроизведенными со всею роскошью типографскаго искусства, отпечатанныя цвѣтными красками, будетъ заключать въ себѣ такіе шедевры какъ: „СМЕРТЬ ИВАНА ИЛЬИЧА“, „ВЛАСТЬ ТЬМЫ“ и рядъ избранныхъ рассказовъ. 2) **ОТДѢЛЬНЫЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ** со строгимъ выборомъ относительно интереса и красоты выполненія. Такимъ образомъ „Всемирная Иллюстрація“ за 1896 г. будетъ драгоценнымъ и вполне современнымъ изданіемъ для каждой русской семьи, интересъ котораго будетъ прогрессивно увеличиваться.

15 р. Подписная цѣна журнала „Всемирная Иллюстрація“ на 1896 годъ 18 р.
со ВСѢМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ и ПРЕМІЕЙ
безъ дост. съ доставкой въ С.-Петербургъ—17 руб. съ перес.

При подпискѣ безъ доставки въ МОСКВѢ, въ отдѣленіяхъ конторы: 1) въ книжномъ магазинѣ А. Ланга, Кузнецкій Мостъ, № 15, 2) въ конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи, и 3) въ книжномъ магазинѣ М. В. Клюкина, Моховая, д. Бенкендорфъ. Въ ОДЕССѢ, въ отдѣленіи конторы при редакціи журнала „Вѣстникъ Винодѣлія“ В. Е. Таирова, Каватная ул., 18.

ЦѢНА РОСКОШНОМУ ИЗДАНІЮ (на вѣленовой бумагѣ): безъ дост. 20 р., съ дост. и перес. 25 р.; въ Москвѣ безъ дост. 22 р.; за границу 30 р.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи „Всемирной Иллюстраціи“: С.-Петербургъ, Садовая, 22.

Каталогъ всѣхъ изданій фирмы „Книгоиздательство Германъ Гоппе“ высылается по требованію **бесплатно**.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ НА

ТЕХНИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ И ВѢСТНИКЪ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

7-Й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Ежемесячный журналъ открытій, изобрѣтений, усовершенствованій и вообще новостей по всѣмъ отраслямъ техники и промышленности.

Фабриканты, заводчики и техники найдутъ въ журналѣ много полезныхъ и необходимыхъ для нихъ матеріаловъ.

Задавшись цѣлью служить интересамъ фабрично-заводской техники и промышленности, редакція стремится давать въ журналѣ возможно болѣе полезнаго матеріала по всѣмъ отдѣламъ программы.

Въ программу журнала входятъ: машиностроеніе и механическое дѣло, механическая и химическая технологія, желѣзно-дорожное дѣло, архитектура, инженерное и строительное искусства, электротехника, техническое образованіе, обзоръ дѣятельности торгово-промышленныхъ учреждений и техническихъ обществъ, біографіи выдающихся дѣятелей техники и промышленности, критика и бібліографія; смѣсь: замѣтки о новостяхъ техники, практическіе совѣты, испытанные составы и т. д.; справочный отдѣлъ: отвѣты на запросы гг. подписчиковъ, торговые и статистическія свѣдѣнія, данныя о спросѣ и предложеніяхъ; правительственные распоряженія; приложения: чертежи, книги, брошюры спеціальнаго характера.

Въ предстоящемъ 1896 г. предполагено редакціей дать на страницахъ журнала возможно болѣе мѣста описанію „Всероссійской промышленной и художественной выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ“.

Журналъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Полные экземпляры журнала за 1890, 1891, 1892, 1893, 1894 и 1895 гг. по 16 руб. высылаются по первому требованію съ наложеннымъ платежомъ.

Подписавшимся среди года высылаются всѣ вышедшіе въ свѣтъ №№. Пробные №№ высылаются по первому требованію, съ наложеннымъ платежомъ, по 1 р. 50 к.

16 р. въ годъ съ перес. и дост., за полгода 9 р.

Подписка принимается: въ редакціи журнала и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Допускается разсрочка. Учащимся—скидка въ 25%.

Адресъ редакціи: Москва, Долгоруковская ул., домъ № 71.

Редакторъ-Изд. Учен. Инж.-Мех. Е. А. Казначеевъ.

Редакторы: { Инж.-Техн. А. М. Бударяевъ.
Мех.-Стр. А. И. Сюзевъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ НА

РЕМЕСЛЕННУЮ ГАЗЕТУ.

11-й годъ изданія.

РЕЖЕНЕДЪЛЬНОЕ ОБЩЕПОЛЕЗНОЕ изданіе съ рисунками въ текстѣ и съ приложеніемъ, сверхъ того, при каждомъ номерѣ двухъ листовъ исполнительныхъ чертежей и образцовыхъ рисунковъ новыхъ издѣлій, инструментовъ, станковъ, приспособленій и пр. предметовъ по различнымъ ремесламъ, а также кустарнымъ и мелкимъ фабрично-заводскимъ производствамъ, съ подробными описаніями и наставленіями, къ нимъ относящимися.

Въ „Рем. Газ.“ будутъ дамы описанія новостей Всероссийской промышленной и художественной выставки въ 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ.

„РЕМЕСЛЕННАЯ ГАЗЕТА“ необходима спеціальнымъ школамъ, технику, ремесленнику, кустарю, торговцу, сельскому хозяину, любителю ремесла и потребителямъ ремесленныхъ издѣлій, т.-е. во всякомъ семействѣ.

ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ВЫБРАТЬ или ЗАКАЗАТЬ нужный предметъ, полезно и необходимо знать, какимъ современнымъ требованіямъ онъ долженъ удовлетворять. Въ этомъ отношеніи „Ремесленная Газета“ оказываетъ необходимое содѣйствіе и потребителю, и производителю ремесленныхъ издѣлій. Въ ней постоянно помѣщаются рисунки и чертежи самыхъ модныхъ образцовъ по слѣдующимъ ремесламъ: столярному, драпировочному, портновскому (моды Русселя), сапожно-башмачному, кузнечному, слесарному, токарному и пр. При этомъ въ общепонятномъ изложеніи даются надлежащіе описанія, указанія и рецепты практическаго свойства.

Кромѣ множества разнообразнѣйшихъ чертежей и рисунковъ, въ „Ремесленной Газетѣ“ будетъ помѣщенъ рядъ описаній различныхъ ремесленныхъ производствъ, новѣйшихъ изобрѣтеній, усовершенствованій, выставокъ, музеевъ, образцовыхъ ремесленныхъ и техническихъ школъ, частныхъ промышленныхъ мастерскихъ и пр.

„РЕМЕСЛЕННАЯ ГАЗЕТА“ въ теченіе истекшихъ 10-ти лѣтъ успѣла приобрести огромный составъ читателей, не только въ виду ея характера и крайней дешевизны, но, главнымъ образомъ, вслѣдствіе того ОБИЛІЯ полезнаго и необходимаго для всякаго матеріала, который она даетъ своимъ подписчикамъ, а именно:

1) 50 №№ ВЪ ГОДЪ, содержащихъ до 1000 статей со множествомъ рисунковъ (гравюръ) въ текстѣ, и 2) сто листовъ приложеній (важнѣйшихъ премій къ „Ремесленной Газетѣ“), которыя отдѣльно стоятъ въ розничной продажѣ свыше 20 р. с. 3) Изящно иллюстрированный настѣнный календарь.

Редакція въ состояніи давать все это своимъ читателямъ лишь въ виду ихъ многочисленности и широкаго развитія своего дѣла.

Подписавшимся среди года высылаются всѣ вышедшіе №№.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ВЪ ГОДЪ 6 руб. съ пересылкой и доставкой (за полгода 4 руб.).

„Ремесленная Газета“ РЕКОМЕНДОВАНА Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія: 1) для техническихъ и ремесленныхъ училищъ—мужскихъ и женскихъ; 2) для городскихъ и сельскихъ училищъ; 3) для учительскихъ институтовъ и семинарій, а также 4) для библиотекъ реальныхъ училищъ.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: Москва, Долгоруковская ул., домъ № 71.

Редакторъ-Издатель Ученый Инженеръ-Механикъ Е. А. Казначеевъ.

VII г. изд.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 Г.

г. изд. VII.

6
р. въ год.

„РУССКІЙ ЛИСТОКЪ“

3
р. 50 к. за
6 мѣс.

Открывая подписку на 1896 годъ, „Русскій Листокъ“ начинаетъ 7-й годъ изда- ния. „Русскій Листокъ“ попрежнему считаетъ своею первою и главною задачею служеніе ПРАВОСЛАВІЮ, САМОДЕРЖАВІЮ и НАРОДНОСТИ—этими тремя не- сокрушимыми базисамъ благоденствія русскаго народа—и будетъ такъ же, какъ и прежде, служить истинно-русскимъ интересамъ.

Въ „Русскомъ Листкѣ“ есть слѣдующіе отдѣлы: Дѣйствія и распоряженія правительства; Распоряженія и назначенія по духовному вѣдомству; Фак- ты и слухи; Дневникъ происшествій и приключеній изъ жизни городовъ всего міра; Военный Листокъ; повседневныя событія московской жизни; повсе- дневныя событія петербургской жизни; Телеграммы; Желѣзнодорожный Листокъ; Театръ и музыка и Изъ міра искусствъ; День за день, Обо всемъ и По горо- дамъ и селамъ; Мелочи; Всякая всячина; Имихоходы; Пѣсни дня; По Россіи; Торгово-промышленный листокъ и По сельскому хозяйству; Разныя извѣстія; биржевыя, рыночныя и справочныя свѣдѣнія.

Ежедневно же въ фельетонахъ „Русскаго Листка“ печатаются интересныя рома- ны лучшихъ беллетристовъ, изъ которыхъ многіе уже приобрѣли неизбѣжныя симп- томъ читающей публики, а также поощаются повѣсти, рассказы, сценки и т. д. Всѣмъ годовымъ подписчикамъ будетъ разосланъ роскошно-изданный „Коронаціон- ный альбомъ“, для котораго извѣстнымъ художникамъ заказана масса снимковъ съ важнѣйшихъ моментовъ предстоящаго высокоградостнаго событія. Альбомъ въ отдѣль- ной продажѣ будетъ стоить 2 р. 50 коп. Затѣмъ—за ту же плату—„Русскій Ли- стокъ“ время отъ времени даетъ своимъ подписчикамъ художественно исполненные портреты Особъ Императорскаго Дома и выдающихся государственныхъ дѣятелей. Въ наступающемъ подписномъ году „Русскій Листокъ“ будетъ выхо- дить въ такомъ же громадномъ форматѣ и будетъ заключать въ своихъ столбцахъ тотъ же разнообразный матеріалъ, какъ и въ истекшемъ. На будущій годъ въ рас- поряженіи редакціи имѣются слѣдующіе интересные романы: В. Ривала—„Докторъ“, ром. въ 2-хъ частяхъ; Н. Аванасова—„Путемъ преступленія“; А. П. Павлова— истор. романъ „Темное дѣло“; А. Д. Апраксина—„Кражъ банка“ и ил. др.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

6 р. въ годъ, 3 р. 50 к. за 6 мѣсяцевъ, 70 к. за 1 мѣсяць. Разсрочка под- писной платы не допускается. Почтовые марки не принимаются.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: Москва, Варсонофьевскій пер., д. Половой.

1896 г. „НУВЕЛЛИСТЪ“ 57 г. изд.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ФОРТЕПИАНО

И

МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА.

Съ 1-го января 1896 года „НУВЕЛЛИСТЪ“ вступаетъ въ пятьдесятъ седьмой годъ своего существованія и будетъ выходить, какъ и прежде, аккуратно нѣрава числа каждаго мѣсяца, тетрадями большого нотнаго формата. Въ „НУВЕЛЛИСТѢ“ въ те- ченіе года будутъ помѣнены: 1) Салонныя пьесы русскихъ и иностранныхъ компози- торовъ, въ двѣ и четыре руки. 2) Новые любимыя танцы (вальсы, польки, маурки, кадрили). 3) Русскіе романсы. 4) Легкія пьески для дѣтей для фортепиано. 5) Легкія пьесы для скрипки съ фортепиано. 6) Дѣтскія пѣсенки. Годовой экземпляръ „НУ- ВЕЛЛИСТА“ составитъ обширный томъ въ 400 страницъ—до 100 музыкал. номеровъ.

Музыкально-театральная газета будетъ выходить въ продолженіе музыкаль- ныхъ сезоновъ и дастъ полный обзоръ всего примѣчательнаго въ области музыки и театра.

Редакторъ-Издатель Н. Бернарды.

ПРЕМІЯ. Каждый подписчикъ на „НУВЕЛЛИСТЪ“ получитъ бесплатно премію— ПОЛНУЮ ОПЕРУ въ двѣ руки или другое музыкальное сочиненіе по выбору изъ 80-ти номеровъ и ДВА ПОРТРЕТА выдающихся музыкальныхъ дѣятелей.

Подписная цѣна на годъ—5 р., съ пересылкой или доставкой—6 р., за грани- цы съ пересылкою—8 р. Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ главной конто: „НУВЕЛЛИСТА“ при музыкальномъ магазинѣ М. Бернарда, Большая Морская, № 1. Въ Москвѣ у П. И. Юргенсона, Неглинный, № 10.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ

НА

„САМАРСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

(изданія годъ XXII).

Въ 1896 году „Самарскій Вѣстникъ“ будетъ издаваться, какъ и въ предше- ствовавшіе годы, ежедневно, кромя дней, слѣдующихъ за табельными и двенадеся- тими праздниками, по нижеслѣдующей программѣ:

1) Дѣйствія и распоряженія правительства.
2) Телеграммы собственныхъ корреспондентовъ и „Россійскаго Телеграфнаго Агентства“.

3) Статьи по общественнымъ вопросамъ и по вопросамъ, непосредственно ка- сающимся интересовъ г. Самары, Самарской губерніи и Поволжскаго края.

4) Городскія извѣстія и сообщенія о выдающихся событіяхъ и происшествіяхъ, отчеты о засѣданіяхъ городскихъ думъ, земскихъ и другихъ общественныхъ собра- ній, судебной палаты, окружнаго суда и уѣздныхъ сѣздовъ; рефераты о засѣданіяхъ ученыхъ обществъ, отчеты о театральныхъ и друг. зрѣлищахъ. Волжская хроника.

5) Фельетоны и очерки мѣстной, поволжской и общерусской жизни; беллетри- стическія прозаическія, историческіе эскизы, стихотворенія и проч.

6) Корреспонденціи и сообщенія отъ собственныхъ корреспондентовъ изъ горо- довъ и селеній Самарской губерніи, а также изъ Петербурга, Москвы и губерній Волжско-Камскаго района.

7) Иностранная извѣстія и очерки заграничной жизни.

8) Обзорные успѣховъ науки, искусства и промышленности. Сел. ховайство.

9) Критика и библиографія.

10) Торговый отдѣлъ. Въ этомъ отдѣлѣ будутъ печататься свѣдѣнія о состояніи самарскаго и другихъ выдающихся торговыхъ русскихъ и иностранныхъ рынковъ по свѣдѣніямъ „Россійскаго Телеграфнаго Агентства“, биржевыхъ комитетовъ и соб- ственныхъ корреспондентовъ.

11) Календарныя свѣдѣнія. Указатель дѣлъ, назначаемихъ къ разбирательству въ окружномъ судѣ и уѣздномъ сѣздѣ.

12) Казенныя и частныя объявленія и рекламы.

Въ 1896 году редація „Самарскаго Вѣстника“ будетъ освѣщать и разрабаты- вать, главнымъ образомъ, мѣстные земско-экономическіе и бытовые вопросы роднаго Самарскаго края, удѣляя также на страницахъ своего органа мѣсто статьямъ обще- культурнаго характера и по общегосударственнымъ вопросамъ, насколько сіи послѣд- ніе будутъ имѣть отношеніе къ жизни провинціи и ея многоразличнымъ нуждамъ и потребностямъ.

Подписная цѣна:

Для подписчиковъ городскихъ и Самарскаго уѣзда:

за годъ 5 рублѣвъ, $\frac{1}{2}$ года 3 рубля, 1 мѣсяць 50 коп.

Для подписчиковъ иногороднихъ:

за годъ 6 руб., $\frac{1}{2}$ года 3 руб. 50 коп., 1 мѣсяць 60 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Самарѣ: 1) въ главной конторѣ редакціи, Алексѣевская улица, домъ Назарова, и 2) въ книжномъ магазинѣ В. П. Ушакова, близъ Алексѣевской площади, д. Попова (тамъ же можно получать и отдѣльные №№ газеты по 5 коп.).

Въ Сызрани: въ конторѣ типографіи Снявскаго.

„Хвалыинскѣ: при типографіи и книжной торговлѣ Н. К. Платонова.

„Челябинскѣ: у дантиста А. А. Балашовой, Уфимская ул., д. Унгвинскихъ.

„Абдулинѣ: у М. К. Марганова.

„Бугуруслаинѣ: у И. В. Серебрякова.

„Николаевскѣ: у В. И. Топкаго.

„Уфѣ: торговля Н. К. Вложина.

Редакторъ-издатель Н. К. Реутовскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на новый ежемѣсячный научно-популярный и педагогическій журналъ

„ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ И ГЕОГРАФІЯ“,

имѣющій выходить съ 1 января 1896 года.

Журналъ ставитъ себя задачей посылно удовлетворять научному интересу читателей въ области естествознанія и географіи, а также способствовать правильной постановкѣ и разработкѣ вопросовъ по преподаванію естествознанія и географіи. Въ журналѣ будутъ помѣщаемы: научно-популярныя статьи по всемъ отраслямъ естествознанія и географіи, статьи по вопросамъ преподаванія естествознанія, теоретическаго и прикладнаго (садоводство, пчеловодство и т. под.), и географіи, обзоръ русской и иностранной литературы по естествознанію и географіи, хроника, смѣсь, вопросы и отвѣты по предметамъ программы журнала, приложенія, состояща изъ научныхъ и педагогическихъ сочиненій, относящихся къ программе журнала.

Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно, за исключеніемъ двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, книжками въ 5—6 печатныхъ листовъ.

Въ журналѣ изъявили согласіе участвовать: проф. Д. Н. Анучинъ, И. Я. Акинфиевъ, П. А. Аникіевъ, А. П. Артари, В. Л. Беренштамъ, В. А. Богдановъ, Н. В. Боголюбенскій, П. Вольногорскій, В. В. Григорьевъ, М. И. Голевкинъ, М. И. Демковъ, Е. В. Жадовскій, проф. Н. Ю. Зографъ, В. П. Зыковъ, А. А. Ивановскій, проф. Н. А. Каблуконъ, проф. Н. М. Кулагинъ, Г. А. Кожевниковъ, А. Н. Корчагинъ, А. Д. Карицкій, С. П. Мечъ, В. М. Михайловскій, проф. А. М. Никольскій, Ф. М. Овсяновъ, проф. А. П. Павловъ, Н. В. Подвысоцкій, Н. И. Раевскій, А. Н. Рождественскій, Н. А. Рубакинъ, проф. В. В. Сапожниковъ, К. К. Сентъ-Илеръ, Н. В. Слюнявъ, В. Д. Соколовъ, проф. К. А. Тимирязевъ, проф. А. А. Тихомировъ, П. Р. Фрейбергъ, проф. Н. А. Холодковский, проф. В. М. Шимкевичъ, П. Ю. Шмидтъ и друг.

Подписная цѣна на годъ безъ доставки 4 р., съ доставкой и пересылкою 4 р. 50 к.; на полгода съ пересылкою и доставкой 2 р. 50 к.

Подписка принимается для иногороднихъ подписчиковъ исключительно въ главной конторѣ журнала (Москва, Большая Полянка, д. Учительскаго Института, кв. № 2); для городскихъ подписчиковъ—въ конторѣ Печковской (Петровскія лавы).

Редакторъ-издатель М. П. Варавва.

„REVUE DES REVUES“

ET

Revue d'Europe et d'Amérique

Considérablement agrandie, paraît les 1-er et les 15 de chaque mois. Elle es devenue *indispensable* à tous ceux qui veulent se tenir au courant du mouvement littéraire, artistique et scientifique du monde civilisé.

„Avec elle on sait tout, tout de suite“ (Al. Dumas fils), „car la *Revue des Revues* est extrêmement bien faite et constitue une des lectures les plus intéressantes, les plus passionnantes et les plus amusantes“ (Francisque Sargen); „rien n'est plus utile que ce résumé du mouvement de l'esprit humain“ (E. Zola); „elle a conquis une situation brillante et prépondérante parmi les grandes Revues français et étrangères“ (*Les Débats*), etc.

La *Revue des Revues* donne des articles inédits des principaux écrivains français et étrangers; les meilleurs articles des Revues du monde entier; des romans et des nouvelles; des articles richement illustrés; des caricatures politiques (les meilleurs dessins des humoristes européens); une revue des livres, des découvertes et inventions, etc., etc.

On s'abonne: chez tous les libraires, dans tous les bureaux de poste et par l'envoi d'une carte postale à la *Revue*, qui se charge de l'engaînement.

La *Revue* offre de NOMBREUSES PRIMES à ses abonnés.

France 14 francs par an, 9 francs par six mois.

Étrangers . . . 18 — — 12 — —

Rédaction et Administration: Paris, 32, rue de Verneuil.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ГАЗЕТА

„ВРАЧЪ“

посвященная всѣмъ отраслямъ клинической медицины и гигіены и всѣмъ вопросамъ врачебнаго быта, будетъ выходить и въ будущемъ 1896 году подъ тою же редакціей и по той же программѣ, какъ и въ истекающемъ году.

Статьи (въ заказныхъ письмахъ) высылаются на имя редактора Вячеслава Авксентьевича Манассеина (Петербургъ, Симбирская, д. 12, кв. 6).

Цѣна за годовое изданіе, какъ съ пересылкой въ другіе города, такъ и съ доставкой въ Петербургъ, 9 руб.; за полгода 4 р. 50 к.; за 3 мѣсяца 2 р. 25 коп. Подписка принимается у издательницы Ольги Александровны Риккеръ (Петербургъ, Невскій, 14). Къ ней же исключительно слѣдуетъ обращаться и по всѣмъ хозяйственнымъ вопросамъ вообще (относительно высылки гонорара, отдѣльныхъ отисковъ, не полученныхъ №№ и т. д.).

„НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ

(III годъ изданія).

52 №№ и 6 книгъ.

Цѣль журнала — содѣйствовать распространенію научныхъ знаній. Журналъ не принадлежитъ къ числу такъ называемыхъ „популярныхъ“; тѣмъ не менѣе, изложеніе, по возможности, отличается общедоступностью. Отдѣлы: антропология, социология, опытная психология, лингвистика, биологическія и физико-химическія науки, геология, астрономія и др. Научныя новости, дѣйствія ученыхъ обществъ. Математическій листокъ.

Въ 1895 году принимали участіе, между прочимъ, слѣдующіе авторы:

Магистръ зоол. В. А. Вагнеръ, секр. моск. общ. люб. естеств. Г. А. Кожевниковъ, проф. Н. Кузнецовъ, проф. Неаполитанск. унив. Фр. Нитти, проф. А. Трачевскій, проф. В. М. Шимкевичъ, П. Ю. Шмидтъ (Спб. зоол. каб.), лаборантъ А. Филипповъ (лаб. Спб. унив.), Ф. Харитоновъ (членъ московск. психол. общества), проф. Н. Холодковский и друг.

Въ 1896 году въ числѣ приложеній будутъ даны соч. Дарвина: „Происхожденіе человѣка и половой подборъ“ (Путеш. на кораблѣ *Бигль*, Автобіографія) и „Выраженіе ощущеній“; „Теорія эрвія“ (популярн. лекція) Гельмгольца и „Палеонтологія“ Годри.

Условія подписки: на годъ семь руб. съ перес. и доставкой, на полгода четыре руб., четверть года два руб. Адресъ редакціи и главной конторы: С.-Петербургъ, Надеждинская, 48 (Манежный, 7), кв. 15.

Ред.-взд. д-ръ философія М. Филипповъ.

М. М. Филипповъ: ФИЛОСОФІЯ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ.

Изъ оглавленія: Изъ I части. Метафизика и наука. Древность. Средніе вѣка. Новое время. Ламаркъ. Преформисты и эпитгенетики. Бэръ. Палеонтологія. Дарвинизмъ. Витализмъ. Рефлексъ, инстинктъ, разумъ. Соціальная эволюція. Семья и собственность. Прогрессъ умственный и нравственный. Экономическій матеріализмъ. О субъективномъ методѣ. Развѣтленіе личности и учрежденій. Изъ II части. Вещество и сила. Критика матеріализма. Превращеніе энергіи. Энтропія. Начало наименьшаго дѣйствія. Изъ III части. Границы познанія. Позитивизмъ, агностицизмъ, критицизмъ.

Подписная цѣна (большой томъ, роскошное изданіе въ 700 стр. съ рис. и табл.) пять руб. (съ перес. шесть р.). По выходѣ въ свѣтъ цѣна будетъ увеличена. I-й вып. вышелъ. Всего 4 выпуска.

Подписчики по желанію пользуются разсрочкой: при подпискѣ три руб., затѣмъ по выходѣ второго выпуска еще три рубля (съ пересылкой).

Книгопродавцамъ, доставляющимъ подписку, уступка 30 коп., причѣмъ пересылку, доставку и отвѣтственность передъ подписчиками редакція принимаетъ на себя. Въ случаѣ же, если инородный книжный магазинъ подписывается на свое имя, уступка магазину 25% съ подписной цѣны. Пересылка—на счетъ заказчика.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

XII годъ
изданія.XII годъ
изданія.

на 1896 годъ

НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ПУТЕШЕСТВІЙ И ПРИКЛЮЧЕНІЙ НА СУШѢ
И НА МОРѢ

„ВОКРУГЪ СВѢТА“.

ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

еженедѣльн. иллюстриров.
№№, заключающихъ въ се-
бѣ болѣе 3000 столбцовъ
интереснѣйшаго текста и
до 500 рис. лучш. русск. и
инострани. художниковъ.

50

БЕЗПЛАТНО

12

ТОМОВЪ еженѣсяч-
ныхъ, ил-
люстрированныхъ лучшими
заграничными художника-
ми, заключающихъ въ себѣ
вторую половинуПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ
МАЙНЪ-РИДА.

Въ 1896 году будутъ выданы слѣдующіе 14 романовъ этого писателя:

- 1) Ползуны по скалямъ.
- 2) Стрѣлки въ Мексикѣ.
- 3) Вождь гверильсовъ.
- 4) Островъ Борнео.
- 5) Жилище въ пустынь.

- 6) Молодые невольники.
- 7) Огненная Земля.
- 8) Приключенія юнги Вильяма.
- 9) Охотники за раотнямии.
- 10) Ямайскіе марроны.

- 11) Золотой браслетъ.
- 12) Мальчики на сѣверѣ.
- 13) Дѣти льсовъ.
- 14) Молодые путеше-
ственники.

Первая половина собранія сочиненій Майнъ-Рида выдана подписчикамъ въ 1895 году.

Кромѣ того годов. под-
писчики при доплатѣ
одного рубля получаютъ

2 РОСКОШНЫЯ ПРЕМІИ,

состоящія изъ двухъ
большихъ художествен.
картинъ (олеографій).Картины, размѣромъ каждая 20 $\frac{1}{4}$ вершковъ въ длину и 13 $\frac{1}{2}$ вершковъ въ ширину,
исполнены въ артистическомъ заведеніи братьевъ Кауфманъ въ Берлинѣ.

1) ВХОДЪ ВЪ БОСФОРЪ

ВЪ СОЛНЕЧНЫЙ ЮЖНЫЙ ДЕНЬ.

Съ картины профессора Лагоріо.

2) ЦАРИЦЫНЪ ПАВИЛЬОНЪ

ВЪ ПЕТЕРГГОФѢ
ПРИ ЛУННОМЪ ОСВѢЩЕНІИ.

Съ картины художника Кондратенко.

Оригиналы этихъ картинъ приобретены
спеціально для преміи 1896 года.ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ
изданіе съ приложеніемъ ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЫ собранія сочиненій
МАЙНЪ-РИДА,

съ доставкою и пересылкою

съ двумя картинами 5 руб.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА:

при подпискѣ 2 руб., къ 1-му апрѣлю и
къ 1-му іюля по 1 руб.

4 р.

Подписчики, желающіе получить, кромѣ журнала „Вокругъ Свѣта“ съ приложеніями за
1896 г., еще ПЕРВУЮ ПОЛОВИНУ сочиненій МАЙНЪ-РИДА, выдан-
ную подписчикамъ въ 1895 году, состоящую изъ 12 томовъ, заключающихъ въ себѣ
слѣдующіе романы:

- 1) Затерявшаяся гора.
- 2) Островъ дѣвова.
- 3) Квартиренка.
- 4) Переселенцы Трансваалѣ.

- 5) Всядникъ безъ головы.
- 6) Водяная пустыня.
- 7) Пропавшая свѣтра.
- 8) Морокой волкъ.

- 9) Охотники за черепами.
- 10) Дочери скваттера.
- 11) Прогулка боеровъ.
- 12) Охотники за жирафами.

доплачиваютъ къ подписной цѣнѣ съ доставкою и пересылкою

2 р.

Адресъ: Москва, Валовая улица, домъ Т-ва И. Д. Сытина, въ редакцію
журнала „ВОКРУГЪ СВѢТА“.

Журналъ издается Высочайше утвержд. Т-вомъ И. Д. Сытина.

Девятый годъ изданія.

Открыта подписка на 1896 годъ
 НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ
ВѢСТНИКЪ
РУССКАГО СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА.

(52 НОМЕРА ВЪ ГОДЪ).

Редакція даетъ *бесплатныя приложения*: альбомы и сѣмена. Въ жур-
 налѣ помѣщаются, по мѣрѣ надобности, рисунки и чертежи и даются *без-*
платно отвѣты на вопросы сельскихъ хозяевъ.

Сотрудники журнала: *русскіе сельскіе хозяева-практики, профессора и*
специалисты по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства.

Бесплатное приложение къ „Вѣстнику“ на 1896 годъ:

АЛЬБОМЪ ДОРОГОВУЖСКАГО СКОТА

разошлетсѣ всѣмъ подписчикамъ въ январѣ 1896 года, которые внесли
 полную годовую плату за журналъ на 1896 г. (шесть рублей). Этотъ аль-
 бомъ состоитъ изъ 10 художественно выполненныхъ фототипій.

Въ 1895 году редакція дала подписчикамъ, какъ бесплатное приложение,
 „Альбомъ ярославскаго скота“, состоящій изъ 10 художественно выпол-
 ненныхъ фототипій.

Программа журнала: Статьи по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства. — Корреспонден-
 ція. — Хроника. — Библиографія. — Вопросы и отвѣты. — Торговныя извѣстія. — Объявленія.

Журналъ выходитъ еженедѣльно по субботамъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	съ пересыл.	безъ пересыл.
На годъ, съ 1-го января	6 руб.	5 руб.
На полгода	3 „	3 „

На годъ съ пересылкой за границу 7 рублей. Отдѣльный номеръ 20 коп., а съ
 заказною пересылкой 30 коп. Цѣна полного экземпляра „Вѣстника“ за 1895 годъ,
 выстъ съ „Альбомомъ“, 6 рублей, за 1891—1894 годы по 3 рубля, а за 1890 и
 1889 годы по 4 рубля за каждый годъ, съ пересылкой.

Адресъ редакціи: *Москва, Леонтьевскій пер., домъ Варюхинскій.*

Подписка принимается и во всѣхъ известныхъ книжныхъ магазинахъ.

За печатаніе объявленій платится за строку мелкаго шрифта по 10 коп. за
 каждый разъ (длина строки = $2\frac{1}{4}$ верш.). За пересылку при журналѣ прейсъ-
 куратовъ, каталоговъ, объявленій, взимается 80 к. отъ каждой сотни экземпляровъ,
 вѣсомъ не тяжелѣе 1 лота экземпляръ; за каждый добавочный лоть 40 к., съ сотни
 экземпляровъ. За переимѣну адреса городского на иигородскій или обратно пла-
 тится 1 рубль, если переимѣна охѣлана въ первой половинѣ года, и 60 коп.—во вто-
 рой половинѣ; за переимѣну городского на городскій и иигородскаго на иигород-
 скій—20 коп. Статьи, присылаемыя для помѣщенія въ журналъ, могутъ быть сокра-
 щаемы. Статьи, доставленныя безъ всякихъ условій относительно вознагражденія за
 нихъ, считаются бесплатными. О новыхъ книгахъ по сельскому хозяйству, присы-
 лаемыхъ въ редакцію, печатаются бесплатныя объявленія или помѣщаются рецензіи.

Редакторъ-издатель *И. П. Петровъ.*

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ Н. ФЕНУ И К^о

(С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій пр., 40)

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ, МЕЖДУ ПРОЧИМЪ, СЛѢДУЮЩІЯ НОВЫЯ КНИГИ:

- Архиреевъ, А.** Сборникъ систематическихъ устныхъ и письменныхъ диктантовъ для начального обученія русскому правописанію. Изд. 2-е. Спб. Ц. 25 к.
- Анненковъ, К.** Система русскаго гражданскаго права. Т. II. Права вещныя. Спб., 1895 г. Ц. 4 р.
- Беркевичъ, Л. Ѳ.** Коммерческая ариметика. Изд. 2-е. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Блекки, Дж. Стартъ.** Самовоспитаніе умственное, физическое и нравственное. Спб., 1896 г. Ц. 50 к.
- Бодль.** Вліяніе женщинъ на успѣхи знанія. Изд. 2-е. Спб., 1896 г. Ц. 25 к.
- Въ доброй часъ.** Сборникъ въ пользу общества вспомошествованія коломенской женской гимназіи. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Ворожковъ, С.** Домашняя сушка плодовъ и овощей и домашнее приготовленіе вѣкоторыхъ консервовъ. Съ 9 рисунками. Спб., 1895 г. Ц. 15 к.
- Вортманъ, Ю.** Примѣненіе и дѣйствіе чистыхъ дрожжей въ винодѣліи. Съ 9 рис. Спб., 1896 г. Ц. 50 к.
- Годжевскій, С. Ѳ.** Ренанъ, какъ человѣкъ и писатель. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Давидовскій, А. Ш.** Гамлетъ, принцъ Датскій. Трагедія въ 5 дѣйствійхъ. Ревель, 1894 г. Ц. 75 к.
- Д. М.** Справочная книжка по гальванопластицѣ съ указаніемъ химическихъ веществъ, входящихъ въ нее, ихъ свойствъ, приготовленія, употребленія и испытанія. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.
- Джекель, Чарльзъ.** Сочин. Т. IX. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Длусскій, К. М.** Цвѣтокъ олеандра. Рисунки В. Навозова. Спб., 1895 года. Ц. 1 р. 25 к.
- Заксъ, Гансъ.** Башмачникъ - поэтъ 1894—1894 гг. Харьковъ, 1895 г. Ц. 25 к.
- Каразинъ, Н. Н.** Мои сказки. Съ иллюстраціями автора. Спб., 1895 г. Ц. 4 р. 50 к.
- Карѣвъ, Н.** Мысли о сущности общественной дѣятельности. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.
- Е. З.** Сборникъ задачъ, предлагавшихся на конкурсныхъ экзаменахъ по алгебрѣ, геометріи и тригонометріи. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
- Красильниковъ, Н.** Императоръ Наполеонъ
- I. Его молодость. 1769—1793 гг. Историческій очеркъ. Спб., 1896 г. Ц. 15 к.
- Корженскій, А.** Черныя розы. Стихотворенія 1893—1895 гг. Спб., 1896 г. Ц. 1 р.
- Лебединскій, П. А.** „Іоаннъ Креститель“. Стихотворное повѣствованіе. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Левенфельдъ, Р. Гр. Л. Н. Толстой,** его жизнь, провведенія и міросозерданіе. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Летурно, Шарль.** Литературное развитіе различныхъ племенъ и народовъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Луидъ, Р.** Ускоренная вывѣдка верховой лошади. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
- Милль, Дж. Стартъ.** О подчиненіи женщины. Спб., 1896 г. Ц. 60 к.
- Розовое дождю.** Тайны двухъ клубовъ. Романъ. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
- Сверскій, А. И.** По тюръмамъ и вертепамъ. Очерки. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Субсъ, А.** Французскій критикъ русской музыки. Минскъ, 1895 г. Ц. 50 к.
- Терзаевъ, Красковъ и Славяноскій.** Кровь растерзаннаго сердца. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Частливныя и тяжелыя минуты** крейсера „Воевода“. Спб., 1895 г. Ц. 70 к.
- Сѣдой, А.** (псевдонимъ). Святочные рассказы. Изд. 2-е. Спб., 1896 г. Ц. 50 к.
- Травченко, Е. М.** Ирраціональныя числа и дѣна окружности. Спб., 1895 г. Ц. 60 к.
- Утевъ, Е. И.** Изъ литературы и жизни. Т. II. Спб., 1896 г. Ц. 3 р.
- Фюстель де-Куланжъ.** Древняя гражданская община. М., 1895 г. Ц. 2 р.
- Хинманъ, А.** Монеты всѣхъ странъ въ образцахъ и условія ихъ обращенія. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
- Чезовъ, А.** Химическій словарь фотографа. Изд. 2-е. Спб., 1896 г. Ц. 40 к.
- Штевенъ, А. А.** Изъ записокъ сельской учительницы. Спб., 1895 г. Ц. 75 к.
- Шрейдеръ, Д. И.** Японія и японцы. Съ 145 рис. Спб., 1895 г. Ц. 4 р.
- Шапиръ, Ольга.** Записки мужа. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Шекспиръ въ переводѣ и объясненіи** А. Соколоваго. Т. 4-й. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Пересылка—по вѣсу и разстоянію. Частнымъ лицамъ—съ на-
женнымъ платежомъ.

ХII годъ изданія.

Открыта подписка на 1896 годъ

на издающуюся въ городѣ Ставрополь-Кавказскомъ общественно-литературную газету

„СЪВЕРНЫЙ КАВКАЗЪ“

выходящую два раза въ недѣлю и посвященную выясненію нуждъ края, названіе котораго газета носить.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ доставки и пересылки:		}	Съ доставкой и пересылкой:	
	Р. К.			Р. К.
На годъ	4 50		На годъ	5 50
» полгода	2 50		» полгода	3 —
» 3 мѣсяца	1 50		» 3 мѣсяца	1 75

Суммы менѣе рубля можно высылать почтовыми марками.

Допускается разсрочка платежа—по соглашенію съ редакціей.

Адресъ: Ставрополь-Кавказскій, редакціи *Съвернаго Кавказа*.

XXXI.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

XXXI.

„АСТРАХАНСКІЙ ЛИСТОВЪ“

ВЪ 1896 ГОДУ

БУДЕТЬ ИЗДАВАТЬСЯ ВЪ ТОМЪ ЖЕ

БОЛЬШОМЪ ФОРМАТѢ

и съ тѣми же рубриками.

Редакція стремится доставить читателямъ: своевременныя, точныя и разнообразныя какъ общія, такъ и мѣстныя краевыя извѣстія; отклики на текущія событія; свѣдѣнія изъ судебныхъ и административныхъ сферъ; постоянный фельетонъ общественной жизни гор. Астрахани, Астраханской губерніи и всего Волго-Каспійскаго района; обзоры жизни городовъ: Царицына, Камышина, Саратова, Самары, Казани, Симбирска, Нижняго, Баку, Тифлиса и друг.; оригинальная и переводная беллетристика; новости наукъ и искусствъ; новости судоходства; астраханскія свѣдѣнія торгово-промышленнаго характера, смѣсь и проч.

Редакторы-издатели: { *Н. И. Росляковъ.*
В. И. Скабинскій.

Подписная цѣна съ пересылкой:

На годъ 7 р. 50 к., на полгода 5 р., на 3 мѣс. 3 р. 25 к., на 1 мѣс. 1 р. 25 коп.

Подписка принимается: въ Астрахани, въ конторѣ редакціи „Листка“, и въ Прикаспійскомъ магазинѣ, по Экопланадной улицѣ, домъ Сергѣевыхъ.

Еженедѣльный иллюстр. популярно-научный журналъ

ПРИРОДА

ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ И ПУТЕШЕСТВІЙ.

Издается съ 1889 г.—Изданія годъ VII.

Подписной годъ начинается съ 1 ноября

№ 1-й выйдетъ 2 ноября 1895 г.

Содержаніе: Жизнь и дѣятельность Т. Эдиссона. (Биограф. разск. съ рис.).—Затрагиваніе льдовъ. Ром. Н. Соколова.—Метаморфозы земли. Камилла Фламмаріона.—Русскія колоніи въ Турціи. † Д-ра А. В. Емисева.—Исторія луны. I. Т.—Со всѣхъ концовъ свѣта.—Изъ области естествознанія.—Изъ обл. техники. *Примоченіе:* „Исторія чудеснаго въ новѣйшее время“. Л. Фигье. Пер. съ франц. М. Голуцова.

И ЛЮДИ

Журналъ „Природа и Люди“ знакомитъ читателей, въ живомъ и занимательномъ изложеніи, съ чудесами природы и подвигами человѣческаго ума въ различныхъ отрасляхъ науки и промышленности; сообщаетъ, въ общедоступной формѣ, точныя свѣдѣнія о всѣхъ замѣчательныхъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ; раскрываетъ прошлое человечества и рисуетъ картины будущаго прогресса людей; наконецъ, служитъ общепонятнымъ истолкователемъ современной жизни.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
5 РУБ. съ доставк. и пересылк.
во всѣ города Россіи.
Безъ доставк. 4 руб. за
границу 8 руб.

Годовые подписчики въ теченіе 1896 года получаютъ:

52 ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫХЪ №№ Каждый номеръ, въ размѣрѣ 2 листовъ большого формата (16 страницъ плотной печати), заключаетъ въ себѣ 6—8 большихъ статей, не исключая мелкихъ, и 8—12 худож. рис.

12 ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ КНИГЪ, взящю отпечатанныхъ на глазированной бумагѣ, съ иллюстраціями, объемомъ каждая отъ 160 до 200 страницъ убористой печати.

Какъ по содержанію, такъ и по иллюстраціямъ журнала „ПРИРОДА и ЛЮДИ“—единственное изданіе въ русской печати, и цѣнность одного приложенія превышаетъ подписную цѣну на журналъ „ПРИРОДА и ЛЮДИ“, такъ что только при большомъ количествѣ подписчиковъ редакція имѣетъ возможность дать бесплатно столь цѣнное приложеніе, которое выходитъ подъ общимъ названіемъ

„ПОЛЕЗНАЯ БИБЛИОТЕКА“

и въ наступающемъ году будетъ состоять изъ слѣдующихъ популярныхъ сочиненій:

1. Амурь. По источник. обработ. Ф. Волгинъ (со многими худож. иллюстр.).	7. Исторія чудеснаго въ новѣйшее время. Л. Фигье. Пер. съ фр. М. Голуцова.
2 и 3. Вокругъ свѣта на велосипедѣ.—Т. Стивенса. Перев. съ англійскаго.	8. Карлики и великаны. Э. Гарнье.
4. Гигіена популярная. По Эрисману, Доброславину и друг. Сост. Э. Сергѣевъ.	9. Дѣмон Вулъ и его колоніи. Максъ о Реяля. (Путевые очерки и неброс.).
5 и 6. Жизнь въ морѣ. Проф. К. Келлера. Перев. съ нѣмца. подъ редакц. проф. А. М. Никольскаго (съ 200 роскошн. иллюстрацій).	10. Міры дѣйствительныя и воображаемыя. Камилла Фламмаріона.
	11. Пѣвчія птицы. И. Святскаго (съ рис.).
	12. Южный полюсъ. Де Фовиелья. Пер. съ франц. (со мног. худож. иллюстр.).

Издатель П. Сойкинъ.—Редакторъ С. Груздевъ.

== КОНТОРА И РЕДАКЦІЯ ЖУРНАЛА ==
С.-Петербургъ, Стремянная, № 12, собств. д. **ПРИРОДА и ЛЮДИ**

Разсрочка допускается не иначе, какъ при подпискѣ 8 р. и къ 1 мая остальные. Для г. служащихъ какъ въ казенныхъ, такъ и въ частныхъ учрежденіяхъ допускается разсрочка за ручательствомъ гг. назначенныхъ и управляющихъ. За 1889—1890 г. журналъ весь разошелся; за 1891, 1892, 1893, 1894 и 1895 гг. остались въ небольшомъ колич. экзempl., цѣна которыхъ въ брошюр. видѣ со всѣми прилон. 4 р. за каждый годъ, а въ роскошномъ переплетѣ 5 р. Перес. за 10 фун. по вѣсу и расстоянію.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ

на издающуюся въ Ростовѣ-на-Дону ежедневную политическую, литературную и экономическую газету

„ПРИАЗОВСКІЙ КРАЙ“.

VI годъ изданія.

Газета выходитъ по программѣ, раздѣленной на отдѣлы:

- I. Правительствен. распоряженія. II. Телеграммы Россійскаго Телеграфнаго Агентства и собственныхъ корреспондентовъ. III. Специальныя телеграммы, курсовыя и фондовыя с.-петербургской биржи. IV. Переходныя статьи по внутреннимъ вопросамъ. V. Политическое обозрѣніе. VI. Иностранныя извѣстія. Заграничная жизнь. VII. О чемъ пишутъ. VIII. Злобы дня. IX. Летучіе листы. X. Сказки жизни. XI. Маленькій фельетонъ. XII. Хроника общаѣ, жѣстная и изъ отдѣлений редакціи. XIII. Изъ залы суда. XIV. Корреспонденціи. XV. По Россіи. XVI. Смѣсь. XVII. Фельетонъ литературный, научный, беллетристическій и др. XVIII. Театръ и музыка. XIX. Наука и литература. XX. Библіографія. XXI. Торговыя свѣдѣнія. Баржа. XXII. Справочный отдѣлъ. XXIII. Объявленія и рекламы.

Въ Приазовскомъ Краѣ помѣщаются портреты и рисунки, имѣющіе отношеніе къ текущимъ выдающимся событіямъ.

Условія подписки по Россіи:

Безъ доставки (въ городѣ):		↑ ↑ ↑ ↓ ↓ ↓	Съ доставкой и пересылкой (городск. и иногор.).	
На годъ	8 р. — к.		На годъ	9 р. — к.
„ 6 мѣсяцевъ	4 „ 50 „	„ 6 мѣсяцевъ	5 „ — „	
„ 5 „	3 „ 75 „	„ 5 „	4 „ 25 „	
„ 4 „	3 „ — „	„ 4 „	3 „ 50 „	
„ 3 „	2 „ 25 „	„ 3 „	2 „ 75 „	
„ 2 „	1 „ 50 „	„ 2 „	2 „ — „	
„ 1 „	— „ 80 „	„ 1 „	1 „ — „	

За пересылку газеты за границу взимается, сверхъ подписной цѣны, 60 коп. въ мѣсяцъ. За перемѣну адреса платится 50 коп.

Подписка принимается исключительно съ каждаго 1-го числа:

Разсрочка подписной платы допускается только для лицъ, подписавшихся съ 1-го января на годъ, на слѣдующихъ условіяхъ: 1) полугодичная—при подпискѣ 5 р. и въ 1-му юля 4 р. и 2) въ три срока—при подпискѣ 4 р., въ 1-му мая 3 р. и въ 1-му сентября 2 р.

Въ предупрежденіе задержки въ высылкѣ первыхъ номеровъ „Приазовскаго Края“ въ будущемъ году, въ виду затрудненія при печатаніи многихъ адресовъ, тщательной ихъ проверкѣ и группировкѣ, контора редакціи проситъ **ПОДПИСЫВАТЬСЯ ЗАБЛАГОВРЕМЕННО.**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

въ Ростовѣ-на-Дону—въ главной конторѣ газеты Приазовскій Край и

въ ОТДѢЛЕНІЯХЪ КОНТОРЫ: Въ Таганрогѣ — у П. Ф. Каменева, типографія Рази, въ Новочеркаскѣ—у Н. В. Туркина, Комитетская улица, въ Екатеринодарѣ—въ Кубанской книжной торговлѣ П. Ф. Галаджанца, въ Мариуполѣ — у М. Н. Фалькевича, въ Александровскѣ-Грушевскомъ — у С. И. Розенштейна, въ Ейскѣ — у К. Л. Петрова, въ Новороссійскѣ—у Э. Маринаки, писчебумажный магазинъ, въ Ставрополѣ (Кавк.)—у Я. В. Абрамова, въ ст. Каменской—у Э. Розена, аптекарскій магазинъ, въ ст. Константиновской Об. В. Д.—у П. В. Сидорова, въ Азовѣ—у В. П. Зохотарева.

Редакторъ-издатель **С. Х. Арутюновъ.**

Образовательныя игры, учебныя пособія и полезныя занятія для дѣтей въ дешевыхъ изданіяхъ Вл. А. Попова.

Въ книжномъ магазинѣ журнала „Русская Мысль“ (Москва, уголъ Б. Никитской и Леонтьевского пер., д. № 2—24) и въ другихъ книжныхъ магазинахъ поступили въ продажу новыя изданія:

СКЛАДНАЯ КАРТА ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ (пособіе при изученіи географіи и для самообразованія). Ц. 60 к., перес. 15 к.

ПОДВИЖНЫЯ ЖИВОТНЫЯ. (Для вырѣзыванія, склеиванія и разстановки; игра-пособіе для ознакомленія дѣтей съ царствомъ животныхъ). Два выпуска. Ц. каждому, заключающему въ себѣ по 4 таблицы съ 11-ю экз. животныхъ, 45 к., перес. одного 10 к., двухъ 15 к.

РИСОВАНИЕ ПО ТРАФАРЕТАМЪ. Цвѣты (шесть картонныхъ шаблоновъ различныхъ цвѣтовъ). Животныя (шесть шабл. различн. животныхъ). Цѣна каждому конверту 35 к., перес. одного или двухъ—10 к.

АЗБУКИ: „Русская подвижная азбука для школы“. Цѣна 35 к., пересылка за 1 фунтъ по разстоянію.—„Русская подвижная азбука“. Ц. 15 к., перес. за 1 фунтъ по разстоянію.—„Русская азбука на кубикахъ“. Цѣна 50 коп., перес. за 2 фунта по разстоянію.

Гг. иногородніе обращаются съ требованіями исключительно въ главный складъ изданій: **МОСКВА, ЗНАМЕНКА, д. НАВРОДСКИХЪ.**

Изданія высылаются съ наложеннымъ платежомъ по первому требованію.

Черезъ складъ изданій Вл. А. Попова можно выписывать учебныя пособія, изданія другими фирмами, а также всякаго рода книги, въ томъ числѣ учебники и книги для дѣтскаго чтенія.

Каталогъ образовательныхъ игръ и занятій высылается бесплатно.

1896. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА** 1896.
XII годъ. **НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ** XII годъ.

„СИБИРСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Годъ 9 р., ½ года 4 р. 50 к., 3 мѣс. 2 р. 25 к., 1 мѣс. 75 к.

Подписка принимается въ Томскѣ, въ конторѣ редакціи «Сибирскаго Вѣстника».

Объявленія изъ Европейской Россіи и изъ-за границы для «Сибирскаго Вѣстника» принимаются въ конторѣ Метцль и № въ Москвѣ, Мясницкая д. Спиридонова, и въ Петербургѣ: Б. Морская, № 11.

